Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1886

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

Годовыя изданія РУССКАГО АРХИВА 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 годовъ со всѣми приложеніями получать можно по **7** рублей съ пересылкою. 1881 годъ, съ большимъ портретомъ Екатерины Великой и двумя книгами „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, продается по **8** рублей. Русскій Архивъ 1884 и 1885 годовъ по **9** рублей за каждый, съ пересылкою.

Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

Книги изданныя при Русскомъ Архивѣ:

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ПАВЛА ХРИСТОФОРОВИЧА ГРАББЕ. М. 1873. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ. Записки М. А. Дмитріева. М. 1869. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

FERDINAND CHRISTIN ET LA PRINCESSE TOURKESTANOW. Correspondance historique 1813—1819. Три тома этой исторической переписки продаются по 5 рубл. съ перес.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886.

1.

Въ 1886 году „Русскій Архивъ“ выходитъ 12 разъ въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу, съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

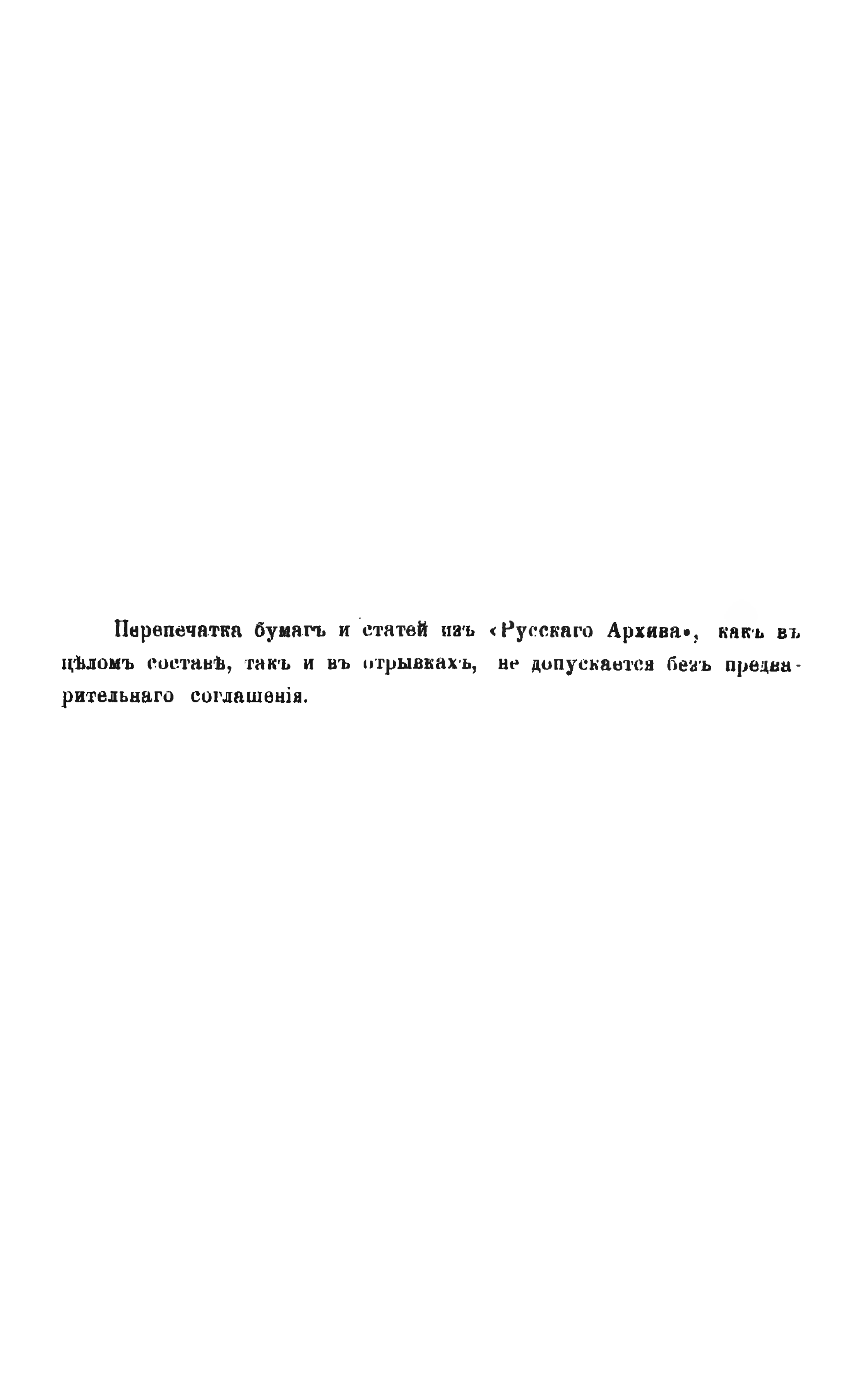
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

1886.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.



ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА.

1813 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ *).

Со времени выступленія въ Богемію, послѣ перемирія, до выступленія въ походъ во Францію изъ Франкфурта на Майнѣ.

ТРЕТІЯ КАМПАНІЯ.

Перемиріе кончилось въ началѣ Августа. Оно продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ, въ которое время, какъ Французы, такъ и мы усиливались вновь прибывавшими людьми, такъ что полки наши были комплектны къ выступленію въ походъ. Корпуса были сильные. Въ одномъ корпусѣ Витгенштейна имѣлось болѣе 30.000 пѣхоты. Онъ составлялъ авангардъ главной дѣйствующей арміи, коею командованіе Государь ввѣрилъ Барклаю-де-Толли. Прочіе корпуса соотвѣтствовали сему силою. Гвардейскіе полки были въ отличномъ видѣ, конница отъѣлась и поправилась; словомъ, у насъ явилась новая армія, укомплектованная изъ Варшавы баталіонами и эскадронами, которые формировали Лобановъ и Жандръ, бывшій адъютантъ Великаго Князя.

Прусаки также времени не теряли и укомплектовали разбитые полки свои. Они устроили по примѣру нашему множество ополченія (Landwehr), которое не уступало ни въ чемъ регулярному войску. Они сформировали еще нѣсколько полковъ изъ охотниковъ, людей достаточныхъ, но вступившихъ въ службу рядовыми изъ любви къ отечеству, ибо въ то время царствовалъ въ Пруссіи удивительный духъ во всѣхъ сословіяхъ. Студенты, ремесленники опредѣлялись въ службу. Ополченія Прусскія были одѣты на подобіе Русскихъ, въ синихъ полукафтаньяхъ, а на фуражкахъ имѣли мѣдные кресты съ надписью:

---

*) Первыя три части напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1885 года. П. Б.

Für König und Vaterland. Кромѣ того, составили въ Пруссіи поголовное ополченіе подъ названіемъ Landsturm, которое состояло изъ всѣхъ оставшихся неспособныхъ и старыхъ людей (ибо никого болѣе въ деревняхъ не оставалось). Ихъ вооружили пиками; они не были обмундированы, не знали никакой службы и не выходили никогда изъ своихъ селеній. Пруссія, вооружившись такимъ образомъ, могла выставить безъ ландштурма въ поле до 300.000 славнаго войска; пѣхота ихъ была въ особенности хороша. Такія силы были конечно несоразмѣрны народонаселенію королевства, но это было послѣднее усиліе Пруссіи, послѣ котораго она бы болѣе не возстала, еслибъ война имѣла несчастливый исходъ.

Съ нашей стороны выступали изъ отдаленныхъ губерній безчисленныя ополченія, которыхъ однакоже едва-ли половина перешла за границу и четвертая доля возвратилась; причиною тому былъ дурной присмотръ, который у насъ обыкновенно имѣютъ за людьми: они во множествѣ болѣли и умирали. Другая причина сихъ болѣзней была та, что ополченія проходили черезъ губерніи, гдѣ погибла Французская армія и гдѣ она оставила заразу, опустошившую страну.

Наполеонъ тоже усиливался. Къ концу перемирія у него была многочисленная армія; но главныя силы его состояли изъ пѣхоты, а мы всегда имѣли надъ нимъ преимущество конницы, преимущество, которымъ однако мы не умѣли пользоваться.

Во время перемирія, обѣ стороны изощряли дипломатическое искусство для склоненія Австріи на свою сторону, что̀ давало большой перевѣсъ: ибо Австрія, пользуясь своимъ нейтралитетомъ, собрала также значительныя силы, съ которыми она была готова пристать къ побѣдителямъ. Австрійская армія стояла въ Богеміи. Во время перемирія дипломаты наши ѣздили въ Прагу подъ предлогомъ лѣченія на теплыхъ водахъ Теплицкихъ, пользуясь тѣмъ для переговоровъ съ Австрійскимъ дворомъ, который мы успѣли склонить къ союзу. И мы двинулись съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы Богеміи, для соединенія съ Цесарскою арміею. Главная квартира Наполеона и главныя силы его находились въ Дрезденѣ, гдѣ онъ укрѣпился.

Общій главнокомандующій или генералиссимусъ у союзниковъ былъ Австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ. Такое снисхожденіе Государь согласился сдѣлать Цесарцамъ для удержанія съ ними союза. Шварценбергъ былъ родомъ Чехъ или Богемецъ, высокаго роста, толстый, гордый, лично храбрый, но, какъ говорятъ и какъ послѣдовавшія военныя дѣйствія сіе доказали, человѣка безъ военныхъ дарованій, нераспорядительный и нерѣшительный. Онъ не обладалъ тѣми качествами, которыя должны ознаменовывать хорошаго полководца.

Планъ кампаніи у насъ былъ слѣдующій:

Прусскій главнокомандующій Блюхеръ долженъ былъ съ арміею, состоявшею изъ Прусаковъ и Русскихъ, идти чрезъ Саксонію къ Дрездену прямой дорогой, тогда какъ главныя силы наши, соединясь съ Австрійскою арміей въ Богеміи, должны были подъ предводительствомъ Шварценберга идти тоже къ Дрездену, по Теплицкой дорогѣ. Съ главными силами нашими находились три Государя, и Русскія войска въ семъ случаѣ были всѣ подъ начальствомъ у союзныхъ главнокомандующихъ.

Во время перемирія перешелъ на нашу сторону отъ Наполеона генералъ Жомини, написавшій извѣстную книгу подъ названіемъ Traité des grandes opérations militaires (О великихъ военныхъ дѣйствіяхъ). Государь, принявъ измѣнника съ почестью, далъ ему чинъ генерала въ нашей службѣ, назначилъ къ нему адъютантовъ и большое жалованье. Хотя книга его признавалась дѣльною военными людьми, но онъ самъ не былъ такимъ, какимъ его полагали. Теорія и практика предметы весьма различные, и еслибъ Жомини не пользовался расположеніемъ Государя, который иностранцевъ часто предпочиталъ Русскимъ, то на него не обращали бы вниманія, и остался бы онъ въ презрѣніи.

Во время перемирія пріѣхалъ еще къ намъ изъ Сѣверной Америки Французскій генералъ Моро, человѣкъ честныхъ, благородныхъ правилъ и искусный полководецъ; онъ надѣялся видѣть отечество свое подъ правленіемъ Бурбоновъ, коихъ былъ приверженецъ. Союзные Государи держали его при себѣ и слѣдовали его совѣтамъ.

Мы выступили въ Августѣ мѣсяцѣ изъ кантониръ-квартиръ и въ одинъ или два перехода прибыли съ конницею въ Мюнстербергъ. Кроссаръ назначенъ былъ Великимъ Княземъ для дѣланія дислокацій и занятія лагерныхъ мѣстъ. Этотъ сумасшедшій человѣкъ представилъ себѣ по обыкновенію, что онъ командуетъ всѣми союзными войсками и что непріятель на носу. Когда надобно было лагерь занимать, то онъ безъ памяти скакалъ по обширному полю, на маленькой крестьянской лошади, у которой грива не росла, а хвостъ былъ солдатами отрѣзанъ; часто кляча его не подвигалась впередъ, и когда онъ ее билъ и шпорилъ, то она брыкалась. Мы съ Даненбергомъ подталкивали ее сзади и смѣялись надъ Царемъ Фараономъ. Онъ водилъ кирасирскіе полки съ одной горки на другую и морилъ лошадей ихъ; не зная ни слова по-русски, онъ сзывалъ ихъ по своему во все горло и кричалъ вмѣсто Екатеринославскій Екатериноорловскій, вмѣсто Его Величества полкъ куирасы-косударъ, вмѣсто Ея Величества полкъ

кунрасы-косударынъ. У него былъ въ одно время безсмѣнный ординарецъ Староингерманландскаго драгунскаго полка, котораго онъ иначе звать не умѣлъ, какъ Ермолинскій. Наконецъ, перестали его слушаться, и пока онъ рыскалъ по лѣсамъ и по горамъ съ однимъ казакомъ, товарищъ мой Даненбергъ и я мы покойно разставляли войска. Когда же дѣло доходило до дислокаціи, то, едва умѣя различить на картѣ селеніе отъ рѣчки, онъ держалъ квартирьера до ночи, бился, потѣлъ, смѣшивалъ, перековеркивалъ названія селеній и, наконецъ, ничего не приказывалъ, и дислокація составлялась нами; но такъ какъ онъ намъ мѣшалъ и отвѣтственность за промедленіе или неисправность легла бы на насъ, а не на Кроссара, то мы принуждены были уѣзжать впередъ и отправлять квартирьеровъ до его прибытія. Кроссаръ дѣло смекнулъ и когда мы, съ половины дороги, отъ него ускакивали, то онъ кликалъ насъ и силился нагнать; но лошаденка его брыкалась, не подвигаясь впередъ, а Кроссаръ терзался и кричалъ: Ah mon Dieu, mon Dieu! Ah Jésus Marie, les grandes opérations sont maintenant au diable; ces messieurs vont se faire tourner par l'annemi, ils vont être pris en flanc (тогда какъ Французы находились отъ насъ въ 200 верстахъ). Когда же Кроссаръ нагонялъ насъ въ городѣ или селеніи и находилъ уже всѣхъ квартирьеровъ разъѣхавшимися и дислокацію сдѣланною, то онъ оставался доволенъ и подчивалъ насъ кофеемъ, который пилъ съ утра до вечера.

Мы сказали Курутѣ, что Кроссаръ намъ ничего дѣлать не даетъ. Курута былъ на него недоволенъ, но ничего не могъ сдѣлать, потому что онъ былъ подъ покровительствомъ Великаго Князя. Онъ намъ приказалъ стараться исполнять свою должность и дѣлать дислокаціи безъ вѣдома нашего сумасброднаго полковника. Хотя Великій Князь Куруту очень любилъ, цѣловалъ у него руки, слушался его и называлъ его своимъ наставникомъ, но я самъ слышалъ, какъ онъ однажды гонялъ и стращалъ почтеннаго наставника своего арестомъ за то, что старикъ забылъ что-то приказать касательно движенія войскъ, и что конная гвардія отстала съ версту, тогда какъ Великій Князь любилъ ѣхать съ нею вмѣстѣ на переходахъ.

Когда мы прибыли въ Мюнстербергъ и когда войска были разставлены въ лагерѣ, я пріѣхалъ на квартиру свою, которую назначили мнѣ на этотъ разъ не у аптекаря. Однако мнѣ хотѣлось увидѣть прежнюю молодую хозяйку свою, и я отправился къ ней. Увидѣвъ меня, она смѣшалась; старики мнѣ обрадовались и къ радости же отнесли смятеніе дочери. Послѣ первыхъ привѣтствій, она повела меня въ пріемную комнату, принесла туда кофею и трубку, потомъ заперла всѣ двери на ключъ и на задвижки и сѣла со мною на неболь-

шое канапе или, лучше сказать, въ большія кресла, въ которыхъ мы едва могли помѣститься... Я не рѣшился воспользоваться ея слабостью. Проведя такимъ образомъ около часа, я съ нею разстался, обѣщаясь возвратиться въ сумерки. Въ обѣщанное время я пришелъ къ дому аптекаря и засталъ все семейство и дочь сидящими на скамьѣ, на улицѣ подлѣ воротъ. Какой-то провіантскій офицеръ сидѣлъ подлѣ нея и жалъ ея руку въ своихъ. Отецъ тотчасъ сталъ мнѣ рекомендовать будущаго зятя своего. Несчастная не знала куда ей дѣваться, а я въ досадѣ ушелъ домой. Спустя часъ послѣ того, пришелъ ко мнѣ братъ ея, мальчикъ лѣтъ 12, съ запискою, въ которой она въ самыхъ страстныхъ словахъ выражала свою привязанность ко мнѣ, просила меня возвратиться и увѣряла, что хотя по волѣ родителей рука ея и принадлежала тому офицеру, котораго я видѣлъ, но что сердце ея мнѣ принадлежало. Я послалъ ей въ отвѣтъ черезъ брата ея, изустно, жестокій отказъ и легъ спать. Пошелъ сильный дождь; ночью пробудилъ меня стукъ у дверей, и я узналъ голосъ мальчика, который съ плачемъ говорилъ, что ему не велѣно возвращаться безъ отвѣта. Я впустилъ его изъ жалости; онъ подалъ мнѣ другую записку, въ которой она заклинала меня всѣмъ возможнымъ придти къ ней; но я безжалостно отказалъ и на другой день до разсвѣта переѣхалъ съ главной квартирой Его Высочества въ селеніе, отстоящее верстахъ въ 4-хъ отъ Мюнстерберга.

Мы тутъ дневали, и я имѣлъ случай ближе видѣть Фридериксшу, которая нѣсколько переходовъ провожала Константина Павловича. Она пріятная женщина и недурна собою; ей тогда было за 25 лѣтъ, и она не имѣла уже той свѣжести, которою женщины часто плѣняютъ болѣе, чѣмъ правильными чертами лица.

Вновь прибывшіе во время перемирія резервные эскадроны для укомплектованія полковъ начали съ первыхъ переходовъ упадать; потому что лошади ихъ, непривычныя къ большимъ переходамъ по каменистымъ дорогамъ и къ бивуакамъ, стали худѣть и ослабли. Однако эскадроны сіи держались еще кое-какъ до Дрезденскаго сраженія, послѣ котораго въ полкахъ убавилось отъ переходовъ много рядовъ.

Послѣ дневки войска двинулись въ горы, отдѣляющія Шлезію отъ Богеміи. Мы шли черезъ городокъ Франкенштейнъ. День былъ прекрасный, впереди представлялись намъ горы въ самомъ величественномъ видѣ, по равнинѣ со всѣхъ сторонъ тянулись густыя колонны войскъ. Подобныя картины никогда изъ памяти не изглаживаются. Мы поднялись на вершину горъ и прошли мимо крѣпости Зильбербергъ на границѣ Прусскихъ владѣній въ горахъ. Крѣпость сія имѣетъ необыкновенный видъ; ее считаютъ неприступною; зало-

жена же, кажется, Фридрихомъ Великимъ. Въ ней производились работы, когда мы мимо проходили. Мы шли каменистымъ ущельемъ, иногда по водѣ, и пришли ночевать въ городокъ Варту. На слѣдующій переходъ мы начали выходить на равнину и продолжали маршъ черезъ Браунау, Гичинъ, Мельникъ, Будинъ, Лаунъ и Таттину. Дорогою купилъ я еще лошадь чалую, огромной величины, которую називалъ Галіотомъ и которая служила мнѣ до возвращенія въ Петербургъ.

Въ Богеміи народъ совершенно розенъ отъ Саксонскаго или вообще отъ Германскаго. Богемцы болѣе Русскіе, чѣмъ Нѣмцы. Они называютъ себя Чехами и говорятъ по-славянски. Въ народѣ замѣтна при грубости и смышленность, отличающая нашихъ соотечественниковъ. Они также имѣютъ много обычаевъ схожихъ съ нашими.

По вступленіи въ Богемію, Прусаки вспомнили старинную вражду свою съ Австрійцами и обращались тамъ какъ въ непріятельскомъ краю, отъ чего они болѣе оставались въ убыткѣ. У насъ же Русскихъ приказано было вести себя какъ можно скромнѣе, и потому мы часто переносили обиды отъ жителей и затѣмъ еще оставались виноватыми. Мы часто нуждались въ квартирахъ и пищѣ по недружественнымъ распоряженіямъ Австрійцевъ; когда же нужда заставляла насъ посылать на фуражировку, то по людямъ нашимъ стрѣляли, а послѣ насъ же наказывали. Однако, когда наши выходили изъ терпѣнья, то, не взирая на приказанія начальства, они вступали въ бой съ вооруженными мужиками и Австрійцами, стоявшими на залогахъ, и мы всегда имѣли верхъ и приводили союзниковъ подъ карауломъ.

Женщины въ Богеміи красивы, но также были мало привѣтливы къ намъ, какъ и мужья ихъ; я видѣлъ въ Браунау одну дѣвушку лѣтъ 19-ти такой красоты, какой едва ли гдѣ встрѣчалъ.

Первыя Австрійскія войска, которыя мы увидѣли, были пѣхотныя. Мы ожидали по словамъ Кроссара встрѣтить отличную армію, но, напротивъ того, увидѣли несчастныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ грязные мундиры, бывшіе нѣкогда бѣлыми. Аммуниція была въ небрежномъ видѣ, офицеры смотрѣли очень дурно, войско было невыученное, безъ большаго порядка и совсѣмъ безъ духа. Кроссаръ утѣшалъ насъ тѣмъ, что по одному полку не должно судить о всей арміи; но когда мы увидѣли огромныя колонны или массы Австрійскихъ полчищъ, тогда увѣрились, что не ошибочно было наше первое мнѣніе о нихъ. Австрійская пѣхота была плохая, особливо та, которая состояла изъ настоящихъ Австрійцевъ. Гренадеры ихъ всѣ набраны изъ Славянъ или Кроатовъ, народъ рослый, сильный и храбрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ грубый и свирѣпый; въ гренадерскихъ полкахъ нижніе чины

не говорятъ по-нѣмецки, а по-славянски, тогда какъ офицеры у нихъ изъ Нѣмцевъ и командныя слова на Нѣмецкомъ языкѣ. Случалось, что офицеры не могли объясниться со своими людьми иначе какъ съ помощью Русскаго переводчика. Австрійская конница превосходнѣе пѣхоты, люди хорошо ѣздятъ и умѣютъ беречь лошадей, хорошо одѣты, но совсѣмъ тѣмъ дурно дерутся, отъ того что офицеры у нихъ плохіе и большею частью изъ низшихъ сословій, какъ-то ремесленниковъ и пр. Австрійская артилерія въ сраженіи хорошо дѣйствуетъ, хотя люди и офицеры одѣты какъ сапожники; мундиры ихъ можно даже назвать шутовскими, къ тому же они оборваны и засалены. Въ Австрійской арміи вообще нѣтъ ни духа, ни настоящаго повиновенія, и потому войска сіи не могутъ быть надежными; хотя Славяне и храбры, но подъ предводительствомъ тѣхъ офицеровъ, которые ими начальствуютъ, лучшій солдатъ никуда не будетъ годиться. На переходахъ люди отстаютъ и уходятъ въ селенія по сторонамъ, гдѣ проживаютъ во время похода, предаваясь грабежу; единственное извиненіе такого бѣглеца состоитъ въ словѣ ich bin Marode, и съ симъ отзывомъ онъ какъ будто имѣетъ право уклоняться отъ службы. Черезъ сіе самое случается то, что послѣ трехъ или четырехъ трудныхъ переходовъ не досчитываются половины полка. Безпорядки сіи усиливаются въ Австрійскихъ войскахъ, когда имъ не дадутъ покойно переночевать или отобѣдать. Вялое войско.

Въ Австрійской арміи есть славная конница, состоящая изъ Венгерскихъ гусаръ; они хорошо одѣты и содержаны, знаютъ въ совершенствѣ аванпостную службу и храбры, офицеровъ имѣютъ лихихъ, но войско сіе не привержено къ Австрійскому двору. Венгры всегда были въ ссорѣ съ прочими Цесарскими войсками, и напротивъ того въ дружбѣ съ Русскими. Есть также у Австрійцевъ нѣсколько баталіоновъ отличныхъ стрѣлковъ, которыхъ называютъ Siebenbürger или Семигорцы; они храбры, стрѣляютъ мѣтко и имѣютъ хорошихъ офицеровъ, одѣваются нарядно.

Австрійскій императоръ не имѣетъ гвардіи. Гренадеры заступаютъ мѣсто тѣлохранителей его. Гвардіею же его называются двѣ небольшія дружины, состоящія каждая изъ 30 или 40 человѣкъ Богемцовъ и Венгровъ изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій. Они служатъ въ званіи рядовыхъ, окружаютъ государя своего и одѣваются также странно, какъ ихъ царь, т.-е. въ сѣрыхъ мундирахъ, красныхъ штанахъ и треугольныхъ шляпахъ съ зелеными султанами. Первая дружина называется Богемской гвардіей, а вторая Венгерской. Они не знаютъ никакой службы и составляютъ просто свиту императора, но свита сія придаетъ двору болѣе странности, чѣмъ пышности; ибо эти

благородные гвардейцы большею частію не смотрятъ молодцами: подлѣ толстаго старика видишь 15-ти лѣтняго мальчика, совершенныя карикатуры. Но у императора Франца есть еще гвардія, состоящая изъ 150 человѣкъ и называющаяся Extragarde. Она составлена изъ старыхъ инвалидныхъ солдатъ, одѣтыхъ съ замѣчательнымъ безвкусьемъ. Инвалиды сіи содержатъ внутренніе караулы во дворцѣ и служатъ также за столомъ у императора.

Одно изъ большихъ золъ въ Австрійской арміи—это обозы, коимъ нѣтъ конца. Когда Австрійская армія истлѣла на переходахъ во Франціи, то оставались одни обозы; колонны огромныхъ крытыхъ бѣлыхъ фуръ тащились по всѣмъ дорогамъ, грабили, раззоряли край и останавливали движеніе войскъ; ибо, съ остановкою одной фуры, останавливался весь обозъ, такъ что Русскіе начальники не находили другаго средства на ночныхъ переходахъ какъ посылать одного офицера впередъ къ первой фурѣ, чтобы разговориться съ Австрійскимъ начальникомъ обоза, а между тѣмъ вынуть изъ колеса передней фуры чеку: колесо сваливалось, фура ложилась на бокъ, и вся колонна фурвезена останавливалась. Около заброшенной чеки собирался совѣтъ, который послѣ долгихъ разсужденій, наконецъ, рѣшался общими силами вставить новую чеку, между тѣмъ какъ наши войска и артилерія обгоняли обозы. (Это сдѣлалъ адъютантъ Ермолова Муромцовъ).

Сихъ домообразныхъ фуръ было нѣсколько тысячъ у Австрійцевъ; большею частью онѣ были пустыя, а въ другихъ сидѣли офицерскія и солдатскія жены, съ ребятишками, собачками и съ награбленными вещами. Къ сословію походныхъ маркитантовъ у Австрійцевъ принадлежатъ иногда и офицерскія жены.

По соединеніи нашемъ съ Цесарскою арміею, намъ велѣно было надѣть, на подобіе Австрійцевъ, вѣточку въ шляпу или въ киверъ, что у нихъ служитъ знакомъ похода (das Feldzeichen). Къ Великому Князю прикомандировали нѣсколькихъ Австрійскихъ офицеровъ, которые безсмѣнно при немъ находились во все время войны. Изъ нихъ старшій былъ полковникъ Вернгардъ, флигель-адъютантъ Франца, человѣкъ храбрый, весьма любезный, умный и съ хорошими познаніями; состоя при Великомъ Князѣ, онъ получилъ Георгіевскій крестъ и Анну съ бриліантами, не оказавъ никакого отличія. Поручикъ Шиллеръ служилъ въ какомъ-то Австрійскомъ кирасирскомъ полку, былъ родомъ Полякъ изъ Галиціи и состоялъ тоже при Его Высочествѣ. Третій былъ нѣкто Гальзадо, родомъ Испанецъ. Онъ числился въ какомъ-то Австрійскомъ гренадерскомъ полку; достоинства его и вся служба состояли въ томъ, что по ночамъ на переходахъ онъ вынималъ ножикъ изъ кармана и искусно насвистывалъ объ

остріе разныя пѣсни, что забавляло Великаго Князя. Еще было ихъ двое; но я ихъ не зналъ, и они какъ-то скоро исчезли. Въ честь Великому Князю Австрійцы назвали одинъ изъ кирасирскихъ полковъ своихъ полкомъ Его Высочества Константина Павловича.

У насъ были также Пруссаки: Прусскаго гвардейскаго уланскаго эскадрона поручикъ Панневицъ, родомъ Саксонецъ (онъ присталъ къ намъ уже во Франціи), Прусскаго гвардейскаго казачьяго эскадрона юнкеръ, котораго послѣ произвели въ офицеры въ Прусскій кирасирскій полкъ Его Высочества, и поручикъ Готбергъ, того же полка, славный, добрый и храбрый малый.

Штатъ Великаго Князя такъ умножился, что мы уже не умѣщались въ порядочномъ селеніи и составляли какъ бы особую главную квартиру.

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ Шиндлерѣ, который при Его Высочествѣ находился. Шиндлеръ родомъ Венгръ, родился во Франціи, не получилъ ни воспитанія, ни образованія, служилъ то во Французской, то въ Австрійской службахъ солдатомъ, отличился храбростію, былъ произведенъ въ вахмистры, вышелъ въ отставку и жилъ въ Венгріи. Послѣ Бауценскаго сраженія, передъ самымъ перемиріемъ, узнавъ, что войска наши недалеко отъ Австрійской границы, онъ перешелъ къ намъ, явился къ Великому Князю и просилъ службы въ л.-гв. уланскомъ полку. Константину понравилась отчаянная наружность Шиндлера, и онъ принялъ его старшимъ вахмистромъ въ полкъ, приказавъ ему при себѣ находиться. Шиндлеръ въ самомъ дѣлѣ былъ отчаянный въ дѣлахъ, кидался впередъ, обиралъ плѣнныхъ, сдиралъ съ нихъ медвѣжія шапки и шилъ себѣ изъ нихъ чапраки, продавалъ захваченныхъ лошадей и тѣмъ поддерживалъ свою казну, ибо любилъ мотать. Кромѣ того Великій Князь давалъ ему много денегъ и баловалъ его. Шиндлеръ былъ славный наѣздникъ, мастеръ бороться и всѣхъ пріемовъ лихаго и проворнаго бойца. Однажды онъ былъ посланъ въ разъѣздъ съ командою подъ начальствомъ офицера для приведенія языка. Подъѣхавъ къ одному селенію, наполненному Французами, офицеръ хотѣлъ назадъ возвратиться; но Шиндлеръ просилъ его подождать въ полѣ, а самъ поѣхалъ въ селеніе съ однимъ уланомъ и сталъ стучаться въ дверяхъ у одного дома, въ которомъ сидѣли Французы. Онъ съ ними толковалъ по-французски, пока они не отперли ему дверей; тогда онъ вскочилъ въ комнату и, сдѣлавъ выстрѣлъ изъ пистолета, схватилъ одного въ медвѣжьей шапкѣ и притащилъ его къ разъѣздному офицеру. Французы были такъ изумлены нечаянностію, что не посмѣли за нимъ слѣдовать. Другой разъ онъ защищалъ съ 4 или 5 уланами пере-

праву черезъ рѣку противъ непріятельской команды, пока полкъ его переправлялся. Однажды онъ во время дѣла подскакалъ къ Французскому баталіону, который принялъ его за Польскаго улана; пронесшись вдоль фронта всего баталіона, онъ закричалъ vive l'empereur Alexandre и закололъ крайняго человѣка; по немъ пустили ружейный огонь, но ни одна пуля его не задѣла. Шиндлеръ получилъ знакъ Георгіевскаго креста, послѣ произведенъ былъ въ корнеты, въ поручики, и теперь я думаю, что онъ долженъ быть штабсъ-ротмистръ л.-г. уланскаго полка, имѣетъ Владимира 4-й степени, золотую и Аннинскую сабли. Въ обращеніи онъ не имѣетъ приличія требуемаго отъ офицера, грубоватъ, развратнаго поведенія. Ни въ какой службѣ кромѣ нашей не былъ бы онъ гвардейскимъ офицеромъ. Впрочемъ, Шиндлеръ добрый малый, смиренъ когда не пьянъ; когда же пьянъ, то самъ чертъ съ нимъ не совладаетъ. Будучи офицеромъ, онъ никогда во фронтѣ не служилъ, а все рыцарствовалъ и имѣлъ одинъ исключительно право ѣздить съ Турецкою камышевою пикою, которую ему подарилъ Константинъ Павловичъ.

Хотя Великій Князь и назывался командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, но онъ исключительно привязался къ 1-й кирасирской дивизіи и былъ съ ней неразлученъ, особливо съ конной гвардіей, которая состояла въ 1-й бригадѣ дивизіи. Къ сей дивизіи прикомандирована была Прусская кавалерійская гвардейская бригада, состоявшая изъ полка Garde de Corps (кавалергарды) и изъ легкаго гвардейскаго кавалерійскаго полка. Кавалергардами командовалъ полковникъ Ларошъ, храбрый, рѣшительный, умный и старый служивый; полковымъ адъютантомъ былъ у него поручикъ Краутъ, человѣкъ приличный. Легкимъ гвардейскимъ кавалерійскимъ полкомъ командовалъ уланскій маіоръ Крафтъ, молодой человѣкъ съ ужасными усами, всегда вытянутый, какъ говорятъ à quatre épingles и нѣсколько фанфаронъ.

Тогдашніе Прусаки вообще любили фанфаронничать, но въ дѣлѣ были храбры и дрались отчаянно. Полкъ сей состоялъ изъ пяти эскадроновъ, изъ коихъ одинъ былъ гусарскій, другой уланскій, третій драгунскій, четвертый казачій и пятый состоялъ изъ вольноопредѣляющихся. Хотя полкъ сей постоянно велъ себя хорошо въ дѣлѣ, но по наружности не вселялъ къ себѣ довѣрія. Лошаденки были плохія, люди не умѣли верхомъ ѣздить, одѣты же были какъ бы съ умышленнымъ безвкусіемъ. Гусары, сидя на клячахъ, хотѣли уподобляться Венгерцамъ, шпорили лошадей, когда проѣзжали мимо окна, гдѣ выглядывала какая-нибудь женщина, но худая лошадка отъ того впередъ не подвигалась и, кружась на мѣстѣ, только брыкалась. Козаки

отпускали себѣ бороды, которыя никакъ не шли Прусаку, утопающему во вьюкѣ драгунскаго сѣдла на изнуренной и замуштученной лошади. Вновь сформированные Прусскіе козаки старались все перенимать у нашихъ козаковъ, почему и знались исключительно съ нашими Донцами, которые пили на счетъ Прусаковъ и послѣ обкрадывали ихъ или били. Эскадронъ вольноопредѣляющихся былъ самый несчастный, ибо онъ состоялъ изъ людей лучшаго званія, которые должны были сами ходить за своими лошадьми и не могли хорошо перенести всѣхъ трудностей похода. Эскадронъ уланъ также перенималъ у нашихъ; они ужасно затянули себѣ тальи и перехватъ шапки; у нихъ все было пересолено (outré), отъ чего они были смѣшны. Прусская конница вообще не принадлежала къ числу отличныхъ.

Между гвардейскими Прусскими гусарами я зналъ одного поручика Лона (Lohn) съ ужасными усами; онъ родомъ Венгръ и служилъ въ Англійской службѣ, въ уланахъ.

Прусскою конною гвардейскою артилеріею, состоявшею изъ семи орудій, командовалъ старый, толстый и лысый ротмистръ; лице у него было красное какъ макъ, и пріятная улыбка скрывалась подъ его густыми бѣлыми усами; на подбородкѣ имѣлъ онъ также пучекъ бѣлыхъ волосъ. Въ Прусской арміи можно было обогатить свой альбомъ порядочнымъ собраніемъ каррикатуръ.

Прусская гвардейская пѣхота состояла изъ 2-хъ или 3-хъ славныхъ полковъ подъ командою храбраго полковника Авенслебена и находилась подъ начальствомъ Милорадовича. Въ сихъ полкахъ я только зналъ поручика Кнобельсдорфа, коего отецъ былъ посланникомъ въ Турціи.

По прибытіи въ городъ Таттину получено было повелѣніе слѣдовать какъ можно скорѣе къ Дрездену. Витгенштейнъ, составлявшій нашъ авангардъ, уже сражался подъ Пирной, нѣсколько разъ сбивалъ непріятеля и самъ былъ отраженъ. Мы выступили немедленно, и я поѣхалъ съ Даненбергомъ впередъ для занятія лагернаго мѣста или квартиръ. Мы проѣхали черезъ Лаунъ, Бриксъ, Биллинъ, Дуксъ, Теплицъ, Кульмъ, и стали подниматься на хребетъ горъ, отдѣляющихъ Богемію отъ Саксоніи. На самой вершинѣ сихъ горъ находилось селеніе Ноллендорфъ. Шоссе было очень хорошее, но по немъ только и проѣхать можно было, потому что вправо и влѣво лѣса, крутизны и овраги. Сдѣлавъ въ тотъ день очень сильный переходъ, мы пришли ночевать въ городокъ Готлейбе, лежащій нѣсколько влѣво отъ большой дороги въ ущельи и, кажется, на Саксонской границѣ. Полки были расположены по селеніямъ. На другой день мы прошли, черезъ селеніе Петерсвальде, въ Гросъ-Котту. Гвардейскій корпусъ расположился лаге-

ремъ, Великій Князь помѣстилъ квартиру свою въ Гросъ-Коттѣ; но едва онъ успѣлъ занять ее, какъ услышали перестрѣлку за селеніемъ. Л.-гв. егерскій полкъ былъ посланъ на подкрѣпленіе небольшаго отряда изъ корпуса Витгенштейна, который тутъ находился и не въ силахъ былъ удерживать внезапное нападеніе большаго числа Французовъ. Перестрѣлка усилилась, но между тѣмъ Великій Князь получилъ приказаніе слѣдовать съ гвардейскимъ корпусомъ къ Дрездену.

По прибытіи нашемъ въ Гросъ-Котту, Курута послалъ меня въ селеніе Отендорфъ для узнанія дорогъ. Я нашелъ Отендорфъ полный нашими гвардейскими солдатами, которые грабили все безъ пощады. Хозяйка замка была женщина хорошей фамиліи и случайно оказалась сестрою той, у которой я въ Дрезденѣ ночевалъ во время нашего отступленія. Солдаты приходили даже въ самый кабинетъ ея, и она бы не миновала горькой участи, хотя ей уже было 40 лѣтъ, еслибъ я на то время не пріѣхалъ. Солдаты разбѣжались по садамъ и по крестьянскимъ избамъ; я за ними гнался нѣсколько времени, но не могъ ни одного поймать. Крестьяне около меня собрались; въ домахъ ихъ былъ крикъ: разбой! Уводили скотъ, уносили деньги, срывали чепцы у женщинъ, изъ перинъ пухъ выпускали (первая забава солдата на грабежѣ); словомъ, несчастное селеніе это громили до конца. Обыватели показали мнѣ одинъ домъ, который наполненъ былъ солдатами; я велѣлъ ихъ вызвать. Они вышли, неся въ полахъ шинелей множество вещей и въ порткахъ столько же. Побранивъ ихъ, я приказалъ имъ отдать награбленныя вещи, и они опустили полы, изъ коихъ чего не посыпалось! Серьги, картофель, кольцы, кофей, сахаръ, ложки, ножницы и проч. Женщины, увидя такое повиновеніе, бросились на солдатъ, полѣзли въ карманы подштанниковъ и съ крикомъ и слезами доставали оттуда деньги. Предоставивъ солдатамъ взять себѣ картофелю и хлѣба, я отпустилъ ихъ. Но одинъ изъ нихъ не далъ себя обыскивать и бѣжалъ; я пересѣкъ ему дорогу въ переулкѣ и схватилъ его за воротъ; такъ какъ онъ сталъ вырываться изъ моихъ рукъ, то я ударилъ его по уху, и онъ принужденъ былъ сдаться. Созвавъ крестьянъ, я приказалъ связать солдата, который былъ Измайловскаго полка, и посадилъ его въ конюшню подъ обывательскій караулъ. Окончивъ данное мнѣ порученіе, мнѣ надобно было возвратиться въ Гросъ-Котту, и я затруднялся, куда мнѣ съ арестантомъ дѣваться. Я призвалъ его и стращалъ, что его разстрѣляютъ въ лагерѣ за грабежъ и неповиновеніе; солдатъ былъ старый и молодецъ собою; онъ мнѣ отвѣчалъ: «Ваше благородіе, отпустите меня. Пускай лучше Французская пуля мнѣ въ лобъ попадеть, чѣмъ Русская». И я освободилъ его.

Подъѣзжая къ Гросъ-Коттѣ, я услышалъ перестрѣлку: гвардейская пѣхота уже выступила, не дождавшись своихъ фуражировъ, разсыпавшихся въ с. Отендорфѣ; конница тянулась по большой дорогѣ къ Дрездену. Великій Князь обогналъ ее въ коляскѣ съ Олсуфьевымъ, а Курута верхомъ ѣхалъ сзади шагомъ, окруженный адъютантами Его Высочества. Не слѣзая съ лошади, я доложилъ ему объ узнанныхъ мною дорогахъ и поѣхалъ за нимъ.

Наступилъ вечеръ, пошелъ проливной дождь, поднялся сильный вѣтеръ. Около полуночи, мы прибыли въ какой-то городокъ, гдѣ отдохнули съ часъ и поѣхали далѣе. Передъ разсвѣтомъ мы прибыли въ селеніе, въ которомъ Великій Князь ночевалъ. Даненберга и мои вьюки отстали; мы завели лошадей подъ сарай, положили имъ сѣна и легли подлѣ нихъ; но намъ не долго позволили отдыхать: черезъ полчаса козакъ съ трудомъ разбудилъ насъ и позвалъ къ Курутѣ, который приказалъ намъ немедленно ѣхать, чтобы принять лагерное мѣсто для гвардіи отъ Барклая-де-Толли. Проливной дождь не прекращался, и разсвѣтъ едва только что показывался, когда мы нашли Барклая, стоявшаго совершенно одного на пригоркѣ. Многолюдной главной квартиры его тутъ не находилось, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; ни дождь, ни усталость, ни нерадѣніе адъютантовъ ничего не могло возмутить его спокойствія, и Барклай показался мнѣ въ то время необыкновеннымъ человѣкомъ

Австрійцы уже начали атаку на лѣвомъ флангѣ, а Остерманъ-Толстой приступилъ къ Пирнѣ. Даненбергъ оставленъ былъ для принятія лагерныхъ мѣстъ, а меня послали къ Ермолову, командовавшему 1-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, дабы привести его къ Пирнѣ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ Остерманомъ-Толстымъ. Ермоловъ уже шелъ на позицію; я доложилъ ему о приказаніи главнокомандующаго, а онъ послалъ меня отыскать Остермана и выѣхать къ нему на встрѣчу. Я поскакалъ какимъ-то ущельемъ и, по незнанію мѣстоположенія, пріѣхалъ къ большому селенію, составляющему предмѣстье Пирны. Тутъ находилась какая-то егерская рота, состоявшая изъ оборванныхъ рекрутъ подъ командою молодаго офицера. Рота вела перестрѣлку съ непріятелемъ, стоявшимъ на крутомъ обрывѣ, такъ что онъ былъ до головы закрытъ, а наши совершенно открыты. Несчастные егеря наши изъ силъ выбились, потому что нѣсколько дней были безъ пищи и въ трудахъ. Они имѣли уже большой уронъ и пускались въ бѣгство; но офицеръ храбро кидался впередъ съ обнаженной саблей и останавливалъ ихъ бранью и ударами, при чемъ и на него изливались ругательныя слова отъ рекрутъ, которые не менѣе того принуждены были снова возвращаться въ огонь. У нихъ мало

уже оставалось патроновъ, когда я пріѣхалъ. Огонь со стороны непріятеля былъ частый; наши же изрѣдка стрѣляли и стояли тутъ единственно для того, чтобы непріятель не занялъ этого мѣста, предавая себя неминуемой гибели, безъ нанесенія какого-либо вреда Французамъ. Молодой офицеръ подошелъ ко мнѣ и жаловался со слезами на глазахъ на своихъ солдатъ, говоря, что уже самъ изъ силъ выбился; при чемъ объяснилъ мнѣ, что принадлежитъ къ корпусу Остермана и оставленъ для прикрытія сего мѣста, по видимому забытъ и что Остерманъ самъ съ корпусомъ на горѣ сражается. Я отыскалъ Остермана. Онъ сидѣлъ на барабанѣ среди чистаго поля; войска его стояли въ колоннахъ. Когда я донесъ ему о своемъ порученіи, онъ спросилъ мое имя и, узнавъ, что я Муравьевъ, сталъ выхвалять нашу фамилію, называя отца моего, братьевъ и родныхъ, про которыхъ онъ слышалъ: съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ знакомъ, такъ какъ и со старшимъ братомъ моимъ, при чемъ онъ, обратившись къ окружавшимъ его, сказалъ, что Муравьевы должны служить для другихъ примѣромъ по службѣ. Послѣ того, пожавъ мнѣ руку, онъ приказалъ сказать Алексѣю Петровичу, что ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ; ибо совѣты Ермолова будутъ служить ему приказаніемъ, хотя Ермоловъ въ чинѣ былъ и моложе его. Я выѣхалъ къ Ермолову на встрѣчу, и онъ соединился съ Остерманомъ.

Наполеонъ находился съ главной арміей въ Дрезденѣ, гдѣ онъ укрѣпился. Союзныя войска были расположены безъ всякаго знанія дѣла. Мы окружили ту часть города, которая находится на лѣвомъ берегу Эльбы, такъ что правый флангъ нашъ упирался къ рѣкѣ выше Дрездена, а лѣвый упирался тоже къ рѣкѣ ниже города. Лѣвый флангъ состоялъ изъ Австрійцевъ, у коихъ было много силъ. Гренадеры ихъ отчаянно бросались на Французскія батареи, защищавшія Гросъ-Гартенъ (городской садъ). Нѣсколько разъ батареи сіи были въ рукахъ Австрійцевъ; артилерія ихъ быстро подавалась впередъ, нагоняла отступавшаго непріятеля, дѣлала нѣсколько выстрѣловъ и продолжала такимъ образомъ преслѣдованіе, такъ что бой начинался уже на улицахъ Дрездена. Но Наполеонъ воспользовался слишкомъ явною ошибкою нашихъ полководцевъ, ибо мы занимали наружную линію, а онъ внутреннюю. Силы наши были растянуты, и потому если-бы ихъ было вдвое болѣе чѣмъ у непріятеля, то на каждомъ пунктѣ отдѣльно мы всегда оказались бы слабѣе Французовъ. Наполеонъ, собравъ войска свои, ударилъ ими въ одинъ пунктъ, пробилъ наши линіи, отрѣзалъ одинъ флангъ отъ другаго и остался побѣдителемъ.

Онъ сперва не зналъ о скоромъ появленіи нашемъ подъ Дрезденомъ и ходилъ со своею гвардіею по дорогѣ въ Шлезію съ намѣре-

ніемъ атаковать Блюхера; но, освѣдомившись о приближеніи нашемъ къ Дрездену, онъ поспѣшно возвратился.

Генералъ Моро лишился въ семъ сраженіи обѣихъ ногъ отъ ядра. Его отнесли на рукахъ въ Лаунъ, гдѣ онъ умеръ. Австрійцы вывели въ это сраженіе около 150 т. войскъ, съ нашей стороны было ихъ до 50 т., а съ Прусской до 20 т. Когда наши фланги были отрѣзаны, то 30 т. Австрійцевъ сдалось въ плѣнъ. Они не выдержали трудовъ и не прекращавшагося ливня: по колѣна была грязь, въ которой они оставили свои башмаки. Погода во все время сраженія была ужасная, проливной дождь продолжался двое сутокъ сряду, ружья не стрѣляли, на малое разстояніе ничего не было видно, топкая и вязкая почва земли до того растворилась, что пѣхота двигалась съ большимъ трудомъ, и на такомъ полѣ и подъ такимъ небомъ она должна была еще провести ночь! Раненымъ не было никакого спасенія. Погоду сію могу сравнить только съ тою, которую мы испытали въ 1812 году въ Россіи при отступленіи нашемъ изъ Свенцянъ. Потеря наша въ сраженіи подъ Дрезденомъ была большая; но остатки наши отступили въ порядкѣ, а Австрійцы изчезли, и многіе изъ нихъ по одиночкѣ разбѣжались, какъ офицеры, такъ и нижніе чины.

Когда я привелъ первую гвардейскую дивизію подъ командою Ермолова къ Остерману, сражавшемуся въ Пирнѣ, то при этой дивизіи находились квартирмейстерской части братъ мой Александръ и подпоручикъ Глазовъ.

Я поѣхалъ обратно къ Курутѣ; но поле было такъ исчерчено дорогами, что я сбился съ настоящей и попалъ въ какую-то деревню, находившуюся недалеко отъ непріятеля. Въ эту деревню заѣхали также по ошибкѣ разные обозы, вьюки и раненые. Всѣ оттуда поспѣшили выбраться и съ дракою тѣснились на улицахъ, ибо за самымъ селеніемъ были Французы. Я также поторопился выѣхать изъ селенія и спѣшилъ одинъ по полю, гдѣ встрѣчалъ нѣсколькихъ Прусскихъ стрѣлковъ, ведущихъ еще перестрѣлку съ непріятелемъ. Наконецъ, я выѣхалъ къ Лубенскому гусарскому полку, котораго два или три эскадрона возвращались съ атаки и гнали человѣкъ 200 плѣнныхъ (у нихъ убили въ семъ сраженіи ген. Мелессино). Я продолжалъ путь и увидѣлъ передъ собою линіи конницы. Дождь мѣшалъ мнѣ различить, наша ли она или непріятельская. Хоть я видѣлъ, что она была обращена ко мнѣ фронтомъ, но подумалъ, что могла быть и Французская конница. Болѣе всего усомнился я, когда увидѣлъ скачущаго ко мнѣ улана съ опущенною пикой. Я уже схватился за эфесъ сабли, когда въ уланѣ семъ узналъ Шиндлера, который меня тоже принялъ за непріятеля. Мы вмѣстѣ пріѣхали къ Великому Князю. Его Высочество со

всею свитою находился въ нѣкоторомъ волненіи. За нѣсколько минутъ до моего пріѣзда 1-я кирасирская дивизія выстроилась, обнаживъ палаши, и самъ Константинъ Павловичъ готовился съ резервами идти въ атаку на корпусъ непріятельской конницы, который у насъ на флангѣ оказался, но, увидя наши силы, отступилъ. Черезъ насъ летали ядра; но сіе недолго продолжалось, ибо скоро наступила ночь. Всѣ разъѣхались. Днемъ ничего нельзя было видѣть отъ дождя, подавно же ночью. Пылающіе со всѣхъ сторонъ пожары увеличивали около насъ темноту. Я зашелъ съ Даненбергомъ въ комнату, наполненную ранеными; мы хотѣли высушить платье у огня, но вмѣсто того оба опустились на землю и уснули мертвымъ сномъ; но не болѣе двухъ часовъ успѣли мы уснуть, какъ пріѣхалъ за нами казакъ отъ Куруты съ извѣстіемъ, что войска уже идутъ въ походъ. Мы застали Великаго Князя, какъ онъ верхомъ садился. Разсвѣтъ показался, когда мы уже были на пути.

Главная часть нашей колонны состояла изъ кирасиръ, 1-я же гвардейская дивизія составляла аріергардъ. Непріятель слѣдовалъ за нами, и аріергардъ нашъ удерживалъ его до самаго Диполдисвалдау, откуда мы не останавливаясь пошли къ Маріенбергу, городку, лежащему на границѣ Саксоніи и Богеміи у подошвы горы. Въ Маріенбергѣ уже съѣхались всѣ главныя квартиры. На семъ переходѣ видѣли мы Австрійскую армію въ разбродѣ: тащились отдѣльно то по нѣскольку офицеровъ, то карасиры; гдѣ гусары везли на волахъ пушки, гдѣ фуры полныя женщинъ, ребятишекъ и перинъ. Эти женщины были офицерскія и солдатскія жены, маркитантки, которыя тогда рюмку водки продавали по одному червонцу. Я былъ такъ изнуренъ и голоденъ, что, увидя по дорогѣ Малороссійскій кирасирскій полкъ на привалѣ, рѣшился отыскать мало-знакомаго мнѣ ротмистра барона Трухсеса и просить у него чего нибудь поѣсть; онъ далъ мнѣ два или три сухаря. Я ѣхалъ особо впереди Великаго Князя для принятія лагернаго мѣста.

Пріѣхавъ въ Маріенбергъ, я прежде всего отыскалъ квартиру Кроссара и зашелъ къ нему. Во время сраженія подъ Дрезденомъ Кроссаръ, по обыкновенію своему, метался отъ одного генерала къ другому, кричалъ, совѣтовалъ, охрипъ и, наконецъ, высуня языкъ, пыхтѣлъ какъ бѣшенная собака. Фигура его служила для всѣхъ посмѣшищемъ. Онъ былъ въ треугольной шляпѣ, которой поля отъ дождя размокли, опустились и накрыли ему со всѣхъ сторонъ голову до плечъ. Когда онъ скакалъ, то мокрыя поля били его по лицу; когда же онъ хотѣлъ говорить, то открывалъ правою рукою небритую каррикатуру свою, которая послѣ опять закрывалась полями шляпы, изъ подъ коей

слышны только были вопли: Ah, Jésus Marie, les grandes opérations militaires sont au diable, je n'y vois plus rien! Я засталъ его въ Маріенбергѣ, какъ обыкновенно его застать можно: въ рубашкѣ безъ портокъ, со стаканомъ кофею на столѣ, съ намыленной бородой и бритвою въ рукахъ. Увидя меня, онъ много извинялся, что я засталъ его въ такомъ положеніи и хотѣлъ бѣжать на чердакъ, но я его удержалъ, и онъ успокоился. Не то было, когда къ нему вошелъ квартирмейстерской части поручикъ Хомутовъ (котораго онъ мало зналъ) за какимъ-то дѣломъ. Кроссаръ уронилъ бритву, носился по комнатѣ и кричалъ. Онъ, наконецъ, упалъ въ углу, накрылся буркой и пролежалъ въ такомъ положеніи, пока Хомутовъ не ушелъ. Однако Кроссаръ обнадеживалъ меня, что онъ повезетъ меня еще въ тотъ же день выбирать позицію для всей арміи: такъ онъ мало зналъ о томъ что̀ происходило, ибо войска уже были разставлены и отдыхали. Ему не было дѣла тутъ вмѣшиваться; но, не желая дать ему чистый отказъ, я скрылся отъ него на чердакъ. Онъ меня отыскалъ и упросилъ съ нимъ ѣхать. Куда онъ меня ни возилъ! И по лѣсамъ, и по горамъ, находя одну позицію превосходнѣе другой. Онъ все скакалъ, я же ѣхалъ шагомъ, отъ чего онъ вынужденъ былъ часто останавливаться и дожидаться меня, ибо онъ боялся, чтобы я не оставилъ его. Однако я воспользовался удобною минутою, какъ онъ высматривалъ мѣстность, пришпорилъ лошадь и ускакалъ.

На другой день, до разсвѣта, Курута послалъ меня и Даненберга съ квартирьерами и съ фуражирами 1-й кирасирской дивизіи къ Теплицу, гдѣ приказалъ намъ принять лагерное мѣсто для полковъ. Мы ѣхали въ туманную погоду въ горы, отдѣлявшія насъ отъ Богеміи; дорога была ужасная, и мы не понимали, какимъ образомъ артилерія и обозы пройдутъ этими мѣстами между утесами. Еслибъ непріятель сталъ съ Маріенберга насѣдать на насъ, то не должны ли мы тяжести наши оставить въ ущельяхъ? Мы ѣхали, разговаривая съ Даненбергомъ и не примѣтили, какъ около 10 часовъ начали выѣзжать изъ горъ, и передъ нами сталъ показываться Теплицъ. Но какъ мы удивились, когда, спускаясь съ послѣдней горы, услышали частые пушечные выстрѣлы, раздававшіеся въ близкомъ разстояніи. Сраженіе близъ Теплица, за горами, гдѣ мы никакъ не полагали, чтобы могъ находиться непріятель. Скоро мы увидѣли дымъ отъ орудій и, наконецъ, войска наши, коихъ было очень мало. Мы прискакали въ Теплицъ, въ которомъ увидѣли много раненыхъ солдатъ и офицеровъ 1-й гвардейской дивизіи; но эти раненые не уподоблялись тѣмъ, которые часто встрѣчаются въ другихъ сраженіяхъ: они шли съ возможною

бодростью, а тѣ, которые еще не совершенно ослабли, перевязывались и возвращались въ дѣло.

Въ Теплицѣ была большая тревога; все убиралось, ибо ежечасно ожидали непріятеля. Гвардейскіе солдаты сказали намъ, что сраженіе происходитъ верстахъ въ 5-ти отъ города, что нашихъ очень мало, а что непріятель атакуетъ въ большихъ силахъ; что гвардія понесла очень большой уронъ и что отъ самой Пирны идутъ сражаясь и пробиваясь на штыкахъ.

Оставивъ квартирьеровъ въ Теплицѣ, мы поскакали къ селенію Кульму, гдѣ происходило сраженіе, и явились къ Ермолову, который тутъ начальствовалъ вмѣстѣ съ Остерманомъ. Ермоловъ распрашивалъ насъ, скоро ли къ нему придетъ подкрѣпленіе, гдѣ находятся войска наши, государи и проч Австрійцы, собравъ части разбитой арміи своей, вмѣсто того чтобы подкрѣпить Ермолова, ушли, полагая все пропадшимъ. Остерманъ и Ермоловъ были отрѣзаны отъ главныхъ силъ, когда они дрались подъ Пирною. Узнавъ о пораженіи и отступленіи союзниковъ, они общимъ совѣтомъ положили отступить къ Теплицу по дорогѣ черезъ Петерсвальде и Ноллендорфъ, по которой пришли. Это было, кажется, Августа 15-го. Едва успѣли они нѣсколько отойти отъ Пирны и сдѣлать привалъ, какъ-изъ сосѣдняго лѣса дали по нимъ залпъ. Они въ мигъ стали въ ружье, и началась перестрѣлка, между тѣмъ какъ главный отрядъ пробивался по большой дорогѣ на штыки черезъ непріятельскія массы, отрѣзавшія имъ дорогу еще наканунѣ. Отрядъ ихъ состоялъ изъ 1-й гвардейской дивизіи (8000), двухъ эскадроновъ л.-гусаръ (120 чел.) и нѣсколькихъ слабыхъ баталіоновъ, оставшихся отъ сильно пострадавшаго корпуса Остермана. Вандамъ, командовавшій непріятельскимъ войскомъ, имѣлъ до 40 т. людей. Съ непріятелемъ на плечахъ, Остерманъ и Ермоловъ стали спускаться съ горъ и рѣшили, во что́ бы ни стало, держаться и защищать Теплицъ и то ущелье, изъ котораго мы по одиночкѣ выходили. Еслибъ Вандамъ успѣлъ занять это ущелье, то дѣло наше было бы кончено. 17-го числа Августа Ермоловъ послалъ брата моего Александра впередъ къ Кульму по дорогѣ къ Теплицу для избранія позиціи. Вскорѣ за тѣмъ онъ самъ пришелъ и занялъ ее.

Сраженіе было уже въ полномъ разгарѣ, когда я и Даненбергъ явились къ Ермолову и просили у него позволенія состоять при немъ на время дѣла, ибо намъ тогда въ Теплицѣ нечего было дѣлать. Ермоловъ согласился, и мы при немъ остались. Еслибъ такой случай нынѣ представился, то я бы привелъ къ Ермолову человѣкъ сто кирасирскихъ квартирьеровъ, которые со мною были и они принесли бы пользу; ибо тогда не только ста человѣкамъ даже и малѣйшему усиленію были

бы рады. Я засталъ Ермолова вмѣстѣ съ Остерманомъ, который ему твердилъ: «Приказывайте, а я исполнять буду». Они стояли нѣсколько влѣво отъ большой дороги; передъ ними пылало селеніе (помнится мнѣ, Даленъ). Сел. Кульмъ лежало съ версту впереди и было занято Французами. Передъ Даленомъ были разсыпаны наши стрѣлки; за Ермоловымъ стояло около пяти гвардейскихъ баталіоновъ въ колоннахъ, и это было все что у него оставалось въ резервѣ: ибо прочіе баталіоны вели, нѣсколько на лѣво, жаркую перестрѣлку. Они сражались въ тѣсной мѣстности, пересѣченной болотами и каменными стѣнками, стояли не цѣпью, а толпами и дрались отчаянно противъ превосходныхъ силъ. Тутъ и происходило настоящее дѣло. Артилерія наша дѣйствовала по непріятельскимъ колоннамъ, поддерживавшимъ своихъ стрѣлковъ. Конницы у насъ было два эскадрона л.-гусаръ, но весьма слабыхъ, и одинъ эскадронъ Австрійскихъ легкоконныхъ, которые неизвѣстно откуда взялись и стояли цѣлый день съ обнаженными палашами на право отъ большой дороги. Мы держались у подошвы горъ, а Французскіе резервы стояли частью на полугорѣ, частью же на спускѣ близъ подошвы горъ. Орудія ихъ дѣйствовали по нашимъ колоннамъ. На правомъ флангѣ нашемъ вовсе не было войскъ кромѣ вышеупомянутаго Австрійскаго эскадрона. Съ этой стороны разстилалась обширная равнина и прикрывала насъ незначительная рѣчка; у Французовъ показывалось съ этой стороны нѣсколько конницы. Непонятно, зачѣмъ они не послали ее къ намъ во флангъ. И пѣхота ихъ легко могла бы предупредить насъ симъ путемъ въ Теплицѣ, отрѣзать или истребить; но кажется, что Вандамъ презрѣлъ малымъ числомъ нашихъ, ибо онъ постоянно оставался въ горахъ и пускалъ войско въ бой только малыми частями. Самъ онъ находился во время сраженія на пригоркѣ, окруженномъ лѣсомъ, на которомъ стояли развалины рыцарскаго замка. При семъ замкѣ происходилъ извѣстный поединокъ между княземъ Щербатовымъ и Саксомъ, въ которомъ Саксъ остался на мѣстѣ.

Спустя часъ послѣ пріѣзда моего къ Ермолову онъ посылалъ какое-то приказаніе на лѣвый флангъ. Мы съ Даненбергомъ бросились, чтобы передать оное; но какъ Даненбергъ опередилъ меня, то я возвратился, не отскакавъ болѣе 20 или 30 саженъ. Возвратившись къ Ермолову, я засталъ гр. Остермана-Толстаго только что раненаго. Онъ не свалился съ лошади, но отбитая ядромъ выше локтя рука его болталась. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Двое изъ окружавшихъ поддерживали его на сѣдлѣ подъ мышками. Его отвезли назадъ, гдѣ отрѣзали ему руку. Однако онъ черезъ нѣсколько недѣль выздоровѣлъ. Послѣ гр. Остермана Ермоловъ оставался главнымъ начальникомъ въ

семъ сраженіи, гдѣ въ сущности участвовала только его гвардейская дивизія, потому что 2-й корпусъ, изнуренный отъ трудовъ и много потерпѣвшій въ прежнихъ дѣлахъ, почти совершенно исчезъ.

У разсыпавшихся по кустамъ сзади людей гвардейцы отбирали патроны. Силы наши примѣтнымъ образомъ уменьшались, а подкрѣпленія ни откуда не приходило. Непріятель началъ сильно напирать; но Ермоловъ, разъѣзжая шагомъ среди огня, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ одушевлялъ солдатъ, разговаривалъ съ ними, объяснялъ имъ важность удерживаемаго пункта, обнадеживалъ скорымъ появленіемъ подкрѣпленія и тѣмъ поддерживалъ въ нихъ духъ. Нѣсколько разъ посылалъ онъ въ Теплицъ узнавать, не идетъ ли Раевскій къ нему на помощь, но никто не показывался. Однако, при выходѣ изъ ущелья, засвѣтились мѣдные оклады касокъ нашихъ кирасиръ, заиграли трубы, и вмѣстѣ съ симъ просіяла искра надежды въ сердцѣ каждаго солдата. Конница наша тянулась изъ ущелья длинною колонною, коей одна часть заняла равнину, находившуюся на нашемъ правомъ флангѣ и начала перестрѣлку съ непріятельскими уланами, другая часть расположилась въ полковыхъ колоннахъ за 3-мя баталіонами, оставшимися въ резервѣ. Полки легкой гвардейской кавалерійской дивизіи стали за тою пѣхотой, которая вела перестрѣлку на оконечности нашего лѣваго фланга. Полки сіи стояли безъ всякаго дѣйствія подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ, такъ что чрезъ нѣсколько часовъ недоставало въ каждомъ изъ оныхъ по два эскадрона; много было побито офицеровъ. Наконецъ, Вандамъ предпринялъ атаку, которою надѣялся рѣшить побѣду на свою сторону. Онъ собралъ густыя колонны и послалъ ихъ на штыки взять батарею подполковника Бистрома, который съ четырьмя орудіями храбро дѣйствовалъ цѣлый день и наносилъ большой вредъ непріятелю. Французы опрокинули сперва пѣхоту нашу, которая побѣжала на легкую дивизію, потомъ они бросились къ орудіямъ; тщетно стрѣляли по нимъ картечью, ничего не могло ихъ остановить. Казалось, что въ сію минуту все должно было рушиться, ибо конницѣ невозможно было въ такихъ мѣстахъ дѣйствовать.

Ермоловъ приказалъ 2-му баталіону л.-гв. Семеновскаго полка идти на защиту орудій. Никогда не видалъ я что либо подобнаго тому, какъ баталіонъ этотъ пошелъ на непріятеля. Небольшая колонна эта хладнокровно двинулась скорымъ шагомъ и въ ногу. На лицѣ каждаго выражалось желаніе скорѣе столкнуться съ Французами. Они отбили орудія, перекололи Французовъ, но лишились всѣхъ своихъ офицеровъ, кромѣ одного прапорщика Якушкина, который остался баталіоннымъ командиромъ. Между тѣмъ пріѣхалъ генералъ Дибичъ, быв-

шій генералъ-квартимейстеромъ при Барклаѣ. Увидя тѣсное положеніе наше, онъ поскакалъ къ л.-гв. драгунскому полку и велѣлъ ему за собою слѣдовать; но драгуны не знали его въ лицо, и никто съ мѣста не тронулся, пока онъ не показалъ звѣзды своей. Тогда онъ бросился впередъ, закричавъ «за мною, драгуны!» Одинъ драгунъ поскакалъ за нимъ, потомъ другой, третій, и наконецъ весь полкъ пустился въ атаку въ безпорядкѣ. Ермоловъ, увидя сію атаку, которая сдѣлалась безъ его приказанія, послалъ брата моего Александра остановить драгунъ; но уже было поздно: драгуны опрокинули часть непріятельской пѣхоты, а другую загнали въ болото. Нѣкоторые изъ драгунъ завязли въ болотѣ, другіе же заскакали Французамъ въ тылъ за селеніе Даленъ, вскакали въ селеніе и выгнали къ намъ на чистое поле стрѣлковъ, которые, увидя, что ихъ готовились встрѣтить, остановились. Драгуны порубили ихъ и присоединились къ намъ уже спереди.

Удачная атака сія возстановила бой съ нашей стороны, ибо пѣхота наша оправилась и продолжала по прежнему перестрѣлку. До вечера огонь былъ очень сильный на лѣвомъ флангѣ, но особыхъ покушеній непріятель болѣе не дѣлалъ: онъ ожидалъ, можетъ быть, чтобы мы болѣе ослабли отъ потери людей. Начальникъ штаба Вандама, который былъ взятъ въ плѣнъ, сказывалъ мнѣ, что атака нашихъ драгунъ причинила имъ много вреда и что въ одномъ полку утратилось послѣ этой атаки до 900 человѣкъ, а въ другомъ до 1200.

Между тѣмъ какъ Ермоловъ держался съ 6000 противъ 40 т., государи въ сопровожденіи своихъ главныхъ квартиръ выбирались изъ ущелья, въ которомъ остановилась вся артилерія. Нѣкоторые изъ нихъ, любопытствуя, подъѣхали къ большой дорогѣ, чтобы видѣть ходъ дѣла; другіе же забрались на Шлосбергъ (высокая гора съ рыцарскимъ зàмкомъ, лежащая недалеко отъ Теплица, отъ Кульма верстахъ въ 5-и) и оттуда любовались сраженіемъ, потомъ отправились въ Теплицъ, гдѣ заняли себѣ квартиры и отдыхали. Многіе изъ нихъ однако не остались безъ награды. Пріѣхалъ и Милорадовичъ, когда уже миновала критическая минута. Онъ, помнится мнѣ, былъ тогда командиромъ всей гвардейской пѣхоты. По праву старшаго онъ давалъ приказанія Ермолову, который хотя и молчалъ, но внутри не могъ не досадовать, видя эту налетную личность, совавшуюся въ распоряженія, безъ которыхъ обходились, когда была опасность все потерять. Барклай подъ конецъ также пріѣхалъ и получилъ за успѣхъ дѣла, въ которомъ онъ не былъ участникомъ, Георгія 1-й степени.

Въ 9 часовъ вечера пришелъ гренадерскій корпусъ Раевскаго, у котораго было не болѣе 8000 подъ ружьемъ. Хотя Ермоловъ и былъ

друженъ съ Раевскимъ, но онъ не позволилъ ему занять въ ту ночь передовой цѣпи, для того чтобы въ этотъ знаменитый день не торжествовали другія войска, кромѣ однихъ гвардейцевъ 1-й дивизіи, коимъ исключительно принадлежалъ успѣхъ. Самъ онъ ѣздилъ по цѣпи, уговаривая людей своихъ терпѣливо провести еще сію ночь въ караулахъ.

Слава битвы 17-го Августа подъ Кульмомъ должна бы принадлежать одному Ермолову; но многіе воспользовались симъ случаемъ. Милорадовичъ дѣйствовалъ подъ совѣтами состоявшаго при немъ какого-то капитана Аракчеева, Измайловскаго полка. Генералы главной квартиры также хлопотали, когда все кончилось; они хвастались своими подвигами и получили награды. Удивительно, что и генералъ-интендантъ Канкринъ не получилъ тоже 1-го Георгія за сіе сраженіе; ибо онъ, помнится мнѣ, въ то время былъ въ Теплицѣ, а многіе и въ Прагѣ находились.

Изъ моихъ знакомыхъ раненъ былъ въ сраженія подъ Кульмомъ Семеновскаго полка родственникъ мой Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Прапорщикъ Чичеринъ примѣромъ своимъ ободрялъ солдатъ: онъ влѣзъ на пень, надѣлъ коротенькій плащъ свой на конецъ шпаги и, махая оной, созывалъ людей своихъ къ бою, какъ смертоносная пуля поразила его сзади подъ лопатку плеча; лѣкаря не могли ее вынуть, и онъ черезъ нѣсколько недѣль умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ. Чичеринъ къ наружной красотѣ присоединялъ отличныя качества души. Того же полка былъ раненъ прапорщикъ Хрущевъ. Въ л.-уланахъ ранили Васильева, убили князя Эристова и многихъ другихъ. Въ гвардейскихъ егеряхъ раненъ былъ Ермоловъ; въ Измайловскомъ полку г.-м. Храповицкій. Не было ни одного изъ сихъ полковъ, въ которомъ бы не убыло изъ фронта отъ 20 до 30 офицеровъ, а людей отъ 900 до 1200. Посему можно судить, сколько оставалось подъ вечеръ людей въ нашемъ небольшомъ отрядѣ. Сраженіе подъ Кульмомъ названо Ѳермопильскимъ, потому что мы съ малымъ числомъ войскъ держались противъ 40 т., спасая тѣмъ весь союзъ. Прусскій король, желая ознаменовать память сего дня, прислалъ въ 1815 году 6000 крестовъ, сдѣланныхъ на подобіе желѣзнаго. Знаки сіи не кавалерственные, а замѣняютъ только медали. Ихъ равно роздали генераламъ, офицерамъ и солдатамъ нашей гвардіи, участвовавшимъ въ семъ сраженіи.

18-го августа гвардія отдыхала, стоя въ колоннахъ, а наши гренадеры продолжали дѣло артилерійскимъ огнемъ и ружейною перестрѣлкою, не напирая на непріятеля и не уступая мѣста.

Между тѣмъ Австрійцы, собравшіеся въ Duксѣ, снова присоединились къ намъ. Безконечная бѣлая колонна ихъ вереницею тянулась еще отъ Теплица, когда голова ея скрывалась уже за высотами вне-

реди нашего праваго фланга, а наши гренадеры поднимались лѣсами въ горы съ лѣвой стороны. Съ вечера 17 Августа я уже возвратился къ прибывшему Великому Князю.

Непонятно, почему Вандамъ, видя столь огромныя силы окружающія его, не отступилъ, а дождался, пока колонны сіи, поровнявшись за горами съ его тыломъ и занявъ возвышенія, поставили свою артиллерію, которая вскорѣ сбила непріятеля съ позиціи. При семъ наша конница захватила нѣсколько орудій, и тогда во всемъ Французскомъ корпусѣ сдѣлалось колебаніе. Говорятъ, что Вандамъ самъ закричалъ: Sauve qui peut! и съ симъ словомъ стрѣлки его оставили мѣста свои, канонеры бросили орудія, и все бросилось бѣжать въ безпорядкѣ на горы къ Ноллендорфу. На пути побѣга они были встрѣчены Прусскимъ генераломъ Клейстомъ, который въ то время спускался съ горъ по шоссе. Прусаки шли безъ предосторожностей и не ожидали себѣ на встрѣчу Французовъ. Пѣхота Клейста бросилась въ сторону и скрылась въ лѣсахъ; орудія хотѣли назадъ поворотить, но не успѣли. И лошади, и артилеристы были частью переколоты Польскими уланами, которымъ они препятствовали въ побѣгѣ. Между тѣмъ мы сильно напирали сзади на укрывающагося непріятеля, такъ что изъ Французской пѣхоты едва ли 2000 спаслось по лѣсамъ.

Многимъ еще неизвѣстно, случай ли привелъ Клейста въ Ноллендорфъ, или распоряженіе главнокомандующаго. Я отъ нѣкоторыхъ слыхалъ, что, послѣ пораженія нашего подъ Дрезденомъ, Барклай послалъ записку къ Клейсту съ приказаніемъ идти къ Ноллендорфу въ тылъ непріятелю; но сіе невѣроятно: 1) потому что нельзя было предвидѣть, чтобы Вандамъ отрѣзалъ Остермана съ Ермоловымъ и чтобы произошло подъ Кульмомъ дѣло; 2) потому что Клейстъ шелъ безъ всякой осторожности, и когда онъ разминовался съ непріятельскими уланами и встрѣтился съ Дибичемъ, то, обнявъ его, воскликнулъ: Ach bester General, sind Sie auch gefangen! (ахъ, любезный генералъ, и вы тоже въ плѣну).

Когда непріятель тронулся бѣжать, я поскакалъ впередъ по большой дорогѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, адъютантомъ Великаго Князя. Нѣсколько не доѣзжая Кульма, насъ нагналъ кавалергардскій полкъ. Въ лѣвой сторонѣ отъ дороги въ кустахъ попряталось человѣкъ пятнадцать Французовъ, которые, выстрѣливъ по насъ, хотѣли бѣжать. Нѣсколько кавалергардовъ, отдѣливпись отъ своего полка, поскакали за ними; я также поскакалъ за однимъ изъ нихъ съ обнаженною шпагою и кричалъ ему: Rendez-vous! Уходя онъ держалъ ружье свое на плечѣ и не смѣлъ оборотиться ко мнѣ лицемъ, а приподнимая плечи, закрывалъ затылокъ свой ранцемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращалъ

штыкъ противъ меня, такъ что нельзя было подъѣхать къ нему довольно близко, чтобы ударить шпагою. Наконецъ, Французъ какъ-то поскользнулся на травѣ, и я въ эту минуту, заѣхавъ къ нему съ боку, ударилъ его шпагою по лицу, послѣ чего онъ упалъ.

Въ Кульмѣ я дождался Великаго Князя и поѣхалъ за нимъ шагомъ. Выѣзжая изъ селенія, я увидѣлъ въ переулкѣ брошенный Французскій ящикъ съ зарядами, увернутыми въ паклѣ, которая горѣла. Намѣреваясь выхватить гранату съ дымящейся паклей, я подъѣхалъ къ самому ящику; но, подумавъ, что рискованный и малополезный подвигъ этотъ останется въ безгласности, поспѣшилъ отскочить и едва успѣлъ за стѣну скрыться, какъ ящикъ взорвало съ ужаснымъ трескомъ. Великій Князь былъ недалеко оттуда; онъ самъ только что за сію стѣну заѣхалъ и еслибы онъ нѣсколькими секундами опоздалъ, то не избѣжалъ бы со всею свитою послѣдствій взрыва.

Я ѣхалъ съ Курутой и разговаривалъ съ нимъ о ходѣ дѣла; мы считали брошенныя непріятелемъ орудія по дорогѣ и насчитали ихъ уже большое количество, когда я далъ Курутѣ замѣтить, что орудія эти съ синими лафетами и потому должны быть Прусскія. Пока мы ихъ разсматривали, наскакалъ на насъ Клейстъ, который полагалъ себя въ плѣну. Корпусъ его весь разсыпался по лѣсамъ, а на большой дорогѣ осталась вся его артилерія съ побитою прислугою, и маркитанты, которыхъ разграбили. Тутъ же случился и одинъ Русскій полковой казенный денежный ящикъ, который былъ раскрытъ, но ничего въ немъ не было тронуто. Этотъ ящикъ, какъ и многія Русскія повозки, отбившіяся отъ своихъ полковъ послѣ пораженія подъ Дрезденомъ, пристали къ Клейсту и потерпѣли общую участь его корпуса.

Кавалергардскаго полка ротмистръ Гревсъ былъ посланъ со своимъ эскадрономъ на гору къ Ноллендорфу. Великій Князь уже назадъ воротился, я же поѣхалъ съ Гревсомъ впередъ. Мы удивились, увидя двухъ Французскихъ солдатъ съ ружьями, вылѣзающихъ изъ колокольни; но то были не Французы, а Русскіе плѣнные, бѣжавшіе отъ Французовъ; такъ они по крайней мѣрѣ объяснились, говоря, что одѣлись во Французскіе мундиры и скрылись въ колокольнѣ, дожидаясь нашего появленія.

Въ виду нашемъ опомнившіеся Прусскіе егеря Клейста захватили въ плѣнъ непріятельскую роту, которая скрывалась въ лѣсу, но при этомъ случаѣ первыми выстрѣлами Французовъ былъ убитъ Прусскій капитанъ.

Такъ какъ непріятеля не было нигдѣ болѣе видно, то мы съ Гревсомъ возвратились къ своему мѣсту.

При началѣ преслѣдованія я былъ свидѣтелемъ, какъ сдался въ плѣнъ начальникъ штаба Вандама. Онъ вышелъ изъ лѣсу, окруженный многими офицерами, и всѣ преклонили колѣна передъ Милорадовичемъ, который великодушно простилъ имъ и былъ весьма радъ сдѣлать театральную сцену. Послѣ сей сдачи я ѣхалъ нѣсколько времени рядомъ съ начальникомъ штаба Вандама и имѣлъ случай разспрашивать его о силахъ Французовъ и проч. Мнѣ не удалось видѣть Вандама, который былъ также взятъ въ плѣнъ. Говорили, что онъ началъ было важничать въ Теплицѣ, но что Великій Князь его унялъ. Когда его повезли, то въ Лаунѣ жители приняли его каменьями, такъ что фельдъегерь, съ нимъ ѣхавшій, едва могъ отдѣлаться отъ нихъ. Вандамъ извѣстенъ былъ въ Германіи по своей жестокости; онъ грабилъ болѣе другихъ Французскихъ маршаловъ и дѣлалъ жителямъ насилія всякаго рода. Вандама привезли въ Москву, гдѣ дворянство наше принимало его съ почетомъ и позволяло ему говорить всякія наглости въ обществѣ. Впослѣдствіи, кажется, отвезли его въ Пензу.

Пребывая въ Теплицѣ, многіе изъ членовъ главной квартиры заботились о приписаніи себѣ чести побѣды, тогда какъ настоящій побѣдитель, Ермоловъ, оставался съ войскомъ на полѣ сраженія и мало безпокоился о томъ что̀ говорили.

Не одни генералы домогались названія побѣдителей; два полковника того же добивались. Первый былъ Кроссаръ, который увѣрялъ, что причиною выигрыша сраженія была атака Раевскаго съ гренадерами съ лѣваго фланга нашей позиціи. Онъ увѣрялъ, что эта атака была сдѣлана по его совѣту, тогда какъ его вездѣ принимали какъ шута и что для сей атаки были еще съ вечера приведены войска, да другой и не могло тамъ быть. Видя, что никто его не выслушивалъ, Кроссаръ обратился къ начальнику штаба Вандама и увѣрялъ его, что атака Раевскаго точно была причиною нашей побѣды, накормилъ его и сталъ повсюду водить, заставляя его за себя заступаться; но какъ и то средство ему не помогло, то онъ сталъ ко мнѣ приставать со своими убѣжденіями, такъ что я едва могъ отъ него отвязаться. Другой претендентъ былъ подполковникъ квартирмейстерской части Дистъ, родомъ Голандецъ. Онъ прежде многихъ изъ товарищей своихъ главной квартиры пріѣхалъ къ Кульмскому сраженію и видя, что мѣсто необходимо было удержать, онъ поскакалъ назадъ къ Барклаю и доложилъ ему о своемъ мнѣніи, утверждая, что Ермоловъ непремѣнно долженъ до послѣдняго человѣка держаться подъ Кульмомъ. По уставу Георгіевскаго ордена, онъ дается и за благой совѣтъ: на этомъ основаніи назначили Дисту Георгіевскій крестъ 4-й степени, въ сущности за то только, что онъ совѣтовалъ разбить не-

пріятеля; но Ермоловъ остановилъ дѣло и требовалъ, чтобы Дисту дали крестъ не иначе, какъ по рѣшенію кавалерской думы. Собирали думу, которая рѣшила, что Дисту креста не слѣдуетъ; но Барклай остался этимъ рѣшеніемъ недоволенъ и сдѣлалъ о Дистѣ особое представленіе Государю, который пожаловалъ ему Георгія 4-й степени, вопреки мнѣнію Ермолова, настоящаго героя сего дня.

Квартирмейстерской части подполковникъ Зуевъ, по приказанію Алексѣя Петровича, представилъ меня и Даненберга къ чинамъ. Между тѣмъ Курута представилъ насъ Его Высочеству къ Владимирскимъ крестамъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ Константину Павловичу вздумалось въ представленіи оставить мнѣ крестъ, а Даненбергу дать чинъ, такъ что я за Кульмское сраженіе получилъ чинъ и крестъ, а Даненбергъ два раза одинъ и тотъ же чинъ. Съ этого времени служба моя приняла другой оборотъ. Я сталъ получать награды и въ скоромъ времени, хотя я не перегналъ товарищей своихъ, но по крайней мѣрѣ отъ многихъ болѣе не отставалъ.

Шиндлеръ получилъ за Кульмское сраженіе Георгіевскій солдатскій крестъ, и я ему въ подарокъ отдалъ тотъ крестъ, который я на пути изъ Петербурга снялъ съ двоюроднаго брата моего Мордвинова.

Послѣ Кульмскаго сраженія Великій Князь жилъ въ Теплицѣ въ одномъ дворцѣ съ Австрійскимъ императоромъ, а Государь занималъ домъ напротивъ дворца черезъ площадь. Мы квартировали съ Даненбергомъ въ небольшой комнатѣ вмѣстѣ съ Мёнье. Къ намъ приходилъ иногда ночевать Шиндлеръ, который былъ уже произведенъ въ офицеры, причемъ онъ училъ меня борьбѣ—искусство, въ которомъ онъ былъ изощренъ, какъ и въ гимнастикѣ, коей правила были ему хорошо знакомы.

Не знаю, по какимъ причинамъ меня съ Даненбергомъ назначили состоять при Милорадовичѣ, который квартировалъ въ селеніи, верстахъ въ двухъ отъ Теплица. И такъ я опятъ попался подъ начальство полковника Черкасова; но я его мало видѣлъ, а зависѣлъ болѣе отъ флигель-адъютанта полковника Сипягина, который былъ начальникомъ штаба при гвардейскомъ корпусѣ у Милорадовича. Тутъ я познакомился съ однимъ его адъютантомъ, Акуловымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, который былъ послѣ убитъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Съ нимъ я однажды отправился въ полночь на гору Шлосбергъ, гдѣ находились извѣстныя развалины рыцарскаго за́мка недалеко отъ Теплица; мы вмѣстѣ выходили эту романическую мѣстность, перебывавъ во всѣхъ углахъ и доступныхъ мѣстахъ замѣчательной руины. Положеніе за́мка Шлосберга очаровательное. Онъ построенъ на горѣ, коей покатости обсажены плодовитыми деревьями, сливами и

грушами. Среди этой красивой рощи извиваются остатки старинной вымощенной дороги, подымающейся зизгагами къ воротамъ за́мка. На стѣнахъ за́мка видно множество надписей, начертанныхъ посѣтителями. Зданіе окружено рвомъ, котораго подземельные ходы проводятъ сквозь гору наружу. Кромѣ того, во рву подѣланы казематы съ небольшими въ сторону отъ нихъ подземными же комнатами, гдѣ встрѣчаются человѣческія кости и желѣзныя въ стѣнахъ кольца. Во времена рыцарства тутъ приковывали людей и закладывали стѣной сіи тѣсныя комнаты, въ которыхъ узники погибали своею смертью.

Какъ въ Теплицѣ, такъ и въ деревнѣ, гдѣ мы жили, обходилось не безъ нужды въ пищѣ; потому что въ городѣ располагались всѣ наши союзныя главныя квартиры, отъ многолюдства коихъ ничего нельзя было на рынкѣ достать въ покупку, селенія же были всѣ заняты войсками, и многіе изъ насъ питались грушами и сливами, въ изобиліи произраставшими на полѣ Кульмскаго сраженія, на Шлосбергѣ и почти повсюду. Мы должны были посылать людей своихъ съ фуражирами въ отдаленныя селенія, откуда имъ удавалось привозить понемногу хлѣба, при чемъ случались драки, а иногда жители стрѣляли по нашимъ фуражирамъ. Мы также терпѣли недостатокъ въ курительномъ табакѣ, котораго нельзя было купить въ Теплицѣ, потому что табакъ на откупу у императора, и къ торговлѣ табакомъ приставлены особенные чиновники. Табакъ, выдававшійся Австрійскимъ войскамъ, хранился въ магазинѣ, находившемся въ какомъ-то тѣсномъ переулкѣ, куда товаръ сей привозили на огромныхъ фурахъ. Табакъ сей очень дуренъ, гнилой, завернутъ въ бумагѣ пачками, залѣпленными глиною. Все это смотритъ настоящей казенщиной. Австрійцы выдавали этотъ табакъ своимъ войскамъ, а нашимъ позволили покупать его, но еще съ условіемъ, чтобы покупщикъ имѣлъ на то ассигновку изъ городской ратуши; табакъ же продавался по сущей бездѣлицѣ. Наши солдаты, смекнувъ дѣло, пустились въ промыселъ: они приходили изъ лагеря въ городъ за ассигновками, скупали множество казеннаго табаку и по возвращеніи устраивали въ лагеряхъ лавочки, гдѣ табакъ продавался уже по вольной цѣнѣ, т. е. втрое и вчетверо дороже. Австрійцы и Прусаки, которые лѣнились ходить въ городъ, приходили покупать Австрійскій императорскій табакъ по Русской таксѣ; но торгъ этотъ былъ вскорѣ запрещенъ. Солдаты наши открыли еще другой промыселъ: на улицѣ съ лавками, на толкучемъ рынкѣ, гдѣ они толпою роились, они уносили вещи изъ лавокъ и продавали ихъ прохожимъ за полцѣны, такъ что на улицахъ торговали болѣе, чѣмъ въ самыхъ лавкахъ.

Теплицкія горячія ванны были отданы Австрійскимъ императоромъ нашимъ солдатамъ для купанія или пользованія; но ванны сіи въ короткое время были обращены въ прачешныя: ибо солдаты, вмѣсто того чтобы купаться въ сей водѣ, воспользовались готовою горячею водою и стали въ ней бѣлье мыть. Я попыталъ купаться въ этихъ водахъ, но не могъ пользоваться тѣми выгодами, которыя отъ нихъ прежде получались. Замѣтно было, что ванны и комнаты были нѣкогда хорошо отдѣланы; но тутъ уже надсмотрщиковъ не было, и ванны остались на произволъ судьбы. Двери комнатъ были выломлены, не было никакой прислуги, и купальни теряли отъ того свою цѣнность.

Нерѣдко случались драки между нашими солдатами и Австрійскими. Мимоидущіе Прусаки всегда вступались въ драку за нашихъ, такъ какъ и наши вступались за Прусаковъ, побѣдивъ общаго непріятеля, Австрійцевъ, они отправлялись въ кабакъ, гдѣ Прусаки обыкновенно подчивали Русскихъ, и когда наши порядкомъ напивались, то они принимались за Прусаковъ и въ свою очередь колотили новыхъ камрадовъ, своихъ угостителей. Случилось однажды, что одинъ гвардейскій артилеристъ, высокаго роста и молодецъ собою, сидѣлъ за обѣдомъ въ харчевнѣ, гдѣ онъ волочился за служанкою. Вошелъ Австрійскій офицеръ, который также волочился за этой дѣвкой. Замѣтивъ расположеніе ея къ артилеристу, онъ обнажилъ саблю свою и, ударивъ нашего, легко ранилъ его. Артилеристъ вырвалъ у него саблю изъ рукъ, бросилъ ее подъ столъ, и продолжалъ начатый имъ обѣдъ; но разъяренный Цесарецъ вторично бросился на артилериста, который толчками выпроводилъ его на улицу. Случившіеся тутъ Русскіе офицеры, въ успокоеніе Австрійца, отдали нашего солдата подъ караулъ часовому л.-гв. Павловскаго полка, который стоялъ при ящикѣ у воротъ квартиры артилерійскаго генерала Сухозанета, въ домѣ котораго все это происшествіе случилось. (Въ Теплицѣ въ каждомъ домѣ есть трактиръ, потому что туда пріѣзжаетъ много посѣтителей для пользованія на водахъ). Нашъ артилеристъ спокойно сидѣлъ за часовымъ; взбѣшенный же Австріецъ побѣжалъ на гауптвахту квартиры фельдмаршала Шварценберга и привелъ оттуда команду огромныхъ гренадеръ въ медвѣжьихъ шапкахъ; ихъ было 19 человѣкъ, 20-й былъ ихъ офицеръ, 21-й барабанщикъ и 22-й побитый офицеръ, который гордо шелъ впереди отряда и, дойдя до нашего часоваго, указалъ гренадерскому офицеру артилериста. Тотъ смѣло подошелъ, оттолкнувъ часоваго, который случился молодой солдатъ; затѣмъ онъ хотѣлъ арестанта взять за воротъ, но получилъ отъ него такую пощечину, что на ногахъ перевернулся.—«Какъ ты смѣешь, проклятый Нѣмецъ, часоваго трогать?» сказалъ онъ ему,—

«часовой-то дуракъ, а былъ бы я на часахъ, то просадилъ бы въ тебя штыкъ». Австрійскіе гренадеры приступили къ нашему артилеристу, вытащили его на средину улицы и атаковали по всѣмъ правиламъ тактики. Собралось множество народа, но артилеристъ не робѣлъ; онъ разгонялъ толпу черезъ которую поминутно летали Австрійскія шапки. Уже нѣсколькихъ гренадеръ привелъ онъ въ такое состояніе, что они не могли болѣе драться и многимъ изъ нихъ разбилъ лица въ кровь; но, наконецъ, упалъ подъ повторенными ударами прикладовъ, которыми его безжалостно били въ голову. Онъ получилъ также одну рану штыкомъ въ бокъ. Австрійцы, побѣдивъ его, нагнулись, чтобы поднять нашего артилериста и тащить его къ себѣ въ караульню; но онъ какъ бы ожилъ и, вскочивъ весь въ крови, схватилъ обѣими руками два ружья за штыки, одинъ штыкъ перегнулъ пополамъ, другой же сорвалъ съ ружья и сталъ имъ защищаться, ранилъ офицера и нѣсколькихъ солдатъ, но не могъ долѣе устоять противъ такого большаго числа людей; однако пробился еще сквозь толпу и, скрывшись въ подъѣздѣ дома, прислонился къ стѣнѣ. Австрійцы преслѣдовали, окружили и снова начинали бить его прикладами по головѣ; но артилеристъ, схвативъ двухъ изъ нихъ за галстуки и закрутивъ ихъ, сталъ душить враговъ своихъ, несмотря на то, что его продолжали бить. Онъ, наконецъ, упалъ, держа двоихъ за горло полумертвыми. Прибѣжавшіе на шумъ Русскіе офицеры отбили артилериста. Его принесли безъ памяти въ горницу, голова у него была прошиблена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и онъ имѣлъ другія раны на тѣлѣ. Австрійцы возвратились съ подбитыми скулами, въ крови, безъ шапокъ, а иные безъ ружей. Случившіеся тутъ офицеры наши дали нѣсколько червонцевъ раненому артилеристу, который нисколько не унывалъ, когда очнулся. Австрійцы часто отплачивали намъ въ селеніяхъ, гдѣ у нихъ повсюду были разставлены залоги. Они стрѣляли по нашимъ обезоруженнымъ фуражирамъ, и болѣе одного раза случилось, что убивали ихъ.

Однажды братъ мой Александръ былъ посланъ въ Ноллендорфъ на рекогносцировку. Онъ проѣзжалъ недалеко отъ нашего лагеря, мимо селенія, и увидѣлъ человѣкъ сто Преображенскихъ солдатъ, вооруженныхъ дубьемъ, которые спѣшили въ то селеніе. «Куда вы, ребята?» спросилъ ихъ братъ.—«Ваше благородіе, Цесарцы убили одного нашего; онъ у нихъ въ селеніи лежитъ; мы его въ лагерь принести хотимъ». Александръ, остановивъ ихъ, въ порывѣ мщенія, самъ повелъ въ деревню, гдѣ при въѣздѣ увидѣлъ человѣкъ 20 Австрійцевъ, которые на него приложились и кричали ему, чтобы онъ не подъѣзжалъ ближе; но братъ махнулъ имъ платкомъ и закричалъ, чтобы

они ружья отставили, чему они повиновались. Тогда братъ вошелъ въ селеніе съ Преображенцами, взялъ убитаго, всѣхъ Цесарцевъ и представилъ ихъ къ генералу Розену, шефу Преображенскаго полка. Не знаю, чтò съ сими Австрійцами сдѣлали; но вѣроятно то, что Государь приказалъ отпустить ихъ безъ наказанія.

Войска находились въ необходимости посылать фуражировъ, ибо терпѣли большой недостатокъ въ провіантѣ, неисправно доставляемомъ отъ Австрійскаго правительства, отъ чего происходила въ хлѣбѣ нужда, вызывавшая насильственныя мѣры и безпорядки.

Вскорѣ послѣ Кульмскаго сраженія, получено было извѣстіе, что Блюхеръ совершенно разбилъ Французовъ на Кацбахѣ, взявъ у нихъ много орудій и людей въ плѣнъ. И такъ, счастье начало въ нашу пользу клониться, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ сраженій.

Дрезденскіе дожди до такой степени разстроили рану брата Михаилы, что онъ не въ состояніи былъ сидѣть верхомъ и ходить, и его изъ Теплица отправили въ Прагу, гдѣ онъ пролежалъ съ мѣсяцъ съ Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Чичеринымъ, оба Семеновскаго полка и раненые. Потомъ братъ Михаила поѣхалъ въ Петербургъ, оттуда на Кавказскія воды и болѣе въ армію не возвращался. Въ тоже время довелось мнѣ проститься и съ старшимъ братомъ, котораго командировали въ отрядъ къ графу Матвѣю Ивановичу Платову. И такъ мы должны были разстаться, разъѣхаться всѣ врозь, и Богъ знаетъ, когда другъ друга опять увидѣть. Проводивъ часть почи вмѣстѣ, мы простились и разошлись каждый въ свою сторону.

Въ Теплицѣ сдѣлано нѣсколько парадовъ. Первый изъ нихъ былъ на другой дань сраженія подъ Кульмомъ, когда въ слабыхъ гвардейскихъ баталіонахъ взводами командовали унтеръ-офицеры. Другой парадъ былъ при пожалованіи Государемъ Георгіевскихъ знаменъ въ гвардію. Гулъ отъ залповъ артилеріи и пѣхоты, при семъ случаѣ произведенныхъ, раздался въ горахъ до Ноллендорфа, гдѣ стояла Австрійскія передовыя войска, которыя отъ того встревожились и, полагая, что подъ Кульмомъ опять дерутся, стали въ ружье. Третій парадъ былъ сдѣланъ кирасирамъ на самомъ полѣ сраженія. Такъ какъ я въ то время состоялъ при Милорадовичѣ, то мнѣ тамъ дѣла не было, и я взобрался на Шлосбергъ, откуда любовался движенію эскадроновъ. Говорили, что парадъ этотъ былъ очень непріятенъ для тѣхъ, которые въ немъ участвовали, по зловонію отъ мертвыхъ тѣлъ, которыя еще не всѣ были убраны. Полагали, что подъ Кульмомъ легло до 4 т. человѣкъ. Дни были жаркіе, и даже тѣ тѣла, которыя успѣли похоронить, испускали смрадъ, потому что ихъ въ скорости едва засыпали пескомъ.

Милорадовичъ получилъ приказаніе двинуться къ Ноллендорфу. Мнѣ положительно неизвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ было предпринято это движеніе; но думали, что Шварценбергъ намѣревался другой разъ атаковать Дрезденъ. Передовые посты наши подвинулись къ Петерсвальдау, а мы пришли въ Ноллендорфъ, гдѣ простояли не болѣе однихъ или двухъ сутокъ, нуждаясь во всемъ. Тутъ я въ первый разъ курилъ хмѣль за неимѣніемъ табаку. Сипягинъ много суетился на семъ переходѣ, съ цѣлью придать болѣе важности званію своему начальника штаба; Даненберга и меня онъ нѣсколько разъ посылалъ съ пустыми порученіями взадъ и впередъ на равнину.

Непріятель нѣсколько разъ тревожилъ насъ небольшими перестрѣлками въ лѣсахъ, на лѣвомъ спускѣ съ горъ.

По возвращеніи Милорадовича къ Кульму, насъ снова перевели къ Его Высочеству, чему мы были очень рады.

Такъ какъ конница наша нуждалась въ кормахъ около Теплица, то ее поставили на кантониръ-квартиры въ 6 или 7 миляхъ отъ Теплица назадъ, нѣсколько влѣво отъ Пражской дороги. Мы занимали богатыя мѣста, и въ короткое время конница наша поправилась.

Великій Князь стоялъ въ прекрасномъ за́мкѣ, окруженномъ городками, селеніями, садами и рыцарскими древними за́мками, изъ коихъ Газенбергъ отличался отъ другихъ вышиною одной башни и мѣстоположеніемъ своимъ.

Адъютантъ князя Голицына Башмаковъ, ѣздившій въ г. Лейтмерицъ (что̀ было отъ насъ въ 3-хъ миляхъ), видѣлъ тамъ вновь прибывшее изъ Россіи Нижегородское ополченіе и отца моего, который былъ начальникомъ штаба при графѣ Толстомъ, командовавшемъ симъ ополченіемъ. Батюшка разспрашивалъ его обо мнѣ и поручилъ сказать, что желалъ бы со мною видѣться. Я немедленно выпросился у Куруты на три дня и поѣхалъ съ моимъ слугою Николаемъ верхомъ; но, прибывъ въ Лейтмерицъ, я не засталъ тамъ отца, который уже выступилъ къ Ауссигу. Я отправился нагонять его черезъ городокъ Ловозицъ, извѣстный по сраженію въ Семилѣтнюю войну между Фридрихомъ II и Австрійцами. Я продолжалъ путь свой по берегу Эльбы, безподобными мѣстами. Обозы ополченныхъ занимали всю дорогу. Странно было видѣть бородатыхъ мужиковъ, имѣющихъ на головѣ уланскія сѣрыя шапки и еще съ короткими черными султанами. Я спрашивалъ встрѣчавшихся офицеровъ, не знаютъ ли они полковника Муравьева? Всѣ его знали. Съ біющимся сердцемъ приближался я къ Ауссигу и съ особенною радостью въѣхалъ ввечеру въ городокъ, въ которомъ отецъ находился. Въ мигъ отыскалъ я квартиру его, но не

засталъ его дома: онъ разводилъ передовые посты. Часа черезъ два батюшка возвратился. Мы поужинали и легли спать.

На другой день люди его пришли къ нему жаловаться, что Австрійцы заняли его конюшню. Я тотчасъ же сошелъ внизъ, вытолкалъ Австрійцевъ съ ихъ лошадьми и прогналъ ихъ офицера, чему батюшка весьма удивился, потому что онъ еще не видалъ Австрійцевъ и не зналъ, какъ съ ними должно было обращаться. Ополченные смотрѣли удивленными глазами на войска союзныхъ державъ. Отецъ, желая похвалиться своими войсками, показалъ мнѣ сперва своихъ ополченныхъ крестьянъ, а послѣ того артилерійскую конную роту полковника Ховена, которая въ самомъ дѣлѣ была въ отличномъ состояніи.

Ввечеру представилъ онъ меня графу Толстому, который принялъ меня ласково.

Отецъ мой выѣхалъ изъ Москвы съ княземъ Урусовымъ въ Нижній Новгородъ, въ то время когда Французы подходили къ Москвѣ. При немъ находилось человѣкъ десять молодыхъ людей, которыхъ онъ училъ и приготовлялъ на службу. Въ то время формировались въ Нижнемъ Новгородѣ ополченія подъ командою графа Толстаго. Желаніе моего отца было вступить въ службу; но князь Урусовъ, слабый старый и упрямый, противился тому. Онъ сердился на батюшку и грозилъ лишить его наслѣдства, если онъ вступитъ въ службу и оставитъ его. Самъ отецъ не имѣлъ почти никакого состоянія; однако желаніе участвовать въ войнѣ все превозмогло, и его приняли на службу изъ отставныхъ подполковниковъ полковникомъ по арміи. При семъ случаѣ онъ опредѣлилъ на службу и окружилъ себя своими учениками, коихъ произвели въ свиту по квартирмейстерской части офицерами. Въ числѣ ихъ были: Бурцовъ, Филипповичъ, Безпальцевъ, Кекъ, графъ Бутурлинъ и Рогфортъ.

Батюшка обладалъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и отъ того не упускалъ никогда обязанностей своихъ по службѣ, коей онъ принесъ большую пользу; ибо изъ окружавшихъ графа Толстаго онъ единственный былъ дѣловой, такъ что дѣло на немъ лежало. Графъ былъ человѣкъ благородный, но довольно безтолковый; онъ видѣлъ слабости моего отца, замѣчалъ ему, но на него одного полагался, и можно сказать, что ополченія были сформированы заботами батюшки. Разсказываютъ, что, еще при сборѣ оныхъ, однажды дворянство отказалось было служить, и всѣ сказались больными. Тогда отецъ поспѣшно отправился въ собраніе дворянъ и, обнаживъ среди ихъ саблю, произнесъ такую энергическую и даже грозную рѣчь, что все въ мигъ измѣнилось, больные выздоровѣли и вступили въ службу. Въ другой разъ Пензенскіе ополченцы взбунтовались, перевязали своихъ офицеровъ и,

назначивъ своихъ, разграбили какой-то городъ, стали разбивать кабаки и собирались идти на Пензу. Батюшка отправился съ Пензенскимъ коннымъ ополченнымъ полкомъ и въѣхалъ одинъ въ городъ Арзамасъ къ бунтовщикамъ, которые, увидѣвъ такую рѣшительность, оробѣли, выслушали рѣчь отца моего, выдали сперва заключенныхъ офицеровъ своихъ, а потомъ начальниковъ бунта и просили прощенія. Ихъ до 200 пересѣкли кнутомъ и отправили въ Сибирь; а прочимъ, коихъ было до 6 тыс., отецъ мой тотчасъ приказалъ выступить въ походъ, и они послѣ того сдѣлались совершенно покорными. По переходѣ ополченій за границу, отецъ мой исключительно распоряжался ими. Ихъ съ мѣста выступило до 70 т., но за границу перешло не болѣе 35 т.; прочіе люди пострадали отъ повальной болѣзни, опустошавшей тѣ губерніи, черезъ которыя Французы отступали, и остались въ госпиталяхъ.

Графъ Толстой, при отличныхъ свойствахъ души его, былъ мало способенъ для командованія, почему отецъ мой управлялъ всѣми дѣлами въ его корпусѣ. Г.-л. Николай Селиверстовичъ Муромцовъ былъ дивизіоннымъ начальникомъ въ ополченіи и въ большомъ довѣріи у графа Толстаго. Человѣкъ онъ былъ пустой и много мѣшалъ порядливому ходу распоряженій, почему батюшка не могъ имѣть къ нему уваженія. Михаилъ Николаевичъ Новиковъ занималъ мѣсто дежурнаго штабъ-офицера. Хотя онъ еще былъ молодъ, но дворянство Пензенское выбрало его въ свои предводители. Новиковъ не получилъ особеннаго воспитанія, но самъ образовался чтеніемъ и обращаніемъ въ обществѣ. Онъ былъ уменъ, правилъ благородныхъ и обладалъ даромъ слова. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія о Россіи, должность свою исправлялъ отличнымъ образомъ и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ батюшкою.

Изъ окружавшихъ графа Толстаго я видѣлъ слѣдующихъ: адъютанта его Филимонова—чистая Москва, и стихотворецъ, и сплетникъ, и любезный малый, и сердечкинъ; его любили въ обществѣ, но не на дѣлѣ; адъютантовъ Муромцова и Керестури (сынъ доктора въ Москвѣ, хитрая и умная особа). Квартирмейстерской части прапорщикъ графъ Бутурлинъ попалъ въ близкіе къ графу Толстому со своимъ неразлучнымъ пѣстуномъ Англичаниномъ Рогфортомъ, который также былъ прапорщикомъ свиты. При Бутурлинѣ находился также Французскій эмигрантъ Жиле, котораго приняли въ нашу службу штабсъ-капитаномъ; онъ былъ человѣкъ добрый, но принадлежалъ къ числу дармоѣдовъ, наполнявшихъ наши главныя квартиры. Въ 1816 году, когда, отправляясь въ Пермь, я навѣстилъ отца въ деревнѣ, Жиле пріѣзжалъ просить его о представленіяхъ къ наградамъ за прошлое время. Замѣтивъ у него въ петлицѣ медаль за 1812 годъ, которую ему во-

все не слѣдовало носить, я съ него снялъ этотъ знакъ. Тоже самое сдѣлалъ князь Волконскій въ присутствіи многихъ офицеровъ съ воспитанникомъ Жиле, графомъ Бутурлинымъ, который также надѣлъ было эту медаль.

Послѣ трехъ дней пребыванія въ Аусситѣ, я поѣхалъ назадъ. Отцу нечего было дать мнѣ кромѣ двадцати пяти рублей серебромъ, и въ сихъ деньгахъ состояло тогда все мое богатство. Проѣзжая мимо Ловозица назадъ, я истратилъ часть оныхъ на покупку подковъ, коими запасся: въ подковахъ былъ большой недостатокъ въ арміи, отъ чего я однажды лишился уже хорошей лошади, которую долженъ былъ бросить.

Подъѣзжая къ за̀мку, въ которомъ стоялъ Константинъ Павловичъ, я узналъ, что онъ выступилъ въ походъ и что всѣ войска ушли, но куда именно, никто не могъ мнѣ объяснить. Я поѣхалъ по направленію, въ которое пошли войска, распрашивая поселянъ. Въ тотъ день сдѣлалъ я очень большой переходъ. Вечеръ засталъ меня въ Лаунѣ. Тутъ я съѣхался съ однимъ офицеромъ Астраханскаго гренадерскаго полка Сухаревымъ, который, вылечившись отъ ранъ, отыскивалъ свой полкъ. Мы поѣхали съ нимъ вмѣстѣ и поздно пріѣхали въ какое-то мѣстечко, въ которомъ было множество Австрійцевъ, такъ что я не имѣлъ надежды получить квартиру для ночлега, но Сухаревъ вывелъ меня изъ затрудненія. «Я все вамъ въ ратушѣ достану», сказалъ онъ, «только не показывайте бургмейстеру, что вы по-нѣмецки знаете; а то онъ разговорится съ вами, и мы принуждены будемъ ночевать на чистомъ воздухѣ». Я послушался его, молчалъ и былъ свидѣтелемъ его разговора съ градоначальникомъ. Сухаревъ ни слова по-нѣмецки не зналъ, а Нѣмцы такихъ офицеровъ боялись. Однакоже онъ растолковался съ бургмейстеромъ и, покричавъ на него, получилъ хорошую квартиру, на которой мы ночевали. На другой день я съ Сухаревымъ разстался и нагналъ Великаго Князя въ какомъ-то большомъ селеніи на дневкѣ.

Пока я ѣздилъ къ отцу, войска получили повелѣніе немедленно выступить въ Саксонію, на Маріенбургъ, и идти черезъ Хемницъ и Альтенбургъ къ Лейпцигу. Мы продолжали походъ по данному маршруту и опять шли по чудесной Саксоніи, гдѣ гостепріимство и образованіе жителей замѣнили дурной пріемъ, который мы испытывали въ Богеміи

Вступивъ въ Саксонію, Австрійцы безщадно грабили жителей Австрійцевъ было большое количество, армія ихъ была сильнѣе Прусской въ сложности съ нашею; но они теряли много народа на переходахъ, по слабой дисциплинѣ въ ихъ войскѣ Въ ненастную погоду

солдаты и даже офицеры отставали отъ своихъ полковъ и разсыпались по окрестъ лежащимъ селеніямъ.

Мы шли къ Лейпцигу и опять пришли въ тотъ же Пегау, о которомъ я упоминалъ, описывая сраженіе подъ Люценомъ. Изъ Пегау пришли мы ночевать къ селенію, коего имени не помню. По заведенному порядку, Даненбергъ и я были посланы для занятія лагернаго мѣста близъ сего селенія. Никакой опасности не могло еще быть, потому что Французы были въ Лейпцигѣ, который отъ насъ находился верстахъ въ 30, а впереди насъ былъ въ авангардѣ графъ Витгенштейнъ съ двумя корпусами и нѣсколько партизановъ нашихъ и Прусскихъ. Намъ же не приказано было наблюдать особенной осторожности при назначеніи лагеря, а занять его какъ обыкновенно водилось, т.-е., выбрать мѣсто близкое къ водѣ и селенію и расположить полки въ колоннахъ по старшинству ихъ. Мы сдавали мѣста квартирьерамъ, какъ вдругъ прилетѣлъ сумасшедшій Кроссаръ, который гдѣ-то прослышалъ, что мы готовимся идти въ бой. «Что вы дѣлаете»? «закричалъ онъ. «Вы хотите, чтобы вся наша армія погибла! Въ этомъ селеніи надобно поставить баталіонъ пѣхоты, въ томъ два, здѣсь двѣ роты, тутъ два полка кирасиръ, тамъ полуэскадронъ гусаръ, тутъ 6 орудій и пр., и тогда пускай непріятель на насъ наткнется». Что̀ было дѣлать съ этимъ сумасбродомъ? Мы съ Даненбергомъ уѣхали, Кроссаръ же до самыхъ сумерокъ скакалъ съ квартирьерами по полю, по деревнямъ и не могъ съ ними объясниться, потому что не зналъ порусски. Уже мы слышали трубы приближающейся конницы, а лагерь еще не былъ разбитъ, и мы бы остались виновными въ глазахъ Великаго Князя; но къ счастью нашему Курута впередъ пріѣхалъ. Мы ему разсказали причины, помѣшавшія намъ исполнить свой долгъ и показали ему Кроссара, еще бѣсновавшагося по чистому полю. Конницу успѣли поставить безъ квартирьеровъ; Великій же Князь, не доходя мѣста, своротилъ съ дороги и поѣхалъ въ назначенное для него селеніе. Это было Октября 3-го дня.

1-го или 2-го числа на поляхъ Лейпцига происходили сильныя кавалерійскія дѣла, въ которыхъ участвовали наши и Прусскія войска, причемъ пѣхоты вовсе не было ни съ той, ни съ другой стороны. Конница съ обѣихъ сторонъ смѣшалась и въ тѣснотѣ рубилась. Уподобляли битву сію сѣчамъ древнихъ.

Бывшій адъютантъ Великаго Князя, конной гвардіи полковникъ князь Кудашевъ, командуя отрядомъ, былъ партизаномъ; онъ былъ раненъ въ сихъ дѣлахъ, отъ чего и умеръ. О немъ много сожалѣли.

3-го числа ввечеру получена была диспозиція къ генеральному сраженію отъ Барклая-де-Толли. Радость была всеобщая. Наполеонъ

собралъ около Лейпцига свою армію, въ коей считалось до 150 тыс. человѣкъ, въ томъ числѣ много артилеріи и довольное количество конницы. Наша диспозиція къ атакѣ, вѣроятно сдѣланная Австрійскимъ фельдмаршаломъ Шварценбергомъ, была такая же какъ подъ Дрезденомъ, т.-е. мы окружали съ трехъ сторонъ непріятеля и потому одержали подъ Лейпцигомъ побѣду только оттого, что у насъ было 300 тыс. подъ ружьемъ; но такъ какъ многіе корпуса опоздали придти въ назначенное время и Русскіе, прежде всѣхъ прибывшіе, остались безъ связи съ прочими войсками, то непріятель, сначала атаковавшій насъ, едва было не разбилъ нашу армію. Общая линія наша занимала около двадцати верстъ въ длину, почему непріятелю удобно было ударять со всѣми силами своими въ слабѣйшее мѣсто, что̀ и случилось 4-го числа Октября.

По диспозиціи Шварценберга, линіи наши имѣли фигуру подковы, коей лѣвый флангъ съ Юга былъ занятъ Австрійскимъ корпусомъ подъ командою генерала Коллоредо; къ нему справа примыкалъ Витгенштейнъ, къ Витгенштейну гренадерскій корпусъ Раевскаго, за ними стояли Великій Князь и Милорадовичъ съ резервами; къ Раевскому примыкалъ Прусскій корпусъ генерала Клейста, къ Клейсту Австрійскій корпусъ генерала Бубны, подлѣ Бубны стоялъ графъ Беннигсенъ съ восточной стороны; послѣ него находился казачій корпусъ Платова подъ командою генералъ-маіора Кайсарова, при коемъ состоялъ братъ мой Александръ. Къ Кайсарову примыкала Прусская армія подъ командою генерала Блюхера съ сѣверной стороны, а подлѣ Блюхера стояла, на самомъ концѣ праваго фланга, Шведская армія подъ начальствомъ наслѣднаго принца Шведскаго Бернадотта, у коего была одна Англійская артилерійская рота не съ орудіями, но съ вновь изобрѣтенными конгревовскими ракетами, которыми они надѣялись истребить Французскую армію.

Витгенштейнъ и Раевскій первые пришли на свое мѣсто 4-го Октября и вступили въ дѣло противъ всѣхъ силъ непріятеля, не взирая на то, что къ флангамъ ихъ еще не примкнули союзныя войска. Вскорѣ къ Витгенштейну изъ нашего резерва послали въ подкрѣпленіе легкую гвардейскую кавалерійскую дивизію и гвардейскую артилерію.

4-го Октября Великій Князь и Милорадовичъ выступили съ резервами и стали приближаться къ полю сраженія. Сперва увидѣли мы вдали дымъ отъ орудій, потомъ услышали громъ ихъ, и насъ остановили верстахъ въ трехъ, не доходя мѣста назначеннаго намъ въ сраженіи. Мы стояли въ колоннахъ, конница и пѣхота, на обширной рав-

нинѣ. Отъ происходившаго сраженія отдѣляла насъ болотистая вязкая рѣчка, черезъ которую былъ только одинъ худой мостикъ.

Государь съ главной квартирой, имѣя къ конвоѣ л.-гв. казачій полкъ, прибылъ къ корпусамъ Раевскаго и Витгенштейна, которые дрались, и остановился за оными на высотѣ, подлѣ стараго редута, построеннаго еще Шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, въ Тридцати-лѣтнюю войну тутъ же сражавшимся.

Передъ Витгенштейномъ и Раевскимъ было небольшое озеро или прудъ, на правой сторонѣ котораго находилось селеніе Госсе (Hosse), занятое нашими стрѣлками. Черезъ сей прудъ была переправа въ одномъ только мѣстѣ, по весьма дурному мостику; за симъ мостикомъ равнина нѣсколько возвышалась, и возвышеніе сіе было занято непріятелемъ. Впереди мостика поставили 60 орудій гвардейской артиллеріи нашей, подкрѣпленной нѣсколькими баталіонами пѣхоты и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Эта артилерія долго уже дѣйствовала, какъ она была внезапно атакована массою конницы.

Наша конница не могла устоять противъ столь превосходнаго числа и была опрокинута. Артилерія, имѣя въ тылу озеро, не могла отступить и вся осталась въ рукахъ у непріятеля, который началъ уже рубить артилеристовъ. Раевскій былъ раненъ, но не взирая на то перевязался и остался въ сраженіи. Ермоловъ переѣхалъ было за прудъ, не имѣя при себѣ никакихъ войскъ, ибо дивизія его стояла съ резервами; но, видя общее пораженіе, ему ничего не оставалось болѣе дѣлать какъ самому спасаться. Онъ поскакалъ назадъ и на мостикѣ едва не былъ сброшенъ въ воду ящиками, которые на ономъ тѣснились, такъ что онъ съ трудомъ успѣлъ добраться до своего мѣста.

Между тѣмъ Государь, который находился въ опасности быть схваченнымъ, послалъ конвойный л. казачій полкъ свой въ атаку. Казаки храбро ударили на непріятельскую конницу, опрокинули ее, отбили орудія, дали время разбитой нашей конницѣ оправиться, также и пѣхотѣ, которую сильно было помяли, и преслѣдовали Французовъ до картечныхъ выстрѣловъ непріятельской артилеріи, причемъ лишились они полковника Чеботарева.

3-я кирасирская дивизія успѣла прискакать и сдѣлала нѣсколько атакъ, которыя способствовали къ возстановленію сраженія; но была минута, въ которую все на волоскѣ держалось, и мы потеряли первую позицію свою за озеромъ.

Государь, видя тѣсное положеніе, въ которомъ находился Витгенштейнъ, послалъ Великому Князю приказаніе немедленно подви-

нуться съ резервами впередъ. Съ симъ приказаніемъ пріѣзжалъ товарищъ мой Щербининъ старшій.

Мостикъ, черезъ который намъ слѣдовало перейти, былъ загроможденъ орудіями, ящиками и ранеными, такъ что намъ не оставалось другаго пути какъ проходить болотомъ. Пѣхота кое-какъ перебралась и выстроила баталіонныя колонны впереди редута Густава Адольфа; но кирасирамъ не такъ легко было это сдѣлать. Они быстро двинулись съ мѣста, разсыпались и съ большимъ трудомъ переправились по одиночкѣ черезъ болото, въ которомъ увязли. Но наконецъ и они, переѣхавъ, выстроились за гвардейской пѣхотой.

Селеніе Госсе было немедленно занято гвардейскою егерскою бригадою, т.-е. л.-г. егерскимъ и Финляндскимъ полками. Тутъ полки сіи потеряли много офицеровъ. Непріятель, увидѣвъ вновь прибывшія силы, нѣсколько отступилъ, но продолжалъ сильную кононаду, причинившую уронъ въ нашихъ гвардейскихъ колоннахъ. Подъ вечеръ, Великому Князю вздумалось подъѣхать ближе къ озеру и выстоять довольно долгое время подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; съ нимъ были Олсуфьевъ, Даненбергъ и я. Удивительно, что тогда никого изъ насъ не задѣло. Константина Павловича нельзя назвать ни храбрымъ ни трусомъ: когда онъ не въ духѣ, то не отъѣдетъ отъ своей конной гвардіи; когда же въ духѣ, то охотно суется въ огонь. 4-го числа ввечеру изъ свиты его были ранены одинъ Прусскій и одинъ Австрійскій офицеры.

Шиндлеръ не остался безъ обыкновенныхъ своихъ продѣлокъ. Онъ поскакалъ одинъ къ непріятельскимъ фланкёрамъ и, примѣтивъ двухъ изъ нихъ, у которыхъ были хорошія медвѣжьи шапки на головахъ, напалъ на нихъ, обезоружилъ, схватилъ и привелъ къ Великому Князю, но взялъ при томъ осторожность заблаговременно спѣшить ихъ, чтобы воспользоваться лошадьми. Великій Князь, разспросивъ плѣнныхъ, приказалъ Шиндлеру отвезти ихъ, но едва они нѣсколько отошли, какъ лишились своихъ шапокъ, которыя пошли Шиндлеру на чушки; лошади же ихъ были имъ немедленно проданы. Шиндлеръ также привелъ въ плѣнъ одного Французскаго офицера Лафонтена (Lafontaine), который былъ адъютантомъ у Французскаго дивизіоннаго генерала Жирарда (Girard). Однако Лафонтенъ объяснилъ Великому Князю, что онъ по своей охотѣ перешелъ къ намъ. Этотъ Лафонтенъ родился въ Москвѣ, гдѣ онъ до 10-ти-лѣтняго возраста воспитывался и послѣ уѣхалъ во Францію. Онъ хорошо зналъ по-русски, человѣкъ же былъ безнравственный. Всѣ его шалости отзывались пошлостью и подлостью. Наружность его была молодецкая. По изъявленному имъ желанію, его приняли въ нашу службу ротмистромъ въ л.-г. кира-

сирскій полкъ Ея Величества, въ которомъ офицеры не рѣшались сдѣлать неудовольствія человѣку, поддержанному Его Высочествомъ, тогда какъ Лафонтенъ оскорблялъ ихъ своимъ обращеніемъ и имѣлъ даже вліяніе на полковаго командира. Лафонтенъ получалъ содержаніе свое отъ Великаго Князя, который платилъ и за его мотовство. Онъ не несъ иной службы по полку, какъ только ѣздилъ съ фуражирами и безщадно грабилъ даже во Франціи, когда мы перешли Рейнъ. Лафонтенъ съ особеннымъ увлеченіемъ домогался колотить Австрійцевъ и даже ихъ офицеровъ. Бывало, гдѣ онъ только завидитъ на сторонѣ бѣлые Австрійскіе мундиры, то немедленно отправлялся туда съ кирасирами, и безъ всякой причины бивалъ чѣмъ ни попало Цесарцевъ, которые терпѣливо переносили побои тамъ, гдѣ они не въ силахъ были сами безчинствовать. Порядкомъ помотавши на счетъ Великаго Князя, Лафонтенъ, по прибытіи нашемъ въ Парижъ, вышелъ въ отставку и опредѣлился снова во Французскую службу. При отставкѣ ему подарили лошадь и денегъ, и онъ продолжалъ гулять на нашъ счетъ въ Парижѣ, насмѣхась милостямъ Константина Павловича.

4-го числа сражаеніе прекратилось съ захожденіемъ солнца. Ввечеру пошелъ дождь. Я забрался ночевать въ какой-то сарай на соломѣ и, на другой день проснувшись, неожиданно увидѣлъ вылѣзающихъ изъ-подъ меня нѣсколькихъ раненыхъ солдатъ, которые до меня забрались въ солому и провели ночь подо мной.

5-го числа, рано по утру, войска стали въ ружье на полѣ сраженія и провели цѣлый день на дождѣ, подлѣ раззореннаго редута. Кромѣ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ между стрѣлками ничего не происходило. Мы дожидались прибытія союзныхъ войскъ, которыя пришли около полудня. Коллоредо занялъ нашъ лѣвый флангъ, а Клейстъ правый; къ сему послѣднему пристроился и Бубна.

Въ этотъ день былъ убитъ адъютантъ Милорадовича Акуловъ, о которомъ я прежде упоминалъ,—хорошій молодой человѣкъ и исправный офицеръ; онъ изъ любопытства подъѣхалъ слишкомъ близко къ непріятелю и былъ изрубленъ.

Настоящее сраженіе подъ Лейпцигомъ, рѣшившее судьбу Европы, произошло 6-го Октября. Въ этотъ день бездѣйствіе продолжалось до полудня, когда мы замѣтили, почти по другую сторону Лейпцига, выстрѣлы Блюхера. Наполеонъ былъ принужденъ вывести противъ него значительныя силы, а отъ насъ прикрылся конницею, которую растянулъ по высотамъ, занявъ массами пѣхоты селеніе Либертъ-Волковицъ (Libert Wolkowitz), находившееся среди его линій, впереди селенія Госсе и противъ позиціи корпуса генерала Бубны. Другое селеніе Пробстъ-Гейда (Probst-Heyda), лежащее верстахъ въ

трехъ впереди Лейпцига по большой дорогѣ, было также занято колоннами Французской пѣхоты съ сильными позади резервами. Многочисленная артилерія охраняла съ обѣихъ сторонъ фланги сихъ деревень. Австрійцы начали атаку, и Коллоредо скоро взялъ селеніе, передъ нимъ лежащее. Говорили, что Великій Князь при семъ случаѣ лично повелъ Австрійскій гренадерскій баталіонъ на штыки въ селеніе; но я сего не видалъ, потому что я былъ въ то время занятъ при движеніи нашихъ колоннъ, которыя подвигались впередъ, по мѣрѣ того какъ непріятель отступалъ.

Генералъ Бубна атаковалъ Либертъ-Волковицъ, въ которомъ Французы упорно держались, но наконецъ число превозмогло храбрость, и Бубна занялъ Либертъ-Волковицъ, потерявъ въ ономъ множества народа. Тутъ всего болѣе дѣйствовали Австрійцы, они одолѣли непріятеля только часа за два до захожденія солнца. Они впослѣдствіи безъ ужаса не вспоминали о семъ мѣстѣ и, коль скоро разговоръ шелъ о Лейпцигскомъ сраженіи, то у нихъ слово было Либертъ-Волковицъ.

Между тѣмъ Раевскій, Витгенштейнъ и Клейстъ, занимавшіе центръ, быстро подвигались впередъ густыми колоннами и вышли на большую дорогу къ Лейпцигу. Наши резервы шли вслѣдъ за ними и остановились на большой дорогѣ подлѣ берега, въ полуверстѣ или ближе отъ селенія Пробстъ-Гейды, въ которомъ были собраны послѣднія силы Наполеона для защиты Лейпцига.

Дорогой наѣхали мы на раздѣтое до-гола тѣло убитаго л. казачьяго полковника Чеботарева; онъ имѣлъ въ боку рану картечью. Казаки узнали его и тутъ же похоронили.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ Лейпцигу, растянутыя силы наши стали собираться и линіи сгущаться. Обширная равнина покрылась нашими войсками, а интервалъ, находившійся между нашимъ правымъ флангомъ, Кайсаровымъ и Блюхеромъ наполнился корпусомъ Беннигсена, который только-что пришелъ изъ-подъ Дрездена. Многочисленныя колонны его тянулись къ намъ чрезъ гору, наводя ужасъ на непріятеля, который не былъ болѣе въ силахъ противъ насъ держаться. Беннигсенъ, спустившись съ высотъ, примкнулъ къ намъ, выстроился и выставилъ свою артилерію.

Витгенштейнъ, который находился впереди всѣхъ, хотѣлъ штурмомъ взять селеніе Пробстъ-Гейду и сдѣлалъ нѣсколько атакъ; но непріятель удержался въ селеніи, и намъ не удалось.

По чьему-то безразсудному приказанію, Псковскій кирасирскій полкъ былъ посланъ въ Пробстъ-Гейду для вытѣсненія оттуда непріятельской пѣхоты. Храбрый полкъ этотъ проскакалъ деревню насквозь,

потерялъ много народа и, не причинивъ Французамъ никакого вреда, выѣхалъ на непріятельскую сторону, гдѣ встрѣтилъ ихъ резервы и принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха. Наконецъ, приступили къ рѣшительной атакѣ Пробстъ-Гейды.

Витгенштейнъ подошелъ къ селенію со всею своею пѣхотою и вступилъ въ дѣло, а Клейстъ поддержалъ его. Каждый дворъ, каждый садъ брали приступомъ; нѣсколько разъ удавалось намъ овладѣть селеніемъ, но насъ опять вытѣсняли изъ онаго новыми подкрѣпленіями, которыми усиливались Французы.

Жаркій происходилъ бой въ Пробстъ Гейдѣ, гдѣ съ нашей только стороны участвовали два Русскихъ корпуса, подъ командою Витгенштейна и третій Прусскій подъ командою Клейста. Убитыхъ и раненыхъ было несмѣтное число, и такъ какъ Австрійцы, называя Лейпцигъ, вспоминаютъ о Либертъ-Волковицѣ, такъ и намъ вспоминается Пробстъ-Гейда, гдѣ мы много пролили крови и гдѣ окончательно рѣшилось Лейпцигское сраженіе.

Между тѣмъ какъ Витгенштейнъ наступалъ на Пробстъ-Гейду, резервную конницу нашу подвинули нѣсколько впередъ; она стояла, какъ 4-го числа, подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ безъ дѣйствія: обыкновенная участь резервовъ, которые ударяютъ только въ крайней опасности, или тогда, когда хотятъ рѣшить сраженіе. Мы нѣкоторое время терпѣли отъ непріятельской артилеріи, которая стояла по сторонамъ отъ Пробстъ-Гейды; но послѣ мы поставили свою артилерію и стали дѣйствовать по орудіямъ непріятеля, нанося имъ большой вредъ.

Всѣ три Государя остановились со своими главными квартирами на небольшомъ бугрѣ, откуда смотрѣли на сраженіе.

Намъ нѣсколько способствовалъ къ побѣдѣ поступокъ Виртембергскаго генерала, который во время сраженія перешелъ отъ Наполеона съ своимъ корпусомъ на нашу сторону, за каковую измѣну онъ былъ заточенъ въ крѣпости своимъ королемъ, по поступленіи уже сего послѣдняго въ нашъ союзъ.

При наступленіи ночи, послѣ огромнаго урона, мы еще не обладали селеніемъ Пробстъ-Гейдою. Курута послалъ меня въ темную ночь съ однимъ казакомъ, для отысканія на всякій случай проводниковъ. Я поѣхалъ назадъ, самъ не зная куда и пріѣхалъ въ сел. Либертъ-Волковицъ, которое еще догорало и въ коемъ кромѣ убитыхъ и раненыхъ никого не нашелъ. Я продолжалъ путь свой и прибылъ, наконецъ, къ какому-то загородному дому, въ которомъ было также множество раненыхъ. Тутъ я нашелъ какихъ-то двухъ дворецкихъ, которыхъ захватилъ, привязавъ на чумбуръ, и повелъ ихъ къ Курутѣ.

Но трудно было отыскать квартиру Великаго Князя. Огнямъ конца не было видно; я долго шатался по лагерю и слѣзъ отдохнуть у одного Прусскаго огня. Я не надѣялся прежде разсвѣта найти квартиру Его Высочества, какъ увидѣлъ за огнемъ какой-то красный ликъ, среди морщинъ коего сверкали изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей совиные глаза. Огонь бивуака отражался на обширной лысинѣ этой головы. Вглядѣвшись въ густые, бѣлые, серебристые усы и бороду, осѣнявшіеся горбатымъ носомъ, я узналъ командира Прусской гвардейской конной артиллеріи. Старикъ былъ мнѣ очень радъ, далъ поужинать и показалъ квартиру Великаго Князя, которая вблизи находилась въ какомъ-то замкѣ. Я разбудилъ Куруту, представилъ ему своихъ проводниковъ и, отыскавъ Даненберга, постлалъ подлѣ него свою шинель и уснулъ.

6-го числа убитъ генералъ-маіоръ Шевичъ, командовавшій легкой гвардейской кавалерійской дивизіей. Изъ офицеровъ квартирмейстерской части ранены капитанъ Мандерштернъ, состоявшій при сей же дивизіи, и прапорщикъ Бурнашевъ, находившійся при 1-й кирасирской дивизіи. Потеря со стороны союзниковъ могла состоять изъ 40 т. или болѣе; со стороны непріятельской надобно ее полагать до 80000, въ томъ числѣ и тѣ, которые въ плѣнъ взяты послѣ сраженія. Французы лишились сверхъ того большаго количества орудій.

7-го Октября узнали, что непріятель оставилъ селеніе Пробстъ-Гейду ночью и выступилъ изъ Лейпцига въ большомъ безпорядкѣ. Генералъ-маіоръ Ланской, командовавшій Русскимъ отрядомъ въ арміи Блюхера, старался ворваться въ городъ. Блюхеръ туда же напрягалъ всѣ свои силы. Мы, наконецъ, заняли Лейпцигъ, гдѣ захватили у Французовъ множество артилеріи и обозовъ. Польскій генералъ Понятовскій, переправляясь при ретирадѣ черезъ рѣку Эльстеръ, утонулъ. Государь въѣхалъ, какъ говорили, со стрѣлками въ городъ, въ которомъ оставался. Несчастный Саксонскій король безъ царства; онъ хотѣлъ оставаться вѣрнымъ Наполеону и пожертвовалъ для сего народомъ своимъ, ибо союзники въ Саксоніи обходились съ жителями какъ въ непріятельской землѣ. Видя, что ему болѣе ничего не оставалось дѣлать, онъ просилъ у Государя свиданія; но Государь отказалъ ему въ семъ и приказалъ отвезти его въ Берлинъ, гдѣ онъ находился во все время войны. Саксонскій баталіонъ, составлявшій его караулъ въ Лейпцигѣ, отдалъ Государю честь. Въ Саксоніи поставленъ былъ военнымъ губернаторомъ князь Репнинъ *), и сформированы

---

*) Съ титуломъ вице-короля Саксонскаго. Князю Николаю Григорьевичу опредѣлено было и королевское содержаніе, но онъ отдавалъ его на нужды, возстановленіе и

были Саксонскіе полки и ополченія, которыя участвовали въ осадахъ Французскихъ крѣпостей на Рейнѣ.

Наполеонъ отступилъ изъ подъ Лейпцига съ разбитою арміей по дорогѣ къ Вейсенфельсу.

7-го числа мы лишились въ воротахъ города достойнаго штабъ-офицера Преображенскаго полка полковника Рахманова, о которомъ упомянуто въ первой части сихъ записокъ. Онъ командовалъ отрядомъ казаковъ и былъ въ числѣ тѣхъ, которые прежде другихъ хотѣли ворваться въ Лейпцигъ. Рахмановъ уже былъ въ воротахъ, города, когда его убило пулей.

7-го Октября, когда Великій Князь узналъ объ отступленіи непріятеля, онъ поскакалъ съ своею свитой въ Пробсть-Гейду, гдѣ представилось намъ ужасное зрѣлище. Я никогда не видалъ такого множества раненыхъ и убитыхъ, собранныхъ въ одномъ селеніи. Витгенштейновы солдаты давно уже ходили между ними, топтали ихъ, раздѣвали и докалывали безъ всякаго сожалѣнія. На полѣ, мѣста, которыя были заняты Французскими батареями, означались побитыми лошадьми, подбитыми и брошенными орудіями, которыхъ непріятель не могъ увезти.

Лейпцигъ былъ у насъ въ виду, и мы надѣялись отдохнуть въ немъ, но не удалось; ибо вскорѣ получена была диспозиція идти съ поля сраженія въ лѣво черезъ Пегау и Наумбургъ, дабы служить резервомъ Австрійскому корпусу генерала Юлая (Giulai), который долженъ былъ отрѣзать отступленіе непріятелю къ Ауерштеду.

Передъ выступленіемъ я встрѣтилъ Муромцова около маркитантовъ; мы вмѣстѣ позавтракали, и я по неосторожности выпилъ лишнее, такъ что на лошади качался. Однако я пріѣхалъ къ огню, у котораго Великій Князь завтракалъ и имѣлъ смѣлость въ такомъ положеніи стать еще противъ Его Высочества и съ нимъ отзавтракать. Въ такихъ случаяхъ первая мысль приходитъ въ голову, чтобы показаться исправнымъ и всѣхъ разувѣрить въ подозрѣніи на свой счетъ. Эта самая мысль и придаетъ хмѣльному смѣлость. Не знаю, удалось ли мнѣ въ семъ случаѣ, или Великій Князь и Курута изъ снисхожденія промолчали; только я поѣлъ какъ должно и ушелъ благополучно.

украшеніе Дрездена; даже тратилъ на то собственныя деньги. Нынѣ Дрезденъ—маленькій всемірный городъ (eine kleine Weltstadt), какъ его величаютъ въ Германіи. Не мѣшало бы его жителямъ выразить почтительную признательность къ памяти великодушнаго вице-короля ихъ дочери его, здравствующей въ Москвѣ (на радость всѣхъ ее знающихъ), княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной. П. Б.

Даненбергъ получилъ приказаніе отъ Куруты ѣхать впередъ въ Пегау для занятія лагернаго мѣста. Я съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ; но какъ насъ поздно отправили, и войска поздно выступили, то всѣ прибыли въ Пегау ночью и не успѣли сдѣлать распоряженій для занятія лагеря.

Продолжая походъ, мы 8-го числа пришли на ночлегъ въ городъ Наумбургъ; непріятель шелъ близко отъ насъ въ правой сторонѣ, и разъѣзды наши приводили много плѣнныхъ, потому что часть Французской арміи разбрелась послѣ пораженія подъ Лейпцигомъ.

9-го числа мы выступили весьма рано; густой туманъ покрывалъ все поле. Намъ назначено было соединиться съ Юлаемъ и вступить въ бой для преграждекія пути непріятелю. Мы уже довольно далеко отошли отъ Наумбурга, но не находили Юлая, почему Великій Князь приказалъ резервамъ остановиться на большой дорогѣ близъ одной раззоренной корчмы, въ которой онъ замѣтилъ нѣсколько Австрійскихъ офицеровъ. Корпусъ Юла́я въ семъ мѣстѣ былъ расположенъ на поляхъ по сторонамъ отъ дороги. Туманъ мѣшалъ намъ видѣть союзное войско. Великій Князь разсердился, узнавъ, что Юлай самъ въ этой корчмѣ и еще съ ночлега не подымался. Онъ послалъ Куруту съ приказаніемъ замѣтить ему медленность, съ которою онъ двигался.

Грекъ Курута зналъ генерала Юлая въ лицо. Юлай, узнавъ о прибытіи Великаго Князя, вышелъ изъ корчмы и наткнулся на Куруту, который притворился будто его не узналъ и сталъ спрашивать его, гдѣ бы найти этого Юлая, который такъ поздно встаетъ и не исполняетъ приказаній начальства. «Я самъ генералъ Юлай» отвѣчалъ Цесарецъ.—«Ахъ извините меня, генералъ», продолжалъ Курута, «я не имѣлъ чести васъ знать въ лицо; но вотъ уже Его Высочество прибылъ съ резервами; мы полагали, что вы уже давно вступили въ дѣло и отрѣзали непріятелю путь къ отступленію».

Туманъ сталъ подыматься, и мы увидѣли Австрійскій корпусъ, расположенный на бивуакахъ за котлами. Одинъ эскадронъ кирасиръ только сидѣлъ на конѣ и охранялъ корчму отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Между тѣмъ Французы проходили черезъ Ауерштедъ, который находился отъ насъ только въ 2-хъ или 3-хъ миляхъ.

Великій Князь пылалъ отъ гнѣва. Онъ подскакалъ къ Австрійскому эскадрону и, прокомандовавъ ему понѣмецки, чтобы онъ впередъ шелъ, самъ поскакалъ къ Ауерштеду. Эскадронъ двинулся за нимъ на рысяхъ. Юлай испугался и совсѣмъ потерялся. Константинъ Павловичъ надѣлалъ бы тутъ большаго шума, еслибъ въ то самое время не пріѣхалъ Барклай со своею главною квартирою. Онъ послалъ воротить Великаго Князя, который по долгу службы явился

къ главнокомандующему. Нѣмецъ пожурилъ нашего Цесаревича за его запальчивость и даже напомнилъ ему, что онъ ему начальникъ. Константинъ Павловичъ, какъ добрый подчиненный, терпѣливо перенесъ выговоръ. Непріятель уже прошелъ черезъ Ауерштедъ, когда Барклай далъ приказаніе войскамъ идти туда, и мы въ городѣ нашли только Французскихъ мародеровъ усталыхъ и раненыхъ. Въ тотъ день мы остановились для ночлега около какого-то селенія.

За Лейпцигское сраженіе я былъ награжденъ чиномъ поручика, который получилъ по прибытіи нашемъ во Франкфуртъ на Майнѣ.

Казачій корпусъ графа Платова преслѣдовалъ Французскую армію по пятамъ. Наша армія пошла стороною на Веймаръ, гдѣ владѣлъ мужъ Великой Княгини Маріи Павловны. Въ герцогствѣ ея мы были вездѣ отлично приняты. Австрійцы только себя дурно вели. Они наложили на Веймаръ разныя контрибуціи, какъ на непріятельскую землю. Можетъ быть, хотѣли они этимъ показать Русскимъ свое значеніе въ союзѣ. Государь съ терпѣніемъ переносилъ подобныя дерзости отъ Австрійцевъ, дабы удержать ихъ въ общемъ союзѣ и дабы не поселить раздора, тогда какъ владычество Наполеона въ Европѣ начинало уже упадать предъ многочисленными силами, противъ него собранными. Веймаръ одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ, видѣнныхъ мною въ Германіи. Саксенъ-Веймарское герцогство содержитъ до 2.000 пѣхоты, которые вступили въ общій союзъ; но мы ихъ въ арміи не видѣли, потому что всѣ союзныя войска княжествъ Германскихъ находились при осадѣ крѣпостей на Рейнѣ, во время Французской кампаніи въ 1814 году.

За городомъ, у большой дороги, я видѣлъ въ первый разъ повѣшеннаго человѣка. Въ Германіи у каждаго города есть висѣлица, и преступникъ остается на оной, пока тѣло его совершенно не сгніетъ. Тотъ, котораго я видѣлъ, уже былъ снятъ съ висѣлицы и сидѣлъ на горизонтальномъ колесѣ, возвышенномъ отъ земли сажени на полторы. Голова его была отрублена и наколота на острый шпиль надъ туловищемъ. Онъ былъ уже отчасти сгнивши, такъ что нельзя было разсмотрѣть черты лица его, и служилъ пищею для воронъ. Зрѣлище весьма отвратительное и непозволительное въ такомъ просвѣщенномъ краѣ какъ Германія.

Изъ Веймара прошли мы въ великое герцогство Вюрцбургское, гдѣ, кажется, владѣлъ тогда эрцгерцогъ Іоаннъ, братъ императора Австрійскаго. Сіе герцогство содержало также до 2.000 пѣхоты. Въ Вюрцбургѣ мы не останавливались, а слѣдовали далѣе. Переходъ былъ очень большой, и мы пришли на ночлегъ очень поздно.

На семъ переходѣ верховыя лошади и обозъ Великаго Князя отстали и ночевали на дорогѣ. За лошадьми Великаго Князя смотрѣлъ одинъ офицеръ 14-го класса, произведенный изъ вахмистровъ конной гвардіи, Бѣлоусовъ, который часто получалъ побои отъ Константина Павловича. Случилось по несчастію, что то селеніе, въ которомъ онъ остановился, ночью загорѣлось, и нѣсколько лошадей Великаго Князя сгорѣло, въ томъ числѣ и любимая верховая его. Бѣлоусовъ, опасаясь наказанія, бѣжалъ и явился къ Его Высочеству уже во Франціи, въ городѣ Шомонѣ (Chaumont), когда его никакъ не ожидали, и онъ бросился на колѣни и просилъ помилованія. Онъ былъ такъ перепуганъ, что въ разсказѣ о своемъ побѣгѣ разсмѣшилъ Константина Павловича, который простилъ его и опредѣлилъ къ прежней должности. Случай этотъ указываетъ, что Великій Князь совсѣмъ не имѣлъ такого злаго нрава, какъ многіе полагали.

По прибытіи на ночлегъ всѣ устали отъ продолжительнаго перехода; не взирая на это, мнѣ досталось ѣхать съ важными бумагами къ князю Голицыну. Полагаю, что Великій Князь приказалъ отправить ихъ съ кѣмъ-либо изъ своихъ адъютантовъ и что адъютантъ этотъ просилъ Куруту послать котораго-нибудь изъ насъ: Греческая штука, которую онъ иногда съ нами дѣлалъ. Мнѣ пальцемъ указали сторону, въ которой князь Голицынъ долженъ былъ находиться и отправили въ темную ночь съ однимъ казакомъ.

Я ѣхалъ лѣсами съ обнаженной саблей, потому что жители предупредили меня, что въ лѣсахъ этихъ скрывались разбойники. Проѣхавъ миль шесть и придерживаясь берега рѣки, я прибылъ на разсвѣтѣ противъ городка, который на томъ берегу лежалъ. Мнѣ сказали, что тутъ стоялъ князь Голицынъ, но я попалъ туда не иначе какъ окружнымъ объѣздомъ, потому что въ этомъ мѣстѣ не было брода, и отдалъ бумаги князю Голицыну. Полагаю, что въ ней заключалось приказаніе идти форсированными маршами къ Франкфурту на Майнѣ, съ намѣреніемъ достичь сего города прежде спѣшившихъ туда Австрійцевъ. Мы уже сдѣлали утомительный переходъ, и намъ еще два такихъ оставалось до Франкфурта.

Конница, состоявшая подъ начальствомъ князя Голицына, немедленно выступила и пришла въ тотъ же день къ Ашафенбургу, гдѣ я нашелъ Великаго Князя и явился къ Курутѣ. Великій Князь занималъ дворецъ, а насъ размѣстили по городу. Мнѣ съ Даненбергомъ досталась хорошая квартира, на которой стоялъ одинъ раненый Баварскій офицеръ.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія Баварскій король присоединился къ нашему союзу и послалъ 40 тыс. армію свою подъ начальствомъ

генерала барона Вреде къ Ганау (Hanau), дабы отрѣзать непріятелю дорогу. Баварцы дрались отчаянно, но не могли устоять противъ превосходныхъ силъ Наполеона. Они нанесли ему жестокій уронъ, отбили много обозовъ, артилеріи, но принуждены были отступить и пропустить непріятеля. Баронъ Вреде былъ раненъ. Баварцамъ содѣйствовали въ семъ сраженіи наши казаки, которые преслѣдовали Наполеона отъ самаго Лейпцига. Прочія союзныя войска шли стороною; намъ же путь лежалъ черезъ Тюрингинскій лѣсъ, извѣстный своей обширностью еще съ древнихъ временъ.

Случилось, что на той самой квартирѣ, которую я занималъ въ Ашафенбургѣ, стоялъ тоже раненый подъ Ганау Баварскій офицеръ. Я съ нимъ познакомился и, разговаривая о прежнихъ дѣлахъ, я выхвалялъ ему храбрость соотечественниковъ его подъ Бауценомъ, гдѣ они подъ начальствомъ Удино атаковали нашъ лѣвый флангъ въ горахъ. Они занимали тогда опушку лѣса въ близкомъ отъ насъ разстояніи и стрѣлками своими наносили намъ значительный уронъ. Этотъ самый Баварецъ участвовалъ въ томъ дѣлѣ и сказалъ мнѣ, что онъ примѣтилъ одного изъ нашихъ всадниковъ, въ буркѣ, который устанавливалъ артилерію (Прусскую), причинившую имъ много вреда. Въ буркѣ никого тамъ не было кромѣ меня, и такъ мы назвались старыми знакомыми, которыхъ случай нечаянно привелъ свидѣться въ Ашафенбургѣ. Баварецъ уѣхалъ въ отпускъ послѣ Бауценскаго сраженія и попался во вновь сформированныя королемъ войска, которыя дрались подъ Ганау. Баварское войско было одно изъ лучшихъ союзныхъ: офицеры порядочные, народъ храбрый; но они особенно отличались склонностію къ грабительству и въ немъ превзошли даже Австрійцевъ, которыхъ однако не жаловали Баварцы. Одѣты они были въ свѣтлосиніе мундиры, съ черными кожаными касками на головахъ, и на каскѣ черный султанъ изъ гривы, щетиною перегнутый по хребту каски. Обмундированіе нарядное.

На другой день оставался намъ еще одинъ большой переходъ до Франкфурта. Курута не далъ намъ во всю ночь уснуть, боясь опоздать въ распоряженіяхъ своихъ. Онъ продержалъ насъ всю ночь ни за чѣмъ подлѣ своей кровати, самъ дремалъ, спалъ... и, просыпаясь каждыя пять минутъ, спрашивалъ тихимъ сипучимъ голосомъ, тутъ ли мы; потомъ просилъ извиненія за то, что насъ задерживалъ и что.... Какъ намъ ни хотѣлось спать, но мы не могли сердиться на сего добраго старика и только пересмѣивались съ Даненбергомъ. Курутѣ не одинъ разъ случалось держаться такой продѣлки, когда онъ ожидалъ большаго перехода на другой день. Бугской казакъ Мавридовъ обыкновенно приходилъ насъ по но-

чамъ будить, постукивалъ въ воротахъ и, когда на спросъ нашъ кто тамъ? слышалось въ отвѣтъ протяжнымъ и гробовымъ голосомъ *Мавридовъ*! то мы немедленно одѣвались и знали, что на ту ночь должно уже проститься со сномъ и просидѣть у кровати Куруты. Въ этотъ разъ мы на разсвѣтѣ разбудили своего старика, который было крѣпко уснулъ, и онъ намъ далъ приказаніе ѣхать впередъ во Франкфуртъ, для заготовленія дислокаціи, не сказавъ ничего обстоятельнаго, потому что онъ самъ не зналъ, въ городѣ ли, въ селеніяхъ или на бивуакахъ будутъ расположены полки. Мы поѣхали во Франкфуртъ черезъ Офенбахъ и предмѣстіе Саксенгаузенъ.

Едва мы успѣли взять въ ратушѣ билетъ на квартиру, какъ войска начали вступать въ городъ; но они такъ утомились на послѣднихъ переходахъ, что изъ кавалерійскихъ полковъ отстало много людей; однако мы прежде Австрійцевъ заняли Франкфуртъ съ резервами. Австрійцы, кажется, на другой день пришли и пошли далѣе къ Рейну, гдѣ имѣли удачное дѣло съ непріятелемъ подъ Гохштедомъ. На другой или третій день нашего прибытія во Франкфуртъ, войска были расположены за рѣкою Майномъ по селеніямъ, занимая большое пространство. Мы простояли во Франкфуртѣ до половины Декабря мѣсяца, всего съ мѣсяцъ; въ это время велись переговоры съ Наполеономъ. Государи, короли и князья союзные, всѣ съѣхались во Франкфуртѣ, гдѣ проводили время въ веселіяхъ, на коихъ особенно отличался нашъ Государь... Въ одномъ домѣ съ нимъ жилъ сверженный съ престола Шведскій король Густавъ-Адольфъ, который ходилъ инкогнито по Франкфурту и терпѣлъ недостатокъ. Государь, какъ слышно было, великодушно помогъ ему нѣсколькими стами рублей, тогда какъ жена одного банкира получала отъ него несмѣтныя суммы денегъ и богатства. Австрійскій императоръ занималъ особенную часть города.

Мнѣ съ Даненбергомъ досталась квартира, въ улицѣ Фридбергской, въ бывшемъ трактирѣ Штатъ-Карлсру (Friedberger-Gasse-Stadt Karlsruhe). Хозяинъ нашъ былъ Французъ, служившій нѣкогда берейторомъ у Прусскаго принца Лудвига, котораго убили въ сраженіи подъ Іеною въ 1807 году. Онъ обязанъ былъ кормить насъ, и мы имѣли всегда порядочный обѣдъ, и люди наши и казаки были сыты.

Когда во Франкфуртѣ стало умножаться число войскъ, тогда на нашу квартиру стали прибавлять постояльцевъ, Русскихъ гвардейцевъ, Австрійцевъ и прочаго народа, такъ что подъ конецъ monsieur André содержалъ 14 человѣкъ, изъ коихъ каждый имѣлъ свои прихоти. Не менѣе того онъ не переставалъ быть веселымъ и всегда ходилъ къ намъ разсказывать разныя забавныя приключенія стариннаго вѣка. Онъ былъ Гасконецъ и имѣлъ особый даръ заставлять всѣхъ слушающихъ его смѣяться. Я не имѣлъ занятій по службѣ и про-

водилъ большую часть времени дома безъ всякаго дѣла. По вечерамъ я ходилъ къ адъютантамъ князя Голицына, съ которыми былъ хорошо знакомъ; тамъ были Неклюдовъ, Башмаковъ, Ланской и наши офицеры квартирмейстерской части, Апраксинъ и Мейндорфъ, все порядочные молодые люди. Они квартировали въ домѣ Еврея, у котораго были хорошенькія дочери и съ воспитаніемъ. Во Франкфуртѣ много Евреевъ, но они живутъ по-европейски. Мы занимались музыкою и проводили довольно пріятно вечера. Въ театрѣ я былъ только одинъ разъ, потому что не имѣлъ большихъ достатковъ. Во Франкфуртѣ я видѣлся съ л.-драгуномъ Н. П. Черкесовымъ, старымъ пріятелемъ моимъ; онъ только что прибылъ съ резервными эскадронами и прожилъ у меня дни два.

Австрійскій императоръ пріѣхалъ во Франкфуртъ послѣ всѣхъ государей; для него былъ сдѣланъ большой парадъ. На семъ парадѣ случилось два происшествія, коимъ причиною былъ офицеръ, находившійся наканунѣ на ординарцахъ у Великаго Князя. Нашъ дежурный генералъ Потаповъ далъ ему предписанія въ полки гвардіи, которые стояли въ селеніяхъ, чтобы они на другой день прибыли въ городъ къ параду. Офицеръ этотъ, вмѣсто того чтобы немедленно ѣхать, остался ночевать въ городѣ и доставилъ предписаніе только на другой день, уже тогда, какъ прочія войска выстроились. Иные полки поспѣли къ параду, но Литовскій и л.-уланскій не прибыли. Великій Князь арестовалъ за это Потапова на нѣсколько часовъ. Генералъ-маіора же Удома, который командовалъ Литовскимъ полкомъ, Великій Князь приказалъ арестовать Алексѣю Петровичу Ермолову. Но Ермоловъ отвѣчалъ Цесаревичу, что онъ его не арестуетъ, а пошлетъ къ нему самъ саблю свою и не будетъ имѣть подлости взять ее назадъ. Великій Князь замолчалъ и дѣло такъ оставилъ.

Чаликовъ командовалъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіей, которую мнѣ поручили разставить.

Л.-г. уланскаго полка не было. Чаликовъ, убоясь Великаго Князя, бросилъ свою дивизію и поскакалъ съ обнаженною саблею назадъ въ городъ; парадъ былъ за городомъ. Онъ скакалъ какъ сумасшедшій по улицамъ. Мнѣ также могло достаться, хотя я ни въ чемъ не былъ виноватъ; при томъ же, мнѣ не слѣдъ было отставать отъ своего дивизіоннаго командира. Я за нимъ поскакалъ и прибылъ благополучно домой, гдѣ провелъ все время парада. Такъ все съ рукъ и сошло.

Мы брали сѣно безъ платежа съ чердака хозяина нашего, monsieur André. Съ цѣлью сберечь собственность, онъ показалъ намъ другой чердакъ, полный сѣна, принадлежавшаго его сосѣду, и далъ намъ ключъ отъ онаго. Сѣно сіе давно уже было у Австрійцевъ на примѣтѣ. Ночью люди мои подставили лѣстницу, и Артемій мой по-

лѣзъ; но едва онъ вошелъ въ окно, какъ одинъ изъ Австрійцевъ, квартировавшій въ одномъ съ нами домѣ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета; пуля мимо пролетѣла. Другой слуга мой, Николай, побѣжалъ къ Австрійцу, который обнажилъ саблю, легко ранилъ его въ бокъ, побѣжалъ за нимъ и бросилъ въ него саблею. Это случилось поздно вечеромъ, я уже былъ въ постелѣ. Услыхавъ шумъ, я выскочилъ и двумя ударами руки сбилъ двухъ Австрійцевъ съ ногъ; прочіе оробѣли и сдались. Вооруживъ двухъ казаковъ плетьми, я разобралъ дѣло, велѣлъ раздѣть виновныхъ Цесарцевъ и, порядочно наказавъ ихъ, отправилъ на Русскую гауптвахту, гдѣ имъ еще досталось.

Въ другой разъ, въ отсутствіе мое, Австрійцы отдали на свою гауптвахту хозяина нашего m-r Андре, за то что онъ подсвѣчникомъ ударилъ въ голову одного Австрійскаго гренадера, который съ своей пьяной женою къ нему за что-то приставалъ. Я съ трудомъ выручилъ его по запискѣ отъ коменданта нашей главной квартиры Ставракова.

Въ деревняхъ происходили большія драки между Австрійцами и нашими за фуражировки; тутъ дѣло доходило иногда и до смертоубійства. Разсказывали, что и жена Барклая-де-Толли, Елена Ивановна, подралась со своею хозяйкою за квартиру или за кофе.

Переговоры съ Наполеономъ прекратились. Австрійская армія, Раевскій, Витгенштейнъ и гвардіи Прусская и Русская должны были переправиться черезъ Рейнъ въ Базелѣ. Блюхеръ съ Прусской арміей и наши корпуса, Сентъ-Пріеста и Сакена, должны были переправиться черезъ Рейнъ, кажется около Мангейма. Войска наши были усилены. Къ пѣхотнымъ полкамъ присоединилось по баталіону, а къ кавалерійскимъ—по два эскадрона. Кромѣ того приходило еще много партій выздоровѣвшихъ людей. Въ Базелѣ гвардейскій корпусъ усилился еще Баденскимъ гвардейскимъ баталіономъ, состоявшимъ изъ 1.000 человѣкъ, при 7-ми орудіяхъ Баденской гвардейской конной артиллеріи.

Наполеонъ со своей стороны также усиливался. Онъ собралъ новыя войска и ожидалъ насъ внутри своего государства; но армія его большею частью состояла изъ молодыхъ солдатъ.

Швейцарія держала неутралитетъ, но не менѣе того мы переправились черезъ Рейнъ въ Базелѣ и прошли болѣе одной мили ихъ землею, при вступленіи въ предѣлы Франціи.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ УЛЫБЫШЕВЪ.

1794—1858.

Лѣтомъ 1860 года остановился я у витринъ какого-то книжнаго магазина въ Берлинѣ и, между другими книгами, увидалъ, какъ теперь помню, въ зеленой обложкѣ, сочиненіе Александра Дмитріевича Улыбышева о Моцартѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ.... Книга эта напомнила мнѣ многое изъ моего дѣтства, какъ, бывало, я, ребенкомъ, нервно трясся отъ наплыва впечатлѣній въ Нижегородскомъ театрѣ, и какъ тамъ между прочимъ обращалъ на себя мое вниманіе пожилой, румяный толстякъ, съ сѣдыми рѣдкими баками и клочкомъ такихъ же волосъ подъ подбородкомъ, въ золотымъ очкахъ, большею частью въ лѣтнихъ свѣтлыхъ панталонахъ и въ сѣрой на ватѣ, съ бобровымъ воротникомъ, шинели. Толстякъ этотъ—Александръ Дмитріевичъ Улыбышевъ—всегда сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, на первомъ съ правой стороны отъ входа. Свои сужденія о пьесахъ и объ игрѣ актеровъ онъ произносилъ не стѣсняясь, громко, на весь театръ, не только въ антрактахъ, но и во время хода пьесы покрикивая: «браво, отлично, молодецъ!» или: «скверно», а иногда даже просто: «экой болванъ!».... Театральная публика, какъ и всякая масса, всегда обзаводящаяся своими богами и божками, ее направляющими и ей внушающими, посматривала только на Александра Дмитріевича: молчалъ онъ, и она молчала, одобрялъ онъ —и она отбивала себѣ изо всѣхъ силъ ладони; вертѣлся онъ отъ досады, и она осмѣливалась иногда изъ-подъ тишка шикнуть (тогда шикать было опасно; съ начальствомъ не разберешься)...

Вообще Улыбышевъ въ старомъ Нижегородскомъ театрѣ (на углу Большой и Малой Печерокъ) былъ тѣмъ же что̀ для актеровъ и публики Московскаго театра былъ князь Юсуповъ, который (по словамъ А. Е. Шушерина, записаннымъ С. Т. Аксаковымъ), сидя

также всегда въ первомъ ряду кресель, магически дѣйствовалъ на актеровъ, слѣдившихъ за нимъ со сцены.

Улыбышевъ извѣстенъ былъ не только за умнаго, но и за очень остроумнаго человѣка. Остроты его безпрестанно ходили по Нижнему, и какъ всегда бываетъ—безъ разбору. Самыя незначительныя замѣчанія его пересказывались на всѣ лады, и хотя бы въ нихъ даже ничего не было замѣчательнаго, разсказчики и слушатели считали своей непремѣнной обязанностью изумляться ихъ остроумію. Такъ, помню, между прочимъ, передавалось изъ устъ въ уста, что, увидавъ меня въ первый разъ въ студенческомъ мундирѣ, Александръ Дмитріевичъ замѣтилъ: «Изъ эдакой маленькой флейты (лѣтъ 13-ти я игралъ на флейтѣ) вдругъ сдѣлался такой большой фаготъ».

Не стѣснялся Александръ Дмитріевичъ и въ столичныхъ театрахъ, публика которыхъ не разъ подхватывала театральныя сужденія его. Онъ клалъ свои опредѣляющія рѣшенія на таланты. Такъ разсказываютъ, что одна, считавшаяся чуть не совершенствомъ пѣвица большаго театра въ Петербургѣ, обладавшая прекраснымъ развитіемъ нижнихъ и верхнихъ нотъ, нѣсколько упала во мнѣніи Петербургской публики, когда Улыбышевъ нашелъ, что, въ виду несовершенствъ ея среднихъ нотъ, она «имѣетъ слишкомъ много для того, чтобы имѣть достаточно». Этотъ афоризмъ по отношенію въ пѣвицѣ (мнѣ не могли передать ея фамиліи) съ тѣхъ поръ вошелъ въ общее употребленіе въ средѣ публики большаго театра.... Разсказываютъ также, что, встрѣтившись въ фойе большаго театра съ какой-то дамой, онъ заговорилъ съ ней о театрѣ и, по своему обыкновенію, безъ всякихъ церемоній, и только потомъ узналъ, что говорилъ съ лицомъ, очень высоко поставленнымъ.... Передаютъ, что, во время представленія въ Петербургѣ оперы «Сѣверная Звѣзда», которую Улыбышевъ видѣлъ въ первый разъ и въ которой подъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ разумѣлся Петръ Великій въ самомъ каррикатурномъ видѣ, онъ до того громко и рѣзко порицалъ это циническое неуваженіе къ памяти великаго генія страны, что съ тѣхъ поръ «Сѣверная Звѣзда» стала даваться все рѣже и рѣже и затѣмъ вовсе снята была съ Петербургской оперной сцены.

Открытая барская жизнь Улыбышева въ Нижнемъ осмысливалась его музыкальными вечерами; вообще важнѣйшее значеніе всей дѣятельности его заключалось въ его музыкальности, которою онъ сдѣлался извѣстнымъ не только (или вѣрнѣе: не столько) въ Россіи, какъ за-границей.

Оффиціально записанная жизнь Улыбышева говоритъ о немъ, по обыкновенію, самымъ лаконическимъ тономъ. Изъ атестата, выданнаго

«дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Дмитріеву сыну Улыбышеву, по опредѣленію государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ, Декабря 17 дня 1830 года» (обязательно сообщеннаго мнѣ зятемъ его, уважаемымъ К. И. Садоковымъ, которому я крайне обязанъ за сообщеніе цѣнныхъ свѣдѣній для настоящаго біографическаго очерка) видно слѣдующее. Улыбышевъ поступилъ на службу въ канцелярію министра финансовъ 20 Августа 1812 года; по увольненіи оттуда опредѣленъ въ канцелярію горныхъ и соляныхъ дѣлъ 31 Августа 1813 года, пожалованъ въ коллежскіе регистраторы 20 Декабря того же 1813 года; по прошенію уволенъ изъ канцеляріи департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ 29 Февраля 1816 года и опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ 29 Апрѣля того же 1816 года; 1 Января 1817 г. произведенъ въ переводчики; 1 Іюля того же года пожалованъ въ титулярные совѣтники; 20 Октября того же года отправленъ въ Москву для нахожденія при канцеляріи управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; 1 Января 1820 г. пожалованъ въ коллежскіе ассессоры; 22 Августа 1821 года—кавалеромъ ордена Св. Владимира 4 степени; 21 Апрѣля 1823 года—ордена Св. Анны 2 степени; 1 Января 1824 г. произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника; 28 Марта 1825 года—въ чинъ коллежскаго совѣтника; 22 Августа 1826 года пожалованы ему алмазные знаки Св. Анны 2 степени; 5 Декабря 1827 года ему пожаловано единовременно въ награжденіе 3000 рублей; 25 Марта 1828 года произведенъ въ статскіе совѣтники; 9 Октября 1829 года пожалованъ ему годовой окладъ жалованья, состоящій изъ 3000 рублей; 5 Апрѣля 1830 всемилостивѣйше пожалованъ ему перстень съ вензелевымъ Высочайшимъ именемъ. Находясь въ отпуску, прислалъ въ Сентябрѣ 1830 года прошеніе объ увольненіи его въ отставку; уволенъ 22 Ноября отъ службы, причемъ, за оказанное имъ, въ продолженіе ея, отличное усердіе, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.... Вотъ и все. Но бо́льшаго конечно отъ оффиціальной біографической записи и требовать нельзя.

Съ 1830 г. Улыбышевъ болѣе не служилъ, такъ что послѣднія почти 30 л. жизни не принималъ прямаго участія въ служебно-общественной дѣятельности, если не считать участія его въ собраніяхъ Нижегородскаго дворянства и въ совѣщаніяхъ дворянъ по крестьянскому преобразованію. Нужно однако при этомъ прибавить, что вслѣдъ за трагической кончиной А. С. Грибоѣдова, Улыбышеву предлагали занять его должность въ Персіи, но онъ не принялъ предложенія.

А. Д. Улыбышевъ родился, какъ это видно изъ надписи на его памятникѣ въ с. Лукинѣ, 2 Апрѣля 1794 года, отъ Дмитрія Васильевича и Юліи Васильевны Улыбышевыхъ *). О мѣстѣ рожденія его я не могъ собрать свѣдѣній. До 16 лѣтъ онъ воспитывался за-границей, а именно въ Германіи, что̀, по всей вѣроятности, и имѣло вліяніе на философскій образъ его мышленія, на любовь къ музыкѣ, и притомъ такъ-называемой серьезной, классической, и вообще на то, что Улыбышевъ смотрѣлъ всегда «Европейцемъ», конечно съ нѣкоторой примѣсью роднаго, отечественнаго барства.

По возвращеніи изъ-за границы онъ выдержалъ экзаменъ для полученія права на первый чинъ, вмѣстѣ съ братомъ, своимъ Владиміромъ Дмитріевичемъ, который былъ въ послѣдствіи профессоромъ въ корпусѣ путей сообщенія и членомъ комитета по устройству Исакіевскаго собора. По поводу этого экзамена разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: въ числѣ экзаменаторовъ былъ извѣстный Зябловскій, который до того «пробиралъ» юнцовъ, что большая ихъ часть совсѣмъ раскисла. А. Д., на-оборотъ, сталъ злиться, и на вопросъ Зябловскаго: «скажите, какія животныя водятся въ Россіи», съ азартомъ отвѣчалъ: «лошади, коровы, бараны, козы, ослы, професс.....ахъ, извините, г. профессоръ!»....

Во время своей служебной дѣятельности съ 1812 по 1830 г. Улыбышевъ завѣдывалъ редакціей «Journal de S-t Pétersbourg», былъ вообще редакторомъ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ, занимался переводами съ Французскаго языка на Русскій и съ Русскаго на Французскій (на послѣдній онъ перевелъ одно сочиненіе по интересовавшему тогда правительство вопросу о военныхъ поселеніяхъ), составилъ по порученію правительства описаніе коронаціи императора Николая Павловича (за что̀ именно и получилъ алмазные знаки ордена Св. Анны 2 степени), но главнымъ образомъ, какъ и въ теченіе всей своей жизни, посвящалъ досуги свои занятіямъ музыкою и частью литературою **).

---

*) Отъ священника с. Лукина И. Зефирова слышалъ я слѣдующее преданіе, сообщенное ему сестрой Улыбышева Екатериной Дмитріевной Пановой, о происхожденіи фамиліи Улыбышевыхъ: великій князь Дмитрій Донской былъ въ большой опасности во время какого-то сраженія; отъ этой опасности онъ былъ спасенъ однимъ изъ своихъ воиновъ; за это великій князь выдалъ за него замужъ свою единственную дочь *Улыбу*.

**) Изъ двухъ сестеръ его одна, Елисавета Дмитріевна, умершая незамужней, писала и печатала Французскія стихи, неоднажды разбиравшіеся извѣстнымъ барономъ Брамбеусомъ; (Étincelles et cendres, M. 1842; Pensées et soucis, M. 1843; Épines et lauriers, M. 1845) и похваляемые Краевскимъ. Другая сестра—Екатерина Дмитріевна, по мужѣ Панова, была очень образована и начитана: къ ней писаны знаменитыя Философическія Письма П. Я. Чаадаева. А. Г.—Сестра Панова, за докторомъ Коршемъ, была матерью извѣстныхъ дѣятелей Русской печати. П. Б.

На службѣ Улыбышевъ пріобрѣлъ знакомство съ графами Канкринымъ, Сперанскимъ, Блудовымъ, о которыхъ всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ, также какъ и о графѣ Нессельроде, своемъ прямомъ начальникѣ, расположеніемъ котораго онъ пользовался.

Въ отставку онъ вышелъ въ слѣдствіе кончины своего отца и съ тѣхъ поръ поселился въ родовомъ своемъ Нижегородскомъ имѣніи Лукинѣ (ему достались Нижегородскія имѣнія его отца, брату его—Саратовскія), занялся устройствомъ своихъ дѣлъ и довелъ ихъ до того, что къ концу жизни, когда перешло къ нему, по смерти его брата, и Саратовское имѣніе, получалъ до 50,000 рублей ежегоднаго дохода.

Женившись на Варварѣ Александровнѣ Олсуфьевой, Улыбышевъ прожилъ въ с. Лукинѣ почти безвыѣздно около десяти лѣтъ, отлучаясь лишь иногда въ городъ, на ярмарку, на дворянскіе выборы и для своихъ музыкальныхъ работъ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Энергически занимаясь въ Лукинѣ хозяйствомъ, онъ не покидалъ главной «злобы» своей жизни: задумалъ и написалъ здѣсь свое сочиненіе о Моцартѣ, которое вышло изъ печати въ Москвѣ, въ 1843 г. въ трехъ частяхъ на Французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Nouvelle biographie de Mozart, suivie d'un aperçu sur l'histoire générale de la musique et de l'analyse des principales oeuvres de Mozart, par Alexandre Oulibicheff, membre honoraire de la société philharmonique de S-t Pétersbourg. Moscou, 3 vol.

Для лучшей обработки своихъ взглядовъ на музыку Моцарта А. Д. пріѣзжалъ въ Нижній, устраивалъ оркестровое выполненіе Моцартовскихъ пьесъ и часто видался съ покойнымъ Шереметевымъ, также большимъ любителемъ музыки и тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ ея *). Тамъ, гдѣ А. Д. не находилъ отвѣта о музыкѣ Моцарта у извѣстныхъ авторовъ о ней, онъ разрѣшалъ задачу самъ, логичностью своего мышленія и, по отзыву музыкальнаго критика г. Фетиса, разрѣшалъ блестящимъ образомъ. Трудъ его пользуется и до

---

*) Разсказываютъ, что однажды А. Д. съ П. В. Шереметевымъ былъ въ Нижегородскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ и слушалъ исполненіе архіерейскими пѣвчими (при епископѣ Іоаннѣ, въ тридцатыхъ годахъ) херувимской, подъ управленіемъ регента, большого мастера примѣнять извѣстные уже мотивы къ духовному пѣнію. Шереметевъ прямо назвалъ пьесу Моцарта, положенную регентомъ въ основаніе текста херувимской.... Такимъ образомъ Улыбышевъ не былъ одинокимъ въ своихъ музыкальныхъ стремленіяхъ и составлялъ центръ тогдашняго музыкальнаго кружка въ Нижнемъ. А. Г.— Въ предисловіи къ своей книгѣ о Моцартѣ называетъ онъ еще слѣдующихъ участниковъ въ тогдашнихъ Нижегородскихъ музыкальныхъ собраніяхъ: Николая Ѳедоровича Кудрявцева, Василія Николаевича Верстовскаго, Михаила Михаиловича Аверкіева и братьевъ Петра и Михаила Петровичей Званцовыхъ. Нижегородскій преосвященный предоставлялъ имъ своихъ пѣвчихъ для исполненія большихъ піесъ. П. Б.

сихъ поръ большимъ почетомъ въ музыкальной литературѣ *); написанный на Французскомъ языкѣ, онъ былъ вскорѣ переведенъ почти на всѣ Европейскіе языки, Нѣмецкій, Шведскій и другіе, кромѣ Русскаго, на который началъ-было его переводить Сеньковскій, но почему-то остановился. Мотивомъ выбора Французскаго языка для этого труда было, съ одной стороны, то, что Французскій языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ, и въ ту эпоху своей жизни даже лучше Русскаго (который онъ отлично изучилъ лишь въ послѣдствіи), а съ другой то, что такая книга, написанная на Французскомъ языкѣ, ближе достигала своей цѣли, при слабомъ раз-

---

*) Не лишне здѣсь привести выдержку изъ одной Нѣмецкой музыкальной газеты пятидесятыхъ годовъ (Neue Berliner Muzik-Zeitung, herausgegeben von Gustaw Bock, 1850). „Въ серединѣ великаго пространства Русскаго царства, почти въ равномъ разстояніи отъ г. С.-Петербурга и Уральскаго хребта, отдѣляющаго Европу отъ Сибири, лежитъ Нижній-Новгородъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и между жителями этаго города, которыхъ число превышаетъ 30.000, постепенно распространяющаяся въ образованномъ классѣ наклонность къ музыкальнымъ наслажденіямъ нашла сочувствіе, и музыка насчитываетъ теперь уже значительное число образованныхъ почитателей, которые съ ревностію и любовью слѣдуютъ своему музыкальному призванію. Во многихъ домашнихъ кругахъ города, какъ благодѣтельныя послѣдствія этого направленія, образовались маленькія музыкальныя собранія, въ которыхъ нашли бы наслажденіе и радость истинные друзья музыки. Сочиненія знаменитѣйшихъ творцовъ, незабвенныхъ въ области музыки, каковы Гайднъ, Бетговенъ и Моцартъ, также какъ и новѣйшихъ, каковы Мендельсонъ-Бартольди, Шпоръ, Феска, Рейсигеръ, исполняются въ квартетахъ и тріо, на фортепіано, съ акомпанементомъ струнныхъ инструментовъ, и на одномъ фортепіано, съ возможною отчетливостію, вкусомъ и чувствомъ. Между здѣшними дилетантами, принимающими самое живое участіе въ этихъ музыкальныхъ собраніяхъ, должны быть поименованы: г. Улыбышевъ, который обыкновенно играетъ первую скрипку и, при совершенно удовлетворительной способности въ области такъ называемой каммеръ-музыки, какъ и при исполненіи классическихъ сочиненій, заставляетъ себя слушать съ удовольствіемъ. Онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, съ величайшею ревностію, предался теоретическому и практическому изученію музыки, старался, сколько позволяли силы, познакомиться съ важными произведеніями прошедшаго столѣтія и даже со славою попытался распространить пріобрѣтенныя имъ познанія, издавъ, для теоріи музыки, сочиненіе подъ заглавіемъ: Nouvelle biographie de Mozart, suivie d'un aperçu sur l'histoire de la musique et de l'analyse des principales oeuvres de Mozart“. Но по недостатку механической отдѣлки, требуемой силы и ближайшаго знакомства со всѣми трудными формами (Modificationen), которымъ подверглась игра на скрипкѣ въ послѣднее десятилѣтіе и которыя необходимо требуютъ болѣе новой методы, онъ уже не въ состояніи, при исполненіи нынѣшнихъ сочиненій, каковы Вьетана, Эрнста, Прюма, Аляра и др., соперничать съ другими изъ новѣйшихъ скрипачей. Партію альта, съ счастливымъ успѣхомъ и совершенно удовлетворительною отчетливостію, исполняетъ г. Аверкіевъ, страстный почитатель важной музыки, и его живое участіе въ исполненіи квартетовъ Моцарта и Бетговена не позволяетъ желать ничего болѣе. Кромѣ того, не самыя трудныя вещи онъ очень удовлетворительно разъигрываетъ на скрипкѣ и віолончели. Не менѣе достойно упоминанія участіе г. Каменскаго въ здѣшнихъ музыкальныхъ частныхъ вечерахъ. Его постоянное, неутомимое усердіе, съ которымъ онъ посвящаетъ себя музыкѣ, ободряетъ другихъ и одушевляетъ его сотрудниковъ. Кромѣ того, и дамы здѣшнія страстныя

витіи у насъ музыкальной литературы не только въ 30-тыхъ годахъ, но и теперь *).

Улыбышевъ разсказывалъ, что отецъ его говаривалъ ему: «Чтó ты ничего не напишешь? Слѣдуетъ тебѣ написать какую-нибудь книгу». Впечатлительность натуры А. Д-ча развивала этотъ завѣтъ до того, что ему по ночамъ грезился отецъ его съ напоминаніемъ: «исполни, Александръ, завѣтъ мой!» Написавъ своего «Моцарта», А. Д. считалъ такимъ образомъ свой «священный долгъ» исполненнымъ. Въ этомъ-то, въ нравственномъ удовлетвореніи, какое даетъ всякая, сознательно и добросовѣстно выполненная работа, и полагалъ А. Д. всѣ выгоды отъ своего сочиненія, о судьбѣ котораго онъ самъ впервые узналъ только лѣтъ пять спустя по выходѣ книги, когда она сдѣлала свое дѣло въ средѣ компетентной публики и когда онъ сталъ получать со всѣхъ сторонъ, отъ лично ему вовсе незнакомыхъ композиторовъ, самыя сочувственныя письма, поздравлявшія его съ успѣхомъ... Въ Россіи эти три книги, написанныя прекраснымъ слогомъ, до сихъ поръ продаются въ Петербургѣ въ музыкальномъ магазинѣ Бернара **).

Другимъ крупнымъ сочиненіемъ А. Д. по музыкѣ было сочиненіе его о Бетговенѣ, написанное имъ черезъ 13 лѣтъ послѣ перваго, также на Французскомъ языкѣ: Beethoven, ses critiques et ses glossateurs, Leipzig, 1858. Это сочиненіе, на-оборотъ, не имѣло успѣха, или, вѣрнѣе, имѣло успѣхъ совершенно отрицательный. Въ немъ А. Д. пошелъ въ разрѣзъ съ зарождавшимися взглядами на Бетговенскую музыку. Онъ доказывалъ, что у Бетговена есть мѣста, противныя всякимъ понятіямъ о музыкальной гармоніи, и вооружался противъ тѣхъ музыкальныхъ критиковъ, которые утверждали, что если мы теперь не понимаемъ многихъ Бетговенскихъ диссонансовъ, то только потому, что наше ухо еще не доросло, еще не доразвилось до ихъ пониманія, что Бетговенская музыка «музыка будущаго», какъ говорятъ теперь о Вагнеровской музыкѣ. А. Д. настаивалъ на томъ, что многія сочиненія Бетговена пи-

---

любительницы музыки. Въ городѣ найдется рѣдкій домъ, гдѣ бы не было хорошаго инструмента, на которомъ онѣ очень бѣгло и удовлетворительно исполняютъ труднѣйшія вещи Листа, Тальберга, Шопена и др. Между ними съ полнымъ правомъ первое мѣсто занимаетъ отличная піанистка графиня Толстая. Какъ развивающійся талантъ и прекрасная надежда для будущаго, является пріятный контръ-альтъ г-жи Стремоуховой“ и пр.

*) Для переписки своей рукописи А. Д. воспользовался (за 500 рублей ассигнаціями) услугами нѣкоего г. Фавро, Француза, домашняго учителя его дѣтей.

**) Денежная выгода отъ музыкальныхъ сочиненій завѣщена Улыбышевымъ дочери своей Натальѣ Александровнѣ Садоковой, которою она пожертвована Маріинской женской гимназіи въ Нижнемъ.

саны были имъ въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ уже плохо слышалъ, или даже совсѣмъ оглохъ; а какъ для того, чтобы судить о плавности и звучности устной рѣчи мало видѣть буквы и слова, нужно прочитать ихъ вслухъ, такъ мало видѣть изображенія нотъ на линейкахъ, нужно ихъ услыхать воспроизведенными не однимъ умомъ, но и ухомъ, еще настоятельнѣе, чѣмъ относительно голосоваго воспроизведенія буквъ. Улыбышевъ увлекался даже до того, что называлъ Бетговена, за нѣкоторыя мѣста его произведеній, просто сумасшедшимъ (конечно въ музыкальномъ отношеніи).

Сочиненіе свое о Бетговенѣ онъ писалъ недолго, и вообще не такъ любовно къ нему относился, какъ къ сочиненію о Моцартѣ *).

Кромѣ названныхъ крупныхъ сочиненій онъ оставилъ множество мелкихъ музыкальныхъ замѣтокъ, печатавшихся большею частію въ «Journal de S-t Pétersbourg» въ Петербургскій періодъ его жизни, и въ «Сѣверной Пчелѣ»—въ Нижегородскій. Темой для первыхъ были концерты и оперная музыка въ Петербургѣ, для вторыхъ—концерты въ Нижнемъ.

Если на долю музыкальныхъ сочиненій Улыбышева выпала извѣстность, то не такъ счастливы были его чисто-литературныя произведенія, конечно потому, что они не дошли, а частью и не могли дойти, до типографскаго станка.

Литературныя сочиненія его дѣлятся на двѣ категоріи: драматическія (драмы, комедіи, сатиры и шутки въ драматической формѣ) и дневникъ, утрата котораго особенно прискорбна. На первые свои опыты въ драматической формѣ онъ смотрѣлъ очень легко и серьезно занимался ими только со стороны практики въ Русскомъ языкѣ. Драматическія произведенія его всегда имѣли жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другія дурныя стороны современнаго общества; дѣйствующими лицами у него являлись болѣе или менѣе сильные міра Нижегородскаго сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Привыкнувъ съ дѣтства къ Европейскимъ порядкамъ, проведя много лѣтъ жизни въ избраннѣйшемъ свѣтскомъ обществѣ Петербурга, которое конечно стояло въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ несравненно выше тогдашняго провинціальнаго общества, Улыбышевъ никогда не могъ помириться съ

---

*) Книга Улыбышева о Бетговенѣ написана въ видѣ опроверженія на книгу о томъ же предметѣ Ленца, котораго Записки напечатаны въ Р. Архивѣ 1878 года подъ заглавіемъ: „Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ". П. Б.

окружавшей его въ Нижнемъ средой, которую и «пробиралъ» въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ.

Не печаталъ А. Д. своихъ драматическихъ сочиненій частью потому, что не придавалъ имъ серьезнаго значенія. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляла послѣдняя его драма, которую онъ писалъ съ большою любовью и въ которой выводилъ на сцену расколъ. Съ расколомъ А. Д. впервыя внимательно познакомился по сочиненію покойнаго Надеждина, которое ему далъ прочитать жившій въ Нижнемъ В. И. Даль. Цѣлью своей драмы А. Д. ставилъ распространеніе въ публикѣ свѣдѣній о расколѣ и очень желалъ видѣть ее въ печати. Большинство его драматическихъ пьесъ и сценъ, подходившихъ, какъ тогда выражались, къ «натуральной школѣ» (въ нѣкоторыхъ изъ нихъ женскія лица выражались безъ особой церемоніи) выходило однако за предѣлы его кабинета, такъ какъ нѣкоторыя (комедіи) игрались на его домашнихъ спектакляхъ, собиравшихъ къ себѣ чуть не весь городъ, разумѣя конечно подъ «городомъ» такъ-называемый «бо-мондъ», кромѣ высшаго представителя его, тогдашняго Нижегородскаго военнаго губернатора князя М. А. Урусова, къ которому А. Д. былъ въ открытой оппозиціи, въ товариществѣ съ другимъ Нижегородскимъ магнатомъ С. В. Шереметевымъ (братомъ меломана) и съ которымъ онъ примирился только при отъѣздѣ его на постъ Витебскаго губернатора.

Особенно цѣненъ для насъ былъ-бы конечно дневникъ Улыбышева, тѣмъ болѣе, что онъ самъ говаривалъ, что дневникъ его—самая искренняя исповѣдь его о всемъ видѣнномъ имъ въ жизни, а видѣлъ онъ много. Охотно читая всѣ свои литературныя сочиненія знакомымъ, онъ однако никогда никому не читалъ даже выдержекъ изъ своего дневника....

Всѣ рукописи его и библіотека его (кромѣ нотной, доставшейся М. А. Балакиреву, вмѣстѣ съ двумя скрипками), по завѣщанію его, поступили къ сестрѣ его Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой и по разнымъ обстоятельствамъ утратились. Держится темный слухъ, что дневникъ и теперь цѣлъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, указывали даже на лицо, черезъ руки котораго могъ выдти дневникъ Улыбышева изъ его кабинета, по смерти его; но лицо это въ настоящее время померло.... Отыщется-ли когда нибудь это послѣднее и любимѣйшее произведеніе его, надъ которымъ онъ работалъ до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, мудрено рѣшить.

Важнымъ біографическимъ матеріаломъ всегда является описаніе обычнаго средняго дня человѣка. Каковъ же былъ день Улыбышева? День этотъ, во второй періодъ его жизни, былъ двухъ родовъ: деревенскій и городской.

Въ деревнѣ, въ Лукинѣ, въ своемъ деревянномъ домѣ *), гдѣ А. Д. прожилъ, какъ сказано, почти безвыѣздно десять лѣтъ, съ 1831 по 1841 годъ, и гдѣ затѣмъ проводилъ онъ каждое лѣто до конца своей жизни **), средній день его проходилъ слѣдующимъ образомъ.

Вставалъ онъ въ 7 часовъ утра и выходилъ пить чай въ залъ, гдѣ наполняла чашки жившая въ домѣ экономка и первая учительница его дочерей, «барская барыня» Анна Ивановна. Являлся бурмистръ или староста, а иногда и оба вмѣстѣ, для докладовъ и выслушанія приказаній и распоряженій.

Въ девятомъ часу онъ удалялся къ себѣ въ кабинетъ и садился за письменный столъ, часовъ до 12-ти. Въ полдень онъ выходилъ къ семейству (которое чрезвычайно любилъ) и тутъ говорилъ преимущественно одинъ, владѣя прекраснымъ даромъ слова и способностью разскащика. Послѣ того у себя въ кабинетѣ игралъ сольфеджіи или пьесы любимѣйшихъ своихъ композиторовъ на скрипкѣ (онъ былъ и прекрасный исполнитель).

Передъ обѣдомъ А. Д. выходилъ на прогулку, не смотря ни на какую погоду, «ни сверху, ни снизу», какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, съ тою только разницей, что въ деревнѣ съ прогулкой соединялось и хозяйственное обозрѣніе. Ходилъ онъ такъ скоро, что спутники его, если бывали, возвращались домой еле-еле таща ноги.

За деревенскимъ обѣдомъ, часу въ 4-мъ, раздавался также главнымъ образомъ голосъ одного Александра Дмитріевича, который оживлялся еще болѣе при наѣздѣ какихъ нибудь знакомыхъ.

Послѣ обѣда онъ удалялся въ другой, маленькій кабинетикъ, подлѣ зала, полежать и покурить «Жукова» изъ трубки. Къ нему въ это время аккуратно каждый день должна была являться старушка-нянька, большая мастерица разсказывать сказки. Она знала одну нескончаемую сказку, представляя собою такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ вторую Шехерезаду.

— Нука, на-чемъ-бишь, Николавна, мы вчера остановились? спроситъ, бывало, Александръ Дмитріевичъ.

---

*) Домъ этотъ съ выходившей прямо противъ длинной аллеи прелестнаго сада терассой, съ которой открывался очаровательный видъ на живописныя окрестности по сторонамъ рѣки Кудьмы, сгорѣлъ въ 1876 году. Многіе виды Кудемскихъ окрестностей подъ Лукинымъ срисованы были, по желанію А. Д., покойнымъ учителемъ рисованія Нижегородской гимназіи Н. Т. Дмитріевымъ и до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Улыбышева.

**) Въ столицы А. Д. ѣзжалъ неохотно и только въ случаѣ какой-нибудь крайней надобности; за-границей, кажется, не былъ ни разу со времени возвращенія своего оттуда, еще юношей.

И Николавна продолжала прерванный наканунѣ разсказъ, подъ который А. Д. начиналъ дремать, но минутъ черезъ пять просыпался и, проговоря каждый разъ одну и туже фразу: «Ну, Николавна, теперь прощай, до завтра», уходилъ въ кабинетъ, гдѣ уже спалъ положительно съ часъ или полтора. Послѣ сна онъ выходилъ не надолго въ садъ, пока закладывали лошадей въ деревенскія дроги, для вторичнаго хозяйственнаго обозрѣнія и прогулки. При любви его къ обществу для семейныхъ его было почти обязательно сопровождать его въ этой послѣобѣденной прогулкѣ, при чемъ все семейство играло роль также балласта, такъ какъ дроги отчаянно трясли, а нагруженныя какъ слѣдуетъ, были попокойнѣе. Иногда на этой прогулкѣ Александръ Дмитріевичъ пѣлъ, обладая очень симпатичнымъ голосомъ, и всю домашнюю публику заставлялъ подтягивать себѣ хоромъ.

Послѣ этой поѣздки онъ снова гулялъ въ саду (вечеромъ онъ чаю никогда не пилъ), возвратившись читалъ часовъ до 12-ти; ужиналъ, всегда одинъ, отдѣльно отъ семейства, и ложился спать.

Въ городѣ день конечно нѣсколько видоизмѣнялся. За утреннимъ чаемъ мѣсто бурмистра и старосты занимала уже всегда Анна Ивановна, большая начетчица, какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской литературѣ, съ которой А. Д. любилъ поговорить, поспорить; особенно любилъ онъ съ ней вступать въ состязаніе по религіознымъ вопросамъ, имѣя въ ней конечно представительницу самыхъ консервативныхъ началъ. Въ разговорѣ съ Анной Ивановной А. Д. любилъ также перебирать весь прошедшій день, анализируя, такъ-сказать, мелочи его до мелочей. Всласть наговорившись за утреннимъ чаемъ, онъ, также какъ въ деревнѣ, часу въ 9-омъ, отправлялся въ свой рабочій кабинетъ.

Въ пріемѣ утреннихъ визитовъ своего барскаго дома А. Д. вообще не участвовалъ, предоставляя это своему семейству; но къ особенно уважаемымъ гостямъ мужскаго пола онъ иногда выходилъ во всемъ своемъ парадѣ, въ который онъ нарочно облекался: въ синемъ халатѣ, или въ еще болѣе торжественныхъ случаяхъ—въ халатѣ изъ дорогой Турецкой матеріи.

Передъ обѣдомъ А. Д. также аккуратно каждый день, также не смотря ни на какую погоду, шелъ гулять. Любя видѣть за столомъ гостей, А. Д. звалъ къ себѣ обѣдать встрѣчавшихся ему на прогулкѣ знакомыхъ, если не имѣлъ уже кого нибудь въ виду къ обѣду. Прогулки его были такъ аккуратны, что въ городѣ замѣняли многимъ часы: А. Д. вышелъ на Покровку—значитъ второй часъ *). Обѣдъ

*) Онъ жилъ въ собственномъ большомъ каменномъ домѣ, въ нижнемъ его этажѣ. Въ верхнемъ помѣщалось его семейство. „Парадныя" комнаты шли анфиладой, примыкая

(въ городѣ въ 4 часа) проходилъ шумно и весело: обставившись бутылками такъ, что иногда его изъ за нихъ почти было не видно, Александръ Дмитріевичь былъ, какъ говорится душею общества и усердно потчивалъ своихъ гостей *).

По вечерамъ, въ театральные дни (по Воскресеньямъ, Вторникамъ, Средамъ и Пятницамъ), А. Д. всегда бывалъ въ театрѣ. По Вторникамъ — не-абонентный, бенефисный день того времени—А. Д. всегда платилъ двойную, тройную плату за свое кресло и литерную ложу семейства. Для особенно любимыхъ имъ актеровъ плата эта увеличивалась иногда и въ десятеро. Въ не-театральные дни происходили у него обыкновенныя квартетныя собранія (по Четвергамъ и Субботамъ), или большіе музыкальные вечера, на которыхъ принимали всегда участіе, кромѣ самого А. Д. (первая скрипка), покойные М. М. Аверкіевъ, или С. П. Званцовъ (альтъ), М. П. Званцовъ, Гебель или Вилковъ (віолончель), К. К. Эйзерихъ (фортепіано) или нарочно приглашенные на зимній сезонъ артисты изъ Москвы. К. К. Эйзериха часто замѣнялъ тогда уже развертывавшій свой талантъ воспитанникъ Нижегородскаго Александровскаго Дворянскаго Института М. А. Балакиревъ; иногда фортепьянную партію исполняла Е. М. Панова, дочь тогдашняго Нижегородскаго вице-губернатора, также хорошая піанистка. На чрезвычайныхъ музыкальныхъ собраніяхъ исполнялись большія партіи въ родѣ Stabat-Mater, Requiem (Русскій текстъ для Requiem'а написанъ К. И. Садоковымъ).

Домъ А. Д. былъ открытъ не только для всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей, которыя попадали въ Нижній, но вообще для артистовъ, художниковъ, писателей. Такъ не миновали этого дома покойные Щепкинъ, Мартыновъ и друг. Долго жилъ у него и получившій впослѣдствіе извѣстность композиторъ и музыкальный критикъ А. Н. Сѣровъ, когда онъ только что окончилъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. На музыкальную дѣятельность Сѣрова вѣроятно имѣлъ вліяніе Улыбышевъ, но впослѣдствіи Сѣровъ разошелся съ

къ залу, окнами на улицу. Домъ этотъ, въ началѣ Малой Покровки, цѣлъ и по настоящее время; онъ принадлежитъ г. Губину и значительно передѣланъ имъ подъ помѣщеніе для реальнаго училища.

*) Какъ гастрономъ, А. Д. говаривалъ, что есть „память языка": умъ можетъ забыть извѣстное кушанье, но стòитъ его попробовать, и языкъ сейчасъ его припомнитъ. Кстати замѣтить, чтò, обладая громадною памятью, А. Д., въ противуположность своему брату, математику, имѣлъ весьма плохую память на числа.

музыкальными воззрѣніями его *). Начало охлажденія Улыбышева къ Сѣрову было однако вовсе немузыкальнаго свойства и относилось къ Нижегородской дѣятельности Сѣрова, какъ чиновника. Сѣровъ недурно рисовалъ, и до сихъ поръ сохранился въ семействѣ Улыбышевымъ нарисованный имъ видъ Зеленскаго съѣзда со стороны Нижегородскаго кремля.

Иногда чрезвычайныя музыкальныя собранія въ домѣ А. Д. замѣнялись домашними спектаклями. И тѣ и другіе привлекали къ себѣ «весь городъ». Понятно, что многихъ и многихъ звало туда не одно художественное влеченіе, но болѣе практическое желаніе хорошенько вкусить отъ завершавшихъ каждое собраніе обильныхъ яствъ.

Въ клубѣ (тогда былъ въ Нижнемъ всего одинъ клубъ—дворянскій, или, какъ онъ тогда назывался—благородное дворянское собраніе) А. Д. никогда не бывалъ. Въ карты онъ вовсе не умѣлъ играть и садился за карточный столъ только изрѣдка, въ деревнѣ, въ глубокіе ненастные осенніе вечера, при чемъ случалось нерѣдко, что съ одной дамой червей объявлялъ 8 въ червяхъ. На балахъ въ дворянскомъ собраніи (6 Декабря, или во время дворянскихъ выборовъ) Улыбышевъ появлялся иногда, но допускалъ въ своей бальной одеждѣ нѣкоторый компромиссъ: облекаясь во фракъ, онъ сопровождалъ его какими нибудь сѣренькими клѣтчатыми панталонами изъ легкой лѣтней матеріи.

Но какъ бы правильно, аккуратно и осмысленно ни текла жизнь, настаетъ время, когда гармонія въ ней нарушается. Разнообразныя работы А. Д. за письменнымъ столомъ замѣнились однимъ дневникомъ его, въ которомъ, по его словамъ, онъ находилъ все свое облегченіе. Затѣмъ подоспѣли невзгоды по каменному дому на Малой Покровкѣ: разсчитывая умереть въ немъ, А. Д. долженъ былъ перейти въ наемную квартиру (г. Чиркова, на Ошарской улицѣ). Едва онъ привыкъ къ своему новому помѣщенію, стали одолѣвать тѣлесные недуги. Вернувшись изъ одного бурнаго засѣданія Нижегородскаго дворянства передъ эпохой образованія губернскихъ комитетовъ по улучшенію

*) Въ 1853 году А. Н. Сѣровымъ помѣщена была въ Лейпцигской „Neue Zeitung für Muzik“, въ трехъ номерахъ ея, статья о взглядахъ А. Д. на Бетговена, въ которой авторъ, рядомъ примѣровъ изъ самаго Моцарта, доказалъ, что и у послѣдняго немало такихъ музыкальныхъ оборотовъ, какъ у Бетговена, а Моцарта и А. Д. конечно не могъ заподозрѣть въ музыкальномъ „нигилизмѣ“. К. П. Званцовъ мнѣ разсказывалъ, что когда статья Сѣрова была напечатана, онъ узналъ, что А. Д., противъ котораго она была направлена, скончался въ Нижнемъ, и воскликнулъ: „Отвертѣлся-таки!... При жизни былъ дипломатомъ и умеръ дипломатомъ!“...

быта помѣщичьихъ крестьянъ *), Александръ Дмитріевичъ окончательно слегъ въ постель и, послѣ мучительныхъ страданій, скончался 29 Января 1858 года.

Года два спустя прекратился родъ Улыбышева въ мужской линіи, въ лицѣ единственнаго его сына Николая, который, одно время, по волѣ отца, былъ отданъ изъ студентовъ Казанскаго университета въ военную службу на Кавказъ, гдѣ и дослужился до перваго офицерскаго чина. Этотъ случай былъ однимъ изъ тяжелыхъ въ жизни А. Д., горячо любившаго своего сына и вообще крайне мягкаго и добросердечнаго.

Нижегородское отдѣленіе музыкальнаго общества имѣетъ въ залахъ своихъ портретъ Н. Г. Рубинштейна. Не странно-ли, что оно не имѣетъ портретовъ А. Д. Улыбышева и М. А. Балакирева?....

А. Гацискій.

*

Изъ этого біографическаго очерка читатели могутъ видѣть, какой почтенный и достопамятный человѣкъ былъ А. Д. Улыбышевъ. Русскій Архивъ почитаетъ долгомъ своимъ возобновлять память о подобныхъ людяхъ. Нижеслѣдующее драматическое произведеніе Улыбышева принадлежитъ вполнѣ давно прошедшей исторіи нашего внутренняго быта. Оно писано слишкомъ 35 лѣтъ тому назадъ; отношенія и мнѣнія, въ немъ изображенныя, устранены мѣропріятіями прошлаго царствованія и отошли уже въ спокойную область прошедшаго. П. Б.

---

*) А. Д. Улыбышевъ былъ горячимъ противникомъ крѣпостнаго права; а Нижегородское дворянство, не смотря на то, что одно изъ первыхъ откликнулось на призывъ къ новымъ задачамъ своимъ, сильно держалось за старый порядокъ вещей, что доказывается простымъ счетомъ такъ-называемаго большинства. Изъ 24 членовъ Нижегородскаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ меньшинство состояло только изъ 9-ти лицъ: Болтина, Лагоды, Русинова, Сущова, Демидова, Карамзина, Эшмана, Анненкова и Нестерова. А. Г.—Сличи въ Запискахъ А. И. Левшина въ Р. Архивѣ 1885, II, 550. Приносимъ благодарность нашу А. С. Гацискому за дозволеніе извлечь эту статью его объ Улыбышевѣ изъ 28 и 29 номеровъ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1884 года. П. Б.

РАСКОЛЬНИКИ.

ИСТОРИКО-БЫТОВАЯ ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Д. Улыбышева.

(1850 года).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Михаилъ Борисовичъ Троезерскій. Генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, помѣщикъ съ огромнымъ состояніемъ, 63-хъ лѣтъ.

Елисавета Владимировна его жена, 47-ми лѣтъ.

Александръ Михайловичъ Троезерскій, ихъ сынъ, гвардіи полковникъ, 27-ми лѣтъ.

Княжна Вѣра Алексѣевна Серпухова, богатая сирота, бывшая подъ опекою генерала Троезерскаго и живущая въ его домѣ, 19-ти лѣтъ.

Неизвѣстный, среднихъ лѣтъ.

Карпъ Трифонычъ Цапкинъ, становой приставъ, 42-хъ лѣтъ.

Иванъ Петровъ, бурмистръ села Отшелина, 40-ка лѣтъ.

Ефимъ Сычъ, Отшелинскій десятникъ.

Филимонъ Абрамовъ, 75-ти лѣтъ. }
Егоръ Симоновъ, его внукъ, 25-ти лѣтъ. } Крестьяне.
Ѳедя, 14-ти лѣтъ. }

Ѳедосья, жена бурмистра, 38-ми лѣтъ.

Маша, прозванная Жемчужиной, жена Егора Симонова, 18-ти лѣтъ.

Параша }
Шимка }
Анютка } молодыя бабы.
Дунька }
Аришка }

Мужики, бабы, дворовые люди, караульщики, прислуга.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи генерала Троезерскаго, селѣ Отшелинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОИСХОДИТЪ 10-го ІЮЛЯ.

Утро. Кабинетъ генерала Троезерскаго, который сидитъ въ халатѣ передъ большимъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, счетами, золотыми и серебрянными деньгами въ кучкахъ. Противъ него стоитъ, съ видомъ глубочайшаго почтенія, бурмистръ Иванъ Петровъ, кончившій свой докладъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Генералъ. — Бурмистръ.

Генералъ.

Теперь все, что ли?

Бурмистръ.

Кажись, что все, батюшка Михаилъ Борисычъ. Да еще осмѣлюсь доложить вашему присходительству на счетъ Филимона-то Абрамова. Ужъ не разъ нижайше докладывалъ. Какъ приказать изволите?

Генералъ.

Онъ еще не унялся?

Бурмистръ.

Гдѣ ему уняться, когда отъ вашей милости не видывалъ еще никакихъ страстей.

Генералъ.

Что же онъ дѣлаетъ?

Бурмистръ.

Да что и прежде дѣлалъ. Все учитъ новой своей ереси, мужиковъ совсѣмъ съ толку сбиватъ. Да и попу-то отъ него житья нѣту.

Генералъ.

Однако, прежніе раскольники все еще ходятъ въ церковь?

Бурмистръ.

Ходить-то ходятъ. Какъ не ходить! Приказаніе отъ вашей милости было строгое; а я ужъ господскаго наказа не упущу.

Генералъ.

А говѣютъ ли всѣ?

Бурмистръ.

На счетъ эвтаго грѣшно было бы жалобиться. У насъ, и старъ и малъ, всѣ исполняютъ христіанскіе обряды, какъ слѣдуетъ.

Генералъ.

Но если всѣ ходятъ въ церковь и всѣ говѣютъ, почему же ты такъ нападаешь на старика Филимона? Ученіе его, правда, самое пагубное, но оно тебѣ неизвѣстно.

Бурмистръ.

Такъ, батюшка; но много ли толку въ томъ, что наша Филимоновщина ходитъ въ церковь? Соберутся въ храмъ Божій, а дѣла не дѣлаютъ: словно на барщинѣ, коли отойдетъ отъ нихъ нашъ братъ начальникъ.

Генералъ.

Какъ дѣла не дѣлаютъ? Что̀ хочешь этимъ сказать.

Бурмистръ.

Да то, сударь, что вовсе не молятся. Стоятъ себѣ, какъ истуканы, разинувъ ротъ.

Генералъ.

Это неправда. Когда я бываю въ церкви, вижу, что мужики крестятся и молятся усердно.

Бурмистръ.

Еще бы имъ тогда не молиться! Вѣдь говорятъ, батюшка, отъ вашего-то взгляда у Турки и у Француза душа въ пятки уходила? Такъ тутъ, вишь ли, когда ваше присходительство оглянетесь кругомъ, мужицкія-то башки сами собой зашевелятся и пошли пырять, да и пальцы-то сложатся, по неволѣ, для крестнаго знаменія. Ну да за вашу милость всякъ и по своему готовъ молиться. Какого имъ еще помѣщика? Живутъ всѣ у васъ, какъ у Бога въ пазухѣ.

Генералъ (*про себя*).

Рѣдкій вотчинный начальникъ! И усерденъ, и уменъ. (*Вслухъ*). Чѣмъ же священникъ недоволенъ?

Бурмистръ.

Сказать по всей правдѣ, такъ этакого попа нигдѣ не сыскать. Всѣ просто завидуютъ намъ. Что-де за попъ у васъ въ Отшелинѣ! Лишняго за требы не беретъ, при крещеніи даетъ младенцу имя, какое въ угодность отцу и матери; а коли свадебное дѣло, такъ ужъ не закляузничитъ, не закобенится, не полѣзетъ разбирать, кто кому кумъ, кто сватъ и кто троюродный. По приказанію вашего присходительства хоть на родной сестрѣ обвѣнчатъ. Не попъ, а сущій кладъ, ей, ей!

Генералъ.

Полно молоть вздоръ и говори, чѣмъ Филимонъ или его ученики обижаютъ нашего священника.

Бурмистръ.

Да вотъ, батюшка, сами разсудить извольте. Новые наши раскольники, сирѣчь Филимоновщина-то, приложившись къ кресту, не цалуютъ у попа руки. Высовывай ее попъ, какъ себѣ хошь: они все отворачиваютъ морду, какъ барскіе псы отъ краюшки хлѣба. И то сказать, въ прошлое воскресенье, не вытерпѣлъ ужъ отецъ Сидоръ и ткнулъ Филатку рыжаго прямо въ рыло; анъ Филатка-то пошатнулся и поцѣловалъ батькѣ руку.

Генералъ.

Это весьма непохвально со стороны отца Исидора.

Бурмистръ.

Согрѣшилъ сердечный; да тутъ кого горе не возьметъ! Сами разсудить извольте. Идетъ попъ по улицѣ, шапки передъ нимъ никто не ломатъ; поѣдетъ собирать съ домовъ, Филимоновская ересь на дворы къ себѣ не пускатъ его, а отъ нихъ только бы и поживиться: первые богатѣи по всей вотчинѣ, сударь. Захлопнутъ ворота, да и бросятъ изъ окна батькѣ истертый полтинникъ, словно нищему. Вотъ каково поповское-то житье у насъ въ Отшелинѣ! Да и православные-то врядъ ли лучше раскольниковъ: съ нихъ же, еретиковъ, примѣръ берутъ. Удовольствія попу отъ нихъ не быватъ никакого; въ грошъ его не ставятъ, примѣромъ сказать.

Генералъ.

Это худо, братецъ.

Бурмистръ.

Да ужъ такъ худо, что и сказать нельзя. Зато ужъ Филимону-то Абрамычу почетъ какой! Лишь только взвидятъ его, мигомъ всѣ шляпы

долой; кланяются ему и православные, и раскольники, униженными поклонами. Заговоритъ,—всѣ развѣсятъ уши и слушаютъ его, будто самого архирея. Власти, кажись, отъ вашего присходительства никакой ему не дано, а приходятъ всѣ къ нему судиться, да совѣтаться, чуть просбицъ на гербовой не подаютъ. Заспорятъ ли мужики о землѣ, пойдетъ ли дѣлежъ наслѣдства межъ братьями, прибьетъ ли кто кого, пыматъ ли мужъ жену съ любовникомъ, аль сноха разбранится со свекровью: такъ вотъ всѣ и валятъ къ Филимону, и что̀ онъ скажетъ, то свято, а поперечить ему никто не смѣй. Этакъ-то, батюшка, намъ начальникамъ, нижайшимъ рабамъ вашимъ, скоро нече будетъ и дѣлать. Ужъ и то сказать, въ вотчинную контору рѣдко кто являтся для суда и расправы. Что̀ же послѣ этого, Филимонъ Абрамовъ мужикъ, аль помѣщикъ намъ какой?

Генералъ.

Помѣщикъ! Какъ ты смѣешь......

Бурмистръ.

Вся воля ваша, Михаилъ Борисычъ; а ужъ какъ теперь справляться съ мужиками, ума не приложу. Ну что за грѣхъ, подумай-ка? Расколъ за расколомъ вотъ такъ къ намъ всё и лѣзетъ? Прежде водились здѣся Духоборцы, Молоканы, Субботники и всякая прочая дрянь. Удалось вашему присходительству извести эту окаянную безпоповщину, анъ глядь катитъ новая ересь, чуть ли не хуже прежнихъ; а все же, осмѣлюсь доложить, по добротѣ вашей, батюшка, къ богоотступнику Филимону. Давно бы порѣшить его надо. Ужъ больно осерчали на меня раскольники за мое усердіе къ православной церкви. Не сдобровать мнѣ горемышному; уходятъ злодѣи вѣрнаго твоего раба, господинъ ты нашъ милостивый! (*бросается на колѣни*). Ваше присходительство! Нельзя ли какъ нибудь уволить отъ бурмистерства?

Генералъ.

Встань, братецъ; къ чему дурачиться. Я и безъ того знаю, что ты мнѣ служишь вѣрно.

Бурмистръ (*вставая*).

Такъ не прикажете ли Филимона сейчасъ въ кандалы заковать, да отправить съ бумагой къ становому.

Генералъ.

Надобно хорошенько подумать объ этомъ. Завтра дамъ тебѣ приказаніе.

ЯВЛЕНІЕ 2-е,

Прежніе.—Троезерская (*вбѣгаетъ къ мужу сильно взволнованная*).

Генералъ.

Чтò съ тобою, матушка?

Троезерская.

Ахъ, другъ мой, за прудомъ коляска показалась, и слышенъ колокольчикъ.

Генералъ.

Такъ что же? Мало ли гостей пріѣзжаютъ къ намъ на почтовыхъ?

Троезерская.

Нѣтъ, это не гость.

Генералъ.

Не думаешь ли ты уже, что это Александръ? Опомнись! По послѣднему его письму мы не можемъ ожидать его ближе Августа; а сегодня только 10-е число Іюля.

Троезерская.

Это онъ, говорю тебѣ; сердце матери никогда не обманетъ.

Бурмистръ.

Сейчасъ узнаю, матушка Елисавета Владимировна. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Прежніе, кромѣ **Бурмистра.**

Троезерская (*уходя*).

Сама побѣгу!

Генералъ (*удерживая ее*).

Полно, матушка, успокойся! Побѣжишь на встрѣчу какому нибудь отставному прапорщику Тюленеву, или почтеннѣйшему нашему Карпу Трифонычу.

Троезерская.

Не удерживай меня, ради Бога. (*Шумъ и бѣготня за кулисами*). Это онъ, онъ! (*Освобождается отъ руки мужа и выбѣгаетъ стремглавъ*).

Генералъ.

Неужели въ самомъ дѣлѣ? (*Ходитъ скорыми шагами по комнатѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Генералъ, полковникъ Троезерскій и Троезерская (*не выпускающая сына изъ своихъ объятій*).

Полковникъ.

Милая маменька, позвольте! (*Бросается обнимать отца*). Батюшка! Наконецъ Богъ услышалъ мою молитву; я васъ вижу.

Генералъ (*утирая слезы*).

И меня услышалъ Богъ, даровавъ мнѣ такого сына. Ты превзошелъ всѣ мои надежды, Александръ. Семь лѣтъ тому, ты явился ко мнѣ въ первыхъ своихъ эполетахъ, а теперь я обнимаю гвардіи полковника и Егорьевскаго кавалера.

Полковникъ.

Я всегда помнилъ, батюшка, что я вашъ сынъ.

Троезерская.

Да и мать никогда не забывалъ, другъ ты мой сердечный, голубчикъ Саша. Писалъ ты мнѣ даже изъ Венгріи, въ такое время, когда я не смѣла ожидать твоихъ писемъ, а молила только Царя Небеснаго о сохраненіи твоей жизни.

Полковникъ.

Писать къ вамъ было единственное мое утѣшеніе въ разлукѣ съ обожаемой матерью.

Троезерская (*цѣлуя его страстно*).

Сынъ мой, милое единственное мое дѣтище! (*Смотритъ на него*). И что за молодецъ сталъ! Что за красавецъ! Какой геройскій взглядъ! Сейчасъ видно, что не даромъ наградилъ его Государь.

Генералъ.

Но скажи, Александръ, какъ ты пріѣхалъ сюда такъ рано; ты писалъ мнѣ......

Полковникъ.

Вотъ видите ли, батюшка......

Троезерская.

Къ чему распрашивать теперь объ этихъ пустякахъ! Вѣдь онъ здѣсь (*обнимая сына*), здѣсь у насъ на яву, а не во снѣ. Чего-же тебѣ больше?

Генералъ (*улыбаясь*).

Ну будь по твоему! Послѣ разскажешь, Александръ. (*Полковникъ ищетъ кого-то взоромъ*).

Троезерская.

Знаю, кого ищутъ здѣсь ясныя твои очи. Все такой-же нетерпѣливый какъ и прежде. Не подумалъ, что для такого дорогаго гостя надобно немножко принарядиться. У красныхъ дѣвушекъ ужъ не безъ того.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе.—Княжна Серпухова.

Княжна (*подходитъ къ Троезерской и цѣлуетъ ей руку*).

Ошиблись, маменька! Я не думала о нарядѣ, а стояла за дверью, чтобъ не помѣшать первому вашему свиданію съ дорогимъ гостемъ (*обращаясь къ полковнику, робко*) Александръ Михайлычъ, поздравляю васъ съ благополучнымъ пріѣздомъ.

Полковникъ.

Вѣра, милая Вѣра! (*Всматриваясь въ нее, съ замѣшательствомъ*) Ахъ, простите, княжна....

Генералъ (*смѣясь*).

Ну что, раззнакомились? И немудрено. Ты, Александръ, прощался съ дѣвочкой, а теперь видишь передъ собою прекрасную дѣвицу.

Полковникъ (*помолчавъ нѣсколько, потомъ съ чувствомъ*).

Говорятъ, что идеалъ всегда превышаетъ дѣйствительность. Не всегда. Часто воображеніе рисовало мнѣ образъ княжны. Я старался пополнять и усовершенствовать его, согласно съ перемѣнами, какія должно было произвести время. Я создавалъ что-то и восхищался моей мечтой. Теперь вижу, какъ блѣдна и ничтожна она была (*цѣлуетъ у княжны руку*).

Княжна.

Александръ!

Полковникъ.

Вѣра, прекрасная, милая моя невѣста!

Троезерская.

Вотъ этакъ лучше. Ну, обнимитесь-же дѣтушки! (*Александръ цѣлуетъ княжну*).

Княжна.

Комплиментъ, который вы мнѣ сказали сейчасъ, любезный Александръ, доказываетъ, что вы многому научились, чего не знали прежде.

Полковникъ.

Не знаю, чему я научился; а знаю только, что не разучился любить васъ, и что, въ этомъ отношеніи, мнѣ предстоятъ еще огромные успѣхи.

Княжна.

Теперь я вижу, что вы не довольствовались быть героемъ на полѣ брани, но сдѣлались еще и салоннымъ героемъ и, вѣрно, сразили столько-же женскихъ сердецъ, какъ и отечества враговъ.

Полковникъ (*серьезно*)

Я буду откровененъ съ вами. Не хочу таить передъ невѣстой то, о чемъ жена узнаетъ непремѣнно. Да, я влюблялся нѣсколько разъ, и въ Россіи, и за границей; но только по военному.

Княжна (*съ улыбкой*).

Знаменитая *mademoiselle de Scudéry*, которая составила карту всѣхъ областей любовнаго царства, не обозначила, кажется, мѣста любви по военному, и не описываетъ этой любви. Что-жъ она такое?

Полковникъ (*смѣясь*).

Это любовь, которая подчиняется во всемъ артикулу и строго соображается съ маршрутомъ полка. Она встрѣчаетъ военнаго у заставы какого-нибудь города и провожаетъ до другой заставы, говоря ему: не поминай меня лихомъ!

Генералъ (*княжнѣ*).

Это видишь-ли, Вѣрочка, не любовь, а любвишка; не богиня Венера, а маркитантша.

Троезерская.

Посмотри-же, какимъ ты сдѣлался шалуномъ, Саша!

Полковникъ.

Нѣтъ, матушка, я никогда не былъ шалуномъ, клянусь вамъ честью. Случалось, хорошенькая бросится въ глаза, въ сердцѣ что-то слегка пошевелится. Подойдешь къ ней, скажешь нѣсколько глупыхъ фразъ, протанцуешь нѣсколько танцовъ, спросишь гдѣ можно ее встрѣтить почаще; встрѣчаешь потомъ иногда.... А тамъ, какъ застучитъ барабанъ и затрубитъ труба, будто ни въ чемъ не бывало.

Генералъ.

Ты лгать не можешь: ты мой сынъ. Однако, признаться, я удивляюсь, какъ, съ твоимъ пылкимъ характеромъ, ты не влюблялся посерьознѣе.

Полковникъ.

Я вамъ это объясню, батюшка. Вы слышали уже, что я старался представить себѣ Вѣру, какой ей должно быть по лѣтамъ; и этотъ образъ, который развивался во мнѣ безпрестанно, со дня нашей разлуки, хотя весьма несовершенный, затмѣвалъ однако все, что̀ проходило мимо глазъ моихъ. А затѣмъ все шло и мимо сердца. Вотъ почему, батюшка, я могъ влюбляться; но полюбить другую не могъ никогда.

Княжна (*съ чувствомъ*).

О, если это правда, Александръ,—кто можетъ быть счастливѣе меня на свѣтѣ!

Полковникъ.

А мое счастіе, въ эту минуту, кажется мнѣ столь великимъ, что я невольно спрашиваю себя: чѣмъ заслужилъ его отъ Бога?

Генералъ.

Да, Господь наградилъ тебя всѣмъ! Природные дары ты получилъ безъ недочета, прямо изъ рукъ Творца. Царь наградилъ тебя по-царски и украсилъ мужественную грудь знакомъ храбрыхъ. Наконецъ мы, твои родители, наградили тебя такой невѣстой, что ужъ и не могли пріискать лучшаго доказательства безпредѣльной нашей любви къ единственному сыну.

Троезерская (*съ безпокойствомъ*).

Не говори этакъ, мой другъ. Мнѣ становится страшно.

Генералъ.

Что ты матушка? Почему это?

Троезерская.

Да, такъ: какъ бы бѣды на себя не накликать.

Княжна.

Вы вѣрно читали, маменька, *Поликарповъ Перстень*. Эта поэтическая угроза, не знаю почему, сильно врѣзалась мнѣ въ память.

Троезерская.

Нѣтъ, душенька, не читала. Но я знаю, что земное счастіе не можетъ быть совершеннымъ. Горе и бѣда во всякую дверь постукиваютъ.

Генералъ.

Чѣмъ болтать пустяки, вы, милостивыя государыни, лучше бы позаботились теперь о квартирѣ дорогому нашему гостю.

Троезерская.

Ахъ, да и въ самомъ дѣлѣ! Совсѣмъ опьянѣла отъ радости. Онъ, мой голубчикъ, проскакалъ столько-то тысячъ верстъ, а у меня ничто не приготовлено. И отдохнуть-то ему не на чемъ. Ахъ, я старая дура!

Княжна.

Не упрекайте себя, маменька. Вѣдь мы его вовсе не ожидали.

Троезерская.

И то правда. Ну идемъ, идемъ Вѣрочка! (*Троезерская и княжна уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Генералъ. — Полковникъ.

Генералъ.

Ты вѣрно усталъ, Александръ. Не идти ли тебѣ поотдохнуть?

Полковникъ.

Помилуйте, батюшка. Солдату моихъ лѣтъ и съ моимъ здоровьемъ устать отъ того, что прокатился тысячу верстъ, по Петербургскому шоссе, въ прекрасной Англійской коляскѣ.

Генералъ.

Если такъ, позволь поговорить съ тобой о дѣлѣ серіозномъ, которое много, много лѣтъ озабочиваетъ меня.

Полковникъ.

Вы меня удивляете. Въ вашемъ положеніи, въ избыткѣ всѣхъ земныхъ благъ, какого рода можетъ быть столь продолжительная забота? Скажите что такое?

Генералъ.

Ты знаешь, другъ мой, какъ я люблю святую Русь, какъ я горжусь нашимъ отечествомъ.

Полковникъ.

Теперь оно достигло высшей степени могущества и славы. Въ эпоху всеобщаго царствотрясенія, когда на Западѣ все разрушалось,—Россія спасла Европу во второй разъ.

Генералъ.

Думалъ-ли ты когда-нибудь о причинахъ столь единственнаго и величественнаго явленія, какое представляетъ Россія въ политическомъ мірѣ?

Полковникъ.

Въ свѣтскомъ разговорѣ я могъ бы конечно сказать что-нибудь объ этомъ не хуже другихъ и отдѣлаться нѣкоторыми общими мѣстами, но при васъ, батюшка, я не смѣю говорить о столь важномъ предметѣ.

Генералъ.

Лишняя скромность. Причины, которыя возвеличили Россію и произвели столь разительное несходство между нами и другими Европейскими народами, доступны каждому. На Западѣ просвѣщеніе подвигалось снизу вверхъ и, находя въ феодальныхъ и духовныхъ властяхъ сильный отпоръ, оно боролось съ ними, какъ вешняя водополь съ плотинами, уже недовольно прочными, чтобъ удержать стремленіе волнъ. Оттого и междоусобія и политическіе перевороты. Естественно, что просвѣщеніе, развившееся изъ борьбы противоположныхъ гражданскихъ и религіозныхъ началъ, должно было напитаться ядовитою примѣсью, то-есть духомъ безбожія и вольнодумства.

Полковникъ.

Оно развивалось тамъ самобытно.

Генералъ.

Въ Россіи, напротивъ, просвѣщеніе распространялось и теперь еще распространяется съ верху въ низъ, какъ дневной свѣтъ и какъ свѣтъ божественной вѣры. Оно боролось только съ глупостію и невѣжествомъ, очищало себя въ этой борьбѣ, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, и присвоило себѣ лишь истинные, благодатные плоды Европейской цивилизаціи, а вредныя, ядовитыя начала мы пропускали сквозь рѣшето Русскаго смышленнаго ума.

Полковникъ.

Или сквозь рѣшето государстьенныхъ соображеній.

Генералъ.

Теперь прошу обратить вниманіе на чудное устройство Русскаго государства. Во главѣ власть неограниченная, самодержавная, освященная печатью Бога, и которая, по существу своему, потому именно, что она безгранична, не можетъ имѣть ничего въ виду, кромѣ всеобщаго блага. Дворяне, не имѣя у насъ никакихъ самобытныхъ правъ, родятся, такъ сказать, слугами царя и отечества и живутъ единственно жизнію самодер-

жавной власти. Не менѣе тѣсно связано съ установленнымъ порядкомъ и огромное Русское чиновничество, потому что нигдѣ государственная служба не доставляетъ такихъ выгодъ, какъ у насъ.

Полковникъ (*улыбаясь*).

Законныхъ и незаконныхъ.

Генералъ.

Гдѣ же бываетъ безъ грѣха? Военные люди, въ форменную одежду которыхъ облекается Вѣнценосецъ вмѣсто порфиры, считаютъ себя дѣтьми, наиболѣе приближенными къ общему отцу Россіи. Имъ открытъ прямой, ближайшій путь ко всему въ государствѣ, и затѣмъ военные являются у насъ главными представителями народной славы извнѣ, а внутри тверддѣйшимъ оплотомъ всеобщаго благоустройства.

Полковникъ.

Но каково бываетъ тѣмъ областямъ Имперіи, которыми управляютъ военные люди, вовсе не приготовленные къ губернаторской должности, а часто не имѣющіе даже понятія о законахъ?

Генералъ.

У нихъ есть секретари. Посмотримъ далѣе и взглянемъ и на то сословіе, которое всего болѣе подвергаетъ Россію злобнымъ нареканіямъ и нелѣпымъ толкамъ иностранцевъ. Что̀ такое у насъ крѣпостное званіе? Ничто иное, какъ продолженіе необходимой, благодѣтельной опеки надъ малолѣтнимъ еще народомъ. Выдумаѐтъ-ли что-нибудь Русскій мужикъ, самъ по себѣ; рѣшится-ли онъ, по своей волѣ, на какое бы то ни было полезное нововведеніе; станетъ-ли онъ безъ принужденія чему-нибудь учиться? Но дай ему направленіе, и онъ сдѣлается чѣмъ тебѣ угодно.

Полковникъ.

Тутъ можно бы поспорить съ вами, батюшка. Можно сказать, что вы смѣшиваете причину съ ея дѣйствіемъ, оправдывая крѣпостное состояніе Русскихъ мужиковъ ихъ грубымъ невѣжествомъ, апатіею и отвращеніемъ ко всякой полезной новизнѣ; между тѣмъ какъ все это происходитъ отъ того именно, что Русскій мужикъ крѣпостной или невольникъ.

Генералъ.

Нѣтъ, любезный Александръ. Русскій мужикъ таковъ, какъ онъ есть, потому что такова вообще Славянская наша натура. Вѣдь и мы, бояре, учились и просвѣщались лишь по неволѣ, то-есть по приказанію Петра Великаго.—Посмотримъ теперь, что̀ такое Русскій помѣщикъ. Онъ капель-

ное отраженіе царскаго солнца, судья, правитель, казначей, полицеймейстеръ своего помѣстья. И отецъ, должно прибавить. Если онъ только въ здравомъ умѣ, нельзя не желать ему пользы своихъ крестьянъ, нераздѣльно связанной съ его собственными выгодами. Знаютъ-ли наши клеветники, что когда простой народъ умираетъ у нихъ съ голоду и при величайшемъ обиліи земныхъ плодовъ, у насъ, въ невзгодѣ, помѣщикъ жертвуетъ послѣднимъ своимъ доходомъ, чтобы прокормить своихъ мужиковъ?

Полковникъ.

Кормить, потому что свои. Нѣтъ худа безъ добра.

Генералъ.

А какъ бы позавидовали намъ господа отвѣтственные министры, эти жалкіе рабы безтолковаго парламентскаго большинства, еслибы объяснили имъ, до такой степени мѣстная власть Русскихъ помѣщиковъ облегчаетъ и упрощаетъ механизмъ государственнаго управленія, какія огромныя суммы сберегаетъ она народу, отъ какой необъятной массы тяжебныхъ и полицейскихъ дѣлъ освобождаетъ она общее судопроизводство! Сборы податей, рекрутство и другія повинности, сопряженныя въ прочихъ Европейскихъ государствахъ съ издержкой милліоновъ, съ безчисленными хлопотами и затрудненіями, у насъ исполняются какъ бы сами собою и почти безъ всякаго денежнаго расхода. Отчего, спрашиваю. Оттого, что въ каждомъ имѣніи хлопочетъ обо всемъ, отвѣчаетъ за все помѣщикъ.

Полковникъ.

Да, это конечно огромное облегченіе для правительства и для казны.

Генералъ.

И суммы, такимъ образомъ сберегаемыя, употребляются на благодѣянія. Есть-ли въ мірѣ правительство, которое заслуживало бы названіе отеческаго, въ столь обширномъ и столь буквальномъ смыслѣ, какъ то заслуживаетъ Русское правительство? Гдѣ дѣти, изъ всѣхъ классовъ народа, могутъ обучаться даромъ; гдѣ больные получаютъ въ такихъ размѣрахъ, какъ у насъ, безденежное пользованіе, вмѣстѣ съ пищею и кровомъ; гдѣ нищая, дряхлая старость и нищія малютки находятъ себѣ такое множество богоугодныхъ заведеній и пріютовъ? Не упоминаю о нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, гдѣ нуждающіеся землевладѣльцы получаютъ пособіе, съ условіями платежа, на которыя отецъ едва бы согласился въ пользу роднаго сына. О подобныхъ учрежденіяхъ государственные люди только что мечтаютъ на Западѣ.

Полковникъ.

Правда ваша, батюшка. Ничто не можетъ быть лучше и благодѣтельнѣе для Россіи, какъ виды и предначертанія высочайшей власти; только

лиха бѣда въ исполненіи. Многое внѣшнее, безъ сомнѣнія, у насъ величественно и прекрасно; но каково наше правосудіе, какова администрація?

Генералъ.

Могли бы быть лучше, не спорю; и будутъ непремѣнно со временемъ. Мое предисловіе кончено; приступимъ къ дѣлу. Огромнѣйшій предметъ изъ всего, что является на безпредѣльномъ горизонтѣ Русскаго народнаго бытія, это православная вѣра. На Западѣ религія отжила свой вѣкъ и живетъ теперь лишь въ памятникахъ древности. У насъ она живетъ еще въ сердцахъ и владычествуетъ надо всѣмъ. Она составляетъ коренное нравственное основаніе Русскаго царства, твердыню, на которой все созидается и все держится. Она, какъ могущественный цементъ, связываетъ въ одно цѣлое всѣ классы народа, и, какъ высшее духовное свѣтило, изливаетъ на всѣ оттѣнки званій, сословій и воспитанія одинаковый неизмѣнный свѣтъ. Въ общественной, какъ и въ домашней нашей жизни, церковные обряды и постановленія, равные и обязательные для всѣхъ, отъ вельможи до нищаго, напоминаютъ каждому изъ насъ на каждомъ шагу, что Русскій прежде всего есть сынъ Православной Церкви и вѣрноподданный Государя Императора, помазанника Божіяго.

Полковникъ.

Въ смыслѣ самодержавія обряды и литургія Греко-Россійской церкви, конечно, верхъ совершенства; но теперь спрашивается, чѣмъ должна быть религія: цѣлью или средствомъ?

Генералъ (*съ легкой досадой*).

Въ твоемъ вопросѣ нѣтъ смысла. Наша церковь имѣетъ цѣлью нравственное усовершенствованіе и духовное спасеніе человѣка. Если же она, какъ истинное православіе, ближе къ этой цѣли, чѣмъ другія христіанскія исповѣданія, то само собою разумѣется, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, она и лучшее средство для достиженія народнаго единства и сильнаго политическаго устройства. Я доказалъ тебѣ, что православная вѣра—драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ нашихъ сокровищъ, Палладіумъ Россіи. Что же мы должны чувствовать, видя какъ грозитъ ему бѣда очевидная, возрастающая съ каждымъ днемъ?

Полковникъ.

Вы говорите о раскольникахъ?

Генералъ.

Да, мой сынъ. Уже съ XI-го вѣка началось образоваться у насъ изъ религіозныхъ бредней черни и изъ сказокъ корыстолюбивыхъ обманщиковъ то стоглавое чудовище, которое называется раскольничествомъ. При

Іоаннѣ III вспыхнула извѣстная Жидовская ересь; но она погасла въ потокахъ крови и, по отсѣченіи этой первой главы, чудовище дремало около двухъ сотъ лѣтъ, но никогда не умирало, я думаю. Настоящее водвореніе и укорененіе расколовъ на Русской землѣ ведетъ свое начало отъ исправненія церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ. Съ тѣхъ поръ расколы не переставали усиливаться въ народѣ и развѣтвляться на такое множество сектъ, что вѣроятно никто въ Россіи не знаетъ даже теперь всѣхъ ихъ названій. Были секты, которыхъ одно имя высказываетъ уже страшное помѣшательство изувѣровъ, напримѣръ: *Дѣтогубцы*, *Самосожигатели*, *Морельщики*, *Тюкальщики* и кто знаетъ еще какія.

Полковникъ.

Неужели и въ наше время повторяются еще такіе ужасы?

Генералъ.

Не думаю; покрайней мѣрѣ не слышно. Въ наше время раскольники, если и не ужасаютъ дѣлами такого звѣрскаго лжемученичества, за то приводятъ людей дальновидныхъ въ еще бóльшее содроганіе отъ политическаго направленія своего.

Полковникъ.

Отпаденіе отъ господствующей церкви измѣняетъ всегда и политическій взглядъ отщепенцевъ.

Генералъ.

Нынѣ дѣлятъ раскольниковъ вообще на *Поповщину* и *Безпоповщину*. Первые, то-есть *Вѣтковщина*, *Діаконовщина*, *Лужковцы* или тайная церковь, *Спасово Согласіе* и безчисленное множество другихъ—еще не слишкомъ вредные глупцы. Они признаютъ архіерейское рукоположеніе, и потому держатъ у себя поповъ, бѣглыхъ или разстриженныхъ, которыхъ исправляютъ на свой ладъ, согласно тому чтò существовало до Никона и за исключеніемъ всего того, чтò принято или измѣнено церковью въ позднѣйшія времена и введено будто бы Антихристомъ. Двуперстное знаменіе креста, чтеніе неисправленныхъ церковныхъ книгъ и моленіе старымъ закоптѣлымъ иконамъ, вотъ въ чемъ заключается для нихъ душевное спасеніе. Безпоповщина, какъ уже видно изъ одного названія, не имѣетъ ни священниковъ, ни христіанскаго богослуженія и дробится на весьма различныя секты, изъ которыхъ самыя извѣстныя: *Духоборцы*, *Иконоборцы*, *Молоканы*, *Перекрещенцы*, *Нѣтовщина*, *Субботники* и *Скопцы*.

Полковникъ.

Какой богатый разсадникъ плевелъ и крапивы!

Генералъ.

Я не пущусь въ подробности о каждой изъ этихъ сектъ; но можно сказать про всю безпоповщину кое-что общее, а это общее и будетъ самое интересное.

Полковникъ.

Разскажите, пожалуста.

Генералъ.

Представь же себѣ, Александръ, что нѣтъ ни въ прошедшихъ вѣкахъ, ни въ современномъ мiрѣ, включая тутъ и современную Францiю, нѣтъ, говорю, ни одного богохульнаго искаженiя христiанства, нѣтъ и ни одной политической грезы изъ числа самыхъ сумазбродныхъ и преступныхъ, которыя не вращались бы межъ нашими раскольниками, не служили бы имъ догматомъ и даже, по возможности, не приводились бы въ дѣйствiе.

Полковникъ.

Это непостижимо!

Генералъ.

Слушай-же. Духоборцы, Иконоборцы и Молоканы отвергаютъ всѣ таинства церкви, исповѣдуя Бога Единаго въ Троицѣ, о которой они имѣютъ однако понятiе вовсе нехристiанское. Они не поклоняются ни Богородицѣ, ни Святымъ, а Духоборцы не признаютъ даже божественности Iисуса Христа. Въ святыхъ иконахъ имъ представляются идолы и кумиры. Вѣрятъ они въ воскресенiе мертвыхъ, но только духомъ, а не плотiю. Посты наблюдаютъ они по своему, съ разрѣшенiемъ молочнаго, а иные вовсе не наблюдаютъ, какъ напримѣръ Iудействующiе или Субботники. Бракъ у нихъ простой договоръ, срочный или безсрочный, но подлежащiй, въ извѣстныхъ случаяхъ, расторженiю, какъ и всякiй контрактъ. Новорожденныхъ нарекаютъ именемъ, какого желаютъ родители, раскольничьи старшины или наставники. Они же и хоронятъ мертвыхъ въ лѣсу безъ всякихъ обрядовъ, какъ собакъ. Таково ихъ религiозное вѣрованiе въ основныхъ своихъ чертахъ. Съ другой стороны, то-есть съ политической, они опередили во многомъ даже красныхъ Французскихъ республиканцевъ, соцiалистовъ и коммунистовъ.

Полковникъ.

Какъ это, батюшка?

Генералъ.

Зародышъ коммунизма находится вообще въ самомъ ученiи этихъ сектъ, и плодъ его индѣ уже созрѣваетъ. Весьма натурально: они считаютъ людей совершенно равными между собою и выводятъ изъ этого, что всѣ

имѣютъ одинаковое право на извѣстную долю земныхъ благъ и наслажденій. Оттого-то раскольники и помогаютъ своимъ единовѣрцамъ вездѣ и во всемъ, иногда съ удивительнымъ самопожертвованіемъ. Межъ ними нѣтъ нищихъ, и даже мало бѣдныхъ.

Полковникъ.

Странные люди!

Генералъ.

Теперь сейчасъ увидишь, до какой степени наши Духоборцы, Молоканы и компанія перещеголяли красныхъ республиканцевъ. Называя себя *людьми Божіими*, они кромѣ Бога не признаютъ надъ собой никакой власти и мечтаютъ о свободѣ безграничной. Присягать на вѣрность Государю считается у нихъ за большой грѣхъ, а ходить на войну—такое дѣло, какого хуже и богопротивнѣе нѣтъ. Ну, словомъ сказать и говоря ихъ же собственнымъ языкомъ, православная церковь для этихъ извергов есть *зміиное гнѣздище и истое сатанино и бѣсово прескверное дворище*. Русскіе цари это: *рога зміевы*, продолжатели царства Антихриста, воцарившагося на землѣ видимо еще въ лицѣ Петра Перваго. Правительство, чиновники и наша братья помѣщики называются у нихъ *враны черные*, прошу не прогнѣваться.

Полковникъ (*смѣясь*).

Да это еще довольно милостиво. Ну, батюшка, еслибъ не вы, другому бы не повѣрилъ!

Генералъ.

Все, что я ни говорилъ тебѣ, буквальная, оффиціально доказанная истина.

Полковникъ.

Какимъ удивительнымъ образомъ оправдывается здѣсь Французская поговорка: *les extrêmes se touchent*. Красная республика, выродокъ древней Европейской цивилизаціи, исчерпавшей до дна всѣ религіозные и политическіе вопросы, и Русская безпоповщина—исчадіе мужицкихъ безграмотныхъ головъ, вовсе одурѣлыхъ отъ невѣжественнаго фанатизма. Какая противоположность и какое сходство!

Генералъ.

Замѣчаніе твое разительно. Итакъ, мой сынъ, ты видишь, что вольнодумство самое блестящее и вольнодумство самое тупое приводятъ, наконецъ, къ однимъ и тѣмъ же пагубнымъ результатамъ.

Полковникъ.

Душевно благодарю васъ, батюшка, за столь любопытныя свѣдѣнія.

Генералъ.

Лучшее я сберегъ тебѣ на десертъ. Слушай. Въ царствованіе Екатерины II-й одинъ мужикъ, по имени Кондратій Селивановъ, кнутомъ наказанный и на каторжную работу сосланный преступникъ, сдѣлался основателемъ скопческой ереси. Этого Селиванова-то скопцы признаютъ за самаго *Христа Искупителя* и величаютъ его *Богомъ надъ богами, царемъ надъ царями, пророкомъ надъ пророками.* Это еще не все. Въ немъ же, Селивановѣ, видятъ они и императора Петра III-го, который, дескать, не умиралъ и никогда не умретъ. Родился онъ, Искупитель, отъ Богородицы Акулины Ивановны, а если угодно, отъ императрицы Елисаветы Петровны, слившейся съ упомянутой Богородицей Акулиной въ одно лице.

Полковникъ.

Что за чепуха!

Генералъ.

А когда царь-искупитель, Петръ Ѳедоровичъ, оставитъ невѣдомое убѣжище, гдѣ теперь скрывается и воротится къ своимъ избраннымъ, тогда ударитъ онъ, батюшка, въ большой колоколъ Московскаго Успенскаго собора, и со всѣхъ концовъ земли стекутся къ нему на судъ владыки и народы, даже самъ Антихристъ, сирѣчь Наполеонъ Бонапартовичъ, король Французскій. Онъ же, Антихристъ, и родной сынъ императрицы Екатерины II-й.

Полковникъ.

Вы шутите, батюшка.

Генералъ.

По пришествіи же царя-искупителя всѣ люди воспріимутъ *огненное крещеніе*, то-есть оскопленіе, и будетъ тогда скопцамъ на землѣ животъ вѣчный и блаженство нескончаемое. Ей Богу, передъ столь невообразимо чудовищными бреднями умъ человѣческій краснѣетъ и готовъ отказаться отъ самаго себя.

Полковникъ.

Меня религіозное помѣшательство никогда слишкомъ не удивляло; но здѣсь можно сказать: *que c'est abuser de la permission.*

Генералъ.

Теперь вотъ дѣло въ чемъ. Наше село Отшелино, съ окружающими его 12-ю деревнями, искони считалось кореннымъ гнѣздомъ раскольниковъ. Были тутъ и Молоканы, и Духоборцы, и Субботники. Когда, лѣтъ за тридцать, я принялъ наслѣдство отъ отца, ихъ оказалось до двухъ тысячъ душъ, треть всего населенія, и вездѣ они были перемѣшаны съ православными. Долговременнымъ, неусыпнымъ моимъ стараніямъ удалось, наконецъ, очистить совершенно отъ раскольничества здѣшнее наше имѣніе;

да и въ другихъ губерніяхъ управляющіе дѣйствовали, въ силу моихъ инструкцій, съ равнымъ успѣхомъ. Лѣтъ десять не слыхать уже было здѣсь о раскольникахъ, какъ вдругъ появился новый ересеначальникъ, опаснѣе всѣхъ прежнихъ, и съ которымъ я даже не знаю какъ поступить.

Полковникъ.

Кто жъ это, батюшка?

Генералъ.

Это 75-ти-лѣтній Отшелинскій старикъ Филимонъ Абрамовъ, человѣкъ необыкновенный во всѣхъ отношеніяхъ.

Полковникъ.

Въ чемъ состоитъ его ученіе?

Генералъ.

Въ томъ-то и бѣда, что ученія у него своего нѣтъ. Нѣтъ никакихъ и особенныхъ обрядовъ. Все ограничивается толкованіемъ Новаго Завѣта и примѣненіемъ Евангельскихъ правилъ къ практической жизни; почему Филимонъ и его послѣдователи и называютъ себя *Христіанами по Христу*. Впрочемъ онъ во всемъ повинуется начальству, не нарушаетъ нимало установленнаго мною порядка, самъ ходитъ въ церковь и другихъ не отговариваетъ ходить туда.

Полковникъ.

Почему же считаете вы его опаснымъ?

Генералъ.

Сперва надобно дать тебѣ о немъ нѣкоторое понятіе. Филимонъ Абрамовъ сынъ и внукъ духоборческихъ старшинъ, изъ богатой семьи крестьянъ-торговцевъ Зарницыныхъ. Обучался онъ грамотѣ, бухгалтеріи и законамъ у дѣда моего въ конторѣ. Потомъ вышелъ онъ оттуда, сталъ заниматься торговлею, ѣздилъ нѣсколько разъ за границу и удвоилъ наслѣдственный уже весьма значительный свой капиталъ. Дѣдушка твой, блаженной памяти Борисъ Николаевичъ, назначилъ его главноуправляющимъ всѣхъ нашихъ имѣній и повѣреннымъ по всѣмъ дѣламъ. И мнѣ служилъ онъ нѣсколько лѣтъ въ тѣхъ же должностяхъ и служилъ какъ нельзя лучше. Многимъ и многимъ обязаны мы ему.

Полковникъ.

Желалъ бы видѣть этого старика.

Генералъ.

У Филимона былъ одинъ только сынъ, парень бойкій и молодецъ собою. Нѣкія страстишки завлекли его въ одно преступное дѣло, которое открылъ и наслѣдовалъ самъ Филимонъ. Я хотѣлъ пощадить молодаго по-

вѣсу ради отца, но этотъ требовалъ неуклонно, чтобы сына отдали въ солдаты. Наконецъ, я согласился, и тогда Филимонъ выпросилъ себѣ увольненіе отъ всѣхъ должностей, какъ единственную награду за 35-ти-лѣтнюю вѣрную и многополезную службу свою. Я предложилъ ему свободу, не требуя никакого выкупа; но онъ отъ нея отказался. Съ тѣхъ поръ Филимонъ занялся постоянно чтеніемъ церковныхъ и еще болѣе историческихъ книгъ и пріобрѣлъ свѣдѣнія, какія не всегда встрѣчаются даже въ ученомъ сословіи. Россію знаетъ онъ какъ свои карманы, изъѣздивъ ее вдоль и поперекъ, по обширнымъ дѣламъ нашего семейства.

Полковникъ.

Теперь понимаю, что такой человѣкъ, сдѣлавшись раскольникомъ, можетъ быть опаснѣе всѣхъ Молокановъ и Скопцовъ.

Генералъ.

И въ десять разъ опаснѣе, чѣмъ ты себѣ представить можешь. Годъ тому, Филимонъ началъ проповѣдывать. Съ рѣдкимъ природнымъ его умомъ, съ помощію большой начитанности и замѣчательнаго краснорѣчія, ему не трудно толковать Евангельскіе тексты въ смыслѣ Духоборческой ереси, къ которой онъ принадлежалъ сначала, и извлекать изъ самыхъ Христовыхъ словъ ядъ безвѣрія и демократическихъ правилъ, равно какъ и тяжкія обвиненія противъ нашей православной церкви. Но что̀ съ нимъ прикажешь дѣлать? Употребить насильственныя мѣры или предать его суду, какъ ересеначальника, я не рѣшаюсь: ему уже 75-ть лѣтъ, да и служилъ онъ мнѣ такъ долго вѣрою и правдою.

Полковникъ.

Но почему бы вамъ, батюшка, не урезонить его кротостію и убѣжденіемъ? Вѣдь съ нимъ, я думаю, можно говорить какъ съ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ.

Генералъ.

Ахъ, Александръ, не знаешь ты его. Уговорить Филимона! Да и то, правду сказать, у меня на такую бесѣду не достанетъ терпѣнія. Какъ разъ вспылю, закричу на него, а послѣ мнѣ же будетъ стыдно.

Полковникъ (*нѣсколько лукаво*).

Того ли именно вы опасаетесь?

Генералъ (*нѣсколько смущенный*).

Ты угадалъ мою слабость. Ну да, если ты хочешь, мнѣ непріятно бы было вступить въ формальный диспутъ съ человѣкомъ, который.... какъ бы это сказать.... ну, просто,—который мой крѣпостной человѣкъ.

Полковникъ (*съ едва замѣтной улыбкой*).

Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ, батюшка, заступить васъ. Я, правда, очень плохой богословъ и, разумѣется, не войду съ Филимономъ

въ ѳеологическія распри; но я представлю ему, что, своими толкованіями, онъ волнуетъ и разъединяетъ народъ и сильно огорчаетъ васъ, законнаго своего помѣщика, которому онъ долженъ во всемъ повиноваться: ибо власти отъ Бога суть. Онъ, какъ умный человѣкъ, пойметъ это и затихнетъ.

Генералъ.

Объ этомъ-то именно я и хотѣлъ просить тебя. Это была цѣль всего нашего слишкомъ долгаго разговора. Завтра, послѣ обѣдни, я прикажу, чтобы Филимонъ къ тебѣ явился. Пожалуйста, Александръ, потолкуй съ нимъ хорошенько. Уговори его какъ нибудь.

Полковникъ.

Извольте, батюшка. Постараюсь и сдѣлаю, что̀ могу; будьте увѣрены.

Слуга (*входитъ*).

Становой пріѣхалъ.

Генералъ.

Просить.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Прежніе.—Цапкинъ.

Генералъ.

А, добро пожаловать, Карпъ Трифонычъ.

Цапкинъ.

Вашему превосходительству всенижайшее мое высокопочитаніе.

Генералъ.

Чай, по дѣлу какому пріѣхалъ, или такъ?

Цапкинъ.

Точно по дѣлу-съ, и весьма казусному. Осмѣлился ли я бы иначе обезпокоить ваше превосходительство ничтожнымъ моимъ посѣщеніемъ,—сдѣлайте одолженіе. (*Кланяется*).

Генералъ (*Цапкину, указывая на полковника*).

Мой сынъ, гвардіи полковникъ и разныхъ Россійскихъ и иностранныхъ орденовъ кавалеръ, Александръ Михайловичъ Троезерскій. (*Полковнику*) Карпъ Трифонычъ Цапкинъ, чиновникъ земской полиціи, двумя чинами выше меня, плутъ перваго класса.

Цапкинъ.

Все шутить изволите, ваше превосходительство. (*Полковнику*). Смѣю рекомендовать благорасположенію вашему ничтожную мою особу. Готовъ служить вамъ, Александръ Михайлычъ, по всѣмъ дѣламъ вашимъ, какъ оффиціально, такъ и партикулярно.

Полковникъ (*сухо*).

Батюшка уже отрекомендовалъ васъ. (*Отцу*). Пока Карпъ Трифонычъ займетъ васъ интересной своей бесѣдой, я пойду выкупаться. Сегодня такъ жарко.

Генералъ.

Вели заложить себѣ дроги.

Полковникъ.

Нѣтъ, батюшка, позвольте мнѣ отправиться въ купальню пѣшкомъ. Сперва выкупаюсь, а потомъ обойду родное наше Отшелино; повидаюсь со старыми знакомыми и вспомню кое-что изъ золотыхъ дней моего дѣтства.

Генералъ.

Ну, какъ тебѣ угодно. Прощай.

Полковникъ.

До свиданія, батюшка. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Генералъ. — Цапкинъ.

Генералъ.

Ну, братецъ, зачѣмъ же пожаловалъ сюда?

Цапкинъ.

Дѣло казусное, ваше превосходительство. Вотъ-съ, извольте видѣть: третьяго дня я получилъ отъ бурмистра Ивана Петрова повѣстку о мертвомъ тѣлѣ. Оно лежало за Сосновкой, въ семи верстахъ отъ Отшелина, на днѣ оврага, что̀ прозывается волчьей ложбиной.

Генералъ.

Знаю.

Цапкинъ.

Такъ-съ. Но, когда я, вчерашняго дня, прибылъ на мѣсто слѣдствія съ уѣзднымъ лекаремъ и стряпчимъ, тѣла уже тамъ не было.

Генералъ.

Потому что я приказалъ перевезть трупъ въ Отшелинскую больницу.

Цапкинъ.

Но сдѣлайте одолженіе; вѣдь это строго запрещено закономъ, ваше превосходительство. Тѣла нельзя тронуть съ мѣста до прибытія слѣдователей.

Генералъ.

Даже и тогда нельзя, когда окажутся въ немъ признаки жизни?

Цапкинъ.

Все равно, ваше превосходительство; сдѣлайте одолженіе.

Генералъ.

Но, въ такихъ случаяхъ жизнь человѣка зависитъ отъ скорой помощи. Тебѣ объявилъ бурмистръ 7-го числа утромъ, а ты пріѣхалъ не прежде 8-го числа, и то къ вечеру.

Цапкинъ.

Что жъ дѣлать! Занятъ былъ, по приказанію самаго губернатора, другимъ изслѣдованіемъ, не терпящимъ ни малѣйшаго замедленія, ни даже отлагательства.

Генералъ.

То-есть ты пьянствовалъ и грабилъ мужиковъ на Вавиловской ярмаркѣ и моихъ троихъ крестьянъ посадилъ въ черную, да потомъ выпустилъ каждаго за полтинникъ, бездѣльникъ ты этакой! А еще получаешь 200 рублей серебромъ въ годъ изъ конторы! За что же я тебѣ плачу?

Цапкинъ.

Сдѣлайте одолженіе. Мужики ваши буянили ужасно, избили въ кровь Карповскихъ изъ сосѣдняго Берлоговскаго уѣзда; а я имъ даже ни слова, пока управляющій Тюленева не выкололъ мнѣ глазъ, да не сказалъ: что жъ это, Карпъ Трифонычъ, другихъ вы сажаете ни за что, ни про что, а Отшелинскихъ, небось, не уймете! Вотъ какимъ личностямъ и незаслуженнымъ оскорбленіямъ я подвергаюсь изъ-за моей преданности вашему превосходительству.

Генералъ.

Ну, дѣло теперь не о томъ. Я хотѣлъ сказать, что еслибы въ найденномъ трупѣ теплилась еще искра жизни, она бы давно погасла до пріѣзда твоего съ товарищами.

Цапкинъ.

Такъ что жъ? Умеръ бы себѣ, такъ и умеръ; ваше превосходительство не отвѣчали бы ни за что.

Генералъ.

А если не умеръ, что̀ тогда скажешь?

Цапкинъ.

Какъ трупъ-то не умеръ-съ? Что-то невразумительно, ваше превосходительство.

Генералъ.

Чему же тутъ дивиться! Человѣкъ былъ еще живъ. Его перевезли въ больницу, и теперь онъ внѣ опасности.

Цапкинъ.

Казусный случай, ваше превосходительство. Въ силу какого пункта можете вы оправдать себя?

Генералъ.

Оправдать себя въ томъ, что я спасъ жизнь человѣку! Въ умѣ ли ты, братецъ!

Цапкинъ.

Да вѣдь, ваше превосходтельство, надобно будетъ объявить, что вы, вопреки закону, велѣли потревожить тѣло и перевезти въ Отшелинскую больницу, за семь верстъ отъ того мѣста, гдѣ оно лежало. Выйдутъ для васъ изъ этого хлопоты большіе и отвѣтственность немаловажная. Но будьте спокойны, ваше превосходительство: постараемся всѣми силами; уладимъ какъ нибудь. Только ужъ, сдѣлайте одолженіе, расходовъ тутъ будетъ немало.

Генералъ.

Да ты вѣрно думаешь, что у меня нѣтъ Свода Законовъ. Ошибаешься, пріятель. Въ моей библіотекѣ есть изданіе 1842 года, со всѣми прибавленіями. Другой экземпляръ въ конторѣ. Отыщи же мнѣ статью, которою запрещается спасать жизнь погибающимъ.

Цапкинъ (*понизивъ тонъ*).

Статью не запомню-съ, именно которая. Ихъ, изволите видѣть, очень много въ Сводѣ. Но есть законъ.... точно есть-съ, коимъ запрещено трогать съ мѣста, до прибытія слѣдователей, тѣла́, найденныя случайно, подъ открытымъ небомъ.

Генералъ.

Положимъ, что ты не врешь и что есть такой законъ; но все-таки онъ относится къ мертвымъ тѣламъ, а здѣсь тѣло оказалось не мертвымъ, когда человѣкъ еще живъ.

Цапкинъ (*улыбаясь*).

Весьма тонкое и замысловатое истолкованіе; но вѣдь, сдѣлайте одолженіе, намъ не велѣно толковать законъ: мы должны исполнять его буквально. Сверхъ того-съ, у насъ есть, на счетъ этого, особенныя весьма строгія предписанія со стороны губернскаго начальства.

Генералъ.

Но можетъ ли губернское начальство давать предписанія противныя человѣчеству и здравому разсудку?

Цапкинъ.

Въ инструкціи, данной земской полиціи, послѣдній не принимается въ законное соображеніе, да и самъ законъ устраняется иногда, въ особенныхъ случаяхъ, въ силу особенныхъ предписаній. Вотъ не такъ давно еще въ городѣ сѣкли жестоко плетьми двухъ Татаръ, чтобъ вынудить изъ нихъ признаніе, хотя пытка запрещена. Впослѣдствіи Татары оказались невиновными.

Генералъ.

Кто ихъ мучилъ, самъ долженъ быть Татаринъ. Какъ могли послушаться его въ столь явномъ нарушеніи закона?

Цапкинъ.

Сдѣлайте одолженіе, когда начальникъ губерніи скажетъ нашему брату: *я такъ хочу*, гдѣ тутъ справляться съ пунктами? Велѣно, такъ вотъ тебѣ и пунктъ. Не то, ступай кланяться матушкѣ нашей Уголовной Палатѣ, да торговаться съ ней.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Прежніе.—Өедька (*вбѣгаетъ какъ угорѣлый и реветъ во все горло*).

Өедька.

Ахъ батюшки, сударики! Ну-ка что̀ сдѣлалось. Хи, хи, хи, хи!

Генералъ.

Что̀ съ тобой, мальчишка! Какъ ты сюда попалъ: говори!

Өедька.

Хи, хи, хи! Ахъ вы батюшки мои свѣты! То-то слёзъ будетъ на господскомъ дворѣ? Пропали наши головушки. (*Хныкаетъ*).

Генералъ (*встревоженный*).

Скажешь ли, наконецъ, постреленокъ?

Өедька.

Да какъ сказать-то, батюшка ваше присходительство. Боюсь больно.

Цапкинъ.

Позвольте, ваше превосходительство; это по моей части. (*Бросается на Өедьку и сильно деретъ его за уши*). Авось, голубчикъ, развяжемъ тебѣ языкъ.

Өедька.

Ай, ай, ай! Помилуй, кормилецъ; сейчасъ скажу.

Цапкинъ (*дергая его еще сильнѣе*).

Говори же, бестія, говори, каналья!

Өедька (*съ ужаснымъ воплемъ*).

Лександра Михайлычъ потонулъ!

Генералъ.

Боже великій! (*Упадаетъ въ кресло, глаза дѣлаются неподвижными, губы дрожатъ, хочетъ сказать что-то и не можетъ. За кулисами шумъ и говоръ многихъ приближающихся голосовъ*).

Цапкинъ (*про себя*).

Вотъ тебѣ и новое слѣдствіе!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе.—Троезерская.—Княжна (*вбѣгаютъ встревоженныя*).

Троезерская.

Чтò случилось здѣсь? (*смотря на мужа*). Господи! Съ нимъ сдѣлался ударъ!

Цапкинъ.

Никакъ нѣтъ, сударыня. (*Беретъ опять Өедьку за ухо и говоритъ ему шопотомъ*). Теперь не смѣй пикнуть!

Троезерская (*подходя къ мужу*).

Михаилъ Борисычъ, другъ мой! Скажи мнѣ хоть одно слово, или ты убьешь меня.

Княжна (*Цапкину*).

Карпъ Трифонычъ....... (*Дверь отворяется съ шумомъ. Является въ попыхахъ десятникъ Ефимъ Сычъ, за нимъ толпа крестьянъ и дворовыхъ людей. Прежніе*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Десятникъ (*беретъ Өедьку за волосы*).

Ахъ ты немытое рыло! Да кто же те велѣлъ! Отъ начальства чтоль посланъ, ась! Ну, такъ я же тя! (*Бьетъ его подогомъ*). Анъ вотъ-те, да еще вонъ какъ! Да еще эвтаго закуси! (*Өедька жалобно кричитъ, вырывается изъ рукъ десятника и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Прежніе (*кромѣ Өедьки*).

Цапкинъ (*десятнику*).

За что ты отваляль его?

Десятникъ.

Еще бы ему ребра не перещупать? Вишь, тово, какую поднялъ тревогу; господъ перепугалъ вовсе понапрасну, вшивый этакой! Вѣдь Лександра-то Михайлычъ, слава Богу, живехонекъ. (*При этихъ словахъ генералъ вскакиваетъ съ кресла, обнимаетъ свою жену, цѣлуетъ ея голову и ея плечи и тихо рыдаетъ. Троезерская смотритъ на него въ какомъ-то оцѣпененіи*).

Цапкинъ (*десятнику*).

Ужъ прямой ты Сычъ! По шерсти и кличка тебѣ дана. Другой бы сейчасъ донесъ, что живъ, дескать, Александръ Михайлычъ; а онъ давай катать мальчишку. Послѣ бы отвалять можно. Болванъ ты не обтесанный! Самаго бы за это знаешь какъ! (*Подноситъ ему кулакъ къ носу*).

Десятникъ.

Вона! А за что бы такъ, ваше благородіе; аль за то, что постреленка-то оттулумбасилъ? Знамъ мы всѣ порядки не хуже вашего. Сперва смолоти, а потомъ на мельницу свези. Вотъ у насъ какъ бываетъ тово!

Генералъ (*женѣ*).

Нашъ Александръ спасенъ. Благодари Господа, мать!

Троезерская (*содрогаясь*).

Такъ Александръ былъ въ опасности?

Генералъ.

Мнѣ сказали, что онъ утонулъ.

Троезерская.

Слава Богу, что я не слыхала этого. Вѣсть о его спасеніи тогда бы опоздала для меня.

Княжна (*генералу*).

Но какъ это случилось?

Генералъ.

А вотъ сейчасъ узнаемъ. Гей, Сычъ!

Десятникъ (*бросается къ генералу такъ, что чуть съ ногъ его не сшибаетъ*).

Чего изволите, ваше присходительство?

Генералъ (*отталкивая его*).

Подальше, братецъ. Разскажи, какъ все было.

Десятникъ.

Изволю вамъ доложить, батюшка; послалъ меня на мельницу Иванъ Петровичъ съ барскимъ хлѣбомъ. Были тута мужики со своимъ помоломъ,

да завернулъ еще на мельницу Егоръ Симоновъ, не съ возами, а такъ, знать, для компаніи. Разбаялись мы съ нимъ; анъ, глядь, идетъ молодой баринъ въ купальню; а я и говорю Егору-то: не поглядѣть ли намъ, Егорушка, на молодаго барина, какъ они станутъ купаться? Пожалуй, батъ, почему-жъ и не поглядѣть! Вотъ мы, тово, и забрались съ нимъ на мельничный чердакъ, гдѣ слуховое окно, прямо на купальню, знашь. Вотъ и баринъ выходитъ, а я Егору-то: чтò молъ за красота писанная! И безъ сорочки прямой баринъ! Тѣло чтò бѣлый снѣгъ, плеча плечистыя такія, а поясница въ обхватъ, словно у красной дѣвушки. И Егоръ-то говоритъ: ай да баринъ! Казистъ и складенъ, нече сказать.

Генералъ.

Перестань врать, дуракъ, и говори дѣло.

Десятникъ.

Да кажись, сударь, я все и докладываю вамъ, какъ слѣдуетъ, по порядку. Ну вотъ Лександра-то Михайлычъ изволили шнырнуть въ воду, да плавать стали, только не понашенскому, изволишь видѣть. Какъ-то мудрено перебирали и руками, и ногами, и поплыли они къ омуту, чтò въ лѣво отъ мельницы, тама, гдѣ въ прошлый сѣнокосъ Мишутки Можаева лошадь потонула. Въ энтомъ-то омутѣ, грѣхъ что-ль попуталъ какой, аль должно быть рѣка-то наша Горяченка не привычна была къ ненашенскому плаванью, ужъ не знаю какъ доложить; да только баринъ сталъ барахтаться, выбился изъ силъ, и понесло его прямешенько къ мельничному колесу.

Троезерская (*въ ужасъ*).

Александръ! Мой Александръ!

Десятникъ.

Я не успѣлъ очнуться, анъ Егоръ-то, бултыхъ чебурахъ, изъ слуховаго окошка, да прямо въ рѣку. Господи твоя воля! Добрыхъ четыре сажени махнулъ. Нука, подумай тово. Голова!

Генералъ (*утирая слезу*).

Я узнаю Егора Симонова.

Троезерская.

Спаситель мой!

Княжна.

Да, общій нашъ спаситель!

Десятникъ.

Сперва онъ пошелъ ко дну, да скоро вынырнулъ-таки. Плыветъ себѣ дной рукой, а другой тащитъ барина за волосы. Ну, ваше присходительтво, хотя Егоръ-то и рѣдкостный силачь, анъ и ему сердечному, видно, в въ мочь стало. Поблѣднѣлъ онъ хуже мертвеца и насилу доплылъ до врега; а тута и повалился какъ снопъ.

Троезерская.

А Александръ?

Десятникъ.

Барина отнесли, почитай что замертво, на мельницу, и откуда ни взялся Христянъ Адамычъ. Стали откачивать, да перетирать, и очнулся, соколъ нашъ ясный, Лександра Михайлычъ. Ну, слава-те Господи, баринъ живъ и здоровъ. Слабость-де чувствуетъ, а то ничего, бать.

Многіе крестьянскіе голоса.

Поздравлямъ тебя, нашъ батюшка, Михайла Борисычъ, съ Божіею милостію, и тебя, матушка, Елисавета Владимировна, поздравляемъ со спасеніемъ единороднаго твоего дѣтища. Видно, Господь услышалъ грѣшныя наши за васъ молитвы.

Генералъ.

Благодарю ребята. Теперь къ нему.

Троезерская.

А послѣ отслужимъ благодарственный молебенъ.

Генералъ (*бурмистру, который только что входитъ*).

Къ вечеру собрать гулянье. Чтобъ пива и вина было вдоволь.

Бурмистръ.

Слушаю, батюшка Михайла Борисычъ.

(*Всѣ уходятъ*).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

11-го ІЮЛЯ. УТРО ПОСЛѢ ОБѢДНИ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Комната молодаго Троеверскаго. Полковникъ одѣтъ въ парадную гусарскую форму. Шея и грудь обвѣшаны многими Русскими и иностранными крестами.

Полковникъ (*одинъ*).

Какъ отцовская любовь сближаетъ возрасты и напоминаетъ старикамъ побужденія давно минувшихъ лѣтъ! Доброй мой батюшка, который надѣваетъ свои ленты и звѣзды только на дворянскихъ выборахъ, хотѣлъ непремѣнно, чтобы я сегодня явился во всемъ блескѣ передъ Отшелинскими мужиками. И вотъ надѣлъ я золотую куртку, Георгіевскій крестъ, которымъ я горжусь, потому что заслужилъ его и (*показывая на ордена*) всѣ эти иностранныя побрякушки. Ими украсила меня благодарность моихъ начальниковъ. Нельзя же было не отличить чѣмъ нибудь особеннымъ офицера, который проживалъ 20 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, давалъ деньги въ займы, *à fonds perdu*, такъ сказать, кормилъ всѣхъ на славу и поилъ лучшимъ Венгерскимъ виномъ? А вѣдь должно сознаться: мнѣ пріятно было видѣть, какъ мужики и бабы глазѣли на меня, будто на чудотворную икону. Старикъ мой не забылъ, какіе звуки издаетъ въ молодости струна мелочнаго тщеславія. О, дѣти, дѣти, какъ рѣдко вы заслуживаете безпредѣльную родительскую къ вамъ любовь!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Полковникъ.—Генералъ.

Генералъ.

Ну, мой другъ, какъ чувствуешь себя? Обѣдня что-то тянулась долго.

Полковникъ.

Не безпокойтесь, милый батюшка. Уже вчера все прошло совершенно. Вы видѣли, какъ я рѣзвился на гуляньѣ. Теперь позвольте мнѣ поговорить о своемъ избавителѣ. Вы, надѣюсь, не откажете мнѣ въ милости, которую я хочу выпросить ему.

Генералъ.

Чтобы я отпустилъ его на волю? Не такъ ли? Да это само собою разумѣется.

Полковникъ (*цѣлуя руку отцу*).

Вы угадали, батюшка. Благодарю васъ. Къ этому мнѣ бы хотѣлось прибавить значительную сумму денегъ.

Генералъ.

Нѣтъ такой суммы, которой я бы пожалѣлъ, чтобъ наградить спасителя моего сына; однако твоего желанія я исполнить не могу.

Полковникъ.

Почему же это?

Генералъ.

Потому, что предложеніе такой награды чрезвычайно бы огорчило Егора Зарницына, и онъ, ни въ какомъ случаѣ, не согласится взять денегъ. По моимъ представленіямъ онъ получилъ уже шесть медалей *за спасеніе погибающихъ*, и никогда не принималъ другой награды. Деньги ему не нужны; онъ одинъ у своего дѣда, который очень богатъ.

Полковникъ.

Кто же этотъ дѣдъ?

Генералъ.

Тотъ самый Филимонъ Абрамовъ, знаменитый раскольникъ, о которомъ мы такъ долго толковали вчера.

Полковникъ.

Возможно ли?

Генералъ.

Внукъ, въ своемъ родѣ, столь же замѣчателенъ какъ и дѣдушка. Это совершенный типъ Русскаго удальства и молодечества. Для него въ опасности есть какая-то притягательная сила. Онъ не можетъ не броситься въ огонь, когда вспыхнетъ пожаръ, или остаться на берегу, когда случится, что, при вскрытіи рѣки, конный или пѣшій изъ глупаго нашего народа на ней погибаетъ. Видалъ я самъ, какъ Егоръ, бывало, летаетъ со льдины на льдину, будто птица; а въ пламени распоряжался съ непостижимой отвагой, будто не человѣкъ, а Саламандра какая.

Полковникъ.

И нашъ братъ, Георгіевскій кавалеръ, позавидуетъ такому молодцу. Странно, что онъ вовсе не похожъ на Русскаго. Такой смуглый, а глаза черные, огненные, совершенно Азіатскіе.

Генералъ.

Немудрено. Въ немъ Русская-то кровь съ грѣхомъ пополамъ. Видишь ли, отецъ его Симонъ женился, противъ воли Филимона, на Цыганкѣ, которую увезъ онъ изъ табора и страстно любилъ. Когда же Симона отдали въ солдаты, Егору было только 11 мѣсяцевъ, и потому онъ не зналъ ни отца, ни матери, ушедшей съ мужемъ на Кавказъ. Малютку вскормилъ и воспиталъ дѣдъ, у котораго удалой внукъ живетъ и теперь.

Полковникъ.

Легко себѣ представить, какъ долженъ любить его старикъ.

Генералъ.

Прежде Егоръ былъ вспыльчивъ, заносчивъ, всегда готовъ подраться съ кѣмъ и за что бы то ни было; а лишь только услышитъ о появленіи волка или медвѣдя въ нашихъ лѣсахъ, сейчасъ за ружье и за рогатину, и поминай какъ звали! Иногда пропадалъ онъ на охотѣ по цѣлымъ недѣлямъ, но за то ужъ никогда не возвращался безъ доказательства своей побѣды, то-есть безъ шкуры непріятеля. Словомъ сказать: *il avait les défauts de ses qualités.*

Полковникъ.

Такъ онъ и охотникъ?

Генералъ.

Какого не найдешь во всей нашей губерніи. Но вотъ оправдалась на немъ поговорка: женишься, перемѣнишься. Годъ тому, Егоръ Симоновъ женился на одной вольноотпущенной сиротѣ, и съ тѣхъ поръ, въ силу другой поговорки, онъ сталъ тише воды, ниже травы.

Полковникъ.

Изъ любви къ женѣ?

Генералъ.

Да, онъ любитъ ее безъ памяти, и, кажется, ни о чемъ уже не думаетъ, ни о чемъ не заботится, какъ о своей Машѣ.

Полковникъ.

Любопытно бы видѣть женщину, которая умѣла привязать къ себѣ до такой степени этого сильнаго, могучаго богатыря.

Генералъ (*улыбаясь*).

Увидишь; только чуръ не измѣнять невѣстѣ!

Полковникъ (*любопытно*).

Да что же она такое?

Генералъ.

Увидишь.

Полковникъ.

Ея не было вчера на гуляньѣ?

Генералъ.

Не сталъ бы спрашивать, какъ бы была. Раскольники неохотно выказываютъ на гуляньяхъ своихъ дѣвокъ и молодицъ. Машу Филимонъ Абрамовъ никогда туда не пускаетъ.

Полковникъ.

А можетъ быть и мужъ? Я замѣтилъ, что Егоръ долженъ быть ревнивъ. Вчера онъ мнѣ горько жаловался на бурмистра Ивана Петрова, который ухаживаетъ за его женою, оскорбляетъ ее своими предложеніями, а теперь уже, какъ говоритъ, началъ и грозить ей.

Генералъ.

Не вѣрю. Бурмистръ у меня человѣкъ степенный и какъ нельзя болѣе твердый въ православіи. По этому-то семья Зарницыныхъ, то-есть Филимонова семья, его особенно ненавидитъ.

Полковникъ.

Я не думаю, чтобы человѣкъ, подобный моему избавителю, былъ въ состояніи кого нибудь оклеветать, а того менѣе бурмистра, которому вы, батюшка, вполнѣ, а можетъ быть и слишкомъ, довѣряете.

Генералъ (*подумавъ нѣсколько*).

Можетъ быть, ты и правъ; но скажу тебѣ, Александръ, что въ такомъ случаѣ бурмистръ былъ бы извинителенъ до нѣкоторой степени, не только передъ твоими 27-ми годами, но даже въ глазахъ старика, каковъ я напримѣръ.

Полковникъ.

Что жъ вы этимъ хотите сказать, батюшка?

Генералъ.

А то, сынокъ, что, вѣроятно, ни въ Петербургѣ, ни въ Венгріи, ни въ Италіи, ты не видывалъ красавицы подобной Машѣ, женѣ Егора Симонова. Не даромъ прозвали ее Жемчужиной.

Полковникъ.

Я знаю, батюшка, что вы рѣдкій патріотъ.

Генералъ.

Между нами будь сказано, въ ея румянцѣ играетъ дворянская кровь. Она дочь одного проѣзжаго молодца, гвардейскаго офицера, и нашей почтенной сосѣдки, генеральши Гриневой, которая давнымъ давно развелась съ мужемъ, поселилась здѣсь, въ своемъ имѣніи, и долго обогащала всю окрестность подкидышами изъ контрабанднаго своего потомства.

Полковникъ (*смѣясь*).

Истинно почтенная дама! (*Серьезно*). У меня до васъ еще послѣдняя просьба, батюшка.

Генералъ.

Говори; радъ потѣшить тебя, чѣмъ могу.

Полковникъ.

Мнѣ, кажется, что, отпущеніемъ Егора Симонова на волю, мы не заплатимъ ему нашего долга вполнѣ. Денегъ онъ не принимаетъ и не нуждается въ нихъ.

Генералъ.

Чѣмъ же еще наградить его?

Полковникъ.

Извольте видѣть. Егоръ парень грамотный, необыкновенно смышленный и отличнаго поведенія. Вина онъ въ ротъ не беретъ, какъ мнѣ всѣ говорили; и будь онъ при должности, такъ не сталъ бы плутовать и обманывать васъ, потому что съ его богатствомъ онъ не искусится на деньги. Слышалъ я вчера отъ многихъ и весьма многихъ, что вашъ Иванъ Петровъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какимъ вы его считаете.

Генералъ (*съ жаромъ*).

А, это раскольники про него говорили? Не мудрено, не мудрено! Сълонъ становится Иванъ Петровъ этимъ еретикамъ. За то онъ мнѣ служитъ вѣрой и правдой.

Полковникъ.

Полно такъ ли? Впрочемъ я вовсе не желаю, чтобы вы отрѣшили Ивана Петрова отъ должности; но въ Отшелинскомъ имѣніи нѣтъ теперь управителя. Завѣдываетъ всѣмъ одинъ бурмистръ. Пусть же Егоръ будетъ начальникомъ здѣшней конторы. Онъ не въ ладахъ съ бурмистромъ. Тѣмъ лучше для насъ: другъ другу ничего не спустятъ.

Генералъ.

Правда. Русскій мужикъ не щадитъ себя и готовъ на всякое признанье, если пойдетъ на то, чтобы сгубить своего злодѣя.

Полковникъ.

И такъ вы согласны, милый батюшка?

Генералъ.

Но вѣдь Егоръ Симоновъ долженъ быть раскольникъ.

Полковникъ.

Помилуйте! Ему ли, Егору, лихому удальцу и по уши влюбленному мужу, разбирать раскольническую эхинею? Чай не объ этомъ толкуетъ онъ со своей Жемчужиной.

Генералъ (*помолчавъ нѣсколько*).

Ну хорошо; быть по твоему. Предоставляю тебѣ самому удовольствіе поздравить Егора съ отпущеніемъ на волю и съ управительскою должностію.

Полковникъ (*цѣлуя у отца руку*).

Батюшка, вы слишкомъ уже балуете меня.

Генералъ (*смотря на часы*).

Четверть втораго. Скоро долженъ явиться къ тебѣ Филимонъ Абрамовъ. Я не хочу съ нимъ встрѣтиться. Итакъ прощай до обѣда.

Полковникъ.

Прощайте, батюшка. (*Генералъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Полковникъ. Потомъ **Денщикъ.**

Полковникъ.

Пора разоблачиться. Гей, Никита!

Денщикъ (*входитъ*).

Александръ Михайлычъ, васъ спрашиваетъ какая-то молодая дѣвушка. Какъ прикажете?

Полковникъ.

Скажи, что не время.

Денщикъ.

Она говоритъ, ей крайняя нужда васъ видѣть. У ней слезы на глазахъ. Да ужъ какая прекрасная, ваше высокоблагородіе.

Полковникъ.

Слезы на глазахъ? Пустить!

Денщикъ (*отворяя дверь*).

Пожалуй сюда, голубушка.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Полковникъ,—Маша. (*Денщикъ уходитъ*).

Маша (*бросаясь полковнику въ ноги*).

Помилуйте и простите, Александръ Михайлычъ! Старикъ нашъ ни въ чемъ не виноватъ. (*Полковникъ смотритъ на нее въ изумленіи, почти въ испугѣ. Маша потупляетъ глаза, не измѣняя своего положенія. Наконецъ полковникъ вскрикиваетъ съ какимъ-то безсознательнымъ выраженіемъ*). Это Жемчужина?

Маша (*не поднимаясь*).

Я, сударь, Марья Зарницына, жена Егора Симонова, которому Господь помогъ вытащить васъ изъ подъ мельницы.

Полковникъ (*съ тѣмъ же выраженіемъ*).

Она! Жемчужина!

Маша.

Жемчужной прозвали меня не знаю почему. Можетъ быть въ насмѣшку.

Полковникъ.

Въ насмѣшку! (*Опомнившись*). Встань, Маша.

Маша.

Выслушайте прежде меня, батюшка.

Полковникъ.

Пока не встанешь, я слушать тебя не буду.

Маша (*встаетъ, не поднимая глазъ*).

Я пришла къ вамъ просить о нашемъ дѣдушкѣ.

Полковникъ.

О Филимонѣ Абрамовѣ? Я ждалъ его.

Маша.

Лишь только потребовали старика къ вашей милости, я сейчасъ догадалась, что недобрые люди наговорили на него господамъ. А извольтека спросить, сударь, кого угодно, изъ здѣшнихъ или постороннихъ, скажутъ вамъ всѣ въ одинъ голосъ: да такого-то человѣка и на свѣтѣ нѣтъ, какъ Филимонъ Абрамычъ. Всѣхъ бѣдныхъ поитъ и кормитъ, сиротскія слезы утираетъ и наставляетъ всякаго жить, какъ Богъ велѣлъ.

Полковникъ (*про себя*).

Какое очарованіе въ голосѣ! (*Вслухъ*). Ты вѣрно очень любишь дѣдушку?

Маша.

Да какъ же его не любить? Вѣдь и онъ любитъ всѣхъ людей, какъ своихъ братьевъ. А насъ-то, родныхъ, ужъ какъ любитъ! Насъ всего двое у него: Егоръ да я.

Полковникъ.

Однако его обвиняютъ въ раскольничествѣ. Онъ волнуетъ народъ своимъ толкованіемъ Священнаго Писанія.

Маша.

Съ кѣмъ горе или бѣда случится, тотъ приходитъ къ нему, и дѣдушка утѣшаетъ его словами Христа Спасителя. Другой вины за нимъ нѣтъ никакой.

Полковникъ.

Но бурмистръ Иванъ Петровъ......

Маша.

Онъ-то все и наговариваетъ на насъ батюшкѣ вашему, Михайлу Борисычу. Немало обидъ терпѣли мы отъ него съ Егоромъ.

Полковникъ.

За что же? (*Маша краснѣетъ и приходитъ въ замѣшательство*). Говори!

Маша.

Да какъ бы сказать вашей милости? Я баба смирная, не гулящая, и ужъ не знаю чѣмъ прогнѣвила Бога, что посылаетъ Онъ, Господь, на меня грѣшную такую напасть и стыдъ этакой. (*Утираетъ передникомъ слезы*).

Полковникъ.

О чемъ же ты плачешь?

Маша.

По неволю заплачешь, батюшка. Привязался ко мнѣ бурмистръ, словно окаянный. Отбою не даетъ. Гдѣ только встрѣтитъ, заводитъ онъ со мной богопротивныя рѣчи.

Полковникъ (*про себя со вздохомъ*).

Батюшка сказалъ правду. Извинителенъ бурмистръ. (*Вслухъ*). Ну, а ты что̀ ему говоришь?

Маша.

Что̀ мнѣ говорить ему! Много съ нимъ говорить не станешь. Вѣдь онъ начальникъ. Заплачешь, да отойдешь; болѣе нечего дѣлать.

Полковникъ.

Но ты могла бы сказать мужу.

Маша.

Конечно могла бы, сударь. Я ужъ ему и намекала, но только слегка. Всего не смѣла разсказать.

Полковникъ.

Почему не смѣла?

Маша.

Да за тѣмъ, что Егоръ убилъ бы тогда бурмистра.

Полковникъ.

И ты говоришь это такъ спокойно, съ такою увѣренностію?

Маша.

Потому что это сущая правда. У моего Егора ужъ нравъ такой.

Полковникъ.

То-есть ужъ онъ слишкомъ сильно любитъ тебя, Маша. Не такъ ли?

Маша (*краснѣя и помолчавъ нѣсколько*).

Законъ, сударь.

Полковникъ.

Ну, успокойся, Маша. Старику твоему ничего не одѣлаютъ. Я знаю самъ, что онъ человѣкъ добрый и заслуженный. Съ попомъ что-то не ладитъ; да это вздоръ. Помиримъ ихъ какъ нибудь. Что же касается до Ивана Петрова, тебѣ ужъ нечего его бояться. Скоро мужъ твой будетъ начальникомъ бурмистра. Отецъ мой даруетъ вамъ свободу и назначаетъ Егора въ здѣшніе управители.

Маша (*поднимая впервыя глаза на полковника*).

Смѣю ли вѣрить этому! Такія милости..... не изволите ли вы надо мной смѣяться?

Полковникъ (*про себя*).

Что за глаза! Сверкаютъ какъ молнія и какъ молнія насквозь прожигаютъ. (*Вслухъ*). Смѣяться надъ тобой, Маша! Да есть ли такой извергъ на свѣтѣ, который бы могъ огорчить тебя насмѣшкой или обмануть несбыточными надеждами! (*Про себя*). Что̀ я говорю, Боже мой! (*Вслухъ*). Даю тебѣ честное слово, что не далѣе какъ сегодня Егоръ вступитъ въ должность Отшелинскаго управителя. (*Маша опять хочетъ броситься къ нему въ ноги, но полковникъ удерживаетъ ее*). Полно, сдѣлай милость; я этого не люблю.

Маша.

Какъ же мнѣ не благодарить васъ, отецъ вы нашъ и благодѣтель!

Полковникъ (*не выпуская ея руки*).

Скажи мнѣ лучше, отчего у тебя такія бѣлыя и нѣжныя руки? Видно, мало знакомы съ крестьянской работой; да и на крестьянку-то, правду сказать, ты вовсе не похожа.

Маша (*съ огорченіемъ*).

Не вините меня, Александръ Михайлычъ. Ужъ сама тому не рада, что зовутъ меня бѣлоручкой. Но что̀ мнѣ дѣлать? Такъ хочетъ мужъ. Къ чему, говоритъ, Машенька, портить себѣ руки, засмуглять лице, пачкаться за коровами и передъ очагомъ? Развѣ у насъ, говоритъ, мало работниковъ, да работницъ? Тутъ, поневолѣ, отстанешь отъ своихъ сестеръ.

Полковникъ.

Чѣмъ же ты занимаешься?

Маша.

Пряду, шью, вышиваю по канвѣ, да подъ часъ читаю какую нибудь изъ дѣдушкиныхъ книгъ. У него ихъ множество. Лѣтомъ гуляю, хожу въ лѣсъ за грибами, да за ягодами, поливаю цвѣты въ огородѣ; такъ и не увидишь, какъ день пройдетъ.

Полковникъ.

И говоришь ты не по крестьянски. Какого же ты происхожденія?

Маша (*сквозь слезы*).

Сама не знаю, батюшка. Я найденышъ.

Полковникъ (*про себя*).

Да, такъ и должно быть, какъ сказалъ батюшка. (*Вслухъ*). Но у кого же ты воспитывалась?

Маша (*утирая слезы*).

Меня подкинули тетушкѣ вашей, покойной Аннѣ Борисовнѣ, которая жила въ имѣніи своемъ, деревнѣ Малиновкѣ, неподалеку отъ Отшелина.

Полковникъ.

Анна Борисовна, помнится, никогда не была за мужемъ.

Маша.

Она была истинно святая дѣва. Кромѣ родныхъ ѣздили къ ней одни старые монахи и другіе благочестивые люди для собиранія милостыни, и сама она раздавала бѣднымъ почти что весь свой доходъ. Ваша тетушка воспитала меня въ страхѣ Божіемъ, обучила грамотѣ и женскому рукодѣлью и любила, смѣю сказать, какъ родную дочь. Дай ей Господи царства небеснаго! Кому же тамъ и быть, если не ей, нашей матушкѣ?

Полковникъ.

Ну, а когда тетушка скончалась?

Маша.

Мнѣ было тогда 14 лѣтъ. Имѣніе ея перешло къ батюшкѣ вашему, Михайлу Борисычу, и онъ взялъ меня къ себѣ въ домъ.

Полковникъ.

Какую должность занимала ты у насъ?

Маша.

Я находилась при барышнѣ.

Полковникъ (*съ удивленіемъ*).

При княжнѣ Вѣрѣ Алексѣевнѣ? И она тебя полюбила?

Маша.

Ужъ такъ полюбила, что я не стоила того. И теперь меня любитъ по прежнему. (*Робко, но съ значеніемъ*). Да наградитъ Господь нашу княжну за все ея добро, знатнымъ, богатымъ, прекраснымъ и достойнымъ женихомъ (*Дѣлаетъ низкій поклонъ*). Прощенія просимъ, Александръ Михайлычъ.

Полковникъ (*сильно вздрагивая, про себя*

Этотъ женихъ я! (*Вслухъ, удерживая Машу за руку*). Еще одно. Скажи мнѣ, какъ ты вышла за Егора Симонова? Вѣдь покойная тетушка, или мой отецъ, не знаю, отпустили тебя на волю, кажется?

Маша.

Меня отпустила еще Анна Борисовна, а когда я вышла въ годы, вашъ батюшка сказалъ мнѣ: Маша, тебѣ надобно поскорѣе за мужъ, и барышня мнѣ говорила, что нельзя де тебѣ, Машенька, въ дѣвкахъ долго сидѣть. Не знаю, почему они это говорили. Мнѣ стало больно, что господа такъ скоро сбыть хотятъ меня сироту; но я всегда имъ во всемъ повиновалась.

Полковникъ.

И тебѣ назначили въ женихи Егора Симонова?

Маша.

Нѣтъ, сударь. Выборъ жениха отдали на мою волю, и многіе таки сватались, я думаю потому, что покойная ваша тетушка оставила мнѣ 10 тысячъ рублей по духовному своему завѣщанію.

Полковникъ.

Такъ ты сама выбрала Егора?

Маша.

Вотъ какъ это случилось. Филимонъ Абрамычъ часто ѣздилъ къ моей благодѣтельницѣ, когда я жила тамъ; и онъ былъ у нея, такъ сказать, первымъ человѣкомъ. Часто помогалъ онъ ей деньгами, если у Анны Борисовны своихъ не доставало на богоугодныя дѣла. Какъ стали меня женихи сватать и Филимонъ явился просить руки моей для своего внука.

Полковникъ.

Котораго, вѣроятно, ты уже любила?

Маша.

Рѣчей межъ нами не было никакихъ; но я почти каждый день встрѣчала Егора, когда прогуливалась съ барышней, и слышала, какъ всѣ говорили про него, что онъ первый молодецъ въ вотчинѣ и парень не пьющій. Ну-да сами теперь изволите знать, каковъ мой Егоръ.

Полковникъ (*вздыхая*).

Да онъ вполнѣ достоинъ тебя.

Маша.

Господа сами присовѣтовали мнѣ выдти за него. Лучшаго, дескать, жениха и придумать невозможно. И молодъ, и хорошъ собой, и грамотѣй, и богачъ. Вотъ, сударь, я за него и вышла.

Деньщикъ (*входитъ*).

Филимонъ Абрамовъ пришелъ, ваше высокоблагородіе.

Полковникъ.

Пустить.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе.—Филимонъ.

Филимонъ (*останавливается у самыхъ дверей и низко кланяется полковнику*).

По приказанію вашего высокоблагородія, я здѣсь.

Полковникъ (*про себя*).

Какая величественная и почтенная наружность! (*Вслухъ*). Не по моему приказанію, а отцу моему угодно было, чтобы я съ тобой повидался.

Филимонъ (*Машѣ довольно строго*).

А ты здѣсь какъ очутилась?

Маша.

Я пришла просить за тебя, дѣдушка.

Филимонъ (*еще строже*).

Не сказавъ мнѣ объ этомъ, и безъ вѣдома мужа! Да и о чемъ просить? Я развѣ нуждаюсь въ прощеніи? Иди домой и не смѣй никогда безпокоить господъ такими пустяками. (*Маша уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Полковникъ. — Филимонъ.

Филимонъ.

Простите меня, Александръ Михайлычъ, что я осмѣлился сдѣлать ей выговоръ въ вашемъ присутствіи; да и внучку мою извините: баба молодая, глупа еще.

Полковникъ.

Да что тутъ за бѣда? (*Показывая на кресло*). Прошу тебя присѣсть, Филимонъ Абрамычъ. Въ твоихъ лѣтахъ стоять трудно.

Филимонъ (*не трогаясь съ мѣста*).

Увольте отъ этого, ваше высокоблагородіе. Рабу не прилично сидѣть передъ своимъ господиномъ. Я еще твердъ на ногахъ.

Полковникъ.

Я слышалъ про тебя столь много хорошаго, что весьма радъ съ тобой познакомиться.

Филимонъ.

Ожидаю вашихъ приказаній.

Полковникъ.

Приказывать вѣрному, многозаслуженному сотруднику моего дѣда и отца я не имѣю права. Я хотѣлъ обратиться къ тебѣ съ просьбой отъ имени батюшки.

Филимонъ.

Просьба отъ имени его превосходительства для меня тоже приказаніе. Что повелѣть изволитъ милостивый нашъ господинъ, Михаилъ Борисычъ?

Полковникъ.

Да видишь ли: здѣшній попъ что-то жалуется на тебя.

Филимонъ.

Казалось бы не за что, сударь; да врядъ ли и жаловался.

Полковникъ.

Правда, что здѣшніе прежніе отщепенцы ходятъ въ церковь и пріобщаются святыхъ тайнъ; однако. ..

Филимонъ.

Прошу извиненія, ваше высокоблагородіе. Въ церковь мы, старовѣры, ходимъ всѣ, по приказанію его превосходительства; но причастія изъ рукъ священника мы не принимаемъ.

Полковникъ.

Какъ это? Мнѣ самъ батюшка сказалъ.

Филимонъ.

Стало быть, его превосходительству доложили несправедливо.

Полковникъ.

Но если вы ходите въ православную церковь, почему же не исполнять и обрядовъ ея?

Филимонъ.

Тутъ, если позволите замѣтить, большая разница. Почему не ходить въ церковь? Мѣсто, само по себѣ, святое. Ходятъ въ вашу церковь и иновѣрцы изъ дворянъ и чиновниковъ, слушаютъ тамъ обѣдню и тамъ присягаютъ. Но пріобщаться святыхъ тайнъ изъ рукъ православнаго священника—значило бы исповѣдывать православную вѣру.

Полковникъ.

Для чего же обманываютъ помѣщика?

Филимонъ.

Дѣло въ томъ, сударь, что священникъ получаетъ ежегодно отъ старовѣровъ по два рубля серебромъ съ тягла, а съ купеческаго дома гораздо больше, чтобы показать ихъ въ метрикахъ говѣльщиками. И православныхъ очень много, что̀ не говѣютъ. Съ нихъ попъ беретъ только по четвертаку. Сами теперь изволите видѣть, что попу нѣтъ причины жаловаться на старовѣровъ, отъ которыхъ онъ получаетъ главный свой доходъ.

Полковникъ.

Развѣ здѣсь еще такъ много раскольниковъ?

Филимонъ.

Лѣтъ 25 тому, когда его превосходительство Михаилъ Борисовичъ вступилъ во владѣніе, ихъ была третья часть; теперь уже чуть не половина.

Полковникъ.

Возможно ли? И все твои ученики?

Филимонъ.

Нѣтъ, сударь. Моихъ слушателей не наберется сотни. Много никогда и не будетъ. Они не только слушаютъ, но должны исполнять весьма трудное.

Полковникъ.

Какіе же прочіе раскольники?

Филимонъ.

Духоборцы, Молоканы и Субботники.

Полковникъ.

А батюшка увѣренъ, что ихъ давно нѣтъ въ здѣшнемъ имѣніи.

Филимонъ.

Потому что всѣ ходятъ въ церковь; да это ничего не значитъ. Стѣснить старовѣровъ легко, но истребить весьма трудно. Вѣдь мысли свободны, даже у насъ въ Россіи. Сила безсильна противъ нихъ. Идея, если она ложъ, побѣждается только другою идеею; если же истина, то беретъ верхъ надо всѣмъ и никогда не умираетъ, ибо всякая истина безсмертна, какъ часть самаго Бога. Лучше всего доказывается это борьбой христіанства съ язычествомъ.

Полковникъ (*про себя*).

Каковъ! Прошу покорнѣйше отвѣчать на это! (*Вслухъ*). Итакъ, Иванъ Петровъ дѣлалъ моему отцу ложныя донесенія?

Филимонъ.

Должно быть такъ.

Полковникъ.

Но отъ чего же онъ всего болѣе нападаетъ на тебя?

Филимонъ (*равнодушно*).

Не стоитъ объ этомъ и говорить. Его дѣло. Злой человѣкъ для меня не страшенъ.

Полковникъ.

Но вѣдь онъ начальникъ и въ большой милости у батюшки.

Филимонъ.

Такъ что жъ? Оклевещетъ, разворитъ; много если сошлетъ въ ссылку.

Полковникъ (*смотритъ на него съ удивленіемъ*).

Развѣ этого мало?

Филимонъ.

Для старика моихъ лѣтъ—ровно ничего. Не мнѣ, а ему будетъ худо.

Полковникъ.

Бурмистру-то? А почему?

Филимонъ.

Потому что онъ дѣлаетъ зло.

Полковникъ.

Но можетъ безнаказанно.

Филимонъ.

Злодѣйство само по себѣ—казнь злодѣю.

Полковникъ (*про себя*).

Что за человѣкъ! (*Вслухъ*). Теперь я долженъ исполнить порученіе батюшки. Ты, Филимонъ Абрамычъ, позволяешь себѣ толковать Священное Писаніе.

Филимонъ.

Я не позволяю себѣ, а считаю первой обязанностію грамотнаго человѣка пояснять безграмотнымъ нѣкоторыя мѣста изъ Новаго Завѣта.

Полковникъ.

Для чего такія поясненія?

Филимонъ.

Да хоть бы для пользы самихъ помѣщиковъ.

Полковникъ.

Для нашей пользы!

Филимонъ.

Точно такъ, ваше высокоблагородіе. Напримѣръ: въ Евангеліи сказано, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, чѣмъ богатому попасть въ царство небесное. Вотъ почему Русскіе мужики такъ всѣ и думаютъ, что, на томъ свѣтѣ, господамъ—одна дорога, то-есть въ адъ. Можно ли, чтобы благонамѣренный человѣкъ не старался вывести ихъ изъ столь пагубнаго заблужденія?

Полковникъ.

Конечно....... но для поясненія такихъ мѣстъ есть у насъ законные толкователи—священники.

Филимонъ.

Ваше дѣло военное; такъ вы и не знаете, сударь, какіе у насъ, по деревнямъ, бываютъ сношенія между попомъ и мужиками.

Полковникъ (*про себя*).

Вѣрно я сказалъ какую нибудь глупость. (*Вслухъ*). Развѣ попы не толкуютъ съ ними о религіи?

Филимонъ.

У нашихъ поповъ нѣтъ такого обыкновенія.

Полковникъ.

Почему же?

Филимонъ.

Не хотятъ, или не умѣютъ, или не предписано; не знаю, какъ вамъ доложить.

Полковникъ.

Все же нехорошо, почтенный Филимонъ Абрамычъ, что ты заводишь новую раскольническую секту.

Филимонъ.

Мы называемъ себя: христіане по Христу, и стараемся, по возможности, быть таковыми на словахъ и на дѣлѣ. Если это секта, то основателемъ ея былъ самъ Іисусъ Христосъ.

Полковникъ (*про себя*).

Ну ужъ коммиссію далъ мнѣ батюшка. Самъ бы попробовалъ. (*Вслухъ*). Богословіе въ сторону; оно не по моей части. Позволь мнѣ привести лишь одно, противъ чего, надѣюсь, ты спорить не будешь. Власти поставлены отъ самаго Бога, не такъ ли?

Филимонъ.

Неоспоримая истина.

Полковникъ.

Богъ же велѣлъ повиноваться властямъ.

Филимонъ.

Безъ повиновенія старшимъ не было бы ни гражданскаго, ни семейнаго общества.

Полковникъ.

Мой отецъ законная власть надъ своими крестьянами. Слѣдовательно они должны повиноваться ему.

Филимонъ.

Безъ всякаго сомнѣнія.

Полковникъ.

Итакъ, Филимонъ, помѣщикъ твой желаетъ, чтобы ты прекратилъ духовныя бесѣды съ крестьянами.

Филимонъ.

Исполнить это желаніе я не могу.

Полковникъ.

Гдѣ же твоя покорность?

Филимонъ.

Въ Писаніи сказано: Воздай Кесарю Кесарево, а Богу Божіе. Кесарево помѣщикъ можетъ отъ меня требовать сполна и когда угодно. Я отдамъ ему все: не постою за имущество, ни за самую жизнь. Но не въ правѣ рабъ Божій Михаилъ требовать отъ раба Божіяго Филимона, чтобы онъ, Филимонъ, пожертвовалъ ему спасеніемъ своей души, чтобы онъ не раздавалъ своимъ братьямъ, умирающимъ отъ духовнаго глада, той пищи, которою его надѣлила небесная благодать, не для себя одного, а ради ближняго. Еслибы я повергнулъ и сію послѣднюю дань къ ногамъ Кесаря, что̀ бы осталось тогда у меня на долю Божію, и какой отвѣтъ далъ бы я на страшномъ судѣ Христовомъ?

Полковникъ (*про себя*).

Кончено. Израсходовалъ весь мой порохъ на холостые выстрѣлы. (*Вслухъ*). Я сказалъ, что̀ могъ; но теперь вижу, что не мнѣ тебя учить. Пусть рѣшитъ самъ батюшка.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Прежніе. — Бурмистръ. — Егоръ Симоновъ. (*Въ красной канаусовой рубахѣ и въ черномъ бархатномъ полукфтанѣ, къ которому пришиты нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей*).

Бурмистръ.

Ихъ превосходительство изволили прислать меня къ вашей милости съ Егоромъ Симоновымъ для полученія какихъ-то приказаній.

Полковникъ (*обнимая Егора*).

Здравствуй, великодушный мой избавитель! Какъ ты сегодня принарядился! Молодецъ во всей формѣ! У тебя почти столько же знаковъ отличія, какъ и у меня.

Егоръ.

Батюшкѣ вашему угодно было..... Да вѣдь это такъ—ничего.

Полковникъ.

Ничего, говоришь; а я бы охотно промѣнялъ свои кресты на твои медали.

Егоръ.

Пристыдить, баринъ, меня хотите.

Полковникъ.

Я получилъ свои награды за истребленіе, а ты за спасеніе людей. Которое изъ двухъ лучше?

Филимонъ.

Тяжело и больно человѣку проливать человѣческую кровь, будь она хоть вражеская. Потому и слѣдуетъ отличать тѣхъ, которые выполнили неустрашимо страшную боевую повинность. Но для того, кто спасаетъ жизнь человѣческую, не щадя собственнаго живота, знаки отличія ненужны и неусмѣстны. Такія дѣла вознаграждаются на землѣ сами собой, а тамъ (показывая на небо) вознаградитъ за нихъ Богъ. Стало быть, ордена, которыми украшена грудь вашего высокоблагородія, имѣютъ значеніе, а медали моего внука свидѣтельствуютъ только о расположеніи къ нему милостиваго нашего господина.

Полковникъ (*улыбаясь*).

Ну, спорить я уже никогда съ тобой не буду, Филимонъ Абрамычъ. У тебя, видно, привычка оставаться всегда правымъ. (*Егору*). Да, за жизнь можно отплатить только жизнію. Однако убѣжденіе это не мѣшаетъ мнѣ быть признательнымъ и отдарить тебя, моего избавителя, чѣмъ могу: если не жизнію, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, что, послѣ жизни, всего дороже человѣку. По волѣ моего отца, ты свободенъ, Егоръ.

Егоръ.

Баринъ! Примите, вмѣсто словъ, вотъ эту слезинку! (*Утираетъ себѣ глаза и беретъ руку полковника, чтобъ поцѣловать ее*).

Полковникъ (*освобождая свою руку*).

Полно, братецъ! А вотъ лучше такъ. (*Прижимаетъ его къ груди и цѣлуетъ нѣсколько разъ*).

Бурмистръ (*про себя*).

Нелегкое угораздило этого проклятаго Цыгана завернуть на ту пору на мельницу, да еще такъ, безъ всякаго дѣла!

Филимонъ (*тронутый*).

Вы, батюшка Александръ Михайлычъ, слишкомъ высоко цѣните заслугу моего внука. Что̀ Егоръ сдѣлалъ для васъ, сдѣлалъ бы онъ и для послѣдняго нищаго. Это у него ужъ въ крови.

Полковникъ.

Вслѣдъ за моей благодарностію, попрошу тебя, Егоръ, сдѣлать одолженіе батюшкѣ и мнѣ самому.

Егоръ.

Чего бы я не сдѣлалъ для васъ, Александръ Михайлычъ?

Полковникъ.

Мѣсто Отпелинскаго управителя теперь вакантно. Мы назначили его тебѣ, съ жалованьемъ и содержаніемъ, какія самъ опредѣлишь по контракту.

Егоръ (*въ испугѣ*).

Мнѣ быть управителемъ? Какъ это можно! И лѣта мои еще не такія; да и ума не хватитъ на такую должность.

Полковникъ.

Такъ ты отказываешь намъ, Егоръ? Подумай хорошенько.

Егоръ.

По неволѣ отказываюсь. Что̀ я за управитель! Легко ли дѣло управлять вотчиной въ шесть тысячь душъ?

Бурмистръ (*про себя*).

Ну, слава-тѣ Господи! Отказался дуралей.

Филимонъ (*строго*).

Ты, Егоръ, не говоришь правды. Такъ я выскажу ее. Богъ одарилъ тебя умомъ, а отъ меня получилъ ты христіанскія правила и воспитаніе не мужицкое. Ты твердъ въ грамотѣ и счетоводствѣ; тебѣ хорошо извѣстны здѣшнія торговыя дѣла и всѣ части сельскаго нашего хозяйства. Почему же не быть тебѣ управителемъ? А потому, видишь ли, чтобы все оставаться дома, да ворковать по голубиному съ женой, съ утра до поздней

ночи. Ты, краснѣешь, и есть отъ чего краснѣть. Стыдно, братецъ, не говорю любить жену, это самъ Богъ велитъ; но влюбляться въ нее до забвенія главной обязанности каждаго человѣка. Отъ царя до крестьянина всѣ должны трудиться для общей пользы; и кто нарушаетъ непреложный сей законъ, не токмо не обрѣтетъ царства небеснаго, но сгибнетъ даже на этомъ свѣтѣ отъ праздности и отъ душевной тоски, съ нею неразлучной. Какъ управитель, ты можешь сдѣлать много добра или, что̀ все равно, отвратить много зла. Не примешь должности, такъ зло останется неотвращеннымъ, и ты отвѣтишь за него Богу, какъ за свое собственное дѣло. А женѣ этимъ не угодишь: она скорѣе бы стала презирать тебя.

Егоръ.

Дѣдушка, дѣдушка! Пощади меня грѣшнаго.

Филимонъ (*гораздо мягче*).

Ну, да если разобрать хорошенько, такъ ты, въ самомъ дѣлѣ, менѣе виноватъ, чѣмъ я старый глупецъ. Не слѣдовало бы женить тебя на Машѣ. Необычная женская красота часто бываетъ большой кручиной для мужа, постояннымъ искушеніемъ для самой жены, опасностію и соблазномъ для многихъ.

Полковникъ (*про себя*).

Мнѣ слышится будто пророческій голосъ.

Егоръ (*въ большомъ волненіи*).

Не говори этого, дѣдушка; ради Христа Бога, не говори. Я согласенъ быть управителемъ. Только не кайся, что женилъ меня на Машѣ.

Бурмистръ (*про себя*).

Пропала моя головушка!

Полковникъ (*Егору*).

Поздравляю тебя съ должностію; а батюшку и себя съ такимъ управителемъ, каковъ будетъ Егоръ Симоновъ.

Бурмистръ (*полковнику*).

Будутъ ли приказанія какія отъ вашей милости?

Полковникъ.

Приказываю тебѣ одно: повиноваться во всемъ новому начальнику своему. (*Бурмистръ низко кланяется полковнику и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Прежніе (*кромѣ бурмистра*).

Филимонъ (*полковнику*).

И меня увольте, ваше высокоблагородіе. Пора домой.

Полковникъ.

Прощай, почтеннѣйшій Филимонъ Абрамычъ. Я никогда не забуду дня нашего знакомства и надѣюсь часто съ тобой видѣться. (*Филимонъ кланяется почтительно и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Полковникъ. — Егоръ.

Полковникъ.

Такъ-то, любезный мой Егоръ. Изъ неволи опять въ неволю. Но что жъ дѣлать, когда самъ дѣдушка приказалъ.

Егоръ.

И подлинно, сударь. Не повиноваться ему все равно, что быть ослушникомъ Богу. Вѣдь онъ настоящій праведникъ.

Полковникъ.

Да, поспоритъ со многими святыми въ календарѣ. Теперь, скажи мнѣ, Егоръ, какой ты вѣры? Для батюшки это очень важно.

Егоръ.

Признаться вамъ, баринъ, я прежде посѣщалъ церковь только по господскому приказанію, да какъ-то и мало заботился о духовномъ. Не то было въ головѣ. Однако я всегда крестился, когда шелъ на медвѣдя съ рогатиной.

Полковникъ.

А теперь?

Егоръ.

Теперь другое дѣло. Маша-то моя, изволишь видѣть, больно усердна къ православію; такая богомольщица! Не пропускаетъ ни одной службы. Ну, знаете, нехорошо молодой бабѣ ходить такъ часто одной со двора. Вотъ и я почаще въ церковь. Однажды сказала она мнѣ: чтобы тебѣ не поговѣть со мной, Егорушка? Нельзя-де мужу и женѣ быть различной вѣры. Я подумалъ, да и пошелъ на исповѣдь къ отцу Сидору.

Полковникъ (*улыбаясь*).

И такъ ты сдѣлался православнымъ въ угодность женѣ, какъ святой равноапостольный князь Владиміръ?

Егоръ.

Только прошу васъ, баринъ, не говорите объ этомъ дѣдушкѣ, да и никому не говорите. Какъ-то совѣстно.

Полковникъ.

Не скажу, не бойся. Твоя жена рѣдкая красавица.

Егоръ.

Ужъ успѣли сказать вашей милости?

Полковникъ.

Я самъ ее видѣлъ.

Егоръ.

Гдѣ жъ это, сударь?

Полковникъ.

Здѣсь, и не далѣе какъ съ полчаса.

Егоръ.

Какъ здѣсь? Помилуйте!

Полковникъ.

Она приходила просить за твоего дѣдушку. Успокойся, ревнивецъ. Я женихъ, и черезъ мѣсяцъ моя свадьба съ княжной Вѣрой Алексѣевной.

Егоръ.

И вы ее любите?

Полковникъ.

Чудакъ ты этакой! Кабы не любилъ, такъ бы не женился. Иду къ батюшкѣ, чтобы получить отъ него инструкцію, какая тебѣ нужна на первый случай. Подожди меня здѣсь. Скоро ворочусь.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Егоръ (*одинъ*).

Благодареніе Царю Небесному! Не господскій я теперь, а Божій, свободный, настоящій человѣкъ. У меня есть теперь законная своя воля, полная законная своя собственность. Маша принадлежитъ одному мнѣ и болѣе уже никому. Слава тебѣ Господи! Правду сказать, не тяжела и не горька была прежняя моя неволя. Жилъ я всегда въ своемъ удовольствіи. Что вздумалось, то и дѣлалъ. Но часто приходила мнѣ вотъ какая мысль. Помѣщикъ нашъ, думалъ я про себя, хоть и добрый человѣкъ, а все таки можетъ взять меня въ лакеи, розгами высѣчь, бить по щекамъ, а пожалуй и продать, какъ забракованную лошадь. И странно, ей Богу! Всѣ эти напасти представлялись мнѣ такъ, что я чувствовалъ и стыдъ, и бѣшенство, и отчаяніе, и боль отъ ударовъ, какъ бы все это случалось со мной на самомъ дѣлѣ. Пустяки, разумѣется. Заплатилъ оброкъ, и ступай себѣ на всѣ четыре стороны. Кажись, я былъ свободенъ, а въ душѣ все что-то отзывалось неволей. Прежде это было еще ничего. Найдетъ, бывало, да пройдетъ, словно лѣтняя тучка. А вотъ какъ женился, съ тѣхъ поръ привязался мнѣ къ сердцу страхъ неотвязный. Да какъ было и не бояться? Лишь только выдешь съ Машей на улицу, въ праздничный день, всѣ смотрятъ, всѣ любуются на нее, и господа, и приказные, и купцы заѣзжіе, и мужики; ну, весь крещеный міръ. Что за красавица, говорятъ. А у меня сердце-то такъ и заноетъ, такъ и обольется кровью. Не то, чтобы я ревно

валъ жену, сохрани Боже! Самъ дѣдушка говорилъ мнѣ не разъ, что,- во всей долговѣчной жизни своей, онъ такой женщины не видалъ. Ангельское-де обличіе и душа ангельская. Но въ томъ-то и было мое горе. Чего, думаю, не сдѣлаютъ люди, чтобы завладѣть моей Жемчужиной, единственнымъ моимъ сокровищемъ? Она крѣпостная, а съ крѣпостнымъ человѣкомъ баринъ дѣлаетъ что̀ хочетъ, да и не одинъ баринъ. Ну, приглянись она кому нибудь изъ пріѣзжихъ господъ: долго ли увезти ее хоть за тридевять земель? А злодѣй Цапкинъ, который ее сваталъ и получилъ отказъ: стоитъ ему стакнуться съ воромъ-бурмистромъ. Выдумаютъ небывальщину, подкупятъ свидѣтелей, надѣлаютъ подложныхъ бумагъ, и моя Маша въ полной власти у приказныхъ чертей. И чего еще не приходило мнѣ въ голову? Вотъ недавно мнѣ все мерещилось, какъ пріѣдетъ сюда молодой нашъ баринъ, красавецъ, въ гусарскомъ мундирѣ, да влюбится въ Машу, и какъ она сама...... (*сильно вздрагивая*). Нѣтъ, нѣтъ, этого я никогда не думалъ...... а только про него. Теперь все это прошло; слава тебѣ Господи, слава Тебѣ! Я вольный и уже никого не боюсь. Затронетъ недругъ, такъ постоимъ за себя. Сутяга въ судъ потащитъ,—изволь, милостивецъ: есть у насъ за пазухой золотой кормъ для *черныхъ врановъ*. Нажрутся, и я правъ; а ты, пріятель, отойдешь съ носомъ; да заплатишь за гербовую. Но если налетятъ на мою голубушку такіе коршуны, что ужъ и деньгамъ не въ силу! Что̀ тогда, Егоръ, удалая голова? Ну, для большихъ хищныхъ птицъ есть другой кормъ: есть ружье да свинцовая дробь, а мы таки стрѣлять умѣемъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

25-го ІЮЛЯ. ПОЛДЕНЬ.

Комната въ избѣ бурмистра. Убранство не крестьянское. Диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ, два стола. По стѣнамъ развѣшаны лубочныя картинки въ рамкахъ. Стеклянный шкафъ, въ которомъ красуются всѣ чайныя принадлежности. Въ углу огромный самоваръ. Два входа. Окно. При поднятіи занавѣса бурмистръ лежитъ на диванѣ. Слышится звонъ ямскаго колокольчика.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бурмистръ (*подходитъ къ окну*).

Насилу-то пріѣхалъ! А я ужъ ждалъ, ждалъ его; не чаялъ и дождаться.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бурмистръ. — Цапкинъ.

Бурмистръ.

Здравствуй, кумъ! Гдѣ это запропастился? Вѣдь я посылалъ къ тебѣ въ станъ писемъ чуть ли не дюжину.

Цапкинъ.

Не взыщи, братъ. Потребовали въ губернскій городъ, и тамъ около двухъ недѣль проморили.

Бурмистръ.

А что̀ бы такое?

Цапкинъ.

Да такъ: подняли старую исторію, сдѣлай одолженіе! Прислали изъ Петербурга новаго предсѣдателя казеннымъ крестьянамъ, да еще какого-то изъ летераторовъ.

Бурмистръ.

Изъ каковскихъ это?

Цапкинъ.

Ну вотъ знаешь изъ тѣхъ что̀ складываютъ для празднаго народа сказки, пѣсни, стишки и другіе вздоры, да и печатаютъ ихъ.

Бурмистръ.

Знаю. Самъ читаю про Ивана-Дурака, про Илью-Муромца и Соловья-Разбойника и еще иныя похожденія. Важно! Все этакъ выставлено крупной церковной азбукой, да съ размалеванными образинами. И что̀ за диковины лѣзутъ у этихъ балагуровъ изъ головы! Другому ни зашто не придумать, ей, ей!

Цапкинъ.

Голь хитра на выдумки.

Бурмистръ.

И этакого-то сказочника прислали управлять казенными? Слыхано ли дѣло!

Цапкинъ.

Самъ посуди. Ну что̀ такое летераторъ? Гаеръ, шутъ, смѣхотворъ, не лучше комедіанта какого, ну просто послѣдній человѣкъ, сдѣлай одолженіе!

Бурмистръ.

Обнаковенно. Такъ ему-то вздумалось пройти по твоимъ задамъ?

Цапкинъ.

Ему самому. Да и къ чему придрался? Къ такому дѣлу что̀ и плевка не сто́итъ.

Бурмистръ.

Нутка, разскажи пожалуста.

Цапкинъ.

Видишь ли, года два тому, нѣсколько удальцовъ, ихъ было четверо, забрались въ казенное село Тутолмино, чтобы поживиться церковнымъ добромъ. Оно, конечно, весьма неодобрительно. Святотатство, какъ гласитъ законъ; да ребята-то были знакомые люди и всегдашніе хорошіе мои плательщики.

Бурмистръ.

Смекаю; знать, выручилъ своихъ?

Цапкинъ.

Было уже далеко за полночь, когда они успѣли вломиться въ церковь. Казалось, говорятъ, не было тутъ никого. Анъ на грѣхъ усмотрѣлъ ихъ караульщикъ, и сейчасъ бѣжать къ бурмистру. Тотъ парень молодой и проворный, въ мигъ набралъ съ десятокъ мужиковъ и окружилъ церковь, такъ что дѣлать нечего. Схватили моихъ голубчиковъ, отобрали у нихъ тысячу двѣсти рублей, только что добытыхъ изъ церковной кассы, заперли ихъ въ приказную избу, разставили караулъ и сейчасъ послали за мной. Хорошо, что я былъ тогда недалеко, въ помѣщичьемъ селѣ Безводнѣ, у Ермилы Кнутова, моего пріятеля, котораго хотѣли потревожить въ туже ночь.

Бурмистръ.

Знамъ его, знамъ. Онъ нашей вѣры изъ Субботниковъ и дѣлалъ фальшивыя бумажки. Вѣдь наши-то горазды на это рукодѣлье. Любаго казначея надуютъ, ей ей!

Цапкинъ.

Да, Кнутовъ отличный рисовальщикъ. Я поскакалъ къ нему на лучшей Кирсановской тройкѣ, задушилъ ее, но слава Богу, пріѣхалъ еще во время. Лишь только хозяинъ успѣлъ зажечь свою мастерскую, чу! коло-

кольчикъ: исправникъ катитъ. Проворенъ, думаю, а все-таки опоздалъ немножко. Не угодно ли вашему высокоблагородію пожаромъ заняться, пока мы будемъ считать кредитные билетики. Ихъ было всего, Кнутовой благодарности, до трехъ тысячъ рублей серебромъ, и все новые, казенные билетики, сдѣлай одолженіе! Своими партикулярными хозяинъ не подчиваетъ друзей.

Бурмистръ.

А съ Тутолминовскими гостями какъ порѣшилъ, тово?

Цапкинъ.

А вотъ какъ. У бурмистра я взялъ церковныя деньги, удѣлилъ молодцамъ за труды двѣсти рублей, остальныя припряталъ за пазуху, а за тѣмъ и концы въ воду. Составилъ я журналъ, какъ нужно было, написалъ одно, прочиталъ другое, а такъ какъ попа на то время не было дома, я взялъ на себя трудъ, свидѣтельствовалъ и подписалъ за него. За тѣмъ, по недостатку законныхъ доказательствъ, молодцовъ моихъ выпустили на волю; Тутолминскаго бурмистра, какъ составителя ложнаго доноса, отдали въ солдаты, а мужиковъ, что̀ ему помогали, засадили въ острогъ и высѣкли плетьми за насильственное задержаніе постороннихъ, ни въ чемъ невиновныхъ людей.

Бурмистръ.

Ай да голова!

Цапкинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сказалъ тебѣ, прошло два года. Дѣло было изслѣдовано и рѣшено, на законномъ основаніи. Прежній бурмистръ сдѣлался отличнымъ фрунтовикомъ и съ помощію Божіею могъ бы дослужиться до ундеровъ; мужики высидѣли свой срокъ, получили узаконенное число ударовъ; на спинахъ выросла у нихъ, давнымъ давно, новая кожа; ну словомъ, все было какъ слѣдуетъ, въ надлежащемъ порядкѣ; и вдругъ, сдѣлай одолженіе, новый начальникъ выкапываетъ изъ архивной могилы это дрянное дѣлишко, описываетъ оное во всѣхъ подробностяхъ, съ точками и запятыми, съ началомъ и концомъ, сирѣчь не по нашему, а въ видѣ потѣшной сказки, такъ что всякому дураку понять можно; и меня требуютъ въ губернскій городъ. Каково это?

Бурмистръ (*качая головой*).

Не сдобровать же тебѣ, послѣ этого, Карпъ Трифонычъ. Вѣдь ты не о двухъ головахъ.

Цапкинъ.

Богъ милостивъ! За меня крѣпко стоитъ губернское начальство.

Бурмистръ.

Ну если тамо постоятъ за тебя, такъ ужъ ей, ей, не знаю какъ здѣся будетъ.

Цапкинъ.

А что!

Бурмистръ.

Много утекло воды въ эти двѣ недѣли. Многое стало не такъ какъ было прежде. Я уже не власть въ Отшелинѣ.

Цапкинъ.

Что̀ же случилось, сдѣлай одолженіе?

Бурмистръ.

Да то, вишь ли, что Цыгана Егорку поставили намъ въ управители.

Цапкинъ.

Ойли, чорта съ два! Вѣрно за то, что вытащилъ полковника изъ-подъ мельницы.

Бурмистръ.

Вѣстимо что за это. Какъ же намъ теперь съ Дадулинской-то шайкой? Оброку, 300 рублевъ, заплатили они тебѣ сполна, за одинъ мѣсяцъ; да и я взялъ съ нихъ кое-что товарцемъ.

Цапкинъ.

Развѣ ты не заповѣдалъ Дорокинскую рощу, гдѣ они расположились?

Бурмистръ.

Заповѣдалъ. И по дрова туда ѣздить запрещено, и пастухамъ не велѣно гонять скотину, а ужъ Дадуля-то началъ было заводить жилье тамо.

Цапкинъ.

Въ одинъ подвальный этажъ, разумѣется. Не провѣдалъ ли Егоръ о нашихъ гостяхъ?

Бурмистръ.

Онъ еще все пересматриваетъ счеты; ну да это дѣло пустяшное. Вѣдь помѣщиковъ, что̀ казну, обкрадываютъ кругомъ, а на счетахъ никого не поймашь. А вотъ какъ сегодня ли, завтра ли, Егорка-то покончитъ бумажную работу, такъ и на Дадулю пойдетъ. Переловитъ ихъ всѣхъ что́ мышей. Тогда намъ съ тобою, кумъ, будетъ плохо.

Цапкинъ.

А мнѣ что за дѣло? Откажусь отъ нихъ разбойниковъ, да и все тутъ, сдѣлай одолженіе!

Бурмистръ.

Да они-то, пріятель, отъ тебя не откажутся. Вѣдь ты бралъ съ нихъ оброкъ не даромъ; сулилъ, что ихъ не потревожатъ въ нашихъ лѣсахъ.

Цапкинъ.

Обѣщалъ, да не на бумагѣ. Какое же это обѣщаніе, и кто повѣритъ имъ мошенникамъ, да и свидѣтелей-то гдѣ возьмутъ?

Бурмистръ.

Свидѣтелей будетъ таки число не малое.

Цапкинъ.

Какіе же?

Бурмистръ.

Да всѣ наши мужики. Ужели ты полагалъ, братъ, что они про Дадулю-то и не вѣдаютъ. Какъ имъ не знать! Знали всѣ, да молчали. Насъ-де не трогаютъ, а донесемъ—пустятъ краснаго пѣтуха.

Цапкинъ.

У Русскихъ мужиковъ такова уже натура. Воровъ и бѣглыхъ скорѣе накормятъ хлѣбомъ, чѣмъ на нихъ донесутъ.

Бурмистръ.

Оно такъ, Карпъ Трифонычъ; но лишь до поры до времени, сирѣчь пока воры и бѣглые на свободѣ. А переловятъ, такъ мужикъ ужъ ихъ не боится и готовъ высказать всю подноготную. Скажутъ и то, по какую дичь ты изволишь такъ часто ходить съ ружьемъ въ Дорокинскую рощу и въ бездонный оврагъ. Вѣдь тебя, братъ, всѣ пронюхали, и всѣмъ ты любъ что шайтанъ. Чай и Егорка-то не пожалѣтъ тя.

Цапкинъ.

Да это пресквервно, сдѣлай одолженіе!

Бурмистръ.

По крайности, у тебя хоть шкура-то благородная: тройчатки не боится. А мнѣ что̀ будетъ, нука подумай.

Цапкинъ.

Подумать надо, какъ бы выпутаться изъ петли. Надо извести Зарницына.

Бурмистръ.

Егорку-то! А какъ бы ты думалъ извести его? Онъ теперь вольный человѣкъ.

Цапкинъ.

Пусть его вольный; это не помѣха. Можно написать доносецъ, подобрать свидѣтелей, свить ему гнѣздышко въ Земскомъ Судѣ, а высидѣть яички въ Уголовной Палатѣ.

Бурмистръ.

Нѣтъ, любезный; этимъ ты волка не уловишь, а самъ въ яму попадешь. Егоркинъ дѣдъ Филимонъ Абрамовъ былъ главнымъ повѣреннымъ у покойнаго барина и у теперешняго нашего хрыча. Онъ вызубрилъ всѣ законы почище твоего, братъ.

Цапкинъ.

Сдѣлай одолженіе, что̀ такое законы! Болѣе ничего какъ оглобли. Куда судья повернетъ, туда и повезутъ.

Бурмистръ.

Знамъ это и безъ тебя. Но вишь ли, оглобли-то свернутъ, какъ разъ не на твою, а на Егоркину сторону.

Цапкинъ.

Это почему?

Бурмистръ.

А за тѣмъ, что мошна-то у Филимона Абрамова чуть ли не пообъемистѣе твоей. До полутораста тысячъ цѣлковыхъ капиталу будетъ, легко сказать; а ужъ вѣстимо для внука Филимонъ ничего не пожалѣтъ.

Цапкинъ.

Ахти, чорта съ два! Ну хоть уѣздный судья мнѣ своякъ и пріятель, а при таковыхъ обстоятельствахъ онъ бы отца роднаго засудилъ..... (*подумавъ нѣсколько*). Да нельзя ли, братецъ, вотъ хоть бы этакъ.... Подговорить бы удальца, чтобы онъ чѣмъ-нибудь затронулъ Егора за живое. Вотъ, примѣрно, еслибы Жемчужину обидѣть на улицѣ.... при немъ.... этакъ неприличной ухваткой какой. Егоръ парень горячій.... ну понимаешь.... Денегъ не пожалѣемъ, разумѣется.

Бурмистръ.

Какъ не понять! Да только забылъ ты, что своя голова дороже денегъ; а тута дѣло пойдетъ ужъ не на животъ, а на смерть. Каковъ Егорка, знатъ весь народъ. Жизнь ему въ копейку, и подниматъ онъ десять пудъ однимъ пальцемъ. Поди-ка свяжись съ нимъ! Да и то сказать, всѣ любятъ проклятаго Цыгана. Онъ-же и управитель. Нѣтъ, дружище, промахнулся.

Цапкинъ.

Ну а еслибъ задобрить молодцевъ изъ Дадулиной шайки? Знаешь... такъ бы тихомолкомъ... Вѣдь Егоръ для нихъ опаснѣйшій человѣкъ.

Бурмистръ.

Потому-то и нельзя! Егоркѣ давно было извѣстно, какъ и всѣмъ, про Дадулинскихъ, что гнѣздятся они въ нашихъ трущобахъ. Одинъ баринъ ничего не зналъ. Теперича Егорка-управитель готовится напасть на шайку; такъ, видишь-ли, безъ ружья, безъ ножа за поясомъ, и безъ двухъ волкодавовъ, онъ далеко не ходитъ. А собачищи-то престрашенныя! При этакой подмогѣ, вся шайка отъ него сама разбѣжится, даромъ что ихъ съ пятнадцать будетъ. Народъ-то больно дрянёнъ и молодъ. Опричь самого Дадули, почитай что всѣ бѣглые некруты.

Цапкинъ.

Какъ же намъ быть, другъ ты мой сердечный, Иванъ Петровичъ? Лично самому дѣйствовать... сохрани меня Боже! Я православный христіанинъ и ни за что бы не рѣшился...

Бурмистръ.

А я по вашему хоть раскольникъ, да ужъ тово, на такое дѣло и подавно не искушусь. Проливать своими руками кровь человѣцкую у насъ

запрещено. Вотъ направить чужую руку. Никоновца какого-нибудь, такъ можно.

Цапкинъ.

Не могу надивиться, какъ ты успѣлъ обмануть барина. Коренной ты раскольникъ, да еще изъ Жидовской ереси; а его превосходительство увѣрены, что въ православіи ты тверже самого архіерея.

Бурмистръ.

Есть чему дивиться! Да кого же и обманывать, если не господъ? Гдѣ имъ доходить до всего въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ!

Цапкинъ.

Но сдѣлай одолженіе, время дорого. О нашемъ дѣлѣ подумай.

Бурмистръ.

Авось само собой сдѣлатся. Все перемелется, мука будетъ. Нужна лишь подмога небольшая.

Цапкинъ.

Говори, говори, братецъ!

Бурмистръ.

Слушай же. Въ господскомъ домѣ больно нездорово.

Цапкинъ.

Несчастье случилось?

Бурмистръ.

Не то что несчастье, а можетъ быть похуже. Молодой баринъ, чай видѣлъ самъ, какой онъ былъ молодецъ бравый и здоровенный. Деньщикъ его говорилъ, что другаго этакаго во всей государевой гвардіи не отыскать.

Цапкинъ.

Захворалъ что-ли?

Бурмистръ.

Не то чтобъ захилѣлъ волею Божіей, а такъ, знать, напустили на него. Весь исхудалъ, пожелтѣлъ какъ воскъ, да и слова отъ него не добьешься. Словно другой человѣкъ сталъ. Отецъ съ матерью тоскуютъ, выспрашиваютъ что̀ съ нимъ приключилось, совѣтуютъ лечиться. Невѣста крѣпко призадумалась.

Цапкинъ.

А онъ что̀?

Бурмистръ.

Да такъ, ничего, говоритъ; самъ не знаю. Лекаря къ себѣ не допускатъ. Пройдетъ, говоритъ. Какъ бы не прошло, дожидайся. Знамъ мы эти штуки.

Цапкинъ.

Какія штуки?

Бурмистръ.

Вишь-ли, однажды молодой баринъ идетъ по подгорицѣ, мимо бобыльскаго порядка, съ Егоркой Цыганомъ, и попадатся имъ на стрѣчу Онулина Шишигина; а Егорка-то и говоритъ барину: вотъ, сударь, Онулина Шишигина, здѣшняя колдунья, что̀ можетъ кажиннаго человѣка приворотить и отворотить къ кому и отъ кого угодно. Она же, говоритъ, держитъ для своихъ пріятелей корчемное вино. Тутъ баринъ выругалъ старую чертовку и погрозилъ выгнать изъ села.

Цапкинъ.

Такъ старуха, что ли испортила его?

Бурмистръ.

Кому бы еще! Обнаковенно, что она. Проворчала сквозь зубы моленіе шайтану и напустила на барина любовную тоску.

Цапкинъ.

Но какая намъ прибыль отъ этого, сдѣлай одолженіе?

Бурмистръ.

Слушай. Я таки прежде всѣхъ догадался, въ чемъ дѣло. Къ кому это приворотила Шишигина Александра Михайлыча, думаю. Всего бы легче, кажись, къ Жемчужинѣ. Ну, оно такъ и вышло.

Цапкинъ.

А вотъ это хорошо! И очень хорошо!

Бурмистръ.

Смекатъ! На первой недѣлѣ баринъ ходилъ почти каждый день къ Филимону Абрамову; но когда Егорка съ женой перешли на житье въ контору, баринъ пересталъ бывать у Филимона, и сталъ онъ бродить одинъ, весь день деньской, по лѣсамъ да по доламъ, такъ, дескать, охоты ради. Ну ужъ охота! Хоть бы воро̀ну застрѣлилъ. Подстерегалъ онъ, чай, другую пташку.

Цапкинъ.

И еще не встрѣтился съ нею?

Бурмистръ.

Нѣту; у меня много глазъ за нимъ глядятъ. Не увернется! Вчера удалось мнѣ залучить къ себѣ деньщика Никиту и поднести ему чарку. Знашь-ли, сказалъ я ему, завтра Воскресенье, и въ этотъ день наши молодицы ходятъ гулять къ громовому колодцу, возлѣ Куресиховской рощи, ну тамъ, гдѣ часовня стоитъ. Мѣсто, скажи, самое веселое, да и звѣрей много водится на Куресихѣ. Авось попадется барину дичинка по вкусу. Только скажи молъ; непремѣнно скажи, слышь-ли?

Цапкинъ.

А денщикъ-то?

Бурмистръ.

Скажу, батъ, непремѣнно скажу. Охъ ужъ эта мнѣ Жемчужина! Нука подумай, какое Господь сотворилъ пригожество, что всякъ такъ бы ей все и глядѣлъ въ глаза! Самъ знашь, какова она, кумъ. Вѣдь ты сваталъ ее.

Цапкинъ.

Сдѣлай одолженіе, ужъ лучше бы не говорить объ этомъ. Вотъ уже подлинно несчастіе! Благородный человѣкъ посватался за холопку и получилъ отказъ! Чтȯ за канальство! Еслибъ мнѣ удалось на ней жениться, не долго бы я остался становымъ приставомъ.

Бурмистръ.

Аль бы въ отставку вышелъ?

Цапкинъ.

Какъ бы не такъ, чорта съ два, въ отставку! Поѣхалъ бы служить въ Петербургъ, и поскорѣе бы другихъ вышелъ въ губернаторы. И изъ за такихъ, кумъ, чтȯ Машиной подметки не стоютъ, жаловали лентами да звѣздами. Много у насъ примѣровъ.

Бурмистръ.

А я бы ни на какое губернаторство не промѣнялъ Жемчужины. Держалъ бы ее, для себя, крѣпко на крѣпко. Ну да объ этомъ чтȯ толковать пȯпусту! Не досталась ни мнѣ, ни тебѣ, а Егоркѣ Цыгану. Пусть же Егорка и поплатится за нее. Теперь знашь-ли чтȯ, кумъ? На предбудущую радость, на вражью погибель, нехудо бы и выпить.

Цапкинъ.

Отъ добраго дѣла мы никогда не прочь. Запиваемъ и горе, и радость, и дѣло, и бездѣлье, во всякій часъ.

Бурмистръ.

Ренскаго что-ли прикажешь? Есть у меня на славу, изъ господскаго погреба, и красное, и бѣлое, Шанпанская шипучка.

Цапкинъ.

Провались все иностранное, кромѣ талеровъ да лобанчиковъ. Нѣтъ-ли у тебя своего Россійскаго... но какъ бы сказать этакъ позадушевнѣе?

Бурмистръ.

Ужъ у меня-ли не быть! Есть господскаго настоя пятилѣтняя вишневка, рябиновка и земляниковка. Чего хошь, тово и проси.

Цапкинъ.

Чтобъ не обидѣть ни ту, ни другую, ни третью, да и самого хозяина, я попрошу земляниковки, рябиновки и вишневки, сдѣлай одолженіе!

Бурмистръ.

Дѣло. Гей! ты старая чертовка, скорѣй сюда.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Прежніе.—Ѳедосья (*входитъ въ боковую дверь*).

Ѳедосья.

Чтò прикажешь, батюшка Иванъ Петровичъ?

Бурмистръ.

Наливки три графина, да той, знашь, чтò тебѣ, старой хрычевкѣ, почти ровесница.

Ѳедосья.

Какой ягоды прикажешь, сударь батюшка?

Бурмистръ.

Вишневки, рябиновки да земляниковки. Ну же, поворачивайся.

Ѳедосья.

Сейчасъ, батю́шка, сейчасъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Прежніе кромѣ **Ѳедосьи.**

Бурмистръ.

Вотъ оно ваше православіе-то! Женятъ тя лѣтъ восмнадцати на ровнѣ, да и живи съ одной весь свой вѣкъ.

Цапкинъ.

Такъ должно быть. Вѣдь мы не бусурманы, не Татары, а Русскіе.

Бурмистръ.

А по нашему, по субботническому, такъ нѣту. Вишь ли хоть бы я примѣромъ сказать. Мнѣ сорокъ лѣтъ; мужикъ я крѣпкой и здоровый; на лицѣ ни единой морщинки, на головѣ и въ бородѣ ни единаго сѣдаго волоска; еще по всему молодецъ. Ну взгляни же на мою сожительницу. Старуха, чтобы ей издохнуть; и по рожѣ старуха, и по другому прочему. Не даромъ же пословица говоритъ: сорокъ лѣтъ бабій вѣкъ. Какая же она жена? Развѣ шайтану, а не мнѣ грѣшному, прости Господи! Проживемъ мы, примѣрно, хоть двадцать лѣтъ. Съ молодой я народилъ бы, можетъ, еще съ десятокъ ребятишекъ. А теперь какой приплодъ будетъ отъ меня съ Ѳедосьей? Ну самъ посуди. Изъ этого-то и видно, что Богъ сотворилъ человѣка не для одной жены, а для сколько ему въ мочь и въ охоту придется.

Цапкинъ.

Пустое мелешь, кумъ. Жена все-таки жена, сдѣлай одолженіе! Законъ да и только.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Прежніе. — Ѳедосья (*несетъ огромный поднос съ графинами и стаканами и ставитъ на столъ*).

Ѳедосья.

Извольте, мои батюшки.

Бурмистръ.

Что̀ долго проваландалась?

Ѳедосья.

Помилуй, Иванъ Петровичъ. Въ нижній подвалъ надо было спускаться. Лѣстница крутая, а у меня̀, родимый, ноги-то уже немолодыя. Не прогнѣвайся.

Бурмистръ (*Цапкину*).

Слышь ли, и на ногахъ плоха стала. (*Ѳедосьѣ*). Ну убирайся же, старая карга! (*Ѳедосья уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Цапкинъ. — Бурмистръ.

Въ продолженіи этой сцены Цапкинъ пьетъ залпомъ, а бурмистръ только что обмакиваетъ себѣ губы. Становой пьянѣетъ постепенно, что̀ обнаруживается на его лицѣ и въ его жестахъ. Языкъ остается свободнымъ.

Цапкинъ (*наливая себѣ стаканъ*).

Твое здоровье, Иванъ Петровичъ!

Бурмистръ (*такъ же наливаетъ*).

За твое здоровье, Карпъ Трифонычъ!

Цапкинъ.

Ммм! Отличная! А я думалъ, что у васъ въ безпопо̀вщинѣ вовсе не употребляютъ.

Бурмистръ.

Хмѣльное мало въ ходу у Духоборцовъ, у Молакановъ и Перекрещенцовъ. Скопцы же и Хлысты почитай что въ ротъ не берутъ. Но въ нашей вѣрѣ совсѣмъ другое. Это, знашь, истинная вѣра.

Цапкинъ.

Да вы просто Жиды. Празднуете Субботу и не вѣрите въ Іисуса Христа.

Бурмистръ.

Ну Жиды мы тово не Жиды, а вѣримъ, что Моисей первый у Бога пророкъ. Вѣдь онъ старшій, а Іисусъ младшій.

Цапкинъ (*наливая стаканъ*).

Скотина ты эдакая! Развѣ Іисусъ Христосъ пророкъ? Онъ самый Богъ.

Бурмистръ.

До Бога ему еще далеко. Родился и умеръ какъ и всѣ; стало быть онъ человѣкъ.

Цапкинъ.

Да развѣ ты не знаешь, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ?

Бурмистръ.

Какъ бы не такъ? Кабы воскресъ, такъ ужъ тутъ показалъ бы себя Богомъ; велѣлъ бы Жидовъ наказать кнутомъ.

Цапкинъ.

Мужикъ ты невѣжа! Не знаешь, что у Жидовъ кнута не было и въ заводѣ. Кнутъ христіанское изобрѣтеніе.

Бурмистръ.

Пусть такъ; но вишь ли, пріятель, въ чемъ главное-то. По писанію, старинные люди бесѣдовали съ Богомъ, видѣли Его глазъ на глазъ, какъ Моисей; а Илья пророкъ улетѣлъ на небо въ огненной колесницѣ. Ангелъ стоялъ позади его лакеемъ, какъ и на вашихъ образахъ намалевано, и попалъ Илья еще живой въ Царствіе Небесное. Бывать ли все это теперича, ась! Стало быть, тогдашняя Моисеевская вѣра была почище вашей.

Цапкинъ.

За то у насъ теперь много чудотворныхъ иконъ.

Бурмистръ.

Нешто! Только чудесъ отъ нихъ не видать никакихъ. Отъ нихъ лишь монахамъ раздолье. Шатаются круглый годъ дармоѣды этакіе, по городамъ и по деревнямъ, блѣятъ свои акаѳисты, пьянствуютъ безпробудно, а денежки такъ и сыплются на нихъ со всѣхъ сторонъ. Ну ка подумай, за что̀ платитъ глупый народъ? Просто чудо ей, ей. Можетъ потому-то и прозвали эти образины чудотворными. То ли было во времена Моисеевы! И народъ-то жилъ по цѣлымъ сотнямъ годовъ, и женъ-то бралъ всякъ по скольку въ угодность. (*Наливая стаканъ*). Выпьемъ-ка, братъ, за старшаго пророка Божьяго, за преподобнаго Моисея.

Цапкинъ (*наливая стаканъ*),

Почему-жъ и не выпить? Вѣдь Моисей былъ истинный пророкъ и въ своихъ заповѣдяхъ хмѣльнаго не запрещаетъ. (*Пьетъ*). Какіе же у васъ посты?

Бурмистръ.

Постовъ у насъ вовсе нѣту. Что̀ хорошаго набивать себѣ брюхо сырой капустой, сушеными грибами и иной постной дрянью? Души этимъ не спасешь; развѣ только животъ испортишь. Для душевнаго спасенія надобно, чтобъ обрѣзывали младенцевъ.

Цапкинъ.

Врешь, нехристь. Одно постное спасаетъ душу; но правда твоя, что оно производитъ иногда чревобѣсіе, какъ говорятъ попы. Какая же бываетъ у васъ служба?

Бурмистръ.

Читаютъ изъ Вѣтхаго Завѣта, поютъ изъ Псалтыря; молятся не крестясь, а по праздникамъ въ трубы трубятъ. Всего лучше у насъ, что женятся на комъ хотятъ, даже на двоюродныхъ.

Цапкинъ.

А какъ вѣнчаетесь?

Бурмистръ.

Сами вѣнчамся, сами-же и разводимся, когда вздуматся (*весело*). Чай ты полагалъ, что старая-то хрычовка Ѳедосья и впрямь мнѣ супружница. Нѣтъ, братъ; она знашь только на виду, ради помѣщика и здѣшнихъ Никоновцевъ. Но у меня есть въ Орѣховкѣ другая, молодая, настоящая, сирѣчь нашей вѣры. Вотъ ужъ три года съ ней живу. Пора другой запастить. Есть уже одна и на примѣтѣ.

Цапкинъ.

Ахъ ты грѣховодникъ! Ну выпьемъ за здоровье молодой жены (*наливаетъ стаканъ*).

Бурмистръ.

Которой? Теперешней иль что̀ на примѣтѣ?

Аапкинъ.

Ну которая лучше, ту и честить.

Бурмистръ.

Вѣстимо, что новая всегда лучше бываетъ (*пьютъ*).

Цапкинъ.

Хороши вы Субботники, нечего сказать! Ну а знаешь-ли что-нибудь про Хлыстовщину?

Бурмистръ.

Какъ не знать? Вѣдь мы, сколько ни есть, въ безпоповщинѣ, разныхъ прозвищъ, изъ одного гнѣзда, почитай что родные братья. Насъ всѣхъ породила святая Поморская вѣра. Бывалъ я не разъ въ Москвѣ, на сборищахъ у Хлыстовъ. Ну ужъ есть на што посмотрѣть, скажу тебѣ. Мужики всѣ въ длинныхъ, бѣлыхъ рубахахъ; дѣвки босыя въ такихъ же саванахъ. Ходятъ кругами, топаютъ ногами, да пѣсни поютъ. Одинъ мужикъ называется Христомъ, а одна дѣвка Богородицей. Знашь, имъ всѣ и покланяются. Потомъ выступаютъ какіе-то скакуны да скакуньи. Ломаются они въ три погибели, прыгаютъ чуть не до потолка и бьютъ себя въ грудь что̀ страшно глядѣть на нихъ. Вотъ это лишь кончится, Богородица беретъ гадательную книгу царя Соломона. Всякъ подходитъ къ ней и узнаетъ что̀ съ нимъ сбудется.

Цапкинъ.

И ты подходилъ?

Бурмистръ.

Нешто! Подходилъ.

Цапкинъ.

И вѣрно тебѣ всегда выходила тройчатка да Сибирь?

Бурмистръ.

Можетъ статься. Жаль, дружище, что тебя не было тамоди. Ужъ коли царь Соломонъ посулилъ тройчатку мнѣ мужику, такъ тебя, благороднаго, наградилъ бы, мало-мальски, двумя столбами съ перекладиной.

Цапкинъ.

Выпьемъ за царя Соломона! Онъ, кажется, изъ святыхъ.

Бурмистръ.

Пожалуй (*пьютъ*).

Цапкинъ.

Чтòже еще бываетъ у Хлыстовъ?

Бурмистръ.

Бываютъ еще такія диковинки чтò и сказать нельзя. Къ концу службы приносятъ цѣлую охапку ремней крупныхъ и мелкихъ и раздаютъ всѣмъ *божіимъ людямъ*, мущинамъ крупные, а мелкіе женскому роду; кому не достанетъ, тотъ беретъ веревку, да и ну жарить другъ-друга изо всей мочи. При этомъ бѣгаютъ они и кружатся словно кубари, приговаривая послѣ кажиннаго удара: *себя хлыщу, Христа ищу*. А тотъ, знашь, сирѣчь ихній-то Христосъ, и усомъ не поведетъ. Сидитъ себѣ съ своей богородицею, да только смотритъ.

Цапкинъ.

А ихъ-то, окаянныхъ, и слѣдовало бы захлыстать до смерти.

Бурмистръ.

Вотъ ужъ какъ они этакъ больно закружатся, замаются, да захлещутся, гасятъ свѣчи, и они въ потьмахъ сходятся всѣ попарно, мущина съ женщиной. Ужъ извѣстно для какого дѣла... Такъ, кто кому попадется... Родства тутъ не разбираютъ никакого. Ей, ей не разбираютъ.

Цапкинъ.

Послѣ того, ихъ бы всѣхъ на костеръ мошенниковъ.

Бурмистръ.

Поди-ка потолкуй съ ними! Супружническое дѣло, батъ, противно Господу. Неволя, дескать. А мы-де творимъ вольную, сирѣчь настоящую *христову любовь*.

Цапкинъ.

Это такъ гадко, такъ мерзостно, даже слышать, что непремѣнно надо запить рябиновкой (*наливаетъ и пьетъ*). А Скопцовъ нѣтъ въ вашей губерніи?

Бурмистръ.

Нѣту; тѣхъ всего больше въ Питерѣ, и много разсказывалъ про нихъ Филимонъ Абрамовъ, который часто ѣздилъ туда, еще при покойномъ баринѣ. Вотъ эти-то хуже всякаго скота, прости Господи! Добро вылегчить лошадь или быка, тутъ хозяину польза; да и то сказать, что скотину-то вѣдь не спрашиваютъ. Сама бы, чай, не согласилась. А ужъ какъ человѣку на такое дѣло рѣшиться, и ума не приложу. Ну чортъ-ли въ немъ послѣ этого?

Цапкинъ.

Авось пригодится. Сдѣлаютъ изъ него битое мясо для Сатаны. Кнутъ Иванычъ отличный кухмистеръ (*смѣется*).

Бурмистръ.

Нѣтъ, кумъ, Кнуту Иванычу до нихъ далеко. Послушалъ-бы Филимона Абрамова. Лѣтъ съ двадцать пять тому, видѣлъ онъ въ Питерѣ, какъ одинъ скопецъ, богатый купчина, засѣдалъ въ купецкомъ банкѣ, съ кавалеріей на шеѣ. И прото разсказыватъ, какъ шайка скопцовъ, милліонщиковъ, промышляла воровски Сибирскимъ неклейменымъ золотомъ. Сначала, говоритъ, подняли большую тревогу, и сенаторовъ нарядили, и слѣдствіе учинили—анъ вышла трынъ-трава. Скопцы остались живы и невредимы, будто ни въ чемъ не бывало.

Цапкинъ.

Чай не дешево стало! Кабы мнѣ пришлось быть тутъ слѣдователемъ!

Бурмистръ.

Запустилъ бы лапу, сталъ бы грести золото четвериками. Вишь кусъ-то былъ не въ мѣру приказному рылу изъ Земскаго Суда. То были кусы генеральскіе, сенаторскіе!

Цапкинъ.

И даже министерскіе. Правда, правда. Мы народъ мелкій, пользуемся однѣми крохами. Чему же вѣруютъ Скопцы, сдѣлай одолженіе?

Бурмистръ.

Мало-ли чему вѣруютъ; всего не знаю. По ихнему разумѣнію, оскопленіе все ровно что искупленіе. Просто вылегчить человѣка, значитъ окрестить его *огненнымъ крещеніемъ*; а изуродовать такъ чтобъ ужъ ничего не осталось... вовсе капутъ... это выходитъ у нихъ *царская печать*.

Цапкинъ.

Уфъ, по кожѣ морозъ такъ и подираетъ. Это не люди, а сущіе діаволы!

Бурмистръ.

Нешто! Не у всякаго рука подымется на такое дѣло.

Цапкинъ.

Такъ они сами?

Бурмистръ.

Многіе отъ другихъ, а многіе и сами.

Цапкинъ.

Чѣмъ же?

Бурмистръ.

Чѣмъ попадется, иные топоромъ, иные серпомъ, иные косой.

Цапкинъ.

Помилуй Господи! И не издыхаютъ окаянные?

Бурмистръ.

Кто умиратъ, а кто и въ живыхъ остается. Филимонъ самъ видѣлъ на многихъ *царскую печать*. И старики, говоритъ, надъ собою дѣлаютъ.

Цапкинъ.

Ну а женщины какъ у нихъ?

Бурмистръ.

У Скопцовъ плохое житье бѣднымъ бабамъ. Какими ужъ словами ихъ тамо не позорятъ и не срамятъ! И грѣхъ-то всяческій, и всяческая скверна, говорятъ, отъ однѣхъ женщинъ. Чего ужъ самъ Господь лучше придумать не могъ, зовутъ эти нелюди *бездной*. Право, и грѣхъ, и смѣхъ; а *ключъ бездны* значитъ... оказія! ну знашь тово...

Цапкинъ (*встаетъ съ дивана и крѣпко пошатывается*).

Отступники, душегубцы, безтаковскіе, безсяковскіе вы уроды! Нѣтъ, это ужъ черезъ чуръ. Надо отомстить за весь прекрасный полъ, сдѣлай одолженіе! (*Наливаетъ стаканъ*). Пьемъ здоровье *бездны*! Да здравствуетъ *бездна* во вѣки вѣковъ! Кто отъ этого прочь, тотъ будетъ анаѳема-проклятъ; тотъ собака, тотъ пёсъ нечестивый!

Бурмистръ.

Аминь (*Пьютъ. На этотъ разъ бурмистръ выпиваетъ свой стаканъ до самаго дна. Цапкинъ пьетъ попеременно изъ двухъ стакановъ*).

Цапкинъ.

Теперь скажи мнѣ вотъ что̀. Ужели безпоповщина, то есть вся эта сволочь нечестивая, вѣритъ въ самомъ дѣлѣ, будто-бы тамъ разные христы и богородицы... и прочее... другое... ну про что̀ разсказывалъ?

Бурмистръ.

Всякъ вѣритъ въ свою вѣру. Иные, можетъ статься, и плохо вѣрятъ, кто ихъ знаетъ. У другаго человѣка душа что̀ тьма кромѣшная. Ничего не

разглядишь. Ну да вѣра сама по себѣ. Только, вишь-ли, опричь душевнаго спасенія, не худо пристать къ намъ и житейскаго ради.

Цапкинъ.

Сдѣлай одолженіе! Заврался кумъ. Съ раскольниковъ дерутъ вдесятеро противъ другихъ. И попы дерутъ, и мы деремъ, признаться; ну всѣ дерутъ, какъ слѣдуетъ, на законномъ основаніи. Что тутъ за выгода раскольникамъ?

Бурмистръ.

Кормимъ мы поповъ, кормимъ и вашу приказную сволочь, да еще не такихъ бы накормили, а сами бы безъ хлѣба не остались. У насъ не то чтò у православныхъ. Всѣ за одного, и одинъ за всѣхъ; вотъ оно какъ всегда водится межъ нами. Случился грѣхъ въ общинѣ, нагрянули къ намъ *черные враны*, мы выступаемъ передъ ними какъ выступали тѣ молодцы, про которыхъ разсказывается въ сказкѣ. Всѣ они, двѣнадцать человѣкъ, подобраны подъ одну стать, лице къ лицу, голосъ къ голосу, волосъ къ волосу. Нутка скажи, кто изъ нихъ Дмитрій Царевичъ? Да хоть и узнаютъ, не лиха еще бѣда. Для православнаго оно бы и подлинно бѣда. Много-ли православный мужичекъ вытащитъ изъ горемышной своей мошны? Алтынъ чтоль? Десять цѣлковыхъ чтоль? Аль ужъ сотенную бумажку? Оказія! Да и сотенной маловато бывать по такимъ дѣламъ, знашь, что не въ добрый часъ случаются. Деньги пожалуй склюютъ черные враны, да голодно имъ покажется, склюютъ-тя самого тутъ-же вмѣстѣ.—Въ нашихъ посадахъ совсѣмъ другое. Мошна-то у насъ во всю улицу, съ міру по ниткѣ, и рубашка готова. Тысенцей не жалѣмъ, послѣдней копейкой жертвуемъ, чтобъ выручить своего брата. Тогда-то *черные враны* улетаютъ, громко каркая оправданіе наше; а мы плюемъ имъ въ слѣдъ, и все по прежнему обстоитъ у насъ благополучно.

Цапкинъ.

Чтò правда, то правда; вы задобрите хоть самого сатану.

Бурмистръ.

Подумай-ка, кому сходятъ съ рукъ такія дѣла, какъ намъ раскольникамъ? Про мужиковъ нечего и говорить. А возьми ты помѣщика, хоть бы генерала съ тысячами душъ крестьянъ, чтò нашъ хрычъ, примѣрно сказать. Кто бы изъ нихъ осмѣлился хоронить мертвыхъ въ глуши, безъ отпѣванья; кто могъ бы изуродовать себя и другихъ людей такъ, что хуже смерти, и выставить на показъ, за присутственнымъ столомъ, поганую безбородую свою харю? Кто бы понадѣялся, женившись безъ попа, оставить наслѣдство дѣтямъ своимъ? Кому бы вздумалось завести, въ виду всего крещенаго міра, такое заведеньице, гдѣ бы принимали и укрывали всякаго рода бродягъ, бѣглыхъ и каторжныхъ, какъ то дѣлается въ нашихъ скитахъ; и гдѣ дѣвки, проживающія однѣ въ лѣсу, творили бы *христову любовь* со встрѣчнымъ и поперечнымъ, получая и собирая за это огромныя деньги со всѣхъ концовъ Россіи? У кого найдешь ты такія селенія, куда и

ваша земщина, исправники и становые, едва смѣютъ показать носъ свой, среди бѣла дня, и то лишь на базарной площади? А въ домъ ни за што не войдутъ. Подъ домами, знашь, тянется во весь посадъ сплошное каменное подземелье, съ отдѣломъ для каждаго хозяина, со входами и выходами, по обѣимъ сторонамъ. А чтò тама дѣлатся и скрыватся, одному Богу извѣстно.— Ну по силамъ ли все это одинокому человѣку, будь онъ хоть семи пядей во лбу? Изломали бы всякаго какъ тростинку. А насъ такъ всѣхъ не изломашь! Въ иной губерніи считаютъ насъ сотнями тысячъ, а во всей Руси милліонами. Матерія! И пукъ-то у насъ крѣпко связанъ; да и капитальные люди-то въ купечествѣ и крестьянствѣ почитай всѣ изъ нашихъ. Привольнѣе раскольниковъ никто не живетъ въ Русскомъ народѣ. Такъ вотъ она выгода-то какая, пріятель!

Цапкинъ.

Послушаешь тебя, такъ право волосы дыбомъ встаютъ (*наливаетъ стаканъ*). За кого бы выпить теперь? Ну хоть за здравіе здѣшняго помѣщика. Старикъ предобрый. До сихъ поръ онъ намъ ни въ чемъ не мѣшалъ. Вотъ сынъ, такъ, кажется, не въ него. Выпьемъ же!

Бурмистръ.

Отъ этого, любезный, прошу уволить. За здравіе *черныхъ врановъ* мы не пьемъ никогда.

Цапкинъ.

Такъ и помѣщики-то у васъ черные враны?

Бурмистръ.

А какъ бы ты думалъ! Бѣлые чтоль они? Да ихъ-то именно и чернѣе нѣтъ во всей стаѣ.

Цапкинъ.

Ну, видно, правду говорятъ, что въ еретической душѣ вашей вы не признаете никакой власти.

Бурмистръ (*съ ироніей*).

Какъ не признавать! Вѣдь признаетъ же мужикъ мою начальничью палку. Такъ и я признаю палку барина и другія палки какія есть надъ самимъ бариномъ; и будемъ мы признавать, пока своя не выростетъ потолще всѣхъ вашихъ.

Цапкинъ.

И вы думаете, что доживете до того? Когда же это будетъ?

Бурмистръ.

Когда не знаю, а сбудется. Восей слышалъ я отъ Молакановъ, что пріидетъ скоро ихъ царствіе на земли. И Скопцы поджидаютъ какого-то царя-искупителя.

Цапкинъ.

Но все же и тогда будетъ различіе между дворянами и мужиками.

Бурмистръ.

Неразумная ты голова! Да развѣ Богъ отмѣтилъ дворянъ отъ мужиковъ? Люди всѣ ровны между собою. Поставь-ка насъ съ тобой нагишомъ, кто узнатъ въ тебѣ благороднаго, а во мнѣ мужика? Во мнѣ, по крайности, увидятъ хоть человѣка, а про тебя подумаютъ скорѣе, что обезьяна. Вишь ты пригожій какой! (*смѣется*). И по душѣ-то я человѣкъ, а ты звѣрь, больше ничего. Если я грѣшу, такъ только противъ недруговъ и гонителей нашихъ, Никоновцевъ окаянныхъ; а это у насъ ни почемъ. Своихъ же я ни въ чемъ не обиждаю, а помогаю имъ чѣмъ могу. А вѣдь ты грабишь безъ разбору, дерешь шкуру и съ православныхъ, и съ раскольниковъ, съ живаго и мертваго. Кто же изъ насъ по твоему лучше?

Цапкинъ.

Ахъ ты песъ нечестивый, поганая ты Жидовская ересь! Да знаешь ли ты, что я всѣ посты наблюдаю, всѣ таки до единаго? По Середамъ и Пятницамъ скоромнаго въ ротъ не беру, посѣщаю святую церковь, когда только позволяютъ дѣла; говѣю четыре раза въ годъ, и отъ всѣхъ грѣховъ получаю разрѣшеніе. Такъ у меня ихъ много и не накопляется. И что за грѣхи, сдѣлай одолженіе! Служу какъ всѣ служатъ; беру какъ всѣ берутъ. Для чего же сама служба, если не для этого? Помѣщикъ деретъ съ крестьянъ, попъ съ прихода, купцы съ покупателей; а намъ-то чѣмъ жить прикажешь? Жалованьемъ что-ли? Да имъ цѣпной собаки не прокормишь, не токмо что жену и дѣтей. А губернское-то начальство? Съ чѣмъ прикажешь явиться къ нему на поклонъ? Съ однимъ нашимъ почтеніемъ, а? И ты, Жидовинъ, пѣтухъ ты съ курятникомъ, чортовъ подкидышъ этакой, ты жрешь мясо въ Страстную Пятницу, и смѣешь ровняться со мной, православнымъ христіаниномъ и благороднымъ человѣкомъ! Да этакой обиды и не проглотить, если не запить (*наливаетъ стаканъ и выпиваетъ*). Что за вишневка! Не въ сердцахъ было сказано, кумъ. Поцѣлуемся, душа моя!

Бурмистръ (*смѣясь*).

Цѣловаться, такъ цѣловаться, изволь! (*Обнимаются, но Цапкинъ уже не держится на ногахъ*). Пора тебѣ отдохнуть, Карпъ Трифонычъ, а мнѣ пора идти на Куресиху, посмотрѣть что̀ тамъ дѣлатся. (*Обнимаетъ Цапкина, чтобъ тотъ не упалъ и уводитъ его*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Перемѣна декораціи.

На верхнемъ концѣ оврага готическая часовня изъ небѣленаго кирпича съ блестящимъ жестянымъ крестомъ. Передъ часовней мостикъ, изъ подъ котораго проведенъ жолобъ для истока воды, падающей въ оврагъ, гдѣ она образуетъ нѣсколько маленькихъ каскадъ. По сторонамъ прелестные сельскіе виды; за часовней въ срединѣ густой лѣсъ. Полковникъ Троезерскій, въ мундирномъ сюртукѣ безъ эполетъ, спускается медленно съ пригорка, поросшаго березами. Видъ и поступь выказываютъ въ немъ душевное изнеможеніе. Лице его блѣдно и замѣтно исхудало. Ружье въ рукахъ.

Полковникъ (*одинъ*).

Любовь! А я думалъ, что ужъ давно знаю ее. Можетъ быть, я и любилъ княжну, какъ всѣ любятъ своихъ женъ, невѣстъ или любовницъ, тѣми

чувствами, которыя утѣшаютъ насъ въ семейной жизни, или просто доставляютъ наслажденіе. Но если я уже любилъ, какъ назвать то что̀ дѣлается со мной теперь? Ни мысли, ни заботы нѣтъ ужъ ни о чемъ. Передо мной одинъ только образъ, всегда и вездѣ. Онъ все манитъ меня, притягиваетъ къ себѣ неодолимо, какъ змѣиный неподвижный глазъ тянетъ бѣдную пташку съ древесной вершины въ пасть чудовища. Я видимо разрушаюсь и тѣломъ и душой. Меня гложетъ истома смертная, пожираетъ дикое неотвязное искушеніе. Да это не любовь. Ужъ не болѣзнь-ли какая? Въ простонародьи вѣрятъ, что можно распалить любовную страсть до сокрушенія ума и самой жизни, какими-то волшебными средствами. Не правда-ли это? Нѣтъ, нѣтъ; я помню, какъ съ перваго взгляда на Машу все для меня было ужъ рѣшено. Мнѣ казалось, что у меня вынимаютъ изъ груди что-то безъ чего жить нельзя, нѣтъ рѣшительно никакой возможности, что надобно умереть или возвратить себѣ потерянное, во что-бъ-то ни стало (*молчаніе*). Цѣна извѣстная! Черное преступленіе, которое я совершилъ уже мысленно и повторяю, не внимая страшному воплю совѣсти. О Господи, чѣмъ заслужилъ я такое наказаніе! Исцѣли меня и помилуй! (*крестится*). Напрасно! Онъ не услышитъ моей молитвы. Онъ знаетъ, зачѣмъ я сюда пришелъ. (*Молчитъ, посматривая на̀ ружье*).

Да, пришелъ я сюда покончить чѣмъ нибудь. Терпѣнье истощилось. Днемъ покоя нѣтъ нигдѣ; сна я боюсь, а еще болѣе пробужденья. О еслибъ мои сны были непробудны! Какъ хороши, како восхитительны они! Странно, что я все вижу себя на этомъ мѣстѣ, близъ часовни, и слышу говоръ водопада, будто человѣческій говоръ. Струя зоветъ ее тихимъ шопотомъ: Жемчужина сюда, сюда, повторяетъ капля за каплей; и вотъ, наконецъ, является она сама, невѣдомо откуда, какъ солнечный лучъ изъ за тучи. Межъ нами нѣтъ болѣе преградъ. Совѣсть молчитъ, память дремлетъ; бодрствуетъ одна любовь всесильная, неодолимая. Словъ мы не находимъ. Слова, какъ бы недосказанныя, превращаются въ жгучіе поцѣлуи, въ алчныя лобзанія. Она моя!

Такъ мнѣ снится почти каждую ночь, двѣ недѣли сряду; и каждое изъ этихъ сновидѣній уноситъ съ собой лоскутъ измученной моей жизни! Просыпаюсь, вспоминаю и проклинаю себя. Не я, несчастный, обнималъ Машу, и лежитъ она теперь въ объятіяхъ другаго (*молчаніе*).

Вотъ какія грезы замѣнили и затмили для меня всю дѣйствительность. Давно-ли еще какъ у меня былъ отецъ, благороднѣйшій изъ людей; добрая, нѣжная мать; невѣста, которая несла мнѣ въ приданое всѣ залоги семейнаго счастія: и умъ, и красоту, и сердце вѣрное, преданное мнѣ съ самаго дѣтства. Еще была у меня солдатская честь, ни чѣмъ не запятнанная, ни дѣломъ, ни помышленіемъ. Гладко и широко разстилалась предо мною дорога къ почестямъ, можетъ быть, къ славѣ. Золота я никогда не считалъ, а сорилъ имъ. И куда все это дѣвалось? Я уже не сынъ, не женихъ, не помѣщикъ, не слуга царскій; я сталъ чѣмъ-то безъимяннымъ, какимъ-то жалкимъ полудемономъ. Самъ уже достигъ того мѣста, гдѣ раздаются плачъ

и скрежетъ зубовъ, а другихъ увлечь за собой въ пламенную пропасть еще не рѣшаюсь... не могу.

И изъ чего все это, о Боже милосердый! Изъ любви къ простой крестьянкѣ, къ женѣ моего избавителя! За спасеніе жизни я готовъ отплатить ему убійствомъ; нѣтъ, во сто разъ хуже чѣмъ убійствомъ. Это не естественно, это чудовищно! Меня въ самомъ дѣлѣ испортили (*смѣется дикимъ смѣхомъ*). Ужъ не обратиться-ли мнѣ къ бабушкѣ Акулинѣ? Опомнись, безумецъ! Что тутъ за колдовство; да и какія чары, какая демонская сила могутъ сравниться съ очарованіемъ совершенной красоты, красоты ангельски-непорочной, въ которой отражается само небо, съ вѣчнымъ своимъ блаженствомъ.—Ахъ, какъ я усталъ (*ложится на травѣ. Въ эту минуту бурмистръ прокрадывается сзади межъ деревьями и теряется въ лѣсу изъ вида зрителей*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Полковникъ. — Анютка. — Парашка. — Шимка. — Дунька.— Аришка (*молодыя бабы, съ кузовомъ на плечѣ для собиранія ягодъ*).

Анютка (*дѣлаетъ барину низкій поклонъ*).

Здравствуйте, батюшка Лександръ Михайлычъ. (*Прочія бабы также кланяются полковнику, который киваетъ имъ головой и поспѣшно уходитъ въ лѣсъ*).

Дунька.

Какой спѣсивый сталъ; и побаять-то съ нами не хочетъ.

Шимка.

Да про што ему баять съ нами? Онъ вишь по управительшѣ сохнетъ.

Дунька.

Нешто! Осерчала на него баушка Окулина да и приворотила его къ Зарницыной.

Анютка.

Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слышать про эту старую чертовку Окулину. Она только народъ морочитъ. Мало-ли ты сама, дурища, поклоновъ ей творила, да холстовъ переносила, чтобъ полюбилъ-тя Егоръ Симонычъ. Анъ што взяла? Шишъ!

Аришка.

Ну такъ не шишъ, скажу вамъ, бабы. Ужъ коли язнулась баушка Окулина, такъ сдѣлатъ. Во сей, Дуняха стибрила плисовые портки у мужа, да и понесла на поклонъ колдуньѣ. А та ей говоритъ: ладно, сегодня же будетъ тебѣ полюбовный знакъ отъ управителя. Вотъ идетъ моя баба на жнитво; жать не жнетъ, сноповъ не вяжетъ, а все пучитъ глаза на Егора. Егоръ-то и замѣтилъ, да какъ хлеснетъ ее падогомъ. Ахъ ты подлячка, батъ, что не работашь! Аль на гулянье пришла? Вотъ и достался Дуняшкѣ, за плисовые портки, полюбовный знакъ отъ управителя. (*Всѣ бабы громко смѣются*).

Парашка.

Нука родима! А Дунькинъ-то мужъ и пошелъ къ знахаркѣ узнавать про свои портки.

Аришка.

А матушки!

Шимка.

Слышь!

Анютка (*смѣясь*).

Чай отыскала хрычовка?

Парашка.

Коли не отыскать! Мужикъ положилъ ей на столъ полтинникъ, и портки нашлися у него въ изголовьѣ.

Анютка (*Дунькѣ*).

Вишь куда припрятала, разумница ты моя!

Шимка (*Анюткѣ*).

Смѣйся, пострѣлъ, пока сама не попадешь Шишигиной въ лапы. Што ни говори, а кабы не она, такъ молодой баринъ-то съ нами бы побалагурилъ.

Аришка.

Нешто, такъ бы на тебя черномазую и прельстился! Сейчасъ!

Шимка.

Пусть черномазая. Къ смуглянкамъ мужики льнутъ, чтó и къ бѣлянкамъ. А вотъ къ тебѣ, знать, однѣ мухи пристаютъ. Такъ по всей рожѣ нагадили, что и плюнуть-то некуда. Не даромъ прозвали тя пеструхой.

Анютка.

Ой, дѣвушки! За што такъ обиждать Арину? И покрупнѣе мухъ на нее садились. Сидѣлъ Филька рыжій, да Мишка косой, да Спиридонъ плѣшивый, да Кузьмичъ старый служивый, да кажись и твой-то законъ Офимья, Ермолай-шишка.

Шимка.

Моему только уроду на нее и накинуться.

Аришка.

Не нужно намъ твоего добра: свое есть почище. А кабы не Жемчужина..

Анютка.

Такъ бы барина проглотила! Ахъ ты барыня, боярыня, съ поганымъ хвостомъ! Слѣпъ штоли нашъ Лёксандра-то Михайлычъ? Кажись въ оба смотритъ, а ужъ коли высмотрѣть....

Аришка.

Такъ ужъ не тебя-ли Анна Агаѳоновна?

Анютка.

Да ужъ всякъ знатъ, что по Жемчужинѣ я первая красота въ Отшелинѣ.

Аришка.

Ну первая, послѣдняя-ли ты красота, слыхать не слыхала; а вотъ что ты по всей вотчинѣ первая шлюха, такъ это ужъ всякъ знатъ доподлинно. Охтима! Чего надъ тобой не дѣлали, Анна Агаѳоновна? И вороты всѣ измазали у тебя дегтемъ, и косу-то два раза обрѣзывали, по господскому приказанію, и бьютъ тя друзья въ девять кулаковъ, кажинный праздникъ. Мужики дали тѣ кличку стриганъ, а дворовые зовутъ тя казенной. Ну полюбитъ-ли баринъ казенную?

Анютка (*равнодушно*).

Ужъ какая ни есть, казенная-ли, безотказная-ли, а все барину лучше бы полюбить меня, чѣмъ управительшу. Не изсохъ, не зачахнулъ бы, сердечный, пра!

Парашка.

Нука, родима, изъ-за чего онъ сохнетъ? Вѣдь онъ баринъ и творитъ свою волю. Послалъ бы за Жемчужиной, да и все тута.

Дуняшка.

Какъ бы не послалъ! Отпуститъ ее управитель живую?

Анютка.

Ой, дѣвушки, что за дура ты этакая Парашка! Развѣ нужно брать силой. И такъ пойдетъ. Подослалъ бы Лёксандра Михайлычъ тихонько сваху, такъ каша бы у нихъ давно сварилась.

Парашка.

Анъ нѣтутка! Маша не согласится.

Аришка.

И то не согласится, пра! Она раскольница.

Шимка.

Вотъ еще раскольница! И не думала. Она здѣсь первая богомольщица. Ни одной службы не пропускаетъ, ни заутрени, ни вечерни.

Анютка.

Ой, дѣвушки, што ей за охота! Вѣдь она не старуха какая!

Дунька.

Старухамъ не спится, такъ по неволѣ идутъ молиться Богу, отъ скуки. А насъ молодицъ, опричь праздниковъ, туда плетицей не загонишь.

Анютка.

Да будь Машка и раскольница, такъ отъ барина не откажется, небось!

Дунька.

Кто ее знатъ! Можетъ и откажется. Вишь-ли у нея мужъ-то какой! Любаго барина стоитъ.

Анютка.

Мужъ самъ по себѣ, а милый другъ самъ по себѣ. Станетъ насъ на того, и на другаго, и на третьяго. (*Смѣется*).

Аришка.

У раскольниковъ не то что̀ у насъ.

Анютка.

Святыя что-ль у нихъ бабы-то?

Аришка.

Есть много и негулящихъ.

Парашка.

Чу!

Шимка.

Слышь!

Анютка.

Ойли! Ужъ будто ни съ кѣмъ такъ вовсе и не гуляютъ? Не можетъ статься. Чай хлѣбъ ѣдятъ, што и мы грѣшныя.

Аришка.

Иныя и гуляютъ, вѣстимо не безъ того; да только изъ своей вѣры берутъ; съ чужимъ не свяжутся ни за што.

Анютка.

А мы такъ не разбирамъ. Что̀ намъ за дѣло кто во што вѣритъ. Былъ бы парень намъ по нутру.

Дунька.

За то мы православныя, а онѣ раскольницы, дуры.

Парашка.

Ну да песъ ихъ возьми! Раскудахтались бабье, словно насѣдки, а солнышко-то ужъ вона гдѣ.

Анютка.

И впрямъ низехонько спустилось. Пора по ягоды; идемъ, бабы! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Маша (*идетъ медленно съ кузовомъ*).

Ушли, наконецъ. Не хотѣлось къ нимъ пристать. Отъ ихъ рѣчей мнѣ дѣлается грустно; слезы такъ и просятся въ глаза. Не знаю, право, что̀ со мной случилось. Больна не больна, а на сердцѣ словно камень. Не слышу, что̀ со мной говорятъ, о чемъ спрашиваютъ; работа изъ рукъ валится. Придетъ мужъ, начнетъ ласкать.... и я вздрагиваю, будто что̀ кольнуло меня. И дѣдушка замѣтилъ. Часто смотритъ онъ на меня съ какимъ-то безпокойствомъ и говоритъ: молись, Маша! Я и стала молиться Небесной Ца-

рицѣ; молилась горячо, со слезами, и мнѣ кажется теперь, что Пресвятая Владычица вразумила меня на счетъ моей тоски. Добрые господа и благодѣтели наши о своемъ сынѣ горюютъ. Такъ мнѣ стало ихъ жаль, больно жаль. Да кто и не пожалѣетъ о молодомъ нашемъ баринѣ? Есть-ли на свѣтѣ лучше и добрѣе его? Какъ милостиво принялъ онъ меня простую крестьянку! Мнѣ все еще слышится его голосъ; каждое его слово осталось у меня въ памяти, что въ вѣкъ не забуду. Но что́ съ нимъ? Онъ такъ блѣденъ и унылъ! Вѣрно, у него душа болитъ, о комъ-нибудь тоскуетъ; да о комъ было бы тосковать ему? Родные при немъ; невѣста тоже, и любитъ она его; ужъ какъ любитъ, я думаю! Отъ чего же онъ такъ печаленъ, при такомъ счастіи? Желала бы узнать причину. Ужъ не полюбилъ-ли онъ другую? (*молчаніе*). Все таже мысль! (*въ испугѣ*). Нѣтъ, не правда.... не вѣрно.... не хочу!... Это все нашептываетъ мнѣ лукавый. Къ Тебѣ молю, Господи, собственною Твоею молитвой: не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго (*утирая слезы*). Теперь скорѣе въ лѣсъ, гдѣ Божіи птички поютъ. Авось веселое ихъ щебетанье и меня развеселитъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Маша.—Полковникъ (*выходитъ изъ опушки лѣса*).

Полковникъ.

Ты-ли это, Маша? Какъ долго я не видалъ тебя.

Маша (*робко*).

Здравствуйте, Александръ Михайлычъ! Чай охотиться изволите. Не смѣю задержать васъ. (*Хочетъ уйти.*)

Полковникъ (*беретъ ее за руку*).

Къ чему такъ спѣшишь? Развѣ тебѣ непріятно со мною встрѣтиться?

Маша.

Помилуйте; я только побоялась задержать васъ.

Полковникъ.

Ты сказала неправду. Не этого могла ты опасаться. Признайся!

Маша (*смущенная*).

Я, сударь....; я такъ только сказала.

Полковникъ.

Не подумавши. Да, въ самомъ дѣлѣ, Машенька, для чего тебѣ обо мнѣ и думать?

Маша.

За какую же неблагодарную тварь вы меня принимаете? Могла-ли я забыть благодѣтеля нашего семейства? Всякій день я молюсь за васъ, да возвратитъ вамъ Господь здравіе и спокойствіе.

Полковникъ.

Такъ ты слышала, что я нездоровъ?

Маша.

Слышала и горевала о томъ, какъ и всѣ въ Отшелинѣ.

Полковникъ.

Лучше посмотри на меня, Маша. Смотри-же! (*Маша робко поднимаетъ на него глаза*). Таковъ-ли я былъ, въ день перваго нашего свиданья?

Маша (*дрожащимъ голосомъ*).

Ахъ, Александръ Михайлычъ, вы страшно перемѣнились!

Полковникъ.

А знаешь-ли, отъ чего?

Маша.

Почему мнѣ знать! (*хочетъ освободить руку*). Прощайте; мнѣ въ лѣсъ пора. Тамъ ждутъ меня подруги.

Полковникъ (*удерживая ее*).

Маша, Маша, одну еще минуту. Прошу тебя! Скоро мы съ тобой разстанемся; ты меня больше не увидишь (*оставляя ея руку*). Впрочемъ иди, если тебѣ угодно.

Маша.

Вы уѣзжаете, Александръ Михайлычъ, куда же это? А мнѣ говорили, что въ Александровъ день ваша свадьба.

Полковникъ.

Можетъ быть и прежде; только невѣста будетъ не та что ты думаешь.

Маша.

Какъ, не княжна Вѣра Алексѣевна?

Полковникъ.

Нѣтъ, не она.

Маша.

Кто-же?

Полковникъ.

Мать сыра-земля.

Маша.

Умилосердитесь! За что пугаете вы меня такъ безжалостно?

Полковникъ.

Я не думалъ тебя пугать; я говорю правду. Сама видишь, какъ быстро я разрушаюсь. Мнѣ давно хотѣлось встрѣтить тебя и сказать тебѣ, тебѣ одной, почему я долженъ умереть.

Маша.

Ахъ, не говорите, баринъ, не говорите. Умоляю васъ Господомъ Богомъ, не говорите!

Полковникъ.

Стало быть ты знаешь; такъ мнѣ и говорить нечего. Прощай!

Маша (*удерживая его*).

Опомнитесь, Александръ Михайлычъ; не губите себя; вѣдь это грѣхъ, страшный грѣхъ. У васъ есть отецъ и мать. У васъ невѣста, которая во сто разъ лучше меня. Что̀ я такое? Глупая, необразованная крестьянка. Но если вы меня хоть немного... если вы не презираете меня, умоляю васъ всѣмъ что̀ только для васъ дорого и свято, успокойтесь.... забудьте.... женитесь на княжнѣ.

Полковникъ.

Знала бы ты, Маша, что̀ такое любовь, не стала бы просить меня напрасно. Любовь не слушается ни разсудка, ни совѣсти; одной себѣ повинуется она безусловно, а всему прочему повелѣваетъ какъ смертный часъ. Ужели ты думаешь, что я забылъ родителей, и долгъ христіанскій, и то, что мужъ твой избавилъ меня отъ смерти? Все это помню, Маша; а жизнь все таки улетаетъ!

Маша (*внѣ себя*).

Если такъ, баринъ, скажу вамъ еще одно послѣднее. Умрете вы, такъ совѣсть меня замучитъ. Я не переживу васъ, а вмѣстѣ со мной вы убьете и того, кому обязаны спасеніемъ жизни.

Полковникъ (*съ восторгомъ*).

Что̀ я слышу! До того-ли жалѣешь меня, радость ты души моей, безцѣнная моя Машенька! (*Прижимаетъ ее къ груди и страстно цѣлуетъ*).

Маша (*въ изнеможеніи*).

Владычица небесъ, спаси меня! О баринъ, баринъ! Въ тебѣ нѣтъ капли жалости! Дашь ты отвѣтъ за меня Богу.... Я умираю.

Полковникъ (*поддерживая ее*).

Успокойся, Маша; прости первую и послѣднюю мою вину передъ тобой. Развѣ ты думаешь, что я злодѣй, что я въ состояніи погубить тебя, разлучить съ избраннымъ тобою мужемъ, тебя, за которую я готовъ отдать все: и жизнь, и честь, и душу (*показывая на ружье*). Хочешь-ли, я сей часъ, однимъ ударомъ, избавлю тебя отъ опасенія, а себя отъ дальнѣйшихъ мукъ?

Маша (*вырывая у него ружье*).

Самоубійствомъ? Ахъ, баринъ, да развѣ ты этимъ избавишься? Развѣ не перейдешь изъ мукъ временныхъ въ муку вѣчную? (*забываясь*). Ахъ, лучше еслибъ ты былъ въ самомъ дѣлѣ злой человѣкъ. Поступилъ бы со мной какъ съ презрѣнной рабыней. Я бы погибла, но сохранивъ въ сердцѣ законъ и вѣрность мужу, а ты бы остался живъ и здоровъ. Отецъ и мать твои не оплакивали бы своего сиротства, предъ близкой уже могилой; знаменитый вашъ родъ не лишился бы послѣдняго потомка своего, и глаза народа долго, долго смотрѣли бы еще на тебя съ любовью и восхищеніемъ,

какъ я злополучная на тебя смотрѣла. Пропала бы лишь одна незамѣтная тварь, бѣдная крестьянка!

Полковникъ (*бросается къ ея ногамъ и обвиваетъ ея станъ*).

Маша! Маша! Такъ ты любишь меня! Это признаніе вознаграждаетъ меня за все. Теперь умереть будетъ легче. Чего мнѣ болѣе требовать отъ жизни и отъ самой вѣчности? (*берется за ружье*).

Маша (*въ изступленіи*).

Нѣтъ, ты не умрешь! Не стою я такой жертвы. Теперь я понимаю все. Я не люблю мужа и никогда его не любила. Я преступница; а давно уже прелюбодѣйка! Обо мнѣ нечего тужить. Я твоя, баринъ! (*Бросается полковнику на шею и покрываетъ его лице и грудь страстными лобзаніями*).

Полковникъ (*крѣпко прижимая ее къ сердцу*).

И я твой, Маша! Твой до гробовой доски, твой до страшнаго допроса, передъ судомъ Божіимъ! (*Уходятъ въ лѣсъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Бурмистръ (*выползаетъ изъ-за кустарника*).

Дѣло! Тебѣ-ли поблагодарствовать, преподобный Моисей, или кому другому? Не знашь, кто тутъ помогъ. Чуть-ли не другой-то. У меня такъ всю внутренность и пережгло, будто огнемъ геенны, что̀ приготовлена для христіанъ. Казалось мнѣ, я волкомъ сталъ. Чуствовалъ, какъ зубы обвостриваются и когти выростаютъ. Такъ вотъ и хотѣлось на нихъ броситься, да растерзать въ мелкіе куски, да полизать ихъ крови. Добро! Теперь на ихней улицѣ праздникъ. (*Скрежещетъ зубами*) Да скоро и наша очередь придетъ. Поплатится съ бурмистромъ Егорка-Цыганъ и барщенокъ-молокососъ, который поставилъ его надо мной, а самому Егоркѣ ставитъ теперь рога. По дѣламъ вору и мука! Шайтанъ велѣлъ ему вытащить изъ-подъ колеса проклятое барское отродье! А ты, сизокрылая моя голубушка, Жемчужина дорогая, не хотѣлось-тѣ поворковать со мной: такъ запищишь теперь подъ клювомъ чернаго своего коршуна. Вытянетъ онъ изъ тебя всѣ жилки; высосетъ по капелькамъ алую кровь твою, разорветъ тебѣ пополамъ лукавое, измѣнническое сердце и проглотитъ его. Поминай красу дивную, ненаглядную! Не уцѣлѣть и тебѣ, сѣдой грѣховодникъ, гордецъ ненавистный, Филимонъ Абрамовъ. Научу я тя, какъ кланяться бурмистру. Поклонишься ему, да такъ низко, что ужъ и головы не поднять. Не станетъ барщенка, не станетъ Егорки, не станетъ пустосвята. За то у бурмистра Ивана Петрова будетъ пиръ на весь міръ. Милости просимъ, господа честные, люди добрые! Ха! ха! ха! ха!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПРОИСХОДИТЪ 26-го ІЮЛЯ. УТРО.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Внутренность круглой бесѣдки, на столбахъ, въ господскомъ саду. Нѣтъ ни дверей, ни оконъ. За колоннами виднѣются цвѣточныя клумбы и лимонныя деревья въ кадкахъ. Позади бесѣдки тянется извилистая дорожка.

Егоръ (*входя въ бесѣдку*).

Господа еще не встали. Подожду здѣсь. Ахъ, зачѣмъ навязалъ мнѣ дѣдушка управительскую эту должность! Поѣзжай теперь въ городъ, а жена больна. Что это, Господи, съ ней сдѣлалось? Вчера утромъ была здоровехонька, моя голубушка; пошла въ лѣсъ за ягодами, долго тамъ пробродила и воротилась такая усталая, такая изнеможенная, что тутъ же въ постель слегла. На вопросы мои не отвѣчаетъ, и глядѣть-то ни на кого не хочетъ. Оставьте-де меня, оставьте ради Бога. Мнѣ нуженъ одинъ покой. Скоро пройдетъ. Хотѣлъ послать за Карломъ Иванычемъ. Такъ нѣтъ. Каково-же мнѣ теперь ѣхать!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Егоръ.—Ѳедька (*прокрадывается мимо бесѣдки*).

Егоръ.

Гей, ты пострѣленокъ! Какъ сюда зашелъ?

Ѳедька (*испуганный*).

Да такъ Егоръ Симонычъ; погулять захотѣлось здѣся. Калитка отперта. Сами посмотрите!

Егоръ (*вынимая у него платокъ изъ-за пазухи*).

А это что̀? Стибрилъ, воришка? Платокъ-то знать господскій. (*Беретъ его за воротъ*). Вотъ сейчасъ баньку для тебя затопимъ на конюшнѣ, да свѣжимъ вѣничкомъ попаримъ.

Ѳедька.

Помилуй, батюшка Егоръ Симонычъ. Платокъ-то я не стибрилъ, а нашелъ. Онъ Александра Михайлыча. Я и хотѣлъ ему отнести теперича. Авось, молъ, баринъ дастъ на пряники.

Егоръ.

Гдѣ же ты его нашелъ? Говори правду, бестія. Вѣдь я узна̀ю отъ барина, гдѣ онъ охотился вчера.

Ѳедька.

Всю правду скажу. Нашелъ я платокъ въ Некрасовскомъ оврагѣ, на Сидоркиномъ пчельникѣ, возлѣ избушки.

Егоръ.

Въ какую пору?

Ѳедька.

Да какъ-те сказать. Не то что днемъ, не то что вечеромъ, не то что ночью; да ужъ и позабылъ—пра!

Егоръ (*теребитъ его за ухо*).

Нука, не вспомнишь ли?

Ѳедька.

Ой, ой, ой! Вспомнилъ, сударикъ ты мой, вспомнилъ. Было тово какъ первые кочеты прокричали.

Егоръ.

Такъ поздно! Почему же ты знаешь, что платокъ Александра Михайлыча?

Ѳедька.

Какъ не знать; самъ его видѣлъ, какъ онъ потерялъ.

Егоръ.

Въ Некрасовскомъ оврагѣ?

Ѳедька.

Нешто, въ оврагѣ.

Егоръ (*хватаетъ его за ухо*).

Барина ты видѣлъ въ глухую полночь, около Сидоркина пчельника, куда и днемъ едва попадешь!

Ѳедька.

Хоть оба оторви, а видѣлъ его, Егоръ Симонычъ; видитъ Богъ, что видѣлъ; своими глазами, ей, ей!

Егоръ.

Что жъ ему было тамъ дѣлать, въ такой часъ?

Ѳедька.

Энтаго не знамъ. А коли хошь, разскажу какъ было.

Егоръ.

Говори!

Ѳедька.

Сперва баринъ-то долго расхаживалъ по оврагу да оглядывался на всѣ стороны. Словно, чего искалъ.

Егоръ.

Вѣрно, платка.

Ѳедька.

Нѣту. Платокъ-то, вишь ли, онъ потерялъ послѣ. Вотъ онъ все ходитъ да ходитъ, да ищетъ, пока не наткнулся на избушку что̀ возлѣ пчельника. Тутъ онъ сказалъ, знашь такъ про себя: Дубъ, кленъ и береза рядомъ, за ними избушка. Да точно, то самое мѣсто, которое она мнѣ назначила. Ошибиться нельзя. Завтра, батъ. Ахъ какъ далеко еще до завтра!

Егоръ (*улыбаясь*).

Вотъ что̀! Ай-да баринъ!

Ѳедька.

Какой же онъ безстрашный! Вошелъ въ избушку не кстясь и долго просидѣлъ тамади. Ужъ не медку ли ему захотѣлось, пра! А вотъ какъ вышелъ, у него платокъ-то и вывалился.

Егоръ.

А ты самъ, пострѣлъ, какъ очутился *тама́ди* въ полночь?

Ѳедька (*заминаясь*).

Я-то. Я такъ, вишь, по ягоды ходилъ.

Егоръ (*деретъ его за ухо*).

Врешь, врешь, не по ягоды.

Ѳедька.

Ой больно! Виноватъ, сударикъ мой. Скажу тѣ все, какъ передъ Богомъ. Медку лизнуть захотѣлось, что̀ и барину.

Егоръ.

И не медку захотѣлось; врешь, бестія. А хоронили вы вчера Данилу Ѳокина, котораго родные объявили пропавшимъ. Ты же, воровское сѣмя, хоть и изъ православныхъ, помогалъ Молоканамъ. Знаемъ мы тебя! Куда чортъ ни закинетъ неводъ, тамъ и на твою долю рыбка придется (*деретъ его*).

Ѳедька.

Придется, отецъ ты мой; ужъ знама, что придется.

Егоръ (*беретъ у него платокъ*).

Убирайся же отсюда; да берегись, чтобы въ другой разъ не попасть управителю въ руки. (*Ѳедька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Егоръ (*весело*).

Такъ вотъ отъ чего молодой нашъ баринъ такъ исхудалъ! Съ Венгерцами, знать, легче ему было справляться, чѣмъ съ здѣшними бабами.

Да, у насъ застрѣльщицъ видимо не видимо; и всѣ онѣ народъ боевой, отчаянный; хоть кого одолѣютъ. Ахъ вы господа, господа! Ну долго ли было Александру Михайлычу подождать до свадьбы? Не выдержалъ! Однако надобно провѣдать, кто ему назначаетъ свиданія на Сидоркиномъ пчельникѣ. Пчелъ ужъ тамъ нѣтъ, мѣсто глухое; а если баринъ связался съ какой нибудь раскольницей изъ безпоповщины, такъ и опасно. Мой долгъ охранять господъ. Любопытно узнать, какая это?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Егоръ.—Бурмистръ (*услыхавъ послѣднія слова Егора, про себя*).

Скоро узнашь, пріятель. (*Вслухъ*). Слышалъ я, Егоръ Симонычъ, что ты въ городъ изволишь отправляться.

Егоръ.

Да, ѣду сейчасъ; жду послѣднихъ приказаній отъ его превосходительства.

Бурмистръ.

А на счетъ жнитва-то, какъ мнѣ прикажешь?

Егоръ.

Продолжать, какъ я началъ; то-есть уроками. На сильныя десятины ставить по 15 жнецовъ, на среднія по 12, а на слабыя въ запольѣ, по восьми.

Бурмистръ.

Слушаю. Да этакъ-то, вишь, народъ больно скоро отшабашиватъ. Въ часъ пополудни, такъ вся барщина, безъ мала, и кончена.

Егоръ.

Тѣмъ лучше. Что́ у васъ былъ сперва за порядокъ? Сгоните мужиковъ съ ранняго утра, промучите до самаго заката, а выжнутъ, разумѣется, мало; потому что, какъ ни старайся народъ, а его до ночи не отпустятъ. Сверхъ того крестьянамъ не давали дней, пока господскій хлѣбъ весь не выжнутъ. Что жъ изъ этого выходило? Иногда крестьянскія полосы стояли несжатыя до самаго Покрова. Зерна̀ въ колосьяхъ не оставалось и половины. Сѣяли будто для вѣтра и для птицъ, а не для людей. Теперь, напротивъ, мужикъ старается на барщинѣ изо всѣхъ силъ. Не нужна ему ваша начальническая палка. Коль скоро покончилъ свой урокъ, маршъ шабашъ, ступай на свою полосу. Я хочу и непремѣнно сдѣлаю такъ, чтобъ крестьянская уборка не отставала ни на шагъ отъ господской, чтобы все начиналось и кончалось вмѣстѣ. Помѣщикъ отъ этого ничего не потеряетъ, а мужикамъ будетъ посытнѣе прежняго.

Бурмистръ.

Такъ-съ, такъ-съ, Егоръ Симонычъ (*молчитъ и почесываетъ затылокъ*).

Егоръ (*смотря на него*).

Что еще?

Бурмистръ (*продолжая чесать затылокъ*).

Хотѣлось бы сказать-те два-три словечка, да какъ-то смѣлость не беретъ.

Егоръ.

Почему не беретъ? Ты обязанъ докладывать мнѣ обо всемъ что въ вотчинѣ ни случится.

Бурмистръ.

Да мало ли чего не случатся, Егоръ Симонычъ.

Егоръ (*вспыльчиво*).

Довольно. Говори безъ обиняковъ. Приказываю тебѣ.

Бурмистръ.

Коли приказывашь, дѣлать нече: скажу. Да вотъ какъ бы это сказать, Егоръ Симонычъ, не знаю. Пра, не знаю.

Егоръ.

Ты выводишь меня изъ терпѣнія; говори сейчасъ.

Бурмистръ.

Ты все почиталъ меня своимъ недругомъ, Егоръ Симонычъ. А вотъ теперь могу доказать, что не недругъ, а другъ я тебѣ. Только не знаю, какъ вымолвить. Ты, вишь, такой горячій.

Егоръ (*хватаетъ его за кафтанъ и тащитъ вонъ изъ бесѣдки*).

Пусть же баринъ развяжетъ тебѣ языкъ. Идемъ къ нему.

Бурмистръ.

Погоди. Скажу, такъ и быть. Тебя жена обманыватъ, Егоръ Симонычъ.

Егоръ (*однимъ быстрымъ движеніемъ руки, державшей бурмистра, повергаетъ его на колѣни*).

Разбойникъ! Какъ поворотился нечестивый твой языкъ, чтобы вымолвить такое слово? И ты думаешь, я повѣрю тебѣ! Развѣ я не знаю, какъ ты оскорблялъ мою жену мерзостными своими рѣчами? А теперь обвиняешь ее! Ну, если жизнь тебѣ надоѣла, такъ околѣвай же собака! (*беретъ его за горло и начинаетъ душить*).

Бурмистръ (*едва внятнымъ голосомъ*).

Этакъ.... черезъ минуту.... меня не станетъ. Ничего не узнашь. (*Вдругъ Егоръ выпускаетъ бурмистра. Руки его, какъ и все тѣло, подвергаются сильному трясенію*).

Бурмистръ (*про себя съ кашлемъ*).

Слава те Господи. Знать, повѣрилъ.

Егоръ (*про себя*).

Платокъ! Свиданіе полковнику.... ея болѣзнь! Душа разстается у меня съ тѣломъ. Всесильный Боже, подкрѣпи меня! Умирать еще рано. (*Продолжительное молчаніе. Потомъ вслухъ бурмистру*). Можешь ли доказать?

Бурмистръ.

Дай сроку денекъ или два, докажу; а теперь, если хошь, скажу что̀ самъ видѣлъ.

Егоръ.

Ты видѣлъ.... съ кѣмъ? Говори.

Бурмистръ.

Только ужъ, Егоръ Симонычъ, чуръ не душить меня. (*Кашляетъ*). И то совсѣмъ охрипъ.

Егоръ.

Не бойся.

Бурмистръ.

Вчера былъ воскресный день. Наши молодцы ушли, почитай всѣ, на Куресиху, по ягоды. Вотъ и мнѣ прогуляться вздумалось. Иду я къ часовнѣ, не прямой дорогой, а, знашь, изгибомъ, по лѣсу вдоль опушки. День былъ жаркій такой. Хочу спуститься къ колодцу, чтобъ испить; анъ глядь Жемчужина, сирѣчь твоя-то Марья Павловна, стоитъ у часовни съ мущиной.

Егоръ.

Кто же это былъ, кто?

Бурмистръ.

Александръ Михайлычъ.

Егоръ (*про себя*).

Такъ и есть! Еще на однѣ сутки оставь меня въ живыхъ, Господи! (*Вслухъ*). Дальше.

Бурмистръ.

Тутъ мнѣ пришло опасеніе, какъ бы надъ тобой не подшутили, Егоръ Симонычъ! Не дамъ, молъ, своего начальника въ обиду. Вотъ я легъ на брюхо, да и подползъ къ нимъ, такъ, знашь, чтобы рѣчи ихъ услыхать.

Егоръ.

Что же разслышалъ?

Бурмистръ.

Лгать не хочу, а пересказать всего не могу что̀ они говорили. Понятно было то, что они другъ друга больно любили, и впервыя еще сошлись.

Егоръ.

Потомъ?

Бурмистръ.

Потомъ, баринъ взялъ Марью Павловну, да крѣпко сталъ цѣловать ее.

Егоръ.

А она?

Бурмистръ.

Она такъ вся и помертвѣла, и ноги, вишь ты, подкосились. Упала бы, кабы баринъ не поддержалъ.

Егоръ.

Ну, что еще?

Бурмистръ.

Много еще говорили, но тута я уже ничего не разобралъ.

Егоръ.

Дальше, дальше.

Бурмистръ.

Вдругъ.... только не надрывайся ужъ черезъ чуръ, батюшка Егоръ Симонычъ.

Егоръ (*хватая себя за грудь*).

Дорѣзывай, палачъ; чего боишься?

Бурмистръ.

Вдругъ баринъ хватается за ружье, а Марья-то Павловна вырываетъ у него, да какъ бросится ему на шею, да говоритъ: Я твоя, баринъ! И ужъ какъ она къ нему ласкалась!

Егоръ.

Поклянись, Жидъ, что она это сказала.

Бурмистръ.

Богъ у насъ одинъ. Такъ не дай Господь умереть мнѣ какъ человѣку: пусть издохну какъ песъ, если она этого не сказала. Я твоя, дескать, баринъ! Потомъ они ушли въ лѣсъ.

Егоръ (*шатается и хватаетъ бурмистра за кафтанъ, чтобъ не упасть. Молчаніе*).

Чтò у тебя за пазухой? Вѣрно фляга съ виномъ.

Бурмистръ.

Рече грѣха таить. Сегодня жнутъ въ запольѣ, далеко.... Такъ я вишь съ запасомъ.

Егоръ.

Дай мнѣ выпить.

Бурмистръ (*вынимая фляжку*).

Изволь, Егоръ Симонычъ. Ты, слышь, никогда не употреблялъ?

Егоръ.

Нѣтъ еще (*пьетъ много и жадно. Молчаніе*). Теперь какъ-то легче стало.

Бурмистръ.

Вѣстимо, что ужъ эта утѣшница отъ всякаго житейскаго горя. Напрасно брезгалъ ты Ванькой Елкинымъ: онъ лучше бы наставилъ тя чѣмъ твой старикъ.

Егоръ (*про себя*).

Богъ услышалъ меня, подкрѣпилъ мои силы и разумъ просвѣтилъ (*вслухъ*). Ну, Иванъ Петровъ, выслушалъ я весь твой вздоръ и, правду сказать, ты перепугалъ было меня не на шутку. Слава Богу, теперь опомнился, и скажу тебѣ, пріятель, что пикни ты еще одно слово про мою жену, такъ я скую тебя въ кандалы и сошлю въ Сибирь, на поселеніе. Михаилъ Борисычъ вступится, если не за меня, такъ ужъ вѣрно за своего сына. Прощаю тебѣ въ первый и послѣдній разъ. Слышишь-ли? (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Бурмистръ (*одинъ*).

Слышимъ, да плохо вѣримъ. Не перехитрить тебѣ насъ, Цыганъ черномазый! (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Полковникъ (*входитъ, держа записку*).

Для чего княжна назначаетъ мнѣ свиданіе здѣсь? Для чего, хорошъ вопросъ! Ну, лгать самому себѣ еще не бѣда, но лгать отцу, матери, невѣстѣ, лгать передъ всѣми, какъ я долженъ теперь!.... Видно, что темная сила благодарна. За преступленіе она, сей часъ, награждаетъ меня порокомъ, котораго я болѣе всего гнушался, самымъ подлымъ, лакейскимъ порокомъ. Но что̀ мнѣ солгать ей? Чѣмъ оправдать внезапный мой отъѣздъ? Она догадается непремѣнно, потому что, за исключеніемъ правды, все будетъ глупо и невѣроятно въ высшей степени. Отдалъ бы полжизни, чтобъ избавиться отъ этого объясненія. Но вотъ идетъ она; у меня холодный потъ выступаетъ. Чувствую теперь, каково должно быть трусу, идущему на батарею.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Полковникъ. — Княжна.

Княжна.

Извините, если моя записка помѣшала, можетъ быть, любимымъ вашимъ занятіямъ. Вы всегда такъ рано отправляетесь на охоту. Что-жъ дѣлать? Вы сами конечно понимаете необходимость объясненія между нами.

Полковникъ.

Да, я чувствую, княжна, сколько я долженъ казаться виноватымъ передъ вами. Но если узнаете причину....

Княжна.

Оправданіе ваше, Александръ, не требуетъ словъ. Оно ясно изображается въ вашихъ чертахъ. Вы сильно страдаете.

Полковникъ.

Я точно страдаю.... потому что мнѣ предстоитъ скорая разлука съ вами.... съ родителями.

Княжна.

Почему?

Полковникъ.

Все какъ-то недоставало духу, чтобъ извѣстить васъ объ этомъ. Но теперь должно. Послѣ завтра я уѣзжаю въ Петербургъ.

Княжна (*про себя*).

Боже мой, до того уже дошло. Онъ ее увозитъ. (*Вслухъ*). Такъ скоро! Причина, безъ сомнѣнія, очень важная....

Полковникъ.

Точно. На другой день моего пріѣзда сюда, я получилъ письмо отъ одного друга, которому я далъ слово, что, въ извѣстномъ случаѣ, я буду съ нимъ, не взирая ни на какія обстоятельства, ни на какія препятствія. Узналъ я черезъ это письмо, что роковая минута, требующая моего присутствія въ Петербургѣ, наступаетъ 2-го или 3-го Августа. Слѣдовательно медлить нельзя.

Княжна.

Видно вы недавно еще занимаетесь свѣтскимъ искусствомъ, въ которомъ, до сихъ поръ, вы были такой новичекъ. Положимъ, что ваша выдумка и не дурна сама по себѣ; но вамъ, какъ музыканту, не слѣдовало забывать, *que c'est le ton qui fait la musique*. Видите-ли! Страстный женихъ объясняетъ невѣстѣ причину жестокой своей горести. День свадьбы назначенъ; а онъ, несчастный, долженъ разстаться съ ней, Богъ знаетъ на какое время. Между тѣмъ, невѣстѣ слышится: Ахъ, ангелъ мой, какъ бы поскорѣе отъ тебя уѣхать.

Полковникъ.

Помилуйте! Чтожъ вы хотите этимъ сказать?

Княжна.

Вашими чувствами вы могли располагать, какъ вамъ было угодно; но, кажется, я не давала вамъ права считать меня глупѣе, чѣмъ можетъ быть женщина, и сдѣлать мнѣ теперь вопросъ, доказывающій лишь собственную вашу наивность. Что я хочу сказать? *Mais c'est charmant*!

Полковникъ.

А понимаю! Я, вѣрно, въ кого нибудь влюбился. Желалъ бы только знать, въ кого, исключая васъ, княжна, можно влюбиться здѣсь въ Отшельнѣ. Ужъ не въ одну ли изъ вашихъ горничныхъ?

Княжна.

Pourquoi pas! У меня были очень хорошенькія субретки; вотъ напримѣръ одна Маша, съ какимъ-то прозвищемъ, забыла. Жаль, что ее отдали за крестьянина. Она могла-бы понравиться вамъ.

Полковникъ (*вспыльчиво*).

Эта, кажется, служила вамъ компаньонкой, а не горничной.

Княжна.

Однако, она дѣлала мнѣ честь причесывать и одѣвать меня.

Полковникъ (*забываясь*).

Вы сами, княжна, сдѣлали себѣ величайшую честь или, лучше сказать, отдали себѣ полную справедливость, выбравъ такую горничную. Немногія барышни на это бы рѣшились.

Княжна (*съ принужденнымъ смѣхомъ*).

Vraiment! Тѣмъ скорѣе, я думаю, рѣшился бы взять ее въ услуженіе какой нибудь молодой полковникъ. Ловушки я вамъ не ставила. *Et pourtant, vous voilà pris* (*бросаетъ на него пристальный взглядъ*). Но шутки въ сторону. Вы были очень больны, пока жили съ нами. Теперь, передъ отъѣздомъ, вамъ, кажется, гораздо лучше (*съ особеннымъ выраженіемъ*). Радуюсь отъ души и поздравляю васъ съ исцѣлѣніемъ.

Полковникъ (*внѣ себя*).

Не знаю, какъ принять ваши слова... Но если въ нихъ заключается оскорбительный смыслъ для чести невинной женщины, будь эта женщина хоть ваша горничная, хоть крестьянка, то позвольте вамъ сказать, княжна, что такое нападеніе трудно согласить съ благородствомъ вашего характера, даже съ вашимъ умомъ... что это непростительно... что это верхъ несправедливости...

Княжна.

Нельзя слушать васъ безъ жалости, любезный Александръ. Ребенокъ, желая скрыть свою тайну, не могъ бы измѣнить ей съ бо́льшею наивностію и простотою. На чью честь нападаютъ, и кто нападаетъ, спрашиваю васъ? Вы храбрый воинъ, но, ей Богу, самый плохой дипломатъ, какого мнѣ только случилось видѣть.

Полковникъ (*рѣшительно*).

Послѣ этого, сударыня....

Княжна (*со слезами въ голосѣ*).

Остановитесь и выслушайте меня. Я воспитана въ вашемъ домѣ; привязанность моя къ вамъ началась съ самаго дѣтства и развивалась сво-

бодно, потому что Михайлу Борисычу угодно было назначить меня въ подруги вашей жизни, чему вы, кажется, сами не противились, Александръ. Увѣренная такимъ образомъ и въ вашей любви, я всегда старалась быть ея достойной и сердцемъ и всѣми поступками моими. Совѣсть говоритъ мнѣ, что въ этомъ я успѣла. Надѣюсь, что и ваша совѣсть не допуститъ никакихъ обвиненій противъ меня. Теперь между нами, все кончено. Мы не можемъ принадлежать другъ другу; но, разставаясь съ прежней невѣстой, вспомните, Александръ, что вы мущина и герой, а я слабая дѣвушка. Пощадите женское мое самолюбіе; будьте великодушны: предоставьте мнѣ печальную честь отказа. Этимъ вы сами избавитесь отъ всякихъ непріятныхъ объясненій съ вашими родителями. И такъ, полковникъ, я беру данное вамъ слово назадъ и клянусь Богомъ не быть никогда вашей женой (*заливается слезами и закрываетъ глаза платкомъ*).

Полковникъ (*глубоко тронутый*).

Вы уничтожаете меня. Вы ангелъ доброты. Чувствую теперь вполнѣ, сколько я васъ недостоинъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Прежніе. — Троезерскій и Троезерская.

Генералъ.

Вотъ и мы старики пошли прогуляться. Намъ показалось, что ты сегодня гораздо повеселѣе, Александръ. Значитъ здоровье твое поправляется. Такъ у меня и ноги опять нашлись. Сей часъ отправилъ Симоныча въ городъ съ бумагами и письмами. Кое-что еще выписываю, для сватьбы, изъ Петербурга. Будетъ хорошо, надѣюсь, и должно поспѣть непремѣнно къ 30-му Августа. Деньги творятъ чудеса.

Княжна (*генералу*).

Егоръ, я думаю, еще не уѣхалъ. Такъ сдѣлайте милость, прикажите взять у него тѣ письма, которыя относятся до сватьбы. Ваши издержки были бы теперь безполезны.

Генералъ (*изумленный*).

Какъ это, Вѣра?

Троезерская.

Въ умѣ-ли ты, душа моя. Чтò это значитъ?

Княжна.

Значитъ, что, по родству, я не могу уже быть дочерью вашей, хотя сердце мое не перестанетъ называть васъ священнымъ именемъ матери.

Генералъ.

Я не вѣрю своимъ ушамъ.

Троезерская.

Чтò же такое случилось, о Боже мой!

Княжна.

Ничего не случилось; только, разговаривая здѣсь съ Александромъ Михайловичемъ, я убѣдилась, что нравы и даже понятія наши, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, совершенно несходны, и намъ бы не найти счастія въ супружествѣ.

Генералъ (*улыбаясь*).

Такъ вотъ что̀. Маленькая, любовная ссора!

Троезерская.

А я ужъ думала, Богъ знаетъ что̀.

Княжна.

Я поклялась Богомъ не быть никогда женою вашего сына. (*Троезерскіе смотрятъ на нее въ испугѣ.*) Теперь, Михаилъ Борисычъ и вы, любезная матушка, позвольте мнѣ съ вами проститься. Завтра я ѣду въ свою деревню. (*Полковнику*). Прощайте, Александръ Михайлычъ; желаю вамъ быть счастливымъ. (*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Прежніе, кромѣ **Княжны.**

Генералъ.

Сынъ мой, скажи мнѣ, ради Бога: на яву-ли я это слышалъ. Вѣдь это непостижимо!

Полковникъ.

Не спрашивайте меня, батюшка; самъ не понимаю. Догадки, какія мнѣ придутъ въ голову, сообщу вамъ письменно изъ Петербурга. Теперь ничего не могу сообразить.

Троезерская.

Изъ Петербурга?

Полковникъ.

Да, матушка, потому что неожиданное извѣстіе.... не спрашивайте какое.... это тайна друга, заставляетъ меня спѣшить отъѣздомъ.

Троезерская.

И ты думаешь оставить насъ?

Полковникъ.

Послѣ завтра.

Троезерская.

Оставить насъ въ горькой печали, и такъ скоро! О, Саша, куда дѣвался добрый, нѣжный мой сынъ?

Полковникъ.

Матушка, не вините меня. Я далъ честное слово.

Генералъ.

Честное слово! Не удерживаю тебя, Александръ.

Троезерская.

Развѣ нельзя взять слова назадъ, когда дѣло идетъ о спокойствіи отца и матери?

Генералъ.

Нельзя, ни въ какомъ случаѣ.

Полковникъ (*матери*).

Я далъ одному человѣку клятвенное обѣщаніе быть его другомъ до гробовой доски, до страшнаго допроса передъ судомъ Божіимъ. Останусь здѣсь, другъ этотъ погибнетъ; я измѣню своей клятвѣ, и что мнѣ прикажете, матушка, отвѣчать тогда Богу?

Троезерская (*обнимая сына и рыдая*).

Уѣзжай, мой сынъ, уѣзжай скорѣе. (*Полковникъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Троезерскій. — Троезерская.

Генералъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Ну, старуха, жили мы съ тобою 30-ть лѣтъ, подъ такимъ безоблачнымъ, постоянно-прекраснымъ небомъ, въ такомъ изобиліи всѣхъ земныхъ благъ, что судьба, видно, потеряла терпѣніе, наконецъ. Судьба кредиторъ неумолимый. Рано-ли, поздно-ли, а каждому изъ насъ надобно съ ней расплатиться.

Троезерская.

Не даромъ-же, съ самаго пріѣзда Александра, мнѣ все чудился Поликратовъ перстень. Охъ, мнѣ стало дурно. Пойдемъ-ка, Миша, домой. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Перемѣна декораціи.

Комната въ домѣ Филимона Абрамова. Скамьи, какъ въ обыкновенной крестьянской избѣ. Большой столъ съ разбросанными по оному книгами. Въ углу, вмѣсто образовъ, одно распятіе изъ слоновой кости и чернаго дерева. Надъ распятіемъ особенное изображеніе Всевидящаго Ока, украшенное драгоцѣнными каменьями, расположенными въ видѣ лучей.

Филимонъ (*закрывая фоліантъ*).

Нѣтъ, не могу читать. Одни глаза пробѣгаютъ строки, а мысль далеко, тамъ у моихъ дѣтей! Распаялось послѣднее звѣно той длинной цѣпи, которой я былъ прикованъ къ землѣ и которую не могъ стряхнуть съ себя окончательно, въ продолженіи 75-ти лѣтъ. Маша погибла, а съ нею погибъ и Егоръ. Взоръ мой, утратившій тѣлесную зоркость, но вооруженный духовнымъ ясновидѣніемъ, проникнулъ тайну: узналъ, чѣмъ заболѣла

Маша. Имя болѣзни преступленіе! Старыя, многолѣтнія раны сердца моего, едва уврачеванныя вѣрою, опять открылись и испускаютъ свѣжую кровь. Вижу самого себя, какъ я, гордый силачъ и отецъ неумолимый, тащилъ на судъ къ помѣщику, единственное родное мое дѣтище и сказалъ передъ народомъ: онъ преступникъ, и не слѣдуетъ его миловать, затѣмъ, что онъ сынъ мой. Помнится, какъ въ ту минуту лицо на мнѣ обложилось будто желѣзомъ, а внутри все рвалось и кипѣло. Не стало Симона, убили моего родимаго, и душа моя начала сохнуть и гибнуть на вѣки; она превратилась въ груду хладныхъ развалинъ, пока голосъ Спасителя не вызвалъ, наконецъ, изъ этой мертвечины искру божественной любви христіанской.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Филимонъ. — Неизвѣстный. (*Человѣкъ пожилой, одѣтый бѣдно и такъ что нельзя угадать, къ какому онъ принадлежитъ сословію.*)

Неизвѣстный.

Именемъ Христовымъ, привѣтствую тебя, Филимонъ Абрамычъ!

Филимонъ.

Блаженъ грядущій во имя Господне. (*Встаетъ и ласково кланяясь.*) Что вамъ угодно, батюшка? Вы странникъ, кажется. Устали, такъ отдохните; желаете подкрѣпить ваши силы, милости просимъ откушать со мной, чѣмъ Богъ послалъ; а если чего другаго недостаетъ, говорите смѣло. Братъ всегда долженъ быть готовъ и радъ подѣлиться съ братомъ.

Неизвѣстный (*пожимая Филимону руку*).

Благодарю тебя. Не нужда приводитъ меня въ домъ твой. Мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ тобой за духовной трапезой.

Филимонъ.

И въ этомъ я не смѣю отказать никому изъ моихъ братьевъ. Я, батюшка, простой мужикъ; но несчастіе, этотъ верховный наставникъ людей, и меня кое-чему научилъ.

Неизвѣстный.

И я въ жизни испыталъ много горестей; и я искалъ утѣшенія въ религіи, но не утвердился еще на камнѣ вѣры, какъ ты, почтенный Филимонъ. Меня смущаютъ толки различныхъ христіанскихъ исповѣданій. Ищу истины и не нахожу ея. Сначала я обращался къ пастырямъ Православной нашей церкви.

Филимонъ.

И не нашли у нихъ, чего искали.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, не нашелъ. Потомъ я началъ странствовать по Россіи и знакомиться съ различными сектами раскольниковъ, принадлежащихъ къ такъ называемой безпоповщинѣ. Я узналъ ихъ обряды и тайное ученіе.

Филимонъ.

И остались ими еще менѣе довольны, чѣмъ наставленіями Православнаго духовенства.

Неизвѣстный.

Признаюсь: кромѣ грубаго изувѣрства, нелѣпыхъ сказокъ и самыхъ возмутительныхъ, зловредныхъ понятій касательно государственной власти, я тутъ ничего не нашелъ. Покончивъ мои изслѣдованія, безъ всякой для себя душевной пользы, я возвращался на родину, услышалъ о тебѣ, какъ о проповѣдникѣ новаго христіанскаго ученія, и поспѣшилъ въ твой домъ.

Филимонъ (*улыбаясь*).

Мое ученіе не совсѣмъ ново. Ему будетъ теперь восьмнадцать съ половиною вѣковъ, и основателемъ его былъ не я, а Спаситель міра.

Неизвѣстный.

Понимаю. Ты придерживаешься одного Евангелія, какъ западные протестанты, именующіе свое исповѣданіе Евангельскимъ.

Филимонъ.

Духоборцы, къ которымъ я принадлежалъ сначала, точно протестанты; но они остановились, какъ Лютеране, на половинѣ дороги. Русскіе протестанты отдѣлили совершенно Католическое или Православное отъ чисто-христіанскаго, отбросили первое какъ плевелы и сохранили одну божественную манну слова Христова.

Неизвѣстный.

Духоборческое ученіе мнѣ извѣстно. Чѣмъ же разнствуетъ оно отъ твоего?

Филимонъ.

Я и мои слушатели именуемъ себя *Христіанами по Христу*; и въ этомъ одномъ названіи заключается все: и сущность вѣры нашей, и коренное различіе между нами и всѣми прочими исповѣданіями. Христовы ученики не имѣли особеннаго богослуженія; они ходили въ Іудейскій храмъ. Такъ и мы, не имѣя никакихъ собственныхъ обрядовъ, посѣщаемъ Православную церковь, и съ такою же готовностію посѣщали бы Католическую или Лютеранскую церковь, еслибъ того требовали обстоятельства.

Неизвѣстный.

Почему такъ?

Филимонъ.

Потому что *Христіане по Христу*, какъ разсадникъ истинной религіи, для предбудущихъ временъ, должны уживаться вездѣ и вездѣ молиться Богу, не нарушая нигдѣ установленнаго порядка.

Неизвѣстный.

Да, этимъ вы уже отличаетесь отъ всѣхъ прочихъ.

Филимонъ.

Отличіе несравненно важнѣе этого состоитъ въ томъ, что мы обязаны, сколько позволяетъ намъ человѣческая немощь, жить и дѣйствовать во всемъ по примѣру Божественнаго нашего Учителя. Мы полагаемъ, что вѣра безъ дѣлъ не только мертва, но во сто кратъ гибельнѣе самого невѣрія; ибо невѣрующій не признаетъ надъ собой господина, а вѣрующій признаетъ, и не слушается его. Вотъ все, батюшка, что̀ я могу сказать вамъ, о моемъ ученіи. Вы видите, что оно не ново.

Неизвѣстный.

Хорошо; поговоримъ теперь о догматахъ духоборческой секты, которые, если не ошибаюсь, приняты и многими другими видами безпоповщины.

Филимонъ.

Извольте; но прежде я долженъ вамъ сдѣлать одинъ довольно важный вопросъ.

Неизвѣстный.

Говори.

Филимонъ.

Зарожденіе отщепенства въ нѣдрахъ Россіи, постепенное глухое его развитіе, ничѣмъ не остановляемое, ни гоненіемъ, ни мѣрами кротости, безпрерывное усиленіе и размноженіе сектъ, въ продолженіи трехъ вѣковъ, составляютъ такое явленіе, какого нѣтъ другаго въ исторіи. Размышляли ли вы, когда нибудь, о причинахъ явленія столь необыкновеннаго, столь единственнаго?

Неизвѣстный.

Причины эти давно и всѣмъ извѣстны. Грубое невѣжество и изувѣрство.

Филимонъ.

Такъ, батюшка. Но вѣдь прежде чѣмъ перейти въ расколъ, раскольники были православными. Какую же нравственную и духовную одичалость должно предполагать въ народѣ, среди котораго возникли ереси, подобныя прежнимъ *Морельщикамъ, Самосожигателямъ, Дѣтогубцамъ* или нынѣшнимъ *Скопцамъ* и *Хлыстамъ!* И на Западѣ произошло отщепенство; но похожи ли исповѣданія, взявшія свое начало отъ Реформаціи, на Русскія упомянутыя ереси?

Неизвѣстный.

Что жъ изъ этого?

Филимонъ.

Это доказываетъ, какъ мало Православная церковь развила истинно-христіанскія понятія среди народа, который могъ впасть, и до сихъ поръ впадаетъ, въ столь чудовищныя заблужденія.

Неизвѣстный.

Въ чемъ же тутъ виновата наша церковь? Развѣ она имѣетъ что нибудь общее съ ученіемъ Скопцовъ или Хлыстовъ?

Филимонъ.

Эти двѣ секты, подобно прежнимъ губительнымъ нашимъ ересямъ, принимаютъ именно въ основаніе чисто-католическую мысль, освященную авторитетомъ и постановленіями обѣихъ церквей, западной и восточной.

Неизвѣстный.

Какую?

Филимонъ.

Ту мысль, что умерщвленіе плоти, чрезмѣрная строгость въ постахъ, и вообще всѣ физическія страданія наши пріятны Богу. Моря себя голодомъ, сожигаясь на кострахъ цѣлыми сотнями, убивая дѣтей своихъ, прежніе наши изувѣры мечтали превзойти святостію обыкновенныхъ монаховъ и схимниковъ. Точно въ такомъ же духѣ Скопцы оскопляютъ и Хлысты хлещутъ себя. Бичеваніе, по крайней мѣрѣ у Католиковъ, а монашество и у насъ, считаются подвигами святости.

Неизвѣстный.

Можно ли умному человѣку сравнить монаха со Скопцомъ?

Филимонъ.

Почему же не такъ, батюшка?

Неизвѣстный.

Монахъ, не лишая себя возможности грѣшить, подвергается ежедневному искушенію, всегда въ борьбѣ съ самимъ собою; и если всегда побѣждаетъ, не заслуживаетъ ли онъ, по всей справедливости, имени святаго? Торжество духа надъ плотью не есть ли жертва самая пріятная Богу? Скопецъ, напротивъ, уподобляется воину, который изломалъ свое оружіе, чтобы не сражаться. Гдѣ нѣтъ борьбы, нѣтъ и побѣды. Скопецъ святъ по неволѣ; а развѣ это святость?

Филимонъ.

Очень умно, батюшка, но не совсѣмъ справедливо. Вы, можетъ быть, еще не знаете что Скопецъ, принявшій только *огненное крещеніе*, не осво-

бождается отъ похоти; и что недостойные изъ этой секты, какъ и недостойные монахи, грѣшатъ противъ своего обѣта. Стало быть, инокъ и *крещеный огнемъ* равны въ этомъ отношеніи. Сверхъ того же слѣдуетъ зачесть Скопцу всегдашнюю болѣзненность и слабость, какія бываютъ слѣдствіемъ операціи въ зрѣломъ возрастѣ; постыдные признаки на лицѣ его, общее отвращеніе и презрѣніе къ нему мущинъ и женщинъ, неумолимую насмѣшку, которая преслѣдуетъ его повсюду. Онъ страстотерпецъ въ высшей степени, и жертва его, повѣрьте мнѣ, стóитъ жертвы монашеской. Наконецъ, не забудьте, что скопческая вѣра упирается на прямой, ясный смыслъ Евангельскаго текста: „*Суть Скопцы ради царства небеснаго. Кто снести можетъ, сноси*".

Неизвѣстный.

Но въ этой статьѣ подразумѣвается лишь духовное оскопленіе, то-есть монашество.

Филимонъ.

Да это все равно, если выходитъ, что монахъ и скопецъ одно и тоже.

Неизвѣстный (*про себя*).

Онъ меня сбиваетъ съ толку. (*Вслухъ*). Неужели ты, почтенный Филимонъ Абрамычъ, оправдываешь серіозно эту мерзостную секту?

Филимонъ.

Сохрани меня Господи!

Неизвѣстный.

Но ты доказалъ.... или хотѣлъ доказать, что скопчество согласно съ буквой и смысломъ Евангелія.

Филимонъ.

Богу угодно было, чтобы истинно божественные и для спасенія душъ нашихъ необходимые Евангельскіе тексты сіяли свѣтомъ чистымъ и безоблачнымъ, какъ солнце правды. Въ другихъ же мѣстахъ, менѣе важныхъ, мы видимъ иногда слѣды несовершенства, принадлежащаго всѣмъ дѣламъ человѣческимъ. Евангеліе писали, со Христовыхъ словъ, люди, правда святые, но небезошибочные. Іисусъ Христосъ говорилъ по-еврейски, а изрѣченія его переводили сперва на Греческій, потомъ на Латинскій, а потомъ уже на новѣйшіе языки. Повѣствованій о жизни Спасителя было, какъ говорятъ, до семидесяти; и изъ этого числа сохранили только четыре, отбросивъ всѣ прочія, какъ разсказы апокрифическіе. Примемъ, наконецъ, въ соображеніе, что и четыре избранные Евангелиста не всегда согласуются между собою и не всегда повѣствуютъ одно и тоже.

Неизвѣстный.

И изъ этого ты заключаешь?

Филимонъ.

То, что если несогласія между Евангельскими текстами или самими Евангелистами доходятъ до явнаго противорѣчія, мы должны, по необходимости, выбирать одно или другое.

Неизвѣстный.

На какомъ основаніи?

Филимонъ.

Когда одно изъ несогласуемыхъ мѣстъ въ общемъ духѣ ученія Христова удовлетворяетъ общему, врожденному человѣческому разумѣнію о Божественной правдѣ, а другое мѣсто не таково, мы принимаемъ первое.

Неизвѣстный.

Но статьѣ о скопцахъ ничто не противорѣчитъ. Какъ же вы ее толкуете?

Филимонъ.

Она, если не ошибаюсь, у одного только Евангелиста. Я не старался вынудить изъ этого текста, яснаго какъ нельзя болѣе, насильственный, неправдоподобный смыслъ. Я просто отвергаю его, какъ приписку или ошибку, и замѣняю тутъ Евангеліе авторитетомъ ему равносильнымъ.

Неизвѣстный.

Равносильнымъ Евангелію! Да гдѣ же его возьмешь?

Филимонъ.

Чтобы не искать далеко, беру его сперва изъ самого же Священнаго Писанія. Сотворивъ міръ, не сказалъ ли Богъ человѣку и всякой живой твари: растите и умножайтесь? Есть еще другой авторитетъ, тоже Божественный и къ тому безусловно непогрѣшительный. Созданной Имъ природѣ Богъ далъ непреложные законы. Созданному Имъ человѣку далъ Онъ Свое подобіе, то-есть разумъ, утвержденный на началахъ столь же непреложныхъ, какъ и законы естества.

Неизвѣстный.

Человѣческій разумъ! Вотъ тебѣ и начало всѣхъ заблужденій и ересей.

Филимонъ.

Не про вашъ и не про свой разумъ говорю я, батюшка, а про то всеобщее человѣческое разумѣніе, какое было, есть и будетъ всегда и вездѣ. Всѣ, напримѣръ, понимали, понимаютъ и поймутъ, что члены, составляющіе наше тѣло, имѣютъ каждый свое назначеніе. Всѣ скажутъ, что глаза для того чтобы видѣть; уши для того чтобы слышать. Равнымъ образомъ всѣ вѣрили и не перестанутъ вѣрить, что Богъ сотворилъ людей и далъ имъ воспроизводительную силу для умноженія, а не для истребленія своего рода. Такія истины не требуютъ доказательствъ; ибо онѣ суть ясный и неизмѣнный отпечатокъ воли Божіей, авторитетъ превыше всѣхъ

авторитетовъ. Буде же кто скажетъ: глазъ не для того чтобы видѣть, ухо не для того чтобы слышать, тотъ выходитъ изъ предѣловъ человѣческаго разума, тотъ безумецъ; а кто исказитъ свое тѣло, дабы, согласно этому своему безумію, поправить совершеннѣйшее твореніе рукъ Божіихъ, тотъ богохульникъ и злодѣй, достойный казни, тотъ врагъ Бога и человѣчества, какъ сказалъ въ одномъ своемъ манифестѣ императоръ Александръ, блаженной памяти. Вотъ мое мнѣніе о Скопцахъ.

Неизвѣстный (*про себя*).

Каковъ мужичекъ? И христіанинъ и философъ! (*Вслухъ*). Удивляюсь тебѣ Филимонъ Абрамычъ!

Филимонъ.

Мнѣ хотѣлось, прежде всего, обратить вниманіе ваше на коренное различіе сектъ, отпавшихъ отъ Греко-Россійской церкви. Нѣкоторыя, запечатлѣнныя характеромъ глупаго и грубаго фанатизма, какъ-то прежнія губительныя секты, а нынѣ Старовѣры, вся Поповщина, Скопцы, Хлысты и Перекрещенцы произошли собственно отъ католическаго начала, усиленнаго въ нихъ до помѣшательства. Духоборцевъ же и Молокановъ породилъ духъ протестантизма. Наконецъ, и Моисеевъ законъ прибавилъ къ числу народныхъ нашихъ ересей Суботниковъ или Іудействующихъ. Такое множество и такое разнообразіе религіозныхъ сектъ указываетъ явно на первую и главную причину раскольничества у насъ въ Россіи.

Неизвѣстный.

И эта причина?

Филимонъ.

Неспособность господствующей церкви удовлетворить религіозному чувству народа.

Неизвѣстный.

Какъ ты докажешь это?

Филимонъ.

Постараюсь объяснить, какъ могу. Во всякой религіи есть духъ и тѣло, ученіе и обряды. Божественный нашъ Учитель, Іисусъ Христосъ, учредилъ только божественное, то-есть заповѣдалъ намъ правила святой богоугодной жизни, совершеннѣйшимъ примѣромъ которой служилъ Онъ Самъ. Все прочее, что̀ составляетъ собственно церковь, устроено послѣ Спасителя и послѣ Апостоловъ, непосредственныхъ Его учениковъ. Изъ этого безконечно-многосложнаго устроиванія церкви вышло, въ продолженіи 18-ти вѣковъ, многое и многое, чего въ Евангеліи нѣтъ и о чемъ Апостолы также ничего не говорили. Безсмертный духъ религіи сталъ какъ бы изнемогать подъ бренностію своей оболочки. Развилась наука, величаемая богословіемъ, которая, мало по малу, измѣнила слово Божіе до того, что христіане превратились, наконецъ, въ лютыхъ безсмысленныхъ звѣрей. Полились по-

токи крови, раздались вопли, истязанія, запылали костры инквизиціи во имя Того, Кто заповѣдалъ намъ миръ, братство, прощеніе обидъ и безпредѣльную любовь другъ къ другу. Наслѣдники мучениковъ Петра и Павла сами сдѣлались палачами.

Неизвѣстный.

Костры зажигались только подъ вліяніемъ Римской церкви, а не нашей.

Филимонъ.

Ошибаетесь, батюшка. И у насъ сожигали всенародно еретиковъ до отмѣненія смертной казни въ Россіи. Послѣ довольствовались бить раскольниковъ кнутомъ, ссылать въ Сибирь на поселеніе и на каторжную работу, забывая слова Спасителя: *Если я сказалъ худо, докажи, что это худо; а если хорошо, за что бьешь меня?*

Неизвѣстный.

Раскольниковъ сѣкли кнутомъ и ссылали въ Сибирь не за то, что они вѣрили, а за то что̀ дѣлали въ противность закону, за уголовныя преступленія.

Филимонъ.

Духоборцевъ и Молокановъ гнали и казнили не за дѣла, а за одну вѣру. Напомнилъ я вамъ, батюшка, отъ чего католическая церковь, раздвоенная на западную и восточную, утратила свѣтъ, силу и дары Духа Святаго, залогъ той несокрушимости, которую Іисусъ Христосъ обѣщалъ *Своей* церкви, и почему такое множество образованныхъ умовъ вовсе отпали отъ христіанства и возненавидѣли его. Это всего лучше объясняется словами Евангелія: *Отмѣняя слово Божіе преданіемъ вашимъ, которое вы установили, и много подобнаго сему дѣлаете.* Теперь извольте рѣшить, что̀ важнѣе въ религіи, духъ или оболочка, слово или церковные уставы, то что̀ соединяетъ христіанъ въ одинъ крещеный міръ, или то что̀ разъединяетъ ихъ и дробитъ на множество враждебныхъ сектъ?

Неизвѣстный.

Ты знаешь, и кажется лучше многихъ другихъ, что въ самомъ-то Писаніи и заключается начало разъединенія; что въ немъ довольно мѣстъ темныхъ, загадочныхъ и повидимому даже противоположныхъ одно другому, такъ что всякій можетъ толковать ихъ по своему. Для того-то и нуженъ авторитетъ церкви, чтобы подчинить умы христіанъ одному непреложному разумѣнію Евангельскихъ текстовъ. Отвергая эту необходимую духовную опеку церкви, вы, протестанты или раскольники, не всего ли болѣе способствуете къ дальнѣйшему безконечному дробленію христіанскаго міра на секты и ереси?

Филимонъ.

Знаю, батюшка; но вы, кажется, забыли, что есть авторитетъ, есть толкователи слова несравненно выше церквей, называющихъ себя соборными справедливо, а каѳолическими неправильно, ибо каѳолической, то-есть вселенской церкви нѣтъ еще до сихъ поръ.

Неизвѣстный.

Какой же это авторитетъ?

Филимонъ.

Авторитетъ собственной Христовой апостольской церкви, ученіе и примѣръ непосредственныхъ учениковъ Спасителя. Для нихъ вѣровать и дѣйствовать было одно и тоже. Общественное устройство и домашній бытъ христіанъ представлялъ тогда не что иное какъ буквальное примѣненіе къ практической жизни заповѣдей и поученій Христовыхъ. Слышался имъ еще гласъ, вопрошающій: *Чтò вы зовете меня Господи! Господи! а не исполняете того чтò я говорю*? Потому-то и исполняли: жили какъ братья, не раздѣлившіе отцовскаго наслѣдства, а дѣлившіе одинъ доходъ. Собственности у нихъ не было; не было и бѣдныхъ; а кто утаивалъ часть денегъ, вырученныхъ изъ продажи своего имущества, тотъ наказывался смертію, какъ Ананій. По словамъ же Христа, первые изъ нихъ, то-есть апостолы, евангелисты, учители, были вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними. Они служили прочимъ, безъ отличія и безъ платы, за исключеніемъ развѣ того, что мученическій вѣнецъ доставался имъ прежде другихъ.

Неизвѣстный *(смѣясь)*.

Это еще осталось: Римскій папа называетъ себя и понынѣ служителемъ служителей Бога.

Филимонъ.

Такова была первоначальная, истинная Христова церковь, и вотъ основа, на которой мы, Христіане по Христу, позволяемъ себѣ толковать Писаніе и повѣрять богословскіе толки, соображая оные съ дѣяніями апостоловъ и съ преданіями двухъ первыхъ вѣковъ.

Неизвѣстный *(съ легкой иронiей)*.

Ты уменъ, Филимонъ Абрамовъ, и уже немолодъ, а судишь какъ восторженный юноша. Могла ли малая горсть бѣдняковъ, которые составляли Іерусалимскую христіанскую общину, служить примѣромъ для гражданскаго и политическаго устройства государствъ, когда христіанство распространилось по всему свѣту? Вѣдь подобное устройство годится только для монастырей, гдѣ оно и сохранилось до сихъ поръ. Но подчинить общинному правилу весь крещеный міръ—это верхъ безумія. Тебѣ неизвѣстно, что идея эта принята теперь дѣйствительно не святыми, а возмутителями и хищниками западной Европы, подъ названіемъ коммунизма; и что недавно еще она грозила въ тѣхъ странахъ совершеннымъ разрушеніемъ и церкви, и собственности, и государству, ну, словомъ, обществу человѣческому.

Филимонъ.

Я не такой юноша, какъ вы полагаете. Мнѣ 76-й годъ. Привелъ я вамъ апостольскую церковь, какъ первообразъ христіанства, какъ чистѣйшее зерцало, въ которомъ отражается истинный духъ и смыслъ Еванге-

лія, какъ практическое указаніе для весьма немногихъ избранныхъ; но отнюдь не какъ примѣръ, которому бы люди уже готовы были слѣдовать повсюду. Скажу вамъ болѣе. Апостольская церковь и не должна была оставаться въ первоначальномъ своемъ видѣ. Тогда исторія написала бы *конецъ* на послѣдней своей страницѣ, время опустило бы крылья свои, и наступило бы царство Божіе. Но потомство Адама далеко еще не совершило пути, назначеннаго ему Провидѣніемъ. Оно все еще идетъ и, какъ слабовѣрующимъ кажется, ниспадаетъ, ибо дошло уже до идеи насильственнаго коммунизма. Крайности сходятся иногда, какъ пословица говоритъ. Насильственный коммунизмъ означаетъ послѣднюю ступень разврата и безвѣрія; христіанское братство стремится къ высшему идеалу добродѣтели и самопожертвованія для всеобщаго блага. Вѣрите ли вы, батюшка, что все идетъ къ худшему?

Неизвѣстный.

Нѣтъ.

Филимонъ.

Значитъ, что вы изъ числа вѣрующихъ. И я думаю, что родъ человѣческій грядетъ къ окончательному своему назначенію, то-есть къ исполненію Христова обѣтованія: *и будутъ едино стадо и единъ пастырь.* Только пути, по которымъ человѣчество проходитъ и повидимому блуждаетъ, для насъ неисповѣдимы; ибо они суть пути Божіи. Для насъ довольно знать цѣль; довольно видѣть маякъ живой истинной вѣры, свѣтящій намъ въ дали неизмѣримой, можетъ быть за тысячелѣтіями. Какое же должно быть главное попеченіе церкви? Чтобы этотъ маякъ, неугасаемый, по своему существу, не терялъ бы и первобытной чистоты своего свѣта. Чѣмъ болѣе современныя идеи сгущаются въ туманный и безобразный хаосъ, чѣмъ неистовѣе ихъ броженіе и быстрѣе видоизмѣненія ихъ: тѣмъ ярче и неподвижнѣе долженъ горѣть свѣтильникъ вѣры. Пожары гаснутъ, потѣшные огни изыскряются; а полярная звѣзда, затмѣваемая минутнымъ ихъ блескомъ, вѣчно остается на своемъ мѣстѣ, съ вѣчнымъ сіяніемъ своимъ.

Неизвѣстный.

Говори безъ метафоръ.

Филимонъ.

Простите мою болтливость. Я уже старъ, батюшка. Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать. Обряды разныхъ христіанскихъ церквей не имѣютъ, сами по себѣ, большой важности; но тѣмъ даже хороши, что давно уже приняты. Лишь бы духъ церкви соотвѣтствовалъ духу Евангелія; лишь бы ея толкованія не противорѣчили разумѣнію и примѣрамъ апостоловъ, также и не вводили въ соблазнъ людей мыслящихъ; а главное, лишь бы церковь никогда и ни въ чемъ не забывала, что Іисусъ Христосъ сказалъ Пилату: *Царство Мое не отъ міра сего.* Западная церковь отбросила совершенно эту великую святую истину. Она захотѣла владычествовать надъ міромъ

мірскими средствами. Служитель служителей Бога задумалъ быть царемъ надъ царями. Отъ того Римская церковь осквернилась до грубѣйшаго идолопоклонства, до торгашества индульгенціями, до инквизиціи и потеряла половину своихъ исповѣдниковъ.

Неизвѣстный.

А наша Греко-Россійская церковь?

Филимонъ.

Русская церковь не обнаруживала никогда сильнаго стремленія къ присвоенію себѣ политической и гражданской власти; но за то она не умѣла сохранить своей независимости. Царство ея *отъ міра сего*, какъ и владычество Римской церкви, но по причинѣ совершенно противоположной. Православіе подчинило себя свѣтской власти и, если можно сказать, обрусѣло до того, что въ настоящемъ своемъ видѣ оно не могло бы быть принято ни въ какой другой странѣ. Чтожъ это за христіанство, годное и возможное въ одной только Россіи?

Неизвѣстный (*задумчиво*).

Нигдѣ, въ христіанскомъ мірѣ, народъ столь не привязанъ къ своей религіи, какъ у насъ. И этого довольно.

Филимонъ.

Такъ вы думаете, батюшка? Посмотримъ, начиная съ простаго народа. Русскій мужикъ любитъ приходскую свою колокольню и нескладный звонъ ея колоколовъ, любитъ церковное пѣніе, сложенное во многихъ молитвахъ на плясовой ладъ, любитъ архіерейскую службу, какъ даровое, великолѣпное для него зрѣлище. Сверхъ того, Русскій мужикъ считаетъ себя единственнымъ христіаниномъ въ мірѣ, а въ другихъ исповѣданіяхъ видитъ лишь нехристь и бусурманство. Но доказываетъ-ли все это настоящую привязанность къ вѣрѣ? Чтобъ любить свою вѣру, надобно же вѣрить во что-нибудь. О Священномъ Писаніи, которое читаютъ ему нараспѣвъ и на языкѣ мало для него понятномъ, мужикъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Онъ вѣритъ только въ чудотворныя иконы и святыя мощи. Богъ для него лице слишкомъ отдаленное, почти чуждое, затѣмъ онъ и обращается преимущественно въ своихъ молитвахъ къ Богородицѣ и угодникамъ. Вѣритъ онъ еще, что въ праздники грѣшно работать, а еще грѣшнѣе ѣсть въ постный день скоромное. Итакъ, вся религія православнаго мужика состоитъ въ усердномъ поклоненіи образамъ и въ наблюденіи установленныхъ постовъ, въ чемъ и заключаются, по его мнѣнію, обязанности человѣка относительно къ Богу.

Неизвѣстный.

Помилуй, можно-ли такъ говорить?

Филимонъ.

Кому неизвѣстно, что православный мужикъ и православная баба позволяютъ себѣ все во всякое время: и пьянство, и воровство, и блудъ,

и прелюбодѣяніе, лишь бы не оскоромить себя. Разбойникъ очень легко можетъ зарѣзать васъ на страстной недѣлѣ; но въ это время онъ дастъ убить самого себя, прежде чѣмъ возметъ въ ротъ кусокъ говядины. Православные мужики воздерживаютъ себя отъ дурныхъ дѣлъ и дурныхъ привычекъ лишь тогда, когда говѣютъ. За то и добровольныхъ говѣльщиковъ мало по деревнямъ, такъ мало, что набожные помѣщики гоняютъ мужиковъ къ исповѣди и причастію черезъ вотчинныхъ начальниковъ, какъ на барщину.

Неизвѣстный.

Чтò ни говори, а Русскій народъ все-таки отличается болѣе всего межъ современными Европейцами глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Филимонъ.

Совершенно правда, батюшка; поэтому-то и раскольниковъ такъ много у насъ. Само собою разумѣется, что религіозное влеченіе не можетъ быть одинаково межъ людьми. У большинства оно подавлено житейскими заботами, любостяжаніемъ и плотскими страстями. Эти-то изъ простонародія и остаются православными, то есть равнодушными къ религіи навсегда или до извѣстныхъ лѣтъ.

Неизвѣстный.

До какихъ лѣтъ?

Филимонъ.

До старости или вообще до того времени, когда грѣхъ оставляетъ человѣка, если самъ человѣкъ не хочетъ отстать отъ него. Весьма многіе изъ православныхъ, по большей части мущины и престарѣлыя дѣвки, отдѣляются тогда отъ церкви и пристаютъ къ одной изъ раскольническихъ сектъ, гдѣ пробудившееся религіозное чувство находитъ себѣ пищу какую-нибудь. Хороша-ли, дурна-ли эта пища, дѣло другое. По крайней мѣрѣ, всякъ, кто поступаетъ въ расколъ, знакомится уже съ Евангеліемъ, многіе и съ Ветхимъ Завѣтомъ. Въ Писаніи сказано: *по плоду узнавай дерево.* Если такъ, извольте сравнить теперь православныхъ съ раскольниками вообще и рѣшите, съ которой стороны трезвость, умѣренность на словахъ и на дѣлѣ, зажиточность, которая въ крестьянскомъ быту всегда свидѣтельствуетъ о порядочной жизни, духъ братства и твердость въ исполненіи всего того, чтò предписываетъ вѣра?

Неизвѣстный.

Это ничего не доказываетъ. Извѣстно, что новыя, еще не восторжествовавшія секты отличаются всегда подобными преимуществами предъ господствующей церковью.

Филимонъ.

Отъ того у насъ и говорятъ: не процвѣтаетъ та церковь, чтò гонитъ, а та, чтò гонима. Объяснилъ я вамъ, батюшка, какъ и почему

крестьяне истинно набожные почти всѣ раскольники. Значительная часть купцовъ и мѣщанъ тоже раскольники или старовѣры. Не угодно-ли теперь взглянуть на высшія сословія?

Неизвѣстный.

Неужели и тамъ отыщешь раскольниковъ.

Филимонъ.

Болѣе чѣмъ на половину.

Неизвѣстный (*смѣясь*).

Въ самомъ дѣлѣ!

Филимонъ.

Точно такъ. Знатное, столбовое наше дворянство, которое присвоило себѣ много понятій западныхъ и чужой языкъ, удалилось вовсе отъ Православія, ибо оно не наблюдаетъ никакихъ постовъ. Слѣдовательно бояре наши раскольники, а многіе изъ нихъ даже не христіане. Мелкопомѣстные подражаютъ въ этомъ отношеніи вельможамъ все болѣе и болѣе. Опять раскольники! Чиновники также дѣлятся на постниковъ и непостниковъ, то есть на православныхъ и раскольниковъ. Гдѣ же послѣ этого пресловутая всеобщая привязанность Русскаго народа къ своей вѣрѣ?

Неизвѣстный.

Позволь замѣтить тебѣ, почтенный Филимонъ, что ты впадаешь въ явные софизмы, по-русски въ ложныя умозаключенія. Изъ того, что многіе дворяне и чиновники нарушаютъ одно изъ церковныхъ постановленій, ты выводишь, что они раскольники. Названіе раскольниковъ заслуживаютъ единственно тѣ, которые отлучились отъ церкви.

Филимонъ.

Такъ бы и слѣдовало всякому, кто не наблюдаетъ главнаго правила вѣры своей. Вѣдь посты у васъ то самое, что̀ обрѣзаніе у Евреевъ, строжайшій законъ, отличительное знамя Православія. Кто не обрѣзанъ, тотъ не Іудей; кто не постничаетъ, тотъ не православный. Знаете-ли вы, батюшка, что до Петра Великаго употребляющимъ мясное и молочное въ постные дни грозила смертная казнь, и то было время процвѣтанія церкви, время патріарховъ. Впрочемъ, вы совершенно правы. Межъ нами, явными раскольниками изъ простонародья и необъявленными изъ высшихъ сословій, великая разница: мы раскольники отъ избытка, а тѣ отъ недостатка вѣры. Что̀ лучше, что̀ хуже, по вашему мнѣнію?

Неизвѣстный (*про себя*).

Спорить съ нимъ не совсѣмъ легко (*вслухъ*). Теперь остается доказать, что есть раскольники и въ нашемъ духовенствѣ.

Филимонъ.

Вотъ гдѣ ужъ нѣтъ, такъ нѣтъ. Православное духовенство служитъ обѣдни, утрени, вечерни, всенощныя и молебны; креститъ, вѣнчаетъ и хо-

ронитъ, исповѣдуетъ и причащаетъ; въ городахъ разъѣзжаетъ по домамъ, чтобъ славить Христа; въ деревняхъ, собираетъ съ мужиковъ крупой, мукой, овсомъ, масломъ и яицами; иногда собственными руками пашетъ и жнетъ; и за всѣмъ тѣмъ разсуждать о духовныхъ предметахъ, или раскольничать, нѣтъ ему ни досуга, ни охоты. Я не виню нашихъ поповъ, ибо Христосъ сказалъ: *нельзя служить двумъ господамъ, служить Богу и мамонѣ.* Чтожъ дѣлать, если недостатокъ въ житейскихъ средствахъ и печальная зависимость отъ помѣщиковъ и крестьянъ, въ которой находятся духовные, принуждаетъ ихъ заботиться о мамонѣ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало! Не виноваты они и въ томъ, что семинарское обученіе, гдѣ богословіе и какая-то философія занимаютъ главное мѣсто, не знакомитъ воспитанниковъ съ наукой бесѣдовать и толковать о религіи, и приготовляетъ ихъ только къ матеріальной части богослуженія. Но вотъ что̀ хуже всего: получая плату за духовныя требы, попъ становится торгашемъ; онъ притѣсняетъ своихъ прихожанъ и споритъ о цѣнѣ обрядовъ и таинствъ, какъ будто бы продавалъ настоящій товаръ. Съ насъ, раскольниковъ, священники берутъ иногда по сту рублей и болѣе за свадьбу, но за то ужъ вѣнчаютъ, какъ намъ угодно. По всему этому, отношенія пастыря къ своей паствѣ дѣлаются весьма непріятными и даже непріязненными. Обыкновенно межъ ними все ограничивается рѣшеніемъ коммерческой задачи: купцу какъ бы побольше взять, покупателю какъ бы поменьше дать. Торговый духъ преобладаетъ въ нашемъ народѣ: такъ ему все и кажется, что попу онъ платитъ деньги даромъ. Неудивительно же, послѣ этого, если духовенство, сословіе столь высоко чтимое въ другихъ странахъ, представляетъ въ Россіи наименѣе уважаемый классъ народа, и должно прибавить, наименѣе любимый, не только у раскольниковъ, но у самихъ православныхъ. Разсказываетъ-ли мужикъ балагурную сказку, такъ ужъ вѣрно про попа. Выводитъ-ли онъ обжору непомѣрнаго или питуха всепоглощающаго, опять тотъ же попъ. Чьи завидливые глаза? — поповскіе. У кого брюхо изъ семи овчинъ сшито? — у поповъ, разумѣется. Всего сильнѣе выразилось это общее нерасположеніе къ духовенству прозвищемъ *кутейники*, которымъ простой народъ заклеймилъ священнодѣйствующихъ и церковниковъ.

Неизвѣстный.

Правда, правда къ сожалѣнію. Перейдемъ же теперь къ догматамъ духоборческой вашей вѣры, если можно назвать догматами отрицаніе литургіи, всѣхъ церковныхъ таинъ, заступничества Богородицы и святыхъ, поклоненіе которымъ въ ихъ писанныхъ ликахъ вы считаете за идолопоклонство.

Филимонъ.

О моленіи Матери Іисуса Христа и о поклоненіи святымъ въ Евангеліи ничего не сказано. Христосъ молился одному Отцу и научилъ насъ, какъ Ему молиться. Истиннаго Бога Іудеи знали прежде христіанъ, и не дерзали изображать Его. Язычники, которые Его не знали, поклонялись

творенію рукъ своихъ. (*Показывая на Распятіе*). Одно изображеніе Распятаго мы допускаемъ, какъ воспоминаніе и какъ примѣръ христіанамъ на каждомъ шагу земнаго ихъ странствованія.

Неизвѣстный.

Почему вы отвергаете церковныя таинства?

Филимонъ.

Божественныя таинства вездѣ: и въ человѣкѣ, и въ природѣ. Самъ Богъ есть тайна тайнъ, потому уже, что Онъ причина причинъ; но въ этой тайнѣ, вѣчно недоступной, для созданныхъ духовъ заключается и высочайшая достовѣрность, единственная основа человѣческаго разума и всякаго разумнаго познанія нашего. Не таковы ваши церковныя таинства. Они состоятъ въ нѣсколькихъ механическихъ пріемахъ, которымъ мы не приписываемъ особой силы или благодати, во первыхъ потому, что въ Евангеліи объ этомъ ничего не сказано; а во вторыхъ потому, что не должно смѣшивать *недоступное* для разума съ тѣмъ что̀ ему *противоположно* и *противно*. Крещеніе мы принимаемъ какъ символическій обрядъ, установленный Іисусомъ Христомъ и Его апостольскою церковью. Исповѣдь и причастіе для насъ вовсе не то, что̀ для православныхъ; а бракъ самъ по себѣ, хоть и великое таинство, но только не церковное.

Неизвѣстный.

Какое же ваше разумѣніе о причастіи?

Филимонъ.

Причастіе у древнѣйшихъ христіанъ было не что иное какъ воспоминаніе о послѣдней вечери Господней, предъ Пасхой. Всѣ собирались и садились за общія трапезы, называемыя агапами или вечерями любви. Сперва ломали хлѣбъ, символъ тѣла Христова, убитаго за грѣхи человѣческіе; потомъ пили вино, символъ Его крови, пролитой для спасенія многихъ. Христіане обобщались во Христѣ общимъ вкушеніемъ даровъ Божіихъ, поцѣлуемъ братской любви, признаніемъ въ грѣхахъ своихъ и прощеніемъ другъ другу взаимныхъ обидъ, то есть гласной исповѣдью. Вотъ что̀ было причастіе во время апостоловъ. Такой обычай, въ трогательной простотѣ своей, слишкомъ ясно говорилъ уму и сердцу, чтобъ понравиться наукѣ ѳеологіи, когда ей поручили управленіе надъ дѣлами вѣры. Въ четвертомъ, въ пятомъ-ли столѣтіи, возникло ученіе о претвореніи хлѣба и вина въ сущее тѣло и въ сущую кровь; въ девятомъ развилось оно схоластически подъ перомъ нѣкоего Пасхалія, и не прежде XIII-го столѣтія папа Иннокентій III постановилъ это ученіе догматомъ католической церкви, на одномъ изъ Латеранскихъ соборовъ.

Неизвѣстный.

И сдѣлалъ прекрасно. Не сказалъ-ли Христосъ: *Сіе есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя новаго завѣта*?

Филимонъ.

Простите меня, раскольника. У васъ православныхъ свое толкованіе, у насъ свое. По нашему, слова Христовы, приведенныя вами, заключають въ себѣ весьма обыкновенное иносказаніе, въ восточномъ духѣ, и какихъ въ Евангеліи множество. Да и теперь можно сказать, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, хоть порусски: *Я питалъ тебя своею плотью, поилъ кровію своей.* Но если принимать упомянутый текстъ буквально, почему не разумѣть въ томъ же смыслѣ и другія подобныя изрѣченія, напримѣръ: *Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живыя.* Православіе глаголетъ: вотъ хлѣбъ, превратившійся въ плоть, хотя, повидимому, хлѣбъ остается хлѣбомъ; однако вѣрьте, что это плоть. Почему же оно не говоритъ: изъ чрева вѣрующихъ истекаютъ рѣки воды живыя. Воды, правда, не видать; однако вѣрьте, что она течетъ. Ахъ, батюшка, грустно подумать, что болѣе всего на свѣтѣ повредили христіанству подобныя богословскія мудрствованія!

Неизвѣстный (*про себя*).

Старикъ бѣдовый! (*Вслухъ*). Вы имѣете, слышалъ я, какое-то странное понятіе о Троицѣ.

Филимонъ.

Странное, можетъ быть, потому что оно доступно человѣческому разуму. Наше понятіе о Троицѣ то самое, которое преобладало межъ христіанами до IV-го вѣка, которое, послѣ того, долго боролось, подъ разными именами, съ символами Православія и, наконецъ въ XVII-мъ столѣтіи, распространилось въ видѣ новаго ученія, извѣстнаго подъ названіемъ Социніанской ереси или Унитаризма.

Неизвѣстный.

И перешедшаго, по всей вѣроятности, изъ Польши въ Россію. Какъ же вы понимаете это ученіе?

Филимонъ.

Мы находимъ его основу въ Евангеліи. *Се отрокъ Мой, коего Я избралъ; возлюбленный Мой, въ Коемъ благоволеніе души Моей; положу духъ Мой на Него, и возвѣститъ правду народамъ.* Вотъ, для насъ, истинное опредѣленіе Троицы. *Отецъ*—Богъ единый и нераздѣльный, Міроздатель и Вседержитель. *Сынъ*—Избранникъ и Посланникъ Божій. *Духъ*, Божественное вдохновеніе, которое, свидѣтельствуя о себѣ чудесами, уполномочивало Іисуса Христа и Его учениковъ, дабы могли они возвѣщать правду народамъ. И это высокое, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ ясное и простое уразумѣніе не могло удовлетворить ѳеологіи. Она постановила совершенное равенство между Отцомъ и Сыномъ, между Царемъ Небеснымъ и уполномоченнымъ отъ Него Іисусомъ, Который говоритъ вездѣ, что пришелъ творить не Свою волю, а волю Отца, пославшаго Его, и прибавляетъ: *ибо Отецъ мой болѣе меня.* Потомъ, богословіе отдѣлило Духъ Божій отъ Са-

мого Бога, Который есть Духъ, по словамъ Евангелія; и вышелъ изъ этого непостижимаго воззрѣнія догматъ тройной личности и тройнаго бытія, въ единосущности и нераздѣльности.

Неизвѣстный.

Но развѣ ты не видишь, что Социніанское твое понятіе о Троицѣ разрушаетъ Троицу, а вмѣстѣ съ ней и божественность Іисуса Христа?

Филимонъ.

И то и другое разрушается самимъ символомъ Греческой вѣры. Принимая, въ противность Римской церкви, но совершенно согласно съ Евангеліемъ, исхожденіе Духа Святаго или Божьяго отъ одного Отца, не признаетъ ли этимъ Греческая церковь, хотя безсознательно, что одинъ Отецъ и есть Богъ?

Неизвѣстный (*про себя*).

Любопытно знать, что̀ бы сказалъ на это Святѣйшій Правительствующій Синодъ! (*Вслухъ*). Поговоримъ лучше о другомъ таинствѣ, важнѣйшемъ изъ всѣхъ относительно къ практической жизни.

Филимонъ.

То-есть о бракѣ.

Неизвѣстный.

Да. Вы отвергаете это таинство, какъ и всѣ прочія. Забывая Христово ученіе о святости и ненарушимости брака, вы видите въ немъ одно гражданское постановленіе, освященное церковнымъ обрядомъ, или просто контрактъ, заключаемый на какихъ угодно условіяхъ, срочный или безсрочный. Вы разводитесь съ женами и берете другихъ, безъ всякаго ограниченія въ числѣ такихъ обмѣновъ, по одной вашей прихоти. Согласись, что это ужасный безпорядокъ и ужасный развратъ.

Филимонъ.

Это было бы худо, почти столь же худо, какъ и мнимая неразрывность брака у православныхъ. Самъ Христосъ допускаетъ разводъ, въ случаѣ прелюбодѣянія; а что̀ такое прелюбодѣяніе по его словамъ? *Всякій кто взглянетъ на женщину съ похотствованіемъ, уже прелюбодѣйствуетъ съ ней въ сердцѣ своемъ.* Тоже самое должно разумѣть и о женщинѣ, взглянувшей съ похотствованіемъ на мущину. Спрашиваю: много ли останется браковъ, не подлежащихъ разводу, въ силу такого опредѣленія?

Неизвѣстный.

Мастеръ ты сближать тексты и выводить заключенія, нечего сказать. Однако, для прочности семейныхъ узъ, очень хорошо, что законъ у насъ не допускаетъ развода.

Филимонъ.

Законъ не разводитъ, такъ супруги сами разводятся или расходятся, что̀ все равно. Скажу вамъ, батюшка, одну куріозную вещь. Здѣсь, въ го-

сподскомъ саду, есть мѣсто, откуда видно до двадцати селъ и деревень, на пространствѣ какихъ нибудь 50-ти верстъ. Изъ этихъ имѣній, какъ бы вы думали, почти цѣлая треть, то есть шесть деревень, принадлежатъ помѣщикамъ и помѣщицамъ, которые живутъ тамъ, съ давнихъ лѣтъ, безъ своихъ женъ и мужей, въ явномъ прелюбодѣяніи. Подобныхъ примѣровъ въ дворянствѣ неисчетное множество. Назовите такое положеніе супруговъ какъ вамъ угодно, а все таки оно есть вещественное и нравственное, то есть полное, расторженіе брака. Хорошо еще дворянамъ и людямъ другихъ свободныхъ сословій, что они могутъ, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ величайшаго изъ всѣхъ земныхъ страданій, отъ необходимости жить въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ тѣми, которыхъ, часто, они ненавидятъ и презираютъ болѣе всего на свѣтѣ. Мужъ оставляетъ жену или жена мужа, и между ними все кончено. Не такъ-то бываетъ въ крестьянствѣ. Тамъ супруги не расходятся. Кромѣ вѣнца, они связаны другой цѣпью, несравненно крѣпчайшею, которую зовутъ тягломъ. Безъ жены мужъ, и безъ мужа жена, тягла тянуть не могутъ. Тягло сковываетъ ихъ какъ яремъ двухъ воловъ, и для той же цѣли, для хлѣбопашества. Они далеко еще не созрѣли для брака, и ихъ ведутъ уже къ вѣнцу, по приказанію помѣщика или родителей. Когда же изъ мальчишки сдѣлается мужикъ, а изъ дѣвчонки баба, они предаются распутству почти безъ исключенія. Да иначе и быть не можетъ. Супруги эти не супруги. Они не договаривались, не соглашались, а только вѣнчались. Передъ сватьбой они могли сказать другъ другу: наше дѣло сторона. Между тѣмъ, брачный союзъ не что иное какъ договоръ, сдѣлка самая положительная и важнѣйшая въ жизни для сочетающихся. Трудно понять, какъ и почему рѣшились устранить единственную разумную основу такого дѣла и замѣнить договоръ таинствомъ, чѣмъ-то неопредѣленнымъ и непостижимымъ, какою-то сверхъестественною силою, связывающею двухъ человѣковъ на всю жизнь даже тогда, какъ существенныя условія брака нарушены и цѣль его не можетъ быть достигнута. Кто исчислитъ всѣ бѣдствія, всѣ стѣсненія, которыми наполняется наша Россія отъ этой печальной запутанности въ понятіяхъ самыхъ естественныхъ и простыхъ! Сколько обстоятельствъ, не имѣющихъ повидимому никакого значенія, препятствуютъ уже самому совершенію брака! Тутъ и свойство, и кумовство, и духовное родство, и множество запрещенныхъ степеней кровнаго родства, изъ которыхъ одни разрѣшаются попомъ, другія архіереемъ, третьи вовсе не разрѣшаются духовно, а подлежатъ разрѣшенію свѣтской верховной власти. Во многихъ селеніяхъ обыватели такъ уже перероднились между собою, кровно и духовно, что попъ никого не вѣнчаетъ, и они должны покупать невѣстъ изъ чужихъ имѣній, за дорогую цѣну. Мужики разоряются, а дѣвки ихъ старѣютъ, коснѣя въ развратѣ. Далѣе, мы видимъ дѣтей, рожденныхъ отъ одного отца и отъ одной матери. Младшіе изъ нихъ съ именемъ и состояніемъ старшіе безъимянные нищіе; и все это одна семья, братья и сестры, однокровные и одноутробные!!! Но то ли еще бываетъ!

Представьте себѣ, напримѣръ, чету истинно благословенную Небомъ, супруговъ, тѣсно соединенныхъ любовью и взаимнымъ уваженіемъ, präживших кучу дѣтей, но къ несчастію богатыхъ.

Неизвѣстный.

Вотъ странное несчастіе.

Филимонъ.

И для нихъ величайшее. Жили они много лѣтъ вмѣстѣ, на радость себѣ, другимъ на помощь и утѣшеніе. Старость уже приближается, а дѣтки подростаютъ. Вдругъ, какой-то троюродный братецъ подаетъ на нихъ доносъ: доказываетъ, что мужъ состоитъ въ духовномъ родствѣ съ своей женой. Бракъ расторгается, примѣрная жена и примѣрная мать объявляется блудницею, прекрасно воспитанные дѣти лишаются отцовскаго имени и записываются въ мѣщане; отецъ съ горя заболѣваетъ и умираетъ. Троюродный братецъ получаетъ наслѣдство.

Неизвѣстный.

Боже мой!... Но это только предположеніе?

Филимонъ.

Предположеніе или дѣйствительное происшествіе, развѣ это не все равно? Таковы бываютъ послѣдствія ложной и пагубной идеи, что бракъ не договоръ, а таинство. Въ довершеніе всѣхъ несообразностей, судъ о брачныхъ дѣлахъ предоставляется монахамъ, людямъ обязаннымъ, по духовному своему обѣту, не знать того, о чемъ служба обязываетъ ихъ судить и заключать!

Неизвѣстный (*про себя*).

Какая школа для государственнаго человѣка! (*Вслухъ*). И такъ у васъ вовсе не вѣнчаютъ?

Филимонъ.

Гдѣ можно, не вѣнчаютъ. Почти у всѣхъ сектъ безпоповщины есть другой обрядъ. Родители благословляютъ сочетавающихся и подписываютъ свадебный договоръ. Хотя бываютъ и срочные договоры, однако разводы довольно рѣдки въ безпоповщинѣ, за исключеніемъ Суботниковъ, которые вовсе не христіане. Опять скажу вамъ: *по плоду судите о деревѣ*. Гдѣ болѣе нравственности и чистоты, гдѣ менѣе супруговъ разъединенныхъ и прелюбодѣйствующихъ, у православныхъ, связанныхъ со своими половинами навсегда, или у насъ, гдѣ можно развестись по закону?

Неизвѣстный (*про себя*).

Довольно о таинствахъ. (*Вслухъ*). Почему многіе раскольники отказываются отъ присяги или присягаютъ только по принужденію?

Филимонъ.

Присяга, то-есть клятва, запрещена Евангеліемъ: *Вовсе не клянись, а говори просто да или нѣтъ*, сказалъ Христосъ. И зналъ Онъ, мудрый Учи-

тель, почему такъ строго возбраняетъ клятву. Изъ да или нѣтъ можетъ выйти простая ложь, клятва же порождаетъ клятвопреступленіе. А сколько клятвопреступленій совершается тамъ, гдѣ законъ требуетъ присяги почти что на каждомъ шагу! Вотъ на дворянскихъ выборахъ, примѣрно сказать, я всегда глядѣлъ съ ужасомъ, какъ вновь избранные судьи, исправники и засѣдатели присягаютъ на вѣрное служеніе царю и отечеству. Мнѣ казалось, что лобзаніе Іуды повторяется тутъ стократно, и цѣлующіе ноги у Распятаго сами распнутъ Его при первомъ удобномъ случаѣ.

Неизвѣстный (*про себя*).

Откуда у него берется! (*Вслухъ*). Ты, Филимонъ, безъ сомнѣнія не изъ числа тѣхъ, которые воздерживаются отъ чаю, кофе и табаку, какъ отъ растеній поганыхъ или проклятыхъ?

Филимонъ.

Такъ думаютъ лишь самые невѣжественные изъ насъ. Что создано Богомъ и растетъ по Его волѣ, не можетъ быть проклято.

Неизвѣстный.

Самъ употребляешь?

Филимонъ.

Нѣтъ, я не употребляю ни чаю, ни кофію, ни табаку, но единственно потому, что все это не насыщаетъ, не утоляетъ жажды, а есть одна прихоть или угожденіе чувственности. Крайняя всегдашняя умѣренность въ удовлетвореніи тѣлесныхъ нуждъ, дабы плоть, слишкомъ возлѣлеенная, не взяла верхъ надъ духомъ, таково наше понятіе о постахъ. Скопцы и, какъ говорятъ, Хлысты, вовсе не употребляютъ ни вина, ни мясной пищи.

Неизвѣстный (*про себя*).

О вѣрѣ его болѣе знать мнѣ не нужно. *Abordons la question politique.* (*Вслухъ*).Благодарю тебя, почтенный Филимонъ, за откровенность твоихъ признаній и объясненій. И такъ, по твоему мнѣнію, недостатки господствующей церкви единственная причина расколовъ у насъ въ Россіи.

Филимонъ.

Главная, но не единственная. Есть еще другая, почти столь же важная. Если религія первая потребность духовнаго человѣка, то правосудіе есть первая потребность всякаго гражданскаго общества.

Неизвѣстный.

А по вашему его нѣтъ въ Россіи? Вѣдь вы не признаете гражданскихъ властей, ни даже высочайшей власти Государя Императора. Вы считаете людей равными между собой. Не такъ ли?

Филимонъ.

Секты, составляющія безпоповщину, не признаютъ гражданскихъ властей, потому что на нихъ, равно какъ и на православномъ духовенствѣ,

наложена *печать Антихриста*, то-есть, говоря языкомъ людей образованныхъ, онѣ видятъ, и съ той и съ другой стороны, совершенное несогласіе съ ученіемъ Христовымъ. И людей полагаютъ онѣ равными межъ собою. Замѣчаю однако, что все это у нихъ понятія довольно темныя, болѣе религіозныя чѣмъ логическія, пока еще не сопряженныя съ духомъ мятежа и относящіяся скорѣе къ будущему, чѣмъ къ настоящему. Многія изъ этихъ сектъ ожидаютъ какого-то царства, въ родѣ втораго пришествія, которому даютъ онѣ въ основаніе чисто-Евангельскія начала, то-есть: Христіанское братство или демократическое равенство и отмѣненіе собственности. Какъ люди темные и мечтательные, эти раскольники воображаютъ, что подобное царство, которое является лишь умозрительно, на крайнемъ предѣлѣ развитія всего человѣческаго рода, уже грядетъ къ нимъ и скоро наступитъ. Между тѣмъ они все-таки понимаютъ, что до того времени люди должны повиноваться кому нибудь, и доказательствомъ тому служитъ ихъ покорность своимъ наставникамъ и старшинамъ. Но, какъ гласитъ одна нечистая мужицкая поговорка: разсердясь на вшей, да я шубу въ печь.

Неизвѣстный.

Значитъ?

Филимонъ.

Что, видя всю неправду судейскихъ и полицейскихъ властей, они заключаютъ, что не должно быть ни полиціи, ни судопроизводства.

Неизвѣстный (*значительно*).

И что республика единственная законная форма правленія. Не такъ ли и ты думаешь, почтенный Филимонъ?

Филимонъ (*улыбаясь*).

Нѣтъ, батюшка; ни они, ни я такъ не думаемъ. Они потому, что въ ожидаемомъ ими царствѣ глава будетъ Самъ Богъ, власть вовсе не республиканская, напротивъ того, безграничная и всемогущая; а я потому, что въ Россіи, какова она есть теперь, возможенъ только одинъ самодержавный Царь.

Неизвѣстный (*удивленный*).

Это твое мнѣніе?

Филимонъ.

Истинное глубокое убѣжденіе мое.

Неизвѣстный.

Но секты безпоповщины расположены враждебно и къ самому Государю.

Филимонъ.

Это было прежде, вслѣдствіе казней и гоненій, которымъ раскольники подвергались до Екатерины II-й. Теперь другое. Раскольники, что пра-

вославные, всѣ мы Русскіе люди, полагаемъ всю свою надежду на одного Царя. Онъ одинъ можетъ избавить насъ.

Неизвѣстный.

Отъ чего?

Филимонъ.

Вопервыхъ, сорокъ милліоновъ невольниковъ отъ рабства; вовторыхъ, весь народъ отъ насилій, грабежа и неправды, творимыхъ повсюду, безнаказанно, невѣрными исполнителями священной воли его.

Неизвѣстный.

То-есть судебными и правительственными властями. Вотъ конекъ, на которомъ всѣ теперь выѣзжаютъ. Преувеличенная декламація! Тема избитая до крайней пошлости! Впрочемъ, гдѣ же не бываетъ злоупотребленій?

Филимонъ.

Злоупотребленія вездѣ, но въ видѣ исключеній. У насъ же онѣ составляютъ коренное, неизмѣнное правило. Доложу вамъ, батюшка: я былъ, въ продолженіи 20-ти лѣтъ, управителемъ имѣнія въ 18,000 душъ и повѣреннымъ по дѣламъ милліоннымъ. Градскія и земскія полиціи, губернскія правленія, уѣздные суды, уголовныя и гражданскія палаты, сенатскіе департаменты извѣстны мнѣ, какъ были тогда господскіе карманы. Если угодно, я могу передать вамъ, въ немногихъ словахъ, общее заключеніе, къ которому довелъ меня опытъ многолѣтней и многодѣятельной моей службы въ званіи управляющаго и повѣреннаго.

Неизвѣстный.

Очень любопытенъ слышать.

Филимонъ.

Въ Россіи нѣтъ владѣльца совершенно обезпеченнаго въ сохраненіи какой бы то ни было поземельной собственности, если несравненно сильнѣйшій или богатѣйшій, что̀ все равно, захочетъ оттягать эту собственность и не пожалѣетъ средствъ для достиженія своей цѣли.

Неизвѣстный.

Такъ поэтому для судей нѣтъ никакой разницы между дѣломъ справедливымъ и несправедливымъ?

Филимонъ.

Есть. Выиграть справедливое дѣло стоитъ дешевлѣ. Чѣмъ оно хуже, тѣмъ дороже. Жилъ былъ у насъ дѣлецъ знаменитый, служившій нѣкогда товарищемъ предсѣдателя здѣшней гражданской палаты. Этотъ человѣкъ, который сгубилъ и разорилъ огромное множество правыхъ, имѣлъ обыкновеніе утѣшать своихъ жертвъ, говоря имъ: Есть дѣла справедливыя, но не

законныя; а другія хотя вовсе несправедливы, совершенно незаконны. Виноватъ ли я, что дѣло ваше входило въ первую категорію? Повѣрьте моей чести. Рѣшить иначе было невозможно.

Неизвѣстный.

Хороша похвала министерству юстиціи! Теперь очередь министерства внутреннихъ дѣлъ. Что̀ скажешь новаго о чиновникахъ правительственныхъ и полицейскихъ?

Филимонъ.

Трудно сказать что нибудь новое про то, что̀ каждому извѣстно какъ собственное свое горе. Судебныя власти сбираютъ дань преимущественно съ владѣльцевъ и капиталистовъ; губернскія же начальства, съ своими агентами, держатъ, какъ бы на откупу, всѣ классы народа, имущихъ и неимущихъ. Эти-то всего страшнѣе для простолюдина.

Неизвѣстный.

Почему же они такъ страшны?

Филимонъ.

Полиція для того, чтобъ оберегать личность и собственность честныхъ людей, и преслѣдовать тѣхъ, которые нападаютъ на ту или на другую.

Неизвѣстный (*улыбаясь*).

Безъ всякаго сомнѣнія.

Филимонъ.

Переверните же теперь это опредѣленіе на изнанку и скажите: полиція для того, чтобы дѣлать всѣ возможныя прижимки честнымъ людямъ изъ среднихъ и низшихъ сословій, чтобы прикрывать безпорядки всякаго рода и спасать виновныхъ отъ заслуженнаго наказанія; и вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе о дѣйствіяхъ градскихъ и земскихъ полицій, конечно не во всѣхъ, но во многихъ и многихъ случаяхъ.

Неизвѣстный.

Какое преувеличеніе! (*про себя*). То-есть какая правда!

Филимонъ.

Я не хотѣлъ приводить примѣровъ; приведу хоть одинъ, куріозности ради. Недавно видѣлъ я въ городѣ, какъ одинъ извѣстный и богатый купецъ бѣжалъ по улицѣ за человѣкомъ, укравшимъ у него коверъ, и остановилъ его съ помощію прохожихъ. Является квартальный надзиратель, узнаётъ отъ вора, что коверъ не краденый, а имъ, воромъ, благопріобрѣтенный; и потомъ, обращаясь къ купцу, квартальный грозно спрашиваетъ его, какъ онъ можетъ доказать, что коверъ его купеческая, а не воровская собственность. Кончилось тѣмъ, что купецъ испугался, пожертвовалъ

своимъ ковромъ и еще нѣсколькими цѣлковыми, чтобы вырваться изъ рукъ полиціи.

Неизвѣстный.

Ахъ Филимонъ, Филимонъ! Ты называешь себя христіаниномъ по Христу и видишь однихъ воровъ и мошенниковъ въ огромномъ числѣ людей, служащихъ по судебнымъ и полицейскимъ мѣстамъ. Не грѣшно ли это?

Филимонъ.

Я всегда былъ далекъ отъ такого грѣха и отъ такого безумія. Честныхъ и благородныхъ людей много во всякомъ званіи и на всякой службѣ. Но честность и благородство бываютъ часто безполезными въ присутственныхъ мѣстахъ, особливо въ судебныхъ, гдѣ первенствуетъ и рѣшаетъ обыкновенно одинъ голосъ, много что два, и не всегда даже изъ присутствующихъ. Здѣсь значитъ все предсѣдатель, тамъ его товарищъ, далѣе секретарь. Кромѣ того, благонамѣренность отдѣльныхъ чиновниковъ имѣетъ рѣдко вліяніе на окончательное рѣшеніе важнаго дѣла. Вы выиграете въ первой инстанціи, а проиграете во второй; выиграете во второй, и проиграете въ третьей.

Неизвѣстный.

То-есть въ Сенатѣ. Но вѣдь Сенатъ уже не то что̀ уѣздные суды или гражданскія палаты.

Филимонъ.

Конечно не то, батюшка. Отъ предсѣдателей палатъ требуется, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая юридическая практика; отъ сенаторовъ же лишь одинъ генеральскій чинъ, военный или статскій. Господа сенаторы, по большой части, инвалиды изъ арміи и изъ всѣхъ министерствъ, почетные призраки, выставляющіе свое имя подъ сужденія и заключенія секретарей. (*Съ глубокимъ вздохомъ*). Таковъ составъ верховнаго суда, уголовнаго и гражданскаго у насъ въ Россіи. Хорошо еще, что къ этимъ почтеннымъ старичкамъ приставлены дядьки.

Неизвѣстный.

Что̀ за дядьки?

Филимонъ.

Оберъ-прокуроры, батюшка, то-есть юристы. Вѣдь оберъ-прокуроръ, въ каждомъ департаментѣ и въ общемъ собраніи, имѣетъ болѣе значенія и силы, чѣмъ всѣ сенаторы вмѣстѣ.

Неизвѣстный (*про себя*).

Слава Богу, что я не сенаторъ.

Филимонъ.

Что же касается до чиновниковъ исполнительной части, имъ было бы трудно, почти невозможно, удержаться на хлѣбномъ мѣстѣ, еслибы они не

платили оброкъ кому слѣдуетъ. Благоволите замѣтить, наконецъ, что въ самомъ числѣ взяточниковъ или, какъ нынѣ говорятъ, принимающихъ заранѣе благодарность, есть люди хорошіе и люди дурные. Межъ ними найдете много примѣрныхъ мужей, чадолюбивыхъ отцовъ, набожныхъ христіанъ, ну словомъ, людей почтеннѣйшихъ, какъ говорится. Служба сама по себѣ. Торгъ совѣстію и законами, по дѣламъ службы, общая система, глубоко укоренившаяся во всѣхъ убѣжденіяхъ и всѣхъ сердцахъ, признанная, по праву давности и необходимости, даже тѣми кто не служитъ. Взятки самый видный остатокъ тѣхъ Азіатскихъ пороковъ, которыми, по словамъ безсмертнаго нашего Карамзина, Татарское иго запятнало народный характеръ Русскихъ. Гдѣ всѣ виноваты, тамъ виноватаго нѣтъ; потому я никого и не обвиняю. Несправедливо было бы упрекнуть дикаго Американца людоѣдствомъ, еслибы все его племя пожирало людей.

Неизвѣстный (*смѣясь*).

Весьма оригинальная апологія, за которую собиратели благодарностей должны бы поднести тебѣ благодарственную грамоту. Я слышалъ, что раскольники зовутъ судей и полицейскихъ чиновниковъ *черными вранами.*

Филимонъ.

Для насъ, мужиковъ, эти черные враны страшнѣе помѣщиковъ и управителей, хуже самой неволи. Помѣщичьи крестьяне вовсе не завидуютъ вольнымъ или казеннымъ крестьянамъ единственно потому, что послѣдніе гораздо слабѣе ограждены отъ нападеній земскихъ полицій. Весьма естественно. Между помѣщиками нѣкоторые, теперь ужъ немногіе, будь сказано къ чести дворянъ, поступаютъ съ своими крестьянами безчеловѣчно; но все-таки, говоря вообще, владѣлецъ, если и не жалѣетъ въ крестьянинѣ человѣка, то бережетъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, свою вещь, свое добро. Черный вранъ, напротивъ, видитъ въ насъ одну добычу и готовъ заклевать мужика до смерти. Ну, батюшка, много наговорилъ я вамъ, разболтался не на шутку, хотя не высказалъ вамъ и десятой доли того что̀ можно бы было сказать. Думаю однако, что изъ моихъ глупыхъ словъ вы могли распознать источники и двойное значеніе раскольническихъ сектъ въ нашемъ отечествѣ. Онѣ не что иное какъ протестованіе Русскаго народа, подписанное милліонами и почти всѣми одобряемое противъ стѣсненій и неудовлетворительности господствующей церкви съ одной стороны, а съ другой, противъ нестерпимыхъ злоупотребленій гражданской власти.

Неизвѣстный.

Горе намъ, если ты сказалъ правду. Это была бы страшная опасность для будущности Россіи.

Филимонъ.

Безъ сомнѣнія.

Неизвѣстный.

Если раскольничество—протестація народа противъ церкви и государства, оно грозитъ намъ насильственными переворотами и религіозными войнами.

Филимонъ.

Нашъ простой народъ живетъ еще въ среднихъ вѣкахъ и едва ли прошелъ времена Албигойцевъ и Гусситовъ. Стало быть, религіозныя междоусобія еще возможны въ Россіи.

Неизвѣстный (*съ жаромъ*).

Стало быть, раскольничество такое зло, которое должно стараться искоренить всѣми силами.

Филимонъ.

Я также думаю, батюшка.

Неизвѣстный (*смотря ему въ глаза*).

Также думаешь, а самъ ересеначальникъ!

Филимонъ.

Наша ересь не опасна для государства. Мы воздаемъ Кесарю Кесарево.

Неизвѣстный.

Но какими же средствами прикажешь тутъ дѣйствовать? Противъ раскольниковъ пытали и испытывали все: и казни, и мѣры кротости; и все оказалось безполезнымъ.

Филимонъ.

Да, батюшка; казни воспламеняютъ, мѣры кротости поощряютъ.

Неизвѣстный (*съ досадой*).

Ты, кажется, смѣешься надо мной.

Филимонъ.

Я ни надъ кѣмъ не позволяю себѣ смѣяться.

Неизвѣстный.

И такъ, по твоему мнѣнію, нѣтъ средствъ къ уничтоженію расколовъ?

Филимонъ.

Какъ не быть. Стóитъ потушить пожаръ и горѣть перестанетъ.

Неизвѣстный.

Какъ это?

Филимонъ.

Я хотѣлъ сказать, что съ устраненіемъ причины прекращается и дѣйствіе. Когда въ Россіи не будетъ невольничества, когда въ народѣ воцарится истинное христіанское разумѣніе, а надъ народомъ законъ: тогда, повѣрьте мнѣ, и раскольниковъ не будетъ.

Неизвѣстный.

Я удивляюсь, какъ иногда въ человѣкѣ замѣчательный умъ соединяется съ мечтательностію самой безразсудной. Положимъ, что все сказанное тобою справедливо; но можетъ ли правительство, какъ бы сильно и мудро оно ни было, взять на себя починъ и отвѣтственность тѣхъ исполинскихъ преобразованій, которыя слѣдовало бы совершить по твоему мнѣнію? Это значило бы перелить весь Русскій народъ въ новую форму.

Филимонъ.

А развѣ Петръ Великій не сдѣлалъ уже этого? Эхъ батюшка! Можно ли сказать, что для Русскаго Царя есть что нибудь невозможное? Чего не одолѣетъ единая, всесильная, благая воля?

Неизвѣстный.

Конечно, воля Царя самодержавнаго никогда не отдѣляется отъ пользы и благоденствія государства; но чтобъ обезпечить у насъ точное во всемъ исполненіе этой священной воли или, другими словами, чтобъ измѣнить коренныя нравственныя понятія цѣлаго народа, это свыше силъ человѣческихъ.

Филимонъ.

Такъ, батюшка; пересоздать народъ, или цѣлые классы народа, можетъ одно воспитаніе. Правительство объ этомъ уже и заботится; но и съ настоящаго времени можно бы было прекратить безнаказанность хоть до нѣкоторой степени. Спасительная дубинка Петра Великаго могла бы явиться въ другомъ видѣ, приспособленномъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, и дѣйствовать съ такою же силою какъ и прежде.

Неизвѣстный (*съ ироніей*).

Не придумалъ ли ты уже, Филимонъ Абрамычъ, новую форму, какую бы слѣдовало дать дубинкѣ?

Филимонъ.

Не мнѣ, простому мужику, выдумывать и предлагать средства, которыми довершилось бы великое дѣло преобразованія Россіи. У насъ, благодаря Бога, есть дворяне съ свѣтлымъ образованіемъ и пламенною любовію къ отечеству; есть въ университетахъ и на высшихъ степеняхъ службы люди ученые и благонамѣренные; есть Русскій умъ, не уступающій никакому чужому уму. Вѣдь Карамзинъ, Крыловъ и Пушкинъ были Русскіе.

Неизвѣстный.

Такихъ уже нѣтъ теперь.

Филимонъ.

Нѣтъ и быть не можетъ? Въ этомъ-то вся бѣда, какъ мнѣ кажется. Общественное зло въ Россіи имѣетъ большое сходство съ тѣми призраками, которые являются лишь въ полунощномъ мракѣ. Стбитъ ударить въ нихъ лучемъ свѣта, стоитъ прокричать пѣтуху, и они нечистые пропадутъ мгновенно.

Неизвѣстный.

Что̀ такое лучь свѣта, что̀ — крикъ пѣтуха?

Филимонъ.

Лучь свѣта—это мнѣніе народа; крикъ пѣтуха—его голосъ. Пока голоса не слыхать, свѣтъ остается подъ спудомъ.

Неизвѣстный.

Ого, ты просто желаешь свободы тисненія!

Филимонъ.

Я желалъ бы, чтобы спреведливыя жалобы народа, горькія его нужды и обиды, причиняемыя ему со всѣхъ сторонъ, могли доходить до подножія трона и до всеобщаго свѣдѣнія. Необходимо дать правильный истокъ народной мысли и народному чувству. До сихъ поръ они не могли высказаться у насъ громогласно, на словахъ; такъ и выразились, на дѣлѣ, раскольничествомъ. Тайное ученіе безпоповщины заступило свободное книгопечатаніе. Впрочемъ, что̀ можно печатать въ Россіи, о чемъ бы не говорили всѣ и повсюду каждый день и каждый часъ? Но словесные эти толки ничему не помогаютъ. Законопродавцы и грабители смѣются только надъ ними. Не устояли бы они противъ печатной гласности.

Неизвѣстный.

Но тогда бы никто не захотѣлъ служить.

Филимонъ.

Конечно вышло бы въ отставку число немалое, и тогда бы очнулась наша матушка Россія. Всѣ должности, изъ которыхъ многія считаются нынѣ низкими и даже подлыми, облагородились и замѣстились бы тогда людьми порядочными. Недостатка въ охотникахъ на службу никогда не будетъ.

Неизвѣстный.

Но этимъ открылось бы безграничное поприще поношенію и клеветѣ.

Филимонъ.

Разумѣется, что всякъ бы отвѣчалъ за каждое печатное свое слово. Пусть издадутъ законъ наистрожайшій противъ виновныхъ такого рода, лишь бы отмѣнили цензуру.

Неизвѣстный (*улыбаясь*).

Ужъ не сочинитель ли ты, Филимонъ Абрамычъ?

Филимонъ.

Нѣтъ, батюшка, Господь помиловалъ. Велико званіе писателя. Достойные писатели—представители народнаго ума, благороднѣйшіе сыны отечества. Но, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, имъ уже не жить, а развѣ только умирать въ Россіи. Божество, которому они служили или готовились служить, одернулось непроницаемымъ покрываломъ. Храмъ гласной истины запечатанъ тройною печатью. Недавно гостилъ у нашего помѣщика одинъ молодой писатель, съ талантомъ, бросившій перо года три тому назадъ. Онъ и меня старика удостоилъ своимъ посѣщеніемъ; и вотъ что онъ сказалъ мнѣ, переиначивая одно Евангельское изрѣченіе: Удобнѣе верблюду сквозь игольныя уши пройти, чѣмъ богатому умомъ автору остаться въ живыхъ подъ ножемъ оскопителей мысли. Такъ называлъ онъ нашихъ цензоровъ.

Неизвѣстный (*про себя*).

Bien dit. (*Вынимаетъ часы и встаетъ*). Пора намъ разстаться съ тобою, Филимонъ. Скажу тебѣ на прощанье, что ты человѣкъ истинно умный и добрый, но неосторожный въ высшей степени. Какъ могъ ты говорить неизвѣстному все то, что я отъ тебя слышалъ? Откровенность за откровенность. Узнай же, кто я такой. (*Разстегиваетъ свое пальто, подъ которымъ виденъ фракъ съ двумя звѣздами на лѣвой сторонѣ*). Я членъ Государственнаго Совѣта и посланъ по высочайшей волѣ въ вашу губернію для изслѣдованія раскольническихъ сектъ. Здѣшній становой приставъ Цапкинъ подалъ мнѣ на тебя подробный доносъ; но мнѣ сказали о тебѣ и другіе, не похожіе на Цапкина; и я не хотѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомиться съ человѣкомъ столь необыкновеннымъ. Ты нѣсколько фанатикъ и мечтатель опасный, хотя благонамѣренный; но ты заставляешь уважать себя. За радушное твое гостепріимство и за благородную откровенность я не хочу погубить сѣдой твоей головы. Не бойся ничего, Филимонъ Абрамовъ.

Филимонъ (*спокойно*).

Чего мнѣ бояться, ваше превосходительство? Легко было угадать, по вашимъ вопросамъ или допросамъ, кто вы такіе; но вамъ угодно было пожаловать сюда въ видѣ бѣднаго странника; и я, какъ хозяинъ, долженъ былъ сообразиться съ намѣреніемъ моего гостя, хотя правду сказать, ваше превосходительство нѣсколько позабыли роль свою.

Неизвѣстный (*съ удивленіемъ*).

Ты угадалъ, кто я и говорилъ со мной такъ смѣло!

Филимонъ.

Я былъ очень радъ, что слушаетъ меня сановникъ, облеченный въ довѣріе Царя, надѣясь, что ваше превосходительство доведете нашъ разговоръ до высочайшаго свѣдѣнія; и теперь на это надѣюсь. Умолчать о томъ, что́ вы изволили слышать значило бы измѣнить служебнымъ вашимъ обязанностямъ.

Неизвѣстный.

Въ умѣ ли ты, Филимонъ? Знаешь ли, какая участь предстоитъ тебѣ, если я исполню эту обязанность?

Филимонъ.

Я знаю слова Христовы: *Блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царство небесное.*

Неизвѣстный.

Въ тебѣ много духовной гордости, Филимонъ. Ты добиваешься мученичества. Не хорошо!

Филимонъ (*смиренно*).

Ваше превосходительство пристыдили меня. Положимъ, что я и виноватъ; но еслибы хоть одно изъ моихъ нехитрыхъ словъ запало въ душу нашему Царю-батюшкѣ: тогда, можетъ быть, не совсѣмъ даромъ для Россіи прожилъ бы 75 лѣтъ и умеръ на лобномъ мѣстѣ крестьянинъ Филимонъ Абрамовъ.

Неизвѣстный.

На лобномъ мѣстѣ, такъ вотъ чего ты ожидаешь!

Филимонъ.

Чего же болѣе христіанину по Христу и ожидать отъ нашихъ православныхъ судей?

Неизвѣстный.

Этого не будетъ. Даю тебѣ честное слово.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЪ 26 на 27 ІЮЛЯ.

Полночь.

Внутренность избушки, въ лѣсу, у пчельника. Входъ, безъ дверей, прорубленъ въ серединѣ. Съ правой стороны отъ зрителя окно, не имѣющее ни рамы, ни ставня, и черезъ которое видна густая, темная зелень деревьевъ. У окна скамейка. Съ лѣвой стороны небольшая затворенная дверь чулана. Сцена слабо освѣщена луннымъ свѣтомъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Полковникъ.—Маша *(входятъ).*

Полковникъ.

Какъ ты дрожишь, Маша. Неужели боишься?

Маша.

Боюсь всего. Совѣсть меня замучила. Ахъ еслибы ты зналъ, что́ я перенесла со вчерашняго дня. Не прикинься я больной, мужъ и дѣдушка узнали бы все непремѣнно.

Полковникъ.

Полно, мой другъ, какъ имъ было узнать?

Маша.

Не говори, Александръ. Мужъ, правда, оторопѣлъ и все хлопоталъ около моей постели; такъ, можетъ, и не замѣтилъ ничего. Поутру я сказала ему, что мнѣ легче; онъ сталъ ласкать, цѣловать меня... Ахъ Александръ, и въ самомъ аду не можетъ быть хуже грѣшницѣ отъ вѣчнаго огня, чѣмъ мнѣ отъ его поцѣлуевъ. Вытерпѣла, улыбнулась ему. Иначе онъ никакъ бы не поѣхалъ въ городъ.

Полковникъ.

А дѣдушка?

Маша.

Не знаю, какъ сказать тебѣ. Онъ пришелъ къ намъ поздно вечеромъ, когда Егора отозвали къ твоему отцу. Долго смотрѣлъ онъ на меня; и я, какъ будто противъ воли, все на него смотрѣла. Мнѣ казалось, что это не онъ, а ликъ Святаго Іоанна Богослова, на царскихъ дверяхъ, воплотился и глядитъ мнѣ какимъ-то лучистымъ взоромъ, не въ глаза, а прямо въ душу. Я вскрикнула. Онъ покачалъ головой и ушелъ.

Полковникъ.

Не сказавъ тебѣ ничего?

Маша.

Ни слова.

Полковникъ.

Странно!

Маша.

Нѣтъ, Александръ, не снести мнѣ такой жизни. Страхъ и совѣсть убьютъ меня. Увези меня скорѣе отсюда.

Полковникъ.

А развѣ ты думаешь, что мнѣ легче? Я здѣсь уже не живу, а только умираю отъ безпокойства и нетерпѣнья. Со вчерашняго дня живу я на большой дорогѣ, въ коляскѣ, возлѣ тебя. Мы нигдѣ не останавливаемся; мчимся съ быстротою вихря, въ неизвѣстную даль. Потерпи еще день, ангелочикъ мой. Я уже объявилъ отцу, что послѣ завтра ѣду въ Петербургъ неотложно. Съ невѣстой все кончено. Она отъ меня отказалась.

Маша.

Не правда. Кто бы отъ тебя отказался?

Полковникъ.

Она, кажется, угадала, что я люблю другую.

Маша.

Но ужъ вѣрно не угадала, кого ты полюбилъ. (*Оба садятся*).

Полковникъ (*прижимая ее къ себѣ*).

Радость, жизнь ты моя, какъ было не угадать! Вѣдь на свѣтѣ одна только Маша, одна жемчужина, за которую я могъ заплатить такую цѣну: отдать отца и мать, и честь, и отечество. Намъ нельзя будетъ остаться въ Россіи.

Маша (*вздыхая*).

И такъ Вѣра Алексѣевна знаетъ, что это я. Достанетъ ли въ доброй ея душѣ столько презрѣнія и гнѣва, сколько заслуживаю я, подлая тварь, осыпанная ея милостями? Ты сказалъ, Александръ, что жертвуешь для меня отечествомъ.

Полковникъ.

Да, мой другъ, это необходимо. Твой мужъ потребуетъ тебя. Онъ теперь человѣкъ вольный и съ деньгами. Его искательство уважутъ, а можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ за тобой.

Маша.

Не говори этого, не говори, ради Бога. Довольно, что страшный его образъ будетъ мнѣ являться непрестанно и на яву, и во снѣ. Часъ нашего свиданья будетъ часъ моей смерти.

Полковникъ.

Вотъ почему и надобно оставить Россію какъ можно скорѣе. Мы поселимся въ Италіи, Греціи, можетъ быть и въ Америкѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Маша.

А онъ переплыветъ море-океанъ, обѣжитъ весь земной кругъ отъ восхода до заката и достигнетъ насъ. Отъ него мы не укроемся, какъ отъ гнѣва Божіяго. Онъ мнѣ законъ, и я вездѣ его. Удалимся хоть на край свѣта, а цѣпи таинства намъ не разорвать. За эту цѣпь онъ все будетъ тащить меня до сырой могилы.

Полковникъ.

Но, можетъ быть, онъ умретъ прежде тебя.

Маша.

Умретъ, такъ явится мертвецомъ, и той же цѣпью опутаетъ прелюбодѣйную свою жену, и потащитъ ее въ пламень неугасимый.

Полковникъ.

Въ новомъ отечествѣ нашемъ я назовусь чужимъ именемъ, не Русскимъ. Тогда уже, за тысячами верстъ, за океаномъ, онъ не отыщетъ насъ. Тогда мы примемъ другую вѣру и обвѣнчаемся; и страшная цѣпь таинства спадетъ съ тебя, единственный другъ мой. Но захочешь ли ты отказаться отъ православія, какъ я отказываюсь отъ имени моихъ предковъ?

Маша (*съ восторженностью*).

Чтò мнѣ теперь до православія, лишь бы моя вѣра была твоею, лишь бы и на томъ свѣтѣ ничто насъ не разлучало. Женись на мнѣ, если хочешь, или не женись; да только люби меня. Вѣдь знаешь, Александръ, твоя любовь вся моя жизнь на землѣ, а за гробомъ вся моя надежда. Пусть буду я твоей любовницей, женой, подругой или рабыней; пусть, вмѣсто собачки, я буду охранять тебя и лежать у ногъ твоихъ; но только не отталкивай меня, сизый мой голубчикъ, свѣтъ ты моихъ очей, не покидай, держи при себѣ неотлучно, Саша. Самъ Богъ не разлучитъ насъ. Господь и въ своемъ гнѣвѣ милосердъ. Накажетъ за нашу вину, но не разлучитъ. А еслибы раскаяніемъ я и заслужила прощеніе Отца Небеснаго, то не хочу въ рай безъ тебя; клянусь остаться при тебѣ, гдѣ бы то ни было, и да услышитъ Богъ мою клятву.

Полковникъ.

Машенька, ты болѣе чѣмъ ангелъ! (*Продолжительное страстное объятіе*). Скажи мнѣ, куда ведетъ эта дверь?

Маша.

Въ чуланъ. Тамъ спалъ караульщикъ, когда здѣсь были пчелы.

Полковникъ.

Пойдемъ отдохнуть туда. Да будетъ этотъ уголокъ послѣднимъ и лучшимъ нашимъ воспоминаніемъ о милой родинѣ, которую мы ужъ не увидимъ. Послѣ завтра мы уѣзжаемъ навсегда. (*Встаетъ и, обнявъ одной рукой Машу, ведетъ ее къ двери, которая вдругъ отворяется снутри. У входа показывается Егоръ съ лицемъ блѣднымъ и искаженнымъ. На немъ одна красная рубаха. Въ правой рукѣ топоръ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Прежніе.—Егоръ.

Егоръ.

Недалеко уѣдешь, баринъ!

Полковникъ.

А!

Маша (*падая*).

Господи спаси его и помилуй мою душу!

Егоръ.

Спасибо за то, чтò слышалъ. Теперь моя очередь угостить васъ, дорогіе гости. Поджидалъ я васъ здѣсь цѣлыхъ четыре часа. (*Окидываетъ поперемѣнно Машу и полковника дикимъ взоромъ. Потомъ крестится*). Съ кого начать?

Маша (*бросается мужу въ ноги и крѣпко обвиваетъ его колѣни*).

Что ты это сказалъ! Неужели руки подымутся у тебя на барина! Да онъ ни въ чемъ не виноватъ. Скажу тебѣ всю правду, Егорушка; скажу какъ передъ Богомъ. Выслушай меня, не губи своей души напрасно. Я бабенка негодная, распутная... я обманывала тебя и прежде... обманывала съ бурмистромъ... съ другими еще. Вотъ и баринъ мнѣ приглянулся. Онъ всячески отталкивалъ, стыдилъ меня; но я не отвязывалась, одолѣла его своимъ безстыдствомъ. Онъ человѣкъ молодой, неженатый, а самъ ты Егорушка все мнѣ говорилъ: кому бы ты не понравилась Маша.... Дѣлай со мной чтò хочешь; но его, какъ это можно? Онъ твой баринъ, онъ одинъ сынъ у отца. Богъ не потерпитъ тебѣ Егорушка; право, не потерпитъ.... Не тронь его. (*Цѣлуетъ у мужа ноги*).

Полковникъ.

Она клевещетъ на себя, не вѣрь ей, Егоръ. Я умиралъ отъ любви къ ней, и она провинилась изъ одного ко мнѣ состраданія.

Егоръ (*не слушая полковника*).

Какъ она его любитъ! Такъ нѣтъ же. Не ты умрешь, змѣя подколодная! Я сдѣлаю такъ, что жизнь для тебя будетъ хуже смерти. (*Полковнику*). Ну, баринъ, скорѣе помолись Богу. Я христіанинъ, не хочу отпустить твою душу безъ покаянія.

Маша (*бросается къ полковнику и тихо*).

Съ тобой вѣрно пистолеты. Застрѣли его!

Полковникъ (*тихо*).

Со мной нѣтъ ничего. Мой часъ пробилъ.

Егоръ.

Простились! (*Съ дикимъ смѣхомъ*). Авось еще сойдетесь гдѣ нибудь; только ужъ не здѣсь въ чуланѣ. (*Поднимая топоръ*). Молись же, баринъ; говорю тебѣ.

Полковникъ.

Я готовъ; только не здѣсь, не при ней. Исполни просьбу умирающаго. Выйдемъ отсюда.

Егоръ.

И у тебя достаетъ духу, чтобы просить меня! Иль позабылъ, что безъ Егора Симонова мельничные раки давно бы скушали тебя, баринъ? Я спасъ тебѣ жизнь, не дорожа своей собственной. И какъ отблагодарилъ ты меня, баринъ! Добро бы зарѣзалъ? Это было бы еще милость съ твоей стороны. Но ты опозорилъ честное мое имя, ты укралъ у меня жену, ты отнялъ у меня все, раздавилъ земное мое счастіе и сгубилъ мою душу. Изъ добраго человѣка ты сдѣлалъ убійцу и смѣешь просить! (*Молчаніе*). Хорошо; я уважу просьбу умирающаго. Идемъ!

Полковникъ (*крестясь*).

Идемъ.

(*Маша хочетъ удержать полковника. Егоръ беретъ ее за руку и отбрасываетъ на нѣсколько шаговъ, такъ что она падаетъ. Полковникъ и Егоръ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Маша (*одна*).

Лежитъ безъ чувствъ на полу. Вскорѣ слышится продолжительный вопль, а потомъ слова произнесенныя умирающимъ голосомъ полковника. Прости меня, Егоръ, какъ я тебя прощаю.... Господи помилуй меня.... Маша!

Маша (*очнувшись и послѣ продолжительной пантомины*).

Онъ умеръ! Онъ простилъ своему палачу, и Богъ его простилъ.... Послѣднее его слово было Маша. Теперь къ нему, скорѣй, скорѣй! (*Бросается къ окну будто въ помѣшательствѣ; и вдругъ ей видится черезъ окно тѣнь полковника, стоящая извнѣ. Тѣнь, окровавленная, съ разсѣченнымъ черепомъ и сомкнутыми глазами, видима и для зрителей*). Ахъ какъ ужасно злодѣй прорубилъ тебѣ голову! Ты за мной пришелъ, Александръ! Не такъ ли? (*Часть декораціи въ глубинѣ театра мѣняется и представляетъ въ тускломъ кровавомъ освѣщеніи водяную мельницу съ вертящимися колесами*). А—тамъ! гдѣ въ первый разъ я тебя увидала, въ образѣ смерти, и тутъ же полюбила. Подъ колесомъ что ли будешь ждать меня? (*Тѣнь качаетъ головою и указываетъ на то мѣсто, гдѣ видна была мельница, и гдѣ является теперь, въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи, съ блестящими крестами, женскій монастырь губернскаго города*). Понимаю; ты прощенъ, и самоубійца не могла бы соединиться съ тобою на всю вѣчность. Спѣшу, куда велишь. (*Тѣнь исчезаетъ. Маша выскакиваетъ изъ окна. Декорація принимаетъ прежній видъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Филимонъ (*входитъ, упираясь на длинный посохъ*).

Трижды съ ряду все одинъ сонъ! Лишь только сомкну глаза, вижу я себя въ этой лачугѣ, слышу предсмертные крики убіеннаго, и просыпаюсь. Когда я здѣсь очутился, въ третій разъ, стенанія уже затихли; Маша мелькнула передо мной въ иноческомъ одѣяніи, и чей-то голосъ шепнулъ мнѣ: встань и иди. Сонъ вѣщій; не даромъ послалъ мнѣ его Господь. Здѣсь совершилось убійство, и горе, горе мнѣ старику! Я догадываюсь, кто убійца.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Филимонъ. — Егоръ (*вбѣгаетъ и оглядывается, не замѣчая Филимона*).

Егоръ.

Такъ и есть. Она убѣжала! Хотѣлъ я прикрыть его осокой тамъ, въ глубинѣ оврага. Ахъ какъ страшно было тамъ.... и мокро. Вдругъ послышался мнѣ шорохъ. Думаю, звѣрь какой. Это была она. Она донесетъ... нѣтъ не донесетъ, а наложитъ на себя руки. Ахъ Маша! Маша! Надобно догнать ее, во что бы ни стало. (*Бросается къ двери*).

Филимонъ (*громко*).

Не догонишь!

Егоръ (*дрожа всѣмъ тѣломъ*).

О Боже праведный!... дѣдушка!

Филимонъ (*громовымъ голосомъ*).

Кого зарѣзалъ ты, злодѣй?

Егоръ.

Это голосъ вопрошающій Каина.

Филимонъ.

Да; самъ Богъ послалъ меня допросить душегубца. Говори же, кого убилъ?

Егоръ (*бросаясь Филимону въ ноги*).

Молодаго барина. Я засталъ его здѣсь съ моей женой.

Филимонъ.

Изъ ргъ, богоотступникъ! И ты забылъ Того, Кто, умирая на крестѣ, молился за палачей своихъ!

Егоръ.

Ахъ дѣдушка, дѣдушка! Вѣдь онъ былъ Богъ... и Его только распнули.

Филимонъ.

Чтò ты говоришь, безумецъ!

Егоръ.

Только распнули, а не убили Ему душу вмѣстѣ съ тѣломъ; не разлучили на вѣки....

Филимонъ.

Не договаривай богохульства, а говори мнѣ, за чтò ты убилъ барина?

Егоръ.

Помилуй, дѣдушка; какъ за чтò? Развѣ Маша мнѣ не жена?

Филимонъ.

Она привязалась къ другому, совершила прелюбодѣяніе. Она ужъ не была твоей женою.

Егоръ.

Но онъ, которому я спасъ жизнь!

Филимонъ.

Онъ былъ человѣкъ добрый; только не доставало ему силы, чтобы побѣдить земную любовь. Но такая сила дается свыше и лишь однимъ святымъ. Спрашиваю тебя, убійца, одолѣлъ ли бы ты свою любовь къ Машѣ, еслибы долгъ и законъ того требовали? Отвѣчай, какъ на исповѣди.

Егоръ (*рыдая*).

Нѣтъ, дѣдушка; никакъ бы не одолѣлъ.

Филимонъ.

Видишь ли. Скажи теперь, защищался ли баринъ, когда ты напалъ на него?

Егоръ.

Нѣтъ; при немъ не было оружія. У меня былъ топоръ.

Филимонъ.

Такъ не просилъ ли онъ тебя о пощадѣ?

Егоръ.

Нѣтъ, дѣдушка. Онъ только просилъ... ему не хотѣлось умереть здѣсь при ней... а тамъ въ лѣсу. Я это такъ и сдѣлалъ.

Филимонъ.

А умирая онъ не сказалъ тебѣ ничего?

Егоръ.

Дѣдушка, ты пытаешь меня хуже всякой пытки. Умилосердись, ради Христа Бога.

Филимонъ (*сильно*).

Умирая, не сказалъ ли тебѣ чего нибудь полковникъ?

Егоръ (*ломая себѣ руки*).

Онъ сказалъ: прости меня, Егоръ, какъ я тебя прощаю. Словно лютыя змѣи впились мнѣ эти слова въ сердце. Больно, больно, нестерпимо больно, дѣдушка!

Филимонъ.

Стало быть, покойный Александръ Михайловичъ снискалъ себѣ помилованіе передъ судомъ Всевышняго. Грѣхъ его былъ отъ любви и, умирая, онъ простилъ своему убійцѣ. А ты что̀ послѣ этого? Просто злодѣй, гнусный разбойникъ, какого хуже нѣтъ на каторгѣ.

Егоръ.

Не того ждалъ я отъ тебя, дѣдушка. Я тебя знаю; ты отдалъ моего отца въ солдаты за шалость; такъ и меня преступника не пощадишь, да и не долженъ. Но я могъ надѣяться, что ты подкрѣпишь духъ мой, исправишь озлобленное и растерзанное мое сердце словами любви и вѣры, а святыми молитвами угодника выпросишь мнѣ прощеніе у Царя Небеснаго. Вспомни, что меня ожидаетъ торговая казнь. Тебѣ ли исправлять должность палача надъ своимъ внукомъ?

Филимонъ.

Я тебѣ отецъ, а не палачъ. Нужно, чтобы ты сперва почувствовалъ весь ужасъ своего преступленія узналъ всю его мерзость. Ну понимаешь ли теперь что̀ сдѣлалъ; прощаешь ли ты, отъ души, по велѣнію Іисуса Христа, кого ты считалъ должникомъ и смертельнымъ врагомъ своимъ; сотрясается ли весь твой составъ отъ покаянія?

Егоръ.

Радъ бы отдать жизнь, чтобы возвратить ее убитому. Завтра, лишь только встанетъ Михаилъ Борисычъ, понесу ему злодѣйскую мою голову.

Филимонъ (*помолчавъ нѣсколько*).

Отойди подальше и жди моего приказанія.

Егоръ.

Слушаю, дѣдушка. (*Удаляется на нѣсколько шаговъ*).

Филимонъ (*тихо*).

Вразуми меня, Вѣчная Премудрость! (*Молится долго, не крестясь, но сложа руки на груди. Потомъ про себя*). Свѣтлѣетъ! Не моя уже мысль, а Духъ Святой! О Боже Великій и Неисповѣдимый! Справедливо наказываешь Ты меня исполненіемъ самого пламеннаго и, можетъ быть, самого грѣшнаго изъ моихъ желаній. Ты ниспосылаешь мнѣ мученическій вѣнецъ, котораго я столько лѣтъ просилъ у Тебя; и все, что̀ я любилъ на землѣ, около меня погибло; и сталъ я одинокъ, на краю могилы, какъ старый дубъ, опаленный молніею, среди избитыхъ, съ корнемъ вырванныхъ своихъ отростковъ. (*Громко*). Егоръ!

Егоръ.

Что́ приказать изволишь, дѣдушка?

Филимонъ.

Гдѣ у тебя лошади?

Егоръ.

Отъѣхавъ верстъ двадцать пять отсюда, я повернулъ назадъ, ѣхалъ большимъ крюкомъ по лѣснымъ дорожкамъ, и когда прибылъ на пчельникъ, уже совсѣмъ потемнѣло. Лошадей я оставилъ здѣсь неподалеку.

Филимонъ.

Тебя никто не видалъ?

Егоръ

Я не встрѣтилъ никого. Всѣ теперь жнутъ.

Филимонъ.

А кто съ тобой ямщикомъ?

Егоръ.

Васька Чижовъ.

Филимонъ.

Хорошо, онъ изъ нашихъ. Слушай же меня и клянись исполнить все что̀ я прикажу тебѣ.

Егоръ.

Клянусь, дѣдушка.

Филимонъ.

Поѣзжай сейчасъ въ городъ. Въ Мошковѣ ты остановишься у Игнатья Ѳедорова и возьмешь у него свѣжихъ лошадей. Гони во всю прыть, чтобъ быть тебѣ въ городѣ рано поутру. Не въѣзжай въ заставу, а проберись полемъ къ купцу Пшеницыну черезъ садъ. Онъ и его семья Духоборцы, какъ знаешь. Когда начнется слѣдствіе, Пшеницынъ долженъ объявить, что ты пріѣхалъ къ нему въ городъ сегодня, въ четыре часа пополудни. Во всякомъ случаѣ, если начнутъ дѣло противъ тебя, ты возмешь у знакомыхъ столько денегъ, сколько нужно будетъ, чтобъ дѣло это не пошло далѣе полиціи и тамъ бы кончилось благополучно. Прямыхъ доказательствъ противъ тебя не будетъ никакихъ. Маша ничего не скажетъ.

Егоръ.

Но развѣ ты хочешь избавить меня отъ наказанія? Самъ я этого не желаю. Молодой баринъ все, какъ будто, лежитъ передо мной. Умирающій его взглядъ прожигаетъ мнѣ всю внутренность. Я слышалъ, что послѣ казни преступнику бываетъ легче на душѣ.

Филимонъ.

Не тебѣ перенесть торговую казнь. Ты умеръ бы отъ стыда и не имѣлъ бы времени искупить свое злодѣйство. Я хочу, чтобъ ты жилъ.

Жизнь будетъ для тебя тягостна; такова и должна быть. Скорби, молись, дѣлай добро. Тогда, можетъ быть, Отецъ Небесный услышитъ грѣшную мою за тебя молитву и спасетъ душу твою.

Егоръ.

На кого же падетъ тогда подозрѣніе въ убійствѣ?

Филимонъ.

Вѣроятно на шайку Додули, которая гнѣздится теперь въ нашихъ лѣсахъ.

Егоръ.

Я сдѣлалъ такое распоряженіе, что сегодня или завтра ихъ захватятъ всѣхъ непремѣнно. Имъ легко будетъ доказать, что къ этому дѣлу они не причастны.

Филимонъ.

Не найдутъ виновнаго, такъ не найдутъ.

Егоръ.

Врядъ-ли думаешь, что говоришь, дѣдушка. Убьютъ нашего брата, мужика, такъ становой и лѣкарь перемараютъ листа два бумаги, и дѣло съ концомъ. Но убитый помѣщикъ дѣло другое. Тутъ ужъ непремѣнно найдутъ кого нибудь. Ну если возмутся за тебя?

Филимонъ.

Такъ чтожъ!

Егоръ.

И ты думаешь, что я смолчу! Пусть я злодѣй, но все таки не подлецъ, благодаря Бога.

Филимонъ (*громовымъ голосомъ*).

Что бы ни случилось, ты будешь молчать, слышишь-ли! Я тебѣ приказываю это, и ты клялся исполнить мои приказанія. Если же ты нарушишь эту клятву, несчастный, то проклятіе мое прогремитъ надъ преступною твоею головою, вѣчной для тебя погибелью. Самъ Богъ тебя проклянетъ.

Егоръ (*бросаясь ему въ ноги*).

Дѣдушка, дѣдушка! Клянусь исполнить все.

Филимонъ.

Встань и выслушай послѣднее, самое важное.

Егоръ (*цѣлуя у него руку*).

Говори, дѣдушка.

Филимонъ.

Когда все кончится, ты проживешь годъ въ нашемъ домѣ и займешься чтеніемъ рукописей моихъ. Ты знаешь, гдѣ онѣ лежатъ. По истеченіи года, благодать небесная осѣнитъ тебя. Ты продашь все, что́ я здѣсь имѣю; капиталы мои, въ билетахъ сохранной казны, на 180 тысячъ рублей серебромъ, будутъ переписаны на твое имя; и ты пойдешь странствовать по Россіи пѣшкомъ, дѣля свой доходъ межъ бѣдными и утѣшая несчастныхъ словами любви и братства, словами Евангелія. Доживешь до старости, такъ поселись гдѣ нибудь подальше, тамъ гдѣ болѣе страждущихъ и обремененныхъ. Успокой ихъ, будь имъ кормилецъ и духовный наставникъ, продолжай ихъ учить, пока твой Господинъ Іисусъ Христосъ не отзоветъ тебя въ одну изъ обителей Предвѣчнаго Отца Своего.

Егоръ.

Постараюсь идти по твоимъ праведнымъ слѣдамъ, дѣдушка. Но что́ будетъ съ Машей?

Филимонъ.

Она пострижется въ женскомъ монастырѣ нашего города. Напиши ей, что ты на это согласенъ; напиши ей и прощеніе; но видѣться съ женой я тебѣ запрещаю.

Егоръ (*рыдая*).

Неужели мнѣ съ ней и не проститься? Вѣдь мы уже не увидимся на этомъ свѣтѣ.

Филимонъ.

Черезъ двадцать пять лѣтъ, не прежде, вы помиритесь, и ты коснешься братскимъ поцѣлуемъ сѣдой головы игуменьи. Маша будетъ святая.

Егоръ.

Ты вливаешь каплю свѣжей росы небесной въ кипучее отчаяніе грѣшника. Хоть черезъ двадцать пять лѣтъ, а увижу еще ее! Теперь, дѣдушка, благослови меня. (*Становится на колѣни*).

Филимонъ (*возлагая руки на его голову*).

Благословляю, сынъ мой, твое раскаяніе и твою послушность. Не забывай, будь твердъ. Ты проживешь сто лѣтъ и умрешь праведникомъ.

Егоръ (*бросается въ его объятія и цѣлуетъ его*).

Прощай, дѣдушка! Увидимся ли мы еще съ тобой?

Филимонъ (*послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы опомнившись*).

Не знаю. Свѣтъ погасъ. Теперь веди меня къ нему.

Егоръ (*съ ужасомъ*).

Къ кому, дѣдушка?

Филимонъ.

Къ Александру Михайловичу.

Егоръ (*въ страшномъ волненіи*).

О Боже милосердый! Для чего это?

Филимонъ.

Ему нельзя здѣсь остаться. Птицы заклюютъ его. Со мной тѣлега. Идемъ.

Егоръ.

Куда же повезешь его?

Филимонъ.

Не твое дѣло; идемъ. (*Егоръ уходитъ, ломая себѣ руки; вслѣдъ за нимъ Филимонъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Перемѣна декораціи. Зала въ господскомъ домѣ. Столъ накрытый на три прибора. Въ углу на диванѣ сидитъ Троезерская. Генералъ расхаживаетъ по комнатѣ. Стѣнные часы бьютъ два удара.

Генералъ. — Троезерская.

Генералъ.

Два часа пополуночи, а его еще нѣтъ!

Троезерская (*глухо*).

Его уже нѣтъ!

Генералъ.

Полно, матушка, не стыдно ли тебѣ. Поѣхалъ вѣрно къ кому нибудь изъ сосѣдства, да тамъ и загостился.

Троезерская.

Тебѣ уже докладывали, что онъ не бралъ ни экипажа, ни верховой лошади. Ушелъ пѣшкомъ, а куда никто не знаетъ. Гдѣ онъ, гдѣ онъ теперь!

Генералъ.

Ну такъ вѣрно забрелъ въ какую нибудь деревню, умаялся и остался тамъ ночевать.

Троезерская.

И не послалъ бы увѣдомить насъ объ этомъ, осудилъ бы отца и мать на смертельную пытку. Хорошо же ты думаешь о своемъ сынѣ. О Александръ, не такъ бы ты поступилъ со мной, еслибы былъ еще живъ.

Генералъ (*съ отчаяніемъ*).

Да чтó же мнѣ сказать тебѣ, матушка!

Троезерская.

Ужъ не захватили ли его разбойники?

Генералъ.

Невѣроятно. Шайка Додули окружена со всѣхъ сторонъ. Къ тому же разбойники не легко нападутъ на помѣщика въ его собственныхъ владѣніяхъ. Выгоды тутъ для нихъ нѣтъ, а опасность большая.

Троезерская.

Такъ можетъ быть звѣрь какой?

Генералъ.

Медвѣдей у насъ не видать, а съ волкомъ онъ бы справился. При немъ всегда двуствольное ружье и охотничій ножъ.

Троезерская.

Такъ что же, что же могло съ нимъ случиться, о Господи!

(*Генералъ беретъ со стола колокольчикъ и звонитъ*).

Лакей (*входитъ*).

Чтó изволите приказать, ваше превосходительство?

Генералъ.

Не узнали еще ничего про Александра Михайлыча?

Лакей.

Никакъ нѣтъ, сударь.

Генералъ.

Изъ посланныхъ гонцовъ никто еще не воротился?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-съ. Какъ скоро явится, сейчасъ доложимъ вашему превосходительству.

Генералъ.

Хорошо, ступай. (*Лакей уходитъ*).

Троезерская.

Вотъ уже десятый разъ какъ это роковое нѣтъ вонзается кинжаломъ въ измученное мое сердце. Пожалуста не зови людей, не спрашивай больше. Его нѣтъ уже на свѣтѣ, повѣрь мнѣ, Миша.

Генералъ (*дрожащимъ голосомъ*).

Да этакъ ты убьешь себя, другъ мой. Не стыдно-ли?

Троезерская.

Я долго молчала, не хотѣла огорчить тебя напрасно. Ты видѣлъ, сколько страннаго случилось съ Александромъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь. Его тоска, болѣзнь, отъ которой онъ не хотѣлъ лѣчиться; потомъ отказъ невѣсты, таинственное письмо, отъѣздъ въ Петербургъ... все это, кажется, было для тебя непонятно.

Генералъ.

Признаюсь.

Троезерская.

А я такъ поняла: Александръ былъ влюбленъ смертельно.

Генералъ.

Въ свою невѣсту?

Троезерская.

Нѣтъ, не въ нее; потому-то невѣста и отказала ему. Она также догадалась.

Генералъ.

Быть не можетъ; ты ошибаешься, другъ мой. Княжна во сто разъ лучше собой, умнѣе и любезнѣе всѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ Александръ могъ видѣть у насъ въ домѣ и по сосѣдству.

Троезерская.

Да, всѣхъ дамъ и дѣвицъ. Но ты забылъ, что здѣсь, въ Отшелинѣ, живетъ одна женщина, на которую я сама, не знаю почему, никогда не

могла смотрѣть равнодушно, безъ какого-то трепетнаго волненія. Другими глазами смотрѣли на нее мужчины. Она красавица, какихъ я не видывала нигдѣ, даже на картинахъ.

Генералъ.

Жемчужина?

Троезерская.

Да она, которая, можетъ быть, вовсе не женщина, а злой духъ, вызванный безбожіемъ раскольниковъ.

Генералъ.

Ты совсѣмъ теряешься, матушка. Опомнись! Извѣстно, что Жемчужина побочная дочь генеральши Гриневой, и во всей вотчинѣ нѣтъ молодицы скромнѣе и набожнѣе ея. Мужу она не измѣнитъ, а Егоръ преданъ намъ отъ всей души. Не онъ ли спасъ Александра?

Троезерская.

Онъ же и убилъ его!

Генералъ (*испуганный*).

Лизавета Владиміровна, побойся Бога! Ты христіанка. Можно ли, по одной пустой догадкѣ, обвинять человѣка въ столь ужасномъ злодѣяніи? Егоръ малый честный и благородный. Ему хотя бы дворяниномъ родиться.

Троезерская.

Какъ могъ ты приблизить къ себѣ такого человѣка! Всмотрѣлся бы ты хорошенько въ его темное зловѣщее лицо. И что за глаза? Какой въ нихъ блескъ невыносимый! Такъ и горятъ кровью и убійствомъ!

Генералъ.

Твоему горю все простительно. Прежде онъ красавцемъ тебѣ казался.

Троезерская.

Да какъ ему не быть разбойникомъ? Все его племя таково. Отецъ его былъ отданъ въ солдаты за преступленіе, а дѣдъ его Филимонъ заклятый врагъ святой нашей вѣры, сѣдой злодѣй, котораго бы давно слѣдовало отправить въ Сибирь. Ты знаешь, какъ я ненавижу этихъ раскольниковъ и какъ я ихъ всегда боялась. Не даромъ же! Они-то и сгубили нашего сына. (*Плачетъ на взрыдъ*). Для чего было мнѣ родить его!

Генералъ.

Не плачь, матушка, ради Бога не плачь; ты раздираешь мнѣ душу. Повѣрь мнѣ, скоро увидимъ его. Господь милостивъ.

Троезерская (*очень тихо*).

Нѣтъ, мой другъ; мы не увидимъ его, не увидимъ живаго. Онъ недавно былъ здѣсь и простился со мною.

Генералъ (*отчаянно*).

Не доставало только этого!

Троезерская (*странно улыбаясь*).

Я еще не помѣшана; но ты ничего не замѣтилъ. Лишь только пробилъ часъ пополуночи, повѣяло на меня холодомъ, будто отъ вѣтра, и что-то ледяное коснулось моей руки. Я вскрикнула... помнишь?

Генералъ (*въ ужасѣ*).

По....мню.

Троезерская.

Это былъ онъ. (*За кулисами слышится шумъ*).

Генералъ.

Кто-то идетъ.

Троезерская (*встаетъ поспѣшно съ дивана и бѣжитъ къ дверямъ*).

Александръ! Александръ! Сынъ мой! Живъ! А мать свою чуть не уморилъ!

Слуга (*входитъ*).

Становой приставъ.

(*Генералъ стоитъ въ оцепенѣніи; жена его падаетъ на кресло возлѣ двери*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Прежніе. — Цапкинъ.

Цапкинъ.

Простите меня великодушно, ваше превосходительство, что я осмѣлился обезпокоить васъ такъ поздно; но я узналъ отъ людей, что ваше превосходительство не изволили еще ложиться, и такъ какъ случай экстренный....

Генералъ.

Что́ случилось?

Цапкинъ.

Опять мертвое тѣло-съ.

(*Троезерская испускаетъ пронзительный крикъ и падаетъ въ обморокъ. Вбѣгаютъ люди*).

Генералъ (*людямъ*).

Проводите барыню въ ея спальню; да сейчасъ послать за докторомъ и за священникомъ. (*Генеральшу уносятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Генералъ.—Цапкинъ.

Генералъ (*садится. Его пробираетъ дрожь и онъ говоритъ едва внятнымъ голосомъ*).

Кого убили? Гдѣ?

Цапкинъ.

Кого именно, не могу еще доложить вашему превосходительству. Тѣло найдено въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вотчинной конторы. Караульщики услышали, что тутъ производится смертоубійство, побѣжали и нашли трупъ уже бездыханный, причемъ захватили человѣка близъ онаго стоящаго, съ топоромъ въ рукахъ. Нѣсколько мужиковъ остались въ конторѣ съ арестантомъ, а одинъ побѣжалъ къ бурмистру Ивану Петрову, у котораго, будучи здѣсь проѣздомъ, я имѣлъ ночлегъ. Бурмистръ сейчасъ отправился на мѣсто преступленія, а я поспѣшилъ донести вашему превосходительству о случившемся.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Прежніе.—Бурмистръ (*вбѣгаетъ въ залу и бросается генералу въ ноги. Вслѣдъ за нимъ, толпа дворовыхъ людей и крестьянъ*).

Бурмистръ (*съ воплемъ*).

Батюшка! Ваше превосходительство! Казни меня; сними съ плечъ безталанную мою голову. Не сумѣлъ я, окаянный, сберечь единственное твое дѣтище. Да что жъ было мнѣ дѣлать, отецъ ты нашъ родной! Вѣдь не я набольшій теперь. Всѣмъ распоряжается управитель.

(*Генералъ закрываетъ глаза и кажется въ безпамятствѣ*).

Цапкинъ (*Бурмистру официально*).

Донеси его превосходительству и мнѣ—по порядку.

Бурмистръ.

Не долга будетъ. Прибѣжалъ съ фонарями, и видимъ, неподалеку отъ конторы, лежитъ Александръ Михайлычь убитый. Голова отъ темя до бровей такъ и прорублена однимъ махомъ.

Цапкинъ.

Не оказалось ли ранъ и поврежденій на тѣлѣ его высокоблагородія?

Бурмистръ.

Нѣту. Довольно было и тово.

Цапкинъ.

А кто человѣкъ, захваченный возлѣ трупа, съ топоромъ въ рукахъ?

Бурмистръ.

Филимонъ Абрамовъ.

Генералъ (*не раскрывая глазъ и какъ бы во снѣ*).

Не можетъ быть.

Бурмистръ (*про себя*).

Еще слышитъ. (*Вслухъ*). Онъ самый, ваше превосходительство! (*плачущимъ голосомъ*). Не даромъ же, батюшка Михаилъ Борисычъ, я, вѣрный рабъ твой, все докучалъ вамъ про него. Чуяло будто мое ретивое, что онъ сотворитъ, злодѣй энтакой! Ахъ красное ты наше солнышко, государь надежда, ясный ты нашъ соколъ Александръ Михайловичь! (*Воетъ*).

Цапкинъ.

Полно хныкать, братецъ. Его высокоблагородія не воскресишь. Вели-ка лучше привести арестанта. Я начну допросъ, и сейчасъ журналъ составимъ, все какъ слѣдуетъ, такъ что уѣздному лѣкарю останется только подписать.

Генералъ (*приподнимаясь твердымъ голосомъ*).

Не ты его будешь допрашивать, а я самъ. У стараго Русскаго генерала найдется еще столько силы, чтобъ исполнить долгъ отца и помѣщика.

Цапкинъ.

Какъ, ваше превосходительство, хотите сами принять на себя трудъ?.. Слишкомъ будетъ для васъ безпокойно и даже чувствительно, если смѣю доложить. Въ силу закона, таковая тяжелая обязанность предоставляется мнѣ.

Генералъ.

Молчи, негодяй, или я сейчасъ прикажу вытолкать тебя.

Цапкинъ.

Помилуйте, ваше превосходительство, для чего это? Если вамъ такъ угодно, извольте, сдѣлайте одолженіе.

Генералъ (*Бурмистру*).

Ждать меня здѣсь. Я пойду одѣться и сейчасъ ворочусь. (*Уходитъ, поддерживаемый двумя слугами*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Прежніе кромѣ **Генерала**. (*Цапкинъ и Бурмистръ приближаются къ оркестру и разговариваютъ въ полголоса до слѣдующей сцены. Прочіе стоятъ въ углубленіи театра*).

Цапкинъ.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, убилъ его Филимонъ Абрамовъ?

Бурмистръ.

Хорошъ вопросъ! Чай видѣлъ полковника-то?

Цапкинъ.

Видѣлъ, хоть и не сказалъ этого старику.

Бурмистръ.

Такъ нечего и спрашивать. Голова сама отвѣчатъ. Меня, говоритъ, прорубила рука богатырская, а не рука дряхлаго колѣки. Кому же было такъ махнуть, если не Егоркѣ силачу; кому нужно было убить, если не мужу?

Цапкинъ.

Правда твоя, кумъ. Это можно замѣтить его превосходительству.

Бурмистръ.

Ай да разумникъ! Хорошо еще, что совралъ во время. Ну скажемъ барину, а какъ докажемъ? Вишь дѣло-то пошло не тѣмъ путемъ. Я думалъ навести Егорку на слѣдъ, показать ему, гдѣ раки-то зимуютъ, а потомъ, какъ онъ сдѣлатъ свое, тутъ же и захватить его народомъ. Тогда дѣло было бы въ шляпѣ. Но онъ самъ справился; гдѣ и какъ, шайтанъ его знатъ. Прижмутъ теперича Егорку, такъ онъ пожалуй скажетъ, отъ кого слышалъ про жену. Меня прижмутъ, такъ я скажу, кто еще зналъ про все, да радовался за милыхъ друзей своихъ, за Додулинцевъ.

Цапкинъ.

Ай чортъ возьми, да и въ самомъ дѣлѣ! Но вотъ, кумъ, чего я не понимаю: полковника нашли у самой конторы?

Бурмистръ.

Нешто.

Цапкинъ.

Но близъ конторы караулъ; да и живетъ въ ней, рядомъ съ управителемъ, множество народу, прикащики, писцы, сторожа съ своими бабами и дѣтьми. Кажется, полковникъ могъ бы выбрать съ Машей мѣсто по безопаснѣе.

Бурмистръ.

Вотъ это такъ. Ужъ вѣстимо сошлись они не тута, а гдѣ нибудь подальше; чай въ лѣсу.

Цапкинъ.

Стало быть, и полковника не тутъ убили. Почему же нашли его противъ краснаго господскаго двора, на самомъ видномъ мѣстѣ?

Бурмистръ.

И мнѣ это приходило въ голову, да умъ становится въ тупикъ: не поймешь. Развѣ вотъ што. Филимонъ почитай что рехнулся отъ старости. Все свое добро раздаетъ нищимъ, а Егорка-то, знашь, у него одинъ. Такъ должно быть Егорка-то, какъ укокошилъ барина, и привезъ тѣло сюда, да приставилъ къ нему своего старика, съ топоромъ въ рукахъ. А тотъ въ просонкахъ, чай и не понялъ, въ чемъ дѣло. Ну меня-де не выдастъ, подумалъ Егорка: покажетъ на другаго. Хитеръ онъ Цыганъ; умно сдѣлалъ. Кабы прожилъ старикъ еще года съ два-три, такъ бы доброму молодцу ничего не оставилъ.

Цапкинъ.

А теперя есть еще?

Бурмистръ.

Побольше нашего съ тобой. Однихъ ломбардныхъ билетовъ, говорятъ, довольно, чтобъ жить генераломъ.

Цапкинъ.

Ахъ канальство! Напроказничалъ! Нашъ бы, казалось; а взятки-то съ него гладки. Цапнуть нельзя.

Бурмистръ.

Чай, Егорка ускакалъ давно въ городъ; такъ коли тутъ кому цапнуть, ужъ развѣ городской полиціи.

Цапкинъ.

Чтобъ имъ провалиться, безсовѣстнымъ этимъ грабителямъ, частнымъ приставамъ и квартальнымъ.

Бурмистръ.

Да, поспорятъ съ тобой, куманекъ.

Цапкинъ.

А гдѣ-бъ теперь была Маша?

Вурмистръ.

Гдѣ уже ни найти ее. Со своимъ возлюбленнымъ. Чай ей первой и дали карачунъ.

Цапкинъ.

А вѣдь жаль ея, братецъ.

Бурмистръ (*мрачно*).

Тебѣ ли, чернильной грязи, жалѣть чего нибудь кромѣ денегъ? А вотъ я!... Ну хоть бы мертвая досталась!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Прежніе.—Генералъ (*въ мундирѣ безъ эполетъ. На шеѣ кресты Георгіевскій и Владимирскій 2-й степени. Александровская лента черезъ плечо. Три звѣзды. Онъ входитъ твердымъ шагомъ. За нимъ слуги несутъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, со всѣмъ письменнымъ приборомъ. Генералъ садится на кресло, въ серединѣ стола, противъ зрителей, и дѣлаетъ Цапкину знакъ, чтобъ онъ садился у конца, съ лѣвой стороны).*

Генералъ.

Введите арестанта.

Бурмистръ уходитъ и сейчасъ возвращается. Вслѣдъ за нимъ нѣсколько мужиковъ ведутъ Филимона Абрамова въ кандалахъ. На немъ синяя рубаха съ темными пятнами. Одинъ изъ крестьянъ несетъ окровавленный топоръ. Филимонъ, поклонившись генералу, становится почтительно и спокойно на авансцену.

Генералъ (*долго всматриваясь въ арестанта*).

Нѣтъ, не ты убилъ моего сына.

Филимонъ.

Всѣ доказательства противъ меня, ваше превосходительство; и я не отпираюсь.

Генералъ.

Гдѣ свидѣтели? (*Выступаютъ два мужика*). Говорите!

1-й караульщикъ.

Седни, мы держали ночной караулъ, при конторѣ, съ Ванькой Безпаловымъ. Прокричали вторые кочеты. Ванька сдрыхнулъ было, а я все еще

въ оба гляжу, да караулю, да и слышу, кто-то возится неподалеку. Что̀ молъ такое; далъ Ванькѣ пинокъ, такъ что онъ очнулся, а самъ побѣжалъ, гдѣ возня слышалась. Глядь, лежитъ кто-то, а возлѣ него стоитъ кто-то съ топоромъ. Подоспѣлъ Ванька; мы повели рестанта въ контору и увидѣли тутъ при свѣчкѣ, что это Филимонъ Абрамычъ.

Генералъ (*второму караульщику*).

Такъ-ли было?

2-й караульщикъ.

Точно такъ, ваше присходительство.

Генералъ.

Филимонъ не оборонялся?

1-й караульщикъ.

Кажись, замахнулся было топоромъ; да вѣдь насъ не испугашь. Готовы голову положить на барской службѣ.

Генералъ (*второму караульщику*).

А ты что скажешь? Не пытался ли бѣжать?

2-й караульщикъ.

Куды ему бѣжать, сударь. На его ногахъ не уйдешь далеко. Сказать по всей правдѣ, онъ не противился и не барахтался, а пошелъ съ нами смирно.

Генералъ (*про себя*).

Нельзя даже сомнѣваться: не онъ. (*Вслухъ Филимону*). Ты, Филимонъ, ересеначальникъ и лжетолкователь Священнаго Писанія; но въ другихъ отношеніяхъ ты всегда былъ честный человѣкъ. Можно-ли, чтобъ, совершивъ такое ужасное злодѣяніе, ты сохранялъ спокойствіе, которое и теперь не оставляетъ тебя. Не ты убилъ моего сына?

Филимонъ.

Я сдѣлалъ полное, добровольное признаніе. Болѣе отъ меня законъ не требуетъ, и болѣе сказать я ничего не могу.

Генералъ.

Какой же былъ у тебя поводъ къ убійству?

Филимонъ.

Покойный Александръ Михайловичъ совратилъ съ пути христіанскихъ обязанностей жену моего внука. Онъ опозорилъ нашу семью.

Генералъ (*про себя*).

Такъ и есть. Материнское сердце все угадало. (*Вслухъ*). Зналъ-ли Егоръ объ этомъ?

Филимонъ.

Думаю, что онъ подозрѣвалъ, ваше превосходительство. Уѣзжая въ городъ на нѣсколько дней, онъ просилъ меня наблюдать за женою. Трудно было бы мнѣ, старику, исполнить такое порученіе, да и не слѣдовало бы принять. Часу въ десятомъ я заснулъ и проспалъ до полуночи. Мнѣ привидѣлся нехорошій сонъ. Я всталъ и поплелся къ конторѣ, чтобы о внучкѣ провѣдать. Гляжу, у нея въ комнатѣ еще свѣтло. Сердце предвѣщало мнѣ что-то недоброе. Я рѣшился выждать хоть до разсвѣта, и ждалъ я въ сѣняхъ, часа съ два, какъ отворилась дверь управительской квартиры, и вышелъ оттуда покойный Александръ Михайлычъ. Я остановилъ его, сталъ упрекать. Онъ отвѣчалъ мнѣ въ сердцахъ, что Маша потерянна для мужа и поклялся, что онъ увезетъ ее съ собою въ Петербургъ. Я испугался за моего внука, который такъ любитъ жену. Въ сѣняхъ висѣлъ топоръ. Грѣхъ попуталъ меня. Я тутъ же и убилъ вашего сына.

Генералъ (*глубоко вздыхаетъ и покрываетъ глаза рукой. Молчаніе*).

Не ты, говорю, убилъ его, а внукъ твой. Признайся!

Филимонъ.

Подозрѣніе весьма естественно. Но осмѣлюсь спросить ваше превосходительство, давно-ли изволили видѣть покойнаго Александра Михайлыча?

Генералъ.

Онъ пилъ съ нами чай, часу въ девятомъ.

Филимонъ.

Такъ стóитъ послать въ городъ и вывѣдать, черезъ полицію, когда Егоръ туда пріѣхалъ. Отсюда онъ хотѣлъ отправиться, лишь только получитъ приказанія вашего превосходительства.

Бурмистръ.

Егоръ Симонычъ выѣхалъ поутру этакъ часу въ одиннадцатомъ. Я провожалъ его до самой повозки и помогалъ ему кое-что уложить. Самъ онъ веселъ казался, да и рѣчь-то у него была веселая.

Генералъ (*съ подозрѣніемъ*).

Ты, кажется, не слишкомъ жалуешь управителя, а теперь его ограждаешь. Чтò бъ это значило?

Бурмистръ.

Виноватъ, признаться. И подлинно, ваше превосходительство, сердце-то у меня никогда не ворочалось къ Егору Симонычу; да и онъ былъ мнѣ не то что милостивецъ. Нече грѣха таить, не любили мы другъ друга. Но вѣдь я православный христіанинъ; дѣло здѣсь идетъ о жизни и смерти. Не потерпѣлъ бы мнѣ Господь, кабы не высказалъ всей правды.

Филимонъ (*про себя*).

Онъ причина всему.

Цапкинъ.

Смѣю доложить вашему превосходительству: бурмистръ, какому-бы позавидовалъ всякій помѣщикъ! Истинный христіанинъ-съ, сдѣлайте одолженіе.

Филимонъ.

Если Егоръ отправился въ городъ въ одиннадцатомъ часу, такъ онъ долженъ былъ пріѣхать туда часа въ четыре или въ пять. Лошади подъ нимъ были хорошія. Надобно справиться, ваше превосходительство.

Генералъ (*смотря на него съ удивленіемъ про себя*).

Такая увѣренность! Неужели въ самомъ дѣлѣ... нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! (*Вслухъ*). Что ни говори, убійца твой внукъ. Признайся!

Филимонъ.

Я признался во всемъ.

Генералъ.

Тебя поведутъ къ присягѣ.

Филимонъ,

Для чего, ваше превосходительство?

Генералъ.

Чтобъ узнать, кто убилъ: ты, который себя обвиняешь, или другой.

Филимонъ.

Такой присяги законъ не допускаетъ.

Генералъ.

Но подумай, Филимонъ, что ожидаетъ тебя. Позорная казнь, мучительная смерть, свирѣпая толпа, которая будетъ ругаться надъ твоей сѣ-

диной и осыпать тебя проклятіями. Одинъ невинный могъ вынести все это добровольно, но этотъ невинный былъ Богъ.

Филимонъ.

Онъ называлъ Себя сыномъ человѣческимъ. Но я преступникъ и заслуживаю все это.

Генералъ.

Всѣ мы, сколько насъ здѣсь, совершенно увѣрены, что ты не былъ и никогда не могъ быть убійцей. Твоя вѣра гнушается пролитія человѣческой крови даже на войнѣ. Ты старался исполнять Евангельскія заповѣди въ буквальномъ смыслѣ и какъ ни одинъ грѣшный человѣкъ исполнить ихъ не въ состояніи. Ты, въ безумной гордости своей, мечталъ подражать Самому Спасителю; такъ не могъ ты убить единственнаго моего сына (*зарыдавъ*). И за что убить! За то, что онъ былъ молодъ и влюбился! Признайся же, наконецъ. Развѣ, по твоему, ложь передъ судомъ не грѣхъ? (*Молчаніе*). Жду твоего отвѣта.

Филимонъ.

Вамъ кажется мое преступленіе неправдоподобнымъ. Но человѣческая догадливость не разгадаетъ вполнѣ ни одного человѣка. Богъ одинъ Сердцевѣдецъ. Думайте обо мнѣ что вамъ угодно. Не мнѣніе здѣсь присутствующихъ, а законъ рѣшитъ мою участь. Я усталъ, ваше превосходительство. Прикажите отвести меня.

Генералъ.

Представить сюда Марью Зарницыну.

Бурмистръ.

Ея нѣтъ въ конторѣ, ваше превосходительство. Вездѣ искали, да не нашли.

Генералъ (*про себя*).

И она убита! Боже мой! (*Молчаніе. Генералъ дѣлаетъ повелительный знакъ*). Оставьте его одного со мной и удалитесь всѣ отсюда, пока не позову. Я хочу допросить его секретно.

Цапкинъ.

Надѣюсь, ваше превосходительство, что мнѣ, какъ лицу должностному, дозволено будетъ участвовать въ секретномъ допросѣ.

Генералъ (*показывая одному изъ слугъ на Цапкина*).

Этого вытолкать вонъ!

Цапкинъ (*низко кланяясь*).

Не стоитъ труда, ваше превосходительство. Самъ уйду, сдѣлайте одолженіе.

(*Всѣ уходятъ. Генералъ запираетъ дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Генералъ.—Филимонъ.

Генералъ.

Здѣсь нѣтъ уже судьи, нѣтъ арестанта. Остались два человѣка, два старика, оба полуразрушенные горемъ, оба ступившіе уже одной ногою въ послѣднее свое жилище, и рабъ Божій Михаилъ обращается съ мольбой къ рабу Божіему Филимону.

Филимонъ.

Чего же требуетъ отъ меня братъ мой во Христѣ Михаилъ?

Генералъ.

Онъ проситъ у тебя правды, какъ нищій милостыни. Успокой мою совѣсть; скажи, въ комъ долженъ я ненавидѣть и проклинать убійцу моего сына. Не отнимай у меня этого горькаго, послѣдняго утѣшенія.

Филимонъ.

Ненависть и проклятіе тебя не утѣшатъ. Вспомни, что умирающій Іисусъ молилъ Бога за палачей Своихъ.

Генералъ.

Скажи только, кто убилъ моего Александра, и я клянусь сохранить твою тайну, какова бы она ни была. Клянусь Богомъ и моею честью. Допросъ конченъ, начинается исповѣдь. Впрочемъ, здѣсь свидѣтелей нѣтъ. Одинъ Богъ нашъ свидѣтель. Еслибъ я солгалъ передъ Нимъ и обнародовалъ твою тайну, ты могъ бы уклониться вторично отъ истины и отвергнуть мое показаніе, какъ ложное и не имѣющее законной силы.

Филимонъ.

Я не лгалъ передъ тобою и передъ народомъ.

Генералъ.

Возможно-ли! Ты все еще упорствуешь, а Божія заповѣдь гласитъ: не лжесвидѣтельствуй.

Филимонъ.

Ложь, которой никто не вѣритъ, да и вѣрить не можетъ, не есть уже

ложь. Всѣ вы поняли мое намѣреніе. Слѣдовательно и то поняли, что мнѣ нельзя было говорить иначе, какъ я говорилъ.

Генералъ (*съ нетерпѣніемъ*).

И такъ....

Филимонъ.

Прежде чѣмъ я буду отвѣчать тебѣ, Михаилъ Борисычъ, дай мнѣ не клятву, а просто обѣщаніе исполнить и мои къ тебѣ просьбы. Скажи мнѣ Евангельское *да* или *нѣтъ*. Съ тобою этого довольно.

Генералъ.

Говори!

Филимонъ.

Обѣщай не вмѣшиваться въ производство дѣла о убіеніи сына твоего и не препятствовать ходу, какой оно должно имѣть по законамъ.

Генералъ.

Да.

Филимонъ.

Обѣщай, что когда нашъ разговоръ кончится, и явится сюда становой приставъ съ народомъ, ты объявишь, что секретный допросъ убѣдилъ тебя, наконецъ, въ моей виновности.

Генералъ.

Чтобъ я объявилъ неправду! Какъ это можно?

Филимонъ.

Ты позабылъ, что самъ сказалъ сейчасъ. Нашъ разговоръ исповѣдь. Признать меня невиннымъ значило бы обвинить другаго.

Генералъ (*подумавъ*).

Я ничего не скажу.

Филимонъ.

Пусть и такъ; все равно будетъ. Но обѣщай, что никогда и ни подъ какимъ видомъ ты не будешь преслѣдовать виновнаго ни прямо, ни косвенно.

Генералъ.

Ты требуешь отъ меня сверхчеловѣческаго.

Филимонъ.

Скажи лучше: христіанскаго.

Генералъ (*съ усиліемъ*).

Нѣтъ, не буду преслѣдовать убійцу.

Филимонъ.

Обѣщай мнѣ похлопотать, чтобъ Машу приняли скорѣе въ женскій монастырь нашего города.

Генералъ.

Какъ, она жива!

Филимонъ.

Жива, и больше ей дѣлать нечего.

Генералъ.

А мужъ что̀ скажетъ?

Филимонъ.

Она принадлежала другому. Егоръ ей болѣе не мужъ.

Генералъ.

Да, исполню и это. Машу постригутъ безъ отлагательства.

Филимонъ.

Теперь все! Теперь могу сказать тебѣ: ты не ошибся. Убилъ твоего сына тотъ, кто спасъ ему жизнь и котораго твой сынъ смертельно обидѣлъ.

Генералъ.

Злодѣй!

Филимонъ.

Я не оправдываю его, а сдѣлаю тебѣ, Михаилъ Борисычъ, одинъ только вопросъ: ты женился по любви на Елисаветѣ Владимировнѣ?

Генералъ.

По любви. У отца моей жены было болѣе дѣтей, чѣмъ ревизскихъ душъ. Я взялъ ее безъ приданаго и сдѣлалъ лучшую партію въ мірѣ.

Филимонъ.

Такъ что̀ бы сдѣлалъ ты съ ея любовникомъ, еслибъ она измѣнила тебѣ на первомъ году вашего супружества?

Генералъ.

Какое сравненіе! Я... я дворянинъ... тогда былъ уже полковникъ. Честь моего герба... честь моей шпаги!

Филимонъ (*сильно*).

Что̀ бы сдѣлалъ ты съ любовникомъ Елисаветы Владимировны, еслибъ онъ и не былъ обязанъ тебѣ жизнію?

Генералъ.

Разумѣется, убилъ бы его, и не могъ бы иначе сдѣлать.

Филимонъ.

А я такъ думаю, что Егоръ могъ бы сдѣлать иначе. Не понялъ, ты, старый дворянинъ, что ваша дворянская честь богомерзкое, Евангелію противное внушеніе гордости и злобы. Забылъ ты, вельможа, на высотѣ своего богатства и своей знатности, что люди, всѣ равные передъ Богомъ, равняются еще межъ собою природными чувствами и грѣхами, и поступаютъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ различія званій, какъ сыны Адама, а не какъ дѣти Христа. Крестьянинъ Егоръ Симоновъ могъ любить не менѣе генерала Михаила Троезерскаго, и жажда кровавой мести могла въ немъ распалиться съ такою же силою безъ помощи герба и шпаги. Но ветхій завѣтъ говоритъ: *не убивай*, а Іисусъ Христосъ прибавляетъ: *люби враговъ твоихъ*.

Генералъ (*горько рыдая*).

Ты правъ, Филимонъ. На краю могилы нельзя съ тобою не согласиться.

Филимонъ (*съ живымъ участіемъ*).

Съ самаго рожденія могила зіяетъ, на каждомъ шагу, передъ нами. Хорошо, еслибъ мы всегда помнили объ этомъ. Видишь ли теперь, добрый мой баринъ, всю неисповѣдимость и всю благость судебъ Божіихъ. Гроза небесная испепелила домъ твой, и несчастіе ведетъ уже тебя къ истинному человѣческому разумѣнію и къ истинной вѣрѣ.

Генералъ.

Да наградитъ тебя Богъ за эти слова! Мнѣ стало, какъ будто, легче. Но ты-ли, Филимонъ, тотъ самый человѣкъ, который, 26-ть лѣтъ тому назадъ, не пожалѣлъ единаго своего сына и отдалъ его въ солдаты за проступокъ не слишкомъ тяжкій. А теперь ты жертвуешь собою, чтобъ спасти внука, несравненно виновнѣйшаго!

Филимонъ.

Преступленіе Симона было довольно обыкновенное, и самъ онъ былъ обыкновенный преступникъ. Солдатство могло исправить его. Не таковъ Егоръ, и неземную его будущность хотѣлъ я спасти, а его душу, пылкую и великую. Я зналъ, что острогъ, лобное мѣсто и каторга не исправятъ такого человѣка, а напротивъ, сдѣлаютъ изъ него, со временемъ, атамана разбойниковъ, потому именно, что, при другихъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы быть знаменитымъ полководцемъ или правителемъ. Я захотѣлъ поставить его выше. Егоръ будетъ праведникомъ, и вѣрь мнѣ, Михаилъ Борисычъ, ни одинъ голосъ на землѣ не возвысится сильнѣе и убѣдительнѣе

его голоса къ престолу Вседержителя, чтобъ выпросить царства небеснаго тебѣ и твоему сыну.

Генералъ.

Обними меня, братъ мой Филимонъ! (*Продолжительное объятіе, сопровождаемое рыданіемъ генерала*).

Филимонъ.

Теперь, братъ мой Михаилъ (*показывая на небо)*, до свиданія тамъ.

Генералъ.

Да тамъ! (*отпирая дверь*). Всѣ сюда!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Прежніе.—Цапкинъ. – Бурмистръ.—Крестьяне. — Дворовые люди (*мущины и женщины*).

Генералъ (*Цапкину*).

Господинъ становой приставъ, извольте приступить теперь къ формальному слѣдствію.

Цапкинъ

(*Бросаясь на Филимона съ поднятыми кулаками*).

Такъ это ты извергъ, ты старый еретикъ и душегубецъ!

Филимонъ

(*удерживая его отъ себя движеніемъ руки*).

Не дотрогивайтесь до меня, ваше благородіе: не марайте рукъ. Я принадлежу не вамъ, а палачу.

Генералъ.

Прошу васъ покорнѣйше, господинъ Цапкинъ, наблюдать во всемъ законный порядокъ и не оскорблять арестанта, если здѣшній станъ вамъ не наскучилъ.

Цапкинъ (*низко кланяясь*).

Если вашему превосходительству такъ угодно, то сдѣлайте одолженіе, съ величайшимъ моимъ удовольствіемъ.

(*Генералъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Прежніе кромѣ **Генерала.**

Бурмистръ.

Ну-ка поскорѣе убраться отсюда. Смерть какъ спать хотца.

Цапкинъ.

А мнѣ выпить, идемъ!

(*Цапкинъ и Бурмистръ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Крестьяне и многіе изъ дворовыхъ людей приближаются къ Филимону, становятся передъ нимъ на колѣни и говорятъ:

Благослови насъ, дѣдушка!

Филимонъ.

Будете-ли помнить, дѣти мои, прощальныя слова старика Филимона Абрамова?

Многіе голоса.

Вѣкъ, дѣдушка, не забудемъ!

Филимонъ.

Такъ слушайте. Любите Господа Бога вашего отъ всего сердца, отъ всей души, отъ всего разумѣнія. Любите ближняго какъ самихъ себя. Тогда вы исполните все: вы будете христіане, и самъ Всевышній благословитъ васъ.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ДѢЙСТВІЯ.

Полное собраніе „Русскаго Архива“ составляетъ цѣлую историческую библіотеку.

Лица, желающія пополнить свое собраніе „Русскаго Архива“ за всѣ двадцать четыре года, могутъ отчасти знакомиться съ его содержаніемъ по особо изданной **Росписи** за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подпищикамъ 1883 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на оберткахъ прошлаго года печаталось подробное содержаніе „Русскаго Архива“ за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: **1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881** и **1884** гг. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ **1885** года также еще есть на лицо. Остальныя годовыя изданія давно вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя и тройныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе, посвященное преимущественно всестороннему изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 — 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

2.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА.

1814 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ [1]).

Со времени выступленія въ походъ изъ Франкфурта до выступленія въ походъ изъ Петербурга въ Вильну въ 1815 году.

ЧЕТВЕРТАЯ КАМПАНІЯ, ВО ФРАНЦІИ.

Мы выступили изъ Франкфурта въ началѣ Декабря мѣсяца. Даненбергъ и я ѣхали во все время однимъ переходомъ впереди войскъ, заготовляя дислокаціи. Походъ этотъ былъ очень пріятный, потому что войска успѣли оправиться во Франкфуртѣ; мы шли по богатымъ мѣстамъ и вездѣ пользовались прекрасными квартирами.

Мы вскорѣ вступили въ королевство Виртембергское. Король [2]) не хотѣлъ, чтобы войска наши имѣли квартиры въ городѣ Гейльбронѣ и даже чтобы они черезъ этотъ городъ проходили. Онъ велѣлъ даже силою не пускать насъ; но, видя, что Великій Князь мало обращалъ вниманія на его угрозы, онъ пропустилъ насъ, и мы благополучно расположились дневать въ Гейльбронѣ. Курута послалъ меня съ порученіемъ къ Депрерадовичу въ кавалергардскій полкъ, который былъ расположенъ въ селеніи Вейнсбергѣ, недалеко отъ города. При этомъ селеніи находится гора, на которой стоитъ рыцарскій замокъ, замѣчательный по историческому событію въ старину тамъ свершившемуся. Когда Цесарцы брали его и осажденные стали нуждаться въ продовольствіи, то женщины просили позволенія у осаждающихъ выдти изъ крѣпотти, унося съ собою то, что́ у нихъ всего драгоцѣннѣе. Получивъ такое позволеніе, онѣ вышли изъ крѣпости, унося на плечахъ своихъ мужей. Картина изображающая сіе событіе до сихъ поръ хранится у жителей Вейнсберга въ церкви.

---

[1]) Первыя четыре части напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1885 года. П. Б.

[2]) Нѣкогда (1786) исключенный изъ Русской службы за злоупотребленія и обильно попользовавшійся всякими благами въ Россіи, этотъ первый король Виртембергскій былъ старшимъ дядею Александра Павловича. П. Б.

Въ Штутгардѣ захотѣли тоже сдѣлать, какъ въ Гейльбронѣ: не впускать насъ въ городъ. Пошли переговоры, и начальство наше согласилось на то, чтобы войска наши обошли городъ. Однако Даненбергу и мнѣ хотѣлось видѣть городъ, который извѣстенъ своей красотой. Рогатка у заставы неисправно запиралась; мы сперва разговорились съ часовымъ, а потомъ проѣхали сквозь городъ.

Со слѣдующаго перехода я былъ командированъ къ 1-й кирасирской дивизіи, къ Депрерадовичу, откуда черезъ три дня опять былъ возвращенъ къ Великому Князю, котораго засталъ уже въ Лудвигсбургѣ, гдѣ онъ нѣсколько дней останавливался для отдыха войскъ. Лудвигсбургъ, гдѣ находится загородный дворецъ короля, отстоитъ отъ Штутгарда въ 4-хъ или 6-ти миляхъ. Тамъ имѣется клубъ или дворянское собраніе, которое называли казино. Хотя Даненбергъ былъ человѣкъ степенный, но ему хотѣлось непремѣнно посмѣяться надъ Нѣмцами, къ роду которыхъ онъ себя не причислялъ, называя себя Шведскаго или Финскаго происхожденія. Подъ нами въ нижнемъ этажѣ жилъ богатый купецъ, торговавшій сукномъ. Такъ какъ Даненбергъ уже нѣсколько дней жилъ въ домѣ, то онъ познакомился съ нимъ и его женою, которую просилъ переодѣть его въ женское платье, чтобы идти въ казино, на что она согласилась, не взирая на то, что Даненбергъ былъ очень высокаго роста и особенно дуренъ лицемъ, отчего женское платье ему вовсе не пристало. Онъ въ такой одеждѣ имѣлъ самую уродливую фигуру и былъ болѣе похожъ на развратную женщину. Нарядившись, онъ ввечеру пошелъ со мною къ Мёнье, который жилъ вмѣстѣ съ Лафонтеномъ, надѣлъ крестьянскій праздничный кафтанъ, наложилъ въ одинъ карманъ Грецкихъ орѣховъ, а въ другой огромную двухстороннюю табакерку, въ которой съ одной стороны былъ насыпанъ табакъ, а съ другой зола съ сажею. На Мёнье надѣли сюртукъ Даненберга на выворотъ, съ подкладкою наружу, такъ что онъ казался въ красномъ платьѣ съ бѣлыми рукавами. Полы сюртука подобрали подъ широкій поясъ; надѣли ему на голову чалму и дали обнаженный повареный ножъ въ руки. Я оставался въ своемъ сюртукѣ, дабы въ случаѣ нападенія со стороны полиціи оградить товарищей офиціальною своею одеждою. Въ семъ нарядѣ мы пошли въ казино съ фонаремъ. Даненбергъ на улицѣ кривлялся, и Виртембергскіе офицеры, принимая его за уличную женщину, приставали къ нему, а мы ихъ отгоняли. Окна казино были ярко освѣщены. Даненбергъ смѣло вошелъ. Нѣмцы встали. Бургмейстеръ города подошелъ къ нему и спросилъ, кто она такая? «Я бѣдная женщина изъ сосѣдняго селенія», отвѣчалъ Даненбергъ, «и пришла къ вамъ съ жалобой: къ намъ наставили Русскихъ кирасиръ, у которыхъ лошади такъ велики, что онѣ не

могутъ въ ворота на дворъ пройти, отчего Русскіе стали у насъ ворота ломать.» «Ja, Ja» закричалъ повѣса Лафонтенъ съ угрозою на бургмейстера, «и если вы не исполните просьбы моей жены, такъ я на васъ просьбу подамъ.» Между тѣмъ дамы собрались въ дверяхъ около бургмейстера; онѣ скорѣе его смекнули, въ чемъ дѣло, взяли Даненберга за руку, посадили его между собой и начали съ нимъ шутить. Тутъ былъ адъютантъ Великаго Князя Колзаковъ, который тоже узналъ Даненберга и смѣялся; но бургмейстеръ никакъ не могъ постичь, что за посольство къ нему пришло, разсердился и закричалъ слугѣ, чтобы онъ позвалъ другихъ и чтобы выпроводили непотребную женщину сію съ дерзкимъ мужемъ. Слуга хотѣлъ бѣжать внизъ, но я изъ предосторожности поставилъ Мёнье съ обнаженнымъ ножомъ его на часы у верха лѣстницы, сказавъ ему, чтобы онъ никого не пропускалъ. Слуга, увидѣвъ его, испугался костюма и воротился, когда Мёнье объявилъ ему, что онъ мамлюкъ Великаго Князя, поставленный тутъ на часахъ, чтобы никого не пропускать: потому что въ казино сдѣлался шумъ и что сейчасъ придетъ караулъ. Я былъ въ сюртукѣ и подтвердилъ слова эти. Между тѣмъ Лафонтенъ продолжалъ разговаривать съ бургмейстеромъ, котораго онъ потчивалъ Грецкими орѣхами. Ошеломленный бургмейстеръ принималъ ихъ и еще благодарилъ за угощеніе. Онъ совсѣмъ одурѣлъ, потому что всѣ дамы обступили его и смѣялись надъ нимъ. Лафонтенъ симъ не довольствовался: онъ вынулъ изъ кармана огромную табакерку и предложилъ бургмейстеру табаку, понюхавъ прежде самъ. Бургмейстеръ не смѣлъ отказаться; но вмѣсто табаку ему подали изъ оборотной табакерки сажу, смѣшанную съ золою и съ табакомъ. Понюхавъ, онъ оборотился къ дамамъ. Общій хохотъ поднялся по всей залѣ, когда онъ показалъ свой испачканный ликъ. Видя, что пора уходить, я вызвалъ заговорившагося съ дамами Даненберга, отвелъ Лафонтена и снялъ часоваго. Мы вышли и спѣшили домой. Не знаю, какъ это дѣло замяли; вѣроятно дамы, не желая накликать бѣды на Даненберга, ихъ повеселившаго, уговорили дурака бургмейстера молчать.

Мѣста, которыми мы проходили въ Виртембергскомъ королевствѣ и въ герцогствѣ Баденскомъ, единственны. Большое населеніе, прекрасныя деревни, окруженныя садами, полями, коихъ обработанность не можетъ сравниться ни съ какою въ другой странѣ. Виртембергцы жаловались на свои бѣдствія: король ихъ былъ самовластный и злодѣй: всякій опасался за свою собственность, говорили даже за жизнь. Разсказывали, что король многихъ безъ явнаго повода отправлялъ въ особо на тотъ предметъ построенную крѣпость, гдѣ въ темницахъ заключались сотни несчастныхъ, часто

тамъ и погибавшихъ. Когда король ѣздилъ на охоту, то онъ приказывалъ сбирать земледѣльцевъ, отрывая ихъ отъ работъ, для того, чтобы сгонять дичь, и кромѣ того поля земледѣльцевъ стаптывали для увеселенія. Если же онъ узнавалъ, что кто нибудь изъ пострадавшихъ чрезъ его забавы осмѣливался жаловаться, то просителя заключали въ крѣпость. Пышность Виртембергскаго двора не уступала пышности большихъ Европейскихъ дворовъ, на что истрачивалось множество денегъ и отчего народъ былъ обремененъ налогами. Виртембергскій король былъ необыкновенно толстъ и въ лѣтахъ. Говорили, что онъ предавался всякимъ порокамъ....

Подъ такимъ правленіемъ жили въ Германіи, въ краю просвѣщенномъ, тогда какъ природа надѣлила его всѣми своими богатствами. Народъ очень роппталъ. Я особливо имѣлъ случай слышать этотъ ропотъ между студентами въ Тюбингенѣ, въ университетѣ. Они не хотѣли оставаться въ своемъ отечествѣ по окончаніи курсовъ.

Въ Тюбингенѣ я познакомился съ однимъ изъ студентовъ, который показалъ мнѣ кабинетъ натуральной исторіи. Онъ показалъ мнѣ также одного профессора математики, который сидѣлъ въ особенной комнатѣ за стеклянными дверями, заперпись. Студентъ постучалъ въ стекло, и къ дверямъ подбѣжалъ молодой человѣкъ въ крестьянской одеждѣ, который поклонился намъ нѣсколько разъ самымъ неловкимъ образомъ, посмѣялся и опять ушелъ и сѣлъ за работу. Студентъ сказалъ мнѣ, что человѣкъ сей имѣетъ отличныя познанія, что онъ изъ земледѣльцевъ, самъ собою выучился, превзошелъ всѣхъ другихъ профессоровъ въ математикѣ и проводитъ жизнь такимъ образомъ взаперти, не занимаясь ничѣмъ болѣе какъ математикою; онъ былъ похожъ на сумасшедшаго.

При вступленіи нашемъ въ Виртембергское королевство, я, какъ и прежде, ѣхалъ за день впередъ колонны. Проѣзжая черезъ большое селеніе, въ которомъ стояла Прусская легкая гвардейская конница, я былъ обступленъ офицерами, которые меня нѣсколько въ лице знали. Они остановили мою лошадь, упросили слѣзть и пригласили присутствовать на балѣ, который они хотѣли въ тотъ вечеръ дать дамамъ окрестностей ихъ селенія. «Мы это дѣлаемъ, любезный товарищъ», говорили они, «съ тѣмъ, чтобы доказать Виртембергцамъ, что не помнимъ зла, которое причинили они въ нашемъ отечествѣ; ибо изо всѣхъ союзныхъ войскъ Наполеона ни одни такъ не грабили насъ какъ Виртембергцы. Но еслибы которая-нибудь изъ званныхъ шлюхъ осмѣлилась отказаться, то мы отправимся къ ея дому и выбьемъ всѣ стекла въ окнахъ». Пруссаки выражались съ озлобленіемъ, потому что они Виртембергцевъ терпѣть не могли.

Каждому изъ нихъ поручена была какая-нибудь должность. Поручикъ Панневицъ, которому меня отдали на руки, занимался заготовленіемъ пуншевой эссенціи, потому что онъ стоялъ въ аптекѣ. Дочь аптекаря Каролина была прекрасна собою, и Панневицъ успѣлъ на дневкѣ въ нее влюбиться. Другой былъ занятъ освѣщеніемъ, и какъ подсвѣчниковъ не было, то онъ замѣнилъ ихъ большими картофелями, въ которыя воткнулъ свѣчи. Поручикъ Лонъ, родомъ Венгръ, служившій прежде въ Англійской и въ разныхъ другихъ службахъ, служилъ нынѣ въ Прусскихъ гусарахъ. Ему поручено было сзывать и принимать дамъ. Онъ разослалъ по всѣмъ дорогамъ разъѣзды съ приказаніемъ встрѣчать и конвоировать кареты и коляски, которыя будутъ проѣзжать, а при заставахъ селеній поставилъ трубачей, чтобы возвѣщать о прибытіи дамъ. Недоставало бездѣлицы: дòма, въ которомъ можно бы дать балъ; но Прусаки долго о томъ не думали: въ ихъ селеніи былъ большой помѣщичій домъ, въ которомъ жилъ только одинъ дворецкій. Въ мигъ полетѣли замки съ дверей, и домъ былъ во владѣніи Прусаковъ. Новый Пруской приставъ дòма распорядился комнатами и оставилъ одну маленькую, въ которой постлали постель. Ключъ отъ сей комнаты былъ у Панневица, которому сказано было давать его въ случаѣ надобности товарищамъ.

Мы уже давно были въ сборѣ въ танцовальной залѣ, а изъ дамъ ни одной еще не было. Прусаки взбѣсились и начали совѣщаться, какъ и когда ѣхать имъ, чтобы у дамъ стекла выбить въ домахъ. Лонъ настаивалъ, чтобы сейчасъ же разъѣзжаться по окрестностямъ и приниматься за дѣло; мнѣніе его было принято, и разъяренные Прусаки готовились уже въ ночную экспедицію, какъ позывъ ихъ былъ остановленъ звукомъ трубы-возвѣстительницы. Всѣ выбѣжали на дворъ и приняли нѣсколько дамъ изъ одной кареты; за нею ѣхала другая, тамъ третья, четвертая и такъ далѣе. Балъ начался; сначала все порядочно шло, но подъ конецъ многіе подпили и стали забываться передъ женщинами. Прекрасная Каролина, дочь хозяина Панневица, тутъ же находилась. Замѣтивъ, что мнѣ пріятно было съ ней танцовать, онъ самъ приглашалъ ее для меня и подводилъ ее ко мнѣ, съ цѣлью угостить меня какъ можно лучше. Между тѣмъ онъ слѣдилъ за нами въ танцахъ и съ завистливыми глазами смотрѣлъ на жертву приносимую имъ гостепріимству. Повеселившись до 2-го или 3-го часа утра, мы разошлись по домамъ, и Панневицъ опять далъ мнѣ свою Каролину подъ руку до дома довести. Она была такъ хороша и такъ мила, что я объяснился бы съ ней, еслибъ не боялся оскорбить Панневица, который вслѣдъ за нами шелъ.

На другой день былъ походъ, и я нагналъ Даненберга. Мы вступили въ Баденское герцогство и пришли въ городъ Фрейбургъ, гдѣ находились главныя квартиры. До переправы черезъ Рейнъ дали войскамъ около недѣли времени для отдыха. Великій Князь остановился въ городкѣ Мюльгеймѣ, а я посланъ впередъ на границу Швейцаріи съ порученіемъ заготовить дислокацію.

Отъ городка Лёрраха, послѣдняго въ Баденскомъ владѣніи, въ который я пріѣхалъ, оставалось около 6 верстъ до Базеля, что̀ въ Швейцаріи. Между Лёррахомъ и Базелемъ находилось одно большое Швейцарское селеніе Рихенъ, на правомъ берегу Рейна, которое не должно было заниматься нашими войсками. Дорога, ведущая отъ Мюльгейма къ Базелю, шла въ одномъ мѣстѣ по берегу Рейна. Противъ сего мѣста, на лѣвомъ берегу рѣки, находилась Французская крѣпость Гюнингъ, которую осаждали Баварцы. Хлопоты, вызванныя изъ главной квартиры на счетъ опасности въ семъ проѣздѣ, не имѣли конца. Опасались проѣзжать подъ выстрѣлами столь сильной крѣпости, тогда какъ едва ли ядро могло долетѣть до дороги, а еслибъ и долетѣло, то стали ли бы Французы терять снаряды на такіе невѣрные выстрѣлы? Офицеры были разосланы для открытія новыхъ дорогъ, и получено было радостное извѣстіе, что найдена безопасная дорога. Удивляюсь, какъ по сему случаю не отслужили еще благодарственнаго молебствія Господу Силъ, ведущему насъ въ безопасности, яко Израиля въ пустынѣ.

Изъ Фрейбурга главная квартира пришла ночевать въ Лёррахъ, а изъ Лёрраха она прошла въ Базель, гдѣ и пировала.

Я оставался въ Лёррахѣ съ квартирьерами; а какъ изъ нихъ только я одинъ зналъ по-нѣмецки, и разныя команды Австрійцевъ приходили грабить окрестности и требовали квартиръ въ городѣ: то меня въ ратушѣ Нѣмцы провозгласили комендантомъ города и никому не давали квартиръ безъ билета отъ меня. Между тѣмъ я разослалъ квартирьеровъ по селеніямъ и занялъ оныя до прибытія нашихъ войскъ. Мнѣ отдавали всѣ должныя почести, какъ-то главная квартира, и во всякое время къ услугамъ моимъ былъ въ готовности форшпанъ и даже почтовая коляска, безъ уплаты прогоновъ. Такимъ образомъ прожилъ я болѣе недѣли въ Лёррахѣ, ибо Курута не приказалъ мнѣ возвращаться въ Мюльгеймъ. По ночамъ меня пробуждалъ гулъ Баварскихъ осадныхъ орудій, дѣйствовавшихъ по крѣпости Гюнинга. До прибытія войскъ въ Лёррахъ я былъ два раза въ Базелѣ: первый разъ я ѣздилъ туда по приказанію Куруты для закупки географическихъ картъ, но не нашелъ ихъ; другой же разъ ѣздилъ по своей надобности.

Селеніе Рихенъ, которое не слѣдовало занимать, было однакоже занято мною для войскъ по недостатку квартиръ въ другихъ селеніяхъ. Швейцарское Базельское правленіе присылало ко мнѣ въ Лёррахъ одного офицера, чтобы объяснить мнѣ свои права; но я ихъ не призналъ, и войска остались въ Рихенѣ.

30-го или 31-го числа Декабря гвардейскій корпусъ собрался около Рихена и въ окрестностяхъ Лёрраха. Государю хотѣлось, чтобы мы перешли Рейнъ съ большимъ парадомъ 1-го числа Января 1814 года. Холодъ былъ весьма сильный, и снѣгъ выпалъ глубокій. Не взирая на сіи неудобства, Государь настоялъ на своемъ, и 1814 года 1-го числа Января мѣсяца мы перешли черезъ Рейнъ по мосту парадомъ, прошли черезъ Базель, около 6 верстъ Швейцарскими владѣніями, и вступили во Францію. Переходъ былъ большой; холодъ усиливался, такъ что войска пришли весьма поздно на ночлегъ. Люди падали на пути, и нѣсколько человѣкъ дорогою умерло. Ночлегъ нашъ былъ около Алтъ-Кирхена, въ селеніи Лаферте́.

Я не встрѣтилъ во Франціи того, чего ожидалъ по впечатлѣніямъ полученнымъ о сей странѣ при изученіи географіи, въ года первой молодости. Жители были бѣдны, необходительны, лѣнивы и въ особенности непріятны. Французъ въ состояніи просидѣть цѣлые сутки у огня безъ всякаго занятія и за работу вяло принимается. Ѣдятъ они весьма дурно вообще, какъ поселяне, такъ и жители городовъ; скряжничество ихъ доходитъ до крайней степени; нечистота же отвратительная, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ людей. Народъ вообще мало образованъ, немногіе знаютъ грамотѣ, и то нетвердо и неправильно пишутъ, даже городскіе жители. Они кромѣ своего селенія ничего не знаютъ и не знаютъ мѣстности и дорогъ далѣе 5 верстъ отъ своего жилища. Дома поселянъ выстроены мазанками безъ половъ. Я спрашивалъ, гдѣ та очаровательная Франція, о которой намъ гувернеры говорили, и меня обнадеживали тѣмъ, что̀ впереди будетъ, но мы подвигались впередъ и вездѣ видѣли тоже самое.

Мы покойно подвигались черезъ города Порентруи, Монбеліяръ и Везуль, и пришли къ городу Лангру, изъ котораго авангардъ нашъ вытѣснилъ Французскія войска послѣ небольшаго дѣла. Мы расположились въ селеніяхъ около Лангра на недѣлю. Квартира Великаго Князя была въ селеніи Апрѐ, лежащемъ въ 10 верстахъ отъ города, нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги, ведущей въ Дижонъ. Корпусъ Австрійскихъ войскъ пошелъ къ Ліону, съ нами же оставался генералъ Юлай и другіе отряды; но полки ихъ очень порѣдѣли отъ побѣговъ и самовольныхъ отлучекъ. Массы Цесарцевъ какъ бы таяли, и корпусъ Юлая крайне обезсилился. Между тѣмъ обозы

Австрійскіе не уменьшались. Они какъ бы собирались увезти всю Францію на своихъ фурахъ и нагружали въ нихъ все, что̀ имъ подъ руку попадалось, мебель, посуду, перины и пр. Другаго средства не было какъ сбрасывать сіи фуры въ канавы, дабы войска могли проходить. Этихъ большихъ Австрійскихъ фуръ считалось въ арміи до 12.000. Французы много ихъ истребили при ретирадѣ послѣ случившейся во Франціи неудачи союзныхъ войскъ.

По прибытіи нашемъ въ Апрѐ, Курута послалъ меня въ ночь черезъ селеніе Сентъ-Жомъ (S-t Geomes) для отысканія л.-кирасирскаго полка Его Величества, о которомъ никакого извѣстія не было съ самаго утра, какъ онъ выступилъ съ квартиръ своихъ. Ночь была очень темная, на поляхъ лежало много снѣга, и мнѣ надобно было ѣхать 7 верстъ проселкомъ. Мнѣ сказано было отыскать древнее Римское шоссе, котораго оставались слѣды, и держаться его для отысканія дороги. Наканунѣ еще прибытія нашего въ Апрѐ, происходила стычка между нашею авангардной конницею и непріятельской, къ коей присоединились вооруженные крестьяне. Я взялъ у хозяина своего какую-то маленькую лошаденку и отправился въ поле; вьюга занесла дорогу снѣгомъ и продолжалась во все время моей поѣздки. Я сбился съ дороги и сталъ отыскивать шоссе, придерживаясь вправо. Замѣтивъ, что снѣгъ грудою примело къ ряду камней и предполагая, что это отыскиваемое шоссе, я слѣдовалъ по оному, но скоро потерялъ этотъ слѣдъ и въѣхалъ въ небольшой лѣсъ, по открывшейся просѣкѣ. По дорогѣ не было ни одного селенія, и я словно видѣлъ одинъ пустой до̀мъ, который находился въ лѣвой сторонѣ. Миновавъ его, я увидѣлъ впереди огонь и, направясь къ оному, прибылъ въ С.-Жомъ, въ которомъ было множество Австрійцевъ. Тутъ я узналъ, что за два часа до меня л.-кирасирскій полкъ прошелъ черезъ это селеніе, и поѣхалъ назадъ.

Я ѣхалъ медленно, по своимъ старымъ слѣдамъ и, приближаясь къ лѣсу, замѣтилъ въ прежде видѣнномъ мною домикѣ огонь. Я такъ озябъ, что захотѣлось погрѣться, и я вошелъ. Хотя былъ я одинъ и ѣхалъ въ разоренныхъ мѣстахъ, среди озлобленныхъ жителей, но я такъ озябъ, что рѣшился войти, чтобы обогрѣться. Мертвая тишина царствовала въ семъ мѣстѣ, прерываясь только мѣрнымъ боемъ маятника стѣнныхъ часовъ и мяуканьемъ кота, который сидѣлъ на поваленномъ шкапѣ. Въ каминѣ былъ разведенъ большой огонь, у котораго сидѣлъ нагнувшись старикъ безъ всякаго движенія. Я остановился въ дверяхъ, пораженный ужасною картиной разоренія. Старикъ, услыша шумъ, хладнокровно повернулъ голову и, увидя меня, пригласилъ сѣсть къ огню. Я сѣлъ, и онъ, не обращая взгляда на меня, продолжалъ грѣться. Мы нѣсколько времени оставались въ такомъ положеніи, не

говоря ни слова. Я, наконецъ, прервалъ молчаніе и спросилъ, кто онъ таковъ?—«Хозяинъ здѣшняго дома».—«Какъ тебя зовутъ?»—«Бонне. «Какого ты званія?»—«Я арендаторъ (fermier).»—«Гдѣ же твое семейство?»—«Не знаю.»—«Какъ не знаешь, гдѣ жъ ты былъ?»—«Я ходилъ въ Шатильонъ и не болѣе часа тому какъ возвратился и нашелъ свой домъ въ томъ положеніи, какъ вы его теперь видите; но семейства своего я болѣе не нашелъ. У меня была жена, двѣ взрослыя дочери, два небольшіе сына; куда же они дѣвались, не знаю; ихъ, можетъ быть, убили союзники, да и меня скоро туда же приберутъ.» Тутъ старикъ оборотился ко мнѣ и, осмотрѣвъ меня пристально съ головы до ногъ, спросилъ, Французъ ли я или союзникъ?—«Союзникъ», отвѣчалъ я. «Ахъ!» сказалъ спокойно старикъ, «много вы намъ зла надѣлали», и задумался. «Старикъ», сказалъ я ему, «огонь твой гаснетъ въ каминѣ, подложи дровъ.»—«Сейчасъ, сударь». Онъ всталъ, поднялъ стулъ, на которомъ самъ сидѣлъ и, съ силою ударивъ его о землю, разбилъ его въ дребезги, потомъ сталъ собирать куски и класть ихъ въ огонь. «Пускай горитъ», приговаривалъ онъ съ досадою, «по крайней мѣрѣ лишилъ я союзниковъ удовольствія разбить этотъ стулъ; такимъ образомъ сожгу я и всѣ остатки своего имущества. На что мнѣ оно, когда я семейства лишился?»—«Нѣтъ ли у тебя табаку?» спросилъ я, «мнѣ хочется трубку набить.»—«Былъ, сударь, спрятанъ табакъ за шкафомъ; не знаю, тутъ ли онъ еще; я поищу.» Онъ нашелъ табакъ, я закурилъ трубку и поѣхалъ.

Прибывъ въ Апре́, я освѣдомился у своего хозяина о семъ старикѣ, и мнѣ сказали, что его во всемъ околоткѣ уважали и что семейство его было прекрасное. Никто еще не зналъ о постигшемъ его несчастіи; когда же я разсказалъ объ ономъ, то сосѣди сбѣжались, много сожалѣли о немъ и хотѣли ему помочь.

Изъ Лангра мы пришли въ два перехода къ городу Шомонъ. Первый ночлегъ нашъ былъ въ селеніи Роламноантъ (Rollampoint).

Мы провели нѣсколько дней въ Апре́. Гвардійская легкая кавалерійская дивизія стояла недалеко отъ Шатильона. Шиндлеръ находился при своемъ полку. Ему надоѣло жить на квартирахъ, и онъ пріѣхалъ къ Великому Князю, умоляя послать его въ авангардъ, дабы онъ могъ имѣть случай подраться; всего болѣе хотѣлось ему пограбить. Великій Князь разсердился на него, раскричался, стращалъ его арестомъ и прогналъ его. Шиндлеръ пришелъ къ намъ въ слезахъ, съ горя напился пьянъ и сталъ буянить, такъ что его съ трудомъ могли унять.

Изъ Шомона мы пришли къ селенію Жоншери, которое было верстахъ въ 3-хъ впереди города и, тутъ расположившись лагеремъ, провели ночь. Потомъ заняли городъ Баръ-сюръ-Объ, откуда прошли

еще одинъ переходъ и остановились. Непріятель былъ около Шато-Бріена. Здѣсь получены были извѣстія объ арміи Блюхера, который недалеко отъ насъ находился и имѣлъ уже нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ.

При началѣ сраженія подъ Бріеномъ гвардейскій корпусъ получилъ приказаніе стать въ резервѣ; но мы стояли очень далеко отъ поля битвы и могли только слышать повторенные пушечные выстрѣлы. Сражался Сакенъ. Къ нему послали въ подкрѣпленіе изъ нашего корпуса одну кирасирскую дивизію. Къ вечеру насъ подвинули ближе, и мы ночевали недалеко отъ того мѣста, гдѣ ложились непріятельскія ядра. Сраженіе продолжалось ночью, и наши взяли штурмомъ городъ, почему драка продолжалась на улицахъ. Потеря съ нашей стороны была довольно велика; но она была гораздо менѣе, чѣмъ у Французовъ, которые потеряли до 80 орудій.

Великій Князь поскакалъ въ дѣло одинъ изъ любопытства и, какъ я отъ иныхъ слышалъ, самъ ввелъ Австрійцевъ во дворецъ Шато-Бріена. Дворецъ былъ великолѣпный; онъ заключалъ въ себѣ славную библіотеку и кабинетъ натуральной исторіи. Въ Бріенѣ находилось училище, въ которомъ Наполеонъ воспитывался и изъ котораго онъ былъ выпущенъ офицеромъ въ артилерію. Въ семъ сраженіи участвовали всѣ союзныя войска, и гусары наши ошибкой порубили нѣсколько Виртембергцевъ, принявъ ихъ за Французовъ. Дабы сего впредъ не могло случиться, Государь приказалъ всѣмъ союзникамъ повязать себѣ лѣвую руку выше локтя бѣлымъ платкомъ, кромѣ зеленой вѣтки, которую мы на головѣ носили. По прибытіи нашемъ въ Труа, изъ сей повязки сдѣлали нарядъ, и въ главной квиртирѣ показались повязки съ бантами, которыя стали перенимать и въ войскахъ.

Я засталъ ночью конецъ сраженія подъ Бріеномъ, куда поѣхалъ изъ любопытства, потому что резервы наши не вступали въ дѣло. Ночлегъ главной квартиры и Великаго Князя былъ въ селеніи Комъ (Comes), гдѣ мы кое-какъ размѣстились.

Изъ знакомыхъ моихъ былъ взятъ въ плѣнъ въ семъ сраженіи полковникъ Фонъ-Визинъ, славный человѣкъ, бывшій прежде адъютантомъ у Алексѣя Петровича, а тогда командовавшій Малороссійскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Сраженіе подъ Бріеномъ продолжалось полторы сутки, послѣ которыхъ мы одержали побѣду. Когда Великій Князь ночевалъ въ Комѣ, то пришли къ нему на квартиру нечаяннымъ образомъ два раненые солдата. Упоминаю о нихъ здѣсь, какъ о примѣрѣ необыкновеннаго терпѣнія. Константинъ Павловичъ сидѣлъ у камина и, подозвавъ къ себѣ солдатъ, распрашивалъ ихъ о ранахъ и о сраженіи и, какъ они

пришли въ полной амуниціи и отвѣчали бойко, то они понравились Великому Князю, который велѣлъ доктору своему Кучковскому перевязать ихъ. У одного (онъ былъ Крымскаго пѣхотнаго полка) сидѣла пуля во лбу, такъ что больше половины оной застряло въ кости. Кучковскій прежде всего разрѣзалъ и взодралъ ему въ четыре стороны кожу на лбу и, оголивъ такимъ образомъ кость, схватилъ въ острыя клещи пулю, которую сталъ тащить, но не вытащилъ. Пуля шевелилась, но не отдѣлялась отъ кости. Тогда Кучковскій приказалъ двумъ человѣкамъ держать раненаго за голову, а самъ съ помощію фельдшера воткнулъ по острому кривому шилу съ каждой стороны въ пулю и, упирая шилами въ лобъ, они оба стали всѣми силами выламывать ее; но и этотъ способъ не удался, и солдатъ остался съ пулею. Во все время операціи, раненый не показалъ вида страданія, а только просилъ лѣкаря: «Ваше благородіе, не замай; у меня будетъ лобъ свинцовый». Кучковскій оставилъ его и обѣщался ему на другой день вынуть пулю. Солдатъ легъ въ какомъ-то холодномъ чуланчикѣ, положивъ себѣ подъ голову ранецъ. На другой день, взявъ ружье свое, онъ сталъ передъ Кучковскимъ и просилъ его исполнить данное обѣщаніе. Лекарь приказалъ ему лечь, выпилилъ ему лобовую кость около пули кругомъ и вынулъ ее съ частью кости, причемъ раненаго никто не держалъ, и онъ не испустилъ ни малѣйшаго крика. Онъ всталъ, поблагодарилъ лѣкаря и пошелъ къ казеннымъ ящикамъ, около которыхъ собирались раненые.

Другой солдатъ былъ рекрутъ. Съ нимъ варварски поступили. Пуля попала ему въ руку пониже плеча и остановилась въ кости, которую она раздробила. Кучковскій сперва прорѣзалъ ему руку съ одной стороны до кости и, запустивъ два пальца въ новую рану, схватилъ пулю, но не могъ ее вынуть. «Экая шельма», сказалъ онъ, «не хочетъ выходить; постой же, я ее съ другой стороны достану», и въ мигъ прорѣзалъ такую же рану съ противной стороны. Запустивъ въ обѣ раны пальцы, долго копался онъ, хватаясь за пулю, но не могъ ее достать. «Постой же, негодная», сказалъ онъ, «ты и сюда лѣзть не хочешь, такъ выходи же сама». Онъ тогда перевязалъ солдату раздробленную руку и отпустилъ его. Солдатъ казался довольнымъ, поблагодарилъ лѣкаря и пошелъ. Но мнѣ Кучковскій сказалъ, что онъ долженъ умереть отъ этой раны. Я удивлялся терпѣнію обоихъ раненыхъ, отъ которыхъ во время операціи не было слышно ни малѣйшей жалобы.

Изъ Комъ мы пошли на Вандёвръ, на Баръ-сюръ-Сенъ, и пришли въ Труа, столицу Шампаніи. Труа большой и многолюдный городъ, но дурно выстроенъ и мѣстами похожъ на большую деревню.

Войска наши дневали въ 20-ти верстахъ не доходя Труа, въ селеніи называвшемся, помнится мнѣ, Реннъ. Тутъ я имѣлъ ссору съ Тимирязевымъ, адъютантомъ Великаго Князя: онъ хотѣлъ занять нашу квартиру, но я ему напомнилъ, что не позволю противъ меня забываться и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе. Тимирязевъ пожаловался Курутѣ, который приказалъ мнѣ уступить ему квартиру, и я принужденъ былъ сіе сдѣлать, но давъ ему при этомъ изустное наставленіе, и увѣрилъ его, что уступилъ квартиру единственно изъ повиновенія начальству, чѣмъ онъ остался доволенъ.

Въ 1801-мъ году жилъ у насъ въ домѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ одинъ Французскій эмигрантъ Деклозе́ (Declauzet), который служилъ прежде въ арміи Конде капитаномъ и послѣ былъ сосланъ въ числѣ многихъ въ Сибирь при императорѣ Павлѣ. По возвращеніи его оттуда въ царствованіе Александра, онъ случайно опредѣлился къ намъ въ домъ и училъ насъ Французскому языку, въ граматическихъ правилахъ коего онъ, впрочемъ, не былъ совсѣмъ твердъ, какъ и многія лица изъ Французскаго дворянства королевскихъ временъ. Въ 1802-мъ году онъ уѣхалъ отъ насъ въ свое отечество и оставался съ нами въ перепискѣ. Мы узнали, что онъ женился и жилъ въ Баръсюръ-Обѣ. По занятіи сего города, я о немъ справлялся, и мнѣ указали домъ одного родственника его Де Лаколомбіера, который сказалъ мнѣ, что Деклозе переѣхалъ на жительство въ Труа, присовокупивъ, что нѣсколько дней тому назадъ стоялъ у него, Де Лаколомбьера, на квартирѣ одинъ капитанъ Муравьевъ, пришедшій съ казаками, который также освѣдомлялся о Деклозе́. Легко было догадаться, что то былъ братъ Александръ, состоявшій при казачьемъ отрядѣ графа Платова, подъ командою г.-м. Кайсарова и о которомъ я давно не имѣлъ извѣстія. Когда войска пришли на дневку въ селеніе Реннъ, я отпросился у Куруты въ Труа, чтобы отыскать Деклозе́. Долго я ѣздилъ по улицамъ, распрашивая о немъ, но никто не могъ мнѣ дать требуемыхъ свѣдѣній. Наконецъ, обратившись къ одному человѣку, хорошо одѣтому, я спросилъ его о Деклозе́. «Я его докторъ», отвѣчалъ онъ, «и иду теперь къ нему. Если угодно, отправимся вмѣстѣ. Онъ живетъ на площади, напротивъ тюремной рѣшетки». Я слѣдовалъ за нимъ и едва только успѣлъ выѣхать на площадь, какъ примѣтилъ на другомъ концѣ оной Деклозе́, стоявшаго у воротъ хорошенькаго домика, въ той самой энотовой шапкѣ, которую я на немъ въ Россіи видѣлъ. Я подъѣзжалъ шагомъ и не хотѣлъ сначала себя обнаружить, но онъ меня издали узналъ и бросился ко мнѣ. «Mon cher Nicolas, je vous revois donc avant de mourir!» сказалъ онъ, и слезы радости полились изъ глазъ старика. Удивляюсь, какъ онъ меня могъ узнать, послѣ

13-ти лѣтъ разлуки, тогда какъ онъ меня зналъ 6-ти или 7-лѣтнимъ мальчикомъ. «Mais avant de monter chez moi,» продолжалъ Деклозé, «sauvez mon voisin, ce pauvre menuisier auquel on pille le foin». Я отвѣчалъ, что этого запретить нельзя, потому что казакамъ нечѣмъ кормить лошадей. «Ci cela est ainsi», сказалъ онъ, «je m'en vais prendre quelques bottes de foin pour vos chevaux», и побѣжалъ въ сарай, принесъ двѣ кидки сѣна и повелъ меня на верхъ.

Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ своей Боссанкуръ, владѣвшей порядочнымъ имѣніемъ недалеко отъ Труа, которое раззорили; но Деклозè не жаловался и готовъ былъ жизнью жертвовать, чтобы Наполеонъ былъ сверженъ и чтобы Бурбоны снова заняли Французскій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ сталъ такъ смѣло говорить въ ратушѣ, что когда Французы выгнали насъ изъ Труа, на него сдѣланъ былъ доносъ, и его хотѣли разстрѣлять; но онъ спасся тогда на чердакѣ, гдѣ спрятался въ сѣно. Двое изъ товарищей его были въ то время разстрѣляны. Жена Деклозé была немолодая женщина, упрямаго нрава и дѣлала изъ него что хотѣла, заставляла его ловить собачку свою по саду и кричала на него какъ на мальчика. Деклозé показалъ мнѣ письмо отъ брата Александра, посланное съ аванпостовъ, недалеко отъ Труа; братъ приглашалъ его выѣхать къ нему; но старику нельзя было сего сдѣлать, потому что въ городѣ находились еще Французскія войска и что за нимъ строго наблюдали. Я провелъ дни два въ домѣ Деклозé, оказавшаго мнѣ самый дружескій пріемъ.

Изъ Труа мы двинулись къ Мальмезону и пришли черезъ два дни къ Ножанъ-сюръ-Сенъ (Nogent-sur-Seine). Авангардъ на пути семъ имѣлъ дѣла съ непріятелемъ. Наполеонъ получилъ въ подкрѣпленіе 6000 старой конницы своей, пришедшей изъ Испаніи *). Подкрѣпленіе сіе сдѣлало перевѣсъ въ силахъ. Великій Князь готовился было идти въ атаку съ 1-й кирасирской дивизіей. Главная квартира расположилась въ городѣ Pont-sur-Seine, а гвардейскій корпусъ около Брея (Bray) на рѣкѣ Сенѣ. Ножанъ былъ совсѣмъ раззоренъ, потому что Витгенштейнъ дрался въ самомъ городѣ и вытѣснилъ изъ онаго непріятеля; городъ дымился, а на улицахъ лежали трупы убитыхъ. Витгенштейнъ подвинулся впередъ и былъ уже близь Фонтенбло, верстахъ въ 70 или 80 отъ Парижа. Гвардейскій корпусъ получилъ повелѣніе идти въ Мерри (Merry), городъ, лежащій направо отъ насъ въ 50-ти верстахъ.

*) Вѣрно не помню, точно-ли въ то время пришли сіи 6000 ч. конницы или нѣсколько позже. 1866.

Даненберга съ вечера послали впередъ для принятія лагернаго мѣста; съ нимъ были квартирьеры и офицеры 1-й кирасирской дивизіи и Прусской кавалерійской гвардейской бригады, такъ что въ семъ отрядѣ состояло болѣе 150 всадниковъ при 7 или 8 офицерахъ. Мнѣ никакого назначенія не было и, какъ я полагалъ на другой же день по прибытіи войскъ увидѣться съ Курутой, то поѣхалъ съ Даненбергомъ, не спрося на то позволенія. Мы ѣхали всю ночь и пріѣхали на другой день къ назначенному мѣсту. Мы немодленно приняли лагерное мѣсто отъ подполковника Діеста, присланнаго на сей предметъ изъ главной квартиры. Чиновники главной квартиры то пріѣзжали, то отъѣзжали. Иные говорили, что походъ войскамъ въ Мерри отмѣненъ и что онѣ возвратятся въ Труа; другіе, что это несправедливо. Въ городѣ былъ большой безпорядокъ. Не зная кому вѣрить, мы провели тамъ двое сутокъ, стоя на квартирѣ у одного бывшаго адъютанта Бернадота. На третій день никого изъ Русскихъ не оставалось въ городѣ кромѣ насъ. Слухи носились, что гвардія переправилась за Сену и шла къ Парижу, и Даненбергъ повелъ весь отрядъ ближайшей дорогой къ Ножану, далеко вправѣ отъ большой дороги, мѣстами, гдѣ еще ни одного Русскаго не видали. Мы легко могли встрѣтиться съ непріятелемъ и потому приняли возможныя предосторожности. Офицеры радовались случаю, надѣясь дѣйствовать отдѣльнымъ отрядомъ, какъ партизаны. Общество наше было живое, и мы завели настоящій порядокъ; осрамился только поручикъ Кроутъ, адъютантъ полковника Лароша, который командовалъ Прусской гвардейскою конною бригадою. Отъѣзжая изъ Мерри, онъ увезъ у хозяина шерстяное одѣяло; когда же у всѣхъ стали дѣлать обыскъ, то онъ отправилъ свои вьюки впередъ и, хозяинъ имѣя на него подозрѣніе, просилъ Даненберга возвратить выѣхавшій вьюкъ и обыскать его. Кроутъ увѣрялъ насъ, что мы ничего не найдемъ. Въ самомъ дѣлѣ, во вьюкѣ ничего не было; но одѣяло нашлось у него подъ сѣдломъ, и онъ терпѣливо перенесъ выговоры своихъ товарищей.

Къ обѣду мы пришли въ большое селеніе, въ которомъ былъ замокъ маршала Брюни. Увидя насъ, жители испугались, особливо когда имъ сказали, что тутъ самъ Великій Князь и что за нами идетъ колонна. Намъ накрыли столъ, и мы славно отобѣдали на счетъ маршала, коего имѣніемъ управлялъ въ отсутствіе его прикащикъ. Кирасировъ развели по деревнѣ, накормили ихъ и взяли у жителей овса въ запасъ. Послѣ обѣда мы пошли все осматривать и увидѣли отличныхъ жеребцовъ на конюшнѣ. Кроутъ хотѣлъ одного изъ нихъ увести, но товарищи не дали ему сдѣлать сего. Не менѣе того, едва мы двѣ версты отъѣхали, какъ онъ воротился и нагналъ насъ на томъ же-

ребцѣ, который ему болѣе всѣхъ понравился въ конюшнѣ маршала Брюни. Его провожалъ одинъ изъ конюшихъ, которому онъ сперва обѣщался отдать лошадь по прибытіи въ Ножанъ, послѣ онъ обѣщался ему подарить два луидора, а кончилось тѣмъ, что, прибывъ въ Ножанъ, онъ прогналъ конюшаго домой и оставилъ себѣ жеребца, цѣною тысячи въ двѣ франковъ. Сколько мы не осуждали такой поступокъ, но Кроутъ былъ равнодушенъ къ оказываемому ему презрѣнію и остался съ добычею.

Мы переправились черезъ Сену и къ вечеру прибыли въ селеніе, лежащее за рѣкой напротивъ Понъ-сюръ-Сенъ. Мы узнали отъ жителей, что Французы заняли деревни верстахъ въ 4 отъ насъ. Витгенштейнъ имѣлъ неудачное дѣло и долженъ былъ отступить.

Ночь была темная, лошади устали послѣ большаго перехода, и потому мы рѣшились переночевать въ семъ селеніи, принявъ нужныя предосторожности. Даненберга, какъ старшаго, признали мы начальникомъ отряда. Онъ учредилъ разъѣзды, караулы и запретилъ выпускать жителей изъ деревни. Онъ также устроилъ очередь между офицерами, дабы каждому по два часа объѣзжать посты; но такъ какъ послѣ ужина всѣ уснули, то онъ самъ ночью разъѣзжалъ Кирасировъ не расквартировали по домамъ, а поставили на бивуакахъ на дворѣ большаго замка, въ которомъ мы остановились, и приказали жителямъ доставить имъ продовольствіе на людей и лошадей. Зàмокъ былъ очень великъ и вѣрно принадлежалъ знатной особѣ. Мы въ немъ нашли только управителя съ женою, которые подали намъ хорошій ужинъ. Послѣ ужина мы пошли осматривать комнаты, которыя были великолѣпно убраны. Богатая библіотека занимала обширную залу. Мы расположились для отдыха въ отдѣльныхъ комнатахъ. На другой день мы встали рано и, пока лошадей сѣдлали, осмотрѣли библіотеку. Я нашелъ за книгами свитокъ Венгерскаго курительнаго табаку, который я объявилъ de bonne prise. Прусскій уланскій офицеръ нашелъ Кассиніевскую карту Франціи, о которой онъ промолчалъ и объявилъ намъ о своей находкѣ только тогда, когда мы уже версты двѣ отъѣхали. Онъ хотѣлъ непремѣнно возвратиться, чтобы ее взять. Пріобрѣтеніе Кассиніевской карты было дѣло законное; но мы его отговаривали за нею ѣхать, потому что онъ легко могъ въ плѣнъ попасться. Не взирая на то, онъ насъ не послушался, поѣхалъ со своими уланами и возвратился благополучно съ картою.

Приближаясь къ Ножану изъ за Сены, чрезъ которую мы прежде переправились, мы увидѣли большую колонну конницы, которая тянулась къ Ножану съ нами рядомъ, не въ далекомъ разстояніи. По словамъ жителей можно было полагать, что то были Французы. Мы

остановили свой маленькій отрядъ, и я поѣхалъ узнавать, какое видѣлось войско, но вскорѣ увидѣлъ, что то были наши кирасиры, и мы подвинулись къ плотинѣ, которая связывалась на серединѣ мостомъ. Плотина была перекопана брустверомъ и, какъ мы ѣхали съ непріятельской стороны, то насъ приняли съ приложенными ружьями, но скоро узнали своихъ и пропустили. Гвардейскій корпусъ вышелъ изъ Бреяя (Bray), гдѣ онъ прежде стоялъ, и расположился близъ селенія неподалеку отъ своего прежняго лагеря. Тутъ мы нашли Великаго Князя и Куруту; послѣдній замѣтилъ мнѣ, что не должно было ѣхать съ Даненбергомъ безъ спроса. Въ тотъ же вечеръ мы выступили въ походъ назадъ по дорогѣ въ Труа; переходъ былъ очень большой, люди и лошади утомились. Мы пришли въ селеніе Colombé des deux églises, въ которомъ оставалось едва нѣсколько домовъ; замокъ или дворецъ былъ занятъ для Великаго Князя, но не безъ шума, потому что Австрійскіе квартирьеры, прибывшіе послѣ нашихъ, хотѣли занять этотъ замокъ для Шварценберга, который былъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, въ числѣ коихъ было очень много Австрійскихъ; армія ихъ двинулась къ Ліону, а изъ наличныхъ много людей разбрелось. Оставалось болѣе всего обозныхъ фуръ. Цесарскихъ квартирьеровъ однако отбили, Великій Князь завладѣлъ замкомъ, а штабъ его размѣстился, какъ кто зналъ. Всѣ кромѣ насъ двухъ предались сну; мы же не могли отдохнуть, потому что должны были ожидать прибытія войскъ къ лагерю и разставить ихъ; но не болѣе двухъ часовъ продолжалась наша надежда уснуть. Снова былъ объявленъ походъ, и мы пришли ночью къ какому-то селенію, гдѣ я долженъ былъ разбить лагерь: ночь была очень темная, а требовались обыкновенная правильность и порядокъ въ линіяхъ. Я долго бился съ квартирьерами, и, наконецъ, удалось мнѣ разбить лагерь посредствомъ огней, которые я велѣлъ развести и по которымъ давалъ направленіе линіямъ. Но и тутъ недолго удалось намъ отдохнуть; ибо войска, пришедшія уже по полуночи, на другой день съ разсвѣтомъ опять поднялись въ походъ. Мы пришли къ ночи въ Труа, гдѣ Австрійскіе обозы предупредили насъ и успѣли разграбить лавки и сжечь предмѣстія города.

Въ Colombé les deux églises Великій Князь имѣлъ ссору съ полковникомъ Ларошемъ, который командовалъ Прусской гвардейской кавалерійской бригадой, состоявшей тоже подъ начальствомъ Его Высочества. Великій Князь выговаривалъ ему, что онъ переходы сдѣлалъ на рысяхъ, отчего изнуряются у него лошади, на что Ларошъ дерзко отвѣчалъ ему, что за исправность полковъ онъ не ему отвѣчаетъ, а своему королю. Великій Князь приказалъ также, чтобы Прусскіе полки по очереди съ нашими давали по извѣстному числу рядо-

выхъ при офицерѣ, дабы блюсти за порядкомъ во время переходовъ по большой дорогѣ и сворачивать въ канавы Австрійскіе обозы, препятствовавшіе движенію войскъ. Но Ларошъ и въ этомъ случаѣ воспротивился, когда до него очередь дошла, и должность сія пала безсмѣнно на кирасирскій полкъ Ея Величества. Не знаю, чѣмъ это неудовольствіе кончилось.

По возвращеніи нашемъ въ Труа, мнѣ совѣстно было остановиться у Деклозè. Я ввелъ лошадей своихъ въ какую-то разграбленную суконную лавку, а самъ расположился на верху съ хозяиномъ. Я сходилъ къ Деклозè, который погруженъ былъ въ глубокую печаль, видя, что мы оставляемъ Труа: онъ долженъ былъ ожидать мщенія отъ Наполеона эмигрантамъ, которые Русскихъ хорошо принимали. Онъ не ошибся въ своемъ разсчетѣ и спасся только случайно; другіе же были разстрѣлены.

Переночевавъ въ Труа, мы тронулись на другой день очень рано въ походъ къ Шомону. Французы при семъ отступленіи нашемъ побили много Австрійцевъ. Жители города вбѣжали вооруженные въ госпитали и перебили больныхъ, и на проходящихъ по улицамъ кидали камнями, при чемъ Русскихъ однакоже не тронули. Изъ Шомона мы пошли было назадъ къ Лангру, но воротились, и главная квартира осталась въ Шомонѣ; войска же расположились около города по селеніямъ.

Мы провели около двухъ недѣлъ въ Шомонѣ. Въ это время я оставался совершенно безъ денегъ и обошелся въ нуждахъ своихъ только благодаря моему кучеру Артемью, который, видя мое безденежье, выдалъ себя за кузнеца, досталъ гдѣ-то молотокъ, въ другомъ мѣстѣ клещи, въ третьемъ гвозди, въ четвертомъ подковы, и сталъ перебивать хлѣбъ у кузнеца Великаго Князя, который бралъ по рублю серебромъ за подковку одной ноги, а Артемій сталъ дешевлѣ ковать. Я ничего не зналъ о семъ, какъ онъ мнѣ неожиданно высыпалъ изъ кожанаго кошелька своего около 7 рублей серебромъ; деньги эти нѣсколько поддержали меня. Между тѣмъ другой слуга продалъ моего ослѣпшаго Французскаго стараго коня, котораго я купилъ въ Борисовѣ. Онъ цыганилъ на немъ нѣсколько дней и спустилъ его въ сумерки Австрійскому офицеру довольно дорого, такъ что я въ состояніи былъ купить другую лошадь весьма порядочную, которую назвалъ Баронессою.

Ожидались значительныя подкрѣпленія отъ Австрійцевъ, которые увѣряли, что уже давно выступило съ береговъ Рейна 50.000 войска и что всѣ бѣглые ихъ и разбредшіеся люди собраны въ особенный корпусъ, направленный къ арміи; но вмѣсто того мы видѣли только

эскадрона два Венгерскихъ гусаръ и двѣ роты артиллерійскія, къ намъ присоединившіяся. Главныя силы ихъ подвигались къ Ліону.

Въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ нами въ Шомонѣ, съ обѣихъ сторонъ воюющихъ державъ назначены были должностныя лица, которыя вели переговоры о мирѣ. Я слышалъ, что въ переговорахъ сихъ Государь много уступалъ Наполеону; но требованія сего послѣдняго были столь велики, что Государь прервалъ переговоры и издалъ прокламацію, которую онъ объявилъ народу Французскому о рѣшеніи не прежде сложить оружіе, какъ по возвращеніи Бурбоновъ на престолъ Франціи. Вмѣстѣ съ сей прокламаціей было приказано Вреде, главнокомандующему Баварскихъ войскъ, и Витгенштейну, которые стояли впереди, взять Баръ-сюръ-Объ приступомъ, что̀ было исполнено съ быстротою, и Французская армія отступила. Баръ-сюръ-Объ не пощадили, потому что жители онаго вооружились и дрались противъ насъ. Говорятъ, что Баварцы (извѣстные по ихъ грабительству, когда они были еще въ союзѣ съ Французами) дѣлали непомѣрные ужасы на семъ приступѣ, безъ уваженія къ лѣтамъ, полу или званію: ничего не спасло жителей и имущества ихъ. Я слышалъ отъ одного очевидца, что они, схвативъ одну старуху, подняли ее вверхъ, а одинъ Баварецъ подлѣзъ ей подъ юбки и досталъ у нея между ногами кошелекъ, въ которомъ нашелъ нѣсколько франковъ. Не ручаюсь однако за справедливость сего разсказа.

Послѣ покоренія Баръ-сюръ-Оба, Витгенштейнъ сказался больнымъ и не командовалъ корпусомъ, потому что его отдали подъ начальство Вреде.

Вслѣдъ за симъ дѣломъ, армія наша тронулась впередъ опять къ Труа. Подъ Шато-Бріеномъ мы заняли позицію, полагая, что непріятель будетъ насъ атаковать, ибо были извѣстія, что онъ потянулся вправо. Въ этотъ разъ за̀мокъ въ Шато-Бріенѣ много потерпѣлъ; знаменитая библіотека и рѣдкій кабинетъ натуральной исторіи были разрушены, разбиты и приведены въ жалостное состояніе. Сперва принялись за работу наши солдаты; нѣсколько офицеровъ, заѣхавшихъ изъ любопытства, увидѣли безпорядокъ, разогнали солдатъ, но сами были прельщены книгами и минералами: за ними пришли товарищи ихъ и, черезъ нѣсколько часовъ, въ библіотекѣ и кабинетѣ натуральной исторіи находилось около сотни охотниковъ изъ гвардейскихъ офицеровъ. Я въ это время ѣхалъ мимо съ Даненбергомъ; увидѣвъ множество лошадей предъ входомъ во дворецъ, мы слѣзли съ коней и вошли.

Круглая комната, въ которой былъ кабинетъ естественной исторіи, содержала въ себѣ человѣкъ шестьдесятъ оберъ-офицеровъ, полковни-

ковъ и генераловъ, которые трудились около минераловъ. Они разсматривали переломанные штуфы, передавали ихъ изъ рукъ въ руки, сожалѣли о порчѣ ихъ, ругали несчастныхъ солдатъ, на счетъ которыхъ отнесли весь безпорядокъ и, наконецъ, съ цѣлію спасти сіи драгоцѣнные штуфы отъ большаго изъяна, лучшіе клали къ себѣ въ карманъ, а дурные на полъ бросали. Стѣны въ сей комнатѣ были уставлены шкафами, въ которыхъ содержались лучшія изданія отборныхъ учебныхъ книгъ въ прекрасныхъ переплетахъ. Комната была очень высокая, и книги стояли до потолка въ двухъярусной галлереѣ со вкусомъ убранной. На перилахъ галлерей расположены были набитыя чучелы рѣдкихъ звѣрей и птицъ. Любопытствовавшіе, забравшись на галлереи и разсматривая книги, отвязывали звѣрей и птицъ и пускали ихъ внизъ. Смотря на другихъ, я также занялся сперва минералами и поднялъ два брошенные горные кристалла призматическаго вида, сросшіеся вмѣстѣ на основаніи, окрашенномъ вохрой, и на которыхъ было множество мелкихъ кристалловъ. Большіе кристаллы были длиной вершка въ три, а толщиной въ вершокъ. Хотя я былъ въ шинели, но штука была слишкомъ велика, чтобы ее можно было прибрать. Мнѣ хотѣлось отколоть одинъ изъ большихъ кристалловъ, чтобы изъ обломковъ сдѣлать себѣ кремни въ пистолеты; но сколько я о томъ ни старался, кристаллы не подавались. Выйдя въ сосѣднюю комнату, я бросилъ штуку изо всей силы о каминъ, чтобы ее разбить; камень разбился на двое, но съ тѣмъ вмѣстѣ разбился и уголокъ изящнаго камина, и я получилъ половину большаго кристалла, которую привезъ въ Парижъ, гдѣ подарилъ ее хозяину, у котораго квартировалъ.

Послѣ сего захотѣлось мнѣ пріобрѣсти походную библіотеку. Войдя въ круглую комнату, я сталъ пробираться въ тѣснотѣ (тогда уже тутъ до 150 человѣкъ было) къ крыльцу, ведущему на галлереи. Подъ моими ногами трещали стекла, камни, энциклопедіи, чучелы звѣрей и птицъ, и всѣ эти вещи прилетали сверху, задѣвая иногда тѣхъ, которые находились внизу. Такимъ образомъ ринулся у ногъ моихъ крокодилъ аршина въ два длины; я его поднялъ и хотѣлъ было тащить къ своему казаку, но вспомнилъ, что его нельзя было спрятать, и бросилъ на дорогѣ. Наконецъ, я добрался до крылечка и пошелъ на верхъ. Я осмотрѣлъ всѣ книги и сожалѣлъ, что не могъ всѣхъ съ собою увезти. Надобно было нѣсколько изъ нихъ взять для чтенія, сидя у огня на бивуакахъ. Въ то время учебныя книги не могли мнѣ ни къ чему служить, и потому я выбралъ нѣсколько романовъ, съ коихъ сорвалъ переплеты для большей вмѣстимости. Наполнивъ карманы свои и съ двумя книгами въ рукахъ, я спустился и пошелъ по другимъ комнатамъ; нашелъ еще большую залу, занятую библіотекой, но уже

некуда было дѣвать книгъ, и я прошелъ мимо. Романы, которые я набралъ, служили мнѣ по ночамъ для чтенія; а когда одинъ былъ прочитанъ, то, для избавленія себя отъ лишней тяжести, книга поступала на подтопки въ огонь. Князь П. М. Волконскій, который видѣлъ библіотеку въ Château-Brienne, испросилъ у Государя позволеніе взять ее для дома главнаго штаба въ Петербургѣ, о коемъ онъ постоянно заботился; ему позволили, и онъ приказалъ подполковнику Сахновскому заняться вывозомъ книгъ. Сахновскій навалилъ множество подводъ книгами, но бросилъ ихъ въ Шомонѣ (Chaumont), когда Французы отрѣзали насъ отъ Рейна. Мы вошли съ Даненбергомъ въ темный корридоръ, гдѣ нашли узкую лѣстницу, обвивающуюся вверхъ улиткою около столба; взойдя по ней, мы пришли къ запертой двери, въ которую постучались. Человѣкъ, порядочно одѣтый, отперъ двери и провелъ насъ въ небольшую угловую комнату, гдѣ онъ, какъ видно, занимался. То былъ смотритель зáмка, который хотя и зналъ, что его опустошаютъ, но въ надеждѣ, что его не найдутъ, скрылся и спокойно сидѣлъ въ своемъ углу. Мы съ нимъ раскланялись и пошли далѣе. Въ семъ же корридорѣ нашли другую лѣстницу, ведущую внизъ; спустились и очутились въ прекрасныхъ комнатахъ, убранныхъ съ роскошью на подобіе древнихъ бань. Ванны были металлическія, въ стѣнахъ были ниши, убранныя статуями и вазами, въ иныхъ же стояли пышныя кровати. Комнаты сіи были подъ сводами, опиравшимися на красивыхъ колоннахъ, и находились ниже горизонта земли; ибо свѣтъ въ нихъ доходилъ черезъ отверстія, проведенныя въ садъ. Недоставало только красавицъ для полнаго украшенія сего роскошнаго подземнаго убѣжища. Затѣмъ мы пошли осматривать самый верхній этажъ, въ которомъ жило нѣсколько семействъ. Я зашелъ въ одну комнату, гдѣ находилось около 30 человѣкъ; они просили взять ихъ подъ мое покровительство, потому что дворецъ наполнился множествомъ народа и что они за свою жизнь страшились. Я успокоилъ ихъ и хотѣлъ уйти, но казакъ мой остановилъ меня и показалъ мнѣ лайковую пуховую подушку, которую мнѣ предложилъ взять. «Ничего здѣсь не трогать», сказалъ я ему и ушелъ. Казакъ слѣдовалъ за мною; но съ половины крыльца онъ исчезъ и нагналъ меня на дворѣ подлѣ лошадей, когда я хотѣлъ садиться верхомъ. Запрещенная подушка была у него въ рукахъ. «Ваше благородіе», сказалъ онъ, «это я для васъ взялъ, чтобы вамъ покойнѣе было почивать», и онъ выразился съ такимъ плутовскимъ взглядомъ, что я засмѣялся и ничего не отвѣчалъ. Да вѣдь и не ворочаться же было назадъ, чтобы отнести подушку хозяевамъ! Мы сѣли на лошадей и поѣхали шагомъ. Карманы моей шинели были набиты книгами; а казакъ мой сидѣлъ на своемъ сѣдлѣ такъ высоко,

что едва доставалъ ногами до путлицы. Этимъ кончилось мое похожденіе по Château-Brienne.

Выѣхавъ изъ замка и изъ города, мы съ Данненбергомъ продолжали путь свой небольшимъ лѣсомъ, въ коемъ лежали еще тѣла побитыхъ во время сраженія.

Отъ Château-Brienne мы подвинулись впередъ, ночью же опять возвратились; на другой день пошли вправо, на третій назадъ, на четвертый опять впередъ. Тутъ мы узнали, что Наполеонъ прошелъ между нашей арміей и арміей Блюхера, истребилъ 7.000-й корпусъ графа Сентъ-Пріеста въ Реймсѣ и что онъ намѣревался отрѣзать насъ отъ Рейна. Графъ Сентъ-Пріестъ былъ раненъ ядромъ въ плечо и умеръ; корпусъ же его, соединявшій насъ съ Блюхеромъ, въ конецъ былъ истребленъ послѣ упорнаго боя. Мы находились по правую сторону отъ главнаго пути и снова отступили. Легкая гвардейская кавалерійская дивизія была послана въ отрядъ подъ командою генералъ-адъютанта Ожаровскаго, и она настигала съ фланга хвостъ Французской арміи, насъ обходившей. Два или три эскадрона лейбъ-уланъ въ удачной атакѣ взяли 18 орудій у Французовъ подъ селеніемъ Sommepuis. Въ одномъ изъ сихъ эскадроновъ служили три брата Болшвинги и товарищъ ихъ Торнау. Одного изъ Болшвинговъ убили въ сей атакѣ, другаго въ плѣнъ взяли, а третьяго ранили; Торнау былъ также убитъ и привезенъ на Французскомъ лафетѣ. Однако частная удача сія не могла имѣть вліянія на общій ходъ дѣла, и мы поспѣшили къ Арси (Arcis), чтобы встрѣтить непріятеля, который дрался наканунѣ, имѣвъ дѣло со слабымъ отрядомъ казаковъ подъ начальствомъ Кайсарова и нѣсколькими эскадронами Венгерцевъ. Часть гренадеръ нашихъ вскорѣ подкрѣпила ихъ съ третьей кирасирской дивизіей. Мы же пришли на другой день, и какъ на семъ мѣстѣ ожидали генеральнаго сраженія, то мы стали въ резервѣ за высотами. Непріятельская армія расположилась за Арси на высотахъ, занимая сильнымъ авангардомъ городъ Арси; густыя колонны пѣхоты и конницы построились на равнинѣ и выслали стрѣлковъ, которые изрѣдка перестрѣливались съ нашими. Мы дожидались Раевскаго и наслѣднаго принца Виртембергскаго съ корпусами, чтобы начать атаку. Казачій корпусъ Кайсарова, наканунѣ много потерпѣвшій, былъ смѣненъ регулярною легкой конницей и поставленъ верстахъ въ двухъ отъ насъ. Я зналъ, что братъ Александръ находился при семъ отрядѣ и освѣдомлялся о немъ у казачьихъ офицеровъ, которые пріѣзжали за приказаніемъ. Я узналъ отъ нихъ, что онъ остался живъ и здоровъ; но мнѣ хотѣлось съ нимъ повидаться, и я пустился рысью къ казакамъ; но едва только нѣсколько отъѣхалъ, какъ увидѣлъ, что они тронулись съ мѣста и рысью; оста-

валось до нихъ не болѣе полуверсты; я старался нагнать ихъ, но не могъ и принужденъ былъ воротиться, не видавъ брата. Я ѣхалъ обратно по конной цѣпи нашей и былъ нѣсколько времени съ фланкёрами. Когда я возвратился къ своему мѣсту, Курута послалъ меня съ Данснбергомъ для узнанія мѣстности между нами и непріятелемъ.

Часу около 1-го показались на лѣвомъ флангѣ нашемъ двѣ огромныя колонны, и мы узнали, что то были ожидаемыя войска. Вскорѣ принцъ Виртембергскій прискакалъ молодцомъ къ Шварценбергу и, получивъ приказаніе къ атакѣ, поспѣшно возвратился къ своему войску.

Величественно зрѣлище начала генеральнаго сраженія по сигналу. Пушка, которая стояла подлѣ Шварценберга, выпалила, и вмигъ всѣ высоты покрылись колоннами, которыя за оными были выстроены. Колонны сіи, не останавливаясь, стали спускаться на равнину, и съ такою правильностію, какъ это бываетъ на маневрахъ. Непріятельскіе фланкёры уступили мѣсто, и колонны наши, подойдя на пушечный выстрѣлъ къ Французамъ, открыли сильный артилерійскій огонь. Непріятель, послѣ слабой защиты, отступилъ. Артилерія, поддержанная пѣхотой, быстро преслѣдовала его, останавливаясь и возобновляя огонь. Такимъ образомъ Французовъ скоро приперли къ городу Арси, откуда имъ уже нельзя было болѣе отступать въ порядкѣ, потому что войска ихъ тѣснились въ городѣ. Наши войска преслѣдовали Французовъ по улицамъ на штыкахъ, и городъ запылалъ. Говорили, что при этомъ случаѣ Прусскіе офицеры дѣлали неистовства съ Французами, которые не хотѣли сдаваться или дерзко отвѣчали, когда въ плѣнъ попадались. Разсказывали, будто ихъ сажали въ горѣвшіе дома, какъ бы въ отомщеніе за неистовства, дѣланныя Французами въ Пруссіи. Впрочемъ разсказу сему трудно вполнѣ повѣрить.

Когда Французы оставили городъ и отступили за рѣку, вся армія ихъ потянулась лѣвымъ флангомъ, чтобы обойти насъ. Движеніе сіе совершалось въ виду насъ. На собранномъ военномъ совѣтѣ Шварценбергъ былъ того мнѣнія, чтобы отойти къ Рейну и не дать себя отрѣзать; но Государь, слѣдуя правилу, что когда цѣлая армія обходитъ другую, то она сама обойдена, не согласился съ мнѣніемъ Шварценберга. Мы въ ту пору были сильнѣе Австрійцевъ, у которыхъ главная часть войскъ находилась въ то время на Югѣ Франціи; въ наличности же имѣли они только два небольшіе корпуса, пѣшій генерала Юлая и конный генерала Фримона. Мнѣніе Государя превозмогло, и Австрійцы принуждены были, оставивъ свои обозы, слѣдовать за нами къ Парижу.

Съ истребленіемъ корпуса Сентъ-Пріеста, Сакенъ тоже пострадалъ: внезапное нападеніе, которое на него Наполеонъ сдѣлалъ съ цѣлою арміей своею, разстроило его; онъ потерялъ одну дивизію, въ которой едва ли оставалось 2000 человѣкъ (съ сей дивизіей были взяты въ плѣнъ генералы Олсуфьевъ и Полторацкій). Сакенъ принужденъ былъ отступить. Армія Блюхера дѣйствовала отдѣльно отъ насъ, и пока мы дрались подъ Château-Brienne и подъ Arcis, Блюхеръ имѣлъ два сильныя дѣла подъ Лаономъ и подъ Краономъ. Въ одномъ изъ сихъ сраженій былъ убитъ квартирмейстерской части подпоручикъ графъ Строгановъ, одинъ изъ бывшихъ моихъ колонновожатыхъ въ Петербургѣ въ 1811 году.

До бывшаго у насъ военнаго совѣта, движенія большой дѣйствующей арміи показывали большую нерѣшимость со стороны нашихъ главнокомандующихъ: сколько разъ мы проходили взадъ и впередъ по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ, сколько времени мы кружились между Chaumont, Nogent и Troyes. Страна была совсѣмъ разорена, многія селенія сожжены, жители разбѣжались. Наши фуражиры принуждены были ѣздить за сѣномъ на дальнее разстояніе; конница наша начинала изнуряться; а пѣхота Витгенштейна, которая безсмѣнно находилась въ авангардѣ и постоянно въ дѣлахъ, часто безъ хлѣба, была въ жалкомъ положеніи. Большая часть солдатъ не имѣла мундировъ; они одѣвались чѣмъ попало и были болѣе похожи на нищихъ: иные ходили въ круглыхъ шляпахъ, другіе во Французскомъ мундирѣ, многіе же въ крестьянскихъ кафтанахъ и обувались башмаками. На ихъ неумытыхъ лицахъ выражались усталость и голодъ; при взглядѣ на нихъ нельзя было подумать, что эта самая пѣхота вездѣ такъ славно дралась. Французскія войска находились не въ лучшемъ состояніи: старые солдаты у нихъ вывелись, а на мѣсто ихъ поступили молодые рекруты, которые съ трудомъ переносили холодъ и нужды, заболѣвали или отставали отъ арміи. Лучшее войско Наполеона состояло тогда изъ 6.000 старой конницы, которая къ нему пришла изъ Испаніи, и изъ остатковъ его гвардіи. Театръ войны столько же терпѣлъ отъ Французовъ, какъ и отъ насъ. Шампанія была совсѣмъ разграблена. Солдаты наши имѣли даръ находить зарытое вино въ огородахъ разоренныхъ селеній. Тогда славилось во всей Франціи вино 1811 года, которое они называли *vin de la comète*, по причинѣ кометы, показавшейся въ томъ году. Найденныя бочки развозились по эскадронамъ или по ротамъ, ставились стоймя, дно вышибалось обухомъ топора, и всякій приходилъ черпать вино чѣмъ ни попало; оставшееся же разливалось по лагерю.

Когда Наполеонъ обходилъ насъ, и Государь рѣшился идти къ Парижу, кавалерійскій корпусъ Винценгероде былъ назначенъ для слѣдованія за Французской арміей, дабы скрыть наше движеніе. И пока Наполеонъ поспѣшно, большими переходами, шелъ къ Шалону, мы за ними же приближались къ Парижу.

Мы встрѣтили на пути своемъ корпусъ генерала Мармона, который шелъ на присоединеніе къ главной Французской арміи. Встрѣча сія случилась на переходѣ неожиданнымъ образомъ, и Австрійскій генералъ Фримонъ первый вступилъ въ дѣло. Мы подвигались равнинами, безъ дорогъ, почти до самаго Парижа, съ музыкой и пѣсельниками. Какъ скоро мы услышали выстрѣлы, конница прибавила шагу; но пѣхота отстала и не участвовала въ славномъ сраженіи подъ Ферръ-Шампенуазомъ, гдѣ одна дѣйствовала только конница наша.

Когда непріятель сталъ показываться, Курута приказалъ мнѣ находиться при легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, которая вступала въ бой. Я примкнулъ къ лейбъ-гвардіи драгунскому полку, который по-эскадронно шелъ въ атаку подъ пушечнымъ огнемъ. Я помѣстился передъ эскадрономъ у знакомаго капитана и скакалъ вмѣстѣ; но схватки не было, и полкъ остановился подъ выстрѣлами.

Между тѣмъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ показались непріятельскіе фланкёры, которые прикрывали большую колонну пѣхоты, отступавшую къ Ферръ-Шампенуазу. Противъ нихъ драгуны выслали своихъ фланкёровъ, съ которыми и я выѣхалъ, и завязалась перестрѣлка. Непріятельскіе фланкёры были многочисленнѣе нашихъ; но они не смѣло поступали, потому что видѣли большіе резервы наши. Ободренный ихъ нерѣшительностію, я поскакалъ во весь духъ на одного Французскаго офицера, который все время впереди разъѣзжалъ и ругался. «Tiens,.... de Russe», кричалъ онъ мнѣ. «Poltron, tu ne t'avisera jamais de me combattre tête-à-tête; viens voir la route de Paris», продолжалъ онъ, указывая на нее саблей. Я скакалъ съ однимъ драгуномъ; онъ же былъ окруженъ многими всадниками, которые стали объѣзжать меня. Я бы непремѣнно попался въ плѣнъ или былъ бы изрубленъ, еслибы не нагналъ меня драгунскій Н. П. Черкесовъ съ четырьмя солдатами. Поровнявшись со мной, онъ закричалъ: «ура, Муравьевъ!» Всѣ наши фланкёры тоже закричали ура, и въ мигъ вся Французская цѣпь поворотилась къ намъ задомъ и поскакала отъ насъ. Мы погнались за Французами. Примѣтивъ, что правый фланговый ихъ не могъ поспѣть за цѣпью и что онъ отставалъ, я поскакалъ на него. Увидя меня, онъ рѣшился сдаться, потому что лошадь его не была болѣе въ состояніи бѣжать. Онъ остановился, слѣзъ съ нея и бросилъ пику и саблю; я его схватилъ и отправилъ съ однимъ драгуномъ назадъ.

Когда мы заѣхали за небольшое возвышеніе, намъ открылась сильная колонна пѣхоты, которая отступала черезъ Феръ-Шампенуазъ. Непріятельскіе фланкёры получили подкрѣпленіе и снова построились цѣпью. Наши резервы подвинулись впередъ, и опять завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся часа два. Драгунскій штабсъ-капитанъ Шембель, который командовалъ фланкёрами, напился пьянъ и ѣхалъ шагахъ въ 50-ти позади цѣпи; два драгуна заряжали ему пистолеты, и онъ стрѣлялъ куда ни попало черезъ своихъ солдатъ, кричалъ, бранился, шатался на конѣ и очень струсилъ, такъ что солдаты его не слушались и смѣялись надъ нимъ. Видя, что тутъ не было начальника, я сталъ распоряжаться и хотя драгуны меня не знали, но они ко мнѣ пристали и повиновались мнѣ. Я отдалъ одному изъ нихъ свою шпагу, которая мнѣ мѣшала, а у него взялъ ружье и нѣсколько патроновъ. Спѣшившись, я стрѣлялъ черезъ сѣдло и самъ не примѣтилъ, какъ убилъ одного изъ Французовъ; драгунъ мой поскакалъ къ нему и привезъ мнѣ Французскую шинель, говоря, что онъ ее снялъ съ убитаго мною солдата. Цѣпь наша была растянута на полверсты, и мнѣ нельзя было хорошо распоряжаться безъ трубача; я поѣхалъ назадъ и встрѣтилъ Потапова, дежурнаго генерала Великаго Князя. Я просилъ его, чтобы онъ приказалъ выслать ко мнѣ трубача; но онъ отвѣчалъ, что это не отъ него зависитъ, а только спрашивалъ о ходѣ дѣла для доклада его высочеству. Я представилъ также Потапову драгуна Зуева, который меня отбилъ отъ нѣсколькихъ кирасиръ Французскихъ, проскакавъ между ними и мною, когда они отъ меня были уже въ нѣсколькихъ шагахъ; но Потаповъ отозвался, чтобы я о томъ лично доложилъ Великому Князю. Видя такое равнодушіе со стороны дежурнаго генерала, я оставилъ его и поскакалъ опять къ фланкёрамъ. У насъ не доставало болѣе патроновъ, и я просилъ ихъ у одного поручика конной гвардіи Бекломишева, который стоялъ со взводомъ за нами; онъ не смѣлъ ими подѣлиться съ нами и не смѣлъ даже идти во фланкёры, потому что получилъ приказаніе отъ Великаго Князя стоять въ безопасномъ мѣстѣ и не вступать въ дѣло, а только угрожать непріятелю.

Мы находились въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля, что пули наши попадали въ отступавшую пѣхотную колонну, изъ коей изрѣдка вылетали къ намъ пули. Наконецъ, колонна исчезла, но перестрѣлка наша продолжалась. Французы получили еще нѣсколько подкрѣпленія; имъ показывалъ примѣръ смѣлости одинъ генералъ, который выѣхалъ изъ колонны и пустился во фланкёры. Ругательныя слова сего генерала возбудили гнѣвъ мой, и я рѣшился истребить его. «Attendez, général», закричалъ я ему, «ne vaudrait-il pas mieux nous

arranger à nous deux; approchez-vous et tirez-moi votre coup, je vous répondrai».—«C'est bon», отвѣчалъ онъ и, остановивъ окружавшихъ его солдатъ, онъ подъѣхалъ ко мнѣ на разстояніи 30 шаговъ, вынулъ нарядный пистолетъ съ орлиными головками на прикладахъ и долго цѣлился по мнѣ; я стоялъ недвижимо съ драгунскимъ заряженнымъ ружьемъ. Онъ спустилъ курокъ, и пистолетъ его осѣкся. «Cela ne vaut rien», закричалъ я ему, «recommencez! Il me semble que vos pistolets n'ont encore jamais vu le feu». «F...», отвѣчалъ онъ, «tu vas l'éprouver»! Доставъ изъ кармана порошницу, онъ насыпалъ пороху на полку и выстрѣлилъ по мнѣ. Пуля его просвистала мимо моихъ ушей.—«A mon tour», закричалъ я; но генералъ уже поворотилъ лыжи и скакалъ во весь духъ назадъ.—«Poltron,....... fuyard», кричалъ я ему вслѣдъ, нагоняя его; «je m'en vais t'assommer de la crosse de mon fusil». Я почти на немъ сидѣлъ, держа въ обѣихъ рукахъ ружье прикладомъ вверхъ; но двое огромныхъ Французскихъ карабинеровъ оборотились и угрожали мнѣ палашами. Безразсудно было бы броситься на нихъ. Я закричалъ своимъ фланкёрамъ: «ура, драгуны! за мной!» Крикъ сей передался по всей цѣпи; всѣ впередъ бросились, и непріятель обратился въ бѣгство. Французамъ надобно было выѣхать въ улицу Феръ-Шампенуаза; они тѣснились, но умѣли убраться. Я почти вслѣдъ за ними ѣхалъ по сей улицѣ; со мной было человѣка два нашихъ драгунъ, одинъ конный Австрійцъ и одинъ Виртембергецъ, которые неизвѣстно откуда взялись. Виртембергца я засталъ уже у въѣзда въ городъ, заряжавшимъ ружье. Онъ былъ обращенъ къ намъ задомъ; принявъ его за Француза, я приказалъ изрубить его, и драгунъ мой ударилъ его палашемъ по затылку. Раненый упрекалъ намъ нашу неосторожность, показывая намъ перевязку на лѣвой рукѣ. Но тутъ не было времени имъ заниматься; я отправилъ его съ драгуномъ назадъ. Въѣхавъ въ улицу рядомъ съ Австрійцемъ, я увидѣлъ всѣхъ Французскихъ фланкёровъ, собранныхъ вмѣстѣ за мостикомъ, шагахъ въ 20-ти отъ меня. Они дали залпъ по насъ, меня не задѣли, но Австрійца свалили съ лошадью такъ, что онъ въ паденіи своемъ сильно толкнулъ меня. Я осадилъ свою лошадь за уголъ дома и, прислонивъ ружье къ углу, выстрѣлилъ въ толпу Французовъ. Полагаю, что котораго нибудь изъ нихъ задѣлъ, потому что я хорошо прицѣлился и стрѣлялъ очень близко; но едва я успѣлъ выстрѣлить, какъ изъ садовъ прилетѣла съ правой стороны пуля, которая попала лошади моей въ пахъ. Я сначала не примѣтилъ сего и, желая довершить свою побѣду, сталъ шпорить лошадь, чтобы броситься на Французовъ (около меня уже собралось человѣкъ десять драгунъ); но несчастный конь мой не подвигался впередъ и зашатался. Оглянувшись,

я увидѣлъ, что при каждомъ толчкѣ, который я ему давалъ, вытекала у него кровь. По двумъ причинамъ было это мнѣ очень досадно, какъ потому что я долженъ былъ оставить начатое дѣло тогда, какъ я надѣялся всѣхъ этихъ Французовъ захватить въ плѣнъ, такъ и потому, что лошадь сію я только за два дни передъ тѣмъ купилъ, заплативъ за нее почти послѣднія мои деньги, 300 р. и что она была очень порядочная. Дѣлать было нечего; драгуны очистили городъ, и я остался у въѣзда, слѣзъ съ лошади и сѣлъ на камень, ожидая случая, чтобы у кого нибудь достать другаго коня. Послѣ долгаго ожиданія я, наконецъ, увидѣлъ кавалергардскій полкъ, вступавшій въ Феръ-Шампенуазъ, и я надѣялся выпросить лошадь у котораго нибудь изъ знакомыхъ офицеровъ. Но знакомые здоровались со мною и, видя, что у меня лошадь ранена и ожидая предвидимой просьбы моей, спѣшили удаляться. Не предвидя болѣе способа достать себѣ лошадь, я рѣшился отыскивать Великаго Князя пѣшкомъ. Бросивъ съ сѣдломъ на дорогѣ свою Мишку (такъ называлась моя лошадь), я пошелъ назадъ съ ружьемъ въ рукахъ въ надеждѣ встрѣтить его высочество и получить отъ него лошадь.

Отойдя съ полверсты, я встрѣтилъ того драгуна, у котораго была моя шпага; я ее взялъ и отдалъ ему ружье. Драгунъ сказалъ мнѣ, что назади никого болѣе не было, и что Великій Князь пошелъ съ конной гвардіей въ другую сторону. Я опять возвратился къ своему камню и сталъ дожидаться случая. Послѣдняя моя надежда основывалась на колоннѣ вьюковъ, которую я примѣтилъ вдали, и которая тянулась прямо на меня. Въ то самое время скакалъ мимо меня кавалергардскій поручикъ Языковъ-старшій, который нагонялъ полкъ. Узнавъ меня, онъ остановился и самъ предложилъ мнѣ лошадь, обождалъ прибытія вьюковъ и приказалъ дать мнѣ небольшую молодую лошадь, которая съ трудомъ выносила меня; раненую же лошадь мою приказалъ взять (она въ тужe ночь издохла).

Какъ я не могъ отыскать Великаго Князя, то нагнавъ кавалергардскій полкъ, который, выѣхавъ за городъ, повернулъ въ лѣвую сторону и несся поэскадронно на большихъ дистанціяхъ. Депрерадовичъ ѣхалъ впереди. Неожиданно понеслось на него человѣкъ 20 конныхъ Французовъ разныхъ полковъ и войскъ. Они были пьяны и кричали: «Rendez-vous, rendez-vous!» За ними гналось человѣкъ 15 казаковъ. Эти Французы проскакали сквозь интервалы кавалергардовъ, отчего полкъ нѣсколько смѣшался, конечно не отъ испуга, а потому что бросились ловить ихъ. Кирасиры и офицеры погнались за Французами; чистое поле покрылось множествомъ скачущихъ всадниковъ; была совершенная травля: гдѣ только останавливались, и пыль

взвивалась, тамъ былъ изловленъ или убитъ одинъ изъ Французовъ. Подъ однимъ garde d'honneur въ красномъ киверѣ былъ куцой сѣрый конь. Какъ мнѣ нужно было добыть лошадь, то я погнался за нимъ. Garde d'honneur скакалъ во весь духъ, удиралъ во всѣ лопатки, а я за нимъ съ обнаженною шпагою, но не могъ нагнать его. Вскорѣ обскакалъ насъ обоихъ одинъ кавалергардскій унтеръ-офицеръ; онъ былъ Уварова эскадрона и назывался Чугуннымъ. Имя сіе приличествовало его росту и удару, который онъ нанесъ Французу. Поровнявшись съ нимъ, онъ ударилъ его палашомъ по лицу такъ, что разрубилъ ему киверъ и сдѣлалъ на лицѣ глубокую рану отъ праваго виска внизъ къ лѣвой сторонѣ подбородка. Французъ свалился безъ чувствъ, а нога его осталась въ стремени. Лошадь его стала бить и измяла раненаго. Лицо его было такъ изуродовано, что нельзя было ни носа, ни глазъ различить. Собравшіеся кавалергарды смѣялись и издѣвались, смотря, какъ лошадь его била и, наконецъ, вынувъ ногу его изъ стремени, прикололи его палашомъ. Я далъ два червонца унтеръ-офицеру и взялъ лошадь. Тутъ же отдалъ я ему лошадь Языкова и поѣхалъ къ Депрерадовичу уже на своемъ собственномъ новомъ конѣ. Въ это самое время прискакалъ къ нему адъютантъ отъ главнокомандующаго съ приказаніемъ идти атаковать отступавшую пѣхотную колонну, туже самую, которую я видѣлъ передъ вступленіемъ ея въ Феръ-Шампенуазъ; колонну сію съ утра еще атаковала наша конница, но она постоянно отстрѣливалась. Кавалергардскій полкъ тронулся рысью, и мы скоро нагнали колонну; она остановилась, потому что ее окружили съ трехъ сторонъ многіе другіе кавалерійскіе полки; съ противной стороны нашей атаковала ее только что прибывшая кавалерія Блюхера. По нашу сторону находилось при колоннѣ четыре орудія, которыя дѣйствовали по насъ картечью, между тѣмъ какъ пѣхота открыла сильный батальный огонь. Не смотря на осыпавшія насъ пули, Депрерадовичъ скомандовалъ двумъ эскадронамъ идти въ атаку; эскадроны пустились, но, подъѣзжая къ самой колоннѣ, они нѣсколько замялись и приняли вправо, однако опять бросились на непріятеля и врубились въ пѣхоту. Другіе полки, съ разныхъ сторонъ атаковавшіе, тоже сдѣлали, и въ мигъ 6.000-я колонна пѣхоты легла пораженною на дорогѣ, въ томъ строю, какъ она двигалась: люди лежали грудами, по которымъ разъѣзжали наши всадники и топтали ихъ. Среди самой колонны мы встрѣтились съ конницею Блюхера. Французскій генералъ Мармонъ, который тутъ же былъ, ускакалъ; за нимъ погнались, но не могли схватить его. Въ сей атакѣ кавалергарды потеряли человѣкъ 15 убитыми, въ числѣ

коихъ былъ корнетъ Шепелевъ, молодой, красивый собой и хорошій офицеръ; пуля, минуя кирасу, поразила его подъ мышку.

Слухъ носился и вся главная квартира утверждала, что Государь самъ былъ въ сей атакѣ; но это несправедливо, чему я свидѣтель. Когда уже вся колонна лежала пораженная, Государь прискакалъ съ главной квартирой, остановился шагахъ въ 20 отъ мѣста побоища и смотрѣлъ въ лорнетъ на груды побитыхъ; а нѣкоторые изъ окружающихъ его поскакали съ обнаженными саблями по раненымъ и убитымъ и топтали ихъ. Я именно видѣлъ Дурнова, который хлопоталъ и кричалъ около коляски Мармона тогда уже какъ трубили сборъ. «Что̀ ты тутъ дѣлаешь?» спросилъ я его.—«Да видишь, любезный Муравьевъ», отвѣчалъ онъ встревоженнымъ голосомъ, и опять сталъ кричать «ура» и ободрять всадниковъ разъѣзжавшихся на звукъ трубы по своимъ мѣстамъ. «И мы пахали!» подумалъ я. Случай хотѣлъ, чтобы несчастная пуля, вылетѣвшая изъ ружья одного раненаго, задѣла Нѣмца Габбе (адъютанта Толя) въ ногу, и всѣ провозглашали его подвигъ.

Вся колонна, изъ 6.000 состоящая, была истреблена. Едва ли когда были примѣры такой удачной атаки противъ пѣхоты. Симъ побоищемъ кончилось сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ, въ которомъ не могло быть распоряженія главнокомандующаго, потому что каждый полкъ особенно дѣйствовалъ и уничтожалъ часть, которая ему попадалась. У насъ не было ни позицій, ни линій, ни батарей, а дрались на походѣ отрядами на обширныхъ равнинахъ.

Великій Князь съ конной гвардіей ходилъ влѣво за другой колонной, атаковалъ ее, истребилъ и взялъ орудія однимъ эскадрономъ изъ среды превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Такъ разсказывали.

Дѣло подъ Феръ-Шампенуазомъ уподоблялось травлѣ. Оно почти во все время происходило на рысяхъ, такъ что къ вечеру мы отошли большой переходъ, и пѣхота, которая не участвовала въ сраженіи, далеко отстала.

Послѣднюю колонну, которую мы истребили, преслѣдовали и атаковали съ самаго утра, но она все отбивалась. Я видѣлъ Шварценберга между скачущими нашими эскадронами и непріятелемъ въ сильномъ огнѣ; онъ былъ одинъ и ободрялъ нашихъ солдатъ. Шварценбергъ лично былъ храбръ; но говорили, что онъ ограниченныхъ способностей и не былъ рѣшителенъ.

Сраженіе подъ Феръ-Шампенуазомъ соединило насъ съ Блюхеромъ, который прискакалъ съ своею конницею изъ Шалона. Потеря наша была незначительна, непріятель же могъ имѣть до 10.000 человѣкъ урона.

Послѣ послѣдней атаки стало смеркаться, и Депрерадовичъ расположился съ полкомъ на бивуакахъ подлѣ пораженной непріятельской пѣхоты.

Депрерадовичъ похвалилъ меня, хотя я не болѣе другихъ сдѣлалъ, и хотѣлъ представить меня къ награжденію. Когда мы были въ Парижѣ, онъ сказывалъ мнѣ, что я былъ имъ представленъ, но что къ сожалѣнію его ничего не вышло; не знаю, правду ли онъ говорилъ или нѣтъ, только за Ферѣ-Шампенуазское сраженіе я получилъ, по представленію Великаго Князя, Анненскій крестъ 2-й степени на шею.

Мы не знали, гдѣ находился Великій Князь и гдѣ остановилась главная квартира. Депрерадовичъ послалъ меня отыскивать ихъ; но такъ какъ мнѣ должно было остаться у его высочества, то онъ послалъ со мной двухъ ординарцевъ, чтобы дать ему извѣстіе. Ночь была темная; я поѣхалъ дорогою, по которой тянулись раненые Французы и пріѣхалъ въ то селеніе, въ которомъ расположилась главная квартира. Я зашелъ на квартиру къ Щербинину-старшему, гдѣ находился раненый въ ногу Габбе (*sic*); но въ главной квартирѣ не встрѣчается того гостепріимства, которое въ войскахъ бываетъ. Меня ничѣмъ не привѣтствовали, и я выѣхалъ голодный отъ старыхъ товарищей своихъ и поѣхалъ далѣе. Отъѣхавъ версты три, я случайно попалъ въ селеніе, въ которомъ находился Великій Князь. Я донесъ Курутѣ о томъ, что видѣлъ; но онъ уже о всемъ зналъ, какъ и о моемъ участіи въ сраженіи. Отыскавъ Даненберга, я разсказывалъ ему, сидя у огня, о случившемся въ сей день. Въ этой деревнѣ былъ небольшой прудъ, въ которомъ лежали трупы Французскихъ солдатъ и лошадей; но мы пили изъ него воду за неимѣніемъ другой.

На слѣдующій день меня послали впередъ черезъ городъ Сезанъ (Sezanne) для занятія лагернаго мѣста на ночлегъ. Мнѣ должно было ѣхать черезъ то селеніе, около котораго стоялъ кавалергардскій полкъ. Въ то время, какъ я тутъ проѣзжалъ, офицеры хоронили Шепелева; я проводилъ похороны. Зрѣлище было трогательное, потому что Шепелева любили въ полку. Генералъ обнялъ покойника, котораго на буркѣ опустили въ могилу, при отданіи послѣдней чести на трубахъ залпами изъ пистолетовъ.

Проѣхавъ Сезанъ, я искалъ на поляхъ Гартинга, который долженъ былъ показать мнѣ лагерное мѣсто, но не нашелъ его. Я увидѣлъ двухъ Французскихъ солдатъ, выходившихъ изъ лѣса; они остались послѣ пораженія подъ Ферѣ-Шампенуазомъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ дубину въ рукахъ. Я поскакалъ къ нимъ, и какъ я былъ въ бѣлой шинели и въ треугольной шляпѣ безъ султана, они приняли меня было за Французскаго офицера. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ на ло-

шади верхомъ; онъ тотчасъ сталъ извиняться передо мной, говоря, что онъ не укралъ этой лошади, а нашелъ ее въ полѣ. Намѣреваясь схватить ихъ, я его побранилъ и приказалъ ему слѣзть; лошадь его убѣжала, у другаго же я потребовалъ дубину. Когда они все сдѣлали, что̀ мнѣ надобно было, то я объявилъ имъ, что они военноплѣнные и повелъ ихъ къ большой дорогѣ. Въ то время проходили тутъ Баварская артилерійская рота. Сдавъ ихъ капитану той роты, я дождался полковъ, съ которыми продолжалъ переходъ. Курута въ сущности былъ суетливый хлопотунъ и всегда посылалъ насъ занимать лагерь, тогда какъ еще никому неизвѣстно было куда назначался походъ и гдѣ будетъ ночлегъ. То самое и здѣсь случилось. Впереди насъ продолжались еще небольшія перестрѣлки съ остатками корпуса Мармона, и мы расположились лагеремъ тамъ, гдѣ насъ ночь застала.

Не помню, сколько мы сдѣлали переходовъ отъ этого ночлега до Парижа, но кажется мнѣ, что мы не болѣе какъ черезъ два или черезъ три дни прибыли къ столицѣ Франціи. Подъ городомъ Мо (Meaux) собрались всѣ наши силы. Французы взорвали ночью каменный мостъ въ семъ городѣ. Нашъ гвардейскій корпусъ былъ тогда расположенъ верстахъ въ 16-ти отъ этого мѣста. Взрывъ былъ такъ силенъ, что отъ него встревожился у насъ весь лагерь. Говорили, что среди нашего лагеря разорвало непріятельскую гранату. Егеря послали стрѣлковъ въ лѣсъ, но ничего не нашли. Кирасиры стали трубить и верхомъ садиться. Депрерадовичъ, дивизіонный командиръ ихъ, спалъ въ палаткѣ. Онъ засуетился, повалилъ на себя палатку, не могъ выпутаться изъ подъ нея и продолжалъ биться подъ пеленами, пока все не утихло.

Мы прошли Мо и прибыли въ Кле (Clayes), небольшой городокъ верстахъ въ 30-ти отъ Парижа. Великій Князь остановился во дворцѣ, который тамъ находился. На другой день намъ слѣдовало быть подъ Парижемъ. Курута такъ потерялся, что съ вечера приказалъ Даненбергу и мнѣ отправиться до разсвѣта въ главную квартиру, которая впереди ночевала, чтобы получить лагерное мѣсто отъ Дибича, и какъ можно почаще выѣзжать на встрѣчу полкамъ. Мы посмѣялись такому нелѣпому приказанію, однако надобно было ѣхать. Курутѣ хотѣлось только узнать, что̀ будетъ дѣлаться.

Какъ мы рано ни встали, чтобы ѣхать, но опоздали: Великій Князь и Курута уже уѣхали. Мы этого не знали, ѣхали съ раскуренными трубками впередъ, разговаривая, какъ вдругъ услышали передъ собой хриплый кашель Куруты и увидѣли въ темнотѣ бѣлаго коня его (Мальчика), на которомъ онъ ѣхалъ. Мы взяли вправо, обскакали его,

полагая, что все сдѣлали и продолжали путь свой покойнымъ образомъ, какъ во второй разъ остановилъ насъ охриплый голосъ Великаго Князя, который впереди насъ ѣхалъ. Мы и его обскакали. Главная квартира еще спала, войска не сбирались. Мы обернулись назадъ и встрѣтили Великаго Князя, какъ намъ Курута то приказывалъ. Разсвѣтъ засталъ насъ при небольшомъ постояломъ дворѣ, который назывался Le Point du Jour.

Войска наши стали сбираться и обложили окрестности Парижа, который скрывался отъ насъ высотами Бельвиля и Монмартра. Гвардія и резервы стояли около селенія Пантенъ; Блюхеръ и Сакенъ пришли по дорогѣ изъ Сенъ-Дени и стали передъ Монмартромъ. Французы занимали высоты, закрывающія ихъ столицу. Они были гораздо слабѣе насъ, имѣя не болѣе 30 т. человѣкъ войска. Тутъ находились остатки корпуса Мармона, который разбитъ подъ Феръ-Шампенуазомъ, нѣсколько партій необмундированныхъ конскриптовъ, инвалиды, l'école militaire или воспитанники военнаго училища, нѣсколько обывателей и часть національной гвардіи, которая наканунѣ выступила изъ города противъ насъ и оставила по дорогѣ слѣды своихъ ночлеговъ. Войско сіе, состоящее изъ жителей Парижа, никогда не выходило за заставу; ихъ вѣроятно провожали друзья и товарищи, съ которыми они пировали, пили, ѣли и веселились въ ожиданіи непріятеля. Путь ихъ означался разбитыми бутылками и сломанными стульями, и они возвратились въ Парижъ, не видавъ насъ.

Съ такими силами хотѣли Французы воспрепятствовать побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ вступленіе въ ихъ столицу! Если бы они до слѣдующаго дня удержались въ городѣ, то Наполеонъ успѣлъ бы пріѣхать къ нимъ, возбудить народъ и удержать столицу за собой; но мы въ первый же день заключили перемиріе съ Талейраномъ, военнымъ министромъ, котораго по этому подозрѣваютъ въ измѣнѣ. Наполеонъ уже находился тогда въ Фонтенбло, но онъ не успѣлъ прибыть на помощь Парижа. По вступленіи его въ Труа, онъ узналъ, что мы подъ стѣнами его столицы; но тогда уже было поздно, ибо войска за нимъ не поспѣли. Гвардія его прибыла къ нему и далѣе Фонтенбло уже не ходила.

Намъ предстояло занять высоты Монмартра и Бельвиля, дабы овладѣть городомъ. Бывшій корпусъ Витгенштейна и гренадерскій корпусъ Раевскаго атаковали Бельвиль. Четыре раза уже были они у Французскихъ орудій, занимая гору съ боя на штыкахъ; четыре раза ихъ опрокидывали назадъ. Государь рѣшился употребить въ дѣло гвардію. Прусская и Баденская гвардіи, подъ командою полковника Авенслебена, пошли влѣво, выбили изъ лѣсу непріятельскихъ стрѣл-

ковъ холоднымъ оружіемъ и ударили Французамъ во флангъ. Атака сія была поддержана нами, и высоты Бельвиля остались въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ полки л.-г. гренадерскій и л.-г. Павловскій быстро двинулись по большой дорогѣ прямо къ заставѣ Сенъ-Шомонъ, сбили внезапнымъ нападеніемъ своимъ непріятеля и приступили къ городской заставѣ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ національной гвардіи. Въ тоже время Блюхеръ штурмовалъ гору Монмартра и былъ уже почти на вершинѣ оной. Французы, видя, что мы неминуемо и вскорѣ овладѣемъ городомъ и опасаясь грабежа, заключили съ нами перемиріе, чѣмъ и прекратилось сраженіе.

Однако намъ весьма дорого досталось овладѣніе высотами. Два полка Прусской гвардіи потеряли убитыми и ранеными болѣе 80 офицеровъ, а у Баденцовъ изъ числа 800 человѣкъ въ баталіонѣ осталось на лицо только 80. Государь въ самое время дѣла скинулъ съ себя Георгіевскій крестъ и послалъ его къ полковнику Авенслебену. Прусаки дрались какъ львы. Уцѣлѣвшіе не уводили раненыхъ изъ дѣла. Я видѣлъ, какъ человѣкъ 18 раненыхъ Прусаковъ тащили одну Французскую пушку, которую они взяли.

Корпусъ бывшій Витгенштейна и корпусъ Раевскаго тоже потеряли много людей, такъ что на другой день, при вступленіи въ Парижъ, подъ ружьемъ не было болѣе какъ по 200 или по 300 человѣкъ въ гренадерскихъ полкахъ. Многіе офицеры шли передъ своими взводами съ подвязанными руками. Для овладѣнія заставой л.-гренадеры и Павловскіе послали человѣкъ по 150 охотниковъ. Мнѣ извѣстно, что въ числѣ ихъ было 4 л.-гренадерскихъ офицера, а рядовыхъ 160 и что изо всѣхъ ихъ возвратилось только 6 рядовыхъ здоровыхъ. Блюхеръ долженъ былъ имѣть также большую потерю. Всѣ союзныя войска въ семъ сраженіи лишились не менѣе 15 т. человѣкъ. Непріятель гораздо менѣе нашего потерялъ, но онъ лишился почти всей своей артилеріи. Мы взяли много плѣнныхъ, въ числѣ коихъ встрѣчались напудренные граждане, инвалиды, школьники и проч.

Въ сраженіи подъ Парижемъ былъ убитъ изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ капитанъ Кнорингъ; поручикъ Лютинскій былъ раненъ въ голову и чрезъ нѣсколько дней умеръ отъ раны.

Когда Государь послалъ Ермолову приказаніе остановить дѣло, потому что уже перемиріе было заключено, то послѣдній не вытерпѣлъ, чтобы не пустить навѣсно въ городъ еще два ядра. Я слышалъ это отъ него лично.

Французы назвали сраженіе подъ Парижемъ la bataille à la butte de S-t Chaumont, потому что застава, передъ которой мы дрались, называлась S-t Chaumont.

Я не былъ въ огнѣ во все время дѣла, потому что наша первая кирасирская дивизія не вступала въ бой, и Великій Князь не былъ въ огнѣ; но мы были свидѣтелями всего дѣла. Нѣсколько ядеръ только пролетѣло мимо насъ.

Когда перемиріе было заключено, Государь, въ сопровожденіи главной квартиры, поскакалъ на высоту Бельвиля, оттуда городъ открылся у нашихъ ногъ. Торжество и радость, которую произвело на насъ сіе зрѣлище, невыразимы. Мы не вѣрили глазамъ своимъ. Я думалъ, не сонъ ли вижу и опасался пробужденія. Государь тутъ же поздравилъ Барклая-де-Толли фельдмаршаломъ.

Послѣ перемирія начались переговоры о сдачѣ города. Для лучшаго успѣха въ сихъ переговорахъ обставили высоты Бельвиля орудіями, такъ что при первомъ сигналѣ Парижъ засыпали бы ядрами. Я былъ съ Великимъ Княземъ около Государя. Государь сдѣлалъ окружающимъ его знакъ, чтобы они остались, а самъ спустился нѣсколько впередъ и говорилъ съ однимъ Французскимъ генераломъ, который изъ Парижа вышелъ съ Михайломъ Орловымъ. Я могъ замѣтить, что Государь на что-то не соглашался, послѣ чего Французскій генералъ возвратился въ городъ; но вскорѣ онъ опять пришелъ съ Орловымъ и говорилъ съ Государемъ, который остался доволенъ.

Военный министръ Наполеона Талейранъ, который въ то время находился въ Парижѣ, сдалъ городъ, какъ я слышалъ, измѣнническимъ образомъ. Въ договорѣ значилось, что Французскія войска выступятъ изъ города и что на другой день войска наши займутъ Парижъ.

Главная квартира расположилась ночевать частью въ Бельвилѣ, а частью въ деревнѣ Пантенъ, около которой стояла гвардія. Великій Князь со своимъ штабомъ расположился въ Пантенѣ. Войска занялись нѣсколько грабежомъ и достали славныхъ винъ, которыхъ и мнѣ довелось отвѣдать; но симъ болѣе промышляли Пруcаки. Русскіе не имѣли столько воли и занимались во всю ночь чисткою амуниціи, дабы вступить на другой день въ парадѣ въ городъ.

Къ утру лагерь нашъ былъ наполненъ Парижанами, особливо Парижанками, которыя приходили продавать водку à boire la goutte, и промышляли..... Наши солдаты скоро стали называть водку *берлагутомъ*, полагая, что это слово есть настоящій переводъ сивухи на Французскомъ языкѣ. Вино красное они называли *вайномъ* и говорили, что оно гораздо хуже нашего зелена вина. Любовныя хожденія назывались у нихъ *триктракъ*, и съ симъ словомъ достигали они исполненія своихъ желаній.

19-го числа Марта было торжественное наше вшествіе въ Парижъ. Войска были въ парадѣ; восклицанія радости непостояннаго народа

провожали насъ до самыхъ Елисейскихъ полей; тутъ войска повзводно проходили церемоніяльнымъ маршемъ мимо Государя. Народъ толпился около него и удивлялся величественному виду и устройству нашихъ войскъ. Когда же показался несчастный корпусъ Юлая, то въ народѣ сдѣлался общій хохотъ.

Не стану описывать обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе наше въ Парижъ, потому что они довольно извѣстны, какъ и народный духъ Французовъ, а ограничусь описаніемъ своихъ собственныхъ происшествій.

Государь остановился въ домѣ Тальерана; послѣ онъ жилъ во дворцѣ Élysée Bourbon; но кажется, что мало заботились о войскахъ, которыя провели первую ночь на Елисейскихъ поляхъ безъ пищи и безъ квартиръ. На другой день ихъ развели кое-какъ по казармамъ, гдѣ ихъ держали, какъ подъ арестомъ, также при весьма скудной пищѣ.

Великій Князь остановился въ домѣ маршала Даву, hôtel du prince d'Eckmühl, близъ Corps Législatif, за Pont Louis, № 16. Послѣ парада я съ трудомъ отыскалъ его квартиру и не зналъ бы, гдѣ мнѣ переночевать, еслибъ не встрѣтилъ унтеръ-офицера Пасюка, который разводилъ наши квартиры. Онъ показалъ мнѣ двухъ хозяевъ въ одномъ домѣ. Даненбергъ сталъ къ нижнему, а я къ верхнему. Даненбергъ попался къ одному члену du Corps Législatif, а я къ бывшему доктору принца Бурбонскаго. Даненбергъ скоро съѣхалъ со своей квартиры, и мы съ нимъ жили врозь.

Уже было довольно поздно, когда мнѣ показали квартиру. Я вошелъ къ своему хозяину и нашелъ многочисленное семейство, состоящее изъ старика, мужчины и женщины средняго возраста, одного молодаго человѣка и двухъ молодыхъ дѣвушекъ недурныхъ собою. Всѣ встали, когда я взошелъ. Старикъ игралъ со своимъ внучкомъ въ тавлеи (tric-trac). Они полагали, что я пофранцузски ничего не знаю и не знали, какъ угостить меня, но весьма удивились и обрадовались когда услышали, что я говорю пофранцузски. Подали ужинъ и стали разговаривать со мной, послѣ чего показали мнѣ особую комнату, въ которой я славно отдохнулъ.

Вотъ описаніе того честнаго семейства, у котораго мнѣ довелось квартировать. Дѣдъ и отецъ всѣхъ былъ мосье Бриллоне́ (Brillonnet), бывшій прежде докторъ принца Бурбонскаго; ему было за 70 лѣтъ, онъ былъ хозяинъ дома и большой чудакъ. Прочіе принадлежали къ его семейству и, какъ они имѣли жительство въ faubourg de la rue Poissonière около Монмартра, близъ котораго происходило сраженіе, то они удалились оттуда и остановились у своего старика. Бриллоне́ былъ нѣкогда эмигрантомъ, но, проведя весьма короткое время за

границею, возвратился въ свое отечество. Воспитаніе его было въ родѣ древнихъ Французскихъ дворянъ, т.-е., онъ зналъ грамотѣ и писалъ неправильно. Старикъ былъ упрямъ, большой спорщикъ и бранился, иногда за обѣдомъ подпивалъ, и тогда въ присутствіи женщинъ отпускалъ довольно наглыя выраженія и готовъ былъ пустить тарелкою въ того, который бы далъ замѣтить ему, что онъ завирался Онъ никого не щадилъ въ своихъ рѣчахъ, кромѣ меня; меня же онъ полюбилъ и тогда только сердился, когда я у него выигрывалъ игру въ tric-trac; когда же онъ выигрывалъ, тогда превозносилъ меня до небесъ, утверждалъ, что нѣтъ подобнаго мнѣ человѣка, начиналъ бранить своего внука, ставилъ меня въ примѣръ ему, называлъ меня сыномъ своимъ и назначалъ меня наслѣдникомъ небольшаго участка земли, которымъ онъ владѣлъ за Парижемъ, отказывая внуку своему отъ наслѣдства, посылалъ покупать для меня пива и позволялъ мнѣ курить при себѣ табакъ. Это наслѣдство опять переходило внуку, какъ скоро я выигрывалъ: онъ тогда дулся на меня, но бранить не смѣлъ.

Дочь его, которой было уже подъ сорокъ лѣтъ, была за мужемъ за банкиромъ Маритономъ (Mariton) — честный, образованный, всѣми уважаемый человѣкъ; разговоръ его былъ пріятный, и правила вселяли довѣріе. Кромѣ дѣтей своихъ, воспитаніемъ коихъ онъ много занимался. онъ еще принималъ и воспитывалъ въ домѣ своемъ сиротъ. Состояніе его было небольшое, но онъ жилъ порядливо и въ довольствіи. Гостепріимство, столь рѣдкая добродѣтель у Французовъ, усвоилось въ домѣ его. Маритонъ скоро переѣхалъ съ семействомъ на прежнюю квартиру свою, гдѣ у него собирались на обѣдъ и вечеръ по Четвергамъ и Воскресеньямъ. Въ числѣ семейныхъ посѣтителей его находился и я постоянно, потому что домъ его былъ пріятный.

Сынъ его назывался Paul Émile, молодой человѣкъ съ дарованіями, свѣдѣніями и воспитаніемъ. Онъ былъ годомъ или двумя старше меня, и мы съ нимъ скоро подружились. Дочь, Зоя, имѣла такія же хорошія свойства какъ и братъ; ей было около 18 лѣтъ, она была недурна собою, и что̀ рѣдко встрѣчалось у Французовъ, въ обхожденіи скромная. Мнѣ казалось, что она не была равнодушна ко мнѣ; но я никогда не имѣлъ съ нею никакихъ объясненій. Пріятельница ея, которая въ домѣ воспитывалась, была сирота лѣтъ 17, прекрасная собой и также скромная. Я любилъ проводить время среди сего добраго семейства, гдѣ меня принимали какъ домашняго; воспоминанія о нихъ мнѣ будутъ всегда пріятны.

Позже, когда я уже хорошо познакомился со своими хозяевами. старикъ Бриллоне́ вынулъ однажды нѣсколько книгъ изъ своей библіотеки и показалъ мнѣ спрятанное за ними двухствольное заря-

женное ружье «Tiens, mon cher Mourawiow, (говорилъ онъ), si vous eussiez pris notre bonne ville de Paris d'assaut, j'aurais ajusté de ma fenêtre avec ce fusil le premier des vôtres qui se serait présenté à la place du Corps Législatif, et si le malheur eût voulu que ce fût toi, j'aurais tué alors mon petit-fils»: такъ онъ меня еще о сю пору въ письмахъ называетъ. Маритонъ-отецъ сказывалъ мнѣ о разнесшихся слухахъ: ожидали, что Русскіе будутъ дѣлать всякаго рода насилія при вступленіи въ Парижъ, и что когда онъ въ первый разъ услышалъ шаги мои при входѣ въ домъ Бриллоне́, то ожидалъ, что я брошусь на дѣвушекъ, почему и приготовился до смерти защищать ихъ и что всѣ обрадовались, когда увидѣли меня и услышали, что я говорю пофранцузски.

На другой день вступленія нашего въ Парижъ, народъ толпился по улицамъ и кричалъ: Vive le Roi! Многіе надѣли бѣлыя Бурбонскія кокарды. Старые роялисты бѣгали по улицамъ съ бѣлыми знаменами и жали руки Русскимъ офицерамъ, которыхъ они встрѣчали. Легковѣрный Французскій народъ приставалъ къ нимъ, самъ не зная для чего; но ихъ радовала только новизна. Они требовали короля, не зная, зачѣмъ имъ императоръ болѣе не годился; ибо замѣтно было, что Французы въ сущности были расположены въ пользу Наполеона. Не менѣе того народъ толпился на Вандамской площади, около статуи его, поставленной на бронзовомъ столбѣ, названномъ по подобію Трояновымъ. Статуѣ накинули на шею веревки и стащили ее съ верху, а на мѣсто ея водрузили бѣлое знамя съ тремя лиліями. Мальчишки бѣгали по улицамъ и пѣли куплеты, сочиненные въ славу Александра и Бурбоновъ, а черезъ нѣсколько дней изъ куплетовъ сихъ сдѣлали пародіи на счетъ союзныхъ государей. Вскорѣ появились и карикатуры, а тамъ и брошюрки, которыя разносились на улицахъ и продавались съ крикомъ. По всему городу въ тоже время слышны были органы, на которыхъ наигрывали пѣсни: Vive Henri Quatre! Валики для сего напѣва успѣли заготовить черезъ день послѣ нашего вступленія въ Парижъ. Куплеты передѣлывались на счетъ кого угодно; между прочими пѣли:

Que le bon Dieu maintienne
Alexandre et ses descendents
Jusqu'à ce qu'on ne prenne
La lune avec les dents и пр.

Но все сіе также скоро измѣнилось, когда въ 1815 году Наполеонъ явился въ Парижъ, и опять пошло на прежній ладъ, когда его разбили въ сраженіи подъ Ватерлоо.

Всѣ плѣнные, которые захвачены были въ сраженіи подъ Парижемъ, были возвращены: ихъ пригоняли толпами изъ Мо; иные изъ нихъ кричали: Vive la république! другіе: Vive le Roi! третьи: Vive Alexandre! Простой народъ полагалъ и желалъ, чтобы Государь назвался королемъ Французскимъ. Государь, занимая домъ Талейрана, имѣлъ постоянно у себя въ караулѣ цѣлый полкъ гвардейскій и два орудія. Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались парады, такъ что солдату въ Парижѣ было болѣе трудовъ, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ Французамъ и до такой степени, что приказалъ Парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ на улицахъ встрѣчали, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи.

Офицеры имѣли также своихъ притѣснителей. Первый былъ генералъ Сакенъ, который былъ назначенъ военнымъ генералъ-губернаторомъ Парижа и всегда держалъ сторону Французовъ. Въ благодарность за сіе получилъ онъ отъ города, при выѣздѣ своемъ, разныя драгоцѣнныя вещи и между прочимъ ружье и пару пистолетовъ, оправленныхъ въ золотѣ.

Комендантомъ Парижа сдѣлали Рошешуара, флигель-адъютанта государева. Онъ былъ родомъ Французъ и въ числѣ тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но въ сущности, какъ многіе судили, съ единственною цѣлью миновать бѣдствія и труды, которые соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія непріятности Русскимъ офицерамъ, почему и не терпѣли его. Онъ окружился Французами, которыхъ поддерживалъ и давалъ имъ всегда преимущество надъ нашими, такъ что цѣль Государя была вполнѣ достигнута: онъ пріобрѣлъ расположеніе къ себѣ Французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска.

Наполеонъ находился въ Фонтенбло, куда собралась его гвардія. Могли произойти еще большія безпокойства. Оставался кромѣ того у непріятеля еще разбитый корпусъ Мармона. Противъ него посланъ былъ сильный отрядъ войскъ. Противъ Наполеона же Государь хотѣлъ самъ двинуться со всею арміею, почему были посланы офицеры для избранія лагернаго мѣста около Виль-Жюивъ (Ville-Juif), по дорогѣ въ Фонтенбло, верстахъ въ четырехъ отъ Парижа, и для Государя

отведены были квартиры въ Виль-Жюивѣ. Въ числѣ командированныхъ на сей предметъ офицеровъ находился и я; но ничего этого не состоялось.

Всѣмъ чинамъ Французской арміи были объявлены отставки и отпуски, и въ скорости Парижъ наполнился Французскими солдатами какъ арміи, такъ и гвардіи. Контора, учрежденная для выдачи увольнительныхъ билетовъ, помѣщалась на той же площади, на которой я квартировалъ (Place du Corps Législatif). Солдатъ приходило такъ много, что не успѣвали имъ въ тотъ же день выдавать виды, и они проводили ночь на площади. Провозгласили королемъ Французскимъ Лудовика XVIII, а Наполеона отвезли на островъ Эльбу съ титломъ ex-empereur. Прекратились безпокойства въ народѣ, привезли короля, и союзныя державы заключили съ Франціей миръ.

У меня было мало занятій по службѣ. Однажды послали меня въ Версаль, дабы расположить полки первой кирасирской дивизіи на квартирахъ по селеніямъ. Я поѣхалъ въ Версаль съ однимъ казакомъ, въ тотъ же день сдѣлалъ въ префектурѣ дислокацію, роздалъ ее квартирьерамъ и остановился въ городѣ на квартирѣ. На другой день поутру префектъ прислалъ просить меня къ себѣ, чтобы унять драку, которая сдѣлалась между поселянами и Австрійцами, въ одномъ селеніи, лежащемъ верстахъ въ 2-хъ отъ Версаля. Я потребовалъ небольшой отрядъ національной гвардіи, и мнѣ дали 30 человѣкъ съ поручикомъ, подпоручикомъ и барабанщикомъ и двухъ жандармовъ. Помѣщикъ того селенія тоже поѣхалъ со мной. Вскорѣ увидѣлъ я селеніе, о которомъ шла рѣчь и человѣкъ до 30 Австрійцевъ, которые около онаго суетились. Мой поручикъ былъ немолодой человѣкъ, лысый, въ очкахъ и съ краснымъ султаномъ. Онъ воображалъ себѣ, что посланъ съ цѣлію немедленно напасть на Австрійцевъ. На всякій случай я спросилъ, есть ли у людей боевые патроны? Nous en avons, monsieur», отвѣчалъ онъ; faut-il avancer et arranger d'une jolie manière ces pleutres d'Impériaux? En avant, mes camarades, marche! Съ симъ словомъ онъ вспыхнулъ и поскакалъ впередъ; но я его воротилъ, замѣтивъ ему, что онъ не знаетъ порядка военной службы, по коему младшій долженъ повиноваться старшему, почему я строжайше запрещалъ кому либо изъ отряда сходить съ своего мѣста. Къ этой мѣрѣ вынуждало меня замѣченное расположеніе ихъ броситься на ненавидимыхъ ими Австрійцевъ безъ всякаго разсмотрѣнія дѣла; тогда какъ, напротивъ того, мнѣ Французы нужнѣе были противъ поселянъ. Въ предупрежденіе новаго порыва горячаго поручика, я взялъ его съ собой, какъ равно и двухъ жандармовъ съ владѣльцемъ. Я пріѣхалъ въ селеніе въ то самое время, какъ вступалъ

въ оное отрядъ 40 гренадеръ Австрійскихъ, которыхъ успѣли привести для усмиренія поселянъ. Озлобленные Австрійцы хотѣли тотчасъ же вступить въ бой съ собравшеюся толпою поселянъ; но я ихъ остановилъ, вошелъ въ первый домъ и началъ распрашивать, какъ дѣло было? Человѣкъ двадцать Австрійскихъ фурлейтовъ пріѣхало за соломой на фуражировку. Поселяне заперли тотъ дворъ, на который они хотѣли идти; Австрійцы начали разбирать стогъ хлѣба, который стоялъ въ полѣ близъ сего двора, а поселяне, взобравшись на стѣну съ ружьями, дали по нимъ залпъ и ранили двухъ. Австрійцы убѣжали, оставивъ на мѣстѣ одного тяжело раненаго; ударили въ набатъ, вся деревня вооружилась, жители окрестныхъ селеній также взялись за оружіе и бѣжали на помощь къ дерущимся. Австрійцы со своей стороны извѣстили о семъ происшествіи стоявшій неподалеку отрядъ, и гренадеры ихъ, какъ выше сказано, вступили въ селеніе въ одно время со мною. Меръ встрѣтилъ меня въ своемъ красномъ шарфѣ и старался замять дѣло. Австрійцы окружили меня и требовали отмщенія. Прежде всего приказалъ я принести раненаго, осмотрѣлъ его и кое-какъ перевязалъ. Землевладѣлецъ, пріѣхавшій со мною, взялся лечить раненаго на свой счетъ и велѣлъ принести намъ завтракъ. Я разыскивалъ между Французами виновныхъ, чтобы отдать ихъ подъ стражу Австрійцамъ; но Австрійскій офицеръ не того добивался: онъ соглашался все дѣло замять, если землевладѣлецъ дастъ ему денегъ; для сего онъ отозвалъ его въ сторону и говорилъ съ нимъ на единѣ, но не зная по-французски, объяснялся съ нимъ знаками. Однако хозяинъ, понявъ цѣль Цесарца, сказалъ мнѣ о томъ. Когда я узналъ о подломъ домогательствѣ Австрійскаго офицера, нисколько не заботившагося объ умирающемъ, то я прекратилъ свое розысканіе. Въ то самое время одинъ изъ гренадеровъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что все селеніе окружено вооруженными поселянами. Я вышелъ на улицу, отворивъ калитку, и едва показался въ оную, какъ увидѣлъ человѣкъ 20 поселянъ съ приложенными на меня ружьями. Я отошелъ, заперъ калитку и сталъ распоряжаться съ гренадерами, чтобы употребить силу выбраться изъ селенія къ отряду національной гвардіи; но мнѣ не удалось бы присоединиться къ оному, потому что густая колонна вооруженныхъ жителей изъ другаго селенія неслась на насъ бѣгомъ. Защищаться было не съ чѣмъ, почему я рѣшился ѣхать къ нимъ на встрѣчу и попытаться словами ихъ остановить, для чего и поскакалъ къ нимъ. Я махалъ имъ бѣлымъ платкомъ и кричалъ: «Vive le Roi!» Сумасшедшіе Французы отвѣчали мнѣ тѣмъ же восклицаніемъ, стали кидать вверхъ шляпами и привѣтливо обступили меня. Я воспользовался этой минутой и про-

челъ имъ рѣчь о повиновеніи начальству, представляя, какое они на себя несчастіе могутъ навлечь вооружаясь такимъ образомъ безъ надобности; я объяснилъ имъ, что поселяне были неправы въ томъ, что стрѣляли по Австрійцамъ, ибо могли ихъ связать, если они грабили, и представить начальству и пр. Моя рѣчь подѣйствовала. Tiens, notre commandant, s'il a raison, et nous avons tort, vive notre commandant! Commandant qu'ordonnez-vous que nous fassions actuellement?—Allez-vous en chez vous et couchez-vous; j'aurai soin de tout. Съ этимъ словомъ всѣ разошлись по домамъ съ крикомъ, пѣснями и хохотомъ. Однако я съ собой взялъ двухъ меровъ, которые ѣхали верхами и вели мужиковъ; но они, замѣтивъ мое намѣреніе, вдругъ среди разговора ускакали. Поселяне, собравшіеся на другой сторонѣ селенія, видя, что первая колонна воротилась, разсыпались тоже по полю и ушли. Такимъ образомъ все утихло, раненый былъ отданъ на попеченіе хозяина, мы позавтракали и разъѣхались.

Вечеръ того же дня я провелъ еще въ Версали и отъ нечего дѣлать пошелъ по улицамъ шататься. Я встрѣтилъ квартирьернаго офицера Баденской гвардейской конной артилеріи, съ которымъ одинъ разъ только прежде сего гдѣ-то видѣлся. Мы вошли въ хорошо освѣщенный кофейный домъ, гдѣ я нашелъ нѣсколько знакомыхъ офицеровъ кирасирскихъ, которые пріѣхали съ квартирьерами. Я потребовалъ для каждаго изъ нихъ по стакану пунша; за первымъ стаканомъ послѣдовалъ другой, и я нѣсколько повеселѣлъ, Баденецъ же совсѣмъ взбѣсился. Когда дѣло дошло до платежа, то я досталъ свой тощій кошелекъ, въ которомъ едва было нужное для расчета количество денегъ, но Баденецъ не далъ мнѣ расплатиться. «Nein, Camrad», сказалъ онъ, «du bezahlst nicht—Wie das?—Ich bezahle's: gestern bekamm ich noch 700 Dukaten aus dem Hause». Я думаю, что онъ вралъ, но мнѣ не шло допускать, чтобы онъ за меня заплатилъ; а какъ онъ отъ меня не отвязывался, то я ему предложилъ, чтобы первая кровь заплатила. Мы обнажили оружіе. У меня была шпага, у него сабля; я былъ подгулявши, онъ же пьянъ; мы разгорячились и порядкомъ старались задѣть другъ друга. Я нанесъ ему ударъ вдоль по всей правой рукѣ, но плашмя, крови не было; однако ударъ былъ такъ силенъ, что онъ отъ боли опустилъ руку. Потомъ онъ поднялъ ее и въ сердцахъ размахнулся, чтобы меня ударить саблею, но задѣлъ саблею за люстру, которая кусками на насъ посыпалась; меня же ударилъ по пальцу: кровь показалась. Мы положили оружіе, мнѣ перевязали руку, онъ заплатилъ за люстру, а я за угощеніе. Послѣ того мы опять пошли по улицамъ Версаля. Баденецъ присталъ къ одному дому, утверждая, что въ немъ живетъ

какая то знакомая ему женщина и сталъ стучаться въ окно; народъ выбѣжалъ, онъ всѣхъ разогналъ и хотѣлъ уже вломиться въ домъ, когда пришелъ обходъ національной гвардіи съ офицеромъ. Баденецъ разбранилъ офицера и бросился было на людей, но я его удержалъ и, кое-какъ успокоивъ его, остановилъ начинавшуюся ссору. Баденецъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня домой; я его сперва привелъ къ его квартирѣ; но онъ не хотѣлъ войти въ нее не проводивъ меня; проводы же были такого рода, что мнѣ доводилось его вести. Наконецъ, мы пришли къ воротамъ моей квартиры, гдѣ онъ на улицѣ упалъ; мы съ нимъ разстались, и я его послѣ сего больше не видалъ. Не знаю и имени его.

На другой день я возвратился въ Парижъ, гдѣ однакоже не воспользовался удовольствіями, которыми наслаждались мои товарищи. Я только одинъ разъ былъ въ театрѣ и одинъ разъ обѣдалъ у Вери́, чтобы имѣть понятіе о сихъ мѣстахъ; впрочемъ я себѣ во всемъ отказывалъ, потому что у меня денегъ не было. Получивъ жалованье, я отдалъ часть онаго Курутѣ, которому я былъ долженъ, а на остальныя деньги сшилъ себѣ нѣсколько платья и пару сапогъ; но за то я не сдѣлалъ ни копѣйки долгу, что̀ было бы предосудительно, потому что отецъ мой ничего не имѣлъ, и я бы не былъ въ состояніи заплатить своего долга.

Теперь назову еще нѣкоторые случаи, повстрѣчавшіеся мнѣ въ Парижѣ, и тогда къ черту этотъ городъ, въ которомъ я былъ только свидѣтелемъ всѣхъ удовольствій, не будучи въ состояніи ими наслаждаться. Я навѣщалъ нѣкоторыя публичныя мѣста, въ которыя входъ былъ безденеженъ. Я часто прогуливался въ Палерояле. Тамъ, изъ любопытства посѣтилъ, Salon des Étrangers, гдѣ производится публичная игра въ банкъ и гдѣ я изъ приличія спустилъ пять франковъ въ карты. Тутъ я видѣлъ Блюхера, ставившаго кучи золота на одну карту. Прусскій король платилъ за его проигрыши, а выигрышъ оставался ему въ пользу. Съ такими способами можно пускаться въ большую игру. Я бывалъ довольно часто по вечерамъ въ Тюльерійскомъ саду и не нашелъ въ немъ десятой доли того великолѣпія и той красоты, которыми сей садъ славится. Французы удивлялись, что мы не дивились сему гулянью. Много было между ними пустыхъ головъ. Люди хорошо одѣтые, видя, что я остановился передъ лебедемъ, спрашивали меня, есть ли въ Россіи лебеди?—«Нѣтъ», отвѣчалъ я имъ, «какъ у насъ лебедямъ быть, когда воды цѣлый годъ во льду и покрыты снѣгомъ?»—«Какъ же у васъ пашутъ и сѣютъ?»—«Пашутъ снѣгъ, сѣютъ въ снѣгу, и хлѣбъ родится на снѣгу».—Ah! mon Dieu, quel pays! Они не имѣютъ понятія о томъ, что̀ за Парижемъ нахо-

дится. Нѣкоторые, желая объяснить мнѣ географію Европы (потому что они считали насъ непросвѣщенными), говорили, что за Парижемъ течетъ Рейнъ, а тамъ находится Австрія, потомъ рѣка Эльба, послѣ того море, а тамъ есть песчаная земля, называющаяся Пруссіею, которая граничитъ съ Россіею лѣсами. Вотъ образчикъ понятій многихъ Парижанъ и ихъ просвѣщенія! Я ходилъ также смотрѣть Домъ Инвалидовъ, который находился близко отъ моей квартиры. Въ величественномъ зданіи семъ инвалиды живутъ гораздо лучше нашего брата. Дворы, коихъ много, именуются по названіямъ сраженій и побѣдъ Наполеона, что̀ видно по doскамъ съ надписанными названіями, прибитыми надъ воротами. Помѣщеніе подъ большимъ куполомъ, который отвсюду видѣнъ, раздѣлено на двѣ части: въ одной половинѣ находится церковь инвалидовъ, въ другой же большая зала, посвященная всѣмъ убитымъ генераламъ, прославившимся во Французской арміи. Посѣтитель съ уваженіемъ вступаетъ въ сію залу, гдѣ совершенная тишина прерывается только раздающимся стукомъ отъ шаговъ идущаго. На право въ стѣнѣ видна съ изваяніями гробница маршала Тюренння, гдѣ онъ самъ изображенъ лежащимъ подъ осѣняющими его знаменами, и со всѣхъ сторонъ видны гробницы бывшихъ предводителей. Въ самой глубинѣ залы видна небольшая дверь, у которой сидитъ часовой, инвалидный солдатъ безъ ноги, или безъ руки. Войдя въ эту дверь, я очутился въ маленькой комнатѣ, сплошь обтянутой чернымъ бархатомъ и обитой серебряными галунами. Въ срединѣ сей комнаты стоялъ гробъ на подножіи. Комната освѣщалась только двумя лампами, которыя темно горѣли. Невыразимо впечатлѣніе, производимое симъ зрѣлищемъ. Какъ бы опасаешься громко говорить, дабы не потревожить покойника. Тутъ похороненъ генералъ Дюрокъ, который былъ убитъ подлѣ Наполеона въ сраженіи подъ Бауценомъ. Говорятъ однако, что этотъ человѣкъ не былъ достоинъ такихъ почестей.

Я былъ въ Musée Napoléon, въ Gallerie des Tableaux, измѣрилъ шагами залу въ сей галлереѣ; она имѣетъ болѣе 300 шаговъ въ длину. Я не былъ въ состояніи судить о красотѣ картинъ и статуй, но невольнымъ образомъ останавливался предъ лучшими и восхищался ими. Видѣлъ знаменитаго Аполлона Бельведерскаго и Венеру и множество древнихъ статуй, привезенныхъ изъ Рима. Съ особеннымъ уваженіемъ внималъ я искусству, создавшему такія красоты. Я навѣстилъ тоже Musée d'Artillerie, въ которомъ собраны всевозможныя оружія. Въ обширныхъ залахъ расположены вооруженія славнѣйшихъ Французскихъ рыцарей, замѣненныхъ подъ бронями деревянными истуканами. Изъ нихъ замѣчательнѣе прочихъ Францискъ, король Французскій и

Монморанси. Первый изображенъ на конѣ. Такъ какъ я тогда уже имѣлъ страсть къ оружію, то собраніе сіе мнѣ очень понравилось. Новѣйшія оружія также не забыты; я тутъ видѣлъ собраніе ружей со временъ изобрѣтенія пороха до нынѣшняго Версальскаго двухствольнаго ружья. Каждый годъ прибавляется къ сему собранію по одному ружью самой лучшей работы. Начинали тогда дѣлать собраніе Русскаго оружія, и нашъ пѣхотный тесакъ лежалъ въ одной комнатѣ съ мечами рыцарей.

Я не посѣтилъ Grand-Opéra за неимѣніемъ денегъ, дабы заплатить десять франковъ за входъ. Я былъ въ Люксембургскомъ саду, ѣздилъ однажды съ Даненбергомъ въ Булонскій лѣсъ, гдѣ совершаются всѣ поединки. Наканунѣ нашего посѣщенія тутъ былъ убитъ одинъ Баварскій офицеръ Французскимъ на поединкѣ.

Бывая въ Палероялѣ, я съ любопытствомъ проходилъ мимо небольшой колонады, расположенной полукругомъ и вдавшейся нѣсколько во дворъ зданія. Мѣсто это называлось Прусскою Ротондою и было всегда наполнено Прусскими офицерами, которые не давали прохода Французскимъ. Были молодцы изъ послѣднихъ, которые нарочно мимо ходили и не миновали поединка. Говорили, что Прусаки составили на сей предметъ между собою общество со статутомъ. Они ходили по галлереямъ Палерояля не иначе какъ съ заряженными пистолетами въ карманахъ, когда замѣтили, что Французскіе офицеры также стали собираться. Прусскій гвардейскій поручикъ Кнобельсдорфъ, сынъ бывшаго Прусскаго посла при Турецкомъ дворѣ, считался въ этомъ обществѣ, и такъ какъ я былъ съ нимъ знакóмъ, то, встрѣтивъ его однажды на улицѣ, просилъ его принять меня въ это общество. Сперва онъ соглашался, потомъ сталъ затрудняться и, наконецъ, рѣшительно сказалъ, что это сдѣлать будетъ можно, но что мы о томъ въ другой разъ поговоримъ. Я полагалъ, что у нихъ была тутъ какая-нибудь тайная цѣль, особые законы и знаки, какъ то водится въ студенческихъ обществахъ Нѣмецкихъ университетовъ. Послѣ того я Кнобельсдорфа болѣе не видалъ.

Поединки часто случались въ Парижѣ. Наши Русскіе тоже дрались и болѣе съ Французскими офицерами арміи Наполеона, которые не могли насъ равнодушно видѣть въ Парижѣ. Близокъ былъ и я къ такой встрѣчѣ, накликавъ самъ поединокъ съ Французомъ. Бывшій въ 1811 году колонновожатый Грибовскій служилъ въ піонерахъ, а наконецъ въ гусарахъ. Онъ былъ въ театрѣ и попалъ какъ-то въ кругъ Французскихъ офицеровъ, которые окружили его и обсѣлись около него со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ Французскихъ офицеровъ всталъ, прошелъ мимо Грибовскаго, задѣлъ его ногою и тотчасъ извп-

нился; но товарищи его стали перешептываться, и одинъ изъ нихъ спросилъ Грибовскаго, доволенъ ли онъ извиненіемъ. «Доволенъ». отвѣчалъ Грибовскій.—«А я бы этимъ остался недоволенъ».—«Какое мнѣ до васъ дѣло? Будьте недовольны чѣмъ хотите; только оставьте меня въ покоѣ».—«Я бы никакъ не вытерпѣлъ этого и вызвалъ бы его на поединокъ».—«Чего вы отъ меня хотите? Отстаньте отъ меня, или я васъ научу, какъ себя вести».—«А я добиваюсь, чтобы васъ научить; мы можемъ завтра видѣться въ Булонскомъ лѣсу, а рандеву нашъ будетъ въ Палероялѣ около Прусской Ротонды, откуда мы пойдемъ вмѣстѣ; у меня будутъ два секунданта, вотъ вамъ адресъ мой, чтобы найти мою квартиру, имя мое Паренсъ (Parence), я живу въ Hôtel S-t Joseph подъ такимъ-то номеромъ. Гдѣ ваша квартира?» Грибовскій далъ ему свой адресъ. «На чемъ вы деретесь, господинъ Русскій офицеръ?»—«Разумѣется не иначе, какъ на пистолетахъ».—«А я не иначе какъ на шпагахъ».—«Да я васъ заставлю драться на пистолетахъ, или всажу вамъ пулю въ брюхо».—«А я васъ заставлю драться на шпагахъ или всажу вамъ свою шпагу въ задницу. Завтра мы съ вами увидимся въ Ротондѣ въ 11-ть часовъ утра».—«Очень хорошо, не забудьте приходить». На другой день Грибовскій пріѣхалъ ко мнѣ съ Мейндорфомъ, который у него былъ секундантомъ; они просили меня принять это званіе. Я охотно согласился, и мы поѣхали въ 11-мъ часу въ Ротонду, ждали до 12-ти часовъ, но никого изъ названныхъ не нашли. Я предложилъ отыскать квартиру Паренса и разругать его или поколотить. Мы отыскали Hôtel S-t Joseph. Паренса не было дома; я написалъ ему самую оскорбительную записку, называя его подлецомъ и трусомъ, если онъ не явится въ 6-мъ часу послѣ полдня въ Ротонду и обѣщая ему побоевъ, если онъ сего не сдѣлаетъ. Оставивъ записку привратницѣ, мы уѣхали. Вечеромъ мы опять собрались въ Ротонду; съ нами былъ хозяинъ Мейндорфа, который былъ родственникъ Паренсу. Узнавъ о происшествіи, онъ хотѣлъ ихъ помирить или заставить родственника вести себя честнымъ образомъ. Мы два часа битыхъ искали Паренса по всему Палероялю, не нашли его и поѣхали опять въ Hôtel S-t Joseph. Привратница сказала мнѣ, что она отдала записку, что Паренсъ ее прочелъ и тотчасъ послѣ сего выѣхалъ изъ Парижа. Тѣмъ все дѣло и кончилось.

Я имѣлъ случай видѣть нѣкоторыя окрестности Парижа. Мой старикъ Бриллоне́ возилъ меня въ Мелй (Mesly), небольшой участокъ земли, которымъ онъ владѣлъ и коего наслѣдство переходило отъ внука его Эмиля ежедневно ко мнѣ и къ нему обратно. Мы ѣхали чрезъ Шарантонъ по красивымъ берегамъ Сены. Въ другой разъ я ѣздилъ съ Вермутомъ, братомъ Маритона, въ его участокъ. Загородный

домикъ, имъ на томъ мѣстѣ построенный, былъ совершенно раззоренъ нашими фуражирами.

Въ Парижѣ видѣлся я опять съ Деклозе́, который поспѣшилъ изъ Труа пріѣхать, коль скоро узналъ о возвращеніи короля. Онъ пріѣхалъ въ своемъ эмигрантскомъ мундирѣ, и на него по улицамъ показывали пальцемъ, потому что мундиръ этотъ былъ для Французовъ ненавистнѣе мундировъ иностранныхъ войскъ, покорившихъ Парижъ.

Въ Парижѣ я получилъ Австрійскій орденъ Леопольда 3-й степени, по представленію Великаго Князя.

Давно не получая извѣстій о братьяхъ и отцѣ, я однажды получилъ жалованье за старшаго брата Александра, который не являлся. Возвращаясь домой и задумавшись о томъ, что̀ съ нимъ случиться могло, я неожиданно встрѣтился съ нимъ въ воротахъ дома, гдѣ я квартировалъ. Велика была взаимная радость наша. Онъ не остановился у меня, потому что съ нимъ было двое товарищей, съ которыми онъ разстаться не хотѣлъ. Александръ состоялъ при казачьемъ отрядѣ подъ начальствомъ г.-м. Кайсарова, который занялъ городъ Мелюнъ, верстахъ въ 50-ти отъ Парижа, и оставался тамъ во все время нашего пребыванія въ Парижѣ. Братъ былъ отпущенъ на короткое время въ Парижъ и получилъ отъ меня свое жалованье, въ которомъ нуждался. Онъ познакомилъ меня съ товарищами своими. Одинъ изъ нихъ былъ Александръ Раевскій, капитанъ гвардіи, молодой человѣкъ, сынъ генерала Раевскаго. Я съ нимъ прежде видался, и онъ мнѣ не нравился. Братъ съ нимъ былъ друженъ, но я его никогда не любилъ. Замѣтно было, что онъ показывалъ брату такую дружбу единственно съ цѣлью, чтобы Александръ его превозносилъ. Другой товарищъ брата былъ Азбукинъ *), адъютантъ Кайсарова. Этотъ мнѣ весьма понравился, и я съ нимъ нѣсколько сблизился.

Александръ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Парижъ, и послѣ заключенія мира, онъ отпросился въ Гамбургъ, гдѣ отецъ мой находился начальникомъ главнаго штаба въ корпусѣ графа Толстаго. Я провожалъ брата до Мелюна, гдѣ провелъ съ нимъ одни сутки самымъ пріятнымъ образомъ. Онъ прожилъ всѣ свои деньги въ Парижѣ, и ему не съ чѣмъ было ѣхать въ Гамбургъ. Надобно было что-нибудь придумать. Онъ намѣревался ѣхать на своихъ лошадяхъ, но я присовѣтовалъ ему продать ихъ, такъ какъ не было другаго средства выѣхать ему изъ Мелюна. На другой же день приступили мы къ продажѣ лошадей и выручили за нихъ болѣе 1.200 франковъ, отъ кото-

*) Василій Андреевичъ, сынъ Андрея Ивановича Протасова, женившійся потомъ на Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой (сестрѣ А. П. Кирѣевской-Елагиной). П. Б.

рыхъ у брата осталось около 900 на дорогу. Съ этимъ онъ поѣхалъ странствовать по Германіи для отысканія отца; я же возвратился въ свой Парижъ, который мнѣ не терпѣлось скорѣе оставить.

Однажды мы съ братомъ зашли къ хозяину моей квартиры, который былъ лекарь и у котораго часто собирались лекаря. Мы спросили ихъ, не знаютъ ли они Метивье (Mestivier), лекаря Наполеона, который въ 1809 г. находился въ Москвѣ. Мы его тогда знали по тому случаю, что онъ вылечилъ брата Александра отъ жестокой горячки. Слышно было, что Метивье былъ шпіономъ Наполеона, и это вѣроятно потому, что онъ выѣхалъ изъ Россіи передъ самою войною и опять былъ въ Москвѣ съ Наполеономъ. Лекарь, котораго мы спросили, показалъ намъ квартиру Метивье; мы его отыскали и съ удовольствіемъ встрѣтились съ нимъ. Онъ намъ разсказывалъ свое несчастное похожденіе въ Москву. «Je ne dois mon salut dans cette malheureuse retraite qu'à une plante, sans laquelle j'aurais, à coup sûr, péri».—«Quelle plante était-ce donc, monsieur Mestivier?»—«Messieurs,» продолжалъ онъ, «c'est la plante de mes pieds».

Однажды, прогуливаясь съ Азбукинымъ въ Тюльерійскомъ саду, мы увидѣли двухъ прекрасныхъ женщинъ, изъ коихъ одна мнѣ весьма понравилась. Я старался ее нѣсколько разъ встрѣтить и поклонился ей. Она улыбнулась. Я сталъ смѣлѣе и изъявилъ ей свои чувства; она оставила подругу свою, а я Азбукина, и мы, прогуливаясь, условились сойтись въ 9-мъ часу вечера въ саду у назначеннаго дерева. Женщина эта пріятно разговаривала и не принадлежала къ сословію тѣхъ, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ Палеролѣ; скорѣе можно было полагать ее въ числѣ молодыхъ вдовъ, отыскивающихъ себѣ въ Тюльерійскомъ саду любовниковъ и покровителей. Въ назначенное время я явился къ своему мѣсту, ходилъ, дожидался, но красавицы моей не было; наконецъ, я сѣлъ на скамейку и не видалъ какъ настало время зари, послѣ которой никто не долженъ оставаться въ семъ саду. Національные гвардейцы, которые были въ караулѣ, пошли рундами по аллеямъ и сначала просмотрѣли меня. Возвращаясь назадъ, одинъ изъ нихъ удивился, найдя меня еще тутъ и, приставивъ ко мнѣ штыкъ, грубымъ образомъ требовалъ, чтобы я изъ сада вышелъ. Не опасаясь штыка, которымъ онъ никогда не осмѣлился бы меня тронуть, я назвался Русскимъ офицеромъ и сказалъ, что сейчасъ же дамъ ему урокъ, какъ должно себя вести. Съ симъ словомъ я всталъ, чтобы схватить его за воротъ; но онъ предупредилъ меня: сперва отскочилъ, а потомъ извинился. Я сдѣлалъ ему изустное наставленіе о должности его, какъ члена національной гвардіи и, простилъ его. Такимъ образомъ кончилось происшествіе, отъ котораго я ожидалъ

болѣе, чѣмъ быть наставникомъ Француза, и я возвратился домой безъ успѣха въ начавшемся любовномъ происшествіи.

Мой старый хозяинъ былъ смолода большимъ волокитою; къ нему ѣзжали женщины съ нѣкоторымъ образованіемъ, но уже не въ молодыхъ лѣтахъ, съ которыми онъ прежде имѣлъ близкія сношенія. Между прочими была г-жа Делиль (Délisle), къ которой онъ показывалъ особенное уваженіе. Когда онѣ уѣзжали, онъ разсказывалъ мнѣ происшествія своей молодости и любовные подвиги съ сими женщинами; но онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что волочиться ему болѣе не приходилось. Однако ему хотѣлось, чтобы молодежь слѣдовала его прежнему примѣру, и какъ онъ меня полюбилъ, то взялся познакомить меня, или лучше сказать свести меня съ одною молодою женщиной, которую онъ называлъ прелестною. «Она любитъ музыку», говорилъ онъ, «вы съ нею сойдетесь. Chantez-lui votre Tiroliènne, et elle sera enchantée de vous. Madame Frocheaux est une jeune femme, son mari était colonel de génie; je ne sais s'il est mort, ou s'il est à l'armée; mais elle est votre voisine, et demain vous la verrez à déjeuner chez moi». Въ добрый часъ, подумалъ я, и ожидалъ слѣдующаго утра. Я увидалъ г-жу Фрошо; она была недурна собою, лѣтъ 25-ти, ловка, мила, весела, прикидывалась въ движеніяхъ своихъ вѣтреницею, музыкантша, чего болѣе? Она начинала мнѣ нравиться, но я почувствовалъ отвращеніе къ ней, когда увидѣлъ, что она изъ табакерки моего старика взяла добрую щепотку табаку и испачкала себѣ весь носъ. Съ меня было довольно этого, и сколько она ни старалась, пѣла, играла на гитарѣ, на фортепіано, въ пѣсняхъ своихъ выражала страсть, старалась сломить мое равнодушіе, ничего не помогло: я смотрѣлъ на ея носъ ежеминутно и ожидалъ увидѣть вытекающую изъ него струю табачнаго сока. Наконецъ, она мнѣ надоѣла, и я ушелъ къ себѣ. «Comment la trouvez-vous, mon cher Mourawiow», спросилъ меня послѣ обѣда старикъ. «N'est-ce pas que c'est un ange?»—«Grand père», отвѣчалъ я ему, «les anges ne se barbouillent pas le museau avec le tabac d'Espagne». Бриллоне́ разсердился, лишилъ меня наслѣдства, и сказалъ: «Vas, tu n'est qu'un barbare; tu sens le Nord et les frimats; ce n'est pas une aimable française qu'il te faut: tu aimes mieux ta pipe. Si tu savais seulement la qualité de mon bon tabac d'Espagne, tu en parlerais autrement. Jamais je ne te ferai plus faire la connaissance d'une si charmante personne. Ah! que n'ai-je ton âge? Madame Frocheaux t'a trouvé bien aimable; elle vient de me dire tout-à-l'heure tous les sentiments qu'elle a pour toi!» Я совсѣмъ забылъ думать про г-жу Фрошо, когда однажды шелъ по rue de Bourgogne вечеромъ и увидѣлъ большой магазинъ, прекрасно освѣщенный. Я вошелъ и что-

то спросилъ у хозяйки магазина, которая была прекрасна собою; между тѣмъ какъ я съ нею разговаривалъ, вбѣжала въ комнату Фрошо и пустилась со мною въ разговоръ, спрашивая, гдѣ я все время скрывался, что̀ дѣлалъ, зачѣмъ я ее видѣть не хотѣлъ. Она была сестра торговщицы въ магазинѣ, и хотя послѣдняя мнѣ нравилась болѣе первой, я принужденъ былъ по ея приглашенію идти на верхъ. Мы вошли въ прекрасный будуаръ, въ которомъ стояло фортепіано. Фрошо тотчасъ заперла дверь на крючекъ, и я остался съ нею наединѣ. Я сѣлъ къ фортепіано; она взяла гитару, и мы повторили все то, что̀ у моего хозяина играли. Но сколько она ни вздыхала, я былъ нечувствителенъ. Кромѣ отвращенія, которое я въ первый разъ къ ней получилъ, я опасался связи со всѣми ея послѣдствіями и увлеченія. Оставшись съ нею около получаса, я вышелъ; она меня провожала со вздохами, но я былъ къ нимъ глухъ и съ меньшими хлопотами довершилъ свой вечеръ въ Палероялѣ.

На другой день la petite poste принесла мнѣ записку въ сихъ словахъ: Je vous croyais plus sensible aux charmes d'un coeur qui s'est indiscrétement voué à vous; mais le vôtre, glacé par les neiges du Nord, n'a pas su répondre aux élans de ma passion. Oubliez-moi; je n'aurais jamais voulu vous connaître. Je me flatte d'ailleurs que vous n'avez vu dans ma conduite qu'une passion que je n'ai pu retenir. Je ne vois pas que je n'aye pas de droit à votre estime. Je vous connais un coeur noble et honnête. Записка не была подписана; однако я могъ догадаться, что я ее получилъ отъ Фрошо; а, можетъ быть, нѣсколько и сожалѣлъ, что упустилъ случай, но остался доволенъ своею твердостію.

Я провелъ два мѣсяца въ Парижѣ, гдѣ скучалъ, потому что не имѣлъ средствъ пользоваться тамошними увеселеніями. Послѣ долгой и кровопролитной войны миръ былъ возстановленъ. Намъ предстояло возвратиться въ Россію. Гвардейская пѣхота пошла въ Шербуръ, гдѣ она сѣла на корабли и прибыла въ Петербургъ; конница же и другія войска пошли черезъ Германію. Великій Князь уѣхалъ по почтѣ и взялъ съ собою Даненберга; меня же прикомандировали къ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, которая стояла въ Понтуазѣ (Pont-Oise). При ней былъ оберъ-квартирмейстеромъ подполковникъ Мандерштернъ, который отпросился для женитьбы во Франкфуртъ, гдѣ онъ во время послѣдняго нашего пребыванія влюбился въ одну русую, но добрую Нѣмочку. Мандерштернъ былъ крайне обрадованъ моему пріѣзду въ Понтуазъ и тотчасъ же уѣхалъ. Чаликовъ и офицеры сей дивизіи, которые меня всѣ знали, были также довольны моимъ появ-

леніемъ; я провелъ съ ними два дня въ Понтуазѣ, а на третій войска выступили въ походъ.

Колонна наша состояла изъ слѣдующихъ войскъ. Кавалерійскій корпусъ, состоявшій изъ первой кирасирской дивизіи и легкая гвардейская кавалерійская дивизія, шли впереди; изъ чиновъ квартирмейстерской части находились при кавалеріи подполковникъ Иванъ Ивановичъ Шицъ, я и поручикъ Михайло Петровичъ Окуневъ. Въ двухъ переходахъ за конницей шелъ гренадерскій корпусъ, при которомъ находились подполковникъ Григорій Тимофеевичъ Ивановъ, шт.-капитанъ Глазовъ и поручикъ Николай Евгеньевичь Лукашъ. Шицъ, я и Окуневъ, мы постоянно ѣхали только днемъ впереди колонны, заготовляя дислокаціи. Не могу жаловаться на скуку во время этого похода; но я гораздо пріятнѣе провелъ бы время, еслибъ имѣлъ лучшихъ товарищей. Оба они въ сущности не были дурные люди; но Шицъ былъ вѣчно пьянъ, а Окуневъ иногда, оба довольно глупы и безъ образованія, такъ что разговоръ ихъ не могъ быть пріятенъ для меня. Впрочемъ, мы жили согласно во все время похода. Шицъ былъ довольно безтолковъ и не умѣлъ сдѣлать порядочной дислокаціи; при томъ же онъ другаго языка кромѣ Русскаго не зналъ. Когда онъ бывалъ пьянъ, то ускакивалъ одинъ впередъ въ слѣдующій городъ, гдѣ словами оскорблялъ добрыхъ Нѣмцевъ въ ратушѣ, и кончалось тѣмъ, что ему отводили хорошую квартиру, гдѣ онъ высыпался. Вставши отъ сна, онъ непремѣнно влюблялся въ дочь своей хозяйки или въ самую хозяйку, когда дочери не было, волочился за нею, опять напивался и всѣхъ задиралъ, чтобы имѣть поводъ заступиться за честь хозяйки, чтó намъ дало нѣсколько разъ случай посмѣяться надъ нимъ. Окуневъ былъ также господинъ любкинъ: онъ влюблялся въ каждомъ городѣ, но не въ хозяйку свою, а въ ту, коей окна были напротивъ его, просиживалъ цѣлыми днями у окошка, вздыхая и отъ этого отставалъ иногда на два перехода отъ насъ, чтобы перемигиваться съ сосѣдкою и, не достигнувъ цѣли, напивался; потомъ, нагнавъ насъ, хвастался успѣхомъ, вопреки показаній деньщика его, не скрывавшаго поведенія своего барина. Съ такими чудаками случай свелъ меня, чтобы пропутешествовать съ ними верхами по всей Германіи. Дѣло у насъ въ одинъ часъ кончалось, остальное время мы были праздны. Мы ѣхали впереди и слѣдственно никому не были подчинены. Съ нами находился еще Викентій Григорьевичъ Палевичъ, пьяный провіантскій комисіонеръ, и одинъ кирасирскій офицеръ, для содержанія порядка между квартирьерами.

Первый переходъ нашъ былъ до селенія Кле (Clayes), гдѣ надлежало Шицу давно уже находиться. Я прибылъ съ квартирьерами

своей дивизіи вечеромъ и не нашелъ никого кромѣ Окунева, которому поручено было отъ Шица сдѣлать дислокацію. Онъ суетился, потѣлъ и не умѣлъ ничего сдѣлать; однако кое-какъ роздалъ билеты квартирьерамъ, и мы разошлись по своимъ квартирамъ. На другой день поутру мнѣ пришли сказать, что подполковникъ прибылъ. Я явился къ нему и нашелъ его крѣпко подгулявшимъ, въ объятіяхъ Окунева, и обоихъ въ горькихъ слезахъ. Окуневъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что я сему не долженъ удивляться, потому что Шицъ влюбился въ Парижѣ въ одну дѣвушку. «Она противъ него жила», продолжалъ Окуневъ, «и все время его пребыванія въ Парижѣ они любили другъ друга, какъ только страстные любовники могли любить другъ друга, безъ совмѣстія чувственныхъ наслажденій. Когда насталъ часъ горькой разлуки, и Шицъ садился на лошадь, дѣвица остановила его и упала, говоря, что она умретъ, если онъ ее оставитъ. Но Шицъ ускакалъ къ намъ, съ намѣреніемъ возвратиться въ Парижъ, чтобы увезти свою красавицу и на ней жениться. Употребляю теперь всѣ усилія свои, чтобы удержать его отъ сего. Не удивляйтесь, Муравьевъ, если онъ теперь пьянъ, потому что онъ съ горя дорогою выпилъ». Едва не расхохотался я, услышавъ сей разсказъ, отъ котораго Окуневъ самъ взгрустнулъ, и мнѣ оставалось только сожалѣть о томъ, что не былъ свидѣтелемъ столь забавныхъ происшествій нарѣзавшагося Шица. Однако Шицъ остался грустить съ Окуневымъ въ Кле, а меня послалъ на второй переходъ въ городъ Мо (Meaux), чтобы заготовить дислокацію. Онъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ вечеромъ, опять пьяный, перепуталъ все что̀ я сдѣлалъ и нашумѣлъ въ своей квартирѣ.

Во все время похода до своей границы, у насъ было много бѣглыхъ во всѣхъ полкахъ. Люди уходили, иные съ лошадьми и съ амуниціей. Зная трудное положеніе нашего солдата въ Россіи, это бы и не странно казалось; но удивительно то, что въ числѣ бѣглыхъ были старые унтеръ-офицеры, имѣющіе кресты и медали. Побѣговъ всего болѣе оказывалось въ пѣхотѣ. Вообще въ этомъ походѣ отъ Парижа до своей границы мы лишились около 6000 бѣглыми, изъ которыхъ впослѣдствіи многихъ возвратили намъ союзныя державы.

Мы шли черезъ Шато-Тьери въ Эперне́, гдѣ дневали. Мнѣ досталась квартира въ большомъ домѣ, гдѣ хозяйка была умная и любезная женщина и содержала погребъ съ славными винами. Понравилось мнѣ ея Шампанское вино, коимъ я порядочно попользовался. Мы продолжали походъ черезъ Шалонъ, Баръ-ле-Дюкъ, Туль, Нанси, Сарбургъ и Савернъ. Мы переправились черезъ Рейнъ близь крѣпости Поръ-Луи (Port-Louis). Страсбургъ оставался въ правой сторонѣ и былъ издали

видѣнъ. Нѣкоторые изъ офицеровъ нашей колонны ѣздили въ Страсбургъ, но я не могъ сего сдѣлать, потому что былъ занятъ должностью. Мы пришли въ Вюрцбургъ черезъ Брухзаль и Мюльбахъ. Изъ Брухзаля я послалъ письмо къ Маритону въ Парижъ и получилъ отвѣтъ уже въ Петербургѣ. Въ Вюрцбургѣ я видѣлся съ моимъ родственникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, который тогда служилъ въ егерскомъ батальонѣ Великой Княгини Екатерины Павловны. Шицъ познакомилъ меня тоже съ однимъ понтоннымъ маіоромъ Арцыбашевымъ, который былъ подъ судомъ за сожженіе мостовъ подъ Фридландомъ въ 1807 году. Арцыбашевъ былъ развратнаго поведенія; онъ подпилъ съ Шицомъ и, узнавъ, что я Муравьевъ, спросилъ меня, не знаю ли я полковника Муравьева, который служитъ начальникомъ главнаго штаба въ корпусѣ графа Толстаго, говоря, что онъ съ нимъ недавно подъ Гамбургомъ видѣлся. Мы пришли въ Іену черезъ Шлейсингенъ. Я удивлялся, увидя въ Іенѣ молодыхъ людей носившихъ шляпу подъ мышкой, когда они по улицѣ ходили, и надѣвавшихъ ее на голову, когда входили въ комнату. То были студенты, народъ извѣстный въ Германіи своими странностями. Въ Іенѣ я познакомился со Спечинскимъ, маіоромъ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, переведеннымъ въ сей полкъ изъ л. уланскаго. Красавецъ собой и лихой офицеръ, но большая повѣса. Въ Іенѣ располагали показать войска Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая находилась въ Веймарѣ; но мѣстоположеніе около города не позволяло разстановить войска въ желаемомъ порядкѣ, и для того надобно было выбрать другое. Я былъ на сей предметъ посланъ Чаликовымъ впередъ и нашелъ довольно пространное поле, верстахъ въ семи отъ Іены; но мѣсто сіе было возвышено, и подъемъ на оное былъ съ одной стороны неудобенъ для движенія артилеріи: дабы объѣхать сіе мѣсто, надобно было сдѣлать двѣ версты слишкомъ. Возвратившись въ Іену, я донесъ о найденномъ мною Чаликову, и въ присутствіи всѣхъ полковыхъ командировъ, которые обѣдали въ тотъ день у конно-артилериста Бистрома, я предложилъ Чаликову приказать артилеріи идти въ объѣздъ; но Дмитрій С.......инъ, который ею командовалъ, вступился въ разговоръ и, подошедъ ко мнѣ, довольно смѣло требовалъ у меня отвѣта, какимъ я образомъ осмѣливаюсь распоряжаться ввѣренными ему ротами. Я ему отвѣчалъ, что долгъ мой требовалъ того, чтобы я донесъ о семъ генералу, и что воля его превосходительства будетъ приказать артилеріи идти по прямой дорогѣ, гдѣ ящикъ легко могъ съ горы свалиться. «Ваше дѣло», продолжалъ я, «состоитъ въ томъ, чтобы исполнить приказаніе генерала и не вмѣшиваться въ то, что̀ до васъ не касается».— «Какъ вы смѣли подумать», сказалъ онъ мнѣ, «что гвардейская арти-

лерія не пройдетъ тамъ, гдѣ конница можетъ пройти?»—«Господинъ, С.....нъ», отвѣчалъ я, «прошу васъ не учить меня, а заниматься тѣмъ, что̀ до васъ касается; отстаньте отъ меня, или я васъ учить буду». Я произнесъ послѣднія слова сіи съ жаромъ и подошелъ къ нему. Онъ сталъ отступать, и когда я его прижалъ къ окошку, онъ началъ извиняться, прося, чтобы я не сердился; ибо если онъ мнѣ что нибудь непріятное сказалъ, то это было безъ всякаго намѣренія оскорбить меня. «Будьте впередъ осторожнѣе», отвѣчалъ я и оставилъ его.—Между тѣмъ Чаликовъ встревожился и, кружась около меня, просилъ оставить сіе дѣло, въ коемъ онъ впрочемъ находилъ меня правымъ и потому заступался за меня. Бистромъ пригласилъ меня отобѣдать; но я былъ въ сердцахъ, не остался и вышелъ. Дѣло сдѣлалось по моему, и артилерія пошла въ объѣздъ, а при свиданіи съ С.....нымъ о томъ рѣчи болѣе не было.

На семъ парадѣ я имѣлъ случай познакомиться съ полковникомъ Энгельгардомъ, какого-то уланскаго полка, который состоялъ при дворѣ Маріи Павловны, и съ адъютантомъ его Мердеромъ.

Изъ Іены мы пошли на Мерзебургъ и Галле. Мы проходили чрезъ городокъ Бернбургъ, въ которомъ мнѣ назначили квартиру у тамошняго ландрата. Онъ жилъ въ древнемъ рыцарскомъ за̀мкѣ, въ которомъ все сохранялось по обычаю старыхъ временъ. На воротахъ гербы, стѣны строенія необыкновенной толщины. Главная лѣстница вела прямо въ рыцарскую залу (Rittersaal), въ которой по стѣнамъ висѣли старинныя картины, писанныя въ человѣческій ростъ и изображающія подвиги бывшаго владѣльца. Огромный каминъ занималъ третью часть стѣны; тутъ, около огня, собирались знаменитые витязи, гуляли, пьянствовали, ссорились, дирались; тутъ на совѣщаніяхъ рѣшались поиски, предпринимаемые для ограбленія сосѣдей. Тутъ совершались подвиги, воспѣваемые нынѣ въ баладахъ. Мой хозяинъ разсказывалъ мнѣ содержаніе картинъ. Я остановился предъ одной, которая изображала людей дерущихся за столомъ: бутылки, стулья, посуда, все черезъ столъ летѣло, и одинъ рыцарь лежалъ на полу. «Это», сказалъ мнѣ хозяинъ, «изображаетъ истинное происшествіе, случившееся здѣсь въ послѣднія времена рыцарства. Старый рыцарь, хозяинъ сего дома, былъ ein pontifan (bon vivant); онъ любилъ общество пріятелей и съ ними вмѣстѣ подпивалъ. Однажды къ нему собрались окрестные рыцари на праздникъ; всѣ усѣлись около сего же самаго камина, у котораго мы теперь сидимъ. Стали разносить бокалъ въ круговую; всѣ перепились, начали въ карты играть, и одинъ изъ гостей обыгралъ хозяина безчестнымъ образомъ. Вмѣсто денегъ онъ получилъ пустую бутылку въ лобъ, но не потерялся отъ сего удара.

Онъ былъ такъ силенъ, что переколотилъ всѣхъ въ семъ честномъ домѣ, успѣлъ выбѣжать на дворъ, сѣсть на своего коня, затѣмъ выломалъ ворота и перескочилъ верхомъ черезъ ровъ, мимо подъемнаго моста. Чрезъ сіе возгорѣлась война между домами сихъ господъ. Происшествія, въ сей войнѣ случившіяся, было бы слишкомъ долго вамъ разсказывать; подвиги оказанные съ обѣихъ сторонъ описаны въ какой-то книгѣ. Посмотрите», продолжалъ хозяинъ мой, «на эту башню, которая среди двора стоитъ; тутъ заключались увезенныя дѣвицы и плѣнные. Полюбопытствуйте сходить въ нее; тамъ теперь живетъ городовой трубачъ уже 15-ть лѣтъ; должность его состоитъ въ томъ, чтобы часы трубить днемъ и ночью». Башня сія стояла среди двора; она могла имѣть отъ 15-ти до 20-ти саженъ въ вышину. Двери, служащія входомъ въ нее, были на возвышеніи четырехъ или пяти саженъ отъ земли; къ нимъ пристроена плохая деревянная лѣстница, которую можно было легко снять. Я влѣзъ по этой лѣстницѣ въ башню и сталъ подыматься по разваленнымъ каменнымъ ступенямъ, идущимъ улиткою по внутренней стѣнѣ башни. Въ сторонѣ видны были небольшіе чуланы, вѣроятно служившіе темницами. Я лѣзъ вверхъ, пока не ударился головой въ дверь, которая горизонтально лежала западнею и была заперта на замокъ. Я постучался, но никто не отпиралъ, и я принужденъ былъ воротиться. Спустя нѣсколько часовъ, я опять полѣзъ въ башню; горизонтальныя двери были отперты, и я вошелъ въ маленькую горницу, которая находилась на самой вершинѣ башни, гдѣ меня принялъ съ веселымъ видомъ поднебесный пустынникъ и долго разсказывалъ о разныхъ сраженіяхъ Французовъ съ Нѣмцами, въ которыхъ онъ участвовалъ, служа въ то время жандармомъ. «Выйдя въ отставку», говорилъ онъ, «я женился и получилъ здѣсь мѣсто городоваго трубача. Должность моя не трудная, но безпокойная; однако я къ ней привыкъ. Я уже давно овдовѣлъ, имѣю дочь лѣтъ 18-ти и сожалѣю, что вамъ не удалось ее видѣть; она ходитъ каждый день за покупками въ городъ и теперь тоже ушла, а я никогда почти не выхожу изъ сей горницы, занимаюсь музыкой и доволенъ своимъ состояніемъ». Меня удивило, что люди соглашаются жить въ 20-ти саженяхъ отъ горизонта земли, не безпокоясь о томъ, чтобы когда-нибудь коснуться ее ногами.

Вечеръ я провелъ въ саду, принадлежащемъ къ сему за̀мку. Говорятъ, что садъ этотъ былъ насаженъ старымъ рыцаремъ, бывшимъ въ за̀мкѣ хозяиномъ; онъ находился въ большомъ запущеніи: дорожекъ слѣдовъ не оставалось, вездѣ означались только остатки террасъ, но и тѣ были почти разрушены.

Въ Галле мнѣ понадобилось сходить въ ратушу къ бургомистру. Я нашелъ его въ большихъ хлопотахъ, потому что онъ не могъ

объясниться съ однимъ офицеромъ какого-то ополченнаго казачьяго полка, который возвращался въ Гамбургъ. Распросивъ офицера о корпусѣ, въ которомъ онъ числился, я освѣдомился, что онъ зналъ отца моего, начальника главнаго штаба тѣхъ войскъ, и на всякій случай просилъ его доставить записку къ батюшкѣ. Онъ взялся за сіе; но я сомнѣвался, чтобы записка моя дошла, потому что офицеръ былъ хмѣленъ.

По прибытіи въ Потсдамъ, прогуливаясь по улицѣ, я встрѣтилъ общество Прусскихъ офицеровъ, которые увѣщевали одного изъ товарищей своихъ дать имъ обѣдъ ради его дня рожденія и тащили его въ трактиръ; они стали и меня приглашать. Bester Kamrad, говорили они, Sie werden heute ein vortreffliches Mittagessen haben, wegen des Geburst-Tag's unseres Landmannes. Я пошелъ съ ними и хорошо отобѣдалъ; всѣ подпили. Я воротился на свою квартиру, легъ и уснулъ. Мнѣ снились отецъ и братъ Александръ; казалось даже, что послѣдній подлѣ меня стоялъ, что я его обнимаю. Я проснулся и дѣйствительно былъ въ объятіяхъ Александра, который съ трудомъ могъ меня разбудить и не понималъ, что́ со мной дѣлалось, потому что я сонный на него бросался. Александръ передалъ мнѣ, что батюшка находился въ Вандсбекѣ, что̀ около Гамбурга, желалъ меня видѣть и прислалъ 80 червонцевъ, которые Александръ мнѣ вручилъ. Вслѣдъ за этимъ пришелъ ко мнѣ одинъ изъ Прусскихъ офицеровъ, съ которыми я обѣдалъ, и купилъ за 25 червонцевъ сѣрую лошадь, которую я добылъ въ сраженіи подъ Феръ-Шампенуазомъ. Итакъ, послѣ крайней нужды, которую я терпѣлъ, у меня вдругъ стало довольно денегъ, и нужды всякаго рода миновались. Оставалось только проситься въ отпускъ къ отцу. Къ счастію случилось на то время, что Милорадовичъ, корпусный нашъ командиръ, проѣзжалъ черезъ Потсдамъ въ Берлинъ, съ оберъ-квартирмейстеромъ полковникомъ Черкасовымъ, тѣмъ самымъ, съ которымъ я имѣлъ несчастіе служить въ походѣ 1812-го года. Я получилъ отъ него позволеніе ѣхать. Братъ Александръ на всякій случай взялъ изъ Гамбурга открытый листъ для меня отъ г.-м. Инзова, дежурнаго генерала у Бенингсена, и я съ симъ открытымъ листомъ проѣхалъ въ Гамбургъ.

14-го Іюля, въ день моего рожденія, я пріѣхалъ въ Вандсбекъ, гдѣ находился графъ Толстой со своимъ штабомъ. Вандсбекъ отъ Гамбурга въ четырехъ верстахъ и состоитъ весь изъ загородныхъ домовъ. Я пріѣхалъ довольно поздно вечеромъ. Отецъ обрадовался мнѣ. Я ѣздилъ изъ любопытства въ Гамбургъ, гдѣ провелъ не болѣе двухъ часовъ. Въ Вандсбекѣ заведена была между офицерами кегельная игра, въ которой и я участвовалъ по утрамъ. Я завелъ по вечерамъ игру

въ бары, на которую штабные офицеры собирались по приглашенію батюшки. Игра сія осталась у нихъ въ обыкновеніи и послѣ моего выѣзда оттуда. Проведя пять дней въ Вандсбекѣ, я поѣхалъ назадъ; дорогою заболѣлъ, но перемогся и продолжалъ путь свой. Я нагналъ колонну въ Бромбергѣ. Мандерштернъ уже прибылъ къ своему мѣсту, привезъ жену свою изъ Франкфурта и слѣдовалъ вмѣстѣ съ войсками.

Прусскій король назначилъ на время обратнаго слѣдованія нашего черезъ его владѣнія сумму для привѣта насъ балами и праздниками на дневкахъ. Въ Грауденцѣ намъ дали балъ достойный замѣчанія; на немъ находились всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Приставомъ при насъ со стороны Прусскаго правительства былъ старый жандармскій маіоръ, по имени Гейденброкъ. Заготовляя дислокаціи для войскъ, я прежде всѣхъ прибылъ въ Грауденцъ, коего жители намѣревались угостить насъ какъ можно привѣтливѣе, къ чему побуждалъ ихъ старый комендантъ полковникъ Прусской службы, кавалеръ нашего Георгіевскаго креста. У воротъ при въѣздѣ въ городъ остановилъ меня часовой отъ караула набраннаго изъ раненыхъ гвардейскихъ Прусскихъ солдатъ. Унтеръ-офицеръ вышелъ и спросилъ меня, кто я таковъ и какъ моя фамилія—«Муравьевъ», отвѣчалъ я. Wie? Murawieff! (Ему послышалось Major) Major, ja Major Herr Major, also ein Stabs-officier; deswegen belieben Sie ein klein Augenblick zu warten. Schild-wache, ein Stabs-officier, also heraus soll geschrieben sein». Часовой закричалъ heraus, и когда мнѣ честь отдали, тогда унтеръ-офицеръ отпустилъ меня. Едва я остановился на квартирѣ, какъ былъ атакованъ посланцами отъ коменданта, которые требовали отъ меня всѣхъ примѣтъ генерала Чаликова и свѣдѣній, въ которомъ часу онъ въѣдетъ въ городъ. «Чаликовъ», отвѣчалъ я имъ, «баронъ (потому что онъ имѣлъ Австрійскій крестъ Леопольда на шеѣ); не дѣлайте ему параднаго пріема, а отведите ему только покойную квартиру, и онъ будетъ доволенъ».—«Мы его примемъ по своему, какъ сами знаемъ», отвѣчали они, «а васъ приглашаемъ сегодня на балъ, который дается здѣшними жителями прибывшимъ изъ похода нашимъ вольноопредѣлившимся егерямъ». Я принужденъ былъ идти на балъ. Вина лились въ изобиліи; дамъ мнѣ не позволяли приглашать на танцы, а Прусскіе офицеры спрашивали у меня, которая мнѣ болѣе всѣхъ нравилась; я имъ показывалъ красную или голубую, и тотчасъ отправлялся съ ихъ стороны посланецъ, который повѣщалъ даму, чтобы она ни съ кѣмъ другимъ танцовать не смѣла, потому что господинъ Русскій товарищъ, der Herr russische Kamrad хочетъ ей честь сдѣлать съ ней танцовать. Однажды случилось, что я безъ ихъ уча-

стія пригласилъ даму, которая не была изъ числа лучшихъ собою. Прусаки тотчасъ отказали ей и привели мнѣ другую, прекрасную, съ которой они просили меня протанцовать мазурку, о которой слыхали, но не знали фигуръ. Собрали еще три пары и стали въ тѣсный кружокъ, который еще болѣе стѣснялся отъ напиравшихъ зрителей; за мною стоялъ одинъ офицеръ съ бутылкою Шампанскаго, безпрестанно наливая и заставляя меня пить, такъ что у меня начала голова кружиться. Я былъ въ первой парѣ, а другіе отъ меня фигуры перенимали. Когда я сталъ на колѣни, то, потерявъ отъ Шампанскаго равновѣсіе, невольно нагнулся и уперъ рукою объ полъ, чтобы не растянуться. Прусаки, думая, что это настоящая фигура, перенимали за мною. Шицъ по обыкновенію своему напился какъ должно, чѣмъ-то обидѣлся и ушелъ; избѣгая дальнѣйшихъ угощеній, и я ушелъ, зазвавъ къ себѣ человѣкъ пять Прусскихъ офицеровъ. Они оставили балъ, пришли ко мнѣ и нагулялись до такой степени, что ихъ увели домой пришедшіе за ними вѣстовые. На другой день былъ большой балъ, о которомъ выше сказано. Въ самое время бала, старый Прусскій комендантъ получилъ извѣстіе о производствѣ его изъ подполковниковъ въ полковники. По сему случаю Чаликовъ возобновилъ тостъ съ поздравленіями. Полилось вино, и по данному какимъ-то уланскимъ офицеромъ примѣру всѣ опорожненные стаканы и рюмки въ дребезгахъ разсыпались у ногъ Чаликова, который кричалъ и по своей привычкѣ много дурачился.

Изъ Грауденца мы слѣдовали по театру войны 1807 г., черезъ Гейльсбергъ, Гутштатъ, Фридландъ. Мандерштернъ, который въ ту войну служилъ, разсказывалъ мнѣ сраженія на самыхъ мѣстахъ, гдѣ оныя происходили. Подъ Фридландомъ, на самомъ полѣ сраженія, выстроили для насъ тріумфальные ворота. Въ городѣ я видѣлъ домъ, на стѣнѣ котораго изображенъ былъ годъ сего сраженія, ядрами влѣпленными въ стѣну изъ числа подобранныхъ на полѣ битвы.

Мы миновали Кенигбергъ и пришли къ Тильзиту, гдѣ переправились черезъ Нѣманъ и перешли свою границу. Я уже имѣлъ откомандировку въ Петербургъ для приготовленія дислокаціи войскамъ около Стрѣльны. Какъ ощутительна была разница при переходѣ въ наши границы! Деревни были раззорены и непріятелемъ, и помѣщиками; жители разбѣжались, бѣдность и нищета ознаменовали несчастную Литву. Не смотря на то, меня радовала мысль, что достигъ родины, и я съ нетерпѣніемъ желалъ скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы приступить къ давно занимавшему меня дѣлу.

Нашей колоннѣ должно было идти черезъ Митаву и Ригу, и я поѣхалъ по сей дорогѣ. Хотя и предстояли большія затрудненія въ

добываніи лошадей по проселочнымъ дорогамъ, однако я кое-какъ добрался на обывательскихъ лошадяхъ до Митавы и доѣхалъ до Риги, гдѣ вытребовалъ себѣ прогоны для дальнѣйшаго слѣдованія.

Въ Ригѣ я остановился въ трактирѣ Лондонѣ, въ верхнемъ этажѣ. Ввечеру вошелъ ко мнѣ человѣкъ, который просилъ меня отъ имени своего барина зайти къ нему внизъ.—«Кто твой баринъ?» спросилъ я.—«Поручикъ Кардо-Сысоевъ, л.-г. драгунскаго полка, который былъ раненъ въ сраженіи подъ Феръ-Шампенуазомъ и теперь при смерти; онъ знакомъ съ вами». Я поспѣшилъ сойти внизъ. Кардо-Сысоевъ сидѣлъ на канапе и былъ болѣе похожъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Онъ былъ раненъ палашомъ въ лѣвую сторону груди близъ сердца, и рана его была очень глубокая; въ нее вставляли зонды, которые уходили вершка на два въ тѣло. Когда онъ кашлялъ, то гной пузырями выходилъ изъ раны; нельзя было сомнѣваться въ томъ, что ему оставалось мало времени прожить. Лѣкаря отъ него уже отказывались, и мнѣ оставалось только приготовить къ смерти человѣка, который, казалось, самъ не надѣялся жить. Прежде всего пришло мнѣ на мысль удостовѣриться, имѣлъ ли онъ хотя еще искру надежды, въ то время какъ онъ совершенно отчаявался. «Вы мучаетесь, любезный», сказалъ я ему, «завтра ожидаете смерти. Разсудите, не выгоднѣе ли вамъ было бы застрѣлиться. Я сейчасъ пошлю за своими пистолетами и дамъ вамъ средство прекратить свои страданія, которыя, по словамъ вашимъ, должны непремѣнно прекратиться смертію завтрашній же день». Слова сіи произнесъ я съ рѣшительнымъ видомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, опустилъ голову и задумался. «О чемъ вы думаете?» сказалъ я ему. «Вы только длите свои страданія; рѣшитесь поскорѣе!» Онъ посмотрѣлъ опять на меня, улыбнулся и отвѣчалъ:—«Не могу на это рѣшиться, хотя и увѣрялъ васъ, что желаю въ сію же минуту смерти».—«Мнѣ только этого и надобно было», сказалъ я ему. «Теперь успокойтесь: вамъ пистолеты не нужны; ваши собственныя слова доказываютъ вамъ, что вы имѣете надежду ожить; пускай эта надежда служитъ вамъ способомъ къ исцѣленію. Положитесь на Бога: Богъ васъ спасетъ, и мы съ вами въ скоромъ времени будемъ видѣться». Сысоевъ, доселѣ мрачный и задумчивый, съ послѣднихъ словъ моихъ повеселѣлъ. Онъ называлъ меня добрымъ товарищемъ и искренно сожалѣлъ, что мнѣ на другой день надобно было уѣхать. Онъ былъ одинъ, безъ знакомыхъ, среди Нѣмецкаго народа, гдѣ не встрѣчается гостепріимства. Я уѣхалъ изъ Риги съ полнымъ увѣреніемъ, что Кардо-Сысоевъ на другой же день умретъ; но вышло противное: въ походѣ 1815 года, когда я былъ въ Вильнѣ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ легкой гвардейской кава-

лерійской дивизіи, вбѣжалъ въ мою комнату драгунскій офицеръ, полный, красный, здоровый и сталъ меня обнимать. Я сперва удивился такому обращенію незнакомаго человѣка; но еще болѣе удивился, когда онъ мнѣ сказалъ съ упрекомъ, что не хочу болѣе знаться со своими старыми товарищами, но что онъ никогда не забудетъ того пріятнаго вечера, который я ему въ Ригѣ доставилъ своимъ посѣщеніемъ и какъ я его побуждалъ застрѣлиться. «Съ тѣхъ поръ», продолжалъ онъ, «надежда истинно поселилась во мнѣ; я почувствовалъ облегченіе на другой же день, увѣрился, что выздоровлю и, какъ видите, я выздоровѣлъ.»

Пріѣхавъ въ Стрѣльню, я пошелъ къ Курутѣ, который приказалъ мнѣ явиться къ Великому Князю. Константинъ Павловичъ обошелся со мной привѣтливо и спросилъ съ жаромъ, въ какомъ состояніи я оставилъ полки? «Лошади едва тащутся, Ваше Высочество». «Какъ! Что это такое? Отъ чего?»—«Отъ жира, Ваше Высочество». Константинъ Павловичъ остался доволенъ и опять спросилъ меня, много ли въ полкахъ бѣглыхъ. Въ конной гвордіи ихъ всего болѣе было. Когда я ему это сказалъ, онъ отвѣчалъ: «Неправда, сударь; въ конной гвардіи менѣе бѣжало, чѣмъ въ другихъ полкахъ, а изъ кавалергардскаго полка бѣжало 60 человѣкъ. Садитесь со мной, мы поѣдемъ къ Дмитрію Дмитріевичу». Онъ взялъ меня въ свою коляску, пріѣхалъ къ Курутѣ и пересказалъ ему всѣ мои слова, былъ очень веселъ, шутилъ, называлъ меня своимъ домашнимъ.

Мнѣ надобно было ѣхать въ Петербургъ. Я отпросился у Куруты на три дня и отправился. Крѣпко билось сердце мое, въѣзжая въ заставу. Я почти не вѣрилъ, что я въ Петербургѣ. Остановившись подъ горкой, въ домѣ дяди моего Николая Михайловича Мордвинова, который тогда въ деревнѣ былъ, первая забота моя была узнать, въ городѣ ли адмиралъ съ семействомъ, и я узналъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Пензы наканунѣ моего пріѣзда. Я поспѣшилъ къ нему и увидѣлъ прелестную дочь его, которая меня такъ сильно занимала и которой я давно не видалъ. Я нашелъ ее еще лучше прежняго и еще болѣе прежняго полюбилъ ее; но, по застѣнчивому нраву моему и кратковременному пребыванію въ Петербургѣ, я не нашелъ случая объяснить ей мою страсть и намѣреніе. Мнѣ казалось, что она была неравнодушна ко мнѣ, и я не ошибался; но по скромности я не могъ въ томъ убѣдиться.

Забылъ между прочимъ сказать, что, по первомъ прибытіи моемъ въ Стрѣльню, товарищъ мой Даненбергъ поздравилъ меня гвардейскимъ офицеромъ. Государю угодно было основать гвардейскій генеральный

штабъ изъ 25 человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ числѣ коихъ были мы три брата и Даненбергъ.

Я прожилъ двѣ недѣли въ Стрѣльнѣ, въ маленькой каморкѣ съ Даненбергомъ, на антресоляхъ надъ комнатой Куруты и болѣе ничего не видалъ, какъ ежедневныя ученія. Ужасная скука меня обуяла, и я дожидался только отъѣзда Его Высочества въ Варшаву, чтобы самому уѣхать въ Петербургъ. Даненбергъ готовился, напротивъ того, остаться при Великомъ Князѣ и занимался съ утра до вечера. Ему поручено было обучать человѣкъ 15 изъ дворянскаго полка и начертить всѣ построенія кавалеріи (тѣ самыя, которыя нынѣ напечатаны). Онъ съ большимъ прилежаніемъ исполнялъ возложенное на него порученіе. Великій Князь его любилъ и былъ къ нему особенно милостивъ.

Изъ Стрѣльны я былъ командированъ на четыре дни въ деревни Его Высочества для обозрѣнія оныхъ и приготовленія дислокаціи для легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, которая постоянно тамъ на квартирахъ стояла. Селенія сіи находились въ крайнемъ положеніи; крестьяне были раззорены отъ безпрерывныхъ работъ въ Стрѣленскомъ саду. При всемъ этомъ Великій Князь былъ добръ и многимъ помогалъ. Получая отъ Государя 850,000 рублей въ годъ, у него никогда не доставало сихъ денегъ, не отъ того чтобъ онъ моталъ (ибо онъ жилъ скромно), но онъ содержалъ всю Стрѣльну своими собственными доходами, населивъ ее бѣдными отставными офицерами, унтеръ-офицерами, вдовами и сиротами, и дѣлалъ имъ, кромѣ годовой положенной пенсіи, пособіе деньгами изъ суммы, хранившейся у Даненберга. Когда я ѣздилъ по деревнямъ Великаго Князя, я нашелъ селенія, гдѣ выстроились на иждивеніе Его Высочества полумызки, въ которыхъ жили отставные раненые изъ военно-служащихъ, получавшіе отъ 300 до 500 рублей пенсіи. Люди сіи благословляли Константина Павловича и принимали меня наилучшимъ образомъ, желая тѣмъ доказать свою преданность къ нему. Не должно вѣрить всѣмъ слухамъ, распущеннымъ на счетъ его гвардейскими офицерами, которые сердились на него болѣе за то, что онъ не любилъ упущеній по службѣ. Его представляли извергомъ; но Константинъ Павловичъ имѣетъ добрую душу...

Во время проѣзда моего черезъ деревни Великаго Князя, я былъ въ Ропшѣ и ночевалъ у тамошняго управляющаго Армянина Лалаева.

Великій Князь уѣхалъ изъ Стрѣльны въ Варшаву, помнится мнѣ, 7-го числа Сентября мѣсяца. Наканунѣ того дня Курута призвалъ меня къ себѣ и уговаривалъ ѣхать съ Великимъ Княземъ въ Варшаву. Я отказывался, прося его болѣе о томъ не настаивать, дабы не склонить меня, по чувству благодарности, коею я былъ обязанъ Его Высочеству. «Константинъ Павловичъ», сказалъ Курута, «считалъ на

васъ, какъ на каменную гору, полагая васъ своимъ домашнимъ; но если вы ѣхать не хотите, то будьте не менѣе того увѣрены, что мы къ вамъ будемъ всегда хорошо расположены. Прошу васъ однакоже подружески объяснить мнѣ причину тому, что вы насъ оставляете». Я долго не рѣшался объясниться ему; но, наконецъ, тронутый его ласками, обнаружилъ намѣреніе мое жениться. «Вы еще такъ молоды», сказалъ Курута, «но дѣлать нечего, и не должно вамъ препятствовать въ такомъ дѣлѣ». На другой день Курута отпустилъ меня въ Петербургъ, приказавъ явиться къ г.-адъютанту Сипягину, который былъ тогда начальникомъ штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса.

Гвардейскихъ полковъ еще не было въ Петербургѣ. Сипягинъ старался вступить во всѣ права принадлежавшія званію начальника штаба и съ полною властію управлялъ гвардейскимъ корпусомъ. Оберъ-квартирмейстеромъ при корпусѣ былъ полковникъ Черкасовъ, тотъ же самый, съ которымъ я имѣлъ несчастіе служить въ 1812 году. Глаза мои не терпѣли его; никто изъ офицеровъ и послѣ собравшихся не могъ видѣть его. Не знаю, какими судьбами случилось, что его вскорѣ откомандировали на съемку въ Финляндію, гдѣ онъ еще до сихъ поръ находится. На мѣсто Черкасова поступилъ сначала полковникъ Гартингъ, котораго смѣнилъ подполковникъ Мандерштернъ, добрѣйшій человѣкъ и храбрѣйшій офицеръ, но отчасти безтолковый. Наши Русскіе офицеры генеральнаго штаба охотно помогали ему, потому что его любили. Напротивъ того, Нѣмцы, которые у насъ въ корпусѣ были, видя слабость Мандерштерна, пользуясь ею, уклонялись отъ своего дѣла и не пропускали случая воспользоваться ошибками человѣка, который по душевнымъ свойствамъ своимъ заслуживалъ всякаго уваженія.

Русское общество офицеровъ состояло изъ: 1) старшаго брата моего Александра, который былъ капитаномъ гвардіи, и пріѣхалъ осенью изъ Любека на кораблѣ. 2) Капитанъ гвардіи Траскинъ, добрый, но простой малый, который вышелъ подполковникомъ въ Серпуховской уланскій полкъ въ 1815 году. 3) Капитанъ гвардіи Глазовъ изъ бывшихъ моихъ колонновожатыхъ, въ сущности добрый малый, но, находившись при 1-й уланской дивизіи въ мѣстечкѣ Невелѣ, гдѣ онъ былъ лишенъ нашего общества и по примѣру уланскихъ офицеровъ сталъ пить и повѣсничать, онъ кончилъ тѣмъ, что его перевели тѣмъ же чиномъ въ армію. 4) Гв. поручикъ Лукашъ, опередившій меня старшинствомъ по службѣ, хотя былъ также изъ числа моихъ колонновожатыхъ, добрѣйшій товарищъ и хорошій офицеръ. 5) Гв. прапорщикъ Бурцовъ, теперь штабсъ-капитанъ, прибывшій съ братомъ Александромъ на кораблѣ изъ Любека. 6) Свиты Его Величества поручикъ Окуневъ, добрый

малый, но простой. Кругъ Нѣмцевъ состоялъ изъ гв. штабсъ-капитана Берга, человѣкъ не глупый, но для службы безполезный и дурной товарищъ, барона Диллинсгаузена, Ревельскаго урожденца, человѣка непріятнаго, и Мейендорфа рыжаго; онъ былъ въ началѣ 1812 года въ званіи колонновожатаго моимъ ученикомъ и пріятелемъ. Когда онъ былъ къ намъ назначенъ, то присталъ къ партіи Берга и не хотѣлъ болѣе со мной знаться.

Русскіе были всегда вмѣстѣ и не жаловали Нѣмецкихъ сослуживцевъ своихъ, особливо Берга, который постоянно уклонялся отъ службы, вышелъ въ чины побочными путями, ничего не дѣлая, и мало безпокоился о томъ, что товарищи несли за него службу.

Занятія наши по службѣ состояли въ черченіи плановъ для кампаніи 1812 года, которую Сипягинъ хотѣлъ описывать, и въ безпрерывныхъ парадахъ, которые Государь дѣлалъ, маневрируя по всему городу. Мы должны были соображать сіи маневры, разсчитывать время движеній съ мѣстностью, т.-е. съ направленіемъ и длиною улицъ, предварительно разставить раза два квартирьеровъ по площадямъ и улицамъ, послѣ того поставить войска и, наконецъ, пропарадировать передъ дивизіями, при коихъ состояли. Каждый парадъ занималъ у насъ три дня; надобно было писать дислокацію, представить проэктъ Государю, участвовать въ парадѣ и, наконецъ, занести планы онаго въ журналъ парадовъ, который велся для Государя. Мнѣ поручена была описательная часть, и я имѣлъ даръ употребить для трехъ парадовъ двѣ дести бумаги: трудъ, который мнѣ поставили въ заслугу. Наши Русскіе офицеры, которые исключительно исправляли сіи должности, наметались къ ней, и Государь за то полюбилъ нашъ корпусъ. Другое занятіе наше по службѣ было—дворецъ, въ которомъ мы должны были часто показываться на выходахъ и, наконецъ, разводъ съ церемоніей.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, братъ Михайла находился на Кавказскихъ водахъ, гдѣ онъ лѣчился отъ раны. Дядя Мордвиновъ былъ въ деревнѣ, и такъ какъ у меня не было денегъ, то я рѣшился написать къ Булатову, управляющему дѣлами отца въ Москвѣ. Онъ прислалъ мнѣ тысячу рублей, съ коими я началъ устроиваться. Я переѣхалъ на казенную квартиру въ Кушелева домъ и велъ умѣренную жизнь; ѣздилъ довольно часто къ адмиралу, коего вторая дочь Вѣра была уже выдана замужъ за Столыпина, Аркадія Алексѣевича. По природной застѣнчивости моей, я не объяснился съ Натальей Николаевною, да и не могъ ни къ чему приступить, не зная еще что мнѣ отецъ дастъ и не имѣя никого изъ близкихъ въ Петербургѣ, чтобы помочь мнѣ въ предстоявшемъ дѣлѣ.

Вскорѣ я былъ командированъ съ Сипягинымъ на встрѣчу полкамъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и для расквартированія л.-гв. конно-егерскаго полка въ Старорусскомъ уѣздѣ. Дивизія возвращалась черезъ Ригу, а конно-егерскій полкъ черезъ Псковъ. Я встрѣтилъ дивизію, не доѣзжая нѣсколькими станціями Риги, отдалъ бумаги и дислокацію Чаликову, возвратился въ Нарву, а изъ Нарвы поѣхалъ въ Псковъ черезъ Гдовъ малой почтовой дорогой. Дорога сія была совсѣмъ почти глухая и вела черезъ дремучій лѣсъ, называющійся Сороковымъ боромъ, наполненный звѣрями и, говорили, бѣглыми солдатами, которые разбойничали и изъ коихъ мнѣ удалось одного схватить. Выѣзжая изъ Нарвы, я увидѣлъ человѣка, который пробирался садами и лазилъ черезъ изгороди, чтобы миновать улицу и выдти на Гдовскую дорогу. Онъ былъ въ рекрутскомъ платьѣ. Я нагналъ его и остановилъ. Онъ говорилъ, что имѣетъ паспортъ, но на мѣсто онаго показалъ мнѣ запечатанное письмо, адресованное въ Шлюссельбургъ; онъ же шелъ изъ Петербурга. Когда я его сталъ распрашивать, то онъ путался въ рѣчахъ, почему я схватилъ его и отдалъ въ Нарвскій магистратъ.

Прибывъ въ Псковъ, я узналъ, что г.-м. Потаповъ уже прошелъ со своимъ конно-егерскимъ полкомъ черезъ городъ. Я нагналъ его на второй станціи по Петербургской дорогѣ, отдалъ повелѣніе идти въ Старую Русу, а самъ поскакалъ въ Новгородъ къ губернатору, Николаю Назаровичу Муравьеву, чтобы устроить съ нимъ расквартированіе полка въ уѣздѣ. Изъ Новгорода я проѣхалъ въ Старую Русу, гдѣ сдѣлалъ дислокацію съ помощію тамошняго землемѣра, Силы Семеновича Рудометова; потомъ, дождавшись квартирьеровъ, возвратился въ Петербургъ черезъ Лугу.

Когда братъ Александръ пріѣхалъ съ Бурцовымъ изъ Любека, онъ сперва жилъ особо отъ меня. Съ ними пріѣхалъ нѣкій Оксфордъ съ семействомъ, бывшій органистъ въ Лейпцигѣ, у котораго были три прекрасныя дочери; изъ нихъ въ меньшую былъ страстно влюбленъ младшій братъ Бурцова, который впослѣдствіи и женился на ней тайнымъ образомъ и увезъ все Нѣмецкое семейство къ себѣ въ деревню, черезъ что произошло въ семействѣ ихъ разстройство. Теперь однакоже всѣ помирились и живутъ согласно.

Однажды, сидя съ братомъ и Бурцовымъ, намъ пришло на мысль жить вмѣстѣ, нанять общую квартиру, держать общій столъ и продолжать заниматься для образованія себя. Съ другаго же дня всѣ отправились ходить по улицамъ, для отысканія удобнаго помѣщенія. Бурцовъ нашелъ квартиру въ Средней Мѣщанской улицѣ, гдѣ мы и помѣстились. Каждый изъ насъ имѣлъ особую комнату, а одна была

общая; въ хозяйствѣ соблюдался порядокъ подъ моимъ управленіемъ въ званіи артельщика. Мы старались исполнять службу свою самымъ ревностнымъ образомъ, занимались между тѣмъ и дома въ свободные часы. Въ такомъ положеніи мы пріятно проводили время до выступленія въ походъ въ 1815 году. Мы постоянно обѣдали дома, имѣя за столомъ нашимъ всегда мѣсто для двухъ гостей. Столъ былъ не роскошный по ограниченности нашихъ средствъ, но мы жили порядливо и соразмѣрно своимъ доходамъ. Когда братъ Михайла пріѣхалъ съ Кавказскихъ водъ, онъ поселился вмѣстѣ съ нами. Появились у насъ учители. Александръ и Бурцовъ взяли Турецкаго учителя, но скоро бросили его; они же двое и я стали учиться по-итальянски. Михайла сталъ со мною учиться по-латинѣ; но я сбилъ оба языка вмѣстѣ, спрягалъ Итальянскому учителю по-латини, а Латинскому по-итальянски и не выучился ни которому изъ нихъ. Отъ общества нашего получалъ я иногда замѣчанія за нерадѣніе къ занятіямъ и лѣнь, но мысли мои въ то время обращены были къ иному предмету.

Я часто ходилъ къ адмиралу, и старанія мои не были тщетны, какъ я то впослѣдствіи узналъ; но скромность дочери его была причиною, что я тогда оставался въ недоумѣніи. Рѣшившись приступить къ дѣлу, я предположилъ прежде всего увидѣться съ отцомъ, чтобы узнать, сколько онъ могъ удѣлить мнѣ для женитьбы. Батюшка къ тому времени только что пріѣхалъ въ Москву изъ Гамбурга и былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Между тѣмъ я долженъ былъ также хлопотать о братьяхъ, ибо мы всѣ были безъ средствъ къ жизни. Собрали мнѣ денегъ на прогоны; я взялъ отпускъ и былъ готовъ къ отъѣзду, какъ узналъ, что Н. Н., которая за нѣсколько дней передъ тѣмъ заболѣла, была уже при смерти. Я былъ въ отчаяніи; мнѣ хотѣлось увидѣть ее, но это было невозможно. Я рѣшился остаться въ Петербургѣ и не ѣхать въ Москву; но Бурцовъ уговорилъ меня, обѣщаясь присылать ко мнѣ частыя и вѣрныя извѣстія о ея болѣзни. Отъѣзжая, я запечаталъ бумаги свои и надписалъ ихъ на имя брата Михайлы, потому что думалъ лишить себя жизни при извѣстіи о ея смерти. Бурцовъ сдержалъ свое слово и извѣщалъ меня. Н. Н. выздоровѣла, но долго еще оправлялась отъ своей болѣзни.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву, я былъ холодно принятъ отцомъ. Онъ находилъ имѣніе свое разстроеннымъ отъ управленія повѣреннаго его Булатова. Батюшка былъ однакоже обязанъ ему тѣмъ, что когда князь Урусовъ умеръ, что̀ случилось во время отсутствія батюшки съ ополченіемъ въ Германіи, родственники покойнаго скрыли его духовное завѣщаніе; но Булатовъ, какъ ловкій человѣкъ, добился и обнаружилъ завѣщаніе, черезъ что доставилъ батюшкѣ назначенную ему

часть наслѣдства, благопріобрѣтеннаго имѣнія. Завелся процессъ касательно серебра, котораго было на 120,000 рублей. Въ завѣщаніи князя было сказано, что весь Московскій домъ и все что̀ въ ономъ находится или къ оному принадлежитъ, назначается Муравьеву. Завѣщаніе было писано въ Москвѣ, а князь умеръ въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда онъ переселился въ 1812 году, и все серебро было туда же вывезено изъ Москвы, по случаю нашествія непріятеля. Родственники его придрались къ этому обстоятельству и требовали серебра себѣ, потому что оно не находилось уже въ Московскомъ домѣ. Процессъ этотъ и дѣло о наслѣдствѣ стоили батюшкѣ уже до 40,000 рублей, когда онъ возвратился въ Москву. Желая прекратить процессъ, онъ повидался съ родственниками князя Урусова и уговорилъ ихъ на медіаторской судъ. Избрали въ медіаторы Львова, который рѣшилъ, чтобы спорное серебро раздѣлить на три части между тремя истцами. И такъ отецъ мой остался при процентахъ, которые онъ долженъ былъ платить за сдѣланные Булатовымъ 40,000 р. долгу. Не менѣе того Булатовъ достигнулъ полнаго довѣрія батюшки и, вмѣшиваясь въ семейныя наши дѣла, навлекъ на насъ неудовольствіе отца. Онъ увѣрялъ батюшку, что мы мотаемъ и до такой степени сдѣлался наглъ, что подалъ отцу большой счетъ денегъ, издержанныхъ будто меньшимъ братомъ Михайлою во время пребыванія его въ Москвѣ, когда онъ проѣзжалъ на Кавказскія воды. Счетъ сей былъ написанъ безъ всякаго соображенія, и всѣмъ предметамъ выставлены ни съ чѣмъ несообразныя цѣны; впослѣдствіи оказалось, что братъ ничего объ ономъ не зналъ.

Когда батюшка возвратился изъ арміи въ Москву, онъ собралъ своихъ учениковъ и началъ по прежнему преподавать имъ математику. Къ нему вступило много и новыхъ учениковъ, въ числѣ коихъ былъ молодой человѣкъ Н. Ѳ. Бахметьевъ, внукъ Нарышкиной Елены Николаевны, старой Московской барыни. Батюшка непремѣнно хотѣлъ, чтобы я ей представился; я исполнилъ его желаніе и былъ очень ласково принятъ. Старуха желала меня чаще у себя видѣть, возила меня по вечерамъ и разсказывала о достоинствахъ своей внучки, сестры Бахметьева, которая у нея жила. Явно было, что ей хотѣлось выдать внучку свою за меня замужъ, какъ то въ Москвѣ водится. Анна Ѳедоровна Бахметьева была не дурна собою, 16 лѣтъ, имѣла 500 или 600 душъ и получила хорошее воспитаніе; но у меня не она на сердцѣ была, и я старался отдѣлываться. Дѣло до того было дошло, что Азбукинъ, бывшій товарищъ брата Александра, возвратившійся къ тому времени изъ похода въ Москву и коротко знакомый въ домѣ Нарышкиной, объявилъ мнѣ однажды, что если я хочу на Бахметьевой жениться, то мнѣ стоило только слово сказать; но я уклонился отъ

сихъ предложеній. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Москвы я былъ на свадьбѣ Азбукина, который женился на Юшковой, родственницѣ Нарышкиной. Я съ удовольствіемъ проводилъ вечера у Азбукина, гдѣ познакомился съ Жуковскимъ, его родственникомъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, я часто бывалъ у Колошиныхъ, которые принимали меня какъ роднаго. Тутъ я познакомился съ Фонъ-Менгденомъ, полковникомъ л.-г. Финляндскаго полка, которому мать Колошиныхъ была тетка. Меня по неволѣ возили по баламъ. Наконецъ, когда срокъ моего отпуска прошелъ, я поторопился уѣхать, ибо мнѣ въ Москвѣ становилось скучно. Въ Твери я разъѣхался съ братомъ Михайлою, который во второй разъ ѣхалъ на Кавказскія воды; но онъ, узнавъ на станціи, что я проѣхалъ, возвратился въ Тверь, гдѣ мы провели ночь вмѣстѣ.

Н. Н. оправлялась отъ своей болѣзни. Я рѣшился приступить къ предложеніямъ. Я просилъ батюшку написать къ адмиралу письмо, что̀ онъ сдѣлалъ, а дядю Мордвинова просилъ изустно объявить адмиралу мои намѣренія. Адмиралъ не отвѣчалъ на письмо моего дяди, а обѣщался пріѣхать къ нему въ назначенное время и объяснить ему свои мысли по сему предмету. При свиданіи съ дядей онъ сказалъ, что ему весьма пріятно было бы видѣть дочь свою въ супружествѣ со мною, но что для сего надобно бы еще нѣсколько подождать, ибо мы оба были еще очень молоды; впрочемъ онъ просилъ меня чаще къ нему въ домъ ѣздить, дабы я могъ короче съ его дочерью познакомиться и дабы онъ самъ могъ бы меня короче узнать. Отцу моему онъ отвѣчалъ письмомъ.

Это было въ началѣ 1815 года, когда гвардія выступила въ походъ, по случаю войны, вновь возгорѣвшейся между Франціей и Европой, по возвращеніи съ острова Эльбы Наполеона. Мнѣ также предстоялъ походъ съ легкой дивизіей. Отвѣтъ адмирала и жены обнадеживали меня въ успѣхѣ. Я почти каждый день бывалъ у нихъ, и они принимали меня ласково и давали мнѣ книги для чтенія и образованія моего. Причудливо казалось мнѣ видимое намѣреніе ихъ; но я повиновался имъ съ удовольствіемъ, ибо видѣлъ доброе расположеніе и оказываемое мнѣ довѣріе. Дочь ихъ знала о сдѣланномъ мною предложеніи и краснѣла всякій разъ, какъ я къ ней подходилъ; старшія же ея сестры улыбались и тѣмъ увеличивали ея замѣшательство. Жена адмирала, Генріетта Александровна, нѣсколько разъ поручала Корсакову сказать мнѣ, чтобы я себя берегъ въ предстоявшемъ походѣ и что если я возвращусь тѣмъ же чиномъ, то сіе не послужитъ препятствіемъ къ достиженію моей цѣли.

Наканунѣ выѣзда моего изъ Петербурга, я провелъ вечеръ у адмирала. Я тогда помышлялъ болѣе о тѣхъ очаровательныхъ минутахъ, которыя я могъ провести въ разговорѣ съ нею. Меня смущала только мысль, что долженъ на долго разстаться съ той, которая одна могла составить мое счастіе. Желая скрыть свое смущеніе, я сѣлъ къ фортепіано и долго игралъ на нихъ, не вставая съ мѣста. Сердце мое сжималось, и я боялся голову поднять, чтобы не обнаружить волненія души моей. Казалось, что все семейство принимало во мнѣ участіе. Молча собирались около меня или ходили по комнатѣ. Въ такомъ положеніи я дождался сумерокъ, чтобы лучше скрыть печаль, выражавшуюся у меня на лицѣ и, тогда удерживая слезы, всталъ, въ короткихъ словахъ простился со всѣми и хотѣлъ выдти; но адмиралъ удержалъ меня за руку, сказавъ: Partez, m-r Mouravieff; soyez heureux, revenez plus tôt et soyez sûr que vous emportez notre estime, c'est tout ce que je puis vous dire. Я не могъ ни слова отвѣчать, потому что былъ слишкомъ смущенъ. Жена его хотѣла тоже что-то сказать, но была тронута и промолчала. Я былъ уже въ дверяхъ, когда Николай Семеновичь опять остановилъ меня. «Николай Николаевичъ», сказалъ онъ, «прошу васъ беречь себя; будьте увѣрены въ нашемъ уваженіи къ вамъ. Прощайте, желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ», и въ другой разъ обнялъ меня. Все семейство около меня собралось. Мы простояли еще нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, послѣ чего я вышелъ. Корсаковъ проводилъ меня, и мы пришли вмѣстѣ домой. Я просилъ его доставить своей теткѣ письмо, которое я при немъ же написалъ.

Написавъ сіе письмо, я нѣсколько успокоился. Корсаковъ вышелъ отъ меня въ полночь. Я не могъ уснуть до разсвѣта и, вставъ съ постели, приказалъ лошадей вьючить, чтобы выѣхать.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Со времени выступленія въ походъ въ Вильну до выѣзда моего изъ Петербурга въ посольство Персидское.

ПЯТАЯ КАМПАНІЯ ДО ВИЛЬНЫ.

Гвардейскій корпусъ, выступая въ походъ, былъ раздѣленъ на нѣсколько колоннъ, при каждой изъ коихъ находились наши офицеры. Братъ Александръ, я и Бурцовъ, мы были прикомандированы ко второй колоннѣ, которая шла черезъ Нарву, Гдовъ и Псковъ до Вильны. Александръ былъ старшій; онъ поѣхалъ впередъ съ Бурцовымъ для заготовленія дислокаціи войскамъ, а меня оставилъ въ Петербургѣ на одинъ день, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ. Прощаніе мое съ адмираломъ и семействомъ его случилось въ этотъ самый день.

Прибывъ въ Красное Село Мая 28-го, въ 7-мъ часу вечера, я приказалъ кормить лошадей, а самъ растянулся на лугу. До тѣхъ поръ воображеніе мое развлекалось движеніемъ; но коль скоро тѣлесное спокойствіе позволило ему дѣйствовать, оно начало блуждать. Красоты природы, закатывающееся солнце, жалостный крикъ кулика, отдаленный звукъ барабана на зарѣ, ничего не могло произвести во мнѣ той тихой меланхоліи, которая часто услаждаетъ встревоженную душу. Мнѣ представлялись ужасныя картины. Мнѣ въ мысль приходило возвратиться въ Петербургъ и увезти ее, куда и какъ самъ не зналъ. Въ 11 часовъ вечера я поѣхалъ далѣе, крайне разстроенный сердечною тоскою своею и въ полночь прибылъ на станцію Кипень. Подъ самый бой стѣнныхъ часовъ вошелъ въ комнату Петръ Колошинъ, который выѣхалъ изъ Петербурга въ одинъ день со мной, слѣдуя по почтѣ въ Парижъ, но по свойственной ему безпечности не замѣтилъ, какъ пьяный извощикъ его проблуждалъ въ проселочныхъ дорогахъ и, наконецъ, попалъ въ Кипень. Я былъ чрезвычайно обрадованъ его пріѣзду, бросился обнимать его, какъ избавителя моего одиночества и, разсказавъ ему все со мною случившееся, немедленно отправился нагонять брата, котораго настигъ въ тотъ же день уже во 106 верстахъ отъ Петербурга на ночлегѣ. Тутъ я сталъ покойнѣе и продолжалъ съ нимъ путь вмѣстѣ до Нарвы. Мы ѣхали двумя днями впереди войскъ, заготовляя для нихъ дислокаціи. Мнѣ предстояло мало дѣла, и потому я занимался охотой, имѣя товарищемъ славнаго Бурцова, съ которымъ я пришелъ въ три перехода пѣшкомъ изъ Нарвы въ

Гдовъ. Охота наша намъ немного приносила, но мы соревновали другъ другу въ бодрости. Неутомимый товарищъ мой, по прибытіи на ночлеги, не упускалъ изъ виду обычнаго своего волокитства, которое ему также не удавалось, какъ намъ обоимъ охота.

Не доходя еще Пскова, мы слѣдовали черезъ Сороковой боръ, обширный лѣсъ, о которомъ я уже упоминалъ. На ночлегѣ, въ селеніи Ямѣ, мы узнали, что верстахъ въ пятнадцати въ лѣсу была деревня Платона Ивановича Муравьева, нашего дальняго родственника, тамъ проживавшаго. Я его никогда не видалъ; но такъ какъ у насъ былъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то я письмомъ просилъ его прислать намъ оныхъ. Муравьевъ самъ пріѣхалъ и звалъ меня къ себѣ ночевать. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось послѣ большаго перехода еще ѣхать за 15 верстъ, чтобы уснуть; но я принужденъ былъ сіе сдѣлать изъ признательности за припасы, которые мы получили. На другой же день мнѣ довелось проѣхать одному болѣе сорока верстъ, лѣсомъ и песками, чтобы нагнать брата на слѣдующемъ ночлегѣ.

По прибытіи нашемъ во Псковъ, я, съ согласія брата Александра, поѣхалъ къ дядѣ Николаю Михайловичу Мордвинову, который проводилъ лѣто въ деревнѣ въ Порховскомъ уѣздѣ; я провелъ у него дня три и нагналъ брата въ Островѣ. Изъ Острова мы слѣдовали на Люцинъ и Рѣжицу. Въ Рѣжицѣ присоединился къ намъ молодой человѣкъ Каменской съ повозкою и вещами Берга, который письмомъ просилъ брата взять на свое попеченіе сего Каменскаго, имѣвшаго по прибытіи въ Вильну опредѣлиться на службу подъ покровительствомъ Берга.

Изъ Рѣжицы братъ Александръ поѣхалъ впередъ въ Вильну, чтобы приготовить тамъ съ оберъ-квартирмейстеромъ Мандерштерномъ дислокацію для своей колонны, а мнѣ поручилъ исправленіе его должности при колоннѣ. Мы слѣдовали черезъ Динабургъ, гдѣ Бурцовъ познакомилъ меня съ однимъ піонернымъ капитаномъ Шевичемъ, который былъ извѣстенъ по буянству и храбрости и о которомъ я упомянулъ при описаніи Бородинскаго сраженія.

Въ Динабургѣ встрѣтилъ насъ адъютантъ Сипягина Леманъ, который ѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ и извѣстилъ насъ о побѣдѣ, одержанной союзными войсками подъ Ватерлоо, о занятіи Парижа и о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Намъ прискорбно было узнать, что гвардія не перейдетъ границъ нашихъ.

Переправившись черезъ Двину, я заѣхалъ на мызу къ одному Курляндскому помѣщику Кайзерлингу, съ которымъ познакомился и, позавтракавъ у него, поѣхалъ далѣе. Со слѣдующей станціи Бурцовъ тоже оставилъ меня и уѣхалъ для размѣщенія 2-й гвардейской дивизіи

около Свѣнціянъ. И такъ я остался одинъ съ Каменскимъ. Я поспѣшилъ пріѣхать въ Козачизну, гдѣ мнѣ былъ нѣсколько знакомъ помѣщикъ Каминской, о которомъ я упомянулъ въ сихъ запискахъ при началѣ кампаніи 1812 года. Онъ узналъ меня и принялъ самымъ гостепріимнымъ образомъ. Мнѣ отвели квартиру въ бесѣдкѣ въ саду, гдѣ я провелъ дней пять весьма пріятнымъ образомъ. Тутъ, въ тишинѣ и уединеніи, старался я съ памяти изобразить кистью черты той, которой ликъ не оставлялъ моего воображенія. Терпѣніе мое не истощилось послѣ многихъ испытаній, и мнѣ, наконецъ, удалось нарисовать на кости тотъ образъ, съ коимъ мысли мои не разлучались. Я оставилъ Козачизну съ пріятнымъ воспоминаніемъ, какъ о пребываніи въ семъ мѣстѣ, такъ и объ удачѣ, коей достигъ въ предпринятомъ мною заочно миніатюрномъ портретѣ, и спѣшилъ соединиться съ товарищами.

Бурцовъ былъ въ Вильнѣ свидѣтеломъ поединка, случившагося между нашимъ капитаномъ Глазовымъ и поручикомъ Литовскаго уланскаго полка Леслеемъ. Въ началѣ 1812 года Глазовъ, находясь въ Вильнѣ, былъ знакомъ съ одною дѣвушкою, которую онъ и посѣтилъ въ 1815 году, только чтобы видѣть ее. Онъ былъ во фракѣ. Выходя отъ нея, онъ встрѣтился съ тремя уланскими офицерами первой уланской дивизіи, при которой онъ находился, двумя братьями Степановыми и Леслеемъ, которые его только въ лицо знали. Леслей былъ когда-то знакомъ по пансіону съ Бурцовымъ, вступилъ послѣ въ военную службу, никогда при полку не находился, а все шатался по столицамъ и игралъ въ карты. Глазовъ уступилъ имъ мѣсто; они раскланялись и разошлись. На другой день Леслей встрѣтилъ Бурцова на гуляньи; они узнали другъ друга. Бурцовъ позвалъ Леслея къ себѣ, и между разговоромъ Леслей сталъ хвалиться, что наканунѣ вытолкалъ Глазова изъ непотребнаго дома такъ, что онъ пересчиталъ лбомъ всѣ ступени лѣстницы. Бурцова поразилъ этотъ разсказъ. «Не можетъ быть», отвѣчалъ онъ: «наши офицеры не бываютъ въ такихъ домахъ и никогда не позволяютъ себя вытолкать, откуда бы то ни было». «Увѣряю тебя», сказалъ Леслей, «я это Глазову самому въ глаза скажу». Они разошлись. Бурцовъ поспѣшилъ къ брату моему и передалъ ему слова Леслея. Александръ, какъ старшій въ товарищескомъ обществѣ нашемъ, послалъ за Глазовымъ, который, удивляясь слышанному, оправдывался передъ товарищами, требовалъ, чтобы Леслей ему это въ глаза сказалъ и просилъ брата доставить ему отъ Леслея удовлетвореніе за такую обиду. Александръ, Бурцовъ и Глазовъ пошли отыскивать Леслея и нашли его въ трактирѣ пьянаго, со многими офицерами своего полка. Бурцовъ подошелъ къ Леслею и потребовалъ, чтобы онъ при Глазовѣ пересказалъ то, что̀ онъ отъ него

наединѣ слышалъ. «Гдѣ онъ?» закричалъ Леслей. «Покажите мнѣ эту каналью, чтобы мнѣ его въ глаза разругать, какъ слѣдуетъ», и началъ бранить Глазова самыми мерзкими словами. Тутъ Александръ вступился и, обратясь ко всему обществу офицеровъ, представилъ имъ неприличіе такого поступка, когда можно было дѣло кончить по порядку, какъ между благородными людьми водится. Офицеры хотѣли унять Леслея, но не могли. Братъ удержалъ Глазова, который также пустился было въ бранныя слова; онъ сказалъ уланскимъ офицерамъ, что онъ постарается застать Леслея въ трезвомъ положеніи, чтобы сдѣлать ему предложеніе о поединкѣ, которое онъ не понялъ бы въ пьяномъ видѣ, и ушелъ. Леслей провожалъ Глазова съ ругательствами, повторяя ихъ даже въ окошко на улицу. Глазовъ возвратился въ сильномъ огорченіи, но былъ утѣшенъ товарищами, которые обѣщались доставить ему требуемое удовлетвореніе. Ввечеру Александръ отыскалъ квартиру Леслея, засталъ его дома и объявилъ ему, чтобы онъ готовился на другой день съ разсвѣтомъ быть на Маркуцишкахъ, за городомъ, съ секундантами и пистолетами. «Я не дерусь на пистолетахъ», отвѣчалъ Леслей: «мое оружіе сабля, и вы можете сказать Глазову, что ею я отрублю ему уши». Леслей былъ еще въ пансіонѣ извѣстенъ ловкостью своей въ фехтованіи на сабляхъ, Глазовъ же не имѣлъ о томъ понятія. «Обида слишкомъ значительна», отвѣчалъ братъ Александръ, «и не можетъ удовлетвориться столь слабымъ оружіемъ. Г-нъ Глазовъ готовъ съ вами на смерть драться; онъ избираетъ сильнѣйшее оружіе, и вы должны на то согласиться по принятымъ правиламъ поединка». «А я не соглашаюсь», отвѣчалъ Леслей. «Хорошо», сказалъ Александръ, «если вы боитесь стрѣляться, такъ я скажу о томъ Глазову и передамъ вамъ отвѣтъ его», и вышелъ отъ него къ ожидавшимъ его товарищамъ, которымъ передалъ слова Леслея. Глазовъ настаивалъ, чтобы поединокъ былъ на пистолетахъ; но какъ противникъ его никакъ не соглашался, то уговорили Глазова удовольствоваться саблями и Леслею въ тотъ же вечеръ объявили, чтобы онъ на другой день явился на разсвѣтѣ къ назначенному мѣсту съ двумя секундантами и сколько ему угодно будетъ свидѣтелями изъ офицеровъ его полка.

На другой день Глазовъ пришелъ на назначенное для поединка мѣсто съ братомъ моимъ Александромъ, Бурцовымъ и офицерами генеральнаго штаба, какъ свидѣтелями; въ числѣ послѣднихъ былъ Бергъ, котораго не любили и отъ котораго можно было ожидать того поступка, коимъ онъ вскорѣ заявилъ свое предательское направленіе. Избранное мѣсто было за городомъ, близъ одного эскадроннаго двора Литовскаго уланскаго полка, который въ тотъ день изъ Вильны выступалъ. Улан-

скіе офицеры подали завтракъ и угощали нашихъ; но Глазовъ ничего не касался, дабы быть въ себѣ болѣе увѣреннымъ. Черезъ часъ прискакалъ Леслей въ четверомѣстной каретѣ, съ двумя братьями Степановыми, которые были его секунданты. «Гдѣ онъ?» закричалъ Леслей, выскочивъ изъ кареты. «Я здѣсь», отвѣчалъ Глазовъ хладнокровно, «и дожидаюсь васъ болѣе часа. Вы боялись со мной стрѣляться; снисхожу вамъ и дерусь съ вами на сабляхъ на смерть». Хладнокровіе Глазова изумило Леслея, который выпилъ водки и сталъ противъ Глазова, поднявъ саблю. Глазовъ не пошевелился и, посмотрѣвъ на Леслея, сказалъ ему: «Господинъ Леслей, вы видите, что я безъ кафтана, скиньте и вы свой». Леслей затрясся. «Я скину», отвѣчалъ онъ и сталъ снимать колетъ. «Мы вѣдь деремся», продолжалъ онъ, «съ уговоромъ, чтобы по лицу не бить?»—«Я не дѣлалъ такого уговора», отвѣчалъ Глазовъ, «дерусь съ вами на смерть и бью по чемъ мнѣ угодно. Не забудьте, что вы шейнаго платка еще не скинули, а что я свой скинулъ; скиньте, сударь, платокъ».—«Я скину», отвѣчалъ Леслей, при чемъ руки его такъ задрожали, что онъ едва могъ развязать узелъ. «Скиньте, сударь, шапку», закричалъ ему Глазовъ, «вы видите, что я безъ фуражки». Леслей такъ оробѣлъ, что не въ состояніи былъ сего сдѣлать; секунданты его Степановы скинули съ него шапку и бросили ее въ сторону. Послѣ всѣхъ сихъ приготовленій Глазовъ поднялъ саблю. Леслей размахнулся, чтобы его ударить; но Глазовъ отвелъ ударъ и однимъ махомъ разрубилъ ему палецъ, локоть и голову. Послѣдняя рана, не взирая на плохую саблю Глазова, была жестокая; головная часть черепа была какъ бы распилена, отъ праваго уха вверхъ къ лѣвому. Но Леслей, упадая, могъ еще произнести: «ты билъ»! сопровождая слова сіи руганіями. Затѣмъ онъ лишился чувствъ. Всѣ полагали, что онъ тутъ же умретъ; однакоже его отвезли домой, онъ долго былъ боленъ, страдалъ припадками падучей болѣзни, но наконецъ воздоровѣлъ. Наши офицеры, узнавъ, что онъ нуждался въ деньгахъ, сдѣлали для него складчину и помогли ему. Бергъ, который присутствовалъ на поединкѣ, поспѣшилъ къ Сипягину и разсказалъ ему о случившемся, дабы выслужиться передъ нимъ новостью; но Сипягинъ поступилъ благородно, скрывъ тогда сіе происшествіе, о которомъ онъ позже доложилъ Великому Князю и такъ, что оно не имѣло никакихъ послѣдствій; Бергъ же навлекъ къ себѣ еще болѣе негодованіе товарищей. Братъ Александръ ходилъ послѣ поединка къ дивизіонному командиру 1-й уланской дивизіи, г.-м. Крейцу, который, узнавъ о гнусномъ поступкѣ своего офицера, сказалъ, что не оставитъ его у себя въ дивизіи. Когда мы выступали изъ Вильны, то Леслей оставался еще больнымъ. Секунданты его Степановы изъ-

явили передъ нашими офицерами негодованіе свое на Леслея за его гнусное поведеніе какъ до поединка, такъ и послѣ онаго.

Въ теченіи похода нашего въ Вильну произошло много поединковъ въ гвардейскихъ полкахъ.

Бурцовъ оставилъ меня и уѣхалъ въ Козачизну для размѣщенія войскъ на кантониръ-квартиры; я же поѣхалъ въ Вильну, гдѣ нашелъ своихъ товарищей. Мы жили вмѣстѣ и дружно собирались обѣдать у Траскина, избраннаго нами въ артельщики. Когда полки легкой гвардейской кавалерійской дивизіи начали приближаться къ Вильнѣ, Сипягинъ послалъ меня чрезъ Новые Троки въ разныя мѣстечки и селенія для осмотра ихъ и размѣщенія дивизіи. Я объѣздилъ свою дистанцію въ четыре дня и возвратился въ Вильну, гдѣ продолжалъ по прежнему проводить время въ кругу товарищей, при весьма малыхъ занятіяхъ по службѣ.

Въ то время былъ комендантомъ въ Вильнѣ нынѣшній Тифлисскій военный губернаторъ Романъ Ивановичъ Ховенъ; онъ тогда былъ подполковникомъ. Увидѣвъ меня нынѣ здѣсь въ Тифлисѣ, онъ вспомнилъ и назвался моимъ знакомымъ. Правда, что я его только одинъ разъ видѣлъ въ Вильнѣ и то въ чертежной, гдѣ мы болѣе занимались рисованіемъ карикатуръ, нежели черченіемъ плановъ. Въ это самое время Ховенъ зашелъ къ намъ по какому-то дѣлу съ Мандерштерномъ. Вмигъ явились карикатуры его, которыя я роздалъ товарищамъ своимъ и наклеилъ даже одну на окошко. Ховенъ, кажется, замѣтилъ это, ворочался на всѣ стороны и, вездѣ встрѣчая ликъ свой какъ въ зеркалѣ, рѣшился уйти. Выходя изъ комнаты, онъ произнесъ съ досадой: «чернильная команда!» на что ему отвѣчено было общимъ хохотомъ. Болѣе я его тогда не видалъ. Теперь же, назвавши меня старымъ своимъ знакомымъ, онъ принимаетъ меня привѣтливо. Я не участвовалъ въ общихъ Виленскихъ веселіяхъ и былъ только одинъ разъ у Милорадовича на балѣ, который онъ давалъ въ домѣ Миллера, что на углу Нѣмецкой и Троицкой улицъ.

Когда гвардія получила повелѣніе возвратиться въ Петербургъ, то корпусъ опять былъ раздѣленъ на колонны, изъ коихъ при первой находились наши офицеры для заготовленія дислокацій. Траскинъ шелъ съ колонною, идущей черезъ Полоцкъ, Великія Луки, Порховъ и Лугу въ Петербургъ. Я просилъ, чтобы меня къ сей колоннѣ прикомандировали, дабы заѣхать въ другой разъ въ деревню къ дядѣ Мордвинову. Поэтому я ѣздилъ въ село Никольское, гдѣ провелъ болѣе двухъ недѣль у своего дяди. Онъ возобновилъ обѣщаніе свое принять участіе въ моемъ дѣлѣ, по возвращеніи въ Петербургъ. Я встрѣтилъ Траскина

въ Порховѣ и видѣлся тамъ съ Сипягинымъ, въ проѣздъ его черезъ сей городъ, въ столицу.

По прибытіи нашемъ въ Петербургъ, я нашелъ брата Александра и Бурцова уже возвратившимися; они уже наняли квартиру для насъ всѣхъ вмѣстѣ, на Грязной улицѣ, въ домѣ генеральши Христовской. Для порядка въ обществѣ нашемъ были приняты правила съ общаго согласія; я былъ избранъ въ казначеи и артельщики. Мы обѣдали большею частью дома, жили порядливо, умѣренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованіемъ своимъ, мы проводили вечера вмѣстѣ, въ бесѣдѣ. Начальникомъ былъ у насъ человѣкъ любимый своими офицерами. Общество наше состояло изъ старшаго моего брата, меня, Михайлы, который возвратился съ Кавказскихъ водъ, Бурцова и двухъ Колошиныхъ. Я первый оставилъ дружное братство наше, дабы удалиться въ Грузію.

Дядя мой Н. М. Мордвиновъ былъ у адмирала и говорилъ съ нимъ, послѣ чего сталъ отъ меня уклоняться. Я вскорѣ увидѣлъ, что ожидаемый отвѣтъ будетъ заключаться въ отказѣ и просилъ дядю быть со мною искреннимъ. Онъ, наконецъ, признался мнѣ, что уже нѣсколько дней тому назадъ говорилъ съ адмираломъ, который далъ ему слѣдующій отвѣтъ: «Дочь моя чувствуетъ дружбу и уваженіе къ вашему племяннику, я спрашивалъ ее на сей счетъ; но какъ Николай Николаевичъ не хотѣлъ ждать, а хочетъ отвѣта рѣшительнаго, то объявите ему, что мы ему отказываемъ въ супружествѣ съ Наташей и просимъ его, чтобы онъ удалился изъ Петербурга, потому что обстоятельство это разгласилось по городу и могло бы повредить нашей дочери».

Я былъ въ отчаяніи. Можно ли было ожидать такого отвѣта отъ людей, которыхъ я привыкъ уважать? На другой день я отправился въ штабъ, чтобы проситься у Сипягина въ отставку, самъ не зная для чего. Это было 10-го Января 1816 г. Сипягинъ и полковникъ нашъ Нейдгартъ, не постигая причинъ, побудившихъ меня къ такому рѣшенію, предлагали мнѣ свои услуги, чтобы мнѣ помочь. Когда они стали спрашивать, зачѣмъ я хотѣлъ оставить службу, я увидѣлъ, что и самому себѣ не могъ дать порядочнаго отчета въ своемъ намѣреніи. Они обѣщали исполнить мою просьбу, если буду въ томъ настаивать, но убѣждали меня еще о томъ подумать и сказать имъ, нѣтъ ли другаго средства удовлетворить меня съ тѣмъ, чтобы я остался въ службѣ, увѣряя, что для достиженія сего сдѣлаютъ все что̀ отъ нихъ будетъ зависѣть. Больно было для меня слышать привѣтствія товарищей, которые давно слышали отъ постороннихъ людей о моемъ намѣреніи жениться и полагая, что я уже устроилъ свои дѣла, отъ чистаго

сердца поздравляли меня съ успѣхомъ, тогда какъ отказъ приводилъ меня въ отчаяніе.

Въ крайнемъ волненіи находились тогда мои мысли; я терялъ всѣ очарованія будущности, коими питались мои надежды, и мрачныя думы ихъ замѣнили. Мнѣ приходило на мысль застрѣлиться. Мнѣ хотѣлось исчезнуть, удалиться навсегда изъ отечества. Я думалъ скрыться въ Америкѣ; и такъ какъ у меня не было средствъ предпринять этотъ путь, думалось опредѣлиться весною простымъ работникомъ или матросомъ на отплывающемъ кораблѣ. Долго думалъ я о семъ способѣ, но оставилъ это намѣреніе при мысли о безславіи, которое нанесу симъ поступкомъ отцу своему и всему семейству. Затѣмъ мысли мои приняли иной оборотъ: я сталъ искать поединка съ кѣмъ нибудь, но домогательства мои къ тому въ теченіе двухъ дней не удались; я одумался и, порицая въ мысляхъ своихъ посяганіе на жизнь другаго, опять задумалъ лишить себя жизни безъ участія другаго лица. Можетъ быть, и не остановился бы я въ исполненіи сего намѣренія, еслибъ не удерживала меня страстная и нѣжная любовь къ Натальѣ Николаевнѣ, которую я опасался огорчить симъ поступкомъ. Родители ея требовали, чтобы я выѣхалъ изъ Петербурга, и я рѣшился на сіе послѣднее средство, не изъ уваженія къ нимъ, а къ дочери ихъ. Я объявилъ о своемъ желаніи Сипягину, который хотѣлъ меня командировать къ войскамъ, расположеннымъ въ Нарвѣ; но мнѣ показалось, что такое отдаленіе недостаточно. Я написалъ письмо къ Даненбергу въ Варшаву, прося его доложить черезъ Куруту Великому Князю, что я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ Его Высочеству угодно было меня къ себѣ по прежнему взять. Въ отвѣтъ Константинъ Павловичъ приказалъ мнѣ сказать, что теперь уже не отъ него зависѣло, чтобы я при немъ находился. Отвѣтъ этотъ меня еще болѣе огорчилъ. Но я еще болѣе утвердился въ намѣреніи непремѣнно удалиться отъ родины.

Мнѣ хотѣлось путешествовать, чтобы развлечь свою тоску и вмѣстѣ съ тѣмъ принести пользу отечеству. Сибирскія страны казались для меня того всего удобнѣе; но какимъ средствомъ попасть туда? Я сочинилъ начертаніе для обозрѣнія сего края, назвалъ товарищей своихъ, въ числѣ коихъ былъ Бурцовъ, и требовалъ отъ казны 25.000 на три года, для совершенія сего обозрѣнія. Перечитывая нынѣ сей проэктъ, я нашелъ въ немъ много нелѣпостей и необдуманныхъ предложеній; но тогда я ихъ не замѣчалъ. Я сперва подалъ записку о семъ проэктѣ Сипягину, а потомъ самое начертаніе Толю, который представлялъ оный князю Волконскому и возвратилъ мнѣ его, написавъ мнѣ въ лестныхъ выраженіяхъ письмо, которымъ благодарилъ меня отъ имени князя за рвеніе мое къ службѣ, говоря, что сей но-

вый опытъ усугубилъ доброе мнѣніе, которое начальство обо мнѣ имѣло; но между тѣмъ онъ ссылался на другія обозрѣнія Сибири, прежде сдѣланныя, которыя находилъ достаточными. До полученія сего отвѣта я ѣздилъ въ отпускъ къ отцу въ Москву, для избранія себѣ изъ училища его товарищей на сію поѣздку, которая, казалось мнѣ, должна была навѣрное состояться. Батюшка указалъ мнѣ Воейкова.

По возвращеніи въ Петербургъ, получивъ отказъ, я уже не зналъ куда мнѣ дѣваться, какъ стали говорить о готовящемся посольствѣ въ Персію. Мнѣ очень хотѣлось попасть въ оное, но не хотѣлось проситься, и потому я ожидалъ, не падетъ ли на меня жребій. Скоро стала носиться молва, что князь меня назначаетъ въ число офицеровъ квартирмейстерской части, ѣдущихъ съ посольствомъ въ Персію. Слухъ этотъ подтверждался, и наконецъ князь Волконскій объявилъ мнѣ, чтобы я готовился ѣхать. Я съ благодарностью принялъ сдѣланное мнѣ назначеніе. Къ тому времени пріѣхалъ въ Петербургъ, назначенный чрезвычайнымъ посломъ въ Персію А. П. Ермоловъ. Я съ нимъ видался во дворцѣ; онъ узналъ меня, приласкалъ и изъявилъ желаніе, чтобы я къ нему ѣздилъ, что̀ я исполнилъ, посѣтивъ его по утрамъ нѣсколько разъ.

Офицеры квартирмейстерскіе, назначенные для слѣдованія съ посольствомъ въ Персію, были: подполковникъ Ивановъ, поручикъ Коцебу (тогда обоихъ еще не было въ Петербургѣ), Боборыкинъ и гвардейскаго генеральнаго штаба я, Ренненкампфъ и Щербининъ. Алексѣй Петровичъ, желая меня испытать и ихъ нѣсколько узнать, разспрашивалъ меня объ нихъ наединѣ, показывая какъ бы мало надежды на нѣкоторыхъ изъ нихъ; но я одобрялъ ихъ или отзывался незнаніемъ.

Алексѣй Петровичъ, казалось мнѣ, полюбилъ меня и выпросилъ у князя Волконскаго позволеніе оставить меня при себѣ въ Грузіи на нѣсколько времени, по возвращеніи изъ посольства, на что̀ князь неохотно далъ свое согласіе. Для астрономическихъ наблюденій хотѣли послать съ посольствомъ изъ Академіи астронома Панцнера, который уже ходилъ съ посольствомъ въ Китай. Алексѣй Петровичъ и о немъ меня спрашивалъ, но я его не зналъ. «Какъ бы, братецъ Муравьевъ», спросилъ меня Ермоловъ, «избавиться бы намъ отъ этого академика; не можешь ли ты заняться астрономическими наблюденіями на мѣсто его»?—«Я никогда ими не занимался», отвѣчалъ я; «но если вамъ угодно, то изучу сіе дѣло и постараюсь исполнить ваше желаніе; мнѣ только нужны будутъ помощники, и потому позвольте мнѣ заранѣе ѣхать къ отцу въ деревню, гдѣ займусь практикой и выберу двухъ молодыхъ людей, способныхъ къ сему роду занятій.»

Генералъ согласился. Около того времени пріѣхалъ въ Петербургъ Ивановъ, съ которымъ я въ 1812-мъ году былъ нѣсколько знакомъ, когда онъ еще служилъ поручикомъ. Я возобновилъ знакомство съ нимъ; мы бывали другъ у друга и находились въ хорошихъ между собою сношеніяхъ. Онъ просилъ меня тоже заняться частью Панцнера и съ удовольствіемъ видѣлъ, что я изъ училища отца выберу двухъ молодыхъ людей себѣ въ помощники.—«Панцнеръ не хорошій человѣкъ», говорилъ мнѣ Ивановъ; «я его зналъ еще въ Китайскомъ посольствѣ.» Ивановъ также просилъ о семъ Ермолова, говоря, сколько ему будетъ пріятно, чтобы сею частью занимался одинъ изъ нашихъ офицеровъ.

Такъ дѣло это устроили, и мнѣ позволили заблаговременно ѣхать въ Москву.

Впослѣдствіи узналъ я, что Ивановъ обвинялъ меня въ томъ, что Панцнеръ не былъ назначенъ въ посольство, и что это была одна изъ главныхъ причинъ его неудовольствій на меня. Онъ сердился на меня также за Воейкова и Лачинова, которыхъ я съ его же согласія пригласилъ изъ училища отца моего ѣхать въ Персію. Всему же причиною былъ, полагаю, Коцебу, который, послѣ моего выѣзда изъ Петербурга, пріѣхалъ туда и овладѣлъ Ивановымъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга я получилъ по линіи чинъ штабсъ-капитана и Кульмской Прусской знакъ желѣзнаго креста. Знаки сіи были привезены Прусскимъ гвардейскимъ полковникомъ Лукаду. Мнѣ бы не слѣдовало имѣть сего знака, потому что онъ раздавался только однимъ гвардейскимъ войскамъ, находившимся въ сраженіи подъ Кульмомъ; во время же Кульмскаго сраженія еще не было гвардейскаго генеральнаго штаба; но Государю угодно было, чтобы и офицеры квартирмейстерской части, участвовавшіе въ сей знаменитой битвѣ, надѣли сей крестъ, почему нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, получили этотъ знакъ.

Тетка моя Катерина Сергѣевна Мордвинова скончалась передъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга. На нее одну я могъ имѣть нѣкоторую надежду въ поправленіи дѣлъ моихъ въ домѣ адмирала, но я о томъ не хотѣлъ болѣе стараться: я былъ оскорбленъ, огорченъ, обиженъ, и мысли мои ни къ чему болѣе не стремились какъ къ тому, чтобы оставить отечество и разстаться съ тѣми людьми, съ тѣми предметами, коихъ присутствіе ежечасно напоминало о понесенной мною утратѣ.

25-го Іюня я оставилъ родныхъ и друзей своихъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы ихъ никогда болѣе не видѣть; но едва ли устою въ такомъ рѣшеніи. Пребываю здѣсь въ одиночествѣ, безъ друзей; но

мысли мои не разлучаются съ тѣми, которыхъ я покинулъ. Привязанность къ родинѣ влечетъ меня домой, и меня здѣсь удерживаютъ только воспоминанія о горестномъ событіи, меня оттуда устранившемъ. Братья мои, Александръ и Михаила, противъ ожиданія моего, женились, и по нынѣшнему состоянію домашнихъ дѣлъ я долженъ забыть прежнюю страсть свою, въ то время какъ проявляются новыя надежды къ достиженію цѣли, къ которой клонились всѣ помышленія моей жизни. Но я смирился. Да наслаждаются жизнью тѣ, которымъ суждено вкусить счастіе; да смирятся тѣ, которымъ суждено промѣнять красную будущность на пребываніе въ отдаленіи отъ своихъ и родины.

При выѣздѣ изъ Петербурга, братья и товарищи проводили меня до Средней Рогатки; сердце мое было сжато, когда я простился съ друзьями. Они не знали моего намѣренія навсегда отъ нихъ удалиться.

Тружусь и стараюсь усовершенствовать себя; вижу свои недостатки, испытываю себя. Такимъ образомъ провелъ я уже болѣе двухъ лѣтъ.

ПО ПОВОДУ „ПОПРАВКИ" А. П. БРЯНЧАНИНОВА.

(Р. Архивъ, 1885, кн. 12-я, стр. 565).

Нигдѣ, ни однимъ словомъ не высказалъ я намѣренія умалить всѣмъ извѣстныя, высокія достоинства покойнаго Н. Н. Муравьева (Карскаго). Если я оспаривалъ заявленія другихъ, что онъ самъ просилъ объ увольненіи съ Кавказа, то вовсе не на томъ лишь основаніи, что Николай Николаевичъ еще за два или за три мѣсяца до увольненія продолжалъ *распорядительно-административную* дѣятельность.

Въ Маѣ 1856 года онъ писалъ генералу Евдокимову, что съ осени намѣренъ предпринять въ Чечнѣ такія-то дѣйствія и требовалъ соображенія о необходимыхъ для этого средствахъ. (Я могу представить копію съ этаго предписанія, сохранившуюся у меня до сихъ поръ). Тогда же, во Владикавказѣ, онъ лично развивалъ барону Вревскому свои виды на предстоящія въ его раіонѣ дѣйствія. Это уже не *распорядительно-административная* дѣятельность, а приготовленія къ будущей военной дѣятельности, которую Николай Николаевичъ не могъ бы считать за имѣющую осуществиться, еслибы желалъ и зналъ о своемъ скоромъ отозваніи съ Кавказа.

Дальше. Братъ его Михаилъ Николаевичъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, въ Кисловодскѣ, удостоивая меня, молодаго офицера, разговоромъ о Кавказскихъ дѣлахъ, не разъ высказывалъ о видахъ его брата сдѣлать то-то и то-то, напримѣръ: приступить къ межеванію земель въ Кабардѣ и на Осетинской плоскости, съ большею точностью опредѣлить права и обязанности мѣстныхъ начальниковъ и т. п. Все это не текущая распорядительно-административная дѣятельность, которую всякій добросовѣстно служащій долженъ исполнять до послѣдняго часа сдачи своей должности; это уже такія дѣла, которыя требуютъ много времени, выработанной системы и настойчивости въ приведеніи въ исполненіе, слѣдовательно, увѣренности, что сидишь прочно на своемъ мѣстѣ, а не въ ожиданіи увольненія.

Я такъ уважаю Петра Александровича Брянчанинова, что и безъ ссылки его на А. Н. Соколову не подумаю усомниться въ правдивости его словъ. Поэтому, долженъ я придти къ такому заключенію: въ Маѣ и началѣ Іюня Н. Н. Муравьевъ вѣроятно еще не думалъ просить объ увольненіи съ Кавказа и дѣйствовалъ какъ главный начальникъ края, которому намѣренъ посвятить еще много трудовъ; точно также и братъ его, не предполагая о намѣреніи Николая Николаевича просить увольненія, имѣлъ основаніе говорить о разныхъ видахъ его по управленію Кавказомъ. Между тѣмъ, по причинамъ, положительно неизвѣстнымъ не только мнѣ, но, быть можетъ, и близкимъ Николая Николаевича лицамъ, въ немъ вдругъ могла

зародиться мысль о нежеланіи оставаться на Кавказѣ, и онъ написалъ прямо Государю письмо, прося увольненія. О письмѣ этомъ я, само-собою, до сихъ поръ ничего не зналъ, и потому слова мои, что Николай Николаевичъ не думалъ самъ просить увольненія, ошибочны, въ чемъ я вовсе не стыжусь сознаться. Повторяю только, что я имѣлъ полное основаніе не предполагать просьбы объ увольненіи, въ виду вышеприведенныхъ обстоятельствъ.

Кромѣ того, по отзывамъ многихъ лицъ заслуживающихъ полной вѣры, вовсе не секретъ, что и покойный Государь не совсѣмъ былъ доволенъ Н. Н. Муравьевымъ и за извѣстное письмо его къ А. П. Ермолову, такъ незаслуженно задѣвавшее репутацію доблестной Кавказской арміи, съ которою ему же, Ник. Ник., предстояло и Турокъ бить, и Горцевъ покорять, и за неудачный штурмъ Карса. Наконецъ, извѣстно было, что уѣхавшій съ Кавказа недовольнымъ на Муравьева князь Барятинскій несомнѣнный кандидатъ на мѣсто главнокомандующаго и намѣстника. Очень можетъ быть, что въ Іюнѣ кто-нибудь сообщилъ изъ Петербурга Николаю Николаевичу о носящихся слухахъ или признакахъ нерасположенія въ высшихъ сферахъ, и тогда, понятно, онъ, не минуты не колеблясь, написалъ Государю просьбу объ увольненіи. Это такъ естественно въ положеніи всякаго высокопоставленнаго служебнаго лица, особенно такого рыцарски прямаго человѣка, какимъ былъ безспорно Н. Н. Муравьевъ.

Отдавая полнѣйшую справедливость заслугамъ, доблестямъ и нравственнымъ достоинствамъ общественнаго дѣятеля, историкъ, или вообще человѣкъ пишущій для изображенія современной ему эпохи, не долженъ стѣсняться въ изображеніи недостатковъ, ошибокъ этого дѣятеля, конечно, на достаточно-мотивированныхъ основаніяхъ. Апологіями никого возвеличить нельзя; напротивъ, въ глазахъ серіознаго читателя, не скользящаго по поверхностямъ страницъ, а подвергающаго читаемое обсужденію и критикѣ, всякая апологія можетъ встрѣтить лишь полнѣйшее недовѣріе, потому что совершенныхъ людей на свѣтѣ нѣтъ и не было. Слабое, порочное человѣчество, въ большинствѣ, такъ ничтожно, недостатки всякаго рода въ немъ такъ преобладаютъ, что рѣдкія личности, выдающіяся своими талантами и доблестями, даже при нѣкоторыхъ слабостяхъ и ошибкахъ, все же смѣло могутъ претендовать на почетное мѣсто въ памяти потомства, не страшась указанія этихъ слабостей и ошибокъ. Къ такимъ принадлежитъ и Н. Н. Муравьевъ, хотя бы я и еще много другихъ Кавказскихъ лѣтописцевъ указывали на его промахи въ теченіи кратковременнаго командованія на Кавказѣ.

А. Зиссерманъ.

Декабрь 1885.
Петербургъ.

ДВОРЪ И ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЪ РОССІИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

Въ 1786 году Россійскій Императорскій домъ составляли: императрица *Екатерина Вторая Алексѣевна* (1729—1796); цесаревичъ *Павелъ Петровичъ* (1754—1801); его супруга *Марія Ѳеодоровна*, принцесса Виртембергъ - Монбельярская (1759—1828); ихъ дѣти: *Александръ* (1777—1825); *Константинъ* (1779—1831); *Александра* (1783—1801), въ послѣдствіи супруга эрцгерцога Іосифа Палатина Венгерскаго; *Елена* (1784—1803), въ послѣдствіи супруга наслѣднаго принца Меклембургъ-Шверинскаго Фридриха; *Марія* (1786—1859), въ послѣдствіи супруга великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго Карла Фридриха (отъ этого брака родилась принцесса *Марія-Августа*, нынѣшняя императрица Германская).

1786-й годъ былъ для нашего отечества годомъ полнаго спокойствія. Со времени заключенія Кайнарджискаго трактата (1775), по которому предѣлы Россіи расширены до береговъ Чернаго моря, миръ ни разу не прерывался. Никто извнѣ не угрожалъ Россіи. Сосѣдніе къ намъ монархи Іосифъ II-й и Фридрихъ II-й (умершій въ Августѣ мѣсяцѣ этого года) были связаны съ Екатериною II-ю узами пріязни. Польша, уже подвергшаяся первому раздѣлу, по которому отошла къ намъ Бѣлоруссія, доживала послѣдніе дни, и ея король былъ «ставленникъ» Русской императрицы. Внутри государства, волненія, вызванныя Московскою чумою и Пугачевщиною, улеглись безслѣдно, и самодержавная власть Екатерины представлялась обезпеченною и неколебимою. Оставалось продолжать внутреннее устроеніе государства, и въ этомъ отношеніи разные уставы, по выраженію князя П. А. Вяземскаго «плоды державнаго пера», появлялись отъ времени до времени, по мѣрѣ вызывавшей ихъ дѣйствительной необходимости. Такъ, въ продолженіе этого года, особенное вниманіе Императрицы обращено

было на народное просвѣщеніе и на устройство дешеваго кредита какъ для торговаго сословія, такъ преимущественно для хозяйственныхъ нуждъ помѣстнаго дворянства. И въ учрежденіи *Народныхъ Училищъ*, и въ образованіи *Заемнаго Банка* главнымъ исполнителемъ предначертаній Императрицы является бывшій любимецъ ея сенаторъ *П. В. Завадовскій*, о чемъ сказано будетъ ниже. Отъ царственныхъ трудовъ Екатерина любила находить отдохновеніе въ трудахъ авторскихъ и въ бесѣдахъ съ окружавшими ее лицами, сановниками, вождями, писателями. Къ тогдашнимъ любимымъ ея собесѣдникамъ принадлежали также послы Франціи и Австріи графы *Сегюръ* и *Кобенцель*.

Дворъ Екатерины представлялъ сочетаніе самой изысканной Европейской утонченности съ Русскимъ веселіемъ, радушіемъ и простотою обхожденія. Онъ состоялъ, вопервыхъ, изъ лицъ военной свиты Государыни (maison militaire) и, вовторыхъ, изъ дворскихъ чиновъ.

Военную свиту Императрицы составляли ея генералъ-адъютанты и флигель-адъютанты. Первыхъ было всего восемь:

1. Генералъ-фельдмаршалъ, бывшій гетманъ Малороссійскій, графъ Кирила Григорьевичъ *Разумовскій* (1728—1803).

2. Генералъ-фельдмаршалъ, президентъ Военной Коллегіи, Екатеринославскій и Таврическій генералъ-губернаторъ, главный начальникъ легкой и иррегулярной конницы и Черноморскаго флота князь Григорій Александровичъ *Потемкинъ* (1736—1791). Титулъ *Таврическаго* пожалованъ ему только въ слѣдующемъ 1787 году по возвращеніи Императрицы изъ Крыма.

3. Генералъ-аншефъ, главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Яковъ Александровичъ *Брюсъ* (сконч. 1791).

4. Генералъ - аншефъ Николай Ивановичъ *Солтыковъ* (1736—1816), воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, съ 1790 года графъ, а при Александрѣ Первомъ фельдмаршалъ, князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

5. Генералъ-аншефъ князь Николай Васильевичъ *Репнинъ* (1734—1801), генералъ-губернаторъ Смоленскій и Псковскій, при Павлѣ генералъ-фельдмаршалъ.

6. Генералъ-аншефъ, вице-президентъ Военной Коллегіи, графъ Валентинъ Платоновичъ *Мусинъ-Пушкинъ* (1735—1804), при Павлѣ генералъ-фельдмаршалъ.

7. Генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ Владимирскій и Костромскій, графъ Иванъ Петровичъ *Солтыковъ* (1730—1805), при Павлѣ генералъ-фельдмаршалъ и военный губернаторъ Москвы.

8. Генералъ поручикъ графъ *Ангальтъ*, родственникъ Императрицы.

Флигель-адъютантовъ было 16-ть. Въ томъ числѣ въ чинѣ бригадира одинъ и въ чинѣ полковника три; остальные были генералъ-маіоры. Изъ нихъ примѣчательны по позднѣйшей службѣ или общественному положенію: *Римскій-Корсаковъ* Александръ Михайловичъ (1753—1840), въ послѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, Литовскій военный губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта, извѣстный пораженіемъ при Цюрихѣ въ 1799 году. *Левашевъ* Василій Иван. (1740—1803) при Павлѣ посолъ въ Неаполѣ, генералъ-отъ-инфантеріи и оберъ-егермейстеръ. Князь *Голицынъ* Сергѣй Өеодоровичъ (1748—1810), впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, командовавшій вспомогательнымъ корпусомъ Русскихъ войскъ въ войнѣ 1809 года, которую Французы въ союзѣ съ Русскими вели противъ Австрійцевъ. *Апраксинъ* Степанъ Степановичъ (1756—1827), въ послѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи, извѣстный своимъ хлѣбосольствомъ и роскошными пріемами въ Москвѣ. *Графъ Буксгевденъ* Өедоръ Өедоров. (1750—1811), генералъ-отъ-инфантеріи и главнокомандующій арміею въ началѣ Финлядской войны 1808 года. (Буксгевденъ былъ женатъ на дѣвицѣ *Алексѣевой*, которую считали дочерью князя Григорія Орлова). Полковникъ Александръ Матвѣевичъ *Дмитріевъ-Мамоновъ*, съ 26-го Іюня сего года любимецъ Императрицы (1758—1803), въ послѣдствіи, при Павлѣ, графъ и генералъ-лейтенантъ.

Первые чины Екатерининскаго двора въ 1786 году были слѣдующіе:

Оберъ-камергеромъ былъ Иванъ Ивановичъ *Шуваловъ* (1727—1797), бывшій любимецъ императрицы Елисаветы и основатель Московскаго Университета.

Оберъ-гофмаршаломъ князь Өедоръ Сергѣевичъ *Барятинскій* (1742—1814), принимавшій близкое участіе въ возведеніи Государыни на престолъ.

Оберъ-шенкомъ Александръ Александровичъ *Парышкинъ* (1726—1795).

Оберъ-гофмейстеромъ Иванъ Перфильевичъ *Елагинъ* (1725—1793). Онъ извѣстенъ какъ писатель и переводчикъ. Особеннымъ сочувствіемъ тогдашнихъ читателей пользовалась переведенная имъ съ Французскаго книга «Приключенія Маркиза Г. (*Глаголя*, какъ называли въ публикѣ) или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ». Елагинъ былъ масонъ и покровитель масоновъ; онъ умеръ во время пущаго на нихъ гоненія въ 1793 году.

Оберъ-шталмейстеромъ былъ Левъ Александровичъ *Парышкинъ* (1733—1799).

Оберъ-егермейстеромъ князь Петръ Алексѣевичъ *Голицынъ* (1731—1810).

Оберъ-гофмейстериною императрицы была въ то время графиня Марія Андреевна *Румянцова*, престарѣлая дочь послѣдняго графа Матвѣева Андрея Артамоновича и мать фельдмаршала. Она умерла въ 1788 г., имѣя болѣе 90 лѣтъ отъ роду и до конца жизни сохраняла, по словамъ Сегюра, всю свѣжесть богатой памяти и необыкновенную прелесть бесѣды о томъ, чему была свидѣтельницею въ теченіе долгой жизни. Она присутствовала при заложеніи Петербурга; живя въ Парижѣ во время регентства, была обычною посѣтительницею Филиппа Орлеанскаго, находилась въ дружескихъ связяхъ съ Англійскою королевою Анною и съ герцогомъ Мальборо, и теперь доживала свой вѣкъ среди величаваго двора Екатерины, окруженная общимъ почетомъ, какъ представительница другой славной эпохи и живая лѣтопись великихъ событій. Въ молодости она была красавица и, какъ утверждаютъ, находилась съ Петромъ Великимъ въ связи, послѣднимъ, предсмертнымъ плодомъ которой былъ, якобы, фельдмаршалъ Задунайскій *).

Статсъ-дамъ было восемь: графиня *Скавронская*, *А. А. Матюшкина*, княгиня *Е. Р. Дашкова*, княгиня Дарья Алексѣевна *Голицына* (вдова фельдмаршала князя Александра Михайловича), Анна Никитична *Нарышкина*, графиня Анна Родіоновна *Чернышова* (вдова графа Захара Григорьевича), графиня Прасковья Александровна *Брюсъ* (сестра фельдмаршала Румянцова) и графиня Александра Васильевна *Браницкая*, урожд. Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина.

Камеръ-фрейлина — Анна Степановна *Протасова*.

Фрейлинъ было 16-ть. Изъ нихъ двѣ—Екатерина Ивановна Нелидова и Фонъ-Леве числились при великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ и пребывали въ Гатчинѣ.

Оберъ-церемоніймейстеромъ былъ д. с. с. Ѳедоръ Матвѣевичъ *Каштaлинскій* (Грузинъ родомъ).

Камергеровъ было 23. Въ числѣ ихъ наиболѣе примѣчательны: князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ* (1752—1818), прозванный le magnifigne, позднѣе послѣдній посолъ при Наполеонѣ передъ разрывомъ 1812 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса и канцлеръ Россійскихъ орденовъ (каковая должность перешла послѣ его смерти къ брату его князю Алексѣю Борисовичу). Петръ Степановичъ *Валуевъ*, при Павлѣ оберъ-церемоніймейстеръ, а при Александрѣ главный начальникъ Кремлевской экспедиціи. Ему Москва обязана возведеніемъ новаго зданія Дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря у Спасскихъ воротъ, Синодальной Типографіи на Никольской улицѣ,

*) Смотри экстрактъ изъ допросовъ Миниху въ Р. Архивѣ 1864 г., стр. 521 и Соловьевъ, XVIII, стр. 362.

устройствомъ нѣкоторыхъ бульваровъ и Прѣсненскихъ прудовъ. (Это родной дѣдъ бывшаго министра графа П. А. Валуева). Графъ Григорій Ивановичъ *Чернышовъ*, въ послѣдствіи оберъ-шенкъ; въ лицѣ его сына графа Захара Григорьевича декабриста, женатаго на Тепловой, угасло мужское поколѣніе старыхъ графовъ Чернышовыхъ. Александръ Львовичъ *Нарышкинъ* (1760—1826), при Павлѣ оберъ-гофмейстеръ.

Камеръ-юнкеровъ 19-ть. Въ числѣ ихъ встрѣчается имя князя Якова Ивановича *Лобанова-Ростовскаго* (1760—1831); впослѣдствіи онъ былъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта.

Любимымъ и довѣреннымъ статсъ-секретаремъ Екатерины въ это время былъ Александръ Васильевичъ *Храповицкій* (1749—1801), тайный, а въ коронацію Александра дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ. Самъ талантливый стихотворецъ, онъ состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Державину, Капнисту и другимъ тогдашнимъ писателямъ. Въ теченіе десяти лѣтъ (1783—1793), онъ записывалъ каждодневно на памятныхъ листкахъ все что̀ Императрица говорила за утреннимъ докладомъ и во время причесыванія волосъ, которое походило на такъ называемое торжественное вставанье (levée) Французскихъ королей (тутъ допускались главныя лица правленія). Такимъ образомъ сохранены имъ для потомства многія драгоцѣнныя біографическія черты Государыни. Дневникъ этотъ изданъ въ 1873 г. съ подлинной рукописи, полученной отъ князя П. А. Вяземскаго, въ особой книгѣ съ примѣчаніями, даровитымъ изслѣдователемъ нашей литературной старины Н. П. Барсуковымъ.

Собственными дѣлами Государыни и принятіемъ прошеній на ея имя приносимыхъ въ 1786 году завѣдывали *П. В. Завадовскій*, графъ *А. А. Безбородко* и *И. П. Елагинъ*, а Кабинетомъ тайный совѣтникъ *Стрекаловъ*.

Лейбъ-медиками были *Крузъ* и *Рожерсонъ*.

Любимая камеръ-фрау Императрицы—извѣстная Марья Савишна *Перекусихина*.

Наконецъ, собственною библіотекою Императрицы завѣдывалъ коллеж. совѣт. Василій Петровичъ *Петровъ*, когда-то знаменитый лирическій поэтъ, котораго современники ставили почти на ряду съ Державинымъ. Пушкинъ, въ превосходномъ, но къ сожалѣнію неоконченномъ посланіи къ Н. С. Мордвинову, называетъ Петрова «Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины».

Высшее государственное управленіе Россіи, подъ самодержавною властью Императрицы, сосредоточивалось въ 1786 г. въ слѣдующихъ учрежденіяхъ: а) *Императорскомъ Совѣтѣ*, б) *Правительствующемъ*

Сенатѣ, в) *Государственныхъ Коллегіяхъ*, и г) *Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ*.

Областное управленіе подъ главнымъ начальствомъ Сената находилось въ завѣдываніи генералъ-губернаторовъ (большею частью по одному на два намѣстничества) и намѣстниковъ.

А) *Императорскій Совѣтъ или Совѣтъ при Императорскомъ Величествѣ* учрежденъ въ самомъ началѣ 1767 года «для разсужденія и бдѣнія, дабы ничего упущено не было къ безопасности государства» (П. С. З. т. XVIII, № 13232). Происхожденіе и судьба этого учрежденія довольно примѣчательны. Въ первые мѣсяцы по восшествіи на престолъ Екатерины II-й, власть ея не покоилась еще на тѣхъ твердыхъ основаніяхъ, которыя Государыня эта умѣла создать мудростью и необыкновеннымъ искусствомъ государственнаго управленія. Этимъ задумалъ воспользоваться одинъ изъ первыхъ вельможъ того времени, бывшій при Елисаветѣ посланникомъ въ Швеціи и увлекавшійся образомъ правленія существовавшимъ тамъ до 1772 года, графъ Никита Ивановичъ *Панинъ* (1718—1783). Вмѣстѣ съ нѣкоторыми приближенными къ нему лицами, въ томъ числѣ *Г. Н. Тепловымъ* (1715—1779), графъ Панинъ хотѣлъ создать въ Россіи такое положеніе вещей, которое, оставляя верховную власть въ принципѣ *самодержавною*, давало бы возможность нѣсколькимъ сановникамъ имѣть вліяніе на ея рѣшенія и тѣмъ самымъ ее ограничивать. Съ этою цѣлію представлена имъ была Императрицѣ записка, въ которой онъ старался доказать, что Сенатъ, «яко центръ, у коего все стекается, имѣетъ достаточно времени и возможности исполнять лишь то, что̀ на него возложено регламентами, т.-е. наблюдать за исполненіемъ подчиненными мѣстами существующихъ законовъ; но еслибы Сенатъ вздумалъ разсуждать о томъ, какіе новые законы въ данное время необходимы, то этимъ самымъ онъ выступилъ бы въ роли *законодавца*, къ чему не уполномоченъ и что̀ для него невозможно уже по одной многочисленности его личнаго состава. Вмѣсто быстраго рѣшенія дѣлъ, сенаторы, въ явный ущербъ текущему дѣлопроизводству, предались бы нескончаемымъ преніямъ о необходимости новыхъ законовъ». Изъ этого само собою заключается (разсуждалъ Панинъ), что «главное, истинное и общее о государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ Государевой». Но Государю, по свойству человѣческой природы, нужны помощники и совѣтники въ такомъ трудномъ и многосложномъ дѣлѣ, какъ управленіе государствомъ. Этимъ въ предшествовавшія царствованія, особенно въ Елисаветинское (Панинъ былъ врагъ Шуваловыхъ), пользовались разные *припадочные* люди (фавориты), чтобы добиваться своихъ *личныхъ выгодъ* безъ всякой заботы о благѣ государственномъ. Въ ви-

дахъ предупрежденія подобныхъ явленій, графъ Панинъ предлагалъ учредить при Особѣ Государевой постоянный *Совѣтъ* изъ шести лицъ, которые именовались бы *императорскими совѣтниками*.

Екатерина со свойственной ей проницательностью тотчасъ разгадала, къ чему ведетъ Панинская затѣя, но прямо не отказала, а занялась сама пересмотромъ и исправленіемъ его проэкта; къ шести предположеннымъ въ немъ членамъ прибавила еще двухъ и въ исправленномъ такимъ образомъ видѣ передала проэктъ на заключеніе нѣкоторыхъ значительныхъ особъ. Всѣ они сдѣлали довольно мелочныя замѣчанія. Одинъ только фельдцейгмейстеръ *Вильбуа*, иностранецъ, находившійся въ Русской службѣ, призналъ Панинскій проектъ *вреднымъ въ самомъ его принципѣ*, отозвавшись, что «Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ Государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ Государемъ». (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXV, стр. 173—182).

Тогда Екатерина оставила Панинскій проэктъ у себя для *соображенія*, и только черезъ пять лѣтъ, 17-го Января 1767 г., изданъ былъ законъ объ образованіи Императорскаго Совѣта изъ слѣдующихъ лицъ: графа Разумовскаго, графа Н. И. Панина, графа З. Г. Чернышова, графа Петра Иван. Панина, вице-канцлера князя Голицына, генералъ-фельдцейгмейстера графа (впослѣдствіи князя) Орлова и генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Но Совѣтъ этотъ имѣлъ уже совсѣмъ другое назначеніе, а именно: сосредоточить подъ непосредственнымъ руководствомъ Императрицы всѣ мѣры пріемлемыя къ оборонѣ государства. А такъ какъ эта оборона тѣсно связана съ дѣлами внутренняго государственнаго управленія, то сіи послѣднія, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, вносились часто прямо въ Императорскій Совѣтъ, минуя Сенатъ, который Императрица съ того времени посѣщала уже не столь часто, какъ въ первые годы своего царствованія. Вновь образованный Совѣтъ существовалъ не только во все царствованіе Екатерины II, но и при Павлѣ, хотя при этомъ государѣ онъ *пришелъ въ забвеніе* и никогда не собирался. Александръ Первый, вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ, переименовалъ, 30-го Марта 1801 г., Императорскій Совѣтъ въ *Непремѣнный Совѣтъ*, расширивъ кругъ предметовъ, подлежавшихъ его обсужденію. Наконецъ, 1-го Января 1810 г. Непремѣнный Совѣтъ слился съ учрежденнымъ тогда, по проэкту Сперанскаго и донынѣ дѣйствующимъ, «Государственнымъ Совѣтомъ», въ составъ коего вошли и всѣ члены прежняго Совѣта.

Въ 1786 году личный составъ Императорскаго Совѣта былъ слѣдующій:

1. Графъ *К. Г. Разумовскій* (1728—1803).

2. Кіевскій, Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій генералъ-губернаторъ графъ Петръ Александровичъ *Румянцовъ-Задунайскій* (1725—1796). Титулъ *Задунайскаго* пожалованъ ему 10-го Іюля 1775 г. въ празднованіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира, но такъ какъ въ указѣ о семъ пожалованіи не сказано было «съ нисходящимъ потомствомъ», то сыновья фельдмаршала не носили этого титула.

3. Князь *Потемкинъ*, о которомъ упомянуто выше.

4. Адмиралтействъ-Коллегіи вице-президентъ д. т. с. графъ Иванъ Григорьевичъ *Чернышовъ* (1726—1797). Императоръ Павелъ возвелъ Чернышова 12-го Ноября 1796 г. въ достоинство *генералъ-фельдмаршала по флоту*, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ не именовался *генералъ-адмираломъ*.

5. Д. т. с. князь Александръ Алексѣевичъ *Вяземскій* (1727—1793), генералъ-прокуроръ. Должность генералъ-прокурора была тогда самою важною и вліятельною въ гражданскомъ управленіи; онъ не только былъ начальникъ *юстиціи* и *полиціи* въ Имперіи, но завѣдывалъ также, чрезъ подчиненные ему органы, *государственными финансами*.

Императорскій Совѣтъ, какъ видно изъ самаго его названія, былъ учрежденіемъ чрезвычайнымъ и *совѣщательнымъ*; рѣшенія его получали силу только по Высочайшемъ утвержденіи и объявлялись не иначе какъ отъ имени Императорскаго Величества. Но въ общемъ нормальномъ порядкѣ государственнаго управленія высшимъ учрежденіемъ оставался *Сенатъ*, которому подчинены были всѣ коллегіи.

Б) *Правительствующій Сенатъ* основанъ Петромъ Первымъ еще въ Москвѣ въ 1701 году изъ малаго числа довѣренныхъ лицъ и безъ точнаго опредѣленія занятій, лишь въ общихъ чертахъ, съ цѣлію замѣщать въ дѣлахъ внутренняго управленія Особу Государя во время частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его изъ столицы, требовавшихся тяжелыми обстоятельствами тогдашней войны съ Швеціею. Въ 1711 году Сенатъ переведенъ въ Петербургъ, и въ періодъ времени съ 1711 по 1718 годъ права и обязанности его опредѣлены съ большею точностью. Ему предоставлены обширныя полномочія: верховное наблюденіе за исполненіемъ законовъ, разрѣшеніе вопросовъ по части законодательной, производство въ чины и пріисканіе мѣръ къ государственному благоустройству. При Сенатѣ, «яко Око Государево», состоялъ генералъ-прокуроръ, направлявшій дѣла и обязанный, подъ своею личною отвѣтственностью, пещись, чтобы законы были вездѣ неуклонно исполняемы. При ближайшихъ преемникахъ Петровыхъ, Екатеринѣ I и Петрѣ II, значеніе Сената умалилось: многое отъ него

отошло въ учрежденный Екатериною І-й Верховный Тайный Совѣтъ. Съ уничтоженіемъ императрицею Анною этого многовластнаго олигархическаго учрежденія, Сенату возвращены были, по настоянію Миниха, нѣкоторыя изъ его прежнихъ преимуществъ; но онъ именовался уже не Правительствующимъ, а *Высокимъ*. Только при Елисаветѣ стали называть его, по прежнему, *Правительствующимъ*.

Въ такомъ видѣ и положеніи застало Сенатъ воцареніе Екатерины II-й. Въ первые три года своего царствованія Государыня сама часто посѣщала Сенатъ и лично заботилась объ упорядоченіи происходившихъ въ немъ преній. Согласно плану графа Н. И. Панина, сенатскія дѣла распредѣлены были между шестью департаментами, изъ которыхъ четыре находились въ Петербургѣ, а два въ Москвѣ. При первомъ департаментѣ, гдѣ сосредоточены были «государственныя внутреннія и политическія дѣла», состоялъ генералъ-прокуроръ; при остальныхъ оберъ-прокуроры. Въ 1786 году во всѣхъ шести департаментахъ находилось 42 сенатора. Изъ нихъ старшими по чину, отбиравшими голоса, что̀ называется нынѣ *первоприсутствующими*, были:

Въ 1-мъ департаментѣ графъ А. П. *Шуваловъ*.

Во 2-мъ генералъ-аншефъ Ѳ. И. *Глѣбовъ*.

Въ 3-мъ д. т. с. *Дедневъ*.

Въ 4-мъ д. т. с. Иванъ Мих. *Измайловъ*.

Въ 5-мъ д. т. с. Мих. Мих. *Измайловъ*.

Въ 6-мъ д. т. с. князь Иванъ Андреевичъ *Вяземскій* (дѣдъ писателя князя Петра Андреевича).

При 1-мъ департаментѣ Сената и въ прямой зависимости отъ генералъ-прокурора находилась такъ называемая *Юстицъ-Коллегія*, въ которой сосредоточивались по преимуществу дѣла, подлежавшія прежде Сыскному Приказу, *уголовно-полицейскія*. Коллегія эта упразднена въ 1788 году.

Кромѣ того, такъ какъ генералъ-прокуроръ, «яко Око Государево», обязанъ былъ смотрѣть за цѣлостью и добропорядочнымъ управленіемъ *государственной казны*, то подъ непосредственнымъ его вѣдѣніемъ состояли четыре *экспедиціи*, имѣвшія чисто-финансовое назначеніе:

1-я Экспедиція *о государственныхъ доходахъ;* управляющимъ ея былъ въ 1786 г. д. с. с. князь Сергѣй Ивановичъ *Вяземскій* (впослѣдствіи сенаторъ и дѣйст. т. совѣтникъ).

2-я Экспедиція *о государственныхъ расходахъ*—временно управляющій *баронъ Рейхель*.

3-я Экспедиція *для свидѣтельства счетовъ*—управляющій д. с. с. Алексѣй Ивановичъ *Васильевъ* (1742—1807), бывшій при Павлѣ госу-

дарственнымъ казначеемъ, а при Александрѣ Первомъ графомъ и первымъ министромъ финансовъ.

4-я Эспедиція *о доимкахъ*—управляющій д. с. с. *Бутурлинъ*.

Государственныхъ казначействъ было четыре: два для *статныхъ суммъ* въ Петербургѣ и Москвѣ, и два для *остаточныхъ*, также въ Петербургѣ и Москвѣ. Управляющими ихъ въ 1786 г. были д. с. с. А. А. *Саблуковъ*, князь А. И. *Гагаринъ*, д. с. с. *Смирновъ* и князь Николай Никитичъ *Трубецкой*.

Равномѣрно въ вѣдѣніи генералъ-прокурора при Сенатѣ находилась *Ревизіонъ-Коллегія*, свѣрявшая доходы съ расходами; назначеніе ея соотвѣтствовало нынѣшнему *государственному контролю*. Она раздѣлена была на пять департаментовъ, президентами которыхъ въ 1786 г. были: генералъ-поручикъ *Херасковъ* (родной братъ автора Россіады), тайн. сов. *Потаповъ*, д. с. с. князь Б. С. *Голицынъ*, стат. сов. *Полевой*. Вакансія въ 5-мъ департаментѣ оставалась незанятою.

В) Подъ указами Сената стояли *государственныя коллегіи*, которымъ, подобно тому какъ нынѣшнимъ министерствамъ, ввѣрены были различныя отрасли государственнаго управленія. Ихъ было шесть:

1-я. *Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ*, вѣдавшая дипломатическія и посольскія дѣла. Она состояла изъ трехъ членовъ. Первымъ изъ нихъ, т.-е. предсѣдательствующимъ, былъ вице-канцлеръ графъ Иванъ Андреевичъ *Остерманъ*, скончавшійся въ Москвѣ въ глубокой старости въ 1811 году; второй членъ графъ Александръ Андреевичъ *Безбородко* (1746—1799), при Павлѣ князь и канцлеръ. Не смотря на второстепенное свое положеніе въ Коллегіи, онъ пользовался неограниченною довѣренностью Императрицы. Въ своей автобіографической запискѣ онъ говоритъ о себѣ: «въ иностранныхъ дѣлахъ я только именемъ *вторымъ*, а дѣломъ былъ *первымъ* исполнителемъ воли государевой.... Мое мнѣніе было всегда первое». (Монографія Григоровича, т. I, стр. 135). Безбородко извѣстенъ какъ искусный редакторъ манифестовъ и дипломатическихъ нотъ. Онъ занималъ прежде должность правителя канцеляріи фельдмаршала графа Румянцова, которому былъ обязанъ первоначальнымъ своимъ возвышеніемъ. Третій членъ Иностранной Коллегіи, тайн. сов. Петръ Васильевичъ *Бакунинъ* завѣдывалъ исключительно внутреннимъ дѣлопроизводствомъ Коллегіи.

Въ вѣдѣніи сей коллегіи состояли наши послы, посланники, полномочные министры и вообще дипломатическіе агенты за границей. Перечислимъ главнѣйшихъ изъ нихъ въ 1786 году.

Въ Вѣнѣ д. т. с. князь Дмитрій Михайловичъ *Голицынъ* (1718—1793), основатель въ Москвѣ Голицынской больницы. Онъ былъ же-

натъ на дочери князя Дмитрія Константиновича *Кантемира*, княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ, которой достались обширныя помѣстья въ нынѣшнемъ Дмитровскомъ и частью Кромскомъ уѣздахъ Орловской губ., пожалованныя отцу ея Петромъ I послѣ Прутскаго похода. Князь Д. М. Голицынъ умеръ бездѣтенъ. Орловская вотчина жены его пріобрѣтена была послѣ его смерти частью княземъ Безбородкою, а частью куплена Императрицею для пожалованія ея любимцу Александру Петровичу *Ермолову* (1754—1836). Нынѣ всѣ эти имѣнія находятся во владѣніи разныхъ лицъ, не имѣющихъ съ упомянутыми фамиліями ничего общаго.

Въ Парижѣ т. с. Иванъ Матвѣевичъ *Симолинъ*.

Въ Лондонѣ генералъ-поручикъ графъ Семенъ Романовичъ *Воронцовъ* (1744—1832), отецъ бывшаго Кавказскаго намѣстника.

Въ Константинополѣ тайн. сов. Яковъ Ивановичъ *Булгаковъ* (1743—1809).

Въ Варшавѣ тайн. сов. графъ Магнусъ *Штакельбергъ*.

Въ Берлинѣ дѣйств. камергеръ графъ Сергій Петровичъ *Румянцовъ*, второй сынъ фельдмаршала.

Во Франкфуртѣ, старшій братъ предъидущаго, д. камергеръ графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ* (1754—1826), государственный канцлеръ при Александрѣ I, ревностный и щедрый покровитель просвѣщенія, оказавшій незабвенныя услуги Русской исторической наукѣ.

Въ Стокгольмѣ—д. с. с. Аркадій Ивановичъ *Марковъ* (1747—1827), впослѣдствіи графъ и д. т. сов. Этотъ знаменитый дипломатъ отличался неуклонною твердостью во всемъ что̀ касалось достоинства Россіи, въ соотвѣтствіе чему, при возведеніи его въ 1796 г. въ графское Римской Имперіи достоинство, онъ избралъ девизомъ для своего герба: *Stabo quocumque ferar* (устою, гдѣ бы ни былъ).

Въ Мадридѣ—генералъ-поручикъ Степанъ Степановичъ *Зиновьевъ*.

Въ Лисабонѣ—дѣйств. камергеръ графъ Вильгельмъ *Нессельроде* (1724—1810 *).

---

*) Сынъ его, государственный канцлеръ Карлъ Васильевичъ стоялъ во главѣ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ болѣе 30 лѣтъ, при императорахъ Александрѣ и Николаѣ, въ то время, когда Россія находилась въ апогеѣ своего вліянія на дѣла Европы. Онъ родился въ 1780 г. на только что прибывшемъ въ Лисабонскій рейдъ Англійскомъ кораблѣ, въ числѣ пассажировъ коего находилась мать графа, Луиза, урожденная *Гонтаръ*, дочь Франкфуртскаго банкира. Такимъ образомъ въ лицѣ нашего канцлера соединилось пять національностей: Португальская (ибо онъ родился въ Лисабонѣ), Англійская—такъ какъ рожденіе его послѣдовало подъ Великобританскимъ флагомъ; Германская—такъ какъ онъ былъ родомъ Нѣмецъ и рейхсъ-графъ; Французская—такъ какъ аллодіальныя земли его находились въ Альзасѣ, принадлежавшемъ тогда Франціи и, наконецъ, Русская, такъ какъ онъ былъ Русскій министръ. Разсказываютъ, что въ соро-

Въ Дрезденѣ д. камергеръ (при Александрѣ Первомъ д. т. сов.) князь Александръ Михайловичъ *Бѣлосельскій-Бѣлозерскій* (1755—1809), человѣкъ высокопросвѣщенный, переписывавшійся съ Вольтеромъ и энциклопедистами. Онъ былъ пріятель И. И. Дмитріева, который написалъ ему слѣдующую эпитафію, изсѣченную на памятникѣ его, на старомъ кладбищѣ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Пусть Кліо родъ его отъ Рюрика ведетъ:
Поэтъ, къ достоинству любовью привлеченный,
Съ благоговѣніемъ на камень сей кладетъ
Вѣнокъ, слезами Музъ и дружбы орошенный.

Въ Гагѣ—дѣйств. камергеръ Степанъ Алексѣевичъ *Колычовъ*, при Павлѣ посланникъ во Франціи и вице-канцлеръ.

Въ Туринѣ—дѣйств. камергеръ (впослѣдствіи д. т. сов. и начальникъ Кремлевской Экспедиціи) князь Николай Борисовичъ *Юсуповъ* (1750—1831). Къ нему написано знаменитое посланіе Пушкина къ «Вельможѣ».

Изъ чужестранныхъ дипломатовъ, аккредитованныхъ въ 1786 г. при Екатеринѣ, наиболѣе примѣчательны были близостью своею къ Императрицѣ:

1) Французскій посолъ Людовикъ Филиппъ графъ *Сегюръ* (1753—1830), сражавшійся передъ тѣмъ вмѣстѣ съ Лафайетомъ за независимость Сѣверо-Американскихъ Англійскихъ колоній. Талантливый писатель и впослѣдствіи членъ Французской академіи, онъ былъ особенно отличаемъ Екатериною за любезность и умъ. По порученію Императрицы графъ Сегюръ сочинялъ иногда драматическія пьесы для эрмитажнаго театра. При Наполеонѣ онъ сдѣланъ сенаторомъ и оберъ-церемоніймейстеромъ, а при Людовикѣ XVIII въ 1819 г. перомъ Франціи. Его родной внукъ, графъ Евгеній, женатъ былъ на графинѣ Софьѣ Ѳедоровнѣ Растопчиной, дочери знаменитаго графа Растопчина.

2) Австрійскій посолъ графъ Лудвигъ *Кобенцель* (1753—1808). Онъ былъ потомъ главнымъ уполномоченнымъ при заключеніи Кам-

---

ковыхъ годахъ нашего столѣтія, находясь въ Римѣ и бесѣдуя съ папой Григоріемъ XVI, графъ Нессельроде выразилъ мысль, что никогда еще Европейскія правительства не были такъ близки между собою и международныя сношенія такъ упрощены и легки какъ въ наше время. На это папа замѣтилъ, что честь и успѣхъ этого сближенія принадлежатъ прежде всего ему графу Нессельроде, и достичь этого сближенія ему было тѣмъ легче, что самая личность его представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ народностей·

поформійскаго мира въ 1797 году между Франціею и Германіею, во время переговоровъ о которомъ Французскій уполномоченный генералъ *Бонапартъ* позволилъ себѣ въ отношеніи Кобенцеля неслыханную выходку: выведенный изъ терпѣнія его стойкостью въ отклоненіи тяжелыхъ мирныхъ условій, ему предлагаемыхъ, Бонапартъ сбросилъ на полъ съ стоявшаго тутъ столика драгоцѣнный фарфоровый сервизъ (подарокъ Екатерины Кобенцелю). Сервизъ разбился на мелкіе куски, и Бонапартъ воскликнулъ: «Sachez que dans trois mois je briserai votre empire comme je brise cette porcelaine», т.-е. знайте, что въ три мѣсяца я разобью въ дребезги вашу Имперію, какъ разбиваю этотъ фарфоръ». (Thiers, Hist. de la Rév. Francaise. Bruxelles. 1840, t. II, p. 437).

3) Неаполитанскій посланникъ герцогъ *Серра-Капріола* (1752—1822), женатый на дочери генералъ-прокурора княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской, совершенно освоился въ Россіи, оставаясь въ Петербургѣ въ качествѣ частнаго лица до самаго возстановленія Неаполитанскихъ Бурбоновъ въ 1815 г. и вскорѣ затѣмъ вновь назначенъ былъ посланникомъ въ Россію. Серра-Капріоли обвиняли въ томъ, что, находясь губернаторомъ Калабріи, во время высадки туда бывшаго короля Мюрата, онъ, по арестованіи его, приказалъ судить его въ 24 часа и затѣмъ растрѣлялъ, не представивъ смертнаго приговора на утвержденіе короля Фердинанда.

II-я. *Военная Коллегія*, вѣдавшая военно-сухопутныя силы Имперіи. Президентомъ ея въ 1786 г. былъ вышеупомянутый князь Григорій Александровичъ *Потемкинъ*, а вице-президентомъ генералъ-аншефъ (при Павлѣ генералъ фельдмаршалъ) графъ Валентинъ Платоновичъ *Мусинъ-Пушкинъ* (1735—1804).

Въ вѣдѣніи этой Коллегіи состояли: а) главная канцелярія артиллеріи и фортификаціи, начальникомъ который былъ генералъ *Меллеръ* и б) Сухопутный Шляхетскій Кадетскій Корпусъ (основанный 18 Ноября 1731 г.), главнымъ директоромъ коего въ 1786 г. былъ генералъ-поручикъ *графъ де Бальменъ*.

III-я. *Адмиралтействъ-Коллегія* имѣла подъ своимъ управленіемъ морскія силы Имперіи. Во главѣ флота стоялъ, по званію генералъ-адмирала, цесаревичъ Павелъ Петровичъ, но онъ не имѣлъ никакого вліянія и въ дѣла Коллегіи не вмѣшивался. Президентомъ оной состоялъ тогда д. т. сов. графъ *И. Г. Чернышовъ* о которомъ упомянуто выше. По воспитанію и прежней службѣ, графъ Чернышовъ былъ совершенно чуждъ морскому дѣлу; а потому главнымъ дѣятелемъ по этой части являлся вице-президентъ Коллегіи, настоящій морякъ, адми-

ралъ Иванъ Логиновичъ *Голенищевъ - Кутузовъ старшій* (1729—1801 *). Онъ же завѣдывалъ непосредственно и *Морскимъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ*, состоявшимъ въ вѣдѣніи Адмиралтействъ-Коллегіи и находившимся въ Кронштатѣ (переведенъ въ Петербургъ при Павлѣ).

IV-я. *Коммерцъ-Коллегія*, какъ показываетъ самое ея названіе, вѣдала дѣла до торговли вообще относившіяся, которыми завѣдуетъ нынѣ Департаментъ Торговли и Мануфактуръ. Президентомъ этой Коллегіи въ 1786 г. былъ сенаторъ д. т. сов. *графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ* (1741—1805), вышедшій въ отставку въ 1793 году и вновь принятый на службу Александромъ Первымъ; онъ съ 1801 по 1805 годъ завѣдывалъ иностранными дѣлами съ титуломъ государственнаго канцлера.

V-я. *Коллегія Экономіи* соотвѣтствовала теперешнему Министерству Государственныхъ Имуществъ, завѣдуя землями, угодьями и оброчными статьями, принадлежавшими государству. Въ ея же вѣдѣніе поступили и земли отобранныя въ 1763 г. отъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, вслѣдствіе чего долгое время, даже до нашихъ дней, государственные крестьяне назывались въ народѣ *экономическими*. Президентомъ этой коллегіи въ 1786 г. состоялъ сенаторъ *Петръ Васильевичъ Хитрово*, умершій въ 1791 году. Онъ былъ депутатомъ отъ Болховскаго дворянства въ Коммиссіи объ Уложеніи 1767 года.

VI-я. *Медицинская Коллегія*, учрежденная въ 1763 году подъ начальствомъ д. т. сов. барона А. И. Черкасова, имѣла въ 1786 году своимъ президентомъ т. сов. *Закревскаго*.

Наравнѣ съ коллегіями и по устройству своему, приближаясь болѣе къ теперешнимъ министерствамъ, стояло *Главное Почтовыхъ Дѣлъ Управленіе*. Оно учреждено, по проэкту графа Безбородки, въ 1783 году, а до того времени составляло экспедицію въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Главнымъ начальникомъ его былъ графъ Безбородко, которому въ помощь приданъ совѣтъ изъ трехъ имъ избранныхъ лицъ—С.-Петербургскаго почтъ-директора Эка, стат. сов. Судіенко и надворнаго совѣт. Д. П. Трощинскаго (1754—1829), который впослѣдствіи пріобрѣлъ почетную извѣстность государственными заслугами.

Въ прямой зависимости отъ главнаго директора стояли почтамты, которыхъ въ 1786 году было пять: въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Черниговѣ и Ольвіополѣ; а имъ подчинены были 95 почтовыхъ кон-

*) Назывался онъ *старшимъ*, потому что у него было еще два родныхъ брата, средній и младшій, и всѣ они назывались *Иванами*.

торъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи. По ходатайству Безбородки, для почтоваго вѣдомства пріобрѣтенъ въ 1783 году въ Ново-исакіевской улицѣ (нынѣ Почтамтская) домъ графа Ягужинскаго, въ которомъ оно и донынѣ помѣщается.

Въ перечнѣ вышеназванныхъ учрежденій мы не встрѣчаемъ ни одного, на которое спеціально возложено было бы попеченіе объ *учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ*. Этотъ пробѣлъ, съ перваго взгляда, кажется тѣмъ страннѣе, что Екатерина, какъ всему свѣту извѣстно, высоко цѣнила науку и принимала горячо къ сердцу успѣхи просвѣщенія. Но эта кажущаяся странность объясняется, вопервыхъ, тѣмъ, что тогда учебно-воспитательныхъ заведеній было еще очень мало; они только начинали бытіе свое и носили не общенародный, а сословный и спеціально-научный характеръ, какъ напримѣръ кадетскіе корпуса—Сухопутный и Морской; вовторыхъ, тѣмъ, что Императрица, непосредственно заботясь о дѣлѣ просвѣщенія, поручала его самымъ близкимъ довѣреннымъ лицамъ, которыхъ признавала наиболѣе къ тому способными. Такихъ людей въ 1786 году было два: 1) Иванъ Ивановичъ *Бецкій* (1704—1795), основатель Воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ (1763) и въ С.-Петербургѣ (1770), Воспитательнаго Общества Благородныхъ и Мѣщанскихъ дѣвицъ, извѣстнаго подъ названіемъ Смольнаго Монастыря (1764) и въ теченіе тридцати лѣтъ по самую смерть свою бывшій президентомъ Академіи Художествъ и 2) сенаторъ и любимецъ императрицы Петръ Васильевичъ *Завадовскій* (1738—1812). Получивъ классическое образованіе въ Кіевской Духовной Академіи, тогдашнемъ главномъ разсадникѣ его въ нашемъ отечествѣ, Завадовскій горячо принялся за составленіе, по мысли Императрицы, проэкта о такихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя способны были бы давать лицамъ всѣхъ сословій общее образованіе, правильное и твердое, равно удаленное и отъ блеска поверхностной энциклопедичности, и отъ всякихъ чуждыхъ наукѣ цѣлей. Плодомъ этихъ занятій Завадовскаго явился утвержденный Императрицею 5-го Августа 1786 года *Уставъ о Народныхъ Училищахъ*, которыя раздѣлены были на два разряда: *Главныя* по губернскимъ городамъ и *Малыя* по городамъ уѣзднымъ. Въ этомъ уставѣ съ большою точностью опредѣлены не только размѣръ, но и самые методы преподаванія, по каждому предмету особо; обученіе Латинскому языку въ довольно значительномъ объемѣ признано обязательнымъ въ Главныхъ Народныхъ Училищахъ, и безъ знанія этого языка нельзя было поступить въ Университетъ. На обязанность Коммиссіи Народныхъ училищъ возложено составленіе для нихъ *учебниковъ*. Ихъ было издано нѣсколько какъ по Русскому языку, такъ и по математикѣ. Старики, до нынѣ

еще кое-гдѣ уцѣлѣвшіе, которые сами учились по этимъ учебникамъ и затѣмъ долго занимались педагогическою практикою, утверждаютъ, что грамматика, изданная при Екатеринѣ, превосходитъ учебники по этому предмету, введенные въ теченіе первой половины настоящаго столѣтія, какъ ясностью изложенія, такъ и доступностью для пониманія учащихся.

Главныя Народныя Училища начали открываться въ намѣстничествахъ съ слѣдующаго 1787 года и просуществовали не болѣе 15-ти лѣтъ. Послѣ образованія министерствъ въ 1802 году они замѣнены *Гимназіями*, и тому же графу Завадовскому, въ званіи министра народнаго просвѣщенія, выпало на долю провести эту реформу. Дѣятельность этого замѣчательнаго государственнаго человѣка до сихъ поръ у насъ мало оцѣнена. Даже Вигель, который не любилъ расточать кому бо то ни было похвальные отзывы и отыскивалъ только дурныя или смѣшныя стороны въ лицахъ, имъ описываемыхъ, говоритъ въ своихъ Воспоминаніяхъ, что Завадовскій былъ *умная украинская голова*, хотя тутъ же не безъ язвительности прибавляетъ, что онъ всегда умѣлъ пользоваться жизнію и обстоятельствами и возвышеніемъ своимъ обязанъ *столько же уму, сколько красотѣ*; что назначеніе его министромъ просвѣщенія послѣдовало главнымъ образомъ потому, что въ то время, кромѣ его да Сперанскаго, никто изъ приближенныхъ къ Государю лицъ не зналъ по-латыни—что впрочемъ совершенно несправедливо. (Воспоминанія, часть 2-ая, стр. 13). Въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда хотѣли воздать должную хвалу тогдашнему министру просвѣщенія С. С. Уварову, то говорили, что онъ *настоящій* преемникъ Завадовскаго, подобно тому какъ митрополита Филарета называли *настоящимъ* преемникомъ Платона.

Хотя общеобразовательныхъ заведеній въ то время въ Россіи почти не было, но существовала уже со временъ Екатерины І-й *Академія Наукъ*, предназначавшаяся развивать и двигать науку. Еще въ 1716 году въ перепискѣ съ знаменитымъ Лейбницомъ (1646—1716) Петръ обмѣнивался съ нимъ мыслями на счетъ плана этого высшаго ученаго учрежденія. По свойственной этому Государю практичности во всемъ до чего онъ ни касался, цѣлію для академической дѣятельности поставлено было не одно изслѣдованіе научныхъ истинъ по различнымъ отраслямъ знанія, но также приготовленіе искусныхъ наставниковъ для отечественныхъ школъ и составленіе учебныхъ руководствъ. Академія открыта уже по смерти Петра. Естественно, что, при совершенномъ отсутствіи тогда въ Россіи лицъ получившихъ научное образованіе, единственными представителями науки въ Академіи были Нѣмцы. Мало по-малу однакожъ, съ возвращеніемъ изъ за-

границы посылаемыхъ туда для обученія наукамъ молодыхъ людей, начали въ числѣ академиковъ появляться и Русскіе люди, которые съ честію поддерживали славу своего геніальнаго предшественника М. В. Ломоносова (1711—1765). Таковы въ 1786 году были: академики Озерецковскій, Румовскій, Котельницкій, Лепехинъ. Изъ Нѣмецкихъ собратій ихъ по Академіи особенно извѣстны Эйлеръ (въ то время непремѣнный секретарь), Вольфъ, Палласъ, Фусъ, Крафтъ и Стриттеръ.

Президентомъ Академіи Наукъ въ то время былъ графъ *Разумовскій*, а директоромъ ея извѣстная статсъ-дама княгиня Екатерина Романовна *Дашкова* (1743—1810).

Въ числѣ иностранныхъ членовъ Академіи встрѣчаемъ въ 1786 году нѣсколько царственныхъ особъ: Фридриха II короля Прусскаго, Густава III короля Шведскаго, Станислава Августа короля Польскаго и Фридриха Вильгельма, наслѣднаго принца Прусскаго.

Независимо отъ Академіи Наукъ существовала въ Петербургѣ еще *Россійская Академія*, имѣвшая цѣлію заботиться о сохраненіи правильности и чистоты Русскаго языка, составленіе словаря коего возложено также на ея обязанность. Академія эта не задолго передъ тѣмъ, въ 1783 году, основана, по проэкту княгини Дашковой, только что возвратившейся изъ-заграницы и желавшей учредить въ нашемъ отечествѣ нѣчто подобное знаменитой *Французской Академіи*, основанной кардиналомъ Ришелье въ 1643 году. Въ числѣ членовъ Россійской Академіи считались не только тогдашніе Русскіе писатели и профессора словесности Московскаго Университета, но и многіе сановники, окружавшіе престолъ Екатерины.

Академія Художествъ получила начало еще въ 1757 году, но не какъ самостоятельное учрежденіе, а какъ отдѣленіе Университета, который въ сдѣланномъ Сенату «доношеніи» объяснялъ, что, подъ покровительствомъ Елисаветы, науки въ Москвѣ уже утвердились, «но чтобы оныя въ совершенство приведены были, должно установить *Академію Художествъ*, которой плоды когда придутъ въ состояніе, не только будутъ славою здѣшней Имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатясь, возвращаются, не оставя по сіе время ни одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что́ сдѣлать». По этой причинѣ Университетъ просилъ учредить при немъ *Академію Художествъ*, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ она находилась въ Петербургѣ «по причинѣ, что лучшіе мастера не хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни» (sic). По неограниченному тогда вліянію Шувалова при

дворѣ Елисаветы, ходатайство Университета было уважено; но, съ воцареніемъ Екатерины, кредитъ Шувалова палъ совершенно, и въ 1765 г. Высочайше повелѣно: «Академію совсѣмъ отъ Университета отдалить и правленіе особливое въ ней учредить». Тогда же президентомъ ея повелѣно быть И. И. Бецкому, а за Шуваловымъ, безъ всякой власти, оставленъ только титулъ *перваго учредителя* (Соловьевъ, т. XXVI, стр. 339—341).

Въ 1786 г. личный составъ Академіи былъ слѣдующій: президентъ *Бецкій*, директоръ бригадиръ *Мальтицъ*. Въ числѣ почетныхъ членовъ или *любителей*, какъ они тогда назывались, находились цесаревичъ Павелъ Петровичъ, король Шведскій Густавъ III, наслѣдный принцъ Прусскій и знаменитый творецъ статуи Петра Великаго *Фальконетъ*, профессоръ Королевской Академіи Живописи и Скульптуры въ Парижѣ.

Въ числѣ Русскихъ академиковъ 1786 года встрѣчаются извѣстныя имена скульпторовъ: *Мартоса* и *Шубина*, архитекторовъ: *Бажанова* и *Фельтена*, живописцевъ: *Щедрина и Головачева.*

Московскій Университетъ основанъ 12 Января 1855 года. Сохранилось преданіе, что мать Ивана Ивановича Шувалова, Татьяна Васильевна, урожденная Ратиславская, на смертномъ одрѣ завѣщала сыну сдѣлать *на поминъ ея души* какое либо благотворительное дѣло, и Шуваловъ не нашелъ ничего согласнѣе съ желаніемъ матери какъ поднести къ подписанію Императрицы, въ день празднованія памяти мученицы Татіяны, указъ объ основаніи въ Москвѣ, по мысли Ломоносова, перваго Русскаго Университета.

На основаніи своего устава, это высшее учебное заведеніе подчинено было, въ порядкѣ общаго управленія, наравнѣ съ Академіею Наукъ, лишь одному Правительствующему Сенату, отъ коего получало указы; непосредственными же его начальниками были стоявшіе во главѣ его кураторы. Въ 1786 году было ихъ три: основатель Университета вышеупомянутый И. И. *Шуваловъ*, проживавшій впрочемъ большею частью въ Петербургѣ, тайн. сов. Ив. Ив. *Мелисино* (1718—1795) и д. с. сов. Мих. Матв. *Херасковъ* (1733—1807), извѣстный писатель и мистикъ. Директоромъ былъ Павелъ Ив. *Фонъ-Визинъ*, бывшій студентъ Университета и родной братъ извѣстнаго сатирика.

Въ числѣ университетскихъ профессоровъ встрѣчаются въ 1786 г. почтенныя имена *Барсова*, *Десницкаго* (оба они преподавали въ Университетѣ съ самаго его основанія), *Роста*, *Шадена*, *Чеботарева*, извѣстнаго изыскателя Русскихъ лѣтописей, издателя весьма извѣстной и уважаемой въ свое время книги «Четвероевангеліе или сводъ Евангельскихъ сказаній»; *Горюшкина*, профессора практическаго за-

коноискусства, который служилъ прежде въ *Сыскномъ Приказѣ*. (Любопытныя подробности о немъ сообщаетъ И. М. Снегиревъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., стр. 756—760).

При Университетѣ состояли въ то время *Гимназія* и *Благородный Пансіонъ*. Этотъ послѣдній былъ тогда единственнымъ гражданскимъ учебнымъ заведеніемъ, назначеннымъ *исключительно* для дворянъ, и множество питомцевъ его пріобрѣли почетную извѣстность какъ на поприщѣ государственной службы, такъ въ наукѣ и литературѣ: Жуковскій, братья Тургеневы, Дашковъ, Жихаревъ, Шевыревъ. В. П. Титовъ, П. М. Строевъ, графъ Д. А. Милютинъ и многіе другіе.

Г) *Святѣйшій Сѵнодъ* учрежденъ въ Февралѣ 1721 года. По кончинѣ Адріана, послѣдняго патріарха Московскаго и всея Руси, въ 1701 году, престолъ патріаршій оставался празднымъ въ теченіе двадцати лѣтъ; до времени же его замѣщенія *блюстителемъ* его былъ *Стефанъ Яворскій*, митрополитъ Рязанскій и Муромскій (1658—1722). Съ изданіемъ *Духовнаго Регламента*, къ которому приложили руки всѣ тогдашніе Россійскіе іерархи, за исключеніемъ одного митрополита Сибирскаго *Филофея Лещинскаго*, отошедшаго тогда же на покой, Петръ рѣшилъ передать всю совокупность духовныхъ правъ и обязанностей не одному лицу, какъ прежде, а цѣлому помѣстному собору Россійской Церкви, постоянно пребывающему для управленія оной. Въ соотвѣтствіе сему учрежденъ былъ въ началѣ 1721 года *Сѵнодъ*, которому присвоены титулы—*Святѣйшаго*, дабы показать, что по каноническимъ правамъ своимъ онъ стоитъ на одной высотѣ съ святѣйшими патріархами, и *Правительствующаго*, дабы выразить этимъ словомъ, что въ общемъ порядкѣ государственнаго управленія онъ имѣетъ одинаковую іерархическую степень съ Правительствующимъ Сенатомъ. Православные патріархи Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій признали Россійскій Сѵнодъ «возлюбленнымъ о Христѣ братомъ», съ такою же властью, какую они сами имѣли. Такимъ образомъ единство Россійской Церкви съ Грековосточною, и по учрежденіи Сѵнода, продолжаетъ существовать, какъ существовало прежде. Петръ I назначалъ было *президента* Сѵнода (какъ въ коллегіяхъ) въ лицѣ бывшаго блюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго; но эта должность, по несоотвѣтствію своему съ значеніемъ Сѵнода, черезъ годъ отмѣнена.

По самому каноническому своему характеру Святѣйшій Сѵнодъ не можетъ поддаваться тѣмъ измѣненіямъ, какимъ подвержены мірскія государственныя учрежденія, и донынѣ, по существу власти своей,

правъ и обязанностей, онъ остается такимъ же, какимъ былъ при своемъ учрежденiи.

Въ 1786 году личный составъ Сvнода былъ слѣдующiй.

Первоприсутствующiй—*Гаврiилъ Петровъ*, митрополитъ Новгородскiй (1730—1801).

Члены: *Иннокентiй Нечаевъ*, архiепископъ Псковскiй (ум. въ 1799 г.); духовникъ Императрицы, настоятель Благовѣщенскаго собора, протоiерей *Iоаннъ Панфиловъ* и собора л.-гв. Преображенскаго полка настоятель протоiерей *Сvмеонъ*.

Сvнодальнымъ оберъ-прокуроромъ въ то время былъ д. с. сов. Сергѣй Васильевичъ *Акчюринъ*.

Въ Московской Сvнодальной Конторѣ предсѣдательствовалъ *Платонъ Левшинъ*, архiепископъ Московскiй и Калужскiй, въ слѣдующемъ 1787 году—митрополитъ (1737—1812).

Епархiальныхъ архiереевъ въ 1786 году было 24; въ числѣ ихъ одинъ митрополитъ Кiевскiй *Самуилъ Мисловскiй* (сконч. 1796); остальные—архiепископы и епископы; викарiевъ было два: Новгородской епархiи—*Амвросiй Серебряниковъ*, епископъ Олонецкiй, въ послѣдствiи архiепископъ Екатеринославскiй и мѣстоблюститель Молдо-Влахiйской экзархiи, и Московской епархiи *Ѳеоктистъ Мочульскiй*—епископъ Сѣвскiй и Брянскiй, въ послѣдствiи архiепископъ Курскiй.

Въ «Росписи чиновныхъ особъ на 1786 годъ» показанъ еще въ числѣ епархiальныхъ архiереевъ митрополитъ Готѳейскiй *Игнатiй*; но въ спискѣ архiереевъ, изданномъ покойнымъ Ю. В. Толстымъ, объ этомъ iерархѣ не упомянуто.

Областное управленiе Россiи въ 1786 году ввѣрено было двадцати главнымъ начальникамъ губернiй или *генералъ-губернаторамъ*, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣнiи два намѣстничества. Они состояли въ подчиненiи Сенату, но пользовались правомъ непосредственнаго сношенiя съ Императорскимъ Величествомъ по дѣламъ ихъ управленiя. Вотъ ихъ имена: *Московскiй*, называвшiйся главнокомандующимъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-аншефъ графъ Яковъ Александровичъ *Брюсъ* (сконч. 1791). Въ Iюлѣ 1786 года онъ переведенъ былъ въ томъ же званiи въ С.-Петербургъ, гдѣ со времени кончины ген.-фельдмаршала князя Александра Михайловича Голицына (1718—1783) не было главнокомандующаго; а въ Москву на его мѣсто назначенъ д. т. с. Петръ Дмитрiевичъ *Еропкинъ* (1724—1805), знаменитый своею предшествовавшею дѣятельностiю, по прекращенiю Московскихъ народныхъ волненiй во время чумы 1771 года.

Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ генералъ-маiоръ Петръ Вас. *Лопухинъ* (1753—1827), въ послѣдствiи генералъ-про-

куроръ, дѣйст. т. сов. 1-го класса, свѣтлѣйшій князь, предсѣдатель Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ.

Смоленскій и *Псковскій*—генералъ-аншефъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ *Репнинъ* (1734—1801).

Новгородскій и *Тверскій* — генералъ-поручикъ при Павлѣ, генералъ отъ инфантеріи Николай Петровичъ *Архаровъ* (сконч. 1815 г.).

Калужскій и *Тульскій* — генералъ-поручикъ Михаилъ Никитичъ *Кречетниковъ* (сконч. 1793).

Ярославскій и *Вологодскій* — сенаторъ д. т. сов. Алексѣй Петр. *Мельгуновъ* (сконч. въ 1788 г.).

Владимірскій и *Костромскій*—генералъ-адъютантъ, генералъ-аншефъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ *Солтыковъ* (1730—1805).

Рязанскій и *Тамбовскій*—генералъ-аншефъ, въ послѣдствіи фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ *Гудовичъ* (1741—1820).

Орловскій и *Курскій* — генералъ-поручикъ Францъ Николаевичъ *Кличка*.

Могилевскій и *Полоцкій* — генералъ-аншефъ Петръ Богдановичъ *Пассекъ* (1736—1804).

Нижегородскій и *Пензенскій*—генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ *Ребиндеръ* (сконч. 1792).

Воронежскій и *Харьковскій*—генералъ-поручикъ Василій Алексѣевичъ *Чертковъ*.

Казанскій и *Вятскій* — генералъ-аншефъ князь Платонъ Степановичъ *Мещерскій* (1713—1799).

Симбирскій и *Уфимскій*—генералъ-поручикъ баронъ Осипъ Андреевичъ *Игельстромъ*.

Саратовскій, *Кавказскій* и *Астраханскій*—генералъ-аншефъ Павелъ Сергѣевичъ *Потемкинъ* (съ 1795 г. графъ).

Пермскій и *Тобольскій* — генералъ-поручикъ Евгеній Петр. *Кашкинъ*.

Иркутскій и *Колыванскій*—генералъ-поручикъ, при Павлѣ генералъ отъ инфантеріи, Иванъ Варѳоломеевичъ *Якобій* (1726—1803).

Олонецкій и *Архангельскій*—генералъ-поручикъ, при Павлѣ генералъ-отъ-инфантеріи, а при Александрѣ I въ 1806 году главнокомандующій въ Москвѣ Тимофей Ивановичъ *Тутолминъ* (1740—1809).

Екатеринославскій и *Таврическій*—фельдмаршалъ князь Г. А. *Потемкинъ*.

Кіевскій, *Черниговскій* и *Новгородъ-Сѣверскій*—фельдмаршалъ графъ П. А. *Румянцовъ - Задунайскій*.

Рижскій и *Ревельскій*—генералъ-аншефъ графъ Юрій Юрьевичъ *фонъ-Броунъ*, Ирландецъ, поступившій къ намъ на службу еще при Петрѣ (1704—1792). При немъ Рижскимъ губернаторомъ былъ генералъ-маіоръ Александръ Андреевичъ *Беклешовъ* (1743—1808), въ послѣдствіи генералъ-прокуроръ, а въ 1804 г. главнокомандующій въ Москвѣ.

Выборгскій—принцъ Фридрихъ Виртембергъ-Штутгартскій, братъ Великой Княгини, управлялъ одною губерніею и именовался генералъ-губернаторомъ *). Это будущій первый король Виртембергскій.

Въ С.-Петербургѣ съ 1783 по Іюль 1786 не было генералъ-губернатора. Губернаторомъ Петербургскимъ былъ генералъ-маіоръ Петръ Петровичъ *Коновницынъ*.

Дѣятельность Екатерины по внутреннему правленію выразилась въ теченіе 1786 г. въ нѣсколькихъ весьма замѣчательныхъ законоположеніяхъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ составленный Завадовскимъ, по порученію Государыни, *Уставъ Народныхъ Училищъ*, о которомъ говорено уже выше и который Высочайше утвержденъ 6-го Августа, въ день Преображенія Господня. Императрица поручила тому же Завадовскому начертаніе другаго законоположенія первостепенной важности—*Устава о Государственномъ Заемномъ Банкѣ*. Уже изъ одного того обстоятельства, что помянутый банкъ учрежденъ не именнымъ указомъ Сенату, а особеннымъ манифестомъ, весьма торжественно и витіевато написаннымъ и обнародованнымъ 28-го Іюня въ день празднованія восшествія на престолъ, можно заключить, что Екатерина придавала этой мѣрѣ чрезвычайно важное для государства значеніе. Какъ образецъ торжественнаго изложенія этого акта приводимъ вступленіе къ нему: «Двадцать пять лѣтъ, Россія, любез-«ный намъ народъ, мы царствуемъ надъ тобою. Не едина долгота «дней, но паче содѣланное въ оныхъ наполняетъ душу нашу благо-«дареніемъ къ Богу и движетъ сердце матернее простерти вновь «дѣятельную щедроту во благо сыновъ Отечества». Затѣмъ въ манифестѣ пространно говорится, что для преуспѣянія землевладѣльческихъ хозяйствъ, а также для торговли, необходимъ кредитъ; а этою необходимостью пользуется ростовщичество, обременяя нуждающихся непомѣрною *лихвою*. По сему, въ видахъ отвращенія такого прискорбнаго явленія, учреждается *Государственный Заемный Банкъ*, для выдачи ссудъ по 5% съ погашеніемъ, какъ помѣстному дворянству, *исключительно подъ населенныя имѣнія*, такъ и лицамъ торговаго со-

*) Въ послѣдніе дни этого 1786 года изгнанный изъ Русской службы за злоупотребленія. У него былъ особый дворецъ на Моховой (въ послѣдствіи домъ С. И. Мальцова).

словія. На долю дворянства ассигновано въ основной капиталъ Банка 22 милліона рублей, а на долю торговыхъ людей 11 милліоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно упразднить основанныя еще при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ *два дворянскихъ банка*, одинъ въ Петербургѣ, состоявшій въ 1786 г. подъ управленіемъ П. В. *Завадовскаго*, а другой въ Москвѣ подъ управленіемъ тогдашняго Московскаго губернскаго предводителя дворянства графа Ник. Петр. *Шереметева* (1751—1809), съ причисленіемъ ихъ капиталовъ къ Государственному Заемному Банку. Именнымъ указомъ Сенату, въ тотъ же день 28 Іюня даннымъ, главное начальство надъ вновь учрежденнымъ Банкомъ ввѣрено Завадовскому, редакціи котораго несомнѣнно принадлежитъ и вышеупомянутый манифестъ.

Достойно замѣчанія, что на разстояніи цѣлаго столѣтія, при совершенно измѣнившихся условіяхъ экономическаго быта, два Русскіе Самодержца встрѣтились въ мысли о необходимости, посредствомъ доступнаго кредита, оказать помощь хозяйственнымъ нуждамъ Русскаго помѣстнаго дворянства.

Третья также очень важная мѣра выразилась въ отрицательной формѣ,—въ *уничтоженіи* одного изъ тогдашнихъ высшихъ учрежденій; но, въ смыслѣ государственномъ, она имѣла положительное значеніе и знаменовала шагъ впередъ на пути той внутренней политики, которой Екатерина придерживалась неуклонно. Мы говоримъ объ упраздненіи *Малороссійской Коллегіи*. Извѣстно, что эта Государыня не любила *административныхъ автономій* въ областяхъ присоединенныхъ къ Имперіи, почитая ихъ вредными для государства во всей его цѣлости. Эту мысль она съ особенною ясностью выразила въ собственноручной инструкціи, данной въ 1764 году князю А. А. Вяземскому при назначеніи его генералъ-прокуроромъ: «Малая Россія», писала «Екатерина, «Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя пра«вятся конфирмованными имъ привиллегіями. Нарушить оныя отрѣ«шеніемъ всѣхъ *вдругъ* весьма непристойно бъ было; однакожъ и на«зывать ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же «основаніи есть больше чѣмъ ошибка, а можно съ достовѣрностью «назвать *глупостью*. Сіи провинціи, а также Смоленскую, надлежитъ «легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и «перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весь«ма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ «тѣхъ провинціяхъ. Когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то «должно стараться, чтобы и имя гетмановъ изчезло, не токмо бъ «персона какая возведена была въ оное достоинство».

Вскорѣ послѣ того персона и правленіе гетманскія исчезли, а для управленія Малороссіею учреждена указомъ Сенату 10-го Ноября *Малороссійская Коллегія* изъ 8-ми членовъ, половина коихъ должна была состоять изъ Великороссіянъ, а другая изъ Малороссіянъ. Изъ Русскихъ членовъ двухъ—генерала-майора *Бранта* и полковника князя *Платона Мещерскаго* (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Казанскій) назначила сама Императрица; избраніе же двухъ другихъ предоставила Сенату. Прокуроромъ Коллегіи опредѣленъ коренной Великороссіянинъ подполковникъ *Алексѣй Семеновъ*, а избраніе двухъ секретарей (одного Великороссіянина, а другаго Малороссіянина) предоставлено графу Румянцову-Задунайскому, назначенному президентомъ Коллегіи и *командиромъ* Малороссіи съ титуломъ генералъ-губернатора. Членами изъ Малороссіянъ опредѣлены, по указанію Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, какъ наиболѣе благонадежные и преданные Русскому правительству, генеральный обозный Семенъ *Кочубей*, генеральный писарь *Туманскій*, генеральный есаулъ *Журавка* и генеральный хорунжій *Апостолъ*. До какой степени озабочивались тогда уничтоженіемъ даже самыхъ мелочныхъ признаковъ сепаратизма, видно изъ того, что Великороссійскимъ и Малороссійскимъ членамъ велѣно сидѣть въ Коллегіи не отдѣльно другъ отъ друга, а между собою въ *перемежку*.

Графу Румянцову, какъ *командиру* Малороссіи, дана была Екатериною особая секретная инструкція. Очень замѣчателенъ выраженный въ одномъ изъ ея пунктовъ взглядъ Императрицы на Малороссійское духовенство. «Надлежитъ вамъ», писала Екатерина, «искуснымъ образомъ присматривать за архіереями и ихъ подчиненными, дабы различными закоснѣлаго въ нихъ властолюбія ухищреніями не выступали они изъ надлежащихъ сана своего предѣловъ, «простирая власть свою духовную надъ мірскою, иногда же разсѣевая въ народѣ простомъ и суевѣрномъ разныя ихъ намѣреніямъ полезныя, общему же покою предосудительныя, плевелы; къ тому жъ «небезъизвѣстно, что обучающіеся богословію и опредѣляющіе себя «здѣсь къ чинамъ духовнымъ, какъ въ заграничныхъ Польскихъ, такъ «и въ самыхъ Малороссійскихъ училищахъ, по развратнымъ правиламъ Римскаго духовенства, заражаются многими ненасытнаго властолюбія началами, которыхъ вредными слѣдствіями наполнены прошедшихъ временъ исторіи Европейскія. Сего ради должны вы стараться узнать совершенно власть тамошняго духовенства по всѣмъ «ея *околичностямъ*, такожъ имѣнія и доходы. И какъ по сему весьма «нужно, чтобъ въ архіереи и архимандриты посвящаемы были такіе «люди, отъ которыхъ бы, по настоящему смиренію и крѣпости духов-

«ной, *резонабельныхъ сентиментовъ* ожидать было можно, то не худо, «чтобы вы заранѣе таковыхъ знали и въ свое время на убылыя «архіерейскія и архимандричьи мѣста прямо отъ себя намъ самимъ «кандидатами представляли, описывая при томъ искусство и образъ «мыслей и житія ихъ». (Соловьевъ, т. XXVI, стр. 43—48).

Въ уничтоженіи гетманства и въ образованіи Малороссійской Коллегіи принималъ самое дѣятельное участіе извѣстный Г. Н. *Тепловъ*, бывшій наставникъ гетмана, имъ облагодѣтельствованный. Онъ же привезъ Румянцову отъ Екатерины помянутую инструкцію, вѣроятно имъ самимъ редактированную. Этого человѣка вообще не любили и даже въ придворномъ кругу, люди самые приближенные къ Государынѣ, какъ Григорій Орловъ, называли его «Предателемъ и Іудою». Малороссійская Коллегія просуществовала впрочемъ недолго. Съ упраздненіемъ ея 20-го Августа 1786 г. на Малороссію распространенъ общій порядокъ управленія Имперіи.

Изъ другихъ законоположеній 1786 г. замѣчательны:

Учрежденіе 7-го Января въ Москвѣ *Архива древнихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлъ* въ замѣнъ существовавшей дотолѣ Вотчинной Коллегіи съ ея архивомъ. Мѣра эта принята по представленію самого предсѣдателя помянутой Коллегіи д. т. сов. *Камынина*, который тогда же назначенъ первымъ директоромъ этого учрежденія, называемаго нынѣ *Архивомъ Министерства Юстиціи*. Такимъ образомъ лишь нѣсколько дней передъ симъ исполнились сто лѣтъ существованія этого учрежденія, еще такъ недавно лишившагося своего ученаго, неутомимаго и симпатичнаго начальника, сенатора и академика Н. В. *Калачева* (1819—1885).

Высочайше утвержденное Положеніе объ устройствѣ пути между обѣими столицами, по которому постановлено, чтобы дорога имѣла десять саженъ ширины и чтобы мосты на ней были вездѣ *каменные* (28-го Апрѣля).

Указъ о прибавкѣ жалованья православному духовенству въ Рижскомъ и Ревельскомъ намѣстничествахъ (Апрѣля 29-го).

Таковой же объ огражденіи правъ Евреевъ въ присоединенныхъ провинціяхъ и о дозволеніи тамошнимъ помѣщикамъ отдавать имъ въ аренду корчмы и винные заводы (Мая 7-го).

Учрежденіе Придворной Конторы (2-го Ноября).

Для внѣшней торговли Россіи имѣетъ большое значеніе Высочайше конфирмованный 31-го Декабря трактатъ съ Франціею о торговлѣ и мореплаваніи, который подписанъ съ нашей стороны вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ и предсѣдателемъ Комерцъ-Коллегіи графомъ А. Р. Воронцовымъ, а съ Французской—графомъ Сегюромъ.

На основаніи этого международнаго акта, Русскіе подданные получили многія торговыя преимущества и, между прочимъ, относительно ихъ уничтожено во Франціи средневѣковое правило, по которому, въ случаѣ смерти иностраннаго подданнаго, все принадлежащее ему въ предѣлахъ государства гдѣ онъ умеръ имущество поступало въ собственность этого послѣдняго государства. Правило это называлось *droit d'aubaine*, отъ стариннаго Французскаго слова *aubain*, которое само происходитъ отъ Латинскаго alibi natus.

Примѣчателенъ еще, если не по практическимъ послѣдствіямъ, то какъ свидѣтельство гуманныхъ чувствъ Императрицы, именной указъ ея Сенату отъ 19-го Февраля, которымъ воспрещено въ обращеніяхъ частныхъ лицъ къ Императорскому Величеству употреблять слово «рабъ»; его велѣно замѣнять словами «вѣрноподданный или всеподданнѣйшій». Равнымъ образомъ во всѣхъ письменныхъ ходатайствахъ, куда бы они ни подавались, отмѣнено слово «челомъ бью», такъ какъ оно выражаетъ унизительное тѣлодвиженіе; вмѣсто того велѣно писать: «прошу» или «приношу жалобу»; существительное же «челобитная» замѣнено словами *просьба* или *жалоба*, смотря по содержанію самого ходатайства.

Но въ законодательной дѣятельности Екатерины за этотъ годъ начинаютъ уже проглядывать такія распоряженія, которыя не совсѣмъ согласуются съ характеромъ прежнихъ актовъ ея царствованія и знаменуютъ какъ бы поворотъ въ направленіи ея внутренней политики. Къ числу такихъ распоряженій надобно прежде всего отнести карательныя мѣры противъ книгъ мистическаго содержанія, печатавшихся большею частью въ Москвѣ въ Университетской типографіи, арендаторомъ которой былъ отставной поручикъ Н. И. *Новиковъ* (1744—1818). Такъ 27-го Марта повелѣно было изъять изъ обращенія и сжечь слѣдующія книги: 1) *О заблужденіяхъ и Истинѣ*, соч. Сен.-Мартена; 2) *Братское Увѣщаніе*; 3) *Хризомандеръ, Аллегорическая и Сатирическая повѣсть*; 4) *Карманная Книжка* и 5) *Парацельса Химическая Псалтырь*. Самого Новикова повелѣно допросить о причинахъ изданія этихъ вредныхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи это сдѣлано. А 18-го Апрѣля послѣдовало Высочайшее повелѣніе: всѣ книги, касающіяся вѣры, а также мистическаго содержанія, препровождать на разсмотрѣніе духовныхъ властей. Съ этого времени начинается преслѣдованіе *Масоновъ* или *Мартинистовъ*, продолжавшееся, съ большею или меньшею силою, въ теченіи цѣлыхъ семи лѣтъ. Сперва Екатерина дѣйствовала литературными средствами, обличая странность масонскихъ церемоній, которыя она считала *шарлатанскими пріемами* для привлече-

нія въ масонство, съ корыстными цѣлями, легковѣрныхъ людей. Въ этомъ направленіи были въ 1786 году написаны Государынею двѣ комедіи: *Обманщикъ* и *Сибирскій Шаманъ*. Въ нихъ осмѣивались стремленія къ духовидѣнію и мистическія бредни; въ *Обманщикѣ* Мартинисты названы были *Мартышками*.

Но вскорѣ однимъ осмѣяніемъ перестали довольствоваться: приняты были крутыя мѣры строгости; въ Москву посланъ *для розыска* Шешковскій, съ которымъ Императрица переписывалась по этому дѣлу *непосредственно*, минуя генералъ-прокурора и главнокомандующаго въ Москвѣ *).

Въ послѣдствіи многіе Мартинисты изъ Москвы высланы, а Новиковъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Это относится впрочемъ не къ 1786 году, которымъ ограничивается наша *историческая справка*. Тѣмъ не менѣе начало этихъ карательныхъ мѣръ послѣдовало именно въ этомъ году, а потому скажемъ въ заключеніе, что укорять въ нихъ Екатерину (какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые) было бы большою несправедливостію. Какъ ни почтенны, добродѣтельны и просвѣщенны были такіе люди какъ И. В. Лопухинъ, С. И. Гамалѣя, И. П. Тургеневъ, князь Н. Н. Трубецкой, даже самъ Новиковъ; но они совѣщались въ *тайныхъ сборищахъ*, а издаваемыя ими сочиненія были наполнены такими странными и туманными умствованіями, что невольно возникала мысль о *преступности* замысловъ, которые скрываются подъ покровомъ условнаго языка. Къ тому же въ это самое время, вслѣдъ за мистическими froднями *месмеризма*, началось во Франціи революціонное броженіе; происходилъ знаменитый *процессъ* объ *ожерельи* (procès du collier), въ который дерзнули вмѣшать имя злополучной, ни въ чемъ неповинной королевы; созывались *нотабли*, за которыми съ изумительною быстротою слѣдовали генеральные штаты, національное собраніе, республика, конвентъ и всѣ ужасы большой революціи, поколебавшей вѣковыя преданія и нравственные устои Франціи и ввергнувшей эту несчастную страну въ то политическое *шатаніе*, конца которому не предвидится и въ наши дни. Екатерина, съ присущею ей прозорливостію, сознавала, что изъ Франціи, которой тогда всѣ подражали, пожаръ можетъ распространиться на остальную Европу и желала во чтобы то ни стало оградить отъ него свою Имперію. Не о возвышенныхъ идеалахъ «Наказа» приходилось думать, а объ неотложныхъ, иногда, по необходимости, суро-

---

*) См. статью Корсакова въ Декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1885 годъ.

выхъ мѣрахъ къ сохраненію въ Россіи внутренняго мира и государственнаго порядка. Между тѣмъ первоначальные ея сподвижники, «Екатерининскіе орлы»,—какъ ихъ назвалъ поэтъ,—братья Панины, Григорій Орловъ, Бибиковъ, Волконскій, Захаръ Чернышовъ, Мельгуновъ, Потемкинъ, Шаховской, Вяземскій одинъ за другимъ сходили въ могилу. Румянцовъ и Репнинъ жили въ удаленіи. Оставались правда Безбородко, Завадовскій, Марковъ; первый, изъ нихъ дѣлалъ даже попытки къ смягченію дѣла о Мартинистахъ (Лонгиновъ, стр. 308); но ни онъ, а тѣмъ менѣе еще Завадовскій, не имѣли достаточно мужества, чтобы идти на перекоръ Платону Зубову, относившемуся къ Мартинистамъ очень неблагосклонно. Марковъ былъ исключительно дипломатъ, а о новомъ генералъ-прокурорѣ графѣ Самойловѣ не могло быть и рѣчи... Вся забота объ Имперіи въ это трудное время легла нераздѣльно на рамена старѣвшей Императрицы, а въ такомъ положеніи относительно Мартинистовъ, казавшихся очень опасными, возможны не только ошибки, но даже увлеченія. Если они и были, то исчезаютъ въ массѣ добра, сдѣланнаго Екатериною, и память ея остается въ исторіи *лучезарною*.

Н. А. Ратынскій.

ИЗЪ БУМАГЪ ПОЭТА И. И. КОЗЛОВА.

Ему сужденъ былъ рокъ суровый,
Онъ былъ страдалецъ и пѣвецъ,
За то стяжалъ себѣ терновый,
Но вмѣстѣ съ миртами вѣнецъ.

Грустно, безотрадно грустно становится, когда подумаешь, какъ скоро у насъ на Руси забываются литературные дѣятели, которые въ свое время доставляли столько наслажденій, пробуждая въ читателяхъ сильныя и благородныя ощущенія. Сходятъ люди съ поприща жизни по естественному на то закону; но люди, отмѣченные дарованіемъ, не должны умирать для потомства, а вѣчно жить въ признательной памяти соотечественниковъ. Да, такъ слѣдовало бы быть; но, къ несчастію, время изглаживаетъ былыя впечатлѣнія, и полная холодность и равнодушіе проявляются относительно тѣхъ самыхъ писателей, благодаря которымъ когда-то сильно и горячо бились сердца читателей.

Эти мысли возникли во мнѣ по случаю желанія возобновить въ памяти читающей публики свѣтлую и глубоко-симпатичную личность слѣпца-поэта И. И. Козлова, сошедшаго въ могилу слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Своевременно много было писано объ этомъ пѣвцѣ-страдальцѣ; но многое уже и забыто, и современное читающее поколѣніе можетъ не быть знакомо съ тѣмъ, что̀ появлялось въ журналахъ 30-хъ и 40-хъ годовъ о Козловѣ, съ его біографіями, помѣщенными при изданіяхъ его сочиненій, въ христоматіи Гербеля „Русскіе поэты“, съ мнѣніемъ о немъ Бѣлинскаго и другими источниками. Изданій сочиненій Козлова было всего четыре: два при жизни поэта въ 1828 и 1834 г., и два по смерти его въ 1840 и 1855 годахъ. Предпослѣднее составлено и издано при содѣйствіи и по указанію Жуковскаго, который изданію этому, подъ впечатлѣніемъ недавней утраты своего друга-поэта, предпослалъ прекрасную статью въ видѣ объявленія, гдѣ коснулся жизни Козлова, болѣзни, послѣднихъ дней и кончины его. Это было какъ бы воззваніе къ читающему міру, для вызова въ немъ сочувствія къ произведеніямъ Козлова. Въ концѣ этой статьи Жуковскій говоритъ, что Козловъ, исполненный нѣжною заботою о будущемъ милой дочери, завѣщалъ ей всѣ свои поэтическія произведенія, а

ему, Жуковскому поручилъ быть исполнителемъ сего завѣщанія. „Приступая къ совершенію воли его“, говоритъ Жуковскій, „съ твердою надеждою на помощь моихъ соотечественниковъ, я собралъ всѣ стихотворенія Козлова. Это цвѣты, разцвѣтшіе на полѣ скорби, это мечты, слезы, стоны и молитвы отца, вырвавшіеся изъ души его, или въ минуту тяжкихъ мукъ, или въ промежутки короткаго отъ нихъ отдохновенія, и обращающіеся теперь въ благословеніе его дочери; это цѣлая страдальческая жизнь, выраженная поэзіею и нынѣ оставленная, когда ужъ самъ поэтъ въ могилѣ, въ наслѣдство его дочери, на память любви, въ воздаяніе за любовь“.

6-го Января 1883 года скончался сынъ Козлова, тоже И. И. Козловъ, и оставилъ послѣ себя любопытныя бумаги для пополненія біографіи отца его. Въ бумагахъ этихъ нашлись подлинныя рукописи, письма, стихи, записки разныхъ литературныхъ знаменитостей, писавшихъ Козлову, цѣнившихъ его и вполнѣ сочувствовавшихъ, какъ его таланту и литературной дѣятельности, такъ и его страдальческому положенію. Имѣя возможность ознакомить публику съ этими драгоцѣнными для всѣхъ любителей Русскаго слова матеріалами, я, съ согласія дочери поэта, Александры Ивановны Козловой, той самой, о которой упоминаетъ выше Жуковскій, приступаю къ этому дѣлу, но предварительно вкратцѣ возстановлю въ памяти читателей нѣкоторыя біографическія данныя о пѣвцѣ-страдальцѣ.

Иванъ Ивановичъ Козловъ, сынъ Екатерининскаго статсъ-секретаря и генералъ-рекетмейстера Ивана Ивановича (къ которому письма Екатерины напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года), и внукъ тоже Ивана Ивановича, капитана-командора у строенія судовъ въ Казани и члена Военной Коллегіи, родился 11-го Апрѣля 1779 года, скончался 30-го Января 1840 года. Мать его Анна Аполоновна, ур. Хомутова—родная тетка славнаго атамана. Изъ аттестата нашего поэта видно, что онъ началъ служить сержантомъ Измайловскаго полка съ 5-го Октября 1784; съ 24-го Октября 1798 г. былъ въ канцеляріи генералъ-прокурора. Въ 1807 году онъ находился въ канцеляріи Московскаго главнокомандующаго Тутолмина, съ 20-го Іюня по 30-е Августа 1812 года въ комитетѣ для образованія Московской военной силы, въ 1813 году помощникомъ столоначальника въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ; 15-го Февраля 1823 г. за болѣзнію уволенъ коллежскимъ совѣтникомъ съ пансіономъ 836 рублей въ годъ. Началъ онъ свое жизненное поприще въ Московскомъ высшемъ обществѣ, гдѣ, вполнѣ и всесторонне образованный, былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Позднѣе, сдѣлавшись семьяниномъ, онъ переселился въ Петербургъ, и окруженный родными и друзьями, вполнѣ наслаждался семейнымъ счастьемъ и удовольствіями общественной жизни.

На второй половинѣ его жизни, около 1818 года, постигло его страшное испытаніе: сначала параличъ лишилъ его ногъ, потомъ явилась слабость зрѣнія, превратившаяся въ 1821 году въ окончательную слѣпоту. Но Богу угодно было въ тоже время пробудить въ немъ новыя, дотолѣ не испробованныя имъ силы: слѣпцу открылся міръ поэзіи; въ немъ раз-

вилась потребность знанія языковъ, и онъ, больной, слѣпой и недвижимый, сдѣлался замѣчательнымъ поэтомъ. Новыя струны звучно раздались въ его сердцѣ, и новый міръ предсталъ незримо передъ нимъ. Диктуя дочери свои произведенія, прослушивая и исправляя ихъ, изучая Итальянскій, Нѣмецкій, Англійскій и Польскій языки (Французскимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ съ самаго дѣтства), выслушивая лучшія произведенія Шиллера, Гёте, Байрона, Шекспира, Шатобріана, Мицкевича и другихъ. Козловъ подготовилъ въ себѣ богатую почву, на которой постоянно, подъ лучами таланта, возникали цвѣты его поэзіи. Его произведенія носили на себѣ отпечатокъ его грустнаго положенія, глубокихъ чувствъ смиренія и покорности волѣ Божіей.

Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ,
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужъ я между живыми
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ!

(Изъ посвященія поэмы „Чернецъ“).

И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали!

(Изъ посвященія А. А. Воейковой „Субботняго Вечера“.)

Къ другу В. А. Жуковскому.

И взоръ хотя потухшій мой
Ужъ взоровъ друга не встрѣчаетъ;
Но сердцу внятный голосъ твой
Глубоко въ душу проникаетъ.
О долго, въ дальней сторонѣ
Ты зажился, нашъ путникъ милый.
И сей разлуки годъ унылый,
Мой другъ, былъ чернымъ годомъ мнѣ!

Но что-жъ?... И Божій свѣтъ скрываться
Вдругъ началъ отъ моихъ очей!
И я, я долженъ былъ разстаться
Съ послѣдней радостью моей.
Ахъ, удается часто мнѣ
Смотрѣть на Божій свѣтъ во снѣ!

Не вхожу въ оцѣнку произведеній Козлова вообще, такъ какъ они были своевременно оцѣнены по достоинству. Извѣстно, что поэмы его: „Чернецъ“, „Наталія Долгорукая“, „Безумная“, много читались и заучивались наизусть, не смотря на то, что выходили въ свѣтъ одновременно съ лучшими произведеніями нашей поэзіи, такъ напр. появленіе „Чернеца“

(1824) совпало съ появленіемъ „Онѣгина“. Бѣлинскій говоритъ, что „слава Козлова была создана его „Чернецомъ“; нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи, прежде чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизустъ и мущины“. Тоже можно сказать и о „Наталіи Долгорукой“. На дняхъ еще мнѣ пришлось видѣть 80-тилѣтняго старца, который въ разговорѣ о Козловѣ вдругъ оживился и сказалъ наизустъ съ большимъ чувствомъ нѣсколько строфъ изъ „Наталіи Долгорукой“: такъ глубоко и прочно запало въ его памяти это симпатичное произведеніе. Читая появляющіяся теперь нерѣдко записки литераторовъ и любителей словесности того времени, встрѣчаемъ самые сочувственные отзывы о Козловѣ. Такъ неоднократно вспоминаетъ о немъ его другъ В. А. Жуковскій въ своей перепискѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, вспоминаютъ Языковъ, Пушкинъ, Кюхельбекеръ и др. Послѣдній находилъ особенное наслажденіе въ чтеніи „Чернеца“ во время пребыванія своего въ крѣпости.

Бѣлинскій, разбирая сочиненія Козлова, сказалъ знаменательныя о немъ слова: „Самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; его талантъ былъ выраженіемъ его души, и талантъ его тѣсно связанъ съ его жизнью. Безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Таинства страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть— вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ, и муза Козлова охарактеризована вполнѣ“.

Страдальчески-творческою жизнью Козловъ прожилъ около 20-ти лѣтъ сряду и во все время пользовался сочувствіемъ представителей литературнаго міра той эпохи. Онъ сроднился и сдружился еще болѣе съ Жуковскимъ, котораго близко зналъ еще въ Москвѣ. Постоянно навѣщая больнаго, Жуковскій дѣлился съ нимъ впечатлѣніями, читалъ ему свои стихотворенія и выслушивалъ новыя произведенія Козлова. Тургеневы, Перовскій, Гнѣдичъ, Баратынскій, князь Вяземскій, Пушкинъ, Дельвигъ навѣщали слѣпца-поэта, слушали его стихи и стихами же откликались на его привѣтъ. Мицкевичъ, живучи въ Петербургѣ, нерѣдко навѣщалъ Козлова и велъ съ нимъ долгія поэтическія бесѣды. Высшее Петербургское общество и иностранныя знаменитости литературы и искусствъ искали случая познакомиться съ Козловымъ, и каждый чѣмъ могъ желалъ усладить его грустное положеніе.

Къ этому періоду его жизни и относятся нижеслѣдующія бумаги.

I. Записочки В. А. Жуковскаго [1]).

1. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что послѣ обѣда исторіографъ Карамзинъ и балладникъ Ж. будутъ у тебя вѣроятно часовъ въ 6.

2. Обѣдать, къ несчастію, не могу у тебя; но буду къ тебѣ въ вечеру. Есть-ли можно будетъ, привезу Вяземскаго и Шимановскую [2]), чтобы поподчивать тебя музыкою. Вели приготовить фортепьяно, есть-ли только хочешь, чтобъ они у тебя были. Тургенева [3]) писемъ не посылаю, потому что надобно на нихъ отвѣчать. До свиданія. Ж.

3. Бартенева [4]) будетъ у тебя нынче ввечеру въ 9 часовъ; слѣдовательно и я, и Вьельгорскій, и Вяземскій. Ж.

4. Mon cher, votre Чернецъ est un chef d'oeuvre d'un bout à l'autre. Il y a par ci par là quelque chose à corriger; nous le ferons ensemble. Nous commencerons par cette pièce l'impression de vos ouvrages. Achevez en attendant la Fiancée. Adieu. Après demain je retourne en ville, et Jeudi j'espère vous voir. Tout-à-vous Joukoffsky.

На оборотѣ: Милостивой государынѣ Марьѣ Васильевнѣ Адлербергъ [5]). А васъ покорнѣйше прошу приказать отнести это письмо къ Ивану Ивановичу Козлову.

Переводъ: Милый, твой „Чернецъ" совершенство съ начала до конца. Кой-гдѣ надо кое-что исправить. Мы это сдѣлаемъ вмѣстѣ. Этимъ мы и начнемъ печатаніе твоихъ сочиненій. Кончай пока, „Невѣсту". Послѣ завтра я возвращаюсь въ городъ и въ Четвергъ надѣюся тебя видѣть. Весь твой Жуковскій.

5. Обѣдать буду у тебя въ Середу и съ Анной Петровной [6]) Если же паче чаянія она не будетъ здорова, то приду къ тебѣ пить чаю. Во вторникъ нельзя: у насъ экзаменъ. Съ Шамбо [7]) я говорилъ; онъ объ тебѣ не забудетъ. До свиданья. Привезу и письмо Тургенева. Приду къ тебѣ пораньше для прочтенія. Жуковскій.

6. Завтра постараюсь быть у тебя ввечеру и принести «Шильонскаго узника», и поговоримъ о Али-Пашѣ и о Іорданской красавицѣ. Жуковскій.

---

[1]) Письма Жуковскаго къ Козлову напечатаны въ Р. Архивѣ 1867 и нынѣ вошли въ собранія его сочиненій. IX. 6.

[2]) Марья Шимановская, замѣчательная піянистка, теща поэта Мицкевича.

[3]) Тургенева Александра Ивановича, жившаго часто за границею.

[4]) Прасковья Арсеньевна Бартенева, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, извѣстная своимъ прекраснымъ голосомъ.

[5]) Супруга графа В. Ѳ. Адлерберга, урожд. Нелидова.

[6]) Зонтагъ, племянница В. А. Жуковскаго, извѣстная писательница.

[7]) Секретарь императрицы Александры Ѳеодоровны.

7. Милый другъ, твой Бейронъ мнѣ очень понравился. Я очень доволенъ формою, но желалъ бы въ нѣкоторомъ излишки убавить. Объ нихъ скажу тебѣ при свиданіи. Пьесы самой къ тебѣ не посылаю, ибо она у Тургенева. И онъ обѣщалъ ее самъ тебѣ доставить. Увидимся же не прежде Понедѣльника. Не вздумаешь ли обѣдать въ Воскресенье у Тургенева? Я тамъ буду. Будутъ Гнѣдичь и Крыловъ. Прости. Обнимаю тебя. Жуковскій.

8. Обнимаю тебя, милый, но быть къ тебѣ никакъ не успѣлъ. Прости до возвращенія изъ Гатчина. Дописывай своего прелестнаго «Чернеца».

9. Оставь пожалуй *Теремъ*; послѣ можно придумать, какъ лучше сдѣлать. Пришли письмо. Саша [1]) тебѣ кланяется; она здорова.

10. Отъ Императрицы есть письма; она здорова; чудо ее поддерживаетъ. Другая Иимператрица слаба, но не больна. Вѣстей болѣе нѣтъ никакихъ. Табаку посылаю.

11. Обнимаю тебя, любезный другъ. Христосъ Воскресе! Жаль, что вчера не удалось быть у тебя, и нынче не надѣюсь. Будь здоровъ. Посылаю тебѣ экземпляръ. Жуковскій.

12. Жаль мнѣ очень, что ты былъ боленъ. Нельзя ли тебѣ, вмѣсто того чтобы пріѣхать обѣдать къ намъ завтра, пріѣхать въ Пятницу ввечеру? Будетъ Соръ [2]) и музыка. Пріѣзжай часовъ въ 8-мь. Проведемъ пріятный вечеръ. Въ Воскресенье Иша и Алинька [3]) приглашаются въ фантасмагорію къ Роспини; прошу не отказать. Жуковскій.

13. Посылаю тебѣ Оберона; не читай его ни съ кѣмъ: прочтемъ вмѣстѣ. Я его самъ давно не читалъ и почти позабылъ; перечитать будетъ пріятно, особенно съ тобою. Жуковскій.

14. Благодарю за поздравленіе; завтра, въ Четвергъ, буду въ девять часовъ. Обѣщали быть: Бартенева, Вьельгорскій и Вяземскій. Позову ихъ еще разъ. Ты же не приглашай болѣе никого; развѣ милую нашу Темиру [4]). Жуковскій.

15. Благодарствуй, милый, за стихи и прозу. На сихъ дняхъ опять буду у тебя чайничать; но ни нынче, ни завтра нельзя. Жуковскій.

«Молитва» твоя удивительно хороша.

---

[1]) Александра Андреевна Воейкова.

[2]) Пьянистъ.

[3]) Дѣти Козлова.

[4]) Татьяна Семеновна Вейдемейеръ (рожд. княжна Херхеулидзева), умная, милая собесѣдница и вѣрный другъ семьи Козлова.

II. Письма князя П. А. Вяземскаго.

1.

Москва, 2 Января 1828.

Виноватъ, виноватъ я передъ вами, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, непростительно виноватъ, но не безсовѣстно, потому что совѣсть меня тревожитъ. А съ другой стороны видите, что моя вина отчасти вина роковая, а не произвольная: до сей поры не написалъ я предисловной статьи къ вашему переводу сонетовъ Мицкевича, потому что живу здѣсь со дня на день, одною ногою въ кибиткѣ, а другою чертъ знаетъ гдѣ; одною рукою указываю на васъ, а другою на Арзамасъ, черезъ который давно слѣдовало бы мнѣ проѣхать. Мои мысли также вывихнуты, какъ и мои члены, и я никуда не гожусь. Можно было бы просто отдать мою рецензію на самые сонеты, выкинувъ изъ нея мой переводъ въ прозѣ, но все хочется поговорить и о вашемъ переводѣ. Между тѣмъ, чтобы доказать вамъ, что наши сонеты у меня на сердцѣ, скажу, что читалъ ихъ недавно на академическомъ обѣдѣ у княгини Зенеиды, которая слушала ихъ съ большимъ удовольствіемъ и сама вамъ то повторитъ скоро, потому что собирается ѣхать въ Петербургъ.

Наконецъ, и я скоро, рѣшительно скоро, ѣду въ деревню и тотъ часъ по пріѣздѣ моемъ, перецаловавъ жену и дѣтей, оставлю ихъ и пущусь въ Крымъ по слѣдамъ вашимъ и Мицкевича *). Такимъ образомъ къ концу нынѣшняго мѣсяца пришлю сюда свою статью, а между тѣмъ здѣсь могутъ начать печатаніе сонетовъ. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, а еще болѣе желаю, чтобы онъ былъ вамъ и всѣмъ вашимъ благодатель, а для насъ въ васъ стиходатель, чтò въ этомъ смыслѣ значитъ также благодатенъ. Шимановская пишетъ мнѣ, что бываетъ у васъ довольно часто и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Сдѣлайте одолженіе скажите ей и дочерямъ мой сердечный *padam do nog*, также и Мицкевичу; только сердце мое падаетъ ему не въ ноги, а въ объятья. Простите, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, простите въ двоякомъ смыслѣ.

Свидѣтельствую мое искреннее почтеніе милостивой государынѣ супругѣ вашей. Обнимите за меня Жуковскаго на новый годъ и скажите, что жду отъ него письма. Вяземскій.

---

*) Путешествіе не состоявшееся. П. Б.

2.

По письмамъ жены знаю, что Жуковскій здоровъ и очень доволенъ Англіею, но, не знаю по какой причинѣ, прогулялъ обѣдъ, о которомъ вы пишите. Если можно, пришлите письма его изъ Италіи, и я немедленно самъ принесу ихъ къ вамъ обратно. До свиданія.

3.

Je suis très-sensible, mon cher monsieur Kosloff, à votre souvenir obligeant: vos voeux dictés par l'amitié me porteront, je l'espère, bonheur et en tout cas me seront précieux. L'ambassadrice *) a été enchantée d'avoir fait votre connaissance, et je propose d'en profiter. Bien le bonjour.

Переводъ: Я крайне тронутъ вашимъ любезнымъ вниманіемъ. Желанія ваши, внушенныя дружбою, принесутъ мнѣ, надѣюсь, счастье и, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнны для меня. Посланница въ восторгѣ отъ знакомства съ вами, и я предлагаю этимъ не пренебрегать. До свиданія.

4.

Ostafiewo, ce 9 juillet.

Je suis tout honteux, cher et aimable monsieur Kosloff, de répondre si tard à votre lettre du 7 du mois passé; mais mon silence a été motivé par plusieurs retards indépendants de ma volonté. Notre déménagement à la campagne, l'arrivée de la famille Karamsine et plusieurs autres circonstances doivent me servir de justification auprès de vous. Au reste, j'avais déjà répondu, avant la réception de votre lettre, à l'article principal en vous envoyant par m-r Pletnieff votre notice biographique, qui va paraître dans le Télegraphe. Quant aux lettres de Tourguéneff je n'en ai jamais reçu pour vous. Il m'avait dit de vous communiquer quelques ouvrages, qu'il devait me faire parvenir, mais je suis encore à les attendre. Et c'est, au contraire, moi qui vais m'adresser à vous pour vous demander des nouvelles du *Catholique*, journal que m'avait envoyé Tourguéneff et que les hérétiques m'ont retenu à Pétersbourg. Je me suis recommandé aux soins obligeants de Boulgakoff, de Peroffski et je n'ai point obtenu de réponse. Un des amis de Joukoffski, dont j'ignore le nom en entier, mais dont la pre-

*) Графиня Дарья Өедоровна Фикельмонъ, супруга Австрійскаго посла, внучка князя Кутузова, женщина отличнаго ума. П. Б.

mière syllabe tient du chat, m'a, dit-on, pris ce journal pour une souris et y a mis la patte. Tâchez un peu, je vous prie, de tirer la chose au clair et de me faire envoyer ce journal, ne fût-ce que pour quelque temps. Après l'avoir parcouru je ne demande pas mieux que de le restituer à qui de droit. J'ai lu avec beaucoup de plaisir votre essai de traduction de Lara et vous engage beaucoup à la continuer. Mais c'est surtout votre Princesse que j'attend avec impatience. Ce que j'en ai vu et entendu me dispose très-tendrement pour elle. Je conçois le plaisir que vous avez eu de faire la connaissance de Pouchkin et compagnie, c'est-à-dire **Евгеній Онѣгинъ** et **Борисъ Годуновъ**. Cela s'appelle être en bonne société, et votre Princesse mettra sûrement de la coquetterie dans ses rapports avec ces messieurs. Nous sommes depuis quelque tems sans avoir de nouvelles de notre malheureux et cher Alexandre Tourguéneff. Combien sa rentrée en Russie lui sera douloureuse! Le coeur saigne en pensant à lui. Il est encore heureux que le bon Joukoffski soit avec lui, pour partager ses peines. Je vous enverrai récemment une nouvelle tragédie de Micolini, qui a fait beaucoup de bruit à Florence. Mon Byron n'est encore rien qu'en idée. J'attends de nouveaux matériaux pour me mettre à l'ouvrage.—Veuillez, je vous prie, présenter mes hommages à madame votre épouse et recevez l'assurance de ma tendre affection et de mon dévouement aussi sincère qu'inviolable. Wiasemski.

Переводъ. Остафьево, 9 Іюля. Мнѣ крайне совѣстно, милый и любезный Козловъ, что я такъ поздно отвѣчаю на ваше письмо отъ 7-го прошлаго мѣсяца, но молчаніе мое объясняется разными отъ меня независѣвшими задержками. Переѣздъ въ деревню, пріѣздъ семейства Карамзиныхъ и разныя другія обстоятельства могутъ мнѣ служить оправданіемъ передъ вами. Впрочемъ я, еще до полученія вашего письма, исполнилъ главное о чемъ пишете, переславъ вамъ черезъ Плетнева вашу біографическую записку, которая появится въ Телеграфѣ. Что касается писемъ Тургенева, то я никогда таковыхъ на ваще имя не получалъ. Онъ меня просилъ передать вамъ нѣсколько сочиненій, которыя хотѣлъ мнѣ прислать, но и до сихъ поръ я только въ ожиданіи. Я же, напротивъ, хочу обратиться къ вамъ и попросить у васъ свѣдѣній о „*Catholique*", журналѣ, который мнѣ прислалъ Тургеневъ и который у меня удержали *еретики* въ Петербургѣ. Я обращался къ любезному содѣйствію Булгакова, Перовскаго, но отвѣта не получалъ. Одинъ изъ друзей Жуковскаго, котораго имени цѣликомъ я не знаю, но въ немъ первый звукъ походитъ на *кота* *), принялъ, говорятъ, этотъ журналъ за мышь и наложилъ на него свою лапу.

---

*) Намекъ, вѣроятно, на Комовскаго. Письмо относится несомнѣнно къ 1827 году, когда повредился въ умѣ и потомъ умеръ въ Парижѣ Сергѣй Иван. Тургеневъ. П. Б.

Потрудитесь разъяснить это дѣло и прикажите выслать мнѣ этотъ журналъ хотя на нѣкоторое время. Просмотрѣвъ его, я не премину возвратить его кому слѣдуетъ. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я ваши опыты перевода Лары и просилъ бы васъ очень продолжать. Но кого я жду съ особеннымъ нетерпѣніемъ, такъ это вашу „Княгиню". Все что я объ ней слышалъ располагаетъ меня къ ней крайне сочувственно. Понимаю вполнѣ, съ какимъ вы удовольствіемъ познакомились съ Пушкинымъ и компаніей, т. е. Евгеніемъ Онѣгинымъ и Борисомъ Годуновымъ: это называется быть въ хорошемъ обществѣ, и Княгиня ваша конечно не обойдется безъ кокетства въ своихъ сношеніяхъ съ этими господами. Съ нѣкотораго времени мы не имѣемъ вѣстей о нашемъ дорогомъ и несчастномъ Александрѣ Тургеневѣ. Какъ тяжко будетъ ему возвращеніе въ Россію! Сердце при мысли объ немъ обливается кровью. Счастье его еще, что добрый Жуковскій при немъ и раздѣляетъ его невзгоды. Я пришлю вамъ скоро новую трагедію Миколини, которая произвела много шума во Флоренціи. Мой Байронъ все еще только въ мысляхъ. Ожидаю новыхъ матеріаловъ, чтобы приняться за дѣло. Потрудитесь передать мое почтеніе супругѣ вашей и примите увѣреніе въ чувствахъ моей душевной къ вамъ привязанности и преданности на столько же искренней, какъ непоколебимой. Вяземскій.

III. Письмо Е. А. Баратынскаго.

7 janvier.

Nous voici à la nouvelle année, mon aimable monsieur Козловъ; je vous la souhaite heureuse et fertile en belles inspirations. J'ai reçu votre Чернецъ, je l'ai lu avec le plaisir le plus sensible, plusieurs endroits m'ont touché profondément. Vous l'appelez votre enfant chéri et vous avez bien raison de le chérir: c'est fort bon ouvrage à mon avis. Les situations sont fortes, le style plein de vie et brillant de couleurs; vous y avez répandu votre âme. Les endroits imités de Byron le sont supérieurement, autant que je puis le deviner. Les quatre vers du Dgiaour:

А руки жадныя дрожали
И только воздухъ обнимали;
Мечтой обмануты, онѣ
Къ груди прижалися однѣ.

sont bien beaux en russe.

Mais ce que Byron lui-même aurait imité, c'est la fin de votre poëme. Elle parle singulièrement à l'imagination, elle est d'un romantisme singulièrement national, et je crois, que vous êtes le premier, qui l'ayez si bien saisi. Partez de là, mon cher poëte, et vous ferez des

merveilles. Je vous renverrai votre cahier la semaine prochaine, j'en fais tirer copie pour mon usage; car je ne veux pas seulement vous lire, je veux vous étudier.

Je rougis de parler *d'Éda* après le Чернецъ; mais tant bien que mal j'ai fini mon griffonnage. Je crois qu'un peu trop de vanité m'a égaré: je ne voulais pas suivre le chemin battu, je ne voulais imiter ni Byron, ni Pouchkin; c'est pourquoi je me suis jetté dans des détails prosaïques, m'efforçant de les mettre en vers; aussi je n'ai fait que de la prose rimée. En voulant être original, je n'ai été que bizarre.

Dites à notre celeste Péri que je suis aussi sensible à son souvenir, que le peut être un habitant de la terre, que je baise le pan de sa robe au mille couleurs et que je sais apprécier son coeur aux mille vertus.

Mes affaires vont de mal en pis. Vous, qui êtes à Pétersbourg, vous savez que mon protecteur d'à présent a demandé sa démission. Voilà mon avancement retardé au moins d'une année. Tout cela me rend plus rimeur que jamais, en me prouvant que je n'ai de place que dans le monde poëtique, car il n'y en a pas pour moi dans le monde réel.

Nous recevons ici à peu près tous les journaux. Dans la *Mnémosine*, il y a une pièce polémique de Кюхельбекеръ qui me semble très-bien pensée et très-bien écrite. Nos Frérons y ont répondu sans esprit et avec mauvaise foi. Nos faiseurs de feuilles sont de vrais monopolistes littéraires; ils ont affermi l'opinion, ils se sont établis nos juges par leur moyens usuriers, et presque point de remède! Ils sont tous du même parti et semblent avoir fait une ligne contre le beau et l'honnette. Un Гречъ, un Булгаринъ, un Каченовскій forment le triumvirat qui régit le Parnasse! Avouez que c'est passablement triste. Il faudrait soutenir la Mnémosine, il faudrait faire aller le journal de Полевой, car sans cela la réputation de nos ouvrages dépendra du degré de bienveillance que les messieurs que j'ai nommé plus haut auront pour nous. Parlez en aux nôtres, j'ai vraiment à coeur cette affaire.

Adieu, mon très-cher ami. Veuillez présenter mes respects à madame Kosloff et lui souhaiter une bonne année de ma part. Tout à vous E. Baratinsky.

P. S. Les affaires sont changées: le général reste, et je renaîs.

Переводъ. 7-го. Января. Вотъ и до Новаго года дожили, любезный Козловъ; желаю вамъ его счастливаго и обильнаго прекрасными вдохновеніями. Получилъ вашего „Чернеца", читалъ его съ особымъ удовольствіемъ; нѣкоторыя мѣста меня глубоко тронули. Вы называете его любимымъ дѣ-

тищемъ вашимъ, и вы вполнѣ правы любить его: это прекрасное, по моему мнѣнію, произведеніе. Описанія въ немъ полны силы, слогъ полонъ жизни и блеститъ яркими цвѣтами, въ немъ вы излили вашу душу. Мѣста, гдѣ вы подражаете Байрону великолѣпны, насколько я могъ это угадать въ 4 стихахъ Джяура.....

Это вышло прекрасно порусски! Но въ чемъ бы самъ Байронъ захотѣлъ вамъ подражать—это окончаніе вашей поэмы. Здѣсь все какъ-то особенно поражаетъ воображеніе, все полно особеннаго, роднаго романтизма; вы первый, какъ мнѣ кажется, такъ хорошо все это поняли и воспроизвели. Продолжайте идти тѣмъ же путемъ, и вы натворите чудесъ. Возвращу вамъ вашу тетрадь на будущей недѣлѣ; я ее списываю для себя, потому что для меня недостаточно васъ читать, я желаю кромѣ того васъ изучать. Совѣстно говорить объ „Эдѣ“ [1]), послѣ „Чернеца“; но худо ли, хорошо ли, а все же я окончилъ мое писанье. Мнѣ кажется, что я увлекся немного тщеславіемъ; мнѣ не хотѣлось идти избитой дорогой, я не хотѣлъ подражать ни Байрону, ни Пушкину, вотъ почему я и впалъ въ разныя прозаическія подробности, усиливаясь ихъ излагать стихами, и вышла у меня риѳмованная проза; я хотѣлъ быть оригинальнымъ, а оказался только страннымъ! Скажите нашей небесной Пери, что я на столько тронутъ ея воспоминаніемъ обо мнѣ, на сколько можетъ быть тронутъ простой земной смертный, что я цѣлую полу ея платья переливающагося тысячами цвѣтовъ и умѣю цѣнить ея сердце, одаренное тысячью добродѣтелей. Дѣла мои идутъ все хуже. Вы, живя въ Петербургѣ, знаете, конечно, что мой теперешній покровитель выходитъ въ отставку, и вотъ мое повышеніе отсрочено по крайней мѣрѣ на годъ. Все это располагаетъ меня болѣе чѣмъ когда нибудь къ риѳмоплетству и служитъ доказательствомъ, что настоящее мѣсто мое въ мірѣ поэтическомъ, а не въ дѣйствительномъ.

Мы получаемъ здѣсь почти всѣ журналы. Въ *Мнемозинѣ* [2]) есть полемическая статья Кюхельбекера, на мой взглядъ прекрасно продуманная и хорошо выраженная. Наши Фрероны отвѣчали на эту статью неумно и съ недовѣріемъ. Наши журналисты стали настоящими литературными монополистами; они создаютъ общественное мнѣніе и ставятъ себя нашими судьями при помощи своихъ ростовщическихъ средствъ, и ничѣмъ нельзя помочь. Они всѣ одной партіи и составили будто бы союзъ противу всего прекраснаго и честнаго. Какой нибудь Гречъ, Булгаринъ, Каченовскій составляютъ тріумвиратъ и царятъ на Парнасѣ. Согласитесь, что это довольно грустно. Слѣдовало бы поддержать Мнемозину, слѣдовало бы дать ходъ журналу Полеваго; безъ этого репутація нашихъ произведеній будетъ въ зависимости отъ степени расположенія къ намъ вышеназванныхъ господъ.

---

[1]) *Эда* поэма Баратынскаго, вышла первымъ изданіемъ только въ 1826 г.

[2]) Сборникъ, издававшійся въ Москвѣ княземъ В. Одоевскимъ и Кюхельбекеромъ, въ 4 частяхъ, въ 1824 году.

Поговорите объ этомъ съ нашими; это дѣло меня сильно занимаетъ. Прощайте, дорогой другъ. Передайте мое почтеніе вашей супругѣ и пожелайте ей отъ меня счастливаго новаго года. Весь вашъ Е. Баратынскій. P. S. Дѣла измѣнились: генералъ *) остается, и я оживаю.

IV. Письмо Н. И. Гнѣдича.

Одесса, Генв. 17-го 1828.

Здравствуй пѣвецъ, здравствуй милый человѣкъ, мой добрый другъ Иванъ Ивановичъ! Взаимно поздравляю тебя и всѣхъ твоихъ съ новымъ годомъ; желаю отъ души тебѣ всего новаго, такъ какъ старое не годится. Письмо твое обрадовало меня тѣмъ болѣе, что разсѣяло печальные слухи о твоемъ здоровьи. Жду не дождусь твоей «Долгорукой». М. А. Лобановъ, слышавъ ея окончаніе и писавъ мнѣ о немъ, умножилъ мое нетерпѣніе. Дань, всѣми читателями ей приносимую, она возметъ съ меня двойную, слезы умиленія. Въ успѣхѣ этомъ я не сомнѣвался; но еслибъ всѣ слезы, «Долгорукою» извлекаемыя, обратились въ перлы и разомъ бы къ стопамъ твоимъ прикатилися: это было бы хорошо, и для тебя, и для твоей Алиньки. Мечту замѣняю желаніемъ существенности: обильныхъ даней красныхъ, синихъ и бѣлыхъ. Ты послалъ, какъ пишешь, экземпляръ для меня по экстра-почтѣ; но посылки, любезный, отправляются только съ тяжелою почтою. «Долгорукая», поѣхавшая съ графомъ Виттомъ, прежде чѣмъ дойдетъ къ Шеміотамъ, будетъ присутствовать въ Кишиневѣ при слѣдствіи, которое Виттъ произвесть тамъ долженъ. И такъ мнѣ еще надобно подождать милой гостьи. Сѣверное Сіяніе предметъ достойный Музы твоей; но Сонетамъ Мицкевича она сдѣлаетъ честь, прочитавъ ихъ; а переводить?.... Я еще не благодарилъ тебя за *Вечерній Звонъ*, онъ мнѣ по сердцу; *къ Альпамъ* также піэса благодатная. Обидно, что я не зналъ о гробницѣ «Долгорукой», будучи въ Кіевѣ. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ писателей, Карамзинъ, Жуковскій и ты, не видѣли Кіева. Видъ его, при пріѣздѣ, такъ поразителенъ, такъ величественно-живописенъ, такъ единственнъ, что страницы описательныя Кіева блистали бы его впечатлѣніями, яркими красками.

Много благодаренъ тебѣ за вѣсти объ Свѣтланѣ; онѣ утѣшительны, слава Богу! И тѣмъ болѣе, что я оставался въ совершенномъ объ ней невѣдѣніи. Жуковскій ни словомъ не порадуетъ меня. Не живъ никогда, какъ я, одинокимъ, онъ не чувствуетъ, чего лишаетъ

---

*) Графъ А. А. Закревскій. Писано изъ Гельсингфорса, гдѣ Баратынскій служилъ солдатомъ. П. Б.

меня. Однакожъ обними его; если пишешь къ Свѣтланѣ, пошли ей сердечный привѣтъ мой.—Что вы хвастаете Петербургскими морозами въ 20 градусовъ? Скромная Одесса можетъ хвалиться 25 градусными, если бы дѣло пошло на хвастовство.

Да, мой другъ! Звѣзда моя со мною и привела меня изъ огня въ полымя. Осень была ужасная; теперь терпимъ зиму, которая была бы въ пору и Петербургу, но совсѣмъ не въ пору Одессѣ. Здѣсь всѣ домы sont bâties de boue et de crachat; я часто встаю при 8 градусахъ тепла въ комнатѣ, не смотря, что калю печи Крымскимъ дубомъ, котораго сажень здѣсь теперь обходится отъ 75 до 90 рублей. Жизнь несносная, нѣтъ ни выхода, ни выѣзда изъ дома: осенью отъ грязи по колѣно, теперь отъ снѣгу по поясъ; здѣсь не только улицъ, и дворовъ не чистятъ. У меня ворота цѣлую недѣлю были завалены горою снѣга; по цѣлой недѣли я иногда не могу пробраться къ Шеміотамъ, гдѣ всего чаще и пріятнѣе провожу время, между тѣмъ какъ живу отъ нихъ во ста шагахъ. По этимъ причинамъ, также и по болѣзни, не былъ еще у графини Эделингъ, хотя и познакомился съ нею. Стурдзу часто у себя вижу и полюбилъ его; онъ имѣетъ много достоинствъ.

Если Одесская весна и лѣто будутъ ко мнѣ также немилосердны, придется, мой милый, возвратиться на Сѣверъ съ прежнимъ, разстроеннымъ здоровьемъ; прижму тебя къ груди хотя больной, но полной къ тебѣ дружбы и уваженія. Будь здоровъ и почивай на лаврахъ. Софіи Андреевнѣ скажи мое почтеніе. Прощай, обнимаю тебя.

Н. Гнѣдичъ.

P. S. Милостивой государынѣ Татьянѣ Семеновнѣ свидѣтельствую какъ душевную благодарность за ея ко мнѣ вниманіе, такъ и отличное мое уваженіе.

Письмо это было уже запечатано, какъ явилася ко мнѣ желанная гостья «Долгорукая». Распечатываю, чтобы изъявить любезному пѣвцу ея душевную благодарность. Сейчасъ посылаю просить поэта Туманскаго обѣдать у меня съ «Княгинею Долгорукою». По старой привычкѣ ничего прекраснаго не могу читать одинъ, тяжело. А поэта Козлова я знаю: иногда такъ царапнетъ за сердце, что не усидишь на мѣстѣ.

V. Письмо М. Н. Загоскина.

Почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ!

Я сейчасъ прочелъ поэму вашу *Чернецъ* и хотя не имѣю чести васъ знать, но рѣшился писать къ вамъ и благодарить за неизъ-

яснимое удовольствіе, которое доставило мнѣ сіе стихотвореніе, исполненное истинной поэзіи и глубокаго чувства. Вы сдѣлали чудо: заставили плакать комическаго писателя. Да, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, я плакалъ, читая поэму вашу, и никогда не забуду этихъ слезъ. Повѣрьте, это не сантиментальная фраза, я всегда ихъ ненавидѣлъ; я говорю то, чтó чувствую въ сію минуту, и каждый изъ Петербургскихъ моихъ пріятелей удостовѣритъ вас, что я не умѣю говорить одно, а чувствовать другое. Будучи увлеченъ первымъ движеніемъ, я рѣшился къ вамъ писать и вижу теперь, что въ письмѣ моемъ нѣтъ никакой связи; досадуйте за это на себя: когда бъ я менѣе былъ растроганъ поэмой вашею, то вѣроятно письмо мое было бы складнѣе; точно также, еслибъ вы были здѣсь, то я не сталъ бы искать случая познакомиться съ вами, а просто бы прибѣжалъ обнять васъ. Быть можетъ, это показалось бы для васъ столь же страннымъ, какъ и письмо мое; но я увѣренъ, что не поступилъ бы иначе. Извините, если я не кончу письмо мое обыкновеннымъ образомъ и не назовусь слугою человѣка, котораго желалъ бы назвать своимъ другомъ. Искренно почитающій васъ и душею преданный М. Загоскинъ.

Апрѣля 29. 1825 г.
Москва.

VI. Письмо И. П. Мятлева.

Je vous envoye, cher et aimable et bon ami, une pièce que m'a probablement inspiré l'atmosphère toute poëtique que j'ai eu le bonheur de respirer auprès de vous. Je suis ivre, enthousiasmé, amoureux de vos magnifiques stances sur le malheur. De grâce ne me faites pas languir pour les avoir. Mes affaires m'empêchent de venir cette semaine en ville, comme je vous l'ai promis, de grâce, envoyez moi vos belles stances, j'en ai besoin comme de l'air et de la lune le soir, un besoin de l'âme, un besoin intime. Si vous en avez le temps, joignez y un mot sur votre opinion à l'égard de la bagatelle, ou, comme on dit, de la bluette qui est jointe sous ce pli.

Je vous embrasse de coeur et d'âme le plus chaud de vos appréciateurs et de vos amis. Jean Miatlew.

Znamensky
Ce 18 juin 1834.

Переводъ. Посылаю вамъ, милый, любезный и добрый другъ, стихи внушенные мнѣ, вѣроятно, тою поэтическою атмосферою, которой я имѣлъ счастіе дышать близъ васъ. Я вполнѣ очарованъ, восхищенъ и влюбленъ въ ваши прекрасные стихи о несчастіи; пожалуйста не заставляйте меня

долго томиться въ ожиданіи ихъ. Дѣла мои не позволятъ мнѣ пріѣхать въ городъ на этой недѣлѣ, какъ я вамъ обѣщалъ; потрудитесь прислать мнѣ ваши великолѣпные стихи, мнѣ нужны они какъ воздухъ, какъ луна ночью— это самая искренняя потребность души моей. Если у васъ есть свободная минута, прибавьте словечко о вашемъ мнѣніи касательно этой бездѣлицы или, какъ говорятъ, *искорки* (bluette), при семъ прилагаемой. Обнимаю васъ сердечно и душевно. Самый горячій изъ вашихъ цѣнителей и друзей Иванъ Мятлевъ.

Знаменское, 18 Іюня 1834.

VII. Записка и письмо А. Н. Муравьева.

1.

Présentez mes salutations chrétiennes au noble poëte aveugle. Dites lui qu'il y a une lumière éternelle, qui luit pour tout le monde, celle que Jésus-Christ a apporté à la terre et que j'invoquerai pour lui. A. M.

Monsieur.

J'avais oublié hier le livre de vos poésies étant moi-même rempli de leurs sons. Je profite actuellement de votre aimable offre en vous priant de me les faire tenir par mon envoyé, et je vous rappelle en même tems: Era gio l'ora che volge il disio ai naviganti.

Votre très-dévoué serviteur Oleg Mouravieff.

Переводъ. Передайте мой христіанскій привѣтъ благородному слѣпцу-поэту. Скажите ему, что есть вѣчный свѣтъ сіяющій для всего міра - это свѣтъ, принесенный на землю Іисусомъ Христомъ и о ниспосланіи котораго ему поэту я буду молиться. А. М.—Милостивый государь. Я забылъ вчера у васъ книгу вашихъ стихотвореній, бывъ самъ преисполненъ ихъ звуками. Пользуюсь теперь вашимъ любезнымъ предложеніемъ и прошу васъ передать книгу моему посланному и вмѣстѣ съ тѣмъ припоминаю вамъ: *Era gio l'ora che volge il disio ai naviganti.* Преданный вамъ слуга Олегъ Муравьевъ [1]).

VIII. Стихотвореніе митрополита Московскаго Филарета и письмо по поводу этого стихотворенія князя А. Н. Голицына.

Les vers que vous avez fait, monsieur, pour le métropolite de Moscou, je les lui ai envoyés, et voici la réponse qu'il vous fait et que je m'empresse de vous envoyer. Je suis fâché de ne pas vous voir; ce n'est pas ma faute, mais de mes occupations. Voici deux sermons de Philaret, que je joins ici.

Votre tout dévoué prince Alexandre Galizine.

le 13 novembre.

---

[1]) Въ имени „Олегъ" намекъ на поѣздку въ Константинополь. П. Б.

Переводъ. Стихи, которые вы, милостивый государь, сочинили для Московскаго митрополита, были ему мною доставлены, и вотъ его отвѣтъ, который я спѣшу вамъ препроводить. Сожалѣю, что васъ не могу видѣть; вина не моя, но моихъ занятій. Прилагаю при семъ двѣ проповѣди Филарета. Вамъ вполнѣ преданный князь Александръ Голицынъ. 13 Ноября.

Петербургскому поэту въ отвѣтъ изъ Москвы.

Ноября 1-го 1830.

„Злостраждетъ-ли кто въ васъ? Да молитву дѣетъ.
Благодушествуетъ-ли кто? Да поетъ".
Іак. V. 13.

Въ день безопасности, въ часъ мирнаго досуга,
Да,—хорошо Царя пѣть, доблести его.
Другое больше нужно намъ:
Молиться за него, молиться другъ за друга!

IX. Письмо Шатобріана.

Въ числѣ стихотвореній Козлова имѣется поэма: *Возвращеніе крестоносца, посвященная Шатобріану* (изд. 1840 г., ч. II, стр. 349). Легенда, послужившая поводомъ этому стихотворенію, касалась предка Шатобріана Годефруа Шатобріана, принимавшаго участіе въ Крестовыхъ походахъ. Внезапнымъ возвращеніемъ своимъ къ своей женѣ Годефруа Шатобріанъ на столько ее поразилъ, что она не могла пережить радости и скончалась внезапно, подъ вліяніемъ сильнаго, неожиданнаго ощущенія. Вотъ почему Козловъ перевелъ эту поэму по-французски и послалъ при письмѣ Шатобріану. Знаменитый писатель ему отвѣчалъ.

Paris, 17 X-bre 1835.

Monsieur.

J'ai mille excuses à vous demander de n'avoir pu vous remercier plus tôt de la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire, et des beaux vers que vous avez bien voulu m'envoyer. Vous êtes aveugle, monsieur. Homère et Milton l'ont été. Je ne sache rien dont la Poësie et la Religion ne consolent. Je vous remercie encore pour *Geoffroy* de Chateaubriand. Il combattit à la Massoure auprès de S-t Louis. Ce grand et ce saint monarque, pour récompenser la valeur de *Geoffroy,* changea les armes des Chateaubriands en celles de France; alors les *fleurs de lys sans nombre*—armes que ma famile porte encore et que toutes les révolutions de la terre ne m'obligeront jamais d'effacer. Je tiens aussi à grand honneur que la fidèle *Sybille* de Cha-

teaubriand soit morte de joie en revoyant son mari. Aujourd'hui on n'entend guère parler de ces choses-là. Agréez de nouveau, je vous prie, mes remercîmens les plus sincères et l'assurance de la considération très-distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur Chateaubriand.

Переводъ. Парижъ 17 Декабря 1835 г. Приношу вамъ тысячу извиненій въ томъ, что не могъ ранѣе благодарить васъ за письмо, которымъ вы меня почтили и за прекрасные стихи, которые вамъ угодно было мнѣ прислать. Вы лишены зрѣнія, милостивый государь. Гомеръ и Мильтонъ были въ такомъ же положеніи. Но, по мнѣнію моему, Поэзія и Религія могутъ во всемъ принести утѣшеніе. Благодарю васъ еще разъ за Годефруа Шатобріана; онъ сражался подъ *Массурою* при Лудовикѣ Святомъ. Этотъ великій и святой монархъ, въ награду за храбрость Годефруа, перемѣнилъ гербъ Шатобріановъ на тогдашній гербъ Франціи—цвѣты лилій, гербъ который до сего дня принадлежитъ моему роду, и никакая революція на землѣ не заставитъ меня его уничтожить. Считаю также большою честью, что вѣрная Сибилла Шатобріанъ умерла отъ радости при видѣ своего мужа. Теперь не услышимъ ничего подобнаго. Примите еще разъ, прошу васъ, мою самую искреннюю благодарность и увѣреніе въ чувствахъ глубокаго уваженія вашего, м. г., покорнаго и преданнаго слуги Шатобріана.

*

Здѣсь же, по связи съ этимъ письмомъ, помѣщаемъ письмо къ Козлову *А. И. Тургенева* изъ Парижа.

Парижъ, 1835 г. Іюля 10.

3-го дня С. П. Свѣчина *) поручила мнѣ довести чрезъ m-me Récamier до свѣдѣнія Шатобріана, что нашъ пріятель поэтъ Козловъ не получалъ отъ него никакого отзыва на письмо и на экз. его сочиненій. Вчера же отправился я къ милой красавицѣ, нашелъ ее лежащею на канапе. Тутъ были Шатобріанъ и Баланшъ. Она уже видѣла наканунѣ Свѣчину и при мнѣ спросила Шатобріана о книгѣ Козлова; но онъ ни письма, ни книги не получалъ и пожелалъ имѣть біографическія свѣдѣнія о нашемъ поэтѣ, чтобы отвѣчать ему на неполученное письмо. (Но было-ли оно послано?) Ввечеру, встрѣтивъ опять Баланша у Свѣчиной, я отдалъ ему для Шатобріана краткую записку о Козловѣ, въ 1827 г. въ Дрезденѣ составленную, прибавивъ къ ней о 2-хъ томахъ его сочиненій, послѣ вышедшихъ. Все это Récamier сегодня передастъ Шатобріану, которому я сказалъ, что курьеръ ѣдетъ черезъ два дня и что Свѣчина желала бы съ нимъ

---

*) С. П. Свѣчина, рожденная Соймонова, извѣстная своимъ умомъ и переходомъ въ католичество, она большую часть жизни провела въ Парижѣ, гдѣ принимала ученыхъ и литературныхъ знаменитостей.

отправить его отвѣтъ Козлову. И такъ ожидайте его съ письмомъ Свѣчиной, которая очень мила своею заботливостію о нашемъ поэтѣ.— Не правда ли, Козловъ? Я не пощадилъ тебя въ моемъ описаніи твоей поэзіи въ жизни и въ стихахъ, передъ Шатобр. и Баланшемъ, и увѣренъ, что ты прочелъ всю Паленгенезію послѣдняго и переложилъ въ стихи отрывокъ Римской Исторіи! Такъ-ли?

За симъ, прощай поэтъ, не забывай своего біографа и передай мою вѣчную память за чай твоимъ дамамъ и вѣчную дружбу Темирѣ, которая могла бъ написать мнѣ прямо въ Вавилонъ, poste restante, или отдать письмо Жуковскому.

Продолженіе. 12 Іюля, полночь.

Я встрѣтилъ теперь, на дипломатическомъ Раутѣ, у герцога Брогліо, маршала Мезона и поболталъ съ нимъ о Петербургѣ. Есть-ли красавица гр. Завадовская по прежнему навѣщаетъ тебя, то скажи ей, что первый вопросъ мой былъ о ней, и я погоревалъ за нее и подосадовалъ на нее: зачѣмъ было гулять въ саняхъ по ухабамъ? Мезонъ, отдавая ей передъ одной изъ Парижскихъ всю справедливость, похвалился печаткой съ милымъ и лестнымъ для него девизомъ *«revenez»*.

Кого тутъ не встрѣтилъ! Но простите, за полночь. Завтра ѣдетъ курьеръ, а 12 писемъ моихъ еще не запечатаны, брошюры и рукописи не приведены еще въ порядокъ, а по утру надо еще забѣжать въ книжную лавку за благочестивой брошюрой, которую дочь m-me Stahl мнѣ рекомендовала.

Не забудь же пожать нѣжно пухлую ручку Невской красавицы.

Таже С. П. Свѣчина просила своего знакомаго, молодаго ученаго Француза Шерюеля, видѣвшаго часто Козлова, передать ему слѣдующія слова: «Je suis très-reconnaissante à l'intéressant et si bon m-r Kosloff de son souvenir; dites lui qu'au milieu de la cécité de ce pauvre monde, la sienne est celle encore, une de celles que je plains le moins: il voit par le coeur et semble deviner ce qu'il ignore».

Переводъ. Я весьма благодарна доброму и симпатичному Козлову за его память; скажите ему, что, среди слѣпоты этого бѣднаго міра, его слѣпота на мой взглядъ заслуживаетъ меньшаго сожалѣнія: онъ за то видитъ сердцемъ и угадываетъ то, чего не знаетъ.

Стихотворенія Козлова, ему посвященныя, или по поводу его стихотвореній писанныя.

Въ отдѣлѣ этомъ первое мѣсто конечно должны занимать стихи *Пушкина*, напечатанные въ полномъ собраніи его сочиненій (изд. Анненкова 1855 г., томъ II, стр. 387) и имѣющіеся у насъ въ рукописи. Считаемъ не-

лишнимъ возстановить ихъ въ памяти читателя тѣмъ болѣе, что въ напечатанномъ стихотвореніи противъ имѣющагося у насъ подлинника, писаннаго рукою Пушкина, встрѣчаются нѣкоторыя неточности.

И. И. Козлову.

Пѣвецъ! когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ.
Небеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.

Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Цвѣтущей юности кумиръ!

А я—коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды.
Не даромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра;
О нѣтъ, не даромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

А. П.

15 Мая 1825.
Михайловское-Арапово.

Въ напечатанномъ стихотвореніи подчеркнутыя слова замѣнены вмѣсто *небеснымъ*—„чудеснымъ", вмѣсто *цвѣтущей*—„разбитой".

Замѣчательно, что подъ этими стихами Пушкина обозначено: *Михайловское-Арапово*; такая подпись, напоминающая предка Пушкина, не встрѣчается при другихъ его произведеніяхъ.

Стихи В. А. Жуковскаго.

Меня ты, другъ, предупредилъ.
Я самъ уже расположилъ
Мой вечеръ провести съ тобою.
Итакъ меня ты ожидай.

Приду я съ Музой молодою
Пить твой гостепріимный чай;
Ты жъ, милой мой слѣпецъ, терпѣньемъ
Мнѣ послужиться будь готовъ:
Тебѣ я угрожаю чтеньемъ
Своихъ безжалостныхъ стиховъ!
Хочу я съ Музою согрѣться
У пламенной души твоей,
И у тебя легко мнѣ съ ней
До полуночи засидѣться.

Стихи княгини З. А. Волконской.

Другу-страдальцу.

Ты арфа страданья,
Ты арфа терпѣнья,
Ты арфа съ душой!

Твой духъ, твои струны
Поютъ хоръ мученья.
Напѣвъ ихъ: аминь!

Терпи, моя арфа!
Звучишь ты надеждой,
Пророчишь ты рай!

И Ангелъ скорбящихъ
Твой голосъ узнаетъ
И встрѣтитъ тебя....

На это стихотвореніе поэтъ-страдалецъ отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Арфа тревоги—ты арфа любви
И радости мирной, небесной!
Звучу я напѣвомъ мятежной тоски;
Милъ сердцу твой голосъ чудесной.

Я здѣсь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страстей сокрушенный!
А ты горишь въ небѣ прекрасной звѣздой,
Какъ ангелъ эѳирный, нетлѣнный!

Стихи М. Ю. Лермонтова.

Написаны А. Г. Хомутовой по слѣдующему поводу. А. Г. Хомутова *) была двоюродная сестра Козлова. Съ самаго дѣтства она была съ нимъ особенно дружна и вмѣстѣ съ нимъ провела молодость въ Московскомъ высшемъ обществѣ. Съ переѣздомъ Козлова въ Петербургъ, они разстались на долго и встрѣтились уже въ концѣ 30-хъ годовъ, оба пожилые, и Козловъ уже слѣпымъ. Эта встрѣча такъ потрясла поэта, что онъ тутъ же сочинилъ стихотвореніе *Другу весны моей послѣ долгой, долгой разлуки*, начинающееся такъ:

О удались!... Полуживаго
Въ томленьи горестномъ забудь.
Ты острымъ пламенемъ былаго
Зажгла встревоженную грудь.
Оставь меня!... О, нѣтъ!... побудь,
Побудь со мною, другъ безцѣнный,
Пожми какъ прежде руку мнѣ,
И сердца жизнью незабвенной
Лелѣй меня въ печальномъ снѣ и т. д.

Братъ Хомутовой, М. Г. Хомутовъ въ то время командовалъ лейбъ-гусарскимъ полкомъ и жилъ въ Царскомъ Селѣ; въ полку этомъ въ тоже время служилъ М. Ю. Лермонтовъ и, вмѣстѣ съ другими офицерами, часто посѣщалъ командира полка. А. Г. Хомутова показала Лермонтову стихи Козлова; онъ попросилъ позволенія взять ихъ съ собой и на другой день возвратилъ ихъ съ своими стихами на имя Хомутовой. Читатели не посѣтуютъ на насъ, если, для полноты нашего очерка и характеристики слѣпца-поэта, мы перепечатаемъ это прекрасное стихотвореніе.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ,
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ; но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи,
Его встревожили сильнѣй.

*) Анна Григорьевна *Хомутова* была въ свое время извѣстна умомъ въ Московскомъ обществѣ, писала прекрасно Французскіе стихи, была знакома съ тогдашними лучшими писателями и оставила послѣ себя интересный журналъ, выдержки изъ котораго были напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 года; о ней неоднократно упоминается въ разныхъ запискахъ ея времени.

Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить какъ тайной
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли,
Все что́ вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь, за то что вы,
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

Англійскіе стихи, посвященные Козлову г-мъ Герейро, состоявшимъ при Португальскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

To John Kosloff.
By ruthless hands deprived of light
The prisoned bird more sweetly sings,
The dreaded veil of endless night
To him at length no terror brings.

Within himself the songster finds
A little world of heavenly sound,
That earths corporeal ties unbinds
And holier renders all around.

J. Guereiro.

Переводъ.

Ивану Козлову.

Рукой безжалостной на вѣкъ лишившись зрѣнья,
Вѣдь птичка-плѣнница поетъ еще нѣжнѣй,
Покровомъ ночи скрытыя мученья
Уже теперь не страшны стали ей!

Тебѣ-жъ, пѣвецъ—другое утѣшенье:
Въ себѣ самомъ небесныхъ пѣсенъ рой
Пробудишь ты, и звуки умиленья
Тебя забыть заставятъ міръ земной!

Французскіе стихи, написанные Козлову путешественникомъ Виконтомъ Ла-Буильери, проживавшимъ долгое время въ Петербургѣ. Стихи напечатаны въ 1837 г., въ *Journal des Jeunes Personnes*.

A m-r Kosloff.
Ami, vous qui ne voyez pas,
Dites moi quelle clarté sainte
Illumine la sombre enceinte
De vos ténébres d'ici bas?...

Et tandis que notre oeil regarde
Ou des étoiles, ou des fleurs,
Dites nous quels rayons meilleurs,
Quelles autres fleurs Dieu vous garde?...

Ami, vous qui ne marchez pas,
Dites nous, quel vol vous seconde
Et vous emporte vers un monde
Que n'atteignent jamais nos pas?...

Pourtant nous marchons d'un pas ferme,
Et nos pieds ne sont jamais las!
Nous courons vite... hélas! hélas!
Nous n'arrivons jamais au terme!

Ami, vous qui ne marchez pas,
Apprenez moi donc votre voie!
Et puis vous ferez que je voie,
Ami, vous qui ne voyez pas!

Vicomte François de la Bouillerie.

Переводъ.

Мой другъ! Увы, не видишь ты;
За то, не правда-ль, въ утѣшенье,
Святаго полонъ ощущенья
Твой міръ душевной красоты?

Въ восторгъ приходимъ мы порой,
Звѣздой любуясь иль цвѣтами;
Неправда-ль—лучшими лучами
Мерцаетъ свѣтъ незримый твой?

Мой другъ, ходить не можешь ты;
Скажи же, въ силу чьихъ велѣній,
Витаешь въ мірѣ ты видѣній,
Земной не видя суеты?

Что̀ въ томъ, что шагъ нашъ скоръ и смѣлъ,
Что мы не знаемъ утомленья?
Всю жизнь намъ суждено стремленье,
И гдѣ же, наконецъ, предѣлъ?

Мой другъ, хотя не ходишь ты,
Но намъ ты укажи дорогу,
Разсѣй сомнѣнія тревогу,
Лиши душевной слѣпоты.

Виконтъ Ф. де-ла Буильери.

Французскіе стихи И. И. Козлова.

Stances dédiées à la prncesse Galitzine (née Izmaïloff).

Lorsque ma nef aventureuse
Franchit les turbulentes mers,
A la clarté pâle et douteuse
D'astres, pour moi toujours couverts,

Que j'aime, au bruit du flot qui gronde
Unir mes douloureux accens,
Et dans la nuit triste et profonde
Faire entendre mes faibles chants.

Oui, j'ai gardé dans mes souffrances
Le prestige des sentiments,
Luth plaintif et songes riants...
Et mon coeur, et mes souvenances.

Je rêve à ceux que je chéris,
Et mon coeur bât plus fort encore,—
J'ose espérer dans mes ennuis
D'un jour sans fin la douce aurore.

Je sens alors fuir la terreur
Et trouve ainsi, bravant l'orage,
Certain attrait dans le nauffrage
Et du charme dans le malheur!

Переводъ.

Княгинѣ А. И. Голициной, рожденной Измайловой.

Когда корабль мой, полонъ силъ,
Межъ волнъ морскихъ скользитъ безпечно,
При свѣтѣ матовыхъ свѣтилъ,
Сокрытыхъ для меня навѣчно,

Люблю я съ шумомъ грозныхъ волнъ
Сливать души моей стенанья,
И, среди ночи, грусти полнъ,
Свою же слышать пѣснь страданья!

Да, сохранилося во мнѣ
О лучшихъ дняхъ воспоминанье;
Меня ласкаетъ въ сладкомъ снѣ
Сердечныхъ чувствъ очарованье!

Въ мечтахъ съ друзьями вѣчно я;
Порою сердце сильно бьется.
Я жду, когда и для меня
Заря предвѣчная зажжется!

И мнѣ не страшны той порой
Крушенья, бури, непогоды;
Мирюся я съ своей судьбой,
И милы мнѣ мои невзгоды!

1830.

Итальянскіе стихи И. И. Козлова.

Alla contessa Fiquelmont.

Graziosa quanto bella
Tu sei la dolce stella,
Speranza del dolor.

E giacche sempre dura
In me la notte oscura
Ti veggio col mio cor.

Переводъ.

Графинѣ Фикельмонъ.

Стройна, настолько-жъ какъ прекрасна,
Звѣздой привѣтной блещешь ясно,
Въ печали утѣшаешь ты!
Суровый рокъ закрылъ мнѣ очи,
Но сердцемъ среди вѣчной ночи
Тебя лишь зрятъ мои мечты.

*

Нельзя не пожелать, чтобы память о Козловѣ обновилась въ нашемъ обществѣ и чтобы изданы были вновь его произведенія, нынѣ сдѣлавшіяся книжною рѣдкостью.

А. Хомутовъ.

НАКАЗАНІЕ АНГЛІЙСКАГО ГАЗЕТЧИКА.

1799.

Въ 1799 году газета „*Курьеръ,*" принадлежавшая *Джону Пари* (ея издателю) подверглась преслѣдованію Англійскаго правительства за пасквиль на императора Павла Перваго. Въ статьѣ „Курьера" было напечатано:

„Россійскій императоръ становится невыносимъ для своихъ поддан-„ныхъ разными тираническими дѣйствіями и смѣшною въ глазахъ Европы „несообразностью своихъ поступковъ. Онъ теперь издалъ указъ, воспре-„щающій вывозъ лѣса, досокъ и проч. Этотъ несвоевременный указъ вы-„нудилъ около ста парусныхъ судовъ возвратиться въ королевство безъ „груза."

Издатель-собственникъ газеты пригласилъ адвокатомъ своимъ Эрскина (впослѣдствіи знаменитаго лорда Эрскина). Лордъ Кеніонъ былъ судьей, а спръ Джонъ Скотъ (впослѣдствіи не менѣе знаменитый канцлеръ лордъ Эльдонъ) производилъ слѣдствіе. Приговоръ противъ г-на Пари былъ слѣдующій: шести мѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ штрафъ въ сто фунтовъ, съ собственною отвѣтственностью въ 500 фунтовъ въ теченіи пяти лѣтъ, или два поручительства въ 250 фунтовъ каждое. Его два товарища по изданію были приговорены къ мѣсячному тюремному заключенію (*Извлечено изъ книги Джемса Гранта: Исторія Журналистики въ Англіи и сообщено въ „Русскій Архивъ" покойною А. О. Смирновою.*

Преслѣдованіе „Курьера" начато, безъ сомнѣнія, по настоянію тогдашняго нашего посла графа Семена Романовича Воронцова, который шутить не любилъ и въ требованіяхъ своихъ отличался неуклонностью. Въ наше время, когда повременная печать въ Англіи пріобрѣла чрезвычайные размѣры, подобныя взысканія уже невозможны; мы видѣли примѣры тому во время послѣдняго Польскаго мятежа и послѣ Франкопрусской войны. Но и въ прошломъ вѣкѣ, и въ наши дни Англійскія газеты вѣрны странѣ своей: главная забота о выгодахъ денежныхъ и торговыхъ, и ради этихъ выгодъ все остальное забывается. Событіе 12 Марта 1801 года и событіе въ Константинополѣ 31-го Августа 1876 года невольно сближаются въ историческомъ наблюденіи. Въ 1804 году Наполеонъ Первый въ одной дипломатической депешѣ къ нашему двору открыто приписывалъ Англичанамъ кончину императора Павла Петровича. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

Инспекторъ Екатерининскаго въ Москвѣ Института, И. Ф. Дюмушель, издалъ, на средства почетнаго опекуна князя М. В. Шаховскаго-Стрѣшнева, еще два выпуска писемъ покойной императрицы Маріи Θеодоровны. Первый выпускъ, напечатанный два года назадъ, содержитъ въ себѣ письма къ начальницѣ Екатерининскаго Института; въ двухъ нынѣ вышедшихъ помѣщены письма къ памятному Москвѣ предсѣдателю Московскаго Опекунскаго Совѣта князю Сергію Михайловичу Голицыну, который въ теченіе слишкомъ полувѣка благодѣтельно служилъ по этому вѣдомству († 7 Февраля 1859). Первое письмо писано въ 1802 году, послѣднее въ Іюнѣ 1828 года, за четыре мѣсяца до кончины Государыни. Въ то время почетные опекуны, согласно съ основнымъ уставомъ Екатерины Великой, не только не получали жалаванья, но сами благотворили воспитательнымъ учрежденіямъ и при вступленіи въ должность обязывались подпиской изъ собственныхъ средствъ возмѣщать могущія случиться растраты денежныхъ суммъ въ учрежденіи, довѣренномъ ихъ опекѣ. Князю С. М. Голицыну доводилось производить такія возмѣщенія, а когда онъ предложилъ императору Николаю Павловичу назначить почетнымъ опекуномъ близкаго къ нему человѣка, П. С. Полуденскаго, не имѣвшаго большаго состоянія, то первымъ вопросомъ Государя было: «А изъ какихъ средствъ заплатитъ онъ, если его чиновники запутаются въ счетахъ?» Князь взялъ на себя поручительство, и только тогда Полуденскій назначенъ былъ почетнымъ опекуномъ.

Будучи на пятнадцать лѣтъ старше князя Голицына и зная его еще ребенкомъ, императрица Марія Θеодоровна оцѣнила его прямодушіе и живое усердіе къ общему благу. Въ то время когда она вступила съ нимъ въ переписку, князь Голицынъ жилъ большею ча-

стію въ Москвѣ со своею матушкой (урожд. баронессой Строгановой, владѣвшею огромнымъ состояніемъ) и съ двумя незамужними сестрами. Его княгиня (на которой онъ женился 12 Іюня 1799 г.), славная впослѣдствіи Princesse Nocturne, покинула его съ 1801 года. Онъ былъ воленъ, праздень, богатъ какъ немногіе, и обратить его досуги на дѣла благотворенія было истинною заслугой Государыни предъ отечествомъ. Получая отъ нея письма, которыя теперь обнародованы, и не такой добродушный и по природѣ своей наклонный ко всякому добру человѣкъ одушевился бы усердіемъ и стараніемъ исполнить волю порфироносной благотворительницы.

Не даромъ императрица Марія Өеодоровна воспиталась подъ непосредственнымъ вліяніемъ покровителя своего Фридриха Великаго: съ младенчества была она свидѣтельницей хозяйственныхъ способностей этого государя, умѣвшаго, постоянствомъ и настойчивостію, въ бѣдной странѣ, съ ничтожными издержками, заводить и поддерживать цѣлыя учрежденія во благо государству. Не даромъ также двадцать лучшихъ лѣтъ жизни провела она подъ кровомъ своей геніальной свекрови: Екатерина пріучила ее къ трудолюбію и развила въ ней неоцѣненную способность дорожить нужными людьми, отыскивать ихъ тщательно, ласковымъ обращеніемъ привязывать къ себѣ и такъ-сказать заражать усердіемъ къ дѣлу. «Недреманное око», любимое выраженіе Екатерины, было девизомъ и покойной Маріи Өеодоровны. Она не пренебрегала никакою мелочью въ своемъ вѣдомствѣ. Уже въ глубокой ея старости представлялась ей однажды молодая княжна знатнаго и богатаго рода. «Любите ли вы рукодѣлье?» спросила ее Государыня.—«Занимайтесь имъ: Екатерина Великая, при всѣхъ трудахъ государственныхъ, находила время вязать чулки своимъ внучкамъ».

Строгое распредѣленіе времени, простота и бережливость дали Маріи Өеодоровнѣ возможность такъ много сдѣлать въ той сферѣ, которую, отчасти по неволѣ, отвела она для себя по кончинѣ своего супруга и которая постепенно расширялась въ теченіе остальныхъ 27 лѣтъ ея жизни. Преданіе увѣряетъ, что на эту дѣятельность навела ее умная и вполнѣ преданная ей фрейлина ея Е. И. Нелидова вслѣдъ за кончиною Павла Петровича. Государыня имѣла намѣреніе заняться литературою (конечно, Французскою, такъ какъ по русски она знала весьма неудовлетворительно); Нелидова, близко ее знавшая, тотчасъ постигла, что изъ такихъ занятій ничего особеннаго не выйдетъ и настойчиво напомнила ей про тѣ учрежденія, которыя еще при Павлѣ отданы были подъ ея покровительство.

Бенкендорфъ, Нелидова и Ш. К. Ливенъ—вотъ три благодѣтельныя существа, которыя послѣдовательно руководили императрицею Маріей Ѳеодоровной и отвлекали ее отъ вмѣшательства въ политику, къ чему, къ сожалѣнію, она была склонна. Политическое вліяніе ея было положительно вредно для Россіи; но въ сферѣ общественной благотворительности и воспитанія имя этой Государыни на вѣки останется въ лучахъ любви и сердечной признательности.

Новоизданныя письма полны подробностей назидательныхъ и достопочтенныхъ. Эти громадныя нынѣ учрежденія возникали и велись на средства самыя ограниченныя. Такъ напримѣръ нужны фортепьяны въ одномъ институтѣ, и при томъ одни только. Императрица поручаетъ ихъ пріобрѣтеніе князю С. М. Голицыну и настаиваетъ, чтобы куплены были подешевле, попроще, безо всякихъ украшеній. Нынѣ въ одномъ Николаевскомъ Институтѣ до ста фортепіанъ и роялей.

Къ одной изъ книжекъ теперь изданныхъ приложенъ превосходный портретъ Государыни, снимокъ съ того портрета, который она дарила близкимъ своимъ лицамъ вскорѣ по воцареніи Александра Павловича: цвѣтущая красотой и здоровьемъ, изображена она въ трауромъ одѣяніи, съ медальономъ Павла Петровича на груди.

Нельзя не пожелать, чтобы изданы были письма Маріи Ѳеодоровны и къ другимъ почетнымъ опекунамъ. Намъ извѣстны цѣлыя драгоцѣнныя собранія ихъ, напримѣръ къ П. И. Баранову и къ князю С. И. Гагарину (изъ нихъ выдержки были напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ*). Конечно, прошедшее невозвратимо; но цѣнны духъ и общее направленіе, которыми и донынѣ отличаются учрежденія Императрицы Маріи. Письма ея—это настоящая лѣтопись простой и толковой педагогіи и здравой, бережливой и заботливой благотворительности. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГОСУДАРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Въ 1840 году, когда Его Величество покойный Государь Александръ Николаевичъ, будучи Наслѣдникомъ, изволилъ осчастливить принятіемъ командованія лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, я поступилъ на службу врачемъ въ 1-й батальонъ этого полка, помѣщающійся въ казармахъ на Большой Милліонной, непосредственно соединенныхъ съ Зимнимъ дворцомъ. На мнѣ лежала обязанность находиться на всѣхъ высочайшихъ смотрахъ, которые производились въ манежахъ дворцовомъ и находящемся при собственномъ дворцѣ великаго князя Михаила Павловича, и поэтому я нерѣдко имѣлъ счастье видѣть Государя Николая Павловича и наблюдать за движеніями его великой души. При жизни его я слышалъ о немъ отъ лицъ близко къ нему стоявшихъ и заслуживающихъ довѣрія, знавшихъ подробно его домашнюю обстановку и характеръ: лейбъ-медиковъ, камердинеровъ, непосредственной его прислуги. Все обличало въ немъ великую, рыцарскую, отзывчивую на все честное и правдивое, энергичную, любящую душу.

Въ 1843 году, во время большихъ маневровъ при отступленіи отъ Нарвы, Преображенскій полкъ находился въ арьергардѣ. День былъ очень жаркій, это происходило въ Іюлѣ мѣсяцѣ. Было много отсталыхъ. Государь, встрѣтивъ одного упавшаго Преображенца, приказалъ немедленно разыскать врача и больному пустить кровь. Въ торопяхъ къ больному (это было въ лѣсу), я разорвалъ себѣ мундиръ и только что приступилъ къ оживляющимъ средствамъ, какъ прискакалъ флигель-адъютантъ ротмистръ князь Васильчиковъ (въ послѣдствіи товарищъ военнаго министра) съ вопросомъ, пустилъ ли я больному кровь. На отрицательный мой отвѣтъ князь возразилъ: «Государь приказалъ сейчасъ же пустить кровь. Какъ доложить Государю?» — «Доложите», говорю, «Государю, что я отвѣчаю за больнаго: больной приведенъ въ сознаніе безъ кровопусканія». Я далъ ему оправиться, посадилъ въ фургонъ—и въ догонку за полкомъ. Догнавъ полкъ, я выпустилъ больнаго изъ фургона, облегчивъ его отъ всякой ноши, и онъ пошелъ за фургономъ въ мундирѣ нараспашку. Замѣтивъ издали, что разбиваютъ царскій лагерь (знакъ окончанія маневра на тотъ день), и Государь, спѣшившись, пропускаетъ полки, я, чтобы не броситься въ глаза Государю въ разорванномъ мундирѣ, сѣлъ въ лазаретную карету, гдѣ и прижался въ уголъ. Но эта предосторожность не удалась: лишь только приблизился лазаретный обозъ къ мѣсту, гдѣ

стоялъ Государь, какъ слышу, что онъ зоветъ доктора. Тутъ сейчасъ же подбѣжали къ каретѣ изъ свиты и зовутъ меня: «Пожалуйте къ Государю!» Взволнованный неожиданнымъ вызовомъ и еще болѣе неисправнымъ состояніемъ своего костюма, я подошелъ къ Государю совсѣмъ растерявшись. Государь одобряющимъ тономъ спрашиваетъ: «Живъ ли больной, которому я велѣлъ тебѣ два раза пустить кровь?» «Живъ и здоровъ Ваше Величество!»—«Но ты, конечно, пускалъ ему кровь?»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Величество!» Государь нахмурился. «Какъ же могъ ослушаться меня?»—«Ваше Величество! Въ моментъ пріѣзда князя Васильчикова я уже былъ вполнѣ убѣжденъ, что дѣло обойдется безъ кровопусканія; кровопусканіемъ же я сдѣлалъ бы солдата дѣйствительно больнымъ, требующимъ госпитальнаго лѣченія. Исполнивъ свое медицинское дѣло по совѣсти и убѣжденію, я этимъ самымъ исполнилъ волю и желаніе Вашего Величества, непрестанно заботящагося о сохраненіи здоровья солдатъ». Таковъ былъ смыслъ моего отвѣта. Государь съ милостивою, одобряющею улыбкой, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «спасибо, голубчикъ, что меня не послушалъ». Эпизодъ этотъ на другой день въ присутствіи всѣхъ моихъ товарищей вызвалъ благодарность корпуснаго штабъ-доктора, а 6-го числа Декабря мѣсяца Государь изволилъ меня произвести въ чинъ коллежскаго ассессора, который имѣлъ въ то время по своимъ правамъ большое значеніе и до котораго мнѣ оставалось прослужить пять лѣтъ.

Во время большихъ маневровъ покойный Государь Николай Павловичъ всегда имѣлъ ночлегъ въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка; поэтому мнѣ приходилось утромъ и вечеромъ рапортовать Государю о состояніи здоровья полка. Разъ утромъ, отпуская меня послѣ рапорта, Государь приказалъ мнѣ взять подъ свой надзоръ его и Наслѣдника экипажи. Полки двинулись, а въ хвостѣ ихъ Преображенскій полкъ. Около полудня, лакей при царскомъ экипажѣ спрашиваетъ меня: «не прикажите-ли подать завтракъ?» Я сначала не понялъ, въ чемъ дѣло: мнѣ показалось, что лакей думаетъ предложить мнѣ раздѣлить его завтракъ; я поблагодарилъ его вѣжливо и отказался. Чрезъ нѣсколько времени опять тоже предложеніе; на этотъ разъ я уже не безъ сердца спросилъ: «Да какой вы мнѣ предлагаете завтракъ?»—«Государь приказалъ для васъ готовить и возить завтракъ и, если вамъ угодно, ѣхать въ его экипажѣ». Такое милостивое царское вниманіе тронуло меня до слезъ. Я сѣлъ въ царскую коляску, позавтракалъ приготовленнымъ изысканно завтракомъ съ тонкими винами и тутъ имѣлъ случай разсмотрѣть знаменитую старую шинель, любимую Государеву шинель, замѣнявшую ему халатъ и одѣяло, ко-

торую, кто былъ послѣ его смерти въ его кабинетѣ, видѣлъ на скромной царской постели.

При выступленіи гвардіи въ походъ въ 1854 году я былъ уже старшимъ врачемъ въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ. Государь провожалъ войска въ Гатчинѣ. Провожая гвардейскій саперный батальонъ, свое любимое дѣтище, Государь напутствовалъ его своими тронувшими до слезъ отеческими наставленіями и пожеланіями. При приближеніи моемъ съ лазаретомъ, Государь подозвалъ меня и сказалъ, между прочимъ, мнѣ лично: «Благодарю тебя за службу; дай Богъ возвратиться благополучно!» и перекрестилъ меня. Меня задушили слезы.

Дòма я оставлялъ четверыхъ дѣтей-сиротъ. На станціи въ Гатчинѣ я встрѣтилъ лейбъ-медика Ф. Я. Кареля, который напомнилъ мнѣ это напутствіе Государя. Я сказалъ ему на это: «Такое милостивое вниманіе совершенно возстановляетъ упавшій мой духъ; ибо я совершенно увѣренъ, что въ случаѣ несчастія со мной Государь не оставитъ моихъ сиротъ». Государь зналъ ихъ, когда они были кадетами и при встрѣчѣ съ ними называлъ соколятами. Встрѣтясь съ Карелемъ вторично, я узналъ, что слова мои были переданы имъ Государю и произвели видимо пріятное впечатлѣніе, причемъ Государь замѣтилъ: «Я вижу, что врачи честные и вѣрные мои слуги».

Кромѣ этихъ трехъ случаевъ, прибавлю еще одинъ, которому я былъ очевидецъ.

Ко мнѣ пріѣхалъ въ Петербургъ въ первый разъ во время Рождественскихъ праздниковъ изъ Можайскаго уѣзда мужичекъ, бывшій мой крѣпостной, изъ зажиточныхъ, лѣтъ 60-ти, трезвый, съ роду не пившій вина. Не видавъ никогда Царя, онъ сталъ просить меня во что бы то ни стало найти ему случай хотя бы разъ взглянуть на него. Покойный Государь имѣлъ обыкновеніе ежедневно утромъ въ 9-мъ часу дѣлать прогулку отъ дворца по Милліонной между Манежемъ и Эрмитажемъ, чрезъ мостъ надъ зимней канавкой, по набережной, мимо казармъ Преображенскаго полка къ Невѣ и по набережной ея ко дворцу. Поставивъ мужичка на мосту надъ зимней канавкой, я приказалъ ему при приближеніи Государя снять шапку, но отнюдь не становиться на колѣни, чего Государь не любилъ; а самъ я сталъ у воротъ казармъ для наблюденія. Когда Государь показался, я крикнулъ мужичку: «Вотъ Царь идетъ!» Мужичекъ снялъ шапку, но по приближеніи Государя упалъ на колѣни, чтó меня очень встревожило. Государь подошелъ къ нему и спросилъ: «Чтò тебѣ нужно?» Мужикъ сталъ креститься и дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: «Батюшка Царь! Мнѣ ничего не нужно. Я тебя никогда

не видалъ, а теперь вотъ Богъ сподобилъ увидѣть тебя, нашего Бога земнаго; теперь могу умереть спокойно!» и поклонился въ землю. Государь поднялъ его, распросилъ откуда, къ кому, зачѣмъ пріѣхалъ и прибавилъ: «Спасибо, дружокъ; приходи смотрѣть крещенскій парадъ».

Въ день Крещенья собрался спозаранку мой мужичекъ идти на парадъ. Я говорю ему, что въ зипунѣ и въ лаптяхъ не пустятъ, полиція прогонитъ и, пожалуй, заберетъ въ часть. «Нѣтъ», говоритъ, «пойду: Царь велѣлъ».

Возвратившись съ парада, я не засталъ мужичка дома; жду его часъ, другой, нѣтъ какъ нѣтъ; начинаю тревожиться; наконецъ, въ сумеркахъ является сіяющій, подъ хмѣлькомъ, пошатываясь. Начинаю распрашивать, гдѣ былъ. «У Царя обѣдалъ».—«Какъ такъ?» И вотъ его разсказъ: «Подходя ко дворцу (съ Большой Милліонной), полиція меня задержала, гонитъ назадъ; я говорю имъ: «Мнѣ самъ Царь велѣлъ смотрѣть парадъ». Пошли справки, кончившіяся тѣмъ, что провели его къ главнымъ воротамъ дворца, а тамъ, говоритъ, какой-то генералъ, низенькій, сѣденькій, съ пѣтушьими перьями на шапкѣ, поставилъ у воротъ съ приказаніемъ не уходить, пока не велятъ. Такимъ образомъ ему удалось видѣть выходъ и возвращеніе духовной процессіи, Государя и царской фамиліи. Отъ блеска у мужичка, говорилъ онъ, въ глазахъ помутилось. Потомъ, какой-то, тоже генералъ, только помоложе, указалъ ему царскую кухню, гдѣ велѣлъ угостить хорошенько. «Ну и угостили-жъ! Чего, чего только не было на тарелочкахъ! А такъ какъ я водки не пью, стали угощать медомъ, такимъ сладкимъ, что и Боже мой! Напустился я на него, ну и шабашъ! Охмѣлѣлъ.»

По возвращеніи домой въ деревню мужичекъ долго разсказывалъ про видѣнныя имъ чудеса и о необыкновенной милости Царя, и далеко, далеко пошла эта молва въ народѣ.

На маневрахъ покойный Государь командовалъ отрядомъ. Прошелъ слухъ, что по какому-то поводу Государь отозвался въ оскорбительныхъ выраженіяхъ о своемъ противникѣ, не упомню, о какомъ генералѣ. Случилось, что къ концу Іюля оба отряда стянулись къ Петергофу, а 1-го Августа—день перемирія—освященіе воды и знаменъ, къ которому прибыли чины обоихъ отрядовъ и многочисленная публика изъ Петербурга и окрестностей. По окончаніи церковной церемоніи Государь вышелъ къ разводу отъ кадетскихъ корпусовъ. По отданіи чести, по положенію, и скомандованіи «оправиться», Государь вышелъ на середину передъ разводомъ, скомандовалъ: «смирно! на плечо, на краулъ!» съ поднятой саблей подошелъ къ вышеупомянутому

генералу, отсалютовалъ ему, снялъ каску, поклонился въ поясъ, извинился въ прочувствованныхъ выраженіяхъ, а генералъ принялъ это съ глубокимъ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ. Расцѣловались. Это я лично видѣлъ и слышалъ.

Лейбъ-медикъ Арендтъ, любимый покойнымъ Государемъ и популярнѣйшій изъ врачей, при которомъ я состоялъ асистентомъ, въ числѣ многихъ случаевъ великодушія Государя, разсказывалъ слѣдующій. Онъ былъ приглашенъ къ одному трудно-больному, отставному полковнику, жившему въ одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, гдѣ онъ былъ пораженъ бѣдной обстановкой больнаго и его большой семьи, и такъ какъ это обстоятельство служило неодолимымъ препятствіемъ къ возстановленію здоровья больнаго, то Арендтъ полюбопытствовалъ узнать причины такого положенія. Семья разсказала, что болѣзнь и бѣдственное положеніе произошли вслѣдствіе увольненія больнаго отъ службы безъ всякихъ правъ. Лейбъ-медики обязаны были ежедневно являться къ Государю къ 7—8 часамъ утра, когда приготовляется чай или кофе, и въ это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговоръ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Арендтъ разсказалъ о положеніи больнаго и его семьи. Государь принялъ это близко къ сердцу, приказалъ Арендту во что бы то ни стало вылечить больнаго на его счетъ, помочь деньгами и вскорѣ потомъ, разсмотрѣвъ причины увольненія въ отставку и найдя его невиннымъ, или просто помиловавъ, не помню, возвратилъ ему всѣ права и назначилъ крупную пенсію, возстановившую благосостояніе семьи и здоровье больнаго.

Носился разсказъ въ Петербургѣ, что на Николаевскомъ мосту Государь встрѣтилъ покойника, котораго везъ ломовой извощикъ, и не было ни души провожатыхъ. Государь сошелъ съ экипажа, прошелъ за гробомъ по Васильевскому острову, а когда тѣмъ временемъ собралась толпа народу, перекрестился и уѣхалъ, предоставивъ толпѣ провожать покойнаго.

Въ моей замѣткѣ нѣтъ лести. Да и къ чему она теперь? Государя давно нѣтъ, мнѣ 73 года, я уже помышляю о гробѣ; слышанное же, видѣнное и испытанное мною сообщаю по долгу совѣсти. Будущему историку покойнаго Государя много придется собрать фактовъ величія его, передъ которыми стушуются тѣни... Вѣчная ему память!

Врачъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Иванъ Соколовъ.**

Москва, 2 Декабря 1885.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ [1]).

XIII. Крестьяне села Троицкаго, отыскивающіе вольную.

Въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ Курской губерніи есть богатое село Троицкое, одно изъ лучшихъ въ уѣздѣ; въ немъ числилось при крѣпостномъ правѣ три тысячи душъ крестьянъ и до двѣнадцати тысячъ десятинъ земли съ лѣсами и угодьями. Принадлежало оно помѣщику Ермолову и было пожаловано въ 1786 году его отцу, генералу-поручику Александру Петровичу Ермолову [2]) императрицею Екатериною Второю, какъ видно изъ документовъ, находившихся въ селѣ Троицкомъ. Владѣлецъ этого имѣнія, Ермоловъ никогда не жилъ въ немъ, а если пріѣзжалъ, то на очень короткій срокъ, проживалъ же постоянно въ Парижѣ, поручивъ управленіе имѣніемъ своему крѣпостному человѣку, отличному хозяину того времени, который давалъ хорошіе доходы помѣщику и не обижалъ крестьянъ. Крестьяне были зажиточные; а многіе изъ нихъ, оброчные, владѣвшіе десятками паръ воловъ, были богатые чумаки.

Когда, въ сороковыхъ годахъ, Ермоловъ въ послѣдній разъ навѣстилъ Троицкое, онъ отпускалъ своихъ крестьянъ на волю съ тѣмъ, чтобы они заплатили ему деньги за землю и лѣса. По разсчету при-

---

[1]) См. Р. Архивъ 1885, III, 539.

[2]) Въ Запискахъ Л. Н. Энгельгардта (стр. 54-й, примѣчапіе 88-е) значится: „Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-поручикъ, род. въ 1754 году, умеръ въ 1836. Вліяніе его при дворѣ пачинаетъ быть замѣтно съ начала 1785 года. Въ Іюпѣ 1786 года онъ удалился отъ двора и долго путешествовалъ по Европѣ“. Тамъ же па стр. 59-й: „Въ Іюнѣ 1786 года Ермоловъ вышелъ изъ фавёра, дано ему было въ Могилевской губерніи 6.000 душъ. А па мѣсто его поступилъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ“. Этотъ Ермоловъ потомъ жепился на родной сестрѣ кпязя С. М. Голицыпа, извѣстнаго Московскаго боярина.

ходилась довольно значительная сумма, которая должна была быть внесена крестьянами. Крестьяне соглашались уплатить ее, но не всю разомъ, а просили разсрочить платежъ на нѣсколько лѣтъ. Ермоловъ затруднялся принять такое условіе, ибо оно не обезпечивало его въ вѣрности уплаты, такъ какъ денежныя обязательства крестьянъ, въ случаѣ неуплаты ими долга, не принимались ко взысканію и не считались законными, а Ермолову желалось имѣть наличный капиталъ. Вѣроятно, по этимъ причинамъ и не состоялась тогда сдѣлка Ермолова съ крестьянами; но эти послѣдніе остались въ полномъ убѣжденіи, что рано или поздно они получатъ вольную.

Ничѣмъ не порѣшивъ съ крестьянами о продажѣ земли, Ермоловъ выѣхалъ опять за-границу и жилъ тамъ безвыѣздно. Крестьяне неоднократно писали ему и просили исполнить свое обѣщаніе; онъ не отказывался, пріѣхать же не могъ, ссылаясь на свою болѣзнь; но, какъ кажется, главная причина, вслѣдствіе которой ему неловко было возвратиться въ Россію, былъ переходъ его въ католичество. Въ то время существовалъ законъ, по которому владѣльцы населенныхъ имѣній, прожившіе за-границей болѣе трехъ лѣтъ безвыѣздно, теряли право владѣть своими имѣніями. Ермолову приближался 3-хъ-лѣтній срокъ его пребыванія за-границей; чтобы не лишиться имѣнія, онъ долженъ былъ поспѣшить продажею его, что́ онъ и сдѣлалъ, продавъ его родственницѣ своей, княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ Черкаской. Продажа эта была фиктивная: денегъ она ему не уплатила, а дала въ обезпеченіе векселя впредь до дѣйствительной продажи. Вскорѣ на имѣніе нашелся настоящій покупатель, сенаторъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ. Онъ купилъ Троицкое очень дешево на имя своего сына Михаила, который въ новокупленное имѣніе самъ лично не прибылъ, а поручилъ управленіе имъ Прусскому подданному Аману Самойловичу Фонъ-Ренкулю.

Новый управляющій началъ вводить новые порядки, прежде небывалые. Хотя эти порядки и не нравились крестьянамъ, но они ихъ пока исполняли; а между тѣмъ ходили слухи, что они отыскиваютъ вольную. Фонъ-Ренкуль, по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, нашелъ, что крестьянъ въ селѣ Троицкомъ несоразмѣрно много по количеству земли, и, чтобы получать больше доходу, онъ предложилъ помѣщику Дурасову продать на сводъ 150 ревизскихъ душъ, что̀ съ женскимъ поломъ и дѣтьми составляло болѣе 300-тъ живыхъ душъ. Въ скоромъ времени они были проданы въ Оренбургскую губернію и немедленно перечислены туда по бумагамъ.

Малороссіяне вообще неохотно переселяются; но имъ было обѣщано Нѣмцемъ управляющимъ, что они на новыхъ мѣстахъ найдутъ

готовыя хаты, полное продовольствіе, и дадутся имъ разныя льготы и всякія милости. Крестьяне, скрѣпя сердце, отправились и пришли на мѣсто въ Оренбургскую губернію позднею осенью, гдѣ не нашли для себя никакихъ помѣщеній; а такъ какъ помѣститься имъ было негдѣ, то они должны были зимовать въ наскоро сдѣланныхъ ихъ же руками землянкахъ. Зимой у нихъ появились разныя болѣзни; люди, не привыкшіе къ суровому климату и дурной обстановкѣ, умирали въ большомъ количествѣ, въ особенности дѣти. Раннею весною оставшіеся въ живыхъ, долго не думая, собрали свои пожитки и опять съ обозомъ, какъ пришли, тронулись въ обратный путь, а въ началѣ лѣта прибыли въ село Троицкое. Но и тутъ прежнихъ хатъ своихъ они не нашли: однѣ были снесены, остальныя заняты другими жильцами. По необходимости, вновь прибывшіе размѣстились кое-какъ у своихъ родныхъ, которые приняли ихъ дружелюбно. Фонъ-Ренкуль, основываясь на незаконномъ пребываніи людей въ имѣніи, съ помощью земской полиціи старался выпроводить ихъ назадъ; но на сей разъ, не только возвратившіеся, но и мѣстные крестьяне, которымъ было приказано отъ управляющаго не держать у себя пришедшихъ людей, возмутились этимъ распоряженіемъ, не выдавали и прятали ихъ.

Донесли губернатору объ упорствѣ и неповиновеніи крестьянъ села Троицкаго. Въ то время губернаторомъ въ г. Курскѣ былъ Н. П. Бибиковъ. Онъ обратился ко мнѣ, какъ къ мѣстному уѣздному предводителю, прося разслѣдовать это дѣло, если можно, уладить эти недоразумѣнія на мѣстѣ и разъяснить при томъ крестьянамъ, что они не могутъ насильно оставаться въ имѣніи другаго владѣльца, которому они уже не принадлежатъ.

Пріѣхавъ въ с. Троицкое, я узналъ отъ Ренкуля, что всѣ люди выказываютъ, какъ онъ объяснилъ мнѣ Нѣмецкимъ выговоромъ, *духъ неповиновенія*, не исполняютъ урочныхъ работъ, а вдобавокъ не признаютъ г-на Дурасова за своего помѣщика, увѣряя, что ихъ бывшій владѣлецъ, г. Ермоловъ, отпустилъ ихъ всѣхъ на волю. Объ этомъ обстоятельствѣ губернаторъ не былъ увѣдомленъ.

Я распорядился собрать громаду (такъ называются сходки крестьянъ въ Малороссійскихъ имѣніяхъ) изъ домохозяевъ и стариковъ; въ томъ числѣ должны были быть и возвратившіеся изъ Оренбургской губерніи, но никто изъ послѣднихъ не явился. Когда я спросилъ, почему ихъ нѣтъ, мнѣ отвѣчали изъ толпы, что они боятся, чтобы ихъ опять не отправили умирать въ Оренбургскую губернію. Я старался объяснить имъ, что прибывшіе люди не принадлежатъ болѣе помѣщику М. Ѳ. Дурасову, а такъ какъ проданы имъ, то должны отправляться въ другое имѣніе къ купившему ихъ, что совершенно законно,

и имъ ничего болѣе не остается, какъ покориться: иначе ихъ вышлютъ насильно. Молча и почтительно выслушала меня громада; затѣмъ изъ толпы выступилъ одинъ пожилой крестьянинъ и, низко кланяясь, отвѣчалъ мнѣ: «Будьте милостивы, панъ предводитель, выслушайте насъ. Мы никогда не желали выходить изъ повиновенія; но кому же мы будемъ повиноваться? Намъ сказали, что насъ купилъ г-нъ Дурасовъ. *«Мы его николи и въ очи не бачили, якій такій панъ Дурасъ?»* язвительно проговорилъ хохолъ. «Былъ у насъ настоящій панъ Ермоловъ», продолжалъ онъ, «ему мы достались по царскому указу матушки - императрицы Екатерины; его наслѣдникъ всѣхъ насъ крестьянъ отпустилъ на волю, а теперь какой-то Нѣмецъ Аманъ (такъ они звали управляющаго Фонъ-Ренкуля) мудруетъ надъ нами, говоритъ, что онъ вмѣсто пана, «что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ», сослалъ 150 ревизскихъ душъ въ ссылку въ Оренбургскую губернію, гдѣ они на половину вымерли. Будьте жалостливы, смѣняйте Амана». Едва успѣлъ онъ кончить свою рѣчь, какъ вся толпа зашумѣла, и многіе начали кричать: «Долой Амана, долой его!» Я было началъ ихъ унимать, но меня уже не слушали и окружили въ плотную; всѣ заговорили разомъ безъ всякаго порядка, ничего нельзя было разобрать; но было видно общее неудовольствіе на управляющаго. Повторялись крики: «смѣняйте Амана, долой Амана!» Видя, что съ толпой нельзя было уже говорить хладнокровно, такъ какъ она была возбуждена, я оставилъ сходку, приказавъ, чтобы крестьяне выбрали среди себя 8-мь стариковъ, которые могли бы разумно выразить общее желаніе всѣхъ крестьянъ, чего они хотятъ. Черезъ часъ явились ко мнѣ эти выборные, и съ ними пришли двое изъ возвратившихся. Эти послѣдніе разсказали грустную повѣсть своихъ несчастій въ Оренбургской губерніи, какъ они тамъ мерзли, голодали, сколько изъ нихъ померло, какъ на ихъ бѣдствія никто не обращалъ никакого вниманія, и какъ они, послѣ всего ими испытаннаго, рѣшились, при первой возможности, весною бѣжать изъ этого злополучнаго мѣста, оставивъ болѣе половины своихъ родныхъ зарытыхъ въ могилахъ.

Какъ ни была грустна и достовѣрна эта исторія, но я принужденъ былъ уговаривать крестьянъ и настаивать на необходимости ихъ возвращенія въ то имѣніе, куда они уже перечислены, доказывая имъ, что по закону они не имѣютъ права оставаться здѣсь, но что теперь, въ огражденіе ихъ отъ бѣдствій, на мѣстѣ будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы устроить ихъ, какъ слѣдуетъ, о чемъ извѣщены будутъ мѣстный Оренбургскій губернаторъ и прочія власти. «Чтобы всѣмъ намъ помирати, такъ лучше дѣлайте съ нами, что̀ хотите, а мы волей туда

не пойдемъ», съ какимъ-то отчаяніемъ и рѣшимостью отвѣчали старики.

Послѣ такаго категорическаго отвѣта я обратился къ другимъ старикамъ-депутатамъ, чтобы узнать, чего они желаютъ. «Нашъ панъ Ермоловъ всѣмъ крестьянамъ далъ вольную», объясняли они, въ удостовѣреніе чего представляли нѣсколько его писемъ прежнихъ лѣтъ къ бывшему своему крѣпостному управляющему для объявленія крестьянамъ, изъ коихъ было видно, что Ермоловъ дѣйствительно отпускалъ ихъ на волю, но при этомъ ставилъ условіе, какъ было сказано выше, чтобы они купили у него землю. Въ этихъ же письмахъ, между прочимъ, Ермоловъ описывалъ свои предположенія, какъ должны устроиться крестьяне, согласно имяннаго указа императора Александра I *), въ которомъ предоставлялось право помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыми селеніями, и получившіе свободу крестьяне именовались вольными хлѣбопашцами. Такимъ образомъ изъ объясненій стариковъ можно было заключить, что у всѣхъ Троицкихъ крестьянъ составилось убѣжденіе, что они вольные, но только у нихъ тогда не было наличныхъ денегъ, чтобы закрѣпить сдѣлку на землю и что все зависѣло отъ времени; теперь же у нихъ имѣется весь капиталъ для уплаты; ежели чего не достанетъ, то богатый Бѣлгородскій купецъ Чумичевъ соглашается ссудить имъ недостающую сумму подъ лѣса, вслѣдствіе чего въ настоящее время они желаютъ приступить къ совершенію купчей и готовы немедленно взнести задатокъ, а о таковомъ заявленіи ихъ просятъ довести до свѣдѣнія начальства. Я имъ отвѣчалъ на это, что прежде чѣмъ приступить къ такой сдѣлкѣ, они должны быть вольными, а такъ какъ теперь они проданы другому владѣльцу, слѣдовательно прежнія обѣщанія Ермолова не имѣютъ въ настоящее время никакой силы и недѣйствительны. Крестьяне упорно утверждали, что письма Ермолова тѣ же отпускныя на всѣхъ людей. «Это документы неопровержимые», говорили они; «мы уже обратились къ прокурору съ просьбой, что мы отыскиваемъ свободу, и онъ долженъ по закону хлопотать за насъ; наше дѣло правое; мы надѣемся, что намъ дозволятъ купить землю, тогда мы будемъ свободные хлѣбопашцы, какъ сказано въ царскомъ указѣ. Что же касается до крестьянъ, вернувшихся изъ Оренбургской губерніи», продолжали старики, «то и они должны остаться съ нами, такъ какъ панъ Ермоловъ никого не исключилъ, а всѣхъ насъ отпустилъ на волю».

---

*) Знаменитый указъ 1802 года о вольныхъ хлѣбопашцахъ.

Разумѣется, на всѣ ихъ желанія и просьбы я ничего не могъ обѣщать имъ въ ихъ пользу, но, какъ умѣлъ, старался вразумить и разъяснить имъ всю нелѣпость ихъ требованія о вольной. Но старики стояли на своемъ: что, ежели они одинъ разъ отпущены на волю, то ихъ нельзя было продавать другому лицу; при этомъ проводили мысль, что Ермоловъ даже вовсе не могъ продать ихъ, а непремѣнно долженъ былъ отпустить на волю, такъ какъ они жалованы Императрицею только въ родъ Ермоловыхъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ и убѣжденій, увѣрившись, что я не достигну никакихъ результатовъ, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ уѣхать изъ Троицкаго; по крайней мѣрѣ крестьяне обѣщали мнѣ, что до тѣхъ, пока окончится ихъ дѣло, они будутъ въ точности исполнять господскую работу. Обо всемъ мною видѣнномъ и слышаннимъ я подробно увѣдомилъ губернатора Бибикова, который немедленно распорядился отправить въ Троицкое своего чиновника особыхъ порученій Чурилова. Ему дана была особая инструкція, гдѣ предписывалось выпроводить всѣхъ возвратившихся крестьянъ этапнымъ порядкомъ; а такъ какъ они прятались и уходили изъ Троицкаго, то ихъ отыскивали по сосѣднимъ селеніямъ, даже ловили въ лѣсахъ, и затѣмъ по мѣрѣ сбора отправляли частями по этапу въ Оренбургскую губернію. За мѣстными крестьянами устроенъ былъ строгій надзоръ, чтобы они въ точности выполняли господскія работы и не скрывали у себя прятавшихся. Всѣ эти распоряженія для вѣрности подкрѣпились прибывшимъ въ Троицкое на экзекуцію гусарскихъ полкомъ. По указанію Чурилова гусарскія розги неоднократно пускались въ ходъ преимущественно для отыскивающихъ волю, послѣ чего крестьяне смирились, въ особенности, когда на всѣ свои просьбы отовсюду получили отказъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ опять пришлось быть на сходкѣ въ с. Троицкомъ, въ 1861 году, когда нужно было по Положенію 19-го Февраля избирать сельскихъ старостъ. Также собрана была громада и хотя повидимому представлялась таже картина, какъ и тогда, какъ люди отыскивали волю, но на веселыхъ лицахъ крестьянъ было видно совсѣмъ другое настроеніе. Я прочиталъ имъ статьи Положенія, а кстати повторилъ уже объявленный имъ прежде высочайшій манифестъ объ освобожденіи. Тутъ мнѣ невольно пришла мысль сравнить то давнее время, когда въ 1786 году дѣдамъ и прадѣдамъ этихъ же крестьянъ объявленъ былъ указъ императрицы Екатерины II о томъ, что они поступаютъ въ крѣпостные къ генералъ-поручику Александру Петровичу Ермолову за вѣрную его службу. Къ тому же припомни-

лось и то сравнительно недавнее прошлое, какъ мнѣ самому лично, восемь лѣтъ тому назадъ, приходилось уговаривать этихъ крестьянъ не выходить изъ повиновенія и исполнять законныя требованія помѣщика по распоряженіямъ его управляющаго. «Вотъ теперь вы дѣйствительно сдѣлались вольными дарованною милостью нашего императора Александра Николаевича», сказалъ я:

«Вѣчно за него будемъ Бога молять», осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, отвѣчали крестьяне съ прибавленіемъ искреннихъ благопожеланій Царю-Освободителю. Хорошее было то время! Нельзя не вспомнить съ особеннымъ чувствомъ благоговѣнія объ этой славной эпохѣ! Сколько надеждъ, упованій, представлялось тогда въ будущемъ! Исполнились ли эти ожиданія чрезъ 25 лѣтъ, когда пишутся эти воспоминанія, это другой вопросъ.

Н. Рѣшетовъ.

14-го Декабря,
1885 года.

ОТПОВѢДЬ КНЯЗЯ П. А. МЕЩЕРСКАГО

„Старушкѣ изъ степи“.

Въ 10-мъ выпускѣ Русскаго Архива 1885 года помѣщена, за подписью безъименной «старушки изъ степи», замѣтка о графинѣ Е. П. Ростопчиной. Въ этой замѣткѣ описываются мои отношенія къ двумъ дѣвицамъ, отличавшимся въ Московскомъ великосвѣтскомъ обществѣ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ своими достоинствами, а именно къ Е. П. Сушковой, въ послѣдствіи графинѣ Ростопчиной, и къ другой особѣ, фамилію которой степная жительница почему-то скрыла, а имя, если только она его знала, забыла, ибо ее звали не Анастасіей.

Мнѣ 82 года, и я, разумѣется, не буду прибѣгать къ печатному слову для того, чтобы оправдывать себя передъ кѣмъ бы то ни было: люди, знающіе меня или знавшіе мои отношенія къ упомянутымъ личностямъ, не повѣрятъ обвиненіямъ, взводимымъ на меня въ «замѣткѣ»; а остальнымъ, полагаю, безразлично, права ли «степная старушка» или нѣтъ. Цѣль моего отвѣта состоитъ въ томъ, чтобы оправдать отъ неправильныхъ обвиненій двухъ женщинъ, которыхъ я глубоко уважалъ и которыя были столь высоко образованы въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что безъ сомнѣнія не могли разбить своей жизни изъ-за интригъ безсердечнаго Донъ-Жуана, въ какомъ видѣ угодно было меня представить безъименной старушкѣ.

Съ Е. П. Сушковой я познакомился случайно, какъ и очень многіе молодые люди; я посѣщалъ домъ Пашковыхъ, попеченію которыхъ была ввѣрена Сушкова и пользовался гостепріимствомъ и благосклонностью ея родныхъ. Что я находилъ величайшее удовольствіе въ частыхъ бесѣдахъ съ молодой, талантливой, образованной дѣвушкой, я не только не отрицаю, но подтверждаю; да и кто могъ не испытывать подобнаго же чувства при знакомствѣ съ Евдокіей Петровной, которая

по своимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ стояла неизмѣримо выше большинства Московскаго общества! Результатомъ моего знакомства съ Сушковой была искренняя дружба, продолжавшаяся немало лѣтъ, а не любовь съ ея стороны и пошлое волокитство съ моей. Домъ Пашковыхъ я посѣщалъ въ продолженіи года и прекратилъ свои посѣщенія по причинамъ, имѣвшимъ мало общаго къ моимъ отношеніямъ съ Е. П. Сушковой. О свадьбѣ ея я узналъ совершенно случайно мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ прекращенія моихъ посѣщеній дома Пашковыхъ; было это зимой, зимой состоялась и свадьба.

Весь же переданный «степной старушкой» разсказъ о моемъ разговорѣ съ Сушковой на балѣ у генералъ-губернатора есть вымыселъ досужей фантазіи. Кстати замѣчу, что и балы у князя Дмитрія Владимировича Голицына бывали исключительно зимой; балконы въ это время были закрыты, а слѣдовательно отправляться на балконъ для объясненій въ любви было по меньшей мѣрѣ неудобно, тѣмъ болѣе, что во время бала «не теплыя весеннія ночи дышали надъ спящимъ городомъ», а 20-ти градусные морозы. Еслибы дѣйствительно я столь жестоко, какъ то утверждаетъ «степная старушка», обошелся съ Сушковой, то надо думать, что изъ самолюбія и вполнѣ понятной гордости она, выйдя замужъ, не удостоивала бы меня своими приглашеніями, а между тѣмъ я былъ ея постояннымъ гостемъ. Для вящаго доказательства моего бездушія приводится и стихотвореніе графини Ростопчиной, въ которомъ она излила тревожное состояніе своей души по поводу разрыва со мной. Стихотвореніе это однако ничего не доказываетъ, ибо во первыхъ оно написано по другому поводу, и во вторыхъ, фантазія поэта обнаруживается своенравно, что̀ можно подтвердить другими стихами той-же графини Ростопчиной.

Другую дѣвицу, про которую говоритъ «степная старушка», я зналъ тоже хорошо, посѣщая домъ ея тетокъ, у которыхъ она жила. Отличалась она свѣтлымъ умомъ, рѣдкимъ образованіемъ и такими душевными качествами, что неотразимо привлекала всѣхъ ее знавшихъ; вся духовная личность ея вполнѣ выражалась въ превосходной игрѣ на фортепіано; она была дѣйствительно лучшей ученицей знаменитаго Фильда, бывшаго и моимъ учителемъ. Думаю, что многіе къ ней могли примѣнять слова Баратынскаго:

„Ту назови своей звѣздой,
Что̀ съ думою глядитъ....
И взору шлетъ отвѣтный взоръ
И нѣжностью горитъ“.

Но взоръ ея горѣлъ нѣжностью только къ одному, за котораго она вышла замужъ и была съ нимъ счастлива. Мужъ ея жилъ въ Петербургѣ, былъ адъютантомъ у одного изъ великихъ князей; я часто посѣщалъ эту чету и пользовался дружбой и жены, и мужа. Смерть этой особы произошла отъ неблагополучнаго разрѣшенія отъ бремени, а отнюдь не отъ душевнаго разстройства.

Оканчивая свою замѣтку, я не могу не прибавить, что разсказы доброй старушки также близки къ истинѣ, какъ и увѣреніе въ томъ, что я уже сошелъ съ земнаго поприща. Могу ее завѣрить, что я живъ, здравъ и невредимъ, чего отъ души желаю и вызвавшей эти строки, надѣясь, что, въ послѣдующихъ своихъ разсказахъ о дорогомъ для каждаго изъ насъ стариковъ быломъ времени, она будетъ пользоваться болѣе вѣрными источниками, чѣмъ пустой болтовней Московскихъ старушекъ.

Князь Платонъ Алексѣевичъ Мещерскій.

2-го Декабря 1885 года.
Москва.

(Сообщено).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА.

Въ истекшемъ году, въ одномъ изъ повременныхъ изданій былъ напечатанъ составленный пишущимъ эти строки коротенькій некрологъ статсъ-секретаря С. Ѳ. Панютина. Въ этомъ некрологѣ, между прочимъ, привелъ я на память, что отецъ покойнаго былъ „генералъ-адъютантъ и генералъ отъ кавалеріи, скончавшійся въ званіи члена Государственнаго Совѣта и успѣвшій при жизни прославиться, „какъ боевой корпусный командиръ, какъ герой Венгерской кампаніи, защитникъ Баязета и генералъ-губернаторъ Варшавы". При словахъ: „какъ герой Венгерской кампаніи", со словъ лица, по родству весьма близкаго къ почившему статсъ-секретарю и служившаго нѣкогда въ военной службѣ, я въ скобкахъ прибавилъ: „ему сдался Гёргей". Эта приписка оказалась весьма немаловажною съ моей стороны историческою ошибкою и вызвала обращенное въ редакцію, напечатавшую мой некрологъ въ своемъ изданіи, письменное возраженіе, подписанное лицомъ, которое скрыло свое имя подъ буквами „Ф. Ф.," но назвало себя „бывшимъ старшимъ адъютантомъ 9-й пѣхотной дивизіи".

И возраженіе, и приложенныя къ нему копіи съ двухъ историческихъ документовъ, получившею ихъ редакціею любезно переданы мнѣ съ позволеніемъ напечатать ихъ.

Вотъ эта поправка.

„Во время Венгерской кампаніи Ѳедоръ Сергѣевичъ Панютинъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, не былъ корпуснымъ командиромъ, а состоялъ начальникомъ 8-й пѣхотной дивизіи; въ началѣ же движенія Русскихъ войскъ въ Венгрію командовалъ 9-ю пѣхотною дивизіею, съ артилеріею того же №, въ составѣ Австрійской арміи. И Гёргей впослѣдствіи сдался не ему, а командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, генералу Ридигеру, какъ ближайшему Русскому военачальнику отъ расположенія войскъ Гёргея, 1 (13) Августа, близъ города Виллагоша. Генералъ же Панютинъ съ своимъ отрядомъ находился въ это время при крѣпости Темешварѣ. Въ началѣ кампаніи онъ, генералъ Панютинъ, коротко ознакомился съ Гёргеемъ и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ принятіе обезсиленныхъ уже мятежныхъ войскъ.

Гёргей имѣлъ первое сраженіе съ Русскими войсками подъ командою генерала Панютина 9 (21) Іюня подъ Передомъ и получилъ внушительный уронъ, вслѣдствіе чего и предсказалъ окружавшимъ его: „наше дѣло уже потеряно", хотя и не совсѣмъ еще упалъ духомъ, ибо позднѣе потерпѣлъ еще два пораженія, какъ видно изъ прилагаемыхъ у сего въ копіи документовъ.

„Сообщая о семъ, имѣю честь просить объ исправленіи неумышленной, конечно, ошибки и возстановить сообщаемую мною истину, которую, вѣроятно, по тѣмъ же документамъ можетъ подтвердить и младшій сынъ Ѳедора Сергѣевича, командиръ гвардейскаго полка, расположеннаго въ Варшавѣ" *).

„P. S. Гёргей до вступленія Русскихъ войскъ въ Венгрію повсемѣстно одерживалъ побѣды надъ Австрійцами, и цѣлію его было вступить въ Вѣну, гдѣ, по тогдашней молвѣ, граждане ожидали его съ отверстыми объятіями; но не генералъ ли Панютинъ поставилъ шлагбаумъ на дорогѣ Гёргея въ Вѣну? Кажется, каждый скажетъ: да!"...

Ф. Ф.

23 Декабря 1885 г.
Владиміръ-Волынскій.

Вотъ и копіи съ документовъ, приложенныя къ «поправкѣ»:

1.

Рескриптъ императора Франца Іосифа, данный на имя генералъ-адъютанта Панютина.

«Генералъ! Въ происходившихъ сраженіяхъ 2 (20) и 11 (23) Іюня при Ачѣ и Комарнѣ движенія вашей дивизіи, столь же искусно соображенныя, какъ и смѣло исполненныя въ рѣшительный моментъ боя, весьма много способствовали одержаннымъ успѣхамъ въ тѣ дни. Радуясь тому, что былъ личнымъ свидѣтелемъ блистательныхъ подвиговъ, коими вы умѣли вполнѣ поддержать древнюю славу Русскаго оружія, я не могу не выразить чрезъ достойнаго ихъ начальника доблестнымъ войскамъ, которыя, по особенной дружбѣ Императора Всероссійскаго, моего Августѣйшаго союзника, раздѣляютъ въ это время

*) До передачи въ „Русскій Архивъ" подлинникъ „поправки" съ приложеніями былъ сообщенъ состоящему въ распоряженіи командующаго войсками Варшавскаго округа генералъ-майору, Всеволоду Ѳедоровичу Панютину, и приведенныя въ поправкѣ фактическія указанія признаны имъ вполнѣ вѣрными. Н. Н.

съ моею храброю арміею труды и опасности войны, все удивленіе и благодарность, внушаемыя мнѣ ихъ прекраснымъ поведеніемъ.

«Съ этими чувствами я пребываю всегда вамъ благосклонный.

«Францъ Іосифъ».

2 (14) Іюля 1849 г.
Шенбруннъ.

2.

Письмо главнокомандующаго Австрійскими войсками, генералъ-фельдцейгмейстера барона Гайнау къ генералъ-адъютанту Панютину отъ 4 (16) Августа 1849 г. изъ Темешвара.

«Послѣ всѣхъ побѣдоносныхъ подвиговъ союзныхъ армій, Россійской и Австрійской, и обоюднаго ихъ содѣйствія, можно ожидать, что положенъ счастливый конецъ вооруженному возстанію Венгерскаго народа и господствованію тамъ анархической власти.

«Какъ нынѣ, съ достиженіемъ этой цѣли, предполагается командуемую вами 9-ю пѣхотную дивизію присоединить къ главнымъ силамъ Императорско-Россійской арміи, то съ этимъ прекращается та непосредственная связь, которая соединяла вашу дивизію съ состоявшею подъ моимъ начальствомъ во время кампаніи Императорско-Австрійскою арміею.

«Слѣдуя сердечному влеченію, я не могу при этомъ случаѣ не передать и достаточно выразить вашему превосходительству чувства, коими преисполнены какъ я, такъ и вся моя армія, искреннѣйшаго сознанія высокихъ достоинствъ вашихъ, какъ опытнаго и мужественнаго вождя, а равно и отличныхъ дѣяній, коихъ мы были свидѣтелями, всѣхъ подчиненныхъ вамъ генераловъ, штабъ-и-оберъ-офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ: храбрыя въ бояхъ, примѣрно неутомимыя въ перенесеніи военныхъ трудностей и лишеній, прямодушныя съ сознаніемъ собственнаго достоинства, Русскія войска представили намъ собою образецъ высокихъ воинскихъ доблестей.

«Великія услуги, оказанныя вашею дивизіею моему августѣйшему монарху, государству и народу, который можетъ теперь насладиться благословеніемъ мира, пріобрѣли вамъ навсегда нашу глубочайшую и столь достойно заслуженную признательность, которую приносимъ вамъ, мой высокопочитаемый сподвижникъ, и всему вашему храброму войску.

«Душевно сожалѣя, что не могу васъ обнять и изустно выразить вамъ эти чувства, я прошу ваше превосходительство передать

ихъ всѣмъ чинамъ вашей дивизіи и сказать имъ, что наши совокупные дѣйствія и труды въ послѣднюю достопамятную эпоху останутся навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ въ моей жизни.

«Павшимъ въ бою дружеское воспоминаніе!

«Разставаясь же съ вами, желаю вамъ всевозможныхъ благъ, возобновляя выраженіе моего высокопочитанія и дружбы, съ коими имѣю честь быть» и пр.

На обѣихъ копіяхъ подписано: „съ подлиннымъ вѣрно. Ф. Ф".

Н.

Петербургъ,
16 Января 1886 г.

*

Поправка къ Воспоминаніямъ А. Л. Верниковскаго.

(Р. Архивъ 1885, кн. 12).

Стр. 534. Австрійскій полковникъ не *Цымъ,* а *Цвикъ.*

Стр. 536. Вмѣсто *плѣненнаго* Бема—надо *тѣснимаго*: Бемъ плѣненъ не былъ, а ушелъ въ Турцію.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ Н. Н. МУРАВЬЕВА.

Полныя высокаго историческаго значенія, Записки Николая Николаевича Муравьева, начало которыхъ появилось въ Русскомъ Архивѣ прошлаго года, а продолженіе печатается въ нынѣшнемъ году, естественно вызвали въ читателяхъ живое сочувствіе. Въ нихъ вполнѣ отразился этотъ достопамятный дѣятель, умѣвшій сочетать Европейскую образованность съ неуклонною вѣрностью Русскимъ началамъ и желѣзное, подчасъ мелочнос и надоѣдливое трудолюбіе съ широтою взглядовъ и поэтически-настроеннымъ воображеніемъ. Нѣкоторыхъ коробитъ неоглядная прямота его отзывовъ о лицахъ и событіяхъ; но въ общемъ впечатлѣніи искренность разсказа беретъ верхъ и вызываетъ сочувственное уваженіе.

Въ числѣ замѣчаній на Записки Н. Н. Муравьева получили мы нижеслѣдующія отъ здравствующаго доселѣ его родственника и пріятеля Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола (старѣйшаго изъ декабристовъ). Подъ тяжестью лѣтъ сохранилъ онъ доселѣ полную свѣжесть памяти, но самъ пи-

сать уже не можетъ, такъ что замѣчанія его писаны съ его словъ заботливо оберегающею его старость Августою Павловною Сазановичъ, которой и приносимъ за то нашу благодарность. П. Б.

Про Бородинское сраженіе.

(Р. Арх. 1885, III, 261).

26 Августа 1812 г. еще было темно, когда непріятельскія ядра стали долетать до насъ. Такъ началось Бородинское сраженіе. Гвардія стояла въ резервѣ, но подъ сильными пушечными выстрѣлами. Правѣе 1-го баталіона Семеновскаго полка находился 2-ой баталіонъ. Петръ Алексѣевичъ Оленинъ, какъ адъютантъ 2-го баталіона, былъ передъ нимъ верхомъ. Въ 8 часовъ утра ядро пролетѣло близъ его головы; онъ упалъ съ лошади, и его сочли убитымъ. Князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, ходившій къ раненымъ на перевязку, успокоилъ старшаго Оленина тѣмъ, что братъ его только контуженъ и останется живъ. Оленинъ былъ внѣ себя отъ радости. Офицеры собрались передъ баталіономъ въ кружокъ, чтобъ порасспросить о контуженномъ. Въ это время непріятельскій огонь усилился, и ядра начали насъ бить. Тогда командиръ 2-го баталіона, полковникъ баронъ Максимъ Ивановичъ Де-Дама (De Damas), скомандовалъ: «г-да офицеры, по мѣстамъ!»*) Николай Алексѣевичъ Оленинъ сталъ у своего взвода, а графъ Татищевъ передъ нимъ у своего, лицемъ къ Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастивому извѣстію; въ эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, и унтеръ-офицеру оторвало ногу. Я стоялъ въ 3-мъ баталіонѣ подъ знаменемъ вмѣстѣ съ Иваномъ Дмитріевичемъ Якушкинымъ, и конечно не смѣлъ отлучаться со своего мѣста; слѣдовательно ядрами играть не могъ.

О собственномъ воспитаніи.

(Р. Архивъ 1885, III, 11).

При Матвѣѣ Ивановичѣ долго находился пажъ Людовика XVI-го, шевалье Дагила (le chevalier D'Aguila, онъ нѣкогда сидѣлъ на козлахъ у короля, когда тотъ бѣжалъ изъ Версаля, а потомъ онъ служилъ въ арміи принца Конде), человѣкъ не только весьма образованный, но и очень ученый. Затѣмъ Матвѣй Ивановичъ прошелъ курсъ въ École

---

*) Въ послѣдствіи, при возстановленіи Бурбоновъ, баронъ Де-Дама былъ однимъ изъ министровъ у Карла X-го и, во время управленія дѣлами Франціи, онъ переписывался со старикомъ А. Н. Оленинымъ на отличномъ Русскомъ языкѣ. Какъ многіе сыновья эмигрантовъ, баронъ воспитывался въ нашемъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, и всѣ они прекрасно писали и говорили по-русски

secondaire» въ Парижѣ и, наконецъ, пробылъ годъ въ Корпусѣ Путей Сообщенія въ Петербургѣ. Но 1812 годъ помѣшалъ ему продолжать ученіе, потому что въ концѣ 1811 года былъ онъ опредѣленъ юнкеромъ въ Семеновскій полкъ. Н. Н. Муравьевъ же и всѣ его братья учились только дома у своего отца, а затѣмъ прямо поступали на службу.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ любилъ всѣхъ своихъ сыновей и гордился ими *); но, по выраженію Матвѣя Ивановича, онъ держалъ ихъ въ черномъ тѣлѣ. Они приписывали это вліянію мачихи, которая обожала мужа, совершенно ему покорялась и безпрекословно во всемъ уступала, чѣмъ и привязала его къ себѣ. Посредствомъ этой покорности и уступчивости, ей легко было возстановлять его противъ ея пасынковъ. Послѣдніе никогда не переставали быть къ отцу самыми почтительными сыновьями и до извѣстной степени мирились съ семейными обстоятельствами; одинъ Матвѣй Ивановичъ всегда относился къ мачихѣ съ изысканною, холодною вѣжливостью. Это раздражало Ивана Матвѣича, тѣмъ больше, что подобное обращеніе не давало ему повода высказать сыну причину своего неудовольствія. Поэтому это неудовольствіе обрывалось на немъ при всякомъ удобномъ случаѣ и доводило Матвѣя Ивановича до отчаянія, такъ какъ онъ высоко цѣнилъ отца и горячо любилъ его.

Элегія сенатора И. М. Муравьева-Апостола, сочиненная имъ на Греческомъ языкѣ по случаю событія 14-го Декабря 1825 года.

Три лавровыя дерева, предметъ гордости посадившаго ихъ, полныя силы и прелести юной красы, росли, сплетаясь вѣтвями и устремя верхи свои къ небу, стояли крѣпко, прямо и были славой отчизны.

Но Зевсъ грянулъ перуномъ, — неслыханное дѣло! — въ дерева, посвященныя Фебу и поразилъ ихъ до корня. Они потеряли красу свою и теперь повержены на той землѣ, которую должны были любить и защищать.

Какая же участь того, кто ихъ посадилъ?.... Осиротѣвшая глава его лежитъ подъ ихъ пепломъ!...

*) Доказательствомъ служитъ элегія, сочиненная имъ на Греческомъ языкѣ, по случаю событія 14-го Декабря 1825 года

Таже элегія, переложенная въ Русскіе стихи Ѳ. И. Глинкою.

Три юные лавра когда я садилъ,
Три радуги свѣтлыхъ надеждъ мнѣ сіяли:
Я въ будущемъ счастливъ судьбою ихъ былъ...
Ужъ лавры мои разрослись, разцвѣтали.

Была въ нихъ и свѣжесть, была и краса,
Верхи ихъ, сплетаясь, неслись въ небеса.
Никто не чинилъ имъ ни въ чемъ укоризны.
Могучи корнями и силой полны.
Имъ только и быть бы утѣхой отчизны,
Любовью и славой родимой страны!...

Но, горе мнѣ!... Грянулъ самъ Зевсъ стрѣлометный,
И огнь свой палящій на садъ мой послалъ,
И тройственный лавръ мой, даръ Фебу завѣтный,
Низвергнулъ, разрушилъ, спалилъ и попралъ...

И тѣ, кѣмъ могла бы родная обитель
Гордиться... повержены, мертвы, во прахъ;
А грустный тѣхъ лавровъ младыхъ насадитель
Рыдаетъ, полмертвый, у нихъ на корняхъ!...

Тверь, 16 Ноября 1859.

Полное собраніе „Русскаго Архива“ составляетъ цѣлую историческую библіотеку.

Лица, желающія пополнить свое собраніе „Русскаго Архива“ за всѣ двадцать четыре года, могутъ отчасти знакомиться съ его содержаніемъ по особо изданной **Росписи** за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подписчикамъ 1883 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на оберткахъ прошлаго года печаталось подробное содержаніе „Русскаго Архива“ за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: **1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881** и **1884** гг. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ **1885** года также еще есть на лицо. Остальныя годовыя изданія давно вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя и тройныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

3.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ВЕЙКАРТА.

Мельхіоръ Адамъ Вейкартъ, служившій въ Россіи гофъ-медикомъ при Екатеринѣ Великой, оставилъ записки, которыя вышли въ свѣтъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1802 г. подъ заглавіемъ: „Denkwürdigkeiten aus der Lebens-Geschichte des kaiserlichen russischen Etatsraths M. A. Weikard“ (въ 8-ку 554 стр.) На книжкѣ эпиграфъ: Nach seinem Tode zu lesen (для чтенія послѣ его смерти), хотя она появилась еще при его жизни.

Значительная часть этихъ записокъ посвящена воспоминаніямъ Вейкарта о Россіи.

Вейкартъ родился въ 1742 году въ Рӧмерсгагѣ, близъ Фульды, отъ бѣдныхъ родителей, и первоначальное образованіе получилъ въ Капуцинскомъ монастырѣ. Несчастный случай, вслѣдствіе котораго онъ въ дѣтствѣ сдѣлался горбатымъ, подѣйствовалъ на складъ его характера и на выборъ поприща: онъ посвятилъ себя наукѣ. Въ Вюрцбургскомъ университетѣ онъ изучалъ медицину и по окончаніи курса получилъ мѣсто врача на водахъ въ Брюкенау и лейбъ-медика при Фульдскомъ епископѣ, а потомъ профессора въ Фульдскомъ университетѣ. Къ этому времени относится сочиненіе Вейкарта Der philosophische Arzt, которое доставило ему извѣстность.

Въ 1784 году Вейкартъ былъ приглашенъ въ Петербургъ медикомъ ко двору. Кончина Ланскаго, котораго лѣчилъ Рейкартъ, много повредила ему и, считая свое дѣло въ Россіи проиграннымъ, онъ думалъ о возвращеніи въ Германію. Но лишь черезъ пять лѣтъ, въ 1789 г., получивъ годовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, онъ уѣхалъ за границу врачемъ при княгинѣ Барятинской, съ которою объѣхалъ Голандію и Австрію. За тѣмъ, занимаясь практикою, онъ проживалъ по недолгу: во Фракфуртѣ на Майнѣ, Майнцѣ, Мангеймѣ, Ахенѣ. Въ 1794 году онъ, казалось, рѣшился бросить скитальческую жизнь и навсегда поселиться въ Гейльбронѣ, но вступленіе на престолъ Павла измѣнило это рѣшеніе. Вейкартъ снова отправился въ Россію. Вторичное пребываніе его у насъ было кратковременно. Онъ умеръ въ Брюкенау въ 1803 году.

Записки Вейкарта любопытны какъ по своеобразной личности автора, такъ и въ отношеніи тѣхъ людей, съ которыми ему приходилось сходиться въ жизни. Желчный, мелочной и раздражительный, онъ очень на-

поминаетъ нашего Вигеля и даже превосходитъ его мизантропическимъ взглядомъ и какимъ-то цинизмомъ. Онъ одинаково ненавидитъ все и всѣхъ, нигдѣ и ни съ кѣмъ не можетъ ужиться и почти всю жизнь странствуетъ. Враждуя съ собратьями по занятію, и въ особенности съ извѣстнымъ докторомъ Циммерманомъ, Вейкартъ не въ лучшихъ отношеніяхъ и съ своими больными. Но особенно достается отъ него духовенству и женщинамъ. Въ своей книгѣ онъ посвятилъ прекрасному полу особенную главу, которую озаглавилъ Episode uber das Heirathen, oder ein Kapitel für jene, welche noch nicht geheirathet sind. (Эпизоды о супружествѣ или глава для тѣхъ, кто еще не женатъ). Многія мѣста изъ этой главы поражаютъ грубымъ цинизмомъ. Все это надо имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ мѣстъ въ запискахъ Вейкарта, въ которыхъ онъ говоритъ о пребываніи своемъ въ Россіи и службѣ при нашемъ дворѣ и которыя ниже слѣдуютъ. Братъ его, водворившійся въ Россіи, оставилъ по себѣ добрую память въ частныхъ преданіяхъ семействъ, гдѣ онъ лѣчилъ въ Петербургѣ. **А. К.**

*

24-го Марта 1784 года прибылъ я въ Петербургъ, гдѣ мой братъ уже нанялъ и устроилъ для меня помѣщеніе. Онъ пріѣхалъ въ Россію еще въ 1782 году изъ Парижа, гдѣ прожилъ пять лѣтъ. Братъ сопровождалъ семейство Шуваловыхъ и долженъ былъ возвратиться въ Парижъ; но его уговорили остаться въ Россіи навсегда, и въ 1784 году онъ былъ уже гофъ-медикъ и статскій совѣтникъ.

Я познакомился съ графомъ Шуваловымъ [1]), его достойною супругою и дѣтьми въ 1782 году въ Фульдѣ. Онъ останавливался на нѣсколько дней въ этомъ городѣ, изъ желанія сдѣлать пріятное моему брату, да и графиня хотѣла посовѣтоваться со мною насчетъ своего здоровья.

Графъ взялъ съ собою въ Россію мою книгу «Врачъ-Философъ» и, когда представился случай, поднесъ ее Государынѣ. Она передала книгу тогдашнему кабинетъ-министру Олсуфьеву, который въ совершенствѣ зналъ Нѣмецкій и много другихъ языковъ и вообще былъ человѣкъ ума остраго и философскаго.

Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ 1783 года, Шувалову было поручено узнать, нельзя-ли меня пригласить къ Русскому двору. Графъ просилъ моего брата написать мнѣ объ этомъ. Какъ разъ въ то время, когда я получилъ это письмо, мнѣ было сдѣлано предложеніе изъ Павіи занять каѳедру профессора, освободившуюся послѣ Тиссо. Надо признаться, мнѣ и хотѣлось, и не хотѣлось получить это мѣсто. Я откровенно и съ полнымъ довѣріемъ сказалъ о томъ моему князю [2]). Князь самъ бывалъ въ Италіи и лично желалъ мнѣ всякаго блага, а

---

[1]) Графомъ Андреемъ Петровичемъ, котораго біографію написалъ Д. Ѳ. Кобеко, подъ заглавіемъ: „Ученикъ Вольтера“. (Р. Архивъ 1881, III, 241) П. Б.

[2]) Т.-е. князю-епископу Фульдскому. П. Б.

потому не одобрялъ моего намѣренія ѣхать туда. Письмо брата было какъ-то неясно, или оно показалось мнѣ такимъ на первое время. Я вообразилъ, что меня приглашаютъ лейбъ-медикомъ къ Императрицѣ. Кабинетному ученому, мало знающему свѣтъ, какимъ былъ я, очень легко впасть въ подобную ошибку. Мнѣ не хотѣлось дѣлать непріятное моему князю, и такъ какъ я самъ болѣе склонялся на предложеніе изъ Россіи, чѣмъ изъ Италіи, то и сообщилъ ему объ этомъ чрезъ одного моего пріятеля. Приглашеніе въ Россію очень удивило князя; но его уваженіе къ Русской императрицѣ было такъ велико, что онъ охотно согласился доставить ей лейбъ-медика. У него еще свѣжа была въ памяти та ярость, съ какою преслѣдовали меня за моего «Врача-Философа». «Я старъ», говорилъ онъ, «а послѣ моей смерти Вейкартъ опять можетъ подвергнуться непріятностямъ, поэтому я ни за что не стану отговаривать его отъ поѣздки въ Россію».

Я написалъ брату, что согласенъ на предложеніе. Прогоны, размѣръ содержанія и прочее я оставлялъ на волю Государыни, какъ мнѣ совѣтовалъ сдѣлать это чрезъ брата графъ Шуваловъ. Такой образъ дѣйствія, конечно, былъ весьма благороденъ, но не очень выгоденъ для человѣка, котораго приглашали въ Россію. Извѣстно, что тѣмъ, которые сами ѣдутъ туда искать службы, бываетъ очень трудно устроиться; тому же, кого приглашаютъ, можно требовать чего угодно: Русскіе считаютъ ниже своего достоинства изъ-за какой-нибудь тысячи, двухъ тысячъ рублей отказаться отъ человѣка, котораго они пожелали имѣть. Танцоры и пѣвцы отлично умѣютъ этимъ пользоваться. Я же не предъявлялъ никакихъ условій и получилъ всего только тысячу рублей на проѣздъ, да двѣ съ половиною тысячи жалованья. Обыкновенное содержаніе гофъ-медика тысяча рублей; а мнѣ дали еще полторы тысячи прибавочныхъ или пенсіи.

Я пустился въ дорогу 16-го Февраля 1784 г. въ снѣжную зиму и совершилъ очень трудное путешествіе. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я всѣмъ разсказывалъ о моемъ путешествіи, думая удивить своихъ слушателей; но скоро убѣдился, что никто этимъ не интересуется. (Дороги были страшныя: даже между Берлиномъ и Потсдамомъ тогда не было шоссе. Въ Ригѣ помогъ Вейкарту своею опытностью бывшій кабинетскій курьеръ, близкій къ дому Шуваловыхъ, Тиръ, славившійся быстрою ѣздою).

Денегъ на дорогу, принимая въ разсчетъ время года и способъ путешествія сухимъ путемъ, оказалось у меня меньше, чѣмъ я думалъ. Въ этомъ я еще болѣе увѣрился, когда въ послѣдствіи узналъ, что Сутерландъ, придворный банкиръ, выслалъ своему прикащику, котораго онъ выписалъ изъ Страсбурга, три тысячи рублей на до-

рогу. Во время путешествія приходится платить не за однихъ только почтовыхъ лошадей: мнѣ надо было купить экипажъ, сдѣлать новое платье и обзавестись всѣмъ нужнымъ.

Приглашеніе въ Россію меня озабочивало. Если взять семью съ собою, думалъ я, то въ случаѣ несчастія будетъ вдвое хуже. Денегъ у меня доставало только на проѣздъ. Если прибавить къ этому то, что у насъ въ Германіи не было никакихъ связей, то могъ-ли я тащить на чужую сторону безпомощныхъ дѣтей и жену? О пенсіи ей не было и рѣчи. Я рѣшился не брать съ собою семьи.

Надо между прочимъ замѣтить, что большая часть врачей, до сихъ поръ пріѣзжавшихъ въ Россію, были просто студенты или бѣдняки, не имѣвшіе практики, или такіе профессоры, которые отправлялись въ Россію въ надеждѣ составить карьеру. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, достигали извѣстности и денегъ и пріобрѣтали почетъ, хотя дòма были простыми цирюльниками. Были, правда, при императрицѣ Елисаветѣ, приглашены де-Гортеры, отецъ и сынъ, и отецъ былъ, по тогдашнему времени, человѣкъ ученый; но оба они оказались до того неспособными къ практикѣ, что Русскіе не знали, какъ развязаться съ ними.

Тому, кто ѣдетъ въ Россію искать мѣста, не слѣдуетъ брать съ собой прислугу. Всѣ, кто ни пріѣзжалъ сюда съ Нѣмецкою прислугою, раскаивались въ томъ, и я потомъ предсказывалъ это многимъ, на основаніи чужихъ и своихъ опытовъ. Слуга, пріѣзжающій въ Россію, обыкновенно уже наслышался о томъ, что другіе, подобные ему земляки, составили себѣ здѣсь отличную карьеру, и вотъ онъ вполнѣ увѣренъ, что и самъ сдѣлается какимъ-нибудь почтамскимъ секретаремъ, таможеннымъ писцомъ, или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Иной даже надѣется быть совѣтникомъ или офицеромъ. Всякая дѣвка, пріѣхавъ въ Россію, хочетъ сдѣлаться экономкою или метрессою у какого-нибудь богача. Подобные люди питаютъ пышныя надежды и никогда не бываютъ довольны; тогда они начинаютъ искать и скоро находятъ другихъ господъ, а тому, кто ихъ привезъ, причиняютъ непріятности и безпокойство. Эти выходцы, не обладая сами хорошей натурой и твердымъ нравственнымъ характеромъ, находятъ въ Россіи множество испорченнаго Нѣмецкаго отребья и научаются всему дурному и всякой неблагодарности.

Сверхъ того, привозная прислуга не знаетъ здѣшняго языка, который необходимъ для лакея и горничной. Вообще, кто хочетъ поскорѣе научиться Русскому языку, долженъ заблаговременно привыкнуть къ Русской прислугѣ. Русскій человѣкъ смѣтливъ и скоро научается понимать своего господина, если только послѣдній умѣетъ выговорить хоть нѣсколько словъ. Одинъ извѣстный ученый, знавшій

много языковъ, достигъ этого тѣмъ, что отправлялся въ ту страну, языкъ которой желалъ изучить, и бралъ тамъ себѣ метрессу. Я зналъ въ Петербургѣ одного Итальянца, который держалъ у себя Русскую дѣвушку. Онъ говорилъ съ ней по-итальянски, она съ нимъ по-русски, и въ короткое время оба стали отлично понимать другъ друга.

Былъ Великій Постъ, когда я, 24 Марта, по Русскому стилю, 1784 г., послѣ семинедѣльнаго, въ высшей степени труднаго путешествія, прибылъ въ Петербургъ.

Государынѣ угодно было дать мнѣ сначала отдохнуть, и потому рѣшили, что я буду представленъ Ея Величеству послѣ Святой.

Графъ Шуваловъ, конечно, не хотѣлъ осрамиться своею рекомендаціей и возложеннымъ на него порученіемъ. Вообще жители большихъ городовъ, или большаго государства, въ каждомъ пріѣзжемъ находятъ много провинціальнаго, въ чемъ неизбѣжно, въ большей или меньшей степени, повиненъ всякій изъ насъ. Графъ удерживалъ меня отъ всякихъ знакомствъ, прежде чѣмъ я побываю у Государыни и старался передѣлать меня совершенно по своему идеалу. Этотъ странный, причудливый, взбалмошный человѣкъ своими стараніями, скучными опасеніями, и т. п. дѣлалъ мнѣ жизнь, въ первое время моего пребыванія въ Петербургѣ, ужасно непріятною. Утѣшеніемъ служили мнѣ: братъ, уже знавшій и большой свѣтъ, и малый, достойная и умная графиня и нѣкій Мятлевъ *), почти постоянно находившійся въ графскомъ домѣ и бывшій искреннимъ другомъ моего брата. Они старались возбудить во мнѣ благородное мужество и довѣріе къ моимъ силамъ.

Наконецъ, насталъ день, въ который графъ Шуваловъ долженъ былъ везти меня къ Императрицѣ. Кажется, что онъ очень боялся за меня.

Для Русскаго нѣтъ ничего важнѣе, какъ благосклонный взглядъ или хорошій пріемъ при дворѣ. Дворская немилость для него убійственна. Русскій захвораетъ, если его Государыня взглянетъ на него неблагосклонно. Ему станетъ хуже, если она во время его болѣзни не вспомнитъ о немъ и не освѣдомится чрезъ другихъ о его здоровьи. Въ этомъ отношеніи я всегда имѣлъ анти-Русскій образъ мыслей. Я чувствовалъ нѣкоторую гордость или самодовольство, когда про меня говорили, что я не въ большой милости у какого-нибудь сильнаго лица. Я даже думалъ, что честные люди должны меня уважать по прежнему или даже больше, въ чемъ, конечно, ошибался: люди уважаютъ человѣка

---

*) Петръ Васильевичъ Мятлевъ былъ женатъ на графинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ Салтыковой, родной племянницѣ графини Шуваловой. П. Б.

до тѣхъ только поръ, пока думаютъ, что онъ имѣетъ значеніе у сильныхъ и можетъ быть полезенъ для другихъ. Честность, умъ, добродѣтель теперь не въ модѣ; да и кромѣ того, у двора, какъ говоритъ Жанъ-Поль, нѣтъ времени для добродѣтели.

Еще до представленія Императрицѣ случилось одно счастливое обстоятельство, вслѣдствіе котораго мой графъ вдругъ просіялъ: любимый камердинеръ Ея Величества сказалъ, что въ моемъ лицѣ есть что-то умное. Это сразу подняло духъ графа. Мнѣ кажется, что онъ упалъ бы въ обморокъ или убѣжалъ бы, найди камердинеръ въ моей физіономіи что-нибудь глупое [1]).

Мы съ графомъ вошли въ комнату Императрицы. Я долженъ былъ упасть на колѣни и поцѣловать ей руку. Такъ училъ меня графъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ старинный обычай, выводившійся при Екатеринѣ. Я поклонился Государынѣ, какъ умѣлъ. Она выразила мнѣ свою благосклонность.

«Я должна вамъ признаться», сказала она, «что я невысокаго мнѣнія о врачахъ. Въ молодости мнѣ давали читать Мольера, и его мысли о врачахъ засѣли у меня въ головѣ».

Я улыбнулся при такомъ неожиданномъ комплиментѣ и постарался, конечно, отпарировать ударъ; но мнѣ все-таки было очень неловко. Проклятый Мольеръ!

Ея Величество освѣдомилась объ ученыхъ, которые въ описываемое время наиболѣе славились въ Германіи; говорила о необычайномъ числѣ писателей, сочиненія которыхъ, судя по книжнымъ катаговъ, привозились на ярмарку. Она хвалила Нѣмецкое трудолюбіе, хотя была увѣрена, что большая часть ярмарочныхъ продуктовъ— плохой товаръ.

Въ то время я надѣялся еще какъ на каменную гору на дружбу покойнаго Циммермана и нашелъ прекрасный случай съ жаромъ говорить о немъ. Императрица слышала уже о Циммерманѣ отъ князя Орлова и фрейлины Протасовой и тѣмъ легче заговорила о немъ. Она спросила также о Николаи. Такъ какъ мнѣ пришлось говорить о новыхъ сочиненіяхъ, то я упомянулъ и о самоновѣйшемъ философскомъ сочиненіи Гердера: «Идеи объ исторіи человѣчества» [2]).

«Кто такой этотъ Гердеръ?» быстро спросила Государыня.

---

[1]) Черствая и неблагодарная природа: Русскій графъ дѣлаетъ ему одолженіе, возится съ нимъ, кормитъ его, а тотъ его же обвиняетъ въ дворческой трусости. П. Б.

[2]) Славный Гердеръ (1744—1803) въ это время жилъ уже въ Веймарѣ. Екатерина, подобно Фридриху Великому, но конечно съ бо̀льшимъ правомъ, мало слѣдила за развитіемъ Германской мысли. Съ 1764 по 1769 г. Гердеръ имѣлъ большой успѣхъ у насъ въ Ригѣ, состоя проповѣдникомъ при тамошней церковной школѣ. П. Б.

— «Духовное лицо».

«Духовное лицо!» повторила она. «Въ такомъ случаѣ это не философское сочиненіе. Если человѣкъ—философъ, то онъ не можетъ быть духовнымъ лицомъ; а если онъ духовное лицо, то не можетъ быть философомъ. Разумѣется, тотъ метафизическій сумбуръ, который нынче нѣкоторые выдаютъ за философію, можетъ всего лучше уживаться съ попами, жидами и язычниками, но только онъ несовмѣстимъ съ здравымъ человѣческимъ умомъ».

Государыня разговаривала со мною по-нѣмецки и вывела такимъ образомъ графа изъ затруднительнаго положенія относительно Французскаго языка. Графъ находилъ, что я говорю по-французски очень плохо. Но избавившись отъ одной бѣды, онъ попалъ въ другую, можетъ быть бо́льшую: онъ не понималъ ничего, или очень мало изъ того, что̀ говорилось, и ужасно безпокоился, не забылъ ли я его наставленій, не наговорилъ ли я вещей, несогласныхъ съ его намѣреніями. Противъ содержанія разговора онъ не могъ ничего возразить, потому что не понялъ его, и потому вечеромъ ворчалъ на меня за то, что я слишкомъ много говорилъ и высыпалъ за разъ весь свой мѣшокъ. По мнѣнію Жана-Поля преимущество всегда на сторонѣ того, кто представляетъ, въ ущербъ тому, кого представляютъ. «Рѣдко бываетъ умное лицо», говоритъ онъ, «у того, кто бываетъ представляемъ, и, наоборотъ, глупое у того, кто представляетъ». Не знаю, какое я сдѣлалъ лицо; только, вѣроятно, я не не понравился Государынѣ, потому что она на слѣдующій день дала графу порученіе купить для меня домъ, чтобы я могъ жить въ немъ съ моею семьею.

Графъ, дѣйствительно, поручилъ кому-то подъ рукой сыскать для меня домъ. Но ему очень не хотѣлось портить свои дѣла при дворѣ. Онъ все выбиралъ и не могъ найти домъ, который былъ бы и хорошъ, и довольно дешевъ. Государынѣ, разумѣется, было все равно заплатить нѣсколькими тысячами болѣе или менѣе, но боязливому графу не хватало смѣлости представить Государынѣ цѣну дома. Въ этой нерѣшительности прошло время, а послѣ смерти фаворита Ланскаго Шуваловъ скорѣе бы, кажется, повѣсился, чѣмъ хоть однимъ словомъ напомнилъ о порученой ему покупкѣ дома.

Эта потеря, которую я въ то время очень сильно чувствовалъ, это упущенное счастье цѣлой жизни, терзало меня въ тѣ дни. Бывали минуты, когда я бѣсился на графа и повергался затѣмъ въ уныніе и отчаяніе. Я не думалъ, что представится еще разъ благопріятная минута въ родѣ той, которую онъ упустилъ.

Послѣ Святой, Государыня, по обыкновенію, отправилась въ Царское Село. Она приказала, вѣроятно, вслѣдствіе стараній графа,

чтобы я провелъ лѣто тамъ же. Вообще говоря, причиною тому могли быть придворныя интриги или какія-нибудь постороннія обстоятельства. Между тѣмъ я получилъ ассигновку на жалованье и мѣсто гофмедика. Императрица пожаловала меня камермедикомъ и приказала сказать мнѣ, что я могу входить во время ея туалета въ переднюю комнату, наравнѣ съ ея лейбмедикомъ и лейбхирургомъ. Совершенно еще небывалый въ Россіи титулъ камермедика вскружилъ голову и мнѣ, и другимъ врачамъ. Оскорбленные лейбмедики говорили: «камермедикъ должно быть выше лейбмедика»; я же думалъ, что камермедикъ нѣчто среднее между лейбмедикомъ и гофмедикомъ. Но мы всѣ ошибались, потому что, какъ каждый гофмедикъ завѣдуетъ особою частью, напримѣръ фрейлинами, пажами и т. п.; такъ и мое дѣло было заботиться о лицахъ, принадлежавшихъ къ камерѣ *).

Между дворомъ и лейбмедикомъ Рожерсономъ существовало въ это время кой-какое недоразумѣніе, которое увеличилось, быть можетъ, вслѣдствіе того, что пригласили меня. Рожерсонъ подалъ просьбу объ отпускѣ за границу, уже продалъ свой домъ и получилъ двѣ тысячи на дорогу, но не торопился отъѣздомъ. Я не заботился объ этихъ придворныхъ интригахъ, хотя онѣ-то, можетъ быть, всего болѣе и касались меня. Я жилъ себѣ въ Царскомъ Селѣ, получалъ отличный столъ и имѣлъ всего съ избыткомъ. Въ началѣ я сказалъ первому камердинеру, что мнѣ носятъ слишкомъ много. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «А что же? Чего сами не скушаете, то для вашихъ людей». Притомъ я получалъ кушанье изъ лучшей кухни, чѣмъ та, изъ которой отпускался такъ называемый докторскій столъ: лейбхирургу, гофхирургу, придворному аптекарю. Тутъ-то я узналъ, что это былъ дворъ, при которомъ не знали скупости. Мнѣ приносили каждый день по тринадцати бутылокъ разныхъ напитковъ: вина, Англійскаго пива, Русскихъ питій и еженедѣльно по штофу Данцигскаго ликера, ежедневно извѣстное количество восковыхъ свѣчей, кофею, чаю и т. п. Я вспомнилъ слова Олсуфьева: «Ни при одномъ дворѣ, ни въ Европѣ, ни въ Азіи, ни въ Африкѣ не тратится столько, какъ у насъ». При Россійскомъ дворѣ не было того положенія, какое существуетъ при другихъ дворахъ, гдѣ бываетъ государевъ столъ и маршальскій, за которомъ обѣдаютъ всѣ кавалеры и совѣтники. Государыня имѣла обыкновенно простой столъ и приглашала къ нему, кого хотѣла. По праздникамъ учреждался столъ по чинамъ до втораго или до третьяго класса включи-

---

*) Т. е. къ покоямъ Государыни. П. Б.

тельно. Всѣ господа, находившіеся при дворѣ и не обѣдавшіе у Государыни, имѣли особые обѣды изъ дворцовой кухни.

До тѣхъ поръ пока я не былъ представленъ Государынѣ въ Петербургѣ, я, по совѣту графа Шувалова, никуда не выѣзжалъ. Поэтому у меня не было ни знакомыхъ, ни друзей, а завистниковъ и враговъ уже было безъ числа. Послѣ моего представленія, я спросилъ у графа, не нужно ли мнѣ представиться также и Великому Князю, будущему Императору. Должно быть въ то время были нелады между матерью и сыномъ, и графъ, человѣкъ осторожный и трусливый, отсовѣтовалъ мнѣ. Послѣ этого я въ Царскомъ Селѣ спрашивалъ у генерала Мусина-Пушкина, оберъ-гофмейстера при дворѣ Великаго Князя, могу ли я быть представленъ Его Высочеству. Графъ Шуваловъ оказался при этомъ настолько придворнымъ, что тутъ же, въ присутствіи оберъ-гофмейстера, сталъ упрекать меня за то, что я до сихъ поръ не представлялся.

Я говорилъ объ этомъ главнымъ образомъ съ лейбхирургомъ при великокняжескомъ дворѣ Бекомъ, который вскорѣ былъ назначенъ лейбмедикомъ младшихъ Великихъ Князей и впослѣдствіи былъ лейбмедикомъ императора Павла. Я просилъ Бека переговорить о моемъ представленіи съ оберъ-гофмейстеромъ или даже съ самимъ Великимъ Княземъ. Отъ времени до времени мнѣ подавали надежду на это. Наконецъ, умеръ Ланской. Я рѣшилъ ѣхать въ городъ, но предварительно желалъ быть представленъ Великому Князю и снова обратился съ просьбою къ лейбхирургу. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь Великій Князь нехорошо взглянетъ на это: ибо могутъ подумать, что я хочу обратиться къ нему какъ разъ въ то время, когда меня постигла неудача при дворѣ Ея Величества.

Такъ это дѣло и осталось. Прошло нѣсколько времени. Недовольство мое усилилось, и я уже вовсе не желалъ быть представленнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ Великій Князь выразилъ, въ присутствіи другихъ лицъ, свое неудовольствіе на то, что я ему тогда не представился. Онъ былъ вполнѣ правъ; но и я, конечно, не былъ виноватъ; виноваты были, какъ всегда, придворныя интриги.

Всемогущаго князя Потемкина не было въ Петербургѣ въ то время, когда я туда пріѣхалъ. Только впослѣдствіи я обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что время моего прибытія въ Россію совпало какъ разъ со временемъ отлучки князя. Потемкинъ пріѣхалъ послѣ смерти Ланскаго, чтобы утѣшить Царицу. Я не представлялся Потемкину, тѣмъ болѣе, что не былъ представленъ Великому Князю. Впослѣдствіи я вообще заботился только о своихъ больныхъ и не заискивалъ ни у кого изъ сильныхъ при дворѣ. Порядочный и занятой человѣкъ не можетъ

заниматься любезничаньемъ даже съ прекраснымъ поломъ; а если онъ начнетъ этимъ заниматься, то вскорѣ перестанетъ быть порядочнымъ и дѣловымъ человѣкомъ. Строить куры—дѣло людей пошлыхъ, ничѣмъ не занятыхъ.

Я долженъ здѣсь напомнить, что, послѣ перваго моего представленія Императрицѣ, она велѣла передать мнѣ чрезъ Шувалова, чтобы я уговорилъ доктора Циммермана пріѣхать въ Петербургъ. Я написалъ ему и совѣтовалъ быть предусмотрительнѣе: выговорить себѣ побольше жалованья и мѣсто лейбмедика, потому что и его, также какъ и меня, прочли въ гофмедики. Ни о чемъ я такъ не заботился, какъ о томъ, чтобы имѣть въ Петербургѣ между врачами друга, какимъ я считалъ Циммермана. Я желалъ отъ всего сердца, чтобъ онъ тогда же былъ опредѣленъ лейбмедикомъ, слѣдовательно сталъ выше меня.

Циммерманъ написалъ мнѣ, по своему обыкновенію, длинное, на двадцати семи страницахъ, письмо, которое хотя и заключало въ себѣ много интереснаго, но не то, чего я хотѣлъ. Онъ отказывался пріѣхать; говорилъ, что князь Орловъ уже дѣлалъ ему очень выгодныя предложенія, какъ и г-ну Руссо, жить въ помѣстьи около Петербурга или во дворцѣ, въ самомъ городѣ, обѣщалъ опредѣлить на государственную службу съ содержаніемъ въ десять тысячъ руб. (чего не имѣлъ ни одинъ служащій), ибо-де князь считаетъ его способнымъ на нѣчто большее, чѣмъ на должность лейбмедика.

Государыня получила это длинное письмо, потому что оно, какъ и всѣ письма Циммермана, было написано именно съ этою цѣлію. Что̀ она думала, когда читала его, этого я не могу сказать. Довольно того, что она, какъ увѣряли, сказала: c'est un homme cher *), и больше не упоминала о немъ. Впослѣдствіи она сказала: «Циммерманъ пишетъ о предложеніяхъ Орлова поступить на службу. Я никогда не давала такихъ порученій».

Приведу здѣсь изъ Циммерманова письма что̀ касается его приглашенія въ Россію.

«Ганноверъ, 3 Августа 1784 г. Никто во всей Европѣ не имѣетъ живѣйшаго представленія о величіи и благости вашей Монархини, чѣмъ я, и это представленіе обновляется во мнѣ каждый день: въ комнатѣ, въ которой я живу, находится большой, превосходно написанный портретъ ея. Глаза мои никогда не устанутъ глядѣть на этотъ портретъ. Взглядъ на него всякій разъ возвышаетъ мою душу, согрѣваетъ сердце, потому что художникъ выразилъ въ немъ душу. Что̀ всѣ въ

*) Это человѣкъ дорогой.

Европѣ знаютъ о Государынѣ, о ея добротѣ, столь ей свойственной, о ея величіи, то знаю и я. Но я знаю больше: я знаю ее чрезъ одного изъ остроумнѣйшихъ знатоковъ человѣческаго сердца, одного изъ самыхъ прямыхъ, простыхъ, благороднѣйшихъ и величайшихъ людей, какихъ когда-либо производила Германія, чрезъ умершаго въ прошломъ году Штраутенбаха. Онъ былъ съ ландграфинею Дармштатскою въ Петербургѣ. Онъ не имѣлъ никакихъ титуловъ, не носилъ лентъ, но былъ достоинъ знать Императрицу, и не было въ свѣтѣ никого, кто могъ бы благороднѣе, возвышеннѣе, правдивѣе и съ бо́льшимъ чувствомъ говорить объ Ея Величествѣ, чѣмъ Штраутенбахъ. Я былъ съ нимъ въ Вильгельмсбадѣ въ 1780 году, послѣ того какъ въ Эмсѣ прожилъ четыре недѣли съ княземъ Орловымъ, можно сказать, въ дружбѣ и почти по-братски. И такъ, я уже заранѣе былъ полонъ Россіей, куда всею силою золота и своего добраго сердца увлекалъ меня князь Орловъ. Я былъ полонъ мыслей объ Императрицѣ. Все, что̀ мнѣ говорилъ тогда Штраутенбахъ о ней, лучше и благороднѣе не говорилъ никогда ничей языкъ. Я свободный, открытый, живой Швейцарецъ, т.-е. такое растеніе, которое не растетъ на почвѣ, какова здѣшняя. Ганноверъ скученъ для меня. Но я имѣю здѣсь при небольшомъ трудѣ хорошій достатокъ. Король даетъ мнѣ 1700 рейхсталеровъ годоваго содержанія, и нерѣдко я достаю еще, большею частію за консультаціи, четыре, пять тысячъ талеровъ въ годъ. «Это слишкомъ много для философа», скажете вы. Нѣтъ, другъ мой, это слишкомъ мало для философа: ибо я далеко еще не скопилъ столько, чтобы могъ купить себѣ помѣстье и свободу. Въ этомъ заключается все мое честолюбіе. Пока я не достигну этого, я не считаю себя богатымъ. «Такъ поѣзжайте въ Россію», скажете вы: «тамъ богатѣютъ. Проживите лѣтъ десять въ Петербургѣ и потомъ отправляйтесь себѣ въ ваши Альпы, въ Швейцарію и покупайте имѣніе!» Любезный Вейкартъ! Сердце мое обливается кровью, и я со слезами говорю: нѣтъ! Я черезчуръ болѣзненъ; нервы мои слишкомъ раздражительны и слабы. Мнѣ пришлось бы въ высшей степени напрягаться, чтобы не быть совершенно недостойнымъ милости той величайшей души, которая когда-либо властвовала надъ народами и сердцами, и я погибъ-бы. Передайте все это прямо, откровенно и свободно великой Монархинѣ, какъ я вамъ говорю, говорю растроганный до глубины души, съ благодарнымъ и обливающимся кровью сердцемъ, и вѣнценосная женщина-философъ, безъ сомнѣнія, пойметъ это».

«Послушайте, что̀ предлагалъ мнѣ князь Орловъ, когда онъ въ 1780 году хотѣлъ принудить меня par tous les diables ѣхать съ нимъ

въ Петербургъ и не требовалъ отъ меня ничего кромѣ того, чтобъ я жилъ у него на манеръ Жанъ-Жака Руссо:

«1) Двойное содержаніе противъ того, какое мнѣ давалъ тогда Англійскій король, т. е. 3400 рейхсталеровъ. 2) Даровое помѣщеніе въ его Петербургскомъ дворцѣ или въ саду въ Гатчинѣ; 3) особый экипажъ; 4) особую прислугу; 5) даровой столъ; 6) свободу возвратиться даже въ первый годъ, если мнѣ не понравится въ Петербургѣ и 7) на этотъ случай пожизненную пенсію въ 1200 талеровъ, которые я могу проживать въ Швейцаріи. Для вѣрности князь хотѣлъ пригласить изъ Вецлара королевскаго нотаріуса, который бы внесъ все это въ формальный контрактъ. Князь обѣщалъ также положить въ Амстердамскій или Лондонскій банкъ извѣстную сумму, которая обезпечивала бы мнѣ мою пенсію. Когда я отклонилъ все это, онъ предложилъ мнѣ опредѣлить меня на службу при Императрицѣ, называлъ мнѣ даже мѣсто, на которое онъ меня тотчасъ хотѣлъ рекомендовать Государынѣ и подавалъ надежду на жалованье въ десять тысячъ рублей. Но это было мѣсто не-медика; потому что князь думалъ, что Государыня могла бы назначить меня и на другія должности. Въ послѣдніе дни моего пребыванія при князѣ въ Эмсѣ, я отказался отъ всего. Онъ бросился мнѣ на шею и горько заплакалъ. Княгиня, существо въ высшей степени капризное и сотканное изъ мелкихъ страстей, просто съ ума сходила. Князь сказалъ, что хочетъ, за мою поѣздку въ Эмсъ и четырехнедѣльное пребываніе тамъ, подарить мнѣ табакерку въ пять тысячъ рублей и сверхъ того тысячу червонцевъ. Я не получилъ ни гроша (я думаю, что я былъ обокраденъ). Я сопровождалъ княгиню въ ея поѣздкѣ водою изъ Эмса въ Кобленцъ (князь поѣхалъ туда сухимъ путемъ) и спасъ ей и двумъ дѣвицамъ, Каменской и Протасовой, и ея свитѣ жизнь во время страшной бури, грозы и ливня, взявъ на себя управленіе судномъ».... и т. д.

Вся эта исторія съ Циммерманомъ была мнѣ ножъ острый, и я, клянусь честью, ожидалъ только случая опять все уладить, что́ мнѣ, къ несчастію, и удалось. Объ этомъ я еще скажу въ своемъ мѣстѣ. Тоже, что́ я до сихъ поръ разсказалъ, случилось еще до моего отъѣзда въ Царское Село. Въ это время распространился слухъ, будто Государыня страдаетъ ракомъ матки. Многіе врачи сдѣлали изъ этого спекуляцію и присылали брошюры о ракѣ. Я самъ читалъ въ одной Французской газетѣ, что знаменитый Луи (Louis) присовѣтовалъ Императрицѣ Bäder von Basreges *). Я написалъ объ этомъ Циммерману, чтобы онъ утверждалъ противное въ періодической печати. Онъ сдѣлалъ это и снова пріобрѣлъ расположеніе Государыни.

---

*) Т. е. Барежскія ванны. Барежъ, во Франціи, въ Южныхъ Пиринеяхъ. П. Б.

Эта исторія съ болѣзнью Императрицы, снова всплывшая въ 1789 году, состояла, собственно, въ слѣдующемъ. Одна знатная Русская дама была больна ракомъ, велѣла составить описаніе своей болѣзни и послать съ приложеніемъ пятидесяти луидоровъ къ оператору Луи. Французы нашли въ слогѣ письма нѣчто Англофранцузское, слѣдовательно Англичанина лейбмедика. Въ письмѣ было написано: elle est veuve, elle a été galante. Да еще пятьдесятъ луидоровъ! По мнѣнію Французовъ это не могъ быть никто иной кромѣ Русской императрицы.

Черезъ нѣсколько дней или недѣль, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ, я уѣхалъ на время въ Петербургъ. На другой или на третій день (это было въ Четвергъ, около полудня), получаю письмо отъ перваго камердинера Ея Величества, чтобъ я скорѣе пріѣзжалъ въ Царское, потому что генералъ Ланской захворалъ.

Ланской, которому я былъ представленъ въ Царскомъ Селѣ и къ которому былъ приглашаемъ на обѣды, заболѣлъ въ Среду лихорадкою и болью въ горлѣ. Лейбмедикъ Рожерсонъ находился въ это время въ Царскомъ Селѣ, но не былъ призванъ къ больному; пригласили только нѣсколько хирурговъ. Когда я вошелъ въ комнату Ланскаго, при которомъ находилась въ это время Государыня, онъ сказалъ мнѣ:

«Je suis bien mal, mais je ne prendrai rien!» (Мнѣ очень худо, но я ничего не стану принимать).

Всѣ эти господа, по примѣру Государыни, хотѣли быть философами, и отличительною чертою ихъ философіи было презрѣніе къ лѣкарству и врачамъ. Къ этому же разряду людей принадлежалъ Потемкинъ и другіе.

Я улыбнулся словамъ больнаго, который самъ себѣ не умѣлъ помочь. Я сказалъ, что не надо много лѣкарствъ, но все же нельзя вовсе обойтись безъ нихъ. Лице и шея больнаго были красны, и я, признаюсь, предположилъ у него жабу. Человѣкъ онъ былъ молодой, лѣтъ двадцати трехъ, имѣлъ всегда видъ цвѣтущій, употреблялъ неудобоваримую пищу и напитки. Для образца разскажу, какъ приготовляли ему пуншъ. Vehiculum было Токайское, вмѣсто лимоннаго сока — сокъ ананаса; къ этому еще прибавлялся аракъ. Желающіе могутъ помѣстить этотъ пуншъ à la Lanskoï въ какую-нибудь новую поваренную книгу. Надѣюсь, онъ заслужитъ одобреніе.

Съ трудомъ и при сильномъ содѣйствіи Государыни уговорилъ я больнаго позволить открыть себѣ жилу. Какъ только было выпущено нѣсколько чашекъ крови, онъ впалъ въ легкій обморокъ, кото-

рый показался мнѣ неестественнымъ и встревожилъ меня. Я прописалъ прохлаждающіе порошки, полосканье и т. п.

Въ Пятницу утромъ стало ему немного легче. Онъ зналъ, что я обезпечу себѣ благосостояніе, если его вылѣчу, особенно потому, что Рожерсонъ уже получилъ отпускъ; и вотъ Ланской захотѣлъ лучше передать счастіе Русскому, чѣмъ иностранцу. Онъ послалъ уже нѣсколько гонцовъ въ Петербургъ за какимъ-то Соболевскимъ, гвардейскимъ врачемъ, тѣмъ самымъ, который, какъ мнѣ говорили, присовѣтовалъ ему употребленіе кантаридъ внутрь. И этотъ прекрасный вельможа былъ настолько близорукъ, чтобы думать, что выписанный изъ-за границы врачъ могъ просто сдунуть съ него болѣзнь. Онъ былъ грубъ и крайне неделикатенъ со мной. Разъ онъ сорвалъ съ шеи повязку, бросилъ ее на полъ и воскликнулъ: Quel médecin, qui ne peut pas même me soulager! (Что за врачъ, который не можетъ даже облегчить меня). Говорятъ, онъ при постороннихъ сказалъ, что ему противны моя горбатая спина и толстый носъ, вѣроятно потому что самъ онъ обладалъ прекраснымъ тѣломъ и тонкимъ женскимъ носикомъ. Я молчалъ совершенно хладнокровно и внутренно смѣялся, недоумѣвая что̀ мнѣ дѣлать? Къ какимъ людямъ попалъ ты? говорилъ я самъ себѣ, и обдумывалъ, какъ бы мнѣ удалиться отъ нихъ. Я пошелъ было уже за шляпою, которая лежала на столѣ и хотѣлъ уйти, какъ въ комнату вошла Государыня и сѣла подлѣ Ланскаго на постель, такъ что мнѣ уже неловко было уходить. Они разговаривали съ Государыней по-русски, и я, разумѣется, не понималъ ни слова. Онъ ей говорилъ, вѣроятно, что послалъ за другимъ докторомъ. Она уговаривала его, насколько я могъ догадаться и, казалось, сдѣлалась совсѣмъ недовольна. Наконецъ, Ланской позвалъ меня и спросилъ:

N'est-ce pas, vous-même vous avez peur de ma maladie? (Не правда ли, вы сами опасаетесь моей болѣзни). Въ душѣ я его презиралъ (ибо мы, люди незначительные, иногда презираемъ и значительныхъ, особенно если они держатся тѣмъ, чѣмъ держался Ланской) и отвѣчалъ сухо: «Можетъ быть. Я считаю болѣзнь серьезною; но надѣюсь помочь».

Между тѣмъ появились болѣе опредѣленные признаки (слизетеченіе изъ носу, упадокъ силъ и др.), на основаніи которыхъ можно было опасаться гнилой жабы или злокачественной скарлатины.

Я познакомился съ этою болѣзнію еще въ Фульдѣ во время эпидеміи. Здѣсь припомню я одинъ анекдотъ, слышанный мною отъ графа Герца, Прусскаго посланника, когда я ему разсказывалъ о болѣзни Ланскаго. «У меня былъ камердинеръ», разсказывалъ графъ, «который захворалъ этою же самою болѣзнью въ Берлинѣ. Пригласили доктора Англичанина Бальи (Baillie). «О»! сказалъ докторъ. «Хорошо, что вы

пригласили меня, потому что мы Англичане знаемъ лучше всѣхъ эту болѣзнь. Нѣмецкіе врачи знаютъ плохо или вовсе ничего не знаютъ». Онъ дѣйствительно узналъ болѣзнь, только камердинеръ все-таки умеръ.

Послѣ описаннаго мною разговора съ Государынею и Ланскимъ я еще нѣсколько времени побылъ у больнаго и затѣмъ ушелъ домой. Скоро я услышалъ, что пріѣхалъ Русскій эскулапъ. Изъ любви къ Государынѣ я желалъ спасти больнаго. Я отправился къ новому доктору, разсказалъ ему, что̀ я предпринялъ, передалъ также, что считаю болѣзнь опасною и совѣтую приступить къ дѣлу тщательно и осторожно. Я сообщилъ ему, что за день передъ этимъ я хотѣлъ поставить больному піявки на шею, но въ то время ихъ не нашлось въ Царскомъ Селѣ, а теперь онѣ есть. Я сказалъ также, что подготовилъ больнаго къ мысли, что необходимо поставить піявки или шпанскую мушку.—«Вовсе не нужно», сказалъ докторъ: «я скоро покончу съ этою болѣзнью». Въ упоеніи будущимъ успѣхомъ онъ не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій отъ меня. Новый докторъ часто ставилъ клистиры и заставлялъ больнаго пить сырую воду въ большомъ количествѣ. Это было по правиламъ Императрицы, по правиламъ, которыя ей вбилъ въ голову нѣкій Голандскій плутъ и шарлатанъ Іосси, котораго князь Орловъ взялъ подъ свое покровительство и представилъ ко двору, какъ смѣлаго эксцентрика.

Около полудня при дворѣ распространился слухъ, что больной, въ самомъ дѣлѣ, чувствуетъ себя лучше. «Ладно!» сказалъ я необдуманно, въ присутствіи лейбъ-хирурга и нѣсколькихъ придворныхъ; «а я бьюсь объ закладъ, что къ утру и Государыня, и докторъ, и больной всѣ будутъ въ затрудненіи, и меня снова пригласятъ.» И я ожидалъ въ своей комнатѣ, чѣмъ кончится это комедія.

Въ Субботу утромъ меня, дѣйствительно, потребовали, по приказанію Ея Величества, къ больному. Я былъ уже нѣсколько выведенъ изъ моего обычнаго флегматическаго состоянія и не совсѣмъ спокойно вошелъ въ комнату Ланскаго. Я говорилъ съ большею горячностью и живостью, чѣмъ обыкновенно. Но какъ мнѣ было оставаться спокойнымъ, когда явно хотѣли меня унизить и опозорить?

«Со мною обращаются невѣжливо», сказалъ я Государынѣ; «но я пріѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы потерять свою репутацію. Для больнаго теперь уже потеряно лучшее время, а такія болѣзни быстро ухудшаются».

Добрая Государыня была терпѣлива со мною, позволила мнѣ высказаться и старалась обратить дѣло въ шутку.

«Вы, доктора», сказала она, «всегда воображаете, что можете все сдѣлать въ болѣзни, а ваше искусство ничто: все дѣлаетъ натура».

На это я еще запальчивѣе отвѣчалъ: «Натура? Хорошо! Такъ предоставьте въ данномъ случаѣ все дѣло натурѣ, и я закладываю свою голову, что больной умретъ».

— «Почему вы это знаете?» сказала она. «Это одно предположеніе».

«Я знаю это навѣрно, потому что мнѣ извѣстна его болѣзнь; я знаю, чтò сдѣлаетъ натура и чего она не сдѣлаетъ». Послѣ этого я вошелъ къ больному и раскрылъ ему грудь. «Теперь онъ весь въ пятнахъ», воскликнулъ я, «о чемъ я заранѣе говорилъ!»

Государыня удивилась и повѣрила, что медицина есть нѣчто больше, чѣмъ предположенія.

— «Ахъ!» помогите, сказала она, не зная, чтò дѣлать. «Предпринимайте, чтò хотите, дѣлайте все, чтò находите нужнымъ!»

«Нѣтъ!», сказалъ я. «Теперь я ничего не стану дѣлать, по крайней мѣрѣ одинъ не возьмусь за это. Пусть будутъ приглашены всѣ медики, какіе есть при дворѣ. Я ничего больше не хочу брать на свою отвѣтственность».

Лишь только Русскому врачу удалось поймать меня, какъ онъ сказалъ мнѣ на ухо: Sauvez-moi, je suis perdu! (Спасите меня, я погибаю).

Ланской возымѣлъ ко мнѣ полнѣйшее довѣріе и оказывалъ всякое вниманіе, хотя спина у меня была все также горбата, и носъ попрежнему толстъ; но сдѣлать что-нибудь со своимъ горломъ онъ всетаки не позволялъ. Я замѣтилъ, что уже голова его начала ослабѣвать и нѣсколько разстраиваться. Единственная вещь, на которую соглашался больной, были клистиры, которыя я поэтому велѣлъ дѣлать усиленно. Разъ только я его обманулъ и подмѣшалъ въ питье гранъ рвотнаго, въ чемъ потомъ и раскаялся: ему стало дурно, и его вырвало слизью. Съ трудомъ принудилъ я его потомъ пить. Сверхъ того онъ рѣшительно не принималъ никакихъ лѣкарствъ внутрь, ничего для горла и для шеи. Материнскія увѣщанія Государыни оставались безплодны.

Вообще Императрица слишкомъ горячо любила этого фаворита, чтобы поступать съ нимъ настойчивѣе и построже. Притомъ же она имѣла слишкомъ большое довѣріе къ крѣпости его натуры. «Не бойтесь!» не разъ говорила она мнѣ. «Вы не повѣрите, какую силу имѣетъ въ себѣ этотъ человѣкъ». Добрая Государыня, конечно, не знала, что дѣйствіе кантаридъ не было настоящею силою природы, и что кантариды-то, вѣроятно, и способствовали много теперешней болѣзни.

Естественно, что дозы этого возбудительнаго средства должны были постепенно увеличиваться, и результатомъ должна была явиться гиперстенія. Онъ самъ, когда былъ здоровъ, не разъ говорилъ своимъ приближеннымъ: «я не долго проживу». Отъ меня скрывали, но я примѣтилъ, что одинъ старый гофъ-хирургъ, а въ его отсутствіе камердинеръ, часто ходили за ширмы и совершали тамъ что-то таинственное. Разъ я подсмотрѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ спряталъ въ уголъ какой-то горшечекъ. Улучивъ время, я изслѣдовалъ этотъ горшекъ, и нашелъ въ немъ какую-то бѣлую мазь.

Я продолжалъ упорно стоять на своемъ, что безъ энергической помощи, которая теперь была уже очень сомнительна, ничего нельзя ожидать кромѣ смерти. Я не смѣлъ ни на минуту оставить больнаго и едва имѣлъ время поѣсть, хотя прямо говорилъ, что одно мое присутствіе ни къ чему не послужитъ.

У больнаго на рукѣ вверху былъ еще до болѣзни прыщикъ, который теперь, въ Воскресенье, почернѣлъ. Я показалъ это Государынѣ, и Ланскому было очень непріятно, что приходилось наложить крѣпкія повязки. Черный прыщъ и черный кругъ около него сдѣлались опять красными.

«Ваше Величество изволили видѣть», сказалъ я, «какъ черно было это мѣсто. Вы видите теперь перемѣну. Еслибы попробовать тоже на шеѣ, снаружи и внутри, тогда, можетъ быть, была бы еще надежда».

Государыня слушала и видѣла все это съ грустью; но рѣшительно ничего нельзя было подѣлать съ избалованнымъ, необузданнымъ человѣкомъ, который и къ самой Государынѣ поворачивался спиною, когда она говорила не по его, и который теперь становился все раздражительнѣе.

Во второмъ часу ночи я вошелъ къ нему въ спальню, отлучившись передъ тѣмъ на одинъ часъ. Пьяный камердинеръ, который одинъ находился при немъ, удержалъ меня и далъ мнѣ знакъ, чтобы я уходилъ. Я сдѣлалъ видъ, что ушелъ, а самъ спрятался за ширмы, чтобъ посмотрѣть, что̀ будетъ. Я замѣтилъ, что Ланской къ вечеру бываетъ слабѣе, чѣмъ днемъ. Камердинеръ, съ бутылкою въ рукѣ, приставалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ вина. Утомленный частымъ питьемъ больной отказывался. «Вы увидите», говорилъ камердинеръ, «какъ хорошо вы уснете послѣ этого». Баринъ долженъ былъ выпить.

«Бѣдные вельможи!» думалось мнѣ. «Вотъ какъ иной разъ вамъ служатъ!» Въ данномъ случаѣ нечего было уже портить, и вино теперь было скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Съ этого часа я рѣшилъ, что когда буду боленъ, то возьму сидѣлку: женщины рѣже бываютъ

пьяницы; онѣ чувствительнѣе, сострадательнѣе и особенно полезны по ночамъ, какъ для больныхъ мущинъ, такъ и для здоровыхъ. Я видѣлъ убѣдительный примѣръ тому въ чувствительной Государынѣ, которая иногда сама съ величайшею заботливостью и материнскою нѣжностью ухаживала за больнымъ.

Въ Понедѣльникъ, около полудня, Государыня вызвала меня изъ той комнаты, гдѣ лежалъ больной, въ сосѣднюю. «Скажите мнѣ прямо, каково его положеніе? Не бойтесь ничего, я рѣшилась и приготовилась ко всему». Я пожалъ плечами и ничего не отвѣчалъ. Я еще раньше сказалъ гораздо больше, чѣмъ она могла слышать. Она требовала, чтобъ я сказалъ правду.

«Если Ваше Величество приказываете, чтобъ я сказалъ правду, то я долженъ удостовѣрить, что все пропало». Она подавила въ себѣ чувство, насколько могла. «Но почему вы знаете, что онъ умретъ?»—«По воспаленію».—«Гдѣ же у него воспаленіе?»—«На шеѣ и на всемъ тѣлѣ».—«На шеѣ?» воскликнула она съ принужденнымъ смѣхомъ. «Столь же мало, какъ и у меня. Онъ глотаетъ также хорошо, какъ и я».—«Тѣмъ хуже», отвѣчалъ я и замолчалъ.

Наступило молчаніе. Она была недовольна моимъ сухимъ отвѣтомъ, а я ея смѣхомъ. Я первый прервалъ молчаніе и сказалъ:—«Я очень бы желалъ, чтобы я ошибался».

Я поклонился и вышелъ, потому что не считалъ нужнымъ оставаться долѣе. Я смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на вполнѣ оконченное, какимъ оно на самомъ дѣлѣ и было. Мнѣ пришлось проходить черезъ комнату, гдѣ лежалъ Ланской; отсюда я вышелъ въ переднюю, гдѣ находились нѣкоторые изъ его друзей и родныхъ. Они освѣдомились о состояніи больнаго. «Къ утру онъ будетъ на столѣ!» отвѣчалъ я имъ.

Я поспѣшилъ къ себѣ на квартиру и болѣе уже не показывался во дворцѣ.

Еще до этого случая у Ланскаго сдѣлалось хрипѣніе, предвѣстникъ смерти. Лейбхирургъ хотѣлъ удалить причину хрипѣнія посредствомъ рвотнаго или слабительнаго и приступалъ нѣсколько разъ ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ, но я его не слушалъ и старался отговорить. Государыня, бывшая до того отмѣнно ласкова и проста со мною, вдругъ сдѣлалась молчалива, задумчива и сердита. Я не могъ себѣ представить причины этому. Черезъ нѣсколько времени она позвала меня къ себѣ. «Что̀ думать о вашихъ медицинскихъ правилахъ? Тогда вы говорили, что рвотнаго и слабительнаго нельзя давать, а теперь опять хотите дать рвотное.»

Я удивился такому упреку со стороны Государыни и увѣрялъ ее, что вовсе не имѣлъ этого намѣренія. Она назвала мнѣ моего

помощника, и я объяснилъ тогда все, такъ что Государыня опять успокоилась. Этотъ лейбхирургъ ходилъ къ Ея Величеству и сказалъ, будто я настаиваю на томъ, чтобы дать больному рвотное.

Такъ какъ я уже болѣе не ходилъ къ больному, то коварный хирургъ пришелъ ко мнѣ, чтобы узнать мое мнѣніе. «Я скоро самъ буду», отвѣчалъ я, хотя твердо рѣшилъ какъ разъ противное. Я видѣлъ, что ему хотѣлось только вывѣдать у меня, что́ надо думать о состояніи больнаго, потому что всѣ эти молодцы (онъ, Русскій докторъ и еще одинъ гофхирургъ) повторяли только, что̀ я имъ говорилъ, за исключеніемъ случая со рвотнымъ.

Лейбхирургъ сказалъ мнѣ о томъ, что паціентъ спокоенъ. «Отлично», отвѣчалъ я. Онъ мнѣ сказалъ еще о разныхъ перемѣнахъ. Обо всемъ этомъ я постарался дать хорошій отзывъ. Cum vulpe vulpinandum (съ волками надо выть по волчьи) думалъ я про себя, т.-е. съ придворными надо говорить по придворному.

Только что вышелъ онъ изъ моей комнаты, какъ является въ страшномъ безпокойствѣ, почти въ отчаяніи, придворный аптекарь, которому я незадолго передъ тѣмъ сообщилъ о настоящемъ положеніи дѣла, а онъ, вѣроятно, пересказалъ какимъ-нибудь важнымъ особамъ (при дворѣ вѣдь шпіонству нѣтъ предѣловъ).

«Ради самаго Неба!» воскликнулъ онъ. «Что̀ же это такое? Ланскому опять лучше?»—«Ничего объ этомъ не знаю».—«Да вѣдь вы сами кому-то объ этомъ сказали.»—«Я сказалъ это лейбхирургу, потому что я ему не могъ сказать правды».—«Итакъ все остается попрежнему, что̀ вы мнѣ говорили?»—Конечно! Исходъ покажетъ это». Аптекарь былъ доволенъ, такъ какъ убѣдился, что не сдѣлалъ ложнаго сообщенія.

Съ утѣшеніемъ и новостями спѣшилъ лейбхирургъ къ больному и къ Государынѣ и сообщилъ все своимъ коллегамъ. Для Русскаго врача особенно ясны были признаки выздоровленія. Онъ съ товарищами увѣрялъ Государыню, что улучшеніе несомнѣнно. Появился предсмертный потъ. «Слава Богу!» закричали они по-русски: «насталъ переломъ!»

Я спокойно сидѣлъ себѣ дома, зная все, что̀ дѣлалось тамъ и думалъ: «это вамъ за рвотное».

Всѣ люди, и вѣнценосцы еще пожалуй болѣе другихъ, склонны вѣрить въ то, чего имъ хочется. Аристократъ вѣритъ извѣстіямъ о побѣдѣ королей, демагогъ—республиканцевъ; одинъ только мудрецъ находится по срединѣ и сомнѣвается и въ томъ, и въ другомъ.

Что́ должна была думать въ это время добрая Государыня, когда я все говорилъ о смерти, а другіе увѣряли ее въ выздоровленіи? Въ

такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ она рѣшила послать въ Петербургъ за Рожерсономъ и, благодаря этому случаю, ему снова возвращено было довѣріе. Онъ пріѣхалъ къ ночи, уговорилъ больнаго принять, à l'anglaise, ein Jamespülverchen, а около четырехъ часовъ утра Ланской скончался *). Въ два съ половиною года возвысившійся изъ крайней бѣдности до положенія фаворита, онъ оставилъ послѣ себя шесть милліоновъ, изъ которыхъ докторамъ, по Русскому обычаю, не досталось ни копѣйки. Иной разъ приходилось возиться мѣсяца по четыре, по полугоду съ какимъ-нибудь богатымъ и знатнымъ человѣкомъ и поддерживать и облегчать, насколько было можно, а послѣ смерти не получить ни благодарности, ни вознагражденія. Мнѣ случилось лѣчить барона Строгонова, который страдалъ водяною и уже лѣчился у другихъ. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ, въ страшные холода, я посѣщалъ его большею частію по два раза на день. Ему бывало нѣсколько разъ лучше, потомъ хуже, вслѣдствіе непріятностей при дворѣ (бывшій до того времени очень близкій къ нему фаворитъ Мамоновъ сдѣлался вдругъ холоденъ и сухъ въ отношеніи къ нему), безпокойства и разныхъ побочныхъ причинъ, и въ концѣ концовъ онъ умеръ. Онъ оставилъ послѣ себя сто двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами, кромѣ имѣній; я же не получилъ ни гроша. Таковъ обычай у Русскихъ: мало того, что врачъ, въ случаѣ смерти больнаго, ничего не получаетъ, но на будущее время берутъ обыкновенно другаго. Это похоже на то, что немедленно назначаютъ другаго генерала (обыкновенно хуже перваго), если первый какимъ-нибудь образомъ проигралъ сраженіе. Въ Персіи врача душатъ, если знатный больной умретъ. Рейнегсъ говорилъ мнѣ, что онъ всегда имѣлъ при себѣ сулему, чтобы отравою предупредить задушеніе. Въ Москвѣ врачи устроили, вслѣдствіе этого, такъ, чтобъ имъ платили за каждый визитъ: первый неоплаченный визитъ считался за отказъ, и врачъ больше не являлся. Дѣйствительно, лучше пусть врачъ тотчасъ же послѣ перваго визита оставитъ такого больнаго, котораго онъ находитъ неизлѣчимымъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, сберечь время и меньше портить экипажъ.

Уже послѣ смерти Ланскаго узналъ я, что его докторъ старался сдѣлать его Геркулесомъ при помощи кантаридъ. Со временемъ малый пріемъ уже не оказывалъ дѣйствія, вслѣдствіе чего доза увеличивалась. Ланской въ самомъ началѣ своей болѣзни старательно мазалъ себѣ тѣло и обкладывался пластырями, чего не соглашался дѣлать только съ шеей; а извѣстно, что шея находится въ прямой связи съ

*) Это было съ 24 на 25 Іюня ст. ст. 1784 въ Царскомъ Селѣ. П. Б.

половыми частями, въ которыхъ онъ почувствовалъ страданіе при самомъ началѣ своей болѣзни. Возможно, что употребленіе кантаридъ расположило къ столь ужасной болѣзни. Былъ слухъ, что Ланской отравленъ, какъ это часто говорятъ про важныхъ лицъ. Ихъ все еще, вопреки опыту, не хотятъ считать за смертныхъ, подобныхъ другимъ людямъ. Преувеличенное и неосновательное мнѣніе о необыкновенныхъ силахъ Ланскаго объясняется такимъ образомъ легко.

Теперь онъ былъ трупъ, онъ, этотъ красавецъ, страстно любимый своею Государынею! Вліяніе его росло съ каждымъ днемъ, и всѣ были убѣждены, что, проживи долѣе, онъ низвергъ бы Потемкина. Говорятъ, что Ланской долженъ былъ заплатить сто тысячъ Потемкину. Конечно, онъ не имѣлъ такого ума, какъ Потемкинъ, за то былъ красивѣе, умѣлъ вмѣшаться въ семейныя дѣла Государыни и приноровиться къ нимъ (wusste sich in Familiensachen der Kaiserin zu mischen und zu fügen), занималъ ее мелочами и пользовался ея полнымъ довѣріемъ. Только изъ скупости или изъ любви къ богатству оставался онъ ей вѣренъ.

Ланской былъ гвардейскимъ офицеромъ. По-французски онъ учился у одного Француза Серра (chevalier Serres), вѣроятно потому, что уже предчувствовалъ будущее свое положеніе. Серръ разсказывалъ мнѣ, что все движимое имущество Ланскаго въ то время состояло изъ пяти рубахъ. Однажды Ланской пришелъ къ Французу ночью просить ночлега. Серръ легъ къ себѣ въ кровать, а бѣднаго гостя положилъ возлѣ на полу. Это было незадолго до случая Ланскаго. Вдругъ Ланской попадаетъ къ двору. Тогда онъ приглашаетъ любезнаго своего Серра, удерживаетъ его у себя и тоже заставляетъ лечь на полу возлѣ своей кровати. Потомъ Ланской взялъ къ себѣ Серра, чтобы упражняться съ нимъ въ разговорѣ по-французски и иногда отвратительно обращался съ нимъ, говоря, напримѣръ, въ присутствіи своего Русскаго общества: «Посмотрите, какъ я буду обращаться съ Французскимъ шевалье». Серръ былъ жаденъ и переносилъ все: онъ другими путями, рекомендаціями, разговорами и т. п., умѣлъ извлекать себѣ выгоду. Дѣйствительно, его оцѣнили въ 30.000 рублей, когда умеръ Ланской. Серръ служилъ офицеромъ въ Семилѣтнюю войну, былъ горячъ и задоренъ. По его словамъ, онъ дрался на поединкѣ съ Бамбергскимъ каноникомъ фонъ Дальбергомъ (что̀ былъ впослѣдствіи главнымъ судьею въ Гаммельбургѣ въ Германіи). Дальберга всегда сопровождалъ учитель фехтованія, и Серръ нанесъ Дальбергу ударъ въ лицо. Но за деньги даже и горячій Французъ будетъ терпѣть, что̀ угодно.

Самое худшее, что̀ сдѣлалъ Ланской своему отечеству, было то, что онъ старался тащить за собою наверхъ своихъ распутныхъ то-

варищей. Одинъ изъ нихъ получилъ мѣсто полицеймейстера, другіе были сдѣланы компаньонами молодыхъ великихъ князей и т. д.

Умирая, Ланской сдѣлалъ Императрицу своей наслѣдницею или распорядительницею своего состоянія. Она раздѣлила его между родственниками покойнаго по своему усмотрѣнію, вѣроятно, какъ было условлено съ умирающимъ.

Въ то время, когда Ланской лежалъ боленъ, погода была ненастная. Я заботился о Государынѣ и боялся, что погода, общее состояніе ея здоровья и горе, все это вмѣстѣ могло расположить и ее къ подобной же болѣзни. Я написалъ о своихъ опасеніяхъ графу Ангальту, бывшему тогда генералъ-адъютантомъ. Въ это время Екатерина страдала діарреей, которая, можетъ быть, и способствовала тому, что все ограничилось легкою болью въ горлѣ.

Горе доброй Государыни о смерти Ланскаго было невыразимо, близко къ отчаянію. Еще во Вторникъ, когда умеръ Ланской, у нея заболѣло горло. Какъ выздоровленіе фаворита могло имѣть непріятныя для г. Рожерсона слѣдствія, такъ теперь, наоборотъ онъ, благодаря его смерти, еще больше пошелъ въ гору. Государыня, не желавшая никого видѣть изъ тѣхъ, кто былъ возлѣ покойнаго, приказала лѣчить себя Рожерсону. Онъ пересталъ думать объ отъѣздѣ. Въ послѣдствіи онъ совершилъ путешествіе въ Вѣну, Лондонъ и Парижъ съ десятью тысячами рублей, которые въ то время равнялись 20.000 гульденовъ. До сихъ поръ, въ теченіе 15-ти лѣтъ, Государыня, во время легкихъ заболѣваній, обращалась къ своему лейбъ-хирургу и не требовала помощи лейбъ-медика. Лѣченіе состояло въ кровопусканіи, которое въ данномъ случаѣ казалось мнѣ вовсе ненужнымъ, въ кое-какихъ полосканіяхъ и т. п.

Великій Князь во время болѣзни жилъ въ Гатчинѣ и пріѣхалъ какъ только послѣдовала смерть фаворита. Мнѣ передавали, что Государыня, когда Великій Князь вошелъ къ ней, чтобы выразить свое соболѣзнованіе, сказала ему: «Я ни въ чемъ не могу обвинять Вейкарта. Онъ мнѣ всегда говорилъ правду. Остальные всѣ дураки».

Государыня заперлась съ сестрою покойнаго, и никто не могъ ее видѣть. Я уложилъ свои вещи и молча уѣхалъ въ Петербургъ. Я не хотѣлъ больше жить при дворѣ. Теперь, конечно, была полная возможность, въ мое отсутствіе, тайно вредить мнѣ.

Еслибы графъ Шуваловъ, по своей нерѣшительности, не лишилъ меня обѣщаннаго мнѣ дома, то я былъ бы совершенно равнодушенъ ко всей этой исторіи: я имѣлъ бы тогда щедрое вознагражденіе за мое краткое пребываніе здѣсь, продалъ бы домъ и опять уѣхалъ бы въ Германію. Но при неимѣніи дома исторія съ Ланскимъ принесла мнѣ

много огорченія. Въ моемъ печальномъ одиночествѣ единственнымъ утѣшеніемъ служили мнѣ Итальянцы, которые съ шарманками подходили подъ окна моей квартиры. Ихъ плохая музыка доставляла нѣкоторую отраду моему наболѣвшему сердцу. Ахъ, добрые люди! думалъ я впослѣдствіи въ Майнцѣ (гдѣ шарманщикамъ запрещено ходить по городу), вы еще, должно быть, не бывали въ Россіи, не бывали еще въ моемъ положеніи!

У меня не было знакомыхъ и, по совѣту графа Шувалова, я въ началѣ и не смѣлъ ни съ кѣмъ знакомиться. Поэтому и сидѣлъ въ городѣ безъ знакомыхъ и безъ дѣла. Всѣ ждали рѣшенія, въ милости или въ немилости я у двора. Ни одинъ Русскій не имѣлъ бы мужества пригласить меня, пока могъ опасаться, что я въ немилости, о чемъ, дѣйствительно, и говорили нѣкоторые злонамѣренные люди. Такимъ образомъ я жилъ тихо, скорбя о потерѣ дома, и велъ себя такъ, какъ будто я былъ удаленъ отъ двора.

Я былъ приглашенъ, не знаю, по какому случаю, на обѣдъ къ одному Нѣмцу-врачу, у котораго былъ еще одинъ докторъ авантюристъ. Были еще кой-какіе гости. Я забылъ про свое горе, былъ доволенъ и веселъ. При этомъ было выпито много вина и проч. На другой день я почувствовалъ сильную боль въ желудкѣ и мучился недѣль восемь, исхудалъ и такъ высохъ, какъ въ чахоткѣ. Я нарочно сдѣлалъ визитъ графу Ангальту, чтобы показать ему свою поразительную худобу. Я медленно поправлялся и не умеръ только благодаря случайности. Не могу рѣшить, произошла ли моя болѣзнь отъ поддѣльнаго вина, или отъ нарочно подсыпаннаго порошка, что́ очень возможно.

Тяжкая печаль Государыни, бросившей теперь обычную свою философію и искусство скрывать свои чувства, мало-по-малу утихала; но она еще долго предавалась печальнымъ, мизантропическимъ фантазіямъ. Въ этомъ мрачномъ настроеніи духа начала̀ она постройку за̀мка на берегу Невы, въ лѣсистой, дикой мѣстности, вдали отъ Петербурга, чтобы жить тамъ, какъ въ пустынѣ *).

Какъ разъ въ это время попалась въ руки Государынѣ книга Циммермана о уединеніи. Такое чтеніе было какъ бы нарочно создано для тогдашняго настроенія ея души. Государыня прочла первый томъ и послала Циммерману перстень съ присоединеніемъ восторженныхъ похвалъ его сочиненію, которое произвело, по словамъ автора, и въ Германіи, и во всей Европѣ сильное впечатлѣніе. Годомъ раньше

*) Это была, Пелла, нынѣ не существующая. П. Б.

или годомъ позже это сочиненіе оказало бы, можетъ статься, совсѣмъ другое дѣйствіе на Екатерину, потому что уже въ слѣдующемъ году она мнѣ говорила: «Я прочла первый томъ Циммерманова сочиненія, начала второй, но не могла дочитать до конца; слишкомъ ужъ много въ немъ страданій».

Поэтому теперь не было послано ни перстня, ни письма.

Я оставался въ моемъ непріятномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Государыня не переѣхала въ городъ на зиму. Я обдумывалъ средства выбраться изъ Россіи, не показывался болѣе при дворѣ, и не было замѣтно, что Государыня желаетъ меня видѣть. Наконецъ, она узнала, что я думаю возвратиться въ Германію и написала графу Шувалову:

«J'apprends, que m-r Weikard est mécontent et qu'il veut s'en aller. Envoyez-lui son frère, faites-le demander ses raisons; si les raisons sont valables, j'y remédierai. (Узнаю, что Вейкартъ недоволенъ и хочетъ ѣхать. Пошлите къ нему его брата и спросите о причинахъ; если причины основательны, я помогу).

Натурально, что я объяснился съ графомъ, какъ только умѣлъ; но онъ не посмѣлъ доложить Государынѣ. Ея Величество спрашивала во второй, въ третій разъ о моемъ отвѣтѣ. Графъ не зналъ, что ему сказать, въ особенности потому, что рѣчь шла о неудовольствіи. Наконецъ, Государыня сказала: «Если вы не хотите взять это на себя, я пошлю къ Вейкарту моего камердинера Брезинскаго, чтобы онъ его спросилъ».

Графъ не сдѣлалъ ни шагу.

Все это усиливало мое безпокойство до высшей степени. Наконецъ, пожаловался я на свое несчастное положеніе покойному почтдиректору фонъ-Эку.

«Такъ вы никогда не достигнете желаемаго», сказалъ онъ, зная, какъ дѣлаются дѣла. «Обратитесь прямо къ Государынѣ. Изложите свою просьбу на бумагѣ, передайте ее мнѣ, а я ужъ позабочусь о томъ, чтобы Государыня получила ее въ собственныя руки».

Спасибо покойнику! Благодаря его совѣту и попеченію, мое положеніе сразу измѣнилось. При этомъ мнѣ вспоминается одинъ старый священникъ въ Фульдѣ, который подалъ князю пространную и безтолково написанную просьбу, состоявшую собственно въ томъ, чтобъ ему сдѣлали прибавку въ дровахъ, хлѣбѣ и винѣ. Князь возвратилъ ему его широковѣщательное посланіе съ приказаніемъ изложить просьбу коротко и ясно. Священникъ повиновался и написалъ слѣдующее:

Gnädigster Herr und Fürst,
Mich hungert, friert und dürst't.

(Милостивѣйшій государь и князь, мнѣ голодно, холодно и пить хочется). Князь понялъ его и помогъ. Въ моемъ положеніи я ничего другаго не могъ сказать кромѣ слѣдующаго: «Дайте мнѣ купить домъ, который вы мнѣ сначала обѣщали».

Жестоко требовать отъ человѣка, находящагося въ неспокойномъ состояніи, чтобъ онъ написалъ что-нибудь толковое и разумное. Я написалъ, Богъ знаетъ, какую галиматью, причемъ можно было только догадываться, чего я собственно хотѣлъ. Я писалъ, что до сихъ поръ скитаюсь какъ изгнанникъ, приплелъ тутъ же объ ущербѣ для моего семейства и т. п. Несравненная Монархиня не замедлила отвѣтомъ и написала слѣдующее:

«Красно писать я не умѣю, но писать ясно—это скорѣе мое дѣло. Ваше довѣріе мнѣ пріятно. Это должно служить отвѣтомъ на ваше письмо ohne datum (безъ означенія числа). Каждый гофмедикъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто. Ваше мѣсто есть мѣсто гофмедика моей камеры. Не знаю, почему вы считаете себя исключеннымъ или изгнаннымъ. Умный человѣкъ никогда не обходится безъ завистниковъ. Мнѣ кажется, что насъ обоихъ черезъ чуръ угнетаетъ слишкомъ большая чувствительность. Желаете ли вы привезти сюда ваше семейство или нѣтъ? Чего недостаетъ для вашего содержанія вмѣстѣ съ семьей: денегъ на дорогу или помѣщенія? Институту было бы полезно, еслибы вы удостоили его своимъ благосклоннымъ взглядомъ. Докторъ пользовался бы тамъ чаще privilegia, т.-е. быть со всѣми несогласнымъ. Это написано въ книгѣ Циммермана «о уединеніи», которая очень занимательна».

Адресъ былъ: «Гофъ-и камеръ-медику Вейкарту».

Дѣло шло объ основанномъ въ Петербургѣ хирургическомъ институтѣ, въ которомъ преподаватели и ученики были Нѣмцы. Въ Россіи для полученія ордена Св. Владимира требуется особое отличіе. Лейбхирургу Кельхену давно уже хотѣлось получить этотъ орденъ *). Кто прослужилъ тридцать лѣтъ безпорочно въ офицерскихъ чинахъ, тотъ имѣлъ право просить себѣ ордена. Такъ было въ военной и гражданской службѣ, только не для врачей и хирурговъ, которыхъ считали такимъ образомъ ниже писцовъ и солдатъ. Кельхенъ хорошо понялъ, что ему надо выбрать путь особенныхъ заслугъ; онъ и выдумалъ хирургическій институтъ, гдѣ бы учились хирурги и врачи для арміи и для государства вообще. Императрица дала указъ, назначила Завадовскаго президентомъ института, а лейбхирурга и меня для при-

*) Слышно, что существуютъ неизданныя записки и этого Кельхена о болѣзни и кончинѣ Ланскаго. П. Б.

веденія этого плана въ исполненіе. Такимъ образомъ и на мою долю могъ достаться орденскій крестъ. Но мнѣ было весьма непріятно, что я, докторъ, долженъ буду сѣсть ниже хирурга, который уже былъ статскимъ совѣтникомъ. Вообще я не люблю управлять и отдаю приказанія также неохотно, какъ и принимаю ихъ. Въ моемъ письмѣ я просилъ избавить меня отъ этого института, котораго и Государыня не желала. Впослѣдствіи я самъ отсталъ и предоставилъ лейбхирургу одному честь полученія ордена.

Получивъ письмо Государыни, я, разумѣется, ожилъ и ободрился. Я тотчасъ же написалъ отвѣтъ и уже не забылъ поставить на немъ число. Сущность моего отвѣта приблизительно была такова: «Я не могу ни на что претендовать, такъ какъ еще ничего не выслужилъ; но если мнѣ позволяется чего желать, такъ это домишка». Я рѣшился просить этого, тѣмъ паче, что Государыня, я зналъ это, еще въ самомъ началѣ обѣщала мнѣ домъ. Она отвѣчала: «Ищите же себѣ домикъ, и когда найдете, скажите мнѣ».

Естественно, что первымъ моимъ дѣломъ было узнать о продающихся домахъ. Такъ какъ было извѣстно, что платить будетъ Государыня, то всякому хотѣлось поживиться изъ чужаго кармана и сбыть домъ подороже, вслѣдствіе чего я былъ поставленъ въ большое затрудненіе. Я сообщилъ объ этомъ камердинеру Государыни Брезинскому, который въ тоже время завѣдывалъ и ея шкатулкою. Я сказалъ ему, что если Ея Величество желаетъ кому-либо оказать милость и купить у него домъ, то я желалъ бы знать это, и все зависитъ отъ ея милости и приказанія. Государыня, которая одинаково знала ходъ дѣлъ и большихъ, и малыхъ, умѣла скоро рѣшить и это. Она приказала камердинеру своему послать мнѣ десять тысячъ. Судьбѣ угодно было, чтобъ я (что̀ случалось въ это время очень рѣдко) не обѣдалъ дома именно въ тотъ день, когда кучеръ или курьеръ Государыни привезъ эти деньги. Я находился у одного злаго, желчнаго человѣка, у покойнаго Моренгейма, и мы съ нимъ сначала были въ недоумѣніи, кому деньги присланы: я думалъ, что ему, а онъ—мнѣ. Посланный указалъ, наконецъ, на меня. Я занялъ 20 или 25 рублей у Моренгейма, далъ ихъ курьеру, а ассигновку взялъ къ себѣ домой.

Я потомъ имѣлъ случай говорить съ камердинеромъ объ этихъ деньгахъ и о покупкѣ дома. «Дѣлайте съ ними, что̀ хотите», сказалъ мнѣ этотъ честный, безкорыстный человѣкъ. Получивъ деньги, я послалъ ему золотую табакерку, которой онъ однако не принялъ, что̀, разумѣется, рѣдкость въ Россіи, да и вездѣ. Надо замѣтить, что Бре-

зинскій, не смотря на свою Польскую фамилію, былъ Нѣмецъ по происхожденію и принадлежалъ къ Нѣмецкой церковной общинѣ.

Такимъ образомъ, послѣ многихъ треволненій, я нажилъ десять тысячъ рублей и десять тысячъ враговъ. Ихъ было и безъ того много вслѣдствіе приглашенія моего ко двору и вслѣдствіе того, что Государыня такъ часто отличала меня при дворѣ, особенно въ Царскомъ Селѣ. Число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивалось, главнымъ образомъ въ любезной намъ Германіи, что̀ извѣстно всякому, кто только слышалъ или читалъ тѣ пасквили, которые появлялись въ литературѣ противъ меня. И я, наконецъ, могъ воскликнуть съ Цицерономъ: Vigesimus annus est, cum omnes scelerati me unum petunt *).

Теперь я былъ спокоенъ на счетъ того, что моя поѣздка въ Россію была моей семьѣ въ пользу, а не во вредъ, чего я постоянно мучительно опасался. Состояніе моего духа сдѣлалось теперь совершенно веселое и спокойное, ибо ничто кромѣ благосостоянія моей семьи не заботило меня.

Между тѣмъ я добился практики и имѣлъ много работы. Все, что̀ противъ меня дѣлали мои завистники и враги посредствомъ клеветы, интригъ и разныхъ уловокъ—все было безполезно. «Никогда никто здѣсь не имѣлъ столько враговъ и завистниковъ, сколько вы», сказала мнѣ разъ одна Русская дама, жена тайнаго совѣтника. Самыми злѣйшими завистниками и врагами моими были почти исключительно люди, недавно пріѣхавшіе въ Россію, или провинціалы, которые надѣялись изъ простыхъ цирюльниковъ со временемъ сдѣлаться знаменитыми врачами.

Лейбъ-медикъ Крузе, служившій собственно при дворѣ Великаго Князя, первѣйшій хвастунъ и шарлатанъ, хотѣлъ тоже сыграть со мной шутку. Онъ пригласилъ покойнаго Бринкмана, обманувъ его необычайными надеждами, и быстро провелъ его во всѣ знатные дома, какъ перваго врача въ Европѣ. Бринкманъ долженъ былъ спѣшить пріѣхать въ Петербургъ весною, когда еще очень холодно. Поспѣшно долженъ былъ онъ, не отдохнувши, объѣздить вмѣстѣ съ Крузе всѣхъ баръ, особенно жившихъ за городомъ. Бринкманъ простудился, захворалъ и умеръ. Онъ жилъ рядомъ со мной, но не позвалъ меня во время своей болѣзни.

Планъ ихъ былъ такой: доставить Бринкману практику у всей знати, потомъ представить его ко двору и совершенно затмить меня. Но Крузе дѣлалъ все безъ вѣдома Императрицы и представилъ но-

---

*) Двадцатый годъ, какъ всѣ злоумышленники посягаютъ на меня одного.

ваго врача только ко двору Великаго Князя и потому не могъ ничего ожидать отъ Государыни.

Бринкмана вдова уѣхала за границу, а Крузе взялъ себѣ ихъ мебель и книги для продажи; но вдова не могла получить вырученныхъ денегъ и обратилась по этому поводу, еще до моего отъѣзда, съ жалобою къ Баварскому министру. Крузе былъ чистый прожектеръ и, не смотря на громадные подарки, большой окладъ жалованья и разныя привилегіи, умеръ въ бѣдности.

Приближался праздникъ, къ которому дѣлалось производство въ чины. Придворный аптекарь Грефъ, пожалованный тогда въ надворные совѣтники, писалъ мнѣ наканунѣ: «завтра вы будете коллежскимъ совѣтникомъ». Я ничего о томъ не вѣдалъ и не дѣлалъ для того ни шагу. Гофмедикъ надворный совѣтникъ Кюрнеръ (какъ я потомъ узналъ) посредствомъ рекомендацій графа Кобенцеля и, вѣроятно, другихъ добился того, что попалъ въ списокъ представленныхъ къ чину. Это могло напомнить Государынѣ обо мнѣ; по собственному желанію она вписала мое имя и даже прежде Кюрнера. (Вмѣстѣ съ этимъ же Кюрнеромъ въ послѣдствіи, при Павлѣ, живучи уже въ Гейльброннѣ, Вейкартъ произведенъ былъ въ чинъ статскаго совѣтника).

Коллежскій совѣтникъ есть собственно то, что̀ въ другихъ государствахъ разумѣется подъ словомъ Regierungsrath. Это чинъ равный полковничьему и пользуется въ Россіи извѣстнымъ уваженіемъ. Надворный совѣтникъ, т. е. чинъ подполковника, не имѣетъ, конечно, большаго значенія въ такой столицѣ, какъ Петербургъ. Одинъ гофхирургъ служилъ князю Потемкину, который обѣщалъ сдѣлать его надворнымъ совѣтникомъ. Человѣкъ этотъ разсуждалъ справедливо и не хотѣлъ, какъ самый младшій гофхирургъ, этого чина, если его не получатъ равнымъ образомъ и его старшіе товарищи, и. всѣ они получили его; потомъ пошли за ними и придворные аптекари.

Вышеупомянутый камердинеръ Ея Величества былъ тоже коллежскій совѣтникъ. А между тѣмъ въ Россіи, гдѣ только чинъ дѣлаетъ человѣка, почти необходимо имѣть рангъ. Тяжело быть ничѣмъ тамъ, гдѣ почти всякій есть что-нибудь.

По вопросу объ институтѣ было назначено собраніе у Завадовскаго. Одинъ докторъ, Малороссъ, человѣкъ упрямый и злой, владѣвшій знаніями, но безъ здраваго смысла и практической опытности, былъ на этомъ собраніи у Завадовскаго, также Малоросса. Для меня было совершенно неожиданностью, что этотъ господинъ принялъ участіе въ нашемъ собраніи и еще большею неожиданностью то, что вдругъ онъ вытащилъ изъ кармана и прочелъ написанный на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ проектъ, который былъ составленъ педан-

тично и направленъ исключительно на то, чтобы изъ института, предназначеннаго для Нѣмцевъ, сдѣлать чисто-Русское учрежденіе. Такъ ужъ обыкновенно бываетъ, что человѣкъ, выросшій рабомъ у деспотовъ-воспитателей, въ свою очередь дѣлается деспотомъ, коль скоро ему придется повелѣвать. Графъ Шуваловъ нерѣдко говаривалъ: «un excellent esclave devient un excellent despote» (отличный рабъ становится отличнымъ деспотомъ) въ доказательство, что низкія души наиболѣе годны быть и рабами, и деспотами. Не разъ я сердился на себя за множество въ сущности ничтожныхъ вещей, которыя я въ разныя времена дѣлалъ по неосмотрительности или опрометчивости, и до сихъ поръ еще злюсь на себя, когда вспоминаю о томъ, что я слушалъ чтеніе кліента Завадовскаго, дѣлалъ возраженія и вообще вмѣшался въ эту исторію. Мнѣ слѣдовало требовать сообщенія того, что̀ онъ написалъ, но не связываться съ нимъ прямо. Въ концѣ своего проекта этотъ глупый и злобный человѣкъ прочелъ слѣдующія назидательныя слова: «Такимъ образомъ мы будемъ въ состояніи на будущее время обходиться безъ иностранцевъ, qui, si non omnes, certo plurimi, sunt ignorantissimi et vel garrulitate sua vel arrogantia se in altum tollunt» (которые, если не всѣ, но навѣрно многіе суть отмѣнные невѣжды и возвышаютъ себя болтливостью либо притязательностью). При этомъ онъ, разумѣется, постарался сдѣлать мнѣ комплиментъ тѣмъ, что я составляю исключеніе, какъ присутствующій.

Послѣ этого моя нога не была ни въ собраніи, ни въ институтѣ. Планъ Малоросса (его фамилія, кажется, была Тереховскій) былъ, наконецъ, оставленъ; лейбъ-хирургъ продолжалъ одинъ свое дѣло. Наконецъ, во время путешествія Императрицы, въ отсутствіе лейб-хирурга, на его мѣсто пробрался съ величайшей ловкостью хитрый Рейнегсъ. Онъ невѣроятно лицемѣрилъ въ своихъ письмахъ предъ обманутымъ человѣкомъ до тѣхъ поръ, пока не устроилъ дѣло такъ, что институтъ перешелъ отъ Завадовскаго подъ управленіе оберъ-полицеймейстера и Рейнегса, но въ концѣ концовъ имъ управлялъ одинъ Рейнегсъ.

Въ этотъ промежутокъ времени произошло много замѣчательныхъ событій. Собственно говоря, я не могъ вполнѣ винить Малоросса, который въ предложенномъ проектѣ высказалъ намъ столь горькія вещи; ибо дѣйствительно невѣроятно, какіе прохвосты изъ иностранцевъ иной разъ возвышаются въ Россіи, между тѣмъ какъ лучшіе люди изъ своего народа должны оставаться назади. Но надо замѣтить, что подобные примѣры случаются въ большой части значительныхъ городовъ. Я зналъ Русскихъ врачей и хирурговъ дѣй-

ствительно заслуживающихъ лучшей участи. Особенно выдѣляются здѣсь тѣ, которые знаютъ по-нѣмецки; ибо можно признать за несомнѣнное, что Нѣмецкій языкъ сдѣлался универсальнымъ языкомъ медицинской литературы. Нѣмцы переводятъ почти все со всѣхъ языковъ и могутъ, слѣдовательно, читать на какомъ бы языкѣ ни появилось сочиненіе; никакой другой народъ не можетъ похвастаться такимъ преимуществомъ. Однако было безстыдною грубостью дѣлать подобныя нападки въ собраніи, къ которому помянутый Малороссъ и не принадлежалъ, и въ добавокъ дѣлать эти нападки въ томъ самомъ проектѣ, который долженъ былъ быть одобренъ нами, т. е. иностранцами, и утвержденъ Императрицею.

Въ большомъ городѣ, особенно на Сѣверѣ, гдѣ зимою день начинается поздно, нельзя посѣщать больныхъ такъ рано, какъ это дѣлается въ Нѣмецкихъ городахъ. Я дѣлалъ визиты утромъ часовъ въ десять или одиннадцать, затѣмъ въ два часа обѣдалъ, большею частію дома, изрѣдка у пріятелей. Часто я въ самомъ дѣлѣ получалъ выговоры за то, что слишкомъ рѣдко посѣщалъ чужіе обѣды. Послѣ обѣда часа въ четыре ѣхалъ я опять къ больнымъ и къ шести часамъ бывалъ обыкновенно дома. Иногда приходилъ ко мнѣ мой братъ или какой-нибудь хорошій пріятель. Въ восемь часовъ я ужиналъ и въ 10 ложился спать. Таковъ былъ обычный порядокъ моей жизни. Я записался за обычные двадцать пять рублей въ музыкальный клубъ и былъ тамъ во весь годъ разъ или два, и всякій разъ требовалось особенное усиліе, чтобы заставить меня сдѣлать что-либо выходящее изъ обычной колеи.

Квартира, мебель, экипажи и пр. были у меня такіе же, какъ у другихъ равныхъ мнѣ, если не лучше; я ѣздилъ четверкою, имѣлъ двѣ кареты и коляску. По пріѣздѣ я купилъ, правда, подержанную, но еще хорошую Англійскую карету, отдалъ ее поправить, на что у меня было время при моемъ первоначальномъ уединеніи. Впослѣдствіи я сдѣлалъ себѣ на заказъ новую прекрасную карету, стоившую 100 червонцевъ. По Русскому обычаю при четырехъ лошадяхъ надо имѣть кучера и форейтора, который сидитъ на лошади. Мои кучера и лакеи были одѣты лучше, чѣмъ у другихъ докторовъ. Долженъ сознаться, что отъ Русскихъ врачей или хирурговъ я не испыталъ никакихъ преслѣдованій. Они слишкомъ скромны, слишкомъ робки и большею частью слишкомъ ничтожны для этого; ибо возвышались только Нѣмцы, Голландцы и Англичане. Вотъ эти-то любезные Нѣмцы и старались дѣлать мнѣ всевозможныя притѣсненія. Мнѣ, вытерпѣвшему въ дальней странѣ такъ много отъ завистниковъ и враговъ, всего удивительнѣе казалось то, что даже такъ называемые ученые на Германской почвѣ думали подняться надъ своей табачной сферой, когда вы-

мещали свою злобу оскорбленіями человѣка, который уже давно не жилъ съ ними и не желалъ имѣть съ ними ничего общаго. Пасквильные листки побѣдоносно разносились моими врагами. По этому поводу я долженъ припомнить, какъ однажды ученикъ Германа Боэргава, лейбъ-медикъ Крузе, родившійся въ Россіи, вовсе не бывшій мнѣ другомъ, все-таки по поводу одного листка, въ которомъ я былъ злобно и глупо оскорбленъ, прямо сказалъ: «Стыдно быть Нѣмецкимъ ученымъ, потому что они ничѣмъ не интересуются кромѣ злобнаго бездѣльничества».

Когда въ началѣ моей дѣятельности въ Петербургѣ въ обществѣ разсказывали, что какой-нибудь ребенокъ, женщина или мужчина неожиданно умирали и при этомъ спрашивали, кто лѣчилъ, завсегда находился субъектъ, обстоятельно пояснявшій, что лѣчилъ Вейкартъ. Я слышалъ это по поводу нѣсколькихъ умершихъ, которыхъ я никогда не видалъ и не лѣчилъ. Нѣкто Маруцци, богатый Грекъ банкиръ, во время войны съ Турками, далъ Русскимъ, кажется въ пользу Орловской флотиліи, большую сумму денегъ въ займы, съ условіемъ, чтобы его сдѣлали консуломъ въ Венеціи. Грекъ хотѣлъ хорошенько прижать Венеціанцевъ. Онъ былъ сдѣланъ консуломъ, но потомъ оставилъ это мѣсто. Теперь онъ жилъ въ Петербургѣ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ извѣстный говорунъ и присутствовалъ на всѣхъ собраніяхъ. Маруцци былъ женатъ на принцессѣ Валашской. Его родственникъ, молодой человѣкъ лѣтъ 18 или 19, захворалъ. Одинъ плохой докторъ, не имѣвшій почти никакой практики, приглашенъ былъ лѣчить юношу. Тому сдѣлалось хуже; позвали меня. Невѣжественный докторъ держалъ слабаго, мертвенно-блѣднаго больнаго въ холоду и заставлялъ его голодать. Больной лежалъ въ холодной комнатѣ подъ легонькимъ одѣяломъ, ѣлъ только вассерсупъ, плоды, зелень и прозябъ до костей. Я снялъ со стѣны плащъ и положилъ на одѣяло. Жалкій эскулапъ быстро подошелъ, взялъ плащъ, повѣсилъ его на стѣну и сказалъ мнѣ робкимъ, дрожащимъ голосомъ: cela le chargera (ему будетъ тяжело). Я настаивалъ на лучшемъ питаніи, но этого также не было сдѣлано. Обезсиленный больной, котораго я раньше не зналъ, корчился уже въ судорогахъ и конвульсіяхъ, вслѣдствіе чего наконецъ явилась упорная икота. Врачъ уже истощилъ все свое искусство и требовалъ моего мнѣнія объ икотѣ. Я предложилъ порошки изъ одного грана цинковаго цвѣта съ сахаромъ или что-то въ этомъ родѣ. Числа порошковъ я не назначилъ. Онъ прописалъ 12 порошковъ, принимать каждые два часа по одному. Я согласился. Икота, дѣйствительно, прекратилась; но начались другія судорожныя движенія. Я съ перваго взгляда считалъ больнаго добычею смерти, и черезъ нѣсколько дней онъ дѣйствительно умеръ. Я былъ у больнаго всего два раза, самое

большее три. Такъ какъ онъ умеръ противъ ожиданія и, вѣроятно, вопреки всѣмъ увѣреніямъ близорукаго врача, то сей послѣдній, конечно, не зналъ лучшаго средства, какъ свалить на меня всю вину и сказать, что я посовѣтовалъ ядовитое средство. Авантюристъ Маруцци написалъ мнѣ грубое письмо, на которое я ему тоже хорошо отвѣчалъ. Я думалъ, что этимъ и кончится вся исторія; но мнѣ пришлось почти цѣлый годъ слышать, какъ подлый Гречишка ѣздилъ по городу и распускалъ слухъ, будто я уморилъ его родственника.

Я уже былъ въ Германіи, когда безстыжіе Нѣмцы писали, что я жилъ въ Петербургѣ incognito и едва успѣлъ убраться, чтобы не быть выгнаннымъ. Подобные негодяи не заслуживаютъ опроверженія. Сотни Нѣмцевъ были въ мое время въ Петербургѣ, посѣщали меня или видѣли и слышали обо мнѣ. Благоразумные и честные люди могли бы у нихъ справиться. Странно, что въ то время, когда врачи въ Петербургѣ говорили, что Вейкартъ заберетъ всѣхъ паціентовъ, нѣкоторые негодяи писали въ Германію: Вейкарту нечего было дѣлать ни у кого изъ знатныхъ, онъ жилъ инкогнито.

*

Далѣе Вейкартъ подробно разсказываетъ о своихъ сношеніяхъ и ссорѣ съ Швейцарцемъ Циммерманомъ, славнымъ медикомъ и писателемъ, и по этому поводу приводитъ отрывки изъ писемъ, которыя Екатерина писала къ нему, Вейкарту. Тутъ довольно трудно доискаться правды; ясно только, что Циммерманъ очень жаденъ былъ къ Русскимъ деньгамъ и всякимъ отличіямъ, исходившимъ изъ Петербурга. Эпизодъ этотъ, полный всякаго рода хитростей и докторскихъ плутней, можетъ составить цѣлую поучительную главу въ исторіи медицины, такъ какъ Циммерманъ принялъ на себя доставлять въ Россію врачей изъ Германіи. Книга Циммермана о уединеніи была не разъ издана порусски, въ двухъ томикахъ, въ переводѣ Н. Анненскаго. Екатерина увлеклась было ею и ея авторомъ; но скоро замѣтила ихъ недостатки. О сношеніяхъ Екатерины съ Циммерманомъ и Вейкартомъ есть цѣлая книга. соч. Маркарта, изд. въ Бременѣ въ 1803 г. Екатерину довольно трудно было провести: она держалась любимой своей поговорки о волчьемъ ртѣ и лисьемъ хвостѣ и дозволяла себя обманывать, насколько самой ей было угодно. Мнительность и раздражительность Вейкарта не мѣшали Екатеринѣ цѣнить ученыя его достоинства. Онъ оставался при ея дворѣ и сопровождалъ ее въ Крымское путешествіе.

Въ началѣ 1789 г. Вейкартъ взялъ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и уѣхалъ на родину.

Княгиня Барятинская (бабка фельдмаршала) пригласила Вейкарта провожать ее въ чужіе края съ платою по сту гульденовъ въ мѣсяцъ. Тринадцать недѣль ѣхали они до Франкфурта на Майнѣ. Въ благодарность за излѣченіе княгиня заказала Фальконету бюстъ Вейкарта. Они много и долго путешествовали по Голландіи, Германіи и Австріи. Въ Вѣнѣ Вейкартъ лѣчилъ графа И. Г. Чернышова, о которомъ сообщаетъ любопытныя подробности. Вообще, въ запискахъ его разсѣяно довольно много мѣткихъ замѣчаній и характерныхъ, часто безпощадныхъ, отзывовъ. Къ Екатеринѣ однако относится онъ съ неизмѣннымъ уваженіемъ. Приводимъ отзывы о немъ Екатерины. 5 Апрѣля 1784 г. пишетъ она барону Гримму: «Докторъ Вейкартъ здѣсь, хотя застегнутые миссіонеры всячески отговаривали его ѣхать сюда, а трепанированные даже на его пути гнали его назадъ *); но все по напрасну: онъ здѣсь, и нынче, 5 Апрѣля, въ первый разъ ко мнѣ явится. Онъ прибылъ съ благословенія барона Дальберга и многихъ другихъ, кого я очень люблю, но кого не знаю». 5 Апрѣля, послѣ обѣда: «Сегодня утромъ видѣла я доктора Вейкарта. Онъ мнѣ показался весьма уменъ и съ большими познаніями. Онъ великій наблюдатель». Но четыре года спустя, въ письмѣ отъ 27 Апрѣля 1788 г., читаемъ: «Что̀ до Вейкарта, признаюсь, что онъ мелоченъ, и въ добавокъ глупъ. Кромѣ того, я почитаю его неблагодарнымъ».

*

Записки Вейкарта любопытны для Русскихъ читателей преимущественно по отношенію къ любимцу Екатерины Великой Ланскому, который въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ, съ небольшими перерывами, пользовался первенствующимъ значеніемъ при нашемъ дворѣ. Поэтому нелишнимъ считаемъ сообщить здѣсь нѣсколько свѣдѣній объ этомъ человѣкѣ. Извѣстія о немъ сохранились наиболѣе въ письмахъ Государыни къ барону Гримму, которому обыкновенно передавала она подробности о событіяхъ, людяхъ и о собственной обстановкѣ.

Генералъ-поручикъ и генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, изъ Смоленскихъ дворянъ, сынъ армейскаго капитана Дмитрія Артемьевича и супруги его Ульяны Яковлевны, родился 8 Марта 1758 г.; слѣд. весною 1780 года, когда переѣхалъ онъ на житье во дворецъ, ему шелъ 23-й годъ, и онъ на 29 лѣтъ былъ моложе Екатерины. По отзыву его современника Л. Н. Энгельгарта, Ланской «былъ большаго

*) Кого именно разумѣетъ Екатерина подъ застегнутыми и трепанированными (т. е. съ надтреснутымъ черепомъ), мы не знаемъ. П. Б.

роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты лица правильныя; цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка». Читатели припомнятъ портретъ его на картинкѣ Сидо̀, приложенной къ Русскому Архиву 1881 года. Въ письмѣ къ Гримму отъ 9 Декабря 1782 года Екатерина такъ выражается о красотѣ его: «Ланскому смерть какъ хочется имѣть головку Грёза. Если вы ему достанете съ нея маленькую копію на эмали, онъ станетъ прыгать какъ коза, и цвѣтъ лица его, всегда прекрасный, оживится еще болѣе, а изъ глазъ, и безъ того подобныхъ двумъ факеламъ, посыплятся искры».

Потерпѣвъ измѣну Корсакова, который въ Октябрѣ 1779 года удалился отъ двора въ Москву (гдѣ и основался на жительствѣ, вступивъ въ связь съ гр. Е. П. Строгановою, ур. кн. Трубецкою), Екатерина, какъ говорятъ по указанію самаго князя Потемкина, остановила выборъ свой на его адъютантѣ кавалергардскомъ офицерѣ Ланскомъ. Она замѣтила его еще лѣтомъ 1779 г. въ Петергофѣ. Лордъ Мальмсбюри въ первый разъ упоминаетъ о Ланскомъ въ депешѣ своей отъ 11 Октября этого года *): «Ланской молодъ, красивъ и, какъ говорятъ, чрезвычайно уживчивъ. У него много родни, братьевъ родныхъ и двоюродныхъ, и большая ихъ часть скоро здѣсь появится». На Святой недѣлѣ слѣдующаго года Ланской поселяется въ зимнемъ дворцѣ; но въ Маѣ 1781 года, по словамъ того же лорда, происходитъ временное охлажденіе въ пользу нѣкоего Мордвинова. «Ланской велъ себя такъ безукоризненно, что не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы его отставить. Онъ ни ревнивъ, ни легкомысленъ, ни дерзокъ и жалуется на немилость, продолженіе которой предвидитъ, такимъ трогательнымъ образомъ, что Государыня и ея довѣренныя лица озабочены мыслію, какъ бы съ нимъ разстаться безъ жестокости». Но разставаться не пришлось. Черезъ мѣсяцъ Ланскому покупается у князя Потемкина имѣніе въ полмилліона рублей. 8 Марта 1782 года Англійскій посолъ, восхваляя «безразлично-спокойный характеръ» Ланскаго, снова пророчитъ ему близкое паденіе, и снова ошибается. Напротивъ, Государыня страстно привязалась къ новому своему любимцу. Страсть, снабженная столь могущественными средствами, внѣшними и внутренними, не пощадила человѣка, на котораго она обратилась. Екатерина сама занялась умственнымъ и художественнымъ образованіемъ Ланскаго. Въ этой близости нельзя было оставаться невѣжею. Она

---

*) См. необыкновенно любопытныя депеши этого посла, переведенныя съ Англійскаго г-жею Келлерманъ, въ Русскомъ Архивѣ 1874 года. П. Б.

увлекалась его успѣхами въ просвѣщеніи. «Чтобы вамъ знать, чтó это за молодой человѣкъ, послушайте, какъ отзывался о немъ одному своему пріятелю князь Орловъ. «О!» говорилъ онъ, «вы увидите, какого человѣка она изъ него сдѣлаетъ. Ему всего мало!» Онъ началъ съ того, что въ одну зиму проглотилъ поэтовъ и поэмы, въ другую многихъ историковъ. Романы намъ надоѣдаютъ, и мы возымѣли жадность къ Альгаротти *) съ братіею. Не изучая, будемъ мы имѣть безчисленныя познанія, и находимъ удовольствіе въ сообществѣ со всѣмъ чтò есть самаго лучшаго и самаго просвѣщеннаго. Кромѣ того, мы строимъ, сажаемъ; къ тому же мы благотворительны, веселы, честны и полны кротости» (письмо къ Гримму отъ 28 Іюня 1782). Забавно, что Екатерина завела Ланскаго въ переписку съ Гриммомъ; но всѣ письма любимца писаны самою Екатериною и только имъ подписаны; она же увѣряла Гримма, будто онъ ей диктуетъ эти письма. Таково было самообольщеніе страстной женщины. Гриммъ, отлично знавшій гдѣ раки зимуютъ, разумѣется, льстилъ Ланскому и отозвался, что Ланскіе вообще умѣютъ хорошо исполнять свои обязанности. По этому поводу Екатерина пишетъ (21 Сент. 1783): «Я ему говорю это ежедневно. Они хорошаго закала, а онъ перлъ между ними; потому что никто изъ нихъ, даже и Василій, его не стоитъ». Это Василій Сергѣевичъ Ланскій, впослѣдствіи, при Александрѣ и Николаѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ посыланъ былъ въ Парижъ выручать изъ обольщеній какой-то Нѣмки младшаго двоюроднаго брата своего Якова Дмитріевича, въ чемъ и помогъ ему услужливый Гриммъ, также покупавшій для Ланскаго драгоцѣнныя камеи или рѣзные камни, которыми нынѣ такъ богатъ нашъ Императорскій Эрмитажъ. Изъ письма Екатерины отъ 8 Декабря 1782 г. къ своему «козлу отпущенія», souffre-douleur, какъ называла она Гримма, видно, что Ланской самъ занимался рѣзьбою на камнѣ и вырѣзалъ очерки лица ея въ видѣ Негритянки. Для этихъ упражненій Ланскаго въ гравированіи нарочно выписывались цѣнные камни изъ Сибири (письмо отъ 3 Октября 1782). Находчивая Государыня умѣла отлично наполнять досуги своего друга. «Каждое утро онъ шныряетъ по разнымъ мастерскимъ; у него свои «козлы отпущенія», которыхъ онъ мучаетъ

---

*) Знаменитый Итальянскій писатель-философъ, который пользовался особеннымъ уваженіемъ Фридриха Великаго. Онъ писалъ и о пластическихъ искусствахъ, къ которымъ пристрастился Ланской. Для него и ради него Екатерина тратила большія деньги на камеи и рѣзныя камни. Послѣ его кончины она увѣдомляетъ Гримма, что камеи больше не нужны ей. П. Б.

словно каторжниковъ; съ полдюжины ихъ въ моей галлереѣ ежедневно работаютъ для него до изнеможенія» (письмо отъ 19 Апрѣля 1783). Очевидно, Екатерина заразила молодаго человѣка своею дѣятельностью. Живучи подлѣ нея, не приходилось губить время въ пошлой праздности: въ ней самой дѣятельность била ключемъ, и ея живой умъ неистощимо изобрѣталъ всякаго рода затѣи. Даже и въ Корсаковѣ, который отличался только внѣшнею красотою, сумѣла она развить прирожденную ему Малороссійскую любовь къ музыкѣ. Корсаковъ отличался такою наивностью, что впослѣдствіи ежегодно, отправляясь изъ Москвы въ Братцово и возвращаясь оттуда, совершалъ эти переѣзды въ каретѣ съ императорскими гербами (слышано отъ М. А. Дмитріева). Ланской, напротивъ, былъ смышленъ и способенъ ко всякому развитію. Суровый князь М. М. Щербатовъ ставитъ ему въ вину, что онъ «жестокосердіе поставилъ быть въ чести» («о поврежденіи нравовъ въ Россіи»); но мы не имѣемъ прямыхъ доказательствъ справедливости этого отзыва, хотя въ немъ должна быть доля правды. Безбородко вспоминалъ про Ланскаго, въ письмѣ въ Лондонъ, къ своему пріятелю графу С. Р. Воронцову отъ 9 Іюля 1789 года, сравнивая его съ только что удалившимся тогда графомъ Мамоновымъ: «Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ имѣлъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, а многимъ старался помогать». По единогласному свидѣтельству современниковъ, Ланской чуждался всякихъ сплетень. При немъ были въ Россіи Іосифъ II-й и наслѣдный принцъ Прусскій; онъ ѣздилъ съ Государынею на свиданіе съ Густавомъ III-мъ, но въ политическихъ дѣлахъ участія не принималъ.

Болѣзнь Ланскаго началась гораздо раньше, нежели предполагалъ Вейкартъ. Еще 3 Авг. 1781 г. Екатерина пишетъ императору Іосифу: «Гроза вздумала сдѣлать мнѣ визитъ въ моемъ собственномъ покоѣ, при чемъ молнія порядкомъ задѣла камергера Ланскаго и сдѣлала ему синякъ» (Р. Арх. 1880, I, 261). Въ Ноябрѣ 1782 года онъ былъ боленъ воспалительною лихорадкою (Р. Арх. 1878, III, 81). Ровно за годъ до кончины онъ упалъ съ Англійской лошади и расшибъ себѣ грудь, такъ что шесть недѣль лежалъ въ постели и харкалъ кровью (письма къ Гримму отъ 16 Августа и 20 Сентября 1783). Екатерина все больше и больше привязывалась къ Ланскому и въ каждомъ почти письмѣ къ князю Потемкину посылала ему поклоны отъ своего «Саши». Кромѣ большихъ имѣній, двухъ домовъ въ Петербургѣ и одного въ Царскомъ Селѣ, она очевидно готовила ему графскій титулъ и 24 Апрѣля 1784 года приказала Храповицкому сдѣлать выписки изъ Бархатной Книги о родѣ Ланскихъ (Р. Архивъ 1872, стр. 2062).

Кончина Ланскаго является цѣлымъ событіемъ. Скорбь Государыни была глубокая и неподдѣльная. Графъ А. Р. Воронцовъ, не любившій Екатерины, не довѣрявшій ей, видѣвшій въ ея дѣйствіяхъ много напускнаго, на этотъ разъ выражалъ опасеніе въ письмѣ къ брату въ Лондонъ, что она не переживетъ постигшаго ее удара. Есть извѣстіе, что Екатерина носила по Ланскомъ трауръ (Р. Арх. 1880, III, 263). Нельзя равнодушно читать письма, въ которыхъ она говоритъ о своемъ горѣ. 2 Іюля 1784, т. е. черезъ недѣлю, она пишетъ Гримму: «Я была счастлива, и мнѣ было весело, и дни мои проходили такъ быстро, что я не знала, куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубокую скорбь; моего счастья не стало. Я думала, что сама не переживу невознаградимой потери моего лучшаго друга, постигшей меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорою моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, дѣлалъ успѣхи, усвоялъ себѣ мои вкусы. Это былъ юноша, котораго я воспитывала, признательный, съ мягкой душой, честный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ. Словомъ, я имѣю несчастіе писать вамъ рыдая. Генерала Ланскаго нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Злокачественная горячка, въ соединеніи съ жабой, свела его въ могилу въ пять сутокъ *), и моя комната, въ которой мнѣ прежде было такъ пріятно, превратилась въ пустыню. Наканунѣ его смерти я схватила горловую болѣзнь и жестокую лихорадку; однако со вчерашняго дня я встала съ постели, но слаба и до такой степени болѣзненно разстроена въ настоящее время, что не въ состояніи видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобы не разрыдаться и не захлебнуться слезами. Не могу ни спать, ни ѣсть; чтеніе нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ. Не знаю, что́ будетъ со мной; знаю только, что никогда въ жизни я не была такъ несчастна, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мой лучшій и дорогой другъ покинулъ меня».

Мѣсяца черезъ два она опять вспоминаетъ Гримму обстоятельства кончины Ланскаго. Разсказъ ея, подтверждаемый записками Вейкарта, показываетъ, какъ рѣзко и отчетливо запечатлѣвались у нея въ головѣ всѣ подробности занимавшаго ее обстоятельства. По этому образчику можно судить вообще о характерѣ автобіографическихъ повѣствованій этой необыкновенной женщины.

---

*) Княгиня Дашкова въ Запискахъ своихъ („Архивъ Князя Воронцова" кн. 21, стр. 284), увѣряетъ, будто у Ланскаго разсѣлся животъ (son ventre creva); но вѣрить княгинѣ надо съ осторожностью, тѣмъ болѣе, что съ Ланскимъ она ссорилась. П. Б.

14 Сентября 1784.

«Изо всѣхъ, окружавшихъ его въ продолженіи этой злокачественной пятнистой горячки (fièvre maligne et pourprée), которая началась болью горла 19-го Іюня въ три часа пополудни, я одна захватила горловую болѣзнь, отъ которой чуть было не умерла. Представьте, въ этотъ самый день онъ пришелъ ко мнѣ, когда у него разбаливалось горло, и объявилъ, что у него готовится опасная болѣзнь, отъ которой онъ не встанетъ. Я постаралась выбить эту мысль изъ его головы, и мнѣ показалось даже, что онъ пересталъ думать о своей болѣзни. Въ половинѣ пятаго онъ ушелъ къ себѣ, въ шесть я вышла гулять въ садъ. Онъ пришелъ туда и вмѣстѣ со мною обошелъ вокругъ озера. Когда мы вернулись ко мнѣ въ комнату, онъ опять сталъ жаловаться, но попросилъ меня съиграть обычную партію въ реверси; игра продолжалась недолго, потому что я видѣла, что онъ страдаетъ. Когда всѣ ушли, я посовѣтовала ему пойти къ себѣ и лечь въ постель. Онъ такъ и сдѣлалъ и послалъ за очень хорошимъ хирургомъ, который живетъ въ Царскомъ Селѣ. Врачъ нашелъ у него перемежающійся пульсъ и на другой день въ семь часовъ поручилъ сообщить мнѣ, что онъ желалъ бы имѣть кого нибудь изъ своей братіи для совѣщанія. Я послала ему Кельхена и отправила нарочнаго въ Петербургъ за Вейкартомъ. Къ полудню пріѣхалъ Вейкартъ. Когда я узнала объ его пріѣздѣ, я пошла къ больному, котораго нашла въ сильномъ лихорадочномъ состояніи. Вейкартъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «это нехорошо». Я сказала ему: «Но что̀ же это такое?, Вейкартъ отвѣчалъ: «злокачественная горячка, и онъ умретъ». На это я сказала: «Неужели нельзя помочь? А молодость? А крѣпкое сложеніе»?—«Да», сказалъ онъ, «это правда, конечно; но пульсъ-то перемежающійся, и я могу сказать напередъ, какъ это пойдетъ далѣе, часъ за часомъ». Я позвала Кельхена. Этотъ, хотя и больше политикъ, чѣмъ Вейкартъ, однако тоже не скрылъ своихъ опасеній. Между тѣмъ больной упорно не хотѣлъ ничего принимать. Онъ далъ пустить себѣ кровь, поставилъ ноги въ воду, пилъ много воды и другаго питья, но не принялъ никакого лѣкарства. Въ Четвергъ, цѣлые сутки, онъ много спалъ; все лицо сильно опухло, и кончикъ носа побѣлѣлъ. Въ Пятницу пріѣхалъ докторъ Соболевскій, его пріятель; онъ заставлялъ его пить много холодной воды и давалъ ѣсть разваренныя винныя ягоды. Ни Вейкарта, ни другихъ онъ не хотѣлъ видѣть до самаго вечера, когда лихорадка усилилась съ жестокою тоскою. Въ Субботу ему, повидимому, стало немного легче; но къ полудню началась рвота; рвало весь день, послѣ чего онъ сталъ икать, и выступили багровыя

пятна. Впрочемъ, въ Субботу вечеромъ Вейкартъ приходилъ сказать мнѣ, что, если не послѣдуетъ прилива къ мозгу, больной, быть можетъ, еще оправится. Въ это время стояла сильная жара. Въ Воскресенье его перемѣстили въ болѣе прохладную комнату. Онъ перешелъ туда на своихъ ногахъ; въ три часа я пришла къ нему, и онъ говорилъ мнѣ, какія онъ сдѣлалъ распоряженія, чувствуя себя очень худо наканунѣ. Въ это время онъ еще не заговаривался, но черезъ часъ у него начался бредъ. Онъ называлъ всѣхъ по имени и отчеству; но между тѣмъ сталъ заговариваться и сердился на всѣхъ, что ему не хотятъ привести его лошадей и запрячь ихъ въ постель. Такое раздраженіе подало намъ надежду, что его вырветъ желчью; но этого не случилось. Въ Понедѣльникъ онъ сталъ слабѣть съ каждой минутой. Я вышла отъ него въ одиннадцать часовъ, совсѣмъ ослабѣвъ, и скрывала мои собственныя страданія до Вторника утромъ. Забыла сказать вамъ, что въ Понедѣльникъ я посылала за Рожерсономъ, который тогда собирался уѣзжать на воды. Иванъ Чернышовъ напомнилъ мнѣ о Джемсовыхъ порошкахъ, которыхъ Нѣмецкіе доктора и хирурги будто-бы не умѣютъ давать; Рожерсонъ далъ ему этихъ порошковъ, но безъ всякой пользы. Послѣ того какъ я передала вамъ все это, мнѣ стало легче». 26-го Сентября 1784: «Вчера исполнилось три мѣсяца, какъ я не могу утѣшиться послѣ моей невознаградимой потери. Единственная перемѣна къ лучшему состоитъ въ томъ, что я опять привыкла къ человѣческимъ лицамъ; впрочемъ, сердце также обливается кровью, какъ и въ первую минуту. Долгъ свой исполняю и стараюсь исполнять хорошо; но скорбь моя велика, какой я еще въ жизни никогда не испытывала, и вотъ уже три мѣсяца я въ этомъ ужасномъ состоніи и страдаю адски». Извѣстно, что по кончинѣ Ланскаго Екатерина сначала уѣхала въ Пеллу съ его сестрою Кушелевой, а потомъ долго вела уединенную жизнь въ Зимнемъ дворцѣ и Эрмитажѣ, работая надъ своимъ двухсотъ-язычнымъ словаремъ. Такъ Гёте, лишившись взрослаго сына, заперся на нѣсколько недѣль и занялся исправленіемъ своего почерка...

Державное самообладаніе не покидало великой женщины, и заведенный порядокъ правленія шелъ своимъ чередомъ. «Не подумайте», писала она Гримму, «чтобы при всемъ ужасѣ моего положенія я пренебрегла хотя бы послѣдней малостью, требовавшей моего вниманія. Въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ обращались за приказаніями по всѣмъ дѣламъ, и я распоряжалась какъ должно и съ пониманіемъ дѣла, что́ особенно изумляло генерала Салтыкова».

Черезъ нѣсколько часовъ по кончинѣ Ланскаго Екатерина написала слѣдующія строки его матери:

«Ульяна Яковлевна! Вчерась, къ крайнему моему прискорбію, Александръ Дмитріевичъ, по пятидневной жестокой болѣзни, скончался. Зная, сколько поразитъ васъ сіе приключеніе, я желаю, чтобъ Богъ послалъ вамъ крѣпость перенести печаль сію, и сохранилъ бы васъ безвредно ко утѣшенію всего дома вашего. Будьте впрочемъ увѣрены, что я, помня незабвенно его ко мнѣ усердіе и преданность, сохраню навсегда мое истинное доброхотство къ вамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто ему принадлежали. Пребываю вамъ благосклонна Екатерина».

Въ Царскомъ Селѣ, Іюня 25-го дня 1784 г.

На оборотѣ адресъ: «Милостивой государынѣ Ульянѣ Яковлевнѣ Ланской».

Ланской скончался въ ночь съ 24-го на 25-е Іюня 1784 года въ Царскомъ Селѣ. По его желанію, онъ былъ похороненъ въ дворцовомъ саду, гдѣ и оставался до зимы; но по словамъ Гельбига (стр. 432) на памятникѣ появились скверныя надписи, и какіе-то злоумышленники разрывали могилу, и потому его перенесли въ церковь Казанской Божіей Матери въ такъ называемой «Софіи». 7-го Іюля того же года, указомъ Сенату, Екатерина распорядилась раздѣломъ имущества, принадлежавшаго Ланскому. Замѣчательно, что какъ письмо къ матери, такъ и этотъ указъ сохранились въ спискахъ въ бумагахъ князя Потемкина (см. Р. Архивъ 1880, II, 151). Черезъ два года Храповицкій отмѣчаетъ 6-го Іюня 1786.: «Во время гулянья наѣхали на кладбище въ Царскомъ Селѣ. Вспомнили Ланскаго». На завтра: «Во весь день не было выхода». Царскосельскій домъ Ланскаго Екатерина купила, и впослѣдствіи при Павлѣ въ немъ помѣщался великій князь Константинъ Павловичъ.

Послѣ Ланскаго остались, кромѣ матери, братъ полковникъ Яковъ Дмитріевичъ (дочь котораго отъ втораго брака съ княжною Праск. Никол. Долгорукой, Елисавета Яковлевна, вдова графа Конст. Петр. Сухтелена, доселѣ здравствуетъ въ Неаполѣ), и пять сестеръ: Анна за Рагозинскимъ, Елисавета за И. И. Кушелевымъ, Варвара за богатымъ Орловскимъ помѣщикомъ М. М. Мацневымъ, Екатерина за Псковскимъ губернскимъ прокуроромъ Михаиломъ Брылкинымъ и Евдокія за Иваномъ Львовичемъ Чернышовымъ. Графъ Комаровскій въ Запискахъ своихъ (1796) сообщаетъ, что Кушелеву позволено было ѣздить на обѣдъ къ Императрицѣ, и онъ пользовался этимъ позволеніемъ ежедневно, хотя Императрица съ нимъ никогда почти не говорила (Р. Архивъ 1867, стр. 222).

Военный министръ Николаевскаго царствованія князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ —родной племянникъ Екатерининскаго любимца. Родство съ Ланскимъ конечно облегчило ему первые служебные успѣхи. П. Б.

ПИСЬМА И ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ ГРАФУ ВАЛЕРЬЯНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЗУБОВУ.

(*Печатаются съ подлинниковъ*).

1.

Зеленой канапей возлѣ биліарда въ Китайской залѣ вамъ кланяется; также балконъ той залы, равномѣрно колонада и бѣлой кабинетъ; совокупно съ ними столъ съ фруктами, а за ними и я рѣзвушѣ моей.

2.

Тетинька при обоихъ братьяхъ твоихъ и при мнѣ назвала тебя неловкимъ, непроворнымъ и будто ни въ какомъ случаѣ не умѣешь таиться. Я да Платонъ Александровичъ свидѣтели, что сіе не вовсе такъ; но за нужно почли тебя о семъ извѣстить, да исправишься, буде въ чемъ предъ ней виноватъ и впредъ да будешь умнѣе.

Окт. 22 ч. 1789 г.

3.

На особомъ лоскуткѣ.

Дуняша
Фотяша
Ипполитъ
Неофитъ
Серафима
Агрипина
Парамонъ
Филимонъ
Катерина
Акулина
Двойнички: Никодимъ Анкудимъ.
Тройнишники: Минодора, Митродора, Нимфодора

4.

Au jeune homme qui donne de si belles espérances.

Переводъ. Молодому человѣку, подающему столь хорошія надежды.

5.

Къ графу Платону Александровичу.

Voilà des lettres que je n'ai pu lire sans la plus extrême sensibilité. La belle et bonne âme de votre frère Valérien y est peinte dans toute sa force et grandeur. Ce n'est pas un égoïste, mais un héros dans toute la force du terme. Je vous en félicite. Je ne me suis jamais trompé sur son compte.

Переводъ. Вотъ письма, которыя не могла я читать безъ чрезвычайной чувствительности. Прекрасная и добрая душа брата вашего Валерьяна изображается въ нихъ во всей ея силѣ и величіи. Это не эгоистъ, а герой во всей силѣ слова. Поздравляю васъ съ этимъ. Я никогда относительно его не ошибалась.

6.

Мы ежедневно говоримъ съ Платономъ Александровичемъ, что пусто безъ тебя. Камерпажъ Балашовъ намъ сегодня сказалъ, что онъ тебя встрѣтилъ по сю сторону Тосны.

La petite est revenue avec une petite santé, faible, mais rondelette, pourtant moins que madame Salogoub. Adieu, portez vous bien, et revenez plus beau et plus gai que jamais.

Марта 21 ч. 1790 г.

Переводъ. Малютка вернулась съ плохимъ здоровьемъ, слабая, но кругленькая, однако не такъ какъ г-жа Салогубъ. Прости. Будь здоровъ и возвращайся прекраснѣе и веселѣе чѣмъ когда либо.

7.

Съ удовольствіемъ я приняла письмо твое отъ 3 Маія. Будь здоровъ и продолжай ко мнѣ свою привязанность и откровенность по прежнему. Мы здѣсь въ непремѣнномъ согласіи поживаемъ, поминая на каждомъ шагу прошлогоднее лѣто. Тетинька не бывала еще. Каменистой ея мужъ, какъ всегда, недомогаетъ; въ городѣ же всѣ красавицы безъ тебя похудѣли, паче же la petite. Прощай, Богъ съ тобой.

Изъ Царскаго Села,
14 Маія 1790.

8.

Письмо твое, Валерьянъ Александровичъ, писанное съ батареи изъ за Дуная, подъ Измаиломъ, я получила изъ рукъ братца твоего любезнаго. Вотъ такъ-то пишутъ наши! Мы вѣдаемъ, что вы десять

дней не сходили съ той батареи. За трудъ сей вамъ спасибо; а что поздравленіе со днемъ ангела моего вы написали, за то благодарю. Желаю отъ всего сердца слышать, что васъ Богъ сохранилъ здорова и что Измаилъ достался въ нашихъ рукахъ. Здѣсь всѣ здоровы, и Шведскому миру такъ рады, что понынѣ весь городъ непрестанно пляшетъ и скачетъ отъ малаго до большаго. Молю Бога, чтобъ миръ скоряе возстановился и по Дунайскимъ мѣстамъ просухи. Христосъ съ тобою.

Дек. 20 ч. 1790 г.

Съ наступающими праздниками тебя поздравляю [1]).

9.

Крестъ данъ храброму воину, а здѣсь слѣдуетъ подарокъ отъ меня привезшему вѣсть о взятьѣ Измаила.

10.

Вѣсти Царскосельскія.

Бригадиръ Валерьянъ Зубовъ пожалованъ генералъ-маіоромъ.

У насъ обѣдало много людей, и между прочими Анна Никитична Нарышкина и Катерина Сергѣевна Самойлова. И отъ мужа отступаетъ. Желаніе его, чтобъ она жила здѣсь.

Послушай, мальчикъ! Не давай себя въ излишнія опасности. Дѣло съ Поляками того не стоитъ; а за то, что хорошо поступаешь, тебѣ спасибо.

Усердіе твое ко мнѣ, которое вездѣ вижу въ письмахъ къ брату, весьма пріятно мнѣ. Ежели не запинаясь прочтешь письмо графа Естергази, то прошу принять мое поздравленіе.

Прощай, Богъ съ тобой!

Іюня 28 ч. 1792 года.

11.

Письмо графа Платона Александровича.

Любезной другъ и братъ Валерьянъ Александровичъ! Съ крайнимъ удовольствіемъ получилъ я письмо твое изъ Франкфорта чрезъ графа Николая Петровича [2]). Радуюсь, что ты, слава Богу, здоровъ.

---

[1]) Еще до праздниковъ, графъ В. А Зубовъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о взятіи Измаила. Державинъ написалъ тогда извѣстную свою оду. П. Б.

[2]) Румянцова. П. Б.

Дай Богъ и впредъ того же. Матушка наша, всемилостивѣйшая Государыня, съ пріятностью изъ онаго увидѣть изволила мнѣніе твое о встрѣтившихся съ тобою. Она, полагаясь на твой вкусъ, увѣрена, что не ошиблась въ своемъ выборѣ. Дай Богъ, чтобы они подлинно одинъ другова стоили. При семъ препровождаю къ тебѣ отъ всемилостивой Государыни Китайской халатъ и шубку. Они тебѣ нужны быть могутъ, естьли военныя дѣйствія простираться будутъ далѣе Парижа. Не распространяюсь о здѣшнихъ происшествіяхъ. Дехтеревъ подробнѣе обо всемъ тебѣ перескажетъ. Онъ отдастъ тебѣ два письма, писанныя посломъ графомъ Кобенцлемъ къ генераламъ Австрійскихъ войскъ, принцу Гогенлое и Клерфельту по повелѣнію императора. Ты имъ отдай оныя, когда увидишься.

Твой вѣрной братъ и истинный другъ Платонъ Зубовъ *).

Приписка Екатерины. Послушай, любезной мальчикъ! Я весьма обрадовалась тѣмъ, что тебѣ понравилась встрѣча. Я знаю, что ты вкуса изряднаго. Я отъ всего сердца желаю, чтобъ ты былъ здравъ и остался невредимъ. Сказываютъ, будто враги исчезаютъ яко дымъ предъ лицами Бога и государей своихъ. Такъ-то и вы побѣдите враги, съ коими дѣло имѣете.

12.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! Письмо ваше до рукъ моихъ доставлено. Поздравляю васъ съ успѣхомъ. Генералъ-поручикъ фонъ-Дерфельденъ хвалы вамъ достойныя даетъ. Съ удовольствіемъ вижу что вы качества ваши употребляете въ пользу дѣлъ моихъ. Я надѣюсь что вы пророчество мое объ васъ выполните. Желаю вамъ непрерывное здравіе. Блистательная младость такова обѣщаетъ вамъ вѣкъ благополучной и всего добраго, чего честной человѣкъ только желать можетъ. Прощай, Богъ съ тобой! Пребываю къ тебѣ весьма доброжелательна.

Екатерина.

Іюня 1 дня 1794 г.

13.

Графъ Валерьянъ Александровичъ. Ежели бы чистосердечное участіе, которое беру въ твоемъ состояніи, могло бы тебя возстано-

---

*) Это письмо должно относиться къ Октябрю мѣсяцу 1792 года, т.-е. къ тому времени, когда везли въ Петербургъ невѣсту великому князю Александру Павловичу. Молодой Зубовъ ѣздилъ волонтеромъ въ армію союзниковъ, воевавшихъ противъ революціонной Франціи, о чемъ впрочемъ не упоминается ни въ одной изъ его біографій. П. Б.

вить отъ раны, то бы не оставалось уже малѣйшее намъ опасеніе о слѣдствіи оной. Съ крайнимъ прискорбіемъ услышала о семъ несчастіи. Богомерзкіе Поляки не стоятъ тѣхъ храбрыхъ людей, кои отъ нихъ пострадали. Бога молю о твоемъ выздоровленіи, пребывая непремѣнно къ тебѣ доброжелательна.

Екатерина.

27 Окт. 1794 г.

14.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! Опасалась я раны твоей и была зѣло прискорбна, дондеже увидѣла письма твои, курьеромъ привезенныя, а теперь восхищаюсь бодростью духа твоего. Подкрѣпи тебя Богъ! Хвалю духъ твой, о чемъ тебя и извѣщаю, пребывая къ тебѣ доброжелательна.

Екатерина.

Второе писаніе.
26 Окт. 1794 г.

15.

Радуюсь, что ты такъ доволенъ своимъ житьемъ по моему совѣту въ Таврическомъ дворцѣ. Противу тебя Гарбылова дача; тамъ и качели, и свайки, и всякія игры. Переѣхать туда и водою, и сухимъ путемъ можно. Живи весело и выздорови скорѣй.

16.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! Письмо ваше отъ 29 Марта въ свое время до моихъ рукъ дошло, а сегодня получено другое отъ 19 Апрѣля, писанное въ лагерѣ при рѣкѣ Койсу. На оныя вамъ скажу, что я съ удовольствіемъ вижу, что вы имѣете въ непремѣнной памяти наставленія мои первыя о сбереженіи безцѣнныхъ нашихъ войскъ и что, при всѣхъ трудностяхъ, больныхъ болѣе обыкновеннаго числа не имѣете. Опасаюсь только, чтобъ послѣ разговѣнья не умножились болѣзни, что̀ у насъ изстари примѣчено. Какъ вы пишете, что дня два послѣ Пасхи пойдете къ Дербенту, то считаю васъ теперь тамо или весьма близко, а естьли помощь Всевышняго была, можетъ быть и далѣе. Дай Боже, чтобы все благополучно только было. Побереги себя и людей: сіе тебѣ наикрѣпчайше подтверждаю. Шихъ-Али, ханъ Дербентской, ребенокъ, но водимъ злымъ человѣкомъ. У насъ другой таковой на рукахъ; но нынѣ кажется, угомоннѣе становится и, наконецъ, чаю, все сдѣлаютъ по нашему. Я говорю о Шведскихъ дѣлахъ.

Всѣ твои донесенія я читала съ удовольствіемъ и приказала до тебя доставить все, въ чемъ только можешь имѣть нужду или надобность. Нимало не сумнѣваюсь о твоемъ усердіи. Желаю тебѣ здравія и всякаго счастія; а, по благословенію Божію, счастіе часто зависитъ отъ хорошихъ, умныхъ и достаточныхъ въ дѣлѣ распоряженій. Прощай, Богъ съ тобою! Надѣюсь вскорѣ отъ тебя получить благополучныхъ вѣстей, пребывая къ тебѣ, какъ всегда, доброжелательна.

Екатерина.

Тавр. дворца,
Маія 9 ч. 1796 г.

17.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! Вы начинаете военные ваши подвиги побѣдами, чѣмъ вы меня обрадовали тѣмъ паче, что оправдали мое назначеніе и опредѣленіе васъ начальникомъ знатнаго корпуса побѣдоносныхъ войскъ нашихъ и выполнили мое предугаданіе объ васъ разумнымъ и столь искуснымъ, какъ предпріимчивымъ и храбрымъ предводительствомъ въ овладѣніи города и крѣпости Дербентской, за что Богу благодареніе принесено въ прошедшее Воскресенье какъ здѣсь, такъ и въ городѣ, съ пушечною пальбою. Спасибо вамъ также за то, что имѣете, какъ слышу, попеченіе о сбереженіи людей, ихъ содержаніи, здоровья и пропитаніи. Я приказала и подтверждаю непрестанно повсюду о доставленіи къ вамъ всего нужнаго и надобнаго. Прочее усмотрите изъ рескриптовъ, нынѣ отправляемыхъ. Богъ да поможетъ вамъ впередъ! Пребываю къ вамъ, какъ и всегда доброжелательна.

Екатерина.

Изъ Царскаго Села,
Іюня 3 ч. 1796 года.

17.

Графъ Валерьянъ Александровичъ. Изъ писемъ твоихъ отъ 29 Маія и 8 Іюня увидѣла я съ большимъ удовольствіемъ, что у васъ всѣ здоровы и что вы перешли быстрыя воды безъ всякаго урона. Дай Боже слышать, что вы жары перенесли безвредно. Что въ Дербентѣ раненые и больные выздоравливаютъ, мнѣ весьма пріятно.

Управительницѣ Дербентской Хараджи-ханумъ посылаю я перо, серги и перстень въ подарокъ. Прошу къ ней доставить, буде ты ея поведеніемъ по дѣламъ доволенъ. Сказываютъ, что она дѣвица умная и хорошая собою. Il m'a paru qu'il y a quelque chose de chevaleresque dans sa conduite, ce qui m'a plu. Vous en avez aussi agi avec elle en loyal chevalier, ce que j'approuve fort.

Желаю весьма, чтобъ милость Божія съ вами была. Съ моей стороны колико можно стараюсь, чтобъ все нужное до васъ доставлено было. Vous êtes le plus jeune, mais le plus vaillant et le plus intéressant général de l'Europe. J'ai lu avec un plaisir extrême et la larme à l'oeil vos louanges dans la gazette d'Hambourg. On y dit, что храбрый и заслуженный генералъ-поручикъ графъ Валерьянъ Зубовъ Дербентомъ овладѣлъ, и имя твое напечатано большими буквами. Заподлинно большими буквами твое имя напишется въ исторіи, какъ продолжишь толь разумно какъ началъ, о чемъ ни мало не сумнѣваюсь. Геройской твой духъ люблю какъ душу. Ради Бога продолжай, яко началъ. Тебя подчиненные почитаютъ и любятъ. Напиши Грузинцамъ, чтобъ Персіянъ какъ возможно менѣе грабили. Сказываютъ, не христіански поступаютъ. Прощай, Богъ съ тобою!

Екатерина.

Іюля 4 ч. 1796.

Переводъ. Мнѣ показалось, что въ ея образѣ дѣйствій есть что-то рыцарское, что̀ мнѣ понравилось. И ты съ нею поступилъ какъ честный рыцарь, и я это весьма одобряю.—Ты самый младшій, но самый храбрый и наиболѣе привлекающій вниманіе генералъ въ Европѣ. Съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ и со слезами на глазахъ читала я похвалы тебѣ въ Гамбургской газетѣ. Тамъ говорятъ, что...

18.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! При семъ посылаю къ вамъ давно обѣщанные вамъ крестъ и звѣзду ордена святаго Андрея Первозваннаго, да перо на шлемъ. Не я тебя украшаю: дѣлами украшаешься самъ. Пребываю къ тебѣ доброжелательна.

Екатерина.

Іюля 5 ч. 1796,
Изъ Села Царскаго.

19.

Графъ Валерьянъ Александровичъ! Двухъ писемъ вашихъ, отъ 2 и 23 Августа, до моихъ рукъ доставлены были въ свое время. Съ послѣднимъ курьеромъ не писала я къ вамъ за разными хлопотами. Король Шведской и дядя его герцогъ Сюдерманландской были здѣсь со всѣмъ дворомъ своимъ, въ числѣ 23 человѣкъ. Приняты были со всякой честью. Четыре недѣли угощали ихъ и веселили ихъ, колико возможно было. При семъ посылаю къ вамъ дневникъ придворной, что́ ежедневно происходило. Сіе продолжалось долѣ Сентября отъ 15 Августа. Но въ день, означенной для сговора, открылось, что вздумали ласку иpріязнь платить обманомъ, по чему сговоръ не состоялся, и все дѣло

остановилось. И они цѣлые десять дней проводили здѣсь въ скукѣ и въ ежечасной перепискѣ. Наконецъ, регентъ, стоя почти на колѣняхъ, выхлопоталъ, что предварительно съ нимъ заключенъ трактатъ съ точными словами, яко мы требовали; его же величеству оставлено онаго ратификовать по совершеннолѣтствіи своемъ, которое воспослѣдуетъ по нашему штилю 21 Октября, а послѣдній срокъ ратификаціи 17 Ноября [1]). Буде тутъ не послѣдуетъ, то все дѣло разорвано. Самъ король въ великой ссорѣ съ герцогомъ-регентомъ, и всѣ ихъ окружающіе равномѣрно между собою. Многіе изъ нихъ здѣсь же хотѣли подать прошеніе объ увольненіи ихъ, и даже до слугъ никто оставаться у нихъ не хотѣлъ. При семъ прилагаю мою записку сдѣланную 12 Сентября по выходѣ короля и регента изъ моей спальни въ Зимнемъ дворцѣ, которая вамъ подастъ довольно свѣту о происходившемъ. Я въ тотъ день поутру сказалась больна, а они пришли меня посѣтить.

Вы ко мнѣ непрестанно посылаете хорошихъ вѣстей, а я къ вамъ сообщаю домашнія хлопоты.

20 Сентября гости наши поѣхали во свояси, и Богъ съ ними: надоѣли всѣмъ! Пословица говоритъ: по кафтану встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ; но тутъ не по кафтану, но по достоинству встрѣча была: car il étaient tous vêtus en Crispin. А провожаемы были немногими. Слышала я, что ты былъ боленъ, о чемъ весьма сожалѣю и прошу тебя: имѣй всевозможное попеченіе о своемъ здоровьи. На мѣсто Гудовича посланъ Исленьевъ. Я непрестанно твержу, чтобъ тебя всѣмъ нужнымъ снабдили. Падежъ воловъ мнѣ ужасно какъ досаденъ былъ. Прощай, другъ мой сердечной. Я къ тебѣ какъ всегда доброжелательна. Продолжай какъ началъ во всемъ съ успѣхами и безослабно, какъ душѣ твоей прилично. Vous vous êtes fait fort jeune une renommée rare; ma il faut la soutenir. Adieu, portez-vous bien.

Екатерина.

Октября 4 ч. 1796.

Переводъ. Ибо они всѣ одѣты были Криспинами [2]). Ты съ молоду себѣ составилъ рѣдкое имя, но его надо поддержать. Прощай, будь здоровъ.

Приложеніе.

12 Сентября, поутру часу въ первомъ.

Король расплаканъ.
Гордъ какъ чортъ.
Упрямъ какъ рѣдкой человѣкъ.

---

[1]) Екатерина одиннадцати дней не дожила этого срока. П. Б.

[2]) Криспинъ—имя плутоватаго слуги въ Итальянскихъ комедіяхъ. П. Б.

И понеже не говорилъ окромѣ повторенія словъ, что писалъ свое мнѣніе, а перемѣнить писанное имъ не можетъ, то казался на сей разъ весьма глупъ.

Регентъ уговаривалъ его и сказалъ при мнѣ, что онъ не находитъ никакой причины, для которой не могъ прибавить требуемыхъ строкъ о свободномъ отправленіи вѣры.

Регентъ, наконецъ, плакалъ и много разъ закрывалъ рукою глаза, стыдясь рѣчамъ его величества Также говорилъ ему по шведски съ сердцемъ.

Наконецъ, я имъ сказала, чтобъ пошли совѣтовать между собою въ будуаръ, куда пошедъ регентъ весьма громко что-то говорилъ по шведски и, вышедъ оттуда, мнѣ сказалъ: Позвольте намъ ѣхать домой, чтобъ условиться, и короля пустя напередъ, паки ко мнѣ возвратился со слезами и обнялъ меня дважды, говоря: O quelle scène!

Отъ меня вышедъ, пошли къ вел. князю, гдѣ регентъ, вошедъ, сказалъ паки: O quelle scène! *) А король пошелъ къ великой княгинѣ и плакалъ много, но остался какъ камень въ своемъ упрямствѣ.

*

Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ лучшимъ изъ четырехъ братьевъ Зубовыхъ, съ 1789 года получившихъ большое значеніе при Русскомъ дворѣ и въ дѣлахъ государственныхъ· современники почти единогласно отзываются о немъ съ сочувствіемъ и уваженіемъ. Проживи Екатерина долѣе, молодому герою предстояла дѣятельность всемірно-историческая: по свидѣтельству Державина, имѣвшаго всю возможность знать дѣло, Персидскій походъ разсчитанъ былъ на овладѣніе Константинополемъ со стороны Малой Азіи и на установленіе прямой торговли съ Индіей (въ предотвращеніе Англійскихъ захватовъ). Мелкодушіе двухъ слѣдующихъ царствованій дозволило увлечь себя гибельнымъ вмѣшательствомъ въ Западно-европейскія дѣла. Изъ-за этихъ дѣлъ здравая и народная политика Екатерины не пролила ни капли Русской крови, имѣя виды несравненно болѣе обширные, но для Россіи плодотворные. П. Б.

*) О какая сцена!

ПОЛЯКЪ-КОНФЕДЕРАТЪ ВЪ СИБИРИ.

Предлагаемыя здѣсь выдержки изъ похожденій Польскихъ конфедератовъ заимствованы изъ Польскаго сочиненія, изданнаго въ Варшавѣ, въ 1790 году, неизвѣстнымъ авторомъ, подъ заглавіемъ: „Полякъ-конфедератъ сосланный въ Сибирь“. Самъ авторъ, въ рангѣ офицера, былъ участникомъ помянутой ссылки и, не мудрствуя лукаво, записалъ видѣнное и слышанное имъ на пути отъ Кракова до крайнихъ предѣловъ Сибири, даже Ташкента, и обратно до своего бѣгства на родину. Если записки его не вполнѣ характеризуютъ состояніе этого края во второй половинѣ истекшаго столѣтія, тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ любопытныя данныя тогдашнихъ порядковъ относительно политическихъ преступниковъ. Не меньшій интересъ имѣютъ отношенія конфедератовъ къ современной автору администраціи и инородцамъ Сибири. Вообще же похожденія Поляковъ соприкасаются, въ томъ или другомъ видѣ, съ этой и въ наши дни не особенно уясненной страною. Долговременную свою ссылку неизвѣстный авторъ начинаетъ съ нижеслѣдующаго обстоятельства.

М. Серно-Соловьевичъ.

Въ 1768 году г. Краковъ, выдержавъ десятинедѣльную осаду и штурмъ, вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію, что̀ слѣдуетъ приписать отчасти неурядицѣ въ нашихъ войскахъ, отчасти же измѣнѣ нѣкоторыхъ лицъ, сносившихся съ непріятелемъ. Въ этомъ положеніи мы ожидали рѣшенія нашей участи отъ Русскаго главнокомандующаго графа Апраксина, обѣщавшаго намъ свободу, лишь только мы отречемся отъ дальнѣйшаго участія въ конфедераціи. Съ этой будто бы цѣлью, по истеченіи двухъ недѣль, наши офицеры были созваны въ Краковскій замокъ, а оттуда уже никого изъ нихъ не выпустили. Мы явились въ канцелярію съ намѣреніемъ заявить помянутое отреченіе, но не нашли тамъ никакихъ для этого приготовленій. Входившіе и выходившіе Русскіе офицеры были озабочены лишь тѣмъ, всѣ ли мы собрались въ за̀мокъ. Наконецъ, вошелъ плацъ-маіоръ и

велѣлъ намъ слѣдовать за собой изъ канцеляріи въ замокъ, заявивъ, что тамъ снабдятъ насъ билетами для свободнаго выѣзда изъ Кракова. Мы вышли за комендантомъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; а такъ какъ среди насъ находились конфедераты изъ Краковскаго, Сандомирскаго и Саноцкаго воеводствъ, поэтому и были мы размѣщены въ отдѣльныхъ избахъ, и вслѣдъ затѣмъ окружены карауломъ. Пораженные этой несправедливостью, мы не рѣшались даже переговорить другъ съ другомъ, будучи увѣрены, что мы обречены на смерть. Точно также и окружавшая насъ стража не смѣла вести съ нами разговоровъ. Въ подобномъ молчаніи и тревогѣ мы оставались съ десяти часовъ утра до пяти пополудни. Приведшій насъ плацъ-маіоръ изчезъ и явился уже послѣ пяти часовъ съ приказаніемъ, чтобы мы приготовились на слѣдующій день въ дорогу. При этомъ онъ разрѣшилъ отправиться подъ карауломъ двоимъ изъ каждаго воеводства на квартиры для забора необходимыхъ пожитковъ. Прислугѣ же нашей и рядовымъ, не находившимся въ замкѣ, приказано было собраться у Гродненскихъ воротъ, черезъ которые назначенъ былъ нашъ выѣздъ изъ города. Все было сдѣлано согласно приказанію помянутаго коменданта. Наши посланные отправились на квартиры и возвратились съ пожитками.

Только съ наступленіемъ ночи проголодавшимся плѣнникамъ принесено было нѣсколько караваевъ хлѣба, наполовину съ мякиной, такъ что, не смотря на весь нашъ апетитъ, никто къ нему не дотронулся. Впрочемъ мы подкрѣпили свои силы нѣсколькими бутылками споснаго вина и затѣмъ расположились спать на голомъ полу. Рядовыхъ, захваченныхъ при штурмѣ, было слишкомъ 400 человѣкъ. Шляхтичей же и офицеровъ, въ числѣ которыхъ находились два маршала (Краковскій Чарнецкій и Сандомирскій Потоцкій), было 260 человѣкъ.

Наконецъ, наступилъ роковой для насъ день, и въ пять часовъ пришелъ къ намъ тотъ же плацъ-маіоръ съ приказаніемъ выступать въ дорогу. Мы высыпались толпой изъ замка, и лишь только вышли за ворота, нашимъ глазамъ представилась пѣхота, разставленная двумя рядами, съ конными карабинерами на флангахъ. Печальные двинулись мы къ Гродненскимъ воротамъ, за которыми окружилъ насъ болѣе значительный конвой, состоявшій изъ карабинеровъ и Донскихъ козаковъ. Маршалы же наши ѣхали въ собственныхъ экипажахъ, при чемъ каждаго изъ нихъ неотступно сопровождалъ особый Московскій офицеръ. Былъ еще и третій маршалъ Браницкій, которому удалось бѣжать.

По выѣздѣ изъ Кракова авторъ описываетъ прибытіе конфедератовъ къ Польской границѣ. Во время означеннаго пути ничего особеннаго не случилось, кромѣ присоединенія къ нимъ, въ м. Полонномъ, 90 человѣкъ Запорожцевъ, участниковъ Уманьской рѣзни. Первымъ

Русскимъ городомъ, принявшимъ конфедератовъ, былъ Васильковъ, въ которомъ, по недостатку квартиръ, ихъ помѣстили въ двухъ хлѣвахъ. Изъ этого города конфедераты прибыли въ Кіевъ, о которомъ въ запискахъ отмѣчено такъ.

При въѣздѣ въ Кіевъ насъ вездѣ встрѣчали толпы, присматриваясь къ плѣннымъ какъ бы къ какому либо диковинному и нигдѣ невиданному народу. Намъ долго пришлось ждать подъ дождемъ и снѣгомъ у воротъ, пока насъ впустили въ такъ называемую Печерскую крѣпость. По открытіи воротъ насъ направили къ мѣсту заключенія. Это были военныя казармы, въ которыхъ, послѣ переклички, насъ размѣстили по 80 и по 90 человѣкъ въ одной избѣ. Въ подобныхъ же помѣщеніяхъ было водворено слишкомъ четыреста человѣкъ, прибывшихъ вслѣдъ за нами пѣшкомъ изъ Кракова. Со дня прибытія, намъ цѣлыхъ два дня не давали пищи, такъ что мы, прохарчившись въ пути, ожидали голодной смерти. Однакоже на третій день намъ роздали по одному хлѣбу и по три копѣйки на человѣка, каковое довольствіе отпускалось уже ежедневно. Тѣмъ не менѣе наши рядовые должны были существовать однимъ только хлѣбомъ, съ большимъ количествомъ песку, въ чемъ были виновны провіантскіе чиновники. Означенные хлѣбы были довольно большіе и обходились казнѣ по двѣ полъ-копѣйки; но мы охотно уступали ихъ рядовымъ по копѣйкѣ, такъ какъ ѣсть оный не было никакой возможности. Но лишь только провѣдало объ этомъ начальство, къ намъ пришелъ плацъ-маіоръ съ вопросомъ, желаемъ ли мы получать хлѣбъ натурой или деньгами. Мы изъявили желаніе на послѣднее, и намъ выдавали ежедневно по пяти копѣекъ, а рядовымъ по двѣ. Казармы наши были окружены бдительнымъ карауломъ, и никто не могъ отлучиться даже въ сѣни безъ сопровожденія часоваго. Большое скопленіе людей, согнанныхъ въ одну избу, было причиной духоты и тѣсноты, такъ что не всѣмъ хватало мѣста проспаться хотя бы на полу, и нѣкоторымъ приходилось проводить всю ночь на ногахъ, что̀ немало способствовало развитію болѣзней и смертности. Наши маршалы были размѣщены болѣе удобно и жили въ какомъ-то дворцѣ.

Мы застали уже въ Кіевѣ 110 человѣкъ нашей шляхты, равно какъ и конфедератовъ изъ имѣнія князя Сангушки, которыхъ какой-то измѣнникъ шляхтичъ, принявъ подъ свою команду, передалъ Москалямъ. Прибывшихъ вмѣстѣ съ нами изъ м. Полоннаго Запорожцевъ помѣстили по сосѣдству съ нами въ тѣхъ же казармахъ. Мы были ежедневными свидѣтелями, какъ ихъ выводили понѣскольку человѣкъ, рвали ноздри, наказывали кнутомъ и по мѣстнымъ законамъ отправляли въ вѣчную ссылку.

Послѣ трехнедѣльнаго пребыванія въ Кіевѣ въ нашей средѣ обнаружились болѣзни, такъ что не проходило ни одного дня безъ пяти или шести покойниковъ, съ которыми мы вынуждены были ночевать по нѣскольку дней, пока допрашивались погребенія. Въ подобной тѣснотѣ умеръ лежавшій возлѣ меня нѣкто Иванъ Кіянскій, и я долженъ былъ пролежать съ разлагавшимся трупомъ три дня. На нашей же обязанности лежало хоронить умершихъ и копать могилы, не смотря на истощеніе отъ болѣзней.

По прошествіи тринадцати недѣль, когда изъ 600 человѣкъ плѣнныхъ вымерла большая половина, получено извѣстіе, что насъ отправятъ въ г. Казань, на разстояніи 170 миль [1]) отъ Кіева. Плѣнныхъ раздѣлили на партіи; плацъ-маіоръ размѣстилъ по трое на подводу и передалъ по списку офицеру Кіевскаго гарнизона, имѣвшему подъ своей командой десять солдатъ съ фельдфебелемъ и казацкимъ конвоемъ. Въ составѣ одной изъ помянутыхъ партій, численностью въ 180 человѣкъ, отправился и я, въ тяжелую и морозную тогдашнюю зиму, изъ Кіева, а вслѣдъ за нами двинулись и прочія партіи въ подобномъ же порядкѣ.

Конфедераты прослѣдовали безъ особыхъ приключеній черезъ Нѣжинъ, Сѣвскъ, Тулу, Муромъ, Нижній-Новгородъ и Чебоксары. Сопровождавшій ихъ поручикъ всѣми силами старался облегчить участь ввѣренныхъ его надзору плѣнныхъ. Заботливость его отличалась иногда довольно курьезными пріемами. Такъ между прочимъ авторъ разсказываетъ.

По вступленіи нашемъ въ Великорусскія губерніи конвойный поручикъ нашъ посовѣтовалъ намъ, чтобы мы, по случаю наступившихъ холодовъ, утаивали [2]) на каждомъ ночлегѣ по три или четыре тулупа, припрятывая таковые въ его экипажѣ. При выступленіи изъ деревни крестьяне замѣчали пропажу, и сельскій староста не выдавалъ нашему командиру установленной квитанціи. Поручикъ приказывалъ намъ садиться въ сани, строго укорялъ плѣнныхъ за подобные поступки и разрѣшалъ крестьянамъ ревизовать подводы. Разумѣется, что тулуповъ, запрятанныхъ въ офицерскомъ экипажѣ, не находили, и поручикъ въ свою очередь обращалъ весь свой гнѣвъ на крестьянъ, грозя имъ батогами. Напуганные мужички, не смѣя ревизовать офицерскаго экипажа, не только выдавали квитанцію, но нерѣдко ублаготворяли его еще и деньгами. Подобную операцію повторяли мы на каждомъ ночлегѣ и, благодаря оной, вся партія явилась въ Казань въ хорошихъ тулупахъ.

---

[1]) Польская миля равняется семи верстамъ.

[2]) Т. е. по просту крали у жителей. П. Б.

О Тулѣ авторъ-конфедератъ замѣчаетъ: Въ Тулѣ мы узнали, что въ десяти миляхъ, въ Калугѣ, томились въ ссылкѣ наши епископы и коронный гетманъ Ржевускій съ сыномъ, захваченные на сеймѣ, каковая участь нашихъ сенаторовъ и патріотовъ немало насъ опечалила. Тула довольно обширный городъ, населенный почти исключительно ремесленниками, выдѣлывающими оружіе на всю Московскую армію. Намъ разсказывали, что производство это столь значительно, что впродолженіи трехъ дней можетъ быть доставлено разнаго вооруженія на двадцать тысячъ человѣкъ.

О пребываніи въ Казани въ запискахъ конфедерата отмѣчено.

Не безъ большаго сожалѣнія и горести, при мысли о разстояніи, отдѣлявшемъ насъ отъ отечества, прибыли мы въ Казань. Чѣмъ дальше углублялись мы въ Русскую землю, тѣмъ менѣе питали надежды возвратиться въ отечество. Никто изъ насъ не вѣдалъ будущаго, а изъ настоящаго нельзя было предвѣщать ничего хорошаго. По прибытіи въ Казань мы уже застали одну партію нашихъ собратій, опередившую насъ еще въ Сѣвскѣ. Видя ихъ свободно разгуливавшихъ по городу, мы утѣшались хотя тѣмъ, что, не смотря на отдаленность заключенія, намъ не придется испытывать Кіевской неволи. Мы долго ждали передачи насъ мѣстнымъ властямъ. Наконецъ, собралось на базарѣ начальство и, выстроивъ конфедератовъ въ двѣ шеренги, сдало по списку мѣстному командиру. Новый начальникъ велѣлъ фельдфебелю размѣстить насъ по квартирамъ, предназначеннымъ для плѣнныхъ уже заблаговременно. Размѣщеніе это совершено было по два и по три человѣка, смотря по величинѣ квартиры, при чемъ намъ предоставленъ свободный выборъ товарищей. Приставленные къ намъ караульные провѣряли свои посты утромъ и вечеромъ, о чемъ представлялся рапортъ по начальству. Намъ разрѣшено было отлучаться въ городъ, съ условіемъ находиться вечеромъ по домамъ. Въ непродолжительномъ времени прибыла изъ Кіева новая партія нашихъ конфедератовъ, размѣщенныхъ подобно намъ.

Итакъ мы провели въ Казани довольно долгое время при болѣе удобной и дешевой жизни сравнительно съ Кіевомъ. Городъ этотъ, расположенный на рѣкѣ Казанкѣ, больше сего послѣдняго, былъ нѣкогда столицей и резиденціей Татарскихъ хановъ. Онъ покоренъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, при помощи подкоповъ подъ р. Казанку, доказательствомъ чего служатъ и нынѣ существующія развалины взорванной порохомъ земли. Самый городъ или крѣпость окруженъ довольно толстой каменной стѣной; дома носятъ на себѣ характеръ Азіатскихъ построекъ, которыхъ впрочемъ не особенно много, такъ какъ означенная крѣпость не велика. Внутри самой крѣпости нѣсколько цер-

квей, передѣланныхъ изъ мечетей, что легко замѣтить по внутренней отдѣлкѣ, оставившей слѣды мусульманскихъ святынь. По выходѣ изъ крѣпости, вправо и влѣво, расположенъ довольно обширный городъ, состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Вся Казань населена исключительно Москалями, Татарамъ же предоставлена для жительства только одна отдаленная улица. Не смотря на то, что Казань составляла прежде собственность Татаръ, число ихъ сравнительно съ Москалями весьма незначительно. За то по выѣздѣ изъ города встрѣчаются уже Татарскія деревни, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одной Московской. Въ Казани проживало много именитыхъ Москалей, обладавшихъ благородной душой и добрымъ сердцемъ. Они разобрали между собой нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ нашихъ офицеровъ и, помимо довольствія изъ царской казны, заботились объ ихъ пропитаніи и прочихъ нуждахъ. Подобное великодушіе было оцѣнено всѣми плѣнными.

Рождественскіе праздники провели мы въ Кіевѣ, а въ Казани справляли Пасху, во время которой прибыла къ намъ новая партія конфедератовъ, въ числѣ 160 человѣкъ, взятыхъ въ Молдавіи въ м. Сорокахъ. Они доставили намъ разныя вѣсти о ходѣ Русско-Турецкой войны. Съ увеличеніемъ числа плѣнныхъ затруднилось и продовольствіе. Для насъ, получавшихъ въ сутки по пяти коп., жить было легче; но рядовые, при двухъ копѣйкахъ, испытывали голодъ и другія невзгоды, тѣмъ болѣе, что не всегда можно было найти работу. Въ Пятницу, или Татарскій байрамъ, они собирались около мечетей, гдѣ получали щедрую милостыню; нѣкоторые же выдавали себя за докторовъ, такъ какъ въ Московіи было мало людей знавшихъ медицину. Эти доктора-самозванцы обманывали простонародье, смазывая, напримѣръ, у слѣпыхъ глаза топленымъ медвѣжьимъ саломъ и увѣряя, что это средство возвратитъ имъ зрѣніе. Спустя три недѣли послѣ прихода партіи конфедератовъ, взятыхъ въ Валахіи, прибыла въ Казань новая партія Поляковъ, въ числѣ коихъ находился столь извѣстный впослѣдствіи капитанъ Беніовскій. Этотъ человѣкъ, попавшись въ плѣнъ, былъ ограбленъ непріятелемъ, выдалъ себя въ Казани за лютеранина, почему и получалъ щедрую поддержку отъ мнимыхъ единовѣрцевъ. Зная хорошо химію, Беніовскій подружился съ мѣстнымъ ювелиромъ и такъ удачно повелъ свои дѣла, что нажилъ значительныя деньги. Это былъ человѣкъ не только отлично воспитанный и владѣвшій нѣсколькими языками, но и чрезвычайно смѣтливый и изворотливый. Генералъ-губернаторъ любилъ его общество и часто приглашалъ его къ своему столу.

Вслѣдъ за послѣдней партіей прибыли новые конфедераты, въ числѣ которыхъ находился староста Черешинскій, Пулавскій и много

другихъ значительныхъ лицъ. Пулавскому былъ отведенъ для жительства дворецъ, точно также и прочимъ плѣннымъ отведены столь же удобныя помѣщенія. Казанскій генералъ-губернаторъ, Андрей Самаринъ, былъ человѣкъ великодушный, служившій когда-то въ Польшѣ посломъ. Супруга его, воспитанная при императорскомъ дворѣ, отличалась столь же высокими качествами; они охотно принимали у себя Черешинскаго старосту, который, пользуясь ихъ вниманіемъ, имѣлъ возможность быть полезнымъ и своимъ соотечественникамъ. Примѣръ губернатора возымѣлъ вліяніе и на другихъ Казанскихъ гражданъ, такъ что не было общественнаго собранія, на которое не приглашали бы Поляковъ. Даже простой народъ смотрѣлъ снисходительнѣе на разные проступки нашихъ нижнихъ чиновъ, а непосредственное начальство отличалось мягкостью и снисходительностью. Въ прибывшей новой партіи изъ Кіева находились наши маршалы: воевода Петръ Потоцкій и Чарнецкій. Почти всѣ мы вышли имъ на встрѣчу, желая почтить своихъ предводителей. Ген.-губернаторъ, освѣдомившись о прибытіи въ городъ Потоцкаго и Чарнецкаго, выслалъ имъ свою парадную карету; но они, утомленные дорогой, просили у него разрѣшенія воспользоваться приглашеніемъ на слѣдующій день, что̀ дѣйствительно и было ими исполнено, въ сопровожденіи конфедератовъ, желавшихъ оказать отмѣнное уваженіе своимъ бывшимъ начальникамъ.

По причинѣ постояннаго прилива въ Казань новыхъ партій конфедератовъ рѣшено было однихъ перевести въ дальнѣйшіе города, а другихъ распредѣлить въ мѣстныя войска. По этому поводу всѣхъ плѣнныхъ, за исключеніемъ болѣе значительныхъ лицъ, пригласили въ канцелярію. Тутъ каждаго изъ насъ подвели къ мѣрѣ, записали года и шляхетское происхожденіе, такъ какъ губернаторъ желалъ освободить шляхту отъ солдатской лямки. Однакоже въ нашей средѣ оказалась одна подлая душа, посовѣтовавшая ему отдать всю шляхту, какъ заговорщиковъ, въ простые солдаты. Эта мѣра едва не была осуществлена, еслибы мы не отправились во дворецъ и не подали прошенія, съ перечнемъ рода службы и чиновъ каждаго изъ конфедератовъ. Грбернаторъ принялъ во вниманіе наше прошеніе; тѣмъ не менѣе одну партію рядовыхъ, въ числѣ 270 ч., отправилъ онъ въ Оренбургъ, а другую, въ 200 ч., въ Тобольскъ, гдѣ они были зачислены въ мѣстные гарнизоны. Горько было разставаться намъ съ соотечественниками, отправлявшимися пѣшкомъ въ столь отдаленныя мѣста, тѣмъ болѣе, что мы сами предвидѣли подобную же участь, въ чемъ и убѣдила насъ впослѣдствіи прискорбная дѣйствительность. Въ скоромъ времени послѣ этой плачевной разлуки предположено было, по при-

чинѣ большаго скопленія плѣнныхъ, перевести нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ Казани въ другіе города.

Составлена была партія въ 170 ч. и отправлена въ Кунгуръ. Насъ разсадили по трое на подводу, и мы, подъ конвоемъ 10 солдатъ и капитана, двинулись по Татарской землѣ, начинавшейся непосредственно за Казанью. На всѣхъ ночлегахъ Татары принимали насъ привѣтливо, за исключеніемъ меня, ѣхавшаго съ цѣлымъ окорокомъ, внушавшимъ имъ отвращеніе, такъ какъ свиное мясо воспрещается Кораномъ. Въ попутныхъ деревняхъ мы не встрѣчали никакихъ помѣщиковъ съ наслѣдственной собственностью; все населеніе состояло изъ зажиточнаго или убогаго простонародья, надъ которыми былъ поставленъ въ каждой деревнѣ, изъ тѣхъ же Татаръ, староста, завѣдывавшій ихъ мірскими дѣлами. Въ каждой деревнѣ находилась также своя мечеть, въ которую жители сходились на молитвы. Проѣхавъ Татарскими селеніями около 30 миль, мы прибыли въ деревни, обитаемыя Вотяками. Они отличались отъ Татаръ какъ нравами, такъ и одеждой и, не будучи знакомы съ грамотой, исповѣдывали отмѣнную вѣру. Женщины ихъ носили странное убранство: на головахъ торчала какая-то высокая шапка, вышиной около аршина, которую они при входѣ въ избу вынуждены были наклонять. Одежда на нихъ была полотняная, вышитая разноцвѣтною шерстью; мущины же носили бороды и по одеждѣ ничѣмъ не отличались отъ Москалей. Мы видѣли, какъ этотъ народъ ходитъ въ лѣсъ молиться передъ высокой и гладкой березой, принося въ жертву скотъ и барановъ. Среди такого народа мы ѣхали нѣсколько десятковъ миль, а затѣмъ пошли уже деревни населенныя Москалями. Ночлеги были вездѣ обыкновенные, на которыхъ мы пробавлялись отпускаемымъ намъ казеннымъ довольствіемъ и безъ особыхъ приключеній добрались до Кунгура. Въ этомъ городѣ мы только переночевали, такъ какъ нагнавшая насъ свѣжая партія изъ Казани должна была тутъ остановиться, а намъ приказано слѣдовать на зимовку въ Соликамскъ.

Выѣхавъ изъ Кунгура, мы прослѣдовали разными деревнями Татарскими, Черемискими и наконецъ Московскими. За Кунгуромъ уже мало попадалось Татарскихъ селеній, въ которыхъ мы довольно дешево покупали у Татаръ бурки и войлоки для одежды, такъ какъ въ то время наступила быстрая зима. Пересѣвъ съ колымагъ въ сани, прибыли мы ночью въ деревню населенную уже Черемисами. Народъ этотъ, кромѣ необычайной простоты, отличался отъ видѣнныхъ нами одеждой и нравами. Убранство ихъ, въ особенности у женщинъ, было довольно диковинное; ибо они не носили другой одежды кромѣ подпоясанной рубашки, расшитой разноцвѣтной шерстью. На этихъ рубаш-

вахъ у нихъ былъ костюмъ похожій на Кармелитскую рясу; все это было изукрашено шерстью, жестяными, оловяными и бронзовыми побрякушками, оторочено снизу шерстяною бахрамою. Дѣвушки носили на головахъ нѣчто въ родѣ шапочки, напоминающей Жидовскую ермолку, съ украшеніями изъ мѣдныхъ, а у богатыхъ изъ серебряныхъ денегъ или какихъ-либо другихъ металическихъ побрякушекъ. Означенныя шапочки были разнаго цвѣта, какъ шелковыя, такъ и китайчатыя; а замужнія женщины носили на головѣ нѣчто въ родѣ Французскихъ капишоновъ, спускавшихся сзади до самого пояса. Мущины же не отличались одеждой отъ Москалей. О вѣрѣ, отличной у нихъ отъ другихъ язычниковъ, нельзя было ничего узнать, точно также и диковинный ихъ языкъ не былъ похожъ на другіе, почему никто его и не понималъ. Въ Черемискихъ деревняхъ не существовало мечетей, и не было видно молящихся; самый народъ былъ простъ, грубъ и совершенно безграмотенъ.

Проѣхавъ Черемиской землей нѣсколько десятковъ миль, мы прибыли въ деревни, населенныя исключительно Москалями и, слѣдуя подобными селеніями, въ довольно суровую зиму, прибыли въ Соликамскъ.

Лишь только въѣхали мы въ помянутый городъ и остановились на базарѣ, пришелъ къ намъ капитанъ Вольскій, также нашъ конфедератъ, взятый изъ Казани здѣшнимъ воеводой для обученія своихъ дѣтей Французскому языку. Онъ отъ души привѣтствовалъ своихъ соотечественниковъ и помогъ намъ выбраться изъ саней, ибо многіе изъ насъ почти окоченѣли отъ холода. Затѣмъ насъ размѣстили на довольно теплыхъ квартирахъ, а на слѣдующій день мы были переданы мѣстному командиру. Соликамская область, довольно отдаленная отъ Казани, имѣла своего воеводу, каковое званіе носитъ здѣсь начальникъ каждой отдѣльной административной мѣстности. Городъ принадлежалъ къ Казанской губерніи и получилъ свое наименованіе отъ соли, вывариваемой въ окрестностяхъ онаго и отъ большой рѣки Камы. Въ дремучихъ лѣсахъ этой области мы видѣли множество тетеревей, покрывавшихъ деревья, которыхъ мѣстные жители ловятъ первобытнымъ способомъ и доставляютъ возами въ городъ, продавая по двѣ к. пару. Хлѣбъ въ Соликамскѣ довольно дорогъ, такъ что казеннаго жалованья не хватало даже на прокормленіе, а необходимо было еще и одѣться. Офицеры, какъ упомянуто выше, получали въ сутки по пяти к., а рядовые всего по двѣ. Независимо отъ угнетавшей насъ нужды мы имѣли полную свободу отлучаться въ городъ и его окрестности. Не было впрочемъ основанія опасаться побѣговъ съ нашей стороны, такъ какъ мы удалились отъ Польской границы миль на 300, въ виду чего никто изъ насъ не осмѣлился бы пускаться

въ столь отдаленное и опасное странствіе; къ тому же за дезертирство грозило немалое взысканіе. Не смотря, однако, на то, что въ Россіи установлено довольно строгое наказаніе для преступниковъ и недобрыхъ людей, это далеко не обуздываетъ Московскаго народа, склоннаго къ тяжкимъ преступленіямъ. Разбойниковъ и воровъ насчитывается въ здѣшнихъ краяхъ множество. Они безобразничаютъ не только на сушѣ, но и на водѣ, по Волгѣ и Камѣ; огромныя эти рѣки, протекая дремучими лѣсами, представляютъ удобное убѣжище для всякаго рода преступниковъ. Мы видѣли немало пойманыхъ молодыхъ и старыхъ негодяевъ, разбойничавшихъ по 40 лѣтъ въ лѣсахъ, за что ихъ подвергали кнуту, вырыванію ноздрей, клейменію и вѣчной ссылкѣ на каторгу. Подобныхъ преступниковъ въ Россіи, а особенно въ Сибири, насчитываютъ до двухсотъ тысячъ, и имъ однакоже, отпускаютъ ежегодно одежду, а для пропитанія одну только ржаную муку и по двѣ к. на человѣка.

Г. Соликамскъ довольно красивъ, хотя состоитъ изъ деревянныхъ построекъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ каменныхъ церквей. По другую сторону города тянутся дремучіе лѣса и никѣмъ необитаемыя пустыни, изъ которыхъ одна простирается до самого Ледовитаго моря, а протяженіе нѣкоторыхъ неизвѣстно и самимъ Москалямъ. Въ Соликамскѣ до полудня бывала такая темнота, что мы не видѣли передъ собой даже людей, и только послѣ полудня показывались солнце и довольно ясный день. Лѣтомъ, по заходѣ солнца, нельзя было отличить дня отъ ночи, такъ какъ и ночью можно хорошо читать и писать. Мы жили въ Соликамскѣ въ самый неурожайный годъ, почему и вынуждены были прибѣгать ко всевозможнымъ заработкамъ. Въ этомъ городѣ проживалъ богатый баринъ Турчаниновъ, выдававшій конфедератамъ значительныя вспомоществованія и кормившій ихъ обѣдами. Точно также былъ онъ щедръ и къ нищимъ, получавшимъ отъ него ежедневное подаяніе. Въ Соликамскѣ получали мы, по преимуществу черезъ купцовъ, частыя вѣсти отъ соотечественниковъ нашихъ изъ Казани, увѣдомлявшихъ насъ о ходѣ войны и о конфедератахъ, постоянно прибывавшихъ въ этотъ городъ. Изъ Кіева въ Казань высылались многочисленныя партіи нашихъ плѣнныхъ, которыхъ разсылали оттуда въ дальнѣйшіе города. Пробывъ въ Соликамскѣ Рождественскіе праздники и Пасху, мы заключили 1769-й годъ и начали 1770-й, въ которомъ опять двинуты были дальше. Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ умерло семеро нашихъ Поляковъ, похороненныхъ нами далеко за городомъ. Мѣстный воевода былъ человѣкъ довольно суровый и ненавидѣвшій Поляковъ, хотя и не могъ

слишкомъ дурно обходиться съ нами, такъ какъ это не было согласно съ данными ему инструкціями.

Въ этомъ же году насъ начали именовать въ спискахъ конфедератами, а не бунтовщиками и мятежниками, о чемъ было предписано изъ Военной Коллегіи. Послѣ годоваго почти пребыванія нашего въ Соликамскѣ мы освѣдомились, что партія плѣнныхъ, вышедшая изъ Казани въ Тобольскъ, должна была слѣдовать въ этотъ городъ, куда, по распоряженію Военной Коллегіи, будутъ направлены всѣ конфедераты. Въ скоромъ времени мы дождались помянутой партіи, пробывшей въ Соликамскѣ двое сутокъ. Остановка эта была сдѣлана въ виду закупки разныхъ припасовъ на дорогу, такъ какъ за Соликамскомъ начинался большой лѣсъ, которымъ надлежало ѣхать тридцать миль. Хотя въ этомъ лѣсу и выстроены небольшія деревушки или ночлежныя избы, но въ нихъ трудно было достать припасовъ, въ особенности въ виду усиленнаго проѣзда партій. Не прошло двухъ недѣль, какъ и намъ, проживавшимъ въ Соликамскѣ, объявлено подобное же передвиженіе. Запасшись сухарями и прочей провизіей, мы двинулись въ путь вслѣдъ за опередившей насъ партіей.

Немало нагоревались мы по случаю постояннаго отдаленія отъ отечества и углубленія въ столь невѣдомый край. Изъ Соликамска выѣхали мы на подводахъ и, отъѣхавъ всего одну милю отъ города, очутились въ дремучихъ лѣсахъ, которыми плелись цѣлый день, пока не прибыли на станцію, состоявшую изъ нѣсколькихъ избъ, предназначенныхъ для нашего ночлега. Это былъ небольшой поселокъ, расположенный у каменистыхъ горъ, съ ключевой водой, протекающей въ дремучихъ лѣсахъ, безъ всякихъ полей, такъ какъ жители занимаются однимъ охотничьимъ промысломъ. Въ помянутыхъ лѣсахъ водилось множество лосей, для поимки которыхъ туземцы роютъ глубокія ямы. Лосиныя кожи сбываются ими заѣзжимъ купцамъ, снабжающимъ въ замѣнъ оныхъ жителей хлѣбомъ и другими припасами; лосиное же мясо продается не дороже одной копѣйки за фунтъ. Переночевавъ въ этой деревнѣ, мы двинулись дальше тѣми же лѣсами. На вопросъ нашъ, какъ далеко простираются эти лѣса по сторонамъ дороги, Москали отвѣчали, что ни одинъ изъ мѣстныхъ жителей не видѣлъ конца оныхъ и что подобное любопытство угрожало голодной смертью или же погибелью въ непроходимыхъ дебряхъ. Такими лѣсами ѣхали мы отъ станціи до станціи, пока, наконецъ, на пятый день, не увидѣли пахотныхъ полей, принадлежавшихъ мѣстечку Верхотурью. Мѣстечко это находилось уже въ Сибири, въ него мы и прибыли около полудня. По пріѣздѣ увѣдомили насъ, что мѣстный воевода получилъ предписаніе оставить насъ тамъ на зимовку, почему наша партія и была

передана въ вѣдѣніе Верхотурскаго коменданта. Насъ размѣстили на довольно удобныхъ квартирахъ. Въ этомъ городѣ была такая дешевизна, какой мы не встрѣтили нигдѣ, что̀ представляло намъ болѣе житейскихъ удобствъ, сравнительно съ Соликамскомъ. Верхотурье принадлежало къ Тобольской губерніи и управлялось воеводой, весьма вѣжливымъ и сердобольнымъ человѣкомъ, что́ заставило насъ уважать его высокія достоинства. Не успѣли мы, однакоже, прожить здѣсь и одного мѣсяца, какъ получено было предписаніе перевести насъ въ Тюмень, потому что Верхотурье предназначалось для новой партіи конфедератовъ. Мы наслышались о Сибири, какъ о странѣ пустынной, малолюдной; между тѣмъ вездѣ встрѣчалось обиліе, довольство, населенныя деревни, съ народомъ много гуманнѣйшимъ, чѣмъ въ Россіи. Намъ пришлось ѣхать довольно богатыми слободами и въ скоромъ времени прибыть въ Тюмень. Тутъ, послѣ обычной передачи насъ мѣстному коменданту, мы размѣстились въ отведенныхъ намъ квартирахъ.

Г. Тюмень далеко обширнѣе и красивѣе Верхотурья, превосходитъ его торговлей и количествомъ купечества. Дешевизна продуктовъ была тамъ неимовѣрная: копа (60) карасей продавалась по копѣйкѣ, по такой же цѣнѣ фунтъ говядины, и въ той же пропорціи мука и молочные припасы. Окрестныя слободы населены Москалями и Татарами, владѣвшими нѣкогда Сибирью. Жизнь въ Тюмени была удобна. Покупая за безцѣнокъ китайку и лосиныя шкуры, мы запаслись хорошей одеждой, въ каковой особенно нуждались по причинѣ зимняго времени. Въ Тюмени надѣялись мы оставаться болѣе продолжительное время, такъ какъ другія партіи конфедератовъ направились въ Тобольскъ боковыми трактами.

Въ Тобольскѣ генералъ-губернаторъ производилъ плѣннымъ сортировку: однимъ увеличивалъ содержаніе, а другихъ, по своему усмотрѣнію, обращалъ въ солдатъ и казаковъ. Наши нижніе чины должны были поддаться всѣмъ тяготамъ плохо вознаграждаемой Московской службы. Тобольскій ген.-губернаторъ, Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, былъ человѣкъ великодушный, но гордый, имѣвшій званіе не только губернатора, но и Сибирскаго намѣстника. Этотъ всесильный правитель, говорившій нѣсколько по-польски, радушно принималъ Поляковъ въ своемъ гостепріимномъ и открытомъ домѣ. Въ нашей средѣ находилось нѣсколько изрядныхъ музыкантовъ, съ инструментами купленными въ Казани; почему губернаторъ охотно приглашалъ ихъ на всѣ балы, тѣмъ болѣе, что лучшихъ музыкантовъ не было въ Тобольскѣ. Чичеринъ былъ человѣкъ веселаго нрава, вдовъ и кромѣ несовершеннолѣтней дочери не имѣлъ при себѣ никого. Нѣкоторые Поляки по

тщеславію назвались графами, не имѣвшими въ Польшѣ никакой собственности, что̀ однакоже на извѣстное время доставило имъ кое-какія выгоды. Другіе выдавали себя за докторовъ, не смотря на то, что въ Польшѣ были портными, и этимъ жилось хорошо; тѣмъ не менѣе постыдное ихъ ремесло изобличалось, и самозванцы подвергались суровой карѣ. Въ числѣ прочихъ развлеченій нѣкоторые изъ насъ принялись разыгрывать комедіи, въ родѣ езуитскихъ діалоговъ; губернаторъ помогъ построить костюмы, присутствовалъ съ своей дочерью на представленіяхъ и каждый разъ вносилъ по 150 рублей. Выдумывались и другія увеселенія, потѣшавшія богатаго барина, державшаго при своемъ дворѣ нѣсколько десятковъ гусаръ, въ число которыхъ поступали волей и неволей и наши Поляки.

Въ это время мы спокойно проживали въ Тюмени и остались бы тамъ еще дольше, еслибы безтактный поступокъ капитана Мочидловскаго не вынудилъ насъ двинуться въ Тобольскъ среди трескучихъ морозовъ. Намъ дано неожиданное приказаніе выступить ночью въ дорогу, и мы должны были сбыть за безцѣнокъ свои пожитки домохозяевамъ. Выступленіе изъ Тюмени въ Тобольскъ послѣдовало ночью въ сильные морозы и по глубокому снѣгу. Испытавъ немало нищеты и разныхъ невзгодъ въ пути, мы прибыли, наконецъ, въ этотъ городъ и простояли на морозѣ около пяти часовъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Только вечеромъ позвали насъ на губернаторскій дворъ, а оттуда въ канцелярію. Тутъ подвели насъ къ мѣрѣ и записали года, что̀ предвѣщало намъ военную службу. По окончаніи этой операціи насъ повели къ гауптвахтѣ и выстроили въ двѣ шеренги. Вслѣдъ затѣмъ принесли ворохъ палокъ, привели капитана Мочидловскаго и, поставивъ его передъ фронтомъ, начали немилосердно наказывать. Когда же онъ не могъ уже держаться на ногахъ, откомандировали четырехъ гренадеровъ, положившихъ капитана на ружья; мы же должны были смотрѣть на подобное истязаніе. Мочидловскаго наказывали до тѣхъ поръ, пока изъ губернаторскаго дворца не получено приказаніе «довольно», и затѣмъ отправили его для отдыха на гауптвахту. Въ сущности проступокъ капитана былъ столь незначителенъ, что объ немъ не стоитъ и говорить. Послѣ вторичной провѣрки по спискамъ, трое рослыхъ шляхтичей было назначено въ гренадерскую роту; насъ же, по причинѣ наступившей ночи, размѣстили по квартирамъ. На другой день помянутыхъ трехъ рекрутъ повели въ церковь и велѣли имъ присягать на вѣрность, чего они ни за что не соглашались исполнить. За это ихъ немедленно арестовали и тутъ же немилосердно наказали. Рекрутъ вывели на площадь, раздѣли до нага, принесли какой-то деревянный снарядъ, и къ нему

прикрѣпили ослушниковъ за руки, ноги и шею. Въ такомъ положеніи ихъ стегали до тѣхъ поръ, пока не стало отлетать тѣло, послѣ чего отправили на гауптвахту, гдѣ они пробыли день и ночь. На слѣдующее утро были выставлены два батальона; барабанщики принесли огромныя связки палокъ и батоговъ, а помянутые арестанты выведены для вторичнаго наказанія. Убѣдившись, однакоже, что въ этихъ несчастныхъ едва держалась душа, препроводили ихъ въ лазаретъ, а по выздоровленіи сдали въ солдаты. Затѣмъ, по присоединеніи къ нашей партіи въ Тобольскѣ еще 50 человѣкъ, насъ отправили въ городъ Тару.

Мы еще никогда не были такъ огорчены какъ при видѣ столь жестокаго обхожденія съ нашими плѣнными. Намъ не дали покоя въ продолженіе всей зимы и постоянно гнали въ отдаленнѣйшія края. Это было тѣмъ ощутительнѣе, что намъ приказано выступить въ Тару пѣшкомъ, въ жестокую Сибирскую зиму, которая по своей суровости не имѣетъ ничего общаго съ Польской, снѣга же достигали десяти аршинъ глубины.

Мы выступили изъ Тобольска во время сильныхъ снѣговъ и мятели, шли по бездорожнымъ пространствамъ, бредя цѣлый день по колѣна въ снѣгу, и не смотря на это ушли не болѣе одной мили, достигнувъ поздней ночью какой-то деревеньки. Насъ велъ капитанъ Тобольскаго гарнизона, съ десятью солдатами, размѣстившій партію въ довольно теплыхъ квартирахъ въ этой деревнѣ, въ которой мы и отдохнули до слѣдующаго дня. Помянутый капитанъ, добрый и сострадательный человѣкъ, открылъ намъ по секрету, что заболѣвшій плѣнный имѣетъ право требовать подводы. Въ силу этого онъ посовѣтовалъ намъ подать ему черезъ фельдфебеля рапортъ о болѣзни, но не всѣмъ вмѣстѣ и не иначе, какъ пройдя три или четыре станціи. Съ глубокой благодарностью приняли мы совѣтъ нашего благодѣтеля, и 18 человѣкъ подали, въ указанное время, рапортъ о болѣзни, а капитанъ истребовалъ подводы. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ маршѣ, среди насъ не оказалось ни одного здороваго, такъ что всѣ мы пріѣхали въ Тару на подводахъ. Въ Тарѣ мы уже застали конфедератовъ, опередившихъ насъ изъ Тобольска. Не успѣли мы расположиться на новыхъ квартирахъ, какъ на другой день объявлено намъ новое передвиженіе въ Иркутскую губернію, почему и приказано готовиться въ дорогу.

Комендантъ города Тары былъ очень приличный человѣкъ и говорилъ по-польски, какъ природный Полякъ. Мы отправились къ нему и, ссылаясь на наше изнуреніе, просили оставить офицеровъ съ партіей, назначенной зимовать въ Тарѣ. Сначала онъ не довѣрялъ на-

шимъ заявленіямъ, но затѣмъ обѣщалъ исполнить нашу просьбу, приказавъ въ тоже время остальнымъ плѣннымъ быть готовыми на другой день въ дорогу.

Тяжело было нашимъ несчастнымъ соотечественникамъ отправляться пѣшкомъ въ столь холодное и отдаленное странствіе; тѣмъ болѣе, что плѣнныхъ постоянно гнали впередъ, какъ бы на вѣчное изгнаніе изъ отечества. Итакъ, на другой день приказано нашимъ выступать въ дорогу подъ командой поручика, съ фельдфебелемъ и 12 солдатами. Несчастные прощались съ нами какъ бы на вѣчную разлуку и, послѣ провѣрки по спискамъ, двинулись въ трудный путь. Мы же остались въ Тарѣ и присоединились къ партіи, оставленной зимовать въ этомъ городѣ. Тара былъ довольно порядочный городъ, съ деревянными постройками, имѣлъ воеводу и отдѣльнаго коменданта, подъ начальствомъ котораго состояли Поляки. Этотъ комендантъ, очень хорошій человѣкъ, бывалъ въ Польшѣ, полюбилъ нашихъ соотечественниковъ и отзывался о нихъ съ прекрасной стороны. Подобное мнѣніе возымѣло благотворное вліяніе и на воеводу, оказавшаго намъ свое благоволеніе. Мы прожили въ Тарѣ цѣлую зиму и при необыкновенной Сибирской дешевизнѣ имѣли возможность за наше суточное довольствіе одѣться и прокормиться, приберегая кой-что и на черный день. Съ наступленіемъ весны пришло новое приказаніе измѣрить нашъ ростъ, описать года и вообще всѣ примѣты. Для исполненія этого распоряженія насъ потребовали въ канцелярію, изъ чего мы заключили, что намъ грозитъ военная служба. Мы видѣли уже немало соотечественниковъ состарѣвшихся на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ въ Казани, Тарѣ и Тобольскѣ. Это были плѣнные еще со временъ Станислава Лещинскаго, не ожидавшіе уже своего освобожденія, что̀ въ данномъ случаѣ могло случиться и съ нами.

По опредѣленіи нашего роста и описи лѣтъ были отмѣчены по спискамъ молодые и старые. Первые предназначались въ полевые полки, а вторые въ казаки. Въ непродолжительномъ времени составлена была изъ насъ партія, въ 120 человѣкъ, затребованы подводы, и приказано снаряжаться въ походъ, въ Омскъ, для поступленія въ драгунскій Сибирскій корпусъ, расположенный на Киргизской границѣ. Намъ казалось, что неоднократное уже опредѣленіе нашего роста и теперь останется безъ послѣдствій. Тѣмъ временемъ пришли подводы, составлены списки, назначенъ конвойный офицеръ съ солдатами, и мы двинулись на трехъ возахъ въ Омскъ.

Въ Омскѣ отведены намъ квартиры у проживавшихъ тамъ казаковъ, такъ какъ этотъ вновь основанный городъ былъ населенъ исключительно военнымъ сословіемъ, а именно казаками и драгунами,

Была тамъ и крѣпость, съ довольно сильными земляными валами, въ которой находились просторныя казармы, съ квартирой для генералъ-лейтенанта, командовавшаго всѣмъ Сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль пограничной линіи. За крѣпостью расположено мѣстечко, состоявшее изъ деревянныхъ построекъ, населенное одними казаками. Они имѣли собственные дома, обязаны были оберегать границы и отбывать всякую воинскую повинность. Черезъ городъ протекаетъ рѣка Омь, съ довольно хорошимъ мостомъ, а за городомъ значительная рѣка Иртышъ, за которой начиналась Киргизская степь. Въ помянутомъ Сибирскомъ корпусѣ числились два генералъ-майора и одинъ генералъ-лейтенантъ. Во время нашего прохода умеръ ген.-лейтенантъ Шпрингеръ, а на его мѣсто былъ временно назначенъ старшій генералъ-майоръ Станиславскій, происходившій изъ Поляковъ. Намъ было приказано явиться къ новому начальнику, при чемъ онъ объявилъ намъ, что ему дано приказаніе изъ Военной Коллегіи опредѣлить насъ всѣхъ въ военную службу, зачисливъ небольшими частями въ мѣстные полки. Мы всячески просили его избавить насъ отъ этой лямки, но безъ успѣха, такъ какъ ген. Станиславскій не могъ этого исполнить, хотя и завѣрилъ насъ, что и въ военной службѣ онъ будетъ къ намъ снисходителенъ. Насъ выстроили въ двѣ шеренги, расписали и разослали по полкамъ. Въ то время квартировалъ въ Омскѣ драгунскій полкъ, въ который и назначено десять Поляковъ; а остальныхъ, по двѣнадцати и тринадцати человѣкъ, распредѣлили по другимъ пограничнымъ полкамъ. Насъ, оставшихся въ Омскѣ, повели въ церковь и велѣли присягать на вѣрность военной службѣ, чего никто изъ насъ не желалъ исполнить. Мы вышли изъ церкви и застали уже выстроенныхъ солдатъ, которые немедленно насъ окружили и отвели подъ арестъ. Тамъ мы были размѣщены по двое и оставлены безъ всякой пищи; а на слѣдующій день насъ опять повели по двое въ церковь съ цѣлью заставить присягать. Однакоже никто изъ насъ не согласился на это, представляя, что мы уже присягали своему отечеству и эту вѣрность обязаны сохранить. Мы опять вышли изъ церкви и уже не по двое, а по одному, такъ что мы не знали, куда кого посадили. Намъ выдавали ежедневно по фунту хлѣба и по кружкѣ воды, а по прошествіи двухъ дней опять повели въ церковь, по одному, съ цѣлью привести все къ той же присягѣ, но опять безуспѣшно, такъ что по выходѣ изъ оной насъ посадили уже подъ общій арестъ. Такимъ образомъ просидѣли мы шесть недѣль на хлѣбѣ и водѣ. Во все это время офицеры ежедневно уговаривали насъ принести присягу, но всѣ ихъ усилія оказались тщетными. Въ другихъ полкахъ наши Поляки точно также не соглашались присягать и

сидѣли подъ арестомъ. По прошествіи шести недѣль насъ вывели на базаръ, принесли палокъ, батоговъ и плетей и, лишь только начали насъ наказывать, мы согласились на присягу. Однакоже въ другихъ полкахъ наши оказали такое упорство, что зачастую, получая отъ 900 до 1500 ударовъ, едва соглашались принять присягу. Когда мы уже сдѣлались невольными солдатами, прибыла новая партія изъ Тобольска, которую тоже распредѣлили по полкамъ. Тоже самое было съ партіями прослѣдовавшими въ Омскъ мимо Тобольска.

Конфедераты, высланные изъ Тары въ Иркутскъ, испытали другую участь. Они по прибытіи на мѣсто розданы были крестьянамъ по разнымъ слободамъ, лишены жалованья, съ обязанностью помогать имъ въ полевыхъ работахъ, за чтó хозяева должны были ихъ кормить. Конфедераты прожили въ слободахъ нѣкоторое время и не только не соглашались работать, но до того надоѣли крестьянамъ, что они отпускали все даромъ, лишь бы только тѣ оставили ихъ въ покоѣ. Дѣло началось съ того, что Полякамъ не давали ѣсть, надѣясь этимъ заставить ихъ работать; но наши выведенные изъ терпѣнія сами забирали ѣду со столовъ. Крестьяне принесли жалобу губернатору, съ просьбой удалить конфедератовъ, отъ которыхъ они не только не имѣли никакой помощи въ своихъ работахъ, но еще испытывали немало притѣсненій. Губернаторъ велѣлъ вывести плѣнныхъ изъ означенныхъ деревень и размѣстить по квартирамъ въ Иркутскѣ. Въ этомъ городѣ проживалъ одинъ разжалованный офицеръ. Онъ объяснилъ нашимъ, что всѣ поступки Тобольскаго ген.-губернатора дѣло его личнаго произвола и преподалъ имъ способъ написать письмо къ самой Императрицѣ, которое обязаны были принять отъ обиженнаго и отправить по назначенію. Онъ же указалъ имъ способъ пробраться въ судебную палату, въ которой засѣдаетъ ген.-губернаторъ съ ассесорами. Въ означенной палатѣ находился портретъ и пустое императорское кресло, передъ которымъ слѣдовало положить запечатанное письмо, и оно немедленно препровождалось въ Петербургъ. Дѣйствительно, Поляки нашли случай проникнуть въ судебную палату и положить письмо передъ императорскимъ кресломъ. Взволнованный губернаторъ вскочилъ съ своего мѣста, сильно сконфузился, тѣмъ не менѣе вынужденъ былъ безотлагательно отослать письмо въ Петербургъ. Мѣра эта подѣйствовала, такъ какъ изъ Петербурга былъ полученъ приказъ возвратить конфедератамъ задержанное жалованье и отправить ихъ въ Тобольскъ, въ которомъ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій Военной Коллегіи. Намъ же, состоявшимъ уже на военной службѣ, приказано готовиться къ походу, по случаю полученія неожиданнаго предписанія выступить всему корпусу противъ Калмыковъ.

Въ 1771 году Калмыки, проживавшіе въ большомъ числѣ въ обширныхъ Оренбургскихъ степяхъ, получили приказъ выступить противъ Турокъ, такъ какъ они, на-равнѣ съ Донскими козаками и Башкирами, состоятъ въ Московской службѣ и всегда должны быть готовы на войну, для каковой цѣли имъ дано было и оружіе. Князь ихъ Бамбура, собравъ сорокъ тысячъ человѣкъ, вмѣсто того чтобы присоединиться къ Московской арміи, направился въ Китай, въ слѣдствіе чего и дано изъ Петербурга приказаніе Оренбургскому и Сибирскому корпусамъ пуститься въ погоню за Калмыками. Сіи послѣдніе быстро направились къ Киргизской границѣ, гдѣ они легче всего надѣялись осуществить свое намѣреніе. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ, преслѣдовалъ Калмыковъ по горячимъ слѣдамъ; а мы, съ двѣнадцатитысячнымъ Сибирскимъ корпусомъ, старались преградить имъ дорогу, при чемъ Киргизы обѣщали не пропускать бѣглецовъ черезъ свою землю. Тѣмъ не менѣе Калмыки быстрымъ движеніемъ успѣли опередить Оренбургскій корпусъ и уклонились отъ погони Сибирскаго. Киргизовъ же, не желавшихъ пропускать ихъ черезъ свою землю, они полонили нѣсколько тысячъ, захватили множество лошадей и далеко ушли отъ нашихъ войскъ. Мы усиленно преслѣдовали Калмыковъ, двигаясь по указанію проводниковъ въ бездорожныхъ пустыняхъ Киргизской степи. Въ то время стояла большая жара, а крайній недостатокъ воды породилъ смертность въ людяхъ и падежъ скота. Тѣмъ не менѣе мы довольно быстро подвигались впередъ и настигали Калмыковъ почти на послѣднихъ ночлегахъ. Такимъ образомъ прошли мы Киргизскія степи и вступили въ Бухарію, небольшую страну, расположенную тоже въ степяхъ безъ осѣдлыхъ поселеній. Затѣмъ прибыли мы къ Ташкентскимъ Татарамъ, которыхъ земля оказалась уже болѣе культурной, съ осѣдлыми жителями. Они занимаются земледѣліемъ и торговлей, а именно ведутъ торгъ золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными предметами. У Ташкентцевъ былъ свой ханъ, которому они платили дань, по преимуществу звѣрями и скотомъ. Миновавъ помянутыя страны и не настигнувъ еще Калмыковъ, мы пришли въ Хивинскую землю. Населявшій ее бѣдный народъ обиталъ среди скалистыхъ горъ и промышлялъ по преимуществу охотою, такъ какъ въ этой землѣ водилось множество краснаго звѣря, а именно соболей, куницъ и отборныхъ лисицъ. Въ жизненныхъ припасахъ и скотѣ ощущался здѣсь большой недостатокъ, особенно въ суровую зиму. У нихъ есть также свой удѣльный ханъ, которому они уплачиваютъ ясакъ звѣриными шкурами. Въ этой землѣ мы надѣялись встрѣтиться съ Калмыками, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гора. Однакоже они успѣли пробраться едва проходимой тропинкой,

вышли на равнину и одни пѣшкомъ, а другіе вплавь перебрались за протекавшую тамъ рѣку Бахтарму и направились къ Китайской границѣ. Не имѣя приказанія ихъ преслѣдовать, мы остановились на два дня для отдыха на рѣкѣ Бахтармѣ, откуда 39 человѣкъ нашихъ Поляковъ, изнуренныхъ трудностями похода, дезертировали въ Китай.

Отдохнувъ на рѣкѣ Бахтармѣ, мы выступили на третій день обратно. У насъ былъ достаточный запасъ сухарей, истолченныхъ въ муку и составлявшихъ единственное наше продовольствіе. Мы возвращались той же дорогой, а потомъ голою степью, въ которой не было воды нерѣдко два-три дня; подобною мѣстностью шли мы до Семипалатинска или урочища семи дворцовъ, отъ которыхъ остались одни развалины. Въ то время тамъ не было никакихъ жителей; а кѣмъ воздвигнуты помянутые дворцы, мы не могли узнать. Отъ Семипалатинска было уже недалеко до рѣки Иртыша и нашихъ границъ, куда мы ускорили маршъ по причинѣ истощенія запасовъ.

По прибытіи въ Омскъ мы застали свѣжую партію изъ Казани, предназначенную въ военную службу въ тотъ же корпусъ. Имъ отведены квартиры, причемъ объявлено, что на слѣдующій день они будутъ приведены къ присягѣ. Однакоже конфедераты, не ожидая утра, захватили нѣсколько оружія и амуниціи у своихъ хозяевъ-козаковъ, переправились черезъ рѣку Иртышъ и передались Киргизамъ, у которыхъ очутились еще въ худшемъ положеніи, такъ какъ одни изъ нихъ были проданы Ташкентцамъ, а другихъ заставили пасти стада. Четверо Поляковъ бѣжали обратно въ Омскъ и донесли о случившемся.

Область Киргизовъ простирается въ ширину на сто слишкомъ миль, а въ длину еще больше. Этотъ народъ кочуетъ въ голой степи, незнакомъ съ земледѣліемъ, питается исключительно молокомъ и мясомъ, имѣя избытокъ скота, котораго у одного хозяина бываетъ нерѣдко по 5000 барановъ, 2000 рогатаго скота, до 1000 лошадей и отъ 300—400 верблюдовъ. Киргизы живутъ въ шатрахъ, состоящихъ изъ складныхъ деревянныхъ шестовъ, покрытыхъ войлокомъ, съ отверстіемъ вверху для выхода дыму. Для варки пищи у нихъ имѣются желѣзные котлы и небольшія деревянныя мисочки, которыми они черпаютъ жижу и затѣмъ берутъ говядину руками. Они недолго остаются на одномъ мѣстѣ, такъ какъ многочисленность ихъ скота нуждается въ перемѣнѣ пастбищъ, при чемъ кочевники собираютъ свои шатры, кладутъ ихъ на верблюдовъ и, подыскавъ хорошую траву, располагаются на новую побывку. Свыше шести или семи хозяевъ они не живутъ, такъ какъ и столь ограниченное сосѣдство требуетъ значительнаго количества травы для скота. Киргизы не знаютъ никакой монеты и таковой не принимаютъ, пріобрѣтая всѣ необходимые

предметы обмѣномъ скота. Съ Москалями они ведутъ постоянную мѣновую торговлю, пригоняя для этой цѣли нѣсколько тысячъ скота къ рѣкѣ Иртышу. Москали переправляются къ нимъ за Иртышъ для весьма прибыльнаго промѣна разныхъ товаровъ, такъ что за какую-нибудь бездѣлицу можно пріобрѣсти весьма цѣнную скотину. Киргизскіе бараны очень велики и даютъ изъ одного только хвоста около пуда сала; такого барана можно вымѣнять на одинъ топоръ стоимостью въ 10 коп. Московскіе купцы съѣзжаются издалека на подобныя ярмарки, бывающія только лѣтомъ, такъ какъ въ зимнюю пору Киргизскія стада, по недостатку хорошаго корма, окончательно тощаютъ, питаясь лишь подснѣжной травой. Въ виду этого на ярмарки пригоняютъ сперва лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и, наконецъ, барановъ и овецъ. Травы бываютъ тамъ высокія, что̀ даетъ возможность скоту выгребать оную изъ-подъ снѣга.

Мы видѣли Киргизскаго хана султана Абтая, въ старосвѣтской одеждѣ изъ Китайскаго чернаго шелка, съ золотистыми цвѣтами. Всѣ прочіе Киргизы одѣваются весьма однообразно и просто; они носятъ пояса, набитые гвоздиками, при которыхъ виситъ на цѣпочкѣ ножъ въ кожаномъ чехлѣ. Мечетей въ этой землѣ мы нигдѣ не встрѣчали. Киргизовъ насчитываютъ не болѣе 300,000 душъ обоего пола.

Жители Бухаріи, чрезъ которую мы проходили, ничѣмъ не отличались отъ Киргизовъ, почему и излишне ихъ описывать.

Въ нашихъ драгунскихъ полкахъ, разставленныхъ вдоль границы на нѣсколько десятковъ миль, были сосредоточены всѣ Поляки, отданные въ военную службу.

Мы состояли уже цѣлый годъ въ помянутыхъ полкахъ до прибытія ген. Декалонга, назначеннаго на мѣсто умершаго корпуснаго начальника ген. Шпрингера. Съ его пріѣздомъ послѣдовало переформированіе всего нашего корпуса. Онъ образовалъ изъ бывшей до того времени только кавалеріи легкія пѣшія команды и батальоны. Командой начальствовалъ маіоръ, а батальономъ изъ семи ротъ, штабъ-офицеръ; въ цѣломъ же корпусѣ было семь такихъ командъ. Наши Поляки обращены въ пѣшія команды, въ которыхъ они состояли три года.

Конфедератамъ, оставшимся еще въ Тобольскѣ, жилось довольно сносно. Они получали прежнее довольствіе и проживали на свободѣ. Между тѣмъ въ Казань постоянно прибывали свѣжія партіи нашихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находились маршалы Зелинскій, Сенявскій, Коддубовскій, Малевскій и др. Однихъ высылали на жительство въ Оренбургъ, другихъ въ Тобольскъ, а нѣкоторыхъ въ Хвалынскъ и Симбирскъ. Въ это же время нашъ конфедератъ капитанъ Беніовскій

бѣжалъ, подъ видомъ фельдъегеря, изъ Казани. По прибытіи въ Москву ему удалось оправдаться, и его уже рѣшили освободить. Однакоже продѣлки дезертира обнаружены, и онъ былъ сосланъ безъ срока въ Камчатку. Тамъ Беніовскій былъ посаженъ въ мрачную тюрьму, и по прошествіи года ему разрѣшено отлучаться въ городъ. Хорошо знакомый съ моремъ Беніовскій задумалъ бѣжать, къ чему способствовало положеніе Камчатки надъ заливомъ. Въ городѣ находилось нѣсколько каторжниковъ, съ которыми онъ вошелъ въ соглашеніе относительно побѣга. Воспользовавшись пріѣздомъ на судахъ двухъ воеводъ, привезшихъ золото и серебро, Беніовскій вывелъ каторжниковъ изъ тюрьмы, напалъ съ ними на гауптвахту, перебилъ солдатъ и захватилъ оружіе; затѣмъ сѣлъ на упомянутыя суда, отчалилъ съ товарищами отъ берега и бѣжалъ во Францію. Москали пустились его преслѣдовать, но безъ всякаго успѣха.

Когда нѣсколько тысячъ нашихъ Поляковъ уже зачислено было въ военную службу, имъ предложили принять Московскую вѣру, за что каждому изъ нихъ было обѣщано по 18 рублей и освобожденіе отъ военной службы. Подобное предложеніе было принято многими изъ плѣнныхъ, и болѣе всего изъ рядовыхъ, желавшихъ облегчить этой мѣрой свою участь. Не было дня, чтобы для этой цѣли не являлось въ канцелярію по нѣскольку человѣкъ, гдѣ они немедленно получали по 18 р. съ освобожденіемъ отъ военной службы. Такимъ образомъ приняло Московскую вѣру въ Тобольскѣ 180 чел., въ Тарѣ 50 ч., въ Томскѣ 75 ч., въ Иркутскѣ 8 ч. и въ Казани 96 чел. Имъ разрѣшено было вступать въ бракъ и заботиться самимъ о средствахъ существованія.

Въ томъ же году въ Россіи распространилась чума, отъ которой въ Кіевѣ вымерло немало народу, такъ что многіе дома опустѣли. Однихъ рекрутъ, слѣдовавшихъ въ армію, умерло до десяти тысячъ. Въ туже пору находилось въ Кіевѣ въ плѣну около 800 Турокъ и полутораста Поляковъ. Тѣхъ и другихъ заставляли ежедневно копать могилы и, не смотря на это, ни одинъ изъ нихъ не умеръ. Отъ помянутой чумы въ одной Москвѣ погибло до ста тысячъ, не считая другихъ городовъ.—Въ 1773 году, по прошествіи трехъ лѣтъ пребыванія нашего въ Сибирскихъ войскахъ, неожиданно полученъ приказъ выступить къ Оренбургу, подъ которымъ разгорѣлось возмущеніе извѣстнаго самозванца Емельяна Пугачева.

Въ Казани Пулавскій съ нѣкоторыми Поляками предложилъ свои услуги сражаться противъ Пугачева. Конфедераты Оренбургскаго гарнизона были обвинены въ желаніи передаться Пугачеву, за что ихъ арестовали и наказали батогами. Освобожденные Декалонгомъ, они

опять обвинены были Станиславскимъ, жестоко наказаны, а четверо повѣшены.

Не смотря на то, что конфедератовъ немало легло въ борьбѣ съ Пугачевымъ, ихъ осталось слишкомъ шестьсотъ человѣкъ, которые по усмиреніи бунта были водворены по прежнему въ Тобольскѣ. Намъ очень хорошо было извѣстно о заключеніи мира съ Турками и подавленіи конфедераціи въ Польшѣ. Тѣмъ болѣе конфедераты были удивлены, что ихъ еще держали въ плѣну, хотя нѣкоторые изъ соотечественниковъ были уже освобождены. Съ цѣлью полученія свободы плѣнныхъ по взаимному соглашенію, три раза они обращались съ просьбой къ г.-губернатору. Не получивъ удовлетворенія, они вышли скопомъ изъ своихъ квартиръ и отправились въ полномъ вооруженіи къ губернаторскому дворцу. Тамъ они составили ружья въ козлы, сбросили свои мундиры и настоятельно потребовали возвращенія ихъ въ отечество. Губернаторъ, смущенный подобнымъ поступкомъ, кротко отвѣчалъ имъ, что если они усиленно этого желаютъ, то прежде всего слѣдуетъ отнести въ команду оружіе и мундиры, а на другой день явиться за полученіемъ паспортовъ и прогонныхъ денегъ на дорогу. Тѣмъ временемъ онъ велѣлъ секретно всѣмъ наличнымъ въ Тобольскѣ войскамъ явиться чуть свѣтъ во дворецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было и городскимъ жителямъ вооружиться чѣмъ ни попало и направиться туда же. Все было исполнено по приказу губернатора, и нѣсколько тысячъ войска и горожанъ поджидало прихода Поляковъ. По прибытіи сихъ послѣднихъ, безоружныхъ, сейчасъ же окружили ихъ и направили противъ нихъ заряженныя пушки. Вслѣдъ затѣмъ явился разгнѣванный губернаторъ и долго разъѣзжалъ передъ Поляками въ молчаніи, какъ бы придумывая, что̀ предпринять. Но вотъ онъ подъѣхалъ къ плѣннымъ съ грознымъ вопросомъ, кто былъ зачинщикомъ вчерашнихъ безпорядковъ. Ошеломленные Поляки долго отмалчивались; но допрашиваемые настойчиво, по нѣскольку разъ, нѣкоторые изъ нихъ отвѣчали, что дѣйствовали единодушно. Семеро отвѣчавшихъ были немедленно выдѣлены изъ толпы; принесли орудія наказанія, т.-е. колоду, къ которой прикрѣпляли провинившихся и кнуты. Имъ велѣли раздѣться и, отсчитавъ каждому по 800 кнутовъ, вырвали ноздри, заклеймили лобъ заковали въ кандалы и выслали на пожизненную каторгу. Остальныхъ заковали подобнымъ же образомъ и отправили въ многолѣтнюю тюрьму въ Сергачскую область. Впрочемъ они пробыли тамъ всего нѣсколько мѣсяцевъ и опять были распредѣлены, по частямъ, въ разные полки.

Въ томъ же году наши Поляки, изъявившіе съ Пулавскимъ желаніе вступить въ Московскую службу противъ Пугачева, получили

паспорты и отпущены въ отечество. Мы же, оставаясь въ Бахмутскомъ полку, въ странѣ населенной Мордвой, получили весной приказъ выступить въ г. Бахмутъ въ Ново-Сербіи, гдѣ этотъ полкъ имѣлъ постоянное мѣстопребываніе. Насъ утѣшало по крайней мѣрѣ то, что мы приблизимся къ Польскимъ границамъ, откуда будетъ легче дезертировать, такъ какъ добровольно насъ не освобождали. Мы выступили въ Сентябрѣ и, слѣдуя безостановочно, пришли въ Саратовскую область, принадлежавшую къ Астраханской губерніи. Тамъ нашли мы надъ рѣкой Волгой восемнадцать Нѣмецкихъ слободъ, съ католическими костелами, въ которыхъ могли мы исповѣдываться, чего нѣкоторые изъ насъ не имѣли возможности исполнить по шести лѣтъ. Въ помянутыхъ слободахъ находились патеры разныхъ монашескихъ орденовъ, перемѣняемые папою каждыя шесть лѣтъ; они получаютъ жалованье изъ императорской казны по 100 р. въ годъ, не считая прибылей отъ приходовъ. Миновавъ помянутыя слободы, пришли мы, великимъ постомъ, въ Бахмутъ и простояли въ немъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Отсюда наши Поляки, не дожидаясь лѣта, начали побѣги за сосѣднюю Польскую границу.— Въ силу полученнаго приказа мы выступили къ Азовскому морю противъ Ногайскихъ Татаръ, гдѣ застали уже, подъ командой бригадира Бринка, нѣсколько карабинерныхъ, гусарскихъ и Донскихъ полковъ, всего около 13,000 человѣкъ. За исключеніемъ Азова, окружающая его мѣстность представляетъ совершенно голую степь безъ всякихъ деревень. Проживавшіе тамъ Татары взбунтовались противъ находившагося въ нашемъ лагерѣ хана Калги и бѣжали со своими кибитками. Мы запаслись мукой и сухарями, но хорошей воды трудно было добыть, такъ какъ морская и даже рѣчная была непріятнаго вкуса; если же и попадались источники, то воды въ нихъ едва хватало для офицеровъ. Оставивъ цѣлый обозъ въ Азовѣ и запасшись сухарями на три дня, мы углубились въ степь. Трое Татаръ, въ продолженіи пяти дней, служили намъ проводниками въ необозримой пустынѣ. У насъ истощился провіантъ раньше, чѣмъ мы добрались до Татаръ, настигнутыхъ нами на пятый день и ожидавшихъ насъ въ числѣ 2,500 человѣкъ. Они неожиданно ударили на Донцовъ и смѣшали ихъ; но съ открытіемъ пушечнаго огня непріятель съ большимъ урономъ обратился въ бѣгство. Два гусарскихъ полка, Бахмутскій и Сербскій, преслѣдовали ихъ до рѣки Кубани, при которой легло много Татаръ. Намъ достались скотъ, обозъ, дѣти и значительное число женщинъ. Съ переходомъ Ногайцевъ за Кубань къ нимъ пришли въ помощь Черкесы, наши же полки отступили къ своему корпусу. Бахмутскіе гусары поживились немалой добычей, хотя начальство произвело по этому поводу разслѣдованіе. Гусаръ Сербскаго

полка засѣченъ палками за взятые имъ у Татарскаго бея 1000 полуимперіаловъ.

Мы возвратились въ Азовъ съ плѣнными и скотомъ, послужившимъ для насъ лучшимъ продовольствіемъ чѣмъ сухари; вскорѣ однакоже нашъ полкъ, по причинѣ изнуренія лошадей, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Бахмутъ. Азовъ, лежащій надъ моремъ или лиманомъ, имѣетъ небольшую крѣпость, бѣденъ хорошими постройками и населеніемъ, такъ какъ въ немъ почти исключительно проживаютъ Московскіе военные чины. Изъ Азова мы направились въ Бахмутъ, подъ которымъ и расположились лагеремъ. Казалось, что насъ ожидалъ въ этомъ городѣ по крайней мѣрѣ мѣсячный отдыхъ; но еще вечеромъ того же дня полученъ неожиданно приказъ выступить обратно. На слѣдующій день мы двинулись въ походъ для соединенія съ княземъ Прозоровскимъ и слѣдованія въ Крымъ.

Въ это время между нашими Поляками насчитывалось немало дезертировъ, оставлявшихъ свои полки при первомъ удобномъ случаѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ ловили, немилосердно прогоняли сквозь строй, что̀ однакоже не удерживало ихъ отъ новыхъ попытокъ. Въ нашемъ эскадронѣ служилъ пріятель мой, Валахъ, давшій мнѣ совѣтъ какъ лучше пробраться въ Польшу, что̀ легко было осуществить съ приходомъ на р. Калміусъ. Онъ назвалъ мнѣ попутныя рѣчки, а именно Самару, Волгу, а затѣмъ Днѣпръ, черезъ который слѣдовало переправляться уже на суднѣ. Миновавъ голую степь Запорожья, я безъ затрудненія могъ проникнуть въ Польшу. Въ бездорожныхъ степяхъ Валахъ совѣтовалъ мнѣ днемъ направляться по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Все это принялъ я къ свѣдѣнію и съ приходомъ на р. Калміусъ рѣшился бѣжать.

Конфедераты прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ дезертирства. Еще до выступленія въ походъ бѣжало ихъ нѣсколько десятковъ, а во время онаго каждую ночь не досчитывались нѣсколькихъ человѣкъ. Въ числѣ прочихъ и я задумалъ о побѣгѣ, но лишь съ приходомъ на р. Калміусъ. По мѣрѣ приближенія къ этой рѣкѣ я приготовлялся къ осуществленію задуманнаго и заготовлялъ необходимый мнѣ провіантъ. Мнѣ представилась возможность заготовить пудъ сухарей, такъ какъ въ моемъ завѣдываніи находилась раздача оныхъ эскадрону, что̀ и помогло мнѣ припасти таковыхъ цѣлый мѣшокъ.

На рѣку Калміусъ прибыли мы въ сумерки, слѣзли съ лошадей и пустили ихъ подъ присмотромъ на траву. Затѣмъ приступили къ разбивкѣ палатокъ, устроили гауптвахту и разставили часовыхъ. Не теряя времени, я схватилъ шинель, сухари и въ темную ночь выбѣжалъ изъ лагеря. Направляясь по звѣздамъ, я шелъ безостановочно и,

пропутешествовавъ цѣлую ночь, пришелъ къ водѣ, орошавшей высокій тростникъ и догадался, что это была р. Самара, о которой разсказывалъ мнѣ вышеупомянутый Валахъ. Утомившись ходьбой, я высмотрѣлъ въ тростникѣ сухое мѣсто пригодное для отдыха и сна. Зачерпнувъ воды и разбавивъ оную толчеными сухарями, я утолилъ свой голодъ и залегъ въ тростникѣ спать. Мнѣ казалось, что въ подобномъ убѣжищѣ я могу спокойно соснуть. Не тутъ то было. Не успѣлъ я еще порядкомъ всхрапнуть, какъ необычный шумъ и крикъ подняли меня на ноги. Изъ приближавшагося ко мнѣ людскаго говора я узналъ, что это были Сумскіе гусары, слѣдовавшіе въ корпусъ кн. Прозоровскаго и подъѣхавшіе къ рѣкѣ для водопоя. Когда эта операція была ими окончена, я выскочилъ изъ тростника и перебрался въ бродъ черезъ рѣчку, спасаясь куда глядятъ глаза. Я шелъ пока хватало силъ; наконецъ занялась заря, и крайне усталый пробрался я на колѣняхъ въ чащу терновника, въ которомъ и уснулъ. Весь день я проспалъ, а съ наступленіемъ ночи опять пустился въ дорогу. Мнѣ пришлось идти голой степью. Она была столь велика, что каждаго пѣшехода и всадника можно было видѣть на цѣлую милю, а при отсутствіи въ этой степи деревень я шелъ безбоязненно днемъ и ночью. На пятый день моего странствія я увидѣлъ издалека какое-то войско; оказалось, что это былъ встрѣченный уже мною на водопоѣ Сумскій гусарскій полкъ, слѣдовавшій на соединеніе съ кн. Прозоровскимъ за Днѣпръ, куда и мнѣ лежала дорога. Я немедленно скрылся въ высокой травѣ, растущей въ тамошнихъ мѣстахъ, и ждалъ, пока пройдетъ полкъ, за которымъ я слѣдовалъ какъ за проводникомъ. Сухари и мерзлый терновникъ составляли единственное мое пропитаніе, а стоги сѣна кое-какимъ убѣжищемъ отъ холода, донимавшаго меня по причинѣ недостатка теплой одежи. Я приближался уже къ р. Волгѣ, на которой остановился на ночлегъ шедшій передо мной полкъ. На этой же рѣкѣ и я рѣшился переночевать, отыскавъ подходящую густую лозу, по сосѣдству съ которой увидѣлъ неожиданно небольшую избушку, принадлежавшую Запорожцу. Рѣшившись заглянуть въ оную, я засталъ тамъ только одного человѣка за ручными жерновами. На его вопросъ, откуда я и зачѣмъ пришелъ, я отвѣчалъ, что принадлежу къ тому полку, который остановился надъ рѣкой для ночлега и затѣмъ попросилъ у него чего-нибудь перекусить. Онъ принесъ мнѣ гречневой каши съ простоквашей, подлилъ въ оную еще сметаны и просилъ меня ѣсть. Не имѣя долго порядочной пищи, я ѣлъ съ жадностью. Мой благодѣтель, видя, что предложенной мнѣ каши и молока недостаточно, принесъ еще больше. Наѣвшись вдоволь, я отъ всей души поблагодарилъ моего кормильца и

началъ его распрашивать, какъ давно проживаетъ онъ въ этихъ мѣстахъ и чѣмъ занимается. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ихъ живетъ здѣсь шестеро (отецъ съ пятью сыновьями отправился въ лѣсъ за хворостомъ), присовокупивъ, что они не здѣшніе, а пришли изъ Польши, изъ-подъ Чигирина. Я долго бесѣдовалъ съ этимъ человѣкомъ и, сообразивъ простоту его души и участіе ко мнѣ, разсказалъ ему о своемъ положеніи. Онъ обѣщалъ мнѣ, по возвращеніи отца, указать дорогу, которою удобнѣе пробраться въ Польшу. Съ пріѣздомъ сего послѣдняго сынъ разсказалъ ему все слышанное отъ меня. Старикъ сперва смутился, опасаясь какого-либо несчастія, такъ какъ по мѣстнымъ законамъ меня слѣдовало задержать. Начали готовить ужинъ, къ которому пригласили и меня. Послѣ ужина я попросилъ старика позволить мнѣ переночевать, на что́ онъ отвѣчалъ мнѣ отрицательно. Если бы, говорилъ старикъ, провѣдали, что ты былъ у меня и ночевалъ, мы оба подверглись бы наказанію, такъ какъ тебя слѣдуетъ представить въ команду, чего я не желаю. Итакъ ступай изъ моего дома, куда ведетъ тебя Богъ и твоя судьба, а ночевать у себя я никакимъ образомъ не позволю. Затѣмъ разсказалъ онъ мнѣ основательно дорогу, при чемъ пояснилъ, что у переправы черезъ Днѣпръ стоитъ дивизія кн. Прозоровскаго, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а въ другихъ мѣстахъ не существуетъ ни перевозовъ, ни лодокъ. Это заставило меня призадуматься. Въ концѣ концовъ, поручивъ себя Провидѣнію, я рѣшился осуществить свой замыселъ и, поблагодаривъ старца за оказанныя мнѣ благодѣянія, вышелъ отъ него ночью. Я направился къ мѣстечку Московкѣ, расположенному надъ Днѣпромъ, шелъ пять дней и, подойдя къ нему, еще передъ вечеромъ, спрятался въ сосѣдней травѣ въ ожиданіи ночи. Съ наступленіемъ оной я вошелъ въ Московку, пробрался въ самый лагерь, минуя часовыхъ, которые, видя меня въ шинели и киверѣ, одни сочли солдатомъ изъ той же дивизіи, а другіе и совсѣмъ не замѣтили меня въ темнотѣ. Пройдя въ лагерь и спустившись въ долину Днѣпра, которой мнѣ долго не удавалось отыскать въ заросляхъ и темнотѣ, я брелъ по песку, приведшему меня къ самой водѣ. Долго скитался я надъ Днѣпромъ, желая найдти лодку или перевозъ, пока не замѣтилъ вдали огонька. Приблизясь къ оному, я увидѣлъ два парома и нѣсколько лодокъ, при которыхъ находились караульные крестьяне. Я прилегъ неподалеку въ той надеждѣ, что во время ихъ сна схвачу лодку и потрафлю переѣхать черезъ Днѣпръ, хотя бы при помощи моей палки, такъ какъ вёсла находились при нихъ. Я пролежалъ тамъ почти до двухъ часовъ ночи, но дѣло не выгорѣло: сильный морозъ и вѣтеръ не давалъ спать караульнымъ. Я вынужденъ былъ броситься въ другую сторону Днѣпра, предполагая

добыть какую-нибудь дырявую лодку, въ которой, хотя бы съ опасностью, можно было переправиться на другую сторону. Не желая попасть днемъ въ руки солдатъ, я бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока усталый не упалъ въ зарасляхъ и не проспалъ вплоть до слѣдующаго утра. Во время крѣпкаго сна пришли изъ лагеря двое солдатъ и начали рубить возлѣ меня хворостъ. Они разбудили меня вопросомъ, что̀ я здѣсь дѣлаю, на что̀ я имъ отвѣчалъ, что отлучился отъ лошадей своего полка, пасшихся неподалеку, и заснулъ здѣсь. Затѣмъ они спросили меня, какого я именно полка и гдѣ онъ расположенъ; я отвѣчалъ: Сумскаго гусарскаго, пришедшаго недавно въ корпусъ и расположеннаго на лѣвомъ флангѣ. Послѣдняго обстоятельства я не зналъ и угадалъ на память. Они совѣтовали мнѣ воротиться въ полкъ, такъ какъ скоро восемь часовъ, а передъ рапортомъ мнѣ слѣдовало быть на мѣстѣ. Я поблагодарилъ ихъ за то, что они меня разбудили, взялъ смиренно мою шинель, сухари и направился тропинкою вдоль Днѣпра. Изъ лагеря, расположеннаго на горѣ, попадались мнѣ на встрѣчу пѣхотные солдаты и карабинеры; но ни одинъ не остановилъ меня, видя, что я такой же солдатъ какъ и другіе. Поровнявшись съ флангами, меня опрашивали часовые, куда я ѣду и, получивъ отвѣтъ, что къ лошадямъ, которыя паслись въ полѣ, меня свободно пропускали. Миновавъ благополучно лагерь, я возблагодарилъ Бога за избавленіе меня отъ опасности. Тѣмъ не менѣе меня взяло крѣпкое раздумье что̀ предпринять дальше, такъ какъ изъ собранныхъ свѣдѣній я заключилъ, что мнѣ не предвидится отыскать перевоза. Я зашагалъ вдоль Днѣпра и, пройдя около полумили, увидѣлъ нѣсколько плотовъ и лодокъ съ лежавшими перевозчиками. Подойдя къ нимъ, я попросилъ обогрѣться и на вопросъ откуда ѣду отвѣчалъ: отъ лошадей. Они легко повѣрили, такъ какъ полковыя лошади паслись недалеко, позволили мнѣ погрѣться и пригласили отвѣдать вареной рыбы. Покушавъ, я просилъ ихъ перевезти меня на другую сторону, для покупки будто бы капусты, которой не было въ нашемъ полку. Они отговаривались неимѣніемъ времени, но одинъ изъ нихъ согласился и доставилъ меня за Днѣпръ. Я несказанно обрадовался, переправившись черезъ эту рѣку, такъ какъ отъ этого зависѣло все мое спасеніе. Однакоже отъ Днѣпра до Польской границы было еще около 20 миль. Я находился въ пути уже три недѣли, и мои ноги до того распухли въ сапогахъ, что я насилу двигался. Въ подобномъ положеніи я достигъ г. Крылова, перебрался въ бродъ черезъ р. Тясминъ и въ концѣ 1776 года благополучно перешелъ Польскую границу.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА КЪ ГРАФУ И. Г. ЧЕРНЫШОВУ.

Подлиповье. Декабря 15 дня 1775.

Графъ Иванъ Григорьевичъ.

Я получилъ письмо ваше при копіи съ двухъ имянныхъ указовъ. Жена моя и я благодаримъ васъ за желаніи ваши, которыя изъясняете въ письмѣ своемъ. Съ тѣхъ поръ какъ я въ пути, получилъ нѣсколько меморій, на которыя имѣю вамъ нѣчто примѣтить.

1) О снарядахъ артилерійскихъ, оставшихся въ Магонѣ, которые слѣдуетъ перевезти сюда, коллегія думаетъ для сего нанять суда, а я разсуждаю, чтобъ послать свои пинки и фрегаты; ибо сіе послужило бы къ практикѣ какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ и притомъ, чтобъ чаще другія государства видѣли насъ на морѣ.

2) Екзекуторъ Нелидовъ представилъ коллегии реестръ нерѣшеннымъ дѣламъ, которой я любопытенъ видѣть для поощренія коллегіи, и для того прикажите ко мнѣ прислать.

3) Я удивился, увидя, что капитанамъ Хметевскому, Пущину и Бѣшенцову дали еще на 28 дней вы отпускъ, о томъ меня не увѣдомя.

4) Адмиралъ Мордвиновъ, въ силу коллежскаго указа, прислалъ штабъ-офицера для провозу изъ Казани лѣсовъ, а потомъ прислалъ на перемѣну другова, не показавъ никакой причины для таковой перемѣны, и для того изволите освѣдомиться о семъ и подтвердить, чтобъ сего впредъ не было.

Жена моя и я просимъ васъ поклониться отъ насъ графинѣ. Мы, слава Богу, здоровы и уже доѣхали почти до Новгорода.

Вашъ благосклонной Павелъ.

*

Письмо это (сохранившееся въ современномъ спискѣ) писано къ президенту Адмиралтействъ - Коллегіи тогдашнимъ генералъ - адмираломъ, который возвращался въ Петербургъ съ первою своею супругою изъ Москвы. Обыкновенно утверждаютъ, будто Екатерина не допускала Павла Петровича до прямаго участія въ дѣлахъ даже и его вѣдомства. Вышеприведенное письмо служитъ доказательствомъ, что въ началѣ этого не было. Лишь впослѣдствіи, когда Павелъ Петровичъ не только обнаружилъ неспособность къ веденію дѣлъ, но даже, подъ вліяніемъ изъ Берлина, очутился въ настроеніи враждебномъ, пришлось поневолѣ устранять его отъ правительственной дѣятельности.

П. Б.

ОРДЕРЪ ГОСПОДИНУ ПОЛКОВНИКУ СИМОНОВУ.

Сего Октября 1-го дня войска Яицкаго сотникъ Петръ Харчевъ за усердную и ревностную его службу, въ которой, по отряженіи его къ прегражденію пути государственнаго бунтовщика и изверга Донскаго казака Пугачева къ Бухаріи, не токмо сію возложенную на него должность похвально исполнилъ, но съ отличною аккуратностію о слѣдахъ изверга сего развѣдывая, схватилъ, наконецъ, при урочищѣ Коловертной Лощинѣ и самаго того злодѣя, рѣша тѣмъ всеобщее къ окончанію зла сего желаніе, произведенъ мною оногожъ войска въ полковники, для признанія котораго въ семъ чинѣ и прилагаю у сего данное ему Харчеву отъ меня за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ обыкновенной герба моего печати свидѣтельство, о чемъ вамъ симъ объявляя, рекомендую сего Харчева куда слѣдуетъ причислить.

Григорій Потемкинъ.

Октября 7-го дня 1774 года,
С.-Петербургъ.

Съ подлинника, хранящагося въ Новочеркасскѣ, въ Военномъ Архивѣ, № 305, сообщено господиномъ Акутинымъ. П. Б.

ПИСЬМО МОСКОВСКАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ГРАФА Я. А. БРЮСА КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Милостивый государь мой князь Григорій Александровичъ!

Какъ вашей свѣтлости благоугодно было, чтобъ я господина полицеймейстера Толя [1]) представилъ въ оберъ-полицеймейстеры, къ сему находя его человѣкомъ добрымъ и честнымъ, то съ сею почтою послалъ я къ Ея Величеству прямо представленіе, донеся, что оберъ-полицеймейстеръ Островскій въ семъ названіи остаться никакъ не можетъ, какъ въ разсужденіи общаго къ нему презрѣнія, такъ и всегда примѣтныхъ много его корыстей, о чемъ я и лично при отправленіи моемъ сюда Ея Величеству доносилъ, и нѣтъ въ городѣ жителя, который бы инако его разумѣлъ, какъ явнымъ грабителемъ. Итакъ, если я буду терпѣть въ командѣ своей столь явныхъ грабителей, то какая же будетъ обществу польза, что я одинъ не буду грабить? И если Ея Величеству угодно будетъ Толя произвести въ оберъ-полицеймейстеры, то на мѣсто его представляю здѣсь находящагося въ Управѣ Благочинія подполковника Годеина [2]), что́ все и предаю въ покровительство вашей свѣтлости. А притомъ приношу мою наиискреннѣйшую благодарность за опредѣленіе, по моей просьбѣ, чрезъ брата князя Василія [3]), въ Оружейную Палату капитана-поручика Воейкова. Господинъ

---

[1]) Это отецъ извѣстнаго впослѣдствіи генерала и министра путей сообщенія, графа Толя. П. Б.

[2]) Память этого полицеймейстера осталась въ названіи Годеинскаго переулка, близъ Сивцева Вражка и Пречистенскаго бульвара. П. Б.

[3]) Вѣроятно говорится о князѣ Васильѣ Мещерскомъ, съ которымъ графъ Брюсъ былъ въ родствѣ, по женѣ своей, графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ, урожд. Румянцовой. П. Б.

Толь сказывалъ мнѣ, что для вашихъ шелковыхъ фабрикъ угодно вамъ видѣть здѣшняго купца Дудышкина, засѣдающаго въ здѣшнемъ Магистратѣ, котораго на 29-ть дней я и отпустилъ и далъ паспортъ въ Петербургъ и считаю, что онъ уже къ вамъ и прибылъ. Его хвалятъ и считаютъ весьма разумѣющимъ руководство шелковой фабрики [1]). А затѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію называться честь имѣю, вашей свѣтлости, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга «графъ Брюсъ».

P. S. *Собственноручно:* «Господинъ Островскій столько наворовалъ, что если получитъ отставку, то спокойно проживетъ; а письмо къ Ея Величеству, съ почтою, я сего же дня отправилъ».

6-го Января 1785 года,
Москва.

(Письмо это, свидѣтельство Потемкинскаго многовластія, выписано для насъ покойнымъ Г. Н. Александровымъ изъ дѣлъ князя Потемкина, хранящихся въ Московскомъ Отдѣленіи Военнаго Архива, опись 194, св. 23-й). П. Б.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА КЪ ГРАФУ А. В. СУВОРОВУ.

Свѣдалъ я, что офицеры ваши разглашаютъ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что еслибы они дѣлали что̀ другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно симъ угождали. То и извольте имъ сказать, что легкой способъ все кончить: отстать мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми остаться, каковы мерзки они прежде были, что̀ я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною.

(Съ собственноручнаго подлинника изъ Суворовскихъ бумагъ, сохранившихся у потомковъ генерала Неѣлова). П. Б.

[1]) Князь Потемкинъ размножалъ тутовыя деревья и завелъ нѣсколько шелковыхъ фабрикъ, въ томъ числѣ въ селѣ Купавнѣ подъ Москвою. Этою Купавинскою фабрикою завѣдывалъ выписанный имъ изъ Италіи Петръ Липранди, отецъ извѣстныхъ Николаевскаго времени генераловъ. Липранди происходилъ изъ Испаніи отъ Мавровъ, и его имя было первоначально Али-бранди (Слышано отъ И. П. Липранди). П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ ПОЭТА И. И. КОЗЛОВА *).

Англійскіе стихи И. И. Козлова.

To countess Fiequelmont.

In desert blush'd a rose, its bloom
So sweetly bright: to desert smiled;
Thus are by thee, my heavy gloom,
And broken heart from pain e'er wiled.

Let, oh let heaven smile on thee
Still more beloved, and still more charming,
Be ever bless'd,—but ever be
The angel all my woes beguiling.

Переводъ: **Графинѣ Фикельмонъ.**

Какъ средь пустыни розы цвѣтъ
Отрадно блещетъ и плѣняетъ,
Такъ твой мнѣ дружескій привѣтъ
Въ разбитомъ сердцѣ миръ вселяетъ.

Пусть все даруется тебѣ:
Любовь, краса, благословенье,
За то, что ты въ моей судьбѣ
Прошла какъ ангелъ утѣшенья.

*

Письма къ Козлову частныхъ лицъ.

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ для отдѣла этого очень обиленъ. Весьма значительная переписка осталась послѣ Козлова. Большинство писемъ высокообразованныхъ людей, и преимущественно дамъ, дышатъ живѣйшимъ сочувствіемъ къ Козлову, какъ поэту и страдальцу. Нѣкоторыя письма такъ глубоко прочувствованы, такъ тепло и хорошо

*) См. выше стр. 177.

въ нихъ выражены взгляды на современное общество и на жизнь, что они сами собою представляютъ какъ бы образцы чистой поэзіи. Мы позволяемъ себѣ обнародовать только тѣ изъ нихъ, которыя, по содержанію своему, или касаются исключительно поэтической дѣятельности Козлова, или же упоминаютъ о другихъ писателяхъ его времени.

I. Два письма графа Е. Е. Комаровскаго *).

1.

Monsieur. Ce matin, comme je m'amusais à fouiller dans ma bibliothèque, le hazard me fit tomber sur deux volumes de Voltaire: *Les Épitres et les Contes*, précisément les mêmes dont vous me parliez l'autre jour. Enchanté de la trouvaille, je les enveloppe et je vous prie d'en accepter l'hommage. Si Voltaire vivait de notre temps, je n'aurais pu vous rendre ce léger service: il vous aurait lui-même offert la collection complette; votre société l'eût consolé des *Welches*; il vous aurait payé de reconnaissance et de vers:

Et pour mieux chanter ce goût sûr,
Ce tact, dont la délicatesse
Unit l'esprit de la jeunesse
A la raison de l'âge mur,
Ce courage que rien ne dompte,
Cette chaleur que rien n'éteint,
Dans une épître il vous eût peint....
Mais il n'aurait sû faire un *conte*.

Переводъ. Сегодня, разбираясь въ своей библіотекѣ, случайно попалъ я на два тома Вольтеровыхъ *Посланій и Повѣстей*, именно на тѣ самые, о которыхъ вы мнѣ разъ говорили. Очень довольный этой находкой, я прошу васъ принять ихъ отъ меня. Еслибъ Вольтеръ былъ живъ, я былъ бы лишенъ возможности оказать вамъ эту малую услугу: онъ бы самъ приподнесъ

*) Сынъ извѣстнаго генералъ-адъютанта (любопытныя Записки котораго напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1867 года) графъ Егоръ Евграфовичъ Комаровскій (1803—1875), получилъ основательное классическое образованіе въ Петербургскомъ іезуитскомъ пансіонѣ. Его начитанность, о которой свидѣтельствуютъ эти письма его къ Козлову, еще болѣе развилась впослѣдствіи, когда онъ поступилъ на службу въ цензурное управленіе. Богословскіе вопросы сблизили его съ Хомяковымъ, И. В. Кирѣевскимъ и съ другими Московскими писателями, которыхъ онъ имѣлъ случай встрѣчать у А. В. Веневитинова, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Кирѣевскій былъ съ нимъ въ перепискѣ и посвятилъ ему одну изъ своихъ философскихъ статей, а Хомяковъ упоминаетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ къ А. В. Веневитинову. Въ гостинной и кабинетѣ графа М. Ю. Вьельгорскаго графъ Е. Е. К., благодаря своей необыкновенной памяти, глубокимъ познаніямъ и изящной Французской рѣчи, считался необходимымъ собесѣдникомъ и былъ убѣжденнымъ защитникомъ Православія, краснорѣчиво и остроумно разъясняя его сущность слушателямъ изъ иностранцевъ.

вамъ полное собраніе своихъ сочиненій; ваше общество утѣшило бы его отъ Вельшей *), и онъ отблагодарилъ бы васъ стихами.

И чтобъ лучше воспѣть этотъ вкусъ, тактъ и деликатность, которыя соединяютъ въ васъ не старѣющій умъ съ разсудкомъ зрѣлаго возраста, это неодолимое мужество и этотъ неугасимый огонь, онъ бы описалъ васъ въ посланіи, но не сумѣлъ бы сочинить сказку.

2.

Il est très-fâcheux, monsieur, pour ûn de vos concitoyens de ne pouvoir communiquer avec vous que par une correspondance, et de revenir sur un moyen qui ne lui était bon qu'en Russie-Blanche. Il me semble qu'un génie m'ait transporté avec ma chambre sur les bienheureux bords de la Dwina. Voilà ce que fait mon docteur, sans toute fois être un génie. Encore s'il était philosophe à la manière de Pangloss, ou bien enfin à celle de Sangrado,nous causerions, et il m'amuserait; mais son esprit, comme celui d'Astolphe, n'est que dans des fioles. Il n'en a que pour me faire avaler des mixtures de toutes les nuances, de toutes les odeurs, et de qui pis est de tous les goûts. Ma bête peut s'en trouver mieux, mais mon âme ne s'accommode pas de ce régime; elle n'est plus si bien depuis qu'elle est sevrée de votre aimable société; elle a tant de respect et d'attachement pour la vôtre! Elle voudrait bien lui souhaiter la bonne fête et lui demander de vos nouvelles. Ai-je encore de la fièvre? On prétend que oui, mais à coup sûr auprès de vous je l'oublierais. Or, entre ne pas sentir son mal et se bien porter, y a-t-il une différence? Impuissant à me donner ce plaisir, je me le figure; c'est un pis-aller un peu faible.

Je me dis qu'après mes félicitations, je vous aurais demandé votre avis sur le nouvel astre qui vient d'illuminer la boutique de Slénine. Je crois qu'on peut hardiment crier au miracle. Jadis on découvrait des constellations, à présent on en fabrique; de cette manière Bestoujeff est bien supérieur à Herschel. Je n'ose affirmer ce que je pense de la nouvelle étoile; mais il me paraît (et cela je ne le confie qu'à un respectable ami, dont la bonté me passe mon verbiage et mon franc parler), il me paraît, dis-je, qu'à côté de quelques taches (défaut commun avec le soleil) elle renferme de beaux rayons et jette de grands faisceaux de lumière. Dirai-je que votre charmante *Épître à la Joie* a d'abord attiré ma lunette? J'ai eu tant de plaisir à retrouver cette ancienne amie dans une réunion de visages inconnus! Mais est-il bien

*) Любимое выраженіе Вольтера про его противниковъ. П. Б.

vrai, monsieur, la Joie vous aurait-elle déjà quitté? Cette idée m'est trop pénible pour que je puisse y ajouter foi. Partagé entre la religion, les lettres et l'amitié, votre bonheur à vous n'a-t-il pas sa Joie intérieure préférable à la bruyante et vulgaire Allegresse? Quel heureux du siècle, s'il savait les apprécier, ne donnerait tout son trésor pour ces moments d'extase, ces élans de béatitude, ces visions d'immortalité, qui devant moi ont si souvent fait tréssaillir votre âme? Redescendez vous sur la terre, après votre course aërienne, vous y voyez cette femme angélique si chère à nos Muses et qui suffirait pour réconcilier avec la vie; vous retrouvez une famille qui vous chérit et ne se borne pas à vos parents! Ah! si en effet la Joie vous a trahie, au moins elle ne s'est guère éloignée de vous et s'est fixée dans le cercle qui vous entourre, et dans le coeur de tous ceux qui ont le bonheur de vous connaître.

En retranchant vos stances, les majestueuses traductions de m-r Joukoffsky et quatre à cinq autres jolies pièces, il me semble (et je vous demande pardon encore une fois de ma hardiesse) que dans cet almanach, la prose en général ne le cède en rien aux vers. Cela ne viendrait-il pas à l'appui de l'opinion que notre belle langue arrive enfin à sa maturité? Je ne pense pas qu'il y ait une seule lettre de Du Pâty qui vaille la «Madonne de Raphaël». L'idée de la faire passer pour une vision est très-ingénieuse. Mon goût est peut-être trop romantique, mais j'avoue que la nouvelle chevaleresque de Bestoujeff m'a donné une agréable insomnie. Des gens d' esprit m'ont assuré que le style de l'éditeur est plus pur que jamais et qu'il n'est plus aussi enflé. En ce cas il est fort heureux que sa Muse ait perdu sa fluxion de l'année passée. Je regrette seulement qu'avec son grand sabre de dragon écharpe aussi cruellement notre bon S-t Maur, ce pauvre *anthologue*, dont les intentions ont toujours été si douces, les travaux si constants et les petites anecdotes si bien racontées.

Ces jours-ci j'ai eu un grand motif de satisfaction, et j'en suis encore tout transporté: m-r Joukoffsky a bien voulu me sacrifier quelques instants. Ma joie n'a été troublée que par une seule pensée: la dernière fois que je l'avais vu chez mon père, il m'avait dit qu'il passerait chez moi, et ma chienne de maladie ne m'a point permis de le prévenir! Je le recevais en robe de chambre et en pantoufflles. J'avais presque remords de cette inconvenance involontaire. Ce que j'éprouvais était un mélange de plaisir, de honte et de fièvre. Il m'a semblé que mon petit réduit s'était parfumé d'un encens de Poète; à l'entrée du Pontife il s'était transformé en sanctuaire. M-r Joukoffsky m'a beaucoup parlé et heureusement d'objets qui laissent de longs souvenirs. L'illusion comme une auréole environne le Poète. Aussi en écoutant rai-

sonner sur la langue des Dieux, ai-je pensé voir dans ses mains *la Harpe Éolienne*, qui célèbre le doux nom de *Minvana*. Il m'a dit un mot de ses voyages, et je l'ai vu tel que vous le peignez dans votre charmante Épître: sous le beau soleil du Midi, et le regard tourné vers le Nord. Le tableau de la cour et de ses devoirs m'a fait songer à Virgile, qui, dans le Palais d'Auguste cherche de l'oeil et l'humble village d'Andès, et les rives pittoresques du Mincio. Enfin, m-r Joukoffsky est revenu à la Poèsie qui est la peinture de ce qui est, mais pas sur cette terre. Cette transition l'a fait passer à des sujets plus graves. Il m'a parlé de l'Etre Suprême, il a daigné m'ouvrir son coeur, il m'a expliqué sa manière de voir. Alors tous les prestiges se sont évanouis, pour faire place à une réalité encore plus belle. Je n'ai plus vu que *l'homme*.... Ah, que de vertu, que de bonté! Enhardi par elle, je touchai la corde du fatalisme. Eh bien, sous ses doigts, elle a rendu un son mélodieux. Il m'a prouvé comme tout était compensé dans ce monde, et m'a tracé une partie des rapports de l'homme à la Providence Divine. Lui, la bénir! Lui qui cette même année en avait reçu un coup si funeste! Vainement je cherchais sur son front la trace de l'Espérance. Je citais le malheureux et innocent Batioushkoff... «Eh!» m'a-t-il dit' «doutez-vous que cette épreuve du Ciel n'obtienne son indemnité? Croyez-vous que cet esprit troublé en soit moins capable *un jour* de toute la félicité suprême?» Là-dessus il m'a dit qu'il était le seul que cet infortuné vit avec plaisir. Je le crois bien: la folie elle-même n'est pas assez forte pour ôter à sa victime le sentiment des belles qualités de m-r Joukoffsky.

Mille pardons, monsieur; je me laisse entraîner, mais le texte servira d'excuse aux commentaires. D'ailleurs, je veux le répéter, je me suis figuré que j'étais auprès de vous; le tems pouvait-il me paraître long, et puis avec un plaisir je remplis un devoir. Il y a si longtemps que je ne vous ai rendu compte de mes émotions! Or, je soumets toutes mes pensées à votre esprit, comme j'ai donné tous mes sentiments à votre coeur.

Ce 25 décembre 1823.

Переводъ. Весьма грустно для одного изъ вашихъ сограждань имѣть сообщеніе съ вами лишь перепискою и возвращаться къ способу, который былъ годенъ для него только въ Бѣлоруссіи. Мнѣ сдается, что какой-то геній перенесъ меня съ моею комнатою на счастливые берега Двины; вотъ что̀ творитъ мой докторъ, не бывъ геніемъ. Еще еслибъ онъ былъ философъ въ родѣ Панглоса [1]), или по крайней мѣрѣ въ родѣ Санградо [2]), мы

---

[1]) Докторъ Панглосъ въ Вольтеровомъ „Кандидѣ" твердитъ, что все на свѣтѣ къ лучшему. П. Б.

[2]) Другой докторъ Санградо, въ „Жильблазѣ", романѣ Лесажа, лечитъ только двумя средствами: теплой водой и кровопусканьемъ. П. Б.

бы могли бесѣдовать, и это бы меня забавляло; но умъ его, какъ умъ Астольфа [3]), заключенъ въ стклянкахъ. У него его хватаетъ только на то, чтобы придумывать для меня микстуры всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, запаховъ и всевозможныхъ вкусовъ. Животной моей сторонѣ это можетъ быть полезнымъ, но душа моя не довольствуется этимъ леченіемъ; она скорбитъ съ тѣхъ поръ, что лишена вашего любезнаго общества, она вамъ такъ глубоко предана и такъ васъ уважаетъ. Хотѣлось бы ей поздравить васъ съ праздникомъ и имѣть вѣсти о васъ. Прошла ли моя лихорадка? Говорятъ, что прошла; но во всякомъ случаѣ, близъ васъ я бы про нее забылъ. Но вѣдь не все равно не чувствовать только боли, или же быть совсѣмъ здоровымъ. Не въ силахъ доставить себѣ это удовольствіе, я себѣ его представляю—это плохая замѣна! А поздравивъ васъ лично, я бы попросилъ вашего мнѣнія о новой звѣздѣ, которая освѣтила книжную лавку *Слёнина*. Мнѣ кажется, что можно ее привѣтствовать какъ чудо. Встарину открывали созвѣздія, а теперь ихъ издаютъ [4]); это открытіе Бестужева важнѣе открытія Гершеля. Не знаю что̀ сказать о новой звѣздѣ; но мнѣ кажется и, это я повѣряю только почтенному другу, разсчитывая на его снисходительность къ моей смѣлой болтовнѣ, мнѣ кажется, повторяю, что, за исключеніемъ нѣскольких пятенъ (въ этомъ она схожа съ солнцемъ), въ ней есть прекрасные лучи, и она издаетъ изъ себя большой потокъ свѣта. Говорить ли вамъ, что ваше прекрасное посланіе къ *Радости* [5]) сейчасъ же привлекло мое вниманіе? Мнѣ было такъ пріятно найти этого стариннаго друга среди незнакомыхъ личностей. Но правда ли, будто бы Радость васъ уже покинула? Не хочется вѣрить этому. При вашей вѣрѣ, окружающей васъ дружбѣ и перепискѣ съ друзьями, счастье ваше не полно ли особенно внутренней Радости, которая много лучше и отраднѣй обыкновенной шумной и дикой Веселости. Любой счастливецъ нашего вѣка, если бы умѣлъ цѣнить какъ слѣдуетъ такія чувства, отдалъ бы всѣ свои сокровища за эти минуты восторговъ, эти порывы блаженства, эти видѣнія безсмертія, столь часто при мнѣ переполнявшіе вашу душу. И когда, послѣ этихъ воздушныхъ полетовъ, вы снисходите опять на землю, васъ ожидаетъ Ангелъ-женщина, столь дорогая нашимъ Музамъ, и могущая легко примирить васъ съ жизнью [6]); васъ окружаетъ обожающая васъ семья, не ограничивающаяся только родными вашими. Ахъ! если въ самомъ дѣлѣ Радость вамъ измѣнила, то во всякомъ случаѣ она не далека отъ васъ и пребываетъ въ близкомъ вамъ кружкѣ любящихъ васъ и въ сердцахъ всѣхъ людей, имѣющихъ счастье васъ знать.

---

[3]) Астольфъ—лицо въ Аріостовомъ „Неистовомъ Орландѣ“. П. Б.

[4]) Говорится о первой книжкѣ альманаха, „Полярной Звѣзды“, изданіи К. Ѳ. Рылѣева и А. А. Бестужева. П. Б.

[5]) Напечатано въ собраніи сочиненій Козлова, изд. 1840 г., ч. II, стр. 45.

[6]) Говорится про Александру Андреевну Воейкову, которая облегчала Козлову грустное его существованіе очарованіемъ нѣжной и попечительной дружбы. П. Б.

Обращаюсь снова къ новому альманаху. Не говоря о вашихъ стихахъ, о величественныхъ переводахъ Жуковскаго и нѣсколькихъ еще хорошихъ стихотвореніяхъ, мнѣ кажется (простите еще разъ мою смѣлость), что проза вообще не уступаетъ поэзіи. Не есть ли это подтвержденіе мнѣнія, что нашъ прекрасный Русскій языкъ достигаетъ наконецъ своей зрѣлости? Я думаю, что ни одно еще письмо Дюпати [7]) не было лучше „Рафаелевой Мадонны". Мысль дать ей значеніе видѣнія очень геніальна. Можетъ быть во мнѣ слишкомъ много романтизма, но не могу не сознаться, что рыцарская повѣсть Бестужева пріятнымъ образомъ лишила меня сна. Умные люди увѣряютъ, что слогъ издателя сталъ болѣе простъ и уже не такъ напыщенъ; если это правда, то для него большое счастіе, что лицо его лишилось своего прошлогодняго флюса [8]). Жаль очень, что нашъ милый Сенъ-Моръ такъ жестоко все рубитъ своею драгунскою саблею; бѣдный антологъ онъ всегда отличался такими добрыми намѣреніями, такимъ добросовѣстнымъ трудомъ и такими милыми и забавными анекдотами [9]).

На этихъ дняхъ я имѣлъ большое удовольствіе, подъ впечатлѣніемъ котораго еще и теперь нахожусь. Жуковскій былъ настолько любезенъ, что посвятилъ мнѣ нѣсколько минутъ. Одно только обстоятельство смутило мою радость; когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ у моего отца, онъ мнѣ обѣщалъ зайти ко мнѣ и, по милости моей болѣзни, я не могъ его предупредить: принялъ его въ халатѣ и туфляхъ, и эта, съ моей стороны невольная, неловкость крайне меня мучила; я былъ и радъ ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстился и, лихорадило меня. Мнѣ казалось, что мой скромный пріютъ переполнился ѳиміамомъ Поэзіи и, съ появленіемъ Жреца, онъ обратился въ святилище. Жуковскій много говорилъ и, къ счастію, о такихъ предметахъ, о которыхъ на долго остается воспоминаніе, и призракъ мечты виталъ ореоломъ вокругъ Поэта. И когда онъ говорилъ о языкѣ боговъ, мнѣ мнилось, что я вижу въ его рукахъ *Эолову Арфу*, воспѣвшую нѣжное имя *Минваны*. Онъ коснулся въ разговорахъ своего путешествія и казался мнѣ въ то время такимъ именно, какъ вы его изображаете въ вашемъ миломъ „Посланіи": подъ чуднымъ небомъ Юга со взоромъ обращеннымъ къ Сѣверу. Описаніе придворной жизни и его придворныхъ обязанностей навело меня на мысль о Виргиліи, который, находясь во дворцѣ Августа, мысленно былъ постоянно въ скромномъ селеніи Анденъ и на живописныхъ берегахъ Минчіо. Затѣмъ Жуковскій возвратился къ поэзіи, какъ изображенію дѣйствительности, только неземной. Этотъ переходъ перенесъ насъ къ болѣе возвышеннымъ предметамъ; онъ говорилъ о Всевышнемъ Существѣ, открылъ мнѣ свое сердце и объяснилъ свой взглядъ по этому поводу; тогда всѣ призраки мгновенно скрылись, давъ мѣсто не менѣе прекрасной дѣйствительности. И я уже видѣлъ предъ собою только *человѣка*. Но, Боже мой, сколько въ немъ добра и добродѣтелей! Я рѣшился

[7]) Дюпати, писатель прошлаго вѣка, славный своими „Письмами объ Италіи". П. Б.

[8]) Намекъ на высокопарный слогъ повѣстей Бестужева.

[9]) Дюпре-де-Сенъ-Моръ издалъ въ Петербургѣ на Французскомъ языкѣ „Русскую Антологію". П. Б.

затронуть струну фатализма, и что же, по его мановенію, и эта струна издала чудный звукъ. Онъ доказалъ мнѣ, что въ семъ мірѣ ничего не остается безъ возмездія и указалъ на отношенія человѣка къ Божественному Провидѣнію. И онъ благословлялъ это Провидѣніе, онъ, который въ этомъ еще году испыталъ такой страшный ударъ [10])! И тщетно искалъ я на лицѣ его слѣдовъ унынія: чело его казалось сіяло только чистыми лучами Надежды. Я упомянулъ о несчастномъ Батюшковѣ. „Ахъ“, сказалъ Жуковскій, „не сомнѣвайтесь въ томъ, что и это испытаніе Неба получитъ свое возмездіе. Не думаете ли вы, что этотъ помутившійся умъ будетъ въ свое время лишенъ высшаго блаженства? Онъ разсказывалъ мнѣ, что только его одного Батюшковъ принимаетъ съ удовольствіемъ. Я это понимаю: само сумасшествіе не можетъ лишить свою жертву способности цѣнить прекрасныя качества Жуковскаго.

Простите, что я увлекаюсь; но содержаніе письма моего послужитъ мнѣ извиненіемъ. Впрочемъ, еще разъ повторяю, я мысленно воображаю себя близъ васъ, и могло ли въ такомъ случаѣ время казаться долгимъ, и притомъ я, писавши къ вамъ, совмѣщалъ удовольствіе съ пріятнымъ долгомъ. Я уже такъ давно не отдавалъ вамъ отчета въ моихъ ощущеніяхъ. Всѣ мои мысли подчинены вашему уму, и всѣ мои чувства принадлежатъ вашему сердцу. 25 Декабря 1823.

II. Два письма графини Александры Григорьевны Лаваль [11]).

1.

Ce 10 février 1831.

J'aurais été vous chercher depuis longtems, monsieur, si une fièvre catharale ne m'est obligé de garder la chambre, ce qui me fatigue et m'impatiente. Les mémoires de Byron me tenaient compagnie; c'était un moyen unique pour faire oublier les insomnies. Quelle âme ardente et quel esprit original! J'ai eu le tems d'en extraire 24 pages petite écriture; j'en suis fière.

Que dites vous de ces pensées: «*une forte passion, c'est la poésie de la vie. Qu'est ce que la poésie? La conscience d'un monde passé et d'un monde à venir*». Il dit en parlant de *l'Arioste*, peint par le Titien, à Venise: «*c'est la poésie du portrait, et le portrait de la poésie*».

Celui qu'il fait du Dante s'accorde parfaitement avec l'admiration, que vous lui portez. Lord Byron cause avec ses amis plutôt qu'il ne

---

[10]) Въ Мартѣ этого 1823 года скончалась Марья Андеевна Мойеръ. П. Б.

[11]) А. Г. Лаваль, дочь Екатерининскаго статсъ-секретаря Козицкаго и теща декабриста князя С. П. Трубецкаго, была женщина высокихъ достоинствъ. П. Б.

leur écrit, et sa conversation s'empare de vous, s'imprime dans votre mémoire, vous l'écoutez, l'esprit, l'âme sont de la partie, vous pensez avec lui. Je désire beaucoup entendre votre traduction d'Ermengarde de Manzoni. J'ai reçu une lettre de Zénéide. Elle a lu la «Безумная;» la description de l'aurore boréale l'a enchantée, elle me charge de vous le dire et vous remercie beaucoup de votre souvenir. Elle est dans le pays du beau idéal de la Nature, ses lettres même jettent des étincelles électriques et raniment l'âme engourdie par les glaçons.

J'ai à vous demander quelques éclaircissements sur la traduction de Byron du Dante «*Francesca di Rimini*»; il me semble que c'est une grande autorité pour votre opinion... contre les *tre donne*. Je veux en avoir la solution et je m'adresserai à votre partie adverse, pour le *coeur net* sur ce chapitre. Adieu, monsieur, veuillez croire que je préfère ma fièvre, tant qu'elle ne m'empêche point de communiquer avec mes amis, à la santé, qui me rejettera dans un tourbillon qui m'en éloigne. A. C-sse de Laval.

Переводъ: 10 Февраля 1831. Давно бы уже я пріѣхала за вами, если бъ не несносная лихорадка, которая не позволяетъ мнѣ выѣзжать изъ дома. Проводила время въ чтеніи Записокъ Байрона, единственное утѣшеніе во время безсонныхъ ночей. Какая пылкая душа и какой оригинальный умъ! Я успѣла сдѣлать выписки до 24 страницъ мелкаго почерка и горжусь этимъ. Чтó скажете о слѣдующихъ его мысляхъ: „*Сильная страсть—это поэзія жизни. Чтò такое поэзія? Сознаніе міра прошлаго и міра будущаго!*“ Говоря о портретѣ Аріоста, писанномъ въ Венеціи Тиціаномъ: „*Это поэзія портрета и вмѣстѣ портретъ поэзіи*“. Все что онъ говоритъ о Дантѣ доказываетъ, что онъ имъ очарованъ, также какъ и вы. Байронъ въ письмахъ своихъ какъ бы бесѣдуетъ съ друзьями, и мысли его отпечатываются въ вашей памяти, вы слушаете его умомъ и душою; словомъ, вы мыслите съ нимъ вмѣстѣ. Очень желала бы прослушать вашъ переводъ *Ерменгарды Манцони*. Получила письмо отъ Зенеиды [12]), она читала вашу „*Безумную*“; описаніе сѣвернаго сіянія ей особенно понравилось; она поручаетъ вамъ это сказать и благодаритъ за память о ней. Она теперь въ странѣ прекраснаго идеала Природы; даже письма ея какъ будто бросаютъ въ васъ электрическія искры и оживляютъ душу оцѣпенѣлую отъ мороза.

Хочу просить у васъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно перевода Байрономъ *Данта Франческо Римини*; мнѣ кажется, это великій авторитетъ для вашего мнѣнія противу *tre donne*. Хочу имѣть разгадку и обращаюсь къ вашему сопернику, чтобы быть совершенно спокойной на этотъ счетъ. Прощайте; повѣрьте, что я предпочитаю лихорадку, дозволяющую мнѣ имѣть сообщеніе съ друзьями, полному здоровью съ свѣтскимъ вихремъ, который меня отъ нихъ удаляетъ. Графиня А. Лаваль.

---

[12]) Княгиней Волконской, которой мачиха была родною сестрою графини Лаваль. П. Б.

2.

Je vous remercie beaucoup, monsieur, de la charmante traduction du Tasse, que vous m'avez envoyée. Ces deux strophes portent la fraîcheur de la rose; on la voit s'épanouir et se flétrir. Et quelles réflexions cela amène! Je ne puis m'empêcher de vous transcrire ici 4 vers sur la rose, tirés des poésies *Castilannes*, que je vous enverrai dans deux jours, avec la dette des deux vol. des vues d'Écosse et d'Angleterre.

Je suis sûre du plaisir, que vous feront les poésies Espagnoles du 16 siècle; je serai heureuse de pouvoir en causer avec vous. En attendant voici les derniers vers adressés à la rose:

A peine tu viens de paraître,
Que déjà volent tes débris,
Et les pleurs de l'Aurore ont plus coulé, peut être,
Pour ta prochaine mort, que pour te faire naître.
Rioza, p. 394.

Quelle pensée gracieuse et touchante, tout-à-fait nouvelle! M-r Paez m'a chargé de vous dire qu'il sera charmé de vous faire passer quelques heures agréables, en vous faisant connaître les poésies de son pays. Quant à moi je me propose de transcrire tout ce qui fera impression sur moi, afin de retrouver ensuite quelques sentiments sympathiques avec vous. A. C-sse de Laval.

Ce vendredi, 20 juillet.

Переводъ. Благодарю васъ очень за присланный мнѣ прекрасный переводъ Тасса. Эти двѣ строфы дышать свѣжестью розы, она распускается и тутъ же завядаетъ, и на какія это наводитъ мысли! Не могу воздержаться, чтобы не выписать для васъ четырехъ стиховъ о розѣ изъ Кастильскихъ стихотвореній, которыя вы получите дня черезъ два съ моимъ долгомъ, т. е. двумя книгами видовъ Шотландіи и Англіи. Увѣрена, что эти Испанскіе стихи 16 вѣка доставятъ вамъ удовольствіе, и мнѣ пріятно будетъ съ вами о нихъ побесѣдовать. Покуда вотъ послѣдніе стихи къ розѣ: „Не успѣла ты появиться, какъ уже разлетаются твои лепестки, и заря пролила болѣе слезъ по случаю твоей кончины, чѣмъ по случаю твоего рожденія". Rioza, ст. 394. Какая милая, трогательная, совершенно новая мысль! *Паэзъ* *) поручилъ мнѣ сказать вамъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ провести съ вами нѣсколько часовъ, чтобы ознакомить васъ съ поэзіею его родины.

Я же намѣрена описывать все, что̀ только оставитъ во мнѣ впечатлѣніе, чтобы со временемъ отыскать во всемъ этомъ вмѣстѣ съ вами какія либо симпатичныя ощущенія. Графиня А. Лаваль.

Пятница 20 Іюля.

---

*) Португальскій посолъ.

III. Письмо графини Потоцкой.

Je ne sais comment vous exprimer, monsieur, combien j'ai été touchée de tout ce que vous me dites dans les vers délicieux que vous avez bien voulu m'envoyer. Je les emporterai comme un souvenir de tout ce qu'il y a de gracieux, de suave et de vraiment poétique dans ma patrie. C'est l'unique consolation, que je puisse m'accorder de n'avoir pas eu le bonheur de connaître celui qui, inspiré lui-même, fait partager aux autres les sentimens de la belle, de la vraie poésie, en un mot de la poésie du coeur.

Marie Potocka.

Ce mercredi
11 mai 1832.

Переводъ. Не знаю, какъ выразить вамъ, насколько я была тронута всѣмъ чтò вы мнѣ говорите въ прелестныхъ стихахъ вашихъ. Я ихъ увезу съ собою на память о васъ и какъ образецъ всего самаго граціознаго, пріятнаго и поэтичнаго на моей родинѣ. Это единственное утѣшеніе для меня за то, что не имѣю счастія знать того, который, своимъ вдохновеніемъ, заставляетъ другихъ дѣлить съ нимъ чувства прекрасной, истинной поэзіи, словомъ, поэзіи сердца. Марія Потоцкая.

Среда, 11 Мая 1832.

Стихи, о которыхъ упоминается въ письмѣ, писаны были графинѣ Потоцкой до знакомства съ нею. Они начинаются такъ:

Я не видалъ твоихъ очей,
Я не слыхалъ твоихъ рѣчей;
Но звѣзды ночи помню я
И помню пѣсни соловья!

Напеч. въ Пол. собр. соч. Козлова. 1840 г., ч. II, стр. 190. Въ послѣдствіи времени графиня Потоцкая познакомилась съ Козловымъ, посѣщала его и утѣшала пѣніемъ; къ этому времени относится другое ей посвященное стихотвореніе Козлова: Полн. собр. соч. изд. 1840 г., ч. II, ст. 319.

Много и еще прекрасныхъ писемъ сохранилось въ бумагахъ И. И. Козлова; но обнародованіе ихъ еще рановременно.

*

Если предлагаемые нами очеркъ, переписка и стихотворенія Козлова заслужатъ вниманіе читателей и, хотя на время, пробудятъ въ нихъ сочувствіе къ памяти поэта, мы сочтемъ цѣль труда нашего вполнѣ достигнутою.

А. Хомутовъ.

Село Иваново.
27 Декабря 1885 года.

ИЗЪ БУМАГЪ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПОПОВА.

Скончавшійся 16 Ноября 1877 года, 57-ми лѣтъ отъ роду, извѣстный писатель, крѣпкій мыслитель, историкъ и законовѣдъ А. Н. Поповъ, прекрасныя статьи котораго объ отечественной войнѣ 1812 года (Русскій Архивъ 1875 и 1876) обратили на него сочувственное вниманіе не только тѣснаго круга людей ученыхъ, но и всей читающей Россіи, получилъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ, въ его славную, Строгановскую пору. По отцу, котораго онъ рано лишился, былъ онъ купеческаго происхожденія. Его воспитала его мать, Авдотья Павловна († 1870), изъ стараго дворянскаго рода Трубниковыхъ, женщина отмѣнныхъ достоинствъ, благочестивая, любознательная, въ молодости даже писавшая стихи. А. Н. Поповъ былъ единственнымъ ея сыномъ. Онъ учился въ Рязанской гимназіи, а позднѣе былъ товарищемъ К. С. Аксакова, Ѳ. И. Буслаева, Д. А. Валуева, М. Н. Каткова, Ю. Ѳ. Самарина, старшихъ графовъ Строгановыхъ. Портретъ Попова читатели Р. Архива имѣютъ на картинкѣ, приложенной къ нашему изданію въ 1884 году („Хомяковъ и его пріятели"). Ученыя, служебныя и общественныя сношенія Попова отъ глухой Рязанской деревни (сельца Лубянокъ, Ряжскаго уѣзда) и Черногорскихъ скалъ до Берлина и Парижа, множество знакомствъ и дружескихъ связей отъ сельскаго духовенства до министровъ и великихъ князей, оставили въ его бумагахъ слѣды обильные, иной разъ любопытные и важные. Къ счастію для исторіографіи, эта часть бумагъ А. Н. Попова перешла въ надежныя руки любимаго его родственника Николая Ѳедоровича Эверлинга, который занялся ихъ разборомъ и сообщилъ въ Русскій Архивъ. Мы будемъ часто пользоваться этимъ богатымъ запасомъ, а теперь приводимъ выдержки изъ писемъ М. А. Стаховича, А. П. Елагиной и А. И. Кошелева.

П. Б.

I. Письма М. А. Стаховича.

1.

Еще разъ Христосъ Воскресе, любезный другъ мой! И въ самый день Воскресенія, или лучше въ самую ночь, мнѣ были чудесныя христосованія передъ службой нынѣшняго дня отъ тебя, Хомякова, Валуева. Я пѣлъ сегодня также, какъ за годъ пѣлъ съ тобою; помнилъ тебя и Трубникова и то чувство, которое родилось во мнѣ, когда поцѣловалъ меня о. Тимоѳей. Во все время служенія, и время отъ времени, чувство это повторялось съ глаголами жизни стиховъ

Воскресенія. Но служба шла скоро; мнѣ же хотѣлось возобновить всѣ періоды служенія Московскаго, какъ привыкла душа восхищаться этотъ день. Я всю страстную седмицу самъ читалъ и пѣлъ, и Воскресеніе теперь у меня, благодаря Бога, цѣлостно въ душѣ съ Распятіемъ и съ гробомъ Царя и Бога-Христа въ субботнемъ покоѣ. Не смѣю совершенно торжественно выразиться обо всемъ томъ, что̀ было и есть въ душѣ, что̀ замерло въ ней сознательно въ теперешнемъ одиночествѣ, и чтобы воскреснуть вновь, сіяя и звуча громко, не довольно сильно въ разлукѣ съ тобою и со многими другими, которые по жизни привыкли понимать другъ друга, и не было, можетъ быть, довольно ясно при заботахъ вседневныхъ и должностныхъ, когда мы были вмѣстѣ.

Мнѣ совѣстно, мнѣ кажется, я мало тебѣ высказалъ, потому что писалъ цѣлую ночь, и твое письмо третье: истощается пылкое первое слово. Мнѣ хотѣлось бы тебя подарить самымъ завѣтнымъ краснымъ яйцомъ изъ моего единственнаго издѣлія, краснаго слова. Но ты знаешь, какъ я люблю тебя, вѣришь моей искренности въ любви и желаніи.

Скоро наши всѣ встанутъ; мы поѣдемъ къ обѣднѣ. Дай Богъ Святую недѣлю не ослабнуть силамъ моимъ, и снова за музыку, за библіотеку (я въ ней много отрылъ новаго, замѣчательнаго для тебя изъ рукописей) и за крѣпости *). Присылай альбомъ. Да какъ бы намъ свидѣться! Я вѣрю крѣпко, что это должно быть и надѣюсь. Кстати, ты говоришь, что тебѣ было немного выводящихъ изъ обычнаго круга впечатлѣній; у меня теперь нѣтъ ихъ, т. е. въ пластической внѣшности, завѣтной по привычкѣ души; оттого часто слово не соотвѣтствуетъ мысли и чувству. Отрывокъ изъ стиховъ, которые ты прочтешь въ письмѣ Валуева, единственное мое стихотвореніе. Вотъ его объясненіе. Въ нашемъ *звучномъ* березникѣ одна только ель; грачи вили долго гнѣзда по березамъ; деревья сохли и портились; дѣдушка дорого платилъ, чтобы разорять гнѣзда, ничего не помогало. Прилетѣлъ воронъ, свилъ гнѣздо на ели, и грачи пропали изъ березника. Такъ одна природа вызываетъ здѣсь мои живые звуки.

Сколько ни пиши, не могу утолить того желанія, которое имѣю просто уста въ уста похристосоваться съ тобою именно нынѣшній день. Такія живыя чувства не высказываются на бумагѣ; довольно тебѣ знать, что они есть, довольно ихъ обоюдно чувствовать, хотя и въ разлукѣ. Слава Богу за это; это не мало, если смѣю такъ выразиться.

---

*) Т.-е. за столбцы старинныхъ бумагъ. П. Б.

Вотъ я совершенно высказалъ свое каждому изъ васъ, т. е. Василью, Валуеву и тебѣ, искренно и прямо, къ кому ни писалъ, не скрываясь, не утаиваясь, и радъ, что могъ, наконецъ, высказать довольно для себя удовлетворительно. Простите, братцы! Я, можетъ, не за свое дѣло взялся совѣтомъ. Скажу, какъ Мишукъ — *искренность, искренность-съ!* Чтó безъ нея за дружба? Спасибо тебѣ, наконецъ, за частое писанье; ни подъ какимъ видомъ не переставай.

Твой Стаховичъ.

Пальна [1]),
Марта 30-е 1841.

2.

Съ большою радостью читаю и перечитываю твои письма; въ сотый и въ тысячный разъ нахожу я по опыту, какъ справедливы слова покойнаго Юрія Ивановича [2]): кого мы много любимъ, много и журимъ. Правда большая въ твоихъ письмахъ, и мнѣ даже не хочется удерживать порывовъ твоей сердящейся любви, чтобы ты больше и больше высказывалъ мнѣ важные резоны жизни. Но, ей Богу, я точно также думаю обо всемъ, какъ и ты, и думаю, и обдумываю. Странное дѣло, все чтò мнѣ приходитъ въ голову, ты какъ по сказанному мнѣ описываешь; видно, братъ, не на шутку у насъ одно направленіе. Передъ твоимъ послѣднимъ письмомъ я началъ писать кое-что о музыкѣ, много говорили объ этомъ предметѣ и съ Трубниковымъ; мнѣ помогла въ этомъ трудѣ твоя мысль о музыкѣ, которую ты мнѣ прошлаго года въ Лубянкахъ говорилъ; также очень хорошо и согласно нашимъ понятіямъ говоритъ и Августинъ въ Исповѣди своей, чтó въ своихъ ouvrages mystiques. Когда я довелъ свое сочиненіе до вывода, что всѣ явленія въ жизни человѣка безразличны, если ихъ разсматривать независимо отъ вѣры и воли, какъ разъ пришло твое послѣднее письмо. Прежде я положилъ себѣ за правило ничего не хотѣть, чтò Богъ дастъ, а дѣлать посильное и искать отрады въ трудѣ безъ претензій и безъ искусства, и таже мысль въ твоихъ письмахъ. Ты пишешь о текстѣ: не пецытеся объ утріѣ; а у меня ужъ на этотъ счетъ были написаны стихи въ Кіевѣ.

О когда бъ моя жизнь да была весела, довольна,
И старою вѣрой полна, какъ природа родная,
Свѣжа, какъ ночная луна и звучна, какъ струна,
Безпечна, какъ птица небесная, травка степная:
Труды и преданья мы отдали бъ изъ роду въ родъ,
И добрый обычай отъ насъ бы и шелъ и водился,
И, глядя на землю съ высокаго неба, Господь
    На наши бъ дѣла веселился.

---

[1]) Елецкое помѣстье Стаховичей. П. Б.

[2]) Венелина. П. Б

Другъ ты мой, я виноватъ передъ тобою, что написалъ коротко свое оправданіе и извѣстіе: я хотѣлъ покороче и фактически тебя успокоить на свой счетъ, что я не бездѣльничалъ, а помнилъ дѣло; это до сей поры мое единственное дѣло—перо, стихотворное, ученое и гитарная струна. Хочется ими окончательно и разумно завладѣть, а не по безотчетному наитію начитаннаго вдохновенія или чужаго восторга; это—моя теперешняя цѣль. Оттого я хочу, выполнивши требованія, чтобы глазъ не кололи, что не образованъ или не трудился, узнать свою собственную силу. Хочу описать жизнь свою со всѣми впечатлѣніями, чтобы были мнѣ ясно довѣдомы матеріалы, откуда явился складъ мысли и слова. Я былъ нѣкоторымъ образомъ стихотворная машина; думалъ, что живу, а не жилъ; мнѣ было тяжело, и все стремленіе жизни выражалось въ стихѣ. Я не въ укоръ это говорю нашимъ, особенно Василью; онъ самъ понимаетъ это положеніе. Всѣ они стремятся къ жизни, и я также стремился, да при первой возможности и взмахнулъ крыльями, полетѣлъ, развернулся, сѣлъ надъ Днѣпромъ, оглядѣлся на свободѣ: одинъ—любо! И дума свѣжѣе, и душѣ просторнѣе; такъ просторно, что утопаешь въ небѣ Кіевскомъ. То бывало мало мѣста, чтобы чувству было просторно, а то стало мало чувства на великомъ просторѣ. Вотъ какое значеніе имѣлъ для меня Кіевъ, гдѣ я сталъ одинъ въ первый разъ въ жизни. А потомъ Малороссія; а теперь Малороссія для меня—край родимый; я ея не отрѣкаюсь, какъ прежде, и все-таки я такой же Ельчанинъ и вмѣстѣ Роменскій дворянинъ и Московскій студентъ.

3.

Стаховичъ поздравляетъ всѣхъ, всѣхъ и всѣхъ съ праздникомъ наступающимъ, проситъ вспомнить его, если будетъ весело, да и не забыть (чего не дай Богъ), если когда кому и взгрустнется; а онъ помнитъ каждодневно, и желаніями, и помышленіями, свою университетскую и Московскую родню.

Прошу сообщить Алексѣю Степановичу, что нынче я видѣлъ, какъ его немилосердо и низко обокрали: въ Маякѣ помѣщенъ его «Кіевъ» съ подписью: сочиненіе *Э. А....о, воспитанника третьей гимназіи.* Ей Богу, я не понимаю, какъ можно объ этомъ молчать или не знать и не вывесть на свѣжую воду гг. редакторовъ!

Еслибы кто изъ васъ взглянулъ на меня послѣ двухлѣтней разлуки, то увидалъ бы страшную перемѣну: я постоянно гуляю въ ваточномъ казакинѣ, лицо мое много загрубѣло и загорѣло противъ прежней блѣдной хари; я гоняю отважно и азартно зайцевъ, и въ

обычаѣ очень сталъ похожъ на псаря и на дикаря, такъ что меня ужаснутся Московскія гостиныя. Вы не повѣрите, какъ мнѣ досадны наши ученые, и студенты и всѣ. Послалъ я Рѣдкину статью, и опять жалобы на слогъ. Чтó это вамъ дался этотъ слогъ? По каковски хотятъ, наконецъ, чтобъ я писалъ? И такъ напишешь и сякъ, все не годится. Иной бы съ досады и вовсе бросилъ писать; а я вотъ и не брошу, да за то ужъ никому показывать не стану ничего кромѣ стиховъ; а я было еще хотѣлъ ему прислать нѣсколько разобранныхъ грамотъ. Теперь я пишу драму изъ нашей исторіи на мѣстѣ дѣйствія, и вѣрно подивитесь и засмѣетесь: шестистопными ямбами. Она у меня занимаетъ теперь рѣшительно все время, и одно дѣйствіе почти кончено. Ноты свои оставилъ; хотѣлось бы проиграть Петру Васильевичу положенныя пѣсни и попросить его совѣта, какъ идти далѣе: тогда я бы пристроилъ къ исторіи гитары статейку о способѣ и о существовавшихъ методахъ положеніемъ Русскихъ мелодій, и какъ и матеріалы у меня на готовѣ, то нужно посовѣтоваться; да гдѣ прикажете мнѣ взять Петра Васильевича? Я бы охотно съ нимъ занялся такой работой ни годъ ни два въ чудной Слободкѣ *). Вотъ бы чтò хотѣлось мнѣ знать: гдѣ теперь Иванъ Васильевичъ, въ Бѣлевѣ или въ Москвѣ? Чтó дѣлается съ диссертаціею Попова и чтó творитъ Василій, котораго я ждалъ, ждалъ, да и жданки поѣлъ?

4.

Статью мою, которую ты вѣроятно читалъ, Рѣдкинъ не напечаталъ по слишкомъ спеціальному содержанію. Не знаю, почему бы не было общаго интереса въ фактѣ посольства въ Царьградъ за присоединеніемъ метрополіи и во многихъ живыхъ юридическихъ формулахъ грамоты. Никому бы я не сказалъ кромѣ тебя, что мнѣ не нравятся такіе пассажи и притязанія господъ нашихъ бывшихъ наставниковъ; видно, надобно столько подвергнуться ихъ капризамъ и увертамъ, какъ ты, чтобы написать подобное Русской Правдѣ со всею строгостію условій и въ обрѣзъ, въ такихъ мысляхъ, которыя въ головѣ моей заходили риѳмами, и стихами, и восторгомъ. Все это падаетъ на грудь. Далѣе: Валуевъ пишетъ мнѣ между прочими укоризнами, чтобы я приготовилъ статью для Сборника Языкова, напр. *о Лебедянскомъ монастырѣ*, выкинувши вздорныя умничанья. Я читалъ тебѣ мои соображенія. Чтó тамъ вздорнаго? И не все ли согласно съ

*) Слободка, подъ городомъ Орломъ: сельскій домъ въ саду, наполненный книгами, нынѣ Богъ вѣсть куда разошедшимися. Тамъ жилъ и умеръ П. В. Кирѣевскій. П. Б.

природою, какъ мѣстная исторія? И я теперь посылаю простое извѣстіе о фактѣ весьма важномъ для насъ, для того, чтобы пополнить Сборникъ и присоединить замѣчательный фактъ къ тысячѣ другихъ фактовъ, потерявшихъ интересъ по сухой извѣстности, которая отняла у нихъ живой колоритъ въ печати.

5.

Меня, какъ слышно, начинаютъ мѣтить въ Петербургъ. Ну ужъ этому не бывать! Пойду аки нагъ, аки благъ, пойду въ актеры, а поставлю на своемъ и въ Санктъ-Петербургѣ не запишусь! Роится еще у меня мысль кинуться на Кавказъ или въ Кіевскіе гусары. Но если теперешнія обстоятельства не освободятъ меня отъ моего простодушія, то не знаю, какое ужъ лѣкарство можетъ быть для меня дѣйствительно.

6.

Спасибо тебѣ, братъ Поповъ, что ты прислалъ мнѣ свою диссертацію *). Вотъ новость дня самая такая, что у меня сердце запрыгало. Дѣло! Ей Богу, дѣло, какого еще изъ насъ никто не дѣлывалъ. Какая у тебя строгая форма, какія ясныя истины, которыя моей закипучей головѣ начали уже являться въ картинахъ вовсе не наукообразныхъ, а поэтическихъ. О, еслибъ хоть одну такую книжку написать, положить подлѣ твоей! Тамъ-то много, ты самъ знаешь, въ головѣ и въ сердцѣ, да вонъ не лѣзетъ. По крайней мѣрѣ, еслибъ моей душею понимало молодое поколѣніе то, что̀ ты пишешь, то я увѣренъ, что оно бы подвинулось далеко и далеко. Хоть бы одна моя лепта была въ этомъ дѣлѣ Русскаго просвѣщенія: пропади тогда всѣ мои страсти, и стихи, и желанія, и все, все мое; останься одинъ ясный залогъ нашего убѣжденія, чтобъ видѣли его лицомъ къ лицу; а то я и самъ еще часто его ощущаю какъ въ темномъ зерцалѣ, по милости земной жизни вообще и моей въ особенности. Вѣрь однакоже, что если я еще въ чемъ живу и движусь, то именно нашею вѣрою, хотя подъ часъ и безсознательно. Пусть же горе и бѣда, судьба и грѣхъ возьмутъ многое, многое, лишь бы осталось что-нибудь отъ усильнаго шествія моего (теперь ощупью) по пути православнаго ученія, какой-нибудь трудъ простой и ясный. А въ жизни будетъ съ меня одного залога дружбы: его я буду отстаивать до послѣдняго издыханія вмѣстѣ съ обязанностями и съ долгомъ, наложенными на человѣка закономъ со дня его рожденія.

*) Магистерская диссертація: „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“. М. 1841. Поповъ защищалъ ее 14 Марта 1842. П. Б.

Я рѣшился вступить въ Археологическую Экспедицію, во что̀ бы то ни стало. Не сказывай никому объ открытіяхъ, которыя я тебѣ буду сообщать. Напр. на первый разъ, я имѣю живыя доказательства, что *поле* вообще граница Русскихъ княженій или лучше всѣ *поля*, т. е. заграницы, сходились и составляли собою Елецкое княжество, бывшую послѣ Азовскую и Воронежскую губернію.

7.

Ступай ты сейчасъ въ Донской монастырь. Знаешь къ кому? Къ Иннокентію Кіевскому. Онъ у васъ въ Москвѣ на недѣлю, ѣдетъ на эпархію въ Вологду; былъ на родинѣ въ Ельцѣ, въ своемъ бывшемъ селѣ—нашемъ приходѣ Трегубовѣ и въ Пальнѣ; меня обласкалъ, ободрилъ, какъ новая жизнь какая и, кажется, полюбилъ. Скажи ты ему, каковы наши отношенія съ тобою и что я тебя стремглавъ увѣдомилъ о его прибытіи. Нечего много толковать: ты увидишь, что это за человѣкъ въ жизни. Свиданіе наше узнаешь и отъ него, и изъ письма моего къ дѣдушкѣ.

По твоему письму, гдѣ ты мнѣ велишь готовить статью, я столько набросалъ темъ! До половины написалъ свое открытіе о Святополкѣ со взглядомъ на наши историческія работы вообще. Пошлю тебѣ и Миліусу; онъ говоритъ: Amicus Plato, amicus Aristoteles, sed magis amica veritas; пусть докажетъ и напечатаетъ. Кончена теорія рапсодій и Русской музыки; но погоди, и я погожу, посижу у моря, заберемъ силу въ литературѣ. Трубниковъ здѣсь на день. Я ему читалъ свою *Фризовую Шинель*; пусть онъ тебѣ скажетъ, что это не фарсъ, не притворство, а сущая истина, и я не утрирую; но это не повѣсть, а цѣлый актъ начатой драмы. Видишь, отчего я не посылаю ничего. У меня теорія музыки, исторія гитары, ноты, повѣсть о Малороссійскомъ пѣсельникѣ и собраніе пѣсенъ и рапсодій, одно сочиненіе подъ названіемъ *Книга для гитаристовъ*.

8.

Скажу тебѣ, что въ мысли объ отношеніи порядка послѣдованія въ исторіи іерархіи я совершенно съ тобою согласенъ; эта важная часть нашей политической и народной исторіи недавно представилась мнѣ точно въ такомъ видѣ, какъ ты излагаешь, только не по новому престолонаслѣдію, а я на нее напалъ, преслѣдуя исторію отношеній Елецкаго княжества къ князьямъ Черниговскимъ и къ вашей Рязани. Я набросалъ эту мысль въ окончаніи перваго подготовленнаго отдѣ-

ла моей исторіи, и потому твой совѣтъ—оправдать важное значеніе церковнаго устройства въ исторіи фантома гражданскаго быта я употреблю въ дѣло при своей исторіи, какъ доказательство и эпизодъ. Нѣсколько намековъ на это ты найдешь въ статьѣ моей, посланной къ Рѣдкину, которую находитъ онъ слишкомъ спеціальною. Ты знаешь, что, по живости нашихъ понятій и вѣрованій, мы всякую мысль переживаемъ на себѣ и рѣшительно въ фактахъ своей жизни и быта находимъ ей подтвержденіе и осязаемъ ее. Это была всегда отличительная черта трудовъ моихъ; потому я надѣюсь, если соберу воедино эти слишкомъ спеціальные труды, изъ которыхъ каждый говоритъ, какъ я самъ, документально, что это придастъ предмету весьма оригинальную и невычурную ощутительность безо всякихъ натяжекъ, и всѣ эти эпизоды вовсе не будутъ неумѣстны по разнымъ мѣстамъ моего сборника, исторіи моей родины. И потому я рѣшился беречь свои труды до того времени и не разсѣевать ихъ такъ по разнымъ мѣстамъ, какъ хочетъ Валуевъ: иначе они навлекутъ и автору, и произведенію неуваженіе и послужатъ только для полноты изданій болѣе или менѣе преслѣдующихъ (виноватъ) модныя мысли и направленіе du jour. Можетъ быть, я и грѣшу; но только я очень раззодоренъ въ моемъ одиночествѣ и имѣю нѣкоторое право поступать такъ. Твоя диссертація была твой первый классическій подвигъ, который выдержать достойно только твоей силы и высшаго искусства провесть свою мысль и истину свято между старыми всеразрушающими глупостями; и твоей мудрости достало, чтобъ не трогать ихъ и не задѣвать. А меня ты знаешь: я не могу не ругаться и часто, остановясь за перебранкою, въ запальчивости забываю что̀ хотѣлъ сказать. Таковъ я всегда въ своихъ сочиненіяхъ. Тѣмъ болѣе трудно будетъ мнѣ выдержать себя въ одинокомъ, особенномъ трудѣ. И потому рѣшительно не довѣряю себѣ въ успѣхѣ такихъ работъ, какія ты мнѣ предлагаешь. Буду тихонько собирать свое собственное, въ чемъ я ни съ кѣмъ не встрѣчаюсь; буду мало-по-малу приводить въ порядокъ свои интересныя спеціальныя аксіомы, которыя сольются съ общими мыслями въ безмятежномъ одушевленіи моемъ, какъ предметѣ, которымъ я одинъ обладаю и проникаю до глубины по самой живой близости его ко мнѣ. И если черезъ годъ, черезъ два, моя книга вполнѣ для меня удовлетворительно созиждется, тогда я буду хоть не первый въ домѣ, но первый въ деревнѣ, и тогда я скажу, что я не отсталъ отъ тебя и отъ твоей «Русской Правды». Спи покамѣстъ, мое мѣрило! Для этой цѣли я хочу единственно и идти въ Археологическую Экспедицію, ибо тамъ всѣ получаемыя свѣдѣнія и совершенство знаній прямо будутъ относиться къ моей работѣ. Другое дѣло—мои риѳмы....

9.

Съ Хомяковымъ, одинъ на одинъ, очень очень усердно потолковываемъ. Я перечиталъ или переучилъ дѣльно Венелина; толкую съ Хомяковымъ, а не болтаемъ. Славный человѣкъ, много у него жизни, да еще и молодой и такой, который не заставляетъ тебя при разговорѣ корячиться и таращиться, а все какъ-то по людски. Онъ знаетъ пропасть преданій объ Екатерининской и нашей дѣдовской старинѣ, и очень охотно толкуетъ о нашихъ мѣстахъ, да не такъ, какъ о тезисахъ, а какъ человѣкъ бывалый. Мы съ нимъ говоримъ просто обо всемъ, какъ объ знакомомъ, смѣемся отъ души, и не логически переходимъ къ интересному. При томъ мнѣ очень нравится положеніе наше въ бесѣдѣ: можно очень просто и не обинякамн правду говорить. Однажды поздно, уже разговорившись о настоящемъ положеніи, онъ сказалъ: «Странно, а не рѣдко съ сожалѣніемъ задаешь вопросъ о способахъ улучшенія жизни». Онъ думаетъ, что этого можно достичь мѣрами лучшими, нежели какъ вообще принимаютъ. Я говорилъ, что всякое придуманное лучшее будетъ въ нашемъ положеніи одностороние. «Чтожъ», сказалъ онъ, «сложа руки быть и мечтать?» — «Нѣтъ, я думаю, есть другой путь. Но вѣдь естественна досада къ тому, что́ не такъ дѣлается?» — «Изъ досады нѣтъ исхода къ лучшему: это чувство отрицательное».—Я думаю, что въ этомъ дѣлѣ къ лучшему исходу поведетъ соболѣзнованіе, это живое чувство».—«Правда», сказалъ онъ, «особенно въ нашемъ положеніи общества людей: у насъ даже и слеза — геройство». Слово-то вѣрное! Правда твоя, его система плодоноснѣе; если въ немъ нѣтъ того, что́ есть въ другихъ, за то съ нимъ всегда прямо и легко говорится, и избѣгаешь того несчастнаго положенія, въ которомъ бывали мы иногда, сидя по получасу и выжидая слова рѣшительнаго, какъ неоспоримаго, какъ пророчества. У него это какъ-то больше простора; а это немаленькое достоинство и славное качество въ душѣ такого человѣка, какъ Хомяковъ. Прежде я его не такъ хорошо понималъ.

Моей поѣздкѣ въ Малороссію препятствія нѣтъ. Съ собой въ дорогу я беру «Болгаръ» Венелина и Никоновскій списокъ, да и только. Венелина я уже читалъ и читалъ, теперь буду изучать, то-есть наизусть учить. Поучи-ка, братъ, и ты его. Эту пропаганду, ей Богу, надобно взять эпиграфомъ всякой Русской ученой дѣятельности Русскаго человѣка. Богъ его намъ послалъ и поставилъ насъ въ такое положеніе, что мы не можемъ подобно другимъ охуждать его направленіе за нѣкоторыя утрированныя фразы. Это, братъ, великія мысли, и мысли православныя, какъ онъ самъ выражается, и вѣрныя по силѣ

и простотѣ убѣжденія. Ты конечно повѣришь мнѣ, а не улыбнешься; потому что, если и смѣшно нѣсколько вездѣ совать его имя, какъ я это дѣлалъ, но все таки чувство благодарности заслуживаетъ уваженія. Положимъ, для другихъ это уваженіе будетъ отрицательное чувство; но ты знаешь, что я убѣжденъ въ его пропагандѣ, и если прочелъ ты или прочтешь его «Болгаръ», то увидишь, что у него было цѣлое ученіе въ головѣ, и потому повѣришь теперь моему понятію о полнотѣ его достоинства. Его можно понимать и сердцемъ, и большую часть его тезисовъ только и возьмешь что на *вѣру* и съ полнымъ убѣжденіемъ; а покажи мнѣ хоть одно (разумѣется неправославное) ученіе до сихъ поръ, которое бы пользовалось этимъ преимуществомъ въ своихъ положеніяхъ, и не это ли есть задача нашего убѣжденія (объ образованіи)? Потому-то Венелинъ ближе всѣхъ къ намъ, и мы объ немъ особенно не можемъ отзываться, какъ другіе; даже не можемъ говорить: «все-таки, *но*» и пр. классическія выраженія. Жаль одно, что ему юридическія понятія были незнакомы; но за то это— уже наше достояніе.

Знаешь, что мнѣ немного странно и жалко выражаться при комъ нибудь объ нашихъ отдѣльно отъ насъ двухъ, такъ что какъ бы мы отъ нихъ отдѣляемся, за что́ они въ претензіи; но они болѣе виноваты, составивши какой-то идеальный кружокъ, изъ котораго не выводитъ ихъ даже горькое живое стремленіе, которое обыкновенно болѣе или менѣе все крутитъ душу нашему брату. Это-то горькое чувство есть, я думаю, у насъ дорогой залогъ сочувствія. Впрочемъ относительно ихъ меня то успокоиваетъ, что все таки связи дружбы и пріязни невольно заставятъ ихъ близко понимать и направленіе, если оно ознаменуется у насъ дѣятельностію. И намъ знаешь чего недостаетъ, намъ просто, какъ людямъ: безотчетной жизни, братъ! Да, я въ этомъ убѣжденъ. Какъ бы я радъ былъ, еслибъ можно было бытовую мысль такъ пережить, чтобы она не отзывалась ни книгою, ни стихомъ, ни звукомъ инструмента. Повѣрь мнѣ: тогда, кромѣ того, что самое направленіе получитъ въ насъ великую простоту, самыя отношенія съ людьми будутъ гораздо менѣе шокировать и ихъ, и насъ, и будутъ отраднѣе. А въ насъ еще много этого недостатку. Это въ тебѣ не недостатокъ, а нѣкотораго рода крайность, которая зависитъ у тебя отъ силы характера, которую мы въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ употребляли на мысль одинокую по обстоятельствамъ. А каково, еслибы не видать исхода одиночеству? Бѣда, если характеръ такой дѣятельности приметъ жизнь: мысль будетъ доступна каждому, а самъ останешься нѣкоторымъ образомъ ея посторонним зрителемъ. Того и гляди неравно, не дай Богъ, съ нами это случится. Штука-то монашеская будетъ!

10.

Берлинъ, 1845, Декабря 26.

Въ Петербургѣ ли ты теперь или опять уѣхалъ въ Москву? Я недавно написалъ музыку на дивертисментъ изъ Шекспировской Liebes-Leid und Lust, гдѣ является въ родѣ Sommernachtstraum весна и зима въ лицахъ и поютъ двѣ пѣсни. Теперь работаю надъ Гётевскими маленькими стихами. Такимъ образомъ около десятка штукъ подготовляю къ изданію на свой пріѣздъ въ Россію съ собственнымъ любезнымъ истолкованіемъ in Россійское нарѣчіе. Напр. какъ вамъ нравится это семистишіе изъ Шекспировской зимы?

На крышу снѣгъ махромъ налегъ,
Надвинулъ путникъ глубже шапку,
И ледъ нависъ, съ оконъ со слѣгъ;
Неси-ка, Ваня, дровъ охапку!
Забитъ порошей путь лежитъ,
Въ болотѣ филинъ вотъ кричитъ:
Угу, угу! Мяти, мятель;
Тепла изба, мягка постель.

А какая музыка при этомъ должна играть—Боже мой! Слезы радости пролить возможно.

Шеллингъ издаетъ Стефенсовы сочиненія съ своимъ большимъ предисловіемъ, въ коемъ говоритъ о цѣли своихъ лекцій въ Берлинѣ.

Что̀ у насъ въ Университетѣ и въ Москвѣ дѣется? Мы здѣсь ничего интереснаго объ ученой и литературной Руси не знаемъ. Что̀ Елагины дѣлаютъ и что̀ Москвитянинъ? Шутъ Солениковъ сказывалъ, что Кирѣевскій его болѣе не держитъ, а что коноводитъ редакціею Шевыревъ, и поэтому я не знаю ужъ, куда Фауста помѣстить; примутъ ли его тамъ? Изъ нашего Университета здѣсь теперь Леонтьевъ и Кудрявцевъ, оба филологи и хорошіе ребята.

11.

Отсюда, т. е. изъ Берлина, вчера поѣхалъ въ Петербургъ Григоровичъ, профессоръ Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ. Онъ былъ въ Болгаріи, въ Албаніи, на Аѳонской горѣ, въ Далмаціи и очень интересенъ; я далъ ему твой адресъ; во всякомъ случаѣ повидайся съ нимъ. Я не успѣлъ съ нимъ поговорить много; но видно, что онъ собралъ много любопытнаго, особенно Болгарскихъ, грамотъ и очень хорошо знаетъ ихъ положеніе, и потому тебѣ бу-

деть интересно повидаться съ нимъ въ отношеніи къ дѣятельности экзарха и Захара Петровича, которыхъ онъ знаетъ тоже.

Я у Смирдина взялъ одинъ экземпляръ твоей Черногоріи и учу по ней невѣсту свою читать и понимать порусски. Адресъ мой: Karl-Strasse, № 19, eine Treppe.

Берлинъ 1847,
19 Марта.

12.

Ура! Кромѣ теоретическаго опредѣленія моихъ музыкальныхъ понятій хвастаюсь тебѣ или вѣрнѣе хвалюсь первымъ практическимъ опытомъ: рапсодія изъ пѣсни «При долинушкѣ стояла», только не стихотворная, а музыкальная. Ты помнишь, я писалъ тебѣ, что хочу соединить въ народныхъ своихъ пѣсняхъ и эпическихъ стихосложеніяхъ народную музыку съ ходомъ стиха. Боюсь приняться за слишкомъ скользкій опытъ, гдѣ съ одной стороны я словомъ владѣю, а звукомъ нѣтъ. Я хотѣлъ начать съ повѣрки мысли своей на народныхъ произведеніяхъ, соблюдая всю степень совершенства музыкальнаго нынѣшняго для семиструнной гитары, и вотъ вышла сама собою рапсодія нынѣшняго метода (Тальбергъ, Гензельтъ, Дрейшокъ). Я тебѣ опишу, какое отношеніе, нашелъ я, должна имѣть здѣсь къ тексту музыка, именно нынѣшняя, въ которой, странно, прежде всѣхъ Европейскихъ положилъ начало никѣмъ непонятый съ этой стороны, кто бы ты думалъ? Высоцкій, да, Высоцкій; и это не пристрастіе: я берусь доказать это всѣмъ и каждому на опытѣ. Ухъ, труденъ былъ первый опытъ; но я добился цѣлости и правильности! Только два аккорда вспомогательныхъ взято у Сихры и Высоцкаго, все главное—мое и оригинальное. Я къ этому прибавлю текстъ объясненія и пришлю тебѣ деньги; напечатай пожалуста экземпляровъ 50 съ лишечкомъ; корректуру можетъ держать и Василій, и Мусковъ подъ руководствомъ Петра Васильевича, если ему угодно оказать мнѣ это благодѣяніе. Вслѣдъ за симъ пришлю статью въ Москвитянинъ о рапсодическомъ методѣ въ стихахъ и музыкѣ вообще, коего матеріалы и выраженіе суть главнѣйшимъ образомъ Русскія пѣсни и музыка. Подъ рапсодіею я понимаю не нынѣшнія фантазіи, а гомерическую рапсодію, рапсодію бандуристовъ и старцевъ нищихъ. Въ нынѣшнемъ методѣ есть приближеніе къ этой цѣлости въ сліяніи варіяцій. Я очень радъ своему опыту. Найдите гитариста, который бы вамъ его разобралъ; особенно замѣтить всю вторую часть и пассажи въ родѣ Липинскаго въ ad libitum 2-й части.

13.

Я увѣренъ, что буду продолжать со временемъ науку и производить; не перестаю готовиться къ должной дѣятельности. Теперь скажу тебѣ объ себѣ въ прямомъ смыслѣ, т. е. какъ о Михайлѣ Александровичѣ: сей человѣкъ виситъ какъ повѣшенный между небомъ и землею. Маменькины нервы такъ разстроены, что малѣйшее слово, ожиданіе разлуки, разставанье, опасенье Богъ знаетъ чего, укладываетъ ее въ постель на недѣли съ опасностью. Посему 1) Почти навѣрное можно опредѣлить, что я изъ Пальны не поѣду. 2) Желаютъ однакоже, чтобы все-таки былъ я не безъ чина; надобно служить; потому заговариваютъ, угодно ли мнѣ въ Воронежъ къ губернатору; я говорю: нѣтъ. Я уже повторялъ нѣсколько разъ рѣшительно, что или въ Археографическую Комиссію или никуда, и слѣд. пусть и не безпокоятся меня трогать отсюда, ибо я не желаю производить сценъ въ Москвѣ своими отказами тамъ, сценъ, которыя будутъ по письмамъ здѣсь повторяться: ибо и Алексѣю Васильевичу *) не хочется, чтобы я служилъ по Министерству Просвѣщенія. 3) Со стороны папиньки меня хотятъ или желаютъ женить, для того, чтобы я остепенился и тогда бы два года послужилъ и назадъ на гумно: это—цѣль общая; но голоса дѣлятся: маменька полагаетъ неприличнымъ жениться не служа, а вѣроятно скукою службы заманить къ женитьбѣ; а папинька напротивъ. Я говорю: пожалуй жените; тогда я по крайней мѣрѣ буду pater familias, а то теперь совсѣмъ безпашпортникъ. Впрочемъ все покрыто рогожей неизвѣстности. Ну можешь судить, какъ опредѣленна и сколько спокойствія мнѣ представляетъ судьба въ будущемъ!!!

14.

Повѣрь, что Рѣдкинъ, при всемъ своемъ крикливомъ патріотизмѣ хохлацкомъ, хуже говоритъ по Малороссійски какъ я теперь, хуже уже разумѣется поетъ, нежели я теперь про то, *якъ то колысь бувало що люди козаковали, Ляхивъ жигали, Жидивъ рубали.* Кстати, у Бодянскаго есть братъ, живетъ въ Варвѣ, Пирятинскаго уѣзда Полтавской губерніи; я тамъ былъ и видѣлъ его. Онъ собираетъ пѣсни Малороссійскія, собралъ до четырехъ тысячъ, хочетъ издавать, но средствъ не имѣетъ; брату не хочетъ повѣрить, чтобы онъ подъ его именемъ не издалъ, хочетъ отнестись къ Погодину; опасно, я ему от-

---

*) Первâго, знаменитый масонъ, дядя М. А. Стаховича. См. о немъ въ Воспоминаніяхъ графа М. В. Толстаго. (Р. Арх. 1881).

совѣтывалъ. Скажи Петру Васильевичу, не поможетъ ли онъ. Ѳедоръ Максимовичъ (Бодянскій) хочетъ для вѣрности изданія самъ быть въ Москвѣ, чтобъ ему дали средства издать, а тамъ чтобъ выбрали за помощь деньги изъ барышей продажи. А отецъ Бодянскаго просилъ увѣдомить его о сынѣ; не знаешь ли ты чего, что̀ бы мнѣ написать ему?

Теперь, слава Богу, мнѣ тепло въ кругу родномъ, я имъ счастливъ вполнѣ. Въ Пальнѣ думаю, что пробуду до весны; хочется написать побольше. Можетъ быть, весною буду на Кавказѣ: что-то кашель одолѣлъ и завалы. А тамъ куда Богъ дастъ. Признаться тебѣ, грѣшный человѣкъ, о службѣ не думаю; одно до сихъ поръ только постоянное честолюбіе—магистерство. Смерть хочется; не знаю, позволятъ ли обстоятельства. Повѣрь, труда хватитъ; но служить бы радъ, *прислуживаться* тошно! А ты знаешь, толки о кандидатствѣ въ половину справедливые, въ половину насмѣшливые и въ тонѣ повелительномъ; этого-то желудокъ мой не очень варитъ.

Охъ, хорошо бы тебѣ прокататься по свѣту, да такъ, какъ я, безъ цѣли, безъ думы. Ей Богу, изъ воли и дума, и цѣль у меня стали яснѣе. Хорошо бы и Василью *) и другимъ, да только не въ видѣ ученаго путешествія по Россіи, это вздоръ; комедія будетъ, если они съ Валуевымъ затѣятъ такія экспедиціи! Я особенно счастливъ: у меня теперь по всему лицу Россіи знакомые пріюты и знакомые люди. На Сѣверѣ нѣту, да Богъ съ нимъ, что-то къ нему душа не лежитъ. *То ль дѣло Кіевъ, что̀ за край*! Знаешь (шутя скажу), мнѣ нравится мое козацкое положеніе; кажется бы ни за что бы его въ свѣтѣ не продалъ: конь, люлька, бандурца, и пошелъ бы по бѣлу свѣту, кажется бы и въ Іерусалимъ и Царь-градъ бы прошелъ! То-то бѣда, что наша барская натура позволяетъ только мечтать о такомъ бездомномъ козакованьи.

*

Михаилъ Александровичъ Стаховичъ (род. 1819, ум. 1858) извѣстенъ въ нашей словесности немногими, но прекрасными произведеніями: его „Дѣдушкинъ Садъ“ печатается въ христоматіяхъ, его „Ночное“ до сихъ поръ играется на сценѣ, его мелкіе задушевные, звучные стихи не позабудутся никогда. Это была живая, художественная душа, къ сожалѣнію не успѣвшая сдержать и уравновѣсить себя. Отъ лжи дворянскаго и образованнаго быта хотѣлъ спастись онъ въ быту мужицкомъ. Онъ, какъ говорили у насъ недавно, пошелъ въ народъ (конечно не съ тѣми цѣлями, какъ въ послѣднее время ходили). Онъ влюбленъ былъ въ Русскую природу, въ Русское слово, въ Русскую пѣсню. Но тутъ ждала его гибель:

*) Упоминаемый въ письмахъ Стаховича Василій былъ Трубниковъ, родственникъ А. Н. Попова. П. Б.

онъ былъ убитъ (кѣмъ, до сихъ поръ не разъяснено) передъ тѣмъ самымъ временемъ, какъ началось у насъ раскрѣпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ. Супруга его, Нѣмка Юлія, на которой онъ женился въ Германіи (гдѣ долго продолжалъ студенческую жизнь) пережила его; дѣтей у нихъ не было. Въ семействѣ Елагиныхъ былъ онъ принятъ какъ родной. П. Б.

II. Письма А. П. Елагиной къ А. Н. Попову.

1.

7 Мая (1842).

Застанетъ ли письмо мое васъ въ Петербургѣ? Богъ знаетъ. Я должна бы написать къ вамъ прежде, но не было силъ: душа такъ уныла, что еслибы ваше письмо нѣсколько не оживило меня, я долго бы за перо не принялась. Разныя прежнія въ новыхъ видахъ горести напали на меня, и вашей милой рожицы не было, взглянувъ на которую безъ словъ понять участіе и уложить волнующееся сердце. Мнѣ очень, очень безъ васъ тошно; собираюсь уѣхать, *въ лѣсъ хочу*; но собственно не въ лѣсъ, потому что тамъ нѣтъ ни сука, а дышать хочу. Я уѣзжаю 10-го, а Петръ [1]) только что пріѣхалъ; жалѣлъ очень, что васъ не засталъ. Съ нимъ опять будемъ розно все лѣто. Статья ваша *вполнѣ* напечатана, и Ш. очень объ ней тужитъ, что бѣдному Пог. столько непріятностей. «Русалки» вашей я не видала, а рада, что она возбудила въ васъ такое участіе къ Ундинамъ; но счастіе, доставленное Невою, я вамъ предсказывала: лучше ея въ мірѣ нѣтъ ничего, и хотя въ ея водахъ не живутъ *Русалки*, но сами волны ея обворожительны. Впрочемъ, зачѣмъ вы продолжаете вѣтренничать? Для чего не сказали, долго ли въ П.? Гдѣ остановились? *Какъ* и когда ѣдете? Право мнѣ хочется, чтобы вы потребовали пароходъ.—Рѣдкинъ уѣзжаетъ отсюда 25-го и счастливъ неимовѣрно. Никита И. еще счастливѣе: женитьба его объявлена, и онъ *пляшетъ* съ своей невѣстой [2]). У насъ экзамены. Никола [3]) спитъ по три часа въ сутки; одинъ разъ уже отвѣчалъ Баршеву, а графъ его не слыхалъ: вышелъ передъ самымъ отвѣтомъ.—Василій ѣдетъ къ Стаховичу; а Первàго уже уѣхалъ. Если Богъ дастъ, Мишу [4]) отпустятъ, то онъ привезетъ его къ вамъ. Сколько возможности добра, дѣятельности, пользы, и большую часть какъ сонные, между рукъ упускаемъ! Весною мнѣ жаль каждаго прошедшаго дня, и весело думать, что для васъ теперь открытъ цѣлый міръ дѣя-

---

[1]) Второй сынъ А. П. Елагиной, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. П. Б.

[2]) Никита Ивановичъ Крыловъ, женившійся на дѣвицѣ Коршъ. П. Б.

[3]) Четвертый сынъ А. П. Елагиной, Николай Алексѣевичъ Елагинъ. П. Б.

[4]) Т.-е. Михаила Александровича Стаховича; Первàго былъ его дядя. П. Б.

тельности: можно каждый день съ семи утра до 1-го часу ночи бѣгать и глядѣть, и учиться, и наслаждаться. Что же молчите объ Эрмитажѣ? Когда будете у *Жук.*, не забудьте ему сказать, чтобы онъ выслалъ 250 р. за билетъ свой въ здѣшнюю Московскую Академію [1]: Свербеевъ заплатилъ за него и *нѣсколько разъ* уже напоминалъ мнѣ объ этомъ. Здѣсь продолжаются праздники въ честь Одоевскаго, который плѣненъ совершенно Нат. Петр. [2]): никого кромѣ ея не видитъ и никѣмъ кромѣ не занятъ. Онъ собралъ насъ всѣхъ въ лютеранскую кирку дать намъ фуги Баха на органѣ; съѣхалось каретъ 20; посидѣли всѣ въ киркѣ, а Нѣмцы пришли и всѣхъ со стыдомъ выгнали и бранились, зачѣмъ намъ die Thüre aufgemacht haben! Кавелинъ ѣдетъ сегодня къ вамъ, Од. завтра, и мнѣ сдается, что оба васъ застанутъ. Признаюсь, этого желаю. Даль все страшна, и сердце въ одно время радуется за васъ и суетится.

2.

Москва, 23 Сентября (1842).

Вотъ ужъ скоро пять мѣсяцевъ, какъ мы разстались, и я еще ни разу не писала къ вамъ, душа моя Поповъ! Но вы должны принять мое молчаніе за самый лучшій знакъ моей къ вамъ любви. Все это время сердце было такъ сжато, душѣ такъ тѣсно, что нельзя было писать къ вамъ: такого расположенія духа вы отъ меня не заслужили или, лучше сказать, я не могу принести его въ наши сношенія. Вы же все это время легко могли обойтись безъ извѣстій, окруженные всѣмъ очарованіемъ изящныхъ впечатлѣній; вѣроятно успѣваете только хватать ихъ обѣими руками. Описаніе ваше Шеллинга, Ранке, вѐчера у него проведеннаго, обрадовали меня, объяснивъ ваши занятія; но многое еще мнѣ нужно. Съ кѣмъ живете вы? Съ кѣмъ знакомы? Какой образъ вашей жизни? Пишите ли журналъ? Не забудьте, что это необходимо для сохраненія многихъ впечатлѣній; пусть каждое изъ нихъ сохранено будетъ отдѣльно, хотя каждое работало для созрѣванія одного цѣлаго плода. Вы были въ моемъ миломъ Дрезденѣ, въ галлереѣ, въ католической церкви, на Брюлевской террасѣ, всего этого жду. Познакомились ли съ Языковыми? Любите ли Девріена? Я вчера только пріѣхала въ Москву; еще устала, еще не нашла дома, куда пріютиться и живу пока въ двухъ комнатахъ у

---

[1]) Т.-е. основанное не задолго передъ тѣмъ Ѳ. Я. Скарятинымъ, А. С. Хомяковымъ, А. Д. Чертковымъ, М. Ѳ. Орловымъ, С. П. Шевыревымъ и др. Училище Живописи и Ваянія въ Москвѣ. П. Б.

[2]) Говорится о Н. П. Кирѣевской, ур. Арбеневой, супругѣ старшаго сына А. П. Елагиной, Ивана Васильевича Кирѣевскаго. П. Б.

Петра В. Заботы, холодъ и всѣ мелочныя непріятности житейскія окружаютъ меня; но мнѣ уже внутри легко, и я пишу къ вамъ посреди груды наваленныхъ книгъ, подушекъ, платьевъ.—Василій ѣдетъ къ вамъ на дняхъ, недѣли черезъ три уже съ вами увидится. Мы уговаривали Стаховича и хотя уговорили, но для какихъ-то хозяйственныхъ распоряженій ему нужно еще мѣсяцъ здѣсь остаться, потомъ обѣщаетъ къ вамъ пріѣхать. Вася и вы своей дружбой отстраните отъ него лишнее, имъ на себя напущенное. Усовершенствованіе науки еще не главное; умъ—второе отдѣленіе души; нужно усовершенствовать душу и не дать ей пасть.—Я ничего не могу сказать вамъ о здѣшнихъ дѣйствіяхъ литературныхъ. Иванъ Вас. несообщителенъ, а больше еще никого не видала. Гремитъ брошюрка Аксакова о Гоголѣ. Поэма его возвышена до небесъ и сравнена съ Шекспиромъ, съ Гомеромъ. Это бы еще хорошо было, *какъ мнѣніе*; но выражено оно не совсѣмъ изящно. На васъ нападки продолжаются, а также похвалы; но этого вы могли ждать. Въ Университетъ поданъ проектъ, чтобы экзаменъ былъ только вступительный и окончательный; вѣрно юношей нашихъ хотятъ признать людьми. Петръ пѣсни свои еще не кончилъ. Я была у него въ деревнѣ и порадовалась: у него чисто, тепло, патріархально. Всѣ его *домоча́дцы* истинно къ нему привязаны и угощали меня также всѣми силами. Валуевъ суетится съ своимъ Славянскимъ убѣжденіемъ; прислалъ намъ въ деревню нѣсколько книгъ для перевода и обѣщалъ за нихъ конфектъ. Воейковы было взялись, но узнали отъ Грановскаго, что Валуевъ хвастаетъ, будто заставилъ дамъ не даромъ бременить землю, и тотчасъ отказались и отъ конфектъ, и отъ работы; за то мы Montenegrino'въ послали вашей сестрѣ: ей весело будетъ ими заняться, знавши, что вы тамъ были.... Вотъ вамъ обо всѣхъ моихъ разсказала; а все чувствую, что сказать надо много, много. Вѣроятно когда-нибудь узнаете все, что̀ останется вѣчно невыговореннымъ. Въ молодости мнѣ весело было откладывать до вѣчности; а теперь, когда вѣчность близка, мнѣ стало жаль здѣшняго неумѣнья. Не даромъ Греки велятъ пользоваться жизнью живущему. Куда мы ее дѣваемъ и зачѣмъ? Сами не знаемъ.

3.

22 Декабря (1842).

Въ это время прошлаго года я каждый день каталась къ вамъ за Москву-рѣку, душа моя Поповъ! Вспомнили ли вы меня теперь посреди гордыхъ Черногорскихъ подвиговъ и глубокомысленныхъ углубленій философскихъ? Я почти также полагаюсь на ваше сердце, какъ на сердце сыновей моихъ, и когда услышала, будто вы всю нашу семью

браните и насмѣхались надъ моими посѣщеніями и любовью, то мнѣ стало точно также обидно, какъ бы тронули честь Василья или Николая. Я вѣрю вашей вѣтренности, но гораздо еще больше вашему благородству и энергіи вашей души. Вѣрю, что она способна любить, и потому вѣрю, что вы меня любили и будете любить, несмотря ни на какія обстоятельства, на свѣтское счастіе для васъ и на могилу для меня. Говорю это потому, что вы близки къ одному, а я къ другой; слѣд. нисколько не лишнее обозначить свое вѣроисповѣданіе. Ваше письмо изъ Цетина своимъ адресомъ смутило меня до самыхъ тѣхъ поръ, пока получила отъ Васи [1]) письмо. Вѣтренность не позволила вамъ прибавить словечка два въ Берлинѣ. Вмѣстѣ ли вы теперь съ Васей? Хорошо ли вамъ? Думаю, что умъ вашъ удовлетворенъ вполнѣ. Тоже ли и сердце?—Хомяковъ возвратился изъ деревни: будетъ живѣе. Прошедшее Воскресенье весь вечеръ проспорилъ съ Герценомъ о Гегелевой логикѣ. Тургеневъ Ал. Ив. оживляетъ своими горячими пустяками всѣ беседы; Аксаковъ такъ на него бѣсится, что пересталъ кланяться. Лихое Православіе! Мертвыя Души совсѣмъ его съ ума свели, и онъ съ тѣми не знакомится, кто ихъ не величаетъ. Крюковъ боленъ и не выходитъ изъ шубы; отпустилъ бороду и заплелъ косы на лбу. Валуевъ бѣдный нашъ тоже боленъ, простудился у Хомякова въ деревнѣ и теперь лихорадка; Иноземцовъ лечитъ, а весною посылаетъ на воды. Вотъ вы и увидитесь. Но гдѣ же вы будете? Ни предположеній вашихъ, ни успѣховъ, ни завоеваній, ничего не знаю, кромѣ завоеванія Владыкой [2]); но вѣдь есть и другія крѣпости, такъ сказать дамской субстанціи, или нѣкотораго роду свѣтскихъ людей, или даже философовъ. Все вами плѣненное и васъ плѣняющее мнѣ принадлежитъ: отъ Мадонны Рафаэля до послѣдняго переника [3]); слѣдовательно дѣлитесь не скупясь. Ради ли Василью? Видите ли, какъ онъ васъ любитъ? Это связь родная, и отъ васъ однихъ зависитъ, чтобы была *дружбой* на всю жизнь. Самаринъ въ деревнѣ кончаетъ диссертацію и является сюда черезъ двѣ недѣли. У нихъ опять балы и свадьбы. Грановскій пишетъ и въ Отеч. Запискахъ, и въ Москвитянинѣ. На дняхъ Болгаре прислали изъ Италіи памятникъ Венелину: прекрасная бѣлая колонна съ урной на верху, стройная и разительная красивостью своей, возвышающаяся надъ всѣми другими памятниками.

---

[1]) Василій Алексѣевичъ, третій сынъ А. П. Елагиной, род. 2 Іюня 1818, въ Долбинѣ подъ Бѣлевымъ, ск. 11 Іюля 1879, въ Дерптѣ. П. Б.

[2]) Т.-е. Черногорскимъ. П. Б.

[3]) Черногорскій воинъ. П. Б.

Они же разослали билеты, и собрались на панихиду всѣ знакомые и уважающіе память Венелина; и трогательно было, когда всѣ съ свѣчами въ рукахъ окружили его могилу и могли читать золотыя буквы: *пламенной любовью воскресившаго народъ.* Этотъ неизвѣстный никому Венелинъ, въ уголку Данилова монастыря, принимающій благодарность цѣлаго народа—такое разительное что-то, что даже торжественный памятникъ Карамзина съ этимъ не сравнится. Будете ли вы у Жуковскаго? Съѣздите непремѣнно вмѣстѣ съ Васей; взгляните на счастіе, возможное человѣку. Глядя на него, почувствуешь ясно, что Богъ не отказалъ въ немъ людямъ, не на страданіе далъ жизнь; а мы не умѣемъ душу нашу очистить и опростать для помѣщенія счастія; занимаемъ все въ ней мѣстà пустяками тщеславія, самолюбія и дряни, да и жалуемся, когда воняетъ.

О, какъ мнѣ хочется поскорѣе васъ обнять! Когда кончится семестръ, ступайте съ Васей въ Парижъ, и въ Римъ, и въ Неаполь; съ Языковымъ можете возвратиться. Пишите мнѣ больше и обо всемъ, даже о Бекманѣ. Кланяйтесь Мельгунову. Можете ли вообразить, что Погодинъ мое ружье, бывшее уже по сю сторону границы, отвезъ опять въ Вѣну, гдѣ оно и сѣло. Простите. Да хранитъ Васъ Господь моими молитвами! Къ Васѣ буду писать черезъ три дня, въ самое Рождество; а теперь обнимаю его. А каково Рождество празднуется въ Германіи? Вѣдь прелесть!

4.

(1843).

2 Марта. Въ имянины мои были у меня всѣ профессора, и я узнала многое. Погодинъ представилъ Бычкова и Григорьева изъ Одессы. Когда я ему сказала: зачѣмъ вы забыли Василья? [1]) Онъ отвѣчалъ: «Кто-же зналъ, что онъ хочетъ? Чего бы мнѣ лучше? Я черезъ годъ, много черезъ два оставлю совсѣмъ каѳедру, пусть онъ замѣнитъ меня. Напишите къ нему, чтобы онъ сюда далъ знать, и чтобы имѣлъ это въ виду при своемъ ученіи». Шевыревъ для каѳедры философіи предложилъ выбрать изъ Духовной Академіи, для того чтобы ученіе Шеллинга нашло опору въ Православіи. Всѣ отвергнули: хотятъ, чтобы проф. *зналъ* богословіе и догмы нашей вѣры, но чтобъ не былъ изъ духовныхъ. Шевыревъ далъ письменное мнѣніе. Ввечеру съѣхались другіе: Грановскій, Крюковъ и Крыловъ (послѣдніе оба только что выздоровѣли отъ двухмѣсячной болѣзни; Крыловъ весь облѣзъ съ одной

---

[1]) Обширная ученость Василія Алексѣевича Елагина давала ему всѣ права напрофессорство. П. Б.

правой стороны, и это ужасъ гадко). Грановскій сказалъ мнѣ, что графъ оставляетъ *за вами* каѳедру фил., и это самъ сказалъ Грановскому. Слѣдуетъ изъ того, что вы должны писать къ графу, и Василій пусть съ вами напишетъ; лишь бы ему знать, кого имѣть въ виду. Ради Бога, чтобъ онъ не медлилъ. Еще же: какую бы ни дала каѳедру сначала, все равно; послѣ перейти можно. Графъ требуетъ, чтобы прежде утвержденія прочли нѣсколько лекцій; онъ посылаетъ Мильгаузена на каѳедру общенароднаго права и на три года въ чужіе края. Списавшись съ нимъ, вамъ легко будетъ отправиться въ Парижъ и Минхенъ, и куда надобно. Тоже и Василью. Ему Парижъ и Славянскія земли, но не на счетъ Университета. Пусть сочтетъ, что̀ надобно и куда: мы все доставимъ. Мои два студента [2]) сдѣлали мнѣ къ имянинамъ сюрпризъ: украсили двѣ комнаты, залу и гостиную 70-ю горшками прелестныхъ цвѣтовъ. Хорошо до восхищенія. А купили ихъ на деньги, добытыя переводами; мнѣ это было все очень весело. Жуковскій собирается поселиться въ Москвѣ. Пока здѣсь такъ тихо, такъ не суетятся изъ движенія и прогресса, Россія можетъ быть спокойна, и каждый спокойно дышать, доставляя свою песчинку пользы и добра. Москвитянинъ глупъ до невѣроятности.

Затѣмъ обнимаю васъ, Василья и Стаховича. Пожалуста познакомьтесь съ m-elle Solmers и Берлинской аристократіей. Были ли вы на маскарадѣ? Надѣюсь, да. Мы слѣдимъ за Stadtzeitung, чтобы чѣмъ нибудь сблизиться. Простите. Господь да хранитъ васъ! Забыла вамъ сказать, что у Калачева отецъ умеръ, и это на время мѣняетъ его планы путешествія.

5.

(Мартъ 1843).

Здѣсь *всѣ* васъ любятъ, вами сердечно интересуются, а тѣ, кого воображаете врагами, печатали глупыя возраженія, будто бы для защиты собственнаго достоинства. И они всѣ отдаютъ вамъ справедливость; вѣдь нельзя же не признаться, что вы сами затрогали. А то, что̀ меня огорчило, было сказано, чтобъ огорчить меня; и когда я стала добираться, отъ кого эти слухи вышли, вышло, что я сама ихъ выдумала. Слѣд. прочь все вздорное; вы знаете, что мое сердце вамъ принадлежитъ, и я знаю, что вы меня любите, и буду полагаться на вашу дружбу до самыхъ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлаетесь канцле-

---

[2]) Т.-е. два младшіе сына А. П. Елагиной, Андрей и Николай Алексѣевичи. П. Б.

ромъ, а можетъ быть и послѣ. Письма ваши—моя собственность, и будь тамъ одно слово не для всѣхъ, я не дамъ *никому*. Такъ сдѣлала и съ послѣднимъ, изъ котораго сообщила только стихи Владыки [1]). Но на что смущать души наши этимъ вздоромъ? Сохранимъ Божій миръ, и Господь да проститъ и намъ, и имъ! Теперь у васъ Стаховичъ. Перемѣнилъ ли его пріѣздъ ваши планы? Сказалъ ли онъ что нибудь отрадное вашему сердцу, вашимъ надеждамъ? Боюсь и волненій *неоправданныхъ*, и пустаго ожиданія; но если... жду своей доли и также съ немалымъ волненіемъ. Во всякомъ случаѣ *съ нимъ* вы можете распорядиться иначе своимъ путешествіемъ и съѣздить въ Парижъ. Условьтесь съ Васильемъ; по моему всего лучше не разставаться. Съѣздите всѣ трое вмѣстѣ въ Италію и въ Парижъ. Прежде бы въ Парижъ, осенью въ Италію, или зимою, а весною домой. Теперь оканчиваются лекціи. Пошлите силой Василья въ Дрезденъ, мой милый Дрезденъ. Да еще, какъ вамъ не съѣздить къ Жуку [2])? Весна, Рейнъ, Жуковскій, Саксонія, тамъ Минхенъ и Венеція, а тамъ прочіе господа. Книги можете черезъ Мансурова переслать въ Универс. на имя Грановіуса, а съ собой возить только нужное. Жаль мнѣ, что нельзя послать васъ за Языковымъ въ Римъ. Они за что-то разстались съ Гоголемъ, и я не могу безъ страданія вообразить этого младенца-Языкова, завезеннаго въ Римъ и одного брошеннаго. Его надобно повезти въ Гаштейнъ и оттуда домой. Кто теперь это сдѣлаетъ? Братья его (два) здѣсь, и каждому есть *свое* дѣло, то-есть ровно ничего. Наши юноши восхитились поступкомъ Мишеля [3]). Грановскій, Герценъ, Кетчеръ писали къ нему и дружески протянули руки, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ. Я не раздѣляю этого восторга, потому что не вижу цѣли доброй. Павелъ былъ здѣсь на минуту и отправился въ Прямухино. Катковъ былъ у меня два раза и жду еще сегодня. Знаете, что приказано замѣстить всѣ каѳедры и каѳедру философіи тоже? На нее нѣтъ еще никого въ виду, и отъ васъ зависитъ написать о томъ къ графу: каѳедра можетъ остаться за вами, а путешествіе совершите на собственный счетъ. Отъ Университета посылаются Мюльгаузенъ (въ адъюнкты Крылову), Леонтьевъ и Пѣховскій для Греческаго и Латинскаго; а другія каѳедры не имѣютъ еще никого въ виду, хотя должно предложить вышедшимъ кандидатамъ. Боюсь Калачева: его предложатъ за неимѣніемъ другаго, а глупѣе мудрено. Васѣ и

---

[1]) Т.-е. стихи Владыки Черногорскаго. П. Б.

[2]) Т.-е. къ В. А. Жуковскому въ Дюссельдорфъ. П. Б.

[3]) Извѣстнаго демагога Бакунина, который разочаровалъ въ себѣ друзей своихъ много позднѣе; упоминаемый ниже Павелъ—братъ его. П. Б.

вамъ слѣдуетъ написать, и все будетъ устроено. Заочно совѣтывать мудрено; кто знаетъ, куда теперь обращены ваши мысли? Наблюдайте только за собою во время счастія, берегите душу, а несчастіе васъ не испортитъ: съ нимъ умѣете бороться. Князь Хилковъ [4]) пришелъ ко мнѣ въ день смерти сестры своей, горячо имъ любимой; вся душа его была полна одною молитвой, и я съ благоговѣніемъ смотрѣла, какъ онъ стоитъ высоко и съ какой дѣтской простотою несетъ крестъ. Отыщите пожалуста *Гослера*. Неандръ знаетъ, гдѣ онъ живетъ, и дайте объ немъ вѣсточку князю. Что̀ ваше рисованье? Что̀ записки? Вообще что̀ вы? Что̀ дѣлаете? Чѣмъ живете? *Хорошо ли вамъ?* Гдѣ бы вы ни кликнули: *слышишь-ли*, батько? Я вездѣ откликнусь: слышу! Въ счастіи и въ горѣ—все равно.

Вотъ вамъ стихи Лермонтова inédits:

1.

Сонъ.

Въ полдневный зной, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я:
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь струилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины.
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня; но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Въ тотъ разговоръ веселый не вступая,
Межъ нихъ одна задумчива была:
Въ глубокій сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Глубокая въ груди чернѣлась рана
И кровь текла хладѣющей струей.

---

[4]) Князь Дмитрій Александровичъ. П. Б.

2.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утромъ въ путь она умчалась рано.
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса; одиноко
Онъ стоитъ, задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ.

6.

30 Сентября (1843).

Наконецъ, письмо отъ васъ, хотя грозное и ничего не описывающее. Вы такъ гнѣваетесь, что не сказываете ничего о себѣ, ни вашихъ впечатлѣній, ни радостей, ни знакомствъ. Я этого не заслужила. Я писала къ вамъ въ Римъ два раза, безотвѣтно; это третій. Я радовалась, что вы въ Италіи и не только не говорила: *зачѣмъ?* но даже посылала туда Василья и досадовала, что онъ не ѣдетъ. Больше другихъ я вѣрю могуществу искусства и знаю вашу способность принять и почтить великое. Какъ могу я думать или сказать, что вы напрасно имъ наслаждаетесь? И тогда бы не напрасно, когда бы было *одно* наслажденіе: и оно поднимаетъ душу, наполняетъ ее добромъ, а оттуда выйдетъ и польза. Богъ съ вами! Чтò вамъ за радость винить вашихъ истинныхъ друзей? Здѣсь васъ никто не забылъ; о себѣ не говорю. Недавно былъ у меня Лубянскій отецъ Тимоѳей и плѣнилъ меня умомъ своимъ и простотою. Я показала ему вашъ дагеротипъ; онъ поцѣловалъ его, съ такимъ милымъ, душевнымъ стремленіемъ, что я сама готова была его обнять. Самарина и Кавелина диссертацію еще читаютъ, а защищать, кажется, еще не скоро будутъ. Аксаковъ своей еще не кончилъ—все лѣто страдалъ лихорадкой. Грановскій съ Ноября будетъ читать публичныя лекціи Средней Исторіи; это еще первый опытъ въ Россіи (Мерзлякова галиматію считать нечего). Валуевъ въ Англіи, оттуда въ Парижъ. Если вы тамъ встрѣтитесь, то можно бы возвратный путь совершить вмѣстѣ. Впрочемъ онъ зимою возвратиться собирается. Если вы еще съ Моллеромъ, скажите ему, что онъ во мнѣ имѣетъ на весь вѣкъ преданнаго и благодарнаго человѣка.

Литература наша отличается перебранками Шевырева съ Галаховымъ (вамъ знакомый) за христоматію, и чуть ли это не единственное явленіе. Пріѣзжайте-ка съ новостями!

7.

26 Ноября (1843).

23-го, въ день вашего тезоименитства, Грановскій читалъ первую публичную лекцію; публика была многочисленная, дамы внимательны, лекція превосходная, хотя онъ смутился; еще просто введеніе въ исторію и взглядъ на способы преподаванія. Какую дивную проложилъ онъ дорогу приватъ-доцентамъ!

Что̀ же вы *работаете*? Какъ не сказать? Какъ жду я васъ! Какое вы живое счастіе въ моей тихой затворнической жизни! Здѣсь больной Языковъ; но и къ тому я не всегда въ силахъ добраться. Но что̀ объ этомъ! Живъ Богъ, жива душа моя и полна любви. Привезите мнѣ вашъ портретъ. Ахъ, еслибы Моллеромъ! Но что̀ дѣлать Иванову? Вѣдь Ивановъ долженъ *меня* потѣшить: онъ любилъ Рожалина. То-то мы съ вами будемъ мазать! То-то я слушать стану ваши разсказы! Книги везите непереплетенныя: Ефремовъ за переплетъ заплатилъ 230 серебромъ. Привезите лучшихъ дѣтскихъ книгъ, методъ воспитанія для моей библіотеки. А ценсура будетъ въ Ригѣ, такъ какъ вы сухимъ путемъ пріѣдете.—Осмотрите Ригу, тамъ Невѣровъ; и Дерптъ, тамъ Шенигъ *), мнѣ родня. Къ диспуту Самарина вы поспѣете.

8.

16 Марта (1844).

Я могу иногда побранить васъ будто бы, а иногда и въ правду; но моя брань—любовь. Такъ любить, какъ я васъ, можно только сына, слѣд. мои замѣчанія, сказанныя всегда вамъ самимъ, нисколько не могутъ оскорбить; а Валуевъ или иной кто, не я, и ихъ замѣчанія ничего со мною общаго не имѣютъ.—Мархейнеке и брошюры какъ ни интересны, но вдвое меньше того, что̀ до васъ касается, и потому извольте объ нихъ писать прочимъ господамъ; мнѣ же нужно, крайне нужно знать все прочее. Какъ *вы* живете? Съ кѣмъ знакомы? Были ли у васъ вечера? Почему не хотите съ Гагаринымъ пуститься въ городокъ Парижъ? Василій, вы и Гагаринъ славное бы тріо составили, и всѣмъ бы любо было! Самаринъ читалъ вчера свою диссертацію

*) Попечитель Дерптскаго учебнаго округа, Николай Игнатьевичъ Шенигъ, котораго Записки помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1880 и 1881 годовъ. П. Б.

у Хомякова, вторую часть. По сему чтенію столько возникло споровъ, что половины не кончили, и будутъ читать еще завтра. Это историческая часть его диссертаціи, и я очень жалѣю, что не слыхала. Кавелинъ пріѣхалъ защищать свою; вѣроятно въ Маѣ получитъ и онъ вѣнецъ славы. Тогда у меня выйдетъ другой кандидатъ—Никола. Не знаю, пустить ли его къ вамъ; а мнѣ бы хотѣлось пустить его просто посмотрѣть на свѣтъ и Европу, слѣд. прямо въ городокъ. Языковъ сокрушается, что съ нимъ никого нѣтъ, кто бы привезъ его сюда въ Іюнѣ; въ Маѣ поѣдетъ онъ въ Гаштейнъ, а оттуда уже черезъ Вѣну домой. Я писала уже вамъ, что Стр. готовитъ для васъ каѳедру философіи; поэтому соображаясь, вы можете и должны все нужное сдѣлать для пріобрѣтенія недостающихъ свѣдѣній, т.-е послушать Парижскихъ лекцій. Впрочемъ Шеллингъ чуть ли не *все* нужное совмѣстилъ.

9.

18 Февраля 1846 (Петрищево).

Я рада, что вы *служите* и *дѣйствуете*. Вокругъ меня такая лѣнь, такая непростительная неповоротливость, что на васъ весело остановиться мыслью. Я увѣрена, что служба именно ваше призванье, и нигдѣ вы такъ полезны не будете. Идите, идите, не забывая ни одного благороднаго стремленія, ни одной великодушной мечты. Но смотрите же, не забывайте ихъ; не научайтесь смѣяться тому, чтó прежде было свято, и согрѣвайте душу сколько возможно. Дружба уже съ вами; а любовь еще въ проектѣ, слѣдовательно: виватъ жизнь! Пишите мнѣ о себѣ больше какъ можно. Съ кѣмъ знакомы? Съ кѣмъ близки? Какъ ведете свободное время? Кланяйтесь моему доброму Веневитинову, Одоевскому. Самарина поздравьте съ камеръ-юнкерствомъ и напомните обо мнѣ. Познакомились ли съ Далемъ? Устроили ли нашъ Архивъ? Пишите ли, наконецъ, другое чтó, а не сенатскія бумаги?

10.

24 Сентября 1846.

Очень давно я къ вамъ не писала, хотя ваше письмо (также около полугоду назадъ полученное) было мнѣ отрадно и нужно. Человѣкъ не избавитъ отъ скорби, посланной Богомъ; но утѣшительно чувство, что другъ сострадаетъ намъ. Вы напрасно такъ со мной замолчали; все, чтò васъ касается, мнѣ дорого и все, чтó вы дѣлаете, близко. Хорошо ли вамъ? Какъ идетъ ваша служба? Получили ли вы какое-нибудь сообразное мѣсто? Какъ удалась исторія уголовнаго

права? Гдѣ вы теперь живете? Дайте адресъ. Съ кѣмъ ближе и кого любите? Я знала, что добрый нашъ Веневитиновъ придется вамъ по сердцу и рада общимъ прекраснымъ похваламъ женѣ его. Скажите объ Одоевскомъ. Мы живемъ совсѣмъ отчужденные отъ всего дѣйствующаго міра; одинъ растительный въ глазахъ у насъ и насъ нѣсколько занимаетъ, т.-е. требуетъ нашей дѣятельности; а занимаетъ мысли наши конечно уже больше то, чего мы не касаемся.—Близки ли вы съ Самаринымъ, все такъ же ли онъ уменъ и также въ модѣ? А Строгановъ? Однимъ словомъ, дайте подробную вѣсть о себѣ и откликнитесь полнымъ отчетомъ. Мы работаемъ прилежно на отдѣлку придѣла при нашей церкви; тамъ положенъ нашъ кормилецъ-хозяинъ [1]). Хотѣлось бы всѣ нужныя украшенія сдѣлать самимъ и чтобы всѣ любящіе его дали что нибудь своего. Я пишу и шью образа; еслибы вы были здѣсь, вы помогли бы; я пишу масломъ, но выучилась и иконописи; это гораздо легче. Никола тоже работаетъ что̀ можетъ около иконостаса; всѣ три дочери шьютъ бисеромъ, и золотомъ, и шелками. Никола начинаетъ понимать хозяйство. Нововведеніе ихъ было то, что они отдали крестьянамъ больше половины земли и отдали лучшую; желаемъ, чтобъ они были довольны около насъ. Въ Москву нынѣшній годъ не будемъ: совершенно пусты карманы, и остались долги, которыхъ я не ожидала. Дѣти мои больше чѣмъ скромны въ жизни и желаніяхъ; имъ управиться будетъ не трудно. Каждый лишаетъ себя охотно и весело и собственно себя не ставитъ цѣлью стремленью.—Скажите что нибудь и о литературѣ. Мы здѣсь заглохли. Языковъ прислалъ мнѣ Овербека Чижова; есть горячія страницы, и немногіе такъ душевно пишутъ. Что̀ это будетъ за газета Петербургская? Будете ли вы сотрудникомъ?

Жду отъ васъ длиннаго, хорошаго письма. Оно нужно не уединенію моему, а сердцу. Нельзя пересказать, какое горькое уныніе наполняетъ его, и какъ тяжело мнѣ то участіе, которое заставляю себя принимать въ жизни. Потому-то рука друга и благословенна.

Простите, мой милый Попинька. Да благословитъ васъ Господь! Дѣйствуйте въ мирѣ и благодати. Будьте здоровы и любите насъ.

11.

Ваша дружба мнѣ дорога и всегда дорога будетъ, хотя бы вы взлѣзли въ министры. Но до этого успѣете вы меня похоронить [2]). Я

---

[1]) Скончавшійся въ Мартѣ этого 1846 года супругъ А. П. Елагиной, Алексѣй Андреевичъ. П. Б.

[2]) А. Н. Поповъ пережилъ А. П. Елагину всего на полгода. П. Б.

очень, очень больна стала: у меня вся спинная кость и весь затылокъ распухли, и въ головѣ жестокая боль, такъ что и маленькую страничку мнѣ тяжело наваракcать. Но конечно и страданія тѣлесныя нужны, хотя я несогласна съ тѣми, которые причисляютъ ихъ себѣ добровольно и изнуряютъ тѣло для спасенія души. Думаю, что можно возвысить душу, не занимаясь тѣломъ, и даже mens sana и пр. Мы сидимъ тихо, смирно и мирно; работаемъ для новаго придѣла, гдѣ лежитъ мой Алексѣй Андреевичъ; тамъ все будетъ нашими трудами: Лила вышиваетъ одежду на престолъ, Маша воздухи, Катя налой для образа. Образа даже пишемъ сами, и удавалось объ васъ вздохнуть. «Où es-tu, Crillon!» *) То-то вы бы подвизались тутъ же! Что-то ваши настоящіе подвиги? Отчего вы о себѣ изволите такъ поверхностно писать? Я все знать хочу. Вижу ваши статьи во многихъ мѣстахъ и ими радуюсь. Успѣвайте и укрѣпляйтеть! Вѣдь жизнь дана не на сонъ.

Скажите мнѣ что́ новаго въ литературѣ и въ мірѣ, и какъ вы дѣйствуете и веселитесь? Съ кѣмъ близки? Я здѣсь какъ копна; ничего не знаю, ничего не слышу, никого не вижу, и жду, чтобы въ свое время убрали меня въ житницу. Затѣмъ да благословитъ васъ Богъ!

Декабря 16-го 1846.
Петрищево.

Письмо М. В. Кирѣевской.

Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ!

Въ послѣдній разъ, какъ мы съ вами видѣлись, вы обѣщали мнѣ когда-нибудь доказать ваше могущество и ваше доброе расположеніе къ намъ. Теперь наступило это время. Вотъ въ какихъ тяжкихъ обстоятельствахъ мы находимся. Архіерей, по просьбѣ и проискамъ нашего стараго священника, прислалъ намъ вдругъ молодаго священника, совершенно противъ нашего желанія и именно того, котораго бы намъ никакъ не хотѣлось. Не можете вообразить, какъ это непріятно, кромѣ того, что наша гордость страдаетъ тѣмъ, что не спросили даже и нашего согласія. Но это уже такъ и быть, а главное то грустно и тяжело, что маминька терпѣла нашего стараго священника (хуже котораго конечно не бываетъ), снисходя только къ его старости, и мы надѣялись послѣ него имѣть уже *настоящаго* священника, благочестиваго; а теперь вдругъ онъ неожиданно посадилъ намъ своего какого-то родню, который вмѣстѣ съ нимъ будетъ жить, подъ его покровительствомъ, слѣдовательно будетъ таже закваска, тѣже обычаи!—

*) Криллонъ—другъ и сподвижникъ Генриха IV-го. П. Б.

Спасите насъ. Нельзя ли *свыше* замолвить за насъ слово преосвященному Димитрію, епископу Тульскому (о которомъ только и слышится что хорошее, и теперь, въ этомъ случаѣ, онъ вѣроятно былъ введенъ въ заблужденіе разными дурными происками). Сдѣлайте, чтобы намъ дали другаго священника, перевели бы этого на другое мѣсто, а намъ дали бы по нашему желанію. Для князя Хилкова сдѣлали же это по одному слову графа Протасова; еслибы онъ и насъ рекомендовалъ преосвященному какъ вашихъ хорошихъ знакомыхъ, слѣдовательно достойныхъ имѣть хорошаго священника, милый Александръ Николаевичъ, вѣчно мы были бы вамъ благодарны. Крѣпко я на васъ надѣюсь, что вы ревностно объ насъ похлопочите, примете къ сердцу наше горе и докажете намъ вашу дружбу и могущество. Сдѣлайте милость, отвѣчайте мнѣ.

Душевно вамъ преданная Марья Кирѣевская [1]).

17 Августа 1851 года.
Село Петрищево, Бѣлевскаго уѣзда.

12.

Хочу ли я, чтобъ вы ко мнѣ писали! Попробуйте спросите у голоднаго: хочетъ ли онъ идти обѣдать къ графу Віельгорскому или къ Муханову! (Видите ли, что я верчу васъ въ вашемъ кругѣ!) За что не любите вы прошедшаго? Отъ него отворачивается только дурная совѣсть; а тотъ, кому грустно только *зачѣмъ* оно прошло, можетъ утѣшить себя неподлежащей никакому сомнѣнію мыслію, что *оно тутъ* стоитъ вѣчно, *неизмѣняемо* и неповоротливо. Оно-то и должно давать силы на дѣйствія, потому что неразрывно связано съ настоящимъ. А я такъ люблю васъ вспоминать въ прошедшемъ: вашъ курсъ, гдѣ вы выдавались надъ всѣми, не смотря на миніатюрность; ваше дружеское съ нами знакомство, театры съ хлопушками, лекціи Гегеля, сѣрыя утицы, Люблино съ Французскими письмами (что̀ была немалая глупость) и пр. и пр.; даже болѣзнь вашу, которая такъ меня огорчала; даже всѣ мои ворчанья за вашу вѣтренность и всѣ ваши вспышки. Нѣтъ, оно не во прахѣ, прошедшее; а миръ ему, для того, чтобы миръ былъ и въ настоящемъ. Ихъ надобно не только примирить, но и подружить.

О будущемъ же согласна съ вами: пусть имъ распоряжается Тотъ, Кто знаетъ, куда ведутъ всѣ пути. Если не терять изъ виду, что живемъ подъ Его надзоромъ, то жизнь будетъ хороша. Вѣдь, желая моихъ писемъ, вы позволяете мнѣ болтать, какъ старухѣ, все какъ

---

[1]) Старшая дочь А. П. Елагиной, скончавшаяся 14 Сентября 1859 г. П. Б.

приходится подъ перо, слѣд. я и ворчать буду. Зачѣмъ вы радуетесь комфортомъ? Развѣ не знаете, сколько онъ отнимаетъ силъ?

Теперь благодарность за старанія о попѣ. Письмо не имѣло никакого дѣйствія и не произвело ничего; но я желала только рекомендаціи, а не прямо требованія о переводѣ. Да и Тимоѳеи Лубянскіе рѣдки; ихъ врядъ ли въ Тульской губерніи достанешь. Знаете ли, что во всей губерніи нѣтъ святительскихъ мощей? Вообще святыня, кажется, не касалась ея границъ; за то неправда—на неправдѣ. Спросите у князя Хилкова, какъ онъ не вынесъ двухъ недѣль губернаторства. Видаете ли вы моего дорогаго князя Хилкова? Скажите мнѣ и о князѣ П. Вяземскомъ; говорятъ, онъ былъ боленъ. Я его сердечно уважаю, и надобно, чтобы такіе люди оставались на свѣтѣ. Вѣдь нуженъ же перевѣсъ, т.-е. одного на 10 тысячъ.

Поѣду ли въ Москву? Развѣ въ Генварѣ, и то невѣрно. Долгая сухая осень грозитъ дурнымъ урожаемъ; а мы деревенскіе боимся голоду и жаждемъ снѣгу. Петръ теперь пріѣхалъ ко мнѣ, и завтра будемъ вмѣстѣ праздновать ваши имянины. Прошу за воспоминаніе о насъ выпить рюмку чего нибудь крѣпкаго, только не уксусу. А у насъ будетъ похожее на васъ Шампанское.

Нѣтъ, милый Поповъ, не кружитесь пожалуста. Пейте живую воду бодрой дѣятельности и безъ тумановъ и вихрей смотрите на прямую истину.

22 Ноября, Петрищево (1851).

13.

18 Генваря 1852 г.

Куда вы умны, милый Поповъ! Заставляете меня благодарить васъ за ваше молчаніе и считать его знакомъ дружбы. Не кривляйте факты, милостивый государь! Пусть лѣнь будетъ лѣнью, а дружба терпитъ и взысканій не знаетъ. Знайте однакожъ, что ваше письмо принесло мнѣ удовольствіе, когда утѣшенія нужны были душѣ моей: Никола мой былъ очень боленъ. У его постели, съ ужасно сжатымъ сердцемъ, встрѣтила я новый годъ. Опять высокосъ! Да еще и 13-й! А эти высокосы смотрятъ на меня такъ косо. Впрочемъ всякое суевѣріе исполняется по вѣрѣ. Я боюсь *чего-то*, а суевѣрничать не желаю. Да будетъ Божья воля!

Почему вамъ досадно, что вы любите прошлое? Оно у васъ было прекрасно. Все, что можно было сдѣлать хорошаго, вы сдѣлали: въ ученьи были первымъ; въ жизни пріобрѣли друзей и—par contre coup—завистниковъ; взошли на поприще, гдѣ можно дѣйствовать и дѣлать много добраго. Не только не отворачивайтесь отъ прошлаго,

но дайте ему другое имя, чтобы больше полюбить. Назовите его *женою* вашей; вѣдь оно неотвязно при васъ, и ваше настоящее каждый день будетъ украшать его какимъ-нибудь нарядомъ. Можно ни въ чемъ не успѣвать, но къ сожалѣнью, а не къ раскаянью. Доброе намѣренье—тоже ожерелье женѣ. Мои 63 года даютъ мнѣ право совѣтывать, и я, любя васъ, какъ сына, скажу вамъ: живите въ присутствіи Божіемъ и ищите правды Его; тогда ваше всякое дѣло освѣтится и будетъ вамъ ясно, и жизнь будетъ драгоцѣнна. А на совѣтъ нечестивыхъ не ходите, какой бы ни былъ тамъ комфортъ.

Письмо къ архіерею не сдѣлало никакого эффекта, да и мудрено мнѣ было перевести сюда отца Тимоѳея Лубянскаго. Послушали бы вы проповѣдей нашего семинариста, гдѣ, напримѣръ, онъ доказываетъ, что образованіе, полученное по милости правительства, лучше всякой добродѣтели, и потому должно всякому мужику снимать шапку передъ попомъ.

Обнимаю васъ, душа моя и прошу вамъ у Бога побольше силы, поменьше комфорту, побольше твердаго духа, веселости, свѣтлости и поменьше ни къ чему негодной скуки. Сверхъ того еще дай вамъ Богъ горячей любви къ любящимъ васъ друзьямъ, вслѣдствіе чего и меня не забудете.

14.

14 Декабря (1852)

Не хочется мнѣ отвѣчать шутками на ваше жалобное письмо. Если мое серьезное болтанье прибавитъ еще вашей скуки, то въ этомъ будетъ виновато настроеніе вашего духа, а не мое желаніе. Вы не понимаете моего взгляда на ваше положеніе. Сколько-нибудь постараюсь растолковать его. Вы молоды, умны, не лѣнивы, занимаете въ службѣ значительное мѣсто, въ свѣтскомъ кругу тоже. Гдѣ же тутъ человѣку съ душею пріютить скуку? Дѣятельность, удача въ трудѣ и отъ того довольство не есть фарисейство. Не нужно вообразить себя лучше другихъ для того, чтобы работать съ возможною пользою. Ищите не забавы, а труда, и душа прояснится.

Такъ, благо тѣмъ, кому безъ взятокъ
Придется здѣсь разовъ десятокъ
Слезу невинныхъ утереть.

Здѣсь есть одинъ старикъ *Гаасъ* (вѣроятно вы его знаете); онъ цѣлые дни и ночи проводитъ то въ острогѣ для утѣшенія ссыльныхъ, то у постели умирающихъ. Это совсѣмъ не забавно, но навѣрное *не скучно.* Онъ самъ умиралъ недавно, и хорошо было видѣть эту ясность

души готовой (теперь онъ здоровъ). То, что́ ему можно дѣлать, то доступно и каждому. Не въ острогѣ, не въ больницахъ, а просто *на дѣятельной службѣ добру и братьямъ* находятся смиреніе и ясность душевная. Фарисейство обрѣтается отъ салонныхъ похвалъ, а трудъ полезный мужика за сохою идетъ безъ похвалъ и *безъ скуки*. Въ этой скукѣ такая неблагодарность къ Богу, что досадно. Скука эта—право фарисейство. Она значитъ: я-де лучше другихъ, если ничто меня не удовлетворяетъ. Да позвольте спросить: читаете ли вы «Отче Нашъ»? Если читаете *съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой*, то какимъ образомъ святите вы имя Отца Небеснаго? Какая скука доступна тому, кто дѣлаетъ дѣло Божье на землѣ?

Порвались всѣ струны сердца, говорите вы. Если была въ сердцѣ когда-нибудь *любовь*, то эта струна не порвется. Счастіе, надежды, пустыя мечты—иное дѣло; но до нихъ и нужды нѣтъ. Безъ счастья, безъ мечтаній душа можетъ жить ясно и благодарно. Вѣдь вы вѣроятно вѣрите безсмертію души?

Хомяковъ еще не пріѣхалъ; вчера пріѣхала Марья Алекс.; я ея еще не видала; а Алекс. Степ. будетъ только къ празднику.

Не будете ли вы къ намъ на Святки? Наше житье-бытье не стоитъ вашихъ вопросовъ: мы живемъ такъ тихо, что одинъ день, какъ другой. Рѣшительно прошу простить мое письмо, если оно вамъ надоѣло.

Здѣсь есть художественная выставка, гдѣ между многими плохими картинами выставленъ коверъ, вышитый по канвѣ штабсъ-капитаномъ. Вотъ вамъ еще рецептъ отъ скуки.

15.

5 Мая 1856.

Мой любезный Александръ Николаевичъ! Хотя вы давно не даете о себѣ ни малѣйшей вѣсти, но все же не слѣдуетъ вамъ забывать меня, и я намѣрена изрѣдка ставить вѣхи, по которымъ вы можете добраться до прежняго вами любимаго друга. Сегодня пусть вѣха моя будетъ порученіе не слишкомъ для васъ трудное, а для меня весьма нужное. Исполните его и напередъ вѣдайте, что я вамъ весьма благодарна. Вотъ оно. Въ Маѣ 1855-го года отправлена изъ здѣшняго Цензурнаго Комитета рукопись: Исторія Сербіи, соч. Ранке, *пер. съ Нѣм. Бартенева* *), въ главное правленіе цензуры. Сіе послѣднее препроводило ее въ цензуру Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Въ Генварѣ 1856-го первая часть рукописи дозволена къ напечатанію и возвращена переводчику. Теперь просимъ о пропускѣ второй части.

*) Это я! П. Б.

даже хотя въ отрывкахъ. Пожалуста, будьте на этотъ разъ всемогущи: тогда получите отъ меня письмо обо мнѣ. Покуда вѣрьте, что я ваша.

16.

12 Іюля (1855).

Увѣрена, что еслибъ мы остались въ Москвѣ и продолжали бы видѣться часто, вы подѣлились бы со мной тѣмъ горемъ, которое тяготило васъ одинокаго; вы догадались бы, что имѣете во мнѣ неизмѣннаго, крѣпкаго друга. Я могу молчать и удалиться, когда я не нужна вамъ ни на что, когда вы полны удачею и успѣхами. Впрочемъ чувствую, что это несправедливо. Человѣкъ, отуманенный мірскимъ счастіемъ, больше еще нуждается въ *истинномъ* другѣ, нежели скорбный. Какъ бы то ни было, ближе меня душею никто къ вамъ не будетъ. Чрезвычайно радостно было мнѣ васъ видѣть съ такимъ хорошимъ направленіемъ, жаждущаго пользы, дѣятельности, добра. Сохраните вашу душу, мой дорогой Поповъ, *не угашайте Божьяго духа* и забывайте себя. Послѣ отыщите себя опять въ совѣсти и тогда счастливы будете. А обо мнѣ думайте, что пока я жива (что̀ вѣроятно не долго будетъ), ваша дружба мнѣ—радость, утѣшеніе, счастіе, и не пугайте и безъ того робкаго сердца моего равнодушіемъ и молчаніемъ. Скажу вамъ даже и то, что мнѣ пріятно было видѣть въ письмѣ, что вы по прежнему *вѣтрены*. Пусть эта вѣтренность остается въ беззаботности характера и ума и, не доходя до связей сердца, облегчаетъ вамъ житейскія скуки. Никола заложилъ домъ, снявъ фасадъ съ церкви Василья Блаженнаго. Когда онъ будетъ готовъ, можетъ статься и вы пріѣдете встрѣтить вмѣстѣ новоселье. Вѣдь это не такъ-то далеко, и если свѣтъ для того великъ, чтобъ мы по немъ рыскали, то есть на немъ маленькія огорожи, куда весело тѣсно собраться.

17.

Я не сержусь, и главное не *мщу*, а грустить никакой здравый смыслъ не помѣшаетъ. *Вамъ* нельзя смѣть не признавать дружбы; *моя* вамъ извѣстна и сомнѣнію не подлежитъ. Я объ васъ *всякой день* знала и знаю, слѣд. не забыла, а не была у васъ потому, что теперь вамъ не скучно, а дружбу прочь. Не все ли равно, кто забавляетъ васъ? Можете не признавать во мнѣ даже здраваго смысла; но я разсуждаю сердцемъ, и оно мнѣ ясно говоритъ, что я заслуживала *полную* довѣренность.

III. Письма А. И. Кошелева къ А. Н. Попову.

1.

7-го Іюня 1849 г.

Сейчасъ узналъ я, почтеннѣйшій Александръ Николаевичъ, что 23 Мая состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу коего дозволено ѣхать за границу только въ Англію. Я отправилъ 4-го Мая просьбу о дачѣ мнѣ паспорта если не въ Германію, то въ Голландію. Теперь спѣшу къ вамъ писать и сказать, что если министръ затруднится въ выдачѣ паспорта въ Голландію, то потрудитесь передать ему прилагаемое письмо, съ коего копію при семъ прилагаю. Я согласенъ ѣхать и въ Англію, ибо морскія ванны намъ необходимы. Теперь я надѣюсь, что никакихъ затрудненій не будетъ и что мы получимъ паспортъ въ Англію.

2.

Остенде, 29 Августа (10 Сентября) 1849 г.

Время свое провожу хорошо: читаю много, осматриваю все, что̀ могу, но пуще всего всматриваюсь въ Европейскій ералашъ. Теперь все тихо, смирно, но едва ли на долго. Партіи стоятъ слишкомъ непріязненно одна къ другой. Конечно не легитимисты, не бонапартисты, не орлеанисты опасны во Франціи; конечно не католики, не либералы страшны въ Бельгіи и пр. пр.; но вездѣ, т.-е. во всей Европѣ, пролетаріи грозятъ броситься на людей, имѣющихъ собственность. Коммунизмъ не побѣжденъ; онъ все болѣе и болѣе распространяется. Теперешнее спокойствіе есть лишь станція. Коммунизмъ какъ ни нелѣпъ самъ по себѣ, но онъ краснорѣчивъ для людей ничего неимущихъ и не желающихъ работать. Вообразите, что здѣсь въ Европѣ дошло до того, что въ городахъ треть жителей пользуется общественнымъ вспомоществованіемъ (vit d'assistance publique). Число бѣдныхъ вездѣ быстро увеличивается; и причиною тому не временныя или личныя обстоятельства, но единственно то, что бѣдные лѣнтяи поняли, что богатые ихъ боятся, что послѣдніе рады уступить имъ часть, лишь бы не лишиться всего и что гораздо лучше лежать, чѣмъ работать. Вчера былъ я въ Брюгге. Тамъ изъ 48 т. жит. 15 т. получаютъ дневное пропитаніе; въ Гарлемѣ изъ 60 т. жит. 23 т. также живутъ милостынею. И число бѣдныхъ не убавляется по временамъ, но постоянно прибавляется и возрастаетъ. Въ Америку уѣзжаютъ не бѣдные, а люди съ достатками. Пролетаріатъ есть корень всѣхъ золъ матеріальныхъ въ Европѣ, какъ безвѣріе есть источникъ бѣдъ нравственныхъ. И мнѣ

кажется, одно также трудно изгнать, какъ другое, и много, много предстоитъ еще Европѣ, прежде нежели она войдетъ въ гавань. Блистательное окончаніе Венгерской войны произвело вездѣ чудное движеніе. Лучше всего то, что Маджары положили оружіе не передъ Австрійцами, а передъ Русскими. Знаете, это всѣхъ здѣсь изумило.

3.

1-го Февраля 1850 года. Москва.

Я собираюсь на Рязанскихъ выборахъ въ Декабрѣ предложить учрежденіе губернскаго банка съ залогомъ имѣній не по душамъ, а по оцѣнкѣ земли. Мнѣ бы хотѣлось воспользоваться уставами Остзейскихъ и Польскихъ банковъ. Сдѣлайте милость, похлопочите объ этомъ; достаньте и ко мнѣ пришлите.

Москва чрезвычайно тиха и скучна. Даже мало разговоровъ. За то карты сильно истребляются. На дняхъ прошелъ слухъ о новой народной переписи. Справедливо ли это? И на какихъ основаніяхъ? Авось воспретятъ помѣщикамъ изъ крестьянъ брать во дворъ.

Глаза Хомякова все плохо поправляются, онъ не можетъ читать. По теплой погодѣ онъ выѣзжаетъ, но чуть холодно, и сидитъ дома. Вина пить не можетъ. Просто жаль на него смотрѣть. Восторгъ Аксакова не утихаетъ, и вы у него не въ милости, какъ человѣкъ слишкомъ положительный. Мельгуновъ очень боленъ глазами. Павловъ нюхаетъ табакъ и восхищается Французскою газетою Presse. Свербеевъ даетъ балы къ великому отчаянію Аксакова. Гоголь живетъ и пуще всего заботится о своемъ здоровьѣ. Кирѣевскій въ деревнѣ. Чадаевъ хлопочетъ о статьѣ Тютчева, помѣщенной въ Revue de deux Mondes объ Римскомъ вопросѣ и готовится писать возраженіе.

Кстати о статьѣ Тютчева. Хомяковъ ею доволенъ и хотя не апробуетъ всѣ мнѣнія, но вообще видитъ въ ней явленіе замѣчательное. По моему статья эта и написана неотлично, и содержитъ въ себѣ болѣе ложныхъ, чѣмъ истинныхъ мыслей. Его опредѣленіе слова революція, его понятіе о народной войнѣ—просто нелѣпости. Вообще фразъ много, а послѣдовательности очень мало. Въ критическомъ смыслѣ статья еще сносная, но живой мысли нѣтъ ни одной; а тѣ мысли, которыя Хомяковъ принимаетъ за живыя, по ошибкѣ зашли въ его статью.

Вчера Максимовичъ изложилъ намъ свой планъ для изданія азбуки Славяно-русской. Если исполнитъ какъ предполагаетъ, то азбука будетъ очень хорошая.

4.

2 (14) Сентября 1851 года (Лондонъ).

Я здѣсь такъ измученъ восхищеніемъ и восторгомъ, что по буднямъ не имѣю минуты свободной, а сегодня, для Воскресенья, пишу 6-е письмо, а потому скажу вамъ только, что очень, очень радъ, что я сюда пріѣхалъ, что Англія и выставка суть такія два чуда, передъ которыми вся остальная Европа есть тоже, что̀ ребенокъ передъ возмужалымъ человѣкомъ. Я былъ въ Англіи въ 1831 году и жилъ здѣсь болѣе мѣсяца, а теперь пріѣхалъ словно въ такую землю, гдѣ не бывалъ.

Пишу сегодня къ Хомякову. Модель его машины поступаетъ послѣ завтра на выставку. Брошюра напечатана, но къ сожалѣнію кромѣ расходовъ и разговоровъ толку для Хомякова не будетъ никакого. Англичане, по словамъ Коссовича, признаютъ новость принципа, но вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ совершенную невозможность машину Хомякова приложить къ дѣлу. Самъ я ничего не слыхалъ отъ Англичанъ, ибо никто еще ея не видалъ. Патентъ взятъ, и контрафакціи не будетъ: въ этомъ Хомяковъ можетъ быть покоенъ.

5.

Москва, 10 Февраля 1853 года.

Мы всѣ, дражайшій Александръ Николаевичъ, подъ гнетомъ дѣла Павлова. Вообразите, незнакомые встрѣчаются и говорятъ объ немъ. Это дѣло вопіющее до высшей степени. По жалобѣ тестя и жены взяли человѣка, стали рыться въ его бумагахъ, въ библіотекѣ, вездѣ искали причинъ къ обвиненію и 32 дня держатъ его въ тайномъ заключеніи. Предлагаютъ ему вопросъ за вопросомъ и сокрушаются, что на все онъ представляетъ оправданія. Говорили, что онъ разорилъ семейство; онъ доказалъ, что онъ увеличилъ ихъ состояніе. Говорили, что онъ имѣлъ незаконную связь; онъ отвѣчалъ, что его въ этомъ уличить не могутъ, но что въ его бумагахъ вѣроятно нашли переписку его жены съ студентомъ Г., котораго она уговаривала бѣжать въ Италію или Испанію. Нашли у него письма Бѣлинскаго, но вмѣстѣ съ двумя отвѣтными письмами Гоголя. Нашли у него запрещенныя книги, но старыя и такія, которыя у многихъ въ рукахъ. Думали, что въ перепискѣ найдутъ предлогъ, чтобы и другихъ засадить; но у Павлова одни дѣловыя письма, а дружеской политической переписки у него ни съ кѣмъ не было. Теперь, продержавши его 32 дня въ тайномъ заключеніи, не позволяя ему дышать свѣжимъ возду-

хомъ даже изъ форточки, теперь дѣло отправляютъ въ Петербургъ. Причиною всего этого была жена, которая, ослѣпленная ревностью и злобою, надѣялась его погубить; а начальникъ, одержимый страстью вмѣшиваться въ семейныя дѣла, принялся за это дѣло ревностно. Быть можетъ, что содѣйствовало къ усугубленію ревности воспоминаніе объ одной эпиграммѣ на Закревскаго, которая лѣтъ пять тому назадъ ходила подъ именемъ Павлова.

Теперь дѣло отправлено въ Петербургъ, и Павловъ долженъ въ заключеніи ожидать рѣшенія своей участи. Сдѣлайте милость, защитите, употребите всѣхъ людей кого можете, чтобы обратить на это дѣло вниманіе Дупельта и графа Орлова. Они будутъ докладывать Государю. Царь, конечно, хочетъ одного правосудія, но докладъ много значитъ. И докладчики, люди, могутъ не обратить вниманія, и дѣло вопіющее можетъ кончиться еще наказаніемъ безвиннаго. Жаль, что не отправили Павлова прямо въ Питеръ, тамъ дѣло было бы давно кончено; но здѣсь 32 дни продержали человѣка, безъ воздуха, въ заперти, и удивляюсь, какъ онъ еще не умеръ, если не сошелъ съ ума.

Пожалуйста, дражайшій Александръ Николаевичъ, подумайте, къ кому вы можете обратиться и употребите всѣ силы, чтобъ помочь этой жертвѣ неслыханнаго произвола.

6.

16 Февраля 1855. Москва.

Ив. Серг. Аксаковъ вступилъ въ ополченіе капитаномъ, въ дружину графа Ив. Петр. Толстаго. Выборъ Ермолова, не смотря на всѣ происки многихъ и разныхъ могущественныхъ лицъ, окончился 200 шарами направо и 9 налѣво. При провозглашеніи выбора было восторженное «ура», которое не переставало минутъ десять. Въ гостинныхъ рядахъ это извѣстіе произвело также сильное движеніе и великую радость. Спасибо и вамъ, что не забыли старика. Онъ помолодѣлъ, ожилъ, и говорятъ, что на него весело смотрѣть.

Что-то вы намъ дадите? Миръ или войну? Я убѣжденъ глубоко, что миръ невозможенъ и что война все болѣе и болѣе завязывается.

7.

15 Мая 1855. Москва.

Хомяковъ свое письмо къ Норову отправилъ вчера. Письмо написано какъ слѣдуетъ, и по этому письму Норову очень удобно доложить Государю. Вы съ своей стороны не забудьте помочь успѣху этого дѣла. Пожалуйста не пренебрегайте чѣмъ-либо и не мѣшайте Х. возможности снова писать и подавать свои сочиненія въ мѣстную цензуру.

8.

26 Сентября 1855 года.

Программа нашего журнала, осѣненная благословеніемъ отца Макарія (Оптинскаго) и митрополита Филарета, пошла въ ходъ. Редакторъ нашъ Филипповъ подалъ прошеніе за своимъ и моимъ подписомъ. Назимовъ обѣщался ему всѣми силами помочь въ этомъ дѣлѣ. Къ 3-му Октября ожидается въ Москву Норовъ. Филипповъ будетъ ему рекомендованъ Назимовымъ, одобренъ митрополитомъ, который очень благоволитъ къ Филиппову; сверхъ того онъ вручитъ Норову письмо отъ меня и будетъ просить его о содѣйствіи къ дозволенію журнала. Авось дѣло пойдетъ въ ходъ удачно.

Филипповъ явится къ вамъ съ письмомъ отъ меня, и вы помогите ему словомъ и дѣломъ. Если встрѣтятся какія-либо недоразумѣнія, то, съ общаго совѣта, разрѣшайте ихъ, какъ въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Если что̀ въ программѣ покажется въ Питерѣ щекотливымъ, то постарайтесь измѣнить такъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты. На счетъ сотрудниковъ, помогите Филиппову въ переговорахъ съ ними. Пригласите между прочимъ Тютчева. Отъ Тургенева надо достать повѣсть въ совершенно-русскомъ духѣ, ибо онъ иногда пишетъ и въ салонномъ вкусѣ. Тоже и объ Григоровичѣ и Писемскомъ. Въ Крыму есть Толстой, который пишетъ славныя статьи; хорошо бы его пріобрѣсти. Черезъ кого? Говорятъ, что онъ очень друженъ съ Тургеневымъ.

Что̀ сказать о современныхъ происшествіяхъ? Грустно, очень грустно, но жаловаться намъ нельзя. Сами виноваты. Вѣдь безнаказанно ума и духа не душатъ. Назначеніе Ланскаго министромъ и рескриптъ къ Орлову, въ которомъ Царь благодаритъ его за мѣры, принятыя имъ для внутренняго спокойствія, произвели вездѣ дѣйствіе чуть-чуть не худшее, чѣмъ даже наше выступленіе изъ Севастополя. Не время теперь читать зады и считать себя посреди вражьяго стана. Всѣ готовы грудью стать противъ враговъ и собою покрыть Царя; а назначеніе такого человѣка на такое важное мѣсто и благодарность за тайную полицію оскорбляютъ всѣхъ и каждаго глубоко. Царь у насъ добръ и благонамѣренъ; жаль, что онъ окруженъ людьми, которые не смѣютъ высказывать ему правду. Дѣло наше еще не плохо; жаль, что нѣтъ прежнихъ Долгорукихъ и Трощинскихъ.

9.

Москва, 14 Февраля 1856.

Вы знаете, дражайшій Александръ Николаевичъ, что подписка снята съ Хомякова. Аксаковыхъ, Кирѣевскаго и пр. и что оффиціальная бумага съ разрѣшеніемъ журнала получена; но вы, быть-можетъ, не знаете, что секретно предписано Ценз. Комитету имѣть строжайшее наблюденіе за духомъ и направленіемъ Русской Бесѣды и при малѣйшемъ сомнѣніи цензора представлять статьи сомнительныя въ Главное Управленіе Цензуры. Это предписаніе можетъ значить и много, и очень мало. А потому мы рѣшились, не объявляя объ журналѣ, представить наши статьи въ Цензурный Комитетъ, и по пропускѣ первыхъ статей мы увидимъ, въ состояніи ли мы или нѣтъ издавать журналъ.

Всѣ мы одушевлены сильнѣйшимъ желаніемъ работать; но неизвѣстность, подозрительность правительства и пр. убиваютъ всякое желаніе сдѣлать что-либо полезное. Мы видимъ, что цензура вообще сдѣлалась гораздо разумнѣе; отчего же не хотятъ насъ считать равноправными и насильно отъ себя отгоняютъ? Просто, это ужасно.

Знакомы вы съ Никитенкою и въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ? Когда статьи изъ Русской Бесѣды будутъ посланы въ Питеръ, то Норовъ отдастъ ихъ на прочтеніе вѣрно Никитенкѣ. и его мнѣніе будетъ мнѣніемъ и Норова. Нельзя ли на него подѣйствовать такъ, чтобъ онъ былъ благопріятенъ къ статьямъ?

10.

Москва, 1856 года 17 Февраля.

Здѣсь только и толку что̀ о томъ, что въ Питерѣ много толкуютъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Говорятъ, что много проэктовъ подано, что Комитетъ устраивается, и пр. пр. Напишите объ этомъ поаккуратнѣе и пообстоятельнѣе. Если есть проекты въ ходу, то сдѣлайте милость, нанимайте писарей и присылайте мнѣ копіи. Одинъ проэктъ ходитъ по Питеру (Чичерина); я его имѣю; проэктъ Кавелина я буду имѣть. Слѣдовательно эти не нужны. Я тоже пишу проэктъ, и Великимъ Постомъ я въ Питерѣ съ проэктомъ.

Мы завтра представляемъ около десяти статей въ цензуру и по пропускѣ ихъ тотчасъ объявляемъ о журналѣ.

Какова статья въ Современникѣ объ насъ? Чушь и гиль!

11.

12 Марта 1856. Москва.

Мы печатаемъ всѣ отдѣлы, но теперь вся остановка за статьею Хомякова, которая отправлена въ С.-Петербургъ. Эта статья важна

по себѣ, но еще важнѣе потому, что цензоръ пріостанавливаетъ пять статей до пропуска Хомяковской статьи. Онъ (Крузе) говоритъ, что послали въ Питеръ донесеніе съ мнѣніемъ, что въ этихъ статьяхъ (Хомякова и Аксакова) нѣтъ ничего противнаго цензурнымъ установленіямъ; но какъ эти статьи были запрещены по распоряженію Гл. Упр. Ценз., то онъ не считаетъ себя въ правѣ пропустить эти статьи. Цѣль цензора при этомъ еще другая: всѣ постановленія противъ Славянофильскихъ мнѣній не отмѣнены; онъ готовъ пропускать и требуетъ только отмѣны ихъ *de facto*, т.-е. пропускомъ статей Хомякова и Аксакова. Какъ статьи Хом. и Акс. будутъ пропущены, то онъ сейчасъ пропускаетъ и остальныя.

Слѣдовательно теперь надо всячески похлопотать о томъ, чтобъ скорѣе эти статьи были возвращены изъ Петербурга. Хомяковъ писалъ къ А. С. Норову, основываясь на словѣ имъ данномъ на счетъ немедленнаго пропуска этой статьи. Сегодня онъ пишетъ къ князю Вяземскому.

12.

2 Апрѣля 1856. Москва.

Въ Субботу, 31 Марта, получилъ я письмо отъ А. С. Норова съ разными извиненіями и съ извѣщеніемъ, что статья Хомякова передана имъ въ Гл. Упр. Ценз. Въ тотъ же день я отвѣчалъ Абраму Сергѣевичу, доказывая ему крайнюю необходимость для насъ пропуска этой статьи и прося его ускорить разрѣшеніе по возможности. Я написалъ къ нему письмо длинное, думаю, убѣдительное; но желаю съ нетерпѣніемъ знать, какое дѣйствіе оно на него произведетъ. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня рѣшительно, чего можно ожидать въ теперешнемъ моментѣ этого дѣла.

Мы всѣ въ восторгѣ отъ стиховъ графа Толстаго. Скажите, дражайшій Александръ Николаевичъ, какъ его зовутъ? Кто онъ такой? Стихи его, помѣщенные въ Соврем., просто чудо. Хомяковъ, Аксаковъ ихъ всѣ наизусть знаютъ. Хомяковъ, прочитавши ихъ, ходуномъ заходилъ и говоритъ: послѣ Пушкина мы такихъ стиховъ не читали. И дѣйствительно, стихи чудесные. Нельзя ли и его какъ-нибудь Бесѣдѣ?

13.

17 Апрѣля 1856.

Вы вѣроятно уже знаете отъ Кирѣевскаго и графини Блудовой о подпискѣ, взятой съ Хомякова. Грустно, очень грустно! Хотя подписка и взята по Высочайшему повелѣнію, но мы никакъ не можемъ въ-

рить, чтобы Русскій Царь могъ запретить Русскимъ носить Русское платье *). Тутъ недоразумѣніе, тутъ обманъ и клевета. Увѣренъ, что дѣло объяснится и что эта подписка будетъ вскорѣ отмѣнена.

3-е Отдѣленіе дало знать отъ 6-го Марта, что оно не находитъ никакихъ препятствій, чтобы г. Чижовъ представлялъ свои сочиненія прямо въ мѣстныя цензуры. Вѣроятно это дѣло теперь окончено, и Чижовъ увѣдомленъ. Узнайте, что̀ окончательно сдѣлано и отъ какого числа и за какимъ нумеромъ послана о томъ бумага въ Кіевъ. № 1-й Бесѣды здѣсь выйдетъ въ Субботу на Ѳоминой, т.-е. 28-го Апрѣля. Ждемъ отъ васъ добрыхъ вѣстей, но у насъ что-то сердце упало. Бѣда, если недобрые люди во зло употребятъ довѣріе къ нимъ Царя и направятъ мѣры противъ народности, единственнаго твердаго основанія нашего величія.

14.

21 Апрѣля 1856.

Я посылаю къ Кирѣевскому статейку, которая здѣсь ходитъ по рукамъ на счетъ подписки, взятой съ Хомякова. Если успѣютъ переписать, то приложу копію и для васъ, прося васъ ее сообщить кому будетъ полезно. Очень, очень было бы важно произвести реакцію противъ Закревскаго, князя Сергѣя Михаиловича Голицына и другихъ.

15.

3 Мая 1856.

Вы не можете себѣ вообразить всѣ козни западниковъ: ужъ дѣйствительно западники, т.-е. такъ и разставляютъ западни. Здѣсь Коршъ, а въ Петербургѣ Краевскій употребляютъ всѣ силы, чтобъ намъ вредить. Первый уже написалъ глупѣйшую и грубѣйшую статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

16.

30 Января 1857. Москва.

Пишу къ вамъ, любезнѣйшій Александръ Николаевичъ, изъ дома Хомякова. Онъ занемогъ въ Субботу 26-го очень тяжко; къ тому присоединилось то, что онъ лѣчиться не согласился иначе какъ гомеопатически; въ Воскресенье его болѣзнь усилилась, во Вторникъ она стала уже весьма опасною. Мы всѣ жестоко перепугались; но сегодня, кажется, по милости Божіей, ему какъ бы получше. Мы дежуримъ около него. У него началось разстройствомъ желудка, воспаленіемъ въ легкихъ при тифозномъ расположеніи. Теперь тифозность пропадаетъ, но необходимъ за нимъ строжайшій присмотръ. Вотъ почему я не могу теперь никакъ ѣхать въ Петербургъ, ибо меня одного Алексѣй Степановичъ слушаетъ безусловно.

---

*) Тогда же, отдѣльнымъ полицейскимъ распоряженіемъ, велѣно было А. С. Хомякову сбрить бороду. П. Б.

17.

6 Февраля 1857. Москва.

Болѣзнь Хомякова началась простудою и разстройствомъ желудка. Въ Субботу 26 Января (день кончины Екатер. Михайл.) онъ не могъ встать съ постели, потому и не былъ у обѣдни заупокойной, чтò на него очень сильно подѣйствовало 28-го уже онъ былъ плохъ, 30 онъ былъ отчаянно боленъ, 31 соборовали его масломъ, а 1-го Февраля онъ пріобщился Св. Таинъ и совершенно приготовился къ смерти. Къ вечеру стало ему уже нѣсколько лучше; но 2-го Февраля онъ хорошо спалъ, и болѣзнь пошла на убавку. Съ 4-го онъ былъ внѣ опасности.

18.

30 Декабря 1857. Москва.

Вѣроятно вы уже знаете, что въ Москвѣ вздумали давать обѣдъ въ честь рескриптовъ. Сперва мы было согласились въ немъ участвовать, потому что намъ говорили, что дворянство и оффиціальныя лица принимаютъ въ немъ участіе; но, узнавши, что *никого* изъ оффиціальныхъ лицъ и изъ дворянства Московскаго не будетъ, мы, разумѣется, отказались. Въ такую важную минуту должно не раздражать и безъ того взволнованныя страсти; не съ кулебякою во рту и не съ бокаломъ Шампанскаго должно начинать дѣло, а съ молитвою, съ полнымъ чувствомъ великаго дѣла намъ предлежащаго, съ любовью и миромъ должно приступать къ дѣлу. Вотъ почему мы отказались отъ обѣда. Господамъ учредителямъ хотѣлось *поговорить*, а намъ предстоитъ *дѣйствовать*. Съ болтовнею дѣла не сдѣлаешь.

19.

17 Августа 1860. С. Песочное.

Дошли до меня жалобы на васъ, дражайшій Александръ Николаевичъ. Говорятъ, что вы, участвуя въ кодификаціи по крестьянскому дѣлу, вдались въ такія юридическія премудрости, что Боже упаси. Говорятъ, что у васъ по этому дѣлу готовится уложеніе чуть чуть не въ 15 томовъ и что въ немъ будутъ точныя правила и на счетъ того, какъ крестьянину чихнуть и какъ ему поздороваться. Знаете, шибко я боюсь вашей Петербургской стряпни. Ужъ какъ вы, господа чиновники, да къ тому же Петербуржцы, да еще въ добавокъ ученые, приметесь законодательствовать, право изъ этого можетъ

выйти чисто на чисто бѣда, да еще какая! Знаете, морозъ по кожѣ деретъ и меня, и Хомякова отъ однихъ опасеній. А наши опасенія, вы ихъ превзойдете. Многаго мы отъ васъ боимся, но на дѣлѣ вы будете страшнѣе и ужаснѣе. Старайтесь сдѣлать какъ можно неполно, недостаточно, дурно; право, это будетъ лучше. А коли вы подарите насъ совершенствомъ: то наша бѣда! Вѣдь, право, намъ еще умирать не хочется.—Я живу въ деревнѣ очень хорошо, хозяйничаю очень усердно: весь день въ полѣ и на ногахъ. Теперь я вовсе освѣжился и отъ Рязани, и отъ Петербурга, и отъ Москвы. Всякій день болѣе и болѣе убѣждаюсь, что ларчикъ просто открывается. Крестьяне весьма возмужали, помѣщики значительно хвостъ прижали. И теперь добровольныя соглашенія весьма возможны, и они одни могутъ привести къ цѣли. Пусть правительство выскажетъ главныя начала, т. е. личную свободу, право крестьянъ владѣть землею, право помѣщика на вознагражденіе, обязанность и для тѣхъ, и для другихъ вступить на трехлѣтній срокъ въ добровольное соглашеніе, и въ перспективѣ чучело: правительственное вмѣшательство, правительственная регламентація по истеченіи трехъ лѣтъ. Право, мы всѣ такъ васъ уважаемъ и боимся, что едва ли кто не войдетъ въ соглашеніе, зная, что вы изъ Питера такъ махнете, что у насъ у всѣхъ все вверхъ дномъ пойдетъ. Ну, устроили вы финансовую часть! Было дурно, очень дурно, а теперь сто разъ хуже. Знаете, чиновники-невѣжды бѣда, но ученые—сто разъ хуже. Чтó нагородили наши доктринеры: Ламанскій, Безобразовъ и комп.? Боюсь, что друзья наши Самаринъ, Поповъ, князь Черкаскій и комп. то издадутъ, чтò исполнить будетъ труднѣе, чѣмъ разгадать Египетскіе іероглифы. Не думайте, чтобы мы считали себя умниками, а васъ дураками. Нѣтъ, Боже насъ упаси отъ подобной нелѣпости. Вы умны, очень умны; но глупо ваше положеніе, глупа среда, въ которой вы пребываете, глупы средства, которыми вы орудуете и крайне глупы цѣли, къ которымъ вы стремитесь. Вы думаете, что изъ Питера можете обнять все разнообразіе мѣстной жизни. Вы думаете, что регламентаціею вы можете все устроить, все предупредить, все разрѣшить. Да еслибъ у васъ было семь пядей во лбу, то и тутъ вы сто разъ попали бы въ просакъ. Нѣтъ, батюшка мой, васъ дурачитъ ваша атмосфера и почва, чтò у васъ подъ ногами. Одно спасеніе—предоставлять самой жизни выливать для себя формы. Чѣмъ менѣе вы напишете, чѣмъ менѣе вы рѣшите, тѣмъ лучше; и за каждое лишнее слово, лишнее правило, лишнюю форму вы отвѣтите какъ за тяжкое преступленіе. Пуще всего не давайте воли Самарину, злѣйшему доктринеру, человѣку, который и самого Гизо за поясъ за-

ткнетъ. Очень радъ буду, если найду, что ошибаюсь, т.-е. что вы не прельстились регламентаціею, а напротивъ уперлись въ нее спиною и всячески ее отталкиваете.

20.

17 Іюня 1870. С. Песочное.

Вы теперь предсѣдатель коммиссіи для пересмотра правилъ о наймѣ рабочихъ. И прежде мы съ вами участвовали въ подобной коммиссіи, но тогда Петербургскій чиновный людъ былъ зараженъ гуманностью и никакъ не согласился на установленіе обязательности книжекъ для рабочихъ. И это опущеніе сдѣлало то, что всѣ правила остались безъ всякаго полезнаго дѣйствія на ходъ нашихъ хозяйствъ и даже на умноженіе заработковъ для крестьянъ. Фальшивая гуманность хуже даже крѣпостническихъ выходокъ покойной «Вѣсти». Съ тѣхъ поръ зло не уменьшилось, напротивъ того оно усилилось и упорядочилось. Рабочіе нанимаются охотно, рѣдко соглашаются на условія, и какъ безъ условій, такъ и съ условіями покидаютъ хозяина и нанимаются у другаго. Наши хозяйства рѣшительно не могутъ разсчитывать на то, что̀ будутъ дѣлать завтра. Быть можетъ, что завтра гумно останется пустымъ, лошади безъ дѣла, а поле безъ обработки. Необходимо твердо и непремѣнно установить обязательность книжекъ и для хозяина, и для рабочихъ. Безъ этого все, что̀ вы сдѣлаете, останется безъ всякаго дѣйствія. Наложеніе штрафа рублей въ 10 и на хозяина, который нанимаетъ рабочаго хотя бы на мѣсяцъ, и на рабочаго, въ случаѣ если первый нанимаетъ, а другой нанимается *безъ книжки*. Вмѣнить въ обязанность волостнымъ старшинамъ и старостамъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы крестьяне *не возвращались домой безъ книжекъ*. Мировые судьи будутъ разбирать эти дѣла и, конечно, потачки не дадутъ; но теперь бѣда та, что крестьяне не считаютъ книжки необходимыми, и хозяинъ, который хотѣлъ бы настаивать на книжкахъ, остался бы безъ рабочихъ. Заставьте насъ, хозяевъ, быть вамъ благодарными за уничтоженіе неурядицы въ нашихъ хозяйствахъ.

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

XIV. Внимательность императора Николая Павловича.

Въ Уланскомъ полку, квартировавшемъ въ Малороссіи, служилъ поручикъ Дублянскій, сынъ артилерійскаго отставнаго генерала. Командиромъ того полка былъ тогда графъ Лотрекъ-де-Тулуза, имѣвшій обыкновеніе во фронтѣ не совсѣмъ вѣжливо обращаться съ офицерами. Особенно придирался онъ къ поручику Дублянскому, употреблялъ часто неприличныя выраженія и глумился надъ нимъ, зная, что военная дисциплина поневолѣ заставляла сносить грубости начальника. Подобное отношеніе полковаго командира, понятно, возмущало молодаго офицера. Однажды на ученьѣ полка, за какую-то маловажную ошибку во фронтѣ, полковникъ съ крикомъ и ругательствами налетѣлъ на поручика Дублянскаго, который на сей разъ не вытерпѣлъ, бросился на полковника, чтобы ударить его по лицу, но, какъ былъ небольшаго роста, то не досталъ до него, а ограничился плевкомъ прямо въ физіономію графа,—поступокъ, прямо ведущій подъ военный судъ. Графъ былъ благоразумнѣе: только обтерся, но въ рукопашную не вступилъ. Дублянскаго немедленно арестовали.

Въ царствованіе Николая Павловича, когда случилось это происшествіе, военные суды производились черезъ аудиторовъ; ими разбирались только факты и подводились законы, на поводы же преступленія вниманія не обращалось; въ особенности, когда нарушалась военная дисциплина, тогда младшій всегда былъ виноватъ.

У Дублянскаго была родная сестра Юлія Павловна, очень красивая женщина. Она была замужемъ за отставнымъ полковникомъ гвардіи Н. Н. Боярскимъ. Боярская очень любила своего брата и рѣ-

*) См. выше, стр. 212.

шила, во чтобы ни стало, хлопотать въ защиту его. Узнавъ, что дѣло объ ея братѣ представлено въ Петербургъ для окончательнаго рѣшенія, она сама отправилась туда; но къ кому ни обращалась она по военному вѣдомству, всѣ вліятельные генералы на отрѣзъ отказывали ей въ заступничествѣ, говоря, что преступленіе ея брата, совершенное во фронтѣ, при сборѣ всего полка, было слишкомъ явно и нагло, чтобъ кто либо могъ облегчить его участь кромѣ развѣ самаго Императора. Юлія Павловна Боярская не смутилась отказами, а еще энергичнѣе стала изыскивать способы, чтобы лично просить Государя, не полагаясь на письменное прошеніе, которое могло и не дойти до него.

Не смотря на всѣ ея старанія, ей долгое время никакъ не удавалось встрѣтить Николая Павловича.

Дѣло было лѣтомъ. Весь дворъ жилъ тогда въ Царскомъ Селѣ. Между прочимъ, расспрашивая всѣхъ, гдѣ бываетъ Государь, Юлія Павловна узнала, что рано по утрамъ онъ имѣлъ обыкновеніе въ Царскомъ Селѣ прогуливаться въ паркѣ; ворота парка на то время затворялись и оставались запертыми для публики до окончанія его прогулки. Придя въ паркъ еще съ вечера, Юлія Павловна рѣшилась остаться тамъ до утра и дождаться, когда Императоръ выдетъ на прогулку. Къ счастью ея погода была прекрасная, а сторожа, отъ которыхъ она скрывалась, ея не замѣтили.

Рано утромъ Государь вышелъ изъ дворца и направился по аллеѣ. Увидя его, Юлія Павловна поспѣшила къ нему на встрѣчу и стала на колѣни за нѣсколько шаговъ передъ нимъ. Николай Павловичъ, подойдя къ ней, довольно сурово спросилъ: «Какъ вы сюда попали такъ рано, когда ворота еще затворены?»

— «Простите меня, Государь», отвѣчала Боярская, «я здѣсь со вчерашняго вечера дожидаюсь васъ».

Императоръ окинулъ ее своимъ взглядомъ и уже нѣсколько снисходительнѣе проговорилъ: «Встаньте и скажите, о чемъ вы просите?»

— «Дозвольте мнѣ, Ваше Императорское Величество», со слезами на глазахъ обратилась къ нему Юлія Павловна, «остаться у Вашихъ ногъ и на колѣняхъ вымолить прощеніе молодому человѣку, моему родному брату, поручику Уланскаго полка Дублянскому, который вполнѣ сознаетъ свой поступокъ и считаетъ себя виновнымъ, но не въ такой степени, какъ его обвиняютъ: онъ выведенъ былъ изъ терпѣнія дерзкимъ съ нимъ обращеніемъ полковаго командира графа Лотрека-де-Тулуза, затронувшаго его честь».

— «Успокойтесь», поднимая ее съ колѣнъ, сказалъ Государь, «и разскажите подробно всѣ обстоятельства».

Объяснивъ, какъ могла, это плевое дѣло, Юлія Павловна упомянула о дерзостяхъ, которыя дозволялъ себѣ полковой командиръ въ отношеніи ея брата, и съ этимъ вмѣстѣ не забыла напомнить о заслугахъ своего отца генерала Дублянскаго, котораго Императоръ зналъ лично по его прежней службѣ. Выслушавъ ее со вниманіемъ, Государь проговорилъ: «Вашъ братъ подлежитъ по закону за нанесеніе обиды старшему наказанію; онъ долженъ понести его; но, въ уваженіе заслугъ его отца и вынужденнаго дѣйствія на преступленіе, судя по вашимъ словамъ, въ которыхъ я не сомнѣваюсь, наказаніе его можетъ быть смягчено». А затѣмъ, перемѣнивъ разговоръ, Николай Павловичъ сталъ распрашивать о ней самой, о томъ, гдѣ она воспитывалась, гдѣ живетъ и тому подобное.

Между тѣмъ они подошли къ запертымъ воротамъ. Въ туже минуту, невдалекѣ отъ нихъ, какъ изъ земли, выросъ Царскосельскій комендантъ. Увидя его, Государь сказалъ: «Вотъ эта дама всю ночь провела здѣсь въ паркѣ, дожидаясь утра, чтобы просить меня о своемъ дѣлѣ; а вы и служащіе ваши этого не знали; прикажите отворить ворота». Затѣмъ, обратясь къ Юліи Павловнѣ, онъ съ любезностью проговорилъ: «Я очень радъ, что съ моей протекціей вы можете выдти отсюда безъ всякихъ непріятностей».

Чрезъ нѣсколько дней послѣдовала смягченная конфирмація: Дублянскаго разжаловали въ солдаты безъ лишенія дворянства съ выслугою, а черезъ годъ онъ снова былъ произведенъ въ офицеры. Графъ Лотрекъ-де-Тулуза не остался командиромъ полка.

XV. Загадочное нападеніе.

Передъ Крымской войной, въ городѣ Корочѣ Курской губерніи, квартировалъ Рижскій драгунскій полкъ. Командиромъ этого полка былъ полковникъ Козловскій; офицеры его любили, но еще болѣе любили его супругу, къ которой всѣ относились съ какимъ-то восторгомъ. Это была женщина энергичная, довольно красивая и очень симпатичная, но, главное, необыкновенно любезная и внимательная къ своимъ офицерамъ, хотя повидимому никому изъ нихъ не отдавала предпочтенія. Молодые офицеры почти поголовно были влюблены въ нее. Часто случалось, что полковникъ позоветъ къ себѣ на квартиру кого-нибудь изъ офицеровъ, чтобы распечь за какую-нибудь провинность; но полковница едва заслышитъ непріятный для офицера разговоръ, тотчасъ же является изъ другой комнаты къ нему на выручку, объявляя мужу, что это ея гость, и командиру волей-неволей приходилось обращаться въ любезнаго хозяина. На полковыхъ ученьяхъ

г-жа Козловская всегда бывала верхомъ: она была отличная наѣздница и управлялась съ лошадью не хуже своего супруга. Полковнику и на ученьи не удавалось распекать по своему не только офицеровъ, но даже солдатъ; въ присутствіи жены ему приходилось сдерживаться въ выраженіяхъ. Вообще въ то время многіе начальники не стѣснялись передъ фронтомъ и бранились непечатными словами, въ чемъ былъ своего рода шикъ *). Кромѣ сего, присутствіе полковницы на ученьяхъ имѣло и другую хорошую сторону: офицеры особенно старались быть исправными и внимательными къ своимъ обязанностямъ, чтобы послѣ ученья при встрѣчѣ съ командиршей, которая за всѣмъ зорко слѣдила, не заслужить ея замѣчаній, хотя высказанныхъ очень любезно, или шутя, смотря какъ она найдетъ нужнымъ; но эти замѣчанія гораздо сильнѣе дѣйствовали, чѣмъ распеканціи ея мужа во фронтѣ: такъ велико было ея нравственное вліяніе. Вообще г-жа Козловская отличалась оригинальностью, что замѣчалось даже въ ея полумужскомъ костюмѣ, въ который она иногда облекалась; при этомъ, какъ бы ни была она одѣта, хотя бы и по послѣдней модѣ, она имѣла обыкновеніе носить за поясомъ дорогой кинжалъ средней величины, не въ видѣ украшенія, а чтобы имѣть возможность, въ случаѣ какой нибудь опасности, защититься самой безъ посторонней помощи, какъ объясняла она всѣмъ, кто ее спрашивалъ объ этомъ непонятномъ добавленіи къ ея костюму. «А владѣть кинжаломъ я умѣю, хотя и не близъ Кавказа рождена», прибавляла энергичная полковница.

По выступленіи полка въ походъ во время Крымской войны г-жа Козловская осталась одна въ городѣ Корочѣ. Вечеромъ того же дня, въ грустномъ настроеніи послѣ проводовъ, вышла она въ садъ, прилегавшій къ ея квартирѣ. Садъ былъ большой, въ дикомъ видѣ, и пересѣкался оврагомъ, по другую сторону котораго находилась уединенная бесѣдка, окруженная деревьями и кустарниками, едва замѣтная со стороны. Въ эту-то бесѣдку, которую она и прежде часто посѣщала, направилась г-жа Козловская. Была чудная Майская лунная ночь, съ соловьями, съ ароматомъ яблоновыхъ цвѣтовъ и тому подобными прелестями весенняго времени. Г-жа Козловская оставалась тамъ довольно долго. Была ли она въ упоеніи отъ окружавшей

*) Я зналъ драгунскаго капитана П. Д. Суковкина, служившаго въ этомъ же полку, человѣка очень добраго; онъ имѣлъ обыкновеніе здороваться съ солдатами не иначе, какъ къ обыденному слову „здорово", поминая „солдатскую мать". Когда у него спрашивали, для чего онъ употребляетъ такія странныя выраженія, онъ обыкновенно отвѣчалъ: „Это необходимо для приданія бодрости духа и смѣлости солдатамъ; въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, услыхавши, какъ они радостно отвѣчаютъ на такое привѣтствіе".

ее природы, думала ли она о своемъ отсутствующемъ мужѣ, ушедшемъ на войну, или о чемъ нибудь иномъ? Свои мечты она никому не повѣряла; извѣстно только, что мечты эти были вдругъ прерваны шагами, послышавшимися со стороны забора, гдѣ пролегала пустынная улица; а затѣмъ она неожиданно увидала человѣка, показавшагося ей совершенно незнакомымъ, въ какомъ-то странномъ костюмѣ. Предполагая встрѣтить злоумышленника, г-жа Козловская обнажила кинжалъ; но подходившій человѣкъ, осмотрѣвшись по сторонамъ, вошелъ въ бесѣдку съ видимой увѣренностью встрѣтить тамъ кого нибудь. Г-жа Козловская была не изъ робкихъ и строго спросила пришедшаго о причинѣ его посѣщенія. Съ первыхъ же словъ его она убѣдилась, что это былъ не мошенникъ: онъ страстно заговорилъ о своей любви, о ея красотѣ и еще какія-то нѣжности, которыя она впослѣдствіи не могла уже припомнить. Безъ всякихъ околичностей, не желая слушать подобныя рѣчи, она попросила его немедленно удалиться; тогда незнакомецъ бросился на нее; она отшатнулась и стала въ оборонительное положеніе; сверкнулъ кинжалъ! Но и у него, по словамъ г-жи Козловской, тоже оказалось какое-то оружіе. Между ними произошла борьба, окончившаяся тѣмъ, что г-жа Козловская была ранена въ двухъ мѣстахъ: одна рана, довольно значительная, была нанесена на внутреннюю часть бедра, другая, небольшая, выше колѣна. Когда г-жа Козловская, получивши рану, стала звать на помощь, неизвѣстный поспѣшно перелѣзъ черезъ заборъ, бросился на улицу, гдѣ, какъ оказалось, дожидалась его тройка лошадей, вскочилъ въ телѣжку и быстро ускакалъ, что̀ видѣли посторонніе, случайно проходившіе. Прибѣжавшіе на крикъ г-жи Козловской люди застали ее лежащею на полу, всю въ крови; окровавленный кинжалъ ея былъ отброшенъ въ сторону. Немедленно послали за докторомъ, который, сдѣлавъ перевязки, нашелъ раны для жизни неопасными.

Такое небывалое происшествіе въ городѣ Корочѣ подняло всѣхъ на ноги; прибѣжалъ и старикъ городничій, страшно растерявшійся и не знавшій на первыхъ порахъ, что̀ ему предпринять; наконецъ, онъ рѣшилъ послать эстафету съ донесеніемъ о происшествіи губернатору, находившемуся въ то время въ 60 верстахъ въ сосѣднемъ городѣ Новомъ-Осколѣ.

На другой день губернаторъ поспѣшилъ пріѣхать въ Корочу и немедленно посѣтилъ г-жу Козловскую. Она приняла его въ постели и разсказала ему о случившемся происшествіи, прося его защиты. Губернаторъ обѣщалъ принять всѣ мѣры къ отысканію виновнаго, но съ этимъ вмѣстѣ пожелалъ узнать отъ нея, не подозрѣваетъ ли она въ этомъ преступленіи кого нибудь изъ своихъ знакомыхъ, котораго

она могла и не узнать при лунномъ свѣтѣ, такъ какъ онъ съ своей стороны увѣренъ, что нападеніе на нее было сдѣлано не съ цѣлью грабежа, а скорѣе романическаго свойства. На такое предположеніе г-жа Козловская, видимо обидѣвшись, замѣтила, что она удивляется, что г-нъ губернаторъ, не зная ея, дѣлаетъ такія заключенія, не имѣя на то никакого права. Послѣ этого замѣчанія г-жа Козловская ничего болѣе не пожелала ему объяснять и на вопросъ его, не былъ ли раненъ нападавшій, такъ какъ у нея въ рукахъ былъ кинжалъ, также не отвѣчала. Губернаторъ уѣхалъ, ничего не узнавши.

Слѣдствіе по этому дѣлу было поручено чиновнику особыхъ порученій Клечановскому; при всемъ его стараніи напасть на слѣдъ виновнаго, имъ ничего не было открыто, хотя преступленіе было на лицо. Корочинскіе обыватели были тогда очень заинтересованы этимъ происшествіемъ; толки о немъ были самые разнорѣчивые; всякій разсуждалъ по своему; нѣкоторые даже утверждали, что полковница, ради тоски и скуки, сама себя ранила.

Между тѣмъ, во время похода, въ Рижскомъ драгунскомъ полку произошла дуэль между двумя офицерами, особенно обожавшими г-жу Козловскую. Это подало поводъ предполагать, не была ли эта дуэль въ связи съ нападеніемъ на полковницу въ бесѣдкѣ, и не былъ ли вызванный виновникомъ этого нападенія, а вызвавшій пожелалъ отомстить за то. Обстоятельство это однако выяснено не было. Дуэль окончилась не безъ кровопролитія: одинъ изъ офицеровъ былъ легко раненъ; но по просьбѣ всѣхъ офицеровъ полка полковой командиръ прекратилъ это дѣло, не донося о немъ по начальству, и всѣ предположенія такъ и остались простыми толками.

Н. Рѣшетовъ.

30 Генваря 1886 г.

РАЗСКАЗЫ КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева.

Небольшая часть этихъ Записокъ, касающаяся того времени, когда князь А. Н. Голицынъ поступилъ на должность оберъ-прокурора Св. Синода, напечатана, не вполнѣ, въ Русской Старинѣ 1884 г. (кн. 1-я), куда она была отдана, въ перебѣленномъ спискѣ, графомъ П. А. Валуевымъ. черезъ котораго покойный Юрій Никитичъ Бартеневъ желалъ представить эту тетрадь Государю Александру Николаевичу. Полныя записки Ю. Н. Бартенева, въ своеручномъ подлинникѣ, завѣщаны имъ другу его Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву, а отъ него переданы намъ. П. Б.

I.

Я родился въ самомъ шумномъ центрѣ Москвы, въ заторѣ, такъ сказать, толпы и движущагося многолюдства. Это было на Никольской улицѣ, противъ Греческаго Богоявленскаго монастыря и монастыря Заиконоспасскаго. Колокольни и церкви этихъ монастырей глядѣлись въ мою комнату; она оглушалась и безпрестаннымъ звономъ ихъ благовѣстія. Крестины мои были не пышны: позвали въ крестные отцы какого-то архимандрита отъ одного изъ вышеупомянутыхъ монастырей, и онъ былъ моимъ воспріемникомъ. Мнѣ желалось въ послѣдствіи найти этого моего отца крестнаго, но Богъ не привелъ мнѣ съ нимъ встрѣтиться.

Такъ говорилъ намъ князь о первыхъ планахъ своей человѣческой картины, и я былъ весь вниманіе. Рѣчь князева была проста, безъискуственна; онъ всѣмъ жертвовалъ истинѣ. Намъ казалось, что мы внимаемъ добраго родственника, съ увлеченіемъ и чувствомъ разсказывающаго намъ былое.

«Гдѣ этотъ образъ», спросилъ я его, «предъ которымъ въ младенческой колыбели лежали вы, какъ символъ будущаго при-

лѣпленія вашего къ Господу?» — «Онъ цѣлъ, цѣлъ у меня этотъ образъ», отвѣтствовалъ мнѣ съ живостью князь и, спустя нѣкоторое время, повелъ меня показать мнѣ оный. Налѣво отъ затѣйливой домашней церкви князевой есть двѣ темныя комнатки, въ которыхъ на глухо закладено окно, нѣкогда обращенное къ сосѣдскому дому *). Оставаясь въ одной изъ этихъ каморокъ, можно явственно слушать все что происходитъ въ церкви. Комнатки этѣ очень тѣсны, и въ первой изъ оныхъ, служащей преддверіемъ къ другой, повѣшено на голыхъ и сырыхъ стѣнахъ нѣсколько иконъ, подаренныхъ и благословенныхъ въ разное время и разными лицами князю. Предъ нѣкоторыми изъ иконъ теплятся скромныя и небогатыя лампады. Около сырыхъ стѣнъ комнатки обведены узкія лавки; къ сторонкѣ стоитъ низенькій деревянный стулецъ, напоминающій намъ, какъ нѣкогда православные отшельники наши, сидя на таковомъ, творили Іисусову молитву. Направо отъ входа въ другую комнату, въ которой нѣтъ дверей, повѣшена простая икона, безъ оклада, Спаса Нерукотвореннаго, и вотъ подъ этою-то иконою безсознательный ребенокъ нѣкогда былъ положенъ, чтобъ быть послѣ передану въ объятія матери. Съ благоговѣніемъ поклонился я изображенному на образѣ Спасителю, сохранившему дни нашего князя, столь нужные многимъ! Невольно пришла мнѣ здѣсь мысль о нерукотворенной иконѣ Спасителя и объ отношеніяхъ этаго образа къ князевому быту по занимаемому имъ нѣкогда званію министра духовныхъ дѣлъ. Ему очень много дарили и дарятъ нынѣ образовъ, писанныхъ масляными красками, рисованныхъ, даже вышитыхъ. И вотъ дѣлается какъ-то, что дарители попадаютъ на одно намѣреніе, на одну мысль, ибо приносимые образа почти всегда бываютъ нерукотворенное изображеніе Спаса. Таковая стачка въ разноцентренныхъ воляхъ и побужденіяхъ весьма замѣчательна. Даже самое главное украшеніе кабинета князева, избранная жемчужина всего его собранія картинъ, есть также изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. Картина эта прислана ему изъ Швейцаріи и есть вѣрная копія той, предъ которою нѣкогда знаменитый теозофъ Дютуа, сочинитель божественной и христіанской философіи, преклонялъ колѣна свои предъ Господомъ. Но я возвращусь къ своему разсказу.

Обѣ комнаты, какъ сказано, раздѣляются входомъ, но не дверями и, взойдя въ оныя, смотря на лампады, никакъ вдругъ не можешь различить предметовъ окружающихъ; въ послѣдствіи глаза пріобыкаютъ и становится виднѣе. Въ рединѣ второй комнатки стоитъ

*) Говорится про домъ, въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, нынѣ № 20-й, противъ Михайловскаго замка. Тутъ жилъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. П. Б.

подобіе гроба. Оно приставлено къ подножію огромнаго деревяннаго креста; на гробѣ положена плащаница, принадлежащая церкви; на этой плащаницѣ укладены различныхъ видовъ кресты, подаренные въ разное время и отъ разныхъ людей князю. Въ этой комнатѣ нѣтъ лампады; но предъ гробомъ вмѣсто люстры сдѣлано изъ пунцоваго стекла изображеніе человѣческаго сердца, и въ этомъ-то сердцѣ теплится неугасимый огонь. Комната едва освѣщена краснымъ, унылымъ пламенемъ; томное гореніе сердца, при совершенной темнотѣ, сильно поражаетъ чувства и воображеніе: сгарающее сердце кажется кровавымъ и раскаленнымъ. По утрамъ уходитъ князь въ эту уединенную сѣнь свою; онъ иногда сидитъ на этомъ низкомъ стульцѣ и прилежно внимаетъ ищущему своему сердцу, или иногда, распространясь предъ Распятіемъ, онъ служитъ живымъ символомъ, какъ земное величіе долженствуетъ уступать и повергаться къ подножію Креста Господня. По вечерамъ обыкновенно запирается онъ въ своемъ кабинетѣ и тамъ, уже никѣмъ невидимый, приноситъ тихую и обычную свою молитву. Бывало, пріѣхавъ съ шумнаго земнаго позорища, спѣшно скидываетъ онъ свои блестящія регаліи, свой Владимирскій орденъ, свою бриліянтовую звѣзду, портретъ Государевъ, осыпанный алмазами, всегда имъ носимый на груди, снимаетъ, говорю, и спѣшитъ въ эту темную каморку; и если въ кабинетѣ своемъ онъ сбрасываетъ людскія отличія, то въ каморкѣ обнажаетъ уже свое сердце предъ Господомъ. Можетъ быть, теплыя слезы умиленнаго раскаянія струятся на сырой и жесткій полъ, между тѣмъ какъ шумная столица, въ вихряхъ безотчетнаго и мнимаго веселія, какъ пышный дворъ царскій, обставляя могущественнаго своего владыку въ первомъ еще развитіи могучихъ и полныхъ жизни силъ его, ликуетъ въ разнообразіи утонченныхъ своихъ забавъ и удовольствій. И вотъ Несторъ двора царскаго, столь нѣкогда любезный и необходимый двору этому, въ смиренномъ и темномъ уголкѣ незнаемой комнаты, безнамѣренно обличаетъ шаткость всѣхъ этихъ человѣческихъ удовольствій. Такъ нѣкогда въ пышной Византіи проявлялись и блескъ двора царскаго, и свѣтлая мудрость первыхъ его сановниковъ, изъ которыхъ одинъ достигнулъ до такой высоты умозрѣнія, что лице его просіявало свѣтомъ, какъ Моисеево. Здѣсь толпа посмѣется, можетъ быть, надо мною; пусть смѣется: я вѣрю молитвѣ и чудеснымъ ея возрастамъ.

Въ этой уединенной каморкѣ маливался вмѣстѣ съ княземъ и блаженной памяти императоръ Александръ. Въ этомъ же сыромъ и темномъ чуланѣ, на его узкихъ лавкахъ, сыпалъ нѣкогда и князь, когда, въ первомъ взрывѣ своего религіознаго побужденія, онъ думалъ послужить Господу неблагоразумнымъ умерщвленіемъ своего тѣла. Од-

нажды, сказывалъ мнѣ князь, это было помнится въ одну страстную Пятницу, хотѣлось мнѣ въ подобіе страданію Господа нашего Іисуса Христа и на себѣ испытать что-либо. Я ничего не ѣлъ въ этотъ день и въ жару неблагоразумнаго ревнованія усиленно просилъ Господа проявить мнѣ подобіе Своего страданія именно на головѣ. Пусть живо почувствую Твой терновый вѣнецъ, сказалъ я, и вотъ, къ крайнему удивленію моему, эта молитва исполняется: мнѣ почувствовалось, что̀ вся кровь изъ тѣла моего приступила къ головѣ моей; черепъ мой, казалось, трещалъ отъ нестерпимой боли; я метался и не зналъ, что̀ съ собою дѣлать. Я громко призывалъ помощь Божію и раскаевался въ дерзновенномъ моемъ желаніи; отъ нестерпимой боли и въ чаяніи избавленія я схватилъ большой деревянный крестъ, который ты видѣлъ и, обѣими руками приподнявъ его, поставилъ на свою голову. И вотъ, къ радостному моему удивленію, налившаяся въ голову кровь, исподоволь и ощутимо даже для меня самаго, стала стекать чрезъ шею въ спину, и облегченіе мое не замедлило. Что̀ же, промолвилъ князь, страданіе мое значило въ сравненіи съ терновымъ вѣнцомъ Спасителя; но и этого я не могъ понести, даже самое кратчайшее время.

На гробѣ, гдѣ лежитъ плащаница, помѣщены были разные, какъ выше сказано, кресты, между которыми я увидѣлъ одинъ неуклюжій древній. Что̀ это за крестъ? спросилъ я. Князь принесъ намъ крестъ и показалъ его. Онъ серебряный и средней величины. По наружной формѣ долженъ быть очень древній. На задней сторонѣ этого креста сдѣлана насѣчка, въ которой изображено, какія сокровища нашего вѣрованія въ немъ хранятся. Внутри креста сохраняются, вопервыхъ, часть животворнаго Древа и часть Господней ризы; вовторыхъ, части мощей всѣхъ 12 апостоловъ, Іоанна Златоустаго, Чудотворца Николая.

Вотъ какъ разсказывалъ намъ князь исторію этаго креста. Онъ издревле былъ достояніемъ царей Греческихъ; въ послѣдствіи перешелъ къ матери Петра Великаго, царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, а та пожаловала его непосредственному предку и родоначальнику рода его, князю Борису Алексѣевичу Голицыну. Когда хитрая сестра Петрова, великая княжна Софья Алексѣевна, замышлявшая подобрать къ себѣ самодержавіе надъ народомъ Русскимъ, волновала нѣкогда древнюю столицу смутами и интригами, столь обаятельными въ лицѣ царственной дѣвицы, портила брата разными испугами, столь вредными нѣжному младенческому возрасту, наконецъ почти явно обнаружила свои намѣренія, взбунтовавши стрѣльцовъ и подвигнувши ихъ на мятежъ и буйство, въ эту критическую минуту царица Наталья Кириловна спѣшно призываетъ къ себѣ князя Бориса Голицына и, отдавая ему

младенчествующаго отрока, со слезами проситъ князя сохранить юнаго Петра для Россіи. Клянись мнѣ, говоритъ ему взволнованная мать и царица, клянись предъ этимъ крестомъ Господнимъ, что ты не выдашь моего сына врагамъ его. Вотъ завѣтъ мой, продолжала царица: если ты, князь Борисъ, умыслишь зло противъ юнаго царевича, то крестъ этотъ затяготѣетъ надъ всѣмъ родомъ твоимъ; еслижъ ты сохранишь его, сохранишь сына моего, то пусть этотъ крестъ съ сокровищами благодати Божіей будетъ знаменіемъ въ родѣ твоемъ и сохранится въ ономъ, какъ залогъ милости Божіей и великаго къ нему благоволенія. И вотъ какимъ образомъ этотъ крестъ сохранился, продолжалъ князь, въ нашемъ родѣ и по нисходящей линіи былъ передаваемъ старшему изъ рода нашего. Но по какому-то необыкновенному движенію воли родительской онъ назначенъ былъ мнѣ, хотя я не былъ старшимъ въ родѣ: крестъ слѣдовало бы отдать старшему моему брату, князю Сергію Николаевичу. Но, не смотря на волю родительскую, старшій братъ усвоилъ его себѣ и сохранялъ его во время своей жизни. Братъ мой былъ несчастливъ въ выборѣ супружества; онъ былъ женатъ на княжнѣ Барятинской, которая страннымъ своимъ поведеніемъ искушала терпѣніе брата моего, который по характеру и темпераменту былъ очень кротокъ и смиренъ. Послѣ его кончины я потребовалъ у невѣстки креста. «Нѣтъ его у меня», сказала она мнѣ: «всѣхъ боговъ отняли у меня Французы въ 1812 году, во время пребыванія ихъ въ Москвѣ». Она даже не хотѣла молиться по этой странной причинѣ, что боговъ ея, т. е. образа, похитили Французы. Наконецъ, въ 1817 году, невѣстка моя пріѣхала въ Петербургъ, заболѣла и рѣшилась отдать мнѣ крестъ, въ то уже время какъ-то отыскавшійся. И вотъ честный и животворящій крестъ Господень, благословеніе родительское, посѣтилъ и остался въ домѣ моемъ, спустя долгое время послѣ назначенія родительскаго. Но, продолжалъ князь, крестъ этотъ не долженъ мнѣ принадлежать: онъ есть достояніе рода Петрова, перешедшее къ нему отъ царей Греческихъ. Какъ будто зналъ родитель, что, вопреки упостояннвшемуся обыкновенію, онъ избралъ меня, не старшаго своего сына, наслѣдникомъ креста этого; онъ какъ будто зналъ, что, не имѣя потомства, я буду въ обязанности передать его истинному его наслѣднику. Когда величество императорское отправлялось въ отдаленный походъ противу Турковъ, я благословилъ крестомъ этимъ Государя. Онъ спасъ Петра, думалъ я, спасетъ и Николая. Я тогда же объявилъ Государю, что я назначаю этотъ крестъ послѣ смерти своей ему, а до тѣхъ поръ пусть родительское благословеніе жительствуетъ со мною въ одномъ домѣ.

Такъ разсказывалъ намъ князь, и мы съ благовѣніемъ взирали на этотъ крестъ Господень, врученный нѣкогда почтенному предку его въ залогъ сохраненія нашего исполинскаго Петра для исполинской его Россіи. Краткая надпись на серебряной дощечкѣ футляра кратко повѣствуетъ и исторію креста, и его назначеніе. Выше сказано, что въ драгоцѣнной этой утвари сохраняются части животворящаго древа и ризы Господней. И вотъ я оказалъ дерзновенное малодушіе взглянуть на таковыя сокровища православной вѣры христіанской; но князь съ любовію отказалъ намъ въ исполненіи сего желанія, и вотъ что разсказалъ намъ въ тоже время. Въ домѣ Кошелева сохранялся также родовой крестъ съ мощами. Обыкновенно одинъ разъ въ годъ, предъ Пасхою, моютъ и чистятъ образа; жена Кошелева, Варвара Ивановна, начала мыть, взяла чистую тряпку обтереть крестъ и что̀ же, съ ужасомъ отскочила, когда увидѣла, что на тряпку выступила кровь. Не зная что̀ дѣлать, она поспѣшила послать за священникомъ, и вотъ пришедшій священникъ, нѣкто Назимовъ, человѣкъ, въ которомъ развита духовная внутренняя жизнь, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, въ епитрахили, подошелъ къ чудесному кресту видимо для всѣхъ источающему кровь и, раскрывъ его, положилъ туда и эту самую тряпку, въ крови замаранную, вмѣстѣ съ мощами.

Князь родился при условіяхъ неблагопріятныхъ; мать его возненавидѣла при самомъ рожденіи. Это сдѣлалось потому, что когда князь рождался, въ то время отецъ его былъ болѣнъ, и онъ только три недѣли жилъ послѣ рожденія своего послѣдняго сына *). Отецъ благословлялъ сына безъ сознанія сего послѣдняго. Мать князева такъ огорчилась этою потерею, такъ много плакала и рвалась, что всѣ бинты разорвались, и она чуть не истекла кровью. Отчаянная мать возненавидѣла сына и не позволяла приносить ребенка въ свою комнату. Приближенные, видя неутѣшность вдовы и странную ненависть къ дитяти, совѣтовали ей помолиться и успокоиться. Вотъ меня спеленаннаго положили передъ иконою нерукотвореннаго образа Спасителя, подвели мать мою, которая, залившись слезами, упала предъ образомъ, долго и тяжко плакала и потомъ, умиленная молитвою, въ первый разъ тогда, отъ образа Спасителя приняла меня съ любовію въ свои материнскія объятія. Какъ будто самъ Господь вручилъ меня матери, раскрывъ въ ней и утѣшеніе, и столь необходимое для нея чувство любви материнской. Впрочемъ, мать моя всегда для меня была

*) Князь А. Н. Голицынъ род. 8 Декабря 1773 года; отецъ его умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ его рожденія. П. Б.

строга [1]); я могу справедливо о себѣ сказать, что первыя лѣта моей юности, въ отеческомъ домѣ, былъ содержанъ я въ великомъ страхѣ.

Тѣ времена были строги, не нынѣшнія, продолжалъ князь; съ дѣтьми обращались сурово, и это называлось добрымъ воспитаніемъ. Ко мнѣ была приставлена Нѣмка вмѣсто Русской няньки, и эта Нѣмка составляла въ нѣкоторомъ смыслѣ какъ бы исключеніе изъ людей своей націи, ибо охотно поддавалась закоснѣлымъ предразсудкамъ Русскаго невѣжества. Чтобъ сохранить ввѣренное ей дитя, она облизывала меня, какъ корова. Еще и теперь помню, говорилъ князь, какое непріятное соприкосновеніе получалъ я, когда моя Нѣмка скоблила тѣло мое шершавымъ, теплымъ и широкимъ языкомъ своимъ; ея лизанье похоже было на лизанье кошки. Иногда принималась она спрыскивать меня, и это какъ-то дѣлала чрезъ уголь; иногда, разсердившись, сѣкла меня безъ всякаго милосердія и чтобъ кто нибудь не узналъ этихъ продѣлокъ, то прежде сѣченья обкладывала тѣло намоченною салфеткою. Однажды, не вытерпѣвъ боли отъ таковаго истязанья, я укусилъ у нея палецъ; взбѣшенная Нѣмка пожаловалась на меня матери, и та вновь принялась сѣчь меня. И вотъ, на 13-мъ году моей жизни, когда я былъ уже пажемъ и наканунѣ отправленія моего въ Петербургъ, мать позвала меня къ себѣ въ комнату и ни зачто, ни прочто больно меня высѣкла. Лизанье Нѣмки и спрыскиванье чрезъ уголь водою казались необходимымъ нянькѣ моей, можетъ быть для того, что на меня маленькаго по временамъ находилъ страхъ; я трепеталъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Былъ узкій и несвѣтлый корридоръ; въ корридорѣ этомъ была на панеляхъ дверь, закрытая живописною картиною, изображавшею во весь ростъ егеря. Пробѣгая корридоромъ, особенно въ сумерки лѣтняго дня, я невольно встрѣчался съ тусклыми глазами уединеннаго обитателя корридора. Мнѣ казалось, что онъ смотрѣлъ на меня, зло улыбался и кивалъ головою...

II.

Мы пріѣзжаемъ вмѣстѣ съ Николаемъ Андреевичемъ [2]) къ князю, около 11-ти часовъ утра. Вмѣсто чтенія завязывается разговоръ. Князь вспоминаетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ 14-го Декабря.

Александръ зналъ о заговорѣ, но давалъ ему дозрѣвать. Это дѣлалъ онъ по политическому разсчету и по нерѣшительности, которая составляла господствующую черту его характера. Князь вызывается

---

[1]) Мать князя А. Н. Голицына (1737—1737) была урожденная Хитрово; во второмъ бракѣ Кологривова. П. Б.

[2]) Лицо намъ неизвѣстное; должно быть Загряжскій. П. Б.

къ молебну во дворцѣ и является къ Государю Императору. Входя въ кабинетъ, одинъ изъ генералъ-адъютантовъ, блѣдный какъ полотно, говоритъ князю dans le creux de l'oreil [3]), что часть Московскаго полка взбунтовалась. Твердость Государева. «Я сдѣлалъ уже всѣ нужныя распоряженія, сяду на коня, лично буду при дѣлѣ, et je me paye de ma personne [4]), а что̀ случится, то да будетъ воля Божія.» Князь идетъ въ апартаменты императрицы-матери; та ничего не знаетъ. Между тѣмъ Государь объяснилъ свою волю караулу изъ піонеровъ, стоящему во дворцѣ. Піонеры, закричавъ ура, зарядили ружья. Остальная часть полка піонеровъ также поспѣшила ко дворцу. Государь ихъ встрѣтилъ, объяснилъ дѣло, передалъ приказаніе; піонеры, прокричавъ ура̀, зарядили ружья и размѣстились или заняли трои ворота Зимняго дворца. Между тѣмъ Государь вышелъ на площадь; къ нему тѣснился народъ, цѣловали его руки, ноги. Государь шелъ сперва пѣшій, потомъ сѣлъ на лошадь, медленно двигался, поджидая артилеріи и прочихъ войскъ. Позади его генералъ-адъютантъ раздавалъ манифесты. Князь въ это время былъ во дворцѣ: онъ навѣщалъ или императрицу Марію или называемый фонарикомъ балконъ во дворцѣ. Въ фонарикѣ собрались нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ сановниковъ двора изъ пріѣхавшихъ тогда къ молебну. Старики, не понимая дѣла, парализованы были идеею порядка дворскаго; находили страннымъ, что Государь вздумалъ дѣлать разводъ или парадъ: этого-де въ подобное время никогда не бывало. Видя Государя смѣшавшагося съ толпою, старцы ворчали и обращались къ князю; но князь зналъ и молчалъ. Если князь заходилъ къ Государынѣ, та также передавала удивленіе свое князю. Князь пожималъ плечами, говорилъ въ оправданіе мнимаго парада кое-что и смутный уходилъ опять въ фонарикъ.

Наконецъ, князь видитъ, что отдѣляется часть Московскаго полка. Малорослый Пановъ ведетъ ее по бульвару ко дворцу. Подходя къ оному и видя, что выходы заняты піонерами, онъ дѣлаетъ рукою угрожающее движеніе, скрежещетъ зубами и ретируется тѣми же бульварными аллеями, которыми и пришелъ. Ретирада эта произошла почти вблизи Государя, который пропустилъ ее, не желая поставить себя и часть войска между двухъ огней. Наконецъ, дѣло сдѣлалось понятнымъ. Въ фонарикѣ прозрѣли старцы, въ апартаментахъ Императрица. Привезли митрополита Серафима. Онъ оробѣлъ. Его отклонили и не допустили говорить войску. Выстрѣлили по мятежникамъ

---

[3]) Совсѣмъ на ухо.

[4]) Поплачусь своею особою.

холостыми зарядами; сдѣлали нѣсколько и настоящихъ выстрѣловъ. Это озадачило старцевъ въ фонарикѣ. Императрица Марія въ смятеніи; князь ее утѣшаетъ.—Mon prince, c'est le sang russe qui coule [5]), сказала она въ смятенномъ чувствѣ.—Madame c'est le sang gâté et pourri qui s'en va [6]), отвѣтствуетъ князь. Государь является, собираетъ свое августѣйшее семейство и объясняетъ все происшедшее. Императрица Марія замѣтила князю, что Государь возвратился и tout de suite a pris de l'aplomb [7]). На эту арену пошелъ онъ какъ-то не тѣмъ, чѣмъ возвратился. На площади онъ въ скорое время ознакомился съ генералами и вылился тотъ же часъ въ ту энергію, которую Провидѣніе такъ щедро ему усвоило.

Это дало поводъ князю говорить о мужествѣ Государя. Князь вспомнилъ объ эпидеміи. Тогда онъ былъ въ Петергофѣ. Время было строгаго разобщенія и карантина. Между тѣмъ въ центрѣ мнимой безопасности самъ Бенкендорфъ пораженъ былъ холерою. Князь и нѣкоторые другіе навѣщали въ то время Бенкендорфа; всеобщее уныніе. Собранія въ церкви. Ревность и усердіе къ дѣлу религіозному. Прекрасный молебенъ, нарочно для этого случая составленный. Замѣчательный апостолъ. Дѣтей только Господь наказываетъ, а не беззаконно прижитыхъ. Смута въ Петербургѣ. Чернь убиваетъ нѣкоторыхъ врачей, думая, что они отравливаютъ народъ. Государь садится въ фаэтончикъ, скачетъ въ Петербургъ. На сѣнной собралась несмѣтная толпа. Пріѣзжая на площадь, Государь встаетъ на ноги въ коляскѣ, снимаетъ фуражку и грозно обличаетъ народъ въ преступленіи человѣкоубійства. Молитесь виновные и кайтесь предъ Богомъ! говоритъ съ твердостію Государь, указывая на церковь Спаса, что̀ въ Сѣнной. И вотъ въ одно мгновеніе вся несмѣтная толпа, сбросивъ фуражки, упала на колѣна и зарыдала предъ разгнѣваннымъ Господомъ о своихъ фанатическихъ беззаконіяхъ.

Неистовства въ военныхъ поселеніяхъ. Посылается графъ Орловъ, приводитъ въ нѣкоторый порядокъ. Князю странно и непонятно кажется, почему данная кстати оплеуха можетъ быть совмѣстна и красива въ столь важномъ дѣлѣ. Это обличаетъ глубокое обиліе кротости въ князѣ. Даютъ знать Государю, что нужно его присутствіе. Монархъ пріѣзжаетъ въ Новогородскія поселенія. За обѣднею, когда онъ прикладывается ко кресту, священникъ шепчетъ Государю, что есть для

---

[5]) Князь, течетъ Русская кровь.

[6]) Государыня, течетъ кровь, но кровь испорченная и гнилая

[7]) Тотчасъ пріобрѣлъ значительный видъ.

него немалая опасность отъ двухъ неунявшихся еще ротъ. Послѣ обѣдни Государь сбираетъ эти двѣ роты. Заставивъ продѣлать ихъ нѣкоторыя легкія эволюціи, Царь вдругъ какъ бы нечаянно прогремѣлъ имъ: маршъ—маршъ въ Петербургъ! Роты панически повиновались и пошли въ столицу, зная, что тамъ ихъ ожидаютъ судъ и осужденіе. Государь, обогнавъ ихъ дорогою, опять подтверждаетъ имъ приказаніе, чтобы торопились идти къ назначенному мѣсту. Безпокойство, пренебреженіе, усталось, унылость цѣли, видимая и ежечасно ожидаемая опасность отъ болѣзни, опасность отъ ожесточеннаго изувѣрства, ничто не останавливаетъ Государя, когда онъ поддается желѣзной своей волѣ. Князь разсказываетъ это съ одушевленіемъ, и мнѣ, какъ Русскому, сладко собирать подобныя крупицы величія: я выростаю болѣе въ очахъ своихъ, слушая эти разсказы и внутренно благодарю Господа, что Онъ обставляетъ родимую сторонушку таковыми Европейскими Святославами. У меня есть собственноручное письмо князя по этому случаю. Теперь перейдемъ опять къ 14-му Декабря.

Суматоха унимается. Государь сказалъ князю, что, вышедши на площадь, онъ слышалъ на противулежащемъ концѣ оной возмутительные крики: Да здравствуетъ Константинъ! Да здравствуетъ конституція! Добродушное недоумѣніе князя, какъ Государь могъ такъ далеко слышать. Государь съ улыбкою замѣчаетъ князю, что онъ забылъ, что онъ не Александръ, который нѣсколько былъ глухъ. Благодарный молебенъ служили во дворцѣ нѣсколько поздно. Государь со своею августѣйшею фамиліею простоялъ всю службу на колѣняхъ и очень много плакалъ. Странно, замѣчаетъ князь, что мы всѣ, сколько насъ тутъ было, простояли на ногахъ. Сейчасъ же образовалась слѣдственная коммисія. Подали свѣчи въ особую комнату, и всю ту ночь Государь почти не спалъ и предварительно самъ допрашивалъ преступниковъ, которыхъ сейчасъ же начали ловить и представлять во дворецъ, такъ что, когда Государь отпустилъ князя и тотъ началъ сходить съ лѣстницы, чтобы возвратиться въ свой домъ, ему встрѣтился нѣкто преступникъ, котораго руки связаны были назади шарфомъ: его вели два солдата и очень не нѣжно съ нимъ обращались. Президентомъ коммисіи назначается бывшій военный министръ Александръ Ивановичъ Татищевъ. Онъ выбираетъ производителя дѣлъ изъ своихъ чиновниковъ. Татищевъ въ родѣ Русскаго Фальстафа, типъ золотой посредственности. Не зная дѣла, сомнѣвается въ знаніи и добросовѣстности своего производителя. Смѣшныя опасенія и торопливость. Одинъ преступникъ показалъ, что онъ хотѣлъ открыть ему заговоръ, но не засталъ его дома. Это Татищева возмутило, началъ

браниться шельмою, такъ что прочіе члены съ полусмѣхомъ стали его уговаривать и успокоивать.

Большее безпокойство и тяжесть для князя, какъ члена Комитета Министровъ, какъ члена Государственнаго Совѣта, какъ исправляющаго должность министра двора, какъ главноначальствующаго надъ почтовымъ вѣдомствомъ, какъ члена верховной коммисіи о преступникахъ, какъ придворнаго сановника, котораго Государь безпрестанно требовалъ. Открылась гемороидальная боль въ кишкахъ, опасная болѣзнь въ почкахъ, переходящій ревматизмъ. Діета, діета строгая и молитва отвели князя отъ чахотки или водяной. Князь, какъ Фенелонъ, старается, держится и образуетъ только родственниковъ по духу. Безпристрастіе и свобода въ оцѣнкѣ поступковъ своихъ кровныхъ. Является племянничекъ въ Петергофъ и звѣнитъ предъ княземъ либеральнымъ воззрѣніемъ на вещи. Въ день бунта съ дядею Остерманомъ онъ проѣзжаетъ по площади, возвращаясь изъ путешествія своего изъ древней столицы. (Замѣчательное слово Остермана на площади солдатамъ). На другой день является къ князю. Попадается въ изобличеніи, приводится въ присутствіе князя и ото всего отпирается. Изъ каземата пишетъ письмо и во всемъ признается. Князь жалѣетъ, что племянникъ лѣзетъ въ солдаты, а по мнѣнію князя оставался бы въ Сибири простолюдиномъ, завелъ бы огородъ и воспитывалъ бы дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ и покорности властямъ *).

Ужасныя физіономіи нѣкоторыхъ преступниковъ. Оригинальная улика въ неправдѣ, когда одинъ осужденный, назначая весьма важныя лица для кровавой мести, перебиралъ ихъ по пальцамъ, а другой оспаривалъ его, утверждая, что не по пальцамъ, а просто. Доброта князя, оказанная одному преступнику, когда сего несчастнаго при допросѣ продержали цѣлыя сутки не ѣвши. Князь, и самъ въ то время обѣдавшій въ каморѣ присутствія, остатки своего стола снесъ къ преступнику и, лично подавая ему яству съ ласковымъ словомъ, озолотилъ или оцвѣтилъ блѣдное небо страданія. Преступникъ принялъ яству, сквозь слезы благодарилъ князя, а ангелъ-хранитель преступника записалъ эту черту въ дневный рапортъ свой къ Вѣчному. Съ умиленіемъ воспоминаю слово царственной матери бѣдныхъ, августѣйшей Маріи: Mon Prince, c'est le sang russe qui coule! Это слово опредѣляетъ характеръ и силу того нравственнаго перерожденія, которое способно и доступно только душамъ возвышеннымъ. Нѣкто

---

*) Князь Валерьянъ Михайловичъ Голицынъ, извѣстный декабристъ. П. Б.

сказалъ, что нѣтъ измѣнниковъ на престолѣ. Согласенъ. Но всегда же рѣдко бываетъ, чтобы лицо столь устраненное и отдѣленное своимъ величіемъ отъ народа, въ минуту опасности, въ минуту паническаго страха и не женщинамъ сроднаго, могло и умѣло воплотить въ себѣ такое народолюбіе, чтобы кровь народная выше и свѣжѣе стояла въ помышленіи, чѣмъ естественнѣйшая въ то время идея о самосохраненіи. Миръ тебѣ, доблественная Марія, миръ тебѣ, матерь народа Русскаго! Придетъ то время, когда и тебя узнаютъ; узнаютъ внутреннія сокровища твоего сердца, нынѣ скрытыя, невѣдомыя [1].

«Мы многонько говорили, пора читать», сказалъ князь, и принялся за книгу. Авторъ тотъ же Enfant de Dieu. Читано было о раѣ, о древѣ добра и зла, о паденіи праотцевъ, о стыдѣ наготы своей и проч. и проч., и все это въ приспособленіи къ внутреннему освѣщенію.

III.

Князь читаетъ намъ съ Николаемъ Андреевичемъ письмо, полученное имъ изъ Москвы отъ Булгакова [2]). Во время пребыванія своего въ древней столицѣ Его Величество очень ласкалъ Московскаго почтъ-директора. Булгаковъ благодаритъ князя за начальническую милость и усваиваетъ видимое къ нему благоволеніе царское ходатайству и предстательству о немъ князя. Государь, услышавъ въ Москвѣ о нѣкоторыхъ драматическихъ способностяхъ сына Булгакова, захотѣлъ, чтобъ онъ показалъ ихъ предъ его особою. Въ тоже время велѣно учредить при дворцѣ дѣтскій театръ. Юный сынъ Булгакова [3]) представлялъ на ономъ извѣстную роль Дмитрія Донскаго. Этотъ мальчикъ при лицѣ всего двора съ одушевленіемъ проговорилъ тотъ славный монологъ Озерова, когда Дмитрій Донской, послѣ пораженія Мамая, раненый становится на колѣна и благодаритъ Господа Силъ:

Но первый сердца долгъ, Тебѣ Царю Царей:
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію,
Какъ прахъ земный сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
Языки вѣдайте, великъ Россійскій Богъ!

Государь пришелъ въ восхищеніе и обнялъ юнаго Димитрія. Надобно представить тогда чувства отца! Булгаковъ извѣщаетъ князя, что его приглашали на всѣ вечера дворскіе — честь необычайная, потому что количество приглашаемыхъ было весьма ограничено. Съ

---

[1]) О положеніи, которое заняла императрица Марія Θеодоровна во время трехнедѣльнаго междуцарствія, сохранились важныя извѣстія очевидца, роднаго ея племянника, герцога Евгенія Виртембергскаго, человѣка правдиваго. П. Б.

[2]) Славный перлюстраторъ, до того развязный въ своемъ дѣлѣ, что въ чужихъ письмахъ, адресованныхъ къ его знакомымъ, приписывалъ строки отъ себя. П. Б.

[3]) Это знаменитый впослѣдствіи своими шалостями Костя Булгаковъ. Вотъ разгадка, почему разныя проказы сходили ему съ рукъ. П. Б.

замѣтнымъ участіемъ князь прочиталъ намъ письмо это и въ тоже время отдалъ его Загряжскому, для доставленія родной сестрѣ Булгакова. Эта черта показываетъ, что методическое равнодушіе князя ко всѣмъ внѣшнимъ проявленіямъ въ жизни, которое составляетъ настоящую главную работу его духа, уступило на этотъ разъ чувству болѣе обыкновенному, и вотъ онъ спѣшитъ обаяніе брата, всегда лестное для подданнаго, передать родной сестрѣ его.

Князь прочиталъ намъ еще одно письмо, полученное, помнится, отъ сенатора Нечаева. Въ Тульской губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ, одна благородная, молодая дама, Вѣра Шнейдерова, урожденная Муромцова, куда-то ѣдучи, упала съ дрожекъ и ушибла ногу. Болѣзнь болѣе и болѣе усилилась, и вотъ она умираетъ. Собрались священники, чтобъ отпѣвать ее, приступили къ тѣлу; глядятъ, а наша умершая встаетъ съ одра! Изумленные свидѣтели увидѣли, что она только обмирала. Ясность, спокойствіе, миръ разливались по блѣдному лицу ея. Посыпались вопросы, и обмиравшая съ удивительною точностію отвѣчала на все ей задаваемое. Къ крайнему изумленію вопрошающихъ замѣтили въ ней качество неземное, какую-то прозорливость въ сердцѣ дѣлающаго вопросы. Таковый съ трепетомъ ожидалъ отвѣта, ибо видѣлъ, что духъ обмиравшей проницалъ его внутренность и могъ обличать его въ тайнахъ, можетъ быть, въ заповѣдныхъ и завѣтныхъ. Г-жа Вѣра Шнейдерова, барыня доселѣ простая, провинціальная, говорившая обыкновеннымъ свѣтскимъ нарѣчіемъ о вещахъ обыкновенныхъ, послѣ обмиранія, вдругъ преобразила свои способности. Рѣчь ея сдѣлалась торжественна, слово возвысилось къ идеямъ величественнымъ, спасительнымъ для человѣчества. Вѣщанія этого духа приняли какой-то характеръ званія апостольскаго, обличающаго и наставляющаго. Отецъ ея и мужъ старшей сестры уже были умершими. Отецъ былъ человѣкъ свѣтскій, сельскій дворянинъ какихъ много, то есть во время жизни своей не находившій, повидимому, времени помышлять о дѣлѣ своего спасенія. Мужъ же сестры, по наружности, былъ воздержаннѣе своего тестя; домочадцы считали его христіаниномъ ревностнымъ и строгимъ исполнителемъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей. Спросили обмиравшую, видѣла ли она этихъ людей; она отвѣтствовала утвердительно и сказала даже про ихъ состояніе. Объ мужѣ сестры своей она отозвалась, что видѣла его печальнымъ и несозрѣвшимъ еще для своего назначенія; отецъ же, по ея словамъ, былъ свѣтлѣе, мирнѣе и ближе къ цѣли. Г-жа Шнейдерова продолжала такимъ образомъ предгробную свою проповѣдь недѣли двѣ времени и потомъ, снабженная христіанскимъ напутствіемъ, отошла уже на вѣки въ домъ отцовъ своихъ.

СИМБИРСКІЙ ВОЛШЕБНИКЪ ЯРОВЪ.

Въ собраніи „дѣлъ Сената по Синоду“, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, есть документъ [1]), представляющій собою содержаніе „розыска“ объ еретикъ Яровѣ. Производство предварительнаго слѣдствія по этому дѣлу началось въ Симбирскѣ 5 Августа 1732 г. и кончилось 18 Марта 1736 г. Все это время за ходомъ дѣла слѣдили въ Петербургѣ Сенатъ и Синодъ, не входя другъ съ другомъ въ пререканія.

5 Августа 1732 года является въ Симбирскую Ратушу молодая, красивая женщина, назвавшаяся женой Симбирскаго посадскаго человѣка Якова Ярова [2]), Варварой Петровой. На допросѣ въ Ратушѣ начала она расказываетъ приказнымъ людямъ про своего мужа такія небылицы, которымъ они не могли сразу повѣрить. Но когда Ярова, успокоившись, стала передавать свои показанія тише, тогда у приказныхъ явилось къ ней довѣріе, и они велѣли ей расказывать все, что̀ она знала за Яровымъ и все что̀ слышала про него. По разсказу ея видно, что вышла она замужъ „поневолѣ“, въ 1732 г. 4 Февраля. Въ началѣ своего „медоваго мѣсяца“ она ничего не замѣчала за Яровымъ; но тѣмъ не менѣе, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ загадочнѣе и страннѣе становился молодой супругъ. Каждый день лишь только начнетъ „смеркнуть“, Яровъ уже сидитъ у себя „на подволокнѣ“. Бывало, подкрадется она тихонько къ мужу, къ перегородкѣ, приложитъ ухо и слышитъ, какъ Яровъ „бормоча чинитъ волшебства какія-то“ и читаетъ „еретическія книги и письма“. Посмотритъ она въ щель, увидитъ, какъ горятъ „лучины“ и какъ пересыпаетъ мужъ „какія-то сѣмена“ и „стираетъ какія-то травы“. Болѣзненно дѣйствуетъ это на душу Яровой; не спится ей цѣлыя ночи, а если и придется заснуть, то каждый разъ грезятся ей такіе странные сны, отъ которыхъ и теперь у ней, Яровой, леденѣютъ сердце и умъ. И вотъ, подъ вліяніемъ всего этого, она и обратилась сначала къ своему „духовному“, попу церкви Успенія Пресвятыя

---

[1]) Книга „Дѣла Сената по Синоду“, 1740 года, 30 (792), стр. 1193.

[2]) Яровы или Яровые до сихъ поръ существуютъ въ Симбирской губерніи. И. Б.

Богородицы Никитѣ Андрееву, а потомъ и къ сосѣду его, попу Никифору Елифанову. Оба они стояли заодно и говорили, „чтобъ не остаться ей приличной вмѣстѣ съ мужемъ ея въ такомъ еретичествѣ, нужно обо всемъ своевременно донести начальству“.

На этомъ заканчиваются показанія Яровой, и въ Ратушѣ, провѣряя ея „извѣтъ“, невольно приходятъ къ убѣжденію, что здѣсь кроется доля истины. Вотъ почему, при отпускѣ домой, „наказываютъ“ Яровой хранить все въ тайнѣ.

На другой день „для сыску“ наряжается особая команда, составленная изъ нѣсколькихъ „нарочныхъ“ и земскаго старосты Семена Ясырина „съ товарищи“. Посланные, прибывъ на мѣсто назначенія, накрываютъ Ярова „въ расплохъ“, въ самый разгаръ его „потаеннаго дѣйства“. Вся команда, забравшись на верхъ его дома „къ его подволокнѣ“, стала сначала смотрѣть, что̀ дѣлаетъ Яровъ, и предъ всѣми тогда въ полумрачномъ освѣщеніи открылась интересная панорама. Видятъ они, „что въ небольшихъ коробочкахъ“, лежащихъ около Ярова, „находятся малоросныя коренья“, „тетрадки гадательныя“, „письма руки его“; кромѣ того тутъ же „разложены еще другія всевозможныя травы, сушеныя, несушеныя, тертыя и нетертыя“; около нихъ валяется „какой-то *букварь*“ и „невѣдомыя письма“; а кругомъ самого Ярова правильно разставлены „кости человѣческія“. Насмотрѣвшись вдоволь и запомнивъ, гдѣ и что̀ Яровъ прячетъ, посланные вламываются „въ дверку на подволокню“, въ ту самую минуту, какъ Яровъ „вынимаетъ изъ зарытой въ мукѣ лукошки книжку заговорную, притворную къ блуду“ и ею начинаетъ „дѣйство чинить“. Связываютъ Ярова, забираютъ все, что̀ могутъ найдти и все, что̀ по взгляду команды имѣло значеніе по такому дѣлу. Съ большимъ коробомъ, нагруженнымъ вещественными доказательствами, былъ доставленъ Яровъ въ Ратушу къ приказнымъ людямъ. Здѣсь, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, при полномъ составѣ слѣдствія, заставляютъ Ярова каяться въ „еретичествѣ“; его пытаютъ, „бьютъ батогомъ“ и все, что̀ говоритъ онъ записывается прямо въ „допросъ“.

Яровъ показывалъ „что еретическую-де книгу онъ имѣетъ тому съ девять годовъ“; „по этой самой *невѣдомой* книжкѣ онъ всегда и все дѣйство чинилъ“; а какъ изучилъ онъ ее, „такъ и отрекся по ней отъ Всетворца Истиннаго Бога, но при этомъ отъ Христа онъ вовсе не отрекался“. По этому самому ученію онъ и діавола, и сатану чтитъ и теперь владыками, клянется имъ „быть постоянно въ ихъ діавольской волѣ, призываетъ къ себѣ еретиковъ Діонисія и Варлаамія, идетъ по ихъ ученію и себя рабомъ ихъ на словахъ признаетъ“. „И говорилъ тогда онъ все, какъ въ той книжкѣ написано“.

Кто же это такіе Діонисій и Варлаамій? И что это „за невѣдомая книжка“, по которой излагалъ свою вѣру Яровъ?

Въ исторіи раскола вы не встрѣчаете знаменитыхъ, извѣстныхъ, идущихъ рука объ руку, по одному пути, еретиковъ Діонисія и Варлаамія;

нѣтъ нхъ ученія, они неизвѣстны. Но въ показаніяхъ Ярова есть „*что-то*“ загадочное, и въ тоже время тутъ проглядываетъ и сходство съ тѣмъ ученіемъ, которое было въ XIV-мъ вѣкѣ въ Греціи, затѣмъ въ Италіи и которое случайно могло попасть ему въ руки (принимая во вниманіе конечно нѣкоторое искаженіе въ изложеніи его показаній и вѣры). Здѣсь говоримъ мы о Варлаамѣ. Это былъ сынъ своего вѣка, человѣкъ „высокообразованный, проницательный, краснорѣчивый, но воспитанный въ Латинскихъ обычаяхъ“. Ему, какъ игумену монастыря Святаго Спасителя въ Византіи, было поручено императоромъ „объяснить ученіе Св. Діонисія“. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого мы встрѣчаемъ Варлаама уже еретикомъ, дѣйствующимъ въ Константинополѣ. Его ученіе начинается именно съ догматовъ, данныхъ Діонисіемъ. Варлаамъ, идя прямо по пути его, приходитъ къ заключенію, по которому признаетъ „свѣтъ“, то-есть по православному исповѣданію сошествіе и явленіе Св. Духа, уже ниже нашей человѣческой мысли; онъ уподобляетъ это „лучамъ солнца“. Начало такихъ понятій получилось вслѣдствіе того, что онъ зашелъ въ Ѳессалійскій монастырь „къ Исихастамъ“, гдѣ эти монахи и разсказали ему, что „будто въ минуты наиболѣе глубокаго религіознаго настроенія удостоиваются они видѣть божественный свѣтъ“. А въ самомъ ученіи Варлаама говорилось уже лаконически, что „свѣтъ, просіявшій на Ѳаворѣ, не только не былъ свѣтъ Божества, высшій ангеловъ, но былъ даже по существу своему ниже нашей мысли. Мысли наши не подлежатъ внѣшнему чувству; они не могутъ быть видимы, тогда какъ свѣтъ оный былъ видимъ тѣлесными глазами и при томъ глазами людей несовершенныхъ, еще неосвященныхъ благодатію, какъ нѣчто вещественное, являвшееся въ пространствѣ и окрашивающее воздухъ“ [1]). Противъ такихъ понятій было воззваніе патріарха Константинопольскаго къ православнымъ всячески избѣгать безбожнѣйшаго ученія Варлаама и его единомышленниковъ, избѣгать его какъ общенія съ *демономъ*“ [2]).

Вотъ какое предположеніе можемъ мы сдѣлать относительно исповѣди Ярова; но въ этомъ предположеніи есть и обратная сторона. Яровъ преспокойно могъ быть *простымъ знахаремъ*, изучавшимъ травы, организмъ человѣка и, свое ученіе примѣняя къ практикѣ, онъ подавалъ руку помощи приходящимъ къ нему больнымъ, просившимъ „заговора“. Подъ вліяніемъ пытокъ, могъ онъ утверждать именно о чемъ его спрашивали; а говорилъ онъ все „по той самой книгѣ“, которую имѣлъ и читалъ, которая лицамъ, производившимъ о немъ слѣдствіе и допросъ, казалась „еретической“, именно такой книгой, по которой онъ могъ „колдовать“.

---

[1]) См. Real-Encyclopedie für protestantische Theologie und Kirche, стр. 52—53. Ученіе Варлаама, говорится тамъ, была болѣзненная фантазія мистицизма, который изстари вкоренился въ Греческой теологіи.

[2]) Труды Кіевской Дух. Акад. 1872 г. № 2. „Варлаамитская ересь“, Недѣтовскаго, стр. 316—357.

Самъ же Яровъ продолжалъ разсказывать.„Такую еретическую книжку“ нашелъ случайно; „при помощи ея онъ изучилъ проявлять свою силу въ блудѣ, именно надъ тѣмъ, надъ кѣмъ бы онъ ни похотѣлъ“. Мать и жена „про такое его волшебство“ совсѣмъ ничего „не вѣдали“; только приходилось ему не разъ „каяться“ духовному своему отцу Никитѣ Андрееву „въ своемъ отреченьи отъ Бога“; но послѣ указа о волшебникахъ онъ совсѣмъ прекратилъ „въ своемъ домѣ чинить волшебство“, а сталъ „изучать только травы и корни“.

Вслѣдствіе такихъ показаній, произведена Ярову очная ставка съ женой его. Но при этомъ Варвара Петрова по прежнему упорно стояла на своемъ и говорила, „что еретичество за онымъ Яровымъ признаетъ издавна и видѣла она сама подлинно въ такой точно силѣ, какъ выше показано“.

Въ Симбирской Ратушѣ и не думаютъ на этомъ остановиться; напротивъ, идутъ далѣе, именно по тѣмъ слѣдамъ, которые намѣчали самъ Яровъ и жена его. Въ Архіерейскомъ Духовномъ Приказѣ спросили попа Никиту Андреева, а онъ, вполнѣ отрицая показанія Ярова, добавилъ, что „ни напредъ сего, ни послѣ“ Яровъ у него „на исповѣди не былъ, въ своемъ еретичествѣ ему не каялся и св. таинъ не пріобщался“. Это самое подтвердилъ и другой попъ Никифоръ Елифановъ. Тогда окольнымъ путемъ стали наводить справки о тѣхъ лицахъ, которыя хоть непосредственно имѣли отношенія къ дѣлу о Яровѣ. Въ Архіерейскомъ Казенномъ Приказѣ узнаютъ, что Яровъ въ 1730 году лѣчилъ въ Симбирскѣ многихъ „болящихъ“, не только по своему личному желанію, но и по призыву самихъ Симбирскихъ посадскихъ людей. Это были Петръ и Гаврилъ Карамышевы, Иванъ Издеберскій, сноха послѣдняго Марья Иванова, Григорій Деревягинъ и другіе. Кромѣ того были тутъ еще и такіе, которыхъ „врачевалъ“ Яровъ „отъ безумія“. Указанные свидѣтели при допросѣ единогласно показали, что Яровъ лѣчилъ ихъ отъ разныхъ болѣзней, и это было извѣстно не имъ однимъ, но и другимъ, которые „важнѣе ихъ“; что же касается его ученія и еретическихъ книгъ и волшебства, то объ этомъ и подозрѣнія у нихъ на него никакого не было; напротивъ того, онъ казался имъ всегда „богобоязненнымъ“ и добрымъ. При лѣченіи онъ читалъ три молитвы, которыя напечатаны въ Требникѣ, въ чинѣ крещенія, запретительныя отъ бѣсовъ и нечестивыхъ духовъ. Когда эти показанія были переданы Ярову, тогда онъ добавилъ, что знаетъ еще другаго такого же „ворожца тайнаго“, себѣ подобнаго, зовутъ его Плотниковымъ“; но „въ чемъ состоитъ его ворожба, того онъ подлинно не вѣдаетъ“. Вслѣдствіе такихъ намековъ Ярова на другаго „зловреднаго еретика“ приказные люди приняли мѣры и средства для розыска его; но все это не увѣнчалось успѣхомъ: никто изъ жителей Симбирскихъ такого человѣка „не упомнилъ“. Тогда Симбирская Ратуша заканчиваетъ слѣдствіе о Яровѣ и все дѣло передаетъ сначала въ канцелярію Воеводскаго Правленія, а потомъ и въ канцелярію Симбирской Провинціи. Здѣсь мы видимъ, что пе-

редопрашиваются снова всѣ свидѣтели, которые единогласно повторяютъ свои показанія и говорятъ, что „богохульства и еретичества въ Яровѣ они не примѣчали, обращались къ нему какъ знахарю, принимали отъ него и пили именно тѣ травы, которыя дѣлалъ онъ, и отъ этихъ травъ имъ всегда легчало“. Когда же предлагали тѣже вопросы Ярову, особенно относительно ворожца „Плотникова“ и когда требовали отъ него разъясненій всего этого, и били его батогомъ, тогда Яровъ „долго стоялъ на своемъ“, но подъ конецъ не выдержалъ, отрекся отъ своихъ послѣднихъ показаній и, „не стерпя пытокъ, вполнѣ очистилъ Плотникова“, говоря, „что поклепалъ онъ на него напрасно“.

На этомъ заканчивается *весь* розыскъ о еретикѣ Яровѣ, и полное собраніе доказательствъ, послужившихъ къ обвиненію его передается на окончательное разсмотрѣніе въ Козельскую (?) Губернскую Канцелярію. А тутъ не обращая вниманія ни на неясность, ни на полноту этого дѣла, прямо ставятъ въ вину Ярову всѣ дѣянія его и „предаютъ на сужденіе еретика“ при ссылкѣ на указъ 1731 года 25 Мая (Полн. Собр. Закон. № 5701), гдѣ было предписано всѣмъ строго слѣдить за подобными людьми. „Въ Россіи“ говорится въ указѣ, нѣкоторые люди, забывъ страхъ Божій и вѣчное за злыя дѣла мученіе, показываютъ себя, будто бы они волшебства знаютъ и обѣщаются простымъ людямъ чинить всякіе способы, чего ради тѣ люди призываютъ ихъ къ себѣ въ домы и просятъ ихъ о вспомоществованіи въ злыхъ своихъ намѣреніяхъ, что̀ тѣ мнимые волшебники имъ обѣщаются и за то получаютъ себѣ немалые прибытки, а прельщающіеся душевредными способы воспріемлютъ себѣ втунѣ убытки, паче же гнѣвъ Божій, а по гражданскимъ правамъ наказанія, а иные по винамъ и казни...... того ради оныя обманщики казнены будутъ смертію, сожжены....“

Исходя отсюда, Козельская Губернская Канцелярія опредѣляетъ по силѣ Уложенья 1 гл. 1 пункта казнить смертью Ярова, т.-е. сжечь его.

И дѣйствительно, 18 Марта 1736 г., при полномъ стеченіи народа, была совершена казнь Ярова.... Обо всемъ томъ Козельская Губернская Канцелярія спѣшитъ донести Правительствующему Сенату, что „Яровъ, какъ при слѣдствіи допросомъ своимъ показалъ, будто о своемъ отреченіи отъ Всетворца Бога и будто о еретичествѣ своемъ отцу духовному на исповѣди каялся, св. таинъ пріобщался, то объ этомъ можно подлинно донести, что какъ прежде въ своемъ еретичествѣ Яровъ отцу своему духовному никогда не каялся, св. таинъ не пріобщался; такъ и теперь въ такой своей злости состоялъ онъ до окончанія своей казни. Почему ему, Ярову, экзекуція учинена, и оный волшебникъ, за всѣ злыя и богопротивныя дѣла свои, на страхъ другимъ, сожженъ...“

И все это было какихъ-нибудь полтораста лѣтъ назадъ!

Д. Сапожниковъ.

ЖАЛОБНАЯ ПѢСНЬ МОСКОВСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Посланіе къ И. И. Шувалову [1]).

Шуваловъ нашъ отецъ, защитникъ, покровитель,
Святилища наукъ безсмертный учредитель,
На корпусъ твой драгой воззри съ высотъ небесъ.
Смотри, какъ много въ немъ надѣлалось чудесъ!
Твои преемники тебя достойны были;
Они насъ берегли, лелѣяли, любили;
Подъ ихъ защитою такъ мирно вѣкъ нашъ цвѣлъ!
Но нынѣ корпусъ весь увялъ и потемнѣлъ.
Херасковъ нашъ Гомеръ, сѣдинами почтенный,
Бдилъ всѣхъ насъ какъ отецъ, любовью распаленной.
Во вѣки въ памяти у насъ сохранено,
Какъ ревностью горѣлъ тогда Мелиссино;
Онъ былъ правдивъ и строгъ и ту имѣлъ заботу,
Стремился всѣмъ вліять къ ученію охоту.
Голицынъ [2]) съ простотой и доброю душой
Не дѣлалъ никому обиды никакой.
Кутузовъ [3]), хоть и такъ, но честенъ, благороденъ,
Въ поступкахъ былъ уменъ, пріятенъ и свободенъ;
Но жаль того, что онъ ужъ слишкомъ кротокъ былъ
И что директора [4]) за шалости не билъ.
Бумажный человѣкъ, законникъ Коваленскій,
Хотя блисталъ не такъ дѣлами какъ Чесменскій,
Но онъ на злобнаго директора ревѣлъ
И взятки прекращать поганыя велѣлъ.
И словомъ, были всѣ Отечеству полезны.
А нынѣ, о напасть! Не то чтὸ было встарь:
Кураторъ Муравей, а ректоръ Чеботарь [5]).
Одинъ все тянетъ, длитъ, кладетъ въ предолгій ящикъ;
Другой оретъ, шумитъ, какъ въ полѣ злой прикащикъ.
Одинъ съ улыбкою поклономъ всѣхъ даритъ,
Другой какъ съ дубу рветъ и басомъ говоритъ.

---

[1]) Скончался въ 1797 году. П. Б.

[2]) Князь Ѳ. Н. Голицынъ, котораго Записки см. въ Р. Архивѣ 1874 года. П. Б.

[3]) И. П. Тургенева.—[4]) Одинъ изъ кураторовъ.

[5]) М. Н. Муравьевъ назначенъ 24-го Января 1803 г. попечителемъ Московскаго университета. Будучи въ тоже время товарищемъ министра н. пр., онъ жилъ въ Петербургѣ. Ректоромъ въ Маѣ 1803 г. сдѣлался профессоръ Чеботаревъ. П. Б.

Полное собраніе „Русскаго Архива“ составляетъ цѣлую историческую библіотеку.

Лица, желающія пополнить свое собраніе „Русскаго Архива“ за всѣ двадцать четыре года, могутъ отчасти знакомиться съ его содержаніемъ по особо изданной **Росписи** за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подпищикамъ 1883 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на оберткахъ прошлаго года печаталось подробное содержаніе „Русскаго Архива“ за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: **1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881** и **1884** гг. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ **1885** года также еще есть на лицо. Остальныя годовыя изданія давно вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя и тройныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1886

4.

Приложенъ портретъ Н. Н. Муравьева-Карскаго.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

Одинъ попалъ кой-какъ лишь только въ грамотѣи,
Словъ десять затвердя, пускается въ затѣи;
Другой изъ подлости едва лишь говоритъ
И мальчиковъ въ семь лѣтъ студентами творитъ.
Одинъ клалъ подъ сукно прошеній сорокъ тысячъ,
Другой лишь затвердилъ: Хе, братъ, велю тебя я высѣчь!
Одинъ съ улыбками сгибается какъ ужъ.
Другой кричитъ, шумитъ и пиво suслитъ дюжъ.
Оставя сиволдай, и къ водочкѣ ужъ Гданской
Присѣлъ онъ съ роскоши и дуетъ сокъ Шампанской.
А мы несчастные тьму терпимъ разныхъ мукъ;
Сидимъ какъ каторжны, и свѣтъ пропалъ наукъ.
Ужъ не Пермесъ течетъ, а пивные потоки;
Храмъ Музъ содѣлался для насъ острогъ жестокой.

Шуваловъ, встань, проснись, отъ смерти воскресни
И доброму Царю хоть на ухо шепни,
Что сыщется въ Руси еще другой Шуваловъ,
Что время разогнать сихъ пьяницъ и нахаловъ.

А ты ничтожна тварь, ползучій муравей,
Который, тьму набравъ сверхъ силы должностей,
Оставь съ улыбками прenизкіе поклоны,
На крыльяхъ къ намъ лети, услышь студентовъ стоны,
Чтобъ править нами могъ за семьсотъ слишкомъ верстъ.
А паче пьянаго помощника имѣя.
Коль не опомнишься, то Фебъ, о насъ жалѣя,
Речетъ: „О муравей, тебѣ-ль летать? Ползи,
И ройся подъ дубомъ въ навозѣ и въ грязи!“

(Сообщено съ современной рукописи И. В. Помяловскимъ).

ПОПРАВКА.

Стр. 171. Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства въ 1786 году былъ не графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, а отецъ его графъ Петръ Борисовичъ.

Въ некрологическомъ листкѣ объ И. С. Аксаковѣ: вм. „къ таинственственнымъ брегамъ“ надо „къ таинственнымъ *вратамъ*“. И. С. Аксаковъ былъ не *вторымъ*, а третьимъ братомъ въ семьѣ.

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАПИСКА

происшествіямъ во время экспедиціи его сіятельства князь Юрья Володимировича Долгорукова, отъ арміи генералъ-маіора и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку маіора, въ Черную Гору, для учиненія оттуда въ Албаніи и Боснѣ непріятелю диверзіи.

1769-й ГОДЪ.

(Печатается съ современнаго списка, сохранившагося въ бумагахъ генерала-прокурора князя А. А. Вяземскаго).

При отправленіи его сіятельства въ помянутую экспедицію поручена ему Императорская грамота, писанная ко всѣмъ обще христіанскимъ народамъ, состоящимъ подъ Турецкимъ владѣніемъ; а содержаніе ея простиралося къ тому, дабы все христіанство, принявъ оружіе противъ непріятеля, способствовало къ своему избавленію отъ тиранскаго ига своихъ владѣтелей.

При сей экспедиціи определены въ команду его сіятельства изъ штабъ и оберъ-офицеровъ: отъ артилеріи подполковникъ Алексѣй Лецкой, подполковникъ Ѳедоръ Герсдорфъ, маіоръ Андрей Розенбергъ, капитанъ Иванъ Миловской, да два Преображенскаго полку унтеръ-офицера Сыромятниковъ и Акиншинъ; сверхъ того находились при его сіятельствѣ Россійской гусарской капитанъ Родіонъ Пламенецъ, да графъ Иванъ Войновичъ.

Его сіятельство князь Юрій Володимировичъ съ означенными штабъ-офицерами, отправясь изъ Пизы чрезъ Венецію, прибылъ въ Сенигалію Іюля 15-го числа 1769 года, и, за неготовностію корабля къ дальнѣйшему отъѣзду, прожилъ девять дней.

24-го Іюля въ вечеру въ двѣнадцатомъ часу, сѣвъ въ тамошнемъ портѣ на малую фелуку, переѣхали на трабакулъ, нагруженный нужными припасами, порохомъ и свинцомъ, и отправились прямо къ

Анконскому порту, въ разстояніи за 18-ть Италіянскихъ миль отъ Сенигаліи.

25-го, прибывъ поутру къ помянутому порту, препроводили тотъ день разъѣзжая въ виду города Анконы въ ожиданіи Греческаго корабля, на которомъ въ намѣренной путь отправиться надлежало; и съ тогожъ числа, уже въ полночь, по данному на кораблѣ и трабакулѣ сигналу, съѣхались съ кораблемъ и, перешедъ на оной, отправились въ море.

26-го, за тихостію погоды, препроводили весь день и ночь въ переѣздѣ къ Далмацкимъ берегамъ, разстояніемъ которыхъ по прямой линіи считается шестьдесятъ миль отъ Анконы.

27-го, поутру усмотрѣны были за тридцать миль Далмацкіе берега и на нихъ высокія каменныя горы. А при продолжающейся весьма тихой погодѣ прошелъ весь день, въ который приближались къ острову Венеціанскаго владѣнія, называемому Большой или Длинной островъ въ Далмаціи; а не доѣзжая къ оному за пять миль, поворотили въ право къ островамъ.

28-го, оставя въ правой сторонѣ помянутые острова, помощію небольшаго вѣтра, прибыли уже къ вечеру прямо въ портъ города Лѣсины, лежащаго на острову того-жъ имени, и тамо стали на якорѣ вблизи Венеціанской галеры, съ которой позванъ былъ трубою нашъ капитанъ, которой явился у командующаго шефа; а потомъ, взявъ свѣжей воды и другой провизіи, пустились въ море способнымъ вѣтромъ.

29-го поутру въ шестомъ часу, прибывъ къ острову, называемому Солчира, отправили фелуку въ портъ для покупки рыбы и взятья дровъ. Въ семъ портѣ, хотя довольно пространномъ и выгодномъ, однакожъ нѣтъ поселенія, кромѣ двухъ рыбачьихъ небольшихъ избушекъ для ловли сельдей, которыми всѣ помянутые острова весьма изобильны.

Въ переѣздѣ отъ острова Карцулы до Рагузы препроводили весь день и ночь за тихостію погоды.

30-го, приближась на зарѣ къ Рагузскому порту и имѣя городъ въ виду въ недальнемъ разстояніи, продолжали путь при берегахъ сей республики, и препроводили весь день въ переѣздѣ до Катарскаго залива, а въ вечеру, при солнечномъ захожденіи, съ помощію способнаго вѣтра, прибыли къ порту и городу Будье и, продолжая путь весьма близко онаго, умедлили нарочно, дабы позднѣе доѣхать до береговъ Венеціанскаго села, называемаго Пастровичи, гдѣ принято было намѣреніе выдти на берегъ.

Того-жъ числа, въ часъ ночи, перегрузя заблаговременно всѣ экипажи съ большаго корабля на трабакулъ, отправили въ маленькой шлюбкѣ на берегъ капитана Пламенеца, которому и велѣно подать

въ Черной Горѣ извѣстіе о пріѣздѣ и привесть оттуда на Турецкой берегъ, лежащій между Пастровичами и Спичемъ, людей и лошадей для выгрузки трабакуля; а сами, обождавъ съ полчаса, пересѣли въ фелуку и пустились вдоль береговъ, пользуясь тихостію морской погоды и весьма свѣтлою ночью.

Три часа продолжался сей переѣздъ, а наконецъ вышли на Пастровицкой берегъ подлѣ анбаровъ, отдаленныхъ отъ жилья.

Такимъ образомъ кончился морской путь, продолжавшійся чрезъ семь дней безъ всякаго препятствія и опасности и столь благополучно, что не только никому не случилось никакова въ здоровьѣ припадка, но еще и тѣ, кои въ Сенигаліи заболѣли, совершенно на кораблѣ выздоровѣли.

Обождавъ провожатыхъ съ полчаса, пошли въ полночь весьма тѣсною и каменистою дорогою на превысокія и, почти сказать, непроходимыя горы, каждой въ полномъ мундирѣ и съ нагруженными карманами. Нельзя достаточно описать, а того меньше въ мысляхъ представить, сколь многотруденъ былъ сей переходъ. Каменныя весьма крутыя горы, проходъ столь узокъ, что едва продраться можно одному человѣку; по сторонамъ по большой части терновыя алеи, камень на камени, а вострота и скользость оныхъ почти всеминутно угрожали падать, съ крайнею опасностію переломать ноги или ушибиться смертельнымъ ударомъ. Общее несчастіе умножалось еще и тѣмъ, что луна, освѣщавшая насъ на тихомъ морѣ, перестала уже свѣтить тогда, когда мы на сихъ опасныхъ горахъ находились. Чрезмѣрный внутренній и наружный жаръ, жажда и проходъ труднѣйшій на многихъ мѣстахъ отнимали у всѣхъ силы и чувства; и хотя на пути два ключа преизрядной воды и возвращали жизнь истомленнымъ и едва дышущимъ, однакожъ, наконецъ, при послѣднемъ всходѣ на гору, выбившись изъ силъ и лишась чувствъ и движенія, протянулись всѣ на камняхъ полумертвыми. Трудный сей переходъ продолжался шесть часовъ.

31-го Іюля на зарѣ, собравшись со остатками дыханія и жизни, взошли всѣ на гору и, перешедъ небольшое разстояніе, увидѣли Спичанскаго жителя, называемаго Михалко, съ однимъ осломъ и нѣсколькими Черногорцами. Князь Долгоруковъ, сѣвъ на осла, продолжалъ путь, а протчіе едва ползли пѣшкомъ; а потомъ приведено было еще нѣсколько ословъ для прочихъ. Такимъ образомъ былъ въѣздъ въ Черную Гору, и продолжался оной чрезъ два часа до перваго села, называемаго Глухидо, гдѣ остановясь имѣли отдыхъ до шести часовъ по полудни. Между тѣмъ отправлены были на морской берегъ люди съ мулами для выгрузки трабакуля, и по данному приказанію началась перевозка пороху и свинцу тудажъ въ Глухидо. Безпутный образъ

жизни, безъ всякаго начальства, власти и послушанія, безпорядочное самовольство жителей Черногорскихъ были причиною той медленности, съ которою производились выгрузка трабакуля и перевозка пороху, хотя всѣ возможныя къ тому графомъ Войновичемъ употреблены были старанія.

Въ шесть часовъ по полудни, князь Долгоруковъ и прочіе отправились на ослахъ далѣ внутрь Черной Горы и продолжали тѣсной и трудной путь до монастыря, называемаго Бурчеле въ Черницкомъ уѣздѣ, куда и прибыли въ часъ по полночи.

1-го Августа присланы были къ его сіятельству отъ патріарха Василія архимандритъ Аввакумъ, отъ митрополита Саввы—іеромонахъ Ѳеодосій съ комплиментами. Между тѣмъ учинены распоряженія о перевозкѣ пороху, свинцу и экипажа изъ Глухидо въ Бурчеле, и разосланы письменные приказы для собранія всѣхъ Черногорцевъ въ Цетину къ шестому числу Августа.

Тогожъ числа въ вечеру принесены были Черногорцами четыре Турецкія головы, которыя, по объявленію Черногорцевъ, отсѣчены были тѣмъ Туркамъ, кои въ малой фелукѣ, приставъ къ Спичанскому берегу и вошедъ на горы, присматривали выгрузку пороху и свинцу.

2-го числа, въ десятомъ часу поутру, въ Бурчельской монастырь пріѣхалъ на лошади, съ конвоемъ нѣсколькихъ Черногорцевъ, *Степанъ Малый*, который въ келіи одного здѣшняго игумна сокровенно жилъ девять мѣсяцовъ, и когда допущенъ онъ былъ къ его сіятельству, то разговоры его, поступки и обращенія заставили заключать объ немъ, что онъ въ лицѣ вздорнаго комедіанта представлялъ вѣтренаго или совсѣмъ сумасброднаго бродягу. Росту онъ средняго, лицемъ бѣлъ и гладокъ, волосы свѣтлочерные, кудрявые, зачесаны назадъ и безъ завязки распущены, молодъ, лѣтъ въ тридцать пять, одѣтъ въ шелковое бѣлой тафты платье длинное, по примѣру Греческому; на головѣ скуфья краснаго сукна, которой онъ ни предъ кѣмъ не скидываетъ; съ лѣваго плеча лежитъ у него тонкая позолоченная цѣпь, а на ней подъ правою рукою виситъ икона въ шитомъ футлярѣ, величиною въ Россійской рубль; въ рукахъ носитъ обыкновенный Турецкій обушекъ. Голосъ имѣетъ онъ тонкой на подобіе женскаго, въ рѣчахъ скоръ, а выговоръ по большой части Бошняцкой.

Въ одинадцать часовъ пріѣхалъ патріархъ Василій, слабаго здоровья человѣкъ, росту средняго, лицемъ желтъ, лѣтъ въ пятдесятъ. Тихость и умѣренность въ его разговорахъ заставляютъ объ немъ заключать, что онъ простосердеченъ и прямой монахъ. Онъ, пробывъ у его сіятельства часа съ полтора, отъѣхалъ въ монастырь, въ недальнемъ разстояніи отъ Бурчеле, а Степанъ Малый остался и пре-

проводилъ время до пятаго часа пополудни въ темныхъ и вѣтреныхъ разговорахъ, изъ которыхъ, кромѣ пустоши, ничего заключить не можно было, хотя Черногорцы и почитаютъ его за пророческое краснорѣчіе со страхомъ и кротостію.

Въ пять часовъ по полудни его сіятельство съ прочими офицерами пошелъ пѣшкомъ къ патріарху и имѣлъ съ нимъ наединѣ разговоры; а Степанъ Малый остался въ другой комнатѣ, сидя на своей постелѣ, гдѣ лежала голая сабля. По большей части курилъ онъ трубку, запивая стаканомъ водки съ водою, безъ чего не можетъ онъ и жить по привычкѣ, въ немъ вкоренившейся.

3-го пріѣхалъ къ его сіятельству въ другой разъ Степанъ Малый и явился съ нѣкоторымъ видомъ почтенія и покорности; а какъ тогдажъ получено извѣстіе о нападеніи Турковъ на одно село, то его сіятельство отправилъ графа Войновича съ небольшою командою Черногорцевъ для защищенія жителей того села Греческаго исповѣданія, кои по усердію къ Россіи соединились съ Черногорцами, бывшими тамо на отводномъ караулѣ. Между тѣмъ его сіятельство имѣлъ разговоръ съ патріархомъ объ окрестныхъ христіанскихъ народахъ, о положеніи мѣстъ и крѣпостей Турецкихъ, совѣтовалъ ему писать грамоту ко всѣмъ Боснянскимъ и Албанскимъ народамъ, уговаривая ихъ по чину духовной власти и достоинства принять оружіе противу общаго непріятеля, что̀ и учинено съ стороны патріарха; а его сіятельство приказывалъ отъ своего имени изготовить манифесты ко всѣмъ воеводамъ Бедрянскимъ, Грудянскимъ, Климентскимъ, Кастрацкимъ, Готскимъ и другихъ племенъ начальникамъ, какъ Греческаго, такъ и Римскаго исповѣданія, призывая ихъ въ совѣтъ соединенія и одиномыслія и желая видѣться съ ними въ Черной Горѣ на Цетинѣ.

4-го числа полученъ рапортъ изъ Пича, что Турки подъ предводительствомъ Антиварскаго коменданта съ Дульциніотами и съ Спичанами Римскаго исповѣданія отбиты и прогнаны Черногорцами и Спичанами, и что причиною сего непріятельскаго нападенія было междоусобное несогласіе Спичанъ. Нѣкто Михалко разграбилъ и зажегъ домъ одного жителя, которой казался ему подозрительнымъ; во отмщеніе сего поступка жители противной стороны призвали Турковъ и зажгли домъ Михалкинъ; и какъ между тѣмъ обѣ сражающіяся партіи сошлись въ селѣ Спичѣ, то и учинено съ обѣихъ сторонъ грабленіе домовъ, кои напослѣдокъ и сожжены; и такимъ образомъ раззорено цѣлое село. До большаго кровопролитія не доходило за побѣгомъ непріятеля, а тѣмъ и кончилось сіе происшествіе. Для примѣчанія за непріятелемъ разставлены были отводные караулы, и по по-

лучаемымъ отъ нихъ извѣстіямъ не видно было съ Турецкой стороны вновь какого предпріятія.

Тогожъ числа, въ четыре часа по полудни, отъѣхалъ его сіятельство съ прочими офицерами въ провожаніи двадцати человѣкъ изъ Бурчеле въ Цетину. Въ переѣздѣ семъ дорога почти непроходима по горамъ и пропастямъ столь опаснымъ, что во многихъ мѣстахъ съ крайнимъ страхомъ и отчаяніемъ жизни съ камня на камень перебираться надлежало. Въ продолженіи сего пути получено отъ патріарха письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ, что Степанъ Малый, проѣзжая нѣкоторыя села, дѣлаетъ возмущенія; почему отъ его сіятельства и приказано было губернатору взять его подъ караулъ и привесть въ Цетинской монастырь. Помянутой проѣздъ продолжался до полуночи.

5-го его сіятельство, имѣя квартиру въ Цетинскомъ монастырѣ, весьма тѣсномъ и невыгодномъ, а притомъ и отдаленномъ отъ жилья, сдѣлалъ распоряженіе, какимъ образомъ должна быть объявлена слѣдующаго дня Императорская грамота, присланная ко всѣмъ общехристіанскимъ народамъ.

Того жъ числа прибыли въ Цетинской монастырь патріархъ и нѣкоторые старшины близкихъ селъ и уѣздовъ Черногорскихъ. По обычаю земли, главное и наслѣдное по фамиліи достоинство имѣетъ губернаторъ, который однакожъ, по безпорядочному народа самовольству, не значитъ ничего, не имѣя ни силы, ни власти, ни правленія. Нынѣшній губернаторъ молодой человѣкъ, двадцати лѣтъ съ небольшимъ, кажется простъ; а Черногорское воспитаніе не дозволяетъ примѣтить въ немъ что нибудь особливое отъ другихъ.

6-го Августа, то-есть въ день Преображенія Господня, была священная литургія, а по окончаніи оной началъ собираться народъ на пространномъ Цетинскомъ полѣ, на которомъ назначено было мѣсто народному сбору; но какъ еще небольшое число людей за дальностію жилья собралось, то и объявленіе грамоты отложено было на нѣсколько часовъ. Между тѣмъ патріархъ прислалъ къ его сіятельству своеручную грамоту, писанную къ Черногорскому народу, въ которой онъ, по духовной своей власти и достоинству, изобличаетъ слѣпое Черногорцевъ мнѣніе о Степанѣ Маломъ, увѣряя ихъ, что помянутый Степанъ есть не тотъ, какимъ онъ себя понынѣ называлъ, но обманщикъ, льстецъ и неизвѣстный бродяга, возмутитель покоя и злодѣй націи, и для того бъ Черногорцы, отставъ отъ сего презрѣннаго человѣка, старались бы исправить свою погрѣшность вѣрностію и усердіемъ къ Россійскому Императорскому двору, отъ котораго столь явно они видятъ защищенія и милости.

Его сіятельство приказалъ помянутую патріаршую грамоту прочесть предъ народомъ, что̀ и учинено іеромонахомъ Ѳеодосіемъ; а потомъ губернаторъ и прочіе начальники просили отъ его сіятельства письменнаго за рукою и печатью его о Степанѣ Маломъ объявленія, которое и дано имъ съ тѣмъ изъясненіемъ, что помянутой обманщикъ не только не есть тотъ, какимъ онъ себя называлъ, но ниже отъ Россійскаго двора посланъ былъ въ Россійскую службу, да и совсѣмъ неизвѣстенъ въ Россіи, что сей самозванецъ есть плутъ и бродяга. Сіе объявленіе прочтено было народу, которой и казался уже быть спокойнымъ. Когда такимъ образомъ приведено было все въ порядокъ, то его сіятельство имѣлъ обѣденный столъ, къ которому приглашенъ былъ патріархъ и нѣсколько Черногорскихъ старшинъ, а въ народъ роздано было нѣсколько боченковъ вина. По окончаніи жъ стола, обождавъ немного, пошелъ его сіятельство изъ монастыря къ народу, которой составлялъ въ полѣ большой цыркуль, а въ срединѣ поставленъ былъ налой и на ономъ положены Евангеліе и Крестъ. Ходъ начался слѣдующимъ образомъ: одинъ сердарь шелъ впереди съ обнаженною саблею, за нимъ слѣдовало двадцать человѣкъ вооруженныхъ Черногорцовъ по два въ рядъ, потомъ слѣдовалъ его сіятельство въ срединѣ; по правую сторону несена была капитаномъ Миловскимъ Императорская грамота, а по лѣвую—шелъ патріархъ; потомъ слѣдовали Россійскіе штабъ-офицеры, а за ними священники и духовенство, наконецъ люди находящіеся при его сіятельствѣ; заключался ходъ двадцатью Черногорцами, вооруженными по обычаю земли.

Пришедъ въ средину народа, приказалъ его сіятельство прежде прочесть учиненный отъ имени его манифестъ, въ которомъ на Иллирическомъ языкѣ изъяснены были причины пріѣзда его въ Черную Гору, при томъ благоволеніе и милость Ея Величества Императрицы Россійской къ Черногорской націи, и чего отъ нея требуется со обнадеживаніемъ впредъ Высочайшею протекціею.

По прочтеніи манифеста, чтена была капитаномъ Миловскимъ Императорская грамота, а потомъ пересказано было на ихъ Иллирическомъ языкѣ краткое ея содержаніе; а наконецъ спрашивано было у народа, обѣщаетъ ли оной, за таковыя къ нему отъ Россійскаго двора милости, съ своей стороны вѣрность и усердіе, и желаетъ ли оное утвердить присягою?

Когда громкой народа голосъ съ великимъ желаніемъ обѣщалъ исполнить требуемое, то священникъ, стоящій въ облаченіи, началъ читать формуляръ присяги, а народъ повторялъ рѣчи; и по окончаніи

цѣловали всѣ Крестъ и Евангеліе, чтó и продолжалось до поздняго вечера.

При обратномъ его сіятельства возвращеніи въ монастырь, началась отъ народа пальба изъ пистолетовъ и не переставала почти во всю ночь. Обнародованная жъ при семъ случаѣ грамота отнесена была въ монастырскую церковь и отдана на сохраненіе въ потомственные роды; а между тѣмъ его сіятельство, похваливъ народное усердіе и вѣрность, приказалъ раздать въ народъ до пяти сотъ цекиновъ, кои и раздѣлены по нагіямъ или уѣздамъ, и распустилъ всѣхъ по домамъ до дальнѣйшаго впредъ повелѣнія. Общее жъ въ сей націи собраніе при семъ случаѣ до двухъ тысячъ человѣкъ простиралось.

Такимъ образомъ кончился сей церемоніальной день, которой по наружнымъ видамъ и казался быть свидѣтелемъ общей всѣхъ Черногорцовъ вѣрности, усердія и преданности къ Россійскому двору, когда каждой изъ нихъ желалъ пролить кровь и охотно умереть за славу Россійскаго имени.

7-го. За отдаленностію нѣкоторыхъ уѣздовъ по большой части собравшіеся Черногорцы остались на Цетинѣ и препроводили ночь при стѣнахъ монастырскихъ, а какъ разсвѣтать начало, то и возвращались они по домамъ.

Въ пятомъ часу поутру, когда еще всѣ спали и все казалось тихо и спокойно, то вдругъ нечаянной возлѣ окошекъ выстрѣлъ изъ многихъ ружей и пистолетовъ разбудилъ всѣхъ спящихъ; и какъ о причинѣ того грому спрашивано было, то съ торопливостію въ отвѣтъ сказано, что на Цетинскомъ полѣ показался Степанъ Малый, которой, разъѣзжая на лошади съ обнаженною саблею, удержалъ возвращающихся Черногорцовъ и идетъ прямо въ монастырь. Очевидное доказательство сей вѣсти подало причину разбудить его сіятельство и увѣдомить о такой нечаянности. Между тѣмъ Черногорцы продолжали пальбу изъ ружья и, позабывъ вчерашнюю присягу, со всѣхъ сторонъ бѣжали къ возмутителю, которой, будучи окруженъ симъ вѣтренымъ народомъ, продолжалъ путь къ монастырскимъ воротамъ; а потомъ, остановясь не въ дальномъ отъ оныхъ разстояніи, повторялъ непостоянному народу обыкновенныя свои басни, и такимъ образомъ препроводилъ нѣсколько часовъ.

Его сіятельство, призвавъ губернатора и нѣсколькихъ старшинъ, приказалъ объявить Черногорцамъ, дабы каждой изъ нихъ, отставъ отъ возмутителя, возвратился въ свой домъ; а Степана Малаго немедленно привесть въ монастырь. И такое приказаніе повторяемо было неоднократно; но какъ исполненіе онаго продолжилось медлительно, то отъ его сіятельства отданъ былъ приказъ взять Степана Малаго подъ

арестъ; а буде онъ противиться станетъ, то въ такомъ случаѣ убить его какъ возмутителя. Такое рѣшительное приказаніе устрашило Черногорцовъ; а Степанъ Малый, видя удаляющійся отъ него народъ и неудачу своего намѣренія, поѣхалъ въ монастырь. А когда онъ приведенъ былъ въ комнату, то его сіятельство, изобличая самозванство сего обманщика, допрашивалъ предъ всѣмъ толпящимся народомъ, кто онъ таковъ и откуда родомъ, а наконецъ приказалъ снять съ него саблю и отвесть въ тюрьму.

Такое происшествіе произвело въ народѣ странную перемѣну, такъ что безпутная вѣтренность и непостоянство вдругъ перемѣнились въ необузданную ярость и бѣшенство, и всѣ единогласно закричали: повѣсить! повѣсить! Часъ отъ часу умножающійся шумъ кричащаго народа принудилъ его сіятельство выдти изъ комнаты и сойти на низъ, дабы присутствіемъ своимъ успокоить народное смятеніе. Однако сіе служило еще къ большему побужденію: ибо народъ, умножая негодованіе и ярость, непрестанно кричалъ, чтобы повѣсить или изрубить на части; и конечно сіе послѣдовало бы, естьлибъ его сіятельство изъ великодушія своего не защитилъ жизни того арестанта ласковыми совѣтами, которыхъ народъ сперва и слышать не желая, не преставалъ кричать тоже, принимая грѣхъ убійства сего на собственную свою душу и на дѣтей своихъ. Весьма многаго стоило труда успокоить разъярившійся народъ, которой однакожъ, наконецъ, по усильнымъ графа Войновича уговариваніямъ, едва согласился подарить его сіятельству жизнь Степана Малаго, довольствуясь тѣмъ, что онъ заключенъ былъ въ вѣчную темницу.

Такимъ образомъ, безъ всякихъ печальныхъ слѣдствій, кончился роль громкаго въ Европѣ обманщика, извѣстнаго подъ именемъ Степана Малаго, которой, будучи уже въ тюрьмѣ, сперва сказалъ о себѣ, что онъ Райчевичъ прозваніемъ, родомъ изъ Далмаціи; а напослѣдокъ справедливѣе объявилъ, что онъ Турецкой подданный, уроженецъ изъ Босны, вышедъ оттуда въ малолѣтствѣ, скитался по многимъ государствамъ, а наконецъ явился въ Черной Горѣ.

8-го. Получено извѣстіе, что Турки, съ одной стороны отъ Антивари, а съ другой при границахъ Зетскихъ, протянули кордонъ изъ небольшаго числа войскъ; почему его сіятельство приказалъ по всѣмъ Черногорскимъ уѣздамъ раздать потребное число пороху и свинцу, и гдѣ надлежитъ разставить караулы, а достальной порохъ и свинецъ перевезть въ Цетину.

9-го. По всѣмъ Черногорскимъ нагіямъ разосланы письменныя приказанія, въ которыхъ рекомендуя его сіятельство всей націи взаимную между собою имѣть дружбу и доброе согласіе, а къ старѣй-

шинамъ послушаніе, учредилъ, дабы, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, пограничные уѣзды одни пособляли другимъ.

10-го. О всемъ томъ, что̀ по сіе число въ Черной Горѣ происходило, желая его сіятельство подать извѣстіе куда надлежитъ, отправилъ подполковника Герсдорфа чрезъ Катаро въ Анкону, а оттуда въ Пизу; однако помянутый подполковникъ, будучи не пущенъ въ Катаро, принужденъ былъ ночевать за городомъ, а на другой день возвратиться въ Черную Гору.

11-го. Находящемуся въ Черной Горѣ Венеціанскому капитану Конте Петру Бѣладиновичу поручена отъ его сіятельства коммиссія о наборѣ солдатъ изъ вольныхъ людей, въ чемъ дана ему и инструкція.

Тогожъ числа получено отъ Бердянскаго воеводы Ильи Дрекаловича отвѣтное къ его сіятельству письмо, въ которомъ онъ воевода увѣдомляетъ, что всѣ дороги и проходы захвачены Турками, и потому не можно ему пройтить въ Черную Гору, и ожидаетъ повелѣнія, что̀ ему дѣлать впредъ.

12-го. Никшицкой нагіи отъ воеводы и главаревъ получено письмо, въ которомъ объявляютъ они желаніе свое избавиться отъ ига невѣрныхъ и ожидаютъ отъ его сіятельства наставленія, какъ имъ поступать.

Тогожъ числа отвѣтствовано было отъ его сіятельства на оба помянутыя письма; а во отвѣтахъ рекомендовано было стоять на границахъ своихъ спокойно и во всякой готовности; а въ случаѣ непріятельскаго нападенія на нихъ или на Черногорцовъ, приказано было взаимную подавать помощь, а въ прочемъ со временемъ дано будетъ приказаніе о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ.

13-го. Катунскаго уѣзда семь человѣкъ Черногорцовъ, будучи человѣколюбіемъ и щедротами его сіятельства выкуплены изъ тяжкія неволи, явились въ Цетинскомъ монастырѣ принесть благодарность своему избавителю. Помянутые Черногорцы въ прошлогодскую съ Турками войну, желая отвратить Турковъ отъ нападенія на Черную Гору, пошли въ городъ Подгорицу сдѣлать мирные довогоры и оставаться тамо во аманатахъ. Вѣроломный непріятель, удержавъ миротворцовъ въ тяжкихъ оковахъ, учинилъ нападеніе; а по истеченіи года требовалъ на перемѣну невольниковъ толикагожъ числа дѣвокъ. Шесть было уже найдено, а за неимѣніемъ седьмой просили Черногорцы отъ его сіятельства подаянія на искупленіе изъ неволи. А сія крайность возбудила жалость и милосердіе, такъ что всѣ семь невольниковъ искуплены за триста пятьдесятъ цекиновъ.

14-го. Четыре человѣка дезертировъ, ушедъ изъ Катарскаго гарнизона, явились въ Цетинскомъ монастырѣ и вступили въ службу.

Тогожъ числа въ вечеру предложилъ его сіятельство патріарху, не угодноль будетъ ему, слѣдующаго дня, для праздника Успенія Богородицы, отслужить обѣдню; и какъ на сіе охотно согласился патріархъ, то Цетинскаго монастыря монахи съ безстыдною дерзостію объявили его сіятельству, что они, не признавая патріарха за правильнаго, но за отлученнаго отъ церкви архіерея, не допустятъ до служенія. Для пресѣченія дальнѣйшихъ слѣдствій отказался отъ службы и патріархъ. А его сіятельство отложилъ на другое время изслѣдовать причины несогласія между духовенствомъ.

15-го. Кромѣ патріарха находятся въ Черной Горѣ еще два архіерея: одинъ митрополитъ Савва Петровичъ, а другой родной его племянникъ епископъ Арсеній Пламенецъ, оба—епархіальные; и ни одинъ изъ сихъ архіереевъ по сіе время не явился еще у его сіятельства за притворною ихъ болѣзнію.

Его сіятельство, узнавъ вражду и ненависть митрополита Саввы противъ патріарха и желая между церковными пастырями учинить примиреніе, отправилъ одного изъ офицеровъ къ митрополиту Саввѣ учинить представленіе о тѣхъ вредныхъ слѣдствіяхъ, каковы въ народѣ причинить можетъ междоусобное пастырей несогласіе.

Возвратясь посыланный офицеръ репортовалъ, что онъ въ дряхломъ митрополитѣ, состарѣвшемся въ Черногорскихъ обычаяхъ и поступкахъ, нашелъ непримирительную на патріарха злость и ненависть, съ которою онъ и во гробъ пойтить желаетъ; и что онъ страшными клятвами отрекся отъ тѣхъ приказаній, каковы далъ онъ монахамъ, о недопущеніи патріарха къ служенію; и что, наконецъ, во угодность его сіятельству, принимаетъ онъ совѣты его о примиреніи, обѣщая исполнить самымъ дѣломъ. Однакожъ все сіе наружно было, лестно и притворно.

Въ прочемъ духовенство Черногорское погружено въ толь великое невѣжество, что весьма удалилось оное отъ слѣдовъ прямаго христіанства. Въ доказательство служитъ то общее понятіе, каково здѣшніе монахи имѣютъ о воскресномъ дни, называемомъ недѣля. Многія церкви приходскія построены и освящены во имя святыя недѣли; въ молитвахъ, призывая на помощь святую недѣлю, клянутся ея имянемъ, и сія клятва считается у нихъ сильнѣе другихъ. Самоё-жъ недѣлю изображаютъ они въ подобіи молодой женщины, одѣтой въ царскія одежды; на головѣ имѣетъ она царскую корону, въ рукахъ держитъ мученическій крестъ, надъ головою слѣдующая надпись: Святая Недѣля. Такого страннаго изображенія небольшая икона находится въ самомъ катедральномъ монастырѣ.

Митрополитъ Савва, лѣтъ семидесяти старикъ, сорокъ пять лѣтъ провождаетъ въ архіерейскомъ чину; въ немъ находятъ двоедушіе и хитрую въ невѣжествѣ злость, непостоянство, притворство, а всего больше крайнее къ деньгамъ лакомство, хотя бы оное стоило и народнаго кровопролитія: весьма за небольшія деньги разрѣшаетъ онъ смертоубійство, и если родственники убитаго подарятъ ему больше того, то дозволяется имъ убить разрѣшеннаго предъ тѣмъ убійцу. За немногіе цекины разводитъ онъ мужа съ женою и вѣнчаетъ на другой, а родственникамъ его таковъ разводъ ничего не стоитъ. Три племянника родные, братья Петровичи, отогнавъ первыхъ женъ, всѣ женились на другихъ, а сіи и другіе примѣры ввели множество развратныхъ обычаевъ въ Черной Горѣ, такъ что здѣшнее христіанство нимало о семъ совѣстію не безпокоится.

16-го. Отправлено отъ его сіятельства къ Катарскому губернатору письмо съ прописаніемъ того неудовольствія, каково учинено ему съ стороны губернатора въ задержаніи у городовыхъ воротъ и непропускѣ чрезъ городъ отправленнаго отъ него подполковника Герсдорфа. Того жъ числа Черницкой нагіи сердарь и князья явились у его сіятельства и поднесли нѣсколько арбузовъ и винограду; помянутые начальники трактованы были ужиннымъ, а на другой день обѣденнымъ столомъ.

17-го. Черницкой же нагіи жители, имѣя взаимныя между собою тяжбы по причинѣ грабительствъ и насилій, каковы прошедшую съ Турками войну причинили одинъ другому, явясь у его сіятельства, приносили жалобы. Для пресѣченія таковыхъ нерѣшимыхъ затрудненій сдѣлано слѣдующее учрежденіе: 1-е, дабы всѣ прежде бывшія обиды, тяжбы и несогласія преданы были конечному забвенію; 2-е, дабы таковыя жалобы, буде бы впредъ послѣдовали, рѣшимы были судомъ и расправою сердарей, князей и главаревъ; а о важнѣйшихъ дѣлахъ чтобъ докладывано было его сіятельству.

18-го. Отправлено отъ его сіятельства къ находящемуся въ Катаро Антиварскому епископу письмо въ такой силѣ, что несогласіе между жителями села Спичъ Греческаго и Римскаго исповѣданія произошло противъ его воли и, къ сожалѣнію его, причинило раззореніе; напротивъ того рекомендовано было общее спокойство, миръ и взаимная дружба, о чемъ и помянутый епископъ съ своей стороны можетъ весь народъ своей епархіи совершенно увѣрить.

Тогожъ числа получено извѣстіе съ подтвержденіемъ, что Россійскіе корабли прибыли къ Спичанскому берегу въ намѣреніи, чтобъ тамо выгрузить порохъ и свинецъ; а какъ при томъ и Венеціанскія команды начали являться на своихъ границахъ, то его сіятельство

немедленно отправилъ туда графа Войновича съ однимъ сердаремъ и нѣсколькими Черногорцами, давъ потребное наставленіе на случай чинимаго препятствія, буде такое извѣстіе справедливо.

19-го. Турецкіе подданные, жители села Саочанъ, прислали четырехъ человѣкъ къ его сіятельству съ прошеніемъ о принятіи въ Россійскую протекцію всего ихъ общества. Его сіятельство, обнадеживъ помянутыхъ просителей помощію и защищеніемъ, приказалъ привесть ихъ къ присягѣ и для обороны непріятельскаго нападенія отпустить потребное число патроновъ.

Означенное село Саочаны имѣетъ крѣпкое положеніе мѣста, между высокими и трудными горами, такъ что жители, хотя ихъ числомъ и не болѣе двухъ сотъ находится, свободно могутъ удержать непріятельскія нападенія; а сверхъ того близкое сего села разстояніе отъ Черной Горы дѣлаетъ способность къ полученію помощи.

Тогожъ числа изъ Катарскаго гарнизона два человѣка дезертировали и, явясь въ Цетинскомъ монастырѣ, вступили въ службу.

20-го. Получено письмо отъ Бердянскаго воеводы Ильи Дрекаловича и прочихъ главаревъ, кои, увѣряя о готовности всѣхъ Бердянъ къ принятію оружія противъ Турковъ, просятъ его сіятельство объ искупленіи изъ неволи девяти человѣкъ Бердянъ, содержащихся въ Подгорицѣ.

Тогожъ числа отправлены отъ его сіятельства во всѣ Черногорскіе уѣзды письменныя приказанія въ такой силѣ, дабы не чинено было никакого препятствія и насилія тѣмъ, кои желаютъ приходить къ его сіятельству для своихъ нуждъ, не смотря на различіе закона; такожъ дабы ни чинено было никакихъ переносовъ постороннимъ людямъ о всемъ томъ, что̀ происходитъ въ Черной Горѣ.

21-го. Въ одинадцать часовъ поутру, митрополитъ Савва, пріѣхавъ изъ своего подворья, называемаго Станевичи, имѣлъ церемоніальный по архіерейскому обычаю входъ въ Цетинской монастырь и, будучи прочими монахами встрѣченъ съ кадиломъ и пѣніемъ, пошелъ прежде въ церковь, а потомъ въ комнату его сіятельства. При первомъ своемъ свиданіи, пересказалъ онъ нескладное высочайшей фамиліи Россійскаго двора и Сѵноду многолѣтіе, а потомъ прошенъ былъ сѣсть и, препроводя немного времени въ пустыхъ и ничего незначущихъ разговорахъ, пошелъ для свиданія съ патріархомъ, съ которымъ онъ и примирился. Нельзя сказать, чтобъ сіе примиреніе добросердечно было; ибо подозрѣніе, каково на патріарха митрополитъ имѣетъ въ присвоеніи собственной его въ народѣ власти, произвело въ немъ непримирительную ненависть, которая и кончится съ его жизнію.

Тогожъ числа отправлено чрезъ Бердянскаго архимандрита Семіона, да Ивана Подгоричанина, отвѣтное къ воеводѣ Ильѣ Дрекаловичу письмо, а чрезъ нихъ послано 875 цекиновъ для выкупу девяти человѣкъ плѣнныхъ Бердянъ, въ томъ числѣ и сына Ильи Дрекаловича.

22-го. Присланные отъ Бѣлопавлицкаго воеводы три человѣка, явясь у его сіятельства, объявили именемъ всего общества, что весь Бѣлопавлицкой уѣздъ ожидаетъ повелѣнія къ принятію оружія противъ Турокъ; а какъ, кромѣ вышеписанныхъ трехъ посыльныхъ, пришли еще два, кои по многимъ свидѣтельствамъ оказались подозрительными, то одинъ изъ сихъ послѣднихъ задержанъ подъ карауломъ, а другой отпущенъ для принесенія письменнаго отъ воеводы оправданія.

Тогожъ числа явились девять человѣкъ дезертировъ изъ Катарскаго гарнизона.

23-го, возвратясь посланный къ Спичанскому берегу для провѣдыванія о корабляхъ, графъ Войновичъ репортовалъ, что хотя и видны въ морѣ два корабля, однакожъ, за отдаленностію ихъ отъ береговъ, незьзя узнать флага и провѣдать, какія именно суда, а по вѣроятнѣйшимъ догадкамъ заключаетъ онъ, что то двѣ Дульциніотскія тартаны, кои, разъѣзды чиня у береговъ, стараться будутъ не допустить къ берегу Россійскихъ судовъ, буде бы оныя съ какимъ-либо грузомъ для Черной Горы присланы были.

Тогожъ числа явились семь человѣкъ дезертировъ.

24-го. Турецкіе подданные, жители уѣзда Пипера и Лѣшанской нагіи, явясь у его сіятельства, объявили именемъ общества желаніе свое въ принятіи оружія противъ Турковъ, въ разсужденіи весьма близкаго помянутыхъ жителей сосѣдства съ городомъ Подгорицею. Тутъ же приказалъ его сіятельство стоять имъ до времени спокойно и во всякой готовности, обѣщая при томъ платить обыкновенную подать, дабы тѣмъ удерживать Турковъ отъ нападенія на ихъ жилища; а въ противномъ случаѣ обороняться оружіемъ и дать о томъ извѣстіе въ Черную Гору. Для отправленія къ нимъ Черногорской команды, при отправленіи сихъ людей, отпущенъ и задержанный предъ тѣмъ Бѣлопавлицкой житель.

Тогожъ числа посланные въ Герцеговину отъ капитана Конте Бѣладиновича два человѣка, возвратясь въ Цетину, репортовали его сіятельству, что жители города Требини и другихъ окрестныхъ уѣздовъ всѣ единодушно готовы принять оружіе противъ непріятеля, и въ такой силѣ поднесли письмо отъ тамошнихъ князей и начальниковъ, кои, обѣщая вѣрность и усердіе къ Россійскому двору, ожидаютъ отъ его сіятельства повелѣнія.

25-го, получено отъ капитана Бѣладиновича письмо съ жалобою о причиненныхъ Черногорцами грабительствахъ скота и другаго имѣнія живущимъ въ Герцеговинѣ единовѣрнымъ нашимъ; почему отъ его сіятельства послано письменное приказаніе о возвращеніи всего похищеннаго.

Бѣдственное состояніе, до котораго доведены живущіе въ сосѣдствѣ съ Черногорцами христіане, то-есть въ Боснѣ, Албаніи и Герцеговинѣ, заслуживаютъ крайнее сожалѣніе; ибо Черногорцы, почти сказать всѣ обще, не зная никакихъ рукодѣлій и художествъ и будучи удалены отъ христіанства и человѣколюбія, питаются воровствомъ и грабленіемъ и разбоемъ, не разбирая ни вѣры, ни знакомства, ни человѣчества; небольшими шайками по десяти и по двадцати человѣкъ согласясь, ходятъ въ вышепомянутыя Турецкія владѣнія на нѣсколько дней или мѣсяцовъ и, зная всѣ тамошнія мѣста и проходы, лежатъ въ горахъ и лѣсахъ днемъ, а крадутъ и разбиваютъ ночью, не щадя никого, кто бы звѣрству ихъ ни попался; всѣхъ считаютъ они Турками, а по большей части страждутъ бѣдные христіане. Такимъ образомъ, получа смоченную неповинною кровію добычу, возвращаются домой; а сіе воровство и называютъ они всегдашнею съ Турками войною, но въ самомъ дѣлѣ не видятъ Турковъ никогда далѣе Черногорскихъ камней и своихъ жилищъ. А въ такомъ случаѣ трусость, измѣна и предательство столь обыкновенны, что слѣпые выигрыши надъ Турками однимъ только камнямъ и труднымъ проходамъ причитать должно; при всемъ томъ по большой части платятъ Черногорцы, какъ Турецкіе подданные, денежныя подати и подъ именемъ аманатовъ имѣютъ своихъ невольниковъ, которыхъ и дозволяютъ Турки выкупать, платя за каждаго по 50-ти цекиновъ. Прошлогодская Черногорцовъ съ Турками война наполнила всю Европу невѣроятнымъ слухомъ, что Турецкая армія простиралась до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ; что храбрые Черногорцы, хотя всѣхъ ихъ число не превосходитъ шести тысячъ, разбили Турковъ на двухъ сраженіяхъ, взяли весь ихъ лагерь, прогнали отъ своихъ границъ; и что наконецъ Турки, потерявъ сорокъ тысячъ войска, принуждены были просить мира. При всемъ томъ не видно у побѣдителей никакой добычи, кромѣ выжженныхъ своихъ собственныхъ жилищъ, многихъ Черногорцовъ побитыхъ и въ полонъ взятыхъ; а сверхъ того со всѣхъ пяти Черногорскихъ нагій или уѣздовъ дано было Туркамъ по пятнадцати человѣкъ во аманаты, изъ числа которыхъ нѣсколько ушло, подкупя караульныхъ Турковъ. Семь человѣкъ выкуплены щедротою князь Юрья Владимировича, а еще сказываютъ, что больше двадцати Черногорцовъ остаются въ невольничьихъ оковахъ.

26-го, его сіятельство, желая обо всемъ происходящемъ въ Черной Горѣ увѣдомить графа Алексѣя Григорьевича Орлова, и не имѣя надежды о свободномъ чрезъ Катаро пропускѣ нарочнаго офицера, заблагоразсудилъ сыскать надежнаго человѣка изъ Венеціанскихъ подданныхъ, живущихъ близъ Катарскаго залива и, сыскавъ одного, отправилъ къ нему чрезъ капитана Пламенеца пакетъ съ письмами и журнальною отъ 24-го Іюля по сіе число запискою; адресованъ былъ въ Венецію къ маркизу Маруцію, при письмѣ о дальнѣйшей пересылкѣ въ то мѣсто, гдѣ графъ Орловъ нынѣ находится.

Тогоже числа отправлено отъ его сіятельства отвѣтное къ Герцеговскимъ князьямъ и начальникамъ письмо, въ которомъ рекомендовано было, дабы каждый изъ нихъ по усердію и вѣрности своей склонялъ единовѣрный народъ къ согласію, содержа до времяни намѣреніе въ тайнѣ о принятіи оружія противъ непріятеля.

27-го, Турецкіе подданные, жители города Требини, получа извѣстіе о пріѣздѣ Россійскаго генерала въ Черную Гору, отправили туда нарочно трехъ человѣкъ для лучшаго освѣдомленія о подлинности слуха. Помянутые посланцы, явясь на Цетинѣ, съ отличною ласкою приняты были отъ его сіятельства и отпущены со обнадеживаніемъ Высочайшею Россійскаго Императорскаго двора протекціею всѣхъ усердныхъ единовѣрцовъ.

28-го, пребывающіе въ Цетинскомъ монастырѣ патріархъ Василій и митрополитъ Савва сдѣлали его сіятельству визиту и какъ одинъ, такъ и другой препроводили нѣсколько времени въ партикулярныхъ разговорахъ.

Тогожъ числа явились въ монастырѣ четыре человѣка дезертировъ, которыхъ число хотя уже и простирается до сорока человѣкъ, однакожъ всѣ они безъ мундира, безъ ружья и обуви; а притомъ столь мелочны и слабы, что, кромѣ Итальянскихъ гарнизоновъ, нигдѣ въ военную службу не годятся.

29-го, возвратясь, посланный съ письмами капитанъ Пламенецъ репортовалъ, что онъ такія письма поручилъ одному, на котораго вѣрность совершенно положиться можно, и что онъ на другой день отправится съ письмами въ Венецію, гдѣ оныя вѣрно доставлены будутъ маркизу Маруцію для пересылки къ его сіятельству графу Орлову.

30-го. Нѣсколько князей и главаревъ изъ Катунской и Рѣчанской нагіи, будучи позваны самовольнымъ письмомъ отъ одного изъ митрополитскихъ племянниковъ, пришли на Цетину для подачи его сіятельству общаго прошенія, каково сложено было отъ неизвѣстнаго сочинителя.

Съ самаго пріѣзда его сіятельства въ Черную Гору уже усмотрѣны были столь сильные въ жителяхъ непорядки, что безъ прекращенія оныхъ не осталось никакой надежды къ начатію какого-либо предпріятія, а того меньше ожидать успѣха. Безстрашіе, непослушаніе, безпутное самовольство, и потому междоусобное убійство, наглость, воровство, грабленіе, съ непріятелемъ тайное согласіе, измѣна и предательство, обманы, неправосудіе и насиліе почти всѣми жителями столь слѣпо овладѣли, что долговременное сихъ пороковъ употребленіе почитается у нихъ за древній обычай, да и до такой уже степени доведено, что одинъ у другаго отнимаетъ дочерей и продаетъ Туркамъ безъ всякаго за сіе воровство наказанія, хотя и неоднократно такое безчеловѣчіе повторяемо было свѣжими примѣрами; также презрительный образъ жизни, будучи весьма удаленъ отъ человѣколюбія и христіанства, сопряженъ еще со многожествомъ и недозволеннымъ бракомъ съ сыновнею женою при другой законной. Такое Черногорцовъ состояніе съ крайнимъ сожалѣніемъ усмотря, его сіятельство почелъ причиною тому слѣпое духовенство, и потому за нужно призналъ, къ поправленію толь звѣрской жизни, учредить порядокъ; въ разсужденіи чего повелѣлъ во всѣ уѣзды послать письменныя приказанія, въ коихъ рекомендовано было взаимное между собою имѣть согласіе, любовь, дружбу и послушаніе начальникамъ, а при томъ чтобъ все похищенное возвращено было обиженному, а впредь всѣ бы обиды рѣшены были безкорыстнымъ начальниковъ правосудіемъ, подъ опасеніемъ безчестія и наказанія за преступленія. Но какъ сіи полезныя учрежденія Черногорскимъ обычаямъ и самовольству, а больше лакомству безпокойнаго духовенства, показались предосудительны: то, по наущенію митрополитскаго племянника, Катунская и Рѣчанская нагіи, выбравъ изъ каждаго села по два начальника, отправили на Цетину, куда въ первомъ часу по полудни начали собираться сіи безпутные депутаты, кои, не входя въ монастырь, остановились у воротъ, ожидая тамо другихъ своихъ товарищей. Часъ отъ часу умножалось ихъ число; а между тѣмъ продолжали они пустые свои разговоры, и тотъ умнѣе имъ всѣхъ казался, кто громче другихъ кричать умѣлъ. Когда же собралось ихъ болѣе ста человѣкъ, то они, удаляясь отъ воротъ, сдѣлали на полѣ циркуль, въ которомъ, прокричавъ въ пустыхъ рѣчахъ нѣсколько часовъ, пожаловали безъ всякой надобности сердаремъ одного изъ митрополитскихъ племянниковъ, двуженца Ивана Петровича, оборотя его кругомъ въ срединѣ циркуля; а сіе и значитъ уже конфирмацію. До позднаго вечера, кромѣ шуму, нельзя было ничего болѣе примѣтить, что́ происходило въ кучѣ сихъ знаменитыхъ людей; а напослѣдокъ, пришедъ они въ монастырь, просили

его сіятельство о допущеніи ихъ къ себѣ. Всѣ протчіе остались внизу, а человѣкъ съ тридцать главнѣйшихъ членовъ вошли въ комнату и именемъ общества подали прошеніе въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) дабы оставить Черногорцовъ при добровольной ихъ вольности, какою они съ потерянія Сербскаго царства понынѣ пользуются; 2) дабы не принуждать ихъ ни къ какой работѣ, хотя бы оная была и государственная; 3) дабы всѣ Цетинскаго монастыря имѣнія остались при монастырѣ; 4) дабы никакихъ солдатъ по квартирамъ ихъ не ставить; 5) дабы Черногорцовъ не лишать оружія, не бить и не вѣшать; 6) естьли Черногорцы преселены будутъ въ другое мѣсто, то пользоваться бы имъ нынѣшними вольностями; 7) не дѣлать въ уѣздахъ никакихъ судовъ, но выбравъ нѣсколько членовъ оставить бы на Цетинѣ для совѣта и управленія дѣлъ.

Такое пустое прошеніе оставлено безъ всякаго уваженія; ибо содержаніе Императорской грамоты, писанной ко всѣмъ обще христіанскимъ народамъ, ничего болѣе отъ нихъ не требуетъ, кромѣ принятія оружія противъ Турковъ для собственнаго ихъ освобожденія при помощи Россійскаго двора. И потому его сіятельство, сдѣлавъ симъ депутатамъ выговоръ за пустыя ихъ собранія, приказалъ имъ на другой день возвратиться по домамъ.

Всѣ обще Черногорцы, опасаясь лишенія оружія, усильно просятъ, чтобъ казнить смертію всякаго преступника, а по вкоренившемуся въ нихъ междоусобному убійству и грабительству въ жилищахъ сосѣднихъ христіанъ, весьма нужно имѣть Черногорцу оружіе; ибо отнятіе онаго—лишеніе его пропитанія и той чести, что убить своего брата. А такой драгоцѣнной вольности не можетъ прекратить смертная по законамъ казнь, потому что въ такомъ случаѣ изъ шеститысячнаго Черногорцевъ числа, которое все ихъ общество составляетъ, весьма бы мало осталось.

31-го. Вышереченные депутаты, видя съ досадою, что пункты прошенія ихъ не приняты, остановились у монастырскихъ воротъ и, вызвавъ губернатора, которой, кромѣ пустаго имени, не значитъ въ Черной Горѣ ничего, объявили ему, что они просятъ его сіятельство, дабы высланъ былъ патріархъ прочь изъ Цетинскаго монастыря для спокойства митрополита Саввы; но какъ и сіе принужденное по злости требованіе не принято, напротивъ того изобличены злость и ненависть ихъ и безпутное дерзновеніе, то сіе безпутное собраніе, наконецъ, разбрелось по своимъ жилищамъ.

1-го Сентября, по успокоеніи междоусобнаго Спичанскихъ жителей несогласія, хотя и запрещено было Черногорцамъ строгими приказаніями, дабы они противу Спичанъ не дѣлали вновь никакихъ на-

глостей; однако Черногорцы, по обыкновенному праву и вольности ихъ, не смотря на запрещеніе, продолжали грабительство; а сіе и подало причину къ смертельному убійству съ обѣихъ сторонъ и ихъ жалобамъ, по изслѣдованіи которыхъ оказалось, что родственники того же самаго Михалки, кой съ начала зачинщикомъ былъ междоусобія Спичанъ, согласясь съ Черногорцами, учинили грабительство. Почему его сіятельство приказалъ помянутаго Михалку удержать навсегда въ Цетинѣ, а всѣмъ родственникамъ его запретилъ ходить въ село Спичъ; и симъ способомъ прекращены реченныя жалобы.

2-го. Турецкіе подданные, жители села Суторани, будучи присланы отъ всего ихъ общества, просили его сіятельство о защищеніи ихъ отъ Турецкаго нападенія. Князь Юрій Володимировичъ, обнадеживъ просителей помощію и протекціею двора, приказалъ имъ, соединясь съ другими сосѣдами села Зубцовъ и прочихъ уѣздовъ Турецкихъ съ жителями, всѣми силами обороняться противъ непріятеля; а между тѣмъ въ Черную Гору подать извѣстіе.

3-го. Получены письма изъ Анконы отъ Драшковича, а изъ Венеціи отъ маркиза Маруція съ приложенными при нихъ печатными вѣдомостями о разбитіи Турковъ Россійскими войсками подъ Хотиномъ и Бендерами. Помянутыя извѣстія сообщены его сіятельствомъ патріарху Василію и митрополиту Саввѣ.

4-го. Отъ Бердянскаго воеводы Ильи Дрекаловича получено письмо, которымъ онъ, увѣдомляя его сіятельство о пріемѣ посланныхъ къ нему денегъ на искупленіе плѣнныхъ Бердянъ, представляетъ свою и ближнихъ своихъ сосѣдовъ готовость къ началію дѣйства противъ непріятеля, какъ скоро ему о томъ повелѣно будетъ.

5-го. Турецкіе подданные, жители села Саочанъ, учиня присягу о вѣрности Россійскому двору и будучи обнадеживаны отъ его сіятельства защищеніемъ и помощію противъ Турковъ, приносили жалобы на сердаря Черницкой нагіи Моисея Пламенца о учиненномъ имъ грабительствѣ и побояхъ; почему и послано въ ту нагію письменное приказаніе о присылкѣ всѣхъ виноватыхъ въ Цетину для отвѣту.

6-го. Отправлено къ Бердянскому воеводѣ Ильѣ Дрекаловичу отвѣтное письмо о склоненіи другихъ народовъ къ соединенію; притомъ поручено ему переслать къ Іонѣ Марку, воеводѣ Фантскихъ и Миридатскихъ народовъ, другое письмо, писанное къ нему отъ его сіятельства о соединеніи оружія противъ Турковъ.

Помянутыя Фантскіе и Миридатскіе народы живутъ въ ближнемъ сосѣдствѣ отъ города Скутари въ Албаніи. Число ихъ простирается до двѣнадцати тысячъ, состоятъ въ самовластномъ реченнаго Іона Марки владѣніи, всѣ обще изъ древнихъ временъ придержатся Рим-

скаго исповѣданія; говорятъ Албанскимъ языкомъ, совсѣмъ отмѣннымъ отъ Сербскаго, имѣютъ частую войну по просьбѣ одного паши противъ другова, почти дикіе народы, весьма храбрые, остатки древнихъ Албанцовъ, и называются нынѣ Фанты и Миридаты.

Того жъ числа отпѣтъ благодарный молебенъ за дарованную Россійской арміи надъ непріятелемъ побѣду. Служеніе сего молебна имѣлъ митрополитъ Савва съ двумя священниками и однимъ діакономъ, весьма нескладно и безъ всякой по архіерейскому чину благопристойности и облаченія, безъ мантіи, шапки и архіерейскаго посоха и свѣтильниковъ, но въ обыкновенномъ своемъ платьѣ и камилавкѣ, а вдвое сложенной амофоръ положенъ былъ просто на плечахъ и дѣлалъ цѣлое облаченіе.

7-го. Три человѣка Далматинцовъ, дезертировавъ изъ Венеціанской службы, пришли въ Цетину съ ружьями.

8-го. числа, яко день праздника Рождества Пресвятыя Богородицы и храма митрополіи Черногорской въ Цетинскомъ монастырѣ, митрополитъ Савва имѣлъ соборное служеніе литургіи, которой онъ, по причинѣ его глубокой старости, служить позабылъ, а протчіе священники и діаконы, кои немного помоложе, еще не научились.

9-го. Зарѣцкой нагіи сердарь, увѣдомляя письмомъ его сіятельство о дуелѣ, каковъ на Тунской и Зарѣцкой нагіи жители на другой день имѣть согласились, просилъ, дабы таковъ дуель запрещенъ былъ по причинѣ худыхъ изъ онаго слѣдствій, каковы обыкновенно въ Черногорскомъ своевольствѣ съ великимъ кровопролитіемъ бываютъ сопряжены. Почему его сіятельство, для отвращенія такой опасности, того жъ числа приказалъ послать въ обѣ нагіи письменныя приказанія, дабы никто не дерзалъ идти на опредѣленное для дуеля мѣсто подъ опасеніемъ смертныя казни преступнику; кои приказанія получены заблаговременно и обнародованы въ своихъ мѣстахъ, а по онымъ исполненіе обѣщано было.

Черногорскіе дуели тожъ самое значатъ, что̀ въ другихъ мѣстахъ междоусобное убійство; по большой части бываетъ причиною онымъ необузданное самовольство и наглость, а поврежденіе чести, и въ чемъ оное состоитъ, Черногорцу совсѣмъ неизвѣстно; а назватъ кого-либо воромъ, разбойникомъ и негоднымъ человѣкомъ не дѣлаетъ здѣсь никакой досады: ибо воровства, убійства и другіе пороки по природѣ Черногорцамъ столь сильно свойственны, что почти никого исключить не можно.

Партія, желающая драки на сабляхъ, обыкновенно посылаетъ противной сторонѣ столько яблокъ, сколько бойцовъ имѣть желаетъ, а сіе значитъ вызовъ на дуель. Когда жъ соперники живутъ въ раз-

ныхъ селахъ или нагіяхъ, то опредѣляется мѣсто на рубежахъ, кои раздѣляютъ ихъ земли. За бойцами обоихъ сторонъ слѣдуютъ цѣлыя деревни смотрителей бою, кои, увидѣвъ побѣду одной стороны, дѣлаются секундантами, то-есть убить съ ружья побѣдителей, и сіе подаетъ причину и къ междоусобному съ обѣихъ сторонъ убійству, такъ что, по нещадномъ кровопролитіи, кончится такое безчеловѣчное сраженіе тридцатью и больше убитыхъ секундантовъ, а при всемъ томъ сего еще не довольно: ибо каждая сторона прилежно наблюдаетъ число убитыхъ изъ своихъ селянъ и старается убить въ двое изъ соперниковъ. Каждое убійство обыкновенно платится двумя головами, а чѣмъ больше, тѣмъ честнѣе; такимъ образомъ, стараясь о большемъ числѣ головъ, обѣ стороны продолжаютъ междоусобное убійство чрезъ нѣсколько лѣтъ, не разбирая невинныхъ, по древнему праву и той драгоцѣнной вольности, которая симъ варварскимъ безчеловѣчіемъ до пяти тысячнаго числа цѣлое общество храбрыхъ Черногорцовъ истребила.

10-го. По отправленіи письменныхъ запрещеній, хотя и казалось, что обѣ партіи соперниковъ оставили намѣреніе желаемой драки; но какъ Черногорской дерзости и самовольству никакое послушаніе незнакомо, сколько бы оное имъ самимъ ни полезно было: то упрямые бойцы, въ провожаніи многихъ съ обѣихъ нагій помощниковъ, сошлись по утру у самыхъ воротъ Цетинскаго монастыря, хотя сіе мѣсто и не было опредѣлено для бою. Громкой шумъ въ виду кричащаго народа принудилъ отправить туда нѣсколько Славонцовъ; а какъ скоро усмотрѣны обнаженныя сабли у бойцовъ, то маіоръ Розенбергъ бросился въ средину оныхъ и, вырвавъ изъ рукъ палашъ у зачинщика, а потомъ и другихъ въ народной кучѣ шумящихъ Черногорцовъ схватя, удержалъ бой. Такимъ образомъ отвращены были печальныя слѣдствія Черногорскаго дуеля, которой многаго стоилъ бы кровопролитія; а зачинщики онаго приведены въ монастырь и посажены подъ арестъ. Наглость, съ какою поступлено при семъ случаѣ Черногорцами въ противность запрещенія, принудила его сіятельство опредѣлить нѣсколько князей и главаревъ обѣихъ нагій произвести судъ, дабы наказаніе столь дерзкихъ преступниковъ примѣромъ служить могло впредъ для пресѣченія столь вредной драки, которая очевидно подастъ способъ къ совершенному искорененію цѣлаго общества междоусобнымъ кровопролитіемъ и убійствомъ.

Пять человѣкъ было выбрано изъ начальниковъ обѣихъ нагій въ судьи, три офицера Россійскіе назначены депутатами: подполковникъ отъ артиллеріи Алексѣй Лецкой, капитанъ Миловской, да графъ Войновичъ. Президентомъ суда согласился быть митрополитъ Савва и въ

комнатѣ его сіятельства назначено засѣданіе. По обстоятельству, слѣдствію и учиненнымъ допросамъ оказалось, что воровство и грабленіе причиною были сего дерзостнаго поступка и упрямости противъ запрещенія; и какъ главные зачинщики драки въ наглости своей повинились, то общими всего суда голосами приговорены они были къ смертной казни, которая однакожъ зависила отъ конфирмаціи его сіятельства по сентенціи, какова, по изслѣдованіи при томъ воровства и грабительства, при докладѣ на другой день поднесена быть имѣла.

11-го. Семь человѣкъ посажено было подъ арестъ, а изъ общихъ допросовъ ихъ оказалось, что означеннаго дуеля причиною была одна овца, которую Зарѣцкой нагіи житель укралъ у Катунца. Хозяинъ овцы искалъ суда, и приказано было возвратить; но воръ уже продалъ ее другому, а тотъ денегъ принять не хотѣлъ. Обиженный, не получа своей овцы, звалъ его къ суду, но тотъ не пошелъ. Нѣсколько дней спустя, согласясь съ тремя братьями своими, онъ завелъ обманомъ на Зарѣцкую границу одного невиннаго Катунца и родственниковъ того, у кого овца украдена. Всѣ братья, яко сообщники, побили и ограбили ружье и ножъ; и какъ отнятіе оружія почитается въ Черной Горѣ несноснымъ безчестіемъ, такъ что цѣлое село или уѣздъ принимаетъ охотно во отмщеніи участіе, хотя бы оное съ кровопролитіемъ и смертію многихъ сопряжено было, то сіе самое и подало притчину къ междоусобной дракѣ. Когда такимъ образомъ все изслѣдовано и по мѣрѣ преступленій разсуждено было въ судѣ наказаніе, то члены, видя, что таковъ судъ никакого не приносилъ имъ прибытка, безъ котораго Черногорскіе начальники ничего судить не обыкли, не согласились въ приговорѣ; а тогожъ самаго мнѣнія былъ и самъ духовный президентъ, защищая преступниковъ въ надеждѣ награжденія. Симъ несогласіемъ кончилось засѣданіе, а тайнымъ ночью побѣгомъ судьи Зарѣцкаго кончился и весь криминальный судъ.

12-го. Катунской нагіи сердарь, прозываемой Вукотичъ, знатный въ Черной Горѣ грабитель и нахальникъ; онъ будучи женатъ на одной женѣ, женился и на своей невѣсткѣ по смерти сына. Раждаемыя отъ обѣихъ женъ дѣти по Черногорскому христіанству почитаются законными. Сей сердарь варварское присвоилъ себѣ право насильно у родителей отнимать дочерей и продавать Туркамъ въ серали, и такое безчеловѣчіе доказалъ онъ уже четырьмя примѣрами. Помянутой Вукотичъ явился у его сіятельства съ репортомъ, что порученная ему коммисія о разобраніи приносимой жалобы за грабительство исполнена, и что каждому обиженному истцу собственное его возвращено безъ убытка.

13-го. Черницкой нагіи сердарь Пламенацъ съ однимъ князем той же нагіи явились на Цетинѣ для отвѣту по приносимымъ на нихъ отъ Саочанъ жалобамъ въ побояхъ и отнятіи оружія; и хотя сихъ начальниковъ наглая продерзость и заслуживала наказаніе, однако его сіятельство, желая болѣе милостію, нежели штрафомъ укротить звѣрскіе Черногорцовъ нравы, приказалъ обиженнымъ возвратить отнятое, а впредъ не дѣлать никакихъ наглостей.

14-го. Черногорской уроженецъ, осмнадцати лѣтъ мальчикъ, изъ числа тѣхъ, кои въ монастырской церкви вмѣсто пономарей прислуживаютъ, желая войти въ поварню, въ которой обыкновенно про столъ его сіятельства готовится кушанье и будучи недопущенъ стоящимъ у дверей караульнымъ солдатомъ, покусился туда насильно ворваться; но какъ солдатъ отбилъ его отъ дверей палкою, то Черногорецъ, имѣя при себѣ ножъ, ранилъ солдата въ брюхо, которой однакожъ живъ остался; и хотя сія наглость жестокому подлежала наказанію, однакожъ, по духовному митрополита Саввы разсмотрѣнію, сія Черногорская бравость оставлена безъ всякаго наказанія.

15-го. Содержавшіеся подъ арестомъ Черногорцы, по притчинѣ воровства, грабительства и дуеля, прощены отъ его сіятельства съ тѣмъ приказаніемъ, дабы каждый обиженный получилъ собственное свое, а дуели вовсе пресѣчены были.

16-го. Отъ Никшицкаго воеводы протопопа Дмитрія Ивановича получено чрезъ нарочно посланнаго туда отъ князя письмо, которымъ онъ, увѣдомляя о намѣреніи Турковъ учинить нападеніе на Черную Гору, просилъ его сіятельство имянемъ всего Никшицкаго и другихъ окрестныхъ селъ общества о защищеніи и помощи противъ непріятелей.

17-го. Отвѣтствовано на вышепомянутое письмо съ тѣмъ объявленіемъ, дабы живущіе въ Никшицахъ и ближнихъ селахъ христіане, согласясь единодушно всѣ, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, оборонялись, не допущая Турковъ ко овладѣнію крѣпкими проходами, и что изъ Черной Горы учинено имъ будетъ вспоможеніе. При семъ случаѣ отправлено отъ его сіятельства особливое письмо къ Бердянскому воеводѣ Дрекаловичу того жъ содержанія, дабы онъ, во время пріуготовленія Турковъ къ нападенію на Черную Гору, учинилъ съ своей стороны дивирсію непріятелю.

Того жъ числа отправлены письма къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову и къ маркизу Маруцію. Пакетъ съ сими письмами посланъ къ одному изъ Катарскихъ жителей, надежному человѣку, которой обѣщалъ отвезти самъ въ Венецію и доставить письма маркизу Маруцію и принесть на оныя отвѣты.

18-го. Одинъ изъ числа дезертировавшихъ изъ Катара солдатъ, будучи изобличенъ въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ порошкахъ, коихъ онъ, имѣя при себѣ, сообщилъ другому съ намѣреніемъ худаго умысла, взятъ подъ караулъ для обстоятельнаго о семъ дѣлѣ изслѣдованія.

Простирающіяся по берегамъ Катарскаго залива Венеціанскія владѣнія изъ древнихъ временъ посажены Славонскимъ Греческаго и Римскаго исповѣданія народомъ. Различіе закона и взаимная по суевѣрію ихъ ненависть, а притомъ образъ тиранскаго владѣнія, производятъ частыя между правителями и подданными несогласія, принятіе оружія и убійство; а владѣльцы съ своей стороны, употребляя обманъ и клятвопреступленіе, мстятъ подданнымъ своимъ грабленіемъ, огнемъ и мечемъ, раззоряя цѣлыя деревни. Уласкавъ сперва клятвою общаго прощенія, отбираютъ потомъ оружіе; многихъ вѣшаютъ и убиваютъ лестью, а другихъ разсылаютъ на галеры; сверхъ того, для удержанія впредъ бунтовъ, берутъ отъ нихъ же аманатовъ и, наконецъ, ласкательствуя прельщеніемъ, обѣщаютъ возвратить отнятое и наградить раззореніе. Но какъ сіи обѣщанія льстивы и тщетны, то владѣльцы, опасаясь подданныхъ своихъ, раздраженныхъ клятвопреступленіемъ, не имѣютъ съ ними никакова сообщенія и запираютъ отъ нихъ города и крѣпости. При такомъ нестройномъ состояніи дѣлъ во всѣхъ Венеціанскихъ владѣніяхъ, весьма близкое Турецкихъ земель сосѣдство столь страшно кажется владѣтелямъ, что они, въ угодность Туркамъ, охотно исполняютъ всѣ ихъ требованіи съ немалымъ самимъ себѣ убыткомъ. Раззоренныя въ прошломъ году села Поборъ, Бранчи и Тайна достаточнымъ служатъ сему примѣромъ.

Пріѣздъ въ Черную Гору Россійскаго генерала съ нѣсколькими офицерами умножилъ внутреннее Катарскихъ правителей безпокойство и трусость; и хотя обнародованный отъ его сіятельства, по причинѣ Спичанскаго междоусобія, манифестъ и письменные какъ къ Катарскому губернатору, такъ и къ Антиварскому епископу весьма благосклонные отзывы достаточны были увѣрить ихъ о непорочности поступковъ его и, слѣдовательно, заслуживали съ ихъ стороны хотя индиферентную учтивость и отвѣтъ; однакожъ тщетно было и понынѣ ожиданіе онаго; а напротивъ того, какъ словесныя, такъ и писсменныя съ неоднократнымъ подтвержденіемъ получены извѣстія, съ тѣмъ объявленіемъ, дабы съ покупаемыми въ Катаро съѣстными и питейными припасами поступаемо было съ крайнею осторожностію, по причинѣ тайнаго умысла о истребленіи отравою жизни его сіятельства и находящихся при немъ офицеровъ. Таковые слухи не заслуживали съ начала никакого вѣроятія, тѣмъ больше, что ни къ какому огорченію

или подозрѣнію ни малѣйшей причины не подано было, и потому грѣшно казалось и подумать, дабы столь гнусное и не точію во всемъ христіанствѣ, но и между варварами недозволенное и мерзостное употреблено было средство къ произведенію въ дѣйство столь подлаго и безбожнаго предпріятія на неповинную жизнь многихъ человѣкъ. И потому для того, дабы лишніе люди не ходили въ поварню, учрежденъ былъ при оной караулъ изъ солдатъ дезертировъ; а въ прочемъ всѣ извѣстія, яко невѣроятныя, оставлены безъ уваженія и совсѣмъ преданы забвенію. Но какъ вышеозначенной дезертиръ Итальянецъ предъ нѣсколькими днями явился на Цетинѣ, желая вступить въ службу, то познакомился онъ съ слугою одного изъ Россійскихъ офицеровъ и старался тѣсную свести съ нимъ дружбу, тѣмъ больше, что слуга оной былъ Итальянецъ родомъ. Ежечасное свиданіе и обхожденіе, каково между собою имѣли сіи новые пріятели, подало случай солдату примѣтить въ слугѣ неудовольствіе противъ его господина; и потому, сожалѣя о своемъ другѣ, совѣтовалъ онъ ему отмстить обиду сердитому хозяину, а именно поднесть въ питьѣ или въ кушаньѣ одинъ порошокъ, которой онъ при себѣ имѣетъ. Слуга хотя былъ чувствительно тронутъ злостію такого совѣта, еще болѣе потому, что всѣ офицеры имѣютъ общій столъ съ его сіятельствомъ, однакожъ на предложеніе притворно согласился; а солдатъ въ глубокой довѣренности далъ ему съ порошкомъ бумажку, которая потомъ и объявлена. По взятіи подъ арестъ солдата, выбросилъ онъ изъ кармановъ еще нѣсколько порошковъ и разсыпалъ оные на землю, дабы тѣмъ меньше изобличенъ быть могъ въ своемъ зломъ умышленіи.

Такимъ образомъ Провидѣніе, защищая непорочность, отвратило смертоносной вредъ и открыло изготовленное уже къ тому безбожное орудіе.

19-го. Рѣчанской нагіи Черногорцы, пришедъ на Цетину, принесли одну голову, которую они, по сказкамъ ихъ, отсѣкли Турку сошедшись съ нимъ на границѣ, а по увѣренію Черницкихъ жителей отрублена оная одному изъ христіанъ.

20-го. Черногорскій губернаторъ, имѣя жительство свое въ селѣ, называемомъ Нѣгошъ, разстояніемъ четыре часа отъ Цетинскаго монастыря, просилъ его сіятельство о посѣщеніи его дому по причинѣ случившейся въ тотъ день его, губернатора, свадьбы. По безпокойной и трудной дорогѣ, по которой во всей Черной Горѣ съ великою нуждою, едва пѣшему, пройтить можно, отправился его сіятельство поутру, въ восьмомъ часу, съ тремя офицерами, въ провожаніи нѣскольких Славонцовъ и Черногорцовъ. Въ половину дороги сдѣлалъ его сіятельству встрѣчу самъ женихъ-губернаторъ и проводилъ до Нѣгоша, куда

и прибыли въ полдень. Спустя нѣсколько времени, привезена была изъ другова села невѣста, называемая по здѣшнему новица, въ провожаніи нѣсколькихъ человѣкъ изъ родственниковъ обѣихъ сторонъ. Помянутая новица, имѣя всегда закрытое лицо, съ распущеннымъ знамемъ проведена была въ приходскую церковь, гдѣ неискусный попъ, по невѣжеству своему, едва могъ прочесть въ книгѣ форму свадебнаго церемоніала, а болѣе наблюдая обычай земли, нежели церковной обрядъ, вѣнчалъ жениха съ невѣстою, не открывая завѣшеннаго ея лица, котораго еще и самъ женихъ не могъ видѣть. По окончаніи церковной церемоніи пошли новобрачные, въ провожаніи родственниковъ и гостей, въ жениховъ домъ, гдѣ имѣли столъ по Черногорскому обычаю; а потомъ продолжалась музыка на здѣшнемъ инструментѣ, которой похожъ на деревенской Русской гудокъ съ одною только толстою изъ конскихъ волосъ натянутою струною; при такой музыкѣ припѣваны были пѣсни старинныя, военныя грубымъ и жалостнымъ тономъ, каковъ одинъ только есть общій всѣмъ Славянскимъ народамъ.

Нескладная инструментальная и вокальная музыка, а особливо содержаніе кровопролитныхъ древнихъ баталій въ пѣсняхъ нимало не препятствовали въ скачкѣ, которую одни мущины продолжали въ кругу, прыгая по примѣру Турковъ. Компанія столь весела была, что и самъ митрополитъ Савва, не взирая на семидесятилѣтнюю вѣтхость и дряхлость своихъ ногъ, почтилъ сію свадьбу въ числѣ прочихъ скачущихъ духовныхъ его дѣтей персональнымъ своимъ прыганьемъ; а сіе, по обычаю земли, не дѣлаетъ здѣсь ннмалѣйшаго зазору и непристойности. Въ протчемъ во всю ночь продолжались попойка, музыка и пѣсни, а новобрачная новица ночевала въ особливой избѣ между двумя своими родственниками, безъ всякаго свиданія съ своимъ мужемъ; а сіе дѣлается чрезъ нѣсколько ночей сряду, пока родственники разойдутся по домамъ и оставятъ новицу въ домѣ ея мужа.

Черногорцы, яко Турецкіе подданные, принаравливаясь обычаямъ своихъ владѣльцовъ, многіе обряды приняли себѣ за законъ; и потому Черногорецъ, желая жениться, не долженъ свататься самъ собою, а сіе право имѣютъ только ближніе его родственники, кои дѣлаютъ сговоръ, не объявляя жениху о невѣстѣ, такъ что онъ не можетъ ее видѣть, пока не вѣнчается и не кончатся всѣ принадлежащія къ свадьбѣ Черногорской принятыя во обычай церемоніи.

21-го, въ четвертомъ часу по полудни, прибылъ его сіятельство изъ Нѣгоша обратно въ Цетинской монастырь.

22-го числа, яко въ торжественный день коронаціи Ея Императорскаго Величества, по окончаніи литургіи отпѣтъ былъ благодарной молебенъ, а служеніе онаго имѣли патріархъ Василій и митрополитъ

Савва съ двумя священниками безъ діакона, а вмѣсто онаго читалъ обыкновенную ектенію патріархъ, не выходя изъ алтаря. Митрополитъ Савва также остался въ алтарѣ, дѣлая возгласы попеременно; неискуство таково, примѣченное въ священнослуженіи сихъ двухъ святителей, весьма ясно доказываетъ, что они оба во отправленіи церковнаго служенія, по знатности чиновъ ихъ, не часто упражняются.

23-го, по вкоренившемуся здѣсь предательству, измѣнѣ и тайной съ Турками перепискѣ не могло утаено быть усердіе Саочанъ, кои въ вѣрности Россійскому двору присягу учинили и протекціею его обнадежены были. Скутарскій паша, будучи обо всемъ томъ увѣдомленъ, собралъ нѣсколько Турковъ и уже готовъ былъ учинить на нихъ нападеніе; но какъ отъ его сіятельства помянутымъ Саочанамъ выдано было потребное число свинцу и пороху и распоряженъ скорой въ нужномъ случаѣ сикурсъ; а при томъ Римскаго исповѣданія Берданя, называемые Клименты, неохотно Турецкую сторону принять желали: то паша, не полагая надежды на малое число при себѣ находящихся Турокъ, оставилъ безъ дѣйствія принятое намѣреніе.

24-го. Пребываніе его сіятельства между единовѣрными усердными Черногорцами съ немалою было сопряжено опасностію собственной его жизни: новые ежедневно съ разныхъ сторонъ доходящіе слухи извѣщали, что одни приготовляютъ отраву, а другіе чрезъ подкупы и ласкательства стараются о предательствѣ въ непріятельскія руки и о зажженіи пороху, чего по безпутному самовольству, вѣтренности и лакомству къ деньгамъ весьма легко отъ жителей и ожидать надлежало. Примѣровъ такихъ было у нихъ множество. Изгнанный изъ отечества своего и съ Сербскаго престола патріархъ Василій, надѣясь въ Черной Горѣ найтить себѣ убѣжище, имѣлъ здѣсь свое пребываніе; но какъ Турки, желая получить его голову, посулили за оную нѣсколько мѣшковъ денегъ Черногорцамъ, то сія сумма весьма чувствительно поколебала ихъ благочестіе. Двадцать четыре человѣка православныхъ жителей, пришедъ ночью къ помянутому патріарху, объявили ему свое намѣреніе объ отдачѣ его Туркамъ; и какъ нимало не сумнѣвался онъ объ исполненіи предпріятія столь безчеловѣчныхъ предателей, то, сперва увѣщевая ихъ пастырскимъ наставленіемъ, угрожалъ по чину своему проклятіемъ. Но какъ все сіе тщетно было и безполезно, то сей несчастный архіерей, вынувъ животворящій крестъ, палъ на колѣни предъ духовными своими дѣтьми и у ногъ ихъ съ горшими слезами просилъ о пощаженіи бѣдственной его жизни. Когдажъ и такое жалостное его состояніе нимало не могло смягчить суровости и жестокосердія сихъ христіанъ, то патріархъ, видя, что сей родъ людей не умягчится ни слезнымъ моленіемъ, ни крестомъ, отдалъ всѣ свои день-

ги, пятдесятъ четыре цекина, и симъ средствомъ едва удалось ему сохранить свою жизнь въ ту ночь, а на другой день бѣжалъ въ приморье, въ село Майну и нѣсколько дней тамо спрятанъ былъ въ дому одной вдовы, которая ложными объ немъ клятвами запиралась предъ тѣми, кои неоднократно и туда его искать приходили. Какъ сей, такъ и сему подобные въ прошломъ году случившіеся примѣры, а при томъ и самой образъ жизни и поступокъ непостояннаго народа подали его сіятельству весьма справедливую притчину къ подозрѣнію и принудили принять нужныя предосторожности; почему нѣсколько пудовъ пороху, которой въ мѣшкахъ содержанъ былъ въ монастырѣ внизу той комнаты, въ которой его сіятельство имѣетъ пребываніе, приказано было перенести во отдаленное отъ монастыря пустое строеніе и приставить караулъ изъ осми человѣкъ Славонцовъ, на которыхъ вѣрность надежнѣе положиться можно. Вышеозначеннаго числа, уже въ часъ пополуночи, караульной, усмотря одного человѣка, которой подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ содержался порохѣ, спросилъ его: кто онъ таковъ? На сей спросъ отвѣтствовалъ ему тотъ неизвѣстной, что онъ Черногорецъ и идетъ домой на Цетину; а когда караульный требовалъ, дабы онъ подошелъ къ нему, и сіе повторяя неоднократно угрожалъ за ослушаніе выпалить по немъ изъ ружья, то неизвѣстной бросился въ сторону бѣжать; и хотя караульной сдѣлалъ два выстрѣла, однакожъ тотъ ушелъ за камни.

25-го. Отъ Бердянскаго воеводы Ильи Дрекаловича получено письмо, которымъ онъ, увѣдомляя его сіятельство о томъ, что Турки, при нынѣшнихъ сумнительныхъ обстоятельствахъ, не хотятъ отпустить плѣнныхъ на выкупъ, совѣтуетъ притомъ о завладѣніи какимъ либо Турецкимъ городомъ, дабы чрезъ то ободрить сосѣднихъ христіанъ.

26-го. Одинъ изъ Венеціанскихъ дезертировъ явился на Цетинѣ; но какъ на него учинена была жалоба въ покражѣ денегъ и нѣкоторыхъ вещей, а притомъ и въ продерзостяхъ противъ своего командира въ надеждѣ принятаго намѣренія къ побѣгу, то, дабы какъ сей, такъ и сему подобные бездѣльники не ласкали себя впредъ безопаснымъ въ Черной Горѣ убѣжищемъ, приказалъ его сіятельство помянутого дезертира посадить въ тюрьму и, сыскавъ покраденныя вещи, кои уже были распроданы, отправить его въ Катаро, съ тою однакожъ кондиціею, дабы ему сохранена была жизнь, хотя дезертиръ за воровство и за продерзость, учиненную пистолетнымъ на своего офицера выстрѣломъ, по строгости законовъ, и заслуживаетъ жестокость безщаднаго наказанія.

27-го. Три человѣка Славонцовъ изъ Кастельново, явясь на Цетинѣ, со всѣмъ военнымъ оружіемъ вступили въ службу.

28-го. Черногорской уроженецъ изъ Черницкой нагіи Михаило Христовичъ находился въ Венеціанской службѣ болѣе двадцати лѣтъ, а чрезъ столь долгое время, имѣя обхожденіе съ другою націею и служа на корабляхъ, имѣлъ случай побывать въ Англіи и другихъ государствахъ, и чрезъ то природную его отечеству суровость и непостоянство перемѣнилъ на порядочную жизнь, пристойную здравому разсужденію, почему и дослужился до сержанта въ Далмаскихъ полкахъ; слышавъ, наконецъ, о пріѣздѣ Россійскаго генерала съ офицерами въ Черную Гору, оставилъ Венеціанскую службу и явился на Цетинѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ имѣть ему случай, при нынѣшнихъ военныхъ дѣйствіяхъ, оказать вѣрность и усердіе къ Россійскому двору.

29-го, въ разсужденіи не столь удачныхъ успѣховъ, какими ласкала себя при началѣ войны Отоманская Порта, всѣ сосѣдніе Турки не дѣлаютъ еще и понынѣ никакихъ приготовленій къ нападенію на Черную Гору. Небольшее ихъ число въ Албаніи и Герцеговинѣ кажется имъ недостаточнымъ быть къ такому предпріятію; а Босняки, по дошедшимъ слухамъ, безпокоятся собственнымъ неудовольствіемъ по причинѣ требуемыхъ изъ Бошніи войскъ противъ Россійской арміи. При такомъ Турецкихъ дѣлъ состояніи неусыпное его сіятельства было попеченіе какъ въ ближнемъ сосѣдствѣ, такъ и во отдаленности живущихъ христіанъ, Албанцовъ и Герцеговцовъ обнадеживать Высочайшею Россійскаго двора протекціею и помощію и склонять ихъ къ принятію оружія противъ непріятеля. И хотя на такое обнадеживаніе и отвѣтствовано было общимъ христіанъ усердіемъ и готовостію, однакожъ жестокія казни и варварскія Турковъ за малѣйшія подозрѣнія наглости и тиранства удерживали сихъ бѣдныхъ единовѣрцовъ отъ предпріятія; а притомъ страхъ и отчаянность не дозволяли утѣсненному народу оставить ихъ жилища и жертвовать жизнію своихъ женъ и дѣтей, тѣмъ больше, что они не видятъ еще въ Черной Горѣ столько силъ, сколько бы къ защитѣ и подкрѣпленію ихъ достаточно было. Напротивъ того, Черногорцы, не взирая ни на какія отъ его сіятельства запрещенія, ежедневныя продолжая въ жилищахъ сосѣднихъ христіанъ грабленія и воровство, лишаютъ ихъ послѣдняго пропитанія, не разбирая ни закона, ни человѣчества; а такіе звѣрскіе Черногорцовъ поступки и разбойничества въ несчастныхъ сосѣдахъ столь сильное причиняютъ отвращеніе, что они не меньше опасаются Черногорцовъ, какъ и Турковъ, своихъ мучителей, и сего варварства, грабленія и разбоевъ никакими способами прекратить не можно. Зарѣцкой нагіи жители, составя разбойничью шайку, пошли въ Герцеговину и близъ города Никшичей заняли овецъ до осьми сотъ; и какъ съ сею добычею возвращались они въ Черную Гору чрезъ

Плѣшивецкую нагію, то жители оной удержали нѣкоторую часть добычи подъ тѣмъ видомъ, дабы возвратить тотъ скотъ бѣднымъ хозяевамъ, кои, по ближнему ихъ сосѣдству, были имъ знакомы. И сей поступокъ столь сильную между обѣими сторонами произвелъ наглость, что одна нагія противъ другой намѣрена была непріятельское употребить сраженіе, которое конечно междоусобнымъ рѣшилось бы кровопролитіемъ и убійствомъ, естьлибъ его сіятельство не упредилъ заблаговремянно сего злобнаго намѣренія письменными запрещеніями, коими едва укротилось развращенное необузданнаго народа самовольство и звѣрская жестокость.

30-го, продолжающіеся Венеціанскихъ солдатъ побѣги почти ежедневно умножали въ Черной Горѣ число дезертировъ, такъ что уже было ихъ до девяноста человѣкъ; но какъ оные всѣ безъ ружья, мундира и обуви, а притомъ столь мало къ войнѣ способны, что никакова отъ нихъ успѣха ожидать не можно, а въ разсужденіи тѣснаго въ Цетинскомъ монастырѣ мѣста и осенняго времяни нельзя ихъ въ деревняхъ расположить по квартирамъ по безпутному Черногорцовъ упрямству, кои о томъ упредили уже представленіями съ жалобою: то помянутые солдаты больше были въ тягость, нежели служи́ли къ какой либо пользѣ. Его сіятельство, соображая время со обстоятельствомъ дѣлъ и не находя никакой нужды въ числѣ такихъ дезертировъ, заблагоразсудилъ отправить ихъ въ Катаро, и чрезъ то самое тамошнимъ правителямъ доказать непорочность своихъ поступковъ противъ Венеціанъ, тѣмъ больше, что и къ побѣгу дезертировъ не подано было ни малѣйшаго повода. Отправленіе сіе учинено безъ всякаго солдатамъ насилія, а только приказано было обнадежить ихъ, что они за побѣгъ не будутъ наказаны, естьли охотно пожелаютъ возвратиться къ своимъ командамъ. Двадцать восемь человѣкъ на сіе согласились и съ однимъ Петровицкимъ жителемъ и нѣсколькими Черногорцами, по письменной отъ маіора Розенберга запискѣ, отправлены въ Катаро. Что же касается до содержавшагося подъ арестомъ солдата, по причинѣ злостнаго его намѣренія, каково открылось даннымъ отъ него порошкомъ: то хотя оной и изобличенъ былъ другими солдатами въ убійствѣ предъ тѣмъ одного солдата въ Далмаціи, однакожъ его сіятельство, довольствуясь благовремяннымъ открытіемъ сего столь безбожнаго орудія, заблагоразсудилъ, по великодушію, оставить сіе дѣло безъ дальной оглолоски и отмстить однимъ только презрѣніемъ, какова сей мерзостной въ христіанствѣ поступокъ заслуживаетъ, и приказалъ сего солдата отправить при семъ случаѣ въ числѣ другихъ дезертировъ. Помянутая отсылка солдатъ учинена по отзыву Катар-

скаго проведитора, которому и оказано было отъ его сіятельства согласное съ просьбою его снисхожденіе.

1-го Августа, при переѣздѣ князь Юрья Володимеровича изъ Италіи въ Черную Гору, посажено было на кораблѣ въ Семигаліи до двадцати человѣкъ Славонцовъ, Венеціанскихъ подданныхъ, кои пожелали вступить въ Россійскую службу съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы оные, въ случаѣ надобности, могли быть употреблены къ морскимъ судамъ, къ чему они чрезъ нѣсколько лѣтъ пріобрѣли уже нѣкоторую способность. И по пріѣздѣ въ Черную Гору казалось, что не было дальней нужды удержать тамо помянутыхъ Славонцовъ, но въ самой день пріѣзда усмотрѣно было въ Черногорцахъ столь безпутное самовольство и безпорядокъ, что за выгрузку изъ трабакуля пороху и свинцу и за перевозъ онаго безъ стыда они требовали денежной платы; и хотя за все то награждены были достаточно, однако перевозка столь медлительна и безпорядочна была, что на многихъ мѣстахъ по дорогѣ разбросанъ былъ порохъ и свинецъ, гдѣ и оставался оной болѣе десяти дней; наконецъ, нѣсколько мѣшковъ и боченковъ съ порохомъ и нѣсколько кусковъ свинцу не явилось на мѣстѣ, такъ что знатная часть онаго раскрадена въ перевозкѣ; и какъ его сіятельство простилъ воровство одному изъ тѣхъ, у кого украденный нашелся порохъ, то уже ни одинъ изъ его товарищей не признался въ воровствѣ и похищенаго не возвратилъ.

Такой безчестный поступокъ открылъ потомъ и другія негодныя Черногорцовъ свойства, яко то лукавство, обманъ и чрезмѣрное къ деньгамъ лакомство, такъ что съѣстные припасы почти тройною цѣною покупаемы были, а притомъ непостоянство, вѣтренность, междоусобная ненависть и необузданная наглость весьма сумнительную подавали надежду положиться на наружную ихъ вѣрность, и сіи понудительныя причины принудили его сіятельство удержать при себѣ Славонцовъ и поручить имъ нужные караулы. Графъ Войновичъ, которому надлежало было возвратиться въ Италію для врученія репорта его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову о прибытіи въ Черную Гору, равномѣрно оставленъ тамо въ разсужденіи какъ искусства его въ Иллирическомъ діалектѣ, такъ и извѣстнаго усердія къ службѣ и совершенной способности къ отвращенію непредвидимыхъ худыхъ слѣдствій, какихъ отъ дерзкаго и непостояннаго народа ожидать должно. Самое время доказало, сколь нужны и необходимы были въ такомъ случаѣ принятыя его сіятельствомъ предосторожности, когда звѣрской и неслыханной въ христіанствѣ образъ жизни сихъ единовѣрцовъ часъ отъ часу открываться началъ; никакіе совѣты и увѣщанія, ни письменныя объявленія не могли въ непостоянномъ семъ на-

родѣ истребить того безпутнаго мнѣнія, какое оный сумазбродно затвердилъ о Степанѣ Маломъ, безстыдно разглашая слухи, что его сіятельство, имѣя всегда тайное съ нимъ свиданіе, ничего не дѣлаетъ безъ его совѣта; а сіи безумныя увѣренія нимало не сходны были съ тою ихъ яростію и бѣшенствомъ, съ которыми обще всѣ Черногорцы предъ тѣмъ кричали, чтобъ Степана Малова повѣсить какъ обманщика, самозванца и возмутителя покоя. Продолжающіяся ежедневно наглости, воровства, грабительства, разбой и притомъ тайная съ Турками переписка обо всемъ томъ, что̀ въ Черной Горѣ происходитъ, ничего инаго не обѣщали, кромѣ худыхъ и несчастныхъ слѣдствій, а ко отвращенію оныхъ весьма мало оставалось надежды, и ко учрежденію какова либо порядка и правосудія сколь ни прилагалъ его сіятельство старанія и трудовъ, однако въ необузданномъ народѣ тщетны оные и безплодны, и не могли удержать безчеловѣчнаго стремленія къ грабительству и раззоренію какъ собственныхъ сограждань, такъ и въ сосѣдствѣ живущихъ несчастныхъ единовѣрцовъ. Ласковое его сіятельства съ Черногорцами обхожденіе и благосклонные пріемы награждаемы были хитростію, обманомъ и лукавствомъ, а человѣколюбіе и щедрота, оказанная въ выкупѣ плѣнныхъ невольниковъ, открыли только неблагодарность и показали, сколь далеко простирается ихъ несытое къ деньгамъ лакомство. Митрополитъ Савва, при всей дряхлости своей, ласкательствуя притворно его сіятельству низкими поклонами, а въ самомъ дѣлѣ будучи совершенно преданный шпіонъ Венеціанской сторонѣ, не могъ, наконецъ, скрыть душевредныхъ своихъ мыслей, клонящихся къ возмущенію непостоянныхъ Черногорцовъ. Когда Черногорской сердарь и съ нимъ другой князь села Дипило, по принесеннымъ на нихъ отъ Саочанъ въ грабительствѣ и побоѣ жалобамъ, явились на Цетинѣ для отвѣту: то помянутой митрополитъ, зазвавъ къ себѣ сихъ начальниковъ (изъ которыхъ одинъ былъ родной его племянникъ Моисей Пламенацъ, сдѣлавшійся изъ приходскаго попа сердаремъ; а другой, будучи явный злодѣй и предатель, имѣлъ двоюроднаго брата Турка, природнаго Черногорца, секретаремъ при Скутарскомъ пашѣ) между многими нескладными своими разговорами безразсудно сказалъ имъ и то, что Россійскіе господа пріѣхали въ Черную Гору навесть намъ Турецкую войну, а чрезъ то раззорить насъ и погубить самихъ себя. Довольно уже было для Черногорцовъ сихъ возмутительныхъ словъ, которыя въ скоромъ времяни произвели и другіе опасные слухи, чтобъ отдать Туркамъ всѣхъ тѣхъ, кои не рождены въ Черной Горѣ. А сіе подтверждалося еще и тѣмъ подозрѣніемъ, что Катунской нагіи жители, кои питаются однимъ только воровствомъ, грабленіемъ и разбоемъ, при раздачѣ на всѣ нагіи пороху и свинцу,

никогда онаго принять не хотѣли, извиняясь тѣмъ, что они въ порохѣ не имѣютъ никакой нужды, а въ самомъ дѣлѣ отзывались, что нѣтъ имъ причины вооружаться противъ Турковъ, когда оные имъ никакова зла не желаютъ. При такихъ злостныхъ обманахъ безпутная наглость, съ какою сіи Катунцы умыслили на Цетинской монастырь учинить нападеніе, дабы разбойническою рукою освободить своихъ товарищей, содержавшихся тамо подъ арестомъ по причинѣ дуеля, довольно явные подаетъ опыты, чего отъ такихъ разбойниковъ ожидать должно. До тридцати человѣкъ собралось ихъ предъ полуднемъ, и пришедъ къ монастырскимъ воротамъ, сѣли у дверей при самомъ входѣ въ монастырь, имѣя каждой изъ нихъ заряженное ружье; между тѣмъ, высматривая способность и время, продолжали тихо свои разговоры, а потомъ всѣ вдругъ, вскоча на ноги, взведъ ружейные курки, наложили на полки пороху и уже готовы были ворваться въ монастырь, какъ, нечаянно усмотря сіе, графъ Войновичъ бросился имъ на встрѣчу и удержалъ ихъ стремленіе; а смѣлость и дерзновеніе, съ какимъ учинилъ онъ выговоръ, привела ихъ въ робость. И сіе дарованіе столь природно всѣмъ обще Черногорцамъ, что сіи храбрые трусы отошли прочь и разбрелись по домамъ, и такимъ образомъ отвращено разбойническое умышленіе, которое могло бы произвести кровопролитныя слѣдствія.

Сіи и симъ подобные Черногорцовъ поступки соображая со обстоятельствами дѣлъ, его сіятельство старался всѣ возможныя употребить средства къ предупрежденію печальныхъ приключеній; а въ прочемъ предпріялъ до времяни сохранять великодушіе и сносить съ терпѣніемъ часъ отъ часу умножающееся безпокойство, которое казалось больше быть тѣмъ чувствительно, что со всѣхъ сторонъ съ опасными сопряжено было предпріятіями. По вѣроятнымъ подтвержденіямъ несумнительно было съ Венеціанской стороны безбожное злоумышленіе о истребленіи жизни отравою; а сіе тайное злодѣйство угрожало опасностію болѣе, нежели со оружіемъ въ рукахъ явный непріятель. Турецкіе подкупы и посулы ласкательствовали Черногорскому лакомству, дабы зажечь порохъ и Россійскихъ офицеровъ отдать непріятелю въ руки, что̀ въ безчеловѣчномъ народѣ легко послѣдовать могло, когда прошлогодскіе примѣры доказываютъ тому возможность во учиненной наглости патріарху и Степану Малому въ самое то время, когда всѣ Черногорцы, отдавая ему всепресвѣтлѣйшіе титулы, признавали его за такова, когда такимъ его называли.

Двадцать мѣшковъ денегъ, обѣщанныхъ отъ Турковъ, столь сильно безпокоили христіанскую ихъ совѣсть, что они пришли въ монастырь, называемый Ловтѣ, гдѣ Степанъ Малый обыкновенно имѣлъ свое пребыва-

ніе, откудова ласкательствомъ и обманомъ вызвавъ его на поле, сдѣлали на ономъ цыркуль и, сѣвши всѣ на землю, посадили Степана Малаго между собою въ срединѣ, дабы, такимъ образомъ препроводя всю ночь, отвесть его на другой день поутру къ Турецкимъ границамъ и отдать Туркамъ по уговору. Степанъ Малый, не могши отъ такова предательства избавиться, принужденъ былъ, наконецъ, отдаться на волю вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Правду сказать, что они, имѣя его въ рукахъ, могли бы отрубить ему голову; однако корыстолюбіе не допустило ихъ поступить на сіе убійство, тѣмъ больше, что одна голова показалась бы сумнительна Туркамъ и въ обѣщанныхъ деньгахъ могла бы произвесть затрудненіе; а сіе единственно было причиною, что Черногорцы желали сохранить жизнь своего владѣтеля, нимало не разсуждая о той нечаянности, которая ихъ вдругъ лишила сладкой надежды къ полученію Турецкихъ мѣшковъ, кои уже считая собственными своими, препроводили нѣсколько часовъ ночи на Ловтинскомъ полѣ; а между тѣмъ столь крѣпко всѣ уснули, что Степанъ Малый, вышедъ изъ средины спящихъ, бѣжалъ въ одинъ монастырь и у тамошняго игумна тайно крылся чрезъ девять мѣсяцовъ по день пріѣзда его сіятельства въ Черную Гору.

Продолжающіеся притомъ непрестанно какъ къ Туркамъ, такъ и къ Венеціанамъ сообщенія и переносы часъ отъ часу подтверждали несумнительное предательство, такъ что Черногорцовъ не меньше какъ и самихъ Турковъ опасаться надлежало; а между тѣмъ частыя съ Венеціанской стороны пересылки, пріѣздъ Турковъ въ Кастельново, взаимныя сношенія и договоры и по онымъ обѣщаемыя отъ Венеціанъ вспомогательныя суммы денегъ и потребное число нужныхъ вещей, къ нападенію на Черную Гору, очевидно уже и неминуемою угрожали опасностію.

Сіи крайности принудили его сіятельство искать послѣднихъ средствъ ко избѣжанію столь варварскаго предательства и безчестнаго плѣна, сопряженнаго съ опасностію жизни; и хотя всѣ способы тѣмъ больше казались невозможными, что число людей до пятидесяти человѣкъ простиралось, однако его сіятельство принялъ твердое намѣреніе выѣхать изъ Черной Горы и со всѣми офицерами и людьми переѣхать въ Италію и, не смотря на безпрестанные при берегахъ Катарскаго залива разъѣзды Венеціанскихъ галеръ и Дульциніотскихъ тартанъ, заблагоразсудилъ отважиться на отчаянность, полагаясь единственно на Провидѣніе, когда уже отъ человѣческой руки никакой помощи ожидать не было надежды. Въ такомъ намѣреніи, провѣдавъ его сіятельство о продажѣ одного трабакуля у одного изъ Пастровицкихъ жителей, предпріялъ оной купить посредствомъ посторонняго человѣка, дабы тѣмъ больше скрыть намѣренія тайну. Сія ком-

мисія поручена была графу Войновичу съ тѣмъ наставленіемъ, дабы оной, передѣвшись въ матроское платье и взявъ одного изъ Славонцовъ, отправился въ Кастельново въ свой домъ, гдѣ онъ, имѣя знакомство съ своими одноземцами, не трудно можетъ сыскать одного изъ капитановъ, надежнаго человѣка, препоручить ему покупку на его имя трабакуля, сдѣлать договоръ и согласиться о времени и мѣстѣ, когда все въ готовости будетъ. Реченный графъ отъѣхалъ изъ Цетина сего числа для исправленія помянутой коммисіи.

2-го, посыланный въ Катаро, при отправленіи дезертировъ, Пастровицкой житель Марко, возвратясь оттуда, репортовалъ, что помянутые дезертиры приняты отъ проведитора сообщеніемъ за побѣгъ ихъ прощенія, и что онъ за присылку тѣхъ солдатъ, благодаря его сіятельству, признаетъ сію благосклонность за особливое одолженіе. При такихъ же наружныхъ учтивостяхъ и комплиментахъ изъяснился реченный проведиторъ въ письмѣ своемъ и о томъ, что обстоятельства времени не дозволяютъ свободнаго чрезъ Катаро пропуску тѣмъ офицерамъ, кои бы отъ его сіятельства въ Италію посыланы были, и сіе письмо служило на то отвѣтомъ, каково о непропускѣ подполковника Герсдорфа съ пріѣзду въ Черную Гору къ нему писано было.

3-го. Непрестанныя грабительства и насилія Черногорцовъ и междуусобныя ссоры и по онымъ приносимыя жалобы и безпокойства принудили его сіятельство, изъ разныхъ нагій выбравъ нѣсколько начальниковъ, учредить на Цетинѣ судъ, который рѣшилъ бы помянутыя жалобы; почему изъ Зарѣцкой нагіи явились нѣсколько человѣкъ, кои по общему выбору жителей отправлены были.

4-го. Турецкіе подданные, живущіе близъ города Жабляка, явясь на Цетинѣ, просили его сіятельства, дабы украденныя Черногорцами у Жабицкаго паши лошади повелѣно было возвратить, въ разсужденіи той опасности, какой бѣдные христіане подвержены быть могутъ отъ наглости и мщенія Турковъ; но какъ возвращеніе разграбленныхъ или украденныхъ вещей Черногорцы почитаютъ за несносную обиду, а притомъ лошади принадлежали Туркамъ, а не единовѣрцамъ: то сіе дѣло и оставлено до времени, съ тѣмъ притомъ обнадеживаніемъ, что, въ случаѣ на кого либо отъ Турковъ за украденныя лошади нападка и притѣсненія, оныя конечно возвращены быть имѣютъ.

5-го. Графъ Войновичъ, возвратясь изъ Кастельново, репортовалъ, что онъ нашелъ тамо капитана столь надежнаго человѣка, что на вѣрность его какъ въ покупкѣ трабакуля, такъ и во всемъ прочемъ совершенно положиться можно, и что вся сія важная коммисія имъ, графомъ Войновичемъ, съ такимъ благополучнымъ исполнена успѣхомъ, каково принятое его сіятельства требуетъ намѣреніе.

6-го. Катунской нагіи сердарь Вукотичъ присланнымъ къ его сіятельству письмомъ доносилъ объ учинившемся въ вѣдомствѣ его смертоубійствѣ при случаѣ воровства: когда одинъ у другаго укралъ овцу, то хозяинъ овцы, не знавъ вора, на дорогѣ застрѣлилъ другова изъ ружья. По сему доношенію повелѣно было привесть убійцу немедленно къ суду; но оный не сысканъ, потому что всѣ смертоубійцы обыкновенно бѣгутъ къ Туркамъ и тамо магометанской принимаютъ законъ, оставляя на мщеніе и жертву дѣтей своихъ и родственниковъ, которые должны будутъ платить двумя или девяносто цекиновъ деньгами, какъ узаконенною въ Черной Горѣ цѣною за убійство Черногорца; однакожъ весьма рѣдко рѣшится оное цѣнниками, а всегда почти платится взаимнымъ отмщеніемъ и кровопролитіемъ.

7-го. По принятому его сіятельствомъ намѣренію къ выѣзду изъ Черной Горы, необходимо надлежало перемѣнить мѣсто пребыванія, и потому, полагая причину сильные дожди осенью, а глубокіе снѣги и жестокую стужу зимою (которая, по высокому положенію мѣста въ Цетинѣ, гораздо прежде тамо, нежели въ другихъ мѣстахъ начинается) объявилъ его сіятельство митрополиту Саввѣ намѣреніе свое о переѣздѣ въ Черницкую нагію, въ монастырь Бурчеле. Помянутый митрополитъ, по шпіонству своему къ Венеціанамъ, находя больше способности къ сообщенію въ Катаро переносовъ, по близости, предложилъ другой монастырь, называемый Станевичи, не въ дальномъ разстояніи отъ города Будвы; а какъ сіе мѣсто способствовало предпріятію его сіятельства, то и намѣреніе положено по совѣту митрополита туда переѣхать.

8-го. Содержащійся въ тюрьмѣ на Цетинѣ Степанъ Малый, при переѣздѣ оттуда, нѣкоторое причинялъ затрудненіе, дабы переводъ его съ мѣста на мѣсто скрыть отъ глазъ сумасброднаго народа, который по вѣтренности и непостоянству своему, увидя его, могъ бы учинить какія возмущенія и худыя слѣдствія. Для отвращенія сего, приказалъ его сіятельство, въ полночь, когда уже всѣ спали, изготовить лошадей, снять караулы и, выведъ изъ монастыря Степана Малаго, отправить его въ Станевичи съ нѣсколькими Славонцами, поруча капитану Пламенцу прилежное за нимъ имѣть смотрѣніе; и сіе учинено столь тихо и сокровенно, что о семъ переводѣ никто изъ Черногорцовъ узнать не могъ.

9-го. Въ одиннадцать часовъ предъ полуднемъ, отъѣхалъ его сіятельство изъ Цетинскаго монастыря съ находящимися при немъ штабъ и оберъ-офицерами, въ провожаніи Славонцовъ и Венеціанскихъ солдатъ, коихъ до пятидесяти человѣкъ считалось; при томъ слѣдовали патріархъ и митрополитъ Савва съ нѣсколькимъ монахами и ихъ люд-

ми. Весьма жаркой день умножалъ трудность пути въ семъ переѣздѣ, которой продолжался до двухъ часовъ по полудни. Нужная при семъ случаѣ предосторожность, какова принята была о Степанѣ Маломъ, открыла слѣпое Черногорцовъ безуміе и вѣтренность. Оставленный по отъѣздѣ его сіятельства на Цетинѣ унтеръ-офицеръ Акиншинъ и нѣсколько людей для перенесенія пороху изъ отдаленнаго строенія въ монастырь и притомъ стоявшій на караулѣ солдатъ у дверей той каморки, въ которой Степанъ Малый содержался, дѣлали наружной видъ, будтобы онъ еще тамо оставленъ былъ до времяни. И какъ Черногорцы не имѣли никакова свѣдѣнія о томъ, что̀ прошедшую ночь со арестантомъ послѣдовало, и одна наружность утверждала несумнительную ихъ догадку: въ такомъ намѣреніи Цетинской воевода, который лукавствомъ и обманомъ всегда старался увѣрять объ отличной своей вѣрности и усердіи, пришелъ въ Цетинской монастырь съ немалымъ числомъ своихъ товарищей и, желая видѣть Степана Малаго, требовалъ, дабы онъ къ нему допущенъ былъ; но какъ помянутый унтеръ-офицеръ Акиншинъ на сіе не согласился, то сіе столь сильно огорчило воеводу, что онъ, имѣя при себѣ до пятидесяти человѣкъ своихъ родственниковъ, конечно осмѣлился бы ворваться насильно, естьлибъ между тѣмъ не отперли дверей пустой уже каморки, для поклажи въ ней пороху, гдѣ воевода, не нашедъ Степана Малаго, вскричалъ, какъ сумашедшій, что теперь уже Черногорцы погибли, а потомъ съ крайнимъ сожалѣніемъ просилъ увѣдомить его, гдѣ Степанъ Малый находится. Такое сумасбродное въ Черногорцахъ о Степанѣ Маломъ слѣпо затвердѣвшееся мнѣніе весьма легко могло бы произвесть смятеніе и наглость, естлибъ къ предупрежденію оныхъ не употреблена была необходимо нужная предосторожность.

10-го. Катунской нагіи жители, первѣйшіе изъ Черногорцовъ воры и разбойники, присвоивъ себѣ право грабительствовать и питаться разбоями, сошедшись съ Венеціанскими подданными Ризаніотами, убили изъ нихъ одного при разбойнической добычѣ; такое смертоубійство хотя и требовало по законамъ жестокой виноватымъ казни, но какъ между тѣмъ Ризаніоты убили за то двухъ Катунцовъ, то по Черногорской справедливости тѣмъ самимъ и рѣшено сіе дѣло безобидно.

Того жъ числа престарѣлыхъ лѣтъ женщина, весьма тиранскими побоями измучена и окровавлена, пришедъ въ Станевичи, приносила жалобу на князя села Депило въ грабительствѣ, побояхъ и раззореніи цѣлой небольшой деревни, состоящей въ ближнемъ съ Черною Горою сосѣдствѣ, гдѣ одни только бѣдные христіане жили. Сынъ помянутаго князя, собравъ разбойническую шайку и считая всѣхъ тѣхъ Турками, кои живутъ въ ихъ подданствѣ, учинилъ на оную деревню нападеніе,

разграбилъ имѣнія жителей, изувѣчилъ бѣдныхъ женщинъ, зажегъ наконецъ жилища. Одинъ Черногорецъ, изъ числа сихъ разбойниковъ, имѣя тамо родную сестру въ замужествѣ, забравъ всѣ ея пожитки, самъ прежде другихъ зажегъ разграбленный домъ. Такое и между варварами неслыханное безчеловѣчіе въ одной только Черной Горѣ называется добычею. Съ крайнимъ сожалѣніемъ услышавъ его сіятельство о семъ безбожномъ поступкѣ, тотчасъ приказалъ разграбленное немедленно возвратить, а самому князю съ сыномъ явиться для отвѣту въ Станевичахъ.

11-го. Уже тому нѣсколько дней миновало, какъ съ вѣроятнымъ подтвержденіемъ доходили слухи, что Скутарскій паша, имѣя нѣсколько тысячъ войска въ готовости, еще дожидается Бошняковъ, и что когда всѣ сіи войска соберутся, то онъ конечно предприметъ на Черную Гору учинить нападеніе; а притомъ морскіе разбойники Дульциніоты, имѣя у себя собственныя помянутаго паши вооруженныя тартаны, дѣлаютъ непрестанные въ морѣ разъѣзды. Три изъ оныхъ тартанъ знатной величины усмотрѣны въ шестомъ часу поутру близъ города Будвы, кои, за тихостію погоды простоявъ до двухъ часовъ пополудни, удалились наконецъ ко Антиварскимъ берегамъ.

12-го. Депиловской князь съ сыномъ, явясь на Станевичахъ, извинялся предъ его сіятельствомъ въ томъ, что онъ по принесеннымъ на него жалобамъ въ грабительствѣ и раззореніи деревни не имѣетъ никакова участія, ибо учинено оное сыномъ безъ его на то дозволенія, въ разсужденіи извѣстныхъ злодѣйствъ, измѣны, предательства и другихъ безбожныхъ качествъ, каковы гнусную составляютъ жизнь сего негоднаго человѣка. Хотя и весьма невѣроятно, чтобы онъ, будучи разбойникъ, не имѣлъ согласія и участія въ разбояхъ сыновнихъ; однако его сіятельство, сдѣлавъ выговоръ сыну, приказалъ возвратить похищенное, а впредь не дѣлать подобныхъ продерзостей.

Того жъ числа въ вечеру получены письма отъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

13-го. По порученной предъ симъ графу Войновичу коммисіи, касающейся до покупки трабакуля и изготовленія онаго для выходу въ море и для выѣзду изъ Черной Горы въ Италію, съ нетерпѣливостію ожидаемое прислано, наконецъ, отъ капитана извѣстіе съ тѣмъ объявленіемъ, что онъ слѣдующей ночи, близъ города Будвы, на назначенномъ по уговору мѣстѣ съ трабакулемъ имѣетъ ожидать пасажировъ. Сіе извѣстіе содержано было въ глубокой тайнѣ, и не дѣлано къ отъѣзду никакихъ пріуготовленій, дабы чрезъ то не подать какого подозрѣнія множеству шатающагося тамо народа. Тридцать три человѣка Венеціанскихъ солдатъ отправлено въ Катаро при запискѣ,

и сіе отправленіе поручено было случившемуся тогда въ Станевичахъ томужъ самому Пастровицкому жителю Марку, которой и предъ симъ употребленъ былъ къ отводу дезертировъ. Въ прочемъ весь день препровожденъ былъ тихо и спокойно, дабы тѣмъ способнѣе сохранить тайну принятаго намѣренія, каково слѣдующей ночи надлежало произвесть въ дѣйствіе; а сія наружность необходимо была нужна, чтобъ ни малѣйшаго о предпріятіи не подать подозрѣнія митрополиту Саввѣ, которой по злости и шпіонству своему конечно предупредилъ бы сообщить о томъ Венеціанамъ. Въ разсужденіи непримирительной злобы и ненависти сего древняго злодѣя и разбойниковъ начальника къ патріарху не можно было уже сему несчастному архіерею, по безчеловѣчнымъ на него нападкамъ, избѣжать предательства или убійства и не быть жертвою его неукротимости, естьлибъ онъ остался въ Черной Горѣ; то его сіятельство, единственно изъ человѣколюбія, желая сохранить жизнь патріарха, приказалъ объявить ему о своемъ намѣреніи и притомъ дозволить вмѣстѣ съ нимъ оттуда выѣхать, буде онъ на то согласится. Такое предложеніе съ великою благодарностію принялъ патріархъ, тѣмъ больше, что пребываніе его тамо очевидно угрожало ему смертію. Въ пять часовъ въ вечеру получено извѣстіе, что Черногорцы, собираясь числомъ до двухъ сотъ человѣкъ, намѣрены на другой день пройтить въ Станевичи по той будто причинѣ, дабы просить его сіятельство о перемѣнѣ мѣста своего пребыванія, а естьли не будетъ на то согласія, то въ такомъ случаѣ принудить его къ обратному въ Цетину переѣзду; но какъ наступающей ночи оставалось весьма мало къ исполненію такого намѣренія, то полученное о наглыхъ сборахъ и разбойничьихъ Черногорцовъ угрозахъ извѣстіе оставлено безъ всякаго уваженія.

Отъѣздомъ его сіятельства изъ Черной Горы должно было рѣшиться и задержаніе въ тюрьмѣ Степана Малаго, о которомъ сумасбродной народъ слѣпо придержится и понынѣ того безпутнаго мнѣнія, каково съ начала затвердилъ, всегда представляя его себѣ такимъ, какимъ онъ глупымъ Черногорцамъ казался. Знатное жителей число, похваляя рѣдкія сего бродяги качества, находило въ немъ притомъ и чудотворенія силу. Его сіятельство, во все время пребыванія своего въ Черной Горѣ, употребляя все возможное попеченіе къ исправленію сего развращеннаго рода, истощивъ всѣ уже средства ласки, щедроты и терпѣнія, никакихъ болѣе не могъ дождаться изъ того плодовъ кромѣ неблагодарности, измѣны и предательства. И потому, не принимая уже никакова участія въ невозможномъ поправленіи сихъ безъ вѣры и закона людей, заблагоразсудилъ, освободя Степана Малаго, оставить его по прежнему и поручить легкомысленнаго народа прав-

леніе вѣтренному начальнику. Въ такомъ намѣреніи приказалъ его сіятельство допустить къ себѣ арестанта и, изобличая важность продерзостныхъ его поступковъ, представлялъ ему силу и строгость законовъ, которые хотя по справедливости дѣлали его виновнымъ смертныя казни, однакожъ оная ему упущена; и что притомъ за особливое почитаетъ себѣ удовольствіе его сіятельство тотъ случай, при которомъ онъ могъ сохранить ему жизнь, бывшую уже жертвою бѣшенаго и разъярившагося тогда народа; а нынѣ, оставляя ему свободу, требуетъ отъ него должнаго усердія и вѣрности. Степанъ Малый, признавая во всемъ свою винность, признавалъ и то, что онъ заслуживаетъ смерти и, благодаря за оказуемое ему прощеніе и милость, клялся при томъ, что онъ съ радостію потерять ее желаетъ, гдѣ только случай найти можетъ.

Въ семь часовъ призвалъ его сіятельство одного изъ тамошнихъ монаховъ, котораго должно было взять съ собою для показанія дороги къ морскому берегу и объявилъ ему о своемъ намѣреніи къ отъѣзду, и что притомъ Степанъ Малый остаться имѣетъ въ Черной Горѣ начальникомъ, съ тѣмъ однакожъ приказаніемъ, дабы никакихъ не чинилъ онъ митрополиту Саввѣ озлобленій. Въ прочемъ приказано было помянутому монаху хранить тайну принятаго намѣренія, дабы оное не предупреждено было какимъ либо шпіонствомъ.

Въ восемь часовъ съ половиною приказано было отъ его сіятельства штабъ и оберъ-офицерамъ изготовиться къ дорогѣ, а въ разсужденіи дальняго и весьма труднаго пути не брать съ собою никакихъ другихъ, кромѣ необходимо нужныхъ, вещей, дабы тяжесть оныхъ скорому не препятствовала переходу. Между тѣмъ изготовленъ былъ ужинной столъ, которой не долѣе получаса продолжался, а по окончаніи онаго каждой спѣшилъ съ торопливостію увязать нѣсколько рубашекъ и другихъ нужныхъ мелочей; и хотя дѣлалось сіе съ крайнею осторожностію, дабы такимъ пріуготовленіемъ не подать какого подозрѣнія къ догадкѣ, однакожъ митрополитъ уже увѣдомленъ былъ чрезъ своихъ шпіоновъ, и у дверей своей комнаты безъ свѣчи дожидался, не говоря ни съ кѣмъ ни слова.

Десять часовъ ровно дѣлали опредѣленное время къ выходу изъ монастыря, откуда каждой долженъ былъ выходить порознь; всѣ караулы сняты, а во всѣхъ покояхъ и на переходахъ свѣчи были загашены, дабы въ темнотѣ проходящихъ меньше примѣтить можно было.

Всѣ Славонцы стояли уже въ готовности, вышепомянутый монахъ былъ тамъ же внизу; а Степанъ Малый, котораго взять съ собою приказано было, будучи выведенъ двумя офицерами, остановленъ

у воротъ монастырскихъ. Небольшое отъ оныхъ разстояніе дѣлало то общее мѣсто, куда всѣмъ сойтиться и тамо дожидаться назначено было. Все сіе какъ ни съ крайнею происходило тихостію, однакожъ примѣчено было небольшимъ числомъ шатавшихся тамо Черногорцовъ, кои только на то спокойно смотрѣли. Всѣ служители и другіе случившіеся тамо посторонніе люди сошлись въ одно мѣсто, а потомъ тотчасъ и его сіятельство, вышедъ изъ монастыря, пошелъ не останавливаясь нимало. Положеніе мѣста, на которомъ построенъ Станевицкой монастырь, столь высоко, что отъ горизонту болѣе двухъ сотъ сажень простиралось, и потому надлежало сходить внизъ по крутымъ камнямъ и перебѣжать великое разстояніе. Ночь случилась весьма темная, а дороги не было никакой; густой туманъ покрылъ горы, и тѣмъ самимъ не видны были лежащіе подъ ногами камни, и потомъ дождь дѣлалъ путь гораздо труднѣе; глубокіе рвы смертнымъ угрожали ударомъ, а терновые кусты, за которые въ темнотѣ каждой держался, раздирали руки падающихъ на вострые камни. Сей тяжкой и несносный путь хотя и скоро привелъ всѣхъ въ слабость и крайне измучилъ, однакожъ страхъ и отчаяніе умножали силу, дабы чрезъ ночь поспѣшить къ берегу. Патріархъ, при больномъ состояніи здоровья, едва не лишился жизни въ сей мучительной дорогѣ. Пять часовъ продолжался ходъ съ камня на камень, пока наконецъ, слѣдуя на голосъ Степана Малаго, который служилъ провожатымъ и лучше другихъ зналъ дорогу, вышли на Герблянское поле, гдѣ дважды перешедъ рѣку въ бродъ, пошли симъ весьма грязнымъ полемъ, и чрезъ три часа потомъ, проходя тѣсныя и трудныя дороги, дошли уже на зарѣ къ морскому берегу босыми ногами. Сей мучительный переходъ продолжался восемь часовъ, и хотя оной съ крайними сопряженъ опасностями, однакожъ Провидѣніе всѣхъ сохранило, и никто не былъ изувѣченъ.

14-го. Въ шесть часовъ по утру пришелъ его сіятельство къ берегу, гдѣ небольшая лодка уже его дожидалась; тотчасъ съ нѣсколькими офицерами переѣхалъ на трабакуль, которой въ недальномъ разстояніи стоялъ въ заливѣ на якорѣ, а другою лодкою перевозились люди, кои ко отъѣзду назначены были. Графъ Войновичъ, оставшись на берегу и обнадеживъ Черногорцовъ скорымъ обратно въ Черную Гору пріѣздомъ, объявилъ имъ Степана Малаго начальникомъ, чѣмъ они будучи довольны, слѣпо тому покорились; а Степанъ Малый, принявъ на себя важный видъ повелительной власти, тотчасъ возвратился съ ними въ горы. Переѣздъ на трабакуль столь былъ скоропоспѣшенъ, что не долѣе какъ чрезъ четверть часа всѣ уже были на мѣстѣ, и ни малѣйшей никто не сдѣлалъ остановки.

Весьма была бы излишняя обстоятельная подробность сего мучительнаго марша, который, превосходя всякое описаніе, несравненно больше превосходитъ вѣроятіе; но оставляемъ несумнительную подлинность чувствовать тѣмъ только, коихъ несчастіе наказало сносить тяжкія онаго трудности. Довольно сего, что офицеры, оставя свои багажи на разхищеніе разбойникамъ и будучи темнотою ночи, страхомъ и отчаяніемъ гонимы по горамъ и скользкимъ камнямъ, падали въ глубокіе рвы и пропасти съ жестокимъ и опаснымъ ударомъ; откуда, помощію другихъ такимъ же образомъ измученныхъ спутниковъ своихъ, вытасканы были съ крайнею жалостію и отчаяніемъ о ихъ жизни; а сіе несчастіе, повторяя неоднократно удары, лишало ихъ и силы, и чувствъ, такъ что, наконецъ, переѣхавъ на трабакуль и на ономъ находя нѣкоторую безопасность измученнымъ остаткамъ своей жизни, пали полумертвы, довольствуясь только тѣмъ, что сей лѣсной маршъ рѣшилъ въ Черной Горѣ пребываніе и удалилъ отъ рукъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ и предателей.

Небольшой трабакуль и въ разсужденіи числа людей весьма тѣсной, а притомъ безоружной, и почти безъ парусовъ и веревокъ, казался линейнымъ кораблемъ. Невысокая гора, вдаваясь нѣсколько въ море, закрывала видъ города Будвы, а тѣмъ самимъ переѣздъ съ берега дѣлала безопаснымъ; къ тому жъ еще немало способствовали густые туманы и пасмурное утро. Какъ всѣ люди перевезены были на трабакуль, то съ превеликою торопливостію поднявъ якорь, пустились въ море и, помощію небольшаго вѣтра продолжая путь вдоль береговъ, проѣхали Катарской заливъ, не видавъ никакого судна, чрезъ весь день. Въ вечеру противной вѣтръ удержалъ путь, и какъ оной непрестанно продолжался, то сіе и принудило удалиться отъ береговъ и лавировать во всю ночь.

15-го. Въ пять часовъ поутру, проѣхавъ Рагузу, продолжали путь къ Далмаціи; но случившаяся между тѣмъ перемѣна вѣтровъ тому препятствовала, и часъ отъ часу умножающійся противной вѣтръ жестокою угрожалъ погодою, какова по примѣчаніямъ и опытамъ знающихъ людей нерѣдко въ такое время случается; почему не можно было ни придержаться береговъ, ни удалиться въ море по причинѣ той опасности, какой могъ бы подверженъ быть небольшой трабакуль. И такое затрудненіе необходимо должно было рѣшиться тѣмъ, дабы войтить въ какой-либо портъ и тамо дождаться перемѣны вѣтра; а какъ по общему всѣхъ счастію въ числѣ матросовъ находился одинъ такой, которой, будучи съ природы глухъ и нѣмъ, искусствомъ въ мореплаваніи отлично превосходилъ своихъ товарищей, то оной, изъясняя свои мысли однимъ движеніемъ тѣла и по перстамъ весьма

вразумительно отвѣтствуя на всѣ чинимые ему спросы, показалъ за нѣсколько миль отстоящій островъ, называемый Ластово, принадлежащій Рагузской республикѣ и увѣрялъ о безопасности находящагося при томъ островѣ порта. Нужда и необходимость принудили принять совѣтъ и положиться на нѣмова предводителя, а слѣдуя его показаніямъ вошли при захожденіи солнечномъ въ пространной и безопасной портъ, и чрезъ всю ночь стояли на якорѣ.

16-го. Продолжающаяся непрестанно противная погода удержала трабакуль чрезъ весь день и ночь въ помянутомъ портѣ; а между тѣмъ, за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ и свѣжей воды, отправлено было нѣсколько человѣкъ Славонцовъ къ жителямъ того острова въ село, называемое Ластово, для покупки хлѣба и другой провизіи. Въ помянутомъ селѣ число домовъ до ста пятидесяти простирается, жители питаются достаточною ловлею сельдей и виномъ, которое тамъ родится, красное, сладкое и весьма пріятнаго вкусу.

17-го. За неспособностію вѣтра, а потомъ и за починкою парусовъ, простояли въ томъ же портѣ до трехъ часовъ пополудни, а потомъ помощію небольшой лодки на греблѣ выведъ оттуда трабакуль, пустились вдоль тогожъ острова и продолжали путь къ Ликѣ, оставляя въ лѣвой сторонѣ разные Венеціанскаго владѣнія острова, и всю ночь препроводили въ семъ переѣздѣ.

18-го. Въ четыре часа поутру, приближась къ Ликѣ, поворотили въ правую сторону, къ острову и городу называемому Лѣсина и, чрезъ нѣсколько часовъ переѣхавъ небольшое отъ повороту разстояніе, вошли прямо въ портъ, почти въ самомъ городѣ, не смотря на стоявшую тамо Венеціанскую фушту и нѣсколько небольшихъ судовъ. И какъ не доставало притомъ ни хлѣба, ни воды, то бросили якорь; а графъ Войновичъ, передѣвшись въ Славонское платье и взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ матросовъ, отправился на лодкѣ къ опредѣленному въ портѣ карантинному офицеру, которому сказавъ о себѣ, что онъ ѣдетъ изъ Либаніи, жаловался на случившееся ему въ морѣ несчастіе, которое при жестокой погодѣ принудило его весь грузъ состоявшій въ трабакулѣ, а притомъ и всѣ съѣстные припасы, бросить въ море, дабы тѣмъ сохранить свою жизнь. Сіи выдуманные разсказы нимало не казались офицеру подозрительными, тѣмъ больше, что подобные примѣры такого жъ несчастія въ семъ морѣ весьма нерѣдко доказывали справедливость. Почему графъ Войновичъ, купивъ хлѣба и взявъ свѣжей воды, въ десять часовъ предъ полуднемъ возвратился на трабакуль; а потомъ, немедленно поднявъ якорь, пустились вдоль береговъ острова Лѣсины, продолжая путь къ острову называемому Долгой. Вѣтръ билъ способной въ корму, и помощію

онаго переѣхали отъ Лѣсины до пятидесяти миль; а сіе уже дѣлало большую половину дороги до намѣреннаго пути, куда необходимо надлежало слѣдовать, не имѣя никакихъ въ близости портовъ.

Во весь чрезъ пять дней продолжающійся путь хотя и не одного посторонняго судна видѣть не случилось, кромѣ небольшаго Неаполитанскаго трабакуля въ Лѣсинскомъ портѣ; однакожъ сіе не уменьшило ни мало того страха и опасности, какою угрожали Дульцаніотскія тартаны, о которыхъ весьма вѣроятныя догадки всеминутное причиняли безпокойство, тѣмъ больше, что ни малѣйшаго не было въ томъ сумнительства, дабы митрополитъ Савва, по злости и шпіонству своему, того жъ часа объ отъѣздѣ изъ Черной Горы не сообщилъ въ Катаро, откуда легко уже было Туркамъ чрезъ нѣсколько часовъ получить извѣстіе и отправить поиски; а въ разсужденіи одной только дороги къ переѣзду въ Италію не оставалось никакой надежды къ избѣжанію сей опасности. Италіянскіе берега, не имѣя почти никакихъ портовъ, гдѣ бы отъ жестокости вѣтровъ укрыться можно было, весьма опасны мореходнымъ судамъ; а заливъ Анконской, не въ давнихъ годахъ поглотивъ одинъ Шведской, а другой Венеціанской корабль линейной, сдѣлался всѣхъ другихъ заливовъ опаснѣе; почему Французскіе, Аглинскіе и другихъ націй корабли, слѣдуя по другую сторону Адріатическаго залива, всегда придерживаются Далмацкихъ береговъ и острова, называемаго Долгой, а дожидаться должны способнаго вѣтра къ переѣзду въ Италію, а оттудова долгаго въ Анкону разстоянія не больше шестидесяти миль считается. И потому симъ однимъ только путемъ надлежало слѣдовать трабакулю прямо въ руки разбойникамъ, естьлибъ оные предупредили; а въ такомъ случаѣ несчастіе уже было неизбѣжно. Предосторожность и отвращеніе такой опасности принудили отчаянно отваживаться на другую сторону. Графъ Войновичъ, будучи главнымъ на трабакулѣ капитаномъ, предложилъ его сіятельству, не угодноль будетъ приказать, оставя путь къ вышепомянутому острову въ Далмацію, поворотить съ того мѣста, на которомъ тогда находились, въ лѣвую сторону, прямо къ Анконскимъ берегамъ, не смотря на дальность разстоянія, которое дѣлало болѣе ста двадцати миль Италіянскихъ. И какъ въ разсужденіи весьма достаточнаго знанія и искусства въ мореплаваніи помянутаго графа Войновича, а притомъ неутомимой его бодрости и неусыпныхъ трудовъ и раченія, на которое надежно положиться можно было, согласился его сіятельство на такое его предложеніе: то въ семь часовъ въ вечеру, поворотя въ лѣво, пустились въ открытое море при способномъ вѣтрѣ, которой билъ въ корму. Но чѣмъ далѣе устранялись отъ береговъ, тѣмъ болѣе оной

умножился, такъ что чрезъ нѣсколько часовъ способность онаго перемѣнилась въ сильной и жестокой вѣтеръ, и тѣмъ разъярившееся уже море представляло страхъ и опасность, часъ отъ часу умножая отчаяніе, конечнымъ угрожало притомъ несчастіемъ, которое тѣмъ больше казалось неизбѣжнымъ, что небольшой и худо оснащенной трабакуль безъ веревокъ и безъ парусовъ не имѣлъ той надежной прочности, чтобъ могъ противиться морскимъ волнамъ, кои, бросая оной по валамъ, дѣлали ужасной трескъ и повторяли весьма чувствительные удары; а наконецъ, оторвавъ на канатѣ пловущую лодку, лишили уже и послѣдней надежды, какова при такихъ несчастіяхъ одна только остается отчаяннымъ. Безпокойство сіе продолжалось во всю ночь; но напослѣдокъ перемѣнившаяся вдругъ погода удержала жестокость ударовъ, и остановился трабакуль почти на одномъ мѣстѣ, а тѣмъ самимъ возвратилась несчастнымъ потерянная надежда ко избѣжанію очевиднаго несчастія.

19-го. При такой жестокой погодѣ, продолжавшейся до шести часовъ поутру, переѣхавъ болѣе осмидесяти миль, увидѣли Анконскія горы, до которыхъ до сорока миль оставалось только разстоянія; но сколь ни близокъ казался переѣздъ, однакожъ весьма тихая погода остановила путь, чему нельзя уже было пособить на греблѣ, потерявъ лодку въ прошедшую ночь. Такая скучная медлительность во весь день не допустила приближиться къ Анконскому порту, такъ что съ великою нуждою подъѣхавъ нѣсколько ближе, принуждены были въ виду города бросить якорь въ заливѣ и препроводить всю ночь, опасаясь еще и тамо непредвидимаго несчастія, каково при самомъ входѣ въ портъ весьма нерѣдко здѣсь случается.

Въ разсужденіи непостоянныхъ въ здѣшнемъ морѣ вѣтровъ и сильныхъ штурмовъ весьма велико было то разстояніе въ переѣздѣ, въ какой одна только нечаянность принудила пуститься слабымъ и безнадежнымъ трабакулемъ; а въ прочемъ столь опасенъ, что никакіе линейные корабли никогда еще на сей путь поступить не отважились, и никогда еще не было тому и понынѣ примѣровъ. Но при всемъ томъ помянутый переѣздъ сколь ни сопряженъ былъ съ крайнею опасностію, однакожъ оной оставался надежнѣйшимъ средствомъ къ избѣженію Дульциніотскихъ тартанъ, кои въ самомъ дѣлѣ при Далмацкихъ островахъ уже тогда находились.

20-го, въ семь часовъ поутру, поднявъ якорь въ разстояніи на четыре мили отъ города, за тихостію погоды, принуждены были съ немалою скукою лавировать до двухъ часовъ пополудни, а наконецъ вошли въ портъ благополучно. А какъ надлежало тотчасъ явиться

капитану въ опредѣленномъ при здѣшнемъ портѣ трибуналѣ и объявить свидѣтельство о безопасности отъ морской заразы того мѣста, откуда кто пріѣхалъ, дабы помянутой трибуналъ могъ по тому опредѣлить карантинное время: то его сіятельство, желая избѣжать шестинедѣльнаго карантина, приказалъ отъ себя написать свидѣтельство въ такой силѣ, что Россійскіе офицеры съ находящимися при нихъ людьми отправлены отъ него изъ Черной Горы, гдѣ нынѣ онъ находится, и что сіе мѣсто здоровое и отъ моровой язвы совсѣмъ безопасно. Такое свидѣтельство подписавъ его сіятельство своеручно и приложивъ печать, отправилъ съ графомъ Войновичемъ въ вышереченный трибуналъ, надѣясь, что оное принято будетъ въ уваженіе и свободной дозволится выходъ на берегъ безъ карантина, по примѣру Венеціанскихъ подданныхъ, живущихъ при берегахъ Катарскаго залива, кои, имѣя всегдашнее съ Черногорцами сообщеніе по комерціи, никогда онаго не держутъ ни въ какихъ Италіянскихъ портахъ. Поздно уже было, а притомъ и нѣкоторые члены того трибунала разошлись по домамъ, и потому никакой тогда на помянутое свидѣтельство не последовало резолюціи, а обѣщано оную учинить на другой день въ полномъ всѣхъ судей собраніи. Князь Юрья Володимировичъ, желая о пріѣздѣ своемъ подать извѣстіе его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, написавъ письмо, отправилъ оное съ нарочнымъ, употребя въ сію посылку одного изъ Славонскихъ капитановъ надежнаго, которой тогожъ вечера и отъѣхалъ въ Пизу по почтѣ; а между тѣмъ, въ ожиданіи обѣщанной резолюціи, принуждены были ночевать на трабакулѣ.

21-го, въ восемь часовъ предъ полуднемъ, когда уже всѣ собрались вышепомянутаго трибунала члены, по довольномъ разсужденіи того письменнаго свидѣтельства, каково имъ представлено было, требовали они, дабы кто-либо изъ офицеровъ явился въ трибуналъ, куда графъ Войновичъ, которому поручена была въ семъ дѣлѣ коммиссія, немедленно и отправился. Разные и повторительные спросы, каковы отъ членовъ предлагаемы были о пріѣздѣ сюда Россійскихъ офицеровъ, а особливо то ихъ любопытство, съ какимъ желали они знать причину, для чего прямо въ Анкону, а не въ другое мѣсто изъ Черной Горы отправленіе учинено, довольно ясно открывали внутреннее ихъ безпокойство. Графъ Войновичъ, будучи членамъ знакомъ, всевозможно старался успокоить ихъ мысли, представляя, что пріѣздъ сюда Россійскихъ офицеровъ не содержитъ въ себѣ никакихъ сумнительныхъ слѣдствій, и что оной учиненъ единственно только по причинѣ близкаго изъ Далмаціи въ здѣшній портъ, нежели въ другіе,

переѣзду. По такимъ неоднократнымъ повторительнымъ увѣреніямъ напослѣдокъ помянутые члены объявили, что въ разсужденіи Черной Горы, какъ такого мѣста, откуда никогда еще о безопасности отъ моровой заразы не было здѣсь объявлено письменнаго свидѣтельства, не могутъ они сами собою на сію новость рѣшительнаго заключить мнѣнія, не сообщивъ о томъ верховной власти; и потому пріѣзжіе офицеры должны остаться въ лазаретѣ и держать карантинъ, а между тѣмъ дожидаться изъ Рима резолюціи, куда они немедленно намѣрены представить. Крайняя необходимость принудила его сіятельство согласиться на такое объявленіе и слѣдовать здѣшнимъ законамъ; почему и приказалъ офицерамъ перевозиться изъ трабакуля въ лазаретъ, а потомъ въ три часа пополудни и самъ тудажъ переѣхалъ, оставя на трабакулѣ нѣсколько человѣкъ Славонцовъ съ опредѣленнымъ къ нимъ отъ трибунала приставомъ.

*

Здѣсь оканчивается важная историческая записка или дневникъ, веденный съ 13-го Іюля по 21-е Октября 1769 года однимъ изъ участниковъ военно-политическаго поиска нашего въ Черногорію. Дневникъ этотъ сохранился въ современномъ спискѣ, въ бумагахъ генерала-прокурора князя Вяземскаго, которому былъ доставленъ вѣроятно изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а можетъ быть и отъ самой Государыни (денежныя выдачи производились въ то время черезъ генералъ-прокурора, и въ вѣдѣніи его находилось государственное казначейство, откуда князь Ю. В. Долгорукій, по возвращеніи своемъ, могъ получить уплату сдѣланныхъ имъ издержекъ). Дневникъ велся по указаніямъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ самого князя Долгорукаго, который впослѣдствіи имъ воспользовался, когда велъ собственныя Записки: такъ напр. описаніе первой встрѣчи съ Степаномъ Малымъ съ изображеніемъ его наружности почти слово въ слово тоже и въ Запискахъ, и въ современномъ дневникѣ.

Сочинитель этой краткой, но толковой и выразительной лѣтописи остается неизвѣстенъ. Не былъ-ли это маіоръ Андрей Григорьевичъ Розенбергъ (1740—1813), впослѣдствіи храбрый генералъ и славный участникъ Итальянскаго Суворовскаго похода? Если это предположеніе справедливо, то Нѣмецкимъ происхожденіемъ Розенберга могутъ объясниться слишкомъ неблагопріятные отзывы „Журнальной Записки“ о Черногоріи и Черногорцахъ: составитель не подмѣтилъ ни одной свѣтлой черты въ даровитомъ и героическомъ племени, такъ славно обороняющемъ себя отъ нападеній Ислама и обольщеній Европы. Въ донесеніи совѣтника Пучкова, который лѣтъ за десять передъ тѣмъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны, ѣздилъ въ Черногорію отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и который тоже изображаетъ ихъ въ самомъ неприглядномъ видѣ, звучитъ совсѣмъ другая, иногда невольно сочувственная струна: „добрымъ предводительствомъ и

нравоучительнымъ наставленіемъ можно изъ нихъ со временемъ нѣчто доброе сдѣлать“ (Соловьевъ, Исторія Россіи, XXVIII, 43).

Это „нѣчто доброе“ и даже великое задумалъ сдѣлать изъ Черногорцовъ доселѣ не вполнѣ разгаданный человѣкъ, Босніакъ родомъ (т. е. Черногорскій единоплеменникъ) извѣстный въ исторіи подъ именемъ Степана Малаго, герой одной изъ поэмъ Черногорскаго владыки Петра (нашего современника). Екатерина ошибалась, подозрѣвая въ этомъ самозванцѣ нѣкоего Вандини, который ходилъ къ графу Г. Г. Орлову и живился отъ него деньгами (Соловьевъ, XXVIII, 47). Широкіе замыслы Степана Малаго врядъ ли были ей извѣстны, хотя она знала исторію, даже и Славянскую, много лучше первыхъ своихъ преемниковъ. Это былъ человѣкъ, мечтавшій о возстановленіи великаго Сербскаго государства, въ единеніи съ Россіею. Самозванство его было двойное: имя Стефана напоминало въ немъ про славныхъ царей Сербскихъ, великихъ Нѣманичей, и въ тоже время онъ Русскій царь Петръ Третій. Онъ сдѣлался выразителемъ того движенія, которое въ то время охватило Сербовъ и довольно долго не улегалось: сюда относятся ихъ многочисленныя выселенія изъ подъ Турецкаго владычества въ предѣлы Австріи и къ намъ въ южную Россію. Народолюбивое благочестіе императрицы Елисаветы много содѣйствовало оживленію сношеній между Россіею и Черною Горою, начатыхъ Петромъ Великимъ. По примѣру отца своего Елисавета Петровна посылала туда подаянія. Черногорскіе архіереи неоднократно появлялись у насъ; ихъ одаряли и честили; съ ними пріѣзжало много прислужниковъ. Племянникъ Черногорскаго владыки Саввы, архіерей Василій Петровичъ скончался въ Петербургѣ, въ Мартѣ 1766 года. Русскій офицеръ (имя его неизвѣстно) повезъ оставшіеся послѣ него пожитки въ Черногорію, и съ нимъ-то сблизился Степанъ Малый, сдѣлавшійся вскорѣ не только полновластнымъ государемъ Черногоріи, но и обновителемъ ея внутренняго быта. Онъ является съ необыкновеннымъ значеніемъ, какъ проповѣдникъ покаянія и наставникъ всякому добру, какъ защитникъ обижаемыхъ, какъ укротитель дикихъ нравовъ; онъ отличный воинъ, въ тоже время врачъ и инженеръ. Черногорцы чтили въ немъ знахаря и почти что пророка. Въ тоже время имя его было грозно для ослушниковъ, а военные подвиги неимовѣрны. Въ короткое время успѣлъ онъ одержать побѣду надъ Венеціянами и отразить страшныя Турецкія полчища. Но, какъ часто бываетъ въ Славянскомъ мірѣ, горячее напряженіе скоро никнетъ за недостаткомъ выдержки, и внутреннею неурядицею уничтожаются плоды героическихъ усилій. Черногорскій владыка Савва ненавидѣлъ Степана, который устранялъ его отъ политической власти. Единству церковнаго управленія мѣшало присутствіе Сербскаго патріарха Василія Беркича, котораго Степанъ Малый держалъ при себѣ, можетъ быть, для дальнихъ своихъ политическихъ цѣлей. Венеціанскія и Греческія козни не дремали: Степанъ Малый, въ теченіи почти двухъ лѣтъ наполнявшій своимъ именемъ весь Югъ Европы, принужденъ былъ покинуть Черную Гору и къ пріѣзду князя Долго-

рукаго уже девять мѣсяцевъ какъ скрывался въ прибрежномъ монастырѣ. Дальнѣйшая судьба его видна изъ вышенапечатанной „Журнальной Записки“. Князь Долгоруковъ, обличившій его самозванство, обязанъ былъ ему же своимъ спасеніемъ. Прощаясь со Степаномъ Малымъ, онъ далъ ему патентъ на чинъ Русскаго офицера, подарилъ офицерскій мундиръ и передалъ письменное предписаніе Черногорцамъ, чтобъ они его слушались, въ его, князя, отсутствіе (Б. Каменскій, Словарь, 1836 г., II, 315). Степанъ началъ заниматься улучшеніемъ горныхъ дорогъ и отъ неосторожнаго взрыва скалы лишился зрѣнія; но и слѣпой продолжалъ онъ управлять Черногоріею. Скутарскій паша нанялъ Грека, который втерся въ довѣренность Степана Малаго и вѣроломно умертвилъ его въ 1771 году. Такъ погибъ этотъ необыкновенный человѣкъ. Великодушныя его начинанія, отвага въ бояхъ и въ помыслахъ и самое злополучіе вызываютъ къ нему невольное сочувствіе. Настоящая исторія его еще не писана. Г-нъ Мордовцевъ (Русская Бесѣда 1860, кн. 1-я) составилъ о немъ любопытную статью на основаніи Французской его біографіи, появившейся въ прошломъ столѣтіи и написанной человѣкомъ, находившимся у него въ службѣ; но показанія этого Француза требуютъ провѣрки.

Память о князѣ Ю. В. Долгоруковѣ долго жила въ тѣхъ мѣстахъ. Еще въ 1841 году Е. П. Ковалевскій встрѣтилъ въ Кастель-Ластвѣ старика Радована, который ему разсказывалъ подробно, какъ онъ провожалъ князя въ Черногорію. Князю Долгорукову въ то время не было тридцати лѣтъ отъ роду, но онъ уже прославился въ Семилѣтнюю войну, былъ лично извѣстенъ Фридриху Великому, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ графомъ П. А. Румянцовымъ и братьями Орловыми. Въ немъ тотъ же смѣтливый умъ и таже отвага, какъ и во многихъ тогдашнихъ людяхъ. Есть извѣстіе, что находившійся въ Ливорнѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ долженъ былъ выслать ему подкрѣпленіе; но Русскія суда не успѣли вò время появиться въ Адріатическихъ водахъ.

*

Дѣло внутренняго обновленія и устроенія Черногоріи, предпринятое Степаномъ Малымъ, съ великимъ успѣхомъ ведено было Черногорскими владыками, и нынѣшняя Черногорія уже совершенно не та, какою изображаетъ ее секретарь князя Долгорукова въ выше напечатанной Запискѣ. Читателю будетъ любопытно нижеслѣдующее донесеніе Илларіона Николаевича Толстаго, писанное сто два года позднѣе. П. Б.

ПОѢЗДКА ВЪ ЧЕРНОГОРІЮ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА И. Н. ТОЛСТАГО.

1871.

1.

Всеподданнѣйшее донесеніе.

(21 Сентября 1871).

Во исполненіе Высочайше возложеннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ на меня порученія, 6 (18) Сентября, въ 9 часовъ утра, прибылъ я изъ города Кастель-Ново въ г. Каттаро, въ сопровожденіи Императорскаго консула въ Рагузѣ коллежскаго совѣтника Іонина.

На берегу меня встрѣтили адъютантъ князя Черногорскаго Савва Пламенецъ и капитанъ Спира Матановичъ съ 18-ю перениками (тѣлохранителями). Пламенецъ, именемъ его свѣтлости, привѣтствовалъ мой пріѣздъ и доложилъ, что онъ назначенъ состоять при мнѣ во время моего пребыванія въ Черногоріи. Пересѣвъ со шлюпокъ на лошадей, присланныхъ намъ его свѣтлостью, я въ военной формѣ, въ сопровожденіи консула Іонина, адъютанта Пламенца, капитана Матановича, съ конвоемъ 18-ти перениковъ, выѣхалъ изъ г. Каттаро, при огромномъ стеченіи народа, въ Цетинье.

На первомъ перевалѣ горъ ожидали меня двѣ четы (роты) Черногорскаго войска, подъ командою капитана Мартыновича. Поздоровавшись съ отрядомъ, я продолжалъ подниматься въ горы въ сопровожденіи того-же конвоя, къ которымъ присоединились двѣ роты, при восторженныхъ крикахъ «живіо Русскій Царь, живіо Святая Русь», при стрѣльбѣ изъ ружей и пистолетовъ. Погода не благопріятствовала нашему путешествію: шелъ сильный дождь, и мы должны были сдѣлать привалъ у деревни Нѣгуши. По предварительномъ соглашеніи съ адъютантомъ, я далъ отъ себя по чаркѣ вина войску, выпивъ чарку за здоровье новорожденнаго князя и пожелавъ ему быть достойнымъ отца своего князя Николая.

Въ продолженіи дороги, во всѣхъ близъ лежащихъ деревняхъ, колокольный звонъ и пушечная пальба въ горахъ привѣтствовали наше шествіе. У подошвы горы, при селѣ Байцахъ, я былъ встрѣченъ предсѣдателемъ Сената Божіо-Петровичемъ, вице-президентомъ, воеводою Петромъ Вукотичемъ, и почетнымъ конвоемъ при княжескомъ военномъ знамени (Алай-Байракъ).

Снявъ шапку для отданія чести знамени, я выслушалъ предсѣдателя Сената, который именемъ князя привѣтствовалъ мое прибытіе на землю Черногорскую и предложилъ мнѣ пересѣсть на лошадь собственнаго сѣдла его свѣтлости. Я исполнилъ это желаніе, и шествіе продолжалось слѣдующимъ порядкомъ:

1) Впереди одна рота войскъ.

2) Княжеское военное знамя.

3) Конвой Турокъ изъ Герцеговины, изъ города Никшишъ.

4) Я, имѣя по правую и лѣвую стороны предсѣдателя и вице-президента Сената.

На Цетинскомъ полѣ ожидали меня два баталіона пѣхоты, сотня кавалеріи и одна батарея горной артилеріи, подъ командою воеводы Машо-Врбицы. Поздоровавшись съ войскомъ и снимая шапку передъ каждымъ салютовавшимъ мнѣ знаменемъ, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей и монастыря, при пушечной пальбѣ и ружейныхъ выстрѣлахъ, я продолжалъ свое шествіе до г. Цетинье. На всѣхъ домахъ города вывѣшены были знамена, и нѣсколько тысячъ народа привѣтствовали меня громкими криками «живіо».

Прибывъ въ приготовленный для меня старый княжескій домъ, я послалъ находившагося при мнѣ адъютанта спросить у его свѣтлости, когда ему угодно будетъ принять меня. Получивъ увѣдомленіе, что князь меня ожидаетъ, я въ полной парадной формѣ и съ ввѣренными мнѣ письмами Вашего Императорскаго Величества и Ея Императорскаго Высочества, въ сопровожденіи консула Іонина, отправился въ княжескій дворецъ.

Въ большой залѣ дворца ожидали меня князь, княгиня Милена съ княжескимъ семействомъ, окруженные митрополитомъ, сенаторами и воеводами.

Передавъ князю письмо Вашего Императорскаго Величества и письмо Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны, я обратился къ его свѣтлости съ слѣдующими словами:

«Государь Императоръ и Государыня Императрица поздравляютъ «вашу свѣтлость, княгиню Милену и храбрый, независимый Черно- «горскій народъ съ новорожденнымъ княземъ, наслѣдникомъ вашимъ. «Его Императорское Величество, Августѣйшій Государь мой, отправ-

«ляя меня, изволилъ повелѣть мнѣ изъявить свое благоволеніе къ образу «дѣйствій вашей свѣтлости, въ особенности въ продолженіи прошед«шаго года и удостоилъ выразить, что подобными дѣйствіями ваша «свѣтлость укрѣпляетъ то довѣріе и то сочувствіе, которыя Его Им«ператорское Величество всегда имѣлъ къ храброму, независимому «народу Черногорскому».

По прочтеніи письма Вашего Императорскаго Величества, при воодушевленныхъ крикахъ «живіо» воеводъ и сенаторовъ, его свѣтлость отвѣчалъ мнѣ слѣдующими словами: «Въ высшей степени радуютъ меня слова, переданныя вами отъ Его Императорскаго Величества, Великаго Покровителя моего и моего народа. Сколько счастливъ я тѣмъ, что семейство мое почтено тѣсною духовною связью съ великимъ царскимъ домомъ, столько же и еще болѣе счастливъ я тѣмъ, что Его Императорское Величество благоволилъ замѣтить слабыя усилія, которыя я по своему долгу обязанъ и буду употреблять на пользу Черногоріи, стараясь развивать ее и облегчать ея судьбу. За таковую царскую милость я отъ глубины души благодаренъ Его Императорскому Величеству, въ той же мѣрѣ какъ и мои Черногорцы одушевлены чувствомъ благодарности къ великодушному ихъ Покровителю. Мы всѣ здѣсь душевно убѣждены, что величайшая наша опора и надежда есть Царь Александръ».

Получивъ приглашеніе его свѣтлости обѣдать въ тотъ же день у него, я имѣлъ счастіе въ тотъ же вечеръ передать княжнамъ Зорѣ, Милицѣ и Станѣ подарки Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, а княжнѣ Маріи подарокъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны.

7 (19) Сентября въ 9 часовъ утра, я имѣлъ честь принимать у себя, въ присутствіи консула, его свѣтлость. Во время этого посѣщенія князь выразилъ всю безпредѣльную преданность Вашему Императорскому Величеству и чувство искренней благодарности за оказанную Вами ему милость. Въ заключеніе, князь объявилъ мнѣ, что Сенатъ и воеводы желаютъ мнѣ представиться.

При пріемѣ мною Сената, предсѣдатель онаго Божіо-Петровичъ, привѣтствовалъ меня слѣдующими словами: «Господинъ полковникъ! Имѣю честь представить вамъ Черногорскій Сенатъ, который является вмѣстѣ со мною, чтобы поздравить съ пріѣздомъ представителя Его Императорскаго Величества, Великаго Царя Александра, Великаго Покровителя народа Черногорскаго. Мы являемся выразить вамъ нашу глубокую благодарность Его Императорскому Величеству за оказываемую имъ въ настоящую минуту благосклонность. Мы смотримъ на это, какъ на милость оказанную не только княжеской семьѣ, но и

всему Черногорскому народу, и просимъ васъ, отъ имени народа, повергнуть это глубокое чувство наше передъ Его Императорскимъ Величествомъ, когда вы возвратитесь въ С.-Петербургъ».

На эти слова я отвѣчалъ слѣдующее:

«Какъ посланный Всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ, я благодарю васъ за глубокое чувство Черногорскаго народа, выраженное вами, отъ имени гг. сенаторовъ и воеводъ. Считаю священнымъ долгомъ сказать вамъ, что Государь Императоръ изволилъ повелѣть мнѣ выразить свое неизмѣнное сочувствіе къ храброму и независимому народу Черногорскому, наслѣдованное Его Императорскимъ Величествомъ отъ своихъ предковъ».

По выходѣ Сената, я принялъ представителя Сербскаго правительства, подполковника Байовича, присланнаго присутствовать при обрядѣ Св. Крещенія.

Въ 11 часовъ утра, въ сопровожденіи консула, я пошелъ въ монастырь, къ митрополиту Иларіону, который меня ожидалъ со всѣмъ причтомъ. Со мною были образъ и крестикъ, которымъ Вашему Императорскому Величеству угодно благословить новорожденнаго князя Даніила-Александра. При передачѣ мною образа его высокопреосвященству митрополиту Иларіону, я сказалъ ему: «Ваше высокопреосвященство! Симъ образомъ и крестомъ благословляетъ Государь Императоръ новорожденнаго князя. Сохраните эту честную икону въ стѣнахъ вашего монастыря надъ мощами Св. Петра, до времени благословленія оною будущаго православнаго христіанина». По принятіи образа и креста надъ мощами Св. Петра, митрополитомъ Иларіономъ совершена молитва о здравіи и спасеніи Вашего Императорскаго Величества и всего царствующаго дома. Въ тотъ же день, послѣ утренняго обѣда у князя, мною были отданы визиты сенаторамъ, воеводамъ и Сербскому представителю.

8 (20) Сентября, въ 8 часовъ утра назначенъ былъ обрядъ Св. Крещенія.

До выхода, его свѣтлость представилъ мнѣ генеральныхъ консуловъ: Австрійскаго и Англійскаго изъ Скутари и Греческаго консула изъ г. Рагузы.

Церемоніалъ Св. Крещенія былъ слѣдующій.

Новорожденный князь, несенный сестрою князя Николая; за ними я съ матерью князя, затѣмъ семейство князя, начальница училища, г-жа Пацевичъ, представитель Сербіи, консулы, Сенатъ и воеводы. Процессія шла изъ дворца въ монастырь, между выстроенными по обѣ стороны войсками. По совершеніи обряда Св. Крещенія, я отнесъ новорожденнаго князя Даніила-Александра Николаевича, тѣмъ же це-

ремоніаломъ, при пушечной пальбѣ, ружейныхъ выстрѣлахъ и колокольномъ звонѣ, во дворецъ къ родителямъ, ожидавшимъ меня при входѣ во дворецъ. По поздравленіи мною князя и княгини Милены, я имѣлъ честь вручить ея свѣтлости подарокъ Вашего Императорскаго Величества.

Затѣмъ ихъ свѣтлости принимали поздравленія всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ прибывшихъ депутацій: Далматинской, Албанской, Герцеговинской, Сербской и Боснійской. По возвращеніи моемъ на мою квартиру, прибылъ ко мнѣ старшій кавалеръ ордена «Черногорской Независимости», воевода Петръ Вукотичъ, въ сопровожденіи адъютанта князя, съ объявленіемъ, что князь жалуетъ меня кавалеромъ сего ордена 1-й степени. По представленіи моемъ его свѣтлости, я сопровождалъ его въ монастырь для слушанія божественной литургіи. Во время большаго выхода со Св. Дарами, была совершена молитва о Вашемъ Императорскомъ Величествѣ и о всемъ царствующемъ домѣ.

По совершеніи литургіи я сопутствовалъ его свѣтлости въ лагерь, гдѣ князь угощалъ войско, и затѣмъ въ домѣ назначенномъ для дѣвичьей школы былъ обѣдъ всѣмъ прибывшимъ на это празднество депутатамъ. Въ тотъ же день, на вечернемъ обѣдѣ, послѣ предложеннаго тоста княземъ за Ваше Императорское Величество и Ея Императорское Высочество Великую Княжну Марію Александровну, я осмѣлился священнымъ именемъ Вашего Императорскаго Величества предложить тостъ за новорожденнаго князя Даніила-Александра, пожелавъ ему быть достойнымъ сыномъ князя Николая и предковъ своихъ и достойнымъ вождемъ храбраго и независимаго Черногорскаго народа.

9 (21) Сентября, въ 8 часовъ утра, были назначены маневры. Первый отрядъ, въ составѣ шести ротъ и двухъ горныхъ орудій, подъ командою Джура-Петровича, защищалъ деревню Ушицу, имѣя на правомъ флангѣ неприступную гору Шкерки. Другой отрядъ, въ числѣ восьми ротъ и четырехъ горныхъ орудій и сотни кавалеріи, подъ командою Машо-Врбицы, имѣлъ цѣлью овладѣть защищаемою деревнею. Неудавшаяся атака лѣваго фланга воеводы Врбицы на гору Шкерки завлекла противника въ преслѣдованіе. Воевода Врбица воспользовался этою ошибкою, атаковалъ его во флангѣ своею кавалеріею и, двинувшись своимъ правымъ флангомъ на деревню, занялъ оную.

Вообще маневры велись довольно правильно, исключая замѣченнаго мною, что войска атаковавшія въ открытой мѣстности не пользовались случайными мѣстными прикрытіями и подвергались артиллерійскому огню, и что артилерія атакующаго не воспользовалась пре-

восходствомъ силъ для болѣе близкаго обстрѣливанія деревни Ушицы и оставалась на первой своей позиціи.

10 (22) Сентября я осмотрѣлъ монастырскую ризницу, семинарію и женское училище. Къ сожалѣнію, эти два заведенія я не могъ видѣть во время занятій, потому что оба зданія были заняты гостями, прибывшими къ празднеству. Изъ воспитанниковъ семинаріи особенно замѣчательны молодые люди, прибывшіе изъ народныхъ школъ, для поступленія въ это высшее заведеніе; они вообще отличаются большою смѣтливостію и на заданные вопросы отвѣчали очень правильно. Изъ числа воспитанницъ женскаго училища я видѣлъ только нѣкоторыхъ, живущихъ въ самомъ городѣ. Не говоря уже о значительной разницѣ въ образованіи, которую я нашелъ въ этихъ дѣтяхъ, сравнительно съ другими, воспитанницы г. Пацевичъ отличаются безпредѣльнымъ чувствомъ благодарности къ Государынѣ Императрицѣ, которую называютъ своею Августѣйшею Благодѣтельницею.

11 (23) Сентября, въ день моего отъѣзда, я, по предложенію консула, далъ 600 франковъ на угощеніе войска, собраннаго при городѣ. Прибывъ въ лагерь и поздоровавшись съ людьми, я осмѣлился именемъ Вашего Императорскаго Величества предложить тостъ за новорожденнаго князя, пожелавъ ему быть достойнымъ вождемъ храбраго и независимаго Черногорскаго народа. При восторженныхъ крикахъ «живіо» воевода Врбица, командующій войскомъ, отвѣчалъ мнѣ слѣдующими словами: «Отъ имени свѣтлѣйшаго князя, моего повелителя, и отъ лица Черногорскаго войска, пью за драгоцѣнное здоровье Великаго Русскаго Царя, нашего добраго и могучаго Покровителя, и за благоденствіе того храбраго воинства, котораго страшатся всѣ враги Славянъ. Да здравствуетъ Русскій Царь, да здравствуетъ царственный домъ, да здравствуетъ Святая Русь, да здравствуетъ Русское войско».

Въ тотъ же день, послѣ утренняго обѣда, я выѣхалъ изъ Цетинье въ Каттаро. Князь провожалъ меня до деревни Байцы, со своею свитою, воеводами и сенаторами. Разставаясь со мною, князь, со слезами на глазахъ, просилъ меня повергнуть предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ чувства его безпредѣльной преданности и благодарности за оказанную ему благосклонность.

Въ 7 часовъ вечера я прибылъ въ сопровожденіи адъютанта Пламенца, капитана Матановича и 18-ти перениковъ, на пароходъ «Стамбулъ», отправлявшійся въ Тріестъ.

Донося подробно Вашему Императорскому Величеству о пребываніи моемъ въ Цетиньѣ, исполняю священный долгъ свидѣтельствовать о томъ воодушевленіи всего Черногорскаго народа, которое со-

путствовало мнѣ повсюду. Безпредѣльная преданность князя Николая и его народа Вашему Императорскому Величеству горячо отзывалась въ сердцѣ вашего вѣрноподданнаго. Всякое появленіе посланнаго Вашего Величества среди народа вызывало громкіе и радостные крики «Живіо Русскій Царь! Живіо Святая Русь!»

Флигель-адъютантъ Толстой.

2.

Письмо Императора Александра Николаевича къ князю Черногорскому Николаю Первому.

Въ Петербургѣ, 31 Іюля 1871 года.

Свѣтлѣйшій Князь!

Принявъ живѣйшее участіе въ семейной радости, которую Всевышній послалъ Вамъ, княжнѣ Миленѣ и всему народу Черногорскому, я очень радъ, что, воспринимая отъ купели новорожденнаго сына Вашего, могу укрѣпить духовную связь съ Вашимъ семействомъ.

Будемъ молить вмѣстѣ Всеблагаго Господа, чтобъ Онъ сохранилъ дни новорожденнаго и сдѣлалъ изъ него для Васъ и княгини опору и утѣшеніе, а для храбрыхъ Черногорцевъ достойнаго вождя.

Письмо это будетъ вручено Вамъ моимъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Иларіономъ Толстымъ, которому я поручаю замѣнить меня при совершеніи обряда Святаго Крещенія, а равно выразить вамъ и княгинѣ Миленѣ мое Императорское поздравленіе.

Пребываю неизмѣнно къ вамъ благосклоннымъ

АЛЕКСАНДРЪ.

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Н. Лихутовъ

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА. *)

1816 ГОДЪ.

Путешествіе въ Персію.

14-го числа (Іюня) я получилъ повелѣніе отъ начальника главнаго штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Сипягина явиться къ князю Волконскому для принятія приказаній. 15-го я явился. Князь мнѣ объявилъ намѣреніе свое послать меня съ посольствомъ съ Персію. Я его благодарилъ и просилъ позволить мнѣ отправиться прежде главнокомандующаго Грузинскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, г.-л. Ермолова, дабы пожить нѣсколько времени у батюшки въ подмосковной деревнѣ. Князь позволилъ, и 18-го числа я получилъ приказаніе ѣхать.

Обстоятельства повелѣвали мнѣ навсегда удалиться изъ отечества своего, и я смѣло далъ слово Ермолову остаться послѣ посольства съ нимъ въ Грузіи, сколько ему времени угодно будетъ.

При каждомъ шагѣ моего путешествія, я разставался навсегда со всѣмъ, что̀ видѣлъ. Связи, родство, священная артель наша, я васъ оставилъ и болѣе не увижу; я умеръ для васъ всѣхъ, живу только горестными воспоминаніями. Въ 22 года отъ роду кончились и виды, и надежды мои, и я ѣду съ ужасной мыслью никогда болѣе не увидѣть тѣхъ, къ которымъ чувства благодарности и привязанности

---

*) См. выше Р. Архивъ сего года, стр. 69. На переплетѣ подлинной рукописи, съ которой печатается здѣсь продолженіе этихъ автобіографическихъ записокъ, наклеена бумага съ надписью: „Собственныя дневныя записки. Выѣздъ изъ Петербурга.—Персидское посольство.—Пребываніе въ Тифлисѣ. 1816—1817". Эта тетрадь писана ранѣе предыдущихъ (уже напечатанныхъ). До сихъ поръ Н. Н. Муравьевъ излагалъ повѣсть своей жизни по памяти и, можетъ быть, по бѣглымъ отмѣткамъ. Теперь записки его принимаютъ видъ дневника и хотя иной разъ утрачиваютъ въ связности изложенія, за то выигрываютъ въ живности и подлинности. П. Б.

будутъ до конца моей жизни возноситься. Одно только изнуренное несчастіями сердце можетъ нѣкоторое время сіе перенести.

Находясь теперь у батюшки, такъ сказать, на краю связей своихъ, ожидаю съ мужествомъ той минуты, въ которую въ послѣдній разъ скажу: простите, батюшка и всѣ любящіе меня! Я сяду въ повозку и мысленно услышу скрипъ непреоборимаго запора [1]), который прекратитъ для меня на вѣкъ свиданіе съ милыми. Зазвонитъ вѣчевой мой колоколъ [2]), но по немъ никто уже не соберется. Пріятный звонъ сей проводитъ меня черезъ мѣста чужія, раздастся по обширной степи, эхо повторитъ его въ горахъ; наконецъ умолкнетъ онъ, когда строгій долгъ службы повелитъ мнѣ оставить воспоминанія и предать себя единственно отечественной пользѣ.

Мы сдѣлали обѣдъ для товарищей нашихъ, простились, а на другой день, 20-го числа, обѣдали опять всѣ вмѣстѣ у добраго полковника нашего Мандерштерна. Онъ съ горькими слезами отпустилъ меня и просилъ писать. Наконецъ, простившись со всѣми родными, знакомыми и начальниками, я рѣшился 21-го числа выѣхать изъ Петербурга.

20-го ввечеру Сипягинъ прислалъ ко мнѣ неожиданно отличный атестастъ. Я на другой день благодарилъ его. Былъ также у князя Волконскаго, который мнѣ сдѣлалъ родительское наставленіе. Я также благодарилъ его за честь и довѣренность, имъ мнѣ оказываемыя.

21-го ввечеру, въ 6 часовъ, я пустился въ путь. Священная артель проводила меня до Средней Рогатки; тутъ мы простились; они не знали, что на вѣкъ.

За двѣ станціи до Новгорода я обогналъ Н. С. М а [3]), который съ семьей ѣхалъ въ отпускъ въ подмосковную свою.

22-го числа, въ 8 часовъ вечера, я нанялъ въ Новгородѣ лодку и пустился грознымъ Ильменемъ въ Старую Русу. Вечеръ былъ прекрасный, виды безподобны; я хотѣлъ вынуть карандашъ и бумагу, но къ стыду своему полѣнился, а все сидѣлъ, курилъ и любовался на окружающіе меня предметы. Наступила ночь; я расположился спать, но никакъ не могъ порядочно уснуть; въ просонкахъ слышалъ

---

[1]) Сначала было написано: „шумъ страшнаго запора“. П. Б.

[2]) Колокольчикъ, служившій въ артели для собраній. Онъ висѣлъ въ моей комнатѣ, и каждый членъ общества имѣлъ право въ него звонить. По звуку всѣ собирались, и тогда рѣшались требованія члена.

[3]) Мордвинова, не согласившагося отдать Муравьеву въ замужество дочь свою, впослѣдствіи вышедшую за Александра Николаевича Львова. П. Б.

я, что валы очень сильно бьются о наше судно, всталъ и увидѣлъ себя и кормчаго среди пятерыхъ крѣпко спящихъ попутчиковъ, въ темную ночь, на маломъ суднѣ, посреди бурно волнующагося Ильменя. Опасность озера мнѣ сейчасъ представилась и хотя кормчій отвергалъ оную, я ожидалъ мгновенія, въ которое, такъ называемый, девятый валъ опрокинетъ насъ. Однакоже я закурилъ трубку и безъ страха все сіе видѣлъ. Сильное колебаніе произвело во мнѣ тошноту, которая продолжалась до разсвѣта, въ которое время озеро стало утихать, и открылся издали берегъ. Мы приплыли благополучно до устья рѣки Ловати, въ которую болѣе 25 верстъ подымались. Берега оной прекрасны; я нѣсколько разъ выходилъ съ ружьемъ на утокъ, по которымъ далъ два промаха. Подъѣзжая къ городу, я сдѣлалъ выстрѣлъ во имя славнаго моего сотрудника въ охотѣ, Бурцова, и убилъ двухъ утокъ.

Въ 11-ть часовъ поутру поспѣлъ я въ Старую Русу, переплывъ въ 15 часовъ 70 верстъ. Въ Старой Русѣ нашелъ я губернатора Муравьева, съ которымъ отобѣдалъ, а ввечеру пустился по Осташковской дорогѣ и прибылъ 24-го числа въ селеніе Молвинцы, откуда, своротивъ влѣво, пріѣхалъ въ Исаково навѣстить дядю, тетку и сестеръ Полторацкихъ. Гостепріимство и простота въ обращеніяхъ со всѣми отличаютъ добрыхъ сихъ родственниковъ моихъ отъ многихъ другихъ. Полюбовался надъ братомъ Сергѣемъ; ему теперь только 7 лѣтъ, а уже глядитъ молодцомъ *).

Проживъ у нихъ трое сутокъ, я поѣхалъ въ селеніе Загорье, лежащее на берегу Осташковскаго озера, сѣлъ опять въ лодку и пустился водою на 40 верстъ до самаго Осташкова. Плаваніе сіе совершенно противно первому. Я ѣхалъ среди островов (коихъ числомъ 77), покрытыхъ рощицами, селеніями, мызами и монастырями. Картина волнующейся влаги въ безбрежномъ пространствѣ не представлялась мнѣ болѣе; я ѣхалъ тихими водами среди садовъ. Осташковъ издали показался какъ бы плывущимъ по чистой поверхности озера. Яркое солнце освѣщало главы монастырей и бѣлыя его строенія. Уставшіе гребцы удвоили свои силы, и мы привалили въ самомъ городѣ, къ большой улицѣ. Я пошелъ доставать лошадей; но вольныхъ нѣту, а обывательскихъ принужденъ былъ до другаго утра дожидаться. Я остановился въ Ниловскомъ подворьѣ и сталъ со скуки рисовать видъ Житенскаго монастыря, который изъ окна очень хорошо мнѣ

*) Младшій изъ пятерыхъ братьевъ Муравьевыхъ, математикъ, прожившій въ неизвѣстности и скончавшійся въ Августѣ 1874 года. Покойный Николай Николаевичъ отзывался про него, что онъ всѣхъ ихъ умнѣе. П. Б.

представлялся; наступившая вскорѣ буря не позволила мнѣ оный кончить. На другой день, въ полдень, отправился я изъ Осташкова и прибылъ въ село Прямухино къ Бакунину, 29-го числа, прожилъ у него сутки и поѣхалъ черезъ Старицу, Лоташино, Волоколамскъ въ село Александровское, куда прiѣхалъ Iюля 2-го дня, въ 6-мъ часу поутру.

Братъ Андрей меня первый встрѣтилъ. Батюшку нашелъ здоророваго и веселаго. Ласки его меня чрезвычайно тронули, особливо когда я подумалъ, что долженъ навсегда съ нимъ разстаться.

4-го числа я поѣхалъ въ Москву, дабы окончить совершенно всѣ заготовленiя, нужныя мнѣ для моего путешествiя. Сдѣлавъ оныя, я написалъ письмо полковнику Иванову, у котораго я при посольствѣ состою подъ начальствомъ, оставилъ письмо въ домѣ, дабы, по прiѣздѣ его, оное ему вручить и звалъ его въ деревню познакомиться съ батюшкой и провести прiятнымъ образомъ нѣсколько дней.

Выѣзжая изъ Москвы обратно въ деревню, встрѣтилъ я опять Н. С. М—а, ѣдущаго въ Москву. Въ передней коляскѣ ѣхала *она*. Прiятный взглядъ ея и улыбка, которыхъ уже я давно не видалъ, поразили меня; я поклонился ей, и прощанiе сiе представлялось мнѣ вѣчнымъ. Грусть снова поселилась въ моемъ сердцѣ, воспоминанiя тяжкiя объяли меня, и я прiѣхалъ съ мрачными мыслями къ отцу. Ласковый прiемъ разсѣеваетъ оныя, но я навсегда потерянъ!

Я только что кончилъ послѣднюю страницу предыдущихъ записокъ, какъ братъ Александръ прiѣхалъ къ намъ. Разстроенное его здоровье требовало путешествiя въ южные края Россiи, и онъ ѣхалъ на Кавказскiя воды, намѣреваясь оттуда воротиться чрезъ Крымъ, дабы пользоваться тамошними грязьми. Онъ привезъ мнѣ листъ отъ артели нашей за подписанiемъ всѣхъ членовъ. Содержанiе онаго слѣдующее:

Постоянство.

Почтенный другъ и товарищъ! Дружба, постоянство и правота, сущность и основанiе артели, коея ты еси членъ, понудили насъ, твоихъ братьевъ, листъ сей тебѣ послать и тѣмъ нашу любовь къ тебѣ и доброжелательство изъявить. Да будетъ онъ тебѣ воспоминанiемъ святаго братства и вѣрнымъ залогомъ дружбы нашея! И тако, пребудь здравъ и, сколько Творцу угодно, благополученъ. Богъ да благословитъ тебя, честная душа, и любовь къ отечеству да руководствуетъ тобою, а воспоминанiе о неразрывной артели да усладитъ тебя во всѣхъ твоихъ трудахъ и начинанiяхъ!

Въ Святомъ Петроградѣ. } Подписи: } 30-го Iюня 1816 года.

Я сей листъ высоко чту и никогда ни на какіе атестаты не промѣняю. Артель мнѣ прислала въ подарокъ зрительную трубку, дабы въ нее могъ я видѣть собратью свою изъ отдаленнѣйшихъ странъ.

На другой день братнина пріѣзда, пошли мы осматривать мѣста, знаменитыя по достопамятнымъ происшествіямъ нашей молодости. Посѣтили мы славный еловый садъ, столицы четырехъ государствъ, развалины укрѣпленій, заросшія гряды. Заброшенные сіи садики представляютъ печальный видъ; всякій шагъ напоминалъ намъ сраженіе, шутку, побѣду, труды, замыслы, занимавшіе насъ лѣтъ за десять. Воспоминанія прошлыхъ лѣтъ всегда пріятны, мы ими наслаждались; посѣтили еще Марьину рощу, въ которой нашли въ цѣлости имена наши, вырѣзанныя на деревьяхъ.

Письма изъ Петербурга извѣстили меня, что Государь перемѣнилъ весь золотой приборъ мундира нашего на серебряный. Непріятное сіе извѣстіе подтвердилось другимъ письмомъ, и я отправилъ человѣка въ Москву, дабы заказать мнѣ все нужное по новому образцу. Бурцовъ еще извѣстилъ меня, что назначенный съ Ермоловымъ ѣхать для астрономическихъ наблюденій профессоръ Панцнеръ остался и что вся должность падаетъ на меня. Вслѣдствіе сего я засѣлъ учиться, прошелъ практическую астрономію и прикладывалъ ее на самомъ дѣйствіи. Первый подвигъ мой въ оной было опредѣленіе Александровскаго меридіана. Вѣрно, глубоко и твердо врытые столбы, означающіе его, остаются памятникомъ моего пребыванія въ деревнѣ. Я полагалъ ихъ столь прочными, что 20 лѣтъ они простоять должны.

Полученныя батюшкой письма извѣстили его о намѣреніи Великаго Князя Николая Павловича посѣтить его училище; а какъ большая часть изъ учащихся была уже отправлена въ Москву по причинѣ ожидаемаго прибытія Государя *) въ сію столицу, то извѣстіе сіе послужило только къ тому, чтобы поторопить отъѣздъ батюшки, ибо ему тогда нечего было показывать.

Батюшка отправился изъ деревни въ Москву 3-го Августа и препоручилъ мнѣ управленіе дома, деревни, дѣтей и 8 колонновожатыхъ, оставшихся въ оной. Вознамѣрясь насладиться въ полной мѣрѣ всѣми возможными удовольствіями, я расположилъ дни свои такъ, чтобы ежедневно что-нибудь новое утѣшало меня.

Общество наше состояло изъ меня, колонновожатаго Обрѣскова, трехъ дѣтей, учителя ихъ Рускаго, шляхтича, брата его студента

*) Это былъ первый послѣ Іюля 1812 года пріѣздъ Государя въ Москву. Она ждала его еще вся въ развалинахъ. Съ нимъ пріѣхалъ Николай Павловичъ, начинавшій тогда свое путешествіе по Россіи. Зрѣлище Москвы послѣ Наполеонова нашествія должно было сильно подѣйствовать на молодую его душу. П. Б.

Парпуры и сосѣда нашего Гавріила Тихоновича Бакѣева. Какъ не затѣять чего съ такими средствами!

Первымъ правиломъ я положилъ, чтобы собираться всѣмъ чай пить въ мою комнату, гдѣ въ 7 часовъ самоваръ всякій день кипѣлъ; шляхтичъ чай разливалъ, а мы пили. Еще положенъ былъ законъ не давать тому чаю, кто шесть часовъ утра проспитъ, и сего ни разу ни съ кѣмъ не случилось. Послѣдній сей законъ имѣетъ большую выгоду тѣмъ, что сохраняетъ опрятность и благочиніе, котораго часто въ холостыхъ обществахъ не бываетъ. Тутъ время говорить, предложить свое мнѣніе, либо разсудить предложеніе другаго; тутъ располагались наши вечернія веселія; тутъ разсказывали и прошедшее и, наконецъ, просидѣвъ такимъ образомъ съ часъ, всѣ принимались за свое дѣло. Я ходилъ учить колонновожатыхъ астрономіи, употребленію инструментовъ съ приложеніемъ сихъ наукъ къ самому дѣйствію. Или шляхтичъ училъ дѣтей, а Бакѣевъ нашъ садился играть въ дурачки съ Парпурой до самаго обѣда. Въ полдень приходили всѣ съ своими часами повѣрять ихъ на моемъ меридіанѣ; тамъ обѣдали, потомъ курили, послѣ въ цѣль стрѣляли, а наконецъ и чай опять по прежнему порядку. Послѣ чая или прогулка верхомъ, или опять чай въ лѣсу на бивуакахъ, или ѣзда въ манежѣ, или музыка; что-нибудь занимало насъ. Между прочимъ вздумалъ не помню кто-то ѣхать на поле Бородинскаго сраженія. Мысль сія была принята съ восклицаніями, и мы на другой день отправились большой артелью, кто верхомъ, кто въ телѣгѣ. Пролетѣли 35 верстъ и остановились въ самомъ селѣ Бородинѣ. Взошедъ на колокольню, избитую нашими ядрами, я показалъ товарищамъ своимъ расположеніе непріятельскихъ полчищъ; потомъ поѣхали верхами смотрѣть мѣсто, которое было занято нашимъ войскомъ. Я имъ показалъ сперва расположеніе нашего праваго фланга и укрѣпленія его, деревню Горки, потомъ лѣвый нашъ флангъ, Раевскаго батарею, наконецъ всѣ достопамятныя мѣста, находящіяся на славномъ полѣ семъ. Пріѣхавши на Раевскую батарею, мы слѣзли съ коней и съ часъ еще бесѣдовали о важномъ приключеніи, въ которомъ я участвовалъ. На Раевскаго батареѣ каждый изъ насъ взялъ на память посѣщенія нашего, кто шомполъ, кто киверъ, кто кость; мнѣ поднесли голову; я ее послалъ къ брату Михайлѣ, который на сей батареѣ былъ раненъ. Мы возвратились поздно домой. По пріѣздѣ получилъ я приказаніе отъ батюшки ѣхать въ Москву со всей артелью.

На другой день я посѣтилъ въ послѣдній разъ уединенный островъ, которому повѣрялъ свои чувства, начертилъ на томъ же деревѣ 1816 годъ и простился съ нимъ на вѣки.

Въ первый день пріѣхали мы ночевать въ д. Локотню, гдѣ, дабы удержать порядокъ и послушаніе въ буйной молодежи, я предложилъ имъ построить себѣ шалаши, ночевать въ оныхъ и содержать караулы черезъ всю ночь. Предложеніе сіе было принято съ радостью; я построилъ себѣ первый шалашъ; они обставили меня другими. Я учредилъ гауптвахту, разставилъ посты и велѣлъ имъ перекликаться. Они исправно свою должность исполняли, окликали проѣзжихъ, ходили рундомъ и всю ночь не спали. Поутру сняли часовыхъ и должнымъ порядкомъ прочли молитву въ строю, послѣ чего я ихъ распустилъ, отправилъ квартирьеровъ впередъ и вслѣдъ за ними самъ поѣхалъ со всѣмъ обозомъ. Дорогой зашли мы посмотрѣть Савинъ монастырь.

Отецъ-намѣстникъ, прелюбезный и умный человѣкъ, повелъ насъ по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ; мы были во дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, въ ризницѣ, коей богатство чрезвычайно и, наконецъ, пили чай у отца-намѣстника. Пріѣхали къ обѣду въ Бузейлово, тамъ отдохнули часа два и пріѣхали въ 7-мъ часу ввечеру въ Москву.

Батюшка былъ въ страшныхъ хлопотахъ. Онъ ожидалъ экзамена для своихъ колонновожатыхъ по пріѣздѣ Государя. Теперь все, слава Богу, улеглось: экзаменъ кончился, 11 колонновожатыхъ произведены въ офицеры, а старикъ мой принятъ въ службу въ свиту Его Императорскаго Величества. Радость его неограничена вслѣдствіе того, что онъ видитъ пользу отечества въ своемъ училищѣ.

Великій Князь Николай Павловичъ навѣстилъ его. Князь Волконскій присутствовалъ самъ на экзаменѣ, былъ чрезвычайно доволенъ и откомандировалъ со мной двухъ молодцовъ: прапорщика Воейкова и колонновожатаго Лачинова. Первый изъ нихъ совершенный сынъ природы, безъ всякихъ затѣй, уменъ, ученъ, силенъ, веселъ, послушенъ, безъ свѣтскаго обращенія, смѣлъ и боекъ; второй тоже уменъ, ученъ, прилеженъ и имѣетъ много хорошихъ качествъ. Они, кажется, привержены ко мнѣ, и я надѣюсь имѣть въ нихъ вѣрныхъ товарищей.

Ермоловъ сюда пріѣхалъ въ одинъ день со мною. Я къ нему явился; онъ принялъ меня очень ласково и показывалъ большую довѣренность ко мнѣ; разсказывалъ мнѣ положеніе границъ нашихъ и состояніе ихъ, способы которыми можно привести ихъ въ должное положеніе, политическія сношенія наши съ Персіею и Турціею; сказалъ мнѣ, что возложитъ на меня должность важную.

Вскорѣ пріѣхалъ и подполковникъ нашъ Ивановъ съ поручикомъ Коцебу. Обращеніе послѣдняго мнѣ показалось очень сумнительнымъ и совсѣмъ мнѣ не нравилось. Неблагословенная порода людей сихъ въ землѣ Русской никуда не годится; они населили корпусъ нашъ ремесленниками, которые, происходя въ чины, становились несносными

для молодыхъ офицеровъ; ни любовь къ отечеству, ни честолюбіе, ни познанія, не были удѣломъ сихъ нелѣпыхъ твореній. Они загнѣздились у насъ подъ покровительствомъ общаго дяди ихъ Сухтелена, и когда князь Волконскій вступилъ на престолъ квартирмейстерской части, онъ сперва учредилъ экзамены для вступающихъ и симъ преградилъ ходъ малолѣткамъ, братьямъ, племянникамъ, сыновьямъ и всѣмъ родственникамъ нашихъ иноплеменниковъ, старыхъ же сталъ выживать. Ихъ замѣняли молодые люди со свѣдѣніями, коихъ преимущество надъ старыми стало очень ощущительно; они сами бросились въ армейскіе полки, устрашась новаго потомства. Корпусъ сталъ подыматься и теперь на цвѣтущей ногѣ. Завелось училище отца моего. Князь увидалъ въ ономъ неисчерпаемое добро для корпуса и поддерживаетъ его; но изъ числа Германцевъ нашихъ нѣкоторые никакъ не могли рѣшиться оставить то мѣсто, въ которомъ и отцы, и дѣды, и прадѣды ихъ служили и умерли. Они остались и перебиваются кое-какъ среди Русскихъ дворянъ, питая къ нимъ и къ училищу непомѣрную злобу. Въ числѣ сихъ сиротъ и Мавръ Астафьевичъ Коцебу. Первое его слово на счетъ колонновожатыхъ батюшкиныхъ была грубая насмѣшка. Я не стерпѣлъ оной и принудилъ его при свидѣтеляхъ объявить, что онъ говорилъ безъ цѣли и намѣренія. Принявъ его извиненіе, я посовѣтовалъ ему быть скромнѣе въ рѣчахъ, и мы разошлись. Маленькая сія схватка была очень кстати; она сдѣлаетъ его почтительнымъ къ моимъ двумъ товарищамъ. Сіи же два на меня во всемъ надѣятся и, кажется, не отстанутъ никогда отъ меня. Твердый союзъ сей уничтожитъ всѣ замыслы находящихся въ посольствѣ Нѣмцевъ и будетъ очень способствовать къ лучшему и скорѣйшему произведенію возложенныхъ на насъ работъ.

Сентября 7-го числа я отправился изъ Москвы съ Воейковымъ; Лачиновъ же уѣхалъ уже въ Воронежъ для свиданія съ родственниками. Батюшка въ тотъ же вечеръ собрался ѣхать въ деревню съ училищемъ своимъ. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа ночи я обнялъ отца своего въ послѣдній разъ; онъ благословилъ меня; я сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. Не дождался я брата Михаилы, который, полагаю, что прибылъ нѣсколько часовъ послѣ меня въ Москву. Мнѣ не хотѣлось измѣнить ни въ чемъ предпринятому мною, и я бы счелъ за большую слабость съ моей стороны, если бы хотя одной минутой замѣшкалъ свой отъѣздъ по сей причинѣ. Послѣ такого опыта надъ собою, я надѣюсь, что буду въ состояніи перенести многое. По письмамъ извѣстно мнѣ было, что братъ 2-го числа непремѣнно долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга; онъ ѣхалъ въ отпускъ въ Москву съ Петромъ Колошинымъ, а оттуда хотѣлъ ѣхать въ чужіе края.

Ночь была ясная; я сталъ показывать товарищу своему созвѣздія и толковать ему ходъ свѣтилъ, дабы не показать своей грусти. Поутру пріѣхали мы въ городъ Подольскъ, извѣстный проѣзжающимъ недостаткомъ почтовыхъ лошадей и плутовствомъ смотрителя. Насъ однакоже не остановили; мы тутъ получили лошадей, а далѣе до самой Тулы на почтовыхъ больше не ѣхали, а все принуждены были нанимать. Алексѣй Петровичъ заѣзжалъ въ Орелъ къ отцу своему и долженъ былъ уже около сего времени выѣхать на большую Воронежскую дорогу.

Изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ понравился мнѣ наиболѣе Задонскъ: онъ выстроенъ правильно и похожъ болѣе на большую мызу богатаго помѣщика. Онъ лежитъ на косогорѣ, съ полверсты отъ рѣки Дона, которую я переѣхалъ, не въѣзжая еще въ городъ *). Тутъ обьѣхалъ я д. ст. с. Соколова, который отправленъ при посольствѣ въ Персію по дипломатической части.

Хваленый городъ Воронежъ, отъ котораго я много ожидалъ, показался мнѣ мерзкимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тамъ меня дожидался Лачиновъ. Ермоловъ прибылъ туда сутками позже меня. Я къ нему явился и представилъ ему своихъ товарищей. Онъ ихъ принялъ ласково, спрашивалъ, внесены ли они въ комплектъ ѣдущихъ въ посольство и позволилъ имъ писать къ старикамъ своимъ, чтобы они надписывали письма къ нимъ на его имя.

На другой день ввечеру былъ у меня начальникъ главнаго штаба нашего генералъ, Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, человѣкъ съ большими свѣдѣніями, съ хорошимъ именемъ и, кажется, благородныхъ чувствъ. Онъ служитъ полковникомъ въ свитѣ, куда переведенъ недавно изъ гвардейской артилеріи. Алексѣй Петровичъ вскорѣ отправился изъ Воронежа, а я чрезъ сутки послѣ него также поѣхалъ.

До города Павловска край сей похожъ еще нѣсколько на населенное мѣсто; но отъ Павловска до самаго Новочеркаска, исключая трехъ или четырехъ мѣстъ, ѣдешь все степью. Пространный и ровный горизонтъ граничится небомъ со всѣхъ сторонъ. Пріѣдешь въ маленькую избушку, изъ хвороста построенную и вымазанную бѣлой глиной: тутъ и станція; почтовыя лошади гуляютъ по обширной степи, и пока ихъ сгонятъ, пройдетъ по крайней мѣрѣ часъ.

Въ землю Донскихъ казаковъ въѣхалъ я немного не доходя станицы Казанской; она лежитъ надъ Дономъ. Въ то время ожидали туда

---

*) Въ Задонскомъ помѣстьи супруги своей, селѣ Скорняковѣ, провелъ Муравьевъ послѣдніе годы жизни; тамъ онъ и умеръ и похороненъ близъ главной церкви Задонскаго монастыря. П. Б.

графа Платова, и всѣ именитые старики Донскаго войска собравшись были въ сей станицѣ. Починка моихъ повозокъ заставила меня провести въ ней болѣе полусутокъ. Козаки угощали меня. То было 15-го Сентября, въ день коронованія. Нашелъ я въ сей станицѣ знакомаго, отставнаго хорунжаго Горшкова; онъ служилъ при Великомъ Князѣ *) урядникомъ въ лейбъ-казачьемъ полку и не болѣе двухъ недѣль было какъ онъ пріѣхалъ въ отставку домой.

Самая неисправная почта во всей Россіи вѣрно по дорогѣ отъ Казанской станицы до Егорлыцкой, т.-е. чрезъ землю Донскихъ казаковъ: лошади не везутъ, упряжь неисправна, казаки ѣздить не умѣютъ. Причина сему та, что они съ обывателей не сбираютъ почтовыхъ денегъ для покупки и содержанія лошадей и сбруи, а каждый казакъ, до вступленія въ настоящую полевую службу, обязанъ два года пробыть на станціи съ парою коней. Почтовые казаки также составляютъ полкъ, который разбитъ по большимъ дорогамъ; они также имѣютъ своего полковника, который живетъ въ Новочеркаскѣ, и офицеровъ, которые разъѣзжаютъ по станціямъ для соблюденія исправности. Положеніе сіе раззоряетъ ихъ, неудобно для проѣзжихъ; къ тому же вкралось еще злоупотребленіе: офицеры, осматривающіе станціи, берутъ порядочныя суммы съ казаковъ и отпускаютъ ихъ домой, такъ что и настоящаго числа лошадей никогда на станціи нѣтъ. Сіе самое понудило меня рапортовать о семъ наказному атаману ихъ, Николаю Васильевичу Иловайскому.

Городъ Черкаскъ видѣнъ за четырнадцать верстъ; онъ лежитъ на косогорѣ и представляетъ видъ разбросанныхъ избъ и малаго числа церквей. Я ожидалъ нѣчто большаго по обѣщанію многихъ казаковъ, но весьма ошибся, когда увидѣлъ прямыя улицы, обстроенныя лачужками. Казанская станица мнѣ гораздо болѣе понравилась.

Ивановъ уже дни съ четыре какъ уѣхалъ, а Ермоловъ за три часа до моего пріѣзда выѣхалъ. Все было бы хорошо, еслибъ внутреннія неудовольствія не отравляли нашу артель. Я нашелъ въ Воейковѣ упрямство непомѣрное и забвеніе всѣхъ обязанностей: ни добрыя слова, ни напоминаніе о долгѣ не могли привесть его въ надлежащее положеніе. Я ему представлялъ, какъ легко имя его благодѣтеля, отца моего, могло пострадать отъ его поведенія, просилъ его обвинить меня, если онъ находитъ меня виновнымъ, и я соглашался извиняться передъ нимъ. Въ отвѣтъ я получилъ молчаніе, сопряженное съ ребяческимъ упрямствомъ, руководимое совершенною нечувствительностью. Я съ сихъ поръ увидѣлъ, сколько я ошибся въ своемъ выборѣ; я зналъ его неопытность въ обращеніи въ службѣ, на

*) Константинѣ Павловичѣ. П. Б.

каждомъ шагу, и онъ въ Москвѣ совершенно во всемъ ввѣрился мнѣ и обѣщался всегда принимать мои наставленія. Могъ ли я знать, что онъ такъ легко измѣнитъ своимъ обѣщаніямъ?

Изъ Новочеркаска тащился я до вступленія въ Кавказскую губернію, все на мерзкихъ Донскихъ лошадяхъ; въ Оксаинской станицѣ переправился я опять чрезъ Донъ по пловучему мосту. Видъ былъ безподобный. Хорошая часть теченія Дона была видна позади меня; правый берегъ онаго былъ усѣянъ богатѣйшими станицами; постепенно уменьшающіяся колокольни позволяли мнѣ судить объ обширности величественной картины, мнѣ представлявшейся. Верстъ пятнадцать ѣхалъ я камышами, а тамъ опять выѣхалъ въ степь. Калмыки кочуютъ въ ней въ право и въ лѣво отъ дороги. Въ Карантинѣ, на рѣкѣ Вонючемъ Ярлыкѣ, впрягли мнѣ славныхъ Русскихъ лошадей; тутъ до самаго Моздока почта прекрасная.

Въ Ставрополѣ принужденъ я былъ прожить почти двое сутокъ: повозки мои требовали новыхъ осей.

Въ Георгіевскѣ засталъ я Ермолова, Иванова и все посольство вмѣстѣ собранное. Видя, что Ивановъ совершенно попался въ управленіе Коцебу и что онъ всячески отстраняетъ меня отъ астрономическихъ наблюденій, я не сталъ напрашиваться на ихъ работу, а предложилъ себя для слѣдованія инструментально чрезъ горы отъ Моздока до Тифлиса. Я намѣренъ сдѣлать описаніе горамъ и съемку вѣрную, чего еще до сихъ поръ никто не дѣлалъ; работа сія сопряжена съ большими затрудненіями, но я добьюсь самъ показать себя въ глазахъ Алексѣя Петровича и выставить сколько нибудь молодыхъ людей моихъ, коихъ присутствіе по новымъ обстоятельствамъ сдѣлалось совсѣмъ излишнимъ.

Предложеніе мое было хорошо принято, и я отправился прежде всѣхъ въ Моздокъ. Генералъ и Ивановъ пріѣхали сюда двое сутокъ послѣ меня. Проживъ здѣсь три дни, они поѣхали въ Тифлисъ, оставя меня въ Моздокѣ для слѣдованія со вторымъ транспортомъ, или съ Соколовымъ, котораго мнѣ велѣно было дожидаться. Ермоловъ далъ мнѣ открытый листъ для полученія всѣхъ возможныхъ вспомоществованій во время слѣдованія моего чрезъ горы.

Я тѣмъ началъ, что снялъ планъ съ города Моздока и окрестностей его. Соколовъ прибылъ дня съ два тому назадъ. Обращеніе человѣка сего удивило меня. Онъ пришелъ первый ко мнѣ, въ Черкескомъ платьѣ, съ весьма покорнымъ видомъ, ввѣрился совершенно мнѣ, назвалъ меня главнокомандующимъ. Я ему показалъ свое открытое предписаніе и сказалъ ему, что если угодно со мною ѣхать, то надобно ему останавливаться часто и согласоваться со всѣми моими

намѣреніями. Онъ просилъ меня дѣлать что̀ мнѣ угодно, обѣщая мнѣ совершенное повиновеніе. Не понимаю сего человѣка; а мнѣ кажется, что въ поступкахъ и словахъ его есть много нерѣшимости и неопытности, и что онъ радъ найти кого-нибудь, кто бы взялся перевезти его чрезъ горы. Онъ кажется очень застѣнчивъ къ Черкесамъ.

Октября 13-го дня я отправился изъ Моздока въ сопровожденіи великаго обоза и многихъ всадниковъ. Соколовъ совершенно сдался мнѣ. Для показанія моей власти, я началъ тѣмъ, что написалъ распоряженіе къ переправѣ, назначивъ вагенмейстера и полицеймейстера. Первымъ былъ Щербининъ, вторымъ Лачиновъ.

Щербининъ переправился первый и устроивалъ вагенбургъ на другой сторонѣ; Лачиновъ оставался на лѣвомъ берегу и переправлялъ повозки, въ показанномъ ему мною порядкѣ. Все совершилось какъ должно. Въ Александровскомъ редутѣ, что̀ на берегу рѣки, мы ночевали.

14-го числа мы пустились въ дорогу, и я началъ свою работу, производя съемку секстантомъ и цѣпью. Мы ѣхали съ Соколовымъ и его спутниками. Спутники сіи, кажется, добрые ребята. Александръ Макарьевичъ Худобашевъ, человѣкъ пожилой, со свѣдѣніями, секретарь и надворный совѣтникъ; Василій Петровичъ Бороздна такъ себѣ; Осипъ Осиповичъ Ринардъ, уменъ и благороденъ; баронъ Корфъ въ званіи живописца, кажется, долженъ быть очень ученъ, скроменъ, любезенъ и уменъ.

Насъ провожалъ отрядъ, состоящій изъ ста человѣкъ пѣхоты, тридцати казаковъ и двухъ орудій; я снялъ весь переходъ до Константиновскаго инструментально. Въ Константиновскомъ редутѣ мы дневали; я снялъ редутъ съ окрестностями и перебѣлилъ свою работу. Штатская гвардія наша была согласна съ моими распоряженіями и во всемъ повиновалась мнѣ.

Но добро безъ зла не бываетъ; пріятное общество наше поразстроилось. Щербининъ заболѣлъ, и не на шутку; я страхъ безпокоился; болѣзнь его состояла въ сильной рѣзи въ животѣ. Воейковъ тоже захворалъ зубной болью и простудой. Мы однакоже отправились и совершили благополучно второй переходъ до Елисаветинскаго редута *),

---

*) На семъ переходѣ, съ версту отъ дороги, влѣво, видѣнъ памятникъ, называемый *„два брата“*. Я ѣздилъ смотрѣть его подножье, цилиндрически составленное изъ мелкаго камня, смазаннаго глиною, вышиною въ два аршина; на немъ взваленъ камень почти шаровидный, имѣющій въ діаметрѣ аршина полтора. Казаки, провожавшіе меня, сказали мнѣ, что памятникъ сей построенъ горцами когда-то въ память славнаго поединка, бывшаго въ семъ мѣстѣ между двумя князьями, родными братьями; они другъ друга рѣзомъ убили.

гдѣ не дневали по причинѣ больныхъ. На другой день поѣхали во Владикавказъ; больные были очень плохи, за Щербинина я сталъ бояться. Пріѣхавъ въ крѣпость, я послалъ за лѣкаремъ, а на другой день больные почувствовали облегченіе. Описанія переходовъ и ночлеговъ я не дѣлалъ, потому что дѣлаю особое описаніе къ чертежу.

Сегодняшнее число, т.-е. 20-е, обѣ артели наши соединились. Худобашевъ провозглашенъ артельщикомъ, и всѣмъ розданы должности; я съ Соколовымъ названы начальниками. Веселіе опять водворяется въ наше общество: больные выздоравливаютъ. Слава Богу!

Отъ Владикавказа начинаются горы до новоучрежденнаго редута. Онѣ постоянно возвышаются и становятся круче; рѣка Терекъ бѣжитъ быстро по каменьямъ въ ущельѣ, по которому проложена дорога до новоучрежденнаго редута. Горы сіи принимаютъ видъ скалъ, дорога пробита или прорвана порохомъ въ полускалѣ и идетъ подъ навѣсомъ; она узка; съ правой стороны превысокій камень, а съ лѣвой отвѣсный берегъ рѣки Терека, и впадающіе въ оной родники со скалъ увеличиваютъ ужасъ сей картины.

Балта, второй редутъ отъ Владикавказа, лежитъ на правой рукѣ, на довольно высокой горѣ. Названіе редута не принадлежитъ ни первому, ни второму: развалившійся палисадникъ ограждаетъ такія же лачужки, въ которыхъ живутъ офицеры съ отрядомъ. Осетинскій князь Дивлетъ имѣетъ тутъ свое пребываніе и аулъ; онъ семьи Дударовыхъ, населяющихъ сію часть горъ, имѣетъ чинъ подпоручика въ Русской службѣ и на шеѣ серебрянную медаль съ изображеніемъ Государя на Георгіевской лентѣ; знакъ сей онъ получилъ за отличіе, оказанное имъ въ сраженіи противъ горцевъ непокорныхъ намъ. Дивлетъ, въ то время какъ я подъѣзжалъ къ Балтѣ, ѣхалъ къ Казбеку для встрѣчи прежняго главнокомандующаго Ртищева. Я послалъ казака воротить его и предложилъ ему попотчивать насъ. Охотой или неволей предложеніе сіе было имъ принято, и онъ повелъ насъ въ свой за̀мокъ. Ветхое и мерзкое крылечко трещало подо мною, но мы вскарабкались и пришли въ его гостиную безъ окошекъ. Дивлетъ развелъ огонь въ каминѣ и потчивалъ насъ пуншемъ; потомъ предложилъ я ему проводить насъ, на что̀ онъ также согласился. Мое намѣреніе было переночевать въ Ларсѣ, и потому я послалъ туда Дивлета впередъ для заготовленія квартиръ. До Ларса былъ еще у насъ въ правой рукѣ другой редутъ, Кайтукъ. На лѣвой рукѣ стояли на скалахъ за̀мки князей Джераховъ, картина была чудесная. Подъѣзжая же къ Ларсу, за̀мокъ намъ представился на скалѣ, висящій почти надъ дорогой. Было поздно, гора въ редутъ превысокая; и такъ я рѣшился слѣдовать до Даріала и велѣлъ отряду смѣниться. Картина вдругъ

оживилась: пятьдесятъ человѣкъ пѣхоты спускались съ высокой сей горы по тропинкѣ; колонна извивалась по скалѣ; блестящія ружья въ дикихъ мѣстахъ сихъ составляли удивительную противуположность съ темными, грубыми скалами. Ударили въ барабанъ, и двадцать ущелій, повторяя бой сей, вспоминали мнѣ со всѣхъ сторонъ, что и въ глуши сей я нерозенъ съ отечествомъ моимъ. Слабые слѣды сіи привели меня мысленно къ Петербургу и заставили меня забыть на нѣкоторое время обязанность свою.—Взглянувъ на товарищей своихъ, я нашелъ въ нихъ согласіе на мое намѣреніе продолжать путь. Поѣхали. Смерклось. Луна еще изъ-за скалъ не показывалась и освѣщала слабо дорогу нашу. Какъ я сожалѣлъ, что семь верстъ сіи не прошелъ я днемъ! Я судилъ по увеличивающемуся реву Терека, что онъ проходилъ подъ скалой и долженъ бѣжать водопадами по большимъ каменьямъ; иногда я слышалъ его подъ скалой, на которую подымался. Лошадь моя спотыкалась по крутымъ ступенямъ и скользила по камню, наклоненному къ пропасти, дорога безъ перилъ. Вдругъ окруженъ я совершенною тьмою и ощупываю съ обѣихъ сторонъ и съ верху скалу. Дорога въ семъ мѣстѣ идетъ подъ сводомъ, коего одинъ конецъ оперся на скалѣ, а другой, оканчиваясь столбомъ, стоитъ на берегу пропасти. Ворота сіи называются Троицкими и отстоятъ версты на полторы отъ Даріала; дорога въ нихъ имѣетъ нѣсколько болѣе сажени ширины, длиною также. Когда мы выѣхали изъ оныхъ, показался намъ мѣсяцъ, а нѣсколько погодя и огонь въ Даріалѣ.

Глядя на огонь сей, я ѣхалъ шагомъ. Вдругъ лошадь моя останавливается предъ отвѣсной каменной стѣной, и часовой пробуждаетъ меня, закричавъ: *кто идетъ?* Дорога въ семъ мѣстѣ поворачиваетъ круто на лѣво, идетъ сперва по хорошему мосту черезъ Терекъ, а тамъ по другому черезъ рѣчку Даріалку и приходитъ въ редутъ. Я ею слѣдовалъ и нигдѣ не могъ своротить съ оной.

Теперь пріѣхали мы ночью въ Даріалъ; обозъ чрезъ два часа благополучно прибылъ. Комендантъ въ редутѣ господинъ, поручикъ, человѣкъ немолодой, Владимирскаго гусарскаго полка, уступилъ намъ свою комнату, явился ко мнѣ въ горницу въ треугольной шляпѣ на головѣ, въ шарфѣ безъ эполетъ и донесъ мнѣ о состояніи редута. Не помню, сколько онъ тутъ лѣтъ уже живетъ, а одичать совсѣмъ и въ годъ немудрено въ такомъ мѣстѣ. Я его не могъ уговорить во весь вечеръ сѣсть и также на другой день до самаго отъѣзда. Онъ все стоялъ, какъ солдатъ, вытянувшись передо мною.

Дивлетъ остался было въ Ларсѣ, но прискакалъ въ Даріалъ, приведя съ собою изъ Ларса другаго Осетинскаго князя Джамхода. Князей напоили чаемъ и отправили ночевать къ фельдфебелю.

Но что̀ намъ на другой день представилось! Домикъ нашъ окруженъ низенькой каменной стѣной. То былъ редутъ. Нѣсколько шаговъ отъ него ревѣлъ Терекъ, подмывая скалу, окружающую насъ со всѣхъ сторонъ; дно котла, въ которомъ мы находились, не составляло болѣе 2.000 квадратныхъ саженъ. Картина сія удивляетъ человѣка, прибывшаго изъ страны, гдѣ зрѣніе не можетъ слѣдовать за отдаленіемъ.

Мы ночевали въ Даріалѣ. Тутъ граница Грузинской и Кавказской губерній. Утромъ я отправилъ князей въ Казбекъ заготовлять квартиры; къ нимъ присоединился третій князь, а по дорогѣ въ Казбекъ нагналъ меня и четвертый князь Максимъ Павловичъ, буянъ, разбойникъ. Наконецъ, ихъ собралось еще больше, и надобно имъ отдать справедливость, что они не прозѣвали ни одного завтрака нашего.

Изъ Даріала дорога идетъ по утесамъ версты съ четыре, имѣя въ право рѣку Терекъ; наконецъ, ущелье превращается понемногу въ долину, долина расширяется, показываются селенія Осетинскія. Мы ѣхали тихо, потому что дорога гориста, хотя и по низу идетъ. Не доѣзжая Казбека, я сдѣлалъ привалъ и пошелъ на лѣво на гору изъ любопытства: тамъ видны были остатки Грузинской церкви. Я съ нѣкоторою опасностью добрался до нея, лазяя по каменьямъ, трясущимся подъ ногами, и нашелъ зданіе величиною съ добрую Русскую печь; одна стѣна и полъ состояли изъ самаго камня, на которомъ построена церковь; прочія стѣны и сводъ были сложены изъ каменьевъ разнаго рода безъ извести. Въ церкви стоялъ къ одной стѣнѣ порядочный камень паралеллопипедомъ, который, я полагаю, былъ алтарь; на алтарѣ семъ лежали двѣ палочки на крестъ и тряпка въ чернильныхъ пятнахъ; на полу лежалъ воловій рогъ; стѣны были исписаны со стороны алтаря образами въ краскахъ и надписями. Я срисовалъ нѣкоторыя; образа были совсѣмъ почти стерты, видны были только ноги, руки, два соска женскихъ и огонь. Срисованныя мною надписи и живописи я отдалъ Худобашеву, который увѣрялъ меня, что надписи Грузинскія и Армянскія; онъ сбирался разобрать ихъ.

Я вырѣзалъ въ церкви на камнѣ имя свое и Донскаго казачьяго урядника Линкова, который со мною лазилъ на верхъ.

Александръ Егоровичъ Соколовъ былъ когда-то въ Тифлисѣ, проѣхалъ видно всю дорогу сонный и увѣрялъ меня, что Казбекъ живетъ на превысокой горѣ неприступной, что грабитъ всѣхъ проѣзжихъ. Я дожидался горы сей, удивляясь длинѣ перехода, какъ пріѣхалъ вдругъ къ церкви очень порядочной, стоящей въ широкой долинѣ; подлѣ нея былъ за̀мокъ и селеніе. Соколовъ встрѣчаетъ меня. Гдѣ же Казбекъ? я спросилъ.—«А вотъ онъ!» отвѣчалъ онъ мнѣ, показывая на неваж-

ную каменную ограду; «пойдемте, я васъ съ Гаврилой Дмитріевичемъ познакомлю». Я разсмѣялся внутренно. Пошли къ Казбеку.

Казбекъ—Грузинъ, человѣкъ старый, больной, сидитъ на постелѣ подлѣ огня, имѣетъ чинъ генералъ-маіора въ Русской службѣ, имѣетъ душъ съ двадцать крѣпостныхъ; прочее же, что называютъ его имѣніемъ, ничто иное какъ казенныя волости, принадлежащія къ Анапурскому уѣзду. Исправникъ не имѣетъ права входить въ распоряженіе сихъ деревень. Казбекъ обираетъ ихъ и грабитъ. Онъ обязанъ проѣзжому доставлять воловъ, и правительство наше позволяетъ ему накладывать на оныхъ какую ему угодно цѣну; онъ и накладываетъ большую цѣну для купцовъ, съ военными же онъ сего не дѣлаетъ. Мы пили чай у Гаврилы Дмитріевича. Соколовъ ужасно трусилъ, былъ покоренъ Казбеку и разстался съ нимъ, а я остался, чтобы переговорить о волахъ и цѣнѣ ихъ. Казбекъ мнѣ отвѣчалъ, что число воловъ и платежъ за оные совершенно въ моемъ распоряженіи.

Я пришелъ о томъ сказать Соколову. Мой Соколовъ взбѣленился. «Это Казбекова политика: онъ хочетъ намъ Грузинскую штуку выкинуть, а я ему другую сыграю». Я никакъ не могъ добиться, въ чемъ сія штука состоитъ; наконецъ, потребовавъ отъ него записку о числѣ воловъ ему нужныхъ и, видя, что онъ самъ хотѣлъ симъ распорядиться, объявилъ ему, что онъ можетъ самъ по себѣ ѣхать, а что я отъ него отдѣлюсь. Тутъ онъ спустилъ, видя, что гнѣвъ его только навлекалъ насмѣшки съ моей стороны; онъ растянулся на своей постели, а я сталъ распоряжаться для дальнѣйшаго слѣдованія. Худобашевъ приступилъ ко мнѣ и просилъ меня неотступно самыми обидными рѣчьми на счетъ Соколова не оставлять ихъ. Соколовъ промолчалъ. И такъ штатская гвардія мнѣ опять покорилась; но повиновеніе увеличилось: самъ Соколовъ подалъ въ томъ примѣръ тѣмъ, что безъ моего спросу даже отъ обозу не отлучался.

Мы выѣхали изъ Казбека 25-го Октября на волахъ, платя по полтинѣ серебромъ на пару воловъ за станцію.

Отъ Казбека до Коби 16 верстъ. Половина дороги хороша, на другой половинѣ дорога подымается въ полгоры и тяжела; наконецъ, не доѣзжая $1^1/_2$ версты до Коби, она спускается въ широкую долину; тутъ Терекъ сворачиваетъ вправо. Отъѣхавъ двѣ версты отъ Казбека, живетъ на правой рукѣ въ крутой скалѣ пустынникъ. Я къ нему ходилъ съ нѣкоторыми товарищами. У него выточена келья и маленькая церковь въ камнѣ, и нѣсколько другихъ комнатъ; взбираться же къ нему надобно лазяя по скалѣ. Онъ окропилъ насъ святой водой и записалъ имена наши погрузински, я же записалъ ихъ порусски ножичкомъ на стѣнѣ.

На половинѣ дороги, при рѣчкѣ Терхепѣ, встрѣтились мы съ бывшимъ главнокомандующимъ въ Грузіи Ртищевымъ. Соколовъ ему отдалъ какія-то бумаги. Тутъ на превысокомъ утесѣ стоитъ селеніе Сіонъ. Видъ чудесный. Однакоже насъ застала ночь дорогой, и мы поздно пріѣхали въ Коби. Недалеко отъ редута на скалѣ стоятъ развалины древняго зáмка. Старая повѣсть говоритъ, что въ замкѣ семъ жила молодая царевна, которая останавливала всѣхъ проѣзжихъ и бросала въ Терекъ того изъ нихъ, который не въ состояніи былъ удовлетворить ее; наконецъ, какой-то Персидскій шахъ узналъ о ея красотѣ, осадилъ сей замокъ и раззорилъ его.

Спустившись съ Крестовой горы, надобно было опять подыматься на гору Гутъ; переѣздъ сей весьма опасенъ: дорога продѣлана въ полгоры между каменьевъ, узка, подымается высоко и имѣетъ крутые повороты; съ правой стороны въ ужасной пропасти реветъ рѣка Арагва; съ лѣвой на крутой горѣ лежатъ каменья, коихъ паденья должно всегда ожидать. Застала насъ ночь; большую часть конвоя я принужденъ былъ обезоружить и велѣлъ повозки на людяхъ тащить.

Не доѣзжая до Кайшаура версты съ двѣ изъ ущелья, окружавшій меня туманъ вдругъ изчезъ. Мѣсяцъ уже высокъ былъ и освѣщалъ равнину, слышенъ былъ лай собакъ; мнѣ сей крутой переходъ такъ понравился, что я воротился въ туманъ и второй разъ вкусилъ сіе удовольствіе. Въ Кайшаурѣ я хотѣлъ дневать, чтобы перебѣлить работу мою; но квартира была безъ стеколъ, окна маленькія. Я рѣшился ѣхать, взявъ проводника Грузина, Авраама Кайшаура.

Штатская гвардія моя вдругъ взбѣленилась и уѣхала въ Душетъ, а по отъѣздѣ ея прибылъ въ нашу артель любезный товарищъ мой Бабарыкинъ. Мы вспомнили съ нимъ Петербургскія вечеринки наши, славнаго Бурцова, Колошина и сыграли въ шахматы; игру я у него выигралъ. Я чрезвычайно обрадовался Бабарыкину.

Переночевавъ въ Артисхари, поѣхали мы въ Тифлисъ. Но не удалось: насъ остановили въ карантинѣ, и мы тамъ нашли штатскую гвардію и Щербинина; они намъ обрадовались. Мы провели вмѣстѣ вечеръ; на другой же день они насъ оставили, и мы здѣсь уже третій день какъ сидимъ, занимаемся. Не было у насъ стола; мы его сдѣлали изъ досокъ съ лавокъ, вопреки сопротивленія здѣшняго смотрителя Степанеминде. Не скучаемъ; изъ города по вечерамъ посѣщаютъ насъ знакомые, обѣдъ присылается съ кухни главнокомандующаго; работаемъ, играемъ въ шахматы.

Въ Тифлисъ пошелъ я пѣшкомъ съ Бабарыкинымъ. Перваго увидалъ я въ воротахъ Алексѣя Петровича, который меня встрѣтилъ очень ласково.

Случай меня нечаянно поссорилъ съ человѣкомъ, съ которымъ я искалъ быть короче знакомымъ. То былъ баронъ Корфъ. Я неосторожнымъ образомъ, при товарищахъ и при немъ, испустилъ гнѣвъ мой на иноплеменниковъ. Оно дѣло; да, еслибъ я зналъ, что баронъ тутъ, я бы удержался. Онъ стоялъ въ то время въ углу въ темнотѣ. Услышавъ сіе, бѣдный баронъ мой хотѣлъ выдти изъ комнаты. Тутъ я примѣтилъ его, подошелъ и сталъ извиняться въ своихъ рѣчахъ, говоря ему, что хотя я говорилъ то, чтó чувствую и всегда чувствовать буду, но весьма сожалѣлъ, что сіе сказалъ неосторожно при немъ, увѣрялъ его въ привязанности, которую къ нему имѣлъ, наконецъ все сказалъ чтò можно было; но онъ все сердится и дуется на меня.

На другой день прибытія своего въ Тифлисъ, я пошелъ являться къ Алексѣю Петровичу. Онъ пригласилъ меня и товарищей каждый день у него обѣдать; но я расположилъ черезъ день къ нему ходить, потому что намѣревался заниматься.

У насъ были двѣ квартиры: въ одной я сталъ съ Бабарыкинымъ, а въ другой стали Воейковъ и Лачиновъ. Лачинова выбрали въ артельщики. Я искалъ хоть чѣмъ-нибудь вспомнить старую артель нашу, но не удалось: не тѣ люди, не то единообразіе въ обычаяхъ, мысляхъ, не та связь.

Ивановъ уѣхалъ изъ Тифлиса въ день моего прибытія въ карантинъ; онъ былъ посланъ главнокомандующимъ въ Ленкоранъ, для узнанія того края. Обстоятельство сіе было въ мою пользу или нѣтъ, я еще теперь не знаю: оно раздѣлило меня съ Ивановымъ, я остался начальникомъ трехъ офицеровъ. 16-го Ноября былъ я командированъ Алексѣемъ Петровичемъ съ ними въ югозападную часть Грузіи для обозрѣнія края и границъ. Главнокомандующій назвалъ меня правымъ флангомъ, Иванова лѣвымъ, а самъ поѣхалъ центромъ въ Карабахъ 18-го числа. Ко мнѣ былъ прикомандированъ переводчикъ Кизлярскаго войска прапорщикъ Константинъ Александровичъ Мещеряковъ.

Собрались и 16-го числа отправились въ дождикъ и мерзкую погоду. Въ тотъ же день прибыли мы въ селеніе Саганлугъ, отстоящее на 10 верстъ отъ Тифлиса, гдѣ и ночевали. На другой день поѣхали въ селеніе Коди разными дорогами, а на третій въ Бегляры, гдѣ дневали. Окончивъ тутъ работу свою, снова раздѣлились: Бабарыкинъ и Воейковъ поѣхали по двумъ дорогамъ въ Шулаверы, а я съ остальными въ Боргалинскій или Сѣрый замокъ. Въономъ живетъ главный приставъ Боргалинской Татарской дистанціи, отставной полковникъ л.-г. Павловскаго полка Дмитрій Никифоровичъ Крыловъ. Зàмокъ стоитъ на высокой скалѣ, среди большой равнины, усаженной селеніями

садами. Видъ грозный; стѣны, въ два яруса сдѣланныя, выточены въ камнѣ; узенькая тропинка съ поворотами идетъ по высокимъ скользкимъ каменнымъ ступенямъ чрезъ нѣсколько низкихъ воротъ и приходитъ на верхъ скалы въ крѣпость, гдѣ выстроены три дома и конюшня. Тутъ живетъ моуравъ.

Зáмки непремѣнно требуютъ происшествій, и такъ опишу со мной случившееся въ Сѣромъ. Я съ того началъ, что увязъ съ лошадью въ черномъ грязномъ ручьѣ, передъ самыми почти воротами. Въѣхавъ на верхъ, я узрѣлъ господина Крылова, бесѣдующаго съ своими Татарами. Прекрасная лань около него играла. Онъ принялъ меня нѣсколько гордо и весьма подозрительно, однакожъ просилъ къ себѣ и потчивалъ завтракомъ, дивился крайне моему рогатому секстанту и косился на оный, видя себя поминутно въ зеркалахъ. Я внутренно смѣялся, но предвидѣлъ, что происшествіе будетъ. Я потребовалъ у него бумаги для узнанія сборовъ посѣва и населенія Татаръ, въ его дистанціи находящихся; онъ велѣлъ ихъ подать и пока я изъ нихъ выбиралъ себѣ нужное, онъ вдругъ вспыхнулъ. «Нѣтъ, государь мой, я вамъ никакихъ отчетовъ не дамъ! Сымите съ меня дистанцію, я вамъ ее сейчасъ сдамъ».—«Я отъ васъ отчетовъ не требую, Дмитрій Никифоровичъ».—«А, сударь, вы бойки; я полкомъ командовалъ, имѣлъ офицеровъ еще бойчѣе васъ и управлялся съ ними».—«Чтó касается до бойкости, если вы оную полагаете въ пьянствѣ, то уступаю вашимъ офицерамъ; но меня и мнѣ подобныхъ никогда вы не имѣли и имѣть не будете подъ начальствомъ».

Тутъ господинъ Крыловъ сталъ напоминать мнѣ приключеніе Соковнина, который строилъ чудеса на линіи съ поддѣланнымъ открытымъ листомъ. Я на него крикнулъ и совѣтовалъ ему велѣть меня насильно подъ караулъ взять. Онъ присмирѣлъ и опять сталъ угощать; нѣсколько разъ принимались мы ссориться, и дѣло оставалось безъ рѣшенія. Секретарь его Малѣевъ, которому онъ тайкомъ приказалъ списать мнѣ нужное, всю ночь пропилъ съ моимъ человѣкомъ. Послѣдній пришелъ мнѣ жаловаться поутру, что тотъ его вытолкалъ. Я пошелъ судить ихъ; но секретарь не сдавался и грубилъ мнѣ, пока я его не ударилъ. Тутъ онъ сталъ скромнѣе. Множество забавныхъ приключеній между тѣмъ происходило; описывать ихъ долго и не для чего. Мы разстались съ Крыловымъ друзьями. Я пріѣхалъ въ селеніе Шулаверы, гдѣ нашелъ Бабарыкина и Воейкова. Насъ принялъ очень вѣжливо маіоръ Назимовъ, 9-го егерскаго полка, увеселяя насъ пѣсеньниками и барабанщиками. Крыловъ тоже пріѣхалъ, доставилъ мнѣ все нужное и совершенно помирился со мною, послѣ сильной пись-

менной перепалки, которую я съ нимъ велъ изъ Шулаверъ въ Боргалу (она у меня хранится въ журналахъ).

Въ Лори стояла рота 9-го егерскаго полка; поручикъ былъ Младиновскій, Андрей Никитичъ, бѣдный человѣкъ, но принялъ насъ очень хорошо, сколько возможно ему было. Онъ сначала до крайности испугался, принявъ меня за главнокомандующаго и два дни вѣрить не хотѣлъ, что я Муравьевъ, хотя я и показывалъ ему всѣ свои бумаги.

Лори былъ престольный градъ Арменіи, взятъ Персіянами и разоренъ съ давнишнихъ временъ. Высокая и широкая каменная стѣна защищаетъ городъ съ западной стороны; стѣна сія идетъ отъ лѣваго берега Каменной рѣчки до праваго берега рѣчки Лорки, на разстояніе 150 саженъ. Рѣчки сіи, соединяясь, ограждаютъ съ южной стороны низкія разваленныя стѣны, чего достаточно было, потому что рѣчки текутъ въ скалистыхъ ярахъ глубиною саженъ съ 30-ть и совершенно отвѣсисто. Въ скалахъ сихъ есть четыре пещеры, изъ коихъ одна можетъ вмѣстить до 80 барановъ; вѣроятно, что онѣ на сей предметъ сдѣланы. Ходилъ я въ подземельную бывшую царскую баню. Она невелика, состоитъ изъ нѣсколькихъ сводовъ, поддержанныхъ столбами, изъ одного камня искусно выточенныхъ; боковыя комнаты вѣроятно служили для отдохновенія. Вдоль разваленныхъ стѣнъ видны круглыя отверстія и вставленныя глиняныя трубы, изъ которыхъ бѣжала вода. Выходъ изъ бани съ противной стороны входа. Баня сія теперь превращена въ нужникъ, такъ что мнѣ съ большой осторожностью надобно было ходить. Городъ теперь состоитъ весь изъ развалинъ. Два строенія еще остались въ порядочномъ состояніи; въ одномъ изъ нихъ магазинъ. Строенія сіи были прежде дворецъ и церковь, сложены изъ большихъ каменьевъ, плитъ весьма искусно прилаженныхъ. Множество древнихъ зданій такого рода видны въ Грузіи, въ особенности въ окрестностяхъ Лори; населеніе тутъ было большое. За стѣной къ Западу видны остатки большаго предмѣстья. Лорійская долина чрезвычайно плодородна, но частые дожди и грады выбиваютъ почти всегда хлѣбъ. Въ то время жило въ Лори 30 семей Татарскихъ, переселенныхъ Ртищевымъ; жители пребывали въ крайней бѣдности, теперь они выселены въ другое мѣсто, и кромѣ гарнизона никого нѣтъ.

Младиновскій, разговорясь со мной, разсказалъ мнѣ, что онъ житель Варшавскій, захваченный въ плѣнъ во время штурма Пражскаго, что отецъ его служилъ въ Мировскомъ конномъ Польскомъ полку и былъ убитъ на штурмѣ; онъ самъ былъ тогда восьми лѣтъ и едва помнитъ, какъ его захватили. Онъ былъ въ слугахъ у Русскихъ офицеровъ, послѣ принятъ въ службу солдатомъ и происходилъ

въ чинахъ до поручиковъ. Я ему обѣщался стараться развѣдать о его семьѣ и, возвратясь въ Тифлисъ, писалъ въ Варшаву о томъ къ Даненбергу. Я два дни дожидался въ Лори. На третій пріѣхалъ Бабарыкинъ съ Воейковымъ. Мы соединили работу свою. Они также проѣзжали чрезъ мѣста весьма занимательныя; древніе монастыри, крѣпости и мосты занимали ихъ дорогой, всѣхъ болѣе Алвертъ и Ахнаисъ. Бабарыкинъ спускался въ мѣдные и серебряные рудники и привезъ мнѣ куски рудъ. Мнѣ приказано было отъ Алексѣя Петровича изслѣдовать дорогу, ведущую отъ Агзенбеуга чрезъ Карагачскія горы въ Гумри; но, пріѣхавъ въ Лори, я узналъ, что дорога сія непроходима зимой и потому оставилъ исполненіе сего.

1-го Декабря ввечеру прибыли мы въ Караклисъ, гдѣ стоялъ тогда 9-й егерскій полкъ. Караклисъ большое Армянское селеніе, пребываніе моурава или главнаго пристава Бомбикской и Шурагельской дистанцій; теперь моуравомъ отставной маіоръ Харьковскаго драгунскаго полка Михайло Гавриловичъ Прыжинскій, человѣкъ недальній и слабый. Офицеры 9-го егерскаго полка выстроили себѣ наружные дома въ Караклисѣ (жители во всей Грузіи живутъ въ землянкахъ, называемыхъ саклями). Полковникъ Владиміръ Петровичъ Якимовъ поставилъ насъ въ домъ уѣхавшаго недавно въ отпускъ. Мы тутъ переночевали; на другой же день перешли въ домъ артилерійскаго штабсъ-капитана Петра Михайловича Макарова. Онъ былъ въ то время въ Тифлисѣ (мы его встрѣтили на дорогѣ въ Шулаверахъ у маіора Назимки; онъ тогда предложилъ намъ свой домъ, услугу и далъ Бабарыкину письмо къ своему офицеру въ Караклисъ, дабы тотъ принялъ насъ какъ можно лучше, и въ самомъ дѣлѣ офицеръ сей всячески старался угодить намъ и не хотѣлъ даже позволить намъ никакихъ издержекъ). Надобно здѣсь сдѣлать замѣчаніе, что гостепріимство между военными въ Грузіи чрезвычайно; сему, я думаю, причиною отдаленность, въ которой они находятся отъ своего отечества. Я нѣсколько разъ имѣлъ случай испытать сіе гостепріимство. Макаровъ еще доводился мнѣ землякомъ по Новогородской губерніи. Якимовъ принялъ насъ очень хорошо. Мы потребовали столовъ и начали сводить работу свою. 6-го числа, въ день моихъ именинъ, мы дали завтракъ офицерамъ полковымъ. 7-го я отправился въ Гумри. Меня провожали мои офицеры и капитанъ Тихонъ Тихоновичъ Лисаневичъ до селенія Кишляхъ. Во время поѣздки моей Бабарыкинъ долженъ былъ сколько возможно снять Безобдалъ, а Воейковъ передѣлывалъ на бѣло прежнюю работу.

Отъѣхавъ 13 верстъ отъ Караклиса, на рѣкѣ Бомбикѣ, поставленъ невеликій памятникъ маіору Монтрезору: онъ на семъ мѣстѣ

былъ убитъ Персіянами во время графа Гудовича или Циціанова, когда наши ходили брать Эривань. Онъ былъ отправленъ со ста солдатами въ Караклисъ для принятія провіанта, котораго недоставало у осадныхъ войскъ и былъ атакованъ 5000 Персіянъ; онъ долго отступалъ защищаясь, но на семъ мѣстѣ отрядъ его весь былъ истребленъ, и онъ самъ убитъ.

Двѣ версты далѣе, входилъ я въ пещеру очень великую; она вырублена въ скалѣ, имѣетъ нѣсколько комнатъ и большой корридоръ; по нуждѣ можетъ въ ней до 250 человѣкъ помѣститься; неизвѣстно, кѣмъ и когда она сдѣлана.

Ночевать я пріѣхалъ въ Амамлы. Тамъ стоялъ съ баталіономъ 9-го егерскаго полка маіоръ Иванъ Семеновичъ Трофимовъ, великій говорунъ. Я зналъ прежде сіе свойство его, но всѣ мои предосторожности были излишни: Трофимовъ завоевалъ меня и безостановочно говорилъ до захожденія солнца. Я и отмалчивался, и не слушалъ его, и постороннимъ дѣломъ занимался, и съ другими говорилъ; но Иванъ Семеновичъ, не взирая на то, все продолжалъ, такъ что я уснулъ подъ журчаньемъ его. Ночью онъ проснулся, разбудилъ меня и спросилъ, сплю ли я?—«Сплю, батюшка Иванъ Семеновичъ».—«Ну такъ спи же, батюшка Николай Николаевичъ; почивайте, батюшка, я вамъ мѣшать не буду; а у меня только привычка рано вставать. Оно ничего, оно того, да, того, привычка, то есть потому что.....» и пошелъ городить снова Иванъ Семеновичъ и до восхожденія солнца не далъ мнѣ спать. Я всталъ рано и думалъ скорѣе отдѣлаться отъ него, уѣхавъ: не тутъ-то было; у него уже была лошадь осѣдлана, и онъ рѣшился меня до Беканта провожать. Я его уговаривалъ, просилъ его уважить свою старость: ничего не помогло; Иванъ Семеновичъ сѣлъ на коня и все мнѣ толковалъ про селенія, про дороги, про рѣчки. Надобно было изобрѣсти какое-нибудь средство. У него лошадь была пугливая; я симъ воспользовался, велѣлъ Мещерякову поотстать и, нагнавъ его, крикнуть. Удалось: лошадь понесла старика за версту отъ насъ впередъ по дорогѣ; онъ опять остановился и сталъ меня кликать, но тоже опять сдѣлалъ Мещеряковъ, и также лошадь его понесла. Другой проводникъ мой, Гришка Шулаверскій, также погнался за нимъ, такъ что они по перемѣнкѣ его преслѣдовали на разстояніи 10-ти верстъ, до самаго Беканта. Я между тѣмъ снималъ мѣстоположеніе преспокойнымъ образомъ; но тутъ случилась новая бѣда. Въ Бекантѣ стоялъ тогда Тифлисскаго пѣхотнаго полка маіоръ Яковъ Алексѣевичъ Дехтеревъ съ баталіономъ. Трофимовъ, не знаю по какимъ причинамъ, боялся его какъ огня; онъ мнѣ сіе уже прежде говорилъ и не смѣлъ одинъ ѣхать въ Бекантъ. За версту отъ селенія, какъ

лошадь его ни пугали, онъ никакъ впередъ не поѣхалъ, а своротилъ въ сторону; поскакавъ въ поле и присоединясь ко мнѣ, онъ проводилъ меня до селенія. Вошли мы къ Дехтереву, и я, взявъ квартиру, сталъ обрисовывать планъ. Трофимовъ меня тутъ мучилъ до тѣхъ поръ, пока смерклось, и его съ трудомъ уговорили ѣхать назадъ.

Я стоялъ въ Бекантѣ у начальника селенія Костана. Тамошній переводчикъ Бабазка просилъ меня исходатайствовать у главнокомандующаго, чтобы позволили нѣсколькимъ семьямъ Армянскимъ выселиться изъ Эриванской области въ наши границы.

На другой день пріѣхалъ я въ Гумри, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Арпачая, составляющей нашу границу съ Турціей (Карскимъ пашалыхствомъ). На половинѣ дороги есть перевалъ черезъ весьма малозначущую гору; во время мятели перевалъ сей непроходимъ, и когда на вершинахъ окружающихъ горъ путешественникъ видитъ облака, онъ ворочается въ Гумри или въ Бекантъ.

Подполховникъ князь Леонтій Яковлевичъ Севарзедшидзевъ, командиръ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, стоялъ въ Гумрахъ съ баталіономъ; онъ принялъ меня просто, по-дружески, и я съ перваго дня возымѣлъ особенное уваженіе къ сему человѣку. Уроженецъ изъ Моздока, сынъ бѣдныхъ родителей, онъ умѣлъ достичь прямымъ путемъ по службѣ званія полковаго командира, заслужить любовь солдатъ и офицеровъ. Къ сему еще жители Татары и Армяне его обожаютъ; они всѣ ссоры свои представляютъ къ нему на разрѣшеніе; онъ ихъ миритъ, наказываетъ, и виноватый всегда признателенъ его правосудію. Онъ превратилъ жителей въ военнослужащихъ и посылаетъ ихъ въ разъѣзды. Онъ вошелъ въ сношенія съ сосѣдями (Эриванскимъ сардаремъ и Карскимъ пашой), имѣетъ лазутчиковъ за границей и много приверженцевъ. Обиженные Турецкіе и Персидскіе Татары приходятъ къ нему съ жалобами. Сердарь ему непримиримый врагъ и ищетъ средства умертвить его; но, окруженъ будучи любящими, онъ въ безопасности. Севарзедшидзевъ извѣстенъ храбростью своей, имѣетъ пять ранъ. На штурмѣ Эривани онъ одинъ съ баталіономъ былъ на стѣнахъ крѣпости; но, не получивъ подкрѣпленія, принужденъ былъ воротиться. Тогда осталось у него 70 человѣкъ въ баталіонѣ, онъ самъ былъ раненъ. Въ другой разъ онъ былъ атакованъ 20000 Турокъ въ Гумрахъ; онъ сдѣлалъ нѣсколько батарей около Гумри и держался, пока изъ средины Грузіи не пришли къ нему войска на помощь. Удивительно, какъ съ малыми средствами достойный офицеръ сей умѣлъ просвѣтить себя: онъ судитъ о мѣстоположеніи и военныхъ дѣйствіяхъ какъ самый ученый полководецъ.

Мнѣ пришло въ голову съѣздить въ Эчміадзинскій монастырь, лежащій въ Персидскихъ границахъ. Я сообщилъ мысль свою князю. Онъ одобрилъ ее и обѣщалъ дать мнѣ средства для сей поѣздки. Онъ представлялъ мнѣ опасности сего, однакоже не отговаривалъ. Я сталъ думать и разсудилъ, что неблагоразумно поступилъ, не изъ боязни о себѣ, но потому что еслибъ меня задержали въ Эривани, товарищи мои остались бы безъ начальника, и порученіе мое не было бы исполнено. Я всячески старался принудить князя отговорить меня; онъ (какъ послѣ мнѣ сказалъ) догадался, но не сдавался. Онъ сталъ наряжать Татаръ для провожденія меня и сказалъ мнѣ, что если провѣдаетъ только, что меня задержали, то черезъ два дни будетъ съ баталіономъ въ Эривань. Я оставилъ человѣка своего въ Гумрахъ и отправился 11-го числа ввечеру въ селеніе Каракалисикъ, послѣднее въ нашихъ границахъ, лежащее въ восьми верстахъ отъ Гумри. Я ѣхалъ въ саняхъ; меня провожали князь, Мещеряковъ и нѣсколько офицеровъ полковыхъ. Въ Каракалисикѣ я остановился у штабсъ-капитана Михайла Герасимовича Балуева; мы съ княземъ выпили по пуншу, и онъ уѣхалъ назадъ. На другой день мнѣ слѣдовало ѣхать; я созвалъ своихъ проводниковъ, поговорилъ съ ними и отпустилъ ихъ, приказавъ на другой день рано собраться у моей квартиры. Отрядъ мой состоялъ изъ Татаръ, Шахъ-Мурата, котораго я послѣ назвалъ Надиръ-Шахомъ (совершенный рыцарь, пріятнаго лица, благородный, услужливый и человѣкъ, на котораго бы я въ самомъ опасномъ случаѣ положился). Джафаръ былъ второй, храбрый, но грубый и разбойникъ, голова и голосъ его ужасны, онъ былъ кальянщикомъ моимъ въ дорогѣ. Третій—Гуссейнъ-Али, недавно перебѣжавшій къ намъ изъ Персіи; родня его вся за границей, онъ самъ молодой, и на взглядъ всякій назоветъ его скромнымъ мальчикомъ; но князь мнѣ послѣ сказалъ, что за одинъ серебряный рубль онъ готовъ былъ бы отца своего зарѣзать. Армянъ со мною было трое: одинъ бѣжавшій изъ Карскаго пашалыхства, я его назвалъ Батоно; онъ приверженъ князю, зналъ всѣхъ монаховъ въ Эчміадзинѣ, человѣкъ очень честный, старательный, но простоватъ. Втораго я назвалъ Сарбазъ. Третій былъ при мнѣ переводчикомъ, человѣкъ, на котораго бы я совершенно не положился. Еще былъ у меня Іелкина полка казакъ Лукіянъ. Князь снабдилъ меня съѣстными припасами на дорогу, я надѣлъ его сертукъ, платья съ собой никакого не взялъ; лошади подо мной и подъ казакомъ были княжескія.

Я отправился въ дорогу 12-го числа изъ Каракалисика рано. Погода была дурная; мы ѣхали верстъ 12 равниной; послѣ стали подыматься на горы, раздѣляющія насъ отъ Персіи. Тутъ дорога со-

всѣмъ исчезла, вьюга сдѣлалась сильная, лошади шли по брюхо въ снѣгу. Татары мои направляли путь свой по солнцу. Разъ гнались за оленями. Мы такимъ образомъ ѣхали верстъ до тридцати, наконецъ, подъ вечеръ спустились съ горъ въ Персидское селеніе Мастары; оно населено Армянами. Въ Мастарахъ я ночевалъ. На другой день я рано отправился, видѣлъ много оленей, ѣхалъ почти безъ дороги; наконецъ, вышелъ опять на настоящую дорогу, въ долину, въ селеніи Талышахъ, откуда продолжалъ путь свой до Эчміадзина, куда и прибылъ подъ вечеръ. Тутъ уже снѣга не было, и погода была теплая. Я изъ Мастаровъ еще увидѣлъ величественный Араратъ и все ѣхалъ, имѣя гору сію въ виду.

Со мной былъ еще Армянинъ изъ патріаршихъ служителей, который провожалъ богомольцевъ. Я послалъ его въ монастырь извѣстить патріарха о прибытіи капитана Ивана Семеновича Стàрина, Грузинскаго гренадерскаго полка. Князь въ Гумри досталъ какой-то открытый листъ *прапорщика* Старина, ѣдущаго изъ Тифлиса въ Гумри, подскоблилъ *прапорщикъ* и *Гумри*, написалъ *капитанъ* и *Эчміадзинъ* и снабдилъ меня симъ листомъ. Никто изъ окружающихъ меня не зналъ настоящаго моего имени. Персіяне извѣщены были еще прежде своими лазутчиками изъ Тифлиса о именахъ всѣхъ офицеровъ, посланныхъ главнокомандующимъ для обозрѣнія Грузіи.

Мнѣ отвели въ монастырѣ очень хорошую гостинную комнату и приставили одного стараго архимандрита для угощенія меня. Патріархъ послалъ мнѣ свое благословеніе и велѣлъ просить меня на другой день къ себѣ. Ужинъ накрыли у меня въ комнатѣ прекрасный; я звалъ въ гости къ себѣ монаховъ и пріѣзжихъ богомольцевъ. Ужинали очень весело, подпили, пили здоровье Государя, Ермолова, князя, мое, кричали ура. Монахи всѣ взбѣленились; не знаю, откуда имъ такая дерзость пришла. Мое счастье было, что тогда сердарь уѣхалъ изъ Эривани въ Тавризъ къ Шахъ-Задѣ; на его мѣстѣ управлялъ областью братъ его, великій злодѣй.

На другой день по утру, 14-го числа, я отправилъ въ Эривань Армянина, прозваннаго Сарбазомъ, съ деньгами моими и княжескими для закупки разныхъ вещей и велѣлъ ему къ вечеру возвратиться, ибо намѣреніе мое было въ тотъ же вечеръ назадъ ѣхать. Съ нимъ отправили одного монастырскаго человѣка, дабы его задержать въ Эривани: меня хотѣли удержать въ Эчміадзинѣ до возвращенія сердаря, дабы не быть въ отвѣтственности, ибо меня всѣ считали за самого главнокомандующаго. Я обѣдалъ у себя съ большимъ числомъ гостей, которыхъ я самъ звалъ. Послѣ обѣда, я былъ представленъ патріарху, который благословилъ меня и былъ чрезвычайно ласковъ.

Почтенный сей старикъ въ ужасномъ находится притѣсненіи отъ Персіянъ; его грабятъ часто и дѣлаютъ безчинства въ церкви; онъ ежеминутно въ опасности жизнь потерять. Я просилъ Ефрема о молебнѣ, который хотѣлъ отслужить, говоря, что я недавно переведенъ изъ гвардейскаго егерскаго полка въ Грузинскій и хотѣлъ начать службу свою въ Грузіи богомольемъ. Онъ догадался скоро и имѣлъ намѣреніе задержать меня, отложивъ молебствіе до другаго дня; мнѣ сіе очень непріятно было, но дѣлать было нечего. Я возвратился въ свою свѣтлицу и дожидался съ нетерпѣніемъ наступающаго дня. Въ тотъ же вечеръ патріархъ послалъ мнѣ сказать, что на другой день въ шесть часовъ поутру онъ желаетъ имѣть со мною тайное свиданіе. Сарбазъ мой все не ворочался; тутъ я началъ имѣть сомнѣніе, предвидя, что со мною могло случиться непріятное приключеніе, и рѣшился на другой день послѣ свиданія велѣть сѣдлать и ѣхать, не дождавшись моего Сарбаза; Батоно же, не знавъ причины того, все меня удерживалъ. Кромѣ Шахъ-Мурата никто ѣхать не хотѣлъ, но я рѣшился ѣхать съ Лукьяномъ вдвоемъ. 15-го числа я всталъ очень рано и дожидался свиданія съ Ефремомъ; но на мѣсто свиданія пришелъ ко мнѣ племянникъ патріаршій извинять дядю своего въ нездоровьи и хотѣлъ отложить свиданье опять до слѣдующаго дня; но я громко объявилъ, что сегодня же поѣду или пѣшкомъ пойду. Тутъ онъ просилъ меня пождать нѣсколько часовъ. Я ждалъ, наконецъ, на столъ накрыли, и я отобѣдалъ.

Послѣ обѣда повели меня смотрѣть монастырь, сперва въ трапезу, потомъ въ погреба; погреба у нихъ огромные, и вина много. Монахи ежегодно заготовляютъ въ нихъ 45000 ведеръ вина. Послѣ повели меня въ хлѣбопекню, а оттуда въ школу; ученики разставлены были по своимъ мѣстамъ и училисъ. Учитель привелъ меня къ себѣ, созвалъ восемь учениковъ и велѣлъ имъ пѣть похвальную пѣснь Александру Павловичу. Оттуда пошелъ я къ митрополиту. Я вездѣ принятъ былъ какъ царь, и вездѣ меня потчивали бѣлымъ монастырскимъ виномъ весьма крѣпкимъ; я предвидѣлъ скорое паденіе свое, всталъ и пошелъ къ себѣ уснуть. Чрезъ часъ старый архимандритъ мой разбудилъ меня и донесъ, что будетъ митрополитъ сейчасъ, дабы извѣстить меня, что молебенъ готовъ. Митрополитъ вскорѣ пришелъ и звалъ меня. Я нашелъ передъ церковью человѣкъ 70 духовенства, собраннаго въ самомъ богатомъ одѣяніи; они стояли полукругомъ, оставя для меня мѣсто противъ дверей церкви; нѣсколько архіереевъ и архимандритовъ въ томъ числѣ были. Коверъ былъ для меня постланъ; я на него всталъ съ переводчикомъ, снялъ фуражку, и служба началась. Зрѣлище было чрезвычайно великолѣпное. Послѣ службы повели меня

въ церковь, гдѣ я прикладывался къ мощамъ: рукѣ Григорія Великаго, рукѣ святаго Якова, который ходилъ на гору Араратъ для отысканія ковчега Ноева. Монахи говорятъ, что смертнымъ запрещено Богомъ туда ходить. Никто, въ самомъ дѣлѣ, еще не доходилъ до вершины. Не помню, какой-то изъ пашей Турецкихъ старался взобраться на оную; съ нимъ было множество работниковъ, но глубокіе снѣга ему не позволили исполнить свое намѣреніе. Монахи говорятъ, что путешественники, подымаясь цѣлые сутки, на другой день находились опять у подошвы горы. Такимъ образомъ и Яковъ ходилъ на гору; онъ долго трудился и уснулъ; Богъ, сжалясь надъ нимъ, послалъ ему во снѣ ангела, который вручилъ ему щепку отъ ковчега; отломокъ сей хранится въ монастырѣ и привязанъ къ рукѣ Якова. Въ монастырѣ еще хранится копье, которымъ раненъ былъ Спаситель на крестѣ.

По окончаніи всего я пошелъ почти насильно къ патріарху, привелъ своего козака, котораго онъ благословилъ и, не взирая на его просьбы, велѣлъ Лукьяну сѣдлать лошадей. Проводники мои послѣдовали примѣру моему, и черезъ пять минутъ лошади были уже выведены. Монахи удивились и просили меня повременить хоть полчаса. Я согласился, и митрополитъ принесъ мнѣ въ подарокъ отъ патріарха платокъ, ножичекъ и Іерусалимскія четки (послѣднія я храню съ раченіемъ). Послѣ того архимандритъ принесъ мнѣ отпечатокъ на вощеной холстинѣ святаго копья и нѣсколько отпечатковъ на воскѣ колецъ съ руки святаго Якова. Я сѣлъ верхомъ, простился съ монахами и поѣхалъ. Племянникъ патріаршій проводилъ меня съ наѣздниками до одного разваленнаго моста съ пальбой. Тутъ опять стали закусывать; наконецъ, я совсѣмъ отдѣлался и пріѣхалъ поздно ночевать въ селеніе, лежащее верстахъ въ пяти отъ монастыря. Знаменитый монастырь сей, существующій болѣе 1500 лѣтъ, я подробно опишу при второмъ прибытіи моемъ въ оный.

Гора Араратъ состоитъ изъ двухъ высокихъ сосцовъ, имѣющихъ одну подошву, въ которой въ діаметрѣ предполагать можно до 150 верстъ. Она принадлежитъ къ цѣпи горъ, идущихъ изъ Баязета, выше ихъ и стоитъ одной стороной на равнинѣ на подобіе гвоздя, придерживающаго и оканчивающаго всю сію цѣпь. Монахи утверждаютъ, что между сими сосцами остановился ковчегъ. На половинѣ горы есть раззоренный монастырь, при коемъ находится колодезь. Въ колодцѣ семъ вьютъ гнѣзда скворцы, и когда червь точитъ засѣянныя поля, то земледѣльцы приходятъ за сей водой изъ далекихъ странъ; они окропляютъ ею поле понемногу, и скворцы, слетаясь, истребляютъ червей. Сіе точная истина и можетъ легко истолковаться тѣмъ, что должно

предполагать въ скворцахъ особый вкусъ къ сей водѣ; скворцовъ же въ сихъ странахъ очень много.

Не помню имени того селенія, гдѣ я ночевалъ. Часу во 2-мъ ночи пріѣхалъ мой Армянинъ изъ Эривани, привезъ закупки въ исправности и еще фирманъ отъ сердарова брата для безопаснаго слѣдованія чрезъ его владѣнія и полученія всевозможныхъ вспомоществованій. Фирманы сіи даются за печатью сердарской.

16-го числа съ разсвѣтомъ я отправился въ путь чрезъ Талыши же назадъ. Я хотѣлъ въ тотъ же день пріѣхать опять ночевать въ Мастары; но, не доѣзжая 7 верстъ, мои проводники уговорили меня переночевать въ Татарскомъ селеніи Мегрибанъ, увѣряя меня, что тамъ буду я лучше принятъ. Причина тому была, что Гуссейнъ-Али бѣжалъ изъ Мегрибана (ему хотѣлось повидаться съ родственниками); я не зналъ сего, а то бы никакъ не согласился. Самый этотъ Гуссейнъ-Али, выѣзжая изъ Эчміадзина, не хотѣлъ было взять двухъ куржиновъ съ виноградомъ на свою лошадь (подарокъ отъ монастыря князю Севарзешидзеву). Я принужденъ былъ грозить ему, чтобы заставить его взять ихъ.

Въ Мегрибанѣ принялъ меня султанъ со всевозможными почестями; отведя намъ квартиры, онъ привелъ ко мнѣ пѣсельниковъ своихъ и флейтщиковъ. Уроды сіи ревѣли безъ мѣры, безъ согласія, кто кого перекричитъ и перековеркаетъ. Множество Татаръ собралось въ мою землянку, такъ что уже повернуться негдѣ было. Лукьянъ насаливалъ мои сапоги свинымъ саломъ, когда его начали давить. Онъ крикнулъ: Иванъ Семеновичъ, что̀ прикажите дѣлать? Отъ куржиновъ меня уже оттерли.—Что̀ хочешь, отвѣчалъ я ему. Онъ тѣмъ началъ, что мазнулъ одного Татарина по рожѣ саломъ (Татарамъ законъ велитъ считать свинину за нечистое, они не ѣдятъ свинины и боятся прикоснуться оной); пѣсеннику одному онъ сунулъ корку въ ротъ и бросился на нихъ. Татары пустились толпой въ двери, а онъ ихъ топталъ и билъ; вытолкавъ ихъ всѣхъ, онъ бросился на двухъ остальныхъ, которые не хотѣли выдти и стали защищаться. Завязалась драка, которую я рознялъ; я воспользовался однакоже симъ пораженіемъ и легъ спать.

17-го числа я поѣхалъ рано. Миновавъ Мастары, видѣлъ я въ горахъ опять оленей и поѣхалъ уже другой дорогой, ущельемъ чрезъ раззоренное селеніе Богаскисанъ, гдѣ находится настоящая граница наша съ Персіею. Тутъ видѣлъ я много раззоренныхъ церквей, занимательныхъ родомъ строенія: большія каменныя плиты, безъ извести и безъ желѣза сложенныя, составляютъ огромные своды и строенія. Искусство сіе было извѣстно Армянамъ въ древнія времена.

Въ Мегрибанѣ Джафаръ мой было вздумалъ бунтовать и не хотѣлъ ѣхать; я принужденъ былъ поднять на него плеть, чтобъ привести его въ послушаніе.

Того же числа пріѣхалъ я въ Каракалисикъ ввечеру, гдѣ меня встрѣтилъ Мещеряковъ. Выпивъ чаю у Балуева, я отправился на саняхъ въ Гумри, гдѣ князь меня съ нетерпѣніемъ ожидалъ. Съ какою радостью увидѣлъ я себя среди своихъ соотечественниковъ!

18-го числа я хотѣлъ ѣхать въ Большой Караклисъ, но князь меня не пустилъ. «Показавъ вамъ Персію», сказалъ онъ, «я вамъ покажу и Турцію». И такъ мы двинулись въ сопровожденіи шести саней, въ которыхъ ѣхали офицеры Тифлисскаго полка, переправились черезъ Арпачай рѣку, и князь послалъ сказать султану Турецкаго селенія Башъ-Шурагели, чтобы онъ выѣхалъ на встрѣчу къ намъ. Османли выѣхалъ, принялъ насъ въ свое селеніе и самъ водилъ меня осматривать древнюю Армянскую церковь, изъ которой Турки сдѣлали крепость. Мнѣ очень хотѣлось видѣть развалины древняго столичнаго города Арменіи *Ани*; но, боясь опоздать пріѣздомъ въ Большой Караклисъ, я принужденъ былъ отложить свое намѣреніе до счастливѣйшихъ обстоятельствъ. Развалины сіи лежатъ верстахъ въ 40 отъ Гумри, какъ говорятъ, огромны и заключаютъ много надписей Татарскихъ, Славянскихъ и Армянскихъ; величественныя зданія о сю пору еще украшаютъ ихъ, подземные ходы подъ рѣкой должны еще быть цѣлы.

19-го числа я поѣхалъ около полудня изъ Гумри въ Большой Караклисъ, признаться, не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи. Кончивъ дѣло свое, я былъ насильно запотчиванъ пуншемъ и виномъ и отправился по снѣгамъ въ саняхъ; меня провожали всѣ офицеры Тифлисскаго полка за 10 верстъ. Пріѣхали въ Беканты къ маіору Дехтереву, у котораго уже заложена была тройка перемѣнная, я поскакалъ въ Амамлы, гдѣ остановился на часъ у поручика 9-го егерскаго полка Ивана Ивановича Гнильскаго; тутъ, взявъ козачьихъ лошадей, пріѣхалъ я въ тотъ же день въ Караклисъ къ вечерней зарѣ. Товарищи встрѣтили меня. Всѣ сбѣжались выслушать мое похожденіе. Якимовъ же вздумалъ мнѣ выговоръ дѣлать, зачѣмъ я безъ его позволенія поѣхалъ (онъ былъ старшимъ пограничнымъ начальникомъ). Онъ стращалъ меня рапортомъ къ Алексѣю Петровичу; но я успокоилъ его, распечатавъ при немъ же мой собственный рапортъ къ главнокомандующему, гдѣ я его извѣщалъ о своей поѣздкѣ, и простилъ слабости свойственной старымъ лѣтамъ.

На другой день принялся я за работу и нанесъ на общій планъ съемку.

29-го числа я пробылъ въ селеніи Крагъ-Салаглы, мѣстопребываніе главнаго пристава Казахской дистанціи; тогда мѣсто сіе занималъ отставной подполковникъ Астраханскаго гренадерскаго полка Иванъ Васильевичъ Лапинскій. Я у него жилъ до 5-го числа Января мѣсяца, для составленія общей карты изъ соединенныхъ работъ.

31-го числа прибылъ къ намъ Воейковъ; онъ изъ Караклиса былъ посланъ другой дорогой для обозрѣнія оной.

1817 годъ

Январь.

1-го же числа прибылъ и Бабарыкинъ. Тутъ было послѣднее наше сборное мѣсто передъ Тифлисомъ.

1-го же числа отправилъ я Лачинова въ Тифлисъ съ рапортомъ.

6-го отправился я съ Воейковымъ и Мещеряковымъ и пріѣхалъ ночевать въ селеніе Деморгасалы. Дорогой проѣзжалъ я знаменитый Красный мостъ. Онъ построенъ чрезъ рѣку Храмъ, занимателенъ какъ древностью своей, такъ и прочностію и величиною; подъ нимъ есть караванъ-сарай и комната. Сараи сіи могли бы служить казармами для 300 человѣкъ; подлѣ него видны остатки другаго моста и одна разваленная башня. Мостъ сей не есть однакоже Помпеевъ, какъ многіе его такъ называютъ. Помпей построилъ мостъ черезъ Куру выше Тифлиса, подъ селеніемъ Мцхетомъ. Военно-Грузинская наша дорога идетъ чрезъ оный.

7-го числа я прибылъ въ Тифлисъ и представилъ свой планъ и описаніе главнокомандующему при рапортѣ.

Мое намѣреніе было устроить пребываніе въ Тифлисѣ на подобіе Петербургской жизни нашей, и потому я пригласилъ своихъ товарищей жить вмѣстѣ и принять учрежденія артельныя. Мы жили вмѣстѣ у Джюраева въ домѣ, у Дшомскихъ воротъ; вскорѣ пригласили еще Щербинина и Мошкова живописца. Ссоръ у насъ никакихъ не было, но я весьма ошибся въ своемъ разсчетѣ: большая часть господъ не любили заниматься, а только мѣшали мнѣ; никто почти не имѣлъ понятія объ общей пользѣ, а всякій только о себѣ думалъ. Я завелъ было уроки; ихъ слушали безъ вниманія. Видя всѣ сіи неудачи, я началъ сожалѣть о своемъ предпріятіи. Тутъ скоро затѣяли театръ, репетиціи дѣлались у насъ, и я принужденъ былъ взять роль князя Холмскаго въ «*Урокъ Кокеткамъ*»; два раза мы на масляницѣ играли сію комедію.

Въ концѣ мѣсяца Бабарыкинъ посланъ былъ въ Эривань для извѣщенія сердаря о скоромъ прибытіи нашемъ. Мы полагали 4-го числа Марта ѣхать, но обстоятельства не позволили намъ сіе сдѣлать; отъѣздъ посольства все день ото дня откладывался. Я еще далъ между тѣмъ концертъ. Ивановъ ѣздилъ въ Талышинское ханство. До выѣзда посольства много происшествій было; я не могу ихъ теперь описать по краткости времени и долженъ приступить къ выѣзду чрезвычайнаго посла изъ Тифлиса. Я покажу прежде всего списокъ всѣмъ чиновникамъ, находящимся въ посольствѣ:

1) Чрезвычайный посолъ г.-л. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

2) Совѣтникъ посольства д. с. с. Александръ Ѳедоровичъ Негри.

3) Совѣтникъ посольства д. с. с. Соколовъ.

4) Секретарь посольства к. сов. Александръ Макаровичъ Худобашевъ.

5) Маршалъ посольства л.-г. Семеновскаго полка капитанъ Ермоловъ, Петръ Николаевичъ.

6) Кавалеръ посольства л.-г. Семеновскаго полка штабсъ-капитанъ Василій Осиповичъ князь Бебутовъ, адъютантъ.

7) Кавалеръ посольства, л.-г. Преображенскаго полка прапорщикъ графъ Николай Александровичъ Самойловъ *).

8) Свиты Его И. В. поручикъ Дмитрій Александровичъ Бабарыкинъ, кавалеръ посольства.

9) Канцелярскій чиновникъ, магистръ Казанскаго университета Януарій Осиповичъ Ярцовъ.

10) К. секретарь Василій Петровичъ Бороздна.

11) 12-го класса Осипъ Осиповичъ Рикардъ.

12) Подпоручикъ Мадатовъ.

13) Коммисаръ посольства, кол. сов. Андрей Ивановичъ Рыхлевскій.

14) Казначей, Кабардинскаго пѣх. п. кап. Адамъ Ивановичъ Краузе.

15) Доктора: кол. сов. Семенъ Ивановичъ Мазаровичъ. 16) Михайла Осиповичъ Миллеръ.

17) Живописцы: академикъ Владиміръ Дмитріевичъ Мошковъ. 18) Дворянинъ баронъ Корфъ.

19) По квартирм. части полковникъ Григорій Тимофѣевичъ Ивановъ.

20) Гв. генер. штаба, штабсъ-кап. Николай Николаевичъ Муравьевъ.

21) Гв. ген. штаба баронъ Павелъ Яковлевичъ Рененкампфъ.

22) Подпоручикъ Михайла Андреевичъ Щербининъ.

23) Свиты Его И. В. шт.-кап. Мавръ Астафьевичъ Коцебу.

24) Прапорщикъ Николай Павловичъ Воейковъ.

25) Колонновожатый Евдокимъ Емельяновичъ Лачиновъ.

---

*) Знаменитый красавецъ и кутила, настоящій Алкивіадъ, къ несчастію безъ государственныхъ заслугъ, для совершенія которыхъ такъ щедро надѣлила его природа. П. Б.

26) Адъютантъ, л.-г. артилеріи поручикъ Павелъ Васильевичъ Поповъ.

27) Священникъ, Грузинскаго грен. полка протоіерей Авраамовъ.

28) Церковниковъ 4. 29) Капельмейстеръ Василій Өедоровичъ Парижскій. 30) Музыкантовъ 24 человѣка.

31) Адъютантъ, князь Өедоръ Александровичъ Бековичъ, л.-гв. казачьяго полка шт.-ротмистръ. 32) Козаковъ 25. 33) Большой Кабарды Черкеской князь Джимбулатъ-Джанхотовъ съ 5-ю узденями. 34) Фельдъегерскій поручикъ Иванъ Васильевичъ Стобушъ. 35) Фельдъегерь Матвѣевъ.

36) Коллегіи иностранныхъ дѣлъ ѣздовыхъ 2: Евдокимовъ и Поповъ.

37) Толмачи: прапорщикъ Шамиръ, хорунжій Мещеряковъ, прапорщикъ Алихановъ и Грузинскій князь Леонидзе.

38) При подаркахъ кол. секр. Леташинскій и скульпторъ Захаровъ.

39) Въ званіи полиціймейстера Херсонскаго гренадерскаго полка подпоручикъ Семенъ Өедоровичъ Өедоровъ.

40) Фельдшеръ и цирюльникъ 2. 41) Мастеровыхъ 6. 42) Услуги 70 человѣкъ.

17-го числа по утру отправлены были вьюки впередъ. Посолъ оставался со всѣми офицерами, отобѣдалъ у генералъ-маіора Кутузова, которому препоручено было управленіе Грузіи въ отсутствіе главнокомандующаго, потомъ былъ съ чиновниками въ соборной церкви Сіонѣ, гдѣ митрополитъ Варлаамъ служилъ молебствіе, а тамъ отправились всѣ въ походъ. Грузинское дворянство провожало насъ за заставу.

Отъѣхавъ шесть верстъ, было у Алексѣя Петровича свиданіе съ Мамедъ-Кули-ханомъ, бѣжавшимъ изъ Эривани; онъ предлагалъ главнокомандующему сдать ему Эриванскую область, коей жители были недовольны Персидскимъ правленіемъ и признавали его уже за своего хана. Главнокомандующему нельзя было тогда принять сіе предложеніе; онъ уговорилъ Мамедъ-Кули-хана дождаться нашего возвращенія и отправилъ его обратно въ Тифлисъ, гдѣ ему положилъ большое жалованье. Мы продолжали путь и пріѣхали въ тотъ же день въ селеніе Коди, лежащее въ 25 верстахъ отъ Тифлиса.

18-го числа мы уже отправлялись изъ Кодъ, какъ прискакалъ изъ Тифлиса Имеретинскій князь Церетели — проститься. Онъ двухъ словъ не проговорилъ, какъ я его посадилъ въ шахматы играть и обыгралъ его; онъ съ тѣмъ и воротился.

22-го отправились мы чрезъ гору Безобдалъ въ Караклисъ. Главнокомандующему угодно было отыскать новыя дороги для удобнѣйшаго сообщенія съ Караклисомъ, и онъ разсылалъ насъ черезъ лѣса, овраги и снѣга. Погода была дурная, мы ничего не нашли.

23-го числа я получилъ десять писемъ. Алексѣй Петровичъ самъ пришелъ рано поутру ко мнѣ и разбудилъ меня. Въ томъ числѣ было

письмо отъ Бабарыкина: онъ извѣщалъ меня о неудовольствіи Эриванскихъ жителей на Персидское правительство. Генералъ нашъ былъ въ большомъ безпокойствіи; онъ боялся возмущенія при своемъ въѣздѣ. Однакоже онъ далъ мнѣ записку на Русскомъ языкѣ и велѣлъ, переведя ее на Французскій языкъ, сообщить ее Бабарыкину; въ ней были наставленія ему, какимъ образомъ себя вести съ мятежниками Эривани. Отправили Ивана Зурановича Сулѣева, поручика Тифлисскаго полка, къ Бабарыкину.

29-го числа поѣхали мы въ караванъ-сарай, лежащій на границѣ. Мѣсто сіе занимательно развалинами. Самый караванъ-сарай есть большое строеніе, весьма искусно сложенное изъ большихъ каменныхъ плитъ безъ извести; своды чудесно выведены. Повыше караванъ-сарая, на рѣкѣ Арпачаѣ, видны развалины большаго моста, такого, какой бы нуженъ былъ на переправѣ чрезъ Каменную рѣчку. Лагерь нашъ разбитъ былъ подлѣ большаго кладбища; одинъ гробовой камень, больше прочихъ, лежалъ врытъ въ землю среди другихъ поменьше; они всѣ были съ надписями Армянскими. Александръ Макаровичъ Худобашевъ разбиралъ, и должно думать, что памятники сіи были одному семейству сооружены. Большой камень тутъ лежалъ уже съ 1104 года; онъ могъ имѣть по крайней мѣрѣ 200 пудъ вѣсу. Я съ княземъ Бебутовымъ рѣшились разрыть сію могилу. Ночь застала насъ, и мы еще съ помощью 10 человѣкъ едва только пошевельнули сію громаду. Я принесъ фонарь и продолжалъ работу; камень отвалили и, вырывъ землю аршина на полтора глубины, нашли остовы двухъ людей и одного ребенка; одинъ изъ остововъ былъ чрезвычайной величины. Я долго еще рылся, искалъ оружія, но ничего не нашелъ. Работа наша кончилась въ 11 часовъ вечера, а камень остался на сторонѣ.—Въ тотъ же самый день пріѣхалъ къ Алексѣю Петровичу посланецъ отъ Карскаго паши, чиновникъ Саликтаръ-ага, для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Благородные и умные осанка и разговоръ сего Турка понравились послу; онъ его принялъ хорошо и подарилъ ему, отъѣзжая, золотые часы съ репетиціей.

30-го числа мы отправились въ Тальшъ, лежащій уже въ Персидскихъ границахъ. Не доѣзжая семи верстъ мы были встрѣчены 300 человѣками Персидской конницы; при нихъ были посланные отъ шаха и Абазъ-мирзы чиновники Аскеръ-ханъ, бывшій Персидскимъ посломъ во Франціи при Бонапартѣ, и Назаръ-Али-бекъ для доставленія всѣхъ потребностей для посольства. Алексѣй Петровичъ принялъ ихъ какъ собакъ и тѣмъ взялъ надъ ними повелительный голосъ, безъ котораго нельзя ничего пріобрѣсти съ симъ необразованнымъ и подлымъ народомъ. Въ Тальшѣ даны намъ Персидскія палатки. Тальшъ

по обширнымъ развалинамъ можно считать за огромный бывшій городъ; большое строеніе, похожее на крѣпость еще теперь въ порядочномъ состояніи.

1-го числа Мая мы отправились въ Эчміадзинъ. Сысоевъ, Дренякинъ и князь Севарзешидзевъ простились съ нами и возвратились; я же поѣхалъ впередъ, дабы увидаться скорѣе съ Бабарыкинымъ. Не доѣзжая 3-хъ верстъ до монастыря, я увидѣлъ вправо палатки, поскакалъ туда и встрѣтилъ товарища своего съ Мещеряковымъ. Я пошелъ къ патріарху, который узналъ меня и благословилъ. Тутъ, въ ожиданіи главнокомандующаго, я легъ на траву съ Бабарыкинымъ, и мы другъ другу разсказали все происшедшее съ нами до сихъ поръ. Мы встрѣтили вмѣстѣ главнокомандующаго, который послѣ былъ встрѣченъ почтеннымъ Ефремомъ. Въ монастырѣ приняли Алексѣя Петровича со всевозможнымъ великолѣпіемъ. Все духовенство вышло къ воротамъ монастыря, одѣтое въ богатѣйшихъ ризахъ. Образъ Богоматери, которому поклоняются въ Эчміадзинѣ, также былъ вынесенъ навстрѣчу; передъ посломъ до комнатъ, которыя были ему отведены, шли шесть діаконовъ, богато одѣтыхъ и въ митрахъ. Они кадили ему, какъ патріарху, который проводилъ посла до комнатъ его, служащихъ въ монастырѣ для пріема знатнѣйшихъ особъ.

2-го числа Мая мы дневали и слушали молебствіе. Старикъ самъ служилъ и говорилъ проповѣдь на Армянскомъ языкѣ. Нельзя безъ сожалѣнія видѣть страданія патріарха: онъ притѣсненъ Персіянами. Послѣдніе приходили въ церковь, даже при насъ самихъ, шумѣть. Они совершенно не истребляютъ монастыря съ тѣмъ, чтобы имѣть случай чаще грабить его. Можно полагать, что сердарь Эриванскій получаетъ до 50-ти тысячъ р. серебромъ въ годъ отъ монастыря.

2-го поутру посолъ представлялъ патріарху всѣхъ чиновниковъ посольства; потомъ было молебствіе въ церкви о здравіи нашего Государя, послѣ котораго всѣ мощи и драгоцѣнности, хранящіяся въ Эчміадзинѣ, были открыты: рука св. Якова, рука св. Георгія, часть древа отъ Креста Господня, часть древа отъ ковчега Ноева, мощи св. Григорія Просвѣтителя Арменіи и копье, которымъ прободали Христа. Вышедъ изъ церкви, мы ходили по монастырю. Строеніе прекрасное, множество богомольцевъ, приходящихъ въ Эчміадзинъ, работаютъ здѣсь безъ платы. Кромѣ двора, на которомъ расположена церковь, есть еще много другихъ съ разными заведеніями; всѣ почти устланы плитами изъ дикаго камня, а гдѣ онаго нѣтъ, тутъ посажены деревья и цвѣты; вездѣ видны чистота и опрятность. Противъ комнатъ патріарха, гдѣ стоялъ посолъ, небольшой садъ изъ каштановыхъ деревьевъ и басейнъ съ тремя фонтанами. Покои, въ которыхъ сто

ялъ посолъ, убраны великолѣпно въ Азіатскомъ вкусѣ; потолокъ и стѣны росписаны уже болѣе 200 лѣтъ, и краски и позолота совершенно сохранились. Окна сдѣланы узорами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ и, по здѣшнему обычаю, цѣлая стѣна состоитъ изъ оконъ и въ хорошую погоду совсѣмъ открывается. Надъ сими окнами дѣлается навѣсъ изъ полотна, который растягиваютъ отъ солнца наподобіе маркизовъ; полы устланы вездѣ коврами. Въ Эчміадзинѣ есть вездѣ столы и стулья и многія строенія, сдѣланныя въ Европейскомъ вкусѣ.

Эчміадзинъ, по турецки Югъ-Килиса, что̀ значитъ три церкви, (ибо дѣйствительно тутъ вмѣстѣ три монастыря), основанъ св. Григоріемъ, Просвѣтителемъ Арменіи, въ 303 г. по Р. Х. Вотъ преданіе объ основаніи Эчміадзина. Св. Григорій, находясь возлѣ сего мѣста, видѣлъ сонъ, что на оное сходилъ Христосъ. Гласъ Ангела указалъ ему мѣсто сіе и повелѣлъ ему тутъ построить церковь, что̀ св. Григорій и исполнилъ по пробужденіи. Церковь сію онъ назвалъ Эчміадзинъ, что̀ по-армянски значитъ Сошествіе Единороднаго. Въ 619 г. преемники св. Григорія, патріархи Армянскіе, возобновили монастырь. Въ началѣ XVII столѣтія Эчміадзинъ былъ раззоренъ; Персіяне наложили на него подать и увезли тамъ хранящіяся мощи въ Испагань, чтобы туда привлечь богомольцевъ. Въ томъ же столѣтіи, нѣсколько лѣтъ спустя, монастырь былъ снова возобновленъ и украшенъ стараніемъ патріарховъ Моисея и Филипа и усердіемъ набожныхъ Армянъ. Теперешній патріархъ большой хозяинъ и, не смотря на тяжкое иго Персіянъ, всячески старается поддерживать Эчміадзинъ. Онъ передъ патріаршествомъ долго жилъ въ Россіи и потому во всемъ держится обычаевъ Европейскихъ. На патріархѣ Ефремѣ Россійскіе ордена св. Александра Невскаго и св. Анны.

3-го числа мы отслушали обѣдню, которую служили съ большой пышностью, отобѣдали и поѣхали въ Эривань. Въ шести верстахъ отъ монастыря мы были встрѣчены сердарскимъ братомъ Гассанъ-ханомъ, съ которымъ было тысячъ до шести конницы, въ томъ числѣ тысячъ до трехъ Крутинцовъ (древніе Курды). Алексѣй Петровичъ объѣхалъ въ скачь линію. Можно было видѣть приверженность Крутинцовъ къ намъ. Отличная конница приняла насъ съ веселымъ видомъ и радостными восклицаніями. Начальникъ ихъ Гуссейнъ-ага искалъ имѣть свиданіе съ посломъ, но ему воспрепятствовали въ томъ. Персіяне же были сбродъ множества конныхъ дурно вооруженныхъ крестьянъ и стариковъ и больше внушали въ насъ сожалѣнія, нежели удивленія. Осмотрѣвъ войска, мы остановились на холмѣ, и началась игра. Игра поазіатски называется изображеніе сраженія, которое они дѣлаютъ холостыми зарядами съ пальбой. Болѣе тысячи

Крутинцовъ, вооруженные копьями и пистолетами, на славныхъ лошадяхъ рыскали передъ нами часа полтора. Они разгорячились, всякій хотѣлъ лично показать свое искусство; подняли пыль, крикъ и пальбу ужасную. Зрѣлище было базподобное; надобно видѣть лицо и одѣяніе каждаго изъ нихъ, чтобы хорошо представить себѣ сіе. Персіяне съ своей стороны играли, но не имѣвъ такого числа хорошихъ всадниковъ, для показанія бо́льшаго числа войскъ, поставлены были во фронтъ всѣ купцы и ремесленники Эриванскіе, имѣющіе лошадей; ихъ держали поодаль, и малое число только подъѣзжало близко къ намъ. Персіяне вооружены ружьями, коими они хорошо съ коней владѣютъ.

Въ пяти верстахъ отъ Эривани были разбиты палатки, и тутъ всѣ конвойныя команды и музыканты одѣвались. Подъѣзжая къ Эривани, пошелъ проливной дождь, и парадный въѣздъ былъ отмѣненъ; но мы въѣхали шагомъ и были встрѣчены сердаремъ, Гуссейнъ-Кули-ханомъ и регулярной пѣхотой, коей было тысячи до полторы, и при нихъ шесть орудій. Несчастная пѣхота сія, о которой съ почтеніемъ говорятъ въ Европѣ, выдумана на наше счастіе: потерявъ Азіатскую ловкость и проворство, сарбазы не получили Европейскаго устройства и суть подлое, грязное войско, дурно одѣтое, созданное на жертву нашимъ гренадерамъ; они не умѣютъ даже дѣйствовать Англійскими ружьями, которыя имъ даны. По пріѣздѣ посла производили изъ крѣпости пушечную пальбу. Посолъ сталъ на квартирѣ у Саръ-Энга, начальника регулярной пѣхоты; онъ человѣкъ веселый и не весьма наблюдаетъ законъ Магометанскій, запрещающій употреблять вино.

На другой день, 4-го числа, пріѣхалъ къ Алексѣю Петровичу сердарь съ большой свитой и просилъ его къ себѣ обѣдать; онъ былъ угощаемъ конфектами и кофеемъ. Мы поѣхали въ крѣпость съ церемоніею, которая въ Европѣ похожа была бы на маскарадъ. Впереди ѣхали Донскіе козаки въ красныхъ мундирахъ, подъ начальствомъ князя Бековича, за ними шли и играли посольскіе музыканты, потомъ ѣхалъ посолъ со всей свитой; передъ посломъ шелъ чиновникъ Саръ-Энга, называющійся есаулъ, въ оранжевомъ кафтанѣ и бѣлой бараньей шапкѣ, съ большою мѣдною булавой, которой онъ разгонялъ народъ. Такимъ порядкомъ пріѣхали мы въ крѣпость, гдѣ домъ сердаря, Гуссейнъ-Кули-хана. Въ разныхъ мѣстахъ разставлена была пѣхота регулярная и милиція. Насъ ввели въ залу, убранную зеркалами, у которой стѣна на дворъ была открыта; въ концѣ залы поставлено было двое креселъ, а по бокамъ стулья; на креслахъ сѣли посолъ и сердарь, а на стульяхъ вся свита посла. Изъ Персіянъ сидѣли въ залѣ братъ сердаря и приставъ посольства Аскаръ-ханъ; прочіе же всѣ чиновники Персидскіе стояли съ подобострастіемъ на

дворѣ. Мы сидѣли у сердаря часа съ три, въ которое время принимались разъ пять курить кальянъ, завтракали и обѣдали. Завтракъ сей состоялъ изъ сладостей, а обѣдъ изъ множества блюдъ, которыя всѣ разомъ поставили передъ нами. Свинство Персіянъ безпримѣрно; никто почти ничего ѣсть не могъ. Три молодые Цыгана все время обѣда плясали и коверкались; два старые пѣвуна орали во всю глотку и строили ужасныя рожи, такъ что отъ смѣха трудно было удержаться. Сердарь пригласилъ насъ на другой день въ садъ съ музыкой; тутъ мы его потчивали ликеромъ, стаканами, и мороженымъ; въ музыкѣ особенно понравился инструментъ Австрійскій, полулуньемъ сдѣланный съ колокольчиками. Онъ подарилъ 168 р. сер. музыкантамъ нашимъ, а посолъ подарилъ его тремъ плясунамъ 50 червонцевъ. Садъ сердаря только что разводился. Тамъ построена бесѣдка Англичанами, на подобіе Китайской кіоски; посреди бесѣдки фонтанъ. Сердарь забылъ свою гордость и былъ со всѣми очень вѣжливъ. Гусейнъ-Кули-ханъ—человѣкъ очень старый, долго весьма служившій; побѣды, пріобрѣтенныя имъ надъ возмутившимися въ Карасанѣ, пріобрѣли ему въ Персіи имя лучшаго ихъ полководца и всю довѣренность шаха, который поручилъ ему въ управленіе область Эриванскую, пограничную съ Россіею. Сердарь очень похожъ на умершаго нашего генерала Лаврова.

Во время пребыванія нашего въ Эривани посѣщалъ насъ довольно часто Французъ Лафосъ (Lafosse), выдающій себя за доктора; онъ хочетъ проѣхать въ Индію, имѣетъ съ собою женщину лѣтъ въ 60, Нѣмку, у которой, я полагаю, онъ на содержаніи. 7-го числа мы отправились въ селеніе Дюгюнъ. Араратъ-гора была видна во всемъ селеніи. Недалеко отъ селенія Дюгюна былъ въ IV вѣкѣ, въ царствованіи царя *Тиридата*, большой Армянскій городъ, называющійся *Карни*. Того же числа возвратился къ послу изъ Константинополя курьеръ Назаровъ, отправленный имъ туда изъ Тифлиса.

Полковникъ Ивановъ началъ работу; онъ сѣлъ въ трахъ-тараванъ и, запершись, снималъ мѣстоположеніе во весь переходъ, посредствомъ малой ручной мензулы.

8-го числа прибыли мы въ селеніе Девалё; я занимался съемкой дорогой. Въ Дюгюнѣ еще, знавши, что моя очередь была въ трахъ-тараванѣ сидѣть, я просилъ Иванова показать мнѣ, какимъ образомъ онъ производилъ работу; показавъ мнѣ сіе, онъ сталъ упрекать меня въ недостаткѣ терпѣнія. Удивляясь сему поведенію, я сталъ просить его объясниться, въ какомъ случаѣ онъ бы меня обвинилъ въ нерадѣніи; онъ замялся тогда и, сдавъ мнѣ работу, сдѣлалъ мнѣ выговоры совсѣмъ непріятные. Не знавъ причины оныхъ, я оправдывался.

Нѣсколько неудовольствій такого рода онъ старался мнѣ дѣлать, стараясь ссорить меня съ товарищами, дѣлая на ухо съ ними различныя сплетни, приличныя только человѣку, незнающему благороднаго общества. Человѣкъ сей, можетъ быть, имѣетъ хорошія свойства души; но я теперь избѣгаю его; держусь ближе къ генералу, который меня повидимому любитъ. Я увидѣлъ неудобство работы изъ трахъ-таравана. Подлѣйшій инструментъ: никакъ невозможно установить; ничего ни на право, ни на лѣво не видно, а должно дѣлать подробнѣйшую и вѣрнѣйшую съемку дороги. Персіяне примѣчаютъ, чтó дѣлается, а Ивановъ въ восхищеніи, что надулъ ихъ, полагая сіе изобрѣтеніе одною изъ величайшихъ хитростей. Гораздо скрытнѣе и вѣрнѣе можно бы наблюденія дѣлать съ лошади, отъѣхавъ нѣсколько впередъ или отставши; но какъ согласиться признаться въ глупости!

Меня всю дорогу тошнило отъ духоты, однакоже я сдѣлалъ нѣчто и въ Нахичевани разрисовалъ овражки: иначе бы работа моя не была признана за истину.

Девалё большое селеніе; близъ него есть опустѣлый Армянскій монастырь *Хорвиранъ*, чтò значитъ глубокая яма. Здѣсь св. Григорій, Просвѣтитель Арменіи, сидѣлъ и страдалъ въ ямѣ 15 лѣтъ. Мы стояли въ лагеряхъ до Нахичевани.

11-го же числа прибыли мы въ городъ Нахичевань. Сперва встрѣтили посла дѣти хана Нахичеванскаго, а послѣ слѣпой Назаръ-Алиханъ, управляющій Нахичеванскимъ ханствомъ. Ему глаза были вырѣзаны за одно только подозрѣніе на него въ привязанности къ Русскимъ. Доброе лицо старика внушаетъ уваженіе, а увѣчье его—состраданіе. Нелѣпое и варварское правленіе Персіи такимъ образомъ и еще жесточайшими средствами наказываетъ невинныхъ. Для лишенія зрѣнія, шахъ при себѣ велитъ приковать осужденнаго къ землѣ и положить ему грузъ на грудь, на которой еще садятся нѣсколько людей, такъ что глаза у него выкатятся; палачъ вырѣзаетъ ихъ особеннымъ орудіемъ. Конница сопровождала стараго слѣпца и забавляла насъ всю дорогу до города. Въ Нахичевани были мы приняты очень хорошо; старикъ ханъ, бѣдный человѣкъ, но принялъ насъ, какъ могъ лучше. 12-го числа онъ звалъ къ себѣ посольство. Всѣ пошли кромѣ меня: я занимался своими записками и не имѣлъ времени отлучиться. При входѣ въ зàмокъ ханскій есть большая башня со сводомъ, которую построилъ Тамерланъ; ее здѣсь называютъ *Ланг-Тимуръ*. Башня сія служила для поданія сигналовъ.

Послѣ обѣда поѣхалъ я съ Бабарыкинымъ по приказанію посла осмотрѣть крѣпость Абазъ-Абатъ, лежащую на Араксѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Нахичевани на Юго-западъ. Крѣпость сія построена Фран-

цузскими офицерами по приказанію Шахъ-Зады-Абазъ-мирзы, очень правильно и поевропейски, съ бастіонами и гласисомъ. Я подъ видомъ охоты ѣздилъ съ ружьемъ, переодѣтый въ куртку и шаровары, и подъѣхалъ къ крѣпости одинъ на ружейный выстрѣлъ. Бабарыкинъ съ людьми поѣхалъ съ лѣвой стороны для отвращенія вниманія. Я посмотрѣлъ крѣпость, но меня примѣтили и стали сбираться и скликаться. Я поворотилъ лыжи и поскакалъ назадъ, пріѣхалъ поздно въ Нахичевань и донесъ Алексѣю Петровичу о томъ что̀ видѣлъ.

Нахичевань состоитъ изъ развалинъ, раскиданныхъ на пространномъ мѣстѣ; улицъ нѣтъ, а башни, мечети и дома торчатъ по одиночкѣ. Нахичевань древній городъ, имѣвшій въ старину до 30 тыс. домовъ. Имя его поармянски значитъ «первое селеніе». Персіяне его называютъ Накшиджиганъ, что̀ значитъ «изображеніе міра»; но сіе изображеніе міра весьма упало отъ древняго своего величія, и кромѣ развалинъ и садовъ ничего не видно. Въ описаніяхъ стоитъ, что здѣсь растетъ хорошій виноградъ; но сего мы не примѣтили, потому что вино, которое намъ подавали, отмѣнно дурно. Бани хорошо выстроены и довольно обширны: нѣсколько камней, полъ и водохранилище мраморные. Необразованный Персіянинъ, не понимая красоты сего камня, не цѣнитъ онаго и употребляетъ его гдѣ случится въ смѣси съ простыми камнями. Бани состоятъ изъ двухъ водохранилищъ, одного для холодной, другаго для теплой воды; но теплую сію воду перемѣняютъ и нагрѣваютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ; въ продолженіе сего времени Персіяне купаются въ грязной водѣ. Мнѣ такъ хотѣлось умыться, что, не взирая на свинство, я зажмурилъ глаза и полѣзъ въ воду. Вышедши, я велѣлъ баньщику мыть себя и ломать по ихъ обыкновенію. Они сіе чрезвычайно ловки дѣлать, всячески коверкаютъ, такъ что ребра и всѣ кости трещатъ; стучатъ тебя кулаками и, положа на спину, прыгаютъ на ноги и на грудь и спалзываютъ на пяткахъ по мокрому тѣлу. Я держалъ свои кулаки въ готовности, чтобы истребить баньщика, если меня ушибетъ; но они такъ проворно и ловко сіе дѣлаютъ, что я только могъ хохотать съ товарищами.

13-го отправились мы къ лагерю, лежащему на правомъ берегу Аракса; переходъ былъ большой. Араксъ широкъ и быстръ; мы переправлялись на вселахъ на двухъ паромахъ, весьма глупо построенныхъ, и на шести плотикахъ, составленныхъ изъ плетней, привязанныхъ къ 16-ти бараньимъ шкурамъ, надутымъ воздухомъ. Повозки переправлялись до вечера. Я купался въ Араксѣ, но безъ всякаго удовольствія; теченіе быстро понесло меня саженъ 60, пока я могъ возвратиться къ берегу. Послѣ купанья я почувствовалъ большую слабость и часа два лежалъ, но къ вечеру совершенно выздоровѣлъ.

14-го прибыли мы въ лагерь, къ каравань-сараю Голаку. Здѣсь множество гадовъ; одному изъ музыкантовъ нашихъ ночью заползла змѣя за платье; но онъ былъ столь счастливъ, что убилъ ее прежде, чѣмъ она его укусила.

15-го числа пріѣхали мы въ городъ Маранду, столицу Марaданскаго ханства. Мы были встрѣчены ханомъ Назаръ-али въ сопровожденіи конницы. При переправѣ чрезъ Араксъ видна была на лѣвой сторонѣ по лѣвому берегу рѣки, не въ большомъ отдаленіи, гора Гиландагъ, что̀ значитъ змѣиная гора. Жители говорятъ, что множество змѣй живетъ при сей горѣ и что змѣи сіи ходятъ толпами сражаться со змѣями Араратской горы. 6 верстъ вправо отъ переправы находятся развалины древняго города Джульфы. Область Адербиджанъ, въ которую мы вступили со времени переправы чрезъ Араксъ, бѣдная и разоренная страна; города и селенія въ развалинахъ, земля представляетъ только голыя скалы краснаго цвѣта; ни одного дерева не видать. По разсказамъ Персіянъ въ Марандѣ находится могила Ноевой жены Ноемзары. Старикъ показываетъ ее; надъ ней построена простая мечеть. Старикъ сей утверждаетъ, что, 38 лѣтъ тому назадъ, во время землетрясенія, открылась въ семъ мѣстѣ земля и показался ящикъ, который теперь принимаютъ за гробъ Ноемзары.

17-го прибыли мы въ Софіанъ. Въ вечеру играли въ бары и въ другія игры. Алексѣй Петровичъ вмѣшался въ игру, и мы провели очень весело вечеръ. Изъ Софіана виденъ Тавризъ.

18-го числа пріѣхали мы къ лагерю передъ селеніемъ Согале; лагерь лежалъ въ 3-хъ верстахъ не доѣзжая селенія, потому что въ Сагале заготовляли начало парада для принятія насъ въ Тавризѣ. Генералъ нашъ, пріѣхавши на мѣсто и увидя положеніе лагеря на пахатной землѣ безъ воды, разсердился и, не слѣзая съ коня, поѣхалъ было прямо въ Тавризъ; но старый махмандарь Аскеръ-ханъ уговорилъ его остаться, что̀ посолъ сдѣлалъ только изъ уваженія къ старости, ибо хану вырѣзали бы за то глаза. Въ ночи отправили впередъ обозы и конвой съ П. Н. Ермоловымъ. Онъ долженъ былъ приготовить парадное наше шествіе въ Тавризъ.

Мы поѣхали 19-го въ 6 часовъ утра изъ лагеря и, отъѣхавъ верстъ пять, были встрѣчены беэръ - бейемъ или военнымъ губернаторомъ города и визиремъ, сыномъ каймакана мирзы Бюзюрга съ 50-ю Крутинцами, одѣтыми въ панцыряхъ. Послу подведенъ былъ прекрасный жеребецъ въ богатомъ уборѣ, но онъ на него не сѣлъ.

Крутинцы составляли нашъ конвой; они были очень хорошо одѣты, ѣздили бойко на хорошихъ жеребцахъ. Головы у сихъ народовъ

имѣютъ отличныя черты. Но къ звѣрскому взгляду присоединяютъ Крутинцы нѣчто открытаго, честнаго; цвѣтъ лица ихъ весьма смуглый. Нѣкоторые изъ нихъ выѣзжали на ристаніе.

Вскорѣ были мы встрѣчены пушечными выстрѣлами конной артиллеріи. Ея было орудій съ сорокъ разнаго калибра; она стояла въ порядкѣ, офицеры и солдаты при своихъ мѣстахъ, а всею командовалъ Англійскій маіоръ Лендисе, превысочайшаго роста; онъ занимается устройствомъ сей артилеріи. Знамя съ изображеніемъ Персидскаго герба стоитъ въ срединѣ баталіона съ музыкантами, одѣтыми въ желтыхъ курткахъ. Музыканты сіи состоятъ изъ барабанщиковъ, флейщиковъ и трубачей; первые хорошо бьютъ въ барабанъ; но вторые, не имѣя отъ природы самыхъ простыхъ дарованій въ музыкѣ, какъ-то понятія о мѣрѣ, играютъ такъ, что съ трудомъ можно было разобрать God save the King, который они насвистывали. Весьма странно, что Азіатскіе народы въ своихъ пѣсняхъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о мѣрѣ; не говорю уже о гармоніи, которая по грубости ихъ чувствъ не подлежитъ ихъ понятіямъ. Въ нашей же Европейской музыкѣ ихъ занимаютъ только барабанъ, треугольникъ и тарелки.

Первый баталіонъ былъ составленъ изъ бѣглыхъ Русскихъ. Баталіонъ сей былъ изъ большихъ; офицеры были изъ Русскихъ же солдатъ. Всѣ были одѣты въ Персидскіе мундиры съ длинными волосами и въ папахахъ. Лица измѣняли симъ подлецамъ; народъ все прекрасный, рослый, чистый и старый. Баталіонъ этотъ называется *Енги-мусульманъ*. Они уже дрались противъ насъ, и плѣнные, взятые изъ нихъ Котляревскимъ, были повѣшены и переколоты. Теперь всѣ люди просятся назадъ, и мы имѣемъ надежду возвратить ихъ при обратномъ нашемъ пути. Пѣхота строится въ двѣ шеренги; ею командуетъ и устроиваетъ ее Англійскій капитанъ Гартъ. Онъ скакалъ по фронту и тузилъ кулаками въ рожу баталіонныхъ командировъ.

Шахъ-Зады-Абазъ-мирза, живущій въ Тавризѣ, устроилъ сіе войско съ помощью Англичанъ. О сю пору Персидское сіе изобрѣтеніе весьма для насъ полезно, ибо наша пѣхота можетъ легко достичь сіе войско, а еще легче разбить оное. Вѣроятно, что еще десять лѣтъ сарбазы будутъ въ нашу пользу; но, по прошествіи сего и бо̀льшаго времени, надобно полагать, что въ войскѣ семъ заведется устройство; тогда оно будетъ намъ вредно. Но къ тому времени представятся новыя обстоятельства.

Фатей-Али-шахъ, нынѣ царствующій въ Персіи, назвалъ наслѣдникомъ своего сына Абазъ-мирзу, отказавъ старшему сыну Мамедъ-Али-мирзѣ. Злоба поселилась между братьями; старшій объявилъ при отцѣ своемъ, что по смерти его оружіе изберетъ царя. Мамедъ-Али-

мирза воинъ храбрый, рѣшительный, отчаянный, удаляющійся отъ всякой нѣги и отъ обычаевъ Европейскихъ. Звѣрство знаменуетъ его. Абазъ-мирза, напротивъ, нѣжный, женоподобный, ищетъ Европейцевъ, дабы перенимать у нихъ обычаи. Предвидя кровную войну по смерти своего отца, онъ пріобрѣтаетъ любовь своихъ подданныхъ справедливостью и кротостью и устроиваетъ регулярное войско. Война междоусобная непременно возродится и, если братъ его побѣдитъ, то первый его поступокъ будетъ уничтоженіе сихъ войскъ. Между тѣмъ наше правительство не признаетъ еще никого за наслѣдника и не пропуститъ случая, чтобы занять Эриванскую область по Араксъ, въ залогъ дружбы съ тѣмъ изъ сыновей, который будетъ признанъ нами.

При шахѣ находится безотлучно три или четыре тысячи человѣкъ конницы, которые имѣютъ отличное названіе невольниковъ королевскихъ или гвардіи его. Отрядъ сей составленъ большею частью изъ Грузинскихъ невольниковъ и сыновей знатнѣйшихъ дворянъ въ Персіи. Они имѣютъ хорошихъ лошадей и хорошо вооружены на счетъ правительства, и плата ихъ не только превышаетъ плату другихъ войскъ, но и служба ихъ такого рода, что они легко могутъ увеличить свои доходы. Они получаютъ отъ 20-ти до 30-ти тумановъ ежегодно (отъ 400 до 600 р. ассиг.), и какъ имъ позволено каждому лично получать жалованье (ассигнованное на доходы), то они почти всегда требуютъ болѣе нежели имъ слѣдуетъ, что̀ весьма ясно; ибо одно имя *голамъ-шаха*, или гвардейскаго служителя, обращаетъ въ страхъ цѣлый уѣздъ. Всякій князь крови, управляющій особенно областью, имѣетъ при себѣ нѣсколько *голамъ*, или личныхъ тѣлохранителей, которые получаютъ тоже содержаніе и исправляютъ туже службу какъ у короля.

Почти все народонаселеніе въ Персіи вооружено, и вездѣ есть земское войско, составленное изъ людей кочующихъ племенъ и жителей городскихъ и сельскихъ. Обыкновенная должность сего ополченія есть охрана своихъ домовъ и исправленіе полицейской должности. Они содержаны областью, городомъ или селеніемъ, которому они принадлежатъ, и могутъ быть вызваны при всякомъ нужномъ случаѣ. Тогда же получаютъ они платы отъ правительства отъ 5-ти до 6-ти тумановъ въ годъ (отъ 100 до 120 рубл. ассигн.) и отъ двухъ до трехъ ослиныхъ вьюковъ пшена. Число записаннаго сего земскаго войска можетъ превосходить 150.000. Они сами снабжаются платьемъ и оружіемъ. Одежда ихъ—обыкновенное народное платье; вооруженіе—ружье съ фитилемъ, сабля и кинжалъ. Войско сіе другаго устройства не имѣетъ какъ повиновеніе своимъ собственнымъ старшинамъ. Ни ратники сіи, ни конница не повинуются начальникамъ, которыхъ они за своихъ собственныхъ не признаютъ.

Прежде царствованія Абаза Великаго, Персидская армія состояла только изъ иррегулярной конницы и земскаго войска. Царь сей, желая противиться Турецкимъ янычарамъ и усилившейся власти хановъ, устроилъ корпусъ пѣхоты изъ 12-ти тысячъ и большую артилерію. Сверхъ того, онъ еще собралъ 12.000 всадниковъ, коими начальствовали его любимцы. Составя войско сіе изъ людей военныхъ племенъ и Грузинскихъ невольниковъ, Абазъ былъ въ состояніи противиться и уничтожать власть хановъ, коихъ подвластные народы прежде составляли всю силу Персіи. Будучи въ числѣ 30-ти тысячъ, они стали упадать и, наконецъ, преимущество ихъ совершенно изчезло. Средства сіи къ утвержденію силы государственной увеличились при безпокойствахъ случившихся въ послѣднія времена въ Персіи. Армія Аги-Магометъ-хана состояла изъ иррегулярной конницы и пѣхоты, изъ невольниковъ, тяжелыхъ орудій и большаго числа фалконетовъ на верблюдахъ. Но нынѣшній шахъ, желая противиться намъ, завелъ регулярную пѣхоту и артилерію.

Мы переѣхали мостъ черезъ рѣку Аджи-су, мостъ древній, большой и хорошо построенный. Аджи-су значитъ по-Татарски «кислая вода». Жители увѣряютъ, что половина года бываетъ вода въ ней горькая, а другую половину—соленая. Насъ ожидали на семъ мѣстѣ музыканты и конвой нашъ, пѣшій и конный. Музыка заиграла, и мы вступили въ предмѣстье въ сопровожденіи большаго числа народа. Предмѣстье большое. Мы въѣхали въ крѣпость; она съ сей стороны поправлена и состоитъ изъ двухъ высокихъ стѣнъ съ башнями. Между стѣнами глубокій сухой ровъ, а чрезъ оный хорошій деревянный мостъ. Улицы въ самомъ городѣ вымощены и узки. Ни одной души намъ не показалось; мы ѣхали между стѣнами, не видя ничего и пріѣхали къ дому каймакама или перваго министра Шахъ-Зады. Тутъ намъ отводили комнаты. Домъ сей весьма великъ, но комнаты расположены весьма неудобно. Онъ состоитъ изъ девятнадцати дворовъ, иные съ водохранилищами и цвѣтниками; покои всѣ сдѣланы отдѣльными окошками на дворы. Меня съ Бабарыкинымъ помѣстили подлѣ генерала. На первомъ дворѣ поставлена была рота сарбазовъ въ караулѣ.

Абазъ-мирза прислалъ начальника и своихъ адъютантовъ, поздравить г-на посла съ пріѣздомъ. Потомъ присланъ каймакамъ спросить посла, когда онъ можетъ его принять; но посолъ поблагодарилъ его, сказавъ, что не можетъ сего сдѣлать, потому что усталъ отъ дороги.

20-го числа приходилъ къ Алексѣю Петровичу каймакамъ мирза-Бюзюргъ. Человѣкъ сей представляетъ себя простаго житія, хочетъ удивить своимъ умомъ, но разговоръ его подобно всѣмъ Азіатамъ ограничивается повтореніемъ нескромныхъ учтивостей. Его встрѣтили

у воротъ наши адъютанты, маршалъ принялъ его на дворѣ, а совѣтники посольства на крыльцѣ. Каймакамъ мирза-Бюзюргъ—второй чиновникъ государства Персидскаго, назначенный преемникомъ перваго визиря, которому уже девяносто лѣтъ. Онъ имѣетъ семьдесятъ лѣтъ отъ роду, человѣкъ хитрый и умный, владѣетъ умомъ Абазъ-мирзы, котораго онъ воспитывалъ и дѣлаетъ въ Тавризѣ, чтò хочетъ. Онъ довольно высокъ ростомъ и худощавъ, наружность имѣетъ самую непріятную, безпрестанно говоритъ о себѣ, что онъ бѣдный дервишъ, отъ всѣхъ благъ и наслажденій міра отказавшійся; между тѣмъ одинъ его сынъ назначенъ ему въ преемники, по заступленіи имъ мѣста перваго визиря; другой его сынъ женатъ на дочери шахской и преизобилуетъ богатствомъ. Мирза-Бюзюргъ въ разговорахъ своихъ часто вмѣшиваетъ восточныя повѣсти, коихъ смыслъ примѣняетъ онъ къ настоящимъ обстоятельствамъ.

Того же дня посолъ былъ у каймакама съ обоими совѣтниками.

21-го числа представлялся нашъ генералъ Абазъ - мирзѣ. Обычай Персидскій не позволяетъ входить въ комнату въ сапогахъ; а какъ мы не хотѣли повиноваться сему, то Шахъ-Заде принялъ насъ на дворѣ и, дабы не посадить передъ собою посла, онъ самъ стоялъ все время пріема. Намъ привели жеребцовъ въ Персидскихъ уборахъ, и мы поѣхали ко дворцу. Улица была уставлена съ обѣихъ сторонъ сарбазами. Послѣ перваго двора прошли мы черезъ корридоръ, въ которомъ сидѣли въ ложахъ знатнѣйшіе чиновники Персидскіе. Потомъ, въ сопровожденіи Аскеръ-хана нашего, пришли мы на второй дворъ; тутъ Абазъ-мирза стоялъ одинъ въ простомъ красномъ кафтанѣ. По лѣвую его руку три прекрасныхъ мальчика, изъ коихъ одинъ былъ его братъ, другой—сынъ, а третій племянникъ. Посолъ вручилъ ему грамоту отъ Государя, представлялъ насъ ему всѣхъ поимянно и разговаривалъ съ нимъ съ часъ. Абазъ-мирза имѣетъ очень пріятное и умное лицо, не на подобіе другихъ Персіянъ; разговоръ его откровенный, привлекательный и ласковый. Онъ весьма любитъ Европейцевъ и старается всячески перенимать наше обращеніе. Абазъ-мирза во все время аудіенціи стоялъ пѣшій и, чтобъ кончить, спросилъ посла, не былъ ли онъ раненъ въ прошедшія войны и не безпокойно ли ему стоять долго на ногахъ; при сихъ словахъ мы откланялись.

22-го числа сбирался Алексѣй Петровичъ прогуляться въ окрестностяхъ города; но Шахъ-Заде просилъ его отложить свою прогулку и предложилъ самъ гулять съ нимъ, когда послу угодно будетъ. Того же дня были приглашены отобѣдать у насъ Англійскіе офицеры, которые 20-го числа представлялись послу, а именно major Henry Lendisay командуетъ артилеріею, doctor John Cormick, major Mac-

Intosh, Эриванской captain Hart. Пѣхотный lieutenant Willok. Они славно отобѣдали у насъ и приглашены сегодняшній день на вечеръ пуншъ пить и ужинать.

Послѣ обѣда, по приглашенію Шахъ-Зады, поѣхали мы смотрѣть войска. Шахъ-Зады встрѣтилъ насъ; выѣхали за городъ. Человѣкъ съ 1000 Крутинцевъ стояло во фрунтѣ; они ристали по обыкновенію своему. Всадники удивительные проворствомъ своимъ и лошадьми; они вооружены пиками, коихъ древки камышевыя; когда они нападаютъ, то, держа пику за средину надъ плечемъ, трясутъ ею, и она изгибается такъ скоро, что глазъ не можетъ почти за движеніемъ ея слѣдовать, и потому ударъ Крутинца неможно никакимъ образомъ отворотить саблей. Когда же Крутинцы бѣгутъ назадъ, то отстрѣливаются пистолетами, коихъ у иныхъ по три: сіи пистолеты привязаны за приклады и держатся за поясомъ; по мѣрѣ какъ изъ одного выстрѣлитъ, онъ закидываетъ его за плечо и въ мигъ принимается за другой. Надобно здѣсь замѣтить о непроворствѣ, съ которымъ вообще заряжаютъ свое оружіе Азіаты. Они не употребляютъ начиненныхъ жестяныхъ или деревянныхъ патроновъ на подобіе Черкесъ, но имѣютъ кожаную порошницу при поясѣ, изъ коей, высыпавъ зарядъ на ладонь, всыпаютъ послѣ оный въ дуло; въ вѣтренную погоду сдуваетъ всегда у нихъ порохъ съ руки. Черкесы, напротивъ, заряжаютъ весьма скоро. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ они успѣвали вынуть ружье изъ-за плечъ и пять разъ зарядить и выстрѣлить изъ онаго на всемъ скаку на разстояніи полуверсты.

Послѣ Крутинцовъ показалъ намъ Абазъ-мирза 18 орудій артилеріи, которыя подъ предводительствомъ маіора Лендисе стрѣляли въ цѣль. Въ самую цѣль ни одно орудіе не попало, но ядра всѣ ложились очень близко; артилеристы проворно дѣйствовали. Абазъ-мирза восхищался симъ и весьма огорчился, когда Алексѣй Петровичъ, выхваляя его желаніе устроить войско, сказалъ, что даже самые необразованные народы принялись за сіе. Трукменцы, сказалъ онъ, просили у меня орудій и офицера для устроиванія у себя артилеріи. Шахъ-Зады перемѣнился въ лицѣ, услышавъ о намѣреніи давнишнихъ непріятелей Персіянъ.

Абазъ-мирза оттуда пригласилъ насъ въ свой садъ. Садъ обширный, но деревья молодыя и расположены аллеями, заключающими цвѣтники, безъ цвѣтовъ. Среди сада построена бесѣдка. Шахъ-Зады потчивалъ насъ шербетомъ. Онъ просилъ было посла на потчиванье насъ выслать изъ горницы; но Алексѣй Петровичъ сказалъ ему, что онъ самъ выйдетъ съ нами въ такомъ случаѣ, и мы остались и разговаривали все время о войскахъ и обычаяхъ Европейскихъ. Бесѣдка убрана

зеркалами и портретами женщинъ и молодыхъ мущинъ; тутъ были также портреты нашего Государя, Фатей-Али - шаха и Бонапарта, весьма дурно сдѣланные.

Мы не нашли при дворѣ семъ тѣни той пышности, о которой упоминаютъ путешественники въ Персію; ничего даже во все время проѣзда нашего не видали, что̀ могло бы подать мысль о пышности. Что̀ же удивляло писателей? Я полагаю, новость и странность обычаевъ, какъ-то кальянщики, глупые плясуны, оборванное войско, яркіе ковры безъ вкуса и безпримѣрное рабство. Французы и Англичане, кланяясь глупымъ бородачамъ, отъ испуга видѣли все въ туманѣ; цвѣты и шумъ заглушали къ тому въ нихъ всѣ способности разсуждать. Они ходили какъ угорѣлые, написали сонъ свой, солгали и вѣрятъ себѣ. Да не уподобимся мы имъ. Но должно отдать справедливость собственно Абазъ-мирзѣ: дарованія, нравъ, умъ его дѣлаютъ ему честь; онъ къ сему присоединяетъ еще привлекательную наружность.

Вчера ввечеру были мы приглашены на фейерверкъ Шахъ-Зады. Насъ ввели на большой дворъ, гдѣ были разставлены бураки и ракеты. Была ложа, изъ которой мы глядѣли. Ракеты были превеликаго калибра, и вообще всѣ штуки прекрасны, но онѣ были тѣсно разставлены. Проведенный фитиль зажегъ разомъ все; шумъ, трескъ, огонь и дымъ сдѣлались ужасные, совершенный адъ. Нѣсколько бураковъ падали на нашу терасу. Музыка наша играла въ промежутокъ. Тутъ увидѣли мы Итальянскихъ офицеровъ, которые бѣжали изъ своего отечества со времени послѣднихъ перемѣнъ. Они были пьяны и народъ самаго простаго званія; одинъ изъ нихъ, Сициліанецъ, увѣрялъ меня, что оставилъ отечество свое, потому что климатъ слишкомъ жарокъ, и онъ пришелъ se rafraîchir въ Тавризъ.

Въ вечеру ужинали у насъ Англичане и, перепившись, вступили въ большую дружбу съ нами. Одинъ изъ нихъ былъ при съемкѣ карты Персидской, онъ ее ругалъ и опорочивалъ; обѣщался мнѣ сегодня принести записки о сей съемкѣ.

Вчера потребовалъ къ себѣ Абазъ-мирза музыкантовъ нашихъ. Когда они сыграли нѣсколько маршей, онъ заставилъ каждаго по одиночкѣ играть на своемъ инструментѣ и подарилъ имъ 1600 рублей асс. Послѣ занялся онъ съ нашими Черкесами стрѣляніемъ изъ лука. Съ ними былъ посланъ Бековичъ. Абазъ-мирза самъ стрѣлялъ прежде Персидскимъ лукомъ, потомъ Кабардинскимъ и подарилъ Кабардинскому князю Джамбулату связокъ весьма красивыхъ стрѣлъ и вообще былъ весьма учтивъ и ласковъ.

Тогоже дня посолъ получилъ письмо отъ садръ-Азама-мирзы-Шефи, перваго визиря, чрезъ нарочно присланнаго чиновника, въ ко-

емъ онъ увѣдомляетъ посла, что шахъ, видя, что въ Тегеранѣ жары нестерпимые, переѣзжаетъ въ Султанію, гдѣ будетъ принимать г. посла. Сіе почти половиной сокращаетъ намъ путь. Теперь Персіяне хотятъ, чтобы посолъ продолжалъ пребываніе свое въ Тавризѣ, ибо шахъ будетъ въ Султанію только къ 2-му числу мѣсяца Рамазана, отъ сего дня еще черезъ 44 дня. Посолъ же здѣсь оставаться не хочетъ; ибо хотя много намъ оказывается почестей, но недовѣрчивость къ намъ весьма велика: за городскіе ворота никого не пускаютъ; если послу захочется выѣхать за городъ, тотъ часъ предложитъ Абазъ-мирза ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Жителямъ подъ строжайшимъ наказаніемъ запрещено съ нами разговаривать, и все время принуждены мы жить между четырьмя стѣнами. Посолъ рѣшительно сказалъ Персіянамъ, что въ Тавризѣ не останется, а ѣдетъ далѣе къ Султаніи; буде же по дорогѣ будетъ мѣсто, гдѣ найдутъ удобности, пробудетъ тамъ нѣсколько дней, но никакъ не опредѣлитъ ни мѣста, ни время, гдѣ и сколько пробудетъ.

Передъ обѣдомъ представлялись послу два Англичанина. Одинъ изъ нихъ Monteith, инженерный офицеръ, занимался съемкой и описаніемъ Персіи; другой Johnson, путешественникъ, сказалъ намъ, что онъ открылъ здѣсь рудники и жаловался на необразованность Персіянъ, которые съ перваго шага хотѣли найти куски золота; онъ увѣрялъ насъ, что по дорогѣ отъ Тавриза къ Тегерану находятся въ горахъ пребогатыя свинцовыя руды и нѣсколько серебряныхъ. Monteith прислалъ мнѣ Англійскую книгу A Geographical Memoir of the Persian Empire by John Macdonald Kinnier. Книга сія принадлежитъ къ картѣ Персіи, сдѣланной Англичанами; мы книги сей не имѣли. Я вознамѣрился достать ее и пошелъ въ вечеру къ Англичанамъ, нашелъ капитана Гарта, поручика Виллока и Монтейта вмѣстѣ. Завязался ученый разговоръ у меня съ Монтейтомъ; онъ имѣетъ отличныя познанія и прекрасную библіотеку; книгу я досталъ, и онъ согласился оставить ее у меня до возвращенія моего въ Тифлисъ.

26-го числа мы выѣхали изъ Тавриза въ пять часовъ утра. Насъ провожалъ маіоръ Лендисе. Подлецъ сей приставалъ неотступно къ генералу, чтобы онъ остановился въ Ужанѣ. Продажная тварь сія клялась честью Англійскаго офицера, что онъ намъ подаетъ благой совѣтъ, какъ Европеецъ, какъ единоземецъ. Онъ былъ подосланъ отъ Абазъ-мирзы уговорить къ сему Алексѣя Петровича, для того чтобы дать Фатей-Али-шаху пріѣхать въ Султанію и прежде насъ успѣть приготовить намъ пріемъ. Шахъ-Зады имѣлъ приказаніе задержать насъ въ Тавризѣ, а какъ генералъ не хотѣлъ сего сдѣлать, то они вознамѣрились задержать насъ въ Ужанскомъ замкѣ. Алексѣй Петро-

вичъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что Абазъ-мирза принялъ насъ на дворѣ, отказалъ ему въ свиданіи при отъѣздѣ, уѣхалъ самъ внезапно и оставилъ въ Тавризѣ Соколова для благодаренія его за ласковый пріемъ. Лендисе неотступно приставалъ ко мнѣ, чтобы я уговорилъ Алексѣя Петровича остановиться въ Ужанѣ; но ему не удалось, и генералъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы поблагодарить его за совѣты и проститься съ нимъ.

28-го мы поѣхали. Зная участь свою прожить нѣсколько времени въ Ужанѣ, мы стали дѣлать предположенія съ Алексѣй Петровичемъ о будущей нашей жизни и шутя стали располагать защиту свою въ Ужанѣ, назначать коменданта и занятія наши. Между тѣмъ мы стали подъѣзжать къ пространной зеленой равнинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Довольно большой домъ, построенный на Азіятскій вкусъ, стоитъ на оной. Насъ обрадовала сперва зелень, которую давно уже не видали.

Ужанскій за̀мокъ состоитъ изъ двухъ строеній, соединенныхъ малымъ дворомъ и изъ большаго двора, обращеннаго къ Востоку; на семъ дворѣ басейны и гаремъ. Баня состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, построенныхъ подъ сводами изъ большихъ каменныхъ плитъ; одна изъ сихъ комнатъ наполнена водой, которая нагрѣвается посредствомъ печей подъ поломъ. Полъ въ передбанникѣ мраморный. Принадлежащая къ большому двору половина заключаетъ множество малыхъ комнатъ, отдѣланныхъ весьма чисто; стѣны выбѣлены и расписаны, полы же сдѣланы изъ известковаго состава, уподобляющагося цѣльному камню. Сія половина за̀мка обращена къ Западу и заключаетъ мужскіе покои; тутъ и открытая зала, въ которой мы сбираемся обѣдать. Въ залѣ, обращенной къ саду, поставлены двѣ картины. На одной представленъ шахъ, ѣдущій верхомъ, въ коронѣ и богатѣйшемъ уборѣ, за нимъ нѣсколько человѣкъ его сыновей, у ногъ лошади его лежитъ на землѣ Абазъ-мирза, представляющій ему регулярную пѣхоту и артилерію, поставленную по обѣимъ сторонамъ дороги въ боевомъ порядкѣ. Другая картина представляетъ знаменитый подвигъ: разбитіе тремя стами человѣкъ 15,000 человѣкъ Троицкаго полка подъ начальствомъ самого наслѣдника. Трудная сія побѣда тѣмъ славнѣе, что въ числѣ 300-тъ были три четверти рекрутъ, никогда не стрѣлявшихъ и у которыхъ еще недостало патроновъ. Побѣдители представлены на картинѣ безъ всякой потери; ни одна пуля, ни одинъ штыкъ Русскій не смѣли поразить храбрыхъ воиновъ Персіи, которыми кромѣ наслѣдника предводительствовалъ Англійскій Остъ-Индской купеческой компаніи маіоръ Линдесе. И сей герой изображенъ на картинѣ повелѣвающимъ артилеріею.

Въ залѣ есть портретъ Бонапарта и мнимое изображеніе нашего Государя въ красномъ шарфѣ. Съ сей же стороны снаружи сдѣланъ эспланадъ изъ камня и два крыльца, ведущія въ садъ. Садъ сей состоитъ изъ нѣсколькихъ аллей; молодыя деревья въ нихъ дурно принимаются по причинѣ засухи и вѣтровъ, которые всегда на сей равнинѣ бываютъ, зимой же сильныхъ мятелей. Нѣсколько этажей въ семъ за̀мкѣ и нѣсколько терасъ; но они такъ странно расположены, что можно почти ручаться за невозможность сдѣлать планъ всему строенію. Ни воды, ни рощъ въ окрестностяхъ за̀мка нѣтъ, и потому видъ изъ онаго весьма скучный; три селенія лежатъ у подошвы горъ, окружающихъ сіе мѣсто. Здѣсь должны мы жить нѣсколько времени по неизвѣстнымъ причинамъ, и я о томъ не сожалѣю. Я успѣлъ подвинуть занятія свои и надѣюсь не скучать. За̀мокъ сей принадлежитъ Шахъ-Зады-Абазъ-мирзѣ и построенъ тому лѣтъ семь назадъ. Шахъ, года съ три тому, пріѣзжалъ сюда и смотрѣлъ войско сына своего.

Вчера генералъ нашъ былъ скученъ. Онъ предложилъ проводить вечера въ чтеніяхъ. Я игралъ въ шахматы съ Бабарыкинымъ у него въ комнатѣ, и онъ развеселился. Когда почтенный Алексѣй Петровичъ нашъ взгрустнетъ, то и всѣ надумаются; но это меня и Бабарыкина не особенно огорчаетъ. Во время обѣда пріѣхалъ къ намъ съ письмами Шахъ-Муратъ, прозванный Надиръ-шахомъ. Алексѣй Петровичъ обласкалъ сего храбраго Татарина. Я узналъ изъ письма къ Лачинову, что батюшка былъ боленъ и сталъ оправляться. Братъ Михаилъ поѣхалъ на помощь къ отцу для съемки Московской губерніи.

Вечеръ провели мы у генерала и читали въ слухъ Оссіана, Крылова басни и проч. Здѣсь не только прохладно, но даже холодно, особливо потому, что во всѣхъ комнатахъ, безъ стеколъ, сквозной вѣтеръ. Здѣсь вѣтеръ всегда начинается около полудня и продолжается до шести или семи часовъ вечера, потомъ утихаетъ до другаго дня.

Нѣсколько дней я не велъ дневныхъ записокъ, потому что ничего занимательнаго не было; день я проводилъ въ занятіяхъ, а вечеръ сидѣли мы у Алексѣя Петровича. Тамъ иногда играли въ шахматы, читали; каждое слово нашего почтеннаго генерала заставляло насъ болѣе его уважать и любить и, когда мы въ бѣсѣдѣ съ нимъ, то всегда забываемъ, что отдалены отъ своего отечества.

Вчера, 1-го Іюня, въ Субботу, служили всенощную, при коей всѣ чиновники и нижніе чины посольства присутствовали. Въ разстояніи одного часа ѣзды есть пещера, въ которой по разсказамъ Персіянъ скрывался ихъ славный Рустемъ, но разказъ сей долженъ быть пустой; я хотѣлъ съѣздить посмотрѣть сіе мѣсто, но, боясь утратить время отъ занятій, отложилъ поѣздку сію до другаго времени.

4-го числа ѣздилъ Алексѣй Петровичъ рано верхомъ, я съ нимъ былъ; мы ѣздили верстъ за восемь и пріѣхали въ селеніе Керія. Намъ разсказано было, что тамъ пещеры удивительныя. Мы нашли подлинно множество пещеръ, которыя обращены были въ жилье земледѣльцами. Четыре поколѣнія ихъ тутъ живетъ, и преданія не упоминаютъ о постройкѣ сихъ пещеръ; вѣроятно они были сдѣланы какимъ-либо военнымъ племенемъ въ древнія времена. Онѣ высѣчены въ камнѣ и имѣютъ видъ куполовъ внутри; малое отверстіе, сдѣланное при вершинѣ свода, доставляетъ свѣтъ. Одну мы видѣли сдѣланную для скота и лошадей, она вышины можетъ имѣть до четырехъ саженъ и круглая внизу. Въ каменной стѣнѣ высѣчены мѣста для корма и дыры для привязыванія лошадей; двѣ небольшія вѣтви идутъ отъ сего мѣста, изъ коихъ одна выводитъ въ полгоры. Вода въ Керіѣ хороша, и жители разводятъ малые сады. Вообще земля здѣсь не плодовитая. Жители Керіи приняли насъ со всевозможнымъ гостепріимствомъ; показавъ намъ свои жилища, они постлали ковры подлѣ ручья и потчивали насъ медомъ, молокомъ и яйцами.

6-го числа мы прибыли къ вечеру въ селеніе Шангелабатъ. Здѣсь отведена была квартира генералу въ селеніи, лагерь же былъ очень дурно расположенъ за садами, на грязи; ходить было далеко къ Алексѣю Петровичу, и онъ велѣлъ, чтобы на другой день перенести лагерь въ сады. 7-го числа генералъ нашъ всталъ очень рано и перебудилъ всѣхъ. Наша палатка первая появилась между деревьями. Мѣстоположеніе прекрасное, зелень и деревья, чего мы уже такъ давно не видали, окружаютъ насъ; чистая свѣтлая рѣчка Карагиманка журчитъ по каменистому дну подлѣ моей палатки и извивается по всему нашему кочевью, но не обширно.

Бомбейской Индѣйской Компаніи инженеръ-полковникъ Джонсонъ и 8-го полка капитанъ Солтеръ прибыли сюда 7-го числа. Генералъ послалъ меня къ нимъ, дабы позвать ихъ къ обѣду. Они сказали мнѣ, что ѣдутъ въ отпускъ на три года въ Англію. Полковникъ уже 33 года какъ служитъ въ Индіи и второй разъ въ отпускъ ѣдетъ. Первый его отпускъ былъ по прошествіи 26-ти лѣтъ, которыя онъ провелъ въ Индіи. Онъ женатъ и отправилъ семью свою на кораблѣ вокругъ мыса Доброй Надежды. Солтеръ уже семнадцать лѣтъ въ Индіи и ѣдетъ въ отпускъ безъ удовольствія: онъ потерялъ почти всѣхъ родственниковъ въ Англіи и сдѣлалъ дружественныя связи въ Индіи. Вотъ участь оставляющихъ свое отечество, вотъ участь мнѣ предстоящая; но, сравнивъ разстояніе Индіи съ Англіею, я увидѣлъ, что мое удаленіе есть ничто и потому желалъ бы въ двадцать разъ быть далѣе.

Генералъ принялъ очень ласково сихъ иностранцевъ. Полковникъ весьма умный и ученый человѣкъ, говорилъ очень хорошо по-французски и занималъ Алексѣя Петровича два дни сряду своимъ разговоромъ; онъ разсказывалъ намъ о своемъ путешествіи, объ Индѣйской Компаніи, объ Индіи, ругалъ Персіянъ безъ милости и показывалъ совершенное презрѣніе къ ихъ войску и обычаямъ. Солтеръ прелюбезный малый, играетъ посредственно въ шахматы, имѣетъ хорошее воспитаніе и свѣдѣнія. Онъ также разсказывалъ мнѣ много про Индію и возродилъ во мнѣ старое желаніе туда ѣхать. Я получилъ отъ нихъ пять писемъ, изъ коихъ одно адресовано въ Абукиръ, къ Англійскому тамошнему повѣренному, и четыре въ Бомбей, къ тамошнимъ начальникамъ. Въ сихъ письмахъ, выхваляя до чрезмѣрности генерала нашего, все посольство и ласки, которыя мы имъ оказали, они просятъ товарищей своихъ доказать намъ, что Англичане не забываютъ долга благодарности. Не знаю, удастся ли мнѣ сіе путешествіе; по крайней мѣрѣ не за охотой дѣло станетъ; а, можетъ быть, пріѣхавши въ Султанію, посолъ и отпуститъ меня.

По вечерамъ у насъ бываетъ музыка въ саду. Вечера сіи можно бы проводить весьма пріятно въ чтеніяхъ, въ играхъ, въ разговорахъ; но не тотъ духъ царствуетъ въ нашемъ обществѣ: человѣка два есть, которые ходятъ по лагерю сплетничать, ссорить, подличать и наносить неудовольствія. Имъ мало однакоже послѣдователей; большая часть занимается бездѣльемъ, повѣсничествомъ или спаньемъ. Хотя они добрыя ребята, но могутъ ли они участвовать въ занятіяхъ? Игры ли затѣютъ, гдѣ должно бѣгать, гдѣ отличаются проворствомъ и неутомимостью,—всякій усталъ: тому жарко, у того нога болитъ, тому спать хочется. И такъ посольство наше раздѣлено на малыя общества, которыя розно время проводятъ. Вчера Бековичъ началъ учиться у меня пофранцузки; рѣдкія дарованія его даютъ мнѣ надежду, что онъ скоро въ семъ успѣетъ; но, проведши до 25 лѣтъ безъ занятій, ему трудно прилежать, особливо имѣя примѣръ праздности ежеминутно передъ глазами. Я стараюсь привлечь его къ занятіямъ; онъ самъ, чувствуя свое невѣжество, старается преобороть страсть къ лѣности.

Вчера въ 8 часовъ утра Англичане наши уѣхали, получивъ рекомендательныя письма отъ Алексѣя Петровича къ Великому Князю въ Варшаву и къ Курутѣ и къ нѣкоторымъ губернаторамъ; я далъ имъ также одно письмо къ Даненбергу.

Вотъ мнѣнія г. Джонсона на счетъ Персеполя. Онъ полагаетъ, что эти развалины не города, а какого нибудь великолѣпнаго храма, потому что развалины находятся на безводной степи, на которой невозможно предполагать, чтобъ былъ когда нибудь большой городъ и

что въ строеніяхъ оставшихся видны въ преддверіяхъ водохранилища, употребляемыя въ древнихъ храмахъ для очищеній.

Вчера былъ я дежурнымъ. Съ 5-ти часовъ утра ѣздилъ я съ генераломъ верхомъ. Вечеръ провелъ я у генерала съ Бековичемъ. Алексѣй Петровичъ говорилъ намъ о горскихъ народахъ, о средствахъ къ укрощенію ихъ набѣговъ. Мы заслушались и удивлялись необыкновенному уму и дару слова сего человѣка. Онъ мнѣ опять обѣщался оставить меня въ Грузіи и употребить въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ.

На сихъ дняхъ проѣзжалъ чрезъ Шангелабатъ Англичанинъ Стрегей, ѣдущій изъ Бомбея въ Англію. Онъ былъ принятъ генераломъ очень хорошо. Алексѣй Петровичъ, который до сихъ поръ былъ грустенъ, развеселился. Третьяго дни онъ пришелъ къ намъ въ кибитку рано поутру, перебудилъ всѣхъ и пробылъ съ нами до самаго вечера, разговаривалъ и читалъ съ нами. Разговоры безпримѣрнаго сего человѣка наставительнѣе самыхъ лучшихъ книгъ. Ввечеру былъ у насъ маскарадъ и балъ. Бабарыкинъ, Щербининъ и Поповъ были переодѣты въ женскія платья; всѣ танцовали до ночи.

Персіяне задерживали насъ какъ можно долѣе; между тѣмъ войска ихъ изъ Тавриза шли каждую ночь по большой дорогѣ въ Султанію, дабы встрѣтить насъ снова подъ видомъ другихъ войскъ; но глупая хитрость сія скоро сдѣлалась извѣстною и была превращена въ смѣхъ.

Мы поднялись сегодня въ два часа. Генералъ за полчаса уѣхалъ впередъ, Бебутовъ, Бабарыкинъ и я пустились нагонять его. Переходъ былъ большой, верстъ 25. Нашъ лагерь здѣсь расположился въ саду, но хуже Шангелабатскаго. Генералъ опять омрачился. Первою причиною тому было весьма нетрезвое состояніе Соколова, котораго дорогою тошнило и который два раза свалился съ лошади; вторая та, что генеральскіе вьюки послѣ всѣхъ пріѣхали; а третья, самая сильная, та, что коммисаръ посольства г. Рыхлевскій непростительнымъ образомъ забылся и вывелъ почтеннаго Алексѣя Петровича изъ себя. Люди сіи ни привязанности, ни благодарности не имѣютъ къ нему и ни во что не ставятъ огорчить безпримѣрнаго сего человѣка; но я надѣюсь, что сей случай покажетъ ему, сколько онъ въ Рыхлевскомъ ошибался. Однакоже генералъ нашъ грустенъ, и мы всѣ взгрустнули.

Вчера во время обѣда прибылъ сюда солдатъ нашъ изъ Казвина отъ г. Леташинскаго, везущаго подарки посольства Персидскому двору; онъ привезъ донесеніе Леташинскаго къ Алексѣю Петровичу, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что его хотятъ отправить съ подарками въ Тегеранъ вмѣсто Султаніи.

Деревня Варзиганъ имѣетъ довольно красивое положеніе, на берегу рѣки Варзиганъ-чай, окруженной довольно большими садами. Возлѣ селенія гора съ развалинами крѣпости, построенной Али-ханомъ Шагагинскимъ во времена Керима, правителя Персіи. Селеніе окружено каменною стѣною съ башнями уже развалившимися; здѣсь почти развалившійся домъ Сару-хана, сына Али-хана. Другой же сынъ Али-хана, Садыкъ-ханъ былъ соперникомъ въ престолѣ Фетъ-Али-шаха, по смерти Али-Магометъ-хана; но, потерявъ сраженіе, бѣжалъ къ Мустафѣ-хану Ширванскому, тамъ долго скрывался, наконецъ обольщенный обѣщаніями, возвратился въ Персію. Фетъ-Али-Шахъ, имѣя его во власти своей, велѣлъ его живаго закласть въ стѣну. Дѣти Садыкъ-хана, жившія долго въ Россіи, возвратились теперь въ Персію и служать убійцѣ отца ихъ. Сынъ же бывшаго здѣшняго хозяина Сару-хана, Муста-Кули-ханъ теперь саръ-энгомъ въ одномъ изъ Шагагинскихъ сарбазскихъ баталіоновъ.

Вчера поутру прибыли къ намъ изъ Тагерана к. с. Мазаровичъ и чиновникъ Рикардъ, которые были изъ Тифлиса еще въ началѣ Генваря посланы къ шаху. По всей дорогѣ обѣщали они намъ тѣхъ же мерзостей, которыя мы о сю пору въ Персіи видѣли. Они получили подарки отъ шаха и ордена Солнца на шею. Мазаровичъ цѣлый день провелъ съ генераломъ и взялся развеселить его; но кажется мнѣ и всѣмъ товарищамъ, что человѣкъ сей хочетъ возобновить всѣ неудовольствія, которыя нѣсколько поутихли. Желательно очень, чтобы я ошибся. Онъ показываетъ большую привязанность къ Алексѣю Петровичу; послѣдній можетъ быть и полюбитъ его; но подлость всегда обнаружится, и посолъ вторымъ примѣромъ симъ научится различать людей приверженныхъ къ себѣ. Мазаровичъ дѣлалъ множество непріятностей Рикарду, который съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ приближеніе наше, больше потому, чтобы избавиться отъ него. Ввечеру садъ былъ освѣщенъ, и музыка играла.

Изъ Варзигана мы пріѣхали въ Туркменчай въ $5^1/_2$ часовъ утра; симъ переходомъ мы впередъ ничего не успѣли и выѣхали только на большую дорогу, которую до сихъ поръ Персіяне отъ насъ скрывали; въ Туркменчаѣ она только выходитъ. Лагерь нашъ въ семъ селеніи не похожъ былъ на прежніе: мы стояли въ полѣ, безъ тѣни, солнце пекло сквозь Персидскія палатки очень сильно. Въ Туркменчаѣ начинается пребываніе клоповъ Меанскихъ, отъ укуса которыхъ смерть почти неизбѣжна. Странно, что никто изъ писателей естественной исторіи не говоритъ о семъ родѣ насѣкомыхъ. Мы поймали нѣсколькихъ клоповъ сихъ и жгли ихъ зажигательнымъ стекломъ. Здѣсь также множество фалангъ весьма ядовитыхъ и гадкихъ. Сего дня дорогой

поймали землянаго зайца; хвостъ и заднія ноги отмѣнно длинны, переднихъ ногъ совсѣмъ почти нѣтъ, и онъ ходитъ на заднихъ лапкахъ. Укушенный клопомъ, почесавъ уязвленное мѣсто, распространяетъ тѣмъ ядъ, вскорѣ начинаетъ пухнуть и умираетъ въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ и страданіяхъ. Обыватели знаютъ нѣкоторыя средства для излеченія отъ сего: они 40 дней кормятъ больнаго сахарной водой и самой легкой пищей, но выздоровѣвшій обыкновенно остается на весь свой вѣкъ съ какими-нибудь дерганіями. Когда Назаровъ ѣздилъ въ Тегеранъ, то урядникъ одинъ былъ укушенъ въ Меанѣ ночью; поутру почернѣло у него укушенное мѣсто, но уже поздно было: обыватели сказали, что если успѣютъ убить вола и, снявъ съ него шкуру, обвернуть человѣка въ нее, то можно будетъ надѣяться на его выздоровленіе. Казакъ вскорѣ умеръ; его похоронили неподалеку отъ нашего лагеря. Клопы сіи живутъ въ стѣнахъ и болѣе въ старыхъ, гдѣ ихъ множество. Жителей они не трогаютъ, а если и укусятъ, то не вредно; нападаютъ они только на проѣзжихъ. Предохранительное средство отъ нихъ есть зажженная свѣча во время ночи: они отъ огня прячутся. Въ Меанѣ дѣлаютъ отличные ковры, я ихъ два купилъ. Черезъ рѣку Карлангу есть древній мостъ въ 23 арки. Горы Кафланъ-Кузскія лежатъ въ трехъ верстахъ впереди.

25-го числа поѣхали мы черезъ горы въ караванъ-сарай Джамалабазъ. Я взялъ штуцеръ и поѣхалъ прежде всѣхъ съ Черкесами на охоту. Дорога по горамъ сдѣлана очень хороша, противъ обыкновенія Персіянъ. По въѣздѣ на вершину цѣпи, открываются горы Таврскія вправѣ и горы Гиланскія влѣвѣ. Сіи двѣ цѣпи соединены Кафланкузомъ. Я поѣхалъ вправо, спустился въ глубокое ущелье, травилъ зайца собаками Петра Николаевича и гнался за нимъ; но необычайныя сіи горы свойствомъ земли и крутизны не позволили мнѣ продолжать подвиговъ своихъ. Я съ трудомъ опять выѣхалъ въ ущелье, при чемъ опасности немало было: горы покрыты разбитымъ камнемъ, круты и скалисты; мнѣ нѣсколько разъ случалось ѣхать надъ пропастью по сыпучимъ каменьямъ; лошадь моя катилась и удерживалась объ каменья, которыя лежали потверже; я слѣзъ и велъ ее въ поводу. Черкескіе уздени и проводники отстали, и я остался съ однимъ княземъ. Мы спустились въ ущелье и ѣхали между двумя высокими скалистыми утесами. Цвѣтъ ихъ прекрасный; они испещрены пещерами, въ коихъ живутъ птицы; онѣ перелетали со стороны на другую и страннымъ крикомъ увеличивали мое удивленіе. Мѣста здѣсь совсѣмъ различны отъ прежде видѣнныхъ. Звѣрей я не видалъ, но слѣдовъ ихъ множество; говорятъ, что въ горахъ много тигровъ. Скоро однакожъ я выѣхалъ на долину, по которой течетъ рѣка Кизил-

лозейкъ. Отсюда былъ виденъ величественный мостъ чрезъ рѣку, построенный въ три арки; я переправился въ бродъ и, выѣхавъ на большую дорогу, переѣхалъ вторую цѣпь Кафланкузскихъ горъ и прибылъ на лагерное мѣсто къ караванъ-сараю Джамалабату. Караванъ-сарай сей отлично выстроенъ. На лагерномъ нашемъ мѣстѣ много было фалангъ; мы уже давно ихъ видимъ, а тутъ одну поймалъ я на своей постелѣ.

30-го Іюня я былъ дежурный. Мы встали во второмъ часу по полуночи, а поѣхали въ два. Мы долго ѣхали съ фонарями. Алексѣй Петровичъ такѣ рано отправился, чтобъ ѣхать одному и дабы избѣжать встрѣчи отъ Шахъ-Зады-Абдуллы-мирзы, но не удалось: встрѣча была уже заготовлена, и чиновники ночевали въ селеніяхъ, около Занджана лежащихъ. Ночью еще встрѣтили мы амилахвара или конюшаго Шахъ-Зады съ двумя скороходами и верховой лошадью для Алексѣя Петровича. На разсвѣтѣ были мы уже въ виду Занджана. Тутъ встрѣтилъ насъ Али-Мерданъ-ханъ. При немъ было человѣкъ съ 50 конницы оборванныхъ. Лошадь подведенная послу была очень посредственна. Посолъ сѣлъ въ дрожки и продолжалъ путь свой доброй рысью, оставя Али-Мерданъ-хана позади. Вскорѣ встрѣтилъ насъ визирь Абдуллы-мирзы, мирза-Магмудъ-Таги, человѣкъ молодой и весьма пріятной наружности. Посолъ сѣлъ верхомъ и поѣхалъ шагомъ, разговаривая всю дорогу съ визиремъ. Городъ Занджанъ, хотя и не великъ, но гораздо лучше Тавриза. Жители здѣсь лучше одѣты и имѣютъ веселый взглядъ и вольное обхожденіе. Городъ сей есть столичный Кумшеескаго уѣзда, которымъ управляетъ вышеупомянутый Шахъ-Зады, молодой человѣкъ.

Соколовъ, Мазаровичъ и Лачиновъ 29 числа ввечеру поѣхали сюда и заняли для посольства домъ визиря. Домъ сей имѣетъ нѣсколько дворовъ и 33 комнаты. Визирь самъ ввелъ насъ.

Передъ обѣдомъ пришелъ съ почтеніемъ къ Алексѣю Петровичу мирза-Гуссейнъ, племянникъ мирзы-Абулъ-Гассанъ-хана, Персидскаго посла. Его позвали на вечеръ; онъ опять пришелъ; посадили его за шахматы, и я у него выигралъ двѣ игры и вспомнилъ ему, какъ онъ въ Петербургѣ мнѣ столько же проигралъ. Онъ долго сидѣлъ; его потчивали пуншемъ и разсказали ему всѣ мерзости его соотечественниковъ и дурной пріемъ, который намъ оказывали во всю дорогу. Онъ удивился и увѣрялъ посла, что счеты выведены ужасные для шаха, и что послѣдній не сомнѣвается въ истинѣ оныхъ; между тѣмъ генералъ сказалъ ему, что изъ Енгидже отправленъ обратно курьеръ, пріѣхавшій изъ Карабанга съ извѣстіемъ, что Карадагскій ханъ дѣлалъ набѣги въ наши границы и увозилъ цѣлыя селенія. Курьеръ сей имѣлъ письмо отъ насъ къ Абазъ-мирзѣ. Алексѣй Петровичъ не

ручался ему, чтобы во время пребыванія нашего въ Султаніи не пришло извѣстія къ шаху, что войска наши уже въ Тавризѣ. Онъ увѣрялъ насъ въ дружественныхъ расположеніяхъ своего государя къ нашему двору и назвалъ двухъ или трехъ изъ главныхъ чиновъ въ государствѣ, которые ищутъ войны съ нами, въ томъ числѣ мирзу-Бюзюрга въ Тавризѣ. Карадагскій ханъ въ самомъ дѣлѣ воюетъ, расположилъ шайку при Худоперинскомъ мосту на Араксѣ, грабитъ всѣхъ проѣзжихъ и ругаетъ безъ милости Абазъ-мирзу и насъ. Мирзу-Гуссейна пригласили на другой день, дабы вручить ему копію съ письма, посланнаго къ Абазъ-мирзѣ, и со списка требованій нашихъ для ежедневнаго продовольствія; онъ также обѣщался вручить послу списокъ отпускаемаго Персіянами ежедневно для насъ, показанный шаху. Алексѣй Петровичъ разругалъ въ лицо Назаръ-Али-бека, которому онъ наканунѣ запретилъ извѣщать визиря о томъ, что мы ночью поѣдемъ въ Занджанъ. Мирза-Гуссейнъ извѣстилъ еще посла, что шахъ приказалъ Абазъ-мирзѣ извиниться передъ нимъ въ дурномъ пріемѣ, который ему былъ оказанъ въ Тавризѣ, что до шаха дошло ложное извѣстіе, что изъ Тавриза были высланы важнѣйшіе чиновники нагнать Алексѣя Петровича и что они извинялись.

Вчера поутру былъ у посла визирь. Послѣ завтрака были съ посломъ у Шахъ-Зады нѣсколько чиновниковъ посольства, а именно: Соколовъ, Негри, Худобашевъ, Рыхлевскій, Ивановъ, я, Ермоловъ, Бебутовъ, Бековичъ, Джимбулатъ и переводчикъ Мадатовъ. Абдулла похожъ какъ двѣ капли воды на Абазъ-мирзу, борода у него только побольше; ему только 20 лѣтъ отъ роду, видъ у него пріятный. Дворецъ его стоитъ рядомъ съ нашимъ; на первомъ дворѣ стоялъ баталіонъ регулярной пѣхоты; второй дворъ еще отстраивается; человѣкъ 300 каменщиковъ наономъ работали и пѣли. Къ чему ихъ присылали? Дабы показать намъ благосостояніе народа. Мы посмѣялись и пошли далѣе на третій дворъ, гдѣ находится пріемная комната Абдуллы. Мы всѣ сидѣли у него; посолъ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, на которыя онъ плохо отвѣчалъ. Шахъ-Зады потчивалъ насъ чаемъ. Посидѣвъ у него съ полчаса, посолъ представилъ ему насъ всѣхъ и раскланился съ нимъ. Послѣ обѣда посолъ посылалъ къ Шахъ-Задѣ мороженаго, которое ему отмѣнно понравилось.

Генералъ ходилъ послѣ полудни къ Абдуллѣ-мирзѣ только съ однимъ переводчикомъ. Передъ вечеромъ посылали къ нему музыкантовъ и пѣвчихъ; они тамъ играли. Шахъ-Задѣ понравился въ особенности тромбонъ. Онъ подарилъ имъ 1,000 р. на ассигнаціи.

Все въ посольствѣ утихло, ни споровъ, ни ссоръ болѣе не видать; но гнѣздо мерзостей открылось. Коцебу подлый, низкій, но ум-

ный человѣкъ поддѣлался къ простому Иванову, водитъ его за носъ и ссоритъ со всѣми; какъ ни взгляни къ нимъ въ горницу, вѣчно шепчутся, либо бранятся. Но замыслы ихъ не дѣйствуютъ внѣ халуйскаго ихъ союза.

Сегодняшній день (4-го іюля) назначенъ для похода; но вчера около полдня пріѣхалъ фельдъегерь изъ Петербурга, привезъ много бумагъ и писемъ. Я получилъ восемь писемъ, наполненныхъ чувствами дружбы. Всѣ меня зовутъ назадъ, по окончаніи посольства; но я рѣшился сказаться больнымъ, если меня Алексѣй Петровичъ вздумаетъ отправить въ Петербургъ, и перейти въ какой нибудь армейскій полкъ, въ Грузіи находящійся. Мундиры наши перемѣнены изъ двухбортныхъ въ однобортные въ 9 пуговицъ.

Вчера (9 іюля) я былъ дежурнымъ. Часу въ 8-мъ утра поѣхалъ Алексѣй Петровичъ въ Султанію. Тамъ находился Леташинскій съ подарками къ Персидскому двору. Онъ ѣхалъ изъ Петербурга чрезъ Астрахань, а тамъ моремъ до Решта, оттуда же въ Султанію. Посолъ смотрѣлъ зеркала и нашелъ ихъ въ цѣлости, что́ весьма трудно было соблюсти, ѣдучи ужасной дорогой, въ краю, гдѣ повозокъ нѣтъ. Зеркала сіи необыкновенной красоты и величины. Дворецъ построенъ изъ жженнаго кирпича на невысокомъ пригоркѣ. Нѣтъ порядочнаго помѣщика въ Россіи, у котораго бы домъ не былъ лучше несчастнаго сего дворца. На стѣнахъ живопись весьма плохая и бѣдная; крыльца такъ дурно выстроены, что съ трудомъ можно по онымъ взбираться. Комнаты маленькія, нечистыя. Гаремъ шахскій построенъ кружкомъ на дворѣ, имѣетъ одну среднюю комнату съ кружкомъ весьма неправильно на полу начерченымъ; по четыремъ угламъ есть четыре чуланчика, въ которыхъ живутъ жены его. Когда онъ приходитъ въ сераль, онъ садится въ срединѣ кружка на полу, а жены его выходятъ и окружаютъ его. На другомъ дворѣ множество чуланчиковъ нечистыхъ, скорѣе нужниковъ, въ которыхъ живутъ его наложницы и танцовщицы; на верху сдѣлана галерейка; крыльцо на оное ведущее такъ круто, узко и низко, что съ большимъ трудомъ можно на оное взобраться. Въ одной изъ его комнатъ (картинной) изображена на стѣнѣ въ самомъ карикатурномъ видѣ охота. Шахъ въ срединѣ картины верхомъ колетъ лань; онъ изображенъ въ коронѣ и въ полной царской аммуниціи, смотритъ на зрителей; борода его отъ вѣтра наклонена назадъ, голова его гораздо больше лошадиной, туловище короче головы съ бородой, а талія тоньше руки; ноги же еще гораздо короче въ половину туловища. Нельзя описать, какъ смѣшна сія картина. Мы хохотали до умора. На другихъ стѣнахъ написаны въ ростъ всѣ его дѣти, также весьма каррикатурно. Въ сей комнатѣ провѣтривали мѣха, ко-

торые въ подарокъ скотамъ симъ везутся, соболи и горностаи удивительной красоты; одинъ мѣхъ соболій оцѣниваютъ въ 30,000 рубл. кабинетной цѣны. Жалко было смотрѣть на сіи вещи. Что черезъ мѣсяцъ или два они будутъ въ рукахъ непросвѣщенныхъ, скотообразныхъ царей, которые напустятъ ихъ полныя вшами! Сада въ Султаніи никакого нѣтъ, только нѣсколько деревьевъ видно; но общій видъ довольно хорошъ. Видны развалины древняго города, видна мечеть огромная и величественная, оставшаяся отъ древнихъ временъ; она служитъ гробницей славному Годабундѣ; вдали еще нѣсколько башенъ торчатъ среди развалинъ. День былъ весьма жаркій. Около 2-го часа пополудни Алексѣй Петровичъ отправился назадъ. Отъѣхавъ версты четыре, встрѣтились мы съ пятью Татарами, ѣхавшими со вьюками. Генералъ тотчасъ узналъ ихъ, что они должны быть наши, поклонился имъ и велѣлъ сперва Бековичу, а потомъ мнѣ спросить у нихъ, откуда они ѣдутъ. Бековичу они сказали, что ѣдутъ отъ Исмаилъ-хана (Исмаилъ-ханъ, перебѣжавшій изъ Хои къ намъ и получившій Шахинское ханство); мнѣ же они сказали, что они ѣдутъ изъ Шехи. Генералъ, подозрѣвая ихъ, что у нихъ есть какія нибудь измѣнническія бумаги отъ Исмаилъ-хана, который уже давно въ подозрѣніи, велѣлъ мнѣ обыскать ихъ и отобрать бумаги, и уѣхалъ впередъ. Я поѣхалъ назадъ, нагналъ ихъ и встрѣтилъ Петра Николаевича, Бебутова и Мадатова съ тремя казаками. Остановивъ всѣхъ, я объявилъ Татарамъ требованіе генерала; они согласились и отдали мнѣ шесть бумагъ, а какъ я у нихъ еще спрашивалъ и хотѣлъ развьючить лошадей для осмотра чемодановъ, они стали противиться и ругать насъ, говоря, что они жители Хойскіе и что мы никакого права не имѣемъ ихъ обыскивать (Исмаилъ-ханъ въ самомъ дѣлѣ окруженъ Хойскими жителями, но сіи считаются нашими подданными); а когда я имъ приказалъ ѣхать къ намъ въ лагерь въ Семонархію, одинъ изъ нихъ выхватилъ кинжалъ на переводчика Мадатова, ругая его. Я вынулъ саблю и замахнулся на него; онъ торопился вложить кинжалъ, не переставалъ однакоже браниться, и мы никакъ не могли воротиться. И такъ мы принуждены были ѣхать съ ними впередъ въ Султанію къ визирю. Хотѣлось ихъ заставить ѣхать назадъ; но Петръ Николаевичъ тутъ назвался старшимъ и повелъ ихъ къ визирю. Сіе было конечно благоразумнѣе, но совсѣмъ неутѣшительнѣе. Они визирю объявили, что они Персіяне. Визирь хотѣлъ было ихъ наказать; но мы требовали, чтобъ ихъ къ намъ прислали. Всѣ наши уѣхали, и я остался одинъ съ двумя казаками и Мадатовымъ, дождался проводника и поѣхалъ назадъ. Въ лагерѣ Алексѣй Петровичъ велѣлъ отдать ихъ подъ караулъ, и оказалось по двумъ изъ бумагъ, что они

точно жители Шехинскаго ханства. Одна изъ сихъ записокъ была на Грузинскомъ языкѣ и дана отъ Тифлисскаго жителя. Какъ они не признавались, то генералъ велѣлъ повалить того, который вынулъ кинжалъ и выдрать его; ему попалось 700 нагаекъ, послѣ чего его переложили черезъ вьюкъ и отправили въ Султанію къ визирю съ казакомъ.

Мы здѣсь начали пить Ширазское вино, которое намъ по-малу присылается; оно прекрасно, имѣетъ нѣсколько вкусъ Венгерскаго.

12 числа мирза Абулъ-Вагабъ посѣщалъ генерала; ему показывали рисунки Мошкова, которыми онъ восхищался; онъ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на видъ, изображающій Тифлисскую крѣпость, думая открыть изъ сего средство для взятія оной. Ввечеру мы приглашены были къ нему на обѣдъ. По закону ихъ въ нынѣшній постъ мусульмане не ѣдятъ до захожденія солнца, и насъ морили голодомъ до того времени; наконецъ, сѣли за столъ; подали 30 слишкомъ блюдъ, изъ коихъ едва ли можно было пяти отвѣдать. Иныя блюда подавали по два раза; несчастныя курицы были представлены въ десяти разныхъ кислыхъ и сладкихъ видахъ (совершенно несъѣдомыхъ); конфекты всѣ были сдѣланы на бараньемъ салѣ. Хорошаго было только одно вино. Мы сидѣли до 10 часа за сими мерзостями.

Вчера (13 іюля) ввечеру прибылъ князь Бековичъ съ извѣстіемъ, что шахъ находится въ 7 агачахъ отсюда и что черезъ пять дней онъ будетъ въ Султанію. Бековичъ былъ третьяго дни посланъ генераломъ, потому что нельзя было вѣрить ложнымъ словамъ Персіянъ, которые все таили его прибытіе отъ насъ.

15-го числа генералъ отправилъ меня изъ Семонархіи для устроенія лагеря въ Султаніи. Я поѣхалъ ввечеру съ Рыхлевскимъ, Воейковымъ, Леонидзевымъ и Леташинскимъ. Пріѣхавъ на лагерное мѣсто, мы увидѣли множество палатокъ, поставленныхъ для Персидскихъ чиновниковъ и для войска. Бабалиханъ, который ѣхалъ съ подарками, показалъ мнѣ мѣсто, отведенное для насъ. Лачужка, служившая гаремомъ для женъ садръ-Азама-мирзы-Шефи, перваго чиновника въ государствѣ, назначена была для жительства посла; но домъ былъ въ весьма плохомъ состояніи и неспособенъ даже для помѣщенія команды; посолъ же самъ не хотѣлъ занять онаго. Лагерь нашъ долженъ былъ быть обращенъ лицомъ ко дворцу; передъ нимъ площадь, по бокамъ палатки разныхъ вельможъ, а сзади базаръ. Персіяне по обыкновенной своей вѣжливости отвели намъ самое неровное мѣсто; ямъ было множество и преглубокихъ: на семъ мѣстѣ должно было разбить нашъ лагерь. Впереди ровнаго мѣста не давали мнѣ ни шагу, говоря, что впереди палатки мирзы-Шефи никто стоять не смѣетъ. Со мною было три казака и десять гренадеръ. Я послалъ Лачинова къ генералу, дабы

доложить ему мое тѣсное положеніе; онъ въ тотъ же вечеръ воротился. Генералъ велѣлъ мнѣ стараться сдѣлать какъ надобно. Какъ я на своемъ настаивалъ, то Бабалиханъ послалъ курьера къ шаху, который былъ за два перехода отсюда, съ донесеніемъ о моихъ требованіяхъ; я сомнѣваюсь, чтобы онъ сіе сдѣлалъ, но онъ однакоже сказалъ мнѣ, что посланный его долженъ черезъ нѣсколько часовъ воротиться; онъ солгалъ по обыкновенію Персіянъ; я сіе зналъ и не видалъ человѣка и не слыхалъ отвѣта.

16-го числа надлежало вымѣрить мѣсто, поставить подарочныя палатки, устроить въ нихъ земляные столы для разстановленія вещей, принять 35 палатокъ большихъ и потребное число маленькихъ, выравнить мѣсто, нарыть колодцы и выстроить кухню, а работниковъ у меня ни одного. Переставивъ одну большую подарочную палатку, я послалъ просить Занджанскаго визиря и Бабалихана, объявивъ имъ свои требованія и нужду, которую мы имѣли въ пищѣ и жильѣ. Касательно палатокъ они мнѣ отвѣчали, что по пріѣздѣ шаха будетъ у меня ихъ сотня, работниковъ обѣщали дать 50 мужиковъ, а о пищѣ сказалъ Бабалиханъ, чтобы мы не безпокоились; ибо гостей г. Леташинскаго онъ считалъ за своихъ и потому онъ насъ будетъ довольствовать. Между тѣмъ работа наша не подвигалась, пища была весьма скудна и плоха.

Подлѣ лачуги мирзы-Шефи, была поставлена пріемная наша палатка. Визирь сказалъ намъ, чтобы мы не становились въ оной, а на время бы заняли любую изъ пустыхъ Персидскихъ, стоявшихъ на лѣвой рукѣ. Мы зашли нечаянно въ палатку главнаго ихъ муллы и велѣли принести завтракъ, привезенный прежде еще изъ Семонархіи. Тутъ фараши обступили насъ и просили, чтобы мы не осквернили полы виномъ и водкой; фарашей поколотили и разогнали. Послѣ завтрака однакоже мы велѣли привести въ порядокъ пріемную палатку и перешли въ нее; намъ все-таки не дали ковровъ. 17-го числа Бабалиханъ отказался насъ кормить, говоря, что сіе зависитъ отъ визиря, а не отъ него. Я нѣсколько разъ посылалъ унтеръ-офицера отъ одного къ другому; они переругивались черезъ него; наконецъ, видя, что толку никакого нѣтъ, я просилъ продовольствія изъ Семонархіи. Намъ сталъ понемногу посылать нашъ казначей; но какъ къ вечеру лошадямъ не было сѣна, я послалъ онаго насильно взять изъ стога Бабалихана, который велѣлъ своимъ людямъ защищаться. Тогда я самъ къ нему пошелъ и требовалъ у него объясненія его поступка; онъ струсилъ и спросилъ меня, получилъ ли я отъ него вчера сѣна.—Получилъ.—Ну такъ я вамъ и сегодня велю дать. Сѣно взяли и разстались.

Въ тоже самое утро прибыли работники изъ селенія. Я началъ заравнивать лагерное мѣсто и строить столы въ подарочной палаткѣ. Сей день былъ 30° тепла; я простоялъ большую часть дня на солнцѣ, смотря за работниками, которые отъ изнуренія едва переставляли ноги. Ихъ принуждали, держали цѣлый день до захожденія солнца, и въ слѣдующіе дни они приходили съ разсвѣтомъ и ночью уходили. Жалко было смотрѣть на сихъ несчастныхъ; я выпросилъ у генерала малую плату для нихъ, по полуреалу на человѣка въ день и каждый вечеръ самъ дѣлалъ раздачу. Множество народа разнаго званія приходило любопытствовать на насъ и, разговаривая съ работниками, мѣшали имъ; я ихъ разгонялъ и, захватывая въ плѣнъ нѣкоторыхъ купцовъ, сарбазовъ, служителей ханскихъ, заставлялъ насильно работать. Малѣйшая обида отъ какого нибудь Персіянина нашему человѣку наказывалась строго: его отводили въ караульню и при стеченіи всего удивленнаго народа наказывали, послѣ того разгоняли зрителей. Обхожденіе сіе я счелъ за нужное здѣсь, чтобы показать, сколь въ скотообразномъ семъ народѣ подлости и трусости. Персіяне боятся нашего солдата, какъ огня, до такой степени, что мы захватывали внѣ нашего лагеря ихъ сарбазовъ (солдатъ) и тащили ихъ въ работу. Когда же я ходилъ на базаръ, то со всѣхъ сторонъ также собирался народъ и часто ругали меня; но стоило имъ только погрозить и пустить въ кучку камнемъ, чтобы всѣхъ разогнать.

Хваленый базаръ въ Султаніи состоитъ изъ нѣсколькихъ изорванныхъ палатокъ, расположенныхъ улицей. Высокіе товары Персіи на семъ базарѣ суть земляные горшки и гнилые плоды; шалей или матерій нѣтъ почти совсѣмъ, а которыя и есть, такъ дурны и дороги, что купить ихъ стыдно. Каждый шагъ нашъ въ проклятой сей землѣ доказываетъ намъ снова, сколь мы обмануты были путешественниками: пышности замѣняются бѣдностью, гостепріимство и ловкость—звѣрствомъ, подлостью, гордостью, воровствомъ, пьянствомъ, грабежомъ, свинствомъ и ложью; прелести земли, рощи апельсинныя и лимонныя, замѣняются степью каменистою, безводною; пышные города—норами; прекрасный климатъ—сильнымъ жаромъ днемъ и сильнымъ вѣтромъ и холодомъ ночью; множество дичи—множествомъ змѣй, тарантулъ, фалангъ, скорпіоновъ и клоповъ.

Задавъ такимъ образомъ страхъ окружающимъ меня Персіянамъ, я учредилъ строгую полицію, и мимо нашего лагеря Персіяне бѣжали не оглядываясь; но со всѣмъ симъ я во все время работы своей былъ на своихъ средствахъ. Помощника со стороны ихъ правительства никого не было. Бабалиханъ исчезъ, визирь Занджанскій исчезъ. Отъ мирзы-Мулъ-Давле явился ко мнѣ фарашъ-баши съ почтеніемъ; онъ

объявилъ, что посланъ для исполненія моихъ приказаній. Я, первое, велѣлъ завтракать подать; онъ по обыкновенію Персидскому поклялся глазами своими, что сейчасъ принесетъ, понесся за онымъ и далъ драла какъ и всѣ прочіе. Я о сю пору жду сего завтрака.

17-го же числа прибылъ въ Султанію Алаіарханъ (женатый на дочери шахской). Ему препорученъ былъ отъ шаха нашъ лагерь, и приказано доставить намъ все нужное. Онъ ѣхалъ по нашему лагерю и остановился передо мною. Я ему разсказалъ все, что̀ со мною дѣлалось; онъ обѣщался все доставить, но обѣщаніе его было подобно всѣмъ обѣщаніямъ Персіянъ. Алаіарханъ просилъ меня, чтобы я ему показалъ, сколько мѣста займетъ нашъ лагерь. Когда я отмѣрилъ ему 80 саженъ въ ширину, колья послѣдней нашей палатки приходились вплоть къ палаткѣ мирзы-Мулъ-Давле. Я вымѣрилъ нарочно съ запасомъ, потому что̀ зналъ подлую страсть Персіянъ торговаться.

Такъ и случилось. Алаіарханъ просилъ меня уступить ему нѣсколько шаговъ, на что я съ трудомъ согласился. Потомъ онъ сталъ требовать, чтобы мы совсѣмъ тутъ палатки не ставили, потому что было слишкомъ близко къ мирзѣ-Мулъ-Давле, а что къ сей великой особѣ должно было имѣть уваженіе. Я ему отвѣчалъ, что уваженіе должно имѣть къ послу Россійскаго государства и къ гостю, и что я ни на шагъ не подамся болѣе; впрочемъ, уважая его сіятельство, я не буду снимать насильно палатки мирзы-Мулъ-Давле, а только вколочу въ нее колья отъ моей палатки, и что она можетъ покойно остаться на своемъ мѣстѣ. Алаіарханъ уѣхалъ и препоручилъ мнѣ одного приближеннаго садръ-Азаму мирзѣ-Шефи, Афрасіабъ-бега. Садръ-Азамъ его весьма любитъ, самъ старъ и имѣетъ множество женъ. Афрасіабъ же втерся къ нему въ гаремъ, и у старика каждый годъ неожиданнымъ образомъ родится по нѣскольку дѣтей. Афрасіабъ просилъ меня, чтобы я ему снова мѣсто вымѣрилъ; я ему отвѣчалъ, что имъ 20 разъ не намѣренъ вымѣрять и что онъ самъ можетъ симъ заняться. Велѣлъ ему завтракъ принести; онъ поклялся глазами, побѣжалъ и о сю пору еще не приходилъ.

18-го числа пріѣхалъ къ намъ Алексѣй Петровичъ. Алаіарханъ прислалъ къ нему три подноса съ плодами, но генералъ отправилъ ихъ назадъ (что̀ у Персіянъ большая обида), разругалъ Махмедъ-Алибека, приставленнаго ко мнѣ мехмендаремъ и обѣщался арестовать его.

Махмедъ - Али - бекъ былъ съ посольствомъ въ Россіи и видѣлъ хорошій пріемъ, который имъ дѣлали у насъ; но ни упреки, ни выговоры, ни руганія на него больше не дѣйствовали: онъ все обѣщался, на все соглашался, но ничего не приносилъ, да и драла давать не смѣлъ. Здѣсь надобно сдѣлать замѣчаніе, что у Персіянъ ничего казен-

наго нѣтъ; области, войска, палатки, доходы государственные, все собственность какого нибудь Шахъ-Зады или хана, или самаго шаха. Иначе не можетъ быть въ совершенно самовластномъ правленіи, и потому-то для насъ ни одной палатки, ни одного ковра не было заготовлено, а все отбирали насильно у хановъ и купцовъ. Несчастный Афрасіабъ пострадалъ за сіе. Алаіарханъ, получивши отказъ въ подаркахъ, обвинилъ Афрасіаба, разложилъ его и отодралъ порядкомъ.

19-го числа утромъ, по залпу данному изъ замбураговъ (или фалконетовъ на верблюдахъ) мы узнали, что шахъ съ мѣста тронулся. Онъ ночевалъ въ 4-хъ верстахъ за Султаніею. Второй залпъ возвѣстилъ намъ, что онъ на половинѣ дороги. Посолъ поѣхалъ въ синемъ сюртукѣ частнымъ образомъ посмотрѣть его въѣздъ. Господа, бывшіе съ нимъ, поѣхали въ разсыпную, а я остался смотрѣть за работами. Алаіарханъ поспѣшилъ туда же, нашелъ нашего генерала и разными подлостями искалъ помириться съ нимъ. Пѣхота была разставлена въ двѣ линіи по дорогѣ; то были джанбазы, ихъ тутъ около 6000 человѣкъ. Шахъ ѣхалъ одинъ, впереди шелъ л.-г. верблюжій его полкъ, а сзади поодаль ѣхали его чиновники. Увидя нашихъ господъ, онъ привсталъ на стремена и закричалъ имъ *хошъ-елди*, что̀ значитъ поперсидски добро пожаловать. Персіяне всѣ рты разинули и удивлялись необычайной сей милости царской. Шахъ призвалъ къ себѣ Алаіархана и приказалъ ему показать нашимъ войска свои, что тотъ и исполнилъ во весь духъ. При третьемъ залпѣ шахъ въѣхалъ въ свою лачугу. Войска Персидскія всѣ мимо нашего лагеря прошли, также и слонъ шахскій. Весьма странно для Европейца видѣть сей л.-г. верблюжій полкъ. Они всѣ обвѣшаны красными лоскутами и служатъ каждый лафетомъ для одной пущенки. Они хорошо выучены и, говорятъ, скачутъ скорѣе лошади, немилостиво ревутъ и воняютъ. Гдѣ пышность Персидскаго двора? Кромѣ лоскутовъ, свинства и нѣсколькихъ жемчуговъ ничего не видно. Сколько насъ обманули!

Посолъ приказалъ мнѣ сходить къ Алаіархану и требовать у него самымъ учтивымъ образомъ что̀ мнѣ надобно. Я къ нему пошелъ и требовалъ у него сперва: 1) Чтобы людскія палатки мирзы-Мулъ-Давле, поставленныя въ нашъ лагерь, были сняты. 2) Чтобы пріемную палатку онъ позволилъ впередъ подать. 3) Чтобы дали работниковъ больше. Онъ мнѣ на первое отвѣчалъ, что велитъ сіе сдѣлать и назначилъ одного человѣка для сего; но сей человѣкъ ко мнѣ не пришелъ. Махмедъ-Али-бекъ послѣ сказалъ, что Алаіарханъ сего никогда не обѣщалъ; его поругали, а палатки сіи теперь еще сплетены веревками съ нашими. На второе онъ мнѣ сказалъ, что сего никакъ нельзя сдѣлать безъ доклада шаху. Видя ихъ безпрерывную

ложь, я поставилъ полученную мною палатку, перешелъ въ нее жить, велѣлъ повалить пріемную и сказалъ Персіянамъ, что они могутъ ее ставить гдѣ хотятъ, а что въ своемъ лагерѣ я ей не позволю стоять; что если они ее за нужниками поставятъ, то тамъ и будутъ ихъ чиновниковъ принимать. Сіе удалось, какъ мы послѣ увидимъ.

Касательно работниковъ онъ отвѣчалъ мнѣ, что прикажетъ; но его также мало слушаютъ, какъ и шаха и другихъ вельможъ въ Персіи. Скажутъ *башуста-гезуста*, уйдутъ и не придутъ. По сей самой причинѣ ничего въ Персіи не дѣлается; нѣтъ ни одного чиновника при дворѣ шахскомъ, который не былъ бы оскверненъ множествомъ преступленій. Садръ боится требовать съ хана, ханъ боится фараша. Въ другомъ случаѣ они никакъ не хотятъ вѣрить, чтобы ихъ не слушались. Если садръ велитъ хану что-нибудь выдать, или продовольствовать кого нибудь, то ханъ сіе долженъ изъ своего кармана сдѣлать, и прикажетъ фарашамъ, которые насильно отымаютъ у кого бы то не случилось, хоть у другаго хана; если же тотъ отобьется, то ничего не получишь. Будешь старшему жаловаться, онъ десять разъ будетъ приказывать, и столько же разъ его не послушаютъ. Точно такимъ же образомъ поступаетъ шахъ, дабы избѣжать издержекъ, которыя ему посольство причинить можетъ; ибо при всей бѣдности, въ которой насъ держатъ, счеты выводятъ ужасные. Садръ-Азаму мы даны на руки (все посольство), какъ гости: онъ обязанъ насъ кормить и поить и грабитъ для сего другихъ, не издерживая ничего. Алаіарханъ мнѣ еще объявилъ, что какъ садръ-Азамъ самъ пріѣхалъ, то онъ никакого права болѣе не имѣетъ мѣшаться въ распоряженія, а чтобы я обо всемъ относился къ самому садру-мирзѣ-Шефи.

Часу въ 12-мъ пріѣхалъ Соколовъ. Онъ имѣлъ препорученіе отъ посла похлопотать съ садръ-Азамомъ о лагерѣ и церемоніалѣ при нашемъ въѣздѣ въ Султанію. Посолъ объявилъ, что онъ прежде не тронется изъ Семонархіи, пока не получитъ отъ меня донесенія, что все здѣсь готово, потому что мирза-Шефи приставалъ къ нему, чтобы онъ пріѣхалъ. Мирза-Шефи безтолковый, дрянный старичишка и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что лагерь не готовъ.

Соколовъ, я и Воейковъ поѣхали въ диванъ-хану или совѣтъ главныхъ государственныхъ чиновъ; тутъ они сидятъ по нѣскольку часовъ въ сутки, курятъ кальянъ, дремлютъ и молчатъ, окруженные множествомъ оборванныхъ слугъ. Ихъ сидѣло семь человѣкъ, въ томъ числѣ Тавризская каналья мирза-Бюзюргъ, мирза-Мулъ-Давле и Алаіарханъ. Садръ былъ у шаха. Намъ поставили стулья, мы сѣли, и Соколовъ далъ сильно почувствовать Алаіархану, какъ они нагло поступаютъ.

Садръ черезъ полчаса пришелъ и поговорилъ о пустякахъ. Соколовъ ему сказалъ наотрѣзъ, что онъ имѣетъ съ нимъ нужду о важныхъ дѣлахъ наединѣ поговорить. И такъ онъ и мы поѣхали къ нему въ палатку. Присутствовали тутъ мирза-Бюзюргъ, Абдулъ-Вагабъ и Аскеръ-ханъ. Я постараюсь описать разговоръ Соколова съ мирзой-Шефи.

Соколовъ. Я вашему сіятельству докладываю, что присланный отъ посла капитанъ Муравьевъ живетъ уже нѣсколько дней въ Султаніи; ему все обѣщаются дать, вы приказываете, но онъ ничего не имѣетъ, ни палатокъ, ни продовольствія для людей, ни работниковъ.

Садръ. Сколько вамъ нужно палатокъ?

Соколовъ. 33 большихъ, а маленькихъ сколько капитанъ потребуетъ.

Садръ. У насъ больше 12 большихъ нѣтъ.

Соколовъ. Намъ обѣщались дать полное число ихъ.

Садръ. Ихъ нѣтъ, и мы 12 съ трудомъ соберемъ.

Соколовъ. Это удивительно! Вашъ посолъ, кажется, не нуждался въ домахъ въ Россіи; ему за 8 мѣсяцевъ до его пріѣзда наняли большой домъ въ Петербургѣ, и онъ не посылалъ чиновниковъ, чтобы хлопотать изъ-за палатокъ.

Садръ. Да, у васъ въ Россіи нѣтъ ста палатокъ подобныхъ моей (палатка его хороша, но весьма обыкновенна и въ заплатахъ), а вы ихъ столько требуете! (Обратясь къ Абдулъ-Вагабу) Хорошо ли я отвѣчалъ?

Соколовъ. Извините, ваше сіятельство, вы никогда не видали и не увидите того, чтó у насъ въ Россіи есть; еслибъ вы въ Эривани намъ дали знать, что средства ваши не позволяютъ вамъ принять Русское посольство и что вы не можете Русскимъ чиновникамъ дать посредственныя палатки за неимѣніемъ оныхъ въ цѣлой Персіи, то мы бы купили холста и нашили бы палатокъ или выписали изъ Россіи нѣсколько палатокъ изъ числа 500 Турецкихъ, взятыхъ нами въ одну войну и унизанныхъ жемчугами.

Садръ. Я совершенно увѣренъ, что у васъ въ Россіи все есть; но намъ не годится ссориться, когда государи наши въ дружбѣ.

Соколовъ. Вы первые начали, а Русскій не потерпитъ никогда обиды. Скажите мнѣ, наконецъ, утвердительно, получимъ ли мы требуемое число палатокъ?

Садръ. Я вамъ уже сказалъ, что ихъ у насъ нѣтъ.

Соколовъ. Такъ прикажите намъ отвести деревню; мы помѣстимъ въ палаткахъ сколько можно приличнымъ образомъ помѣстить Русскихъ чиновниковъ, другую же половину посольства отправимъ

въ селеніе, а оттуда въ Россію съ письмомъ къ Государю, дабы извѣстить его, какъ мы здѣсь приняты.

Садръ. Этого сдѣлать нельзя. Возьмите 12 палатокъ и старайтесь расположиться въ оныхъ.

Соколовъ. Посолъ сего никакъ не потерпитъ; 33 палатки или селеніе.

Садръ. Ей-Богу нѣтъ 33-хъ, я бы охотно далъ.

Соколовъ. Посолъ сюда не будетъ, пока онъ не получитъ донесенія отъ капитана, что здѣсь все готово.

Садръ. Да здѣсь все готово, у него будутъ тѣже палатки, въ которыхъ онъ въ Семонархіи живетъ (Абдуллы-мирзы).

Соколовъ. Я вамъ уже сказалъ, что ничего нѣтъ; васъ обманываютъ ваши люди. Вы можете связать посла и его насильно притащить, иначе онъ не будетъ.

Садръ. Помилуйте, какъ можно! Да неужели вы хотите каждому чиновнику по большой палаткѣ дать; я самъ только одну имѣю. Сколько у васъ чиновниковъ и поскольку вы въ палатку поставить хотите?

Соколовъ. Я вамъ не обязанъ отчета въ томъ давать; вамъ списки прежде были даны, а теперь требуютъ у васъ 33 палатки или селеніе.

Садръ. Если посторонніе люди услышатъ, что мы здѣсь кричимъ, то они дурно подумаютъ объ насъ.

Соколовъ. Я вамъ ни на шагъ не уступлю и никогда вамъ не позволю на себя кричать. Дадите ли вы 33 палатки или селеніе?

Садръ. Я постараюсь вамъ палатки достать; только потерпите, а ввечеру я вамъ пришлю списокъ того, что̀ мы вамъ дать можемъ.

Соколовъ. Хотя я и знаю важныя ваши занятія, но я принужденъ вамъ о бездѣлицахъ говорить, потому что насъ не удовлетворяютъ въ нихъ.

Садръ. Что̀ такое?

Соколовъ. Люди наши здѣсь съ голоду умираютъ; покупать имъ не позволяютъ, говоря, что сіе стыдно для Персидскаго правленія, а ѣсть ничего не даютъ.

Садръ. Я сему не вѣрю.

Соколовъ. Когда Русскій офицеръ сіе сказалъ, то вы должны вѣрить: онъ благородный человѣкъ (указывая на меня).

Садръ. Г. капитанъ, я васъ препоручаю Махметъ-Али-беку; онъ вамъ все доставитъ, требуйте только.

Я. Объявляю вамъ, ваше сіятельство, что я съ Махметъ-Али-бекомъ никакого дѣла имѣть не хочу, ибо онъ меня по пяти разъ на день

обманываетъ, а вамъ говоритъ, что все сдѣлалъ. Чѣмъ съ нимъ хлопотать, я охотнѣе на свои средства пущусь.

Садръ. Вотъ вамъ ханъ, если вы Махметъ-Али-бекомъ недовольны. Довольны ли вы теперь?

Я. Я буду доволенъ всякимъ фарашемъ, который бы слушался вашего сіятельства.

Я ушелъ. Соколовъ остался съ нимъ церемоніалъ устраивать, а я вывелъ хана и требовалъ у него ѣсть. Онъ прислалъ все, что̀ мнѣ нужно было, но на другой день бѣжалъ, а я опять остался безо всего. Видя впослѣдствіи времени, что насъ совсѣмъ заморятъ, я писалъ въ Семонархію, чтобы намъ оттуда присылали. Мнѣ оттуда отвѣчаютъ, что уже второй день, какъ не получаютъ половины того чего требуютъ, однако же намъ доставляли по нѣскольку и прислали поваренка. Хотя частые Семонархскіе гости и объѣдали насъ, но мы довольны были.

Въ тотъ же самый вечеръ сардъ-Азамъ послалъ за мной и вручилъ мнѣ списокъ того числа палатокъ, которое получить могу здѣсь.

У Персіянъ есть пяти родовъ палатки: 1) Большіе наметы, 2) наметы съ серединами, 3) однѣ середины, 4) солдатскія маленькія и весьма плохія палатки съ двумя выходами (двухъ сартабныя), 5) солдатскія еще меньше и хуже съ однимъ выходомъ (односартабныя).

Чиновники садра собрались въ мою палатку, чтобы прочесть сей списокъ, сѣли въ кружокъ, читали, рычали, кричали и не прочли, а сказали, что завтра разберутъ его и дадутъ мнѣ; но переводчикъ посла князь Мадатовъ прочелъ его и сказалъ мнѣ, что тутъ назначено: 7 наметовъ, 12 наметовъ съ серединами, 3 середины. Палатокъ подобныхъ той, въ которой я стоялъ въ Семонархіи, маленькихъ и нужниковъ сколько мнѣ угодно. Въ семъ спискѣ заключались и тѣ, которыя подъ подарками считались. Моя Семонархская палатка была середина, попроще.

По полученіи сего списка я послалъ Воейкова къ послу, чтобы узнать, позволитъ ли онъ мнѣ принять такое число палатокъ и расположить лагерь. Онъ приказалъ, и я, догадываясь о безтолковомъ плутовствѣ Персіянъ, велѣлъ свою палатку изъ Семонархіи привезти для образца и поставилъ ее на свое мѣсто. Кто себѣ представитъ наглость Персіянъ! Они стали меня увѣрять, что палатка не моя и что я стоялъ въ маленькой въ Семонархіи. Я поругалъ ихъ и принялъ нѣсколько большихъ палатокъ, разставилъ ихъ на переднія мѣста; когда же они приступили, чтобы я имъ показалъ мѣсто для пріемной, зная, что они будутъ торговаться, я отмѣрилъ 8 шаговъ лишнихъ впередъ; они торговались съ часъ и выхлопотали у меня 3 шага назадъ, такъ что я въ барышахъ остался.

Но между тѣмъ палатки Низамъ-Давле не снимались; дровъ, сѣна, ячменя, ничего намъ не давали; несчастный Леонидзе, переводчикъ мой, измучился, бѣгая по всѣмъ концамъ лагеря для испрошенія оныхъ. Я разсердился, побѣжалъ къ садру и сказалъ ему: «Ваше сіятельство конечно важными дѣлами занимаетесь (старая вокша умывалась розовой водой), а мы голодны и ничего не имѣемъ; деньги у меня, благодаря нашего Государя, есть; прикажите мнѣ дать фараша для покупки нужнаго; мы безъ пищи жить не можемъ. Я весьма увѣренъ, что вы желаете хорошо долгъ свой исполнить; вы приказываете, васъ не слушаютъ, а мы страдаемъ; я кое-какъ здѣсь проживу, но ручаюсь вамъ, что посолъ сюда не будетъ, пока я его не извѣщу, что здѣсь все готово».—«Да здѣсь все готово», отвѣчалъ онъ, «у васъ палатки есть.»—«Есть да не всѣ, ковровъ нѣтъ; караулъ, который вы для охраненія подарковъ вашему шаху обѣщаетесь мнѣ уже болѣе двухъ дней, не идетъ; васъ не слушаются, васъ обманываютъ». Онъ опять приказалъ, и опять ничего не дали. Наконецъ, я кричатьересталъ и сталъ опять ждать, что̀ случится. Между тѣмъ я обобралъ ковры изъ пріемной палатки насильно, отдалъ ихъ гренадерамъ и сказалъ, что не отдамъ ихъ пока не дадутъ ковровъ въ другія палатки, а что чиновниковъ ихъ будемъ сажать на голую землю. Ковры черезъ часъ явились, я возвратилъ пріемные. Нельзя описать всѣхъ мерзостей, подлостей, низкостей и обмановъ, которые употреблены были Персіянами за каждымъ шагомъ, за каждой палаткой.

На другой день большаго спора съ Соколовымъ, мирза-Шефи прислалъ ему шаль въ подарокъ; но Соколовъ не посмотрѣлъ ее и отправилъ назадъ.

Нѣсколько палатокъ мнѣ еще принесли; я ихъ поставилъ и поѣхалъ подъ вечеръ, чтобы узнать у генерала, что̀ онъ мнѣ дѣлать прикажетъ. Онъ мнѣ сказалъ, что черезъ два дни онъ непремѣнно рѣшился ѣхать въ Султанію (ибо неприлично было изъ-за ковровъ ссориться), чтобы я ихъ все мучилъ тѣмъ, что онъ не пріѣдетъ, а между тѣмъ велѣлъ мнѣ на другой день донести ему, что все готово. Какъ я возвратился въ Султанію, меня обступили спрашивать, что̀ посолъ сказалъ. Я прокричалъ по прежнему, что посолъ не пріѣдетъ и требовалъ ковровъ въ столовую. Палатками меня скоро удовлетворили по ихъ списку, но съ разными натяжками, а ковры отказали. Я опять велѣлъ ограбить пріемную, и явилось сейчасъ 35 ковровъ на выкупъ заложенныхъ.

Въ караулѣ у насъ стоялъ саргангъ съ 50 человѣками; я разставилъ 15 человѣкъ часовыхъ около всего нашего лагеря и запретилъ впускать Персіянъ, отъ чего были драки.

Шахъ, который дрожитъ надъ подарками, призывалъ къ себѣ сарганга и ему лично приказывалъ, чтобы онъ смотрѣлъ хорошенько за оными. Но съ сими часовыми по ночамъ бѣда бывала; они всѣ расходились по палаткамъ, и рундъ всю ночь отыскивалъ ихъ, кричалъ и не давалъ намъ спать. Къ сему надобно присоединить лай собакъ, ревъ верблюдовъ и ословъ, ржаніе жеребцовъ и несносное пѣніе Персіянъ. У насъ по ночамъ ковры крали. Можно себѣ представить, до какой степени у Персіянъ военная служба строга. Наши переводчики сами видѣли, какъ при въѣздѣ шаха офицеръ приказалъ солдату во фронтѣ стать прямо; а тотъ отвѣчалъ ему: прежде жалованье мое выдай, а потомъ я стану какъ должно. И офицеръ ничего сдѣлать не смѣлъ.

Зная уловки Персіянъ, я боялся, чтобы при выѣздѣ изъ того лагеря не увезли бы палатокъ назадъ, и предувѣдомлялъ о томъ маршала нѣсколько разъ; но Петръ Николаевичъ не взялъ на то мѣръ: часть палатокъ увезли, а другую часть привезли безъ кольевъ, такъ что я принужденъ былъ покупать дрова и колоть ихъ. О сю пору еще команды наши тѣсно стоятъ. Здѣсь такой безпорядокъ, что когда намъ показали кирпичи для построенія печи въ кухнѣ, то велѣли намъ какъ можно скорѣе брать ихъ, чтобы купецъ не успѣлъ увезти ихъ, ибо за нихъ ни гроша не заплатили.

На второй день своего пріѣзда въ Султанію, мы ѣздили смотрѣть мечеть. Не въ Персіи бы стоять такому величественному, удивительному и обширному зданію. Она теперь разваливается; рѣзьба въ ней чудесная, ее строили Греческіе зодчіе. Среди мечети лежитъ прекрасный мраморный цѣльный столпъ; скотообразные Персіяне попираютъ его безсовѣстно ногами. Въ стѣнахъ огромнаго свода сдѣланы комнаты и ходы на минареты. Теперь хотя съ большимъ трудомъ, но можно вскарабкаться на оные, и я на одинъ взлѣзъ съ немалой опасностью.

Соколовъ долго торговался съ мирзой-Шефи для утвержденія церемоніала. Персіяне не хотѣли выслать пѣхоту на встрѣчу, а только вали Курдистанскаго съ Курдами; Соколовъ настаивалъ, но Персіяне увѣряли, что вали въ родѣ короля. Посолъ хотѣлъ въ случаѣ дурной встрѣчи пріѣхать тихонько ночью въ Султанію; но онъ согласился на сей разъ, и 26 числа былъ въѣздъ нашъ. Я выѣхалъ на встрѣчу къ половинѣ дороги и занялъ свое мѣсто въ парадѣ.

Вали Курдистанскій насъ встрѣтилъ. Онъ былъ весьма просто одѣтъ; Курдовъ было до 3,000; многіе изъ нихъ одѣты были въ панцыряхъ и шишакахъ. Я любовался чудесной конницѣ сей, ловкости всадника и проворству лошади. Персіяне по обыкновенію своему не

умѣли сдѣлать никакой вѣжливости; напротивъ того, они всѣ ѣхали и скакали толпой со стороны вѣтра и насъ пылили. Когда музыканты нашй играли, то простодушные Курды прискакивали къ нимъ, обступали ихъ и тѣснили; тутъ фараши разгоняли ихъ дубинами безъ разбора чина и лѣтъ, били ихъ по рожамъ, по чемъ ни попало. Мы ѣхали такимъ образомъ пять верстъ, маленькимъ шагомъ съ остановками, въ сильный жаръ. Во всю дорогу провожалъ насъ несчастный и несносный звукъ маленькихъ литавръ Крутинскихъ. Подъѣзжая къ лагерю, поднялся внезапно флагъ съ изображеніемъ Россійскаго герба у пріемной палатки, въ которой сидѣлъ чиновникъ, посланный отъ шаха съ поздравленіемъ и сладостями. Ввечеру генералъ велѣлъ собрать гренадеръ и музыкантовъ, выстроить ихъ въ одну шеренгу и велѣлъ зорю играть.

На другой день, 27-го, представлялись послу Англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Виллокъ и докторъ Кампбель. Того же дня по утру д. с. с. Соколовъ, въ сопровожденіи секретаря посольства, трехъ канцелярскихъ чиновниковъ и двухъ адъютантовъ г. посла, относилъ къ садръ-Азаму грамоту Императорскую и письмо отъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

31-го числа были мы представлены шаху. Въ четыре дни не могли устроить церемоніала: такъ все у Персіянъ медленно идетъ. Уже войска были выставлены, и мы всѣ одѣты и собраны въ пріемной палаткѣ. Махмудъ-ханъ, второй адъютантъ шахскій, уже былъ присланъ отъ шаха для приглашенія посла. Тутъ узнали мы, что насъ хотѣли надуть, какъ въ Тавризѣ. Персіяне хотѣли, противъ условія, поставить офицеровъ внѣ палатки шахской на солнце; но Алексѣй Петровичъ раскричался и сказалъ, что онъ въ такомъ случаѣ поѣдетъ одинъ съ переводчикомъ и сбирался уже ѣхать, . какъ Махмудъ-ханъ, испугавшись, послалъ человѣка своего въ диванъ-ханы или совѣтъ, дабы перемѣнили сіе, и тотъ черезъ часъ возвратился съ запиской о перемѣнѣ. Мы тогда отправились. Впереди шли музыканты, за ними взводъ гренадеръ, коими командовалъ графъ Самойловъ, потомъ посолъ, за нимъ два совѣтника; потомъ коммиссаръ, секретарь посольства, Мазаровичъ, а за ними остальные; послѣ ѣхали казаки Донскіе и линейные.

Джанбазы были выстроены въ двѣ линіи отъ пріемной палатки до диванъ-ханы. Когда мы пріѣхали въ диванъ-хану, сидящіе тамъ чиновники съ намѣреніемъ опоздали встать съ мѣстъ своихъ. Генералъ сѣлъ на первый стулъ, который случился, велѣлъ всѣмъ намъ садиться и закричалъ: «Я въ караульную пришелъ, а не въ сенатъ; Абулъ-Гассанъ-ханъ, такъ ли васъ въ Петербургѣ принимали?» Алаіар-

ханъ испугался, и всѣ стали просить посла, чтобъ онъ на первое мѣсто сѣлъ. Онъ долго противился, все сидѣлъ и кричалъ, что въ караульной всѣ мѣста равны; наконецъ, онъ согласился, пересѣлъ на настоящее свое мѣсто, развалился въ креслахъ и присталъ къ Абулъ-Гассанъ-хану: такъ ли его въ Петербургѣ принимали?

Абулъ жалокъ сталъ; но онъ рѣшился и, видно, съ отчаяніемъ сказалъ. «Нѣтъ, ваше превосходительство, я имъ 20 разъ говорилъ, что они не хорошо дѣлаютъ; въ свидѣтели вамъ призываю Бога и шаха. Когда вы его увидите, вы забудете всѣ неудовольствія, которыя вы получили отъ людей не мыслящихъ одинаково съ нимъ». Сказавши сіе громко при всемъ собраніи, онъ опустилъ голову, какъ человѣкъ ожидающій горестной участи. Посолъ не переставалъ кричать со всѣми очень громко; онъ говорилъ, что не находитъ въ чиновникахъ Персидскихъ той искренности, съ которой его шахъ приметъ. Съ Алаіарханомъ онъ говорилъ о ласковомъ его пріемѣ; съ Мерви (казначеемъ) о завоеваніи Россіи Татарами и объ освобожденіи ея, и вывелъ свой родъ отъ племени Чингисъ-хана; съ Курдистанскимъ вали превозносилъ добродѣтели Шахъ-Зады Махмедъ-Али-мирзы; наконецъ, обругавъ и осмѣявъ всѣхъ, онъ пошелъ съ совѣтниками и переводчикомъ къ шаху.

Д. с. с. Соколовъ положилъ грамоту Императорскую на золотое блюдо и несъ ее до самаго входа въ палатку шахскую. Пріемная палатка шахская обнесена бурметовой оградой, называющейся *сарапердой*. Ограда сія составляетъ довольно обширный дворъ. Когда посолъ прибылъ на середину двора, Алаіарханъ, остановясь, громко доложилъ о семъ шаху. Шахъ приказалъ послу приблизиться, поздравляя его съ прибытіемъ. Посолъ, входя въ палатку, взялъ грамоту отъ Соколова и поднесъ ее шаху, говоря слѣдующую рѣчь:

«Императоръ Россійскій, великій Государь мой, равно постоянный въ правилахъ своихъ и чувствахъ, уважая отличныя качества вашего величества и любя славу вашу, желаетъ существующій нынѣ миръ утвердить навсегда съ Персіею, царствованіемъ вашимъ благополучною. Я имѣю счастіе удостоену быть порученія представить предъ вашимъ величествомъ желаніе моего Государя. Въ искренности его предъ лицомъ Персіи призываю я Бога въ свидѣтели».

Посолъ говорилъ рѣчь порусски. Совѣтникъ посольства д. с. с. Негри переводилъ ее шаху потурецки.

Шахъ, принявъ грамоту, положилъ ее на столъ и пригласилъ посла сѣсть на приготовленныя для него кресла. Совѣтники стояли по обоимъ бокамъ посла. Когда же шахъ началъ говорить съ посломъ, то посолъ отвѣчалъ ему стоя. Д. с. с. Негри служилъ переводчикомъ.

Когда въ разговорѣ упоминалось имя Фетъ-Али-шаха, то всѣ предстоящіе, Шахъ-Зады и проч., низко кланялись шаху.

Спустя нѣсколько времени, Махмудъ-ханъ, второй адъютантъ, повелъ насъ всѣхъ къ шаху. Войдя на дворъ сара-перды, мы останавливались нѣсколько разъ, чтобы кланяться шаху, не снимая шляпъ. На срединѣ двора Махмудъ-ханъ доложилъ объ насъ и когда шахъ приказалъ намъ войти, мы сняли шляпы. Насъ не вводили въ средину палатки, гдѣ были шахъ и посолъ, а поставили подъ навѣсомъ.

Шахъ сидѣлъ въ открытой палаткѣ на тронѣ. Онъ былъ весь въ каменьяхъ; ноги его, обутыя въ бѣлые чулки, болтались, и вмѣсто величія, которое мы ожидали, мы увидѣли мишурнаго царя на карточномъ престолѣ, и всѣ невольно улыбнулись. Онъ былъ конечно богато одѣтъ, но богатствъ мы болѣе видѣли въ Эрмитажѣ; впрочемъ все было грязно и обношено въ палаткѣ. Надобно сдѣлать замѣчаніе, что на немъ были всѣ богатства Персіи. 16 сыновей его стояли у стѣны бездвижно и безмолвно. Алексѣй Петровичъ первый изъ пословъ въ Персію, который не надѣвалъ красныхъ чулокъ при представленіи шаху. Насъ всѣхъ поимянно представили ему; онъ каждаго лично поздравилъ съ пріѣздомъ. Когда генералъ представилъ ему Коцебу, онъ сказалъ: «Вотъ одинъ капитанъ, приближенный Государя, который три года ѣздилъ кругомъ свѣта и не былъ доволенъ, пока не удостоился увидѣть ваше величество.»—«Теперь онъ все видѣлъ», отвѣчалъ шахъ. Шахъ нѣсколько разъ подтвердилъ, что мы всѣ его слуги и обѣщался насъ представить всѣхъ Государю къ слѣдующимъ чинамъ, чему мы немало посмѣялись. Впрочемъ онъ былъ очень ласковъ. Возвращаясь назадъ, мы видѣли, какъ фараши сгоняли палками пѣхотинцевъ, которые, бросивъ ружья, разошлись по разнымъ сторонамъ. Самый шахъ имѣетъ такое простое лицо, что вмѣсто почтенія зрѣлище сіе вселило въ насъ смѣхъ. Борода его, по длинѣ которой измѣряется въ Персіи уваженіе, совсѣмъ не такъ велика, какъ ее представляютъ. Когда онъ говоритъ, онъ кричитъ во все горло и говоритъ довольно глупо. Шахъ уже не молодъ, блѣдное лицо его показываетъ человѣка истощеннаго.

Пріемная палатка шаха и сара-перда сдѣланы изъ полинявшаго бурмета. Въ диванъ-ханѣ потчивали посла весьма дурнымъ чаемъ. Когда же посолъ ушелъ къ шаху, нѣкоторые изъ нашихъ чиновниковъ спросили пить; имъ подали грязную воду. Войска, стоящія въ караулѣ у шаха, совсѣмъ ободраны.

Вчера начали перетаскивать подарки въ палатку, поставленную подлѣ шахской. Шахъ цѣлый день сидѣлъ и смотрѣлъ въ дырку, какъ переносили подарки. Онъ послалъ сказать послу, что какъ народъ

Персидскій мерзкій, то онъ боялся, чтобы любопытные во время переноски вещей не переломали бы ихъ и предложилъ 15 фарашей, дабы разгонять народъ. Поставленъ былъ къ подаркамъ Русскій караулъ при офицерѣ. Подарки состоятъ изъ прекраснѣйшихъ стеклянныхъ и фарфоровыхъ вещей, изъ большихъ зеркалъ, бриліантовыхъ вещей и другихъ игрушекъ, дабы забавлять его шахское величество.

3-го числа былъ большой праздникъ у мусульманъ или разговѣнье ихъ. Посолъ былъ приглашенъ къ шаху. Онъ пошелъ съ тѣми изъ чиновниковъ, которые не были прежде представлены. Посолъ былъ принятъ въ залѣ у шаха и сидѣлъ передъ нимъ; чиновники же оставались въ палаткѣ, въ которой разставлены были подарки. Къ комнатѣ шахской привязана была веревка, прикрѣпленная другимъ концомъ къ деревянному козлу, поставленному подлѣ на дворѣ, и плясунъ прыгалъ по оной для увеселенія его величества. Дано было три залпа изъ орудій. Два слона приходили ко дворцу и кланялись шаху. Потомъ посолъ повелъ шаха смотрѣть подарки. Сей послѣдній весьма удивлялся имъ. Подошедши къ зеркаламъ, онъ все кричалъ: ахъ! ахъ! ахъ! отъ удивленія. Взобрался на большой туалетъ изъ краснаго дерева и смотрѣлся въ зеркало. Бриліантамъ онъ не удивлялся, а стекло и фарфоръ ему очень понравились. О богатѣйшихъ мѣхахъ онъ спрашивалъ посла, крашеные они или нѣтъ. Онъ былъ чрезвычайно учтивъ съ посломъ; при каждой игрушкѣ, которую ему показывали, онъ оборачивался къ своимъ и говорилъ безпрестанно: *что́, милліонъ?* Взявъ одну рюмку, шахъ сказалъ, что она такъ хорошо сдѣлана, что онъ думаетъ, она заставитъ его пить вино. Узнавъ, что мѣхъ соболій выбиралъ для него Государь, онъ взялъ его рукой, сказавъ послу: я нарочно его беру въ руки, потому что тутъ была рука Александра. Часы со слономъ три раза заставлялъ играть.

Царьку такъ понравились подарки, что онъ сейчасъ велѣлъ собрать всѣхъ хановъ и приказалъ имъ удивляться. Мы узнали, что всю нынѣшнюю ночь онъ пробылъ у подарковъ со своими женами. Въ сей же день представлялся шаху Зендскій посланный. Остановившись на половинѣ дороги, онъ представилъ шаху шесть ружей фитильныхъ, нѣсколько шалей и ящики съ сладостями, поклонился и воротился назадъ. Всѣ чиновники государственные въ сей день должны дарить шаха. Шахъ-Зады-Махмедъ-Али-мирза поднесъ ему 32 шали.

Шахъ подарилъ послу одно изъ фитильныхъ ружей и жеребца, который ему былъ подведенъ. Цѣну ему нельзя выше 300 р. бумажками положить; уборъ на жеребцѣ порядочный, но совсѣмъ не царскій.

Ввечеру Алексѣй Петровичъ велѣлъ собрать нашъ Персидскій караулъ и подарилъ нижнимъ чинамъ 100 червонцевъ, а саргánту зо-

лотые часы; но онъ только успѣлъ отвернуться, какъ деньги сіи саргангъ отобралъ у солдатъ и вѣроятно имъ оныхъ не отдастъ. Солдаты сіи мнѣ самому жаловались о несчастномъ своемъ положеніи: они не получаютъ ни провіанта, ни жалованья, хотя имъ всего сего очень много получено. Солдату положено 120 р. въ годъ, пшено и хлѣбъ; но они мрутъ съ голода, ибо имъ привозятъ продовольствіе родственники ихъ, коихъ селенія лежатъ иногда весьма далеко. Ихъ обкрадываютъ и начальники ихъ, и шахъ. Послѣдній слѣдующимъ образомъ. При выѣздѣ его изъ Султаніи, онъ объявилъ, что ему желательно бы еще двѣ недѣли тутъ пробыть, но зная, что солдату нужно жить въ деревнѣ и заниматься сельскими работами, онъ уѣзжаетъ ранѣе, жертвуя своимъ удовольствіемъ для блага общаго. Объявивъ сію милость, онъ приказываетъ всенародно вознаградить себя деньгами и велитъ половину жалованья войскамъ не доплатить. Онъ такихъ штукъ нѣсколько въ круглый годъ сдѣлаетъ; а другіе военачальники также удобнаго случая не упускаютъ. У Абазъ-мирзы совсѣмъ иначе: князь сей издерживаетъ послѣднюю копѣйку свою на войска, и потому войска его очень порядочны въ сравненіи здѣшнихъ.

4-го числа ѣздилъ посолъ къ Шаху-Зады-Махмедъ-Али-мирзѣ. Князь сей управляетъ въ Курдистанѣ храбрымъ войскомъ; онъ старѣе Абазъ-мирзы, который назначенъ наслѣдникомъ по причинѣ, что его мать одного племени (Каджарскаго) съ шахомъ.

Махмедъ-Али совершенный молодецъ, говоритъ хорошо. Посолъ сидѣлъ и говорилъ ему разныя привѣтствія, выхваляя ему храбрость его и народа его. Среди разговора Аскеръ-ханъ сказалъ Шахъ-Задѣ, что послы не должны сидѣть при князьяхъ крови царской. Тогда Махмедъ-Али закричалъ ему, что онъ знаетъ съ кѣмъ онъ говоритъ, знаетъ какъ съ посломъ говорить должно и не требуетъ отъ него совѣтовъ. Посолъ былъ весьма доволенъ пріемомъ Махмедъ-Али-мирзы.

4-го числа шахъ былъ на охотѣ. Вечеромъ онъ прислалъ послу дичи убитой имъ; присланному чиновнику посолъ подарилъ мѣхъ и сукна на платье. Вчера было собраніе нашего общества у Петра Николаевича; читали статьи Ермоловъ и Бебутовъ о войскахъ Персидскихъ, а баронъ Корфъ ботанику.

6-го числа былъ посолъ ввечеру у садра, который насъ хорошо принялъ. Разговоръ былъ веселый; предметомъ онаго были дружба, существующая между обѣими державами; посолъ ужасно напускался на тѣхъ, которые желаютъ прервать миръ и назвалъ плутомъ того, который во время нашего проѣзда черезъ Адербиджанъ велѣлъ во всѣхъ мечетяхъ скликать народъ для истребленія невѣрныхъ. (Мирза-Бюзюргъ—каймакамъ у Абазъ-мирзы).

Нѣсколько дней тому получено извѣстіе о совершенномъ разбитіи Персидской арміи по сю сторону Герата Афганцами; они потеряли всю свою артилерію, и Шахъ-Зады предводительствующій ими былъ захваченъ въ полонъ. Вслѣдствіе сего отправлены были войска отсюда на подкрѣпленіе разбитыхъ. Войска сіи вооружались ружьями и саблями, которыя отбирали на базарѣ у купцовъ. Мы также узнали, что часть пѣхоты Абазъ-мирзы, которая проходила изъ Тавриза къ Тегерану во время нашего пребыванія въ Шангелабадѣ, шла туда же.

11-го числа ввечеру ходилъ я къ Англійскому повѣренному въ дѣлахъ Виллоку и Кампбелю, съ Мазаровичемъ; насъ хорошо приняли, разговаривали на счетъ книгъ о Персіи. Изъ всего можно было замѣтить, что Виллокъ человѣкъ недальній, а Кампбель прехитрый. Они обѣщались мнѣ прислать Геродота, переведеннаго на Англійскій языкъ. Они уже 9 лѣтъ живутъ въ Персіи и не чувствуютъ охоты ѣхать въ свою отчизну: столь на нихъ сильно дѣйствуетъ сребролюбіе. Англичане сіи не показали той радости, которую чувствовать должны Европейцы при воззрѣніи на своихъ соотчичей; они сдѣлались совершенными Персіянами. Изъ разговора примѣтна была колкость, съ которой они обращались; но и мы имъ не спускали и за одну колкость отвѣчали двумя. Впрочемъ признаться должно, что чай и кальяны у нихъ въ большой исправности; живутъ они хорошо и чисто.

12 числа Алексѣй Петровичъ мнѣ сказалъ, что вали Курдистанскій посылается съ 6000 Крутинцами противъ Афганцевъ, что шахъ очень склоненъ къ миру съ нами, но что другіе приближенные его отъ сего отговариваютъ; впрочемъ, что слухъ носится, что садръ-Азамъ одинъ старается о мирѣ. Ввечеру посолъ ѣздилъ на конференцію къ садру и объявилъ, что ни о какихъ дѣлахъ говорить не будетъ, пока мирза-Бюзюргъ будетъ въ Султаніи. Требованія Персіянъ велики. Они требуютъ Карабагъ и Талышъ, упираясь на договоръ, сдѣланный прежнимъ главнокомандующимъ Ртищевымъ съ Англичанами, которые увѣрили ихъ, что владѣнія сіи намъ большой пользы не приносятъ; но Алексѣй Петровичъ прокричалъ имъ, что Англичане никакого права не имѣютъ вмѣшиваться въ дѣла Персіи и что онъ, не признавъ сей бумаги, ни за что́ имъ не отдастъ сихъ областей.

Вчера была жестокая буря, дождикъ шелъ съ необыкновенной силой и промочилъ всѣ палатки, между тѣмъ какъ вѣтеръ рвалъ ихъ. Изнѣженные Персіяне всюду бѣгали, кричали и прятались, часовые ружья побросали, а наши гренадеры между тѣмъ пѣли и веселились.

14-го числа, въ 6 часовъ поутру, я поѣхалъ на охоту. Со мною были Ренненкампфъ, Лачиновъ, Джимбулатъ, Воейковъ, Леонидзе и Мещеряковъ. Мы поѣхали сперва на царскіе колодцы, лежащіе въ 6

верстахъ отсюда. Мѣсто сіе для Персіи прекрасно. Глазъ, отвыкшій отъ зелени, радуется, видя аллею изъ 30 или 40 деревъ состоящую; по бокамъ оной есть кустарникъ довольно нечисто содержанный, а на концѣ аллеи средственная палатка, подлѣ которой сдѣлано два бассейна, изъ коихъ одинъ имѣетъ такую чистую и свѣтлую воду, какой я еще никогда не видалъ. Палатка росписана побѣдами Персіянъ надъ Русскими: шахъ командуетъ противъ Портнягина, и они стрѣляютъ другъ на друга, но съ трудомъ бы Англичане могли изобразить сіе въ такомъ карикатурномъ видѣ. Наши картины, на каменномъ мосту въ Москвѣ продающіяся, гораздо съ бо̀льшимъ искусствомъ сдѣланы. На одномъ полѣ палатки изображенъ Европейскій непотребный домъ, по другимъ мѣстамъ охота свиная, кабанья и оленья въ такомъ же видѣ. Шахъ пріѣзжаетъ туда съ любимыми наложницами своими и, взирая на картины, раздражаетъ свои чувства сладострастія. Мы же сего не почувствовали, ибо картины возродили въ насъ сильный смѣхъ. Садъ сей имѣетъ около 80 или 100 сажень въ окружности, лежитъ на степи вплоть къ горамъ; съ трехъ сторонъ его окружаютъ земляныя стѣнки, а съ четвертой служитъ естественной оградой скала. Отъ сего мѣста поѣхали мы по долинѣ Султанійской внизъ къ Тегерану по полугорѣ. Долина сія не имѣетъ ни травки, ни деревца, ни воды, какъ и вся та часть Персіи, которую мы уже проѣхали. Мы видѣли на дорогѣ одно селеніе и два другихъ раззоренныхъ. Ни птицы, ни звѣря никакого нѣтъ; одного только зайца видѣлъ Лачиновъ и гнался за нимъ съ копьемъ. Мы расположились цѣпью и проѣхали верстъ 18 впередъ; потомъ поворотили на лѣво и поѣхали поперекъ оной верстъ 6. Тутъ мы видѣли нѣсколько джейрановъ, гнались за ними до подошвы горъ съ копьями и стрѣляли на скаку, но не могли догнать сихъ животныхъ, коихъ проворство превышаетъ всѣхъ прочихъ.

Я вчера (16 Авг.) былъ дежурнымъ, и Алексѣй Петровичъ мнѣ сказалъ, что Карабагъ и Шахи мы не уступаемъ, какъ Персіяне требовали. Онъ полагаетъ, что шахъ долженъ быть озабоченъ какими нибудь внутренними безпокойствами, что онъ такъ скоро уступилъ. Побѣды Афганцевъ не могутъ однѣ быть причиною тому; должны быть возмущенія сильныя въ государствѣ; посолъ не понимаетъ, какъ могутъ переговоры такъ легко кончиться. Шахъ спросилъ его, куда онъ теперь намѣренъ ѣхать. «Назадъ», отвѣчалъ посолъ: «я спѣшу извѣстить Государя моего о ласковомъ пріемѣ вашемъ».—«Такъ», сказалъ шахъ, «кто лучше васъ можетъ сіе ему изъяснить? А зимой я васъ прошу пріѣхать въ Тегеранъ гостить инкогнито съ 4 или 5 офицерами» (скупость его вездѣ знаменуется). Посолъ, видя расположеніе его не

задерживать насъ, поблагодарилъ его за ласки и простился съ нимъ. Теперь желанія его состоятъ въ томъ, чтобы послать нѣсколько офицеровъ въ Испагань; но онъ сомнѣвается, чтобы ему позволили сіе сдѣлать. Леташинскій отправился въ Тегеранъ съ подарками, получивъ на шею знакъ Солнца и Льва.

16-го Авг., въ десять часовъ, посолъ отправился во дворецъ съ совѣтникомъ посольства д. с. с. Негри. Шахъ вышелъ въ галерею и сѣлъ на тронъ. Для посла приготовлены были напротивъ кресла. На терассѣ поставлена была палатка, въ которой сидѣлъ посолъ съ Алаіарханомъ, до тѣхъ поръ пока посла позвали къ шаху. Начался смотръ войскъ; шахъ смотрѣлъ *дасту* или племя, состоящее подъ начальствомъ Алаіархана, которымъ командовалъ Бедиръ-ханъ, намѣстникъ его. Нѣсколько секретарей имѣли имянной списокъ всадниковъ и перекликали ихъ; при имени каждаго, тѣ, которыхъ называли, проскакивали мимо шаха и саженяхъ во ста строились во фрунтъ. При каждомъ имени всадника, на лицо находящагося, другой мирза или секретарь громко кричалъ *хазыръ*, что̀ значитъ готовъ. Подлѣ мирзы стояло нѣсколько насакчей или палачей шахскихъ съ топорами, которыми они били слишкомъ скоро или поздно выскакивающихъ всадниковъ. Сіе продолжалось довольно долго; было всѣхъ около 1500 человѣкъ. Лошади иныя были изрядныя, почти всѣ воины были въ панцыряхъ. Сія даста или племя состоитъ изъ елатовъ или людей кочующихъ. Послѣ переклички сотники и другіе начальники ходили на поклонъ къ шаху. Когда вызывали хановъ, то впереди ихъ скакали заводныя ихъ лошади. Во все время сіе разъѣзжалъ передъ дворцомъ лучшій наѣздникъ шахскій по имени *Юсуфъ*; онъ выдѣлывалъ на лошади удивительныя штуки, которыя бы сдѣлали честь Франкони и Хіярини.

Вчера я былъ дежурный и поздно сидѣлъ у Алексѣя Петровича, который меня снова увѣрилъ, что оставитъ меня въ Грузіи при себѣ. Онъ мнѣ далъ надежду быть послану къ Трухменцамъ по возвращеніи въ Грузію. Онъ также говорилъ объ осторожности, которую ему соблюдать надобно будетъ на обратномъ пути чрезъ Тавризъ, дабы не быть отравленнымъ мирзой-Бюзюргомъ, котораго онъ здѣсь шибко срамилъ. Онъ объяснилъ мнѣ причину, по которой разнесся слухъ въ Петербургѣ, что будто бы онъ не поѣдетъ въ Персію. Будучи еще въ Тифлисѣ, онъ неоднократно получалъ извѣстіе, что Турки сильно вооружаются. Сіе понудило Алексѣя Петровича писать къ Государю, что должно было остерегаться нападенія отъ Турокъ во время его поѣздки. Государь оставилъ все на волю его и прислалъ ему бланкеты, дабы онъ могъ послать кого ему угодно будетъ въ Персію. Но какъ дѣла съ Турціею стали поправляться, то Алексѣй

Петровичъ, надѣясь на свое счастіе и желая угодить Государю, пустился самъ въ посольство.

21-го ввечеру Алексѣй Петровичъ угощалъ Махметъ-хана, приближеннаго къ шаху и, наливая ему ликёръ вмѣсто чаю, напоилъ его порядкомъ.

22-го давалъ намъ шахъ праздникъ. Мошкову позволилъ шахъ поставить столъ противъ него и рисовать его. Въ то время когда мы были на праздникѣ, шахъ хотѣлъ насъ поблагодарить деньгами, но посолъ показалъ свое негодованіе за сіе. Когда Мошковъ ѣздилъ къ шаху рисовать его, то шахъ просилъ сдѣлать ему черныя брови на рисункѣ и носъ покороче, нежели какъ у него есть.

24-го числа было пять лѣтъ первому дню Бородинскаго сраженія. Я былъ дежурный и просидѣлъ до 1-го часа утра у Алексѣя Петровича, который разговаривалъ о Французскихъ походахъ 12—15 годовъ. Посолъ ѣздилъ съ нами во дворецъ смотрѣть богатства шахскія. Они состоятъ изъ множества огромныхъ бриліантовъ, изумрудовъ, яхонтовъ и сафировъ, расположенныхъ безъ вкуса на кальянѣ, щитѣ, кинжалѣ, коронѣ и нѣсколькихъ другихъ вещахъ. Богатства сіи можетъ быть первыя въ свѣтѣ. Алаіарханъ, который ихъ показывалъ намъ, поднесъ послу два портрета шахскихъ во весь ростъ, писанные весьма дурно, грубо, нелѣпо и непохоже. Одинъ былъ для Государя, а другой для посла. Алексѣй Петровичъ сидѣлъ часа съ два въ тронной комнатѣ и разговаривалъ съ Алаіарханомъ, между тѣмъ пищала музыка шахская. Мы понесли сами въ свой лагерь карикатуры шахскія. Нельзя словами выразить, до какой степени уродливости доведена сія живопись.

Въ часъ послѣ захожденія солнца, посолъ далъ пиръ главнѣйшимъ чиновникамъ Персіи. На ономъ были: садръ-Азамъ-мирза-Шефи, Низамъ-у-Давле, Абдулъ-Вагабъ, вали, Занганскій визирь, мирза-Бюзюргъ, Махмудъ-ханъ и Аскеръ-ханъ. Пріемная палатка была освѣщена чудеснымъ образомъ, къ сторонѣ дворца была иллюминація, музыка играла, словомъ нельзя было сдѣлать ничего пышнѣе и параднѣе въ Персіи. Но неучи сіи ничего не поняли; они рыгали и ѣли руками безъ вилокъ одни арбузы. Вали Курдистанскій чуть было не подавился конфеткой, которую онъ хотѣлъ проглотить съ бумажкой; но Абдулъ-Вагабъ предупредилъ его, и онъ бросилъ ее назадъ.

26-го по утру была обѣдня и панихида по убитымъ въ сраженіи подъ Бородинымъ. Ввечеру по желанію шаха послали ко дворцу нашихъ гренадеръ подъ командою графа Самойлова. Они дѣлали разныя движенія передъ шахомъ, который любовался опрятностью ихъ въ одеждѣ и красотой графа. Юсуфъ-ханъ, сагпердарь или командующій дивизіею

джанбазовъ, тутъ присутствовалъ, и нѣсколько Персидскихъ офицеровъ маршировали подлѣ нашихъ съ обнаженными саблями; они старались, но никакъ не могли въ ногу попасть. Шахъ подарилъ гренадерамъ по 10 червонцевъ каждому и по куску парчи, Самойлову орденъ Солнца и Льва на шею и шаль.

Часа два послѣ захожденія солнца были мы приглашены на обѣдъ къ Низамъ-у-Давле. При входѣ въ столовую палатку, онъ схватилъ руку посла и надѣлъ ему перстень съ яхонтомъ на мизинецъ; посолъ удивился, вырвалъ отъ него руку и долго отбивался отъ подарка, пока наконецъ тотъ принужденъ былъ его взять назадъ. Столъ былъ накрытъ по-европейски; мы долго дожидались прибытія Персидскихъ гостей и начали обѣдать. Сперва стали было порядкомъ блюда носить, но наконецъ завалили намъ тарелки специями разнаго рода, которыя фараши приносили въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ полѣзъ на столъ и сталъ доставать гнилые персики, зеленыя груши и завядшіе арбузы и огурцы. Вино было славное, Испаганское. Нѣкоторые изъ господъ подпили, и обѣдъ былъ довольно шуменъ. Признаться надобно, что ни у кого въ Персіи я еще не видалъ средственно убраннаго стола кромѣ какъ у Низамъ-у-Давле (ему дали названіе Персидскаго Куракина).

27-го поутру принесли намъ подарки отъ шаха. Я на свою долю получилъ орденъ Солнца и Льва на шею второй степени, черную шаль съ дырой и два куска подлой парчи. Иные получили порядочныя шали, а другіе такія, что̀ ни на что не годятся; почти всѣ получили ордена, кто на шею, кто въ петлицу. Послу подарены десять прекрасныхъ шалей, славная сабля и бриліантовая звѣзда съ орденомъ черезъ плечо, еще жеребецъ весьма средственный. Совѣтникамъ посольства даны по три шали и орденъ второй степени съ позволеніемъ носить его какъ звѣзду; Соколову жеребецъ плохой, а Негри кинжалъ съ подлыми каменьями. Многіе изъ чиновниковъ не получили орденовъ за неимѣніемъ оныхъ. Посолъ еще получилъ нѣсколько прекрасныхъ шалей отъ Махметъ-Али-мирзы и славныхъ лошадей.

Другой на мѣстѣ Алексѣя Петровича сдѣлалъ бы себѣ состояніе изъ подарковъ сихъ, но безкорыстный нашъ генералъ назначилъ всѣ сіи вещи знакомымъ своимъ и родственникамъ и ничего себѣ не оставляетъ. Одну шаль посылаетъ онъ къ вдовствующей императрицѣ, а другую къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Римскія добродѣтели сего человѣка единственны; онъ имѣлъ случай обогатиться однимъ посольскимъ жалованьемъ, но онъ его отказалъ, довольствуясь жалованьемъ, принадлежащимъ къ его чину. Постыдно было смотрѣть на нѣкоторыхъ изъ господъ, въ посольствѣ находящихся и служащихъ съ безпримѣрнымъ симъ начальникомъ, какъ они жаловались на скудость подарковъ.

До захожденія солнца была прощальная аудіенція у шаха. Шахъ былъ очень просто одѣтъ, сидѣлъ на тронѣ какъ первый разъ. Посолъ прочелъ ему прощальную рѣчь, а шахъ вручилъ ему грамоту къ Государю, былъ чрезвычайно вѣжливъ и ласковъ, жалѣлъ отъ чистаго сердца, что разстается съ нами, спрашивалъ насъ нѣсколько разъ, довольны ли мы имъ. Обратясь къ мирзѣ-Шефи, онъ сказалъ ему: «Видишь ли, садръ, посолъ плачетъ; я не могу рѣшиться отпустить его и желалъ бы его хотя одинъ день еще задержать». «Мы перемѣнили мнѣніе наше на счетъ Русскихъ, увидя тебя», сказалъ шахъ послу. Посолъ въ самомъ дѣлѣ былъ тронутъ ласками шаха.

28-го числа. Посолъ получилъ множество подарковъ отъ главнѣйшихъ чиновниковъ Персидскихъ, изъ жеребцовъ, саблей и шалей состоящихъ. Богатства, которыя ему посылали, онъ всѣ отослалъ назадъ, говоря, что пріятели должны бездѣлицами дариться. Два чиновника Персидскихъ, находящихся при послѣ, Назаръ-Али-бекъ и Мехмадъ-Али-бекъ, по желанію его, удостоены шахомъ ханскаго достоинства и сегодня приходили благодарить посла. Посолъ дѣлалъ имъ всѣмъ прощальные визиты во фракѣ и былъ тоже у Англичанъ.

Въ вечеру я къ нимъ ходилъ. Кампбель началъ съ улыбкою говорить о Персидскихъ знакахъ, которые мы носимъ. Англійскіе офицеры не носятъ чужихъ орденовъ, сказалъ онъ. Ренненкампфъ подхватилъ, что лордъ Вильсонъ носитъ Русскіе ордена. Это другое дѣло, сказалъ Кампбель, если ордена заслужены на войнѣ. И такъ вы теперь можете назваться кавалерами Персидскаго ордена? *Я.* Нѣтъ, мы сіе считаемъ за памятникъ поѣздки нашей въ Персію; намъ все равно имѣть первой или послѣдней степени. *Кампбель.* Однакоже г-нъ Малькольмъ не назывался кавалеромъ онаго. *Я.* Какъ же г-нъ Малькольмъ надѣлъ иностранный знакъ? *Кампбель.* Онъ его за отличіе получилъ. *Я.* А Русскій офицеръ не можетъ быть награжденъ Персидскимъ государемъ. Знайте, господинъ Кампбель, что Русскій офицеръ не позволитъ помыслить шаху, чтобы наградить его; мы хотя шаху и большую услугу сдѣлали, заключивъ миръ съ нимъ, но о службѣ нашей будетъ Александръ Павловичъ судить. *Кампбель* (струсивъ): Нѣтъ сомнѣнія, г. Муравьевъ, что памятникъ данъ вамъ въ знакъ уваженія, которое шахъ къ Государю вашему имѣетъ. *Я.* Сіе самое я вамъ и толкую. 27-го поутру умеръ параличемъ одинъ изъ нашихъ музыкантовъ.

(Продолженіе будетъ).

ДѢЛА ДАВНО МИНУВШИХЪ ДНЕЙ *).

XVI. Ѳедоръ Марковичъ Полторацкій.

Познакомился я съ Ѳедоромъ Марковичемъ Полторацкимъ въ 1841 году. Онъ жилъ у себя въ деревнѣ, въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, одинъ, безъ семейства, и былъ уже почтенный старецъ лѣтъ 85 или болѣе. Наружность его производила пріятное впечатлѣніе: довольно высокій ростъ, худощавое лицо съ умнымъ выраженіемъ и живые, проницательные глаза. Многіе находили въ немъ сходство съ портретами Вольтера; къ слову сказать, Ѳедоръ Марковичъ былъ его страстный поклонникъ и нерѣдко проводилъ его идеи. По разсказамъ Полторацкаго, которые мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ него самого о воспитаніи и молодыхъ его годахъ, онъ, по обыкновенію того времени, какъ дворянинъ, еще съ малолѣтства былъ записанъ въ гвардію. Придя въ возрастъ, онъ прибылъ въ Петербургъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, но вмѣсто военной службы, какъ способный къ наукамъ, былъ отправленъ въ Геттингенскій университетъ для образованія, гдѣ проживъ нѣсколько лѣтъ, съ охотою и прилежаніемъ изучалъ разныя науки; по окончаніи же курса въ университетѣ былъ награжденъ большой золотой медалью. Медаль эта всегда находилась у него на письменномъ столѣ и служила вмѣсто пресъпапье, такъ какъ была довольно объемистаго размѣра.

По возвращеніи изъ-за границы въ Россію, Полторацкаго наградили чиномъ полковника; но, не чувствуя въ себѣ призванія къ военной службѣ, онъ рѣшился оставить ее и скоро вышелъ въ отставку противъ желанія своей матери, которая заранѣе разсчитывала, что онъ сдѣлаетъ видную карьеру при блистательномъ дворѣ Екатерины II. Его роди-

---

* См. выше, стр. 363.

тельница, Агаѳоклея Марковна, не могла простить сыну его ослушанія, гнѣвалась на него всю жизнь, а послѣ смерти лишила его значительнаго наслѣдства, такъ какъ имѣла большое состояніе.

Полторацкій, не желая быть празднымъ, купилъ у князя Вяземскаго въ долгъ имѣніе въ Курской губерніи, въ Ново-Оскольскомъ уѣздѣ, слободу Чернянку. Въ пріобрѣтенномъ своемъ имѣніи Ѳедоръ Марковичъ началъ устраиваться своеобразно, совсѣмъ не такъ, какъ жили другіе помѣщики. Благодаря своимъ знаніямъ и дѣятельности, изъ плохаго разореннаго земледѣльческаго имѣнія, въ которомъ однакоже было болѣе 1000 душъ крестьянъ, онъ создалъ фабричное и заводское производство по многимъ отраслямъ, въ томъ краю еще нигдѣ не существовавшимъ. Его труды и энергія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: онъ уплатилъ долги и, въ сравнительно-короткое время, сдѣлался богатымъ бариномъ.

Чего только не было у Полторацкаго въ слободѣ Чернянкѣ! Еще въ 1841 году я засталъ у него находившіяся въ дѣйствіи фабрики, бумажную и суконную, заводы, сахарный и винокуренный, и другія мелкія производства, не смотря на то, что его коммерческія дѣла тогда, вслѣдствіе процессовъ съ его женой, начали приходить въ упадокъ. Крестьяне Полторацкаго мало занимались хлѣбопашествомъ, а были мастеровые и фабричные, работая на фабрикахъ три дня въ недѣлю на барщинѣ, остальные три дня по найму, и жили зажиточнѣе другихъ сосѣднихъ крестьянъ.

Въ слободѣ Чернянкѣ были устроены Полторацкимъ лавки со всѣми произведеніями его фабрикъ и заводовъ, а также и другихъ потребностей, не только для крестьянскихъ надобностей, но и для многихъ потребителей и торговцевъ, которые являлись для закупокъ изъ другихъ мѣстъ, такъ что слобода Чернянка въ торговомъ отношеніи была никакъ не хуже, если не лучше, многихъ уѣздныхъ городовъ; съ этимъ вмѣстѣ въ городахъ Харьковѣ, Курскѣ и Воронежѣ у него имѣлись магазины съ его же произведеніями, управляемые прикащиками изъ его крѣпостныхъ людей. У Полторацкаго были даже свои деньги [1]), сдѣланныя изъ картона карточки: на каждой была обозначена ея стоимость при размѣнѣ на деньги за подписью и печатью Ѳедора Марковича. Эти марки, или, какъ ихъ называли, ассигнаціи Полторацкаго, ходили безпрепятственно на большомъ разстояніи въ окружности и принимались торговцами въ сосѣднихъ городахъ и се-

---

[1]) Точно также, какъ, нѣсколько позднѣе, въ Брянскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ денежные знаки или ассигнаціи С. И. Мальцова. Н. Б.

леніяхъ въ уплату за товары и водку; когда же за нихъ требовались деньги, то они безъ задержки уплачивались въ конторѣ Полторацкаго въ слободѣ Чернянкѣ, или обмѣнивались на произведенія изъ его фабрикъ и заводовъ. Такихъ денегъ выпускалось иногда до 100 тысячъ рублей, что было большимъ подспорьемъ для денежныхъ оборотовъ. Въ г. Курскѣ Ѳедоръ Марковичъ выстроилъ оригинальный домъ, совершенно годный для житья даже зимою, изъ картона, приготовленнаго на его фабрикахъ. Не знаю, существуетъ ли теперь этотъ домъ; но, вѣроятно, его помнятъ многіе Курскіе жители; мнѣ самому случалось не разъ бывать въ немъ.

Живя съ Ѳедоромъ Марковичемъ въ одномъ уѣздѣ, я часто бывалъ у него въ Чернянкѣ и, не смотря на большую разницу въ нашихъ годахъ, я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ у него время. Его разсказы и замѣчанія бывали сатирическіе и мѣткіе; съ этимъ вмѣстѣ я не помню, чтобы, побывавъ у него, я чему нибудь не научился, или не узналъ интереснаго и практическаго изъ его дѣятельности.

Но, воздавая должное уму и способностямъ этого человѣка, не могу не сознаться, что во многихъ случаяхъ онъ бывалъ несправедливъ и не стѣснялся никакими средствами, чтобы достигнуть своей цѣли, отличаясь замѣчательной настойчивостью. Можно бы привести много примѣровъ тому. Въ одномъ селеніи съ нимъ было также имѣніе М. П. Щербинина [2]); хата, принадлежавшая крестьянину Щербинина, стояла на крутомъ берегу рѣки Оскола, а съ другой стороны примыкала дворомъ къ саду Полторацкаго. По многимъ соображеніямъ Ѳедоръ Марковичъ не желалъ имѣть такого близкаго сосѣда и нѣсколько разъ предлагалъ Щербинину уступить это мѣсто, гдѣ стояла злополучная хата, давая въ обмѣнъ другое, болѣе выгодное для ея постройки; но Щербининъ почему то не соглашался на такую сдѣлку. Тогда Полторацкій сообразилъ, что въ этомъ случаѣ ему можетъ помочь рѣка Осколъ. Основываясь на томъ, что рѣка принадлежала исключительно ему, онъ приказалъ брать песокъ отъ того берега, на верху котораго стояла хата. Его предположенія сбылись: водою хату подмыло, и она рухнула въ р. Осколъ. Ѳедоръ Марковичъ оправдывался тѣмъ, что онъ былъ въ правѣ брать песокъ съ береговъ своей рѣки, но не властенъ былъ повелѣвать стихіями. Съ этимъ же сосѣдомъ Щербининымъ и съ тою же рѣкою Осколомъ

---

[2]) Въ разсказѣ о немъ (Г. Архивъ 1885, III, 275) Чернянка, по ошибкѣ нашей названа Чернявкою. П. Б.

Полторацкій выкинулъ еще болѣе сложную штуку. Отъ рѣки Оскола отдѣлялся рукавъ (рѣчка Сухманка); удаляясь на нѣкоторое разстояніе, онъ впадалъ въ туже рѣку Осколъ; такимъ образомъ образовался островъ, находившійся во владѣніи Полторацкаго; ниже, на рѣчкѣ Сухманкѣ, была устроена мельница, принадлежавшая Щербинину. Эта мельница была непріятна Ѳедору Марковичу тѣмъ, что воды этой рѣчки не попадали на его фабрики, требовавшія большей силы. Тогда Полторацкій вознамѣрился перепустить воду изъ р. Сухманки въ р. Осколъ, не допуская ея до мельницы Щербинина. Для этого осенью, подъ предлогомъ осушки болота, онъ прорылъ по острову глубокую канаву, оставивъ узкій перешеекъ песчанаго грунта къ рѣчкѣ Сухманкѣ; послѣ схода первой же полой воды, которою весною заливался весь островъ, размылась канава, образовалось новое теченіе и обратилось въ р. Осколъ, что̀ собственно и нужно было Полторацкому, а мельница Щербинина очутилась на сухомъ берегу. Начался нескончаемый процесъ; въ судебныхъ инстанціяхъ постановлялись рѣшенія, одно другому противорѣчащія. Щербининъ требовалъ возстановленія своихъ правъ на мельницу и уплаты за понесенные убытки; Полторацкій же отвѣчалъ, что онъ неповиненъ въ томъ, что рукавъ р. Оскола направился теченіемъ по другому направленію, будто бы когда-то тамъ существовавшему прежде, а не на мельницу Щербинина; что же касается до вырытой имъ канавы, то на своей собственной землѣ онъ былъ въ правѣ дѣлать, что̀ ему угодно, что̀ законами не воспрещено и т. п. При этомъ нельзя не упомянуть, какъ по этому же дѣлу Полторацкій отнесся къ рѣшенію Гражданской Палаты, узнавши заранѣе, что оно было рѣшено не такъ, какъ въ Уѣздномъ Судѣ, т.-е. не въ его пользу. Для выслушанія рѣшенія по закону требовались тяжущіеся, или ихъ повѣренные съ законными довѣренностями. Полторацкій самъ не поѣхалъ, а послалъ вмѣсто себя изъ своихъ крестьянъ, дурака-пастуха, давъ ему довѣренность, въ которой значилось: такъ какъ въ продолженіе 10 лѣтъ пастухъ этотъ добросовѣстно пасъ стадо свиней и соблюдалъ интересы его, Полторацкаго, то, не найдя никого лучше для выслушанія рѣшенія Палаты, онъ довѣряетъ ему, полагаясь на его усмотрѣніе, дать свое согласіе или несогласіе на опредѣленіе Палаты. Въ присутствіи, при опросѣ повѣренныхъ, члены Палаты на вопросы по дѣлу вмѣсто отвѣта получили отъ повѣреннаго Полторацкаго какое-то дикое мычанье и не знали, какъ имъ поступить; однако по долгомъ разсужденіи постановили: сдѣлать замѣчаніе Полторацкому за неудачный выборъ повѣреннаго.

Подобнаго рода курьезы Полторацкій продѣлывалъ и въ другихъ случаяхъ.

Ѳедоръ Марковичъ былъ женатъ четыре раза. Чтобы четвертый бракъ былъ признанъ законнымъ, одинъ изъ предшествующихъ браковъ нужно было уничтожить, что и было достигнуто посредствомъ подкупа въ Консисторіи: въ книгахъ, гдѣ записанъ былъ этотъ бракъ, листы оказались вырваны, или съѣдены мышами. Послѣдняя его супруга, для которой производился этотъ подлогъ, была Француженка родомъ изъ Парижа, хорошей дворянской фамиліи, въ свое время очень красивая и хорошая музыкантша. Когда Ѳедоръ Марковичъ на ней женился, ему было болѣе 60 лѣтъ, а ей 18. Пріѣхавши въ Россію, они зажили очень дружно и вели при хорошихъ средствахъ Полторацкаго жизнь роскошную. Впослѣдствіи, когда у нихъ было уже шесть человѣкъ дѣтей, супруги начали ссориться; и причину того приписывали ревности, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Молодой женѣ не нравилось, что ея старикъ-мужъ устроилъ себѣ въ восточномъ вкусѣ баню, куда имѣлъ обыкновеніе ходить ежедневно съ молодыми и красивыми женщинами изъ крѣпостныхъ, которыя его парили и холили особеннымъ способомъ, а затѣмъ обливали холодной водой, какъ онъ говорилъ, для подкрѣпленія его физическихъ силъ; а мужу не нравилось частое присутствіе при его женѣ какого-то полковника, любителя музыки. Послѣ разныхъ пререканій, неудовольствій и ссоръ, супруги, наконецъ, разъѣхались Ѳедоръ Марковичъ поселился въ Чернянкѣ, а жена съ дѣтьми осталась жить въ Курскѣ въ подаренномъ ей мужемъ огромномъ домѣ [3]). Вражда между супругами еще болѣе усилилась вслѣдствіе процессовъ, возникшихъ между ними. Поводовъ къ этому было достаточно; изъ нихъ нельзя не отмѣтить жалобы жены, что мужъ приказалъ взорвать на воздухъ подаренный имъ ей домъ, въ которомъ она жила съ дѣтьми, гдѣ помѣщались также гостинница и магазины. Дѣйствительно, слѣдствіемъ открылось, что во многихъ скрытыхъ мѣстахъ въ домѣ, даже подъ кроватью г-жи Полторацкой, былъ подложенъ порохъ. Нашелся и виновникъ, еще не успѣвшій привести въ исполненіе своего замысла: это былъ крѣпостной Ѳедора Марковича Полторацкаго, пріѣхавшій изъ деревни въ Курскъ; прежде онъ жилъ рабочимъ въ этомъ самомъ домѣ. Его судили и сослали въ Сибирь; Полторацкій же, привлеченный по подозрѣнію жены въ участіи этого преступленія, судомъ былъ оправданъ. Общественное мнѣніе склонялось къ тому, что Полторацкій былъ не безъ грѣха въ этомъ дѣлѣ; но поджигатель принялъ на себя всю вину, не оговаривая сво-

[3]) Этотъ домъ до сихъ поръ существуетъ во владѣніи дочери ихъ Н. Ѳ. Монтрезоръ. А. С. Пушкинъ въ одномъ стихотвореніи вспоминаетъ, что онъ былъ въ Курскѣ „у Полторацкаго въ тавернѣ".

его барина, въ надеждѣ, какъ говорили тогда, получить за это большія деньги. Съ этого времени жалобы Елисаветы Францовны Полторацкой учащаются; по разнымъ обстоятельствамъ подаются прошенія губернатору, министру, шефу жандармовъ и, наконецъ, во время смотра въ Курскѣ, самому Императору Николаю Павловичу, при чемъ она заставила двухъ своихъ малолѣтныхъ дѣтей 6 и 7 лѣтъ, на которыхъ Государь случайно обратилъ вниманіе, подать ему просьбу на отца ихъ. Сущность всѣхъ жалобъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, что отецъ не даетъ дѣтямъ средствъ на воспитаніе и содержаніе и при этомъ разстраиваетъ свое состояніе, что̀ было не совсѣмъ справедливо: Полторацкій платилъ за сына въ лицей и за двухъ старшихъ дочерей въ институтъ въ Петербургѣ, гдѣ они воспитывались; конечно, онъ могъ давать щедрѣе, не ограничиваясь этимъ. Но болѣе всего возмущало Ѳедора Марковича то, что будто бы онъ разстраиваетъ свое состояніе. Кто же создалъ это состояніе, какъ не онъ самъ въ продолженіе долгой трудовой жизни. Многіе, напротивъ, удивлялись, какъ онъ неутомимъ по хозяйству и фабрикамъ, не смотря на столь преклонныя лѣта.

На просьбу Елисаветы Францовны Полторацкой, поданную ея дѣтьми императору Николаю Павловичу, послѣдовало Высочайшее повелѣніе чрезъ шефа жандармовъ для объявленія полковнику Полторацкому, въ которомъ повелѣвалось ему, Полторацкому, написать духовное завѣщаніе въ пользу его дѣтей и жены, предоставивъ послѣдней законную 7-ю часть, а дѣтямъ раздѣлить имѣніе по его усмотрѣнію; актъ этотъ по удостовѣреніи губернатора въ правильности и точности содержанія представить на храненіе въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія; имѣніе же его немедленно взять въ опеку и наложить на него запрещеніе, чтобы оно не могло быть проданнымъ.

Какъ ни возмущался Ѳедоръ Марковичъ такимъ необыкновеннымъ распоряженіемъ, тѣмъ болѣе, что имѣніе было пріобрѣтенное, а не родовое, и онъ имѣлъ еще другихъ дѣтей отъ первой жены, но, скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ исполнить не свою волю, а Высочайшее повелѣніе.

Результаты такихъ дѣйствій оказались для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ весьма плачевные. Полторацкій, боясь остаться въ преклонной старости безъ денегъ, собралъ весь оборотный капиталъ (такъ какъ на него не распространялось запрещеніе), почему опекуну не было никакой возможности продолжать производство на фабрикахъ и заводахъ; работавшіе на нихъ крестьяне остались безъ заработковъ, а они ими только и существовали; имѣніе было поставлено въ безвыходное положеніе: нуженъ былъ или большой капиталъ, чтобы пу-

стить всѣ фабрики въ дѣйствіе, а его не было, или вовсе измѣнить порядокъ управленія и завести хлѣбопашество, къ которому имѣніе столько лѣтъ не было приспособлено. При такихъ обстоятельствахъ ни жена Полторацкаго, ни дѣти ихъ не могли разсчитывать получить въ наслѣдство устроенное имѣніе, какимъ оно было; напротивъ, оно должно было придти въ совершенный упадокъ. Положеніе Ѳедора Марковича было въ то время также очень незавидно: привыкнувъ къ постоянной дѣятельности, онъ остался безъ всякаго дѣла, такъ какъ имѣніемъ распоряжался опекунъ, вслѣдствіе чего онъ приходилъ въ раздраженіе на всѣхъ его окружающихъ, но въ особенности чувствовалъ озлобленіе къ своей отсутствующей супругѣ, и ей онъ приписывалъ всѣ свои невзгоды, которыя претерпѣвалъ. При такомъ положеніи нѣкоторые изъ его знакомыхъ совѣтывали ему примириться съ женою, чтобы прекратить всѣ дѣла; на эти совѣты онъ всегда отвѣчалъ: «Я прочелъ въ газетахъ, что изобрѣтено взрывчатое вещество въ видѣ ваты, дѣйствующей въ иныхъ случаяхъ сильнѣе пороха; мнѣ бы хотѣлось заказать роскошный капотъ, подбитый такой ватой и послать въ подарокъ моей супругѣ въ знакъ примиренія, зная, что она имѣетъ привычку сидѣть у камина».

По отправкѣ на храненіе своего духовнаго завѣщанія со всѣми требуемыми отъ него формальностями, Полторацкій обратился къ шефу жандармовъ съ просьбою, чтобы ему дозволили самому управлять имѣніемъ безъ опекуна. Послѣ многихъ затрудненій и препятствій, въ особенности со стороны жены, ему удалось получить такое разрѣшеніе. Ѳедоръ Марковичъ какъ бы вновь возродился и ожилъ, съ обычной энергіей принялся за хозяйство и хлопоталъ весь день неутомимо, находясь въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; вечеромъ же по прежнему обыкновенію слушалъ своихъ пѣвчихъ [1]. Но за то утромъ, проснувшись, трудно было ему вставать съ постели; его поднимали и вели подъ руки, или просто несли въ баню, гдѣ сажали въ теплую ванну, терли суконками, руками и иногда употребляли розги; по выходѣ изъ ванны его окачивали холодной водой (все это исполняли молодыя женщины), и послѣ такихъ операцій онъ являлся къ утреннему кофею совершенно бодрый, принималъ доклады отъ своихъ прикащиковъ и конторщиковъ, ничего не забывая, а затѣмъ отправлялся, не смотря ни на какую погоду, за три версты на бумажную

---

[1]) Нѣкоторые изъ нихъ учились въ Москвѣ у знаменитаго въ то время Варламова. Солисты и хоръ были очень хороши; кромѣ Русскихъ романсовъ они пѣли и изъ Итальянскихъ оперъ, непремѣнно по-итальянски. До сихъ поръ сохранились ноты, гдѣ подъ Итальянскимъ текстомъ слова написаны Русскими буквами рукою Полторацкаго.

фабрику, дѣлалъ тамъ свои распоряженія, причемъ старался найти какую нибудь неисправность, чтобы разсердиться, раскричаться и придти въ волненіе. Онъ самъ сознавался, что эти волненія ему необходимы для подкрѣпленія силъ, а иначе онъ становился вялымъ и слабымъ. Ему было тогда около девяноста лѣтъ.

Однажды мнѣ дали знать, что Полторацкій очень боленъ Пріѣхавши къ нему, я засталъ его умирающимъ: онъ лежалъ въ жару, никого не узнавая; подлѣ него сидѣлъ его крѣпостной цирульникъ (у докторовъ онъ не лѣчился), бывшій при немъ 20 лѣтъ; онъ сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Марковичъ никогда еще такъ не былъ боленъ и, не смотря на всѣ средства, которыя онъ употребилъ, нѣтъ никакой надежды ни его выздоровленіе. Тогда я распорядился послать эстафету къ женѣ и дѣтямъ его, жившимъ за 200 верстъ въ г. Курскѣ съ извѣстіемъ объ отчаянномъ положеніи Ѳедора Марковича. До ночи просидѣлъ я у постели больнаго; ему прикладывали ледъ къ головѣ, чѣмъ и ограничивалось лѣченіе, но онъ не приходилъ въ себя, и никакого улучшенія не было замѣтно. Утомившись весь день, я отправился спать. Утромъ, проснувшись отъ громкаго говора въ саду и заглянувъ въ окно, я къ крайнему своему изумленію увидалъ Ѳедора Марковича, который бранилъ за какую-то неисправность своего садовника. Когда я встрѣтился съ нимъ, онъ уже принялъ ванну и показался мнѣ совершенно здоровымъ, даже не пожаловался на свою вчерашнюю болѣзнь и съ обычной любезностью поблагодарилъ меня за заботы о немъ, вѣроятно, узнавши отъ людей, что я провелъ весь день и часть ночи у его постели. Ѳедоръ Марковичъ еще не зналъ о моемъ распоряженіи; я долженъ былъ сообщить ему, что, въ виду отчаяннаго его положенія, я рѣшился послать эстафету къ его дѣтямъ и женѣ. Сначала онъ на меня разсердился, но потомъ смягчился, надѣясь увидать своихъ двухъ старшихъ дочерей, уже вышедшихъ изъ института, которыхъ онъ давно не видалъ, но, такъ какъ его пугала встрѣча съ супругой, то онъ попросилъ меня остаться до ихъ пріѣзда; съ этимъ вмѣстѣ сдѣлалъ распоряженіе приготовить для пріѣзжихъ комнаты. Поднялась уборка всего дома; Ѳедоръ Марковичъ самъ вездѣ бѣгалъ и хлопоталъ, не поѣхалъ даже на фабрику, а сердился и волновался дома. Вечеромъ, по обыкновенію, мы слушали пѣвчихъ. Ѳедоръ Марковичъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, но все время не забывалъ о женѣ; шутя, но ехидно, разсказалъ онъ между прочимъ, что она обладаетъ необыкновеннымъ талисманомъ, какого онъ не встрѣчалъ ни въ одной женщинѣ, объясняя и свойство этого талисмана, вслѣдствіе чего онъ не прочь съ ней вновь сойтись. Было смѣшно и забавно слышать отъ девяностолѣтняго старика подобныя пожеланія.

На другой день пріѣхала Полторацкая со своей второй дочерью, Софьей Ѳедоровной. Встрѣча была очень дружелюбная съ обѣихъ сторонъ, не смотря на то, что первыя слова, произнесенныя Елисаветой Францовной: «Какъ, Ѳедоръ-Маркъ не умеръ! Зачѣмъ же насъ выписывали?» произвели непріятное впечатлѣніе на старика, услыхавшаго ихъ. Но ласки дочери смягчили это впечатлѣніе. Я уѣхалъ, оставивъ супруговъ въ самомъ мирномъ настроеніи. На другой день я узналъ, что Елисавета Францовна съ большимъ скандаломъ выѣхала обратно въ Курскъ, поссорившись съ мужемъ за какія-то вышивки, которыя она самовольно вырѣзала изъ пялецъ.

Вскорѣ послѣ неудачнаго свиданія съ супругою Ѳедоръ Марковичъ задумалъ отправиться для развлеченія въ Харьковъ, забравши съ собой хоръ своихъ пѣвчихъ. Великимъ постомъ онъ возвратился и привезъ съ собой знаменитую въ то время провинціальную актрису Л. И. Молотковскую: она должна была обучать драматическому искусству его пѣвчихъ и устраивать театральныя представленія. Однако эта затѣя почему-то не удалась, и Молотковская вскорѣ уѣхала. На слѣдующую зиму Ѳедоръ Марковичъ перебрался со своими пѣвчими въ Одессу, но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то онъ наступилъ и для Ѳедора Марковича Полторацкаго. Онъ скончался въ Одессѣ на 95-мъ году возраста, окруженный только своими пѣвчими, которымъ однако успѣлъ дать вольноотпускныя.

Н. Рѣшетовъ.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНІЕ М. Н. ЛОНГИНОВА М. П. ПОГОДИНУ.

На Масляницѣ 1872 года, престарѣлый Москвичъ, обитатель Дѣвичьяго Поля (Хамовнической части) М. П. Погодинъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ въ то время давала представленія свои славная актриса Шнейдеръ въ извѣстныхъ Офенбаховскихъ операхъ. Маститому историку, всегда отличавшемуся живою любознательностью, захотѣлось посмотрѣть, чѣмъ такъ восхищается Петербургское общество. М. Н. Лонгиновъ далъ ему свой билетъ на утреннее представленіе, который Погодинъ долженъ былъ возвратить ему на другой день, пріѣхавши къ нему на обѣдъ. Къ этому обѣду приглашены были еще нѣсколько человѣкъ, но Погодинъ не пріѣхалъ. Лонгиновъ послалъ къ нему узнать, здоровъ ли онъ, и посланный возвратился съ театральнымъ билетомъ и съ извѣстіемъ, что въ этотъ самый день Погодинъ прямо изъ театра уѣхалъ на Николаевскую желѣзную дорогу. По этому поводу, за веселой дружеской бесѣдой, сочинены слѣдующіе стихи:

Понятенъ мнѣ изъ Петрограда
Внезапный, быстрый вашъ побѣгъ:
Вы точно вырвались изъ ада
И обрѣли желанный брегъ.

Вы зрѣли роскошь Вавилона,
И васъ, превыше всякихъ мѣръ,
Смутила смѣлая Шнейдеръ
И рѣзкой краткостью хитона,
И наглымъ ухарствомъ манеръ.

Ее узрѣвши, чтожъ вамъ болѣ,
Осталося, какъ не бѣжать
И ризы скорбно разрывать,
Покоясь на Дѣвичьемъ Полѣ?

Пришли послѣдни времена,
Коль въ плоть Француженки-кокотки
Залѣзъ коварный сатана
И *верхнія выводитъ нотки*!

И рукоплещетъ Петроградъ
Покорный дерзкой ея власти.
Но васъ минуютъ *мерзъ* и *смрадъ*:
Ихъ нѣтъ въ Хамовнической части!

На стражѣ тамъ стоятъ Олегъ
И Игорь съ грознымъ Святославомъ.
Отъ нихъ, въ смятеніи лукавомъ,
Шнейдеръ и жрицы всякихъ нѣгъ
Въ постыдный обратятся бѣгъ.

(*Сообщено Н. А. Ратынскимъ*).

ЗАМѢТКИ.

1.

Во второй нынѣшняго года тетради „Историческаго Журнала“, издаваемаго Зибелемъ въ Мюнхенѣ и Лейпцигѣ (Historische Zeitschrift), помѣщена обширная статья Дерптскаго профессора Брюкнера объ „Архивѣ Князя Воронцова“. Она очевидно написана давно, такъ какъ въ ней обозрѣвается и разбирается содержаніе только 30-ти книгъ этого сборника, а въ нынѣшнемъ году появилась уже 32-я его книга. Г-нъ Брюкнеръ считаетъ это изданіе законченнымъ и въ статьѣ своей производитъ отчасти ту самую работу, которая уже готовится и должна появиться послѣднею книгою „Архива Князя Воронцова“: мы разумѣемъ подробную предметную роспись всего историческаго матеріала, содержащагося въ богатомъ семейномъ архивѣ графовъ и князей Воронцовыхъ. Въ этой заключительной книгѣ г-нъ профессоръ получитъ отвѣты на свои недоумѣнія и вопросы. Здѣсь же мы считаемъ долгомъ выразить ему благодарность нашу за нѣкоторыя справедливыя замѣчанія и указанія ошибокъ, неизбѣжныхъ въ трудѣ, который начатъ еще въ 1869 году и продолжается доселѣ.

Желательно, чтобы статья почтеннаго профессора появилась и на Русскомъ языкѣ.

2.

Издатель „Гражданина“, въ 11-мъ номерѣ нынѣшняго года, позволилъ себѣ дерзкіе про меня отзывы по поводу напечатаннаго мною собранія избранныхъ стихотвореній Ѳ. И. Тютчева. Довожу до свѣдѣнія читателей, что на это изданіе я уполномоченъ сыномъ и наслѣдникомъ поэта, и денежные разсчеты по оному находятся въ надлежащемъ порядкѣ.

Петръ Бартеневъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ОБОЛЕНСКІЙ.

Некрологъ *).

6 Марта нынѣшняго года скончался въ Петербургѣ, на 65 году жизни, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ, князь М. А. Оболенскій, отъ крупознаго воспаленія легкихъ. Пятью годами раньше, 22 Января 1881 года, эта же болѣзнь свела въ могилу и младшаго его брата, статсъ-секретаря, члена Государственнаго Совѣта, князя Дмитрія Александровича (оба брата заболѣли ею въ Пятницу и оба отдали душу Богу въ Четвергъ, то-есть на восьмой день безпощадной болѣзни).

Сверстники почившихъ братьевъ, конечно, хорошо помнятъ въ Москвѣ, на Солянкѣ, противъ Опекунскаго Совѣта, домъ отмѣнно - добраго и почтеннаго старца, отца ихъ, князя Александра Петровича; но едва ли также хорошо помнятъ мать почившихъ, княгиню Аграфену Юрьевну, урожденную Нелединскую-Мелецкую, потому что она умерла въ молодыхъ годахъ въ Калугѣ, гдѣ старожилы до сихъ поръ въ годовщину кончины убираютъ цвѣтами могилу этой необыкновенно-симпатичной женщины, да и о супругѣ ея вспоминаютъ какъ о любимомъ въ свое время губернаторѣ.

Почившій князь Михаилъ Александровичъ воспитывался въ бывшемъ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ, а окончилъ свое образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ, откуда выпущенъ въ 1841 году съ чиномъ IX класса, то-есть въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ своего курса, и опре-

---

*) Даровитая семья князей Оболенскихъ безпрестанно встрѣчается на страницахъ новѣйшей Русской Исторіи. Благодаря симпатическимъ своимъ качествамъ, мягкосердечію, образованности, живому сочувствію ко всему возвышенному и благородному, они замѣтны не только на служебномъ поприщѣ, но являются дѣятельными участниками и въ исторіи Русскаго умственнаго движенія. П. Б.

дѣленъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ откомандированіемъ, какъ тогда зачастую водилось, для занятій въ Московскомъ Главномъ Архивѣ. Ровно чрезъ годъ онъ былъ причисленъ сверхъ штата къ нашему посольству въ Берлинѣ, а съ небольшимъ чрезъ годъ перемѣщенъ младшимъ секретаремъ посольства въ Мюнхенѣ и потомъ чрезъ два съ половиною года на туже должность въ Вѣну. Въ началѣ 1851 года семейныя обстоятельства заставили его покинуть дипломатическую службу и перебраться въ Москву на должность совѣтника Московской Дворцовой Конторы. Пишущему эти строки памятны его разсказы о тѣхъ дипломатическихъ казусахъ, которыхъ пришлось ему быть личнымъ свидѣтелемъ, а равно и о тѣхъ порученіяхъ, которыя на него возлагались. Много разъ доводилось слышать отъ почившаго, что онъ собирался и, кажется, началъ писать, но едва ли дописалъ до конца, свои воспоминанія о первомъ періодѣ своей службы. Для большей части этихъ разсказовъ въ печати не настало еще время. Многократныя откровенныя показанія покойнаго даютъ право заявить, что за время дипломатической его службы умный нашъ посолъ баронъ Мейендорфъ имѣлъ наибольшее на него вліяніе, а позднѣйшая служба князя доказала, что это вліяніе было поистинѣ благотворно для практическаго ума князя Михаила Александровича.

Около пяти лѣтъ прослужилъ онъ въ должности совѣтника Московской Дворцовой Конторы и принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ коронаціи Царя-Освободителя и въ самомъ торжествѣ ея.

Въ 1857 году онъ вышелъ въ отставку, а въ 1859 году снова поступилъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и въ томъ же году, будучи командированъ въ распоряженіе Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, успѣлъ отличиться своими распоряженіями по борьбѣ съ саранчей. Въ концѣ 1865 года онъ былъ прикомандированъ для занятій въ Земскомъ Отдѣлѣ. Припоминаемъ эти подробности, чтобы показать, какими путями превращался питомецъ умнаго дипломата въ очень умнаго администратора. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, какъ князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ Тверскимъ вице - губернаторомъ, то-есть подъ ближайшее руководство весьма умнаго, просвѣщеннаго и дѣловитаго губернатора, какимъ былъ тогда въ Тверской губерніи князь П. Р. Багратіонъ, достаточно извѣстный всѣмъ какъ симпатичный начальникъ, а намъ сверхъ того и какъ человѣкъ искренно-полюбившій своего сотрудника и до конца жизни оставшійся неизмѣннымъ ему другомъ. Года за полтора до кончины изъ набросковъ для своихъ записокъ почившій прочелъ пишущему эти строки подробный разсказъ о томъ, какъ легко (по порученію губернатора) всегда практически бравшійся за всякое дѣло вице-губернаторъ въ одинъ пріѣздъ и всего въ одни сутки успѣлъ положить конецъ начавшему-

ся между крестьянами какой-то волости движенію такого рода, изъ-за котораго мѣстныя власти просили и ожидали военной экзекуціи.

Въ донесеніи своемъ объ этомъ дѣлѣ князь Багратіонъ не скрылъ очевидной заслуги своего вице-губернатора, и чрезъ два съ небольшимъ года князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ Ковенскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ оставилъ по себѣ память замѣчательно дѣловитаго администратора. О службѣ его въ Ковенской губерніи авторъ некролога можетъ говорить какъ личный наблюдатель. Пріѣзду князя Михаила Александровича въ городъ Ковну предшествовало множество пущенныхъ въ ходъ Поляками сплетень. Русскіе люди Муравьевскаго назначенія тѣмъ легче поддались имъ, что ожидаемый губернаторъ былъ на ты съ генералъ-губернаторомъ, какъ двоюродный братъ добрѣйшей и милѣйшей супруги его, Екатерины Васильевны Потаповой. Съ пріѣздомъ новаго губернатора ждали чуть не поголовной смѣны начальствующихъ лицъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Стали даже громко называть *намѣченныхъ въ сломку*, и хорошо помнится, какъ тяжело, какъ боязно и, чтобы сказать всю правду, какъ стыдно было подъ часъ этимъ почтеннымъ людямъ показываться на улицѣ. У всѣхъ на душѣ таилось и камнемъ лежало болѣзненное чувство, какое могутъ испытывать честные и вѣрные своему гражданскому долгу люди, какъ-то вдругъ очутившіеся въ положеніи опозоренныхъ именно за эти не совсѣмъ заурядныя на службѣ и въ жизни добродѣтели. Это ничѣмъ незаслуженное, но тѣмъ не менѣе томительно-гнетущее чувство тянуло каждаго какъ-нибудь и куда-нибудь скрыться и безъ оглядки бѣжать изъ злополучнаго для Русскихъ людей края. Но какъ и куда было бѣжать людямъ семейнымъ и недостаточнымъ? Вотъ до чего могла доводить людей самыхъ полезныхъ для дѣла, опытныхъ по службѣ и полныхъ самообладанія, Польская интрига. Вотъ чѣмъ и объясняются періодическія ея побѣды надъ Русскимъ дѣломъ. Договаривать ли, что эти побѣды всегда были плодомъ не неспособности и неумѣлости мѣстныхъ Русскихъ дѣятелей, но періодически усиливающейся въ Петербургѣ и отсюда властно пригнетающей этихъ людей Польской интриги?

Первая недѣля по пріѣздѣ новаго губернатора переполнила городъ мѣстными помѣщиками и уѣздными предводителями дворянства. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ и вліятельнѣйшихъ между послѣдними, давно уже умершій, весьма умный и тѣмъ болѣе рѣшительный человѣкъ, бывшій главою партіи, усиленно превращавшей Ковенскую губернію въ Kowenland, графъ К. принялъ на себя трудъ политически зачаровать „Русскаго барина - Рюриковича“, какъ называли тогда князя Михаила Александровича въ Ковнѣ, и убѣдить его, что Русскіе чиновники въ губерніи чуть не поголовно *красные*, что мѣстный консервативный помѣщичій элементъ не можетъ бороться съ ними по своей оскудѣлости, что отъ первыхъ, какъ отъ чумы, слѣдуетъ спасти губернію, а консерватизмъ поднять и укрѣпить, избавивъ ихъ отъ процентнаго сбора. Дипломатъ-губернаторъ оставался однакожъ сфинксомъ. Тогда опытный въ интригѣ помѣщикъ принялся запугивать этого сфинкса

съ другой стороны. Въ предшествовавшемъ году губернія пережила тяжелый голодъ; наступавшее лѣто слишкомъ наглядно доказывало, что на второмъ голодномъ году пострадавшему отъ мятежа, отъ Польскихъ поджоговъ и случайныхъ неурожаевъ сельскому населенію грозятъ всѣ ужасы голоднаго тифа и смерти. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ продолжительнаго разговора на эту тему, конечно на Французскомъ языкѣ.

— Чтò же думаете вы, графъ, долженъ я сдѣлать, какъ начальникъ губерніи? спросилъ губернаторъ.

— Полагаю тоже, чтò всегда дѣлается въ Россія.

— То-есть?

— То-есть обратиться къ участію помѣщиковъ, которые и теперь не откажутся помочь бывшимъ своимъ крестьянамъ, точно также какъ помогали при крѣпостномъ правѣ.

— Вы, значитъ, полагаете, что обращеніемъ къ помѣщикамъ я долженъ дать имъ случай оправдаться въ недавнемъ мятежѣ и чтобы я рекомендовалъ правительству отмѣнить процентный сборъ?

— Почему и не такъ?

— Да потому, что помѣщики помочь не могутъ: вы же на дняхъ рисовали мнѣ, какъ велико ихъ разореніе. Позвольте мнѣ просить васъ, графъ, увѣриться и другихъ увѣрить, что предъ угрожающими ввѣренной мнѣ губерніи естественными бѣдствіями правительство и безъ помощи мѣстныхъ помѣщиковъ сумѣетъ стать на высоту своего призванія, какъ сумѣло доказать свою силу въ годы послѣдняго мятежа.

Предъ грозившими ужасами втораго голоднаго года не унывали тогда Евреи, да упорно молчавшій губернаторъ; первые потому, что ждали вдвое бòльшихъ барышей противъ предшествовавшаго года, а второй — потому что сумѣлъ вò-время запастись вѣрными средствами для борьбы съ голодомъ. Князь М. А. Оболенскій предвидѣлъ, что въ такой губерніи, гдѣ всѣми торговыми оборотами почти безраздѣльно владѣютъ Евреи, нужно было бы располагать непомѣрными денежными суммами, чтобы предотвратить ужасы, сопровождающіе голоданіе милліоннаго населенія. Еврейская эксплуатація осталась бы неумолимою и передъ послѣдними крайностями какихъ бы то ни было бѣдствій, лишь бы они доставляли возможность скорой и обильной наживы. Умный администраторъ мысленно остановился на необходимости избавить населеніе, хотя бы только на время голода, отъ жадныхъ поползновеній зажиточнаго Еврейства и рѣшился прежде всего успокоить и усыпить чуткость и бдительность Еврейскаго кагала. Съ этою цѣлію, никого ни о чемъ не предваряя, онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ иркровенныхъ, какъ всегда, но вліятельнѣйшихъ членовъ этого кагала. То былъ богатый мѣстный Еврей-купецъ, коротко принятый въ Польскомъ и Русскомъ обществѣ и уже никого не удивлявшій тѣмъ, что въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, разъѣзжалъ съ визитами по знакомымъ, и если не христосовался, то все-таки по три раза цѣловался съ ними.

— У меня къ вамъ двѣ просьбы, такъ началъ губернаторъ послѣ первыхъ привѣтствій.

„Чтó изволите приказать, ваше сіятельство?“

— Обращаясь къ вамъ, какъ проситель, не могу приказывать, а прошу дать мнѣ слово, что все, чтó сейчасъ скажу вамъ съ глазу на глазъ, навсегда останется между нами.

„Смѣю увѣрить, ваше сіятельство, моимъ честнымъ словомъ“.

— Вы знаете, что нашей губерніи опять угрожаетъ голодъ. Оставить населеніе при его средствахъ никакъ нельзя; дать ему средства изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала также нельзя: какія ни дайте голодному бѣдняку деньги, они незамѣтно вытекутъ изъ его дырявыхъ въ крѣпкіе карманы мелкихъ барышниковъ, хлѣбныхъ торговцевъ. Я предпочитаю помочь бѣднякамъ выдачею не денегъ, а хлѣба въ видѣ муки, и притомъ заимообразно то-есть съ возвратомъ частію изъ будущихъ урожаевъ, а частію и изъ задѣльной платы за разныя работы, которыя придется придумать и начать. Для такой сложной операціи необходимо одно такое оборотливое и довѣренное лицо, которое сумѣло бы справиться со всѣми ея подробностями и съ которымъ мнѣ лично пріятно было бы имѣть дѣло. Изъ мѣстныхъ капиталистовъ лучше другихъ знаю васъ и понимаю, что при вашихъ прочныхъ торговыхъ связяхъ вы могли бы принять на себя поставку муки въ такомъ количествѣ, какое бы ни потребовалось, и притомъ на заранѣе указанные мною пункты и въ заранѣе назначенные мною сроки. Угодно-ли вамъ взять на себя это дѣло?

Послѣ недолгихъ отговорокъ капиталистъ согласился взять на себя поставку муки на предложенныхъ ему условіяхъ, цѣною отъ 2-хъ до 2 рубл. 50 коп. съ пуда. „Итакъ, abgemacht!“ сказалъ губернаторъ, но прибавилъ просьбу, чтобы его коммиссіонеръ ничего не предпринималъ, прежде чѣмъ не получитъ офиціальнаго на бумагѣ приглашенія и не подпишетъ формальнаго контракта.

Черезъ два-три дня губернаторъ предложилъ полицмейстеру распустить по городу слухъ, будто онъ командируется въ Ригу по секретнѣйшему политическому дѣлу, но чтобы черезъ Вильну, Динабургъ и Брестъ онъ спѣшно ѣхалъ въ обильныя урожаемъ южныя губерніи и тамъ договорилъ богатѣйшихъ представителей хлѣбной торговли доставлять хлѣбъ, сколько бы его ни потребовалось, въ назначенные заранѣе сроки и на заранѣе указанные пункты. Все было слажено и улажено, и никто ничего не зналъ; всѣ недоумѣвали, откуда возмется хлѣбъ и какъ безмѣрно высоки будутъ на него цѣны. Настала осень, и въ Ковнѣ открылись на частныя пожертвованія и столовыя (Христіанская и Еврейская кошерная) и помѣщенія для набѣжавшей въ городъ нищеты и голытьбы кутниковъ, тысячи въ четыре душъ, и все это кормилось и обогрѣвалось даромъ. Кромѣ того, мнѣ посчастливилось прочитать собственноручное письмо князя Михаила Александровича къ Государю Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, объ участи бѣдныхъ чиновниковъ, пере-

живавшихъ второй голодный годъ при скудномъ содержаніи. Отвѣтомъ на это письмо была телеграмма, которая извѣщала губернатора, что немедленно высылается въ его распоряженіе для раздачи бѣднымъ чиновникамъ 10 тыс. руб. и объ усиленіи пособія отъ Монаршихъ щедротъ обѣщается ходатайство, которое, конечно, увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Хлѣбъ по всей губерніи продавался вплоть до новаго, кажется, по 90 к. за пудъ, и остатки запасовъ удалось съ барышомъ продать на Рижскомъ и Митавскомъ хлѣбныхъ рынкахъ.

Объ этой грозившей тогда великими бѣдами Ковенской губерніи эпохѣ голода пускай отзовется въ печати тогдашній полицмейстеръ, а нынѣшній городской голова города Ковны. Ему тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сдѣлать, что его городъ всѣми начатками нынѣшняго своего благоустройства обязанъ тѣмъ работамъ, которыя именно въ голодный годъ производились голытьбой по указанію нынѣ почившаго князя Михаила Александровича и конечно за плату изъ продовольственнаго капитала.

Увѣрены мы, что добромъ помянетъ почившаго князя и Ковенское Свято-Никольское Православное Братство; ибо по ходатайству князя тогдашній Цесаревичъ, нынѣ Государь Императоръ, благоволилъ осчастливить Братство пожертвованіемъ значительнаго вклада для образованія неприкосновеннаго капитала, процентами съ котораго и теперь содержится и, благодаря нынѣшнему Ковенскому губернатору, генералъ-майору Мельницкому, уже строится домъ-пріютъ Ковенскаго Братства.

Не менѣе увѣрены, что не забыло князя Михаила Александровича и сельское населеніе Ковенской губерніи, хотя бы потому, что подъ его управленіемъ оно успѣло выплатить скопившіяся на немъ за годы мятежа милліонныя недоимки казенныхъ сборовъ. Кстати укажемъ на то, что недавно разсматривавшійся въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ о такъ-называемыхъ вольныхъ людяхъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ былъ впервыя поднятъ и—сказать бы—практически разрѣшенъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Чтобы характеризовать, какъ глубоко разумѣлъ князь Оболенскій историческое значеніе совершившихся въ ту пору въ Сѣверозападныхъ губерніяхъ событій и громаднаго движенія Бѣлорусцевъ къ Православію, позволю себѣ привести тогда же слышанный мною отъ самого князя (а, можетъ быть, записанный имъ) разсказъ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ онъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, имѣлъ счастіе представляться Государю Императору. Помимо обыкновенія и сверхъ чаянія, въ Бозѣ почившій Царь-Освободитель на сей разъ удостоилъ Ковенскаго губернатора особой аудіенціи.

— Здравствуй, садись и разсказывай, что́ у васъ тамъ дѣлается. Въ народѣ возродилось движеніе къ Православію? прибавилъ Государь вопросительно.

„Простите, Ваше Императорское Величество, если на Вашъ вопросъ позволю себѣ отвѣчать сравненіемъ. Начавшееся при покойномъ родителѣ

Вашемъ въ Сѣверозападномъ краѣ великое историческое событіе со славою завершилось 25-го Марта 1839 года. Въ то время и начало, и постепенное совершеніе его, и самое торжество, все это если не въ Русскихъ газетахъ (потому что ихъ тогда почти не было), то въ разныхъ и особенно въ высшихъ сферахъ Русскаго общества, а всего болѣе въ заграничной политической печати перетолковывалось, выставлялось и осуждалось какъ актъ непозволительнаго насилія въ области совѣсти, и кто же не знаетъ, что и это безспорно исторически-великое дѣло прошлаго царствованія въ мелкихъ подробностяхъ своихъ не обошлось безъ промаховъ, ошибокъ, увлеченій, преувеличеній, злоупотребленій и даже, можетъ быть, преступленій. Но время сгладило слѣды возможныхъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ недостатковъ и занесло на страницы отечественной Исторіи одно величіе совершеннаго незабвеннымъ Государемъ дѣла. Точно тоже совершается и теперь. Не позволю себѣ скрыть отъ Вашего Императорскаго Величества, что и въ нынѣшнемъ движеніи Бѣлоруссцевъ къ Православію легко можно найти и указать слѣды несовсѣмъ законныхъ увлеченій всякаго рода со стороны мелкихъ исполнителей. Предупреждать и устранять ихъ послѣдствія лежитъ на обязанности мѣстной администраціи. Но смѣю увѣрить Ваше Величество, что и теперь, какъ тогда, слѣды человѣческихъ слабостей исчезнутъ, а совершающееся великое дѣло перейдетъ въ Исторію.

— Спасибо тебѣ: ты меня утѣшилъ и успокоилъ, сказалъ Государь.

Если и въ наши дни истинно - Русскому духомъ губернатору не легко служить въ Ковенской губерніи, то можно себѣ представить, какими тяжелыми душевными процессами сопровождалась служба князя Михаила Александровича въ то недоброе время. Насилія Виленской администраціи не переставали тяготить его, и не безъ большаго труда удавалось ему отстаивать и спасать отъ изгнанія лучшихъ изъ своихъ сослуживцевъ. Не чувствуя себя въ силахъ одолѣть упорнаго губернатора, Виленская администрація пыталась подѣйствовать на него подкупомъ и предложила ему пріобрѣтеніе на льготныхъ условіяхъ большаго поіезуитскаго имѣнія; но отъ такой измѣны своему достоинству упорный князь наотрѣзъ отказался. Пишущій эти строки былъ пріязненно близокъ къ нему и по давнему съ нимъ и его родными знакомству, и по служебному положенію, отчасти зависѣвшему отъ губернатора. Многое мнѣ приходилось видѣть и знать, о чемъ помимо меня, да еще одного близкаго сослуживца, ни съ кѣмъ не дѣлился почившій ни словомъ, ни мыслію. Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что многое зналъ и близкій къ князю исторически-прославленный старецъ, архіепископъ Антоній (Зубко); но онъ жилъ въ девяти верстахъ отъ Ковны.

Предъ открытымъ гробомъ можно и должно мнѣ свидѣтельствовать, какъ много безсонныхъ ночей проводилъ князь Михаилъ Александровичъ за письменною работой. Былъ и такой случай, когда онъ шесть сутокъ къ ряду принималъ только одного полицмейстера и сидѣлъ, не разгибаясь, до отека въ ногахъ, за письменнымъ столомъ, засыпая едва часа на три къ утру. Къ такимъ работамъ до самозабвенія нудила живая нуж-

да дѣла—всегдашнее доказательство, что гражданская доблесть тяжелѣе военной по своей непрерывности. На долгій рядъ лѣтъ такая доблесть совсѣмъ невозможна, если сопровождается неслабѣющимъ противодѣйствіемъ со стороны высшаго начальства. У насъ и это едва мыслимое зло было зауряд возможно въ то время. Вотъ почему князь Михаилъ Александровичъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности Ковенскаго губернатора въ Январѣ 1874 года.

Въ Ноябрѣ того же года принялъ онъ должность Воронежскаго губернатора. О тамошней его дѣятельности намъ мало извѣстно. Знаемъ только, что по Высочайшему повелѣнію пришлось ему сопровождать въ Вѣну захворавшаго тогда шефа жандармовъ, А. Л. Потапова. Изъ Воронежа также во время послѣдней Русско-Турецкой войны былъ онъ назначенъ въ 1877 году коммиссаромъ при Румынскомъ правительствѣ. Въ этомъ званіи успѣлъ онъ доказать, что не наше правительство Румынскому, а наоборотъ, Румынское нашему должно шесть милліоновъ рублей (которые и подарены ему), и что претензіи Румынскихъ поставщиковъ на нашу армію простираются не за 30 милліоновъ рублей, а всего до 8 милліоновъ франковъ. За эту услугу почившій князь получилъ званіе статсъ-секретаря, а потомъ и сенатора.

Таковъ въ общихъ очеркахъ служебный путь, пройденный вчера почившимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ.

Остается сказать о послѣднихъ дняхъ и минутахъ его жизни. Въ предпослѣдній для него вечеръ, когда неодолимая болѣзнь вошла въ свою полную силу, по совѣту съ докторомъ, княгиня рѣшилась пригласить священника. Больной открылъ глаза и узналъ своего духовника. „Я услыхалъ, что вы болѣете, и пришелъ помолиться вмѣстѣ съ вами“, такъ началъ духовный отецъ.—Очень радъ, очень радъ, шепталъ задыхавшійся больной. „Не угодно ли исповѣдываться и пріобщиться Св. Таинъ?“ — Буду очень счастливъ, очень счастливъ, шепталъ болящій. Оба таинства совершены были надъ нимъ при полномъ его сознаніи, и около двухъ часовъ послѣ того больной казался умиленно-покойнымъ, хотя и не переставалъ страдать. Къ наибольшему его сожалѣнію при немъ не было дѣтей: они успѣли пріѣхать только на другой день по его кончинѣ. При немъ была неотступно только княгиня и поочередно родные его племянники; одинъ изъ нихъ провелъ съ княгиней и послѣднюю предсмертную ночь, а двумъ племянникамъ (изъ коихъ одинъ не родной) довелось и закрыть глаза почившему. Въ полночь больной потребовалъ доктора. „Если дыханіе прерывается, пошлите за священникомъ, пошлите, если прерывается“... шепталъ едва дышавшій. Духовный отецъ не заставилъ себя ждать. Молились они сперва на глазахъ княгини и племянника, потомъ вдвоемъ бесѣдовали, и, умиленный бесѣдой духовникъ сказалъ княгинѣ: „Успокойтесь, онъ умираетъ какъ истинный христіанинъ“. Еще въ присутствіи священника умиравшій умиленно просилъ жену простить его и не переставалъ цѣловать ея руки; вспоминалъ о дѣтяхъ, жалѣлъ, что ихъ нѣтъ и мысленно крестилъ, когда княгиня называла по имени каждаго сына и каждую

дочь съ ихъ дѣтьми. Когда священникъ вышелъ, больной сказалъ: „Adieu, tout est fini à présent; mais je voudrais bien avoir de la force pour écrire“... А qui?... На этомъ однакоже я долженъ прервать, не будучи уполномоченъ объявлять послѣднее желаніе умиравшаго... Около 9 часовъ утра больной снова потребовалъ священника. Духовный отецъ накрылъ ему эпитрахилью голову, и при послѣднихъ словахъ отходной молитвы живаго человѣка не стало. Умеръ христіанинъ.

Да, надобно, больше всего надобно быть вѣрнымъ сыномъ своей церкви, чтобы жизнь прожить вѣрнымъ слугой Царя и Отечества, а въ гробъ лечь съ глубоко-покойнымъ выраженіемъ въ чертахъ лица.

Некрологъ мой главнымъ образомъ очертилъ службу князя Михаила Александровича въ Ковенской губерніи. Какъ личный наблюдатель этой службы, заявляю отъ имени всѣхъ тогдашнихъ его сослуживцевъ (потому что со всѣми ими имѣлъ и до сихъ поръ имѣю честь состоять въ дружбѣ), что всѣ мы, за то именно, что со всѣхъ насъ при самомъ вступленіи своемъ въ должность Ковенскаго губернатора князь Михаилъ Александровичъ *какъ рукой снялъ* нагнанные Польскою интригой страхи личной участи, а также и за все сдѣланное имъ на нашихъ глазахъ въ пользу Русскаго дѣла, и теперь напутствуемъ его въ разверзающуюся могилу и впредъ до нашей могилы будемъ ото всего сердца сопровождать напоминаніе его имени христіанскимъ напутствіемъ: царство ему небесное и вѣчная память!

Н. Н.

Петербургъ,
7 Марта 1886 г.

Полное собраніе „Русскаго Архива“ составляетъ цѣлую историческую библіотеку.

Лица, желающія пополнить свое собраніе „Русскаго Архива“ за всѣ двадцать четыре года, могутъ отчасти знакомиться съ его содержаніемъ по особо изданной **Росписи** за первыя двадцать лѣтъ, которая была разослана подписчикамъ 1883 года и которую можно получать отдѣльно (по одному рублю съ пересылкою). Кромѣ того, на оберткахъ прошлаго года печаталось подробное содержаніе „Русскаго Архива“ за тѣ годы, которые еще имѣются въ продажѣ, а именно: **1874, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881** и **1884** гг. Нѣсколько полныхъ экземпляровъ **1885** года также еще есть на лицо. Остальныя годовыя изданія давно вышли изъ обыкновенной продажи, и нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались книжною рѣдкостью, такъ что за нихъ приходится платить двойныя и тройныя цѣны.

Контора „Русскаго Архива“ принимаетъ на себя составленіе полнаго собранія за всѣ двадцать четыре года, по цѣнѣ

двѣсти рублей

съ пересылкою, но не иначе какъ въ полугодовой срокъ по заявленіи и съ полученіемъ впередъ **ста** рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1886 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Русскій Архивъ, историческое изданіе, посвященное преимущественно всестороннему изученію Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1886 году **двѣнадцать разъ** въ годъ книжками отъ 7 до 10 листовъ каждая.

Годовая цѣна Русскому Архиву въ 1886 году съ пересылкою и доставкою на домъ — **девять** рублей.

Для Германіи — **одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ Русскаго Архива, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884 и 1885 получаются въ Москвѣ, въ Главной Конторѣ, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 — 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.